

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ЯНВАРЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Житейскія встрѣчи. (Изъ воспоминаній судебного дѣятеля). А. Ф. Кош.	3— 21	1909 г.г.). Плана Янжула.	133—148
II. Переписка Карла IX-го съ самозванцами. П. Пирлинга.	22— 24	XII. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона	149—169
III. Встрѣчи на жизненномъ пути. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. П. М. Ковалевскаго.	25— 46	XIII. Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоумѣнію“. Сообщ. А. В. К.	170—176
IV. Два года.—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ. Николая Полевого.	47— 63	XIV. По Вальтеръ-Скотту. А. Жиркевича.	177—189
V. Воспоминанія о Гоголѣ. С. Глѣбова.	65— 74	XV. Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Биографическія свѣдѣнія объ А. П. Поповѣ) Ал. Попова.	191—204
VI. Аракчеевская премія. С. Никольскаго.	75— 80	XVI. Воспоминанія жизни Ф. Г. Тернера	205—233
VII. Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинниваетъ Карелию. В. П. Крохина.	81— 92	XVII. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. В. Тимошукъ.	234—240
VIII. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Принца Ивановны Оннорэ, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. П. Оннорэ.	95—108	XVIII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
IX. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). И—чъ.	109—131	а) „Я это давно зналъ“. (Изъ воспоминаній о шестидесятыхъ годахъ). А. А—ха.	64
X. Памяти О. В. Поповой.	132	б) Два повелѣнія Петра Великаго. Сообщилъ Ал. Алекс. Лебедевъ.	93— 94
XI. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—		в) „Лѣсные“ кадеты — на парадахъ. Сообщ. Мих. Соколовскій.	190
		XIX. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложенія: 1) Павелъ Осиповичъ Пирлингъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ.
2) Факсимиле рукописи Тернера: мѣткіе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

Издание **Великаго Князя Николая Михайловича**. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 3-й. 1909 г.

Въ новомъ прекрасномъ выпускѣ „Русскихъ портретовъ“ даны портреты Строгановыхъ, Демидовыхъ, Браницкихъ, Гагариныхъ, Паниныхъ и друг. Очень интересенъ превосходный портретъ Е. И. Нелидовой, приписываемый Вуалю и принадлежащій княгинѣ Е. Н. Голицыной; до сихъ поръ онъ не былъ извѣстенъ. Онъ подрываетъ распространенное мнѣніе о непривлекательной внѣшности знаменитой пріятельницы романтическаго императора и нѣсколько открываетъ въ лицѣ Нелидовой тѣ симпатичныя свойства ума и сердца, которыя привязали къ ней ея царственнаго рыцаря.

Н. Л.

Проф. С. Ө. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Сиб. 1909. Стр. 258. Цѣна 90 коп.

Учебный курсъ, составленный извѣстнымъ нашимъ ученымъ, долженъ быть разсматриваемъ преимущественно какъ руководство для *старшихъ* классовъ средней школы. Характеръ его определяется словами самого автора (стр. 1—2): „Главное содержаніе курса русской исторіи долженъ составлять рассказъ о томъ, какъ изъ названныхъ отдѣльныхъ племенъ постепенно образовался единый русскій народъ, и какъ онъ занялъ то громадное пространство, на которомъ теперь живетъ; какъ образовалось среди русскихъ славянъ государство, и какія перемѣны происходили въ русскомъ государственномъ быту до тѣхъ поръ, пока онъ не принялъ современной намъ формы Россійской Имперіи. Рассказъ объ этомъ дѣлится на три части. Въ первой излагается исторія первоначальнаго Кіевскаго государства, объединившаго все мелкія племена вокругъ одной столицы—Кіева. Во второй предлагается исторія тѣхъ государствъ (Новгородскаго, Литовско-Русскаго и Московскаго), которыя образовались на Руси вслѣдъ за распаденіемъ Кіевскаго государства. Въ третьей, наконецъ, излагается исторія Русской Имперіи объединившей въ себѣ все земли, заселенныя русскими народностями въ разныя времена“. Такимъ образомъ въ курсъ включено все то, что имѣетъ близкое отношеніе къ возникновенію, росту и укрѣпленію государственныхъ началъ въ древней Руси, и подъ этимъ угломъ зрѣнія разсматриваются все важнѣйшія явленія нашего прошлаго. Предварительно авторъ по обычаю знакомитъ учениковъ съ древнѣйшимъ населеніемъ, страной и съ тѣми элементами, которые въ будущемъ вошли въ Московское государство. Каждая ступень въ ходѣ политической дѣятельности охарактеризована яркими, живыми чертами: послѣдствія принятія Русью христіанства, успѣхи гражданственности въ Кіевской Руси, образование новыхъ государственныхъ центровъ, развитіе удѣльнаго порядка, переходъ изъ удѣльнаго быта въ государственный, Смутное время, исторія XVII вѣка послѣ Смуты изложены со свойственной автору ясностью и выразительностью. Наиболее трудный для учащихся отдѣлъ—Смутное время—представляется въ учебникѣ особенно удачнымъ, благодаря стройности принятой системы. Во-первыхъ, время царя Ивана IV Грознаго включено въ ту же главу, во-вторыхъ точно опредѣлены три періода: 1) борьбы бояръ за власть и престолъ, 2) борьбы низшихъ классовъ (казачества) противъ высшихъ (землевладѣльцевъ) и 3) борьбы русскихъ людей вообще съ иноземными врагами и своими „ворами“.

Не касаясь общаго, намѣченнаго составителемъ, плана, не дающаго возможности развить вопросы религіозные, литературные, вопросы искусства (послѣднимъ во всѣхъ учебникахъ отводится ничтожное мѣсто, а между тѣмъ при отсутствіи самостоятельнаго предмета русскіе люди выходятъ изъ средней школы вовсе непросвѣщенными въ этой области), хотѣлось бы однако замѣтить, что при данной системѣ можно нѣсколько подробнѣе сказать о такихъ важныхъ функцияхъ государственной дѣятельности, какъ боярская дума, земскіе соборы и судъ (княжескій и московскій). Во всемъ остальномъ трудно назвать другой курсъ столь удовлетворяющій нуждамъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Учебникъ Соловьева устарѣлъ, а Ключевскаго есть лишь краткое пособіе для университетскихъ слушателей. Прибавимъ еще, что курсъ написанъ тѣмъ чистымъ, простымъ, сжатымъ и мѣткимъ слогомъ, какимъ отличаются блестящія лекціи того же профессора.

В. Я.

А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. Біографическій очеркъ. Вильна, 1909.

При общеизвѣстной провинціальной скудости культурныхъ силъ иной разъ даже небольшой человекъ приобретаетъ крупное общественное значеніе и изъ рядовой единицы становится десяткой. О такой единицѣ интересно рассказалъ въ своей новой книгѣ А. В. Жиркевичъ. И. И. Орловскій, скромный учитель епархіальнаго училища, былъ человекъ безъ крупнаго литературнаго таланта, безъ широкаго общественнаго кругозора, но страстно любилъ старину и много работъ посвятилъ прошлому Смоленска и смоленскаго края, о которомъ написалъ рядъ книгъ, статей и замѣтокъ; онъ былъ смолянинъ. Орловскій принадлежалъ отчасти къ типу, который его біографъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ и теплымъ сочувствіемъ характеризуетъ умными и вѣрными чертами. „Въ моихъ скитаніяхъ по отечеству непремѣнно наталкивался я тамъ, гдѣ менѣе всего ожидалъ встрѣтить, на какого-либо мѣстнаго „Нестора-лѣтописца“, трудолюбиво, самоотверженно, съ любовью записывающаго дѣянія текущей жизни, факты и преданія давно-прошедшаго, рассказы бабушекъ и прабабушекъ, крѣпостныхъ, вельможъ, смертныхъ, спасающаго

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВЕЕВ
БОР. ГОЛИЦЫН
ГОЛОВИНЫ

ПОСОШКОВ
ШАФИРОВ
МАКАРОВ

Ө. ВОЛКОВ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОЛ. КУТУЗОВ

ТАТИЩЕВ
ШЛЕЦЕР
ГЕРАРД МИЛЛЕР
ИЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ

СПЕРАНСКИЙ
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ
ГРИБОЕДОВ
ПУШКИН

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

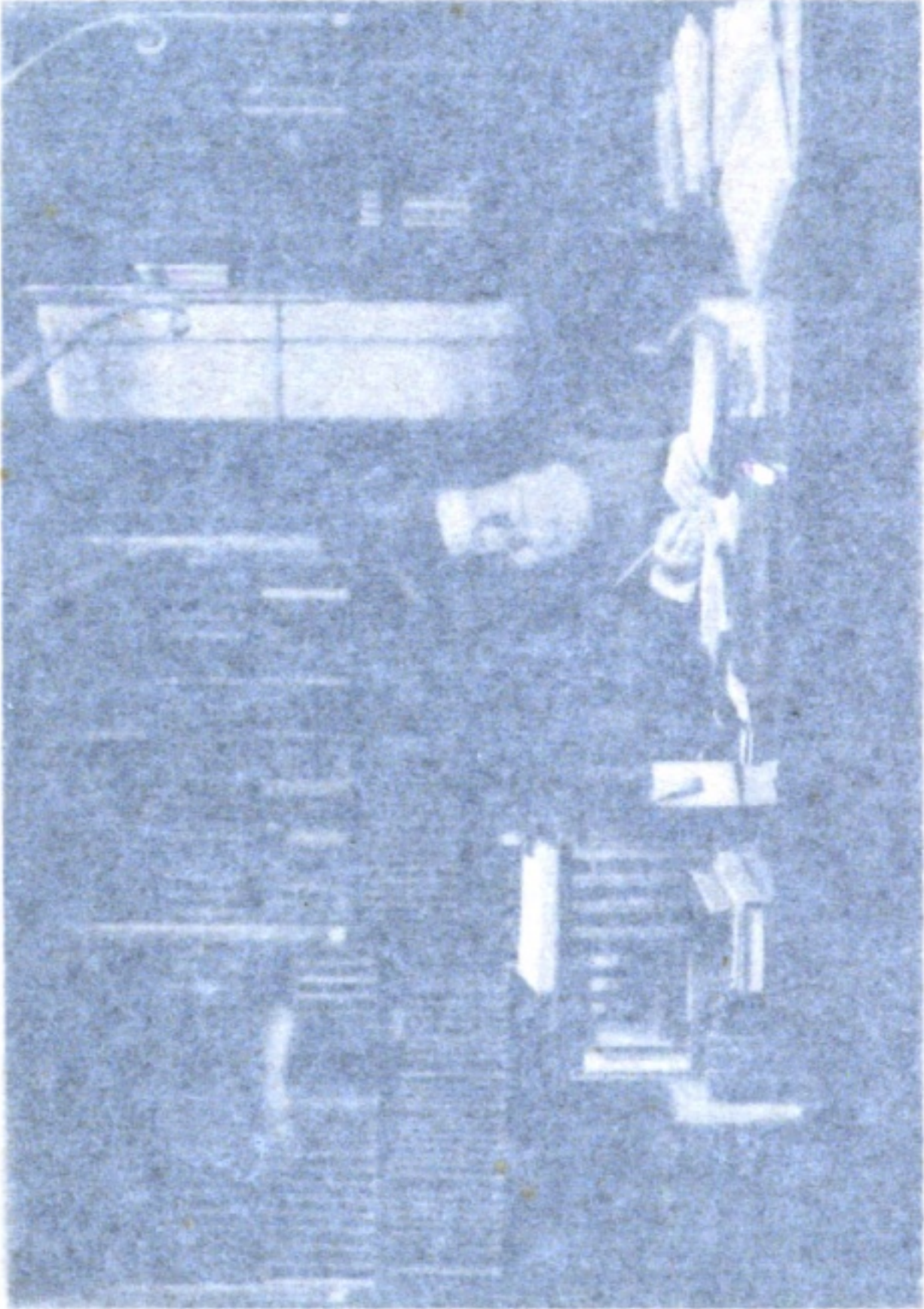
1910.

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

ИЛЛ. К. БУДНЪ

Воспоминания

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СТ

“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семева**. **Д. А. Скалонъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣпова, Побѣлоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ө. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламанскаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н. —ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“ — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ

“

”

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1910.

ЯНВАРЬ, — ФЕВРАЛЬ, — МАРТЬ.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1910.

Житейскія встрѣчи.

(Изъ воспоминаній судебного дѣателя).

III.

правдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей Петербургскаго окружнаго суда, вынесенный ими 31 марта 1878 г. по дѣлу Вѣры Засуличъ, произвелъ на нервно настроенное—вслѣдствіе множества разнообразныхъ причинъ—общество чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ вызвалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ общественныхъ и оффиціальныхъ кругахъ цѣлую бурю негодованія на судъ и, конечно, на предсѣдателя по этому дѣлу. Когда эта буря зашумѣла вокругъ меня съ особенной силой, мною почувствовалась потребность уйти на время отъ тягостныхъ впечатлѣній петербургскаго служебнаго міра, чтобы хоть немного отдохнуть среди далекихъ друзей въ иной обстановкѣ—и я рѣшился поѣхать въ Харьковъ, гдѣ протекли первые годы моей публичной судебной дѣятельности, и съ которымъ у меня былъ связанъ рядъ теплыхъ воспоминаній. Хотя со времени оставленія мною Харькова прошло восемь лѣтъ той кипучей личной жизни, которая окружаетъ человѣка въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ его существованія, но я зналъ, что Харьковъ меня еще помнитъ и любитъ, считая *своимъ*. Можно было быть увѣреннымъ, что тамъ я найду атмосферу симпатій, которая хоть на время заставитъ смягчиться душевную боль, вызванную во мнѣ предложеніемъ о выходѣ въ отставку, предъявленнымъ несмѣняемому судѣ за то, что онъ былъ слугою правосудія, въ условіяхъ начертанныхъ Судебными Уставами, а не услужливымъ пособникомъ осуществленія предвзятыхъ рѣшеній;—вы-

званную также и беззастѣнчивымъ предательствомъ, которое меня окружило со всѣхъ сторонъ подъ вліяніемъ травли вліятельныхъ газетъ и предположеній, что я, въ служебномъ отношеніи, несомнѣнно „сломиль себѣ шею“. Я выѣхалъ въ пятницу на Страстной съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской дороги, получивъ въ вагонѣ II-го класса крайне неудобное мѣсто противъ стѣнки, что мѣшало вытянуть ноги и среди ночи оказалось очень мучительнымъ, такъ какъ мѣсто рядомъ было занято какимъ-то грузнымъ господиномъ, усѣвшимся на двухъ третяхъ скамейки и прижавшимъ меня въ уголь. Его нафабранные усы на морщинистомъ лицѣ, подкрашенные рѣдкіе волосы „съ височками“ и тугой высокій галстукъ давали поводъ думать, что это отставной военный. Ко мнѣ онъ относился строго, задавъ мнѣ два или три лаконическихъ вопроса въ теченіи пути, тѣсня меня во время мучительной желѣзнодорожной ночи и говоря мнѣ, при попыткахъ моихъ перемѣнить положеніе, строго и внушительно: „м—м—молодой человѣкъ! в—в—вы меня толкаете“. Но я былъ оглушенъ „шумомъ внутренней тревоги“ и не обращалъ вниманія на его отношеніе ко мнѣ.

Утромъ, когда мы подъѣзжали къ Москвѣ, мой спутникъ досталъ изъ картонки цилиндръ, пригладилъ его, надѣлъ взамѣнъ старой фуражки и положилъ въ ротъ гвоздичку. Ея аромат очевидно смягчилъ его сердце. Онъ въ первый разъ благосклонно взглянулъ на меня и, двинувъ бровями по направленію къ окну, сказалъ многозначительно: Кунцево!—Нѣтъ—отвѣчалъ я—Останкино.—Вы это навѣрно знаете?—Да, навѣрно.—Вы хорошо знаете Москву?—Да, хорошо.—Учитесь тамъ?—Нѣтъ, кончилъ.—Служите?—Да, служу.—Въ самой Москвѣ?—Нѣтъ, въ Петербургѣ.—А—а!—протянулъ себе сѣдникъ, взглянувъ на меня еще болѣе благосклонно—въ Петербургѣ служба чистая, благородная.—Всякая есть! Какъ кто смотритъ!—А хорошій городъ! Я въ деревнѣ прожилъ 20 лѣтъ, выйдя въ отставку, а теперь вотъ пробылъ два мѣсяца въ Петербургѣ. Много нашелъ новаго. Невскій-то какимъ сталъ! Прежде бывало за „вшивой биржей“, противъ Троицкаго переулка и смотрѣть было не на что; Николаевская, помнится тогда—еще Грязною называлась и была немощеная,—да вотъ и конки тоже... совсѣмъ новое дѣло! Интересный городъ! Богъ знаетъ, когда попаду опять. Хотѣлось всего насмотрѣться. Только вотъ въ судъ не могъ попасть, на дѣло Засуличъ. Слышали, вѣроятно? Билеты надо было у предсѣдателя получать, ну а я съ нимъ не знакомъ. Да и гдѣ ужъ тамъ? Вѣроятно, желающихъ было безъ конца. А вы видѣли кого-нибудь, кто тамъ былъ?—Я былъ самъ на этомъ дѣлѣ—отвѣчалъ я, стараясь скрыть невольную улыбку.—И попали?—Попалъ.—Ну, и что же, я думаю

наканунѣ съ ночи пришлось придти сторожить себѣ мѣсто?—Нѣтъ, я пришелъ въ 11 часовъ.—Ну, такъ я думаю публики, какъ сельдей въ боченкѣ было? Ни дохни, ни повернись?—Я сидѣлъ не въ публикѣ, а по ту сторону судейскаго стола.—Эге, батюшка! Да у васъ, видно, дядя сенаторъ, что вамъ такое мѣсто устроилъ. Ну, ужъ я думаю тутъ сиди, какъ прикованный и вставать не моги: сейчасъ займутъ мѣсто!—Нѣтъ, моего мѣста—сказалъ я—никто бы въ этотъ день не занялъ, да и едва-ли и пожелалъ бы занять...

Мой собесѣдникъ взглянулъ на меня удивленно и высокомерно спросилъ меня: „любопытно знать, какое же это такое мѣсто у васъ было, молодой человѣкъ?“. Молодой человѣкъ, которому было уже 34 года, потупился и скромно сказалъ, что онъ — предсѣдатель Петербургскаго окружнаго суда и, ведя процессъ, сидѣлъ на принадлежащемъ ему главномъ мѣстѣ за судейскимъ столомъ. — „Не правда! Не можетъ быть!“—воскликнулъ его собесѣдникъ. Но, затѣмъ, должно быть убѣдясь, что присвоивать себѣ званіе предсѣдателя Петербургскаго суда едва-ли кто станетъ, сразу перемѣнилъ тонъ, сдѣлался любезенъ до приторности, помогъ завязать ручной багажъ и сталъ усердно рекомендовать остановиться въ Москвѣ на какомъ-то подворьѣ. „Очень дешево, тихо—и клоповъ—прибавилъ онъ многозначительно—ни, ни, ни!“

На другой день, т. е. въ Пасхальное воскресенье, въ настоящее свѣтлое воскресенье по погодѣ, я выѣхалъ изъ Москвы, когда ликование пробуждавшейся природы вторилъ несмолкаемый и радостный гулъ московскихъ колоколовъ. Меня провожалъ на станцію курской желѣзной дороги мой покойный другъ—благородный, суетливый и несчастный Александръ Ивановичъ Барановскій, бывшій Петербургскій столичный мировой судья. Поездъ былъ почти пустой. Кондукторы были подъ хмѣлькомъ, и въ купе для некурящихъ I-го класса былъ лишь одинъ пассажиръ, съ которымъ Барановскій поздоровался, позабывъ мнѣ сказать, съ кѣмъ мнѣ придется ѣхать. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ мягкими чертами задумчиваго и мыслящаго лица, въ золотыхъ очкахъ, сквозь которыя глядѣли добрымъ и вмѣстѣ серьезнымъ взглядомъ сѣрые глаза. Въ очертаніяхъ лица сквозилъ отдаленный татарскій типъ, но русая съ просѣдью густая борода придавала ему, вмѣстѣ съ мягкой складкой губъ, славянскій характеръ. Мы долго ѣхали молча, — онъ читалъ какую-то рукопись, а я погружился въ чтеніе только что вышедшаго II-го тома „Les origines de la France contemporaine“ Тэна, не предчувствуя еще, что мнѣ, въ перелицовкѣ на русскіе нравы, придется пережить кое-что изъ этого, да пожалуй и изъ слѣдующихъ томовъ, замѣчательнаго труда

Тэна. На одной изъ большихъ станцій, — кажется въ Серпуховѣ — я вышелъ изъ вагона и когда вернулся, то засталъ своего спутника съ моей книжкой Тэна въ рукахъ, на первой страницѣ которой были написаны мое имя и фамилія. Онъ извинился и, сказавъ, что не читалъ еще этой книги, спросилъ мое объ ней мнѣніе. Мы разговорились. Онъ оказался человѣкомъ разносторонне-образованнымъ, живымъ и вдумчивымъ, съ чрезвычайно привлекательнымъ складомъ умной и содержательной рѣчи, и мы провели въ пріятной и оживленной бесѣдѣ почти все время до ночи. Разговоръ касался главнымъ образомъ литературы, поводомъ къ чему послужило мое указаніе на удивительную книгу того же Тэна „Essais sur Tite Live“, которая представляетъ собою непревзойденный, на мой взглядъ, образецъ литературно-исторической критики. Собесѣдникъ очевидно принадлежалъ къ высоко-образованному кружку московскаго общества, имѣя обширныя знакомства и связи въ Москвѣ, тогда еще не пріобрѣтшей нѣкотораго оттѣнка богатаго коммерческаго самодовольства, покрытаго лишь тонкимъ слоемъ легко стираемаго европейскаго лака. Онъ рассказалъ мнѣ много интересныхъ подробностей о даровитой писательницѣ Кохановской, о М. П. Погодинѣ и между прочимъ о моемъ дядѣ Вельтманѣ и объ оригинальномъ кружкѣ, собиравшемся у послѣдняго въ казенномъ домѣ, гдѣ была квартира директора Оружейной Палаты, у Покрова въ Левшинѣ.

Назидательная бесѣда моего спутника перешла затѣмъ на вопросы искусства, педагогій и философіи, но онъ тщательно избѣгалъ говорить о современныхъ намъ дѣлахъ, несмотря на мои попытки вызвать его на подобный разговоръ. Только о славянскомъ вопросѣ по поводу книги Спасовича и Пыпина по исторіи славянскихъ литературъ онъ нѣсколько распространился, но вскорѣ перешелъ къ воспоминаніямъ объ оригинальномъ Московскомъ профессорѣ Бодянскомъ. Наконецъ объяснилось, почему онъ избѣгалъ касаться злобы дня. На его вопросъ, куда я ѣду, я отвѣчалъ, что ѣду въ Харьковъ, нуждаясь въ нравственномъ отдыхѣ послѣ всего пережитого мною въ послѣднее время. — „По дѣлу Засуличъ?“ — спросилъ онъ, давая мнѣ понять, что знаетъ, кто я. Назвалъ ли ему меня Барановскій, или онъ прочелъ мое имя на книгѣ, но повидимому онъ имѣлъ основаніе предполагать, что и я знаю, кто онъ такой. Мнѣ же было какъ-то неловко его спросить объ этомъ. — „Извините меня, — сказалъ онъ мнѣ — я не принадлежу къ вашимъ сторонникамъ въ этомъ процессѣ, хотя и не раздѣляю тона и характера нападокъ на васъ Каткова. Какъ могли вы допустить присяжныхъ произнести оправдательный приговоръ“?

Объяснивъ ему законную роль, права и обязанности председа-

теля на судѣ присяжныхъ, не могущаго быть отвѣтственнымъ за ихъ приговоръ, произносимый по внутреннему убѣжденію,—и въ то же время не имѣющаго права ни играть съ ними въ *прятки*, ни ихъ заставлять играть въ *жмурки*, при чемъ онъ грубо нарушилъ бы святой долгъ судьи, если бы сталъ оказывать давленіе на ихъ совѣсть, голосъ которой долженъ звучать въ *свободно* выработанномъ рѣшеніи,—я рассказалъ ему вкратцѣ всю исторію возникновенія и разбора этого дѣла. Она изложена мною въ особыхъ воспоминаніяхъ и повторяеть ее здѣсь не у мѣста. Онъ слушалъ чрезвычайно внимательно, изрѣдка прося разъясненій технического свойства, и когда я кончилъ, сказалъ мнѣ, предварительно на нѣсколько минутъ задумавшись: „да, я вижу, вы—правы и вели себя, какъ подобаеть судѣ. Я беру назадъ мой упрекъ, но судьба поставила васъ въ положеніе по-истинѣ трагическое, возложивъ на вашу нравственную отвѣтственность тяжелую задачу“.—Я это сознаю—отвѣчалъ я ему—и признавалъ всегда. Но если бы мнѣ снова пришлось вести это дѣло, то и тогда, несмотря на все тяжелое, уже мною пережитое и на то, что вѣроятно еще придется пережить, я не считалъ бы согласнымъ съ закономъ вести его иначе, добываясь обвинительнаго приговора путемъ скриванія отъ присяжныхъ того, что было или казалось невыгоднымъ для обвиненія.—Наступала ночь. Обмѣнявшись еще нѣсколькими фразами, мы собирались лечь спать, когда мой спутникъ сказалъ мнѣ, что ѣдетъ въ Кіевъ къ больной матери и завтра утромъ въ 6 часовъ долженъ въ Курскѣ пересѣсть въ Кіевскій поѣздъ, такъ что мы пожалуй не увидимся. „Мнѣ крайне пріятно было съ вами встрѣтиться и узнать васъ ближе—прибавилъ онъ. Позвольте обратиться къ вамъ съ одною просьбою: вы, кажется, уже дочитываете Тэна, а мнѣ очень хотѣлось бы съ нимъ познакомиться до возвращенія въ Москву, гдѣ я буду черезъ недѣлю. Не можете ли вы мнѣ дать эту книгу, а по приѣздѣ вашемъ въ Москву, я вамъ ее завезу или быть можетъ вы найдете минутку, чтобы заѣхать ко мнѣ, чѣмъ доставили бы мнѣ большое удовольствіе“. Я отвѣчалъ полною готовностью исполнить его просьбу и вновь почувствовалъ крайнюю неловкость отъ того, что не знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло.

На другой день, рано утромъ въ Курскѣ, выйдя на платформу, я увидѣлъ его уже сидящимъ у окна Кіевского поѣзда. Онъ дружески привѣтствовалъ меня. Необходимость разрѣшить вопросъ о томъ, кто онъ такой, предстала передо мною съ особою ясностью, и я схватился за его заявленіе: „такъ въ Москвѣ мы увидимся!“—какъ за якорь спасенія.—Да, конечно, сказалъ я. Но, я не знаю вашего адреса.—Вотъ моя карточка съ адресомъ.—Я положилъ ее въ карманъ, не читая и тѣмъ поддерживая въ немъ иллюзію, что я знаю,

съ кѣмъ такъ чудесно провелъ въ долгой бесѣдѣ первый день Пасхи. Зазвучалъ первый звонокъ, съ томительными переливами засвисталъ оберъ-кондукторъ, и поѣздъ, медленно погромыхая, какъ будто нехотя выговаривая какое-то многозначительное слово своими колесами, двинулся въ Кіевъ. Я вынулъ карточку и прочелъ на ней: *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ*... Боже мой! воскликнулъ я невольно! и я этого не зналъ!... и въ воспоминаніи моемъ внезапно возникъ рассказъ, слышанный мною отъ другого Ивана Сергѣевича... Тургенева.

„Однажды въ Парижѣ, въ половинѣ 60 годовъ—разсказывалъ онъ—мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтрé. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и, сказавъ намъ: *je vais vous régaler de bon vieux vin*,—позвалъ свою *bonne pour tout faire* и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но, покуда она приносила покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ академическомъ словарѣ, составляемомъ Литтрé. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить. А какъ вамъ понравилось мое вино? спросилъ Литтрé.—Да, недурное *petit vin* отвѣтилъ, очевидно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ, Герценъ.—Какъ *petit vin*?! воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ хозяинъ. Да вѣдь это *Chambertin*, которому тридцать лѣтъ!! Вѣдь, это драгоценность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупоривать!.. Лицо его омрачилось, губы сложились въ саркастическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ него и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: а вѣдь старикъ-то очень обидѣлся.—А чортъ его возьми!—отвѣтилъ Герценъ, зачѣмъ же онъ не сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его совсѣмъ иначе пилъ“...

Боже мой,—сказалъ я себѣ—зачѣмъ не зналъ я, что это Аксаковъ. Я бы его *совсѣмъ иначе пилъ*. Я говорилъ бы съ нимъ о политикѣ, о славянофилахъ, о его отцѣ и братѣ и на его слова о важной отвѣтственности, принятой мною на себя веденіемъ дѣла Засуличъ, отвѣтилъ бы вопросомъ: ну, а вы, Иванъ Сергѣевичъ, съ вашими статьями, сыгравшими такую вліятельную роль предъ сербской и русско-турецкой войнами, развѣ не неизмѣримо большую отвѣтственность принимали на себя передъ Россіей? Наша встрѣча вызвала со стороны Аксакова, какъ оказалось впоследствии, лестный для меня, хотя и совершенно не заслуженный отзывъ. „До Курска ѣхалъ я съ К.—писалъ онъ своей супругѣ 18 апрѣля 1878 г. изъ Кіева—

предсѣдателемъ Петер. Окр. Суда, замѣчательно умнымъ, даровитымъ и очень хорошимъ человѣкомъ. Его рассказы были въ высшей степени интересны. Онъ оставилъ мнѣ книгу Taine „la Révolution“, которой по дорогѣ отъ Курска до Кіева я и прочелъ слишкомъ 200 страницъ. На Фоминой недѣлѣ, на обратномъ пути заѣдетъ къ намъ“. Но въ Москвѣ намъ видѣться не удалось, и мы лишь размѣнялись визитами. Я его встрѣтилъ во второй и послѣдній разъ лишь въ апрѣлѣ 1881 г., тоже на Пасхѣ, у Александра Ивановича Кошелева, на одномъ изъ оригинальныхъ вечеровъ послѣдняго, куда сходилась почти вся интеллигенція Москвы, и гдѣ подавали ужинъ на ломберныхъ, ничѣмъ не покрытыхъ, столахъ. Аксаковъ былъ подавленъ трагической кончиной Царя-Освободителя, былъ неразговорчивъ и съ мрачнымъ видомъ слушалъ шумныя выходки старика Сергѣя Андреевича Юрьева, позабывшаго, идя въ гости, надѣть галстухъ, и говорившаго съ чрезвычайной горячностью, не глядя на собесѣдника и брызжа при этомъ слюною. Аксаковъ пробылъ не долго и ушелъ все въ томъ же грустномъ и тревожномъ настроеніи. А одинъ изъ москвичей, видя, что я очень заинтересованъ оригинальною личностью Юрьева, рассказалъ мнѣ про феноменальную разсѣянность послѣдняго нѣсколько случаевъ. Два остались у меня въ памяти. Въ *одномъ*,—положивъ въ передней на столикъ свою зимнюю мѣховую шапку, Юрьевъ, уходя и попрощавшись съ хозяевами, второпяхъ и не глядя схватилъ рукою то, что считалъ своею мохнатою шапкою. Но шапка, поднятая въ воздухѣ, вдругъ фыркнула, испустила вопль и мяуканье и впила въ руку когтями и зубами. Въ *другомъ*,—идя гдѣ-то въ переулкѣ около Сухаревой башни, онъ горячо спорилъ съ однимъ изъ своихъ пріятелей и такъ брызгался слюною, что тотъ потихоньку отсталъ и отойдя въ сторону слѣдовалъ за нимъ. Юрьевъ ничего не замѣчалъ и, размахивая руками, продолжалъ споръ. „Нѣтъ, я тебѣ докажу, я тебѣ докажу“—кричалъ онъ—и вдругъ долженъ былъ остановиться. Предъ нимъ стоялъ пьяный мужикъ, широко разставивъ ноги и смотря на него мутнымъ взоромъ, говорилъ ему, съ трудомъ поворачивая языкъ: „ну, и что ты мнѣ, лохматый чортъ, доказать можешь?!“

IV.

Въ четвертомъ классѣ второй (нынѣ Александровской) Петербургской гимназіи, куда я поступилъ изъ нѣмецкой школы при церкви св. Анны, у меня былъ товарищъ Н. Г. П... воспоминаніе о

знакомствѣ съ которымъ связано у меня съ одною изъ тѣхъ житейскихъ переменъ въ человѣкѣ, къ которой примѣнимы стихи Некрасова:

„Ликуеть врагъ, молчитъ въ недоумѣннѣ
„Вчерашній другъ, поникнувъ головой...

Юный П—... былъ добрый, отзывчивый и способный мальчикъ, но съ чрезвычайно развитымъ самолюбіемъ, переходившимъ въ смѣшное тщеславіе. Онъ носилъ длиннѣйшіе ногти, длинные волосы и чуждался нашихъ дѣтскихъ игръ и забавъ, относясь къ нимъ презрительно и стараясь дать намъ понять, что онъ гораздо выше насъ по умственному развитію. А мы, какъ нарочно, были почти всѣ большими шалунами, хотя большинство изъ насъ училось прекрасно. Иногда эти шалости соединялись у насъ съ увлеченіемъ какимъ-либо изъ преподаваемыхъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, на насъ имѣлъ большое вліяніе учитель исторіи, незабвенный Владиміръ Ѳедоровичъ Эвальдъ. Его доброе и отчасти насмѣшливое отношеніе къ ученикамъ было соединено съ увлекательнымъ изложеніемъ предмета. Мы ждали его урока и слушали его съ радостнымъ чувствомъ. Однажды мы, мальчики, очень желавшіе быть взрослыми, написали на доскѣ: „gaudeamus igitur, juvenes dum sumus“. Эвальдъ вошелъ въ классъ и сталъ рассказывать свой урокъ, по привычкѣ ходя по классу. Увидѣвъ написанное на доскѣ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на насъ добрымъ и смѣющимся взглядомъ, взялъ губку стеръ слово „juvenes“ и написалъ „puerі“... Особенно увлекательно рассказывалъ онъ Крестовые походы, и нарисованная имъ картина душевнаго состоянія крестоносцевъ, узрѣвшихъ послѣ многихъ битвъ и долгихъ страданій Святой градъ и преклонившихъ предъ нимъ колѣна, до сихъ поръ—по прошествіи пятидесяти лѣтъ—стоитъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ. Мы тотчасъ же объявили себя крестоносцами, при чемъ маленькій горбунъ Майеръ, ходившій съ крючковой палкой, былъ произведенъ въ Петры Пустынники, а пожалованъ въ Готфриды Бульонскіе,—сосѣдній же классъ былъ признанъ сарацинами, и ему объявлена жестокая война. Надо сознаться, что наши крестовые походы, продолжавшіеся цѣлый мѣсяцъ въ большую переменъ между уроками, окончились для крестоносцевъ весьма плачевно: сосѣдній классъ оказался численно сильнѣе, да и у насъ произошелъ внутренній расколъ: нынѣшній тайный совѣтникъ и юрисконсультъ министерства внутреннихъ дѣлъ Я. А. Плющевскій-Плющикъ поднялъ знамя бунта и объявилъ себя султаномъ Килиджъ-Арсланомъ... Петръ Аміенскій былъ захваченъ въ плѣнъ, а Готфридъ Бульонскій, бывший „старшимъ“ въ классѣ и обязанный наблюдать за порядкомъ, былъ посаженъ въ карцеръ послѣ

одной неудачной атаки, окончившейся разбитіемъ стеколъ въ дверяхъ сосѣдняго класса. Ко всѣмъ этимъ происшествіямъ П... относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ возбудилъ общее противъ себя недовольство, такъ что нѣкоторыми рѣшено было его „проучить“. — *Cet âge est sans pitié*. Однажды онъ былъ крѣпко схваченъ, и его длинные, чуть не въ вершокъ, ногти, которыми онъ отчаянно царапался, сопротивляясь, были насильственно обстрижены. Операція прекратилась лишь съ приходомъ учителя, но все время урока П..., блѣдный и закусивъ нижнюю губу, бросалъ на меня свирѣпыя взгляды, почему-то (и при томъ совершенно несправедливо) считая меня зачинщикомъ всей этой затѣи. Съ этихъ поръ онъ преисполнился ненавистью ко мнѣ и еще болѣе замкнулся въ своемъ отчужденіи. Но, очевидно, его доброе сердце сильно страдало отъ этого, тѣмъ болѣе, что я пользовался почему-то нѣкоторой любовью товарищей и даже своего рода авторитетомъ, можетъ быть, потому, что охотно принималъ участіе во всѣхъ производимыхъ сообщашалостяхъ.

Лѣтомъ 1859 года мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ одинъ прекрасный день, во время завтрака, горничная подала мнѣ письмо, сообщивъ, что податель ожидаетъ отвѣта на улицѣ. Въ письмѣ заключалось восторженное объясненіе въ любви со стороны П... и предложеніе дружбы до гроба. Я выбѣжалъ къ нему, мы обнялись, оба расплакались, и въ залогъ нашей дружбы онъ мнѣ тутъ же поднесъ ракету собственнаго издѣлія, которую мы въ тотъ же вечеръ спустили на дворѣ, чуть не спаливъ всю дачу. Съ этихъ поръ мы стали часто видѣться, и онъ сдѣлался участникомъ общихъ предпріятій въ пятомъ классѣ, принявшихъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ въ предыдущемъ году. Мы стали издавать журналъ „Заря“ съ эпиграфомъ изъ Рылѣева: „Повѣрь, мой другъ, взойдетъ она, заря плѣнительнаго счастья—Россія вспрянетъ ото сна“... Журналъ однако былъ самаго невиннаго свойства и преимущественно наполнялся статьями по физикѣ и математикѣ. Въ этомъ же классѣ былъ великовозрастный воспитанникъ Ивановъ, круглый сирота, жившій изъ милости и по какимъ-то отношеніямъ у чиновника П—кова. Онъ потѣшалъ насъ стихами и комическими рассказами своего сочиненія и часто плакался на свою судьбу, рассказывая, какъ нерѣдко П—ковы заставляли его исполнять самыя черныя работы по квартирѣ. Однажды Ивановъ прибѣжалъ въ классъ, послѣ двухдневнаго отсутствія, до крайности разстроенный и со слезами рассказалъ намъ, что его благодѣтели заперли его за какую-то неисправность по хозяйству на ночь въ темную комнату, гдѣ былъ положенъ въ ожиданіи погребенія трупъ старухи-бабушки. Ивановъ плакалъ, говорилъ, что

скорѣе бросится въ воду, чѣмъ вернется домой на новыя моральныя изсязанія, и былъ въ полномъ отчаяніи. Мы, мальчики 13 и 14 лѣтъ, рѣшили его поддержать во что бы то ни стало и помочь ему приготовиться къ поступленію въ Театральное училище, куда онъ уже давно и безнадежно, по сильному призванію, стремился. Мы дали другъ другу нѣчто вродѣ клятвы отдавать Иванову всѣ деньги, которыя у насъ будутъ, и отправили депутацію къ директору А. С. Власову съ просьбой о заступничествѣ за Иванова. Я былъ избранъ ораторомъ этой депутаціи. Власовъ отнесся къ намъ очень сочувственно, вызвалъ къ себѣ Иванова, подробно разспросилъ его, поѣхалъ затѣмъ къ оберъ-полицеймейстеру—и чрезъ нѣсколько дней Ивановъ, котораго Власовъ покуда приютилъ у себя, былъ освобожденъ навсегда отъ своихъ благодѣтелей, получивъ право свободнаго проживанія, гдѣ онъ хочетъ. Онъ поселился въ Тарасовомъ переулкѣ въ Измайловскомъ полку въ довольно большой комнатѣ пятаго этажа. Раза два въ мѣсяцъ мы всѣмъ классомъ ходили его навѣщать и приносили ему нашу посильную лепту и разные гостинцы, которые тутъ же сообщая и съѣдались. Однажды, во время такого посѣщенія, съ нами случилось трагическое происшествіе. Въ это время всѣхъ интересовали опыты гипнотическаго сна, вызываемаго пристальнымъ и упорнымъ взглядомъ на отраженіе свѣта на двухъ перекрещивающихся металлическихъ пластинкахъ. Мы вздумали продѣлать этотъ опытъ надъ однимъ изъ нашихъ товарищей Николаемъ Беромъ (однимъ изъ имѣвшихъ впоследствии отношеніе къ ужасному несчастію на Ходынкѣ во время коронаціи 1896 г.), и онъ дѣйствительно скоро заснулъ. Но когда мы стали пробовать его разбудить, то онъ не просыпался, несмотря на тормошеніе, уколы, щипки и крики въ ухо. Мы пришли въ совершенное отчаяніе и рѣшили, что лишили товарища жизни. Юному уму нашему представилось, что для насъ нѣтъ ни оправданія, ни извиненія, и что мы погибли. Съ ужасомъ въ сердцѣ рѣшено было, что трое изъ насъ отправятся въ полицію и отдадутъ себя въ „руки правосудія“, а остальные останутся ожидать рѣшенія своей судьбы у „трупа“. Несчастные убійцы уже уходили, когда кому-то вздумалось плеснуть въ лицо убитому водой. Онъ вздохнулъ и раскрылъ глаза... Ивановъ поступилъ въ Театральное училище и лѣтъ черезъ десять я его слышалъ въ Александринскимъ театрѣ поющимъ въ „Орфеѣ въ аду“ куплеты про Аркадскаго принца.

Николай П... собиралъ къ себѣ довольно часто товарищей въ свою маленькую комнатку на антресоляхъ, гдѣ-то въ 5-ой или 6-ой ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ своего брата Г. Г. П. моложаваго отца семейства, имѣвшаго уже взрослую дочь. Онъ былъ преподавателемъ русской словесности въ институтахъ и читалъ

иногда безцвѣтно-сентиментальныя публичныя лекціи по литературѣ въ залѣ нашей второй гимназіи. Къ концу нашей полуребяческой бесѣды обыкновенно онъ поднимался къ своему брату и приносилъ съ собою „Колоколь“ и „Полярную звѣзду“, проповѣдуя намъ необходимость ниспровергнуть государственный строй и утопить въ крови существующій порядокъ, льстиво доказывая развѣсившимъ уши мальчикамъ, что въ этомъ состоитъ задача подростающаго поколѣнія, и что эту задачу оно одно въ состояніи и должно выполнить. Онъ дѣлалъ это въ то время, когда правительство искренно шло впереди общества, и когда ежедневно ковались великія реформы Александра II. Льстя незрѣлымъ умамъ, онъ подзадоривалъ насъ тѣмъ, что декламировалъ намъ революціонныя стихи и пѣсенки, нѣкоторые изъ которыхъ мы съ его словъ и заучили... Предъ выходомъ моимъ въ университетъ изъ шестого класса бѣдный Коля П. заболѣлъ сильнымъ нервнымъ расстройствомъ, но впослѣдствіи онъ поправился, былъ замѣтнымъ и преданнымъ своему дѣлу педагогомъ, но предъ смертью, послѣдовавшею въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, какъ я слышалъ, потерялъ зрѣніе.

Прошло много лѣтъ, и я былъ уже прокуроромъ Петербургскаго окружнаго суда. Въ декабрѣ 1872 года возникло слѣдствіе по дѣлу о поддѣлкѣ акцій Тамбовско-Саратовской желѣзной дороги и о приготовленіи къ отравленію нѣкоего Александра Ярошевича, въ которомъ были заподозрѣны акушеръ Колосовъ и докторъ Никитинъ, бібліотекаръ Медико-Хирургической академіи. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ увѣдомила, — къ качеству свѣдущаго лица, — судебного слѣдователя о томъ, что способъ поддѣлки акцій, найденныхъ при обыскѣ въ Академіи, есть тотъ же самый, который былъ употребленъ при поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ съ политической цѣлью, дѣло о чемъ разбиралось въ 1869 году. При этомъ по справкамъ оказалось, что вещественныя доказательства сданы въ архивъ знаменитаго III Отдѣленія. Желая сличить кредитныя бумажки съ акціями и ближе ознакомиться со способомъ поддѣлки, а также съ нѣкоторыми обстоятельствами, сопровождавшими ея открытіе, слѣдователь обратился за полученіемъ необходимыхъ свѣдѣній и данныхъ къ начальнику III Отдѣленія, но никакого отвѣта на двукратное обращеніе не получилъ. Тогда онъ обратился за содѣйствіемъ ко мнѣ какъ къ прокурору — и я рѣшился „взять быка за рога“, т. е. не вступая въ переписку, поѣхать къ шефу жандармовъ графу Шувалову и лично съ нимъ объясниться. Шуваловъ встрѣтилъ меня очень любезно, но заявилъ, что, согласно секретному Высочайшему повелѣнію, никакія дѣла и справки изъ архива никому рѣшительно не выдаются. „Самое большее, — сказалъ онъ мнѣ, — что я могу сдѣлать —

это, въ видѣ особаго исключенія, допустить лично васъ, по довѣрію къ вамъ, къ обзорѣнію дѣла въ архивѣ“. На мое возраженіе, что свѣдѣнія нужны не мнѣ, а слѣдователю, Шуваловъ сказалъ, что пришлетъ ко мнѣ своего чиновника, которому я, переговоривъ со слѣдователемъ, могу указать, что именно намъ нужно, и тогда тотъ доставитъ частнымъ образомъ намъ требуемыя свѣдѣнія. „Этотъ чиновникъ,—добавилъ человекъ, которому завистливая молва присвоивала опасное наименованіе „Петръ IV“,—очень способный и образованный; онъ у меня состоитъ заграничнымъ агентомъ по надзору за русской эмиграціей и пишетъ интересныя и очень полезныя для насъ донесенія. Но теперь я его выписалъ на нѣкоторое время сюда и пришлю его къ вамъ. Вы останетесь довольны его понятливостью и умѣніемъ освоиться со всякимъ дѣломъ“... Черезъ два дня курьеръ доложилъ мнѣ, что въ камеру мою явился чиновникъ отъ шефа жандармовъ, и на мое приглашеніе ко мнѣ вошелъ человекъ, какъ казалось, среднихъ лѣтъ съ млажавой наружностью и геморроидальнымъ цвѣтомъ бритаго лица, рекомендуясь посланнымъ „графомъ Петромъ Андреевичемъ“. Я пригласилъ судебнаго слѣдователя, и мы общими силами выяснили пришедшему, оказавшемуся, дѣйствительно, очень понятливымъ, сущность и связь тѣхъ свѣдѣній, которыя намъ нужны. Когда слѣдователь ушелъ, я извинился передъ чиновникомъ, что мы его побеспокоили и отрываемъ отъ занятій, о которыхъ мнѣ говорилъ шефъ жандармовъ. „Мои главные занятія за границей,—словоохотливо отвѣчалъ онъ,—а здѣсь я занятъ мало и потому радъ быть вамъ полезнымъ по очень интересному, какъ я слышалъ, дѣлу. Для меня же здѣсь, въ Петербургѣ, нѣтъ теперь серьезной задачи; иное дѣло руководить надзоромъ за этими заграничными негодями, которые устроились удобно и безопасно и подстрекаютъ несчастную молодежь идти на революціонныя затѣи и погибать затѣмъ въ ссылкѣ и на каторгѣ. Вотъ съ кѣмъ надо бороться и кого не слѣдовало бы щадить!“ Въ манерахъ, голосѣ и чертахъ его бритаго лица мнѣ почудилось что-то знакомое, и я сталъ пристально въ него всматриваться, сисясь припомнить, гдѣ и когда я могъ его видѣть. Онъ это замѣтилъ и, любезно улыбнувшись, сказалъ мнѣ: А вѣдь вы меня не узнали! Я—Григорій Григорьевичъ П...—„Какъ?—воскликнулъ я невольно—„вы Григорій Григорьевичъ! да не можетъ быть!“—„Отчего же—отвѣтилъ онъ, немного смутившись,—что же тутъ удивительнаго? вѣдь взгляды съ лѣтами мѣняются. Когда мы съ вами встрѣчались у брата, я былъ молодъ, увлекался.—Но вамъ, кажется, было весьма за тридцать лѣтъ?—Ничего не отвѣчая на это замѣчаніе, онъ съ дѣловымъ умиленіемъ сказалъ: а какое славное время было тогда, помните? Вы были такой юный, всѣмъ интересовались. Думалъ ли я, что

встрѣчу васъ на такомъ важномъ посту?—Да и я не думалъ, что мы такъ встрѣтимся. Я вѣдь до сихъ поръ помню, какъ вы тогда, разъ встали передъ нами, малыми юнцами, на столъ и декламировали:—„Я нашелъ, друзья, нашелъ—кто источникъ безтолковый—нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ“ и т. д., и потомъ учили насъ кровожадному четверостишью: „Себя, друзья, мы позабавимъ“ и т. д.—Да, да,—сказалъ онъ, кисло улыбаясь,—молодость, молодость!—Ну, извините еще разъ, что я отнял васъ отъ вашихъ важныхъ занятій относительно тѣхъ подстрекателей юной молодежи, которыхъ вы съ такимъ презрѣніемъ называете негодями“...

Мы встрѣтились затѣмъ чрезъ два мѣсяца въ гимнастическомъ павильонѣ, гдѣ господня П..., упершись въ бока, очень искусно присѣдалъ подъ команду учителя. Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ меня, и я не считалъ нужнымъ напоминать ему о себѣ: мнѣ вообще не нравились его гимнастическія упражненія.

V.

Въ 1861 году я и четверо моихъ товарищей (Кобылкинъ, Лукинъ, Сягель и Штюрмеръ) рѣшились выдти изъ 6-го класса гимназіи прямо въ университетъ, который насъ давно манилъ своими лекціями, доступными тогда почти для всѣхъ. Уже со школьной скамьи мы ходили слушать блестящія чтенія Н. И. Костомарова и лучшими мечтами души жили въ университетскихъ стѣнахъ. Для того однако, чтобы въ нихъ скорѣй попасть, нужно было оставить гимназію и держать экзаменъ, въ качествѣ лицъ, получившихъ домашнее воспитаніе, въ особой испытательной комиссіи при университетѣ. Она засѣдала съ 19-го по 26 мая, и въ теченіе этихъ семи дней нужно было выдержать экзамены по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, выбирая для этого любые дни и любые предметы. Экзаменъ производился учителями гимназіи подъ предсѣдательствомъ профессоровъ и былъ довольно строгъ.

Всѣхъ державшихъ было человѣкъ двѣсти и каждый день съ девяти часовъ утра пестрая и разношерстая толпа ихъ разсыпалась по аудиторіямъ, при чемъ имѣвшійся у каждого экзаменный листокъ съ перечисленіемъ предметовъ, графою для отмѣтокъ и подписей учителей постепенно заполнялся словами: „удовлетворительно“, „неудовлетворительно“ и „весьма удовлетворительно“. Вторая гимназія, въ которой я учился, считалась по преимуществу математической, и эта ея слава въ значительной степени поддерживалась талантливыми

преподавателями, среди которыхъ первое мѣсто занималъ по праву Егоръ Христіановичъ Рихтеръ, здравствующій и понынѣ. Я много занимался математикой и *увѣрилъ себя*, что люблю ее, смѣшивая трудолюбіе со способностью. Уже съ 6-го класса я началъ давать уроки алгебры и геометріи готовившимся поступать въ высшіе классы гимназій, такъ что пріобрѣлъ нѣкоторый педагогическій навыкъ. Вступительные экзамены въ университетѣ шли у меня очень успѣшно, а мои отвѣты изъ тригонометріи доставили мнѣ даже маленькій триумфъ нѣсколько комическаго характера. Я былъ очень моложавъ, имѣя на видъ не болѣе 14 лѣтъ, былъ сухощавъ и маленькаго роста, такъ что обращалъ на себя общее вниманіе собравшихся на экзамень своимъ почти дѣтскимъ видомъ. Знаменитый профессоръ и академикъ Сомовъ, вслушавшись въ мои отвѣты на экзамень, предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ внѣ программы, на которые мнѣ удалось отвѣтить довольно удовлетворительно. Сомовъ почему-то пришелъ въ великій восторгъ и, сказавъ мнѣ—„нѣтъ, васъ надо показать ректору“—подошелъ ко мнѣ сзади, крѣпко охватилъ меня руками за локти и поднявъ на воздухъ воскликнулъ: „я васъ снесу!“ Это мнѣ—будущему студенту—показалось чрезвычайно неумѣстнымъ и, увидѣвъ мое обиженное лицо, онъ оставилъ меня въ покоѣ. Съ этихъ поръ между экзаменующимися прошла обо мнѣ слава, какъ о человѣкѣ, который на математикѣ „собаку съѣлъ“.

26-го мая мнѣ оставалось выдержать экзамены у нѣмца и француза. На нихъ я шелъ, въ виду домашняго воспитанія и трехлѣтняго пребыванія въ *Annenschule*, спокойно. Толпа экзаменующихся въ этотъ послѣдній день была особенно оживлена. Изъ нея вышелъ ко мнѣ навстрѣчу молодой стройный человѣкъ высокаго роста съ едва пробившейся пушистой бородкой, холодными глазами стального цвѣта и коротко остриженной головой. На немъ, по модѣ того времени, были широчайшія сѣрые брюки, длинный бѣлый жилетъ и коричневый однобортный сюртукъ, а на шеѣ, тоже по модѣ того времени, былъ повязанъ узенькій черный галстухъ съ вышитыми на концахъ цвѣточками. Манеры его были изысканно вѣжливы и обличали хорошее воспитаніе, которое впрочемъ въ то время еще не было рѣдкостью. „Извините—сказалъ онъ мнѣ—я знаю, что вы отличный знатокъ математики, а у меня—и онъ слегка покраснѣлъ—вотъ какая бѣда: я не приготовилъ двухъ послѣднихъ билетовъ изъ тригонометріи, да и вообще слабъ по этой части и самъ себя помочь не могу. Не можете ли вы мнѣ объяснить ихъ“?.. Я съ удовольствіемъ согласился; мы сѣли въ сторонкѣ за край большого стола, и я „преподавалъ“ моему неожиданному ученику два тревожившіе его билета, повторилъ свое объясненіе и предложилъ

ему попробовать мнѣ отвѣтить. Отвѣтъ обличилъ его чрезвычайную понятливость, и я сказалъ ему:—теперь идите и берите тотчасъ же билетъ, на полъ-часа вы заряжены, а тамъ пожалуй позабудете.—Мы разстались, и я пошелъ къ своимъ иноземцамъ. Когда я вышелъ отъ послѣдняго изъ нихъ въ пріемную передъ аудиторіей, гдѣ происходилъ экзаменъ, изъ двери другой аудиторіи вышелъ мой незнакомецъ. Его красивое лицо было радостно взволновано. Онъ быстро подошелъ ко мнѣ и, протягивая обѣ руки для крѣпкаго рукопожатія, воскликнулъ: „представьте! Послѣдній билетъ! Послѣдній!! И—весьма удовлетворительно! Какъ я вамъ благодаренъ! Мы конечно будемъ встрѣчаться. Вы вѣдь, безъ сомнѣнія, юристъ?—Нѣтъ, я иду на математическій факультетъ по чисто математическому разряду.— Но, все-таки, мы будемъ встрѣчаться. Неправда ли? — Конечно, отвѣчалъ я. Но, какая-то странная застѣнчивость помѣшала мнѣ спросить его фамилію. Встрѣчаться намъ однако въ университетскомъ коридорѣ не пришлось. Осенью университетъ былъ закрытъ на два года, и я, послѣ безплодныхъ занятій математикой на дому въ теченіе года, перешелъ на второй курсъ юридическаго факультета Московскаго университета.

Лѣтомъ 1881 года послѣ тяжелаго огорченія, пережитаго мною вслѣдствіе ужасной смерти моего стараго и испытаннаго друга доктора Левковича, утонувшаго, при самой трагической обстановкѣ, въ водопадѣ на Иматрѣ, я поѣхалъ за границу, чтобы хоть немного привести въ порядокъ свои нервы. Въ одномъ купѣ со мною сидѣла дама среднихъ лѣтъ, съ которой мы разговорились. Въ ея манерахъ, способѣ выражаться, достоинствѣ и изящной простотѣ, съ которыми она себя держала, чувствовалась ея принадлежность не только къ высшему обществу, но и къ высокоразвитому кругу людей. Въ ея словахъ сквозили—разностороннее образованіе и вдумчивость въ такіе вопросы, про которые нашъ народъ говоритъ съ презрительной ироніей, что „это не женскаго ума дѣло“. Изъ мимолетныхъ ссылокъ ея на свои житейскія встрѣчи явствовало, что она подолгу живетъ въ чужихъ краяхъ и при томъ не какъ простая туристка или любительница „заграницы“, подобно многимъ изъ безпечальныхъ россіянъ, но играетъ тамъ въ политическихъ и литературнымъ кругахъ нѣкоторую роль, въ качествѣ защитницы достоинства и достоинствъ—иногда понимаемыхъ нѣсколько своеобразно—своей родины, Россіи. Живя довольно долго въ Англии, она изъ своего „далека“ видѣла много въ слишкомъ розовомъ цвѣтѣ и не обо всѣхъ выдающихся людяхъ и важныхъ обстоятельствахъ русской жизни высказывала вѣрные взгляды. Но искренность и горячность убѣжденій, сквозившія въ ея рѣчи, заставляли мириться съ этимъ стремленіемъ повѣрить въ „насъ возвышающій об-

манъ“. Это была супруга одного изъ петербургскихъ сановниковъ, много писавшая о Россіи на англійскомъ языкѣ. Раздѣляя взгляды Каткова на наши внутреннія дѣла и его предвзятый взглядъ на людей, съ нимъ не единомышленныхъ, она была немало удивлена, узнавъ, что ея спутникъ, котораго она со словъ „Московскихъ Вѣдомостей“ представляла себѣ „потрясателемъ основъ“, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ таковымъ не оказывался и былъ чуждъ всякой партійной окраски. Мы должны были разстаться въ Вержболовѣ, такъ какъ она упустила визировать свой паспортъ, что тогда требовалось со стороны Пруссіи въ видѣ нѣкоторой репрессалии,—и должна была остаться на границѣ впредь до полученія вида изъ ближайшаго губернскаго города Ковно. Мы обмѣнялись письмами, а осенью, пріѣхавъ въ Петербургъ и остановившись въ Hôtel de France, она просила меня посѣтить ее. Придя на это приглашеніе, я засталъ ее въ оживленномъ разговорѣ съ молодымъ еще, красивымъ и стройнымъ генераль-адъютантомъ съ Георгіемъ на шеѣ. Въ отвѣтъ на мой поклонъ, онъ протянулъ мнѣ руку, что, вѣроятно, дало хозяйкѣ поводъ думать, что мы знакомы, и она не назвала насъ одного другому.

Я вспоминаю, по этому поводу, что въ Москвѣ время моею молодости, въ нѣкоторыхъ кругахъ существовалъ странный обычай не представлять другъ другу гостей, и это вызвало иногда недоразумѣнія, не лишеныя комизма. Такъ, я помню, что за ужиномъ у извѣстнаго писателя Писемскаго, въ его пріемный вечеръ, одинъ изъ гостей сталъ весьма рѣшительно и ѣдко критиковать барельефы на памятникѣ Императора Николая работы Рамазанова, не зная, что противъ него сидитъ и его съ болѣзненнымъ вниманіемъ слушаетъ самъ Рамазановъ. Я былъ свидѣтелемъ и другого случая, относящагося къ категоріи тѣхъ, въ которыхъ страшно жалѣешь, что не отсутствуешь, дабы не быть очевидцемъ неловкаго, чтобъ не сказать болѣе, положенія, въ которое иногда попадаютъ люди. Во времена моего студенчества—въ Москвѣ жилъ довольно извѣстный романистъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ Александръ Ѡмичъ Вельтманъ, написавшій серію романовъ подъ названіемъ „Приключенія изъ моря житейскаго“ и занимавшій должность директора Оружейной палаты. Онъ приходился мнѣ двоюроднымъ дядей со стороны матери, былъ чрезвычайно интересный и разносторонній человекъ,—занимался между прочимъ санскритскимъ языкомъ и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ,—переложилъ „Слово о полку Игоревѣ“ и доказывалъ болѣе своеобразно, чѣмъ убѣдительно, что не только вся Германія—славянская земля, но что даже и Аттила былъ великій князь Кіевскій („Аттила и Русь

У вѣка“). Въ его обширномъ кабинетѣ въ казенномъ домѣ въ Левшинскомъ переулкѣ собирались его старые боевые сослуживцы (онъ учился въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ), военные сенаторы баронъ Ховенъ и Колюбакинъ, и писатели. Изъ послѣднихъ чаще всего бывали Михаилъ Петровичъ Погодинъ, Чаевъ и Даль. Однажды зимой 1863 года жена дяди, Елена Ивановна Вельтманъ, урожденная Сабанѣева—очень умная и развитая женщина, авторъ двухъ историческихъ романовъ,—написала мнѣ, что вечеромъ у нихъ будетъ ея старый знакомый докторъ, пріѣхавшій изъ Сибири, гдѣ онъ прожилъ двадцать лѣтъ, рассказывающій очень интересныя вещи объ этомъ, тогда еще очень мало извѣстномъ краѣ. Она звала меня послушать пріѣзжаго къ восьми часамъ вечера, но я, занятый даваніемъ уроковъ, опоздалъ и пришелъ въ то время, когда докторъ окончилъ свой рассказъ. Я засталъ тотъ психологическій моментъ, когда рассказчикъ, очутившись впервые среди незнакомыхъ дотолѣ людей, чувствуетъ и сознаетъ, что заинтересовалъ всѣхъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе. Докторъ сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла, въ непринужденной позѣ, съ оживленнымъ лицомъ и блестящими глазами. Противъ него, въ разстояніи аршина съ небольшимъ, сидѣлъ глубоко ушедшій въ кресло, съ костылемъ въ рукахъ, московскій старожилъ, извѣстный русскій историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ, съ клинообразной, беспорядочной бородой на умномъ лицѣ съ крупными чертами. Это было въ томъ году, въ которомъ съ 1-го января „Московскія Вѣдомости“ начали издаваться подъ редакціей Каткова и пріобрѣли необыкновенное вліяніе въ обществѣ, національное сознание котораго было приподнято и встревожено яркими и сильными статьями новаго редактора по поводу польскаго возстанія. Въ этихъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Погодинъ сталъ помѣщать своеобразные фельетоны, подписывая ихъ „русской“. Въ нихъ, отрывистымъ и quasi-народнымъ языкомъ, онъ высказывался по всѣмъ вопросамъ, волновавшимъ общественное мнѣніе, съ паѳосомъ болтливаго прямодушія. Помнится,—хотя и не дословно—что, на примѣръ, одинъ изъ такихъ фельетоновъ онъ оканчивалъ обращенной къ Монарху просьбой бросить гнилое болото Петербурга и переселиться въ Москву, восклицая отъ лица москвичей: „Ужъ какъ бы мы Тебя, батюшка—Царь, встрѣтили! поднесли бы хлѣбъ-соль и кашу—мать нашу! Э! да что тутъ много толковать: мы Твои, а Ты нашъ! Ура!“.. —„Это очень интересно, все что вы намъ рассказали—прервалъ молчаніе Погодинъ, обращаясь къ доктору—очень интересно,—я очень благодаренъ Еленѣ Ивановнѣ, что она меня пригласила“. — Онъ помолчалъ.—„А скажите, какъ у васъ тамъ, въ Сибири, приняты

„Московскія Вѣдомости“ подь редакціей Каткова? нравятся?“— „Да! конечно,—отвѣчалъ сибирскій гость,—ихъ читаютъ съ большимъ сочувствіемъ и имъ можно предсказать прочный успѣхъ, если только Катковъ поведетъ дѣло разумно и не будетъ, напримѣръ, помѣщать у себя шутовскихъ фельетоновъ этого стараго безумца Погодина! (онъ выразился еще сильнѣе)“.—Хозяйка поблѣднѣла, какъ полотно,—наступила мертвая тишина, такая тишина, при которой, какъ говорятъ нѣмцы „man hört wie die Wolken ziehen“. Погодинъ уставился глазами на доктора, потомъ мотнулъ головой, машинально скомкалъ рукою бороду и опустилъ голову на свой костыль. Среди внезапно наступившаго зловѣщаго молчанія почувствовалось, что многіе изъ присутствующихъ предпочли бы лучше на нѣсколько минутъ провалиться сквозь землю, чѣмъ созерцать создавшееся положеніе, особенно тяжкое для пріѣзжаго доктора, позабывшаго, въ увлеченіи успѣха, что „блаженъ, кто словомъ твердо править“... Взглянувъ въ лицо хозяйки, онъ понялъ, что сказалъ что-то совершенно недопустимое, и конечно догадался въ чемъ дѣло. Растерянно посмотрѣвъ кругомъ, онъ пробормоталъ что-то невнятное, поднялся, взялъ свою фуражку съ сосѣдняго стола, поспѣшно вышелъ изъ комнаты и совсѣмъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. „Пойдемте, господа, пить чай!“ сказала хозяйка дрожащимъ и упавшимъ голосомъ, и всѣ поднялись...

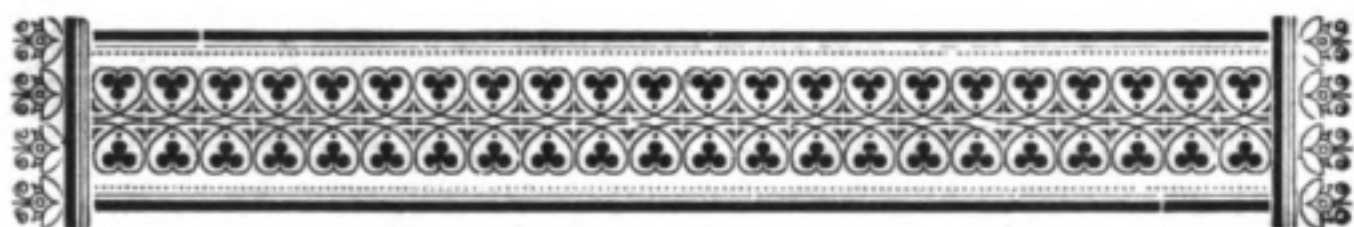
Возвращаюсь однако къ незнакомому мнѣ генералу, встрѣченному мною въ Hôtel de France.

„Вотъ—сказала хозяйка генералу, очевидно продолжая начатый разговоръ—однако какія вещи пишетъ въ Англии лэди (она назвала фамилію, которую я въ точности не могу припомнить) о генералѣ Гурко. Очень непріятно, если это хоть отчасти правда. Она пишетъ, будто Гурко, занявъ Адрианополь въ прошлую войну, велѣлъ очистить бывшій въ ея завѣдованіи англо-турецкій госпиталь, а ей, когда она пришла объясниться, плюнулъ въ лицо. Неужели это правда? Англичане, къ сожалѣнію, этому вѣрятъ!—О, нѣтъ, сказалъ холоднымъ тономъ генераль-адъютантъ. Лэди—и онъ пріостановился—вошла въ противорѣчіе съ истиной. Дѣло было такъ: войдя въ Адрианополь и имѣя массу раненыхъ людей, Гурко просилъ очистить для нихъ часть госпиталя, постѣснивъ нѣсколько другихъ больныхъ, но Lady... явилась къ нему, наговорила ему массу дерзостей и потребовала конвоя до румынскихъ аванпостовъ, бросивъ такимъ образомъ всѣхъ своихъ больныхъ на произволъ судьбы. Гурко былъ съ нею отмѣнно вѣжливъ и долготерпѣливъ, и въ лицо ей плевать и не думалъ. Я конечно его въ этой исторіи не одобряю“.— „Какъ!—воскликнулъ я невольно,—не одобряете? Но, что же онъ дур-

ного сдѣлалъ? Его, кажется, ни въ чемъ упрекнуть нельзя, судя по вашему разсказу".—Генераль повернулъ ко мнѣ свое красивое, выхоленное лицо и сказалъ съ утонченною мягкостью и любезностью: „вы меня не совсѣмъ поняли: я не одобряю потому, что самъ поступилъ бы совершенно иначе"—и глаза его блеснули недобрымъ свѣтомъ и длинныя, красивые пальцы судорожно сжались. „Я выбросилъ бы всѣхъ турокъ изъ лазарета и взялъ бы его подъ своихъ людей, а эту леди за всѣ ея недопустимыя и дерзкія выходки приказалъ бы арестовать и возилъ бы въ своемъ арріергардѣ до конца войны"... Послѣднія слова были сказаны такимъ тономъ, что мнѣ показалось, что красивый генераль внезапно выпустилъ когти, какъ проснувшійся левъ—и снова ихъ спряталъ... Затѣмъ онъ всталъ и собрался уходить. „А вы давно знакомы съ Михаиломъ Дмитріевичемъ?"—спросила меня хозяйка. Тутъ только, услышавъ это имя и отчество, я понялъ, что вижу предъ собою Скобелева, котораго, судя по весьма популярнымъ карточкамъ и портретамъ, я рисовалъ себѣ плечистымъ, полнымъ и меньшаго роста. „Я въ первый разъ имѣю честь встрѣчаться съ Михаиломъ Дмитріевичемъ".—Будто въ первый? сказалъ Скобелевъ, улыбувшись—и на мой недоумѣвающій взглядъ—прибавилъ: а помните экзамень изъ тригонометріи въ университетѣ?.. вѣдь это былъ я"!.

А. Ѡ. Кони.

Переписка Крала IX-го съ самозванцами.

Г. В. Форстенъ очень мѣтко назвалъ поведеніе Швеціи въ Смутное время политикою выжиданій ¹⁾. Эти выжиданія, какъ обыкновенно случается, сопряжены были съ полною готовностью примкнуть къ той партіи, которая, одолѣвъ другихъ, сдѣлала бы самыя выгодныя условія для Швеціи. Доказательствомъ высказаннаго мнѣнія могутъ служить письма Карла IX-го къ обоимъ самозванцамъ, Дмитрію I и II. Были ли они отосланы по назначенію или нѣтъ, и, въ случаѣ доставленія, какія они имѣли послѣдствія, трудно опредѣлить. Письма эти хранятся въ Государственномъ Архивѣ въ Стокгольмѣ. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они не только открываютъ политику Карла IX-го, но и выясняютъ положеніе самозванцевъ въ Россіи.

Шведскій король, какъ и многіе другіе правители, сильно интересовался Дмитріемъ. Недоумѣвая на его счетъ, онъ поручилъ своимъ комиссарамъ въ Финляндіи навести справки объ этой загадочной личности. Врядъ-ли имъ удалось доставить королю убѣдительныя свѣдѣнія о царскомъ происхожденіи перваго самозванца, но Карлу IX было на-руку почитать его достовѣрнымъ, и онъ ничѣмъ не стѣснялся.

Самъ Дмитрій, въ качествѣ польскаго посаженника, не могъ мирволить Карлу IX-у, сопернику Сигизмунда III и злѣйшему его врагу. Онъ былъ связанъ данными въ Варшавѣ обѣщаніями и долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени ихъ придерживаться. Имѣется даже на лицо и въ итальянскихъ архивахъ часто встрѣчается посланіе Дмитрія къ Карлу IX-у. Оно до такой степени дерзко, что становится даже крайне подозрительнымъ. Во всякомъ случаѣ, надо предположить, что оно осталось неизвѣстнымъ

¹⁾ *Балтійскій Вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ*, т. II, стр. 67.

шведскому королю, ибо онъ дважды обращался къ Дмитрію, 2-го августа и въ октябрѣ 1605-го года, и оба раза въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ ¹⁾).

Начать съ того, что онъ признаетъ за новымъ московскимъ правителемъ царскій титулъ, которымъ такъ возмущался Сигизмундъ III, и преклоняется передъ истиннымъ якобы сыномъ царя Ивана IV, счастливо избавившимся отъ Бориса Годунова.

Заручившись такимъ образомъ благорасположеніемъ Дмитрія, Карлъ IX приступаетъ къ главному предмету своего письма и проситъ Дмитрія подтвердить заключенный въ 1595-мъ году тязвинскій миръ. Условіями этого договора онъ очень дорожилъ. Въ силу ихъ вся Эстляндія съ городами и замками переходила къ шведамъ. Московскій царь терялъ какое-либо право на нее, ему возвращали лишь Кексгольмъ съ своимъ округомъ. Кромѣ того свободная якобы торговля между Швеціею и Россіею такъ разграничивалась, что всевозможныя льготы предоставлялись первой къ немалому ущербу второй. Иностранцы ловко отстранялись отъ сношеній съ русскими, и торговля сосредоточивалась въ рукахъ шведовъ, которые впрочемъ обѣщали не препятствовать въѣзду въ Россію иноземныхъ докторовъ и всякаго рода ремесленниковъ ²⁾).

Русскіе полномоченные согласились на эти условія, но въ Москвѣ къ нимъ отнеслись осторожниѣе. Карлъ IX-й жалуется, что Борисъ Годуновъ отвергалъ этотъ договоръ, и, глухо ссылаясь на обѣщанія царя Ѳедора, проситъ прислать уполномоченныхъ въ Систербекъ для обоюднаго окончательнаго соглашенія. Послѣдствіемъ подтвержденія тязвинскаго мира было бы установленіе взаимной дружбы на вѣчныя времена.

Первое посланіе вѣроятно не дошло до Дмитрія, ибо въ октябрѣ того же 1605-го года Карлъ IX снова обращается къ нему съ тождественнымъ посланіемъ.

Слѣдовъ отвѣта опять-таки не имѣется. Повидимому, Дмитрій не успѣлъ усвоить себѣ особой, личной политики касательно Швеціи. Данныя Сигизмунду обѣщанія онъ не спѣшилъ приводить въ исполненіе и отлагалъ рѣшеніе вопроса до пріѣзда шведскихъ пословъ, который однако-жь, какъ извѣстно, не состоялся.

Признавъ перваго Дмитрія въ 1605 году, Карлъ IX-й, бывшій союзникъ Василя Шуйскаго, не усумнился признать и втораго или даже третьяго, ибо посланіе его отъ 27-го февраля 1611-го года писано послѣ убіенія одного и передъ появленіемъ другаго ³⁾). Очень

¹⁾ Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Riksregistraturet för 1605*.

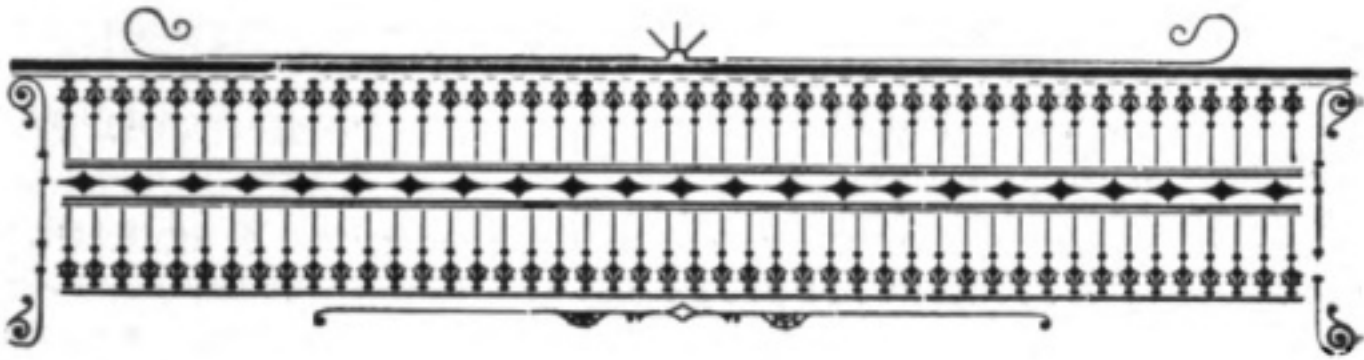
²⁾ Форстенъ, *loco citato*, т. II, стр. 53.

³⁾ Стокгольмъ, Kongl. Riksarkivet, *Muscovitica 1594—1632*.

можетъ быть, что вѣсть о кровавой калужской развязкѣ тогда еще не дошла до него. Изъ самаго посланія не видно, почиталъ ли шведскій король московскаго государя за новаго царя или за возвратившагося на престолъ перваго Дмитрія. Здѣсь опять встрѣчается то же обиліе титуловъ и кромѣ того предлагается союзъ противъ общаго врага Сигизмунда III-го. „Царю и Самодержцу“ Карлъ IX-й разоблачаетъ коварные планы поляковъ и литовцевъ, которые вмѣстѣ съ испанцами, папою и іезуитами, мечтаютъ о совершенномъ подчиненіи себѣ Россіи. И, не довольствуясь общими намеками, онъ положительно заявляетъ, что къ Николину дню многочисленное польско-испанское войско вторгнется въ московскіе предѣлы. Для отраженія испанскаго десанта онъ готовъ пустить въ ходъ весь шведскій флотъ, пусть только Дмитрій пришлетъ своихъ пословъ для предварительныхъ переговоровъ. Только теперь Карлъ IX-ый уже не ссылается на тязвинскій миръ, а на болѣе выгодный для него выборгскій договоръ, заключенный съ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ въ февралѣ 1609-го года. Королевское посланіе осталось безъ отвѣта, но это не помѣшало Якову Делагарди захватить Новгородъ въ томъ же 1611-мъ году.

П. Пирлингъ.

Встрѣчи на жизненномъ пути.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

то было въ Римѣ, въ половинѣ пятидесятихъ годовъ. На Монте-Пинчіо, залитомъ декабрьскимъ солнцемъ, прогуливалось двое русскихъ. Одинъ былъ средняго роста, худощавъ, съ жидкою остроконечною темною бородкою на болѣзненно-желтомъ лицѣ, съ карими, не безъ лукавства,—глазами. На ходу онъ подавался нѣсколько впередъ, особенно подавалась сухая шея, а голова откидывалась назадъ и чуть-чуть покачивалась. Другой, гораздо выше, плотный, съ крупнымъ носомъ на толстомъ лицѣ, крошечными свѣтлыми глазками и такими же усиками, держался прямо и выступалъ твердою военною поступью. На немъ было сѣрое офицерское пальто (первой реформы новаго царствованія), съ клапаномъ позади, только безъ металлическихъ пуговицъ. Первый мнѣ былъ знакомъ по Петербургу, второго я въ первый разъ видѣлъ.

Они поровнялись съ моею скамьею.

— Да это Ковалевскій!—проговорилъ сильнымъ голосомъ знакомый.

— Здравствуйте, Николай Алексѣевичъ.

— Здравствуйте, отецъ! Вотъ гдѣ встрѣтились! Хорошо у васъ тутъ!.. А его знаете?

И Некрасовъ указалъ на незнакомаго.

— Не имѣю удовольствія...

— Ну, такъ имѣйте: это Феть, Аѳонасій Аѳонасьевичъ, а понашему Фетушка. Любите и жалуйте.

Кого угодно только не автора изящнѣйшихъ и воздушныхъ стиховъ ожидалъ я увидѣть въ такомъ воплощеніи!..

Съ этихъ поръ началось мое знакомство съ Фетомъ и закрѣпилось съ Некрасовымъ.

Остановился Некрасовъ въ одномъ изъ первыхъ отелей на Испанской площади, гдѣ я и навѣстилъ его на другой же день. Встрѣтила меня нарядная и эффектная брюнетка, тоже извѣстная мнѣ по Петербургу,—его самого не было дома... Эта неожиданная встрѣча, этотъ отель и эта красивая женщина, вызвали невольно изъ памяти первую мою встрѣчу Некрасова на Невскомъ проспектѣ, дрогнущаго въ глубокую осень въ легкомъ пальто и ненадежныхъ сапогахъ, помнится, даже въ соломенной шляпѣ съ толкучаго рынка... То былъ и не совсѣмъ еще Некрасовъ, а только Перепельскій, передѣлыватель водевилей съ французскаго, котораго онъ не зналъ, или Н. Н.—авторъ „статеекъ въ стихахъ безъ картинокъ“... Потомъ я встрѣчаю его на обѣдахъ у моего дяди Егора Петровича,—совсѣмъ Некрасовымъ,—сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ по всѣмъ отдѣламъ, даже рецензентомъ, отбивающимъ работу у Бѣлинскаго, потому что работалъ сходнѣе,—а редакторъ Краевскій сходную работу предпочиталъ всякой другой. Приѣзжали они, сходный сотрудникъ и любитель сходныхъ сотрудниковъ вмѣстѣ, „на его коштъ“, говорилъ онъ. Редакторъ уже тогда былъ чугунно-монументаленъ и невозмутимо твердъ (такимъ онъ, должно быть, и родился); придерживался онъ людей и разговоровъ солидныхъ. Сотрудникъ тотчасъ послѣ обѣда убѣгалъ отъ тѣхъ и другихъ къ нашей брати молодежи, протягивался въ креслѣ и ноги укладывалъ на столъ. Онъ говорилъ намъ стихи, зачеркнутые цензурой, пародіи, куплеты, подсмѣивался надъ монументальностью „Андрея“,—иначе онъ не называлъ Краевскаго; былъ вообще молодо-сообщителенъ и простъ, не взирая на начинавшуюся извѣстность, далеко превзошедшую Андрееву.

Вслѣдъ затѣмъ я видѣлъ его въ коляскѣ, щеголявшаго модными жилетами и красивою нарядною женою Панаева. На коштъ послѣдняго онъ осуществилъ расколъ съ Андреемъ, отъ котораго всѣ лучшія силы „Отечественныхъ Записокъ“ перешли въ „Современникъ“, арендованный у Плетнева на заложенные въ опекуновскомъ совѣтѣ Панаевскія крѣпостныя души. А далѣе онъ самъ ѣздилъ въ той же коляскѣ, которая уже была коляскою не Панаева, вдвоемъ съ красивой женой Панаева, которая тоже перестала быть женою Панаева...

Теперь Некрасовъ вмѣстѣ съ нею приѣхалъ въ Римъ,—„помирать“, иронизировалъ онъ надъ собою: „лѣкаря за этимъ самымъ послали. Ну, да авось либо еще надуемъ,—не умремъ...“ И онъ дѣйствительно надулъ: отъ горловой чахотки, которую у него от-

крыли въ Петербургъ, вылѣчился на Монте-Пинчіо въ Римѣ и воротился здоровымъ домой.

Его спутникъ „Фетушка“ пріѣхалъ не лѣчиться, даже не могъ заболѣть въ невозможной темной и холодной квартирѣ, какую онъ одинъ способенъ былъ нанять въ совершенно темномъ и холодномъ какъ погребъ переулкѣ, но сохранилъ привезенное съ собою вождельиное здоровье. На Пинчіо онъ выходилъ только передъ закатомъ солнца, да и то потому, что тамъ гремѣла въ это время военная музыка. Восходъ солнца Феть наблюдалъ изъ своей спальни.

— Вижу, — рассказывалъ онъ, — солнце всходитъ. Протираю глаза,—а это оно въ оконную щель... да такъ таки какъ слѣдуетъ, вотъ какъ на Риги всходитъ... Котята тоже въ щели лазаютъ, ей-Богу.

Разумѣется, холодъ въ такой спальнѣ былъ страшный.

— Вотъ толковали,—тепло, а у насъ не въ примѣръ теплѣе,—вывелъ заключеніе Феть.

По вечерамъ сходились у Некрасова или у меня.

— И отчего это у васъ тепло?—удивлялся назябшійся дома Феть:—у меня холодъ просто гиперборейскій.

— Оттого, что у насъ солнце грѣетъ цѣлый день, а у васъ только всходитъ и вдобавокъ въ щели... У насъ ни котятъ, ни солнечныхъ восходовъ нѣтъ, оттого, что нѣтъ щелей...

— Ну, ужъ будто бы и оттого?—не довѣрялъ онъ.—Я вотъ съ утра до вечера жарю чугунокъ, и то не теплѣетъ, только голова трещитъ. Нѣтъ, у насъ лучше...

Но благодущный поэтъ писалъ и подъ этотъ угаръ прелестные стихи, большею частью самъ того не подозрѣвая.

— А нуте-ко, Фетушка, похвастайте, что вы сочинили сегодня, — обращался къ нему за вечернимъ чаемъ Некрасовъ.

И Феть вынималъ изъ бокового кармана свою записную книжечку.

— Должно быть, ерунда!—опасался онъ.

— Прочитайте, скажемъ, коли ерунда, не утаимъ.

Оказывалось удивительное по гармоніи и изяществу лирическое стихотвореніе. Мы хвалимъ, Феть удивляется,—онъ ждалъ, что обругаемъ.

Другой разъ онъ доволенъ,—оказывается—ерунда.

— Вотъ подите же, угадайте!—недоумѣваетъ онъ.

Точно ли Феть всегда не зналъ, что будетъ пѣть, какъ выразился въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ“), или притворялся, чтобы вызвать смѣхъ, которымъ обыкновенно сопровождалось его присутствіе въ близкомъ кругу; но только онъ выдерживалъ это исправно.

Спокойное наивное выраженіе его лица въ такихъ случаяхъ дополняло комизмъ того, что онъ говорилъ. А говорилъ онъ вещи умерительныя: на примѣръ, передавалъ подвиги кавалеристовъ по морской части во время блокады англійскимъ флотомъ нашихъ береговъ. Служилъ онъ тогда въ уланахъ. Вотъ получаетъ онъ приказъ: собрать эскадронъ,—топить суда въ Ревелѣ.

— Собралъ я эскадронъ. Привелъ къ морю. Людей сѣшилъ и велю по командѣ топить суда.

— „А какъ ихъ топить?—разсказывалъ Феть,—ни я, никто не знаетъ“.

— Велите, вашскородіе, по бортамъ окошки рубить надъ водой,—посоветовалъ вахмистръ.

— „Рубить“—скомандовалъ я. Стали рубить. Рубятъ, а судно не тонетъ.

— Раскачать надо,—вода набѣжить, безпремѣнно потопить,—советуетъ опять вахмистръ.

— „Раскачивай, ребята“. И весь эскадронъ принялся качать судно, все не тонетъ. Что тутъ дѣлать. А нѣмцы шельмы стоятъ на берегу и смѣются.

— „Взять сюда нѣмца! привести!“—скомандовалъ я. Привели.

„Какъ топить судно слѣдуетъ“?—спрашиваю.

— Да не такъ, какъ вы топите! Вы людей-то, пожалуй, потопите, а судно нѣтъ,—ломается нѣмецъ.

— „Фухтелей ему“, командую:—„говори, нѣмецъ!“

— „Провертите въ днѣ дыру, разомъ потонетъ, только убѣжать успѣвайте“,—испугался, научилъ, спасибо, нѣмецъ.

— „И точно, какъ только провертели, такъ судно и пошло на нашихъ глазахъ ко дну,—насилу мои уланы удрать успѣли“...

Или повѣствованіе о необычайной образованности артиллеристовъ.

Въ Елизаветградѣ знакомая цѣлому ряду поколѣній офицеровъ жидовка содержитъ трактиръ у самага вѣзда. Никто изъ военныхъ его не минуетъ. Даже корпусный командиръ и тотъ непремѣнно отобѣдаетъ и непремѣнно поразспроситъ у еврейки: что новенькаго? Какія проходили команды, и что дѣлали офицеры. Вотъ еврейка и примется разсказывать.

— Проходили, ваше превосходительство! много прошло,—и офицеровъ много было... На дняхъ были артиллеристы. Ахъ какіе милые, какіе образованные молодые люди. Такіе милые, такіе образованные, что того и сказать нельзя.

— Что же они такое, особенное дѣлали?—любопытствуетъ генераль.

— Ахъ, ваше превосходительство! Они тутъ *всѣ* дѣлали: и ѣли—много ѣли! и пили—ахъ, какъ только они много пили, просто *пре-лиети!!*. Потомъ *тарѣлки, румки, пудильки—всѣ* разбили—за *всѣ* заплатили!! Ахъ, какіе милые, какіе образованные молодые люди!!

— Надо бы перетащить Тургенева сюда!—не разъ говорилъ Некрасовъ и наконецъ поѣхалъ за нимъ въ Парижъ; но засталъ Тургенева больнымъ, при чемъ даже умилился и даже отчасти въ прегрѣшеніяхъ своихъ покаялся.

— Живеть бѣдный въ третьемъ этажѣ, даже лучшій докторъ не хочетъ его лѣчить: выше второго, говорить, не поднимаюсь. А мы-то на его счетъ наживаемся! Онъ намъ подписку дѣлаетъ, а самъ чуть не на чердакѣ больной лежитъ... Это выходитъ какъ бы ужъ и безсовѣстно...

Я знаю, что Тургеневу были высланы вслѣдъ за тѣмъ деньги изъ редакціи „Современника“, не знаю только, была ли то замедленная уплата за выполненную работу, или выдача за будущую...

У Некрасова такія движенія случались. Писателямъ далеко не такимъ крупнымъ, между прочимъ, Пальму, онъ выдавалъ впередъ довольно часто и по-долгу ждалъ отдачи рукописями. Смѣнившій его Салтыковъ гнѣвно принялся требовать отдачи, и самъ не ссу-жалъ впередъ...

Лучшаго редактора, какъ Некрасовъ, я не зналъ; едва-ли даже былъ у насъ другой такой же. Были люди свѣдущіе его, образованнѣе: Дружининъ, напримѣръ; но умнѣе, проникательнѣе и умѣлѣе въ сношеніяхъ съ писателями и читателями никого не было. Краевскій былъ просто толковымъ хозяиномъ литературной лавки со значительной приправой кулачества; литературнаго вкуса у него и духу не было. Некрасовъ былъ тонкаго обонянія редакторъ, эстетикъ, какихъ мало (хоть онъ и обязанъ былъ скрывать этотъ порокъ отъ столповъ своей редакціи, Чернышевскаго и Добролюбова). Эстетическую контрабанду онъ одинъ умѣлъ проносить въ журналъ черезъ такія таможенныя заставы, какія воздвигнуты были отрицаніемъ искусства,—въ то время, когда.... „Рукописи съ направле-ніемъ“ стояли ему поперекъ горла.

— Нынче, жаловался онъ—развѣ лѣнивый пишетъ безъ направле-нія; а вотъ чтобы съ дарованіемъ, такъ не слышать что-то...

Статья и помимо содержанія должна читаться. Она обязана быть литературной,—и читаться въ таковомъ видѣ будетъ.

Знаніе вкусовъ читателей у него выражалось не безъ своеобразнаго юмора.

— Читатель вѣдъ чего хочетъ. Онъ хочетъ, чтобы повѣсть была

поскучнѣе; серьезная, дескать, повѣсть, не какая-нибудь,—а ученая статья чтобъ была повеселѣе: онъ прочитаетъ ее можетъ...

Никогда онъ не ошибался въ выборѣ рукописей: „читаться будетъ“!—скажетъ и напечатаетъ. Смотришь, читаютъ точно. Ошибся онъ одинъ разъ, за то сильно, нехорошо и неразсчитливо ошибся, съ повѣстью Достоевскаго „Село Степанчиково“, которая была точно слаба, но которую тотъ привезъ съ собой изъ ссылки, и которую редакторъ „Современника“ ужъ по одному этому обязанъ былъ взять.

— Достоевскій вышелъ весь. Ему не написать ничего больше,— произнесъ Некрасовъ приговоръ—и ошибся: Достоевскій въ отвѣтъ взялъ да и написалъ „Записки изъ Мертваго Дома“ и „Преступленіе и Наказаніе“. Онъ только дѣлался „весь“. Некрасову на этотъ разъ чутье измѣнило.

Печальный случай этотъ имѣлъ и послѣдствія печальныя. Что „Современникъ“ добровольно потерялъ тѣ перлы, которые могли украсить его книжки, еще горе не особенное: онъ подбиралъ ихъ въ изобиліи у Льва Толстого, у Тургенева, Писемскаго, Островскаго... Но въ судьбѣ Достоевскаго, разбитаго каторгой, больного падучей болѣзью, озлобленнаго, щекотливаго и обидчиваго, отсюда пошелъ поворотъ, надѣвшій на весь остатокъ его жизни кандалы нужды и срочнаго труда... А онъ только что избавился отъ другихъ кандаловъ.

— Если такъ, рѣшилъ онъ,—я заведу свой собственный журналъ. И тоже ошибся.

При помощи родного брата Михаила Михайловича, собралъ онъ кое-какія средства: взялъ на себя отдѣлъ полемики: нападалъ, отбивался, грызся и грызъ; но положилъ въ это дѣло и свое здоровье и послѣднія средства свои и брата (человѣка семейнаго), остался за барьеромъ съ долгами, съ смертельнымъ недугомъ, нажитымъ въ Сибири, развившимся въ редакціи. Онъ сердился, а его противники смѣялись,—и смѣхъ побѣдилъ. Его журналъ „Эпоху“ Салтыковъ прозвалъ „юшкой“, а членовъ редакціи „стрижами“; самъ Некрасовъ помѣстилъ въ „Свисткѣ“ нѣсколько смѣшныхъ куплетовъ на счетъ „Сухихъ тумановъ“ и „Жителей луны“, по цѣлымъ мѣсяцамъ населявшихъ книжки журнала.

Когда же о сухихъ туманахъ
Статейку тиснешь невзначай,
Внезапно засвиститъ въ карманахъ.
Тогда ложись и умирай

повѣствовалъ „Свистокъ“.

Надъ жителями луны издѣвались еще больше, даже не прочитавши статей; а онѣ затѣмъ именно и писались, чтобы доказать, что на лунѣ никакихъ жителей нѣтъ. Бѣдный Достоевскій отъ всего

этого страдалъ глубоко; слѣды непріязни „Современника“ видѣлъ тамъ, гдѣ ихъ быть могло не болѣе, чѣмъ жителей на лунѣ. Сломался въ типографіи какой-то валъ какъ разъ къ выходу сезонной книжки: рука „Современника“ и тутъ была,—она сломала валъ! безъ нея онъ не сломался бы!...

— Но вѣдь валы не въ одной вашей типографіи ломаются,—старались его успокоить.

— Ломаются, да-съ, но не къ выходу книжки! А тутъ именно къ выходу! и именно сезонной, передъ подпиской. Нѣтъ, тутъ не безъ руки „Современника“! нѣтъ! Для меня это совершенно ясно!

Больно и жалко было видѣть въ это время Достоевскаго. Онъ походилъ на затравленнаго, но все еще огрызающагося звѣря...

По возвращеніи изъ Италіи Некрасовъ не нашелъ еще въ Россіи начала первыхъ вольностей литературныхъ; онѣ пришли годомъ—двумя позже. Но когда онѣ пришли, пришло и окончательное его возвышеніе, какъ поэта и редактора. Только звонъ „Колокола“ изъ Лондона въ силахъ былъ покрывать собою „Свистокъ“ „Современника“, а руководящими статьями критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовало, чуть не все отъ мала до велика, читающее общество...

Имя Панаева еще стояло на сиреневой оберткѣ журнала, но редакторство его ограничивалось держаніемъ корректуры и фельетономъ новаго поэта. Панаевъ еще жилъ на общей съ Некрасовымъ квартирѣ; но въ ней онъ занималъ уже одну комнату во дворѣ, а рядъ большихъ комнатъ на улицу принадлежалъ Некрасову. У послѣдняго была шапка—боярка,—мода, появившаяся съ конца пятидесятихъ годовъ,—изъ такого темнаго и сѣдого соболя, что бѣдный Панаевъ, теперь обреченный на муки Тантала при видѣ всего моднаго, ему болѣе недоступнаго, готовъ былъ, по собственному сознанию, отдать нѣсколько лѣтъ жизни за эту шапку! Самый модный англичанинъ портной облакалъ теперь въ самыя отборныя издѣлія англійскихъ мануфактуръ тѣло Некрасова, когда-то довольствовавшееся произведеніями съ толкучаго рынка, и самыя тонкіе обѣды подавались по нѣсколько разъ въ недѣлю самому разнообразному составу гостей когда-то голодавшимъ Некрасовымъ... Благодаря почти Чичиковской способности съ каждымъ говорить и обходиться соотвѣтственно его значенію, Некрасовъ дѣлилъ и гостей своихъ соотвѣтственно значенію обѣдовъ, или обѣды задавалъ соотвѣтственно значенію гостей. Такъ у него были обѣды для людей свѣтскихъ, преимущественно игроковъ, ничего общаго съ литературой не имѣвшихъ. Это были самыя тонкіе обѣды. За ними слѣдовали обѣды для знаменитыхъ литераторовъ, вносителей беллетристическихъ перловъ

въ сокровищницу „Современника“, съ редакціей имѣвшихъ мало общаго: потомъ обѣды редакціонныя, собиравшіе къ столу постоянныхъ сотрудниковъ журнала; такіе давались рѣдко, въ случаяхъ исключительныхъ; наконецъ, обѣды, которые можно было назвать эстетическими, гдѣ Некрасовъ, не сдерживаемый препятствіями „направленія“, позволялъ себѣ являться эстетикомъ по душѣ, отводя эту душу отъ обѣдовъ редакціонныхъ, для которыхъ эстетика запрягивалась такъ, чтобы и подозрѣнія о ней не было.

На эстетическихъ обѣдахъ бывало по два, по три человека, не болѣе: Дружининъ, Гончаровъ, иногда Григоровичъ. Тутъ хозяинъ читывалъ тѣ задушевные изліянія своей поэзіи, какимъ суждено было долго не появляться на свѣтъ. Для своего „Рыцаря на часъ“ онъ позвалъ только Дружинина и меня и прочелъ со слезами въ голосѣ этотъ покаянный вопль своей грѣховной души...

Читалъ онъ всегда все (кромѣ самыхъ крупныхъ вещей) наизусть. Память у него была удивительная, а писалъ онъ необыкновенно легко.

— Я запрудилъ бы стихами литературу, — говаривалъ онъ, — если бы только далъ себѣ волю.

Изъ обѣдовъ, задававшихся вносителямъ перловъ, мнѣ остался памятиѣе другихъ тотъ, на которомъ я познакомился съ Тургеневымъ. Обѣдъ этотъ могъ бы быть названъ выставкою цвѣта русской литературы. Выбившись изъ подъ Николаевского снѣга сороковыхъ и начала пятидесятихъ годовъ, она отходила теперь на весеннемъ солнышкѣ первыхъ вольностей воцарившагося Александра. Тутъ были: печатавшій своего „Обломова“ Гончаровъ — кругленькій, пухлый, съ сонливо-спокойнымъ взглядомъ свѣтлыхъ глазъ изъ-подъ широкихъ вѣкъ въ ячменяхъ; Писемскій, — съ лицомъ, какъ самоваръ изъ красной мѣди, и черными на выкатѣ, какъ уголья, глазами, — Писемскій — „Тысячи Душъ“ и „Горькой судьбины“; рыжеватый и бѣлый, какъ банщикъ, или молодецъ изъ лабаза, — Островскій — „Любима Торцова“, огромный Тургеневъ — „Дворянскаго гнѣзда“, которое уже набиралось для „Современника“; сухой, длинный, съ длиннымъ лицомъ, висячими волосами и бородою Полонскій — „Кузнечика-Музыканта“, тоже длинный, но пооткормленнѣе или брюзглѣе, съ подслѣповатыми вѣчно потупленными глазками Дружининъ, редактирующій „Библиотеку для чтенія“; похожій на маркера Панаевъ — новый поэтъ „Современника“; прозванный имъ „critique fin“ Анненковъ, пучеглазый, съ кувшиннымъ рыломъ, получившій свой свѣтъ отъ большихъ солнць литературы, около которыхъ неустанно вращался; Московскій краснобай, остроумный и стародавній, теперь заново реставрированный писатель, Павловъ, въ высокомъ, намотанномъ вокругъ шеи

галстухъ по модѣ тридцатыхъ годовъ; наконецъ два самыхъ яркихъ представителя только-что народившейся породы „новыхъ людей“—будущихъ нигилистовъ,—Чернышевскій, маленькій, блѣдный и худой, въ золотыхъ очкахъ, съ тонкими чертами лица и длинными свѣтлыми волосами, и Добролюбовъ,—высокій съ волосами довольно темными, крупными чертами лица (строгаго педагога или протестантскаго пастора)—тоже въ очкахъ. Оба съ ироническимъ отношеніемъ къ окружающему. Молчаніе было съ ихъ стороны отвѣтомъ на все, что ни говорилось. Одинъ разъ только пошутилъ вслухъ Добролюбовъ и то по адресу своего сосѣда Чернышевскаго, когда заговорили о какомъ-то стихотворцѣ, который писалъ оды Николаю и ходатайствовалъ о переименованіи его настоящей фамиліи въ фамилію Николаевскаго.

— Какъ переименовали Грязную улицу,—вставилъ Добролюбовъ.

Улица эта недавно была изъ Грязной переименована въ Николаевскую.

Анненковъ увидѣлъ возможность совершить вращеніе въ сторону восходящихъ солнць: поднялъ надъ тарелкою ладони и изобразилъ ими рукоплесканіе. Но тамъ это не было даже замѣчено.

Некрасовъ разливалъ супъ въ головѣ длиннаго стола, Панаевъ,—въ хвостѣ накладывалъ щи. Разговоромъ съ понаторѣлостью москвича и свѣтскаго человѣка, завладѣлъ Павловъ, не стѣсняясь сосѣдствомъ Тургенева, первенство котораго, на то время безпрекословно признанное, такимъ образомъ какъ бы упразднилось. Иванъ Сергѣевичъ дѣлалъ видъ, что тѣмъ лучше для него, пусть эту тяготу берутъ на себя другіе. Онъ прижималъ високъ концами пальцевъ и жаловался на мигрень. Напрасно пытались его развлечь и увлечь разговоромъ, который, по общей участи разговоровъ русскихъ людей, будь они сама соль земли,—никакъ не переходитъ въ увлекательный. Тщетно подносили Тургеневу вазу съ буше-де-дамъ, которые лакомый Панаевъ называлъ „услудою жизни“: онъ ото всего отказывался, капризничалъ, какъ женщина, и пришепетывалъ, какъ дитя. Послѣ обѣда онъ повалился на широчайшее кожаное пате, усадилъ рядомъ Полонскаго и принялся спрашивать, что его жена? Полонскій привезъ тогда изъ Паряжа свою прелестную первую жену, веселую и щебетавшую, какъ птичка.

Знакомство наше съ И. С. на этотъ разъ ограничилось обмѣномъ тѣхъ пошлостей, отъ которыхъ не краснѣютъ только потому, что онѣ говорятся при первомъ знакомствѣ. Началось же оно и не совсѣмъ благополучно, съ того достопамятнаго вечера, когда В. П. Анненкову вздумалось сюрпризомъ привести Тургенева къ намъ.

Павель Васильевичъ былъ своего рода литературнымъ оруже-

*

носцемъ Ивана Сергѣевича и въ этомъ качествѣ несомнѣнно перейдетъ въ потомство, вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ испанскимъ собратомъ. Онъ отвелъ въ себѣ помѣщеніе для всего, что касалось его рыцаря; часто самъ Тургеневъ отсылалъ къ нему за разрѣшеніемъ своихъ личныхъ вопросовъ: „спросите у Анненкова, онъ это лучше знаетъ“.

Анненкову не терпѣлось показать Тургенева поближе, и вотъ онъ привелъ его прямо вечеромъ, когда у насъ собирались запросто. Сидѣли Феть, Григоровичъ и Дружининъ. Вдругъ вбѣгаетъ Анненковъ, съ глазами, ужъ и въ спокойномъ-то состояніи достаточно выпученными, но теперь просто выскакивавшими изъ головы и, въ томъ возбужденіи, въ какомъ находится носитель чего-то необычайнаго,—воскликаетъ: „кого я съ собою привелъ!. Угадайте. Пари держу, не угадаете!“

— Разумѣется, *Тургеньева!*—протянулъ мягкимъ своимъ произношеніемъ Дружининъ.

— Ивана Сергѣевича! Да, дорогого гостя! кричалъ радостно Анненковъ:—онъ поднимается себѣ потихонько, а я такъ залпомъ взбѣжалъ на лѣстницу.

— Какъ оно и подобаетъ въ ваши молодые годы—вставилъ Дружининъ.

Анненковъ былъ лѣтъ на десять старше Тургенева.

Онъ суетился. Ему хотѣлось весь домъ поднять на ноги.

— Дорогой гость! Вотъ ужъ дорогой-то гость!—возбуждалъ онъ присутствующихъ. Наконецъ таки не выдержалъ,—выбѣжалъ въ прихожую и оттуда съ торжествомъ ввелъ Тургенева.

Но домъ ли недостаточно поднялся, или не было той стѣны женскихъ юпокъ, которая тотчасъ возникала вокругъ, куда онъ ни показывался (ахъ, Иванъ Сергѣевичъ! *cet adorable* И. С.! очаровательный И. С!.. ахъ, И. С!.. охъ И. С!..“),—только лицо дорогого гостя приняло сразу выраженіе неудовлетворенное, не то усталое, опять угрожающее мигренью.

На всѣхъ точно капля горькая упала. Анненковъ даромъ растрачивалъ свою игривость; наивныя выходки Фета, которая въ другое время удостоивались даже перехода цѣликомъ на страницы произведеній И. С., едва снискивали его снисходительное прощеніе. Долѣе другихъ не истощался вообще неистощимый Григоровичъ. Онъ пробовалъ пустить въ ходъ, кромѣ самого себя, наши альбомы, стараясь придать рисункамъ значеніе преувеличенное, но и тѣ не получили ничего, кромѣ снисхожденія. За чаемъ И. С. находился уже окончательно во власти мигрени, не отрывалъ рукъ отъ висковъ, почти не слушалъ обращаемыхъ къ нему словъ и довольно

рано всталъ и церемонно распростился. Огорченный Анненковъ послѣдовалъ за нимъ.

Тѣмъ, которые остались, вдругъ сдѣлалось стыдно,—точно они провинились чѣмъ-то; невольное чувство при видѣ неловкости или несправедливости другого.

— Чортъ знаетъ, право, что за человекъ этотъ Иванъ Сергѣевичъ!— первый заговорилъ Дружининъ. Милѣйшее въ мірѣ существо, а надѣлаетъ вдругъ такихъ пакостей, какъ никто! И вѣдь всегда почти для перваго знакомства. Просто даже досадно. Вы вправѣ о немъ думать теперь, какъ о величайшемъ невѣжѣ. И все оттого, что никакъ не можетъ спроста,—непремѣнно надо для начала поломаться.

Вслѣдъ за Дружининымъ заговорили другіе, и всякій привелъ нѣсколько случаевъ такихъ же шероховатыхъ началъ знакомства съ Тургеневымъ, переходившихъ потомъ въ самыя задушевныя... Отъ человека обратились къ писателю. И здѣсь опять Дружининымъ обнаружена была храбрость, несвойственная—соприкасавшимся къ Тургеневу. Онъ дерзко замѣтилъ въ великомъ писателѣ способность „изгадить“, какъ выразился, самый лучшій сюжетъ въ мірѣ, благодаря безхарактерности и лѣни. Въ появившемся тогда романѣ „Наканунъ“—(романъ только для лѣнивѣйшаго Ивана Сергѣевича,)—добавилъ онъ,—это было особенно поразительно. Отсюда же прямо перешли на статью о „Наканунѣ“ Добролюбова, составлявшую дневную злобу литературныхъ кружковъ. Она должна была появиться въ „Современникѣ“, но покуда не появлялась. Въ ней устами критика впервые говорилось гласно то, о чемъ до сихъ поръ проговаривались тайно. Некрасовъ, по дружбѣ, еще висѣвшей на ниточкѣ, послалъ автору корректурные листы, предоставляя указать мѣста неприятныя и обѣщая ихъ сгладить или совсѣмъ выбросить. Тургеневъ, къ удивленію, отъ такого права не отказался. Однако, какъ Некрасовъ ни стригъ Добролюбовскихъ ногтей, а они все-таки царапали самолюбіе избалованнаго писателя.

Я выразилъ мнѣніе, что Тургеневу слѣдовало бы просто возвратить корректурные листы, не читая, и сказать, что онъ прочтетъ статью, когда она появится въ журналѣ. Поспорили, посудили,—кой-кому такой взглядъ показался слишкомъ радикальнымъ,—довольно поздно разошлись и позабыли о томъ, что было. Какъ вдругъ по утру входитъ мой дядя Егоръ Петровичъ Ковалевскій и испуганно спрашиваетъ: что у насъ такое вышло съ Тургеневымъ.

— Ты его смертельно обидѣлъ,—говорилъ дядя:—прибѣжалъ ко мнѣ чуть свѣтъ, жалуется, что у васъ его осуждали, и ты всѣхъ больше. За что это, объясни Бога ради? онъ проситъ моей защиты... Только еще дуэли не доставало...

Трагическій оборотъ вчерашняго вечера дѣлался смѣшонъ. Я въ такомъ смыслѣ и объяснилъ происходившее дядѣ. Онъ не разъ захлебывался своимъ смѣхомъ.

— Я васъ помирю!—рѣшилъ онъ.

Такимъ образомъ, все разъяснилось и уладилось. Оставалось неразъясненнымъ одно: кто могъ передать Тургеневу и когда успѣлъ? Разошлись такъ поздно, что надо было позаботиться только о томъ, какъ бы поскорѣе уснуть.

Прошла недѣля. Собрались опять. Первымъ явился Григоровичъ и еще на порогѣ, прижимая руки къ груди на ходу, сталъ божиться.

— Клянусь Богомъ, это не я!.. Я ничего не передавалъ!.. Клянусь, это не я!..

И этимъ себя выдалъ. Посмѣялись еще. Трагедіи такъ-таки и не вышло.

О происшедшемъ Тургеневъ никогда ни однимъ словомъ не обмолвливался. И мы всегда встрѣчались, какъ будто никогда этого и не было.

Въ натурѣ Тургенева было столько женственнаго, что не могло не быть и мелкаго; въ ней по тому же самому много было и обаятельнаго. Вѣдь и его дарованіе имѣетъ обаятельность женщины. И не было ли преобладаніе мелкихъ чертъ одною изъ причинъ притягательности Ивана Сергѣевича? Къ такимъ обыкновенно боятся и приступиться. А кто же боялся приступиться къ милѣйшему Тургеневу. Ему, напротивъ, случалось бояться, и совершенно напрасно, какихъ-то исполиновъ искусства, которыхъ онъ самъ же открывалъ.

— „Пропали мы всѣ! пропали!“—кричитъ онъ, бывало, по поводу выкопаннаго имъ стихотворца или беллетриста:—„всѣхъ насъ лоскомъ положить“. И при этомъ падаетъ ничкомъ на диванъ и даже совершенно несоотвѣтственно своему росту дрыгаетъ ногами...

Разумѣется, не пропадалъ никто, кромѣ тѣхъ, которые лоскомъ должны были класть другихъ, и И. С. успокаивался—до новаго открытія.

Зато было у него чутье тамъ, гдѣ другіе ничего не чуяли. Помню его замѣчательныя слова при появленіи Льва Толстого: „вотъ, наконецъ, преемникъ Гоголя и, какъ и слѣдовало ожидать, нисколько на него не похожій“.

Совокупите всѣ эти черты, и только тогда предстанетъ нѣкоторый обликъ Тургенева. Говорю „нѣкоторый“, потому что сузу по его облику живописному, который не переданъ никѣмъ сполна. Даже у такихъ мастеровъ, какъ Перовъ, К. Маковскій, Рѣпинъ,

Тургеневъ еще не Тургеневъ. У одного онъ почти монументально строгъ, у другого до приторности сладокъ, у третьяго какъ бы и тотъ, да не тотъ. Портрета Харламова я не видѣлъ, но слышалъ, что и онъ не передаетъ Тургенева. Прочтите, наконецъ, описаніе его наружности во множествѣ появившихся воспоминаній, записокъ. О ней говорятъ или какъ о необычайно изящной, или какъ о наружности великана. Французы такъ-таки и называютъ его великаномъ (un géant). А между тѣмъ о ней всего ближе можно выразиться, что она была изящно-груба, барски-аляповата въ смыслѣ стараго настоящаго барства, еще по-русски здороваго, на привольѣ наслѣдственныхъ тысячъ десятии и тысячи душъ, мускульно развито и только покрытаго французскимъ лакомъ... Тургеневъ былъ изященъ по манерамъ, тонокъ по обращенію (когда не ломался), по вкусамъ, но ужь отнюдь не по чертамъ лица, которыя были крупны всѣ, кромѣ глазъ, не по складу тѣла тяжелаго и мѣшковаатаго. За улыбку этихъ маленькихъ свѣтлыхъ подслѣповатыхъ глазъ женщины обожали его, какъ мужчину, мужчины,—почти какъ женщину. И точно улыбались эти глаза совсѣмъ особенно по-Тургеневски: такъ ни у кого они не улыбались... У такого большого человѣка, а все самое маленькое и было-то самое лучшее, глаза, и „Записки охотника“ и „Первая любовь“ и такъ называемыя „Стихотворенія въ прозѣ“...

Послѣдняя моя встрѣча съ Тургеневымъ была осенью 1881 г., въ Петербургѣ, въ магазинѣ Овчинникова, гдѣ онъ покупалъ для Парижа серебряныя вещи въ русскомъ стилѣ. Никогда еще я не видѣлъ его въ такомъ цвѣтѣ здоровья. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова розовый, отлично выкормленный, моложавый старикъ, съ блестящими жизнью глазами, которому готовилась Гетевская старость, что я ему и выразилъ.

— Да, я таки понабрался черноземнаго здоровья въ деревнѣ,—хвалился онъ,—и совершенно собою остаюсь доволенъ...

— А набрались ли еще чего другого?—спросилъ я.

Онъ улыбнулся своею улыбкою глазъ.

— Я, знаете ли, какъ губка: пріѣду въ Россію и напиваюсь, сколько могу. Потомъ жму себя. Иной разъ пожмешь,—окажется, напился недурно,—потечетъ; а другой разъ выцѣдишь нѣсколько капель...

— Будемъ надѣяться, что на этотъ разъ потекутъ цѣлые потоки...

— Гдѣ ужь намъ о потокахъ помышлять.

Могъ ли я думать, что года два спустя, въ чудное осеннее утро, какія разстилаются во всей своей красѣ надъ Комскимъ озеромъ, я прочту въ числѣ извѣстій, до которыхъ мнѣ не было никакого дѣла

въ какой-то газетѣ, валявшейся на столикѣ трактирной террасы въ Балляджію,—что Тургеневъ умеръ. Краски чисто тургеневскаго пейзажа лежали на водѣ, на горахъ и въ воздухѣ... Пейзажъ этотъ стоялъ передо мною живой и стоитъ онъ теперь живой, и всегда будетъ стоять... и его будутъ видѣть другіе, а художникъ, его такъ чудно передавшій, ужь никогда не увидитъ!..

Но возвратимся къ прерванному повѣствованію объ обѣдахъ Некрасова.

Чуть-ли не самые многолюдные были обѣды редакціонные, а ужь самые разношерстные были несомнѣнно они. Помню огромные глаза Салтыкова, перепуганно-озирающіеся на сотрапезниковъ, между которыми дикообразный Рѣшетниковъ производилъ на него какое-то удручающее впечатлѣніе.

— Сядемте пожалуйста рядомъ. Ей-Богу даже не безопасно, угоривается бывало Салтыковъ.

Если когда кормъ бывалъ не въ коня, то ужь конечно на этихъ обѣдахъ. Порціонные цыплята, зимою и лѣтомъ, выставка бутылокъ разнообразныхъ винъ передъ каждымъ приборомъ,—являлись тутъ почти насмѣшкою. Собирались, напримѣръ, сотрудники обсудить вопросъ: по сколько копѣекъ вычитать изъ ихъ гонорара, чтобы собрать сумму на случай крайней нужды одного изъ нихъ, не прибѣгая къ пособію „литературнаго фонда“, и тутъ же издерживалась сумма въ цыплятахъ и дорогихъ винахъ, въ которыхъ никто не нуждался. Многіе напротивъ страдали отъ замѣны ими простой водки.

Салтыковъ особенно занимался такими страдальцами.

— Посмотрите, посмотрите! Видите, какъ страдаетъ!—толкалъ онъ меня локтемъ, указывая на преслѣдовавшаго его Рѣшетникова.

Тотъ выбиралъ между бутылками, чего бы влить въ себя по существу; но въ сравненіи съ водкой, существеннымъ ничто не представлялось. Онъ поднималъ бутылку повыше, смотрѣлъ на свѣтъ, что въ бутылкѣ содержится, пытался получать указанія отъ ярлыковъ, но они были иностранные; наконецъ, вздохнувши наполнял до краевъ стаканъ хересомъ и вливалъ себѣ въ горло, какъ въ трубу.

Тутъ ужь Салтыковъ не выдерживалъ: „какое животное“—шипѣлъ онъ злобно.

Некрасовъ благодушно усмѣхался во всѣ стороны.

— Пусть ихъ полакомятся!—говорили его каріе съ лукавствомъ глаза:—не всякій день получаютъ.

Не всякій день получались тутъ и тѣ мнѣнія, какія высказывалъ хозяинъ по разнымъ предметамъ. Болѣе чѣмъ когда они были чичиковски привѣтливы къ составу обѣдавшихъ.

Нельзя не упомянуть еще объ обѣдахъ специальныхъ съ глазу на глазъ съ одними редакторами,—обѣдахъ сперва для цензора, а впослѣдствіи для члена управленія по дѣламъ печати, приставленнаго ходить за журналомъ. Эти исключительные обѣды не допускали для себя полной гласности, подобно людямъ, для которыхъ они предназначались. Какъ-то я, ничего не подозревая, пришелъ къ Некрасову въ послѣобѣденный часъ. Со стола еще только убрали. Было это уже по запрещеніи „Современника“, когда Некрасовъ вмѣстѣ съ Салтыковымъ редактировали „Отечественныя Записки“, откупаясь отъ Краевского его подписью на задней оберткѣ журнала, за которую онъ получалъ отъ нихъ не менѣе ста рублей съ буквы каждый мѣсяць. И каково же было мое удивленіе при видѣ слѣдующей картины: маленькій Фуксъ—тотъ самый Фуксъ, котораго Салтыковъ, въ качествѣ Щедрина, печатно называлъ Фуксенкомъ, да еще съ эпитетомъ „погананаго“, закуриваетъ сигару о сигару Михаила Евграфовича, уста въ уста, и Михаилъ Евграфовичъ хоть мрачно, но поддается этому Іудину лобзанію сигарь.

— Прикармливаемъ звѣря, — объяснилъ мнѣ Некрасовъ: — приставленъ ходить за нами...

Салтыковъ злобно взглянулъ на меня и такъ мотнулъ шеей, какъ даже онъ обыкновенно не моталъ. Его совсѣмъ перевернуло.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— А вы ужъ и рады!—брякнулъ онъ, по его миѣнію тихонько, но такъ, что всѣмъ было слышно.

— Вѣдь онъ дьячекъ, — объяснилъ Некрасовъ, провожая меня потомъ въ прихожую:—по селамъ такіе водятся: злобные и съ косою. Пойскать у Салтыкова подъ сюртукомъ хорошенько, такъ у него непременно эта самая коса на закривкѣ окажется...

— А крѣпко не любить, чтобы его въ такомъ видѣ знали. Все норовить, какъ бы въ наилучшемъ!—подсмѣивался онъ.

Некрасовъ откровеннѣе совершалъ то, чего не могъ дѣлать въ наилучшемъ видѣ. Разъ мнѣ довелось также неожиданно зайти къ нему въ самый разгаръ игры, продолжавшейся нѣсколько сутокъ. Остатки не то ужина, не то завтрака на тарелкахъ, на блюдахъ, на подносахъ, стоявшихъ въ безпорядкѣ, гдѣ ни попало: по стульямъ, диванамъ, на корректурныхъ листахъ, — бутылки, стаканы и нѣсколько человекъ играющихъ, въ такомъ же безпорядкѣ, заставили меня попятиться назадъ. Но Некрасовъ меня увидѣлъ и предупредилъ.

— А, это вы, отецъ! куда же вы! Дайте, я къ вамъ вылѣзу.

И точно вылѣзъ, и повелъ въ другую комнату.

— Это мы „освѣжаемъ“ новичка,—объяснилъ онъ мнѣ. Третью ночь не ложимся. Кто послабѣе, вздремнетъ на диванѣ... И ничего.

Нервы только это отлично разматываетъ: какъ покончимъ, стихи писать стану.

Онъ увѣрялъ, что никогда такъ хорошо не пишетъ, какъ послѣ „освѣженій“.

— А то заспишь, заѣшь совсѣмъ ихъ, проклятые (нервы), ходишь, какъ дубина!

И этого человѣка посылали умирать когда-то въ Италію!

— А что значитъ „освѣжать“?—полюбопытствовалъ я.

— Это, отецъ, хорошее слово. Я ему выучился у нашего повара. Когда онъ потрошитъ птицу, такъ говоритъ, что ее „освѣжаетъ“. Вотъ и мы тоже, когда потрошимъ горячаго игрока, то говоримъ, что освѣжаемъ его...

Искренность это или цинизмъ,—что хотите; но во всякомъ случаѣ не притворство.

Притворялся Некрасовъ не въ жизни,—онъ былъ слишкомъ порусски смѣтливъ, чтобы притворяться тамъ, гдѣ шила въ мѣшкѣ не утайшь,—притворялся онъ гораздо хуже: въ искусствѣ, въ дѣлѣ, на которое природа благословила его особымъ даромъ. Онъ родовое свое достояніе сдалъ въ пожизненную аренду подъ чужія ученія, которыхъ даже ясно не сознавалъ, потому что ихъ хорошенько и не зналъ, а принялъ на вѣру отъ другихъ. Какъ человѣкъ недюжиннаго ума и смекалки необыкновенной, онъ привыкъ къ этимъ ученіямъ и, не сроднясь съ ними душой, пребылъ имъ умственно вѣренъ до конца. Онъ сдерживалъ вдохновеніе, когда оно рвалось не въ ту сторону, и завидовалъ тѣмъ, кто не былъ обязанъ его сдерживать.

— Да кто же васъ-то обязалъ?—бывало спросишь его:—за что вы на себя цѣпи-то кладете?

— Кто обязалъ, отецъ? Все мое литературное прошлое и тѣ люди, которые идутъ со мною. Развѣ я вправѣ отъ нихъ отдѣлиться? Вы-то вольны, а я не воленъ... нѣтъ.

Онъ не рѣшился напечатать въ „Современникѣ“ одного стихотворенія (которое ему очень нравилось) за то, что въ немъ говорилось о косьбѣ, какъ о забавѣ и весельѣ мужика въ ведро, а не какъ о тягостномъ трудѣ.

— Да вѣдь это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь мужики даже въ праздничныя рубахи одѣваются для этого!

— Такъ-то оно такъ, отецъ! Только мнѣ-то нельзя въ моемъ журналѣ такъ разговаривать. Скажутъ: Некрасовъ мужика жалѣть пересталъ: гдѣ забаву нашелъ, въ косьбѣ!..

— Значитъ, надо говорить неправду: что косьба—мѣха?

— Надо, отецъ! Дѣлать нечего. Я-то отлично знаю, что не мѣха

она, а доподлинно забава и есть для мужика. Да, нѣтъ не велятъ нашему брату такимъ манеромъ разговаривать-то.

Совершенно эпически начатую поэму „Кому на Руси жить хорошо“ онъ дальше принялся портить дидактическими вставками потому что тѣ, которые „не велятъ такимъ манеромъ разговаривать“, нашли добродушно-шутливое отношеніе къ мужику неуважительнымъ. Никуда негодныя сатиры онъ писалъ смѣло, а лучшія лирическія вещи украдкой, въ родѣ того, какъ ученики сочиняютъ стихи подъ классной скамьей.

Отдавши себя въ неволю въ томъ, что должно было составлять раздолье и отраду жизни, свободный только въ средствахъ матеріальныхъ, которыя лились на него дождемъ и съ литературно-журнальнаго и съ игорнаго горизонта (онъ былъ необычайно счастливъ въ картахъ и такъ сдержанъ, что всегда оставался въ выигрышѣ),— Некрасовъ вполне свободно предавался только страсти къ охотѣ, да къ своей черной лягавой „Кадошкѣ“, которую любилъ, какъ человѣка. По свидѣтельству старика Дюма, „le grand poète russe“ любилъ еще и Григоровича; но я этого уже не засталъ и могу свидѣтельствовать только о любви его къ „Кадошкѣ“...

Ему позволялось вскакивать на столъ за обѣдомъ и лакать воду изъ хрустальныхъ кувшиновъ; для него подавалась жареная куропатка или жареный рябчикъ, и онъ ихъ съѣдалъ на коврѣ, иногда заносилъ на диванъ и трепалъ на дорогой обивкѣ. („Надо замѣтить этотъ диванъ!“ говаривалъ аккуратный Гончаровъ, „чтобы никогда на него не садиться“). Когда собака была больна, лѣкарства она получала отъ знаменитаго врача, лѣчившаго самого Некрасова. Трагическая ея кончина (ее подстрѣлили нечаянно на охотѣ) вызвала въ Некрасовѣ сознаніе, что онъ только тогда испыталъ истинное горе и понялъ отчаяніе отъ утраты дорогихъ существъ, когда увидѣлъ Кадошкинъ трупъ. Онъ упалъ на него и рыдалъ истерически. Послѣ того онъ долго не заводилъ собаки и бросилъ на время самую охоту.

Изъ рассказаннаго пожалуй можно бы вывести заключеніе, что редактору сперва „Современника“, а потомъ „Отечественныхъ Записокъ“ на занятія по редакціи и времени не оставалось. А между тѣмъ это было не такъ: редакція руководилась имъ неуклонно, какъ оркестръ хорошимъ капельмейстеромъ. Такъ какъ хорошій капельмейстеръ набираетъ хорошихъ музыкантовъ и, убѣдившись въ ихъ умѣньи дѣлать свое дѣло, требуетъ одного вниманія къ движеніямъ своей палочки, такъ и Некрасовъ умѣлъ подобрать сотрудниковъ, которымъ довольно было сказать: „отцы, маленечко потише!..“ или „пріударить позволяется, отцы—валяйте“, и редакціонный оркестръ

исполнялъ литературныя симфоніи и фуги, какихъ въ другихъ редакціяхъ не исполнялось. При этомъ деликатность Некрасова была такъ велика, что не только въ дѣло первой скрипки или віолончели, какими были Чернышевскій съ Добролюбовымъ, онъ никогда не позволялъ себѣ вмѣшиваться, но составителя фельетона онъ оставлялъ самостоятельнымъ въ игрѣ на своей дудкѣ: въ какія-нибудь не имѣвшія значенія статейки, перемѣшанныя на половину шуточными стишками и пародіями (приписанными, кстати сказать, Ефремовымъ Некрасову въ посмертномъ изданіи сочиненій послѣдняго), одинъ разъ только редакторъ, и то съ моего согласія, вставлялъ свои собственные стихи по случаю поднесенія Каткову чернильницы съ тѣмъ, чтобы тотъ „мокалъ въ разумъ“¹⁾. До лирическихъ же стихотвореній этотъ первый поэтъ своего времени никогда не позволялъ себѣ дотронуться, и только если его вызывали на замѣчанія, онъ ихъ дѣлалъ.

— А то какое же я имѣю право ихъ дѣлать, отецъ! Развѣ вы не такой же писатель, какъ я. Вы не ученикъ, я вамъ не учитель...

Редакція Некрасова не была тѣмъ журнальнымъ департаментомъ, гдѣ редакторы, маракующіе съ грѣхомъ пополамъ только въ грамматикѣ, цѣпенѣютъ передъ всякимъ живымъ словомъ или оборотомъ и исправляютъ писателей, какъ директоры своихъ столоначальниковъ. Этихъ скопческихъ скитовъ журналистики еще не существовало въ тѣ времена, да и литература еще не была перечислена по счетной части. Отношеніе къ календарю, составляющее единственную сердечную сторону послѣдующихъ редакторовъ, было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дѣла до перваго числа; если тридцатаго попадалась живая статья или матеріалъ для нея,—первое число могло случиться хоть пятнадцатаго.

— Книжка должна свѣжимъ человѣкомъ выйти въ свѣтъ,—говаривалъ онъ.

— И жаркое то хорошо, которое съ пылу; закаренное за полчаса не годится.

Зато при немъ книжки журнала въ самомъ дѣлѣ были живыми. Не тѣмъ, такъ другимъ способомъ, а онъ вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда воздвигались строгости цензурныя, онъ находилъ средство „не кормить сѣномъ“, какъ выражался, а пускалъ въ ходъ прибеженныя про черный день связи съ писателями—эстетиками, или прибѣгалъ къ тѣмъ скучнымъ, но цензурно-невиннымъ повѣстямъ, которыя „читатель любитъ“, какъ глубокомысленныя, и къ ученымъ

¹⁾ Статьи печатались подъ рубрикой: „Письма въ глушь“.

жели писалъ. По словамъ Погодина, Поповъ обладалъ превосходныхъ, необыкновеннымъ даромъ слова; языкъ его былъ правиленъ, красивъ, разнообразенъ. „Пріятно слушать было его говорившаго; въ рѣчи его было что-то драматическое“. Умный, даровитый писатель, добросовѣстный изслѣдователь и вѣчный труженикъ, Поповъ долго будетъ жить въ памяти людей, но лица, знавшія лично Попова, припомнятъ не только его обходительность и дружественную бесѣду, чуждую рѣзкости и раздражительности, но и ту радушную готовность, съ которою Поповъ дѣлился съ каждымъ и своими знаніями и своими матеріалами. А. Н. Поповъ былъ женатъ на Маріи Петровнѣ Мосоловой, имѣвшей въ Тульской губерніи 850 десятинъ земли съ 175 временно обязанными крестьянами. Дѣтей отъ этого брака не было ¹⁾. Подробныя біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности А. Н. Попова будутъ напечатаны въ III томѣ выходящаго нынѣ отдѣльнымъ изданіемъ капитальнаго труда покойнаго историка „Отечественная война 1812 г.“, первый томъ коей съ портретомъ автора уже вышелъ два года тому назадъ, а второй имѣетъ выйти въ непродолжительномъ времени.

---

¹⁾ См. Формулярный списокъ о службѣ А. Н. Попова въ архивѣ Госуд. Совѣта (въ дѣлахъ бывшаго II Отдѣл. С. Е. И. В. Канцеляріи № 129/1877 г.;— XXI томъ Сборника Имп. Ист. Общества—статья Бестужева-Рюмина; „Русская Старина“ 1882 г. т. XXXIV ст. 464; Жизнь и труды Погодина—изд. Барсукова томъ VI, VII, VIII, IX, „Журналъ М. Народ. Просвѣщенія“ 1877 г. Декабрь, стр. 150 и слѣд.; Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. IV, ст. 1329. Также XXI т. Сбор. Импер. Истор. О-ва—статья Бестужева-Рюмина (1877 г.).

Генераль Моро въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

Бурное время почти непрерывныхъ войнъ, наступившее послѣ французской революціи, вывело на поприще дѣйствій много замѣчательныхъ военачальниковъ. Сила военнаго генія Бонапарта подавила всѣхъ другихъ, и величіе его подвиговъ умалило, часто несправедливо, подвиги его боевыхъ сотрудниковъ и противниковъ. Какъ вниманіе современниковъ постоянно сосредоточивалось на Наполеонѣ, такъ и потомки долго шли по тому же направленію и превратили исторію въ поэтическую легенду объ этомъ геніальномъ человѣкѣ. Только съ недавняго времени историческая истина начинаетъ вступать въ свои права и воздавать должное каждому изъ дѣятелей этой эпохи. Дѣйствія многихъ изъ нихъ не только не цѣнились по достоинству, но искажались безусловными поклонниками Наполеона. Такую судьбу испытывали тѣ, которыхъ ненавидѣлъ, гналъ и преслѣдовалъ всѣми средствами, не исключая лжи и клеветы, самъ Наполеонъ. Къ ихъ числу принадлежитъ и генераль Моро.

I.

Моро родился въ Бретани въ 1761 году; отецъ его былъ гражданскимъ чиновникомъ и для того же поприща приготавливалъ сына. „Я посвящалъ свои занятія изученію законовъ“,—говоритъ онъ,— „когда началась революція, которая должна была основать свободу французскаго народа. Она измѣнила мое призваніе, и я посвятилъ себя военному дѣлу. Не честолюбіе увлекло меня въ среду воиновъ свободы; но уваженіе къ правамъ народа: я сдѣлался солдатомъ потому, что былъ гражданиномъ“. Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ военную службу и черезъ 12 съ небольшимъ лѣтъ уже получилъ званіе дивизіоннаго генерала въ сѣверной арміи, находившейся подъ начальствомъ Пишегрю. „Я повышался довольно быстро по службѣ“,—разсказываетъ самъ Моро,—„но всегда изъ чина въ чинъ, не перескакивая ни одного, постоянно служа отечеству и не лстя, тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находилась власть“ Пишегрю былъ ровесникъ Моро (род. также въ 1761 г.). Революціонныя волненія вывели его совершенно случайно съ педагогическаго поприща на военное, на которомъ онъ выказалъ блестящія дарованія и быстро возвысился до степени главнокомандующаго. Такъ же, какъ и Моро, его дѣйствіями руководила любовь къ отечеству и свободѣ; онъ не только не льстилъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ была власть, но ненавидѣлъ произволь и безначаліе кровожаднаго правительства револю-

ціонной Франціи того времени. Когда конвентъ постановилъ закономъ убивать всѣхъ плѣнныхъ непріятелей и строго предписывалъ исполнять это своимъ военачальникамъ, Пишегрю находилъ способы вовсе не исполнять позорнаго закона во все время дѣйствій сѣверной арміи, окончившихся поражениемъ союзниковъ и завоеваніемъ всей Голландіи (1794 года). Моро не только принималъ дѣятельное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ руководствомъ Пишегрю, но и сблизился со своимъ начальникомъ. Сходство въ направленіи, въ личныхъ качествахъ и во взглядахъ на современное положеніе ихъ отечества послужило основаніемъ къ ихъ сближенію. Оно укрѣпилось еще болѣе вслѣдствіе одного обстоятельства, лично касавшагося Моро, которое могло имѣть роковое вліяніе на его судьбу. Его престарѣлый отецъ, котораго называли „отцомъ всѣхъ бѣдныхъ“, безъ сомнѣнія не сочувствовавшій звѣрскимъ дѣйствіямъ правительственныхъ лицъ, былъ казненъ, какъ измѣнникъ, только по этому поводу. Ужасная кончина отца сильно поразила молодого генерала. Моро задумалъ покинуть отечество и открылъ свое намѣреніе Пишегрю.

Несмотря на сходство въ образѣ мыслей, характеры этихъ двухъ лицъ были различны, Пишегрю былъ истый сынъ революціи.

Мысль оставить отечество и обречь себя на бездѣйствіе никогда не могла придти въ его голову; онъ не только желалъ дѣйствовать, но считалъ себя способнымъ руководить событіями для блага отечества. Характеръ Моро былъ совершенно иной: онъ не считалъ себя политическимъ дѣятелемъ, шелъ за событіями, сохраняя свои нравственные качества и служа отечеству на частномъ поприщѣ военной дѣятельности, которой посвятилъ себя съ полнымъ увлеченіемъ.

Пишегрю уговорилъ Моро отказаться отъ своего намѣренія, увлекая его мыслию о любви къ отечеству и чувствомъ долга и предвѣщая, что правительство Франціи не можетъ долго оставаться въ рукахъ недостойныхъ людей и должно измѣниться. Приготовлялъ ли онъ себѣ способнаго сотрудника для будущихъ дѣйствій или для блага отечества желалъ удержать достойнаго человѣка въ его нѣдрахъ,—во всякомъ случаѣ совѣты Пишегрю произвели дѣйствіе. Моро отложилъ свое намѣреніе и дѣятельно продолжалъ службу. Последовавшая вскорѣ перемѣна въ составѣ правительства какъ бы подтверждала мнѣніе Пишегрю, а отозваніе его на Рейнъ предоставило болѣе широкое поприще для дѣятельности Моро.

Сѣверная армія оставалась подъ начальствомъ Пишегрю; но вмѣстѣ съ тѣмъ правительство ввѣрило ему также и рейнскую армію, къ которой онъ отправился, поручивъ Моро начальство надъ сѣвѣрною арміею и оставивъ Журдана начальникомъ соединенной съ нею арміи Самбры и Мезы. Послѣ блестящей кампаніи въ Голландіи,

дѣйствія Пишегрю на Рейнѣ были неудачны и возбудили подозрѣніе революціоннаго правительства, зорко слѣдившаго посредствомъ своихъ комиссаровъ за дѣйствіями главнокомандующихъ. Подозрѣнія въ этомъ случаѣ оказались впоследствии основательными. Главная квартира рейнской арміи находилась въ Альткиркѣ, и, почти въ виду передъ нею, въ Бризгау помѣщалась главная квартира корпуса войскъ принца Конде, который вошелъ въ тайныя сношенія съ Пишегрю. Негодуя на неистовства революціоннаго правительства и полагая, что Франція не способна сдѣлаться республикой, французскій главнокомандующій задумалъ повторить образъ дѣйствій Монка: возстановить монархію и получилъ на то полномочіе Людовика XVIII (comte de Lille). Военныя дѣйствія арміи Пишегрю соотвѣтствовали его намѣреніямъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ, и даже неудачныхъ, дѣйствій, онъ отступилъ за Рейнъ. Правительство вызвало Пишегрю въ Парижъ, а начальство надъ рейнскою арміею предоставило генералу Моро (1795 г.).

Несмотря на близкія отношенія къ Пишегрю, едва-ли онъ зналъ о его замыслахъ, которымъ во всякомъ случаѣ не сочувствовалъ. Не обладая ни рѣшительнымъ характеромъ, какъ онъ, ни способностью увлекаться, хладнокровный и расчетливый, Моро не могъ изъ одной крайности быстро перейти въ другую и сдѣлаться изъ яраго революціонера монархистомъ стараго перядка, какъ Пишегрю. Онъ одинаково съ нимъ ненавидѣлъ произволъ, но защищалъ свободу въ предѣлахъ закона и полагалъ, что Франція можетъ ея достигнуть.

Званіе главнокомандующаго давало ему всѣ способы выказать свои военныя познанія и дарованія.

Директорія, недовольная отступленіемъ Пишегрю за Рейнъ, требовала отъ его преемника наступательныхъ дѣйствій. Несмотря на силы австрійцевъ, подкрѣпляемыхъ корпусомъ принца Конде, силы, значительно превышавшія числомъ армію Моро, онъ долженъ былъ исполнить волю Директоріи. Французская республика могла однако же располагать въ это время силами на Рейнѣ, не меньшими по числу войскъ, нежели австрійцы, послѣ того какъ успѣхи Бонапарта въ сѣверной Италіи вынудили вѣнское правительство двинуть туда на помощь своимъ разбитымъ войскамъ армію фельдмаршала Вурмзера съ Рейна.

Это обстоятельство, съ одной стороны, уравновѣшивало силы противниковъ; а съ другою, вынуждало австрійцевъ дѣйствовать лишь оборонительно. Но, по военному плану Директоріи, французскія войска были раздѣлены на двѣ арміи, состоявшія подъ начальствомъ независимыхъ одинъ отъ другого главнокомандующихъ, и должны были дѣйствовать на фланги непріятели, подвигаясь въ глубь Гер-

маніи по долинамъ Майна и Неккера къ Дунаю. Армія Самбры и Мезы, въ числѣ 40 тысячъ человекъ подъ предводительствомъ Журдана, должна была перейти Рейнъ у Дюссельдорфа; армія Моро, состоявшая изъ 71 тысячи—у Страсбурга. Такой образъ дѣйствій давалъ возможность главнокомандующему противной стороны сосредоточить свои силы и, смотря по обстоятельствамъ, направить ихъ на одну изъ армій республики, подавить ее количествомъ войскъ и потомъ обратиться противъ другой. Послѣ отъѣзда Вурмзера въ Италію австрійскими войсками начальствовалъ одинъ главнокомандующій, еще молодой въ то время, эрцгерцогъ Карлъ, пріобрѣтшій потомъ извѣстность замѣчательнаго военачальника, который могъ, конечно, воспользоваться выгодами ошибочнаго военнаго плана, начертаннаго Директоріей для дѣйствій французскихъ войскъ. Если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ онъ воспользовался имъ въ значительной степени.

Наблюдая за Майнцемъ и двигаясь къ Лану, Журданъ былъ разбитъ эрцгерцогомъ Карломъ при Ветуларѣ и долженъ былъ отступить. Чтобы оправдать пораженія, въ которыхъ не любятъ признаваться французы, они приписываютъ движенію Журдана то важное значеніе, что онъ отвлекъ вниманіе австрійскаго главнокомандующаго отъ Страсбурга, гдѣ Моро съ полнымъ успѣхомъ совершилъ переправу своей арміи черезъ Рейнъ. Но у австрійцевъ было достаточно силъ, чтобы, если не воспрепятствовать, то во всякомъ случаѣ затруднить переправу у Страсбурга, если бы они успѣли соединить противъ него свои разбросанныя на значительномъ протяженіи по берегу Рейна войска.

Очевидно, успѣхъ переправы рейнско-мозельской арміи, совершенной скрытно отъ непріятеля, смѣло и въ полномъ порядкѣ, зависѣлъ отъ обдуманнаго съ предусмотрительностью распоряженій генерала Моро. За первую удачею послѣдовали и другія. Несамоуверенный, неспособный къ безразсчетному увлеченію, онъ не бросился на разсѣяныя части непріятельскихъ войскъ, чтобы разбить каждую изъ нихъ порознь; но, предусматривая дальнѣйшія дѣйствія едва начатаго похода и не полагаясь на случай и свою непогрѣшимость, прежде всего сосредоточилъ свои войска, какъ и слѣдовало главнокомандующему, который дѣйствуетъ не для достиженія личныхъ цѣлей, а для пользы и славы отечества.

Между тѣмъ вѣсть о переправѣ черезъ Рейнъ арміи Моро дошла до эрцгерцога. Заставивъ отступить Журдана, онъ оставилъ у Майнца значительный отрядъ (27 тыс.), другой на берегахъ Лана (36 тыс.), чтобы удерживать его, если бъ онъ снова началъ наступательныя дѣйствія, а самъ усиленными переходами съ 25-ю ты-

сячнымъ корпусомъ пошелъ на помощь Латуру, находившемуся противъ Моро и потерпѣвшему уже неудачу при р. Муръ. Цѣль дѣйствій Моро заключалась въ томъ, чтобы овладѣть дорогой, которая отъ Раштадта вела въ долину Неккера, а въ то же время сообразовать свои дѣйствія съ Журданомъ и не терять изъ виду, исполняя наставленія Директоріи, возможности сближенія съ италіанскою арміею. При этомъ условіи слѣдовало съ одной стороны растянуть линію, а съ другою не слишкомъ разбросать свои войска, постоянно сохраняя подъ рукою достаточное количество, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля.

Эту, повидимому, неисполнимую задачу могъ только исполнить съ успѣхомъ хладнокровный, дальновидный и остроумный въ своихъ дѣйствіяхъ военачальникъ. Моро выдержалъ сраженіе при Раштадтѣ въ концѣ іюля съ эрцгерцогомъ, который пришелъ уже на помощь къ Латуру. Это сраженіе австрійцы считаютъ побѣдою, а французы—сраженіемъ нерѣшительнымъ, и едва-ли не потому только, что эрцгерцогъ отступилъ. Но это отступление не было вынужденнымъ и совершалось медленно и въ величайшемъ порядкѣ. Цѣль австрійскаго полководца заключалась лишь въ томъ, чтобы оградить отъ вторженія только имперскія владѣнія Габсбурговъ, а не вообще Германію, и потому онъ шелъ къ Дунаю.

По его пятамъ, преодолевая препятствія, вѣлъ свою армію Моро. Но въ то время, когда австрійцы приближались къ своимъ средствамъ содержанія войскъ, пополненія убыли въ людяхъ и боевыхъ запасахъ, французы удалялись отъ своихъ все болѣе и болѣе. Это обстоятельство входило въ соображенія Моро и, конечно, вынуждало его дѣйствовать съ крайнею осмотрительностью. Онъ убѣждался постепенно, что его противникъ отступаетъ не изъ страха передъ побѣдителемъ; но, напротивъ, умышленно ведетъ его за собою въ глубь Германіи, къ границамъ имперіи. Только успѣшныя дѣйствія арміи Журдана могли отвратить угрожавшую ему опасность, и онъ зорко слѣдилъ за ними.

Узнавъ объ отступленіи эрцгерцога Карла и полагая, что къ этому движенію принудили его дѣйствія рейнской арміи, Журданъ началъ снова наступать. Эрцгерцогъ предписалъ Вартенслебену, находившемуся противъ Журдана, отступать къ Дунаю, оставивъ гарнизоны въ Майнцѣ, Касселѣ, Эренбрейтштейнѣ и Мангеймѣ. Журданъ долженъ былъ оставить болѣе трети своихъ войскъ, для блокады этихъ крѣпостей и съ 46 тыс. двинулся впередъ противъ Вартенслебена, располагавшаго почти такимъ же количествомъ войскъ, но его рассчитывалъ подкрѣпить эрцгерцогъ и выжидалъ только благоприятныхъ обстоятельствъ.

Между тѣмъ Моро подвигался впередъ. При Каястатѣ онъ выдержалъ съ успѣхомъ упорное сраженіе, проникъ въ долину Неккера и трудными горными проходами вышелъ къ концу іюля къ Дунаю, за которымъ была расположена австрійская армія. Эрцгерцогъ поджидалъ прихода Вартенслебена, чтобы сосредоточить всѣ войска.

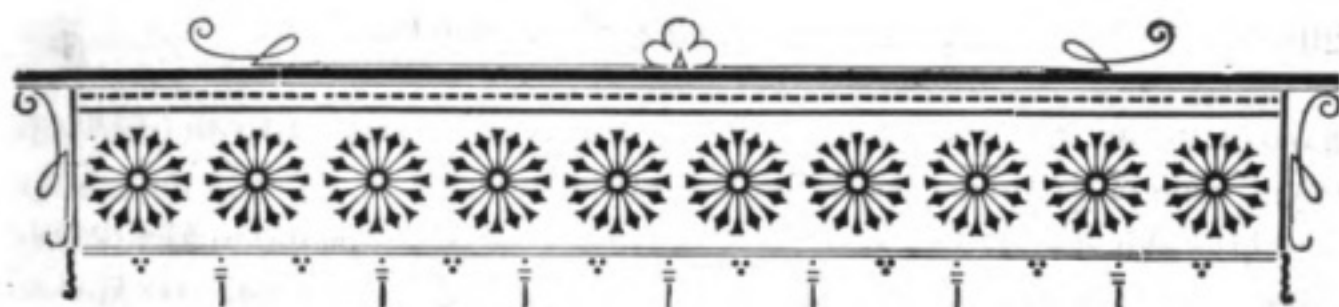
Въ это время Журданъ выигралъ сраженіе при Фридбергѣ, занялъ Франкфуртъ, Вицбургъ и вышелъ на берега Нааба, притока Дуная, почти на одну высоту съ Моро. Опасаясь соединенія французскихъ армій и получивъ извѣстіе, оказавшееся впоследствии несправедливымъ, о неправильномъ движеніи Вартенслебена, чтобы закрыть Богемію, удалявшаго его отъ войскъ эрцгерцога, онъ рѣшился выйти изъ выжидательнаго положенія, напасть сначала на Моро, а потомъ спѣшить на помощь Вартенслебену и дѣйствовать противъ арміи Журдана. Перейти Дунай, дать сраженіе искусному противнику, имѣя въ тылу эту рѣку, было предпріятіемъ смѣлымъ, которое, въ случаѣ неудачи, могло повлечь за собою большія бѣдствія. Но упорная битва при Нересгеймѣ, хотя осталась нерѣшительною, и обѣ враждующія стороны сохранили свои позиціи, однако же ея послѣдствія обратились въ пользу австрійцевъ. Эрцгерцогъ не продолжалъ наступленія, переправился затѣмъ снова черезъ Дунай въ полномъ порядкѣ и нѣсколько дней наблюдалъ, что предприметъ его противникъ. Моро, устраивая войска послѣ упорнаго сраженія, былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что австрійцы, обойдя его правый флангъ и достигнувъ до Геденгейма, угрожали его тылу. Это нападеніе произвело такую тревогу, что всѣ его парки и обозы должны были отступить. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Моро не могъ предпринять наступательныхъ дѣйствій. Воспользовавшись его бездѣйствіемъ, эрцгерцогъ, оставивъ противъ него Латура съ 36 тыс. войскомъ, самъ съ 25 тыс. пошелъ на помощь Вартенслебену, который не удалялся къ Богемію, а стоялъ противъ Журдана при р. Наабѣ. Въ началѣ августа (4-го) эрцгерцогъ двинулся отъ Нюгольштадта и встрѣтилъ у Неймарка отрядъ Бернадота, котораго Журданъ послалъ, чтобы войти въ сообщеніе къ Моро, разбилъ его и отбросилъ къ Нюренбергу. Пославъ отрядъ для его преслѣдованія, онъ со всѣми силами пошелъ противъ Журдана и, соединившись съ Вартенслебеномъ, разбилъ его при Амбергѣ, потомъ при Вюрцбургѣ и принудилъ къ послѣдному отступленію за Рейнъ. Моро нѣсколько дней находился въ полномъ невѣдѣніи о дѣйствіяхъ эрцгерцога; но и узнавъ, не могъ идти на помощь Журдану къ Майну, не разрушая плана дѣйствій, предписаннаго ему Директоріею, удаляясь отъ итальянской арміи и подвергая опасности свои сообщенія съ Рейномъ на Страсбургъ, которыя могли перервать

войска генерала Латура. Получивъ извѣстіе о первыхъ дѣйствіяхъ эрцгерцога противъ Журдана, онъ двинулся впередъ, перешелъ Дунай и достигъ Леха у Мюнхена, въ надеждѣ снова привлечь на себя эрцгерцога и облегчить Журдану возможность сопротивляться непріятелю. Въ то время, когда австрійскія войска отступали въ порядкѣ, давая ему возможность все болѣе вдаваться внутрь враждебной страны, онъ попытался было, оставивъ часть своихъ войскъ противъ Латура, идти на помощь Журдану; но вѣсть о совершенномъ пораженіи арміи Самбры и Мезы и объ отступленіи Журдана за Рейнъ вынудила его прекратить наступательныя дѣйствія. Его войска могли быть поставлены въ крайне затруднительное положеніе. Двинувшись къ Неккеру, торжествующій эрцгерцогъ могъ отрѣзать его отъ Франціи окружить со всѣхъ сторонъ въ странѣ, враждебно настроенной противъ французовъ. Таково было общее мнѣніе какъ Европы, такъ и Франціи, лишь только сдѣлалось извѣстнымъ положеніе военныхъ дѣлъ въ Германіи, армію Моро считали погибшею, и эту участь подготовилъ ей планъ военныхъ дѣйствій, предписанный Директоріей обоимъ главнокомандующимъ французскими арміями въ Германіи. Въ то время, когда Бонапартъ торжествовалъ рядъ блестящихъ успѣховъ надъ австрійцами въ Италіи, армія Журдана была разбита и отброшена за Рейнъ, армія Моро поставлена въ безвыходное положеніе.

Оказавшись въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, Моро не смутился, не потерялъ времени на размышленія; но рѣшился немедленно отступать и послѣ нѣсколькихъ удачно выдержанныхъ битвъ провелъ армію безъ значительныхъ потерь въ Страсбургъ. Эта кампанія прославилась въ Европѣ молодого эрцгерцога. Но и Франція была чрезвычайно довольна, что Моро спасъ армію, поставленную въ опасное положеніе въ Баваріи. О ея судьбѣ чрезвычайно заботились, особенно послѣ того какъ дошли вѣсти объ отступленіи Журдана. Подвигами Бонапарта въ Италіи гордились; его слава возросла до послѣдней степени, но, предчувствуя характеръ молодого полководца, его славой начинали уже тяготиться, опасаясь притязаній его самолюбія. Дѣйствія Моро дали возможность выставить нѣкоторымъ партіямъ рядомъ съ нимъ другого полководца, и его дѣйствительно блистательно совершенное отступленіе превозносили до небесъ и сравнивали съ отступленіемъ 10 тысячъ Ксенофонта. Но обстоятельство совершенно случайное вдругъ заподозрило Моро въ глазахъ республиканскаго правительства.

Ал. Поповъ.

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера.

Во случаю моего назначенія въ Податную Комиссію и долженъ былъ представиться министру Княжевичу. Явился въ указанное время къ нему, но мнѣ швейцарь объявилъ, что никого не приказано принимать. Когда я ему замѣтилъ, что мнѣ именно это время назначено, онъ извинился, сказавъ, что приказано принять дѣйствительно только Управляющаго Дѣлами Податной Комиссіи, но что онъ думалъ, что это пожилой человѣкъ, и видя же столь молодого человѣка, никакъ не думалъ, что это можетъ быть Управляющій дѣлами Податной Комиссіи, ожидаемый министромъ.

Управляющимъ дѣлами Податной Комиссіи я оставался до самаго моего назначеніе Вице - Директоромъ Департамента Виѣшней Торговли въ 1864 г., принимая все время дѣятельное участіе въ трудахъ комиссіи и соединяя съ этимъ положеніемъ званіе Секретаря Церемоніальной Экспедиціи и Секретаря Географическаго Общества.

При моемъ участіи и даже нѣкоторой иниціативѣ было разработано и утверждено положеніе о патентномъ сборѣ, замѣнившемъ гильдейскую подать. Кромѣ того мною былъ составленъ проектъ порасходнаго налога. Въ то время у насъ много спорили о подоходномъ налогѣ, который, по примѣру Англіи, имѣлъ у насъ много сторонниковъ. Я находилъ болѣе справедливымъ введеніе порасходнаго налога, который не достигалъ бы той части дохода, который не расходуется, а капитализируется, и составилъ соотвѣтственный проектъ, который тоже былъ напечатанъ въ трудахъ Комиссіи. Окончательно отказались однако отъ введенія подоходнаго и порасход-

наго налога. Вослѣдствіи при С. Ю. Витте моя мысль отчасти осуществилась въ формѣ квартирнаго налога.

Членами Податной Комиссіи состояли между прочимъ нѣкоторыя лица прежнихъ редакціонныхъ комиссій и между прочимъ Я. И. Соловьевъ, занимавшій впоследствии при Милютинѣ выдающееся положеніе въ Польшѣ. Эти лица интересовались особенно крестьянскими дѣлами и были недовольны тѣмъ, что Податная Комиссія не принимается болѣе энергически за вопросъ объ отмѣнѣ или по крайней мѣрѣ преобразованіи подушнаго налога. Вопросъ этотъ былъ чрезвычайно деликатный и требовалъ для его проведенія большей энергіи, чѣмъ та, которою обладалъ и Гагемейстеръ и я, впрочемъ и впоследствии, при измѣненномъ составѣ, Комиссіи не удалось его разрѣшить, и только Н. Х. Бунге, много лѣтъ спустя суждено было произвести эту коренную реформу. На одномъ экономическомъ обѣдѣ Соловьевъ, разговаривши со мною, сталъ меня упрекать въ томъ, что Податная Комиссія ведетъ дѣло не достаточно энергически, и все это было высказано въ довольно рѣзкой формѣ. Я былъ неприятно пораженъ этимъ разговоромъ и не считалъ возможнымъ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго разъясненія. Поэтому на другой день я рѣшился поѣхать къ К. И. Домонтовичу, который былъ очень друженъ съ Я. И. Соловьевымъ и тоже состоялъ членомъ Под. Ком. съ тѣмъ, чтобы вызвать его посредничество въ этомъ дѣлѣ. Я рассказалъ ему содержаніе нашего разговора съ Соловьевымъ и прибавилъ, что если и прочіе члены Комиссіи раздѣляютъ мнѣніе Якова Ивановича, что я недостаточно энергически веду дѣла Комиссіи, то я готовъ отказаться отъ управленія ея дѣлами, но что я во всякомъ случаѣ очень неприятно пораженъ рѣзкостію выраженій Соловьева.

К. И. Домонтовичъ успокоилъ меня на этотъ счетъ и предложилъ вмѣстѣ съ нимъ поѣхать къ Соловьеву для объясненія, что мы и сдѣлали немедленно. Соловьевъ, узнавъ о причинѣ нашего пріѣзда, высказалъ, что относительно медленности и недостаточной рѣшительности дѣйствій Податной Комиссіи онъ не можетъ взять обратно своихъ словъ, такъ какъ это составляетъ его убѣжденіе, но что онъ сознается, что его мнѣніе не было выражено въ довольно спокойной формѣ, и потому отказывается отъ рѣзкости своихъ выраженій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ выяснилось, что никто не желаетъ моего удаленія отъ управленія дѣлами Комиссіи,—но что все же нужно подумать о томъ, какъ ей придать больше энергіи, и окончательно пришли къ заключенію, что желательно имѣть другого предсѣдателя, такъ какъ Гагемейстеръ слишкомъ занятъ дѣлами по Кредитной Канцеляріи, чтобы посвятить

Комиссіи все необходимое вниманіе и при томъ по мягкости своего характера можетъ быть не въ состояніи достаточно настойчиво проводить такое деликатное дѣло, какъ податное устройство крестьянъ. Не помню, кто принялъ на себя переговорить объ этомъ съ Гаге-мейстеромъ, но дѣло въ томъ, что послѣдній, какъ человѣкъ чрезвычайно благородный, незаинтересованный и лишенный всякаго самолюбія, немедленно изъявилъ готовность сложить съ себя предсѣдательство. Дальнѣйшія сужденія между главнѣйшими членами Комиссіи по этому вопросу происходили у меня въ кабинетѣ, такъ что я все время находился въ центрѣ дѣла. Выборъ палъ на А. К. Гирса, полезная редакціонная дѣятельность котораго въ Членахъ Редакціонныхъ Комиссій весьма цѣнилась. Въ слѣдующемъ совѣщаніи, которое также происходило, кажется, у меня и на которомъ уже присутствовалъ А. К. Гирсъ, ему было сдѣлано соотвѣтствующее предложеніе, которое онъ и принялъ.

Хотя такимъ образомъ я принималъ дѣятельное участіе въ назначеніи А. К. Гирса предсѣдателемъ Комиссіи, а скорѣе именно потому, у меня съ нимъ на самыхъ же первыхъ порахъ послѣ его назначенія вышло столкновеніе. Я впрочемъ не разъ замѣчалъ, что когда новый человѣкъ становится въ дѣлѣ какого-либо учрежденія, онъ трудно уживается съ подчиненнымъ ему прежнимъ главнымъ дѣятелемъ, боясь, какъ бы не очутиться въ глазахъ общества на второмъ планѣ и не сохранить достаточнаго авторитета въ дѣлѣ. Такъ случилось и между нами. Въ качествѣ управляющаго дѣлами я сдѣлалъ какое-то распоряженіе, которое А. К. считалъ стоящимъ въ сферѣ дѣятельности предсѣдателя, и онъ выразилъ мнѣ это письменно въ довольно рѣзкой формѣ, усматривая въ моемъ распоряженіи какъ бы посягательство на свои права. А. К. былъ человѣкъ съ мягкимъ и даже нѣсколько слабымъ характеромъ и, можетъ быть, именно сознавая это, рѣшился дать мнѣ съ самаго начала энергической отпоръ, при чемъ не сумѣлъ сохранить благоразумную середину между слабостью и избыткомъ энергіи. При другихъ обстоятельствахъ я вѣроятно съ своей стороны отвѣтилъ бы ему довольно рѣзко, но случилось, что именно въ это время у меня оказалось столкновеніе и съ Церемоніальной Экспедиціей и съ Географическимъ Обществомъ, такъ что я рисковалъ потерять всѣ свои положенія разомъ. Я былъ этимъ до того разстроенъ, что, поднявъ уже перчатку по этимъ двумъ послѣднимъ столкновеніямъ, я по отношенію къ Гирсу спасовалъ, ограничившись выраженіемъ нѣкоторой холодности въ моихъ отношеніяхъ къ нему. Впослѣдствіи, впрочемъ, между нами установились вновь прежнія хорошія и даже дружественныя отношенія, такъ что когда по случаю назначенія меня

Вице-Директоромъ Таможныхъ Департаментовъ я оставилъ управленіе дѣлами Податной Комиссіи, А. К. выразилъ мнѣ по этому поводу сердечное свое сожалѣніе.

Столкновеніе же мое съ Церемоніальной Экспедиціей и Географическимъ Обществомъ произошло по слѣдующему поводу:

По Церемоніальной Экспедиціи это было тоже какое-то безцеремонное выраженіе Директора Экспедиціи Кудрявцева, которое побудило меня написать ему, что я готовъ оставить Церемоніальную Экспедицію, но что подобныхъ замѣчаній я выслушивать не намѣренъ. Кудрявцевъ въ сущности былъ очень добрый человекъ и потому, подъ впечатлѣніемъ моего письма, онъ отвѣтилъ мнѣ въ успокоительномъ тонѣ, что мнѣ нечего обижаться, что у него не было намѣренія меня обидѣть, и такимъ образомъ это столкновеніе разрѣшилось безъ всякихъ послѣдствій.

Гораздо серьезнѣе была моя размолвка съ графомъ Литке, тѣмъ болѣе, что я долженъ сознаться, въ данномъ случаѣ, она произошла не безъ моей вины.

Какъ человекъ весьма энергическій и живой, Ө. П. Литке всегда близко принималъ къ сердцу всѣ дѣла Географическаго Общества и никакъ не могъ терпѣть поверхностнаго и безучастнаго къ нимъ отношенія. Кругъ дѣятельности Географическаго Общества въ сущности распадался на двѣ отдѣльныя группы,—а именно на дѣла чисто географическія и на дѣла статистико-экономическія. Хотя группа географическихъ вопросовъ въ сущности была главною для Общества, какъ уже вытекало изъ самаго его названія, но сознаюсь, что не, будучи географомъ, я не обращалъ особеннаго вниманія на географическіе вопросы, преимущественно интересуясь статистическими работами Общества. Въ то время Географическое Общество предприняло изданіе большой карты Россіи. Осенью, по возвращеніи графа Литке въ Петербургъ, я отправился къ нему съ докладомъ по текущимъ дѣламъ Общества. Между прочимъ онъ меня спросилъ, какъ шли въ теченіе лѣтъ картографическія работы, и насколько подвинулось составленіе карты. Я могъ ему сказать только, что въ послѣднее время я никого изъ работающихъ надъ этимъ дѣломъ не видѣлъ и потому не могу ничего сообщить ему по этому предмету. Онъ разгорячился и сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе (въ сущности справедливое), что мнѣ, какъ Секретарю Общества, слѣдовало бы болѣе интересоваться этимъ важнымъ дѣломъ и ближе слѣдить за нимъ—и это было сказано въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ, потому что Литке при всѣхъ его высокихъ и почтенныхъ качествахъ не отличался мягкостью характера.

Между тѣмъ незадолго передъ тѣмъ меня упрекали прежній

Секретарь Общества Ламанскій въ томъ, что я слишкомъ подчиняюсь предсѣдателю и не выдерживаю передъ нимъ достаточно самостоятельный характеръ Секретаря Общества ¹⁾. Подъ этимъ впечатлѣніемъ адмониція гр. Литке возымѣла на меня такое дѣйствіе; что я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать независимость характера, рискуя даже совершенно порвать съ Обществомъ.

Вслѣдствіе того я послалъ гр. Литке письмо, въ которомъ я писалъ ему тоже довольно рѣзко—что такое его отношеніе ко мнѣ я не считаю совмѣстимымъ съ достоинствомъ моего характера и потому слагаю съ себя званіе Секретаря Общества.

Отославъ это письмо, я нѣсколько дней спустя отправился къ В. П. Безобразову и рассказалъ ему все дѣло. Владиміръ Павловичъ, который всегда былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Ө. П. Литке, особенно цѣнившимъ его энергическій характеръ,—обѣщавъ мнѣ постараться уладить это дѣло. Переговоры продолжались нѣкоторое время и послѣ взаимныхъ объясненій привели къ удовлетворительному результату. Я взялъ назадъ свою просьбу объ отставкѣ, и отношенія мои съ гр. Литке мало по малу пришли опять въ совершенное равновѣсіе. До конца жизни Өедоръ Петровичъ выказывалъ свое доброе расположеніе ко мнѣ, которое между прочимъ выразилось даже съ теплотою необычайною при его характерѣ, въ сердечномъ сочувствіи, выраженномъ имъ по случаю смерти моей жены; онъ одинъ изъ первыхъ друзей пріѣхалъ ко мнѣ, чтобы показать мнѣ то живое участіе, съ которымъ онъ относился къ моей печальной судьбѣ.

Говоря о моихъ отношеніяхъ къ Податной Комиссіи и Географическому Обществу, я зашелъ значительно впередъ и теперь надо возвратиться опять къ 1860-му году.

1860 и 1861 годы ознаменованы окончаніемъ работъ Редакцион-

¹⁾ Странно, что эти три довольно однообразныя столкновенія произошли подъ вліяніемъ прямо противоположныхъ другъ другу побужденій. Столкновение съ Гирсомъ было вызвано упрекомъ въ слишкомъ самостоятельномъ отношеніи къ дѣлу, въ ущербъ авторитету Предсѣдателя, а на возможный разрывъ съ графомъ Литке и Г. Обществомъ я пошелъ подъ вліяніемъ упрека въ томъ, что я не достаточно охраняю самостоятельное положеніе Секретаря, слишкомъ подчиняюсь Предсѣдателю. По поводу этихъ трехъ неприятныхъ происшествій, случившихся почти одновременно, кажется, въ теченіе одной недѣли, считаю нужнымъ прибавить, что вообще я замѣчалъ не разъ въ моей жизни, что какъ пріятныя, такъ и неприятныя происшествія почти никогда не являются единичными, а почти всегда по нѣскольку разомъ, какъ будто бы наша такая полоса—то благопріятная, то неблагопріятная.

ныхъ Комиссій, разсмотрѣніемъ положенія объ освобожденіи крестьянъ въ Государственномъ Совѣтѣ и наконецъ обнародованіемъ этого положенія, которому было дано названіе „Положеніе объ устройствѣ быта крестьянъ“.

Въ 1860-мъ году, когда работы Редакціонныхъ Комиссій уже приходили къ концу, графъ Ростовцовъ, который былъ предсѣдателемъ этихъ Комиссій, внезапно опасно заболѣлъ карбункуломъ и черезъ нѣсколько недѣль скончался. На его мѣсто былъ назначенъ графъ Панинъ. Это назначеніе всѣхъ крайне удивило, потому что, во-первыхъ, Панинъ не былъ сторонникомъ реформы, въ томъ духѣ, какъ ее проводили Редакціонныя Комиссіи, а затѣмъ по своему характеру отличался необыкновеннымъ педантизмомъ, который иногда доходилъ до странности, и уже совершенно не обладалъ той обходительностью, которая могла бы полезно вліять на людей, занятыхъ этимъ дѣломъ, и тѣмъ самымъ облегчить его ходъ; повидимому, нельзя было выбрать человѣка менѣе подходящаго къ этому положенію.

Но это было только повидимому, а въ сущности при данныхъ условіяхъ это былъ совершенно подходящій выборъ. Передъ смертью Ростовцова, Государь неоднократно посѣщалъ Ростовцова, и долго бесѣдовалъ съ нимъ, при чемъ Государь однако не рѣшался завести разговоръ о томъ, кому поручить дѣло послѣ его смерти. Нѣсколько разъ, высказалъ потомъ самъ Государь, „было у меня почти на языкѣ спросить его, кого бы онъ назначилъ себѣ въ преемники, и, конечно, я въ этомъ исполнилъ бы его волю, но внутреннее чувство не позволило мнѣ высказаться, я боялся огорчить больного“... Въ пользу такого выбора говорили слѣдующія соображенія. Во главѣ Главнаго Комитета Редакціонныхъ Комиссій очевидно нельзя было поставить никого изъ членовъ Комиссій. Это должно было быть лицо высокопоставленное въ административной іерархіи, или бывшій министръ или кто-либо изъ Членовъ Государственнаго Совѣта, потому что только такое лицо могло быть въ состояніи провести это дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ, въ которомъ было не мало противниковъ Редакціонныхъ Комиссій. Но изъ этого круга нѣкоторыя лица совершенно не подходили къ такому назначенію, по своему недостаточному знакомству съ подробностями дѣла, а другія устранялись отъ выбора по особымъ соображеніямъ, такъ напр. Ланской потому, что онъ состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ этомъ качествѣ былъ уже связанъ съ крестьянскимъ дѣломъ, Валуевъ потому, что былъ прямымъ противникомъ того направленія, которое дѣло приняло въ Редакціонныхъ Комиссіяхъ—при его инициативѣ нѣкоторыми высокопоставленными лицами былъ даже составленъ и представленъ

Государю контръ-проектъ реформы,—потому поставленный во главѣ Главнаго Комитета онъ могъ повліять въ положительномъ смыслѣ на окончаніе дѣла. За Панина говорили прямота и благородство его характера и его безусловная преданность волѣ Государя. Можно было быть увѣреннымъ, что если онъ дастъ слово Государю довести порученное ему дѣло до благополучнаго окончанія, не ломая и не искажая его, онъ это свято исполнитъ, какія бы ни были его собственныя воззрѣнія на предметъ. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло уже настолько подвинулось впередъ и настолько обрисовалось, что требовалось только не мѣшать закончить его, такъ сказать, послѣдними штрихами, то при такихъ условіяхъ понятно, что и выборъ Государя палъ именно на графа Панина, тѣмъ болѣе, что его назначеніе могло послужить къ нѣкоторому успокоенію сильно возбужденнаго въ дворянской средѣ общественнаго мнѣнія. Послѣдствія показали, что, какъ бы это ни казалось страннымъ, назначеніе графа Панина не только не помѣшало, но можетъ быть даже содѣйствовало успѣху проведенія дѣла.

Назначая Панина преемникомъ Ростовцова, Государь положительнѣйшимъ образомъ выразилъ ему свою волю, чтобы ничего не было измѣнено въ образѣ дѣйствія Комиссіи, и чтобы предсмертная записка Якова Ивановича служила имъ наставленіемъ. „Помните все, что вы мнѣ говорили—сказалъ онъ ему по этому поводу—на выраженныхъ условіяхъ только ввѣрю я вамъ это дѣло. Ведите все такъ, какъ было. Я всегда считалъ васъ честнымъ человѣкомъ, и мнѣ въ голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть“. Съ своей стороны Панинъ увѣрялъ Великаго Князя Константина Николаевича, что каковы бы ни были его личныя убѣжденія, онъ считаетъ долгомъ вѣрноподданнаго прежде всего подчинять ихъ взгляду Императора. „Если я, поясняя онъ, какими-либо путями, прямо или косвенно удостовѣрюсь, что Государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я, то я долгомъ считаю тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать даже совершенно наперекоръ имъ и даже съ большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями“.

Впрочемъ, графъ Панинъ нѣсколько разъ пытался видоизмѣнить, на сколько зависѣло отъ него, направленіе, завѣщанное Ростовцовымъ, дѣлалъ возраженія, подавалъ по нѣкоторымъ вопросамъ отдѣльныя мнѣнія, но въ концѣ концовъ подчинялся во всемъ воззрѣнію Государя и окончательно подалъ голосъ по всѣмъ вопросамъ съ большинствомъ ¹⁾).

¹⁾ Императоръ Александръ II—С. С. Татищева. 1903 г.

Такъ какъ графъ Панинъ при всѣхъ своихъ странностяхъ былъ истиннымъ джентльменомъ, то его отношенія къ членамъ Редакціонныхъ Комиссій не вызывали никакихъ столкновеній; труднѣе всего было, разумѣется, Н. А. Милютину, какъ главному руководителю дѣла, снѣться съ гр. Панинымъ, но при взаимной благовоспитанности и благородствѣ характера отношенія между ними установились довольно удовлетворительныя. Происходили, разумѣется, и нѣкоторые курьезные эпизоды, неизбежныя при прямолинейности гр. Панина, но это нисколько не мѣшало ходу дѣла. Весь этотъ періодъ подробно описанъ однимъ изъ членовъ Редакціонныхъ Комиссій Н. П. Семеновымъ въ его сочиненіи, посвященномъ ходу работъ комиссій, и потому я, какъ не участвовавшій въ нихъ, и не буду здѣсь этого касаться.

По заключеніи работъ и составленіи положенія оставалось еще провести его въ Государственномъ Совѣтѣ. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, назначенный передъ тѣмъ Предсѣдателемъ Главнаго Комитета, былъ совершенно въ курсѣ дѣла, принималъ его близко къ сердцу и относился совершенно сочувственно къ тому направленію, которое оно получило въ средѣ Редакціонныхъ Комиссій. Поэтому съ его стороны можно было рассчитывать на полную поддержку. Но надо было по возможности подготовить прочихъ членовъ Государственнаго Совѣта, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые не считались принципиальными противниками дѣла. Съ этою цѣлью члены бывшихъ Редакціонныхъ Комиссій подраждѣли между собою Членовъ Государственнаго Совѣта, и каждый изъ нихъ взялъ на себя трудъ основательно ознакомить знакомыхъ ему Членовъ Государственнаго Совѣта съ подробностями дѣла и, сколько возможно, повліять на нихъ въ благопріятномъ для дѣла смыслѣ. Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ, проектъ Ред. Ком. былъ принятъ безъ большихъ измѣненій Государственнымъ Совѣтомъ и получилъ Высочайшее утвержденіе 19-го февраля 1861 года, и вслѣдъ за тѣмъ обнародованъ въ Петербургѣ 5-го марта.

Одновременно съ утвержденіемъ Положенія послѣдовало увольненіе гр. Ланского отъ поста министра В. Д. и назначеніе на его мѣсто Валуева. вмѣстѣ съ тѣмъ Милютинъ былъ уволенъ отъ званія тов. мин. Вн. Дѣлъ съ назначеніемъ ст.-секретаремъ. Это былъ настоящій coup de foudre для всѣхъ сторонниковъ крестьянскаго дѣла. Такъ какъ Милютинскіе вечера продолжались вплоть до окончанія работъ по крестьянскому вопросу, то я поѣхалъ къ нему въ слѣдующее воскресенье,—катастрофа произошла, кажется, за день до того,—въ надеждѣ разузнать всѣ подробности, какъ совершилась эта катастрофа. Но Николай Алексѣевичъ никого не принималъ въ

этотъ вечеръ, до того, очевидно, онъ былъ разстроенъ совершившимся. Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ на годъ за границу.

Дѣйствительно, можно было опасаться совершеннаго уклоненія въ противоположную сторону при проведеніи реформы на мѣстахъ, разъ главное руководство предоставлялось открытому врагу реформы, въ томъ видѣ, какъ она была выработана, лицу, которое, какъ уже было указано выше, занималось даже составленіемъ контр-проекта. Рѣшеніе Государя вызывалось несомнѣнно желаніемъ успокоить дворянство. Государь могъ думать, что разъ Положеніе было утверждено во всѣхъ подробностяхъ, никакое новое лицо не будетъ имѣть возможности существенно уклониться отъ него при введеніи Положенія въ дѣйствіе. При крайнемъ возбужденіи значительной части дворянства и при той ненависти, которая проявлялась тогда въ его средѣ по отношенію ко всѣмъ личностямъ, такъ или иначе близко стоявшимъ къ работамъ Редакціонныхъ Комиссій, могло казаться благоразумнымъ поручить практическое осуществленіе дѣла совершенно новымъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что введеніе Положенія на мѣстахъ приходилось возложить на мировыхъ посредниковъ, выбранныхъ изъ среды тѣхъ же дворянъ. Во всякомъ случаѣ можно было однако удивляться, что выборъ въ министры вн. дѣлъ палъ не просто на новаго человѣка, но на противника этого дѣла, тѣмъ болѣе, что тѣ соображенія, которыя руководили Государемъ при выборѣ графа Панина, не могли быть примѣняемы къ Валуеву. По всей вѣроятности Государь рассчитывалъ на ловкость Валуева, которому, тѣмъ болѣе, что онъ былъ *persona grata* въ глазахъ дворянства, легче будетъ устроить дѣло хотя и съ мягкостью для дворянства, но все же согласно утвержденному Государемъ Положенію, и такимъ образомъ, въ известной мѣрѣ, удовлетворить ожиданіямъ обѣихъ сторонъ.

Какъ бы то ни было, но не мало слышалось въ обществѣ сѣтованій на нерѣшительность провести дѣло въ томъ духѣ, какъ оно было начато, на угожденіе дворянству и т. п. Послѣдствія указали однако, что всѣ опасенія, вызванныя новыми назначеніями, оказались неосновательными, потому что случилось то, чего никто не могъ ожидать. Посредники, выбранные изъ мѣстныхъ дворянъ, которымъ приходилось на практикѣ приводить въ исполненіе Положеніе, оказались до того на высотѣ своего положенія, что до сихъ поръ мировые посредники, I-го призыва, въ памяти всѣхъ оказываются окруженными какимъ-то особеннымъ ореоломъ, совершенно выдѣляющимъ ихъ изъ круга служебныхъ дѣятелей всѣхъ временъ. Сознаніе высоты возложенныхъ на нихъ обязанностей подняло ихъ духовно и какъ-бы совершенно преобразовало ихъ характеръ до того, что даже личности, бывшія прежде яркими крѣпост-

никами, сдѣлавшись мировыми посредниками, стали съ такимъ увлеченіемъ отстаивать интересы крестьянства, что ихъ братья-дворяне упрекали ихъ даже въ томъ, что они жертвуютъ дворянскими интересами.

Это такое знаменательное явленіе, которое представляется почти единственнымъ въ нашей исторіи;—оно доказываетъ во-очію—что если только правительство рѣшается апеллировать къ высшимъ побужденіямъ людей и при этомъ оказывать имъ полное довѣріе—то всегда въ Россіи найдутся достойныя личности, которыя окажутся на высотѣ своего положенія.

Къ сожалѣнію, этотъ урокъ отечественной исторіи совершенно былъ упущенъ изъ вида при дальнѣйшемъ ходѣ земскаго дѣла. Земскимъ дѣятелямъ не только не оказывалось поощряющаго ихъ довѣрія, но, напротивъ того, постоянныя вмѣшательства губернатора въ земскія дѣла, въ формѣ протестовъ противъ иногда даже самыхъ невинныхъ рѣшеній земскихъ собраній,—служило признакомъ явнаго недовѣрія къ ихъ образу дѣйствій, со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—а затѣмъ эта дѣятельность была даже формально съужена, преобразованіемъ Земскаго Положенія и реформою продовольственныхъ учреждений.

День объявленія реформы (Положеніе читалось народу въ церквахъ) прошелъ безъ особеннаго энтузіазма. Повидимому, это великое дѣло освобожденія, на первыхъ порахъ, не произвело особеннаго впечатлѣнія, народъ какъ-бы не понималъ, въ чемъ вопросъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли печальныя недоразумѣнія и столкновенія съ властями, въ одномъ случаѣ были даже казни. Но въ общемъ дѣло обошлось довольно спокойно и преувеличенныя опасенія, которыя носились въ обществѣ, къ счастью не оправдались.

Главныя заботы всѣхъ сосредоточились на распредѣленіи земель между крестьянами и помѣщиками. Крестьяне энергично стояли за свой надѣлъ, добровольныя сдѣлки оказывались возможными только въ рѣдкихъ случаяхъ; крестьяне отказывались отъ всякихъ подписокъ, и большею частью приходилось вводить уставныя грамоты обязательно. Мнѣ самому очень хотѣлось устроить дѣло съ нашими крестьянами по добровольному соглашенію, но ихъ никакъ нельзя было уговорить, пришлось принять то же обязательное разграниченіе.

Затѣмъ настала эпоха новаго хозяйства, никто къ ней не былъ подготовленъ, дѣла шли плохо, помѣщики жаловались на рабочихъ, рабочіе на помѣщиковъ, и тѣ немногіе люди, которые думали серьезно взяться за дѣло хозяйства, большею частью по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ опыта бросили хозяйство при сознаніи, что ничего

не подѣлаешь. Это было тяжелое для всѣхъ время, которое вызвало необходимость обязательнаго выкупа.

Съ тѣхъ поръ прошло скоро полъ-вѣка, страсти улеглись, все такъ или иначе устроилось, и потому можно уже хладнокровно отнестись къ дѣлу Редакціонныхъ Комиссій и безпристрастно оцѣнить его, не вознося его съ одной стороны до небесъ, а съ другой стороны не порицая его абсолютно, какъ это дѣлалось въ первое время сторонниками того и другого направленія. Лучшею оцѣнкою дѣла, какія бы ни были его достоинства и недостатки, можетъ служить то обстоятельство, что со времени освобожденія крестьянъ Россія во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала такіе успѣхи, что она стала совершенно неузнаваема; вмѣстѣ съ тѣмъ однако, выяснилось, что хотя положеніе крестьянъ тоже улучшилось, но они можетъ быть выиграли менѣе другихъ сословія, поднятіе ихъ благосостоянія въ сравненіи съ ихъ положеніемъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, не проявилось вездѣ въ той сильной мѣрѣ, какъ это можно бы было ожидать, во многихъ мѣстностяхъ можно даже замѣтить регрессъ.

Вслѣдствіе того естественно является вопросъ, не произошелъ ли переходъ ихъ отъ крѣпостнаго къ свободному состоянію слишкомъ быстро, заставъ ихъ къ тому неподготовленными, такъ что они не были еще въ состояніи вполне воспользоваться даруемыми имъ благами свободы, не слѣдовало ли идти въ этомъ дѣлѣ медленнѣе, подготавливая ихъ постепенно къ дарованію свободы. Не слѣдовало ли начать со введеніемъ инвентарей и затѣмъ рядомъ послѣдовательныхъ мѣръ придти къ окончательному результату.

Такіе вопросы можно возбуждать теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ съ отвлеченной точки зрѣнія, но практически при томъ возбужденіи страстей, которое неизбѣжно должно было вызывать рѣшеніе такого дѣла, о какой-либо большей постепенности не могло быть и рѣчи, нужно было разомъ разрубить гордіевъ узелъ—всякое колебаніе могло быть опасно. Тотъ же самый вопросъ возникалъ и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки при освобожденіи рабовъ, и точно также пришлось и тамъ рѣшиться на категорическое разрѣшеніе вопроса. При томъ же исторія показала, что даже та постепенность, которая была предусмотрена Положеніемъ въ смыслѣ замѣны барщинъ оброкомъ и затѣмъ добровольнаго перехода на выкупъ, не могла быть выдержана и пришлось силою вещей обратиться къ обязательному выкупу, чтобы окончательно разорвать всякую связь между помѣщиками и ихъ прежними крѣпостными.

Другой вопросъ, нужно ли было идти по тому же пути и въ дѣлѣ устройства государственныхъ крестьянъ.

Положеніе послѣднихъ до реформы было большею частью несомнѣнно лучше положенія помѣщичьихъ крестьянъ; послѣ освобожденія положеніе тѣхъ и другихъ совершенно сравнялось, и теперь уже никакъ нельзя сказать, чтобы экономическое положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ находилось на сравнительно высшей точкѣ. Побужденіе всѣхъ приравнять, всѣмъ предоставить въ равной мѣрѣ всѣ выгоды свободнаго положенія, совершенно естественное съ отвлеченной точки зрѣнія, не оправдалось однако послѣдствіями. Особенно же примѣненіе и къ гос. крестьянамъ обязательнаго выкупа оказалось безусловно ошибкой. Не лишая ихъ возможности выкупить свою землю и становиться полными собственниками ея,—это можно было предоставить личному желанію cadaго. Собственность несомнѣнно цивилизующее начало, но она теряетъ это свое значеніе, когда она навязывается всѣмъ и не вызываетъ никакого усилія, никакой жертвы для ея достиженія. Что же касается чисто финансоваго вопроса, то несомнѣнно оказывается, что мы потребляемъ капиталы вмѣстѣ съ процентами, такъ что по окончанія выкупа окажется vacuum въ нѣсколько десятковъ милліоновъ, которому не будетъ соотвѣтствовать соразмѣрное уменьшеніе расходовъ, — между тѣмъ какъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ поглощеніе ежегодными расходами выкупныхъ платежей уравнивается, до нѣкоторой степени, соотвѣтственными погашеніями долговъ, заключенныхъ правительствомъ, въ видахъ вознагражденія помѣщиковъ за отчуждаемую отъ нихъ землю.

Въ началѣ 1862 года состоялось назначеніе М. Х. Рейтерна на постъ министра финансовъ. Съ его назначеніемъ настала новая эра въ нашемъ финансовомъ управленіи—обнародованіе бюджета, усиленное развитіе постройки желѣзныхъ дорогъ, опытъ введенія металлическаго обращенія и т. д.

Назначеніе Рейтерна состоялось слѣдующимъ образомъ. Въ то время выработывался проектъ замѣны откуповъ акцизною системою. При этомъ необходимо было прежде всего озаботиться выборомъ человѣка умнаго, энергическаго и хорошаго администратора на постъ директора департамента неокладныхъ сборовъ,—такъ какъ проведеніе реформы лежало на этомъ департаментѣ, и потому успѣхъ всего дѣла долженъ былъ, въ значительной степени, зависѣть отъ того, кто будетъ поставленъ во главѣ означеннаго департамента. Выборъ палъ на К. К. Грота, бывшаго тогда саратовскимъ губернаторомъ. По выработкѣ проекта, пришлось затѣмъ назначить соотвѣтственныхъ лицъ въ губерніи, такъ какъ на прежнихъ чиновниковъ, въ рукахъ коихъ находилось откупное дѣло, въ этомъ отношеніи нельзя было рассчитывать. По поводу этихъ назначеній, съ

самаго начала произошли размолвки между А. М. Княжевичемъ и Гротомъ. А. М. Княжевичъ, человекъ чрезвычайно мягкій и находившійся подъ вліяніемъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, пообѣщаль разнымъ лицамъ мѣста акцизныхъ управляющихъ въ губерніяхъ. Гротъ находилъ, что многіе изъ кандидатовъ Княжевича не представляютъ достаточной гарантіи для удачнаго веденія дѣла, и потому не хотѣлъ согласиться на ихъ назначеніе. Княжевичу, какъ министру, очевидно трудно было не исполнить данныхъ имъ обѣщаній, и потому ни одна сторона не могла уступить въ дѣлѣ выбора новыхъ чиновниковъ. Тогда Гротъ, объявивъ, что при такомъ составѣ мѣстныхъ дѣятелей, онъ не можетъ ручаться за успѣхъ дѣла, подалъ въ отставку.

Какъ человекъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный, А. М. Княжевичъ хорошо понималъ, что веденіе акцизнаго дѣла, которое тогда обращало на себя всеобщее вниманіе, безъ Грота обойтись не можетъ, такъ какъ К. К. именно для этого и былъ назначенъ директоромъ департамента; онъ прямо высказалъ, что если кому слѣдуетъ выходить, то это не Гроту, а ему самому, и дѣйствительно сложилъ съ себя званіе министра финансовъ. На его мѣсто былъ назначенъ М. Х. Рейтернъ, который тогда уже былъ статсъ-секретаремъ, членомъ Комитета Финансовъ, считался хорошимъ финансистомъ и пользовался сильной поддержкой какъ Великаго Князя Константина Николаевича, такъ и графа Нессельрода, бывшаго въ то время предсѣдателемъ Комитета Финансовъ.

Вслѣдъ за своимъ назначеніемъ Михайлъ Христофоровичъ пригласилъ къ себѣ В. П. Безобразова и меня и объяснилъ намъ, что онъ желаетъ пользоваться нашимъ содѣйствіемъ. Обратившись прежде всего къ Безобразову, который тогда сотрудничалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, Рейтернъ высказалъ, что онъ желаетъ поручить ему составленіе объяснительныхъ статей для „Моск. Вѣдомостей“, по разнымъ финансовымъ вопросамъ, которые имъ будутъ возбуждаться. Миѣ же онъ предложилъ финансовую цензуру журналовъ, т. е. слѣдить за появляющимися статьями и постоянно знакомить его со всѣмъ, что будетъ появляться въ этой области.

По этому случаю тутъ же произошла размолвка между Безобразовымъ и Рейтерномъ, которая до конца вліяла на ихъ взаимныя отношенія. Владиміръ Павловичъ сталъ третировать Рейтерна *d'égal à égal* и заявилъ ему, что прежде чѣмъ поддерживать его мѣропріятія въ журналистикѣ, ему необходимо знать, въ чемъ будетъ заключаться система Рейтерна, чтобы судить, на сколько онъ можетъ съ нею согласиться, и что потому необходимо бы было предварительно условиться съ нимъ въ общемъ финансовомъ планѣ.

Рейтернъ, какъ человѣкъ крайне авторитетный, разумѣется, не могъ согласиться поставить свою финансовую дѣятельность въ зависимость отъ санкціи молодого человѣка, хотя и уважаемаго имъ, и отвѣтилъ Безобразову съ большимъ тактомъ—что Влад. Пав. достаточно его знаетъ, чтобы не думать, что онъ можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ писалъ что-либо противъ своего убѣжденія, и что общее направленіе его взглядовъ на финансы достаточно извѣстны ему, Безобразову. На этомъ разговоръ у нихъ кончился и, хотя это не помѣшало сохраненію прежнихъ хорошихъ отношеній между ними, но все же то—какимъ образомъ Безобразовъ отвѣтилъ на его приглашеніе поддержки,—оставило между ними нѣкоторую отчужденность. Впослѣдствіи Рейтернъ назначалъ Безобразова въ разныя комиссіи, давалъ ему разныя командировки въ Россіи и за границу, чтобы предоставить ему возможность изучать разные экономическіе вопросы, но собственно къ активному участию въ дѣлахъ управленія никогда уже не привлекалъ.

Сознаюсь, что мнѣ также не очень нравилась роль финансоваго цензора, которую мнѣ предлагалъ новый министръ. Хотя ознакомленіе его со всѣмъ, что происходило къ журналистикѣ по финансовой части, само по себѣ не имѣло ничего несимпатичнаго,—но такъ какъ онъ употребилъ при этомъ слово цензура, то дѣло получало другой характеръ, крайне мнѣ несимпатичный. Присутствуя при предшествующемъ разговорѣ Михаила Христофоровича съ Безобразовымъ, я нашелъ, однако, болѣе удобнымъ ничего не отвѣчать ему въ данную минуту и предварительно присмотрѣться къ тому, какъ у насъ пойдетъ дѣло. Никакою цензурою и никакими сообщеніями я пока не сталъ заниматься, а вмѣсто того занялся составленіемъ разныхъ финансовыхъ статей въ журналахъ, между прочимъ разсмотрѣніемъ нашего бюджета, который только-что былъ обнародованъ, и кромѣ того продолжалъ свои занятія по Податной Комиссіи. Затѣмъ о цензурѣ у меня съ министромъ уже не возникало болѣе вопроса, и это дѣло такъ и заснуло. Въ началѣ слѣдующаго года Михаилъ Христофоровичъ предложилъ мнѣ оставить Церемониальную Экспедицію и совершенно перейти на службу въ Министерство Финансовъ; я принялъ его предложеніе и, согласно моему желанію, онъ назначилъ меня чиновн. по особымъ порученіямъ V класса, хотя я въ чинѣ тогда стоялъ еще гораздо ниже.

Въ числѣ главныхъ дѣлъ, совершенныхъ Рейтерномъ во время его министерства—надо указать на развитіе у насъ желѣзнодорожнаго строительства. Рейтернъ, послѣ разныхъ опытовъ, остановился на концессионной системѣ, въ чемъ впослѣдствіи многіе его упрекали, потому что на этихъ предпріятіяхъ составились большія со-

стоянія. Такъ какъ строительная сумма назначалась обыкновенно очень высокою, то концессионеру оставалась обыкновенно отъ постройки значительная прибыль: были даже случаи, что люди брали концессіи исключительно съ намѣреніемъ перепродать ихъ дѣйствительнымъ строителямъ, при чемъ, несмотря на это, на долю тѣхъ и другихъ приходились значительные барыши.

Если сообразить однако, какъ въ началѣ это дѣло шло туго, то нельзя не придти къ заключенію, что первымъ предпринимателямъ нужно было дать возможность реализовать значительные барыши, чтобы этимъ путемъ привлечь у насъ капиталы къ желѣзнодорожнымъ предприятиямъ. Недовѣріе къ дѣлу строительства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи и къ возможной доходности этихъ искусственныхъ сооруженій была такъ значительно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла образоваться ни одна компанія. Наконецъ, рѣшились предоставить одной русско-англійской компаніи очень значительныя выгоды, при гарантіи дохода; контрактъ былъ заключенъ, подписка на акціи была открыта въ Лондонѣ и, несмотря на поддержку нѣкоторыхъ банкировъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, осталась непокрытою, компанія не состоялась.

Въ такой моментъ два инженера фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ возымѣли мысль примѣнить совершенно новую у насъ систему по желѣзнодорожному дѣлу—образование капитала выпускомъ небольшого количества акцій и значительнаго количества облигацій. Такъ какъ облигаціи были гарантированы, то ихъ удалось размѣстить. Строительная сумма была назначена столь высокая, что всю дорогу (Московско-Рязанскую) удалось построить на одинъ облигаціонный капиталъ, а всѣ акціи остались чистою прибылью предпринимателей,—и такъ какъ дорога вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала стала давать хорошій доходъ, то эти акціи, по которымъ почти никакихъ взносовъ не было сдѣлано, значительно поднялись въ цѣнѣ—фонъ Меккъ и фонъ Дервизъ стали милліонерами. Съ этого момента всѣ бросились на желѣзнодорожное дѣло, началась желѣзнодорожная горячка, и постройка дорогъ, на которыя прежде никто не рѣшался идти, теперь пошла съ удивительною быстротою. При такой концессионной системѣ, несомнѣнно, многія дороги обошлись довольно дорого, составились значительныя состоянія на этомъ дѣлѣ,—но зато, когда Михаилъ Христофоровичъ оставилъ министерство, то Россія была уже покрыта довольно значительною сѣтью жел. дорогъ, несмотря на всѣ препятствія, которыя это дѣло встрѣтило въ началѣ его министерства вслѣдствіе недовѣрія капиталистовъ къ желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи.

Другое важное предпріятіе Рейтерна, кончившееся однако не

такъ благополучно—это денежная реформа, которая была выработана при ближайшемъ участіи Е. И. Ламанскаго, только - что назначеннаго товарищемъ управляющаго вновь преобразованнаго Государственнаго банка, во главѣ котораго былъ ноставленъ баронъ Штиглицъ.

Впослѣдствіи, когда дѣло не удалось, Рейтерна упрекали въ томъ, что онъ приступилъ къ денежной реформѣ, недостаточно подготовивъ это дѣло и не имѣя достаточнаго запаса золота, но эти упреки возникали со стороны лицъ, которыя не были близко знакомы съ дѣломъ. Заключивъ съ Ротшильдомъ заемъ въ сто милліоновъ рублей, Михайлъ Христофоровичъ заручился кромѣ того, какъ онъ мнѣ самъ это рассказывалъ, обѣщаніемъ Ротшильда на заключеніе еще дальнѣйшихъ займовъ, если таковыя потребуются для завершения денежной операціи. Къ несчастію, при самомъ началѣ размѣна, вспыхнуло польское возстаніе. Франція стала оказывать возстанію поддержку всякими косвенными путями, къ которымъ можно было прибѣгнуть, не доходя до совершеннаго разрыва съ Россіей. Подъ давленіемъ Наполеона, Ротшильдъ отказался отъ исполненія своего обѣщанія, новый заемъ сталъ невозможнымъ. Такимъ образомъ въ тѣхъ средствахъ, на которыя Рейтернъ могъ надѣяться, ему въ послѣднюю минуту было отказано, а съ другой стороны потребовались громадныя непредвидѣнные расходы по случаю польскаго возстанія. Рейтернъ былъ принужденъ вслѣдствіе того вновь выпускать изъятые изъ общенія кредитныя билеты, вмѣсто ихъ уничтоженія. Такимъ образомъ тотъ же кредитный билетъ могъ представляться къ размѣну безчисленное число разъ, а такъ какъ къ размѣну была примѣнена англійская система постепеннаго пониженія цѣны золота въ сроки, впередъ опредѣленные—то спекуляція могла дѣйствовать навѣрняка, опоражнивая нашъ золотой запасъ. Оставалось одно—въ виду политическихъ обстоятельствъ прекратить размѣнъ. Между тѣмъ Высочайшимъ Указомъ было обѣщано доведеніе кредитныхъ билетовъ до нормы. Высоко ставя Царское Слово, Рейтернъ предпочелъ исполнить въ точности царское обѣщаніе, хотя это и должно было намъ стоить нѣсколько десятковъ милліоновъ (потери золота составила около 80 милліоновъ, сколько могу припомнить). Размѣнъ по постоянно повышавшейся скалѣ былъ проведенъ до конца, съ нѣкоторымъ сокращеніемъ только сроковъ повышенія, кредитныя рубли были доведены до нормы, и на другой день размѣнъ былъ закрытъ. Въ послѣднія недѣли, когда съ постояннымъ возрастаніемъ требованій на золото, запасъ банка сталъ приходить къ концу, о новомъ займѣ при данныхъ обстоятельствахъ нельзя было и думать. Штиг-

лицъ сталъ снабжать кассу банка золотомъ изъ собственныхъ средствъ, употребивъ на это нѣсколько милліоновъ, чтобы только поставить Рейтерна въ возможность довести начатое дѣло по крайней мѣрѣ до формальнаго окончанія. Разумѣется, всѣ внесенныя имъ суммы были ему послѣдствіи возвращены, однако онъ этимъ выказалъ необыкновенное довѣріе Рейтерну—такъ какъ онъ все же несъ при этомъ значительный рискъ—не выговаривая себѣ при томъ никакой прибыли. Этому Рейтернъ не забылъ ему до конца жизни, высоко цѣня оказанную ему услугу.

Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ, собранія дворянства стали привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, такъ какъ разные подлежащіе обсужденію по этому поводу вопросы вызывали живѣйшій интересъ въ публикѣ. Собранія С.-Петербургскаго дворянства, тогда очень многочисленнаго, происходили подъ предсѣдательствомъ графа Шувалова, бывшаго тогда петербургскимъ губернскимъ предводителемъ. Преніями интересовались не только мужчины, но и дамы, которыя наполняли хоры зала, внимательно наблюдали за говорившими.

Въ одномъ изъ засѣданій былъ возбужденъ вопросъ о земскомъ кредитѣ. Въ это время изъ Варшавы пріѣхалъ г. Масковскій, предлагавшій учредить поземельный акціонерный банкъ. Между тѣмъ мнѣ было извѣстно, что въ Комитетѣ о поземельномъ кредитѣ остановились на мысли о предпочтительности учрежденій взаимнаго поземельнаго кредита, я тоже былъ сторонникомъ этой послѣдней формы кредита и потому принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. До тѣхъ поръ я никогда еще не говорилъ публично и потому, когда до меня дошла очередь, и я подошелъ къ предводительскому столу, то мнѣ просто стало страшно, при мысли, что всѣ глаза на меня устремлены. Привычка и въ этомъ отношеніи играетъ большую роль. Въ настоящее время, присутствіе значительнаго числа слушателей меня нисколько не смущаетъ; напротивъ того, чѣмъ внимательнѣе слушатели слѣдятъ за моими словами, тѣмъ мнѣ говорится легче, тѣмъ это меня болѣе поощряетъ. Но тогда мнѣ приходилось первый разъ говорить публично; мнѣ стало такъ страшно, что я боялся, что у меня голосъ замретъ въ горлѣ. Но дѣлать было нечего, разъ я вышелъ, нужно было говорить. Я сдѣлалъ отчаянное надъ собою усиліе и началъ свою рѣчь. Послѣ первыхъ же фразъ, замѣчая внимательное отношеніе ко мнѣ слушателей, я однако ободрился и сталъ говорить все свободнѣе и свободнѣе—моя maiden-speech оказалась полнѣйшимъ успѣхомъ: большинство высказалось за взаимный кредитъ, предложеніе Масковскаго было устранено. Для подписки желающихъ принять участіе въ устройствѣ взаимнаго поземельнаго кредита выло-

жены листы. Но подписавшихся оказалось немного, все ограничилось ораторскимъ успѣхомъ безъ всякихъ почти практическихъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, необходимо прежде всего, чтобы нашелся какой-либо практической дѣятель, умѣющій взяться за дѣло, устроить и повести его. Но дѣло это было тогда еще для всѣхъ совершенно новое, и потому такого дѣятеля не оказалось. Что касается до меня, то я не былъ въ положеніи вести подобное дѣло, да и вообще я никогда не былъ практическимъ человѣкомъ; имѣя способность теоретически отстаивать и развивать данную мысль, я не обладалъ необходимыми способностями для практическаго приведенія ея въ исполненіе. Когда годъ или два спустя нашелся такой дѣятель въ лицѣ Яковлева, то дѣло взаимно-земскаго кредита устроилось безъ большого труда. Ораторскій успѣхъ выдвинулъ меня въ глазахъ дворянства, многіе изъ членовъ Собранія желали со мною познакомиться, у меня спрашивали мою карточку—и я, разумѣется, этимъ общимъ вниманіемъ былъ не мало польщенъ.

Но вслѣдъ затѣмъ я имѣлъ случай убѣдиться, что вниманіе Собранія обращено преимущественно на практическую сторону каждаго дѣла, и что однѣми общими фразами его трудно увлечь. Въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій, не помню въ томъ же или въ слѣдующемъ году, былъ возбужденъ вопросъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало бы принять противъ кражи лѣса крестьянами и самовольныхъ порубокъ. Разсчитывая на пріобрѣтенную мною популярность, я принялъ участіе въ обсужденіи этого вопроса. Въ виду неоднократныхъ заявленій, что крестьяне крадутъ лѣсъ, я считалъ нужнымъ протестовать противъ такого огульнаго обвиненія, я сталъ говорить въ томъ смыслѣ, что можно обвинять того или другого крестьянина, Ивана или Петра, въ кражѣ лѣса, но обвинять въ этомъ крестьянъ огульно, возводить однимъ сословіемъ такое обвиненіе на цѣлое сословіе нельзя не считать несправедливымъ и неумѣстнымъ... Хотя я въ этотъ разъ говорилъ довольно хорошо и плавно, но моя рѣчь, не имѣвшая практической подкладки, въ данномъ случаѣ не имѣла никакого эффекта. Такъ какъ вниманіе Дворянскаго Собранія все же было обращено на меня, я былъ избранъ депутатомъ отъ дворянства въ Главное выкупное учрежденіе, благодаря чему, когда по истеченіи третьяго года приведенія въ исполненіе крестьянскаго Положенія, всѣмъ участвовавшимъ въ ономъ дѣятелямъ были дарованы серебряные знаки, и я удостоился полученія такого точно отличія въ память участія въ великомъ крестьянскомъ дѣлѣ,—что доставило мнѣ истинное удовольствіе.

Живой интересъ, который возбуждался въ обществѣ преніями,

происходившими въ средѣ дворянскаго собранія, обусловливался между прочимъ тѣмъ, что ораторы, не ограничиваясь экономическими вопросами, затрагивали и вопросы внутренней политики. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, въ обществѣ стали много говорить о томъ, что, разъ крестьянамъ дарована свобода, справедливость слѣдуетъ допустить и дворянство къ участию въ управленіи страны, однимъ словомъ, стали высказываться конституціонныя тенденціи. Эти тенденціи нашли отголосокъ въ рѣчахъ ораторовъ, говорившихъ въ Дворянскомъ Собраніи. Интересы дворянства отстаивались постоянно очень настойчиво и очень ловко царскосельскимъ предводителемъ дворянства Платоновымъ. Платоновъ пользовался въ дворянской средѣ большою популярностью и любовью, онъ обладалъ краснорѣчивымъ даромъ слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ всегда очень осторожно и съ большимъ тактомъ, и вслѣдствіе того никогда не подвергался никакимъ непріятностямъ за свои слова. Между тѣмъ, одно изъ засѣданій, въ которомъ мысль о привлеченіи дворянства къ управленію была довольно прозрачна — вызвало со стороны Императора выраженіе сильнаго неудовольствія. Въ началѣ этого засѣданія, баронъ Ю. Ө. Корфъ, который былъ ко мнѣ расположенъ, подошелъ ко мнѣ и посоветовалъ мнѣ не принимать никакого участія въ происходившихъ по этому вопросу преніяхъ. Случайно вся тяжесть Государева неудовольствія пала въ этомъ случаѣ на сенатора Любощинскаго, который, какъ членъ петербургскаго дворянства, также участвовалъ въ собраніяхъ. Хотя именно въ этомъ засѣданіи Любощинскій, кажется, даже и не присутствовалъ, но кто-то изъ его враговъ указалъ на него, какъ на принимавшаго большое участіе въ обсужденіи поднятаго вопроса. Выразивъ, что такихъ сенаторовъ, которые возбуждаютъ конституціонные вопросы, ему не надо, Государь потребовалъ увольненія Любощинскаго изъ Сената. Несомнѣнно, въ своемъ умѣ Государь дѣлалъ различіе между дворянами неслужащими и дворянами, находящимися на службѣ и занимавшими высокій постъ въ администраціи. Недовольный тѣмъ направленіемъ, которое дѣла принимали въ Дворянскомъ Собраніи, онъ не считалъ однако умѣстнымъ подвергать неслужащихъ дворянъ какому-либо взысканію за свободу ихъ рѣчи, но на государственныхъ сановниковъ онъ смотрѣлъ, какъ на лицъ, обязанныхъ отстаивать существующіе законные порядки, и потому особенно былъ возбужденъ въ томъ, что сенаторъ, какъ главный блюститель закона, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать тому незаконному, по мнѣнію Государя, направленію, которое принимали пренія въ Дворянскомъ Собраніи, самъ говорилъ въ томъ же направленіи.

Министръ юстиціи былъ поставленъ приказаніемъ Государя въ

крайнее затрудненіе. По закону сенаторы не смѣняемы (иначе, какъ по суду) — поэтому, исполняя приказаніе Государя, пришлось бы пойти на прямое нарушеніе закона. Чтобы выйти изъ затрудненія, министръ пригласилъ къ себѣ Любощинскаго и, объявивъ ему волю Государя, просилъ его вывести его изъ затрудненія и подать прошеніе объ отставкѣ; а такъ какъ при этомъ выяснилось, что Любощинскій даже не участвовалъ въ помянутомъ засѣданіи, то министръ юстиціи посоветовалъ ему подать всеподданнѣйшее прошеніе, изложивъ въ немъ, что въ виду высочайшей воли онъ подаетъ въ отставку,—но что такъ какъ возведенное на него обвиненіе лишено всякаго основанія, то онъ рассчитываетъ на милость Государя. Это всеподданнѣйшее прошеніе М. Ю. посоветовалъ Любощинскому представить Государю черезъ посредство всемогущаго въ то время Начальника III Отдѣленія графа Шувалова. Дѣйствительно, дѣло и получило такое разрѣшеніе. Графъ Шуваловъ, который, кажется, и доложилъ ошибочно Государю о происходившемъ въ Дворянскомъ Собраніи, согласился представить Государю прошеніе Любощинскаго и объяснить ему происшедшую ошибку въ его предшествующемъ докладѣ. Государь взялъ назадъ свое повелѣніе объ увольненіи Любощинскаго.

Вотъ еще одинъ эпизодъ изъ моихъ отношеній къ Дворянскому Собранію и одновременно къ министерству финансовъ. Какъ землевладелецъ и какъ чиновникъ министерства, я имѣлъ случай ознакомиться съ безпорядочнымъ веденіемъ въ то время дѣла по податному вопросу, которое вызывало невольныя недоимки, обращалось во вредъ и самихъ землевладельцевъ. Окладные листы, составляемые въ казенной палатѣ, рассылались черезъ полицію и получались потому землевладельцами довольно поздно, не рѣдко даже послѣ платежныхъ сроковъ, такъ какъ самыя рассылки производились довольно безпорядочно; никто не узнавалъ своевременно, сколько ему слѣдовало платить, а вслѣдствіе невольнаго опозданія во взносахъ насчитывалась пеня и т. д. Мнѣ пришла мысль, что полезно бы воспользоваться собраніемъ дворянъ для раздачи окладныхъ листовъ, которые такимъ образомъ были бы доставлены весьма своевременно, и податное дѣло было бы упорядочено. Смотри на дѣло только съ практической точки зрѣнія и не думая о политической сторонѣ вопроса, я доложилъ о моемъ предположеніи Рейтерну, который согласился сдѣлать подобный опытъ — дѣло однако кончилось полною неудачею. Подъ моимъ надзоромъ въ казенной палатѣ своевременно были составлены окладные листы по Петербургской губерніи, и я заготовилъ письмо отъ имени М. Х. Рейтерна къ графу Шувалову, въ которомъ министръ просилъ его содѣйствовать

о мѣстномъ самоуправленіи, какъ это самоуправленіе устроено въ Англіи, Германіи, Франціи и другихъ странахъ. Его рѣчь обратила на себя всеобщее вниманіе своею обстоятельностью и ясностью. Онъ тогда былъ скромнымъ чиновникомъ II Отдѣленія, а нынѣ—товарищъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Андреевскій кавалеръ и графъ.

Около этого времени начали проявляться первые признаки того возбужденнаго состоянія умовъ, которые, все болѣе и болѣе усиливаясь, привели къ столь печальнымъ послѣдствіямъ.

Стали происходить беспорядки въ университетѣ, начались пожары и, наконецъ, въ 1863 году разразилось польское возстаніе.

Въ 1862 году начались въ разныхъ мѣстахъ пожары, которые приписывались поджогамъ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся пожаровъ былъ пожаръ Апраксина двора. Я отправился на пожаръ, это было такое зрѣлище, котораго я никогда не забуду. Весь Невскій около Гостинаго Двора былъ ярко освѣщенъ пламенемъ горѣвшаго Апраксина рынка, на улицѣ лежали груды разные товары—матеріи, платья и другія вещи, вынесенныя изъ лавокъ. Мѣстами эти груды товаровъ тоже тлѣли. Народъ толпился на пожарищѣ въ большомъ возбужденіи. Искали поджигателей. Я видѣлъ, какъ народъ билъ одного бѣднаго мальчика, котораго кто-то принялъ за поджигателя только потому, что у него въ карманѣ нашлись спички.

Я не буду останавливаться здѣсь на описаніи польскаго возстанія, всѣ перипетіи котораго достаточно извѣстны и были уже описаны во всѣхъ подробностяхъ.

Въ томъ же 1863 году въ Берлинѣ былъ назначенъ статистическій конгрессъ. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось быть на немъ, то я рѣшился просить Рейтерна, не можетъ ли онъ мнѣ дать какую-нибудь командировку за границу. Михаилъ Христофоровичъ отнесся очень благосклонно къ моему ходатайству и далъ мнѣ порученіе по таможенному дѣлу. Въ то время со стороны Пруссіи выражалось желаніе войти съ нами въ переговоры по поводу нѣкотораго пониженія таможенныхъ пошлинъ. Съ нашей же стороны проявлялось желаніе заручиться содѣйствіемъ прусскаго правительства для прекращенія контрабанды, происходившей на границѣ. Надзоръ, какъ за контрабандой, такъ и за правильнымъ образомъ дѣйствія нашихъ таможенъ (т. е. за такъ называемой легальной контрабандой), чрезвычайно затруднялся принятой въ Пруссіи системой публикаціи торговыхъ отчетовъ. Если по каждой таможнѣ съ точностью показывалось бы, сколько изъ нея вывезли какого товара,—то по сравненію этихъ цифръ съ тѣмъ, что показывалось очищеннымъ по нашимъ таможнямъ, лежавшимъ противъ соотвѣт-

ственной прусской таможи, можно было бы всегда опредѣлить, какая часть этого товара поступила къ намъ правильнымъ путемъ и какая проникала въ наши предѣлы контрабандой. Между тѣмъ по прусскимъ правиламъ разрѣшалось въ пограничныхъ таможахъ выпускать товаръ безъ указанія, куда онъ направляется, и даже съ показаніемъ его качества только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, напримѣръ „мануфактурный товаръ“. Очевидно, при такомъ порядкѣ всякое сопоставленіе прусскаго отпуска съ привозомъ въ нашихъ таможахъ становилось невозможнымъ. Въ Пруссіи намѣренно держались этого порядка, такъ какъ при незначительности прусскихъ таможенныхъ пошлинъ въ то время на наше сырье, единственныи эквивалентъ, который Пруссія могла предложить намъ въ случаѣ возбужденія торговыхъ переговоровъ, заключался именно въ содѣйствіи, которое могло бы быть оказано намъ съ ея стороны къ обнаруженію происходившей на прусской границѣ контрабанды. Рейтернъ поручилъ мнѣ заняться изученіемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ, чтобы сообразить, какимъ образомъ можно бы было воспользоваться существующими въ Пруссіи порядками для усовершенствованія нашей таможенной процедуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поручилъ мнѣ войти, при участіи нашего посольства, въ предварительныя сношенія съ прусскимъ министерствомъ финансовъ, чтобы выяснитъ вопросъ, возможно ли какое-нибудь соглашеніе съ Пруссіей въ вышеуказанномъ смыслѣ. При этомъ Михайль Христофоровичъ, объясняя свою мысль, высказалъ мнѣ, что такъ какъ контрабанда имѣетъ послѣдствіемъ ослабленіе и уменьшеніе той охраны, которой промышленность пользовалась у насъ при существующихъ таможенныхъ пошлинахъ, то можно бы, безъ уменьшенія дѣйствительности этой охраны, согласиться даже на нѣкоторое пониженіе пошлинъ, если только удастся этою цѣною, при помощи прусскаго правительства, достигнуть соответственнаго уменьшенія происходившей на нашей границѣ контрабанды. Усиленіе таможенной охраны могло бы вознаградить нашу торговлю за нѣкоторое пониженіе пошлины.

Такъ какъ я былъ совершенно незнакомъ съ нашими таможенными порядками, то я прежде всего приступилъ къ изученію нашихъ таможенныхъ законовъ; подготовившись такимъ образомъ и получивъ письмо Рейтерна на имя Убри, нашего посла въ Берлинѣ, я отправился въ путь. Въ моментъ моего отправленія было расцубликовано постановленіе польскаго ржонда, воспрещавшее всякій проѣздъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. Вслѣдствіе того я спросилъ Рейтерна, какимъ путемъ мнѣ ѣхать, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: разумѣется, по Варшавской желѣзной дорогѣ.

Въ вагонѣ я встрѣтился со спутникомъ, котораго я зналъ по имени, но съ которымъ не былъ лично знакомъ, это былъ извѣстный окулистъ докторъ Магавли. Онъ оказался очень милымъ и обходительнымъ человѣкомъ, и мы съ нимъ во время пути совершенно сблизились. На границѣ при просмотрѣ нашихъ паспортовъ, я какъ-то взялъ въ руки паспортъ Магавли и увидѣлъ, что его имя прописано по-нѣмецки Graf Masawly,—это меня удивило, потому что я не зналъ, что онъ графъ—и вообще графъ-докторъ очень рѣдкое явленіе. Тогда онъ объяснилъ, что онъ родомъ изъ Англіи и происходитъ изъ фамиліи лорда Masawly или Mosawly—извѣстнаго англійскаго писателя, но что, какъ молодой докторъ, онъ не считаетъ удобнымъ носить графскій титулъ. Впослѣдствіи, когда онъ былъ сдѣланъ директоромъ глазной лѣчебницы и женился, онъ принялъ свой титулъ графа и уже сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ доктора графа Магавли.

Мнѣ было рекомендовано въ Берлинѣ хорошее и не очень дорогое помѣщеніе на Unter den Linden; графъ Магавли согласился помѣститься тамъ вмѣстѣ со мною. Живя на одной квартирѣ, мы часто дѣлали съ нимъ вмѣстѣ разныя экскурсіи и вообще много проводили времени вмѣстѣ. Черезъ него я познакомился съ кружкомъ молодыхъ докторовъ и ученыхъ, и часто по вечерамъ бывалъ въ ихъ обществѣ, когда они въ какой-либо Bierhalle собирались за кружкой пива, проводя время въ веселыхъ и часто очень интересныхъ разговорахъ; иногда на этихъ вечерахъ мы вмѣстѣ играли въ кегли. Магавли познакомилъ меня также съ знаменитымъ докторомъ Вирховымъ, у котораго я даже разъ обѣдалъ. Замѣчательна была обширная дѣятельность этого ученаго. При своихъ лекціяхъ въ университетѣ и занятіяхъ въ клиникѣ, при своихъ ученыхъ работахъ онъ находилъ еще досугъ посвящать не мало времени политическимъ дѣламъ, состоялъ членомъ въ Палатѣ, гдѣ игралъ выдающуюся роль въ средѣ Fortschrittspartei.

По прибытіи въ Берлинъ, я сдѣлалъ визиты разнымъ официальнымъ лицамъ: министру финансовъ фонъ-Бодельшвингу, торговли фонъ-деръ Гейзту, внутреннихъ дѣлъ графу Эйленбургу и наконецъ былъ представленъ нашимъ посломъ даже самому графу Бисмарку. Отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ я получилъ приглашеніе на обѣды. Скажу нѣсколько словъ объ обѣдахъ у Бодельшвинга и графа Бисмарка. Ф. Бодельшвингъ вообще отнесся ко мнѣ крайне любезно, немедленно отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ къ обѣду. Мнѣ пришлось вести къ обѣду дочь министра, и между нами завязался немедленно живой разговоръ, но когда мы сѣли за столъ, разговоръ этотъ внезапно прекратился; я взглянулъ на мою даму и увидѣлъ, что она, сложивъ руки, говоритъ нѣмую

предобѣденную молитву,—оглянувъ весь столъ, я замѣтилъ, что также поступали почти всѣ присутствовавшіе за обѣдомъ. Въ то время во многихъ аристократическихъ домахъ въ Берлинѣ сохранялся христіанскій обычай заобѣденной молитвы Tischgebet, обычай, который у насъ наблюдается только въ немногихъ домахъ; большею частью все ограничивается даже въ религіозныхъ семействахъ твореніемъ крестнаго знамени до и послѣ обѣда.

По окончаніи краткой молитвы моей сосѣдки, нашъ оживленный разговоръ опять возобновился, и затѣмъ я весьма пріятно провелъ вечеръ въ этомъ миломъ семействѣ.

Теперь еще нѣсколько словъ объ обѣдѣ у графа Бисмарка. Бисмаркъ жилъ въ то время въ министерскомъ домѣ въ Wilhelmsstrasse. Квартира его состояла изъ обширныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, меблированныхъ довольно просто. Обѣдъ былъ сервированъ въ большой столовой, не отличавшейся тоже никакими особыми украшеніями, довольно простая ясная (сколько помню) мебель, большой столъ посреди комнаты, буфетные столы у стѣны и т. д. Хорошій, но не особенно гастрономическій обѣдъ, отличавшійся только рѣдкими винами, особенно бѣлыми; нѣкоторые сорта вина онъ самъ очень рекомендовалъ своимъ гостямъ. Обѣдавшихъ было немного кромѣ хозяина, Убри и меня; только еще нѣсколько берлинцевъ, именъ коихъ уже не помню. Несмотря на свое выдающееся положеніе, Бисмаркъ велъ себя совершенно естественно и просто—какъ любезный хозяинъ, оживленно бесѣдуя и съ Убри и со мною. Послѣ обѣда онъ предложилъ намъ очень хорошія и очень большія сигары, которыя онъ самъ любилъ обыкновенно курить, и мы отправились съ нимъ курить въ садъ, прилегавшій къ дому. Разговоръ коснулся происходившаго тогда польскаго возстанія, и Бисмаркъ сталъ высказывать мысль, что для того, чтобы покончить разъ навсегда съ этими періодически возникавшими польскими смутами, слѣдовало бы раздѣлить царство Польское между Россією и Пруссією, проведя пограничную линію, кажется, вдоль Вислы. Чтобы отчетливѣе выяснить свою мысль, онъ поднялъ съ дороги какую-то палку и сталъ чертить на пескѣ карту Польши, съ указаніемъ границы, какъ бы онъ полагалъ ее провести. Выслушавъ съ большимъ интересомъ его слова, содержаніе коихъ меня, разумѣется, нѣсколько удивило, я отвѣтилъ ему, что по этому поводу я ничего не могу сказать ему, такъ какъ этотъ вопросъ находится совершенно внѣ сферы моего порученія и потому входитъ въ разсужденіе по этому предмету я не считаю себя въ правѣ.

Этотъ замѣчательный для меня эпизодъ показываетъ, какъ Бисмаркъ, когда его занимала какая-либо мысль, начиналъ говорить о

ней прямо и откровенно со всякимъ, съ которымъ ему случайно въ данную минуту приходилось бесѣдовать, будь это даже лицо въ довольно скромномъ положеніи, каково несомнѣнно было тогда мое положеніе,—въ совершенной противоположности съ обыкновенными привычками секретничанья дипломатовъ. И такъ онъ поступалъ всегда. Извѣстно, что въ Палатѣ, напримѣръ, онъ до того ясно и откровенно высказывалъ свои политическія воззрѣнія,—что первое время, когда еще не привыкли къ его образу дѣйствія, никто не хотѣлъ вѣрить, что онъ говоритъ дѣйствительно то, что думаетъ, а думали видѣть въ его словахъ какъ бы дипломатическое прикрытие и отводъ отъ внутренняго его замысла. Между тѣмъ, именно благодаря этой привычкѣ говорить о всякомъ дѣлѣ прямо и откровенно, онъ достигалъ гораздо большаго, чѣмъ бы могъ достигнуть самымъ тонкимъ скрѣпчаньемъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Берлинъ начались засѣданія Статистическаго конгресса. По этому случаю, члены конгресса удостоились представленія королю Вильгельму, впоследствии императору Германіи.

Насъ собрали въ одной изъ залъ дворца, и черезъ нѣкоторое время вышелъ король, поздоровался съ нами и потомъ прочелъ намъ небольшую рѣчь, въ которой, говоря о значеніи занятій конгресса, высказалъ пожеланія успѣха нашимъ работамъ. Я стоялъ довольно близко и могъ видѣть, что рѣчь, которую онъ читалъ, была написана, несомнѣнно собственноручно имъ самимъ. Изъ этого можно было замѣтить, какъ онъ серьезно ко всему относился;—вмѣсто того, чтобы поручить кому-либо изъ министровъ представить ему готовую рѣчь, Вильгельмъ, несмотря на свое обремененіе политическими дѣлами, нашелъ время самъ вдуматься въ вопросъ и набросать то, что онъ считалъ нужнымъ сказать членамъ конгресса.

Я принималъ довольно живое участіе въ засѣданіяхъ конгресса, кромѣ меня изъ русскихъ на немъ участвовали еще фонъ-Бушенъ, Куломзинъ и Вишняковъ. Такъ какъ на конгрессѣ были и французы, а между тѣмъ рѣчи произносились большею частью на нѣмецкомъ языкѣ, то почему-то меня пригласили, въ виду моего знанія французскаго языка, переводить для французовъ нѣкоторыя изъ рѣчей по мѣрѣ того, какъ онѣ произносились. Такъ какъ содержаніе рѣчей мнѣ предварительно не было сообщено, то приходилось дѣлать это *exrompto*, что было не очень легко. Но, повидимому, я исполнилъ возложенное на меня порученіе довольно успѣшно, по крайней мѣрѣ послѣ одной изъ такихъ рѣчей, переведенной мной въ слѣдъ за ея произнесеніемъ на французскій языкъ, министр

внутренних дѣлъ графъ Эйленбургъ подошелъ ко мнѣ и сдѣлалъ мнѣ комплиментъ на счетъ того, какъ мнѣ удалось точно передать сказанное.

Одновременно съ занятіями въ конгрессѣ начались и мои занятія по таможенному дѣлу. Для совѣщанія со мной былъ назначенъ статсъ-секретарь Дельбрюкъ. Дельбрюкъ былъ одинъ изъ выдающихся дѣятелей министерства финансовъ, либеральный экономистъ и фритредеръ (Manchestermann). Онъ пользовался большимъ вліяніемъ на Бисмарка, который тогда еще былъ въ либеральномъ экономическомъ настроеніи¹⁾, преобладавшемъ вообще въ то время въ средѣ Берлинскихъ дѣятелей. У насъ было съ Дельбрюкомъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ собственно переговоровъ не происходило, но въ которыхъ Дельбрюкъ излагалъ мнѣ тѣ измѣненія въ системѣ классификаціи нашего тарифа, которыя въ Пруссіи казались желательными, не касаясь еще пока самого вопроса о пониженіи пошлинъ. Обо всемъ, что происходило между нами, я немедленно подробно доносилъ Рейтерну. Въ Петербургѣ между тѣмъ, въ средѣ фабрикантовъ, встревоженныхъ вѣроятно моею командировкою въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что въ то время и я слылъ за фритредера,—началась усиленная агитація противъ всякихъ тарифныхъ уступокъ Пруссіи. Эта агитація очевидно встревожила Рейтерна, и потому, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы я въ переговорахъ съ Дельбрюкомъ не увлекся слишкомъ далеко и не вызвалъ бы какихъ-либо надеждъ въ прусскомъ министерствѣ, съ которыми впоследствии пришлось бы считаться, Михаилъ Христофоровичъ поручилъ кн. Д. А. Оболенскому, который тогда только-что былъ назначенъ директоромъ департамента виѣшней торговли, написать мнѣ, чтобы я не выходилъ изъ границъ порученной мнѣ роли. вмѣстѣ съ тѣмъ Убри было поручено распорядиться о помѣщеніи въ берлинскихъ газетахъ анонимной замѣтки о томъ, что моему пребыванію въ Берлинѣ не слѣдуетъ придавать того значенія, которое стало придаваться ему общественнымъ мнѣніемъ, и что мнѣ поручено не веденіе переговоровъ, а только ознакомленіе съ прусскими таможенными порядками. Хотя изъ моихъ донесеній Рейтернъ могъ усмотрѣть, что пока я никакихъ переговоровъ не велъ, а ограничивался только выслушиваніемъ прусскихъ желаній, но очевидно, что подъ вліяніемъ начавшейся агитаціи Рейтернъ рѣшилъ отказаться отъ своей первоначальной мысли, возможности допущенія небольшого

¹⁾ Впоследствии, какъ извѣстно, онъ сдѣлался открытымъ протекціонистомъ, и по его инициативѣ были установлены пошлины на провозъ русскаго хлѣба.

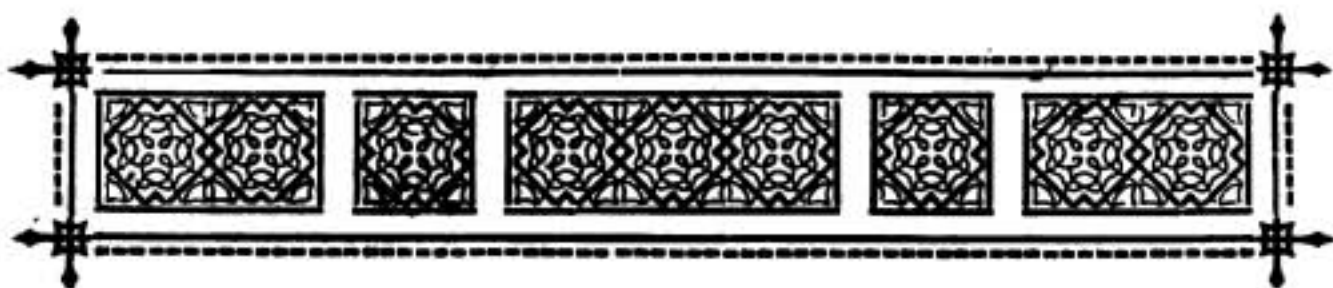
пониженія по нѣкоторымъ статьямъ нашего тарифа, и такъ какъ ему неудобно было открыто сдѣлать шагъ назадъ, принужденъ былъ придать дѣлу такой характеръ, какъ будто я увлекся далѣе то^{го}, что мнѣ было предписано инструкціею. Мнѣ, разумѣется, это было довольно непріятно, я отвѣтилъ князю Оболенскому, прося его доложить Рейтерну, что, какъ онъ могъ усмотрѣть изъ моихъ донесеній, я полагаю, что я изъ моей роли не выходилъ, но что, въ виду повидимому происшедшаго измѣненія во взглядѣ на дѣло, я почту долгомъ сообразоваться съ новымъ направленіемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и мои засѣданія съ Дельбрюкомъ.

По окончаніи засѣданій Стат. конгресса и ознакомившись достаточно съ прусскими таможенными порядками, насколько я могъ это сдѣлать въ Берлинѣ,—я поѣхалъ въ разныя пограничныя таможни для дальнѣйшаго изученія таможеннаго дѣла, снабженный рекомендательными письмами м-ра финансовъ.

Меня особенно интересовала процедура въ пограничныхъ таможняхъ, въ коихъ происходила передача вагоновъ безъ перегрузки и безъ досмотра товаровъ, при одномъ только наложеніи таможенныхъ знаковъ на вагоны, процедура, которая у насъ еще не примѣнялась. Поэтому я прежде всего поѣхалъ въ Гербестальскую таможню, находившуюся на бельгійской границѣ. Эта малевьякая пограничная таможня, родъ переходнаго пункта, на которомъ почти только производится контроль вагоновъ, и на которой никто изъ пассажировъ не останавливается. Поэтому, когда я вышелъ изъ вагона и отправился къ зданію таможни, то начальство таможни, думая, что я молодой чиновникъ, прикомандированный къ таможнѣ для занятій, встрѣтили меня словами: „Sie sind wolh als Aspirant zur Zollstelle Zukomandirt“. Я ему объяснилъ, какого рода цѣль моего пріѣзда, и передалъ ему письмо министра финансовъ. Это его нисколько не сконфузило; безъ всякой застѣнчивости, онъ спокойно, но съ большимъ уваженіемъ пригласилъ меня послѣдовать за нимъ въ его кабинетъ и немедленно сталъ объяснять мнѣ существовавшіе у нихъ порядки. Хотя Гербестальская таможня, какъ я уже замѣтилъ, была небольшая таможня, въ сущности только переходный пунктъ, и потому, начальникъ ея принадлежалъ пока еще къ разряду таможенныхъ чиновниковъ, но я былъ пораженъ какъ непринужденнымъ достоинствомъ и тактичностью его обращенія, такъ и основательнымъ его знаніемъ дѣла и ясностью, съ которою онъ сталъ излагать мнѣ существующіе въ Гербестальѣ порядки—(такъ называемый *Begleitscheinverfahren*), снабдивъ меня всѣми необходимыми формулярами сопровождающихъ вагоны документовъ и вообще, въ какихъ-нибудь два часа времени, совершенно ознакомилъ меня съ курсомъ дѣла

Покончивъ съ дѣловою бесѣдою, такъ какъ до отхода слѣдующаго поѣзда оставалось еще много времени, онъ предложилъ мнѣ закусить запросто и выпить съ нимъ рюмку вина; я, разумѣется, согласился. Онъ принесъ изъ другой комнаты бутылку очень порядочнаго Мозельвейна и закуску, и мы провели съ нимъ въ оживленной бесѣдѣ о русскихъ и германскихъ житейскихъ дѣлахъ очень пріятно время до прихода слѣдующаго поѣзда, съ которымъ я долженъ былъ отправиться далѣе. Сожалѣю, что не сохранилъ въ памяти фамиліи этого умнаго и столь образованнаго человѣка; едва-ли въ одной изъ нашихъ третьеклассныхъ таможенъ пришлось бы встрѣтиться со столь развитою личностію.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

Въ первое время по воцареніи Императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ ея семейной жизни произошла отрадная перемена: нравственная поддержка, оказанная ею своему супругу въ тяжелые дни мартовской катастрофы, и ея нѣжное участіе глубоко тронули Александра Павловича, и онъ сталъ относиться къ ней съ самымъ нѣжнымъ вниманіемъ и предупредительностью: такъ продолжалось первые три года по вступленіи на престолъ.

Въ это время проявилась одна особенность характера молодой Императрицы: чѣмъ больше было горе, чѣмъ безвыходнѣе было положеніе, тѣмъ большій приливъ энергій чувствовала молодая женщина, казавшаяся такой хрупкой, тѣмъ болѣе удваивались ея душевныя силы. Ее не могъ не коснуться тотъ подъемъ духа, который ощущалъ всякій русскій при вступленіи на престолъ Александра I.

„Всею душою осуждая цареубійство, Елисавета Алексѣевна сознается, что какъ ни ужасно было преступленіе, оно неминуемо должно было случиться, потому что всеобщее недовольство доходило до полнаго ожесточенія общества на произвольныя дѣйствія покойнаго Императора“.

„Не подлежитъ сомнѣнію“, писала она матери вскорѣ послѣ кончины Павла I, „что всякое личное горе, которое можетъ постигнуть каждаго изъ насъ, усугублялось страданіемъ, что все дѣлалось вопреки здравому смыслу, что нельзя было сдѣлать ничего здраво-мыслящаго, не встрѣтивъ противорѣчія: поэтому теперь чувствуешь,

¹⁾ Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, т. II. Спб. 1909.

какъ будто съ сердца спала тяжесть, и мнѣ кажется даже страннымъ, что я могу довѣрить что-либо подобное почтѣ“.

Перемена дѣйствительно была во всемъ огромная, она отразилась и на жизни двора и въ частности на домашнемъ обиходѣ молодой царственной четы. Только одна вдовствующая Императрица, любившая блескъ, пышность и церемоніи, поддерживала этикетъ, изгнанный со смертью Павла; императоръ и императрица, кромѣ обычныхъ церемоній въ праздничные дни вели самый скромный образъ жизни. Государь почти ежедневно совершалъ утромъ прогулку верхомъ или пѣшкомъ по улицамъ столицы въ сопровожденіи одного изъ генералъ-адъютантовъ, чаще другихъ съ Уваровымъ и княземъ П. М. Волконскимъ. Молодая государыня ѣздила въ экипажѣ съ фрейлиной, княжной Н. Ѡ. Шаховской, или прогуливалась съ ней же пѣшкомъ по набережной Невы и въ Лѣтнемъ саду.

„Публика, привыкшая къ грознымъ выѣздамъ Павла, любовно смотрѣла на появленіе Александра и Елисаветы и радостно привѣтствовала простоту обращенія юныхъ монарховъ. На ранніе обѣды приглашались только нѣкоторые приближенные и особенно часто графъ Н. А. Толстой, князь А. Н. Голицынъ и графъ П. А. Строгановъ съ супругой“.

„Общественная жизнь Императрицы такъ же проста, какъ и жизнь ея августѣйшаго супруга“, писалъ секретарь саксонскаго посланника Розенцвейгъ, „чтеніе, прогулки и занятія искусствами наполняютъ ея досугъ. Она проводитъ время исключительно со своей сестрою, принцессою Амаліею Баденскою и нѣсколькими дамами, пользующимися ея расположеніемъ. Княгиня Наталія Голицына, рожденная княжна Шаховская, графиня Толстая, рожденная княжна Бяргинская, графиня Строганова и сестра ея г-жа Апраксина, рожденные княжны Голицыны, пользуются, повидимому, искреннимъ расположеніемъ Ея Величества. Эти дамы ужинаютъ во дворцѣ и проводятъ вечеръ въ тѣсномъ кругу, состоящемъ изъ нихъ и нѣсколькихъ мужчинъ, приближенныхъ Императора, каковы, напр., князь Адамъ Чарторыйскій, князь Александръ Голицынъ, графъ Северинъ Потоцкій, графъ Павелъ Строгановъ, герцогъ Ришелье и князь Борисъ Голицынъ, братъ госпожи Строгановой, когда эти послѣдніе бывають въ Петербургѣ; Императоръ заходитъ почти каждый вечеръ на нѣсколько минутъ къ своей супругѣ и видится у нея съ тѣми дамами, которыя удостоиваются бывать на частныхъ аудіенціяхъ Императора и Императрицы. Аудіенція эти имѣють характеръ визитовъ, отдаваемыхъ женамъ знатныхъ лицъ“.

Желая сдѣлать удовольствіе своей супругѣ, Императоръ Александръ черезъ нѣсколько недѣль по восшествіи на престолъ пригласилъ

отца и мать Елисаветы, наследнаго маркграфа Баденскаго, Карла-Людвига и его жену, маркграфиню Амалію, рожденную принцессу Гессенъ-Дармштадскую, пріѣхать въ Россію погостить. Предложеніе Государя было принято Баденской четой съ радостью, и они прибыли въ Петербургъ въ іюль мѣсяцъ, до коронаціи.

Вмѣстѣ съ родителями прибыли въ Россію двѣ сестры Императрицы, Амалія, Марія и ея братъ Карлъ.

Глубоко тронутая свиданіемъ съ родными, которыхъ она выѣхала встрѣтить въ Касково, Елисавета Алексѣевна, „обнявъ горячо любимаго отца, безмолвно припала къ его груди и долго не могла оторваться отъ него и изъ объятій нѣжно любимой ею матери. Всѣ окружающіе“, говоритъ въ своемъ дневникѣ камергеръ Гайлингъ, сопровождавшій маркграфа въ Россію, „на долю которыхъ выпало рѣдкое счастье быть свидѣтелями этого свиданія, были глубоко тронуты и во всѣхъ глазахъ можно было прочесть радостное волненіе“.

„Въ Касково состоялся семейный обѣдъ, на которомъ присутствовала юная великая княгиня Анна Ѳедоровна, и на который были приглашены и мы, лица свиты. Послѣ обѣда мы продолжали наше путешествіе на Кипень и Стрѣльну, гдѣ Императоръ Александръ встрѣтилъ своихъ высокихъ родственниковъ самымъ дружескимъ образомъ и милостиво выразилъ желаніе, чтобы ему была представлена вся ихъ свита“.

Для Баденской семьи было отведено помѣщеніе на Каменномъ островѣ, гдѣ она провела все лѣто 1801 года. Воспоминаніе объ этомъ радостномъ для нея лѣтѣ навсегда запечатлѣлось въ памяти Императрицы; къ сожалѣнію, оно было единственнымъ въ ея жизни, такъ какъ отецъ ея вскорѣ скончался, а мать не могла уѣзжать изъ Бадена и оставлять молодого сына на попеченіе постороннихъ лицъ.

Въ началѣ сентября дворъ переселился, по случаю коронаціи, въ Москву; принцесса Амалія сопровождала Императрицу, а ея родители съ принцемъ Карломъ и принцессой Маріей поѣхали въ Швецію на свиданіе съ другой дочерью Фридерикой, супругой шведскаго короля Густава IV.

Въ Москвѣ, по случаю коронаціи, происходилъ рядъ придворныхъ баловъ, обѣдовъ и ужиновъ; Елисавета Алексѣевна тяготилась этими нескончаемыми приѣмами и выѣздами, которые были для нея чрезвычайно утомительны при ея нѣжной комплекціи, и за которые она платилась жестокими мигренями, „да и не мудрено“, писала она матери, „вотъ шестой день подъ-рядъ, какъ я не ложилаь ранѣе 3 часовъ утра, а иной разъ и позднѣе. Балъ слѣдовалъ за баломъ,

то время сестра Императрицы, Амалія, находившая удовольствіе жить въ необычной для нея обстановкѣ при дворѣ своей сестры; общество ея, какъ единственное звено, связывавшее Елисавету Алексѣвну съ родной баденской семьей, было дорого для нея, тѣмъ болѣе, что кратковременное счастье личной жизни, улыбнувшееся было молодой женщинѣ въ началѣ царствованія, начало измѣнять ей; ея супругъ сталъ постепенно отъ нея удаляться, „все болѣе и болѣе увлекаясь красавицей Маріей Антоновной Нарышкиной, рожденной княжной Четвертинской, сумѣвшей покорить его сердце, играя то на нотахъ восторженной любви, то дѣйствуя на его самолюбіе“.

Уже въ исходѣ 1803 г. въ письмахъ Императрицы проскальзываютъ грустныя нотки, полунашеки и жалобы на какія-то грустныя предчувствія; такъ, 28 апрѣля (10 мая) она писала, „нужно терпѣніе, чтобы переносить съ извѣстнымъ равнодушіемъ нѣкоторыя вещи, которыя въ конецъ извели бы меня, если бы я не старалась постоянно *mir es nicht zu Herzen zu nehmen*. Какъ я благодарю Бога, Который послалъ мнѣ въ утѣшеніе Амалію. Ея пребываніе здѣсь, ея общество такъ же, какъ и общество княгини (Н. Ѳ. Голицыной), много, много разъ разсѣвали до извѣстной степени мрачныя и тяжелыя тучи, появлявшіяся на моемъ горизонтѣ. Я то и дѣло повторяю себѣ, что мы рождены на свѣтъ не для наслажденія, а для того, чтобы терпѣть; однако я невольно нахожу несправедливымъ, что мнѣ приходится одной переносить горе по поводу того, въ чемъ я, разумѣется, виновата не одна. Итакъ, будемъ терпѣть, не будемъ болѣе говорить объ этомъ“.

Но терпѣть и молчать было трудно; 10 іюня 1804 г. Императрица сообщила матери о вторичной беременности Нарышкиной и писала между прочимъ: „не знаю, правда ли это, но я болѣе не буду такъ огорчаться этимъ, какъ первый разъ. Говорила ли я вамъ, что первый разъ она имѣла нахальство сама сообщить мнѣ о своей беременности, которая была еще въ началѣ, такъ что я могла бы отлично не замѣтить ея. Я нахожу, что для этого нужно обладать невѣроятнымъ нахальствомъ, это было на балу, и ея положеніе было не такъ замѣтно, какъ теперь; я разговаривала съ ней, какъ со всѣми остальными, и освѣдомилась о ея здоровьи. Она отвѣтила, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, „такъ какъ я, кажется, беременна“. Не правда ли, дорогая мама, что нужно было имѣть удивительное нахальство, чтобы сказать это, ибо она отлично знала, что мнѣ извѣстно, отъ кого она могла быть беременна. Не знаю, что будетъ дальше, и чѣмъ все это кончится; знаю одно, что я не стану портить характеръ и здоровье ради человѣка, того не стоящаго, но терпѣніе можетъ иногда превзойти человѣческія силы“.

Другой разъ, пользуясь болѣе надежной окказіей, Императрица пишетъ откровеннѣе:

„Я давно уже не могла говорить съ вами откровенно о томъ, что болѣе всего интересуется васъ и меня; все идетъ по-прежнему. Не знаю, сообщила ли вамъ Амалия о событіи, которое меня поразило и заставило бы меня увѣровать въ правосудіе судьбы, если бы я въ немъ сомнѣвалась. Я говорю о смерти ребенка, рожденіе котораго причинило мнѣ столько огорченія... Онъ умеръ въ августѣ, я отъ души жалѣла Императора; онъ былъ съ недѣлю очень печалень, но вѣроятно мать¹⁾ довольно скоро утѣшилась, ибо иначе онъ не утѣшился бы такъ скоро. Впрочемъ, прошлую зиму она потеряла другого ребенка и по прошествіи трехъ недѣль она уже танцевала. Дружеское участіе, которое я выказала Императору по этому поводу, не дѣлая этимъ надъ собой ни малѣйшаго насилія, такъ какъ я всегда питала и буду питать къ нему въ душѣ участіе; мое сочувствіе къ его горю было причиною, что онъ сталъ относиться ко мнѣ чуть ли не нѣжно, но это продолжалось не болѣе двухъ недѣль. Впрочемъ, когда мы остаемся одни, онъ относится ко мнѣ очень хорошо, но это бываетъ не долго и не часто. Что касается моего обхожденія съ нимъ, то объ этомъ можно судить лучше всего по отзыву его матери, которая несомнѣнно должна быть пристрастнѣе другихъ; она же постоянно говоритъ мнѣ, что я отношусь къ нему прекрасно, и высказываетъ величайшее желаніе, чтобы я ближе сошлась съ нимъ; судя по дружескимъ совѣтамъ, которые она мнѣ даетъ, я не думаю, чтобы она говорила это неискренно“.

Къ счастью Елисаветы Алексѣвны, она была вскорѣ отвлечена отъ тяжелыхъ впечатлѣній своей личной жизни событіями внѣшней политики. Россія была наканунѣ разрыва съ Франціей.

Отношенія Александра I къ Бонапарту съ момента принятія послѣднимъ пожизненнаго консульства измѣнились; Государь сталъ смотрѣть на него съ тѣхъ поръ какъ на нарушителя данной имъ присяги работать только для блага и славы своего отечества. Принятіе Наполеономъ императорскаго титула и кровавая расправа съ герцогомъ Энгіенскимъ повели къ окончательному разрыву съ Россіей, которая присоединилась къ коалиціи европейскихъ державъ противъ Наполеона. Александръ сталъ душою этой коалиціи.

9 сентября 1804 г. Императоръ отправился въ дѣйствующую армію, чтобы лично принять участіе въ кампаніи противъ Наполеона. О томъ, какъ глубоко была тронута Императрица отъѣздомъ

¹⁾ Марія Антоновна Нарышкина.

своего супруга, можно судить ея по письму къ матери отъ того же 9 числа:

„Я глубоко взволнована отъѣздомъ Императора, уѣхавшаго всего часа два тому назадъ, писала Елисавета Алексѣевна. Мнѣ необходимо стряхнуть съ себя это тягостное состояніе, а для этого нѣтъ лучшаго средства, какъ писать вамъ, дорогая мама. Но я не въ состояніи писать въ настоящую минуту сколько-нибудь связно; простите, если мое письмо будетъ лишено здраваго смысла“.

В. В. Тимошукъ.

Поправки: Въ декабрьской книжкѣ „Русской Старины“ 1909 г. въ статьѣ „Жизнейскія встрѣчи“ напечатано: стр. 481, 19-я строка снизу—К. К. Гротъ, слѣдуетъ читать—К. Я. Гротъ; въ статьѣ „Депутатъ отъ Россіи“ напечатано: стр. 598, 15-я строка сверху hants, слѣдуетъ читать—hante; 7-я строка снизу—nonsense, слѣд. читать nonsense; стр. 599, 12-я строка снизу—lif's, слѣд.—life's; стр. 603, 16-я строка снизу—букву надо поставить впереди слова Crime, а не въ концѣ, слѣдуетъ:—буква „и“ должна стоять впереди слова Crime, а не на концѣ; 10-я строка снизу—„Кинглекъ прерываетъ. Да, но Брайтъ-квакеръ, слѣдуетъ:—„Кинглекъ говоритъ: Брайтъ ничто болѣе, какъ квакеръ; 9-я строка снизу—„Я ненавижу Ваше квакерство, слѣдуетъ:—„Я ненавижу ваше ничто иное“;—6-5 стр. снизу:—„Нѣтъ сомнѣнія, что эти взгляды необходимо требуются христіанскимъ просвѣщеніемъ, слѣдуетъ:—„Къ тому же эти правила требуются христіанствомъ; стр. 606, 9-я строка снизу:—просить отвѣта, слѣдуетъ:—рѣшаетъ вопросъ по принципу; стр. 609, 13-я строка сверху—Notel, слѣд.—Hotel; стр. 613, 1-я строка снизу и стр. 614, 11-я строка сверху—loaking you, слѣдуетъ читать—looking you.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4°, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и *mise-en-scène* постановки.

Журналь издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **В. Д. Батюшкова**, акад. **А. В. Коки**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **Н. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойѣ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** театровъ).

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Свалеовскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, Л. З. Сломинскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналъ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства: такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника В. И. Россинскаго, фирмой Meisenbach, Riffarth & Co въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по 1/2 г. 7 р. 75 к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкой на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28., К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Сиб., Моховая, 32. **Главная контора журнала.** Загородный просп., 14. **Московское Отдѣленіе:** Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—1

Открыта подписка на 1910 годъ.

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи и этнографіи. Постоянные отдѣлы: **Изъ науки и жизни.**—**Критическій указатель дѣтской и народной литературы.**

Въ виду распространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединить въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Выходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Во „Всходахъ“ и „Библиотекахъ Выходовъ“ 1910 г. будетъ напечатано между прочимъ: **Безъ исхода.** Истор. пов. А. Алтаева.—**Талантъ.** Пов. Его же.—**Маленькій Павлюкъ.** Пов. С. Гусева-Оренбургскаго.—**Сказка жизни.** Пов. А. Галагай.—**Три волоса.** Пов. А. Зарина.—**Люди каменнаго вѣка.** Очерки А. Ельницкаго.—**Охота за горбачами.** Разск. И. Инфантьева.—**Изъ жизни насѣкомыхъ.** Фабра. Въ обраб. И. Игнатъева.—**По волнамъ ээира.** Астроном. романъ Б. Красногорскаго.—**Пуурулъ.** Изъ алтайскихъ воспоминаній А. Мирской.—**Песеме новоземелецъ.** Разск. К. Носилова.—**Царица Эстеръ.** Разск. Н. Пружанскаго.—**Моряки.** Сборникъ морскихъ рассказовъ. К. Станюковича.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ въ Россіи 5 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к.; на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к.;
на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

☞ Плата за объявл. 1 стр.—40 р., $\frac{1}{2}$ стр.—20 р., $\frac{1}{4}$ стр.—10 р.

{ Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С. Петербургъ, 4-я Рождественная, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-издат. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ 1910 г.

ПОПУЛЯРНЫЙ

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ♦ ♦ тринадцатый годъ изданія.

Учебнымъ отдѣл. Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библиотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ вужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно кингами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: I. Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всѣмъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ея наукамъ, съ соответственными рисунками научнаго содержанія. II. Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, біографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III. Литературный отдѣлъ и IV. Объявленія.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала“ получаютъ бесплатно
 ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ“
 подъ редакціей д-ра ОКСА.

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигиенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей,

Въ 1910 г. въ „Литературно-Медицинскомъ журналѣ“ будутъ, меж. проч., напечатаны:

I. Научный отдѣлъ: Проф. Максъ Груберъ (Мюнхень). „Гигіена половой жизни“ Перев. съ 3-го нѣмец. исправленнаго изданія (7—12 тыс. экзempl.). Съ рисунками.—Проф. Г. Портъ (Гейдельбергъ), „Гигіена зубовъ и полости рта“ (строеніе и назначеніе полости рта; прорѣзываніе и смѣна зубовъ; уходъ за зубами и полостью рта у взрослыхъ; уходъ за полостью рта у больныхъ; костоѣда зубовъ; происхожденіе ея и послѣдствія; извлеченіе зубовъ; лѣченіе костоѣды; пломбировка; искусственныя зубы; профессиональныя болѣзни зубовъ). Перев. съ нѣм. Проф. А. Шреттеръ (Вѣна). „Гигіена легкихъ въ здоровомъ и больномъ состояніи“. Съ 17 рисунками. Пер. съ нѣм.—Проф. А. Богинскій (Берлинъ), „Обязанности матери“. Перев. съ нѣмец.—Д-ра мед. Р. Абель и М. Финкертъ (Берлинъ). „Простѣйшіе способы бактериологическихъ изслѣдованій“ (Перев. съ нѣм). II. Литературный отдѣлъ: Бриэ (Brich). „Потерпѣшіе“. Медицинская пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц.—Д-ръ мед. А. Н. Муморцевъ. „Психопатическія черты въ герояхъ Леонида Андреева“.—Д-ръ мед. А. В. Соболевскій. „Лермонтовъ о спиртовыхъ напиткахъ“. А. Бахтіаровъ. „Приготовленіе скелетовъ“. III. Литературное обозрѣніе: разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ. III. Общественная медицина: отклики на общественно-медицинскія злобы дня.—Г. П. Задера. „Объ объединеніи всѣхъ фельдшерско-акушерскихъ организацій“. IV. Практическая медицина: рефераты изъ періодической медицинской печати, имѣющіе практическій интересъ. V. Библиографія и некрологи VI. Двѣнадцать №-ровъ журнала «Домашній Докторъ» съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна „ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА“: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ одновременно оба изданія („Фельдшеръ“ и „Литературно-Медицинскій Журналъ“ съ „Домашнимъ Докторомъ“) допускается уступка и разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ первому апрѣля 1 р., 50 к. и къ первому іюля 1910 г. 1 р. 50 к. За неполученіемъ взносов въ указанные сроки высылка обомъ изданій прекращается.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (СПБ., Офицерская, 26).

Годовые подписчики газеты „Фельдшеръ“ и „Литературно-Медицинскаго журнала“, внесшіе сразу всю подписную плату (6 р.), получаютъ бесплатно приложеніе

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ“ на 1910 г. въ двухъ частяхъ

(2-ая часть содержитъ: „Краткій терапевтическій словарь по внутреннимъ болѣзнимъ.“)

14-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Искусства и Науки

(быв. Ф. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, окультизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія **ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ** Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ **С. Д. Жовиковъ.**

Подписчикамъ „Одесскаго Листка“ на 1910 годъ будетъ выдана **БЕЗПЛАТНО** книга великаго писателя земли русской

Льва Николаевича ТОЛСТОГО „КРУГЪ ЧТЕНІЯ“.

Цѣль этой книги, какъ заявляетъ великій писатель въ своемъ предисловіи къ ней, заключается въ томъ, „чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневно кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства“.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитываніи“.

„Чувствую, что это моя послѣдняя работа, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой, и хочется придать ей характеръ тихой бесѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ, и я радъ, если эту книгу читаютъ“.

„КРУГЪ ЧТЕНІЯ“, составляющій книгу около 800 страницъ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на хорошей большого формата бѣлой бумагѣ. Къ книгѣ приложенъ художественно исполненный фототипіей портретъ Л. Н. Толстого.

Выдача книги годовымъ подписчикамъ на 1910 годъ, внесшимъ полную подписную годовую плату (городскіе 10 руб., а иногородніе 12 руб.), будетъ производиться съ 10-го января 1910 года въ конторѣ „Одесскаго Листка“ по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію по почтѣ, подъ заказной бандеролью, благоволятъ сообщить о томъ конторѣ, приложивъ поч. марокъ на 35 к. въ возмѣщеніе стоимости расходовъ по пересылкѣ. Подписчики же, получающіе газету въ разсрочку, книгу получаютъ при послѣднемъ взносѣ подписной суммы.

Количество экземпляровъ очень цѣнной книги „Кругъ чтенія“ отпечатано нами ограниченное и въ отдѣльную продажу не поступитъ.

Ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ отдѣльн. иллюстрированными приложеніями, выходящими при газетѣ **ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ** по средамъ и субботамъ.

Въ 1910 году газета вступаетъ въ 37-ой годъ своей жизни и будетъ продолжать издаваться той же редакціей, подъ которой газета выходила всѣ 36 лѣтъ.

Вліяніе, которое приобрѣла за столь продолжительное время газета, и то огромное число читателей, которое она завоевала, обязываютъ насъ стоять съ прежнею чуткостью на трагѣ интересовъ общества и въ будущемъ и съ сознаниемъ этой священной обязанности продолжать работу. Девизомъ газеты всегда было и впредь будетъ—стремленіе идти навстрѣчу интересамъ читателя-гражданина безъ различія національности и вѣроисповѣданія, неизмѣнно преслѣдуя цѣль прогресса и культуры.

Редакторъ-издатель В. В. Навроцкій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

въ городѣ съ доставкой на домъ 10 р. въ годъ, 6 р. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца и 1 р. 20 к. въ мѣс.; на города съ ежедневной высылкой по почтѣ:

12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣс.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи денегъ, должна быть оплачена 5 к. гер. мар. за счетъ подписчика.

Редакція и Контора въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“
В. В. Навроцкаго. 2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для детей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые под редакцией П. М. ОЛЬХИНА.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНИЯ

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1909 г. — ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: большая стѣнная картина „НИЧЬЯ“ анд. Харламова; 12 картинокъ ИГРЬ и ЗАНЯТІЙ изъ жизни и черк. ластавки; 12 илл. изъ жизни РАЗСНАЗОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и СКАЗОКЪ; 12 выкл. „ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛИ“; „МАЛЕНЬКИЙ РУССКИЙ НАТУРАЛИСТЪ“; игра „СТЕПНА-РАСТРЕПКА“ и ин. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться: „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ и „ДѢТСІЯЯ МОДА“.

Подписная цѣна каждаго изданія „Задушевнаго Слова“, со всеми обязательными преміями

и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ** рублей.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по

съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаются въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при

книжныхъ магазинахъ Т-на М. О. Волъфа—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

СТАРШАГО ВОЗРАСТА
(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМІЙ.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „ПОДАЙТЕ СЛѢДЪ ПОМУ“; 12 картинокъ изъ ПОВѢСТЕЙ, РАЗСНАЗОВЪ и ПЬЕСЬ для юношества, въ вып. „КНИГИ ЗНАМЕНИТ. ЛЮДЕЙ“; 6 выкл. „ГОЛУБАЯ ВОЛНА“; „А. А. Чарской; „БИБЛ. ЮНАГО НАТУРАЛИСТА“; „КАЛЕНДАРЬ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ“ съ златою иллу. и ин. др.

„ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНИЕ“ и „ДѢТСІЯЯ МОДА“.

и приложеніями, со всеми обязательными преміями

и приложеніями, — за годъ **ШЕСТЬ** рублей.

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по

съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаются въ конторы „ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“, при

книжныхъ магазинахъ Т-на М. О. Волъфа—С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Гост. Дворъ, 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНИЯ

на 1910 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ,
ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ **независимость** и поставивъ главною цѣлью **широкую и полную освѣдомленность**, редакция «ГОЛОСА МОСКВЫ» привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и специалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и образовала обширную сеть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о дѣятельности **всѣхъ государственныхъ учреждений** получаютъ ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія **торгово-промышленнаго дѣла** въ Россіи. Ежедневно—обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты—**сатирическіе и юмористическіе фельетоны** на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится **вопросамъ искусства и художественной литературѣ**. Важнѣйшія событія иллюстрируются.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 12 мѣс.	9 р. — к.		на 6 мѣс.	4 р. 75 к.
» 11 »	8 » 50 »		» 5 »	4 » — »
» 10 »	7 » 75 »		» 4 »	3 » 25 »
» 9 »	7 » — »		» 3 »	2 » 50 »
» 8 »	6 » 25 »		» 2 »	1 » 80 »
» 7 »	5 » 50 »		» 1 »	— » 90 »

Льготная подписка для лицъ духовнаго знанія, военныхъ, учителей и студентовъ:

на 12 мѣс.	6 р. — к.		на 6 мѣс.	3 р. — к.
» 11 »	5 » 50 »		» 5 »	2 » 50 »
» 10 »	5 » — »		» 4 »	2 » — »
» 9 »	4 » 50 »		» 3 »	1 » 50 »
» 8 »	4 » — »		» 2 »	1 » 10 »
» 7 »	3 » 50 »		» 1 »	— » 60 »

Выписывающіе за границу платятъ вдвое.

Отвѣтств. редакторъ: *Л. М. Смирновъ*.

Издатель: «Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ».

14-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1910 годъ.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣятельнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи извѣстнаго писателя И. ЛОДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непреодолимая препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получатъ **ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:**

50 ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, статьи историческаго и научнаго содержанія, описанія путешествій, биографіи, смѣсь, сельскохозяиственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театръ и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 КНИГИ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Графа Е. А. САЛІАСА.

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЬ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЬ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЬ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛУРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, рассказъ; ЧЕРНЫШЪ, рассказъ; ЕВРЕЙКА, рассказъ; ЗАСѢКИНСКІЙ ДОМЪ, рассказъ; ЛОВЕЛАСЪ, рассказъ; ЯБЕДА НА ЯБЕДУ, рассказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій рассказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей

4 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА ЛЕББОНЪ. КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЬЗОЮ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 КНИГА МЕЖДУЦАРСТВІЕ Написанная по источникамъ Е. И. ЗАБѢЛИНА.

СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 БОЛЬШАЯ КНИГА ЦАРЕУБИЙСТВО или ИСТОРИЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО. НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долголѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служить гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ всѣ свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписная цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всѣми приложеніями съ пересылкой на годъ 5 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., къ 1 апрѣля — 1 р., къ 1 юля — 1 р. и къ 1 сент. — 1 р.

Съ налогомъ на платёжомъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“ — Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., № 4.

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.

Въ журналъ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).

АЛЬБОМЪ изъ 24 **КАРТИНЪ ЗНАМ. ХУДОЖН.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

— *Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.* —

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромъ легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества. — Молитва. — Легенда объ Александрѣ I. — Христіане ли мы? — Послѣ отлученія. — Сборъ для голодающихъ. — Яснополянская коммуна. — Пророчества. — Шпіонъ. — Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить. — Новая заповѣдь. — О патриотизмѣ. — Сотрудники Л. Н. Толстого. — Легенда нищихъ. — Старушка сказочница. — Два старика. — Педагоги. — Какъ создавалась „Власть тьмы“. — Плоды просвѣщенія. — Пилать и истина. — Эпизодъ изъ Севастопольской войны. — Палкинъ. — Рѣпинъ. — Суворинъ. — Сенаторъ. — Вегетаріанство. — Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ. — Л. Н. Толстой и его дѣти. — Какъ отняли дѣтей у Хилкова. — Пасхальное путешествіе. — Л. Н. Толстой и Крыловъ. — Голодь. — Въ опалѣ. — Л. Н. Толстой и децки. — Партия. — Соціализмъ. — Пролитая кровь. — Упоеніе смертью. — Л. Н. Толстой и конституція. — М. А. Стаховичъ. — Разумъ. — Въ Ясной Полянѣ. — Посылка. — Переписка Л. Н. Толстого. — Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ. — Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого. — Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. — Колонизація евреевъ. — Сіонизмъ. — Л. Н. Толстой о юдофобствѣ. — Къ юбилею Л. Н. Толстого. — Наканунъ юбилея. — Отказъ отъ юбилея. — Академія нравственныхъ наукъ. — Л. Н. Толстой и студенты. — Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ. — Л. Н. Толстой и порнографія. — Л. Н. Толстой о семьѣ. — Л. Н. Толстой о дуэли. — Изъ прошлаго. — Паломницы Ясной Поляны. — Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія. — О врачахъ. — О прессѣ. — О театрѣ. — О женщинахъ. — Треповъ и домъ Л. Н. Толстого. — Покося. — Языкъ труда. — Л. Н. Толстой въ лѣсу. — Плачь Патріарховъ. — Легенда о языкѣ. — Служители Бога. — Легенда о Патріархѣ. — Жизнь человѣка. — Легенда о Содомѣ. — Рождественская легенда. — Учитель жизни. — Легенда о Кесарѣ Адрианѣ. Помимо всего вышешоименованнаго редакция „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневной жизни. Руководясь этимъ, редакция „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли специалисты — ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на ¹/₂, 3 р. За границу: на годъ 8 р., на ¹/₂, г. 5 р. Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 экз. 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылаются бесплатно. Редакторъ Л. Л. Богусевскій. Издатель В. Л. Богусевскій.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголъ Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголъ Садовой и Мучного пер.; № 7—уголъ Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной бібліотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголъ Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

Годъ изданія сорокъ пятый

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей
и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая
отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интере-
совъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и тор-
говли.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск.,
самарск. и сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также
объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газет-
ныя принимаются непосредственно конторою редакціи
(Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно
Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К^о (Москва,
Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки
петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс.
—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель **В. М. Складухскій.**

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. **дошкольнаго** возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи **дешевый** журналъ для начальныхъ школъ и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. **Приложеніе:** 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ. Знакомитъ дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

====ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.====

„Запросы въ парламентъ

Будильника“.

Запросъ русскому читателю о подпискѣ на 1910 г.

I. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ“, перейдя въ 1908 г. въ новыя руки, РАДИКАЛЬНО ОБНОВИЛСЯ и сталъ не узнаваемъ по содержанию и по внѣшности?

II. Извѣстно ли тебѣ, что новая редакція сдѣлала изъ „БУДИЛЬНИКА“ журналъ БЕЗПАРТІЙНО-ПРОГРЕССИВНЫЙ?

III. Извѣстно ли тебѣ, что „БУДИЛЬНИКЪ“, открывъ подписку на 1910 годъ, дастъ годовымъ подписчикамъ, въ видѣ премии, великолѣпный, единственный въ своемъ родѣ АЛЬБОМЪ, подъ заглавіемъ „ЖЕНЩИНА ВЪ КАРРИКАТУРЪ“? Что въ АЛЬБОМЪ войдетъ СВЫШЕ 100 ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСПОЛНЕННЫХЪ РЕПРОДУКЦІЙ съ рисунковъ такихъ мастеровъ и знатоковъ женщины, какъ БЕРДСЛЕЙ, ФОРЕНЪ, ГУЛЬБРАНСОНЪ, РЕЗНИЧЕКЪ, К. СОМОВЪ и ДР.?

IV. Извѣстно ли тебѣ, что въ „БУДИЛЬНИКЪ“ участвуютъ НОВЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ и ЛИТЕРАТУРНЫЯ СИЛЫ?

V. Извѣстно ли тебѣ что УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1910 г. остаются прежнія, т. е. иногороднимъ съ преміей безъ разсрочки 10 руб. въ годъ; безъ преміи 9 р. въ годъ, на 1/2 г.—5 р; городскимъ: съ преміей 9 р. въ годъ, безъ преміи 8 р., на 1/2 г.—4 р. 50 к.?

VI. Извѣстно ли тебѣ, что ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОБРОЕ УТРО!“ съ 1910 г. выдѣляется въ самостоятельное изданіе и стоитъ по отдѣльной подпискѣ, въ годъ 2 руб.

VII. Извѣстно ли тебѣ, что ПИСЬМА и ДЕНЬГИ СЛѢДУЕТЪ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Петровка, Салтыковскій пер., д. Михайлова, журналу „Будильникъ“, а для подписчиковъ на „Доброе Утро!“: Москва, журналу „Доброе Утро!“?

ЕСЛИ ТЕБѢ ВСЕ ЭТО ИЗВѢСТНО, КАКІЯ МЪРЫ ДУМАЕШЬ ТЫ ПРИНЯТЬ КЪ ТОМУ, ЧТОБЫ ПОВОРОТЬ ПРИСУЩУЮ ТЕБѢ ЛѢНЬ И ПОДПИСЫВАТЬСЯ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО, А НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ, ПО НЕПОХВАЛЬНОЙ ПРИВЫЧКѢ, ДО ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ, НЕ ЗАСЫПАТЬ НАСЪ ПЕРЕВОДАМИ ВЪ САМОМЪ КОНЦѢ ГОДА, КЪ УЖАСУ НАШИХЪ КОНТОРСКИХЪ СЛУЖАЩИХЪ, СБИВАЮЩИХСЯ СЪ НОГЪ ПОДЪ ГРАДОМЪ СЫПЛЮЩИХСЯ ТРЕБОВАНІЙ.

отъ гибели и забвенія обломки древностей, занятого историческими изслѣдованіями того провинціального угла, въ которомъ онъ живетъ, пишущаго по начальству протесты при видѣ кощунственнаго отношенія къ древностямъ, статейки въ историческіе журналы, замѣтки по поводу найденныхъ архивныхъ курьезовъ прошлаго и т. п. Чуждый политики, наградъ, карьеръ, одинаково спокойно „взирающій на правыхъ и виновныхъ“ тѣхъ событій, которыя проходятъ передъ нимъ по документамъ, не мечтающій, конечно, о популярности, наградахъ, почетныхъ званіяхъ, а тѣмъ болѣе о научно-литературной славѣ, часто никому невѣдомый, а еще чаще составляющій бѣльмо на глазу провинціальной администраціи, духовенства, беззаботныхъ въ отношеніи охраны древнихъ памятниковъ, нерѣдко осмѣиваемый, непонятый даже близкими окружающими, тратящій на пріобрѣтеніе старины, для умноженія своихъ коллекцій, въ ущербъ личному благополучію, скудные сбереженія,—такой современный „Несторъ-лѣтописецъ“ вноситъ, однако, незамѣтно свой вкладъ въ общую сокровищницу отечественной исторіи. Право, жаль, что до сихъ поръ нѣтъ еще у насъ капитальнаго труда на тему о томъ, что сдѣлали вообще для родины, для общества, наши провинціальные „волонтеры“, такъ сказать, микробы, муравьи науки, искусства, археологи, чѣмъ обогатили они столичныя и губернскіе музеи, что спасли для потомства отъ неминуемаго разрушенія, гибели, на чемъ подчасъ разбили жизнь свою, свои средства, свое счастье!... На могилу такого труженика положилъ авторъ свой вѣнокъ, вполнѣ заслуженный покойнымъ И. И. Орловскимъ, который всю свою недолгую жизнь (онъ умеръ сорока лѣтъ) усиленно подвизался подвигомъ добрымъ на нивѣ родной исторіи, невзирая на весьма неблагоприятствующія условія. А каковы бывають послѣднія, объ этомъ негодуяще рассказываетъ г. Жиркевичъ какъ въ біографіи Орловскаго, такъ и въ статьѣ о смоленскихъ архивахъ, помѣщенной въ I томѣ сборника „Смоленская Старина“, возникшаго по почину И. И. Орловскаго.

Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г.

Эти двѣ книжки являются плодомъ дѣятельности общества, основавшагося въ апрѣль 1908 г. „Оно полагаетъ“—читаемъ въ отчетѣ—„что только съ объединеніемъ ученыхъ и общественныхъ силъ можно достигнуть серьезныхъ результатовъ въ дѣлѣ изученія новгородской старины, и что, идя по этому пути, тщательно собирая матеріалы по изученію прошлыхъ судебъ Великаго Новгорода, изучая сохранившіеся памятники его гражданской и церковной жизни, розыскивая хранилища частныхъ лицъ и этимъ оберегая ихъ отъ того гибельнаго расхищенія, которому они подвергаются, и изслѣдуя разбросанные по всему лицу новгородской земли могильники, гдѣ погребены ея древніе насельники, оно служить дѣлу русской исторической науки, для которой должно быть дорого все то, что переноситъ насъ въ прошлое“. Новгородъ и обширный прилегающій къ древнѣйшему русскому городу край представляютъ намѣченной обществомъ дѣятельности богатое поприще, и участникамъ молодого общества, проявившимъ горячій интересъ къ дѣлу, нетрудно было сразу прочно поставить на ноги свое дѣтище и, между прочимъ, ознаменовать первые полтора года его существованія двумя книжками очень цѣнныхъ историческихъ и археологическихъ матеріаловъ, сообщеній и изслѣдованій. Въ первомъ выпускѣ особенно цѣнны докладъ М. В. Муравьева „Святая Софія, новгородскій Пантеонъ“ и 3-е дополненіе къ извѣстному бібліографическому словарю В. Ласковскаго „Новгородика“, посвященному сочиненіямъ о новгородской землѣ. Изъ состава второго выпуска нужно отмѣтить интересное разъясненіе П. Л. Гусева „О дувѣ подъ крестомъ на куполахъ русскихъ церквей“, составленное М. В. Муравьевымъ родословіе угасшаго дворянскаго рода Базаниныхъ, десять писемъ „духовной дщери“ архим. Фотія графини А. А. Орловой-Чесменской, а въ особенности—мемуары извѣстнаго военнаго и гражданскаго дѣятеля и писателя, Ник. Назар. Муравьева, отца графовъ Виленскаго, Карскаго и Амурскаго, „Припоминанія мои съ 1778 г.“, которыя сообщилъ ввукъ автору, графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій, властвующій всѣми бумагами своего дѣда. Эти „Припоминанія“, которыя Н. Н. Муравьевъ сталъ писать на 65-мъ году (и, къ сожалѣнію, не окончилъ), при всей своей отрывочности, необработанности, цѣнны не только какъ высокаго значенія историческій матеріалъ, не только какъ рѣдкое по отчетливости запечатлѣніе исчезнуващаго помѣстнаго и дворянскаго быта, но и какъ замѣчательный „человѣчскій документъ“. Рѣдко гдѣ такъ полно и ясно выразился русскій человѣкъ второй половины XVIII вѣка, какимъ въ своей внутренней сущности остался Н. Н. Муравьевъ и въ XIX-мъ. Деистическая, спокойная вѣра въ *Être Suprême* и наивная, жадная привязанность къ наслажденіямъ жизни (стоитъ привести признаніе: „ласкать женщину для меня всегда было величайшее и, можетъ быть, единственное наслажденіе“), преклоненіе передъ „естественной“ волюнтарностью человѣка и въ то же время признаніе всего существующаго уклада жизни, съ выработаннымъ вѣками социальнымъ строемъ,—вся эта удивительная амальгама, изъ которой созданъ былъ русскій вольтерьянецъ, раскрывается въ „Припоминаніяхъ“, инныя страницы которыхъ, особенно сохранившія вкусъ и запахъ эпохи, просто просятся въ историческую хрестоматію. Въ „Припоминаніяхъ“ фигурируютъ Екатерина, Павелъ, Александръ I, Аракчеевъ. Графъ В. В. Муравьевъ-Амурскій обѣщаетъ напечатать письма Н. Н. Муравьева къ Александру I, по поводу убійства любовницы Аракчеева, Настасьи Мянкиной. Нѣтъ сомнѣній, что новгородское общество найдетъ въ родномъ краю множество мѣстныхъ темъ для изслѣдованія и матеріаловъ и, вдохновляемое окружающими памятниками старины и воспоминаніями богатаго прошлаго Господина Великаго Новгорода, еще шире разовьетъ свою благородную дѣятельность. Отъ души желаемъ послѣдней и научнаго развѣта, и общественнаго сочувствія, безъ котораго затѣяно въ древности уже не имѣло бы и началу. Н. Л.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей. **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Циверлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
 „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отрывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подл. редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

ФЕВРАЛЬ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Поѣздка въ Самборъ-Пирлингъ.	241—246	комъ Князь Николай Николаевичъ. Д. А. Скалона	392—404
II. Два года.—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ. Николая Подевого.	247—270	XII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Пониковой). Сообщено Е. С. М.	405—422
III. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	271—306	XIII. Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. (Изъ бумагъ А. П. Попова). А. П. Попова.	423—430
IV. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщ. М. В. Безобразова.	307—313	XIV. Темное Царство. (Черты изъ жизни Московскаго Китай-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій	431—441
V. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. В. Тимошукъ.	317—332	XV. М. И. Драгомировъ и время войны 1877—78 г.г. (Изъ воспоминаній). А. Е. К.	445—453
VI. Отголоски 14-го декабря въ Московскомъ университетѣ. Сообщилъ М. Гершензонъ.	333—349	XVI. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера	454—474
VII. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Казиміръ Васильевичъ Левицкій. А. Витмера.	351—362	XVII. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VIII. Ц. А. Кюи. (Къ 50-лѣтію музыкальной дѣятельности).	363—366	а) Бытовые очерки прошлаго. По архивнымъ документамъ. Н. С. Вѣляева.	314—316
IX. Ѳ. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка. В. Храчевича.	367—376	б) 1. Совѣтъ Генералъ-аудитору быть осторожнѣе. (1800 г.).	
X. Изъ дневника русской въ Турціи, передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Раговиной.	377—391	2. Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генеральнаго госпиталя. Сообщ. Мих. Соколовскій.	350
XI. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона	392—404	в) Недолго сбить съ толку. (Изъ воспоминаній архіерея). Сообщилъ — Я.	442—444
Приложеніе. Портретъ Цезаря Антоновича Кюи.		XVIII. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Приемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва п. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1910.

Библиографическій листокъ.

Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909.

Это полезное, для всѣхъ занимающихся Пушкинымъ, изданіе продолжаетъ давать матеріалы для біографіи великаго поэта и для исторіи его эпохи. Съ чрезвычайнымъ интересомъ читается составленная по добытымъ лишь недавно архивнымъ источникамъ статья П. Е. Щеголева „А. С. Пушкинъ въ политическомъ процессѣ 1826—1828 г.г.“ Этотъ процессъ возникъ по поводу отрывка изъ знаменитой элегіи Пушкина „Андрей Шенье“, который былъ молодежью произвольно связанъ съ декабристскимъ движеніемъ и тѣмъ навлекъ на неповиннаго поэта большія непріятности. П. Щеголевъ по извѣстнымъ прежде въ печати и новымъ свѣдѣніямъ обследовалъ положеніе Пушкина въ процессѣ, превосходно обрисовывающемъ и отношеніе властей къ поэту, и келейное правосудіе его времени. Любопытны сообщенія Н. В. Чарыковымъ „Извѣстія о дуэли Пушкина, имѣющіяся въ Голландіи“; въ некоторые документы, оказывается, еще скрываются подъ спудомъ, и голландское министерство иностранныхъ дѣлъ, въ архивѣ котораго хранится цѣлая переписка о дуэли Пушкина, воспротивилось печатанію этой переписки, которое можетъ быть непріятно роднымъ барона Геккерена, одного изъ ближайшихъ виновниковъ гибели нашего поэта. Изъ статьи С. А. Переселенкова „Пушкинъ въ исторіи законоположеній объ авторскомъ правѣ въ Россіи“ видно, что ближайшимъ поводомъ къ установленію пятидесятилѣтняго срока посмертнаго авторскаго права послужило ходатайство вдовы Пушкина о продленіи дѣтямъ поэта срока права на изданіе сочиненій ихъ отца, который долженъ былъ истечь въ 1862 году. Впервые журналъ завелъ (давно надо было это сдѣлать) отдѣлъ текущей пушкинской біографіи и далъ списокъ книгъ и статей, появившихся въ 1908—1909 г.; въ немъ, впрочемъ, немало пропусковъ.

Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909.

Это рѣдкое и счастливое открытіе значительно обогащаетъ собраніе журнальныхъ статей и замѣтокъ Пушкина. Драгоцѣнныя строки величайшаго русскаго писателя впервые извлечены изъ „Литерат. Газеты“ 1830 и 1831 г.г., гдѣ были напечатаны безъ подписи и до сихъ поръ оставались неизвѣстными всѣмъ критикамъ и біографамъ Пушкина. Несомнѣнно принадлежатъ Пушкину замѣтка о романѣ Бенжамена Констана „Адольфъ“ въ переводѣ кн. П. А. Вяземскаго и рецензія на стихотворенія Сентъ-Бева, самая крупная изъ всѣхъ рецензій Пушкина, особенно важная по высказаннымъ въ ней эстетическимъ сужденіямъ. Впервые узванныя Н. Лернеромъ страницы отнынѣ станутъ входить въ собранія сочиненій Пушкина.

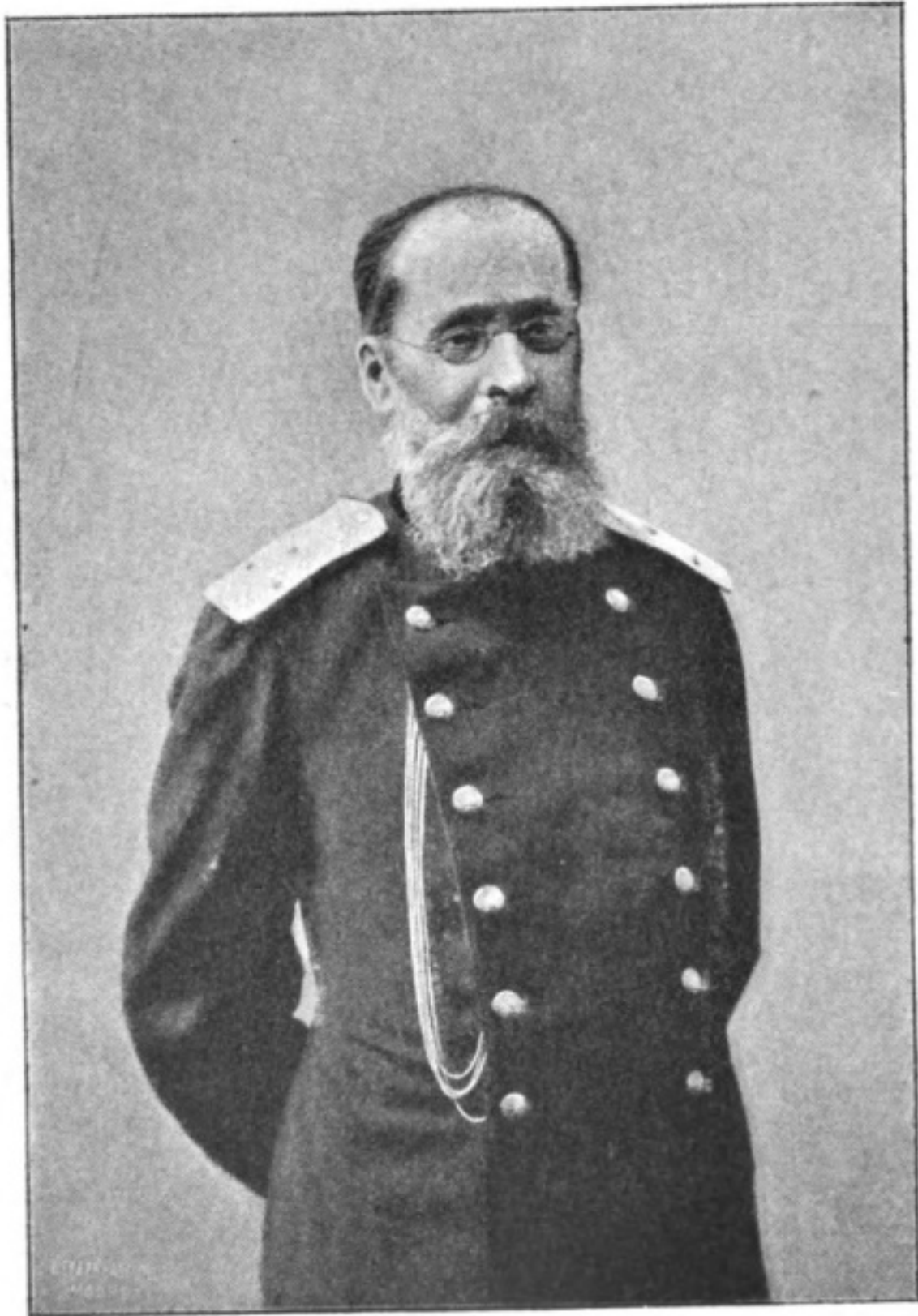
М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910.

„По мнѣнію многихъ, только тотъ распознаетъ свою современность и служить удовлетворенію истинныхъ ея потребностей, кто угадываетъ и умѣетъ дѣлать все такое, къ чему современники неудержимо стремятся, чего ищутъ или ожидаютъ они сознательно или только инстинктивно, что готовы принять“. Эти слова забытаго мыслителя вспоминаются, когда читаешь новую книгу г. Гершензона, мыслителя иначе и глубже понимающаго современность, тѣмъ интеллигентская масса съ ея признанными вождями. Вотъ произведеніе историческое, по истинѣ дѣлающее эпоху. Какъ раскаленное желѣзо въ холодную воду, упала эта книга въ наше больное общественное сознаніе. Нѣтъ сомнѣній, что сочувственно отзовутся автору лишь очень немногіе, а въ широкихъ кругахъ читающей публики его книгу встрѣтятъ недружелюбно. И не мудрено: слишкомъ настоятельно будитъ она русскую совѣсть, уже шестьдесятъ лѣтъ убаюкиваемую эгалитарно-матеріалистическими теоріями; слишкомъ серьезно, и для сѣраго большинства непереносимо, ставитъ вопросъ о самовоспитаніи личности, о выработкѣ характера, безъ котораго нѣтъ духовной цѣльности, о согласованіи ума, чувства и воли подъ контролемъ строгаго сознанія. Подъ поверхностными, случайными теченіями русской мысли Гершензонъ показываетъ сильную, чистую, самобытную струю, настоящей родникъ живой воды—ученіе о природѣ и долгѣ личности, провозгласителями котораго были Кирѣевскій (попутно разъясняется съ необычайной простотой и глубиной философскій генезисъ славянофильства), Ю. Самаринъ, Гоголь. Но тяжелъ былъ и есть предначертанный ими путь, трудностей котораго не боялся только немногія, избранныя души, а массы очутились на торной дорогѣ раціонализма, такой удобной и заманчивой,—и пришли къ тупику и безнадёжно топчутся на одномъ мѣстѣ. Мы не ожидаемъ отъ книги смѣлаго, безпощаднаго мыслителя обширныхъ результатовъ въ смыслѣ прямого реальнаго воздѣйствія на современное общество, но тѣмъ немногимъ, у кого есть уши, чтобы слышать, она указываетъ путь спасенія и чрезъ нихъ, косвенно, такъ или иначе, должна повліять на духовную жизнь Россіи.

Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда. 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ А. А. Корниловъ. Спб. 1909.

Недавно печать и общество торжественно чествовали литературный фондъ по случаю подустойтія его дѣятельности. Къ этому дню былъ составленъ А. А. Корниловымъ, по печатнымъ источникамъ и документамъ, общій очеркъ исторіи фонда. Получилась очень интересная страничка русской культурной исторіи. При своемъ возникновеніи фондъ поставилъ ближайшею цѣлью „вспомоществовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствомъ, по невозможности содержать себя собственными трудами. При дальнѣйшемъ развитіи своихъ средствъ общество,

G. K. ...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даѣтъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поездка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. Записки основателя „Русской Старины“ **М. И. Семевскаго**. **Д. А. Скалонъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Деянова, Боголѣпова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламаускаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ. ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея.“ — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринъ“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. Устройство быта крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ Калишской комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ 1805—1810 гг. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г. — Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,

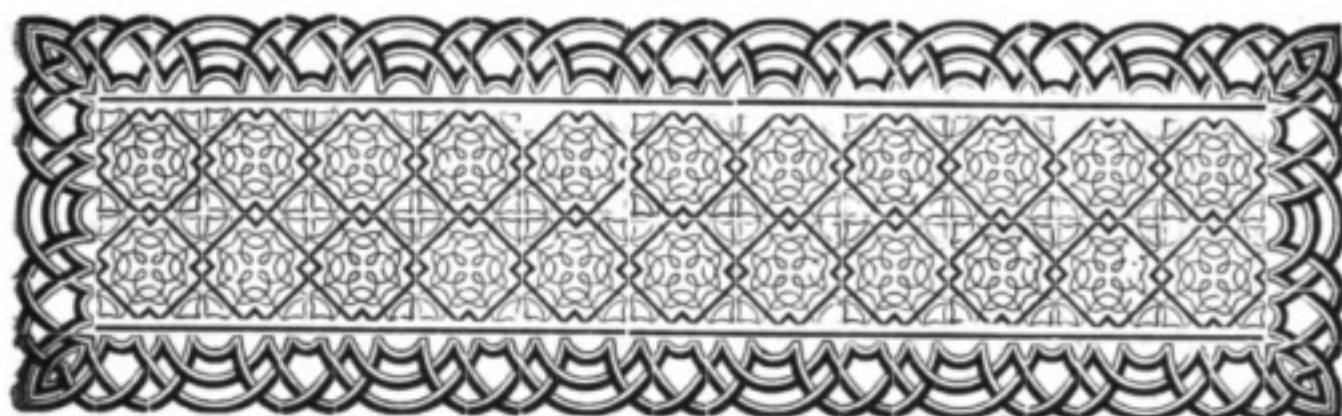
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Поѣздка въ Самборъ.

же давно меня тянуло въ Самборъ по слѣдамъ Димитрія, Марины, Юрія Мнишка, но только въ 1897-мъ году мнѣ удалось осуществить это желаніе. Одобренія и поощренія вокругъ меня я мало нашель. Даже краковскіе знакомые не подавали надежды на какой-либо успѣхъ.

Вы тамъ ничего не найдете, говорили компетентныя лица. Однако же я заупрямился и, по правдѣ сказать, вовсе въ этомъ не каюсь, хотя Америки и не открылъ.

Львовъ лежалъ на моей дорогѣ. Прибывъ туда, я немедленно отправился къ Бернардинамъ. Такъ называются въ Польшѣ францисканскіе монахи. Извѣстно, что они были въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ сендомирскимъ воеводою и со всѣмъ его семействомъ. Можно было надѣяться найти у нихъ полезныя указанія. Настоятель монастыря о. Норбертъ Голиховскій отнесся къ моей задачѣ съ просвѣщеннымъ вниманіемъ. Человѣкъ образованный, начитанный, онъ самъ занимался исторіею и печаталъ свои труды о Бернардинахъ въ Польшѣ. У него нашлись двѣ орденскія, рукописныя хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, написанная о Киприаномъ Дамирскимъ, умершимъ въ 1676-мъ году, уже дважды появилась въ печати, въ Галиціи и въ Италіи, и ничего не содержитъ о самозванциѣ. Другая, неизданная, составлена въ 1647-мъ году. Авторъ ея, о. Бернардинъ Калискій, упоминаетъ о Димитріи, но бѣгло и какъ бы мимоходомъ, зато онъ обстоятельно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри.

Изъ настоятельской келіи мы прошли въ смежную съ монастыремъ церковь св. Андрея апостола. Тамъ находится мраморный придѣлъ св. Іоанна изъ Дукли, въ Галиціи, памятью котораго очень дорожили въ семействѣ Мнишекъ¹⁾. Этотъ монахъ францисканскаго ордена жилъ въ XV-мъ столѣтіи и стяжалъ славу необыкновеннаго благочестія. Братъ Марины, Францискъ Бернардъ, приобрѣлъ около 1636-го года часть Дукли, возобновилъ тамошній замокъ и былъ похороненъ въ мѣстной церкви. Впослѣдствіи все мѣстечко перешло во владѣніе рода Мнишекъ, иждивеніемъ которыхъ вскорѣ былъ основанъ монастырь для Бернардиновъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь св. Андрея принадлежала также Бернардинамъ, и что въ ней чествовали св. Іоанна изъ Дукли, объясняется щедрое расположеніе къ ней Юрія Мнишка, отца Марины. Объ этомъ свидѣтельствуесть мраморная темнокрасная доска, которая находится не далеко отъ выше упомянутаго придѣла, и гдѣ кратко излагается прошлое церкви. Первоначально въ 1460-мъ году, выстроенная изъ дерева, она подвергалась пожарамъ, погромамъ и татарскимъ набѣгамъ. Въ царствованіе Сигизмунда III-го, благодаря особенно содѣйствію Дмитрія Соликовскаго, архіепископа Львовскаго, Юрія Мнишка de Magna Kopzсuse, воеводы Сендомирскаго, Станислава Жолкѣвскаго, впослѣдствіи воеводы кievскаго, полнаго гетмана и канцлера, деревянное зданіе было замѣнено каменнымъ и въ 1620-мъ году, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, совершился обрядъ освященія церкви. Въ тѣсной и темной ризницѣ висятъ на стѣнахъ картины. Между ними выдается портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ и, какъ мнѣ кажется, никѣмъ еще не воспроизведенный. Онъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ гравюрою Луки Киліана, но осанка воеводы благороднѣе, черты его лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова съ письмомъ и добрыми пожеланіями о. Голяховскаго я поспѣшилъ въ Самборъ. Теперь это полу-польскій, полу-еврейскій городъ, обычнаго провинціального типа, безъ всякихъ посягательствъ на изящность. Вокругъ него раскинуты густые лѣса, которыми промышляетъ мѣстное населеніе. Въ 1891-мъ году городъ праздновалъ 500-лѣтнюю годовщину своего основанія. По случаю этого торжества, и пользуясь самборскими архивами, г. Budzynowski напечаталъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ подѣ

¹⁾ Отличную монографію Дукли помѣстилъ г. Swieykowski въ изданіи Краковской академіи наукъ Rozprawy академіи, Wydział filologiczny. Serja II. Tom XX. Zeszyt I. 1902.

заглавіемъ *Kronika miasta Sambora, Zebrana i wydana ku uczczeniu 500 letniej rocznicy Zalozenia miasta Sambora. Sambor, 1891* ¹⁾).

Въ старину, Самборъ, для защиты противъ татаръ былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ же, между Млыновкою и Днѣстромъ, возвышался королевскій замокъ, гдѣ обыкновенно пребывалъ Юрій Мнишекъ со своимъ семействомъ. Подробное описаніе замка, деревянной придворной церкви и хозяйственныхъ строеній было сдѣлано въ 1596-мъ году, по случаю оффиціальной ревизіи, которую вызвали загадочные счета сендомирскаго воеводы, представленные сейму въ томъ же году. Нынѣ на мѣстѣ, нѣкогда занимаемомъ королевскимъ замкомъ, построена пивоварня. Рассказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ любознательные, но слишкомъ робкіе, ученые пытались дѣлать раскопки и наткнулись на желѣзныя двери. Никто не рѣшился проникнуть далѣе. вмѣсто того обратились съ телеграфнымъ запросомъ въ Вѣну, откуда отвѣтили запрещеніемъ всякихъ раскопокъ. Тайнственные врата такъ и остались не разверзтыми.

Между жителями Самбора держится документально подтверждаемое мнѣніе, что Юрій Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ, не отдаленномъ, замкѣ *Laszki mirowane*, принадлежащемъ семейству его жены Ядвиги Тарло. Впослѣдствіи замокъ перешелъ въ собственность Франциска Бернарда Мнишка. Онъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ восемью башнями и широкимъ рвомъ. Старинный его планъ хранится въ львовскомъ архивѣ, и на немъ обозначены покои, которые нѣкогда занималъ Дмитрій. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь очень скромное зданіе, которымъ владѣетъ графъ Михайлъ Красицкій. Замѣчательно, что въ народѣ, въ его преданіяхъ и пѣсняхъ, нѣтъ помину ни о Дмитріи, ни о Маринѣ. Тщетно я спрашивалъ крестьянскихъ старожилъ. Они вытаращивали глаза и ничего не умѣли сказать.

Изученіемъ самборскихъ архивовъ, гражданскихъ и церковныхъ, усердно занимался добросовѣстный изслѣдователь Маркелъ Туркавскій: тяжкая, кропотливая работа, и въ силу мѣстныхъ условій, требующая много времени и настоящаго самоотверженія. Г. Туркавскій имѣлъ въ виду написать монографію о семействѣ Мнишекъ, но, насколько мнѣ извѣстно, если она и была составлена, то въ цѣломъ видѣ не появилась. Только нѣкоторые отрывки, впрочемъ

¹⁾ Лѣтопись города Самбора, собранная и изданная въ честь 500-лѣтней годовщины основанія города Самбора. Самборъ 1891.

очень дѣльные, были напечатаны въ польскихъ журналахъ ¹⁾. Ими подтверждается, что Юрій Мнишекъ дѣятельно и успѣшно завѣдывалъ управленіемъ ввѣренныхъ ему королевскихъ угодій, поощряя торговлю и промышленность, заботясь объ обученіи дѣтей въ школахъ, которыя состояли на попеченіи духовенства. При томъ, какъ истинный вельможа, онъ велъ широкую жизнь и держалъ многочисленную прислугу. По случаю ревизіи 1596-го года, самборскіе мѣщане жаловались на его казаковъ и гайдуковъ, которыхъ было такъ много, что на нихъ требовалась большая затрата, да кромѣ того мѣста не хватало для ихъ помѣщенія. Не удивительно, что самъ воевода всегда нуждался въ деньгахъ и постоянно ихъ выпрашивалъ у короля.

По слѣдамъ г. Туркавскаго, я отправился на архивные поиски къ Бернардинамъ. Монастырь, въ которомъ они помѣщались въ XVII-мъ столѣтіи, перешелъ вмѣстѣ съ церковью въ вѣдѣніе правительства, и въ немъ находится теперь областной (obwodowy) судъ и тюрьма. Только малая часть церкви осталась при своемъ первоначальномъ назначеніи и служитъ узникамъ для отправленія ихъ духовныхъ требъ. Въ этой церкви, 17-го января 1603-го года, вѣнчалась сестра Марины, Урсула, съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Тамъ же, въ придѣлѣ св. Анны, похоронены Юрій Мнишекъ, скончавшійся 16-го мая 1613-го года, и сынъ его Сигизмундъ.

Въ настоящее время Бернардины завѣдуютъ церковью, которая нѣкогда принадлежала Іезуитамъ, поселившимся въ Самборѣ уже послѣ эпохи самозванцевъ. Въ монастырѣ собственно архива никакого нѣтъ. Сохранилась одна орденская рукописная хроника подъ заглавіемъ: *Acta seu Monumenta ex duobus vetustissimis protocollis conventus istius samboriensis ad Beatissimam Virginem Mariam in coelum Assumptam, Ordinis Minorum Sancti Patris Nostri Francisci Regularis Observantiae—Ad tutiorem securioremque conservationem rerum memorabilium et posteritati pro necessaria perquirendarum notitia; neve sicut jam nonnullae perierunt chartae, caeterae etiam infeliciter dilabantur... Sub tempus tertiae visitationis canonicae, mediis diebus Augusti anno Christi 1730 absolutae, collecta et in unum volumen istud compillata* ²⁾.

¹⁾ Przegląd Lwowski, сентябрь и октябрь 1883 г.

²⁾ Акты или памятники, извлеченные изъ двухъ древнѣйшихъ записей здѣшняго самборскаго монастыря Успенія Блаженнѣйшей Дѣвы Маріи, ордена Меньшихъ Святаго Отца Нашего Франциска, Законной Обсерванціи. Въ виду вѣрнѣйшей и полнѣйшей сохранности замѣчательныхъ дѣйствій, и для увѣдомленія потомства при необходимыхъ розысканіяхъ; чтобы также

Рукопись, какъ видно изъ заглавія, есть собраніе разнородныхъ документовъ, да къ тому же довольно безалаберное и не полное. Недостають два—три листа, гдѣ по всей вѣроятности говорилось о Маринѣ. Перечисляются имена Бернардиновъ, сопровождавшихъ Юрія Мнишка въ Москву. Между нимъ былъ братъ Петръ, хирургъ, *frater laicus*, то есть такой инокъ, который не былъ іереемъ. Здѣсь произошло забавное недоразумѣніе. Подъ неопытнымъ перомъ неизвѣстнаго писца *frater laicus* обратился въ *frater lascus*, и помнится, что я гдѣ-то читалъ остроумныя догадки на счетъ брата *Lasky*.

Въ ряду благодѣтелей монастыря самое почетное мѣсто отводится сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишкѣ. Прежде него, подобнаго ему не было, свидѣтельствуетъ рукопись, да и впредь вѣроятно не будетъ.

Въ инвентарномъ отдѣлѣ приводится, что въ 1605-мъ году, возвратившись „побѣдителемъ“ изъ Москвы, Юрій Мнишекъ пожертвовалъ московское золотомъ вышитое знамя. А четыре года спустя, въ 1609-мъ году, Марина прислала изъ Россіи серебряныя паникадила прекрасной работы для помѣщенія на главномъ алтарѣ самборской церкви. Вдали, въ затрудненіяхъ и горести, мысль ея переносилась въ любимую отчизну и побуждала ее къ жертвованіямъ.

Въ другой бернардинской рукописи неизвѣстнаго автора, извлеченіе изъ которой находится въ Краковѣ¹⁾, передають извѣстіе, что Марина была утоплена въ Россіи, и что та же участь постигла о. Антонія, ея вѣрнаго спутника до конца жизни.

Вотъ всѣ скудныя извѣстія, которыя въ настоящее время мнѣ удалось добыть. Остается пожелать, чтобы предпріятіе г. Туркавскаго исполнилось, и появилась монографія семейства Мнишекъ. Для полной характеристики Марины такое пособіе необходимо.

Новѣйшій ея историкъ, г. Гиршбергъ, отнесся къ ней чрезвычайно сурово²⁾. Столь рѣшительное осужденіе во всякомъ случаѣ

остающіеся документы не разсѣялись, какъ вѣкоторыя передъ тѣмъ уже погибли. Во время третьей канонической ревизіи, завершившейся въ половинѣ августа 1730-го Христова года—собранные и въ этотъ единственный томъ помѣщенные.

1) Музей Чарторыскихъ, *Zeka Naguszewicza*, 108, f. 155—169.

2) *Magyna Mniszchówna, we Lwowie*, 1906. Съ критическимъ приѣмомъ г. Гиршберга нельзя примириться. У меня сказано: „воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать“. („Русск. Стар.“, 1903, стр. 257). Онъ самовольно прибавляетъ „ревностной католички“ (стр. 339), и пускается въ доказательство, что ей не доставало ревности.

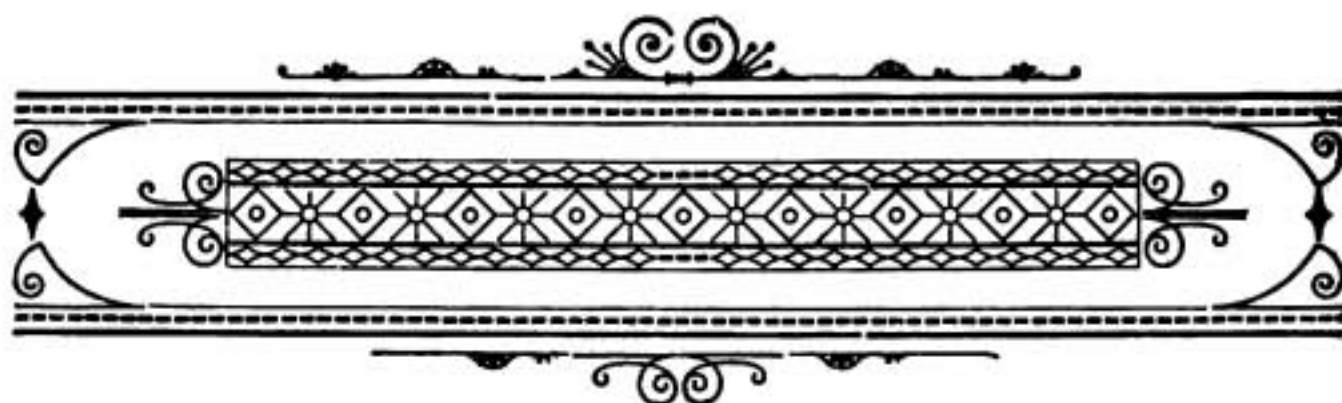
еще преждевременно. Слишкомъ мало историческаго матеріала пушено въ ходъ до сихъ поръ. Въ жизни воеводы сендомирскаго есть конечно неприглядныя стороны, но на воспитаніе его дѣтей онѣ, конечно, не повліяли. Здѣсь встрѣчаются глубокія убѣжденія. Сестра Марины вступила въ строгій кармелитанскій орденъ. Ея братъ, Францискъ Бернардъ, отличался, по словамъ Нѣсецкаго, необыкновеннымъ благочестіемъ. Сама Марина осталась непоколебима въ своихъ вѣрованіяхъ, дорожила церковной обстановкой, даже въ Москвѣ былъ сдѣланъ для нея „Костель у Стретенья на переходахъ подле Николы Явленскаго“¹⁾, при всякомъ изъ своихъ трехъ браковъ она прибѣгала къ таинству и священному обряду.

Молодая царица была честолюбива. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но ея честолюбіе не было мелочное и ничтожное чувство. Въ немъ преобладаетъ страсть величія. Что всего болѣе подкупаетъ въ пользу Марины, это странная смѣсь отваги и простоты: въ письмахъ къ отцу она дѣтски беззаботна, въ Москвѣ, Тушинѣ, Калугѣ, Астрахани является боевая, безстрашная, богатырь-женщина.

Пирлингъ.

¹⁾ С. А. Бѣлокуровъ, Разрядныя Записи за Смутное время, стр. 8.

Два года,—1864 и 1865, изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губ.

II ¹⁾.

Минская губернія въ 1864 году.

Когда, недѣлю назадъ, проѣздомъ въ Вильну, я ночевалъ въ Минскѣ, я вовсе не ознакомился даже съ внѣшнимъ видомъ города. Приѣхалъ я ночью; везли меня по нѣсколькимъ тускло освѣщеннымъ улицамъ; на другой день я проѣхалъ еще по нѣсколькимъ окраиннымъ улицамъ; Минскъ не интересовалъ меня тогда. Теперь, я приѣхалъ въ Минскъ, какъ полугражданинъ его; я понималъ, что мнѣ придется часто бывать здѣсь, и я уже внимательно вглядывался въ него. Городъ былъ не нарядный, раскинутый, полудеревенскій. Дома преимущественно деревянные, окруженные садами, огородами; только на двухъ, трехъ улицахъ, въ серединѣ города, были каменные дома, и то двухъэтажные; трехъэтажныхъ было два, три во всемъ городѣ. Видно было, что городъ не богатый и не торговый, хотя евреевъ на улицахъ было, какъ мухъ на тарелкѣ съ медомъ.

Я едва нашелъ себѣ мѣсто въ гостиницѣ; мнѣ сказали, что сейчасъ въ Минскѣ съѣздъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было, разумѣется, явиться губернатору, что я сейчасъ и исполнилъ. Минскимъ губернаторомъ былъ тогда Кожевниковъ, человекъ пожилой, очень образованный и, судя по первому впечатлѣнію, очень добрый, безхитростный. Онъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ очень радушно; объяснилъ мнѣ, что радуется моему приѣзду, такъ какъ въ губерніи нѣсколько участковъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1910 г. январь.

безъ мировыхъ посредниковъ, и тѣмъ болѣе пріятно ему получить не новичка въ крестьянскомъ дѣлѣ, а опытнаго, русскаго мирового посредника. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь собралъ въ Минскѣ почти весь личный составъ крестьянскихъ учрежденій Минской губерніи, чтобы обсудить съ ними результаты работъ повѣрочныхъ комиссій въ прошедшемъ году, вникнуть во всѣ встрѣченныя затрудненія, и по возможности разрѣшить ихъ. Онъ разъяснилъ мнѣ, что мировой посредникъ участвуетъ въ дѣйствіяхъ повѣрочныхъ комиссій при повѣркѣ выкупныхъ актовъ по всѣмъ поселеніямъ своего участка; поэтому онъ приглашаетъ меня участвовать въ засѣданіяхъ собранныхъ комиссій, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ для меня дѣломъ. Торопиться въ Бобруйскъ мнѣ нечего; мировой посредникъ, отъ котораго я долженъ принять участокъ, продолжаетъ завѣдывать имъ; это опытный, толковый человекъ, и вовсе не революціонеръ; никакихъ беспорядковъ и упущеній въ участкѣ произойти не можетъ. Дѣятельность же моя здѣсь, въ засѣданіяхъ, будетъ гораздо полезнѣе для меня и для дѣла, такъ какъ, прослушавъ доклады и бесѣды членовъ повѣрочныхъ комиссій, работавшихъ все прошлое лѣто, я весною приступлю къ дѣлу сознательно. Указанія эти казались мнѣ совершенно правильными, и я охотно согласился оставаться въ Минскѣ на время общихъ засѣданій комиссій.

Кожевниковъ объяснилъ мнѣ, что мнѣ надо сейчасъ же представиться военному губернатору Минской губерніи. Съ остальными властями я познакомлюсь по мѣрѣ надобности, постепенно, „а съ товарищами вашими я познакомлю васъ завтра. У меня въ квартирѣ, въ 12 часовъ дня, будетъ общее засѣданіе; приходите сюда къ этому времени“. Въ заключеніе онъ пригласилъ меня обѣдать въ тотъ же день.

Разговоръ этотъ произвелъ на меня отрадное впечатлѣніе. Послѣ холодныхъ, оффиціальныхъ пріемовъ виленскихъ, я встрѣтилъ тутъ простую, умную рѣчь, которая обѣщала мнѣ въ будущемъ такой же образъ дѣйствій и такія же открытыя, честныя отношенія, въ какихъ я провелъ всю жизнь мою.

Представленіе военному губернатору было оффиціальное. Сначала какой-то адъютантъ сдѣлалъ мнѣ допросъ: какъ, когда, куда и почему я назначенъ, гдѣ служилъ и т. д. Все это онъ записалъ и пошелъ въ канцелярію. Явился военный писарь, съ какой-то книгой, еще дополнилъ все сказанное мною адъютанту и заставилъ росписаться въ книгѣ; пересмотрѣлъ и мои документы. Воротився адъютантъ, провелъ меня въ небольшую темную залу и пошелъ доложить его превосходительству! Вошелъ молчаливый, сѣдой генералъ, съ кислымъ выраженіемъ лица; прослушалъ мою оффиціальную фразу

представленій, спросилъ меня: долго ли я намѣренъ пробить въ Минскѣ; выслушалъ мой отвѣтъ, молча, кивкомъ головы, распрощался со мною и пошелъ обратно въ свой кабинетъ. Фамиліи этого генерала я не помню и никогда болѣе никакихъ сношеній съ нимъ не имѣлъ.

Въ 4 часа я возвратился въ губернаторскій домъ, къ обѣду. Въ 1864 году губернаторъ жилъ въ томъ самомъ домѣ, который минскій губернаторъ занималъ теперь. Это прекрасное двухъэтажное зданіе, рядомъ съ католическимъ соборнымъ костеломъ. Костель этотъ и домъ принадлежали іезуитамъ, а по изгнаніи ихъ, домъ былъ отобранъ въ казну. Комнатъ въ немъ много, комнаты большія, свѣтлыя; однимъ словомъ—помѣщеніе роскошное. Семейство у Кожевникова было большое, и мы сѣли за столъ, кажется, человѣкъ двѣнадцать; при чемъ я былъ единственный посторонній. Жена губернатора была женщина образованная, привыкшая къ приемамъ и радушная хозяйка. Разговоръ за столомъ шелъ преимущественно о только что пережитыхъ ими въ Минскѣ тревогахъ повстанія: говорили безъ злобы. При прощаніи, губернаторша просила меня навѣщать ее, сказавъ, что всегда рада видѣть у себя образованныхъ людей.

На другой день, въ 12 часовъ, я снова пришелъ въ губернаторскій домъ, гдѣ уже собралось множество людей въ сюртукахъ, тужуркахъ, молодыхъ, старыхъ, статскихъ и военныхъ. Шумно говорили, расхаживали по огромной залѣ, среди которой былъ поставленъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ, и множество стульевъ вокругъ него. Ко мнѣ подошелъ маленькій, черненькій, очень бойкій господинъ; отрекомендовался, что онъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Арнольди, и сказалъ, что губернаторъ предупредилъ его о моемъ появленіи, и поручилъ ему познакомить меня съ членами губернскаго присутствія. Онъ предложилъ мнѣ исполнить это и подвелъ меня къ нѣсколькимъ серьезнымъ чиновникамъ. Это были лица, назначенныя Муравьевымъ на мѣста уволенныхъ имъ членовъ присутствія изъ мѣстныхъ уроженцевъ-поляковъ. Представленіе было официальное, ограничилось пожиманіемъ рукъ и нѣсколькими общими фразами. Не перечисляю этихъ лицъ по именамъ, такъ какъ они по своей незначительности не играли никакой роли въ дѣятельности крестьянскихъ учрежденій въ Минской губерніи, и вскорѣ исчезли, получивъ какія-то другія назначенія. Значительную роль въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи игралъ губернскій предводитель дворянства Прушинскій, богатый старикъ, помѣщикъ, заядлый полякъ, высокаго роста, очень умный и хитрый. Онъ былъ предводи-

телемъ по назначенію Муравьева, послѣ удаленія предмѣстника его, избраннаго дворянствомъ, знаменитаго Лаппы. Какъ чиновникъ, назначенный Муравьевымъ, онъ не могъ, не смѣлъ выступать явно со всѣми своими польскими убѣжденіями и стремленіями; но въ душѣ былъ точно такимъ же повстанцемъ, какъ Лаппа, сидѣвшій уже гдѣ-то въ крѣпости. Онъ мало говорилъ, внимательно слушалъ все, по временамъ злобно оглядывалъ окружавшихъ его москалей, но всегда былъ вѣжливъ, сдержанъ. Впослѣдствіи, когда я сблизился съ нѣкоторыми помѣщиками поляками, я спрашивалъ ихъ: что за охота была Прушинскому, богатому, независимому человѣку, ставить себя въ такое неблаговидное, тяжелое, двусмысленное положеніе? Они объяснили мнѣ, что Прушинскій дѣлалъ это изъ любви къ отечеству, ойчизнѣ; на постѣ губернскаго предводителя дворянства онъ могъ охранять многихъ, сдерживать въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи антипольское направленіе, могъ предупредить кого надо о грозившей опасности и заступиться за него.

Губернаторъ открылъ засѣданіе. Члены губернскаго присутствія и выборный комитетъ отъ повѣрочныхъ комиссій сѣли за столъ; а мы, толпа, разсѣлись на стульяхъ вокругъ. Членъ губернскаго присутствія сталъ разбирать работы Борисовской повѣрочной комиссіи и указалъ на найденныя имъ неточности и на статьи несогласныя съ инструкціей, данной повѣрочнымъ комиссіямъ. Докладчикъ былъ очень слабъ, говорилъ неувѣреннымъ голосомъ, плохо зналъ мѣстныя условія; разбиралъ дѣло по-канцелярски, бумажно. Всталъ и сталъ возражать ему предсѣдатель Борисовской повѣрочной комиссіи Божовскій, брюнетъ, высокаго роста, съ замѣчательно красивой наружностью. Онъ говорилъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, очень вѣжливо, но самоувѣренно, толково. Въ нѣсколько минутъ стало ясно, что докладчикъ, членъ губернскаго присутствія, дѣла не знаетъ, судить на основаніи инструкцій и писанныхъ наставленій, не обращая вниманія на мѣстныя условія и потребности крестьянъ; докладъ былъ чисто канцелярскій. Завязался споръ. Всѣ члены повѣрочныхъ комиссій поддерживали Божовскаго, осуждали сухую бюрократическую теорію, на основаніи которой членъ губернскаго присутствія осуждалъ дѣйствія Борисовской повѣрочной комиссіи. „Вы держитесь теоріи: *pegeat mundus, fiat justitia*“, говорили они докладчику и доказывали, что инструкціи составлены очень неудачно людьми, незнакомыми съ бытомъ и условіями Минской губерніи; что придерживаться буквально указаній инструкцій нельзя; надо многое измѣнить въ ней.

Участвуя три года въ нашихъ скромныхъ, но толковыхъ, дѣловыхъ засѣданіяхъ Вяземскаго съѣзда мировыхъ посредниковъ, я не

разъ присутствовалъ въ Смоленскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, знакомъ былъ съ правильнымъ ходомъ докладовъ и преній въ засѣданіяхъ. Я тотчасъ понялъ беспорядочность, скажу даже безтолковость засѣданія, на которомъ присутствовалъ теперь. Многіе члены повѣрочныхъ комиссій говорили очень дѣльно, толково; доводы ихъ показывали, что они вникли въ свое дѣло, любятъ его. Особенно выдѣлялись Божовскій, председатель Борисовской повѣрочной комиссіи, Раковичъ (старшій), председатель Минской повѣрочной комиссіи; они говорили спокойно, выслушивали возраженія и не перебивали другихъ. За то очень многіе члены горячились, прерывали докладъ, говорили неумѣренно и часто безсодержательно. Кожевниковъ не въ силахъ былъ упорядочить засѣданіе, вести его. Когда я бесѣдовалъ съ нимъ въ кабинетѣ, онъ говорилъ такъ разумно, дѣловито, что я невольно почувствовалъ къ нему симпатію; но въ этомъ засѣданіи я сильно разочаровался. Это былъ прекрасный человекъ, умный, дѣловой, но безъ авторитета, безъ силы воли, необходимыхъ въ его положеніи. Онъ не умѣлъ, не могъ сдержать дерзкихъ, смѣлыхъ, слишкомъ увлекающихся; не могъ дать высказаться другимъ, болѣе слабымъ, но въ сущности болѣе правымъ. Всѣ говорили, подъ конецъ даже шумѣли, но изъ разговоровъ этихъ нельзя было сдѣлать никакого окончательнаго вывода. Проспоривъ и проговоривъ часа два, всѣ разошлись, не выработавъ ничего. Я конечно все время молчалъ; то, что они говорили, о чемъ спорили, было мнѣ ново, незнакомо; ничего подобнаго не было у насъ въ Смоленской губерніи. Наши помѣщики не обирали такъ безсердечно своихъ крестьянъ, не поддѣлывали документовъ; у насъ не было такихъ стовертныхъ болотъ и песковъ съ перелогомъ пашни на десять лѣтъ.

Въ Сѣверо- и Юго-Западномъ краѣ, точно такъ же какъ во всей Россіи, въ 1861 году были составлены уставныя грамоты; въ грамотахъ этихъ точно такъ же опредѣлялся размѣръ земельного надѣла и размѣръ повинности денежной (оброка) или издѣльной (барщины), опредѣляемой за этотъ надѣлъ. Но уставныя грамоты здѣсь были составлены не такъ честно, правильно, какъ въ русскихъ губерніяхъ. Еще до 19 февраля 1861 года, польскіе помѣщики старались всячески обезземелить крестьянъ, отбирали у нихъ землю. Правительство издавало по всѣмъ западнымъ губерніямъ распоряженіе о возвращеніи крестьянамъ отобранныхъ у нихъ земель и угодій. Но требованія эти плохо исполнялись. При составленіи уставныхъ грамотъ, мировымъ посредникамъ предписано было внимательно провѣрить, разыскать всѣ случаи такого отобранія земель у крестьянъ и возвратить имъ все отобранное.

Распоряженіе это не было исполнено, такъ какъ лишенія земли были не единичные случаи, не жадность и безсердечіе какого-нибудь исключительно жестокаго помѣщика, а заурядное, систематически обдуманное дѣло польскаго католическаго дворянства, стремившагося ослабить, унижить православныхъ крестьянъ, и въ ихъ лицѣ русскій элементъ края. Мировые посредники были выбраны изъ поляковъ католиковъ; вся администрація края была подобрана также изъ поляковъ, или лицъ, подпавшихъ подъ ихъ вліяніе; а потому уставныя грамоты были составлены пристрастно, въ пользу помѣщиковъ; всѣ требованія крестьянъ о возвратѣ земли отвергнуты, и всѣ отобранныя земли, напротивъ, окончательно утверждены за помѣщиками. Когда Муравьевъ вступилъ въ управленіе Сѣверо-Западными губерніями, онъ тотчасъ вникъ въ жалобы крестьянъ. Онъ нѣкогда самъ былъ губернаторомъ въ Гродненской губерніи, зналъ въ чемъ дѣло, и исходатайствовалъ Высочайшее распоряженіе о пересмотрѣ уставныхъ грамотъ, составленныхъ польскими мировыми посредниками. Для провѣрки этихъ уставныхъ грамотъ и составленія выкупныхъ актовъ (по обязательному, по распоряженію правительства, выкупу), были назначены повѣрочныя комиссіи, по одной комиссіи на каждый уѣздъ. Эти комиссіи проработали лѣто 1863 г. и съѣхались теперь доложить результаты своихъ работъ.

Повѣрочныя комиссіи были составлены исключительно изъ русскихъ людей; въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе были назначены теперь русскіе люди, мировые посредники-поляки замѣнены русскими. Къ несчастью, большинство этихъ русскихъ людей было незнакомо съ крестьянскимъ дѣломъ, новички въ Западномъ краѣ; а имъ приходилось бороться съ опытными, знающими дѣло и мѣстныя условія помѣщиками-поляками, которые съ остервененіемъ, со злобою, защищали совершенные ими захваты земель. Инструкціи повѣрочнымъ комиссіямъ были составлены добросовѣстно, честно; но составляли ихъ люди, знавшіе дѣло болѣе теоретически, изъ переписки о захватахъ земель и жалобъ крестьянскихъ, но не подозрѣвавшіе, какія вопіющія злоупотребленія совершались на мѣстахъ, какъ велико было зло. Повѣрочныя комиссіи, изслѣдуя дѣло на мѣстѣ, убѣждались, какъ безобразно, безстыдно обездолены были крестьяне. Помѣщики, защищая то, что считали уже своею собственностью, подстрекаемые и поддерживаемые польскимъ жондомъ и всею революціонною организаціей, употребляли всѣ доступныя имъ средства отбить эти нападенія.

Они писали отчаянныя жалобы, клеветали, забрасывали протестами губернское присутствіе, генераль-губернатора, министра внутреннихъ дѣлъ. Подъ вліяніемъ этихъ жалобъ, губернское крестьян-

янское присутствіе разсматривало дѣйствія повѣрочныхъ комиссій. Члены присутствія новаго состава, люди честные, но, къ сожалѣнію, не прозорливые, держались буквы закона—инструкціи и не хотѣли признать, что эта инструкція не совершенна. Отъ этого происходили всѣ споры въ только что окончившемся засѣданіи.

Во время засѣданія, я познакомился съ многими изъ присутствовавшихъ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Среди ихъ не нашлось ни одного стараго моего знакомаго. Слушая споры и доклады, я невольно почувствовалъ симпатію и уваженіе къ нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ. Въ перерывъ засѣданія, я подошелъ къ Божовскому, представился ему и поговорилъ съ нимъ. Онъ познакомилъ меня еще съ нѣсколькими лицами, наши взгляды и мысли сходились, и мы сразу сблизились. Пошли обѣдать въ какой-то ресторанъ, проговорили тамъ до вечера; потомъ пошли къ Божовскому, тамъ проговорили до поздней ночи. Оказалось, что я правильно оцѣнилъ Божовскаго. Это былъ умный, талантливый человекъ, патріотъ; онъ увлекался невроятно крестьянскимъ дѣломъ; своимъ энтузіазмомъ, энергіей онъ увлекалъ другихъ; вокругъ него собрался кружокъ единомышленныхъ съ нимъ, честныхъ, трудолюбивыхъ русскихъ людей. Малороссъ, сынъ сельскаго священника, Божовскій до 1863 года былъ секретаремъ Екатеринославскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. По особенно блестящей рекомендаціи екатеринославскаго губернатора, Муравьевъ сдѣлалъ Божовскаго председателемъ Борисовской повѣрочной комиссіи. Какъ сынъ сельскаго священника, онъ хорошо зналъ бытъ народа; какъ секретарь губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, онъ изучилъ хорошо всѣ законы, относящіеся къ крестьянскому дѣлу. Словомъ, онъ былъ вполне на мѣстѣ, какъ председатель повѣрочной комиссіи, сразу сталъ на правильную точку при провѣркѣ составленныхъ польскими мировыми посредниками уставныхъ грамотъ; разоблачилъ проницательно всѣ злоупотребленія помѣщиковъ и навелъ на нихъ панику. Талантливость, краснорѣчіе, твердая воля, быстрая смѣтка, дѣлали его непобѣдимымъ въ спорахъ. Товарищи уважали его, любили, слушались его совѣтовъ, его дѣловыхъ указаній.

Среди членовъ повѣрочныхъ комиссій было много людей безответныхъ, трусливыхъ, не знающихъ дѣла; они смотрѣли на Божовскаго съ ужасомъ, какъ на человека опаснаго, увлекающаго ихъ на борьбу съ поляками-помѣщиками; они чувствовали, что такая борьба не подъ силу имъ; нѣтъ у нихъ ни энергіи, ни знаній. Отъ этого среди членовъ комиссій образовались двѣ партіи: партія русская и партія полякующихъ. Назвали ихъ полякующими неправильно; го-

спода эти очень мало заботились о благѣ поляковъ и о польской справѣ; они берегли просто свою шкуру, свои мѣста въ повѣрочныхъ комиссіяхъ, которыя боялись потерять вслѣдствіе жалобъ помѣщиковъ. Это заставляло ихъ закрывать глаза, не раскапывать злоупотребленій помѣщиковъ. Они дѣлали это и не изъ корыстолюбивыхъ цѣлей; они не были взяточниками: грѣхъ было бы взводить эту клевету; они были просто слабые, неспособные, трусливые и лѣнивые люди. Къ счастью, такихъ людей было немного.

Засѣданія происходили ежедневно; одинъ день было засѣданіе повѣрочныхъ комиссій; другой день—засѣданіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которыя посѣщались очень мало и неохотно. Я постоянно являлся въ тѣ и другія засѣданія, желая ознакомиться съ разнообразными условіями жизни Минской губерніи, разобраться въ хаосѣ разныхъ убѣжденій, высказываемыхъ тамъ. Въ засѣданія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія появлялся иногда управляющій палатой государственныхъ имуществъ Готовцевъ. Умный, образованный человѣкъ, онъ держался особнякомъ; явно высказывалъ свое несочувствіе дѣятельности повѣрочныхъ комиссій. Онъ стоялъ за умѣренныя мѣры, за точное исполненіе указаній инструкцій повѣрочнымъ комиссіямъ, за исполненіе законовъ во что бы то ни стало; громко осуждалъ крутыя мѣры Муравьева. Среди крестьянскихъ дѣтелей онъ за это пользовался конечно общимъ нерасположеніемъ, и заявленія его были гласомъ вопіющаго въ пустынь. Это былъ серьезный, дѣловой человѣкъ, ученый юристъ; его доводы были справедливы, и не разъ его протестъ останавливалъ состоявшееся рѣшеніе и заставлялъ губернское присутствіе переначить постановленіе, на которое члены уже дали было свое согласіе. Онъ не долго оставался въ Минскѣ и уѣхалъ по вызову Николая Алексѣевича Милютина въ Варшаву, гдѣ получилъ блестящее назначеніе. Онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Юридической комиссіи, на которую возложено было: выработать порядокъ введенія въ Царствѣ Польскомъ общихъ судебныхъ и мировыхъ учрежденій.

Я сказалъ, что въ составѣ членовъ повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ у меня не было старыхъ знакомыхъ. Это происходило оттого, что въ числѣ ихъ не было людей петербургскихъ, а собрались люди разныхъ губерній, съ Поволжья, изъ Малороссіи и даже съ дальнаго сѣвера, какъ Архангельская губернія. Въ числѣ ихъ было два, три человѣка съ университетскимъ образованіемъ; остальные были средняго образованія, служившіе по разнымъ отраслямъ. Я сблизился съ однимъ только Божовскимъ, поддерживая съ прочими товарищескія, но не близкія отношенія. Къ счастью, я нашелъ

въ Минскѣ тѣсный кружокъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ въ составѣ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія. Гротъ не за-долго передъ тѣмъ ввелъ въ Минской губерніи акцизную систему, въ замѣнъ бывшаго виннаго откупа. Гротъ набиралъ въ составъ акцизныхъ управленій очень много людей образованныхъ; а огромное (по тогдашнему времени) содержаніе, получаемое чинами этого вѣдомства, побуждало идти туда людей лучшаго общества. Таковъ былъ составъ Минскаго губернскаго акцизнаго управленія: управляющій Гринвальдъ, человѣкъ высшаго общества, отставной гвардейскій полковникъ; помощникъ его, полковникъ Ивашкевичъ, былъ до того помощникомъ инспектора классовъ I кадетскаго корпуса; старшій ревизоръ баронъ Штакельбергъ, офицеръ гвардейской конной артиллеріи, мой сослуживецъ и пріятель; младшій ревизоръ Мореншильдъ, офицеръ гвардейскаго драгунскаго полка. Я былъ пораженъ, встрѣтивъ, въ первый день моего пріѣзда въ Минскъ на улицѣ барона Штакельберга, въ статскомъ платьѣ. Мы обнялись, обрадовались; съ Гринвальдомъ я былъ знакомъ по Петербургу; съ Ивашкевичемъ у семьи моей были старыя, дружескія отношенія. Эти люди, жившіе въ Минскѣ со своими семьями, приняли меня въ свой кружокъ; я проводилъ у нихъ все свободное время, забывая, что я на чужбинѣ. Съ ними у меня все было общее: прошлая жизнь, воспитаніе, вкусы и привычки. У всѣхъ у нихъ были семьи, а потому жизнь была семейная, которую я такъ любилъ.

Внѣшнихъ развлеченій въ Минскѣ не было никакихъ. Существовалъ, правда, какой-то театръ; онъ помѣщался въ частномъ домѣ; зала, сцена были небольшія; убранство бѣдное, грязноватое; освѣщеніе скудное. Я разъ пошелъ посмотрѣть представленіе. Труппа была сборная, изъ актеровъ распуганныхъ повстаньемъ польскихъ труппъ, которые играли теперь по-русски, русскія пьесы, съ отчаяннымъ польскимъ акцентомъ, примѣшивая безсознательно польскія слова. Но главная бѣда была въ томъ, что актеры были ниже посредственности. Двѣ актрисы, молоденькія, довольно красивыя, увлекали невзыскательную публику; ея было немного. Я больше не пошелъ въ этотъ театръ.

Было впрочемъ еще одно крупное развлеченіе: на масляницѣ, губернаторъ Кожевниковъ сдѣлалъ у себя балъ. Прекрасное, просторное помѣщеніе губернаторскаго дома представляло къ тому всѣ удобства. Приглашено было все минское русское общество: въ томъ числѣ всѣ члены повѣрочныхъ комиссій и мировые посредники. Собралось очень большое общество; было много дамъ, были нарядные туалеты, были и красивыя дамы. Особенно отличались красотой и роскошными нарядами двѣ супруги командировъ полковъ, стоявшихъ

гарнизонѣмъ въ Минскѣ, г-жи Корево и Полторацкая. Я не принималъ участія въ танцахъ, такъ какъ общество было мнѣ незнакомое. Въ боковыхъ комнатахъ играли въ карты; былъ ужинъ; балъ во всей формѣ, и все очень хорошо, нарядно, но семейно, неофициально.

Я прожилъ такимъ образомъ въ Минскѣ три недѣли и въ началѣ поста попросилъ у губернатора Кожевникова разрѣшенія ѣхать въ Бобруйскъ, къ моему мѣсту службы. Онъ согласился; на прощаніе попросилъ меня зайти къ нему вечеромъ, чтобы переговорить о необходимомъ. Тутъ, у себя въ кабинетѣ, Кожевниковъ былъ оцѣтъ умный, толковый губернаторъ. Онъ очень вѣрно понималъ ошибки и хорошія стороны засѣданій общаго собранія повѣрочныхъ комиссій; вѣрно судилъ о губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Къ сожалѣнію, вѣрно понимая все это, онъ не въ состояніи былъ дать дѣлу то направленіе, которое ясно указывалъ на словахъ.

Онъ далъ мнѣ очень вѣрную характеристику того, что я найду въ Бобруйскомъ уѣздѣ; указалъ мнѣ образъ дѣйствій, обѣщалъ мнѣ полную поддержку и просилъ обращаться къ нему, кромѣ официальныхъ бумагъ, частными письмами.

Изъ Бобруйскаго уѣзда въ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссій участвовалъ только предсѣдатель Бобруйской повѣрочной комиссіи Янковскій; помощникъ его, Раковичъ (младшій) былъ въ отпуску; а изъ мировыхъ посредниковъ никто не пріѣхалъ. Янковскій былъ полякъ-католикъ; онъ служилъ передъ тѣмъ въ Вильнѣ, кажется, въ канцеляріи генераль-губернатора, и предмѣстникъ Муравьева, генераль-губернаторъ Назимовъ, призналъ Янковскаго настолько благонамѣреннымъ, благонадежнымъ, что назначилъ его предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи. Странное назначеніе! Янковскій былъ добрый человѣкъ, средняго ума, средняго образованія, не зналъ крестьянскаго дѣла; однимъ словомъ, у него не было никакихъ данныхъ для занятія этой должности. Положеніе его было затруднительное. Какъ полякъ, католикъ, онъ не могъ сочувствовать дѣлу, которое исполнялъ; разыгрывать роль Прушинскаго (минскаго губернскаго предводителя дворянства), то-есть втихомолку парализовать дѣйствіе своей комиссіи и русскихъ властей, онъ не могъ, ни по разуму своему, ни по трусости своей; онъ дорожилъ хорошимъ содержаніемъ, которое давала ему должность его. Помощникъ его Раковичъ, русскій образованный человѣкъ, безусловно честный, не допустилъ бы также никакихъ лукавыхъ дѣйствій повѣрочной комиссіи. На общихъ засѣданіяхъ повѣрочныхъ комиссій Янковскій молчалъ и игралъ вообще въ средѣ членовъ комиссіи довольно безцвѣтную роль. Я познакомился съ нимъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Минскъ, хо-

тѣль получить отъ него свѣдѣній о Бобруйскомъ уѣздѣ, но не услышалъ отъ него ничего, кромѣ общихъ фразъ и уклончивыхъ отвѣтовъ. Когда я уѣзжалъ въ Бобруйскъ, онъ остался тамъ еще на нѣкоторое время, но любезно предложилъ мнѣ остановиться на его квартирѣ, такъ какъ въ Бобруйскѣ нѣтъ гостиницъ, а разысканіе квартиры потребуеть нѣсколько дней. Я съ благодарностью принялъ его предложеніе.

Бобруйскъ—уѣздный городъ, на Московско-Варшавскомъ шоссе, на берегу прекрасной рѣки Березины. Въ 1864 году, въ немъ числилось около 20.000 жителей; но, несмотря на это, онъ былъ городъ бѣдный, безъ промышленности, безъ торговли. Бобруйскъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: изъ крѣпости Бобруйска и изъ города Бобруйска. Крѣпость была построена Императоромъ Николаемъ I, который признавалъ за ней большое стратегическое значеніе, лично наблюдалъ за ея постройкой и непрерывно пріѣзжалъ туда, осматривать работы. Въ 1864 году она еще считалась необходимой и поддерживалась въ полномъ порядкѣ; теперь она упразднена и обращена въ военный складъ.

Крѣпость расположена на самомъ берегу Березины, а городъ въ одной верстѣ отъ крѣпости, на песчаной равнинѣ, вдали отъ рѣки. По крѣпостнымъ правиламъ, въ городѣ не позволялось строить каменныхъ зданій; всѣ постройки были деревянные, дома одноэтажные. Въ крѣпости расположены были войска, все комендантское и крѣпостное управленіе, склады, но не дозволялось жить частнымъ лицамъ; тамъ не было никакихъ лавокъ, никакихъ торговыхъ заведеній. Тамъ помѣщалась еще большая арестантская команда, кажется, цѣлый батальонъ, назначенный для исполненія разныхъ работъ по крѣпости.

Городъ Бобруйскъ питалъ, одѣвалъ, снабжалъ всѣмъ необходимымъ крѣпость. Тамъ набралось 20.000 жителей, потому что при постройкѣ крѣпости они кормились отъ разныхъ подрядовъ и поставокъ; теперь постройка давно окончилась, и жители сидѣли безъ заработка, или зарабатывали себѣ хлѣбъ мелкой торговлей, дѣлались портными, сапожниками, разными мастерами. Торговля ограничивалась продажей съѣстныхъ продуктовъ для жителей крѣпости и города: никакой промышленности, фабрикъ не было. Изъ 20.000 жителей христіанъ было въ Бобруйскѣ не болѣе 1.000 человекъ, чиновниковъ, рабочихъ; остальные 19.000 всѣ были евреи. Не было ни одного хорошаго магазина; вся торговля сосредоточивалась на базарѣ, гдѣ стояли досчатые деревянные балаганы. Мало мальски хорошіе товары приходилось выписывать. Собщеніе съ образованнымъ міромъ было очень скудное. До повстанія, черезъ Бобруйскъ

два раза въ недѣлю проходила почта изъ Москвы и въ Варшаву, и привозила въ Бобруйскъ корреспонденцію. Во время повстанія, ходъ почты отъ Бобруйска до Варшавы временами прекращался, а потому почтовые кареты, возившія почту и пассажировъ, доходили только изъ Москвы до Бобруйска; далѣе почта доставлялась уже на телеграфъ. Петербургская почта доставлялась въ Бобруйскъ черезъ Минскъ, тоже два раза въ недѣлю; письма шли дней семь и болѣе. Вотъ въ какую глушь забросила меня судьба!

Я разыскалъ себѣ довольно быстро квартиру въ домѣ Колесникова, русскаго купца. Колесниковъ былъ родомъ изъ Вязьмы; я зналъ тамъ его родного брата, тоже богатаго купца. Мальчикомъ онъ выѣхалъ изъ Вязьмы и никогда болѣе не возвращался туда. Онъ служилъ вначалѣ приказчикомъ у какого-то лѣсопромышленника, тутъ же въ Минской губерніи; потомъ самъ завелъ торговлю лѣсомъ; сплавлялъ лѣсъ по Днѣпру на югъ Россіи; подъ старость прекратилъ торговлю и поселился навсегда въ Бобруйскѣ. Въ Бобруйскѣ было нѣкогда большое польское учебное заведеніе, коллегія, кажется, устроенная іезуитами. За вредное направленіе она была закрыта, обширныя зданія ея распроданы. Колесниковъ купилъ все это имущество. Дома эти были среди города, на бойкой улицѣ, подлѣ православнаго собора, и занимали цѣлый кварталъ. Главный домъ, чисто барскій, съ садомъ, онъ занималъ самъ; остальные сдавалъ въ наймы. Онъ былъ, кажется, единственный русскій домовладѣлецъ въ Бобруйскѣ. Я занялъ квартиру въ нѣсколько комнатъ, просторныхъ, высокихъ, свѣтлыхъ, со всѣми хозяйственными потребностями, и былъ очень доволенъ, что живу не въ еврейскомъ домѣ, не въ еврейскомъ обществѣ, потому что Колесниковъ роздалъ всѣ свои дома въ наймы только христіанамъ.

Являться въ Бобруйскѣ мнѣ было не кому, потому что у меня тамъ не было начальства. Я познакомился съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, съ исправникомъ и съ военнымъ начальникомъ Бобруйскаго уѣзда. Предводитель дворянства Ратынскій, полякъ заядный, былъ очень вѣжливъ, любезенъ до приторности; но мы оба поняли, что далѣе этого мы никогда не пойдёмъ; исправникъ, мѣстный бѣлоруссъ, фамилію его не помню, женатый на полькѣ, также не могъ быть мнѣ близокъ, какъ человѣкъ безъ всякаго образованія. Военный начальникъ, полковникъ Полѣновъ, командиръ полка, расположеннаго въ крѣпости, былъ типичный армейскій офицеръ, добродушный холостякъ. Для усмиренія повстанія и истребленія шаекъ матежниковъ, Муравьевъ назначилъ въ каждый уѣздъ военнаго начальника, далъ ему большую власть. На помощь военному начальнику, въ каждомъ станѣ былъ ему назначенъ помощ-

никъ изъ офицеровъ того же полка. Ихъ спеціальная обязанность была слѣдить за шайками повстанцевъ, принимать всѣ необходимыя мѣры для истребленія шаекъ и для охраны жителей. Полковникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что въ Бобруйскомъ уѣздѣ всѣ шайки истреблены окончательно. Крестьяне Бобруйскаго уѣзда всѣ православные, ненавидятъ своихъ помѣщиковъ-поляковъ и много способствовали ему переловить повстанцевъ. Среди православныхъ крестьянъ раскиданы поселки польской шляхты, которая вся сплошь мятежная; но теперь шляхта смирна, потому что главные коноводы усланы въ Сибирь, на всѣхъ наложены большія денежныя контрибуціи. Кромѣ того, опытъ показалъ имъ, что при малѣйшей мятежной попыткѣ, ему, Полѣнову, нечего приводить войска для усмиренія ихъ, а стоитъ созвать крестьянъ, которые ненавидятъ ихъ, и тѣ быстро перевяжутъ мятежниковъ. Вообще, по его словамъ, все усмиреніе мятежа въ Бобруйскомъ уѣздѣ основано на преданности Государю крестьянъ, они выслѣживали польскія шайки, они окружали ихъ, а войска являлись больше для поддержки крестьянъ. Онъ сказалъ мнѣ, что по всему уѣзду, на всѣхъ главныхъ проѣзжихъ дорогахъ, онъ устроилъ сторожевые пункты, заставы, охраняемые вооруженнымъ карауломъ крестьянъ. Караулы эти имѣютъ право арестовать подозрительныхъ лицъ, осматривать проѣзжіе возы и экипажи. О предводителѣ дворянства, Ратынскомъ, онъ сказалъ, что это двуличный человекъ, котораго онъ охотно посадилъ бы въ одинъ изъ казематовъ въ крѣпости; но ему приказано отложить это намѣреніе и только строго слѣдить за дѣйствіями Ратынскаго. Исправника онъ назвалъ негодяемъ, котораго конечно скоро удалятъ. Слыша такіе рѣзкіе отзывы добродушнаго полковника, я только удивлялся, какъ предводителя и исправника давно не убрали съ ихъ мѣстъ. Изъ поляковъ, помѣщиковъ моего участка, Полѣновъ одобрилъ только одного человека, мирового посредника Нерезіуша, смѣнить котораго я пріѣхалъ. Онъ призналъ его честнымъ, благороднымъ человекомъ, который никогда не шелъ противъ русскаго правительства, не соглашался подать въ отставку по требованію революціоннаго правительства; теперь онъ выходитъ въ отставку по собственному желанію, ибо конечно не можетъ сочувствовать крутымъ мѣрамъ, въ корень уничтожающимъ вліяніе польскихъ помѣщиковъ въ краѣ. Полѣновъ совѣтовалъ мнѣ, для пріема участка, ѣхать прямо къ Нерезіушу, въ его имѣніе Балашевичи, около мѣстечка Глунска, и отнестись къ нему, какъ къ человеку правдивому, честному.

Я такъ и поступилъ; и на другой день пріѣхалъ въ Балашевичи, имѣніе Нерезіуша. Меня подвезли къ большому, прекрасному дере-

вянному дому, окруженному прекрасными хозяйственными постройками. Нерезіушъ встрѣтилъ меня просто, радушно. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ сильной просѣдью въ волосахъ, средняго роста, широкоплечій, здоровый. Онъ объяснилъ мнѣ, что онъ холостъ, живетъ со старухой-сестрой; въ большомъ домѣ у него всегда готова комната для гостей, а потому онъ проситъ меня расположиться въ этой комнатѣ, и прежде всего пообѣдать, такъ какъ прѣздъ 30 верстъ конечно утомилъ меня и я голоденъ. Онъ говорилъ прекрасно по-русски. За обѣдомъ онъ разсказалъ мнѣ о положеніи дѣлъ въ участкѣ, а послѣ обѣда я началъ пріемку дѣлъ. Все оказалось въ полномъ порядкѣ и аккуратно подготовлено къ сдачѣ. Нерезіушъ посоветовалъ мнѣ не брать поляка писмоводителя, который служилъ у него, сказавъ, что мнѣ надо непременно взять писмоводителя русскаго. Принявъ дѣла, я уложилъ ихъ въ ящикъ, запечаталъ. Нерезіушъ обѣщалъ мнѣ самъ привезти ящикъ въ Бобруйскъ, куда онъ собирался ѣхать на дняхъ.

Такъ какъ я хотѣлъ тотчасъ сдѣлать объѣздъ всѣхъ волостей моего участка, Нерезіушъ указалъ мнѣ, какъ удобнѣе сдѣлать это, чтобы не прѣзжать два раза по однимъ мѣстамъ, указалъ, въ какихъ волостяхъ я могу удобно почевать и достать пищу. На другой день я обревизовалъ Балашевичскую волость, расположенную въ 2 верстахъ отъ усадьбы Нерезіуша, собралъ тамъ волостной сходъ и въ первый разъ ознакомился съ бѣлорусскимъ крестьяниномъ.

Я вышелъ къ нимъ въ пальто, такъ какъ было холодно, съ пашкою черезъ плечо, револьверомъ у пояса, снялъ фуражку и, по-русски, поклонился имъ въ поясъ, сказавъ: „Здравствуйте, друзья мои! Меня прислалъ къ вамъ генераль Муравьевъ, и теперь я буду вашъ мировой посредникъ. Я русскій человѣкъ, былъ уже посредникомъ у себя въ Смоленской губерніи. Я офицеръ гвардіи Государя; знаете вы, что такое гвардія? Это войско, которое живетъ около Государя, охраняетъ его. Понятно, въ гвардію берутъ только людей, которые любятъ Государя, готовы жизнь положить за него. Ну, я вотъ такой человѣкъ! Военный начальникъ Полѣновъ сказалъ мнѣ, что вы такіе же вѣрные подданные Государя, вы помогли ему переловить бунтовщиковъ. За это я уже полюбилъ васъ, и теперь мы будемъ вмѣстѣ работать. Разскажите мнѣ: какъ вы живете, какія вамъ обиды, какъ можно помочь вамъ?“

Бѣлоруссы недовѣрчиво глядѣли на меня, молчали. Я подошелъ къ дряхлому, сѣдому старику, заговорилъ съ нимъ; расспрашивалъ: какъ велика его семья, сколько ему лѣтъ; спросилъ его о хозяйствѣ. Оказалось, что это достаточный крестьянинъ. Недалеко отъ него стоялъ плохо одѣтый, забитый крестьянинъ; я заговорилъ съ

нимъ, онъ сталъ изливать свои горести. Мало по малу, въ разговоръ стали вмѣшиваться другіе. Видя, что довѣріе увеличивается, я сталъ спрашивать крестьянъ о многомъ. Дошла рѣчь до сельскихъ карауловъ, гдѣ стоятъ караулы? какъ они отбываютъ ихъ. Тутъ толпа оживилась; разомъ заговорило нѣсколько человѣкъ. Они жаловались на обременительность карауловъ, указывали, что на дняхъ надо начинать пахать; караулы отвлекутъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Я спросилъ: можно ли снять караулы? Толпа въ одинъ голосъ закричала: „Можно!“ Я сказалъ, что изъ такого крика нѣтъ никакого толка; пускай они выберутъ толковаго человѣка, тотъ скажетъ мнѣ все. Моментально мнѣ указали крестьянина лѣтъ сорока, на видъ очень умнаго; тотъ объяснилъ мнѣ, что паны и шляхта теперь присмирѣли, боятся; что отъ карауловъ теперь нѣтъ никакого толка; это было хорошо зимою, когда былъ глубокій снѣгъ, и надо было непременно ѣхать по дорогѣ. Какой же бунтовщикъ будетъ такъ глупъ, поѣдетъ на караулъ, если теперь всздѣ можно проѣхать стороною?—Я согласился съ этими доводами и сказалъ, что переговорю съ военнымъ начальникомъ; можетъ быть, удастся освободить ихъ отъ карауловъ. Я подтвердилъ имъ однако, чтобы они продолжали зорко смотрѣть за шляхтой, и чуть только замѣтятъ что-нибудь подозрительное, сообщали военному начальнику. Мы уже дружески распрощались, и я поѣхалъ въ другую волость.

Почти буквально то же самое повторилось во всѣхъ волостяхъ; но крестьяне уже привѣтливо встрѣчали меня; до нихъ дошелъ слухъ о моемъ образѣ дѣйствій, и онъ пришелся имъ по сердцу. Въ участкѣ моемъ было 7 волостей; онъ занималъ всю западную часть уѣзда, къ Слуцку. Онъ весь покрытъ былъ лѣсомъ, среди котораго мѣстами стояли деревни. Только около деревень были открытыя мѣста, занятыя пахотными полями и сѣнокосами крестьянъ. Надо было проѣхать по лѣсу верстъ 15 и даже 20, отъ деревни до деревни. Это было въ полномъ смыслѣ Полѣсье. Деревни большею частью были не велики, дворовъ на десять, двадцать; мѣстами, въ деревняхъ замѣтна была большая бѣдность. Меня, великоросса, особенно поражала нищенская бѣдность крестьянскихъ построекъ; избы были маленькія, всѣ курныя; хозяйственные постройки плохія; все крыто соломой. И это въ странѣ, сплошь заросшей вѣковымъ лѣсомъ, гдѣ лѣсъ былъ ни по чемъ, гнилъ на корнѣ! Ознакомившись ближе съ бытомъ этого края, я узналъ, что польскіе помѣщики сознательно не позволяли крестьянамъ строить хорошія избы; они старались всячески унижить, оскотинить православныхъ бѣлоруссовъ, называли ихъ на своемъ языкѣ быдло (скотина), и требовали, чтобы эти крестьяне устраивали по-скотски всю свою обстановку: избы

приказывали имъ строить не болѣе аршинъ шести, невысокія; окна въ нѣсколько вершковъ, не болѣе одной четверти аршина; двери низкія. Скота у крестьянъ было не много; скоть мелкій, худой; крестьяне обрабатывали землю волами; лошади были не у всѣхъ и почти не заслуживали названія лошадей; это были маленькіе, худые, безсильные, мохнатые звѣрки. Упряжь на лошадяхъ состояла вся изъ оголовка—хомута, очень упрощеннаго—самодѣльные клещи и войлочный потникъ; шлеи не было: гужи веревочные; дуга самодѣльная, низенькая, почти лежала на шеѣ у лошади. О сѣделкѣ, черезсѣдельникѣ и помину не было! На такихъ лошадяхъ, при такой сбруѣ, я дѣлалъ объѣздъ волостей, сидя въ телѣжонкѣ, тоже до крайности упрощенной: колеса не кованныя, кузовъ состоялъ изъ двухъ дрожинъ съ доскою, на которую положена вязанка сѣна для сидѣнія. Когда, на дальнемъ краю моего участка, я выбрался на шоссе и могъ потребовать себѣ пару лошадей и почтовую бричку на почтовой станціи, мнѣ показалось, что я ѣду въ роскошномъ экипажѣ, на дорогихъ лошадяхъ.

Воротившись въ Бобруйскъ, я рассказалъ военному начальнику просьбы крестьянъ: освободить ихъ отъ караула на дорожныхъ заставахъ. Онъ призналъ требованіе ихъ основательнымъ и сказалъ, что помощники его докладывали ему то же самое, и онъ ожидалъ только моего возвращенія, чтобы услышать мое мнѣніе объ этомъ. Онъ просилъ написать ему „бумажку“ о снятіи карауловъ и обѣщаль тотчасъ сдѣлать представленіе военному губернатору о снятіи карауловъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ форменное представленіе объ этомъ минскому губернатору Кожевникову и рассказалъ ему еще, въ частномъ письмѣ, свои впечатлѣнія перваго объѣзда волостей. Къ большому моему удовольствію и не малому удивленію, черезъ очень короткій промежутокъ времени ко мнѣ пріѣхалъ сіяющій полковникъ Полѣновъ и показалъ полученное имъ разрѣшеніе снять сельскіе караулы въ III участкѣ Бобруйскаго уѣзда, то есть въ моемъ участкѣ. Я спросилъ Полѣнова: отчего это распоряженіе не распространено на два другіе участка Бобруйскаго уѣзда? Оказалось, что мои сослуживцы, мировые посредники тѣхъ участковъ, признали это несвоевременнымъ и опаснымъ.

Послали пріятное извѣщеніе это по волостямъ, и я самъ поѣхалъ опять навѣстить и подробно обревизовать дѣлопроизводство волостей, разобрать накопившіяся жалобы. Крестьяне встрѣчали уже меня совсѣмъ иначе. Когда я выходилъ къ волостному сходу, они, не ожидая моего привѣтствія, сами здоровались со мною и говорили: „благодаримъ, что пожалѣли насъ!“ Въ этотъ объѣздъ твердо установились между крестьянами и мною открытыя, дружескія от-

ношенія. Я проѣздилъ цѣлую недѣлю и то воротился въ Бобруйскъ потому, что получилъ извѣщеніе, что въ Бобруйскъ пріѣзжаетъ помощникъ генераль-губернатора Крыжановскій, и что мировые посредники должны представить ему подробный отчетъ о состояніи своихъ участковъ.

Генераль Крыжановскій былъ помощникомъ Михаила Николаевича Муравьева, по должности генераль-губернатора Сѣверо-Западнаго края; по своему прошлому, онъ былъ артиллеристъ, много лѣтъ состоялъ директоромъ Михайловскаго артиллерійскаго училища и Михайловской артиллерійской академіи. Онъ считался ученымъ артиллеристомъ, очень талантливымъ человекомъ; но многіе оспаривали эту громкую репутацію и утверждали, что это шарлатанъ, карьеристъ. Я слышалъ много хорошаго о Крыжановскомъ отъ профессора Михайловской артиллерійской академіи Александра Адамовича Фишера, моего товарища дѣтства и пріятеля. Я встрѣчалъ Крыжановскаго въ знакомыхъ домахъ, говорилъ съ нимъ, но у него въ домѣ никогда не былъ. Определеннаго понятія о немъ я себѣ не составилъ и склоненъ былъ судить о немъ по отзывамъ А. А. Фишера.

Мои сослуживцы, мировые посредники Бобруйскаго уѣзда, Воронцовъ и Васьковъ пріѣхали въ Бобруйскъ, для представленія Крыжановскому. Я воспользовался этимъ, чтобы познакомиться съ ними, и сдѣлалъ имъ визитъ. Они приняли меня очень оффиціально и холодно. Я не обратилъ на это вниманія и отвѣчалъ на ихъ безпричинную и непонятную мнѣ холодность вѣжливо и предупредительно. Воронцовъ и Васьковъ владѣли своими имѣніями по наслѣдству; обширныя имѣнія эти были пожалованы предкамъ ихъ Императрицею Екатериною II, по присоединеніи этого края къ Россіи. Она раздала тогда много конфискованныхъ имѣній русскимъ людямъ, съ условіемъ, что они будутъ въ нихъ жить и хозяйствовать. Воронцовъ, человекъ лѣтъ сорока, отставной военный инженеръ, считался очень умнымъ, дѣловымъ человекомъ. Васьковъ, дряхлый старикъ, служившій когда-то въ Костромской губерніи, былъ очень добрый человекъ, но не дѣятельный, мало развитой.

На общемъ утреннемъ представленіи, Крыжановскій просилъ насъ, мировыхъ посредниковъ, прибыть къ нему вечеромъ, въ 8 часовъ. Мы явились. Онъ принималъ насъ cadaго отдѣльно, въ кабинетѣ. Онъ привѣтствовалъ меня воспоминаніемъ о нашихъ встрѣчахъ въ Петербургѣ; затѣмъ сказалъ мнѣ, что М. Н. Муравьевъ поручилъ ему вникнуть въ мою дѣятельность здѣсь. Онъ спрашивалъ меня: какъ сложились мои отношенія къ окружающимъ, къ крестьянамъ, помѣщикамъ? что я вообще дѣлалъ все это время, и

какъ я себя чувствую тутъ? Я подробно и откровенно рассказалъ ему все, ни на что не жаловался и выразилъ убѣжденіе, что могу быть полезенъ здѣсь. Онъ очень одобрилъ мое ходатайство о снятіи сельскихъ карауловъ, мои продолжительные объѣзды волостей; совѣтовалъ мнѣ не довѣрять полякамъ, называя ихъ неисправимыми мечтателями, сумасбродами; спросилъ: участвовалъ ли я въ дѣйствіяхъ Бобруйской повѣрочной комиссіи? Я сказалъ, что повѣрочная комиссія работаетъ въ восточной части уѣзда, гдѣ не мой участокъ, а ко мнѣ не пріѣзжала. Онъ улыбнулся и проговорилъ: „И не пріѣдетъ!“ Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Тогда онъ медленно, съ разстановкой сказалъ, какъ бы нехотя: „Ей тамъ удобнѣе дѣйствовать!“ Разговоръ продолжался съ полчаса. На прощанье онъ сказалъ: „Мнѣ очень пріятно будетъ донести генераль-губернатору, что вы пришли здѣсь ко двору, дѣйствуете смѣло, умно“.

Бобруйское крѣпостное начальство рассказывало мнѣ, что Крыжановскій большую часть времени пребыванія своего въ Бобруйскѣ посвятилъ осмотру крѣпости, ея укрѣпленій, фортовъ; осматривалъ артиллерійскіе склады, артиллерию, планы вооруженія крѣпости въ случаѣ войны, и призналъ крѣпость не удовлетворяющею современнымъ требованіямъ военнаго искусства, артиллерию ея устарѣлою: при осадѣ крѣпости непріятель подвезетъ осадную артиллерию болѣе крупную и черезъ нѣсколько дней заставитъ замолчать слабую бобруйскую артиллерию; кирпичные форты крѣпости не могутъ устоять противъ современныхъ крупныхъ орудій. Гг. крѣпостные инженеры и артиллеристы были очень смущены.

Объѣхавъ свои волости, разъяснивъ себѣ состояніе моего участка, я рѣшился посидѣть нѣсколько дома въ Бобруйскѣ; заняться канцеляріей, перепиской, составленіемъ отчетовъ о моихъ ревизіяхъ. Въ это время я познакомился съ нѣкоторыми жителями Бобруйска. Мои пріятель, акцизники въ Минскѣ, указали мнѣ на начальника Бобруйскаго акцизнаго округа барона Николая Васильевича Штейнгеля, какъ на пріятнаго для меня знакомаго. Баронъ Штейнгель, офицеръ гвардейской пѣшей артиллеріи, пріѣхалъ въ Бобруйскъ не задолго до меня; онъ только что оставилъ гвардію и женился на образованной, очень пріятной особѣ. Какъ гвардейскіе артиллеристы, мы тотчасъ сошлись; у насъ нашлось много общаго. Наше знакомство скоро перешло въ дружбу и продолжалось очень много лѣтъ.

Я познакомился также съ комендантомъ крѣпости генераломъ Карломъ Васильевичемъ Пистолькорсомъ. Тутъ у меня тоже завязалось очень пріятное, скажу даже драгоцѣнное для меня знаком-

ство. Генераль Пистолькорсть былъ артиллеристъ, даже конно-артиллеристъ. Передъ прїѣздомъ въ Бобруйскъ, онъ былъ вторымъ комендантомъ въ Москвѣ. По требованіямъ военнаго времени, во время повстанія, понадобилось замѣнить устарѣлаго бобруйскаго коменданта болѣе энергичнымъ, дѣятельнымъ и стойкимъ человѣкомъ. Пистолькорса командировали туда. Онъ, не болѣе полугода назадъ, прїѣхалъ въ Бобруйскъ. Это былъ очень умный, добрый, серьезный человѣкъ, педантически аккуратный, добросовѣстный по службѣ. Онъ былъ вдовъ; съ нимъ прїѣхали двѣ дочери его, дѣвицы, очень красивыя, образованныя; одной было 18 лѣтъ, другой 16 лѣтъ. Генераль Пистолькорсъ принялъ меня прїѣтливо, просилъ навѣщать его. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явился его камердинеръ и просилъ, отъ имени генерала, откушать въ слѣдующее воскресенье, въ 3 часа. Я конечно съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Къ обѣду, кромѣ меня, были приглашены добрякъ полковникъ Полѣновъ и такой же добрякъ полковникъ Андреевъ, командиръ крѣпостнаго полка. Въ гостиной приняли насъ дочери. Семейство Пистолькорса было очень образованное. При первыхъ же разговорахъ моихъ съ дѣвицами, у насъ оказалось очень много общихъ знакомыхъ; въ числѣ ихъ нѣсколько моихъ товарищей, офицеровъ конной гвардейской артиллеріи. Когда онѣ упомянули о полковникѣ П.....ѣ, я невольно сказалъ себѣ: не одна ли изъ васъ та очаровательная особа, въ которую П. былъ такъ безнадежно влюбленъ, и которая не согласилась выйти за него замужъ? Впослѣдствіи я узналъ, что старшая дѣвица была именно та особа, о которой я слышалъ столько восторженныхъ похвалъ отъ П., отъ Л. и другихъ поклонниковъ ея. Надо сказать, что всѣ эти молодые люди были самыми блестящими офицерами нашего гвардейскаго кружка, по уму, образованію и по положенію своему въ свѣтѣ. Они всегда восхищались, наравнѣ съ красотою, ея мягкимъ нравомъ, образованностью, серьезностью. Оказалось, что съ одною изъ моихъ искреннихъ знакомыхъ Елисавета Карловна Пистолькорсъ очень дружна и ведетъ дѣятельную переписку. Въ годы, проведенныя семействомъ Пистолькорсовъ въ Москвѣ, они сблизились съ славянофильскимъ кружкомъ, Аксаковыми, Самариными. Дѣвицы, даже генераль, прониклись убѣжденіями этихъ людей. Можно себѣ представить, съ какимъ наслажденіемъ я узнавалъ все это, какъ радостно было для меня сознаніе, что въ глуши этой я встрѣтилъ людей одного общества, однихъ чувствъ и мыслей со мною. Пистолькорсы получали нѣсколько журналовъ; между прочимъ „Русь“ Аксакова, которую я давно не читалъ. Меня снабдили десяткомъ послѣднихъ нумеровъ, съ предложеніемъ пользоваться ею впредь.

Въ продолженіе всего пребыванія моего въ Бобруйскѣ я пользовался гостепріимствомъ этого образованнаго, радушнаго семейства. Мы выѣхали изъ Бобруйска почти одновременно, и я навсегда сохранилъ о нихъ благодарное воспоминаніе. Два семейства эти—Штейнгель и Пистолькорсъ вполнѣ удовлетворяли потребность моего духа общности.

Свободнаго времени у меня было не много. Чѣмъ ближе я знакомился со своимъ участкомъ, тѣмъ больше времени приходилось мнѣ посвящать ему. Понявъ мою готовность помогать имъ, крестьяне осаждали меня просьбами, жалобами, и я по недѣлямъ бывалъ въ разъѣздахъ по волостямъ. Въ это лѣто у меня были неожиданно два очень милыхъ и дорогихъ гостя. Въ началѣ іюня, въ крыльцу моему подъѣхала почтовая бричка, и изъ нея вышелъ запыленный, добрѣйшій, милый генераль Ратчъ. Я пораженъ былъ: какъ это генераль-лейтенантъ, начальникъ артиллерійскаго округа, путешествуетъ такъ просто, безъ удобствъ? Выйдя запыленнымъ изъ брички, генераль привѣтствовалъ меня словами: „Очень радъ, что засталъ васъ дома! Окажите мнѣ гостепріимство! Мнѣ по уставу готово помѣщеніе въ дворцовомъ флигелѣ; но вы знаете, какъ я не люблю официальные приемы. Я усталъ, хочу отдохнуть на свободѣ. Всѣ приемы я буду отбывать тамъ, на этой официальной квартирѣ, васъ не будутъ беспокоить. Позвольте только начальнику крѣпостной артиллеріи полковнику Ѳомину явиться мнѣ здѣсь, у васъ; я передамъ ему распоряженіе о завтрашнемъ днѣ!“

Генераль Ратчъ пріѣхалъ сдѣлать смотръ крѣпостной артиллеріи и батареямъ полевой артиллеріи, расположеннымъ въ Бобруйскѣ, и долженъ былъ обсудить подробно разные вопросы, возбужденные Крыжановскимъ. Въ теченіе трехъ дней, проведенныхъ имъ у меня, мы много бесѣдовали; конечно, болѣе всего о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, о Муравьевѣ, о повстаніи. Интереснѣе и полезнѣе всего для меня были рассказы Ратча о дѣятельности Муравьева. Онъ близко зналъ ее, такъ какъ въ то время собиралъ уже матеріалы для книги о Муравьевѣ, изданной впоследствии. Признавая дѣятельность Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ патріотической, онъ видѣлъ въ немъ человѣка, который спасъ, сохранилъ Россіи этотъ край и даже Царство Польское. Ратчъ оправдывалъ крутыя, суровыя мѣры, которыми Муравьевъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ убѣжденъ, что опасность совершеннаго отпаденія отъ Россіи этого края была громадна, и только энергія, желѣзная воля, мудрость, могли устранить эту опасность. Онъ утверждалъ, что, промѣшкой скольконибудь Муравьевъ, не порази онъ такъ быстро мятежниковъ и всѣ російскія власти своими вѣрными,

мѣткими ударами, мятежь принялъ бы очень обширные размѣры; европейскія державы воспользовались бы этимъ замѣшательствомъ Россіи, чтобы ослабить ее. Онъ разсказалъ мнѣ: какъ тяжело дался Муравьеву этотъ блестящій успѣхъ, какую борьбу пришлось ему вести съ Петербургомъ; какъ трудно было ему подобрать себѣ помощниковъ. Онъ признавалъ, что Муравьевъ до сихъ поръ одинокъ, все долженъ самъ обдумать, что эти усиленные труды разстроили его здоровье, сдѣлали суровымъ, мрачнымъ расположеніе духа его; но умъ его свѣтелъ, ясенъ, воля не поколебима. Онъ разсказалъ, что, окончивъ усмиреніе края, Муравьевъ занялся теперь устройствомъ его; строить православныя церкви, русскія школы, старается поднять духъ и образованіе православнаго населенія края; что работу его слабо поддерживаетъ правительство высшее, и едва-ли Муравьевъ долго останется въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Я слушалъ все это со вниманіемъ и съ своей стороны разсказалъ Ратчу тяжелое впечатлѣніе, произведенное на меня пребываніемъ моимъ въ Вильнѣ; какъ меня поразили лицемеріе, всеобщая ложь, легкомысліе. Онъ призналъ существованіе этого зла и сказалъ, что Муравьевъ дѣйствительно плохо окруженъ, и это можетъ погубить его. Слишкомъ мало около него честныхъ, трудолюбивыхъ людей, и слишкомъ много карьеристовъ, льстецовъ.

Разсказалъ онъ мнѣ и почему путешествуетъ въ почтовой бричкѣ. Онъ выѣхалъ изъ Вильны въ удобной, легкой коляскѣ, которую нарочно купилъ для предстоящихъ разъѣздовъ. Между Вильною и Минскомъ коляска нѣсколько разъ ломалась и оказалась такою непрочною, что онъ вынужденъ былъ бросить ее въ Минскѣ, и поручилъ еврею, хозяину гостиницы, въ которой остановился, заарендовать или купить какой-нибудь экипажъ для дальнѣйшаго путешествія. Тотъ представилъ ему прекрасную коляску, и на вопросъ о цѣнѣ отвѣтилъ, что владѣлецъ коляски, панъ ***, проситъ принять этотъ знакъ уваженія; но генералъ можетъ сдѣлать пану *** большое одолженіе, если скажетъ Муравьеву, что братъ пана несправедливо арестованъ и проч. Ратчъ, въ отвѣтъ на это, велѣлъ подать себѣ почтовую бричку и такъ пріѣхалъ сюда. Въ Бобруйскѣ артиллеристы разыскали ему какой-то экипажъ. Уѣзжая, онъ обнялъ меня, отечески благословилъ, и я навсегда сохранилъ дорогое воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ, проведенныхъ въ его обществѣ. Другой дорогой гость, навѣстившій меня, былъ Синявскій, смоленскій помѣщикъ, членъ смоленскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Синявскій былъ человекъ не богатый, но очень умный, образованный, развитой. Его очень уважали въ Смоленскѣ, какъ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ;

но были люди, которые очень не любили его, осуждали его дѣятельность, называли его революціонеромъ за то, что онъ стойко (скажу: даже слишкомъ стойко!) отстаивалъ интересы крестьянъ, не щадилъ ни имущественныхъ интересовъ, ни самолюбія лицъ, называвшихся тогда крѣпостниками. Это была свѣтлая голова, честная душа. Въ Смоленскѣ я не былъ съ нимъ близко; но много разъ проводилъ съ нимъ вечера у знакомыхъ, спорилъ съ нимъ и любилъ его общество.

Въ Бобруйскѣ онъ тоже заѣхалъ прямо ко мнѣ. На разспросы мои: какъ, почему, онъ попалъ въ эту глушь? Снявскій разсказалъ мнѣ, что частыя принципиальныя столкновения его съ многими лицами въ Смоленскѣ надоѣли ему; онъ предложилъ свои услуги М. Н. Муравьеву и теперь состоитъ членомъ совѣщательной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ въ Вильнѣ. Происхожденіе этой новоявленной комиссіи Снявскій объяснилъ мнѣ такъ. До сихъ поръ полнымъ распорядителемъ и руководителемъ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ былъ Левшинъ. Руководительство его оказалось миеомъ; онъ крестьянскаго дѣла не знаетъ, вести его не можетъ; это слишкомъ серьезная задача для него. Муравьевъ понялъ это; предоставилъ Левшину административную часть, то есть назначеніе личнаго состава повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ; а для разсмотрѣнія и разрѣшенія принципиальныхъ вопросовъ крестьянскаго дѣла образовалъ совѣщательную комиссію, которая состоитъ изъ Зубкова, Снявскаго и еще нѣсколькихъ специалистовъ крестьянскаго дѣла. Совѣщательная комиссія обратила вниманіе на неуспѣшный ходъ дѣла въ Минской губерніи, на серьезные споры и недоразумѣнія общаго сѣзда повѣрочныхъ комиссій и командировала Снявскаго изучить на мѣстѣ причины неуспѣшности. Ознакомившись въ Минскѣ съ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, Снявскій убѣдился въ полной неспособности членовъ этого присутствія. Теперь онъ знакомится съ дѣятельностью повѣрочныхъ комиссій и мировыхъ посредниковъ. Онъ прожилъ у меня два дня, все время изучалъ работы Бобруйской повѣрочной комиссіи, затѣмъ, ѣдучи въ Слуцкъ, обревизовалъ три волости моего участка, расположенныя на шоссе.

Въ свободные часы, въ Бобруйскѣ и въ пути, много говорили. Онъ разсказалъ мнѣ, что военное положеніе въ Минской губерніи снято, военный губернаторъ сокращенъ; минскій губернаторъ Кожевниковъ уволенъ; на мѣсто его назначенъ полковникъ Шелгуновъ. Я отъ души пожалѣлъ Кожевникова, разсказалъ Снявскому хорошія стороны дѣятельности Кожевникова. Онъ не соглашался со мною, утверждалъ, что край все еще не усмиренъ, мятежный духъ еще

силенъ въ немъ, и при такихъ условіяхъ нельзя довѣрять губернію такому слабодушному человѣку, какъ Кожевниковъ.

Мы заговорили о Муравьевѣ. Я выразилъ удивленіе: какъ онъ, прославленный смоленскій либераль, революціонеръ, предложилъ свои услуги Муравьеву? Онъ отвѣчалъ: Смоляне такъ же ложно поняли меня, какъ московскіе бары поняли Чацкого. Чацкій осуждалъ предразсудки баръ, необразованность, лицемеріе, ихъ лично; а они провозгласили его революціонеромъ, сумашедшимъ. Я препятствовалъ смоленскимъ помѣщикамъ злоупотреблять крѣпостнымъ правомъ, раскрывалъ ихъ злоупотребленія, дѣлалъ это по долгу службы; они придали этому политическую окраску, объявили меня революціонеромъ! Въ Муравьевѣ я вижу крупную, историческую личность; только крутыми мѣрами можно было остановить повстаніе; Муравьевъ имѣлъ мужество сдѣлать это. Полный успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ показалъ рѣдкую силу воли, проникательный умъ Муравьева и пренебреженіе его къ ложнымъ мнѣніямъ общества, которое теперь преклоняется передъ нимъ. Я пріѣхалъ сюда помогать этому историческому человѣку не въ усмирениі повстанія; дѣятельность Муравьева по крестьянскому дѣлу мнѣ вполне симпатична. Муравьевъ первый обратилъ вниманіе на загнанность несчастныхъ бѣлоруссовъ поляками-помѣщиками, на угнетенное имущественное ихъ положеніе и принялъ съ обычной своей энергіей, рѣшительныя мѣры къ освобожденію бѣлоруссовъ изъ этого рабства.

Я пріѣхалъ сюда, говорилъ Синявскій, продолжать то, что я дѣлалъ въ Смоленской губерніи: обличать жестокосердныхъ помѣщиковъ, раскрывать козни, которыми они опутали крестьянъ; но поле дѣятельности для меня здѣсь шире, потому, что злоупотребленія были здѣсь серьезнѣе и болѣе общи.

Окончивъ осмотръ моихъ волостей, онъ сказалъ мнѣ, что нашелъ все въ полномъ порядкѣ, что довѣріе ко мнѣ крестьянъ и авторитетъ мой надъ ними очевидны. Онъ рассказалъ мнѣ также, что Крыжановскій въ отчетѣ своемъ очень одобрилъ мою дѣятельность! Работы Бобруйской повѣрочной комиссіи Синявскій призналъ медленными и очень поверхностными.

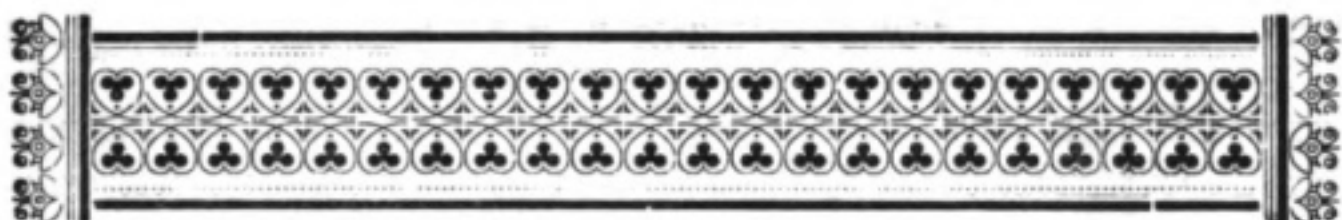
Недѣли черезъ три по отъѣздѣ Синявскаго, я получилъ форменное извѣщеніе, что въ Бобрускомъ уѣздѣ образуется вторая повѣрочная комиссія, и что я назначенъ предсѣдателемъ ея, помощникомъ ко мнѣ былъ назначенъ Ѳедоръ Васильевичъ Вахрамѣевъ, человѣкъ совершенно мнѣ незнакомый; мировымъ посредникомъ, на мое мѣсто, назначенъ князь Дивѣевъ. Мнѣ предписывалось, по сдачѣ участка князю Дивѣеву и по пріѣздѣ Вахрамѣева, безъ промедленія

начать дѣйствія повѣрочной комиссіи, и именно въ западной части Бобруйскаго уѣзда, въ предѣлахъ бывшаго моего участка.

Назначеніе это было для меня совершенно неожиданно; можно себѣ представить съ какимъ удовольствіемъ я принялъ его. Прежде всего я видѣлъ въ этомъ явное одобреніе моей дѣятельности и въ Бобруйскомъ уѣздѣ; затѣмъ предстоявшая мнѣ работа была гораздо интереснѣе, шире; наконецъ—денежное содержаніе мое значительно увеличивалось, такъ какъ предсѣдатель комиссіи получалъ 2.500 р., то есть на 1.000 р. болѣе, чѣмъ мировой посредникъ. Я невольно вспомнилъ слова, сказанныя мнѣ Муравьевымъ при прощаніи со мною, „что разумную дѣятельность мою онъ вознаградитъ щедро“. Конечно много помогъ мнѣ вѣроятно Снявскій, который, однако, ни словомъ не обмолвился мнѣ объ этомъ и даже не высказалъ предположенія объ открытіи второй Бобруйской повѣрочной комиссіи.

Николай Полевой.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ.

(1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А III.

Мое свадебное путешествіе.—Гейдельбергъ.—Цюрихъ.—Поездка въ Англию.—Горестныя приключенія.—Лондонъ.—Меблированныя комнаты г-жи Сиггерсъ.—Первыя впечатлѣнія.—Несчастье съ моимъ содержаніемъ.—Русское посольство—не для русскихъ.—Исправность русскихъ друзей и редакцій.—Британскій музей.—Работа надъ диссертацией.—Неудачная поездка въ Мюнхенъ.—Н. И. Стороженко.—Возвращеніе въ Россію.—Защита магистерской диссертациі и выборы въ доценты.—Начало профессуры.—Горе слѣдуетъ за радостью.—Сильная болѣзнь жены и необходимость лѣченія за границей.

Нослѣ свадьбы мы немедленно уѣхали окружнымъ, длиннымъ путемъ въ Швейцарію, въ Цюрихъ, гдѣ я предполагалъ послушать профессора Бемерта, представителя тогда довольно популярной школы свободной торговли, и сверхъ того, конечно, имѣть возможность проводить медовый мѣсяцъ среди красотъ швейцарской природы. Дорогой мы остановились прежде всего на два дня въ Лейпцигѣ. Я познакомилъ свою молоденькую супругу съ этимъ городомъ, дорогимъ мнѣ по воспоминаніямъ, какъ начало моего знакомства съ Германіей и ея наукой. Другая остановка была въ Тюрингервальдѣ, въ знаменитомъ Вартбургѣ, гдѣ мы исходили не мало горъ и спускающихся долинъ. Погода все время благопріятствовала. Мы наслаждались живописными видами, какъ только можетъ наслаждаться счастливый смертный. Посѣтивши Кельнъ и Боннъ, на скоромъ пароходѣ поднялись по Рейну до Майнца, осмотрѣли историческую рѣку Германіи съ ея замками, преданіями и легендами и вновь остановились на болѣе продолжительное время въ Гейдельбергѣ, университетъ котораго я предполагалъ посѣтить и прежде. Въ это время въ Гейдельбергѣ сосредоточилось много русскихъ, которымъ предстояло сдѣлаться моими друзьями или знакомыми. Такъ, мы нашли въ Гейдельбергѣ Чупрова съ женой, магистранта Макарова, весьма

интересныхъ дѣвицъ Шумовыхъ, допущенныхъ, какъ исключеніе тогда, въ университетъ, одна изъ которыхъ впоследствии вышла замужъ за моего пріятеля Зибера, сдѣлавшись сама докторомъ (нынѣ въ Институтѣ Елены Павловны), другая была замужемъ также за однимъ извѣстнымъ врачомъ. Также мы составили интересное знакомство, продолжавшееся еще много лѣтъ съ Мороховцемъ, впоследствии профессоромъ Московскаго университета, нашимъ большимъ другомъ, съ математикомъ В. В. Преображенскимъ и двумя братьями профессорами Умовыми, одинъ юристъ, мой товарищъ, другой математикъ, оба женатыхъ. Мы провели на этотъ разъ въ Гейдельбергѣ съ недѣлю времени. Моя жена быстро вошла и очень понравилась въ профессорскихъ кругахъ, какъ и самъ Гейдельбергъ понравился намъ, и дали слово его непременно посѣтить еще разъ, а пока отправились дальше въ Швейцарію, въ Цюрихъ.

Я не буду описывать этого красиваго города и университета, который мнѣ пришлось посѣщать. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я уже значительно опоздалъ къ началу семестра, который въ Цюрихѣ почему-то начался гораздо раньше обычнаго. Курсъ Бёмерта еще меньше чѣмъ въ Лейпцигѣ соответствовалъ моимъ вкусамъ, тѣмъ болѣе, что мнѣнія почтеннаго профессора о безусловной пользѣ свободной торговли я далеко не раздѣлялъ и имѣлъ скорѣй влеченіе, навѣянное, можетъ быть, отчасти Рошеромъ и Кнапомъ, къ исторической методѣ политической экономіи и социальному характеру ея построений. Мы пробыли съ женой, посѣщая изрѣдка университетъ, въ Цюрихѣ около двухъ мѣсяцевъ, затѣмъ объѣздили немножко главнѣйшіе пункты Швейцаріи и вернулись въ концѣ августа въ Гейдельбергъ. Тамъ мы нашли изъ прежнихъ поименованныхъ нами лицъ, какъ напримѣръ, Ковалева и Зибера, но Чупровы при насъ уѣхали въ Швейцарію, а позднѣе въ Вѣну, затѣмъ Мороховцы, мужъ съ женой, съ которыми мы весьма сблизились, мужъ усерднѣйшимъ образомъ работалъ на медицинскомъ факультетѣ, занимаясь преимущественно въ лабораторіяхъ, и много новыхъ пріѣзжихъ лицъ, изъ которыхъ упомяну о молодыхъ супругахъ Черемшанскихъ, впоследствии извѣстный психіаторъ и врачъ въ Петербургѣ въ психіатрической больницѣ на 11-ой верстѣ. Подобно мнѣ они недавно поженились и ѣхали на короткое время за границу по командировкѣ, должно быть Военно-Медицинской академіею, при чемъ въ дѣйствительности провели времени за границею гораздо болѣе, чѣмъ предполагали. Мы очень съ ними сошлись, какъ съ людьми совершенно подходящими по вкусамъ и образованію. Онъ оказался, какъ и я, большой поклонникъ англійской науки, хотя, конечно, разныхъ

со мной отраслей и подобно же мнѣ изучившій рано англійскій языкъ, любилъ читать книги на этомъ языкѣ, начиная съ общелюбимаго нами Диккенса. Онъ не говорилъ однако ни слова по-англійски, и это останавливало, въ виду неблагопріятныхъ слуховъ, которые въ тѣ времена были распускаемы объ Англіи, отъ всякой попытки туда ѣхать. Встрѣча и знакомство съ нами подбавили къ старому желанію, такъ сказать, жару. Какъ нарочно, мы помѣстились съ Черемшанскими въ одномъ и томъ же домѣ у нѣкогого весьма почтеннаго еврея, ювелира Розенберга, у котораго послѣдовательно проживали въ Гейдельбергѣ нѣсколько литературно-извѣстныхъ русскихъ людей изъ учащихся, напримѣръ В. А. Гольцевъ, Н. П. Боголѣповъ и я съ Черемшанскимъ.

Мы жили съ Черемшанскимъ вмѣстѣ, жены наши также очень подружились; такъ какъ это былъ осенній вѣкатъ 1873 года и времени свободнаго было много, то мы его и наполняли тѣмъ, что взаимно другъ друга взвѣчивали и подкрѣпляли мысль о желательности совмѣстнаго путешествія въ страшный Лондонъ, о которомъ много слышали дурнаго вмѣстѣ съ хорошимъ. Кончилось это, разумѣется, тѣмъ, что и слѣдовало ожидать, что мечты постепенно начали переходить въ дѣйствительность. Мы во всемъ полагались на англійскій языкъ Екатерины Николаевны; для большей увѣренности, впрочемъ, прежде, чѣмъ ѣхать, рѣшили нѣсколько удостовѣриться и подкрѣпить ея знанія и умѣніе обращаться съ этимъ невозможнымъ птичьимъ языкомъ въ разговорѣ и пригласили англичанку. Оказалось, съ нею бойко объясняется наша переводчица, и въ свою очередь понимаетъ ее; послѣ чего, подбодрившись, мы уже болѣе рѣшительно начали думать о нашемъ путешествіи. Причиной поѣздки въ Лондонъ являлось, впрочемъ, не одно любопытство, но совѣтъ многихъ лицъ, какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Двое нашихъ москвичей (Поониковъ и Соболевскій) уже успѣли раньше побывать въ Лондонѣ и очень хвалили его. Знаменитый Рошеръ неоднократно изъявлялъ Чупрову свой рѣшительный совѣтъ ѣхать русскимъ въ Англію, чтобы изучать политическую экономію тамъ съ большей пользой, чѣмъ въ Германіи!..

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній этотъ вопросъ былъ рѣшенъ окончательно. Совмѣстно, на нѣсколько недѣль мы рѣшили предпринять эту поѣздку, съ самыми малыми, при томъ, денежными средствами, которыя у насъ тогда были на рукахъ. Помню, я даже занялъ для этой цѣли у добраго Лешера что-то около ста талеровъ. 9-го ноября 1873 года я писалъ любимой мною матери моей жены слѣдующее, сохранившееся у меня письмо: „Жребій брошенъ, завтра или уже не далѣе, какъ въ воскресенье, мы отправляемся въ страш-

ный Лондонъ съ господами Черемшанскими, о которыхъ вамъ Катя пишетъ. Вы ошибаетесь, думая, что насъ страшитъ этотъ городъ малымъ знаніемъ языка; это собственно не велика бѣда, съ голода не помремъ, да жена моя не такъ плохо его знаетъ, чтобы не объясниться для удовлетворенія первыхъ потребностей. Здѣсь къ намъ ходила нѣсколько дней англичанка, съ которой она такъ и рѣзала на этомъ птичьемъ языкѣ. Жаль, конечно, что я не предвидѣлъ, сначала, необходимости побывать въ Лондонѣ и раньше самъ не занялся разговорнымъ языкомъ. Насъ страшитъ совсѣмъ другое, дороговизна лондонской жизни и мошенничество, доведенное тамъ до артистичности, говорятъ, какъ нигдѣ“!

Такимъ образомъ, наконецъ, состоялась эта желанная поѣздка въ Англию. Мы вечеромъ, въ третьемъ классѣ со скорымъ поѣздомъ, по Прирейнской дорогѣ направились на Антверпенъ въ Бельгію, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и прямо ѣхать до мѣста назначенія, т. е. до Лондона. Самые цѣнные пункты и остановки до тонкости изучены и выбраны по гидамъ. И такъ, съ Богомъ, въ путь! Такъ рѣшился одинъ изъ очень важныхъ въ моей жизни шаговъ къ дальнѣйшему моему усовершенствованію и занятію науками и должному ходу всей моей практической жизни.

Увы, первый блинъ, по русской поговоркѣ, вышелъ комомъ! Наше путешествіе началось благополучно. Курьерскій поѣздъ мчался безъ удержку и почти безъ остановокъ. Мы размѣстились, какъ могли въ третьемъ классѣ, попавши въ отдѣльное купэ, довольно удобное и скоро заснули молодымъ здоровымъ сномъ. Глубокой ночью почувствовали, что поѣздъ остановился и стоять что-то неестественно долго; начали просыпаться, выглянули въ окна. Оказалось, упорно стоимъ гдѣ-то между университетскимъ городкомъ Бонномъ и Кельномъ. Изъ разспросовъ желѣзнодорожной прислуги, бѣгавшей на маленькомъ бангофѣ и отвѣчавшей неохотно, мы узнали только, что случилось около самой станціи какое-то несчастье; столкнулись два поѣзда, вслѣдствіе этого путь загороженъ, и намъ вѣроятно придется пересаживаться, чтобы ѣхать дальше. Наконецъ раздался звонокъ, и кондуктора пригласили всю ѣхавшую публику выйти изъ вагоновъ и пройти пѣшкомъ вдоль рельсовъ довольно длинное разстояніе, чтобы сѣсть въ новые вагоны и поѣздъ насъ ожидавшій дальше. Еще была глубокая ночь. Намъ пришлось перелѣзть черезъ дорогу и рѣшетку вдоль насыпи и идти по очень дурной дорогѣ, по какому-то огороду, безпрестанно спотыкаясь. Ручной багажъ оттягивалъ руки и очень затруднялъ. Я какъ-то случайно повредилъ себѣ палецъ и съ трудомъ тащилъ тяжести. Смоляные факелы освѣщали нашъ путь довольно мрачно, какъ на

похоронахъ. По сторонамъ лежали разбитые вагоны въ довольно значительномъ количествѣ. На разспросы наши, были ли погибшіе люди, отвѣчали, однако, что пострадавшихъ будто бы не было, кромѣ одного раненаго кондуктора, хотя курьерскій поѣздъ столкнулся съ пассажирскимъ. Наконецъ дошли до цѣли, вскарабкались вновь въ вагоны и быстро доѣхали до огромнаго вокзала въ Кельнѣ, но лишь въ 9 часовъ утра, вмѣсто семи, какъ слѣдовало по расписанію. Поэтому поѣздъ, съ которымъ мы должны были ѣхать дальше къ границамъ Бельгіи и къ Антверпену, уже давно ушелъ, и намъ пришлось ждать слѣдующаго, вмѣсто скорого, простого пассажирскаго.

Послѣ утомительнаго и скучнаго ожиданія въ Кельнѣ, мы отправились дальше и благополучно ѣхали нѣ сколько часовъ до самой границы Бельгіи, которая отъ этой маленькой послѣдней станціи отдѣляется отъ Германіи горой, съ довольно длиннымъ туннелемъ. Опять продолжительная остановка и послѣ нѣкотораго надоѣданія прислугѣ, слышали тоже роковое объясненіе: въ туннель имѣло мѣсто столкновеніе двухъ поѣздовъ: скорого изъ Кельна, съ которымъ мы должны были ѣхать, если бы не опоздали ночью, съ бельгійскимъ товарнымъ. Пока не очистятъ туннель, да не разберутъ крушенія, отвѣчали, намъ нельзя-де двигаться дальше. Прошло еще часа два утомительнаго ожиданія, пока намъ scomандовали садиться въ наши старые вагоны. Мы благословили небо и думали, что все приключеніе окончено и дальше поѣдемъ безъ остановокъ. Какъ бы не такъ! Проѣхавши съ версту съ чѣмъ-то до начала туннеля поѣздъ остановился. Намъ приказали выходить и пѣшкомъ пройти туннель до другого конца. Раздавались на всѣхъ языкахъ оханья и проклятія, потому что туннель, видимо, былъ длинный, его конца не видно, а отъ станціи отѣхали уже порядочно; дѣлать было нечего. Мрачный туннель опять былъ освѣщенъ смоляными факелами и фонарями. Картина крушенія была гораздо ужаснѣе, чѣмъ предшествующую ночь. Вдоль всего туннеля лежали разбитые вагоны. Первые, только сошедшіе съ рельсовъ и отчасти поврежденные, но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Большое число вагоновъ разбито на части. Половина вагона въ одной сторонѣ, другая въ другой и намъ приходилось лавировать, чтобы пройти между остатками. Особенно страшную картину представляло крушеніе при выходѣ изъ туннеля на бельгійской сторонѣ. Нѣсколько вагоновъ смѣстились силою столкновенія другъ на друга, доставали передними колесами края выемки и висѣли какъ бы на воздухѣ. Днища были разбросаны по туннелю. Вѣроятно, въ силу той же системы молчанія при подобныхъ приключеніяхъ, намъ никто не хотѣлъ отвѣтить о результатѣ

жертвъ или потерь людьми, хотя несомнѣнно по остаткамъ было разбито много именно пассажирскихъ вагоновъ.

Когда мы наконецъ измученные и утомленные добрались до перваго ожидавшаго насъ бельгійскаго поѣзда, то неприятнымъ сюрпризомъ, вдобавокъ къ ужасамъ всей этой ночи, явилось требованіе съ насъ какой-то добавочной платы за экстренный поѣздъ, и только единодушный протестъ и возраженіе со стороны публики на ближайшей станціи всему мѣстному начальству заставили бельгійцевъ согласиться оставить насъ безъ этого штрафа за чужую вину.

Вмѣсто ранняго утра мы пріѣхали въ Антверпенъ лишь въ половинѣ четвертаго, осмотрѣли немного городъ и приготовились на слѣдующій день сѣсть на пароходъ, чтобы ѣхать прямо въ Лондонъ. Черемшанскій, какъ медикъ, взялъ на себя хлопоты и заботы о нашемъ здоровьѣ. Часа въ четыре на слѣдующій день мы размѣстились въ каютахъ II класса и двинулись въ путь, сначала, конечно, благополучно, пока ѣхали по Шельдѣ, но едва выѣхали въ море, началась жестокая качка, которая постепенно усиливалась. Я тотчасъ обратился къ Черемшанскому за лѣкарствомъ, но, увы, при первомъ же пріемѣ самаго сильно дѣйствующаго, по его мнѣнію, чуть ли не танина, со мной сдѣлался сильнѣйшій припадокъ морской болѣзни. Моему примѣру немедленно послѣдовалъ самъ докторъ, мы поочередно ухаживали другъ за другомъ, слыша при томъ часто изъ дамской каюты голосокъ моей супруги, тоже чрезвычайно страдавшей этой болѣзнию. Единственной, по какой-то непостижимой прихоти судьбы, свободной все время отъ болѣзни, была m-me Черемшанская, какъ учено потомъ объяснялъ ее мужъ, въ виду того, что она въ отдаленномъ сибирскомъ городишкѣ, гдѣ выросла, привыкла упражняться чуть не ежедневно на качеляхъ и такимъ путемъ застраховала себя отъ этой ужасной морской болѣзни.

Рано утромъ мы вошли въ Темзу, при чемъ почти всю ночь не спали. Лица у всѣхъ были блѣдныя, а желудки пусты, мы замѣтно ослабѣли и нѣсколько разъ подымали вопросъ, хорошо ли сдѣлали, что пустились въ такое проклятое путешествіе, но воротиться, увы, нельзя было. Довольно рано, что-то около восьми часовъ, наконецъ, доѣхали въ туманѣ до пароходной пристани въ центрѣ Лондонскаго City, такъ называемой „Катерининой верфи“. Тамъ послѣдовалъ довольно длинный и обстоятельный таможенный досмотръ, при чемъ англійскіе таможенныя, не ограничившись осмотромъ чемодановъ и мѣшковъ всякаго рода, вытряхали мои запасные русскіе сапоги и ботинки m-me Черемшанской, чтобы удостовѣриться, что мы

туда ничего запретнаго не запрятали. Наконецъ утомительная процедура окончилась, и мы по Бедкеру сказали носильщику, чтобы онъ привелъ кэбъ, т. е. извозничью карету, и настойчиво потребовали, ссылаясь на стоящаго полицмена, чтобы кэбъ везъ насъ именно въ выбранный нами Диккенсъ-отель, подкупившій насъ своимъ почтеннымъ названіемъ.

Два дня прошли въ шатаніи по городу двухъ русскихъ парочекъ на удивленіе всѣхъ зѣвакъ, подвергаясь иногда неожиданнымъ разспросамъ и приставанію отъ уличныхъ мальчишекъ и какихъ-то подозрительныхъ личностей, при чемъ, слѣдуя наставленію Бедкера, мы немедленно говорили: „Police“! и искали глазами спасительнаго полицмена, при чемъ пристававшая личность быстро ступевывалась, оставляя насъ въ покоѣ. Вообще въ первый разъ въ жизни мы постигли вполне ясно, что полицейскій долженъ быть самой пріятной персоной для всякаго благонамѣреннаго смертнаго, и привыкли взирать всегда на крупныхъ и необыкновенно здоровыхъ представителей въ Англіи этой службы со спокойной увѣренностью и даже удовольствіемъ.

Вотъ что писала моя жена своей матушкѣ черезъ два дня нашего пребыванія въ Лондонѣ о своихъ общихъ впечатлѣніяхъ: „До того много самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній прошло“, писала она, „въ эти два дня, что чувствуешь себя какъ бы во снѣ; а если кто спроситъ, что собственно я видѣла, что меня поражало, то право не сразу найдусь отвѣтить. Хотѣтъ описать вамъ свои ощущенія на клочкѣ бумаги и при томъ въ возбужденномъ настроеніи, было бы глупо. Скажу только, что дѣловое движеніе и промышленное развитіе обнаруживается здѣсь чуть ли не на всякой улицѣ и болѣе поражаетъ меня, чѣмъ самыя рѣдкости и прелести, которыя видѣли въ здѣшнихъ музеяхъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ. Публичная жизнь не ограничивается, впрочемъ, въ Лондонѣ улицей, она пробивается подъ нее, она создаетъ новый міръ подземный, гдѣ движеніе такъ называемой подземной дороги уподобляется движенію во время грозы. Подобно шуму грома раздаются крики кондукторовъ на станціяхъ подземной желѣзной дороги. Вслѣдъ за ними промелькнетъ поѣздъ, чтобы черезъ секунду опять, при новомъ раздающемся крикѣ кондуктора летѣть дальше и дальше и быть замѣненнымъ другимъ и еще другимъ поѣздомъ...“

„Не мудрено, что въ концѣ дня чувствуешь себя въ разстроенномъ положеніи, когда весь день глаза и уши напрягаются до такой степени. Здѣсь почти нѣтъ улицъ, гдѣ бы чувства могли отдохнуть, они постоянно находятся въ натянутомъ состояніи, и это переходитъ даже въ сонъ“...

„Самой не вѣрится“, пишетъ она вскорѣ въ другомъ письмѣ, (отъ 13 октября 1873) „а вамъ можетъ показаться еще страннѣе, что ваша Катя попала въ ужасный Лондонъ, а вѣдь просто можно благодарить судьбу, что мы не погибли по дорогѣ сюда во цвѣтѣ лѣтъ! Два раза въ одну и ту же ночь были страшныя крушенія поѣздовъ, и чуть только не подъ нашимъ носомъ, потомъ бурный переѣздъ по морю“!...

Черезъ нѣсколько дней мы устроились болѣе прочно. Наняли комнатки по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели въ отеляхъ, въ Kerpel-Street, вблизи Британскаго музея у Г-жи Siggers, которую намъ рекомендовали жившіе у нея прежде россіяне, гдѣ и получили въ наше распоряженіе двѣ комнаты рядомъ, съ огромными колымагами-постелями, занимавшими большую часть пространства, и на которыхъ въ случаѣ надобности можно было бы уложить цѣлое семейство. Оказалось, что г-жа Siggers старая и очень добродушная дама, далеко уступавшая по своему образованію и развитію любой, вѣроятно, хозяйкѣ меблированныхъ комнатъ Германіи. При этомъ она отличалась вдобавокъ двумя качествами, нестерпимой болтовней, отъ которой, страдала и даже жертвою была моя жена, единственная ее вполнѣ понимавшая. Она постоянно что-то рассказывала о какомъ-то своемъ добромъ двоюродномъ братѣ и о какомъ-то путешествіи, когда мы начали, наконецъ, понимать немного ея англо-ирландскій діалектъ. Сверхъ того Mrs Siggers отличалась большою привязанностью къ джину и рому, что приводило ее часто въ веселое настроеніе, а щеки постоянно покрывало густымъ румянцемъ. Впрочемъ, при ея несомнѣнномъ добродушіи, ладить съ ней было вполнѣ возможно, хотя и не всегда пріятно.

Недѣли двѣ быстро пролетѣли у насъ въ Лондонѣ въ осмотрѣ многочисленныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей, Хрустальнаго дворца и другихъ достопримѣчательностей, которымъ тамъ нѣтъ конца. Наши спутники Черемшанскіе начали настойчиво говорить объ отъѣздѣ и возвращеніи въ милый Гейдельбергъ, гдѣ мы также, подобно имъ, оставили всѣ наши вещи, взявши съ собой только маленькій ручной чемоданъ съ парой бѣлья. Наконецъ, Черемшанскіе въ серьезъ собрались ѣхать во-свояси и при томъ окружной дорогой, черезъ Парижъ. Мы же съ женой, по зрѣломъ размысленіи, рѣшили еще остаться на пару недѣль, какъ выражаются нѣмцы, по двумъ причинамъ: во-первыѣ, Лондонъ намъ чрезвычайно понравился, и чѣмъ дальше, тѣмъ нравился больше и больше; я начиналъ мало-по-малу сознавать, что Англія наиболѣе подходящая страна, какъ для моего дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, такъ и занятій финансами, что особенно быстро и блистательно

оправдалось послѣ личнаго ознакомленія съ бібліотекой Британскаго музея.

Была и вторая причина не спѣшить намъ изъ Лондона вслѣдъ за Черемшанскими. Тѣ небольшія деньжонки (сто талеровъ), съ которыми я пріѣхалъ, очень быстро подходили къ концу, а между тѣмъ присылки моего третняго жалованія, падавшаго на это время, почему-то не послѣдовало. Я писалъ два раза справки въ Петербургъ, черезъ г. Икорникова въ Министерство, но никакого отвѣта не получилъ. Волей неволей приходилось запасаться терпѣніемъ.

Первое время послѣ отъѣзда Черемшанскихъ прошло въ продолженіи тѣхъ же осмотровъ Лондона и разныхъ достопримѣчательностей, но скоро стало надоѣдать, и немного мучила совѣсть, когда же примемся наконецъ за дѣло? Главное дѣло для меня должно было заключаться, конечно, въ писаніи диссертациі, и я давно былъ озабоченъ вопросомъ о выборѣ подходящей темы для того. Два года моихъ занятій въ качествѣ преподавателя статистики въ Императорскомъ Техническомъ училищѣ оставили глубокій слѣдъ въ моихъ вкусахъ и наклонностяхъ въ выборѣ любимыхъ темъ для моихъ занятій въ области народнаго хозяйства: меня всегда особенно здѣсь интересовали вопросы науки, связанные такъ или иначе именно съ промышленностью и торговлей: въ этой же области я (находясь за границей въ такъ называемой профессорской командировкѣ) искалъ для себя темъ по финансовому праву, по которому и долженъ былъ получить ученую степень. Очевидно, мнѣ лучше всего было сосредоточиться поэтому на косвенныхъ налогахъ, непосредственно сопрягающихся съ любимымъ отдѣломъ науки... Чтеніе извѣстной брошюры Лассаля, какъ разъ въ это время, о косвенныхъ налогахъ произвело на меня глубокое впечатлѣніе: я захотѣлъ выяснитъ и провѣритъ, насколько Лассаль правъ, что эти налоги служатъ какъ бы средствомъ для богатыхъ классовъ перелгать свою финансовую тягость на бѣдные, или малоимущіе классы; я чувствовалъ уже смутно, что такая провѣрка можетъ быть сдѣлана лишь путемъ изученія соотвѣтствующей исторіи какого-либо народа, но какой народъ для этого выбрать и какъ приступить къ дѣлу? Съ нѣмецкой литературой по вопросу я познакомился изрядно, но никакихъ указаній на надлежащій путь въ работѣ я въ ней не нашелъ.

Когда я пріѣхалъ въ Лондонъ и попалъ нѣсколько позднѣе (что опишу отдѣльно) въ книжную сокровищницу Британскаго музея, въ которомъ попытался ознакомиться по каталогамъ именно съ литературой о косвенныхъ налогахъ, то я былъ буквально пораженъ богатствомъ незнакомой мнѣ литературы, оригинальностью англій-

ской мысли и учреждений и скоро получилъ тамъ больше новыхъ идей о косвенныхъ налогахъ, нежели принесли мнѣ раньше всѣ лекціи и разговоры стараго Рошера. Я письменно устроился тогда съ Черемшанскими въ Гейдельбергѣ относительно сдачи своей квартиры и вещей, о которыхъ они тогда предложили позаботиться, и остался въ Лондонѣ всего, вмѣсто двухъ недѣль, около девяти мѣсяцевъ, съ малымъ перерывомъ для поѣздки позднѣе на короткое время въ Мюнхенъ.

Помимо соображеній, такъ сказать, профессиональныхъ о диссертациі, мои вкусы и симпатіи Лондонъ завоевалъ и по другимъ причинамъ. „Трудно себѣ представить, напримѣръ“, писалъ я въ это время изъ Лондона родственникамъ, „всю затягивающую умственную атмосферу Лондона. Каждый день открываю, могу сказать безъ преувеличенія, новые запасы для мозговой дѣятельности, то книгу, то какое-нибудь наблюденіе, то просто газету. Газеты“, писалъ я, „здѣсь замѣчательны. Можно сказать безъ всякаго парадокса, что тотъ, кто въ Англіи не пожилъ, газетъ не знаетъ и не понимаетъ. Прежде всего онѣ въ высшей степени разнообразны тамъ и богаты содержаніемъ. Есть особенные органы для всѣхъ спеціальныхъ вопросовъ. Напримѣръ, газета, преслѣдующая задачу уничтоженія одного какого-нибудь налога, газета для собирающихся жениться, газеты для нежелающихъ праздновать воскресенья, газеты для атеистовъ одного оттѣнка, газета, содержащая только свѣдѣнія объ ужасныхъ убійствахъ, и т. п. газеты, безъ конца. При ихъ множествѣ и богатствѣ содержанія, онѣ стоятъ неимоверно дешево; въ 10 огромныхъ страницъ газетина стоитъ часто лишь 3 копѣйки, и вы получаете извѣстія не только со всего міра, но преимущественно о тѣхъ вопросахъ, которыми интересуетесь и газета посвящена: нужно только взять спеціальную газету. На дняхъ моя жена вѣрно замѣтила, что здѣсь можно получить образованіе, читая только однѣ газеты. Въ воскресенье мы съ ней обыкновенно за газетами и проводимъ весь день, т. к. все заперто, удовольствіи и развлеченій никакихъ по воскресеньямъ не допускается, даже почта не дѣйствуетъ, всѣ письма приостанавливаются. Англичанами мы очень довольны, недавно посѣтили здѣсь двѣ коопераціи, одну земледѣльческую, другую — типографію (производительная ассоціація въ огромныхъ размѣрахъ). Вездѣ принимали насъ чрезвычайно любезно, особенно въ первой, надавали книгъ, приложеній, и т. д. Затѣяли переписку съ однимъ здѣшнимъ финансистомъ (ученымъ), который прислалъ немедленно свои сочиненія, и у насъ затѣялся письменный диспутъ о свободной торговлѣ и ея выгодахъ“. На каждомъ его письмѣ стояло, какъ motto или эпитафія, положеніе, выражавшее сущность его эконо-

мическихъ возрѣній: „Universal Free-Trade is Universal Peace“, (Всеобщая свободная торговля есть всеобщій миръ)“.

Все вмѣстѣ тянуло, конечно, насъ къ оставленію въ Лондонѣ на продолжительное время. Множество неизвѣстныхъ почти на континентѣ книгъ, особенно изданій разныхъ политическихъ обществъ, посвященныхъ спеціально финансовымъ вопросамъ, напримѣръ „ассоціація финансовыхъ реформъ“, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ оригинальнымъ складомъ англійской жизни и газетами, давало столько умственныхъ импульсовъ, что отъ продолжительнаго пребыванія можно было только ждать великой для себя пользы и еще раньше даже, чѣмъ я познакомился съ богатствомъ библіотеки Британскаго музея, этой лучшей сокровищницей знаній, какую я видѣлъ первый разъ въ жизни.

Но прежде чѣмъ описывать Британскій музей и водвореніе въ немъ, я долженъ вернуться къ одному постороннему, но очень характерному эпизоду моей жизни въ это время. Какъ я упоминалъ раньше, въ концѣ 1873 года мое жалованье или стипендія изъ Министерства не приходило къ сроку, несмотря на мои тщетныя письма и напоминанія Министерству: что была за причина, не понимаю до сихъ поръ, но опозданіе произошло не менѣе, чѣмъ на два мѣсяца, время достаточное, чтобы умереть въ Лондонѣ съ голоду безъ денегъ. Тутъ имѣли мѣсто два факта въ моей жизни, заслуживающіе вниманія. Мнѣ пришло въ голову, не могутъ ли деньги, мнѣ присланныя въ Лондонъ, почему либо быть отправлены въ посольство, не нужно ли мнѣ тамъ справиться, чтобы добиться, наконецъ, полученія и высылки слѣдующаго мнѣ содержанія. И вотъ я ѣду въ посольство, въ которое собственно, по данной мной подпискѣ Министерству, я и обязанъ былъ являться, но первоначально занятъ былъ другимъ и не исполнилъ этого петербургскаго требованія.

Когда я подошелъ къ роскошному дому Chasham House, въ аристократической части города, принадлежащему нашему послу, тогда, кажется, барону Бруннову и попробовалъ пройти мимо важнаго, колоссальнаго роста привратника въ вестибюль посольства, то онъ меня немедленно остановилъ неожиданнымъ вопросомъ: „Вы русскій?“ „Yes“, отвѣтилъ я. „Въ такомъ случаѣ вамъ нельзя войти сюда“. — „Какъ нельзя, почему?“ — „Посоль разъ навсегда принялъ за правило русскихъ сюда не пускать. Если желаете имѣть какую-нибудь надобность до своего правительства, или даже до самого посла, то извольте прислать ваше желаніе письменно, или обратиться къ генеральному консулу въ City, въ другой части Лондона. Здѣсь же вы никоимъ образомъ не можете быть приняты, кромѣ по личному распоряженію посла“. Я былъ въ боль-

шомъ затрудненіи. Сказаль суровому привратнику, что мнѣ до консула, собственно, дѣла нѣтъ, потому что я не по торговой надобности и не по паспорту, показываль даже свой паспортъ, чтобы подтвердить это, но величавый англійскій представитель русскаго посольства отклонилъ рѣшительно всѣ переговоры и твердилъ мнѣ одно только слово: „No, no, no...“

Дѣлать было нечего; тогда я отправился къ русскому священнику, съ которымъ имѣлъ удовольствіе познакомиться, къ извѣстному отцу Евгенію Ивановичу Попову, пользовавшемуся всеобщимъ уваженіемъ всѣхъ русскихъ, его видѣвшихъ и всѣхъ англичанъ. Я объяснилъ ему мои затрудненія. Онъ мнѣ только подтвердилъ такое распоряженіе. „Мы имѣемъ“, говорилъ онъ, „весьма мало отношенія къ русскому посольству, можно сказать, почти чужды ему. За десятки лѣтъ моего пребыванія въ Лондонѣ были назначаемы главнѣйшимъ образомъ послы только изъ нѣмцевъ, протестантовъ, которые, разумѣется, не могли быть прихожанами нашей православной церкви и бывали у насъ только въ царскіе дни. Вотъ, другое дѣло, если бы вамъ была какая-либо надобность въ Турецкое посольство, я бы могъ легко доставить вамъ всякое въ этомъ случаѣ покровительство отъ моего почтеннаго прихожанина Музурусъ-Паши, родомъ грека, турецкаго паши, болѣе 30 лѣтъ посла въ Лондонѣ. Турецкое посольство и бываетъ у насъ въ церкви очень часто, впрочемъ, обращаясь ко мнѣ, „я знаю одно средство проникнуть вамъ въ настоящее русское посольство. Тамъ недавно получилъ занятіе нашъ причетникъ Орловъ, по письменной части, котораго вы, кажется, встрѣчали. Вотъ вамъ моя англійская карточка, отправляйтесь съ ней опять въ посольство и скажите грозному привратнику, что вы присланы мной по надобности церкви къ причетнику, занятому въ канцеляріи, вѣроятно, тогда онъ васъ пустить. Можете Орлову объяснить, что вамъ надо на счетъ вашего жалованья“. Такъ я и сдѣлалъ. Былъ допущенъ, впрочемъ, не дальше вестибюля, поговорилъ съ Орловымъ, но, къ сожалѣнію, все-таки, моихъ денегъ въ посольствѣ не оказалось, и мои хлопоты въ данномъ случаѣ оказались напрасны.

Любопытно, что когда я разсказаль хозяйкѣ нашей квартиры о своей неудачѣ проникнуть въ русское посольство и о рѣшительномъ отказѣ въ приѣмѣ именно только русскимъ, простоватая и неразвитая Mrs Siggers впала въ настоящій ражъ и начала настойчиво мнѣ совѣтовать, чтобы я написалъ и пожаловался на посла своей королевѣ (?), что навѣрное, по ея мнѣнію, будетъ успѣшно—такіе случаи уже бывали, говорила она. Смѣшная англичанка воображала, разумѣется, что всюду сидятъ королевы, одинаково съ

королевой Викторіей, милостиво относящіяся къ жалобамъ своихъ подданныхъ!!.

Единовременно, въ виду того, что у меня деньги вышли и послѣднюю недѣлю приходилось намъ уже жить въ долгъ у Mrs Siggefs, которая добродушно соглашалась ждать денегъ за квартиру, я хлопоталъ о средствахъ изъ разныхъ источниковъ, между прочимъ, тщетно требовалъ, написалъ цѣлыхъ *девять писемъ* редактору „Русскихъ Вѣдомостей“ Скворцову, чтобы получить 98 рублей, которые мнѣ газета была должна за годъ корреспонденцій изъ Германіи и Швейцаріи въ разное время; письма писалъ сначала вѣжливо и любезно, затѣмъ грубо и невѣжливо, дерзко, настойчиво, просительно и съ угрозами, но рѣшительно ничего не дѣйствовало, и деньги не были присланы! Тогда я вспомнилъ о томъ, что у меня въ Москвѣ существуетъ одинъ близкій пріятель— студентъ Сиверцевъ, и вотъ я послалъ ему письмо съ убѣдительноѣйшей просьбой взыскать эти деньги, которые не хочется, мнѣ казалось, выплатить редактору „Русскихъ Вѣдомостей“. Прошло недѣли четыре безъ отвѣта. Наконецъ, я получилъ его отъ Сиверцева съ довольно страннымъ содержаніемъ(!?) Во-первыхъ, онъ довольно энергично защищалъ Скворцова отъ упрековъ, увѣряя меня, что онъ вполнѣ честный человекъ, не отрицалъ долга и согласился немедленно его уплатить, когда онъ его засталъ, посѣтивши редакцію *пять разъ*, но что затѣмъ, онъ, Сиверцевъ, удивляется, *какъ я могъ къ нему обратиться съ подобнымъ порученіемъ*, ибо долженъ знать его неискренность и слабость въ денежномъ отношеніи и что онъ проситъ меня написать (хотя ему адресъ мой былъ извѣстенъ), что съ этими деньгами дѣлать, *что онъ ихъ уже издержалъ*, но что скоро получить и по моему распоряженію тогда вышлетъ куда я скажу(??!!).

Такимъ образомъ, благодаря этой русской дружественной исправности, вновь прошло нѣсколько недѣль, пока я, наконецъ, дѣйствительно, несомнѣнно, имѣя дѣло съ честными русскими людьми, получилъ наконецъ свои деньги, но одновременно съ тѣмъ пришло наконецъ и мое запоздавшее жалованье и пришелъ заемъ или точнѣе ссуда, о которой я просилъ въ Россіи у родственниковъ моей жены, и такимъ образомъ наступило настоящее *embarras de richesses*;— „не было полушки и вдругъ алтынъ!!!“.

Я успокоился наконецъ, получивши такимъ образомъ средства, необходимыя для существованія, и рѣшился первѣе всего приступить къ писанію диссертациі. Однажды ко мнѣ зашелъ вышеупомянутый причетникъ Н. В. Орловъ и предложилъ, если желаю, пойти съ нимъ въ читальню Британскаго музея, гдѣ я еще до тѣхъ поръ не былъ. Я охотно отправился; но насъ, какъ не имѣвшихъ вход-

ныхъ билетовъ, допустили лишь по заведенному тамъ порядку только „till Glass“ (до стекла), т. е. до входа въ огромную круглую залу читальни, откуда мы могли видѣть черезъ большое стекло все это превосходное учрежденіе въ нѣсколько этажей, наполненныхъ сверху до низу книгами, со множествомъ столовъ, идущихъ отъ каталоговъ, разставленныхъ концентрическими кругами отъ середины залы, многочисленныхъ открытыхъ шкаповъ, въ уровень зала, для свободнаго, безъ всякаго спроса пользованія всевозможными справочными книгами. Огромный куполь надъ залой бросалъ свѣта достаточно, несмотря даже на лондонскіе туманы. Зала была наполнена народомъ при относительной въ то же время тишинѣ, располагающей къ занятіямъ (полъ сплошь покрытъ толстымъ резиновымъ ковромъ). Я пришелъ въ восторгъ отъ вида одного только зала и немедленно отправился съ Орловымъ къ секретарю за полученіемъ билета, что, увы, оказалось, требовало длинной процедуры. Билетъ, дающій доступъ въ читальню, обязательно долженъ быть подписанъ какимъ-либо постояннымъ жителемъ Лондона, при чемъ не всѣмъ оказывалось довѣріе; наша пьяненькая *mrs Siggers* не пользовалась имъ, и мнѣ пришлось ради билета ѣздить къ консулу въ *City* за подписью. Женѣ же моеѣ прямо было отказано въ выдачѣ билета *по ея несовершеннолѣтію*. Лица до 21 года доступа въ читальню Британскаго музея не имѣютъ, а ей было всего 18 лѣтъ. Предполагается у англичанъ, что такія лица читаютъ какіе-нибудь пустяки, вроде романовъ, наконецъ, вообще не достаточно серьезны, чтобы имъ довѣрить безконтрольно, какъ это дѣлается въ Музеѣ, массу книгъ въ свободное распоряженіе.

И такъ мы были временно разлучены съ женой, я рано утромъ въ девять часовъ отправлялся въ Музей и оставался до закрытія его, что было зимой до 4-хъ часовъ, потому что до изобрѣтенія электричества въ Британскомъ музеѣ только работали при дневномъ свѣтѣ. На полчаса или часъ среди дня, я дѣлалъ перерывъ для обѣда, для котораго сходилъ у входа въ Музей съ женой, а затѣмъ опять разлучался до вечера или точнѣе закрытія Музея. У меня быстро и незамѣтно въ работѣ проходило время. Оказалось, Британскій музей представляетъ такъ много благопріятныхъ условій для занятій, какъ никакая другая бібліотека на свѣтѣ. Несмотря на отсутствіе тогда систематическаго или предметнаго каталога, я находилъ, что искать нужныя и любопытныя сочиненія вовсе не затруднительно въ этой бібліотекѣ. Каждый подобный поискъ былъ самъ по себѣ полезенъ, ибо всегда при этомъ встрѣчались названія новыхъ интересныхъ по заглавію или содержанию книгъ. Чтобы найти одну книгу, я всегда обращался съ начкой „ticket“-овъ для требованія многихъ книгъ.

Лишь найдя и собственноручно записавши необходимую книгу, гдѣ она стоитъ по каталогу, можно было ее потребовать. Но зато въ Британскомъ музеѣ дозволялось требовать неопредѣленное количество книгъ, а потому, при вѣкоторой привычкѣ къ обращенію съ книгами, работа тамъ является въ высшей степени интенсивной. Въ одинъ день можно просмотрѣть 10 или болѣе нужныхъ книгъ и случайно найти истинное сокровище между ними, чего, при старыхъ системахъ библиотечныхъ требованій только посредствомъ записи книгъ и при исканіи библиотекарями, сдѣлать нельзя.

Огромную выгоду Британскаго музея составляетъ также множество, цѣлыя тысячи справочныхъ книгъ, подъ которыми весьма широко разумѣются всѣ najważнѣйшія изданія по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Сюда одинаково, расположенные систематически входятъ не только всѣ главные учебники всѣхъ наукъ, но и важнѣйшія монографіи, важнѣйшіе журналы и словари буквально всѣхъ языковъ. Всякая справка, требующая въ иныхъ библиотекахъ затраты многихъ дней, здѣсь дѣлается часто въ 10 минутъ или меньше, если только знакомы съ устройствомъ библиотеки достаточно хорошо.

Я съ жаромъ принялся за работу, какъ никогда. Бьющійся около меня сильно пульсъ политической жизни, дебаты парламента, масса памфлетной и брошюрной литературы, изданія многочисленныхъ политическихъ обществъ и богатства, такъ называемыхъ, „Синихъ Книгъ“, все это вмѣстѣ какъ бы объяснило и указало путь и способъ новой работы... Я долженъ, сказалъ я себѣ, изучать исторію англійскихъ косвенныхъ налоговъ, въ связи съ общей экономической исторіей страны, борьбой ея политическихъ партій и спеціально современную литературу предмета. За ранній періодъ я долженъ обратить главное вниманіе на памфлеты, занимавшіе до XVIII столѣтія мѣсто газетъ, а съ конца XVIII—парламентскія пренія.

Усердно просидѣвши съ утра до вечера въ Британскомъ музеѣ, почти 9 мѣсяцевъ, съ однимъ лишь перерывомъ для короткой поѣздки въ Мюнхенъ, о которой будетъ говорить дальше, я собралъ необходимый матеріалъ для первой части историческаго своего изслѣдованія, а для второй, содержащей современное описаніе организаціи англійскихъ акцизовъ и общіе выводы изъ всей работы вмѣстѣ съ критикой, была подготовлена большая часть.

Къ сожалѣнію, мѣсяца два я вынужденъ былъ работать одинъ, жена мнѣ помогать, при всемъ ея добромъ желаніи, не могла, лишенная возможности посѣщать Музей и, по правдѣ сказать, настроеніе духа иногда у меня было не важное при воспоминаніи о томъ, какъ она, бѣдняжка, проводитъ время съ болтливой m-s

Siggers и воюеть съ мышами, которыхъ оказалось въ нашей комнатѣ, почти совершенной мансардѣ, огромное количество. Ихъ было такъ много, что онѣ безцеремонно днемъ бѣгали по комнатѣ и мебели, а ночью очень часто, какъ я убѣдился въ первый разъ, давали концертъ, испуская какой-то гармоничный пискъ, въ весьма значительномъ количествѣ. Вечеромъ или точнѣе часовъ въ пять, я возвращался домой въ высшей степени усталый отъ напряженнаго труда, такъ что пользоваться обществомъ или помощью жены могъ лишь весьма мало, и дѣло первоначально, слѣдовательно, не могло такъ спориться, какъ бы слѣдовало. Вотъ что, напримѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ 21 ноября 1873 года:

„Пишу вамъ, дорогіе мои, пока И. И. легъ отдыхать послѣ долгихъ занятій въ Музеѣ, куда онъ аккуратно ходитъ всякій день утромъ отъ 9 до часу, затѣмъ послѣ обѣда отъ 2 до 4, когда библиотека уже совсѣмъ запирается зимой. Дѣло въ томъ, что мы рѣшили остаться въ Лондонѣ на всю зиму; онъ сильно принялся за подготовку диссертациі“ (въ слѣдующемъ письмѣ она знакомитъ своихъ родныхъ съ самымъ характеромъ моей работы); „весь день почти мы съ нимъ не видимся, только обѣдать я захожу за нимъ, затѣмъ онъ опять меня покидаетъ и прямо съ обѣда идетъ въ Музей, и только вечеромъ уже сидимъ дома, но и тутъ все жалуется, занятый купленными книгами, что я его отвлекаю отъ чтенія, и собирается меня шутя „отослать къ родителямъ“!? Со вчерашняго дня мы наняли англійскаго учителя для практики языка мужу, который будетъ ходить три раза въ недѣлю. Что же касается меня, то я себя чувствую здѣсь столь же дома, сколько въ Германіи; не имѣю рѣшительно никакого затрудненія въ языкѣ, объясняюсь порядочно. Вполнѣ все понимаю. Я знала, что недоставало только пожить мѣсяцъ между англичанами, чтобы наторѣться въ говорѣ. Впрочемъ, теперь меньше имѣемъ дѣло съ англичанами, потому что ходимъ обѣдать въ нѣмецкій ресторанъ (клубъ нѣмецкихъ лакеевъ(!?!)—Deutscher Kellner-Verein, по шиллингу обѣдъ въ пять блюдъ). Для меня хорошую практику составляетъ хозяйка, которой я потому и не посылаю лишь къ чорту, хотя иногда она такъ сильно надоѣдаетъ своей родословной, своими безконечными рассказами по поводу перваго встрѣчнаго предмета или человѣка!! Наша жизнь здѣсь, какъ Вы уже замѣтили изъ моихъ письменныхъ рассказовъ, очень оригинальна. Живемъ въ огромномъ городѣ, между тѣмъ занимаемъ крошечную мансарду, въ которой, что ни повернуться, все что-нибудь задѣнешь. Ежедневно видимъ массу людей, между тѣмъ знакомыхъ ни души не имѣемъ, но я тѣмъ не менѣе полюбила и эту маленькую комнатку, и это людное уединеніе, потому что вижу,

какъ наше пребываніе здѣсь полезно мужу и интересно для меня. Моя цѣль познакомиться въ эти мѣсяцы поближе съ англійской литературой, почему все мое чтеніе исключительно на англійскомъ языкѣ“... „На дняхъ“, пишетъ она дальше, „мы отправляемся на митингъ ассоціаціи рабочихъ, куда насъ обѣщаль провести директоръ одного кооперативнаго общества m-г Greening, къ которому мы обращались за свѣдѣніями относительно устройства и положенія этого общества. Онъ милый очень человѣкъ, и такъ какъ пользуется большимъ значеніемъ въ своей партіи кооператоровъ, то всего лучше можетъ удовлетворить любопытство мужа. Замѣчательно, до какой степени здѣсь развита общественная и политическая жизнь, какъ она проникаетъ во всѣ скромные слои общества“...

Написавъ эти строки своего письма о m-г Greening'ѣ и о посѣщеніи въ будущемъ конференціи рабочаго общества, жена не предвидѣла, какое великое удовольствіе и благо для нея скоро готовится отъ этого самого Грининга. Вслѣдствіе маленькаго ея нездоровья мы убоялись ѣхать очень далеко на другой конецъ Лондона на вышеозначенное засѣданіе и написали извиненіе Greening'у. На другой день во время моихъ занятій въ музеѣ, къ моему удивленію, ко мнѣ подошелъ служитель бібліотеки, уже знавшій мое имя, безобразно исковерканное въ m-г. „Дженджель“ и объявилъ, что меня спрашиваютъ какіе-то господа, желающіе меня видѣть, въ передней комнатѣ музея. Я немедленно вышелъ и, къ великому моему изумленію, нашелъ свою супругу въ обществѣ m-га Грининга, который былъ настолько любезенъ и обязателенъ, что, въ виду нашей ссылки на болѣзнь жены и отсутствія въ засѣданіи, пріѣхалъ лично узнать о ея здоровьѣ и выразить сочувствіе. Заставши ее совсѣмъ удрученной отъ нескончаемой болтовни m-s Siggers, онъ спасъ ее, предложивши отправиться съ визитомъ ко мнѣ въ Британскій музей.

Узнавши, что я еще не видалъ, откуда получаю заказанныя книги, онъ немедленно вызвалъ одного изъ главныхъ бібліотекарей, своего, кажется, хорошаго пріятеля, и тотъ провелъ насъ по внутренности бібліотеки, объясняя ясно и досканально все устройство и организацію размѣщенія книгъ, отпуска ихъ, разборки, и т. д. Въ заключеніе, насъ провели въ русскій отдѣлъ, гдѣ познакомили съ m-г Рольстеномъ, главнымъ бібліотекаремъ славянскаго отдѣленія (котораго, впрочемъ, я видѣлъ одинъ разъ раньше, какъ объясню далѣе), m-г-омъ Накэ, его замѣнявшимъ впослѣдствіи, очень юркимъ польскимъ евреемъ и нѣсколькими другими бібліотекарями изъ внутреннихъ отдѣленій музея.

Когда m-г Greening съ нашихъ словъ передалъ имъ выраженіе нашего сожалѣнія, что мы съ женой разлучены цѣлый день, и она

не можетъ мнѣ помогать, какъ бы хотѣла, благодаря строгому ригоризму правилъ, недопускающихъ несовершеннолѣтнихъ для работы, всѣ присутствующіе бібліотекари немедленно вошли въ нашъ интересъ, усѣлись вокругъ стола, сочинили и написали совмѣстно прошеніе со своими подписями и ручательствомъ, къ главному „Опекуну“, какъ ихъ называютъ,—„Trustee“ Британскаго музея, о необходимости сдѣлать въ данномъ случаѣ изъятіе и жену не разлучать съ мужемъ. Благодаря такимъ образомъ любезности англичанъ, вовсе не формалистовъ, когда для этого есть достаточно вѣскія основанія и въ особенности, любезности Грининга, такъ мало насъ знавшаго, мы опять соединились съ женой на цѣлый день и начали вмѣстѣ успѣшно работать, при чемъ работа пошла вдвое скорѣй и болѣе весело. По моему указанію, жена прочитывала и дѣлала конспекты разныхъ книгъ, выписки или переводы, смотря по спеціальности книги, часть же времени посвящала всецѣло на свое собственное чтеніе и образованіе; какъ увѣряла потомъ, въ нѣскольکو мѣсяцевъ въ Британскомъ музеѣ она прочла больше, чѣмъ всю свою жизнь внѣ его.

Вотъ образецъ ея описанія музея за первый день полученнаго разрѣшенія, въ ея письмѣ къ матери отъ 16 января 1874 года: „Съ понедѣльника“, пишетъ она, „я хожу съ мужемъ въ музей, гдѣ занимаюсь изученіемъ и краткимъ изложеніемъ дѣятельности Вальполя, англійскаго министра въ XVIII столѣтіи. Папашѣ интересно будетъ знать, что предметомъ своей диссертациі И. И. избралъ исторію акциза въ Англіи (преимущественно акцизъ на вино и водку, такъ что я называю теперь его диссертацию диссертацией о водкѣ или водочной диссертацией). Матеріала куча; въ музеѣ можно найти всевозможныя книги, и старыя и новыя, заниматься тамъ отлично. Зала необычайна по своей величинѣ и красотѣ, все прекрасно приспособлено для занятій. Кромѣ тѣхъ книгъ, которыя заказываютъ, вся стѣна зала, которая имѣетъ круглую форму, уставлена разными справочными книгами, исторіями, атласами, всевозможные журналы, всѣ классическія литературныя произведенія и т. д. Въ промежутокъ времени стоитъ только сдѣлать два шага, можно безъ спросу брать любую изъ этихъ книгъ“.

„Позанявшись утромъ акцизомъ, я послѣ обѣда посвящаю обыкновенно на чтеніе журналовъ и книгъ общаго интереса. Въ эти нѣскольکو дней я уже чтеніемъ пріобрѣла много свѣдѣній, не говоря уже о наслажденіи, которое испытывала, узнала, напримѣръ, о современномъ норвежскомъ писателѣ, о которомъ до сихъ поръ никогда не слыхала. Познакомилась съ португальскою литературою эпохи возрожденія, прочла большой отдѣлъ книгъ по разнымъ со-

ціальнымъ вопросамъ. Между прочимъ статьи объ образованіи дѣвочекъ, объ образованіи женщинъ, ихъ способность къ политической дѣятельности, написанныя очень интеллигентной женщиной, женой известнаго политико-эконома, профессора Фоссета, которымъ теперь занимается мой мужъ, и т. д. и т. д. Дома я читаю свои книги, романы Вальтеръ-Скотта, какъ легкое чтеніе, а какъ занятіе, политическую экономію Милля, или перечитываю англійскую исторію, а въ воскресеніе читаю съ мужемъ газету „Examiner“ и „National Reforger“, которыя всегда оставляютъ въ головѣ не только кучу новыхъ свѣдѣній, но ясное пониманіе ихъ, возвышая умъ и душу своимъ благороднымъ направленіемъ; „какъ досадно“, восклицаетъ она, „что вы не знаете англійскаго языка, а то пріятно было бы дать вамъ прочесть всѣ эти журналы въ Россіи. Даже въ самыхъ обыкновенныхъ газетахъ нерѣдко появляются замѣчательныя статьи, которыя мы обыкновенно вырѣзываемъ и сохраняемъ. Такимъ образомъ вы видите, все время у насъ проходитъ въ работѣ, а работается весело“!!.

„Англичанами и англійскими устройствами мы все больше и больше восхищаемся, если бы не дороговизна, которая заставляетъ насъ за хорошую цѣну имѣть скверную конурку, экономить, воздерживаться отъ лишняго стакана пива (почему И. И. вѣрно и выбралъ этотъ предметъ для диссертациі; Вы увидите, онъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ сильно нападать на акцизъ спиртныхъ напитковъ, дѣлающихъ ихъ столь дорогими, что онъ отъ водки совсѣмъ отказался, пива же выпиваетъ лишь одинъ маленькій стаканъ за обѣдомъ); и такъ, если бы не дороговизна, а также полный недостатокъ своего общества, то здѣсь было бы, право, какъ нельзя лучше жить!“ Тотъ же вопросъ о недостаткѣ общества, часто конечно, несмотря на дѣятельную рабочую жизнь, приходилъ намъ въ голову и въ нѣсколькихъ нашихъ письмахъ къ роднымъ за это время встрѣчаются шутливыя выраженія, напримѣръ, при встрѣчѣ новаго 1874 года, что „мы тутъ, *отшельникъ съ отшельницей*, встрѣчаемъ новый годъ въ лондонской пустынѣ“, и дѣйствительно это наше первое пребываніе въ Лондонѣ, съ начала октября по конецъ марта, прошло всецѣло за трудной и сиѣшной работой, безъ всякаго почти развлеченія и общества и самыми жалкими матеріальными средствами. Такъ какъ моя молодая супруга вела тогда счеты обратно съ послѣдующимъ чрезвычайно аккуратно, то вычислила и сообщила мнѣ, что въ январѣ мѣсяцѣ, напримѣръ 1874 года, при переводѣ на русскую валюту, мы издержали въ Лондонѣ вдвоемъ на все существованіе, включая покупку книгъ и газетъ, молоко для жены и табакъ для меня, всего лишь 71 рубль, что, конечно, нельзя не считать очень скромнымъ?!!

Всѣ письма, которыя я получалъ въ это время изъ Москвы, сообщали мнѣ въ сущности одно и то же: необходимость возвращаться домой непременно съ диссертацией, если я хочу устроить свою университетскую участь должнымъ образомъ. „Пишите и пишите“, что относилось къ диссертации, получалъ я отъ всѣхъ благопріятелей, почему и напрягалъ всѣ силы свои, а жена свою помощь, чтобы довести работу до ближайшаго окончанія. Одно время меня обезпокоилъ слухъ изъ Москвы о новыхъ выборахъ на пять лѣтъ моего патрона Мильгаузена, который такъ категорически заявилъ мнѣ въ свое время, что онъ уже кончаетъ службу и будто бы выбираться не будетъ. Произошло какъ разъ наоборотъ. Молодой, относительно, Бабсть вышелъ въ отставку, сдѣлавшись управляющимъ Московскаго купеческаго банка, и Чупровъ спѣшно былъ приглашенъ начать чтеніе лекцій въ 1874 году въ качествѣ преподавателя. Мильгаузенъ же наоборотъ остался еще на пять лѣтъ. Впрочемъ профессоръ Соколовъ, секретарь факультета, дружелюбно ко мнѣ расположенный, очень скоро, тоже въ ноябрѣ 1873 года, успокоилъ меня на счетъ этого обстоятельства. Вотъ выдержка изъ его письма по этому поводу:

„Очень радъ слышать, что ваши занятія по диссертации идутъ успѣшно и къ августу будущаго года будутъ окончены. Это обстоятельство очень важное, и отъ него главнымъ образомъ будетъ зависеть разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые васъ озабочиваютъ, и на которыя я могу дать вамъ такой отвѣтъ, основываясь на соображеніи извѣстныхъ мнѣ обстоятельствъ:

„Вопросъ о мѣстѣ для васъ при нашемъ университетѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ васъ, т. е. отъ вашей диссертации, и рѣшается очень просто. Факультетъ въ настоящее время не имѣетъ недостатка въ свободныхъ вакансіяхъ профессуръ, и только бы имѣлись на лицо люди, признаваемые за достойныхъ и способныхъ, онъ не затруднится съ представленіемъ о назначеніи ихъ. Въ частности ваше положеніе, при наличности вышеуказанныхъ предположеній, не представляетъ на мой взглядъ никакихъ затрудненій. Пусть Камаровскій читаетъ съ осени международное право, пусть Мильгаузенъ продолжаетъ читать финансовое право; и при этихъ комбинаціяхъ для васъ можетъ найтись дѣло и мѣсто. Каѳедра финансоваго права, по уставу, подраздѣляется на двѣ части: а) теорія финансовъ и б) русское финансовое право, распредѣленіе ихъ между двумя лицами и возможно и желательно. Слѣдовательно, вамъ нужно только приобрѣсти *jus ad rem*, т. е. изготвить и представить диссертацию, и тогда факультетъ получитъ возможность дѣйствовать для предоставленія Вамъ *jus in re*. Я не говорилъ объ этомъ въ

факультетъ и въ настоящее время нахожу это совершенно излишнимъ, но когда придетъ нужное для того время и надобность, я буду говорить и увѣренъ, что никакихъ затрудненій въ существѣ вопроса не представится. И такъ, мой совѣтъ—спокойно вести работу по диссертациі, окончить ее къ августу и явиться съ нею къ намъ. Частнымъ образомъ я буду вскорѣ говорить о васъ съ Мильгаузенемъ, и каковы бы ни были его намѣренія относительно своей службы при Университетѣ (кажется, въ будущемъ году срокъ его пятилѣтія и новой баллотировки), въ нихъ, я полагаю, не найдется затрудненій для васъ. Пишите диссертацию“...

„Вопросъ о печатаніи ея удобнѣй будетъ разрѣшить здѣсь на мѣстѣ, когда она уже изготовлена. Ваше личное здѣсь присутствіе съ диссертацией будетъ всего важнѣй. Выводъ опять одинъ и тотъ же: пишите диссертацию! Была бы готова—напечатаютъ“.

Къ этому времени упорнаго сидѣнія моего и работы въ Британскомъ музеѣ относится знакомство мое съ однимъ изъ моихъ дорогихъ друзей въ будущей жизни въ Московскомъ университетѣ, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Я его увидалъ въ первый день моего посѣщенія Музея вмѣстѣ съ причетникомъ Орловымъ, о чемъ говорилъ выше. Познакомился же съ нимъ черезъ нѣсколько дней по очень простой причинѣ. Встрѣтивши какія-то затрудненія вначалѣ въ поискахъ за книгами и въ расположеніи каталоговъ музея, я обратился, согласно обычаю, къ такъ называемому „суперинтенденту“, т. е. старшему бібліотекарю, надзирающему въ читальнѣ за всѣмъ порядкомъ и ходомъ дѣла. Тотъ, видя, что я еще плохо выражаюсь по-англійски, немедленно вызвалъ изъ внутренняго помѣщенія бібліотеки извѣстнаго ученаго по славянскимъ языкамъ, мнѣ уже знакомаго Рольстона. Рольстонъ немедленно, со своей стороны, предложилъ меня познакомить, какъ онъ заявилъ, съ моимъ соотечественникомъ, здѣсь въ читальнѣ постоянно занимающимся и хорошо знакомымъ со всѣми порядками бібліотеки, профессоромъ Стороженко, что немедленно и исполнилъ. Такимъ образомъ я познакомился впервые съ моимъ будущимъ товарищемъ и близкимъ другомъ, смерть котораго я до сихъ поръ оплакиваю, Николаемъ Ильичемъ Стороженко. Мало встрѣчается на свѣтѣ такихъ добрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ и остроумныхъ людей, какъ онъ. Въ его обществѣ и присутствіи нельзя было буквально скучать или, тѣмъ болѣе, грустить. Постоянныя шутки и остроты самаго безобиднаго характера сыпались у него какъ изъ рога изобилія. При этомъ огромномъ чисто малороссійскомъ юморѣ, Николай Ильичъ отличался большимъ умомъ, большими свѣдѣніями въ литературѣ и удивительной памятью, особенно на стихотворенія. При случаѣ онъ

выпаливалъ цѣлыя страницы стихотвореній кого-либо изъ болѣе или менѣе извѣстныхъ поэтовъ и рѣшалъ этимъ, или давалъ извѣстную постановку тому или иному вопросу и при томъ въ такомъ блестящемъ видѣ, что уже дальнѣйшіе споры по этому поводу не могли имѣть мѣста.

Въ концѣ 80-хъ годовъ я написалъ, напрімѣръ, и прочелъ публичную лекцію сначала въ Москвѣ и повторилъ ее потомъ въ Петербургѣ, о новомъ гуманитарномъ движеніи въ Англіи среди молодого образованнаго университетскаго общества. Молодые люди во главѣ со стариками, вродѣ профессора Рёскина, и другими шли къ бѣднякамъ рабочимъ въ восточномъ Лондонѣ, поселялись между ними и своимъ усерднымъ трудомъ и примѣромъ старались поднять и улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ и сдѣлать ихъ болѣе довольными своимъ существованіемъ. Эти лекціи впоследствии были мною напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ именемъ: „Практическая филантропія въ Англіи“ и собраны вмѣстѣ въ моей книгѣ: „Въ поискахъ къ лучшему будущему“ (2 изданіе 1908 г.): Н. И. Стороженко, присутствовавшій на этой лекціи, видя и раздѣляя энтузіазмъ публики, очень довольный этимъ чтеніемъ, немедленно обратился ко мнѣ въ антрактѣ съ предложеніемъ къ этой лекціи избрать эпиграфомъ одно французское стихотвореніе въ русскомъ переводѣ, по его мнѣнію наиболѣе подходяще выражающее основныя мысли всего содержанія. Этотъ эпиграфъ, который, къ моему удивленію, черезъ много лѣтъ я встрѣтилъ нечаянно повтореннымъ въ „На днѣ“ Максима Горькаго, былъ къ сожалѣнію выброшенъ редакторомъ по цензурнымъ соображеніямъ, и статья появилась безъ него. Стороженко цѣликомъ, тутъ же въ антрактѣ, продиктовалъ мнѣ въ нѣсколько минутъ этотъ любопытный и очень удачный эпиграфъ вступленія къ этой лекціи:

„Если къ правдѣ святой
Міръ дороги найти не умѣетъ,
Честь безумцу, который навѣетъ
Человѣчеству сонъ золотой.
Если бъ завтра землѣ нашей путь
Освѣтитъ наше солнце забыло,
Завтра жъ цѣлый бы міръ освѣтила
Мысль безумца какого-нибудь!..“

Эта находчивость, остроуміе и постоянно почти веселое ровное настроеніе духа бодрило всѣхъ присутствующихъ и составляло исключительную особенность покойнаго Стороженки. Послѣ начала нашего знакомства черезъ Рольстона, надъ которымъ милый мало-

россъ немало подшучивалъ, увѣряя, что онъ потому къ нему имѣетъ большую симпатію, что одинаково съ нимъ обладаетъ краснымъ носомъ, указывающимъ на извѣстную будто бы слабость (хотя, наоборотъ, въ дѣйствительности Стороженко былъ человѣкъ очень умѣренный по части выпивки), мы начали весело, бокъ-о-бокъ работать въ музеѣ втроемъ (жена къ новому году—въ 1874 году,—была допущена въ читальный залъ), и время проходило совершенно незамѣтно, а результаты получились для работы самые плодотворные. Каждый лишній день открывалъ намъ прекрасную душу Николая Ильича и способствовалъ большому между нами сближенію. Вотъ что, напримѣръ, писала о немъ моя жена своимъ родителямъ, нѣсколько позднѣе, въ іюль мѣсяцѣ 1874 года: „Мнѣ помѣшалъ немедленно вамъ писать своимъ приходомъ Стороженко, нашъ новый знакомый, московскій профессоръ исторіи и литературы; славный онъ человѣкъ, безконечно добрый и общительный, просидѣлъ въ нашей конуркѣ весь вечеръ, все болталъ о разныхъ матеріяхъ. Если придется удобный случай, я васъ непременно съ нимъ познакомлю въ Москвѣ. Впрочемъ, тамъ его пожалуй не поймашь, у него куча знакомыхъ и между ними много дамъ, которыя, я могу себѣ представить, не подѣлятъ его между собой. Какъ видите, мы теперь не такъ живемъ уединенно, какъ въ началѣ, хотя такъ же скромно въ отношеніи квартиры и ѣды. Небольшое знакомство, впрочемъ, которое у насъ началось, вовсе не служитъ помѣхой нашимъ занятіямъ; оно, напротивъ, лишь доставляетъ необходимую рекреацію для ума и сердца. Изъ музейскихъ часовъ, т. е. промежуткомъ между 9 часами утра и 6 вечера (съ начала весны) мы никогда не позволяемъ себѣ ничего просрочивать. Только вчера позволили себѣ въ первый разъ пропустить цѣлый день и посвятили его на Хрустальный Дворецъ, который, къ сожалѣнію, какъ большая часть музеевъ въ Лондонѣ, открытъ только въ будніе дни. Все это было бы ничего, лишь бы только поскорѣй устроиться...“

Чѣмъ болѣе времени проходило, и главная наша работа на диссертацию подвигалась, тѣмъ больше въ то же время закрадывалось невольное сомнѣніе о будущемъ и о томъ, какъ устроимся впереди.

Въ письмѣ къ матери жена моя пишетъ, напримѣръ, въ это время, въ іюнь 1874 года: „Дѣло въ томъ, что мы начинаемъ сильно беспокоиться на счетъ мѣста, съ тѣхъ поръ какъ узнали отъ пріѣхавшаго сюда одного московскаго профессора, что Мильгаузенъ, котораго мужъ долженъ былъ замѣнить, снова выбранъ и остался еще на пять лѣтъ. Правда, намъ писалъ Соколовъ, что хотять учредить вторую финансовую кафедру, но это еще не вѣрно, и во всякомъ случаѣ это будетъ кафедра по русскимъ финансамъ, такъ

что И. И. придется читать предметъ, которымъ онъ мало занимался, а теперешніе его труды не получаютъ непосредственнаго приложенія. Изъ всего этого, главное, обидно, что всѣ эти новости мы узнали со стороны, а что тѣ люди, которые должны были бы, кажется, чувствовать нѣкоторую отвѣтственность, такъ какъ сами обнадружили мужа, тѣ молчатъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Мы, конечно, надежды виолѣ не теряемъ, но обидно будетъ, если придется искать мѣста не въ Москвѣ. Я съ нетерпѣніемъ жду, какъ это все рѣшится? И. И. работаетъ, кажется, какъ нельзя больше, и за нимъ дѣло не должно бы постоять“.

Любопытно, что въ то же время у насъ начало появляться съ женой впервые, несмотря на всю усердную работу и удовольствія и культуру англичанъ, нѣкоторое Heimweh, тоска по родинѣ, которая чаще и чаще сказывалась въ нашихъ письмахъ, между прочимъ и въ письмахъ жены къ ея родителямъ, которая съ дѣтства (съ 12 лѣтъ) не видала Россіи, оставаясь безвыѣздно на воспитаніи въ Дрезденѣ. Такъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ ея отъ 13 іюня 1874 г. она пишетъ по поводу извѣстія объ ея братьяхъ, уже вернувшихся домой, слѣдующія замѣчательныя строки: „Я по правдѣ сказать не вѣрю, чтобы мальчики“, какъ она довольно смѣло называетъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ по крайней мѣрѣ гораздо старше ея, а другой былъ почти ровесникомъ, „мало интересовались всѣмъ русскимъ. Миѣ кажется, я, послѣ того какъ осмотрѣла нѣсколько европейскихъ столицъ, все-таки съ особеннымъ чувствомъ буду проходить черезъ простую русскую деревню. Оттого ли, что женская натура больше живетъ чувствомъ, я сохранила глубокое, хотя и смутное воспоминаніе о картинахъ дѣтства и боюсь, что расплачусь при первыхъ звукахъ русскаго народнаго языка(!). Много я видѣла хорошихъ странъ и вотъ теперь живу въ самомъ центрѣ цивилизаціи, гдѣ поминутно восхищаюсь успѣхами человѣчества, а внутреннее чувство все-таки тянетъ куда-то къ себѣ, въ свою родину, въ свой домъ, къ своимъ роднымъ. Чувство это такъ сильно, что когда предположишь возможность, что никогда не попадешь отсюда въ Россію, или, что какое-нибудь неожиданное обстоятельство задержитъ наше возвращеніе, то замираетъ сердце, и чувствуешь себя такъ же, какъ во снѣ, когда видишь близкаго человѣка, хочешь къ нему подойти, но увы, ноги окоченѣли и не можешь сдвинуться съ мѣста...“!! „Иногда миѣ кажется, что я не переживу выѣзда въ Россію и радостной встрѣчи со всѣми. Но вы, впрочемъ, пожалуй скажете, что я фантазирую, и я начинаю раскаиваться, что это написала“....

Я долженъ въ настоящее время нѣсколько вернуться назадъ въ хронологическомъ отношеніи, къ веснѣ 1874 года, къ общему ходу

нашихъ съ женой занятій въ стѣнахъ Британскаго музея. Въ мартѣ значительная часть матеріала для диссертациі была собрана, о чемъ я особенно и заботился, такъ какъ писать можно было бы вездѣ. Въ то же время лондонская дороговизна и особенно недостаточное питаніе и жизненная обстановка становились нестерпимы, послѣ полугодичнаго пребыванія. Иногда приходилось мнѣ прерывать свое куреніе, женѣ отказываться отъ молока къ чаю и все-таки не всегда удавалось сводить концы съ концами, какъ было въ январѣ. Кромѣ того нѣкоторыхъ важныхъ нѣмецкихъ книгъ для исторіи Англіи я не могъ найти въ Лондонѣ. Все это вмѣстѣ привело за собой мысль покинуть Лондонъ и дописывать диссертацию въ другомъ мѣстѣ. Списавшись, помню, по этому поводу съ А. И. Чупровымъ, который раньше меня былъ въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, я остановился на мысли переселиться въ Мюнхенъ, Hof-Bibliothek котораго Чупровъ особенно хвалилъ, отмѣчая также и тамошнюю дешевизну жизни. И вотъ мы рѣшили переселиться изъ Лондона въ Мюнхенъ и пробыть тамъ до августа, срока нашего возвращенія восвояси, на родину.

Я не буду описывать нашей обратной дороги въ Германію, которая прошла благополучно, хотя была интереснѣй нашего стараго путешествія. Мы приѣхали сначала въ тотъ же Гейдельбергъ съ нашими вещами, но только окружнымъ путемъ черезъ Парижъ, гдѣ пробыли всего нѣсколько дней, при чемъ послѣ продолжительной жизни въ Лондонѣ и нѣсколькихъ англійскихъ привычекъ къ нашему собственному удивленію, Парижъ намъ не понравился и показался вовсе не блестящимъ и шумнымъ городомъ, какъ приличествуетъ столицѣ. Насъ поразили, помню, въ это короткое пребываніе въ Парижѣ, лишь двѣ черты: необыкновенно изящный вкусъ французовъ во всемъ и про все, начиная съ украшеній лавокъ и магазиновъ и кончая костюмами женщинъ и затѣмъ сравнительная дешевизна съ Лондономъ, понятіе впрочемъ очень относительное, такъ какъ на дурно приготовленномъ англійскомъ продовольствіи я былъ сытъ, а на хорошемъ парижскомъ я все время чувствовалъ себя голоднымъ!!!

Въ Гейдельбергѣ мы застали большую знакомую компанію русскихъ, встрѣтившихъ насъ съ распростертыми объятіями, и пробыли тамъ, при хорошей къ счастью погодѣ, въ серединѣ марта около недѣли, забрали весь свой обширный багажъ, хранившійся у Розенберга и Черемшанскихъ, и отправили его малой скоростью на Мюнхенъ. Большая компанія пріятелей провожала насъ на бангофъ съ наилучшими пожеланіями скорѣй видѣться, что къ сожалѣнію относительно многихъ не осуществилось на цѣлые годы.

Выѣхавши вечеромъ изъ Гейдельберга при хорошей погодѣ, мы пріѣхали въ Мюнхенъ рано утромъ, при чемъ снѣгъ валилъ какъ среди зимы, и всѣ улицы наполнены были сугробами, что насъ очень сразу огорчило. Нашъ единственный пріятель, жившій въ Мюнхенѣ, Макаровъ подтвердилъ намъ свѣдѣнія Чупрова о дешевизнѣ Мюнхена, сравнивая съ Лондономъ, въ чемъ мы впрочемъ убѣдились скоро сами, а равно и въ томъ, что насколько начали лучше питаться, настолько же, увы, проиграли, оставивши Лондонъ, въ своихъ научныхъ интересахъ. На другой же день я отправился въ Государственную бібліотеку, чтобы получить въ нее доступъ. Оказалось, какъ намъ, впрочемъ, раньше говорилъ Макаровъ, что тамъ собственно заниматься нельзя, вслѣдствіе дурного и неприспособленнаго помѣщенія, въ это время при томъ очень холоднаго, и что надо брать книги на домъ, для чего обязательно требуется рекомендація. На мой запросъ въ бібліотекъ, какую рекомендацію могу представить, старшій бібліотекаръ отвѣтилъ мнѣ: „Конечно, вашего посольства“. Отправился туда (посланникомъ нашимъ, на сколько помнится, былъ тогда г. Озеровъ). На мою просьбу дать мнѣ рекомендацію для полученія книгъ секретарь посольства отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ: „Почемъ оно меня знаетъ?“ При этомъ, какъ я слышалъ изъ громкаго разговора секретаря, очевидно, съ послемъ въ сосѣдней комнатѣ, поставленъ былъ вопросъ о моей доброкачественности, съ какой стати они будутъ ручаться, когда я каждую минуту могу съ книгами уѣхать изъ Мюнхена, а имъ отвѣчать?! На всѣ мои настоянія и просьбы дать мнѣ возможность заниматься, отвѣчали рѣшительнымъ „нѣтъ“ и выдали только свидѣтельство, что по паспорту я значусь такимъ-то, что было совершенно бесполезно, ибо, какъ извѣстно, въ иностранномъ паспортѣ имѣется и безъ того страница на нѣмецкомъ языкѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, главный бібліотекаръ Hofbibliothek отвѣчалъ мнѣ рѣшительнымъ отказомъ выдавать книги. „Не могу я“, резонно говорилъ онъ, „вѣрить Вамъ, когда вамъ не вѣрить ваше посольство“?! Мнѣ оставалось отправляться назадъ въ Лондонъ. Вѣроятно по моему лицу было замѣтно большое огорченіе, если секретарь (посла я не видалъ все время въ глаза) спросилъ меня, нѣтъ ли у меня кого-нибудь знакомаго изъ мѣстныхъ жителей? На что я ему рѣшительно отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда бібліотекаръ, спасибо ему хоть за это, посоветовавшись съ кѣмъ-то, предложилъ мнѣ, какъ послѣднее средство, внести залогъ и вотъ, будучи въ весьма тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, я долженъ былъ внести что-то въ родѣ 30 гульденовъ, сумму для меня большую, которая должна была постоянно лежать въ бібліотекѣ до отъѣзда, а мнѣ

отпускалось за нее по рѣшенію бібліотекаря всего лишь пять книгъ.

При новыхъ условіяхъ очень неудобныхъ пришлось мнѣ продолжать свою работу надъ диссертацией въ Мюнхенѣ. Я имѣлъ прекрасную, сравнительно съ Лондонской, комнату около англійскаго и общественнаго сада въ Мюнхенѣ, съ хорошимъ воздухомъ, сытной, если не вкусной пищей, чрезвычайно дешевый напитокъ въ видѣ превосходнаго пива, и т. д., но, увы зато полное препятствіе къ успѣшному занятію. Вскорѣ оказалось, что система выдачи составляетъ въ бібліотекѣ большое зло на практикѣ, что въ Британскомъ музеѣ было невозможно. Я получалъ часто отвѣты, что такой-то книги у нихъ нѣтъ, потому что она читается или совсѣмъ ея нѣтъ, чего я провѣрить былъ лишенъ возможности, а впоследствии оказывалось, она есть и была не найдена лишь по небрежности бібліотекаря. Двѣ, три недоставшихъ мнѣ нѣмецкихъ книги по исторіи XVII вѣка въ Англіи я, конечно, прочелъ очень быстро; затѣмъ пришлось обратиться къ тѣмъ же англійскимъ и особенно къ безконечному многотомному „Parliamentary Debates“ изъ многихъ тысячей томовъ. Я уже просмотрѣлъ съ помощью жены въ Британскомъ музеѣ нѣсколько сотъ томовъ этого изданія и выписалъ изъ нихъ все важнѣйшее по акцизу, но у меня оставалось за XVIII—XIX вѣкъ еще болѣе сотни непросмотрѣнныхъ томовъ и, если въ Англіи я имѣлъ возможность, съ помощью жены, перелистовать въ одинъ день 20 томовъ, то въ Мюнхенѣ можно было это же сдѣлать, и то не всегда, съ двумя, тремя, при общемъ числѣ пяти забранныхъ книгъ. Слѣдовательно, для одного только Parliamentary Histories, принимая во вниманіе большія выписки изъ нея, мнѣ понадобилось бы, расчелъ я, нѣсколько мѣсяцевъ. Очевидно я не могъ долѣе при этихъ условіяхъ оставаться въ Мюнхенѣ и работать съ успѣхомъ, чтобы кончить диссертацию до августа. Что же дѣлать? Какъ быть? Ѣхать въ Вѣну? Но тамъ бібліотека была гораздо хуже, по словамъ Чупрова, и даже въ Берлинѣ въ то время бібліотека была въ меньшихъ размѣрахъ, нежели въ Мюнхенѣ. Такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль занятія и размышленія, я невольно пришелъ къ заключенію о необходимости покинуть Мюнхенъ, и какъ ни жалко, съ первыми пароходами по Рейну пришлось возвратиться въ Лондонъ съ его худыми матеріальными условіями.

Послѣ всѣхъ этихъ неудачъ и полуторамѣсячнаго пребыванія въ Мюнхенѣ, я оставилъ цѣлый большой ящикъ своихъ книгъ, накопившихся за двухлѣтнее пребываніе за границей, у одного пріятеля въ Мюнхенѣ съ просьбой ихъ нѣсколько позднѣе выслать малой скоростью въ Москву на имя профессора Соколова, который на

то согласился, дабы избѣжать всѣхъ мытарствъ и мукъ съ цензурой, увы, не предвидя, что къ этимъ мытарствамъ присоединятся еще совершенно неожиданно мытарства таможенные, о которыхъ я не догадывался и въ свое время расскажу. Затѣмъ, самолично я довольно быстро перебрался въ Майнцъ, гдѣ мы сѣли на пароходъ и за дешевую, помню, чрезвычайно цѣну во второмъ классѣ, вдоль по Рейну и черезъ Роттердамъ, вернулись въ милую нашему сердцу, если не карману, столицу Альбіона.

Мы опять водворились у той же нестерпимой, но добродушной *mrs Siggers*, чуть не на чердакѣ, и избѣгали войны съ мышами только пребываніемъ большей части дня въ стѣнахъ Британскаго музея, открытаго лѣтомъ до 6 часовъ и, замѣчу въ скобкахъ, въ тѣ времена онъ позднѣе не открывался, ибо по старымъ законамъ занятія въ немъ возможны были только при солнечномъ свѣтѣ. Позднѣе, черезъ нѣсколько лѣтъ, во время одного изъ нашихъ многочисленныхъ посѣщеній Лондона, пріѣхалъ нашъ извѣстный изобрѣтатель Яблочковъ изъ Парижа, устроилъ электричество впервые на Ватерлосскомъ мосту и въ Британскомъ музеѣ, при чемъ мы, русскіе, конечно, торжествовали, что дали возможность какъ-бы отплатить англичанамъ за ихъ любезность и одолженія для насъ ихъ библіотекой; Британскій музей съ тѣхъ поръ началъ круглый годъ работать до 7 или 8 часовъ, хотя очень скоро какія-то практическія несовершенства, а можетъ быть практическая неловкость русскихъ изобрѣтателей проявилась и у Яблочкова, какъ у многихъ другихъ россіянъ (помню, оно часто и внезапно потухало). Дальнѣйшее усовершенствованіе для электричества сдѣлала берлинская фирма Сименсъ и Гальске; къ ней перешло скоро поэтому освѣщеніе музея, такъ что мы, русскіе, гордились очень короткое время.

Мы опять съ женой водворились на старыхъ столахъ, добродушно перездоровались со всѣми библіотекарями и служителями, какъ со старыми знакомыми, и усердно принялись на всѣхъ парахъ за дальнѣйшее приготовленіе диссертациі. Писаніе пошло еще быстрѣе, чѣмъ прежде, несмотря на милое общество Стороженки, иногда насъ отвлекавшаго отъ работы.

Планъ моей книги вскорѣ былъ совершенно выработанъ. Историческій отдѣлъ, это часть первая диссертациі, была цѣликомъ написана; второй же отдѣлъ, гдѣ описывалось дѣйствующее законодательство, лишь набросанъ частями; матеріалы для него лишь въ значительной части были собраны, и требовалось лишь мѣсяца два легкой работы привести конспектъ и этотъ матеріалъ въ настоящую книгу, что я надѣялся сдѣлать уже въ Россіи, хотя бы во время

самого процесса печатанія. Главнѣйшимъ гвоздемъ моей работы являлась мысль или идея о борьбѣ классовыхъ интересовъ, которая отражается на государственномъ строѣ и характерѣ финансовыхъ учрежденій,—идея, выработанная мною самостоятельно, безъ всякаго вліянія, наиримѣрь Маркса, который хотя незадолго передъ тѣмъ вышелъ, но я не зналъ его даже по имени, работая съ нимъ, какъ впоследствии оказалось, чуть не рядомъ и по тѣмъ же источникамъ Британскаго музея, главное щедро пользуясь матеріалами и указаніями въ извѣстномъ трудѣ прошлаго вѣка „Morton Eden: The State of the Poor“, оригинальной книги, которой Марксъ обязанъ своими выводами больше, чѣмъ о томъ упомянулъ въ своихъ сочиненіяхъ.

„Историческій очеркъ англійскаго акциза“, писалъ я, позднее, для словаря Венгерова, „доказываетъ несомнѣнный фактъ, что на формѣ обложенія въ Англии всегда рѣзко отражалось имущественное господство того или другого класса народа: борьба классовыхъ интересовъ опредѣляетъ характеръ финансовой системы. Такъ, акцизы, какъ форма выгодная для интересовъ землевладѣльческаго класса, введена въ Англию въ XVII, а равно и въ XVIII вѣкахъ, во время именно преобладанія политическаго этого сословія въ странѣ; въ XIX вѣкѣ наоборотъ, съ ростомъ значенія высшей денежной аристократіи, огромное большинство акцизовъ, какъ и таможенныхъ пошлинъ, отмѣняется, потому что они препятствуютъ дальнѣйшему ходу развитія британской промышленности и торговли; изъ нихъ остаются немногіе, но очень доходные налоги, а въ настоящее время, наконецъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ политическаго значенія рабочаго класса, уже болѣе и болѣе раздаются голоса за расширеніе прямого оцѣночнаго обложенія съ доходовъ и отмѣну уцѣлѣвшихъ косвенныхъ налоговъ. Главнѣйшій выводъ всего изслѣдованія состоитъ въ томъ, что равномерность и пропорціональность податной способности въ англійской финансовой системѣ явно нарушается, и рабочій классъ въ два съ половиной раза обложенъ сильнѣе, нежели высшіе классы.

„Добавлю къ этому, что Марксъ въ то время мнѣ былъ извѣстенъ лишь по имени и никакого вліянія на мои выводы оказать не могъ, и они получены совершенно самостоятельно на основанія изученія англійской экономической исторіи, въ тѣхъ же залахъ Британскаго музея, гдѣ штудировалъ нѣмецкій соціалистъ (С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. т. VI СПб. 1904—1907, стр. 62).

Главная идея моей книги чрезвычайно заинтересовала нѣмецкаго молодого экономиста Артура фонъ-Штудницъ, жившаго тогда

въ Лондонѣ, въ качествѣ корреспондента извѣстной тогда Аугсбургской нынѣ Мюнхенской Allgemeine Zeitung. Нѣсколько лѣтъ спустя, по его просьбѣ, мой другъ М. М. Ковалевскій, о которомъ позднѣе буду много говорить, работавшій тогда въ музеѣ, сдѣлалъ для него большой конспектъ изъ моей книги. Штудницъ напечаталъ въ своей газетѣ цѣлыхъ двѣ о ней статьи, подавшія поводъ къ обсужденію (1876 годъ) и критикѣ въ нѣмецкой печати моихъ экономическихъ воззрѣній, большею частью въ благопріятномъ смыслѣ.

Наконецъ, приблизилось время, въ концѣ, примѣрно, іюля, возвращаться намъ въ Россію и покинуть столь дорогой и полезный для нашей научной дѣятельности и развитія, Британскій музей и Лондонъ. Мы рѣшили вернуться тѣмъ самымъ путемъ, какъ первый разъ я вступилъ въ предѣлы Германіи, т. е. черезъ Дрезденъ, Сосновицы и Варшаву. Въ первомъ хотѣли повидать нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ и этой дорогой, съ недѣльнымъ отдыхомъ въ Дрезденѣ, мы двинулись въ Москву, для моей жены совершенно не знакомую, которую, какъ приводилъ я раньше, она такъ жаждала видѣть вмѣстѣ со своей бѣдной необразованной родиной.

Въ Дрезденѣ, какъ мы ожидали, уже нашли очень мало старыхъ знакомыхъ. Какъ я раньше объ этомъ рассказывалъ, въ 1874 году, вмѣстѣ съ опубликованіемъ устава о всеобщей воинской повинности, огромное число русскихъ, постоянно проживавшихъ въ Дрезденѣ, возвратилось домой, ради пользованія льготными правами для воинской службы. То же продѣлала и семья моего тестя, сыновья котораго, братья моей жены, уже давно вернулись въ Москву. Естественно, поэтому, что Дрезденъ произвелъ на насъ болѣе грустное, чѣмъ радостное впечатлѣніе. Знакомыя улицы и отсутствіе привычныхъ родственныхъ и дружественныхъ лицъ производило угнетающее впечатлѣніе, и мы не зажились долго, черезъ недѣлю уже собрались домой на родину, демократически, конечно, въ 3-мъ классѣ, и дня черезъ три жена моя въ первый разъ не безъ удивленія и сильнаго волненія увидела Москву. Дорогой никакихъ особенно заслуживающихъ вниманія впечатлѣній не было, кромѣ развѣ комическаго случая на самой границѣ при таможенномъ надзорѣ, о которомъ стоитъ упомянуть. Матушка моей жены, вернувшись въ Россію въ городъ Ржевъ, гдѣ проживалъ Н. В. Вельяшевъ, не могла найти въ то время въ уѣздномъ городкѣ одинъ необходимый предметъ домашняго обихода, распространенный за границей, а именно каменное ведро для выливанія грязной воды послѣ умыванья. Жена моя, которой она жаловалась въ письмѣ на это маленькое горе, желая услужить милой мамашѣ, приобрѣла въ Дрезденѣ такое именно ведро, при чемъ чрезвычайной тяжести, ничтоже сумняшеся набила

его мягкимъ бѣльемъ и помѣстила на днѣ нашего большого чемодана. Я рѣзко протестовалъ противъ этого, указывая на чрезвычайную тяжесть ведра, а потому на высокій желѣзнодорожный тарифъ, по которому придется платить за его перевозку, на огромное разстояніе до Твери (гдѣ ея мать тогда жила) вѣроятно дороже, чѣмъ ведро стоитъ, но все было тщетно. Тогда я пошелъ съ женой на компромиссъ, что я согласенъ взять это ужасное ведро, но съ тѣмъ, что, если на границѣ русской таможи, въ добавокъ ко всѣмъ расходамъ, объявятъ ведро подлежащимъ уплатѣ пошлины, то мы его выбрасываемъ (багажъ былъ сданъ только до границы). Когда мы пріѣхали въ Сосновицы, въ пограничную русскую таможию и чиновники обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь подлежащаго уплатѣ пошлиною?“ я имъ смѣло отвѣчалъ: „У меня ничего нѣтъ, у жены есть; она везетъ на днѣ своего сундука каменное ведро“. Я, конечно, ожидалъ въ нихъ найти немедленно союзниковъ, что они потребуютъ высокую по нашему тарифу пошлину и ведро будетъ выброшено. Но, увы, эффектъ получился совершенно иной, даже съ противоположными послѣдствіями. Таможенныя приняли мое заявленіе очевидно за шутку, громко разсмѣялись и тотчасъ же приказали артельщику запереть сундукъ и отправить его по назначенію. Жена моя торжествовала. Мнѣ вновь пришлось уплатить дорого за провозку ведра въ ущербъ для русской фаянсовой промышленности, къ интересу которой я отнесся такъ ригорозно и строго.

Когда мы прибыли въ Москву и немного осмотрѣлись, дѣло мое оказалось въ довольно удовлетворительномъ положеніи. По предложенію Соколова установлено было, въ виду моего прибытія и при томъ почти съ диссертацией, немедленно открыть въ университетѣ другую кафедру финансовъ—исторію и поручить мнѣ, но печатать мою работу университетъ отказался, потому что „Университетскія Извѣстія“ въ это время по недостатку средствъ были прекращены, а другого источника не было.

Предстоялъ такимъ образомъ спѣхъ съ окончаніемъ диссертацин. Матеріалъ для второй части у меня былъ почти весь собранъ, и даже конспектъ набросанъ. Мнѣ недоставало для пользованія нѣсколькихъ книгъ, которыя были вмѣстѣ съ прочими высланы моимъ пріятелемъ за мѣсяць до возвращенія въ Москву на имя профессора Соколова, чтобы облегчить хлопоты съ цензурою. Когда я обратился съ запросомъ къ Н. К. Соколову, пріѣхавши въ Москву, при первомъ посѣщеніи я получилъ отъ него отрицательный отвѣтъ, затѣмъ спрашивалъ еще два или три раза, но книгъ онъ все еще не получалъ. Между тѣмъ диспутъ мой непременно дол-

женъ былъ состояться какъ можно скорѣй, въ виду чего пожертвовавши отчасти качествомъ своего сочиненія, я долженъ былъ пропустить обработку тѣхъ вопросовъ второй части, по которымъ нужныхъ книгъ не доставало. Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Н. К. Соколовъ въ это время серьезно заболѣлъ и волею Божіею скоро умеръ. Диссертация моя была написана окончательно и напечатана уже безъ помощи моей библіотеки, исчезнувшей неизвѣстно куда. Я наводилъ справки въ Мюнхенѣ, оказывалось бесполезно. Книги были посланы давнымъ давно и слѣдовало имъ быть собственно еще при жизни Соколова у него на рукахъ.

Наконецъ, по совѣту одного опытнаго практическаго человѣка, я явился къ одному нижнему чину въ таможи и всучилъ ему напередъ въ благодарность рубль, если онъ найдетъ большой тюкъ съ книгами изъ Мюнхена. Представьте мое удивленіе и негодованіе, когда, черезъ нѣсколько времени, этотъ служащій увѣдомилъ меня открыткой, что дѣйствительно уже нѣсколько мѣсяцевъ книги мои прошли въ московскую таможию и лежатъ неполученныя, а сами книги записаны какъ старья и удалены. Я вновь отправился за тридевять земель, потому что жилъ далеко, на Николаевскую станцію, гдѣ помѣщалась заграничная таможня. Провѣрили,—извѣстіе оказалось вѣрнымъ. Но, вмѣсто того, чтобы поправить свою вину и поспѣшить выдать мнѣ книги, таможенные объявили, что я кругомъ виноватъ, не получая столько времени свою собственность, они же вовсе не обязаны доставлять по адресу, а адресатъ долженъ постоянно справляться въ таможи. Теперь-де я долженъ заплатить большой штрафъ за неявку, а сверхъ того за все полежалое храненіе книгъ, помимо обычныхъ сборовъ на артель и проч.!!!

Когда я заявилъ, что профессоръ Соколовъ успѣлъ скончаться, не получивши этихъ книгъ для меня, то мнѣ предъявили таможенные новую неприятность и осложненіе, отказались выдать мнѣ мой ящикъ съ книгами иначе, какъ я докажу судомъ свои права наслѣдства послѣ Соколова.

Представьте все мое отчаяніе послѣ этихъ хлопотъ? Книги крайне нужны, мои собственные, прибрѣтены на послѣдніе гроши, собранные за границей, и вдругъ я долженъ нести большія тягости, платить штрафъ, да еще судомъ доказывать на нихъ права наслѣдства! Послѣ большихъ хлопотъ, въ которыхъ принялъ участіе добрый С. М. Соловьевъ, написавшій отъ себя просительное письмо къ управляющему таможеннымъ округомъ, мнѣ рѣшили выдать книги безъ суда, но тѣмъ не менѣе таможня собрала экспертовъ изъ иностранныхъ книгопродавцевъ и опредѣлила стоимость книгъ, при чемъ я пострадалъ за честность, назвавши ихъ дѣйствительную

стоимость. Книги эти, съ обычной процедурой пройдя через горнила цензуры и утративши нѣсколько секвестрованныхъ книгъ (въ томъ числѣ „Примѣчанія къ политической экономіи Милля“!!!), были мнѣ вручены и доставлены въ Грузіны, гдѣ уже надобность въ значительной части этихъ книгъ для меня миновала, а въ настоящее время онѣ пребываютъ въ стѣнахъ университета въ качествѣ его собственности, дорого оплаченныя мною за мою неопытность и дикую нелѣзную волокиту и порядки нашей таможи.

Надо было привести въ порядокъ матеріалъ для второй части диссертациі и хорошенько его изложить, для чего требовалось уединиться на нѣсколько недѣль. Сдѣлать это въ Москвѣ было мудрено при отсутствіи, съ окончаніемъ стипендіи, всякихъ средствъ и дороговизнѣ жизни, а въ это время родители жены настойчиво звали насъ вмѣстѣ къ себѣ въ Ржевъ; и вотъ я во второй разъ въ моей жизни направился въ этотъ промышленный городокъ Тверской губерніи съ молодой супругой и съ недоконченной диссертацией, для ея окончанія. Я не буду говорить болѣе о самомъ Ржевѣ, хотя нашелъ въ немъ много перемѣнъ. Во-первыхъ, къ нему проведена была желѣзная дорога, измѣнившая во многомъ экономическое положеніе. Въ немъ открылась гимназія, банкъ, и городокъ замѣтно оживился. На этотъ разъ недостатка въ обществѣ отнюдь не было, хотя старыхъ извѣстныхъ мнѣ лицъ не доставало. Увы, отецъ Дмитрій скончался, В. И. Кудрявцевъ обѣднѣлъ и переселился куда-то въ другое мѣсто и т. д. Но мнѣ, впрочемъ, на этотъ разъ общество и не нужно было. Необходимо было сосредоточиться на три или на четыре недѣли, чтобы поставить въ диссертациі послѣднюю точку, что я собственно и сдѣлалъ. Уже въ концѣ сентября мое изслѣдованіе объ англійскихъ акцизахъ было закончено. Надо было лишь позаботиться объ его напечатаніи.

Такъ какъ университетъ отказывался мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ, а разумѣется, я не имѣлъ такой суммы, какъ 600 р., по вычисленію типографіи, необходимой для печатанія, то слѣдовало поискать издателя. Къ счастью тутъ помогли старые знакомые и нѣкоторыя добрыя души. Супруга издателя уже въ это время прекратившагося журнала „Грамотей“ Ольга Ивановна Алябьева, съ которой я имѣлъ удовольствіе прежде встрѣчаться, вспомнила старую пріязнь, употребила нѣкоторое вліяніе на своего брата, извѣстнаго московскаго типографщика, Анатолія Ивановича Мамонтова, который и взялся напечатать мою диссертацию безъ всякихъ съ моей стороны расходовъ и на самыхъ льготныхъ для меня условіяхъ. Я воспользовался съ истинной благодарностью этимъ добрымъ предложеніемъ и послѣ нѣкотораго, довольно впрочемъ продолжительнаго срока, недѣль

въ шесть, книга моя „Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ“ была напечатана, и я съ радостью держалъ ее въ своихъ рукахъ въ началѣ ноября. Немедленно затѣмъ она была роздана всѣмъ членамъ юридическаго факультета, и 23 ноября 1874 г. было торжественное публичное собраніе, на которомъ я выступилъ въ защиту тезисовъ своей работы для полученія степени магистра. Оппонентами на диспутъ явились два добро расположенныхъ ко мнѣ лица, самъ деканъ профессоръ Мильгаузенъ и другъ, профессоръ Чупровъ. Благодаря несомнѣнно отчасти этому обстоятельству, диспутъ мой былъ настоящимъ торжествомъ для меня и сошелъ вполне благополучно, прерываемый постоянными рукоплесканіями. Въ заключеніе же, по нѣкоторомъ совѣщаніи очень краткомъ, Мильгаузенъ прочелъ слѣдующее о моей работѣ мнѣніе факультета и постановленіе его:

„Диссертация кандидата Янжула: „Исторія косвенныхъ налоговъ въ Англии“ составляетъ трудъ совершенно самостоятельный, основанный на изученіи первоначальныхъ источниковъ, доступъ къ которымъ былъ открытъ ему въ Британскомъ музеѣ. Пользованіе этими источниками дало ему возможность не только пополнить, но и исправить нѣкоторыя свѣдѣнія, содержащіяся въ сочиненіяхъ ему предшествующихъ. Этого мало. Авторъ не ограничивается тѣсными предѣлами своей спеціальности, а рассматриваетъ исторію каждаго отдѣльнаго налога всегда въ связи съ общимъ политическимъ и экономическимъ состояніемъ страны, указываетъ на вліяніе господствующихъ политическихъ партій на сужденія и приговоръ общественнаго мнѣнія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи богатымъ матеріаломъ служила ему текущая литература за всѣ два—три вѣка, которыхъ касается его сочиненіе, напримѣръ, памфлеты, газетныя статьи, петиціи разныхъ обществъ и т. д. На эту сторону предмета до него ни одинъ писатель не обращалъ надлежащаго вниманія, а между тѣмъ она-то сообщаетъ изложенію автора особенную живость и интересъ. По всѣмъ указаннымъ причинамъ Юридическій Факультетъ считаетъ диссертацию кандидата Янжула не только достойной искомой имъ степени, но удовлетворяющею и самымъ строгимъ требованіямъ науки“.

„Деканъ О. Мильгаузенъ“.

Послѣ обычныхъ поздравленій и лобызаній всѣ разѣхались по домамъ. Увы, я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы предложить, по заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, своимъ товарищамъ обѣдъ. Помню, какъ теперь, послѣ диспута, я съ тремя изъ болѣе близкихъ своихъ закадыкъ, старыхъ пріятелей по студенчеству, вернулся къ себѣ въ маленькую комнатку въ номерахъ Андреева на

Пречистенскомъ бульварѣ и послалъ жену впередъ распорядиться купить водки и закуски, чтобы угостить этимъ простымъ русскимъ образомъ почтившихъ посѣщеніемъ товарищей, но, увы, она оказалась при своемъ нѣмецкомъ воспитаніи такъ наивна, что купила водки и больше ничего, такъ что, когда мы явились въ номеръ, оказались на столѣ большая бутылка водки и большая банка съ вареньемъ, присланная мнѣ ся милой мамашей, и за неимѣніемъ другой закуски мои гости со смѣхомъ рѣшились пить водку съ вареньемъ.

Вскорѣ же, какъ получившій степень магистра, я былъ избранъ совѣтомъ доцентомъ финансоваго права, со дня избранія т. е. съ декабря 14-го 1874 г. Такимъ образомъ скользкій и тернистый путь всей профессорской промоціи въ этотъ великій для меня день закончился полученіемъ перваго профессорскаго званія и мѣста, четыре года спустя послѣ моего оставленія при университетѣ, и нѣтъ сомнѣнія, повторяю опять, въ значительной степени благодаря благопріятнымъ обстоятельствамъ и, во главѣ ихъ, моей женитьбѣ и, слѣдовательно, двойной успѣшности въ ходѣ моихъ ученыхъ работъ и занятій. Разница между мной въ декабрѣ 1874 г. послѣ диспута и въ іюнѣ 1870 г., когда я былъ причисленъ къ университету, огромная. Во всѣхъ отношеніяхъ я сдѣлался выше. Благодаря четыремъ благотворно проведеннымъ годамъ за границей, я не только былъ гораздо болѣе свѣдущъ въ своей финансовой наукѣ, но сдѣлался еще зрѣлѣе, ровнѣе по образованію и съ большимъ сознаниемъ относился къ окружающему и своимъ нравственнымъ и гражданскимъ обязанностямъ.

Къ сожалѣнію, всякая радость въ моей жизни чередовалась немедленно съ горемъ. Такъ было и въ настоящее время. Едва я сдѣлался магистромъ и доцентомъ и причисленъ къ сонму профессоровъ, а въ концѣ этого мѣсяца наканунѣ новаго года моя молодая, неопытная супруга въ первый разъ обзаводилась разной рухлядью, мебелью, и мы устроили свое гнѣздо на далекой окраинѣ Москвы въ такъ называемыхъ Грузинахъ, а переселились туда лишь въ одинъ изъ первыхъ дней новаго 1875 года, какъ вдругъ разразилась надо мной гроза... Младшій братъ моей жены, мальчикъ 18 лѣтъ, Сережа, внезапно заболѣлъ злокачественной жабой, дифтеритомъ, въ то время болѣзнь страшная, ибо не знали еще способовъ борьбы съ ней. Онъ жилъ временно у насъ, и сестра за нимъ усердно ходила, частью не сознавая опасности болѣзни. Послѣ нѣсколькихъ недѣль страданія и колебанія то въ хорошую, то въ дурную сторону, несчастный мальчикъ скончался на ея рукахъ, когда уже приглашенъ былъ операторъ для совершенія извѣстной трахеотоміи. Жена моя была не только страшно

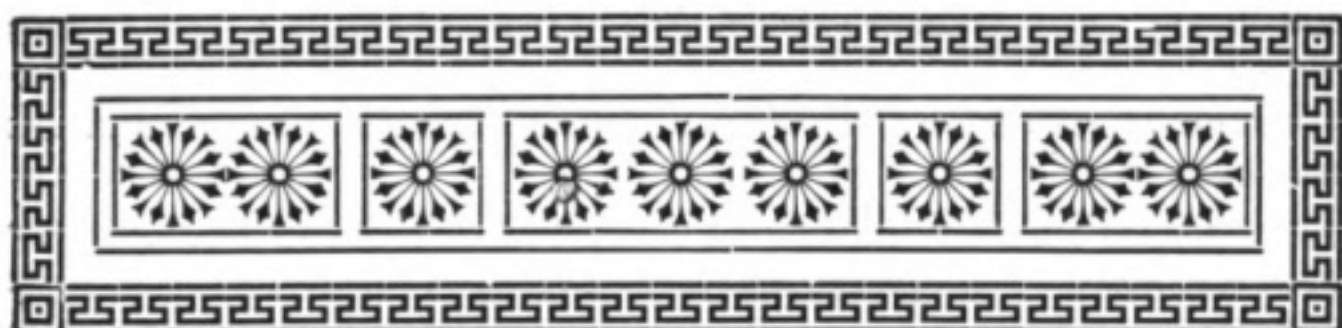
•

потрясена этой первою смертью (отъ матери, которая находилась во Ржевѣ, скрывали эту болѣзнь), но сама заразилась дифтеритомъ и слегла вслѣдъ за похоронами брата. Увы, такимъ образомъ мое гнѣздо, о которомъ я такъ мечталъ съ женой, обратилось быстро въ очагъ заразы, отъ котораго бѣгали всѣ знакомые. Мѣсяца два жена моя боролась со смертью, при чемъ по тѣмъ временамъ добрый и хорошій докторъ, мой землякъ по Рязани, Константиновскій, не желая шарлатанить, не употреблялъ никакихъ лѣкарствъ. Приказалъ лишь постоянно освѣжать комнату. Я цѣлый день переносилъ больную изъ одной комнаты въ другую—освѣжаемую, въ чемъ и состояло долго мое занятіе, вмѣсто чтенія лекцій. Наконецъ молодая природа побѣдила, жена начала понемногу очень медленно поправляться, и я лишь въ концѣ марта мѣсяца могъ открыть свой первый университетскій курсъ студентамъ 4-го курса по исторіи финансовъ, при чемъ успѣлъ ихъ познакомить, кажется, только съ исторіей бѣглою очерка финансовъ двухъ или трехъ странъ, а главное, взялъ на себя тяжелую обузу и велъ за своего патрона Мильгаузена студенческіе экзамены.

Иванъ Янжуль.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1886.

3 іюня. Былъ вчера у кн. Долгорукова. Онъ дѣйствительно снисходительно смотритъ на рѣчь Алексѣева (о Софіи) и даже ее оправдываетъ, хотя и говоритъ, что А. не былъ уполномоченъ. „Что же особеннаго, что А. высказалъ желаніе, воодушевляющее весь русскій народъ до послѣдняго мужика. (?) Поэтому и Государь велѣлъ печатать рѣчь въ „Правит. Вѣстникѣ“: нѣтъ причинъ скрывать отъ Европы желанія русскаго народа! Что за чепуха! Очевидно *mot d'ordre* поддерживать этотъ взглядъ данъ изъ Петербурга, но неужели въ самомъ дѣлѣ Государь хочетъ ринуться въ „политику приключеній“? Европу этимъ испугать нельзя—она знаетъ, что мы не въ силахъ занять Константинополь; но все это внушаетъ къ намъ недоувѣріе и потрясаетъ кредитъ. Не лучше ли было бы заняться внутренними дѣлами? А тутъ же всѣ жалуются на промышленный застой.

Вечеръ провелъ у стараго пріятеля Ник. Мих. Козлова (хлопчатобумажнаго фабриканта изъ Гавриловскаго посада). Тутъ же типическая фигура его отца, вернушагося изъ Іерусалима. Изъ очень маленькаго фабриканта онъ сдѣлался крупнымъ. Теперь производитъ въ годъ разныхъ тканей на 400 т. р. На эту сумму имѣлъ въ 1885 г. только 2% пользы. Онъ сократилъ, по случаю застоя, производство только на 5%. Любопытный вопросъ: онъ увѣряетъ, что при теперешнемъ застоѣ легче мелкимъ фабрикамъ (какова его), чѣмъ большимъ мануфактурамъ (напр. А. Баранова). Онъ затѣваетъ пунцовое дѣло и не боится конкуренціи Баранова; будетъ производить 500 кусковъ, хотя Барановъ болѣе 500 т. кус. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что у крупныхъ фабрикантовъ много

излишнихъ расходовъ (накладныя, освѣщеніе, больница, техники и проч.).

6 мая. Вчера завтракалъ съ редакціей „Русскихъ Вѣдомостей“ въ Славянскомъ базарѣ (Соболевскій, Богдановъ, Чупровъ). Мнѣнія ихъ (кромѣ Чупрова) хотя и нисколько не революціонныя, гораздо менѣе умѣренныя, чѣмъ мои. Они защищали противъ меня оправданіе бунтовавшихъ рабочихъ у Морозова въ Владим. окружн. судѣ. Говорятъ, что со стороны Морозова были страшныя злоупотребленія (штрафы), и что обвиненные просидѣли годъ въ острогѣ. Всѣхъ хуже, по-моему, рѣчь обвинителя, который 3 раза возвращался къ злоупотребленіямъ фабриканта.

28 іюня. Приѣхалъ въ Носково 7 іюня, съ раной на рукѣ. Сильно порѣзалъ руку, сунувши ее въ закрытое окно. Новое испытаніе, посланное мнѣ за мою разсѣянность. Сегодня въ первый разъ пишу. Докторъ Якубъ (земскій врачъ изъ Хотькова) удивляется, что въ мои годы такъ скоро затянулась рана.

Носково, 18 іюля. Долгій перерывъ въ запискахъ: нечего было записывать, кромѣ мыслей, да и трудно было много писать.

Былъ крайне огорченъ поведеніемъ въ отношеніи ко мнѣ носковскихъ крестьянъ. Они первый разъ показали враждебныя ко мнѣ чувства (исторія аллеи). Одинъ, два негодяя подняли всѣхъ. Пассивность нашего народа.

15 іюля съѣхалось такъ много отовсюду, какъ никогда не бывало въ Носковѣ. Это очень скучно. Я лучше дѣлалъ, когда уѣзжалъ на этотъ день.

16 и 17 іюля были земскіе выборы (мелкопомѣстныхъ) въ Дмитровѣ. Такихъ жалкихъ выборовъ я никогда не видалъ.

Съѣхалось избирателей (14) даже менѣе, чѣмъ нужно гласныхъ, (20), и всѣ съѣхавшіеся, безъ выборовъ, признаны гласными. Очевидный повсемѣстный упадокъ земской жизни. Много на это причинъ. Печально. Неужели должно разстаться съ мыслью о самоуправленіи въ Россіи?

5 августа въ 10^{1/2} часовъ утра выѣхалъ изъ Носкова и черезъ Дмитровъ, по почтовой дорогѣ, приѣхалъ въ Москву (Слав. базаръ) въ 2^{1/2} час. ночи.

Ѣхалъ до ст. Черной съ дмитровскимъ почтмейстеромъ Аксеновымъ (испыталъ всѣ неудобства для моихъ цѣлей ѣздить не одному). Остановливался на Покровской мануфактурѣ у Ф. Ф. Бордмана, потомъ на фабрикѣ Сафонова и въ Дѣдѣневскомъ монастырѣ.

Бордманъ о Покровской мануфактурѣ. Отчасти вслѣдствіе кризиса (накопленія товара), отчасти вслѣдствіе новыхъ механическихъ приспособленій, уменьшившихъ нужду въ рабочей силѣ, нужно

Тутъ нѣкоторое улучшеніе, но едва-ли найдется теперь въ губернскомъ городѣ такая плохая гостиница.

Метаморфоза пути отъ Москвы до Владиміра въ теченіи 45 л.—дачи отъ Москвы до Павловскаго посада и культурность окружающихъ мѣстъ (сады, хорошія дачныя постройки). Дачная поверхностная культура въ Россіи.

Особенность владимірскаго населенія: эссенція практичности и трезвости великорус. племени московской области, безъ ярославскаго плутовства, безъ костромскаго добродушія—это самое нормальное выраженіе типа.

Тутъ же въ Кофейной гостиницѣ остановился сегодня ночью Петръ Павловичъ Кожинъ. Образчикъ падшаго дворянства. И предводителемъ не удалось быть выбраннымъ (нельзя было продолжать соединять съ предсѣдательствомъ въ губернской управѣ,—а нужно жалованье), и онъ теперь членъ москов. отд. Дворянскаго банка. Въ этотъ банкъ пристраиваются теперь разорившіеся дворяне.

Былъ у губернатора Судіенко, и онъ былъ потомъ у меня. Онъ, кажется, виляетъ между своимъ довольно просвѣщеннымъ и либеральнымъ образомъ мыслей и нынѣшнимъ направленіемъ. Въ морозовскомъ бунтѣ онъ во всемъ обвиняетъ Морозова и его притѣсненія. Оправданіе въ окружномъ судѣ было неизбежно, тѣмъ болѣе, что прокуратура была слабѣе защиты, но вліяніе оправданія на умы рабочихъ ужасное. Онъ вынужденъ былъ двухъ оправданныхъ не освободить изъ заключенія, но административно выслать. А печально, когда (онъ самъ говоритъ) администрація идетъ въ разрѣзъ съ судебной властью.

Нигилисты только утихли и лишились средствъ, а существуютъ по-прежнему.

Былъ у архіепископа Θεогноста. Онъ заводитъ приходскія школы (говорятъ, принудительно, велѣлъ священникамъ, чтобы были), но говоритъ, что много затрудненій, нѣтъ средствъ. Мы говорили о пользѣ соединенія земскихъ и церковно-приходскихъ школъ.

10 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко.

Судіенко говорилъ въ весьма враждебномъ самоуправленію духѣ. Дворянское самоуправленіе онъ считаетъ невозможнымъ, вслѣдствіе отсутствія дворянъ, но правительство должно взять все земское хозяйство въ свои руки. Все пойдетъ дешевле и лучше.

Меня поражаетъ во Владимірѣ отсутствіе людей, въ сравненіи съ 1860 г. Сколько тогда было здѣсь дѣятелей. Люди возникали подъ вліяніемъ духа реформъ. Вообще интересно сравнить мое

путешествіе того года съ нынѣшнимъ: какое тогда было движеніе. Сколько вездѣ мыслящихъ людей!

11 августа. Вчера обѣдалъ у Судіенко съ ген. Назаровымъ, начальникомъ дивизіи (познакомился въ Нижнемъ, на ярмаркѣ) и съ графомъ Комаровскимъ.

Судіенко сталъ рѣшительно другимъ человѣкомъ, какъ я его зналъ 6 лѣтъ назадъ, или онъ меня тогда (эра Лориса) надувалъ своимъ либерализмомъ, или повернулъ въ угоду нынѣшнимъ вѣтрамъ. Онъ сталъ отвратителенъ своимъ реакціонернымъ направленіемъ, онъ даже фанфаронитъ своимъ деспотизмомъ, хвастается своими произвольными распоряженіями. Вотъ Zeichen der Zeit ¹⁾.

Гусь, 11 августа. Смѣшная исторія съ извозчикомъ, котораго я вынужденъ нанять (несмотря на обѣщаніе Судіенко) за 10 руб. до Маругина (коляска четверней). Выѣхалъ изъ Владиміра въ 10 часовъ, прибылъ въ Маругино въ 5 часовъ, 41 вер., а на серединѣ въ с. Веригинѣ остановка (старуха спрашиваетъ о спорной землѣ). Питаюсь припасами изъ Владиміра. Край (Судогод. у.) сѣрый, бѣдный, такого я еще не видалъ во Владимір. губ. Хотя довольно много деревень черезъ 10, 15 верстъ отъ Владиміра, и народъ не имѣетъ печальнаго вида (но не такой, какъ во Владимірской губерніи).

Пріѣхалъ въ Гусь въ 10^{1/2} часовъ вечера на лошадахъ, высланныхъ за мной оттуда. Тутъ главноуправляющій, Михаилъ Михайловичъ Гайдуковъ—тонкій, терпкій, самобытно русскій, но обученный, говорящій на 3 иностранныхъ языкахъ, очень гостепріимный. Безъ такого человѣка, что бы могъ сдѣлать Нечаевъ-Мальцевъ, наѣзжающій сюда разъ въ годъ, на нѣсколько часовъ?

12 августа. Осмотръ Гуся съ Гайдуковымъ. (Есть Гусь желѣзодѣлательный Баташевыхъ въ Рязанской губерніи). Я не зналъ, и Судіенко не зналъ (вотъ путешествія по Россіи), что Гусь отрѣзанъ отъ всѣхъ путей (туникъ), кромѣ Владиміра, черезъ который тянется къ Москвѣ и Нижегородской ярмаркѣ (его главный сбытъ ярмарка). Неудобство въ сравненіи съ московскими и владимірскими фабриками на желѣзныхъ дорогахъ — единственное удобство нѣкоторая дешевизна рабочихъ рѣкъ. Очень туманныя историческія свѣдѣнія. Устроены въ половинѣ XVIII в. купцами Мальцевыми изъ Москвы. Родоначальникъ Якимъ. Вѣроятно, имъ дали крѣпостныхъ и посессионныхъ крестьянъ. Сперва тутъ только хрустальное производство, историческое въ этомъ краѣ. Въ 40-хъ годахъ Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ устроилъ здѣсь хлопкопрядиль-

¹⁾ Знаменіе времени.

дорогѣ и прибылъ во Владимірѣ въ 7 ч. (остановился въ Кофейной). Меня отвозятъ на гусевскихъ лошадяхъ.

Вязники, 15 августа. Вчера по желѣзной дорогѣ выѣхалъ изъ Владиміра въ 11 ч. утра и прибылъ въ Вязники въ 4 ч. ночи. Остановился въ гост. Скосырева, новой, для уѣзднаго города очень пристойной.

Во Владимірѣ осматривалъ Мальцевское ремесленное училище. Великолѣпіе построекъ, — *entrée* хотя бы для дворца. Мастерскія съ паровыми приводами — слесарно-кузнечная и столярная прекрасны; также классы. Верхній этажъ весь—квартира начальника. Теперь 50 учениковъ въ 2 классахъ (говорятъ, поступаютъ мало). Заведеніе существуетъ только годъ. Нѣтъ пансіона: всѣ приходящіе. Удобно ли это? Инспекторъ (техникъ изъ Москов. технич. училища, очень симпатичный и скромный) говоритъ, улыбаясь: „для насъ удобно“. Вотъ для этихъ удобствъ начальства у насъ и закрыты были интернаты. Ученики живутъ на квартирахъ во Владимірѣ. Наняты мастера, имѣющіе помѣщеніе въ училищѣ, какъ и всѣ служащіе. Скорѣе надо было поступить наоборотъ: дать училище ученикамъ. Во всемъ у насъ личный эгоизмъ. Ученики остаются цѣлый день. Даютъ даромъ обѣдъ. Стало быть, только не ночуютъ здѣсь. Обученіе и все даромъ. Принимаютъ всѣхъ желающихъ по экзамену (экзаменъ сельскаго народнаго училища).

Судьба этого только-что начавшагося заведенія въ будущемъ. Теперь судить нельзя. Но я имѣю сомнѣніе. Я не вѣрю въ низшія техническія заведенія, устроенныя при промышленныхъ заведеніяхъ. Вѣрно все-таки, что это заведеніе страшно дорого. На 1 мил. можно бы сдѣлать что-нибудь лучше! Опять несостоятельность земства. Уже теперь не достаетъ на содержаніе 25 т. ‰ съ 500 т. капитала (1½ т. берется въ купонный налогъ; вотъ дичь!).

Сообщ. М. В. Безобразова.

Бытовые очерки прошлаго.

По архивнымъ документамъ.

Отрѣзаніе уха за кражу голицъ ¹⁾.

Настоящее судебное дѣло конца XVII вѣка, содержаніе котораго мы предлагаемъ, представляетъ сравнительно рѣдкій примѣръ, когда за первую кражу виновному вмѣсто обычнаго наказанія за этотъ проступокъ — „битья кнутомъ“ отрѣзается еще ухо за неприязнь мѣстнаго воеводы къ хозяевамъ наказаннаго вора.

20 ноября 1687 г. въ г. Кадомъ, Тамбовской губерніи, явился изъ села Игнатьева Шацкаго уѣзда помѣщика Трофима Гавриловича Жукова крестьянинъ Максимъ Тимофеевъ сынъ Кривошеинъ. Начало уже смеркаться, когда онъ подошелъ къ лавкамъ на торгу. У одной изъ нихъ, въ концѣ ряда, на ларѣ, было выложено нѣсколько паръ кожаныхъ голицъ. Кривошеинъ пощупалъ одну пару, взялъ ее въ руки и, не видя никого въ лавкѣ, спряталъ голицы подъ полушубокъ и пошелъ съ торга. Но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, какъ услышалъ крикъ. Максимъ бросился бѣжать, но былъ настигнутъ хозяиномъ лавки посадскимъ человѣкомъ Андрономъ Арефьевымъ вмѣстѣ съ другими торговцами и „съ поличнымъ“, т. е. съ украденными голицами, былъ доставленъ въ Сѣзскую избу.

Въ допросѣ Кривошеинъ въ кражѣ сознался, сказавъ, что въ его винѣ вольны Великіе государи, прибавивъ, что разбоевъ и иныхъ татебъ за нимъ не бывало.

---

¹⁾ Моск. Архивъ М. Ю. Дѣло упразд. Темниковскаго уѣзднаго суда, въ столбцѣ, по 61 описи, вязка 3. „Голицами“ наз. большія кожаныя рукавицы.

При разборѣ дѣла воеводою стольникомъ Ѳедоромъ Ильичемъ Мустофинымъ былъ приведенъ слѣдующій законъ:

Статья 9-я главы 21 Соборнаго уложения: „А приведутъ татя и доведутъ на него одну татьбу, и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ убивствѣ; да будетъ съ пытки въ иныхъ татьбахъ и въ убивствахъ не повинится, а скажетъ, что онъ кралъ впервые, и того татя за первую татьбу бить кнутомъ, отрѣзать ему лѣвое ухо и посадить въ тюрьму на 2 года, животы его отдать исцамъ. А изъ тюрьмы выимая, посылать его въ кандалахъ работать на всякія издѣлья, гдѣ Государь укажетъ. А какъ 2 года въ тюрьмѣ отсидитъ, и его послать въ Украинные города, въ какой чинъ пригодится, давъ ему письмо за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство урочные годы въ тюрьмѣ отсидѣлъ и выпущень“.

На основаніи этого закона, Кривошеина передъ воеводою пытали, было дано ему 54 удара, но и съ пытки онъ ни въ чемъ другомъ кромѣ кражи голицъ не винился.

Тогда крестьянину Трофима Гавриловича Жукова „Максимкѣ Тимофсеву Кривошеину,—какъ сказано въ документѣ,—за первое его воровство—за кражу голицъ 14 января 1688 г. учинено наказанье и казнь—бить кнутомъ и отрѣзано ему лѣвое ухо и посаженъ въ Кадомъ въ тюрьму на 2 года“.

Но не истекъ еще годъ послѣ заключенія Кривошеина въ тюрьму, какъ его помѣщикъ Трофимъ Гавриловичъ Жуковъ подалъ въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1688 г. челобитную на имя „Государей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны“, въ которой говорить, что „Кривошеинъ ни въ какихъ другихъ воровствахъ себя не оговорилъ, что воевода Мустофинъ учинилъ ему, Кривошеину, наказанье и торговую казнь, *мстя ему, Жукову, недружбу съ родственниками его, Жукова*“. Такъ какъ по словамъ Жукова „Кривошеинъ, сидя въ тюрьмѣ, помираетъ голодною смертію, то Жуковъ проситъ его, крестьянина, изъ тюрьмы освободить на чистыя поруки“.

Въ дѣлѣ опредѣленія Государей по челобитной Жукова нѣтъ, но изъ послѣдней склейки столбца видно, что она была уважена, потому что 19 декабря 1688 г. два посадскихъ человѣка г. Кадома и четыре другихъ крестьянина того же Жукова даютъ поручную запись въ томъ, что „Максимка Кривошеинъ изъ тюрьмы въ Кадомѣ свобожень на чистыя поруки, чтобы ему впредь не воровать, воровскимъ людямъ поноровки не чинить, воровскія рухляди не принимать и у себя не держать. А буде онъ, Максимка,—говорится въ

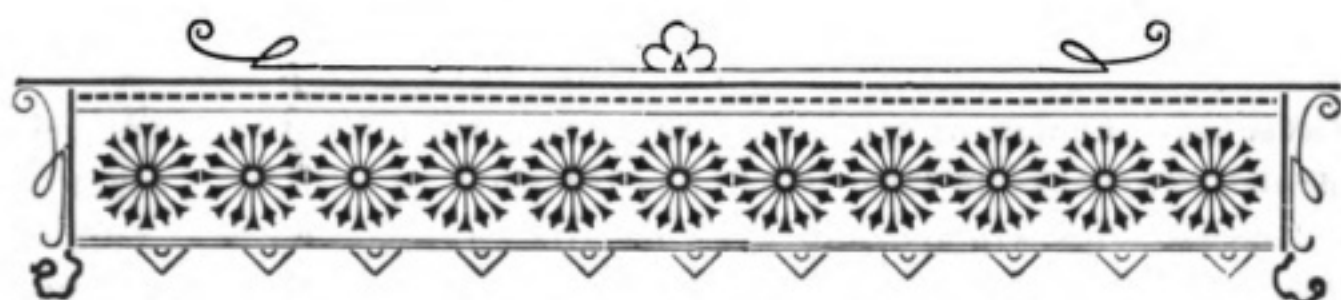

записи,—въ такихъ воровскихъ дѣлахъ объявится, и на насъ (поручикахъ) пеня Великихъ государей, что укажутъ“.

Этимъ заканчивается одна изъ не рѣдкихъ темныхъ страницъ минувшаго, но пусть не подумаетъ читатель, что только въ нихъ однихъ отражается бытъ нашихъ предковъ: безспорно еще болѣе многочисленныя страницы должны намъ передать тѣ свѣтлые итоги, изъ которыхъ сложился крѣпкій устой русской жизни.

И. С. Бѣляевъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

Оставшись въ столицѣ, Елисавета Алексѣевна нервно слѣдила за ходомъ войны и когда получилось извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ Наполеономъ русскимъ и австрійскимъ войскамъ, Императрица долго не могла успокоиться. Ея письмо къ матери, писанное подъ вліяніемъ этого рокового извѣстія, дышетъ глубокой скорбью и проникнуто вмѣстѣ съ тѣмъ искреннимъ патриотизмомъ.

Извѣстіе о пораженіи подъ Аустерлицомъ было получено въ Петербургѣ въ началѣ декабря; „не имѣвъ довольно долго никакихъ извѣстій объ Императорѣ и объ арміи“, писала Елисавета Алексѣевна 11/23 декабря 1805 г., „мы дѣлали все время различныя предположенія, одни болѣе неосновательныя, чѣмъ другія; прошлую среду (7 декабря)—было получено извѣстіе о сраженіи 20 числа, объ его исходѣ и о предстоящемъ возвращеніи Императора и объ опасности, которой онъ подвергался: вы поймете, что и одного изъ этихъ извѣстій было бы, само по себѣ, достаточно, чтобы взволновать насъ, и что всѣ они, вмѣстѣ взятыя, глубоко взволновали меня. Прибавьте къ этому несказанное негодованіе, въ какое повергло меня недостойное поведеніе австрійцевъ, коимъ мы обязаны этимъ пораженіемъ. Не только всякому русскому, но и всякому человѣку съ душою, слово австріецъ должно внушать отвращеніе. Тяжело видѣть, когда частное лицо дѣлаетъ подобныя гнусности, но нѣтъ словъ, чтобы выразить то чувство, которое испытываешь, видя, что цѣлый народъ глупъ, низокъ, способенъ къ измѣнѣ, словомъ, обладаетъ самыми низкими качествами. Не слова, а факты говорятъ лучше всего о томъ, что это за люди: морить съ голода

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. январь.

тѣхъ, кто пришелъ проливать за нихъ кровь, поступать по отношенію ихъ болѣе гнусно, нежели поступаютъ враги, выдать ихъ и, наконецъ, обратить противъ нихъ свое собственное оружіе. Если вы найдете выраженіе, которое могло бы передать чувство, возбуждаемое этими поступками, подскажите его мнѣ, ибо я не нахожу его.

„Таково ихъ поведеніе вообще, а вотъ черта, характеризующая ихъ отношеніе къ Императору лично: по окончаніи битвы, онъ пріѣхалъ, въ три часа ночи, въ небольшое мѣстечко, верхомъ; надобно замѣтить, что онъ не сходилъ съ лошади съ семи часовъ утра. Въ этомъ мѣстечкѣ находился австрійскій дворъ со всѣмъ своимъ багажомъ, кроватями, кухнею, всѣ эти животныя лежали на своихъ пуховикахъ. Императоръ Александръ, слишкомъ возмущенный, чтобы просить у нихъ убѣжища, вошелъ въ какой-то жалкій крестьянскій домикъ, въ сопровожденіи графа Ливена и князя Адама, которые не разставались съ нимъ ни на минуту, и хирурга Виллье. Тутъ, отъ усталости или огорченія, или отъ того, что онъ ничего не ѣлъ цѣлыя сутки, у него сдѣлались въ желудкѣ такія спазмы, что Виллье, по его словамъ, боялся, что онъ не переживетъ ночь. Онъ прикрылъ его соломой и отправился въ главную квартиру императора Франца, гдѣ просилъ нѣкоего Ламберти, лейбъ-медика, дать ему немного краснаго вина, передавъ ему, въ какомъ состояніи находился Императоръ; тотъ отказалъ въ этомъ, сказавъ, что не стоитъ будить людей и т. п.; наконецъ, Виллье сталъ на колѣни передъ этимъ животнымъ, но все было бесполезно; только посуливъ денегъ, ему удалось разбудить лакея, который вмѣстѣ съ нимъ розыскалъ полбутылки какого-то плохенькаго краснаго вина! Вотъ какъ обходятся у австрійцевъ съ союзнымъ монархомъ, пожертвовавшимъ своей арміей ради спасенія союзника!

Несмотря на всѣ неудачи и на измѣну, наши превосходныя войска покрыли себя новой славой, даже въ глазахъ своихъ враговъ, и внушили живѣйшій энтузіазмъ своимъ соотечественникамъ. Это ангелы, это мученики, эти солдаты и въ то же время они герои. Они умирали отъ голода; во время похода они падали и умирали на мѣстѣ отъ истощенія и горѣли желаніемъ сражаться, и никто не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, въ то время какъ мимо ѣхали къ непріятелю цѣлые транспорты съ съѣстными припасами. и эти жалкія австрійскія войска имѣли все необходимое; за то говорятъ, что гвардейцы не пощадили ни одного человѣка изъ австрійскаго баталіона, обратившаго во время сраженія свое оружіе противъ насъ; я отъ этого въ восторгѣ. Молодцы гвардейцы выказали чудеса храбрости: одинъ Преображенскій полкъ опрокинулъ четыре линіи непріятельскаго войска и сдался только подъ

натискомъ пятой; Семеновскій батальонъ взялъ въ штыки цѣлый эскадронъ французской гвардіи. По отзыву наиболѣе опытныхъ генераловъ, это было одно изъ самыхъ кровопролитныхъ дѣлъ. Сердце обливается кровью, слушая эти подробности; намъ еще не все извѣстно, мы даже не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ погибли тѣ, кого мы знали лично“. „Воспоминаніе обо всѣхъ этихъ гнусностяхъ никогда не изгладится изъ моей памяти“.

„Такъ какъ поведеніе нашихъ любезныхъ союзниковъ австрійцевъ нечего скрывать, и во Франціи объ этомъ знаютъ пожалуй больше насъ, то я не боюсь писать вамъ обо всемъ по почтѣ: я хотѣла бы даже, чтобы вы разглашали эти подробности, насколько возможно, ибо я предвижу, что эти негодяи найдутъ возможность обвинить насъ въ чемъ-нибудь, и у нихъ могутъ найтись сторонники, которые повѣрятъ имъ“.

„...Какъ я благодарна вамъ за помощь, которую вы оказываете нашимъ добрымъ русскимъ. Мнѣ пріятно думать, что они находятъ въ васъ покровительницу, я такъ и думала, что соображенія политики заглушили въ другихъ людяхъ чувство человеколюбія. Какъ я благодарна жителямъ названныхъ вами городовъ! Я хотѣла бы поблагодарить ихъ за русскихъ, ибо хотя, разумѣется, всякое человеческое существо внушаетъ мнѣ такое же состраданіе, но русскіе, и по чувству и по разуму, внушаютъ его въ болѣе сильной степени; мнѣ кажется, что русскій, вдали отъ отечества, чувствуетъ себя на чужбинѣ болѣе чужестранцемъ, нежели всякій иной европеецъ, такъ какъ онъ болѣе отличается отъ нихъ религіей, языкомъ и обычаями. Я говорю только о солдатахъ, такъ какъ высшіе классы всѣхъ странъ имѣютъ болѣе общаго“.

Чувство патриотизма, появившееся у Елисаветы Алексѣвны подъ впечатлѣніемъ прискорбныхъ событій военнаго времени, было вполне искреннее и вылилось впоследствии въ болѣе опредѣленную форму, но и въ то время Императрица вполне сознательно скорбѣла вмѣстѣ съ русскимъ народомъ о пораженіи нашей арміи. По многимъ отдѣльнымъ фразамъ ея писемъ и по ихъ общему тону видно, что она уже сроднилась съ Россіей, считала ее своимъ вторымъ отечествомъ и болѣла ея скорбями.

„Одно ваше предсказаніе, которое я помню какъ сейчасъ, писала она матери, между прочимъ, въ настоящее время оправдалось. Незадолго до моего отъѣзда изъ Карлсруэ, когда мы сидѣли однажды съ вами на балконѣ, и я горевала о своей участи, вы сказали мнѣ, стараясь меня утѣшить: „ты такъ молода, что черезъ нѣкоторое время ты станешь считать Россію своей родиной“. Въ то время я была въ такомъ отчаяніи, что я считала это невозможнымъ; те-

перь же, когда я провела тутъ дѣйствительно половину жизни (я пріѣхала 13 лѣтъ, а теперь мнѣ 26, и я жила здѣсь болѣе нежели въ Германіи, такъ какъ жить значитъ мыслить и чувствовать, а въ раннемъ дѣтствѣ мы живемъ болѣе животной жизнью), теперь, я сознаюсь, что я совершенно сроднилась съ Россіей, и что какъ бы мнѣ ни было пріятно увидѣть вновь Германію, я была бы въ отчаяніи уѣхать изъ Россіи навсегда и если бы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ, я очутилась въ одиночествѣ, и выборъ мѣста жительства зависѣлъ отъ меня, я поселилась бы въ Россію, хотя бы мнѣ и пришлось жить совершенно безвѣстно. Это должно вамъ нравиться, дорогая мама, и должно успокоить довольно неосновательныя опасенія, которыя, мнѣ кажется, вы до сихъ поръ питаете. Это не ослѣпленіе, которое мѣшало бы мнѣ видѣть преимущества другихъ странъ передъ Россіей: я чувствую, чего ей не достаетъ, но я вижу также, чѣмъ она можетъ стать въ будущемъ, и каждый шагъ, сдѣланный ею впередъ, радуется меня“.

Неудивительно, что при подобномъ настроеніи и послѣ тяжкаго пораженія, испытаннаго союзниками подъ Аустерлицомъ, Елисавета Алексѣевна отнеслась крайне несочувственно къ браку своего брата съ близкой родственницей Наполеона, Стефаніей Богарнэ, состоявшемуся 8 апрѣля 1806 года. Она была имъ огорчена, какъ вынужденнымъ сближеніемъ ея Баденской семьи съ императоромъ французовъ, и въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ высказала брату свои чувства и свое отношеніе къ его браку.

„Письмо мое будетъ вѣроятно тщетнымъ,—писала она,—такъ какъ я не думаю, чтобы вы обратили болѣе вниманія на мои слова, нежели на мнѣніе мамы, къ которой вы относитесь въ высшей степени неуважительно, заключая, несмотря на ея увѣщанія, тотъ недостойный бракъ, къ которому васъ склоняютъ; если вслѣдствіе этой трусливой уступчивости вы заставите ее отдалиться отъ васъ, вы этимъ порвете всѣ узы, которыя связываютъ меня съ вами и съ нашей семьей, и которыя вынуждаютъ меня говорить съ вами съ полной откровенностью. Какое ослѣпленіе мѣшаетъ вамъ видѣть, что вы покрываете позоромъ себя и свою страну въ глазахъ отдаленнѣйшаго потомства? Если бы вы имѣли несчастье преступить долгъ, поддавшись своимъ чувствамъ, я бы пожалѣла васъ, но, по крайней мѣрѣ, вы не заслужили бы того презрѣнія, какого вы заслуживаете, поддаваясь страху, поддаваясь совѣтамъ коварнаго дяди, маркграфа Людовика, который, по отзыву всѣхъ, продался французскому правительству и злоупотребляетъ добротой моего дяди и губитъ столь заслуженно пріобрѣтенную имъ репутацію, составивъ въ теченіе полвѣка счастье своихъ подданныхъ. Развѣ вы не видите, что все это подстроено

вашия дядей только для того, чтобы проложить себѣ дорогу къ регентству, и вы имѣете низость идти на безчестіе; тогда какъ вы мужчина, вы совершеннолѣтній, вамъ слѣдуетъ сдѣлать все возможное, чтобы избѣгнуть безчестія; къ тому же вы сильны своимъ правомъ и волей матушки, которая должна быть для васъ священна. Какую пользу принесетъ это вамъ и вашей странѣ? Ваши будущіе подданные будутъ презирать васъ, видя, что съ вами можно обращаться какъ съ дѣвченкой, родные будутъ краснѣть при мысли о родствѣ съ вами: будьте увѣрены, что тотъ, чье расположеніе вы думаете снискать, дѣлая эту низость, также будетъ презирать васъ въ глубинѣ души и всегда будетъ относиться къ вамъ какъ къ орудію своей фантазіи. Если это нравится вамъ, я конечно не могу ничего вразить противъ этого. Вамъ конечно нѣтъ надобности дѣлать тайну изъ этого письма, я даже ничего не имѣю противъ, чтобы вы показали его дѣдушкѣ, если обстоятельства этого потребуютъ: я была бы очень счастлива, если бы онъ принялъ во вниманіе мои чувства, но я на это не рассчитываю. Впрочемъ, можетъ быть уже поздно; если нѣтъ, то прошу васъ именемъ всего, что для васъ свято, прошу васъ во имя чести, не покрывайте себя позоромъ“.

„Достаточно прочесть эти строки“, говоритъ августѣйшій біографъ Елисаветы Алексѣвны, „чтобы уяснить себѣ взглядъ Елисаветы Алексѣвны на брачныя узы и на политическую подкладку такого компромисса съ совѣстью. Въ дальнѣйшемъ она не измѣняла своихъ убѣжденій, и на ея отношеніяхъ съ новобрачными навсегда остался отпечатокъ этихъ взглядовъ“.

„Въ апрѣлѣ 1806 года Государыня почувствовала первые признаки давно желанной беременности. 3 ноября у нея родилась вторая дочь, получившая имя Елисаветы. Императрица порадовала мать законической запиской отъ 7 ноября 1806 г., т. е. четыре дня послѣ родовъ: „я чувствую себя хорошо такъ же, какъ и малютка Лиза, которая умоляетъ васъ простить ей, что она не мальчикъ“.

1807 годъ прошелъ для Государыни въ заботахъ о ребенкѣ; она няичилась со своей малюткой цѣлыми днями и сосредоточила на ней все свое вниманіе. Даже болѣзнь ея любимой подруги, княгини Н. Ѳ. Голицыной, сравнительно мало вліяла на радостное настроеніе счастливой матери.

Княгиня Голицына заболѣла, послѣ родовъ, злокачественной чахоткой; врачи отправили больную за границу, гдѣ она и скончалась въ октябрѣ того же года.

Послѣ смерти княгини Елисавета Алексѣвна взяла старшую ея дочь на свое попеченіе, мечтая сдѣлать ее товарищемъ дѣтскихъ

игръ своей Лизиньки. Въ одномъ изъ писемъ къ маркграфинѣ описана первая встрѣча малютокъ:

„Послѣ того какъ мы переѣхали въ Зимній дворецъ, Лизинька познакомилась съ маленькой Лизой Голицыной, но на это понадобилось цѣлыхъ три дня: она не будетъ большой охотницей до новыхъ знакомствъ; тѣмъ лучше! Первая встрѣча привела ее въ самое скверное расположеніе духа. Бѣдная Лиза, которая уже достаточно благовоспитана, была очень ласкова и хотѣла поцѣловать Лизиньку, но у нея очень рѣзкія манеры, и она рѣшительно оттолкнула ее. Если можно судить о ребенкѣ въ этомъ возрастѣ, то она будетъ съ характеромъ: Дай Богъ! При вторичной встрѣчѣ дѣло пошло на ладъ, а при третьей, ей, кажется, уже было пріятно видѣть свою маленькую подругу. Какъ бы я хотѣла видѣть ихъ лѣтъ пяти—шести, когда онѣ будутъ расти вмѣстѣ и любить другъ друга какъ сестры! Увы, я строю планы, а я даже не знаю, оставить ли князь Голицынъ у меня свою дочь“.

Но этимъ мечтамъ не суждено было сбыться. Въ мартѣ 1808 г. Императрица писала матери:

„Лизинька начала ходить, это великое событіе совершилось вчерашній день. Вчера она сдѣлала впервые шаговъ десять—двѣнадцать: я слѣдила за ней, обмирая отъ страха и не вѣря своимъ глазамъ, а она гордилась тѣмъ, что могла обойтись безъ посторонней помощи“.

Ребенокъ былъ крѣпкій и повидимому здоровый, но въ концѣ апрѣля у дѣвочки показались, почти сразу, три зуба, она страшно ослабла, и всѣ старанія врачей спасти ее остались безуспѣшны. 30 апрѣля Лизиньки не стало.

Трудно описать отчаяніе, овладѣвшее несчастной матерью: ея сестра Амалія сообщила маркграфинѣ объ утратѣ внучки, такъ какъ Государыня, предавшись горю, не могла ничѣмъ заниматься первые дни.

„Пишу вамъ еще разъ, чтобы извѣститъ васъ о несчастной Лизѣ, писала матери принцесса Амалія 2 мая 1808 г. „Здоровье ея, надѣюсь, не пострадаетъ отъ этого страшнаго удара. Она покоряется судьбѣ и волѣ Божіей, но какъ она страдаетъ!“

„Пока бѣдная малютка находится еще въ своей комнатѣ, она почти не отходитъ отъ нея. Она хотѣла просидѣть подлѣ нея послѣднюю ночь: сегодня, въ 7 час. вечера, ее перевезутъ въ Невскую лавру. Мы провели всю ночь у нея въ комнатѣ: по утру она одѣла се и сама положила въ гробъ. Дорогой ангелочекъ почти не измѣнился, на ея лицѣ еще играетъ слабая улыбка“...

О томъ, какъ велика была для Императрицы эта потеря, какъ

она должна была чувствовать себя одинокой, какую страшную пустоту оставила въ ея жизни смерть малютки, можно судить по тому, какъ страстно она ее любила, какъ много посвящала ей времени.

Графиня Головина, незадолго передъ тѣмъ вернувшаяся изъ-за границы, записала въ своемъ дневникѣ:

„Дочь Императрицы стала предметомъ ея страсти и постоянныхъ ея заботъ.

„Уединенная жизнь стала для нея счастьемъ: какъ только она вставала, она отправлялась къ своему ребенку и не оставляла его почти весь день; если ей приходилось провести вечеръ внѣ дома, она всегда по возвращеніи шла поцѣловать ее. Но это счастье продолжалось только 18 мѣсяцевъ. У маленькой великой княжны очень трудно прорѣзались зубы. Франкъ, врачъ Ея Величества, не сумѣлъ ее лѣчить: ей дали укрѣпляющія средства, которыя увеличили воспаленіе. Въ апрѣлѣ 1808 г. съ великой княжной сдѣлались конвульсіи; всѣ врачи были созваны, но никакое лѣкарство не могло ее спасти. Несчастливая мать не отходила отъ постели своего ребенка, дрожа при малѣйшемъ ея движеніи; каждая спокойная минута придавала ей нѣкоторую надежду. Вся Императорская фамилія собралась въ этой комнатѣ. Стоя на колѣняхъ, возлѣ кровати, Императрица, увидѣвши свою дочь болѣе спокойной, взяла ее на руки; глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица приблизила свое лицо къ лицу ребенка и почувствовала холодъ смерти. Она просила Императора оставить ее одну у тѣла ея дочери, и Императоръ, зная ея мужество, не колебался согласиться на желаніе опечаленной матери...

„Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля) получило извѣстіе о смерти младшей сестры Императрицы, принцессы Маріи Брауншвейгской. Александръ благоразумно рѣшилъ, что слѣдуетъ лучше сейчасъ извѣстить объ этомъ свою супругу, потому что новое несчастіе, какъ бы оно ни было чувствительно, будетъ мало замѣтно для матери, раздираемой печалью.

„Принцесса Амалія рассказывала мнѣ, что въ первую минуту она хотѣла проводить ночи возлѣ императрицы, но, замѣтивъ, что изъ стѣсненія передъ ней ея величество удерживала рыданія, она сочла лучше удалиться; ужасно сдерживать изліяніе печали, когда отчаяніе и ропотъ не сопровождаютъ его. Императрица оставляла при себѣ тѣло своего ребенка въ теченіе четырехъ дней. Затѣмъ оно было перенесено въ Невскую лавру и положено на катафалкъ. По обычаю всѣ получили разрѣшеніе войти въ церковь и поцѣловать ручку маленькой великой княжны...

„Погребальная процессія двигалась мимо моихъ оконъ. Гробикъ везли въ каретѣ, въ которой сидѣла статсъ-дама графиня Литте и оберъ-гофмейстеръ Торсуковъ. Народъ плакалъ и выказывалъ всѣ

знаки горести. Я не могу передать, что происходило со мною, и насколько это несчастье разрывало мнѣ душу...

„Въ день св. Елисаветы, бывший днемъ именинъ въ одно и то же время Императрицы и ея дочери, которую она только что потеряла, Государыня отправилась, по своему обыкновенію, въ Невскій монастырь. Графиня Толстая хотѣла узнать, какъ она себя чувствуетъ послѣ такой быстрой поѣздки. Она замѣтила, что Императрица ходила медленными шагами въ саду одна, погруженная въ тягостныя размышленія. Проходя передъ одной изъ гробницъ, ея величество замѣтила пучокъ аютиныхъ глазокъ, растущихъ сбоку. Она сорвала его, положила на памятникъ и продолжала молча ходить. Это было выразительнѣе всякихъ словъ“.

Сардинскій посланникъ Жозефъ де-Мэстръ доносилъ своему двору въ маѣ мѣсяцѣ 1808 года:

...„Мы присутствовали 27 апрѣля (9 мая) на молебствіи по случаю взятія Свеаборга и окончательнаго покоренія Финляндіи. Затѣмъ былъ большой парадъ у памятника Петра Великаго; дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, отъ котораго всѣ очень страдали, въ особенности бѣдныя дамы.

„Бѣдная царствующая Императрица также присутствовала на парадѣ; на нее были обращены всѣ взоры: мнѣ кажется, ее можно было бы освободить отъ этой пытки. Во время этой безконечной церемоніи ея дочь была при смерти: у нея прорѣзывались зубы и тяжелыя страданія сопровождались конвульсіями. Ночь съ 29 на 30 была очень трудная. Въ пять часовъ утра разбудили Императора; въ семь часовъ малютка, которую мать держала на рукахъ, прильнула къ ея плечу и осталась неподвижной. Императрица полагала, что ребенокъ уснулъ; минуту спустя она дотронулась до головы малютки, и почувствовала, что она покрылась холоднымъ потомъ: „Дорогая Лизинька, ты меня покидаешь!“ Ребенка уже не было въ живыхъ. Августѣйшая мать не отходила отъ тѣла до самыхъ похоронъ и провела послѣднюю ночь около дорогихъ для нея останковъ. Въ восемь часовъ утра она стояла на колѣняхъ у кровати. Она знала, что въ этотъ часъ былъ назначенъ выносъ; не дожидаясь предупрежденія, она встала и ушла изъ комнаты, быстро, какъ стрѣла.

„Вы не можете себѣ представить, до чего это злополучное событіе привлекло къ Императрицѣ всѣ сердца. Лейбъ-хирургъ, Вилліе, утѣшая Императора, говорилъ, что онъ и Императрица молоды, что у него могутъ быть еще дѣти. Императоръ отвѣтилъ на это: „нѣтъ, другъ мой, Господь не любитъ моихъ дѣтей“.

Горе, постигшее Императрицу, самымъ тяжелымъ образомъ отра-

зилось на ея здоров'ѣ; въ особенности потому, что она переживала его въ полномъ нравственномъ одиночествѣ. Ея отношенія къ новой семьѣ сложились крайне неблагопріятно: Марія Антоновна Нарышкина овладѣла въ то время всецѣло сердцемъ Александра I, который оказывалъ ей всѣ наружные признаки вниманія и привязанности, что въ свою очередь усугубляло тяжелое состояніе духа молодой Императрицы; вдовствующая Государыня не особенно симпатизировала своей невѣсткѣ, часто при своихъ дѣтяхъ критиковала ее; подъ ея вліяніемъ къ Елисаветѣ относилась недружелюбно и ея дочь, любимая сестра Государя великая княгиня Екатерина Павловна, сочетавшаяся въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1809 г. съ принцемъ Георгомъ Ольденбургскимъ.

Елисаветѣ Алексѣевнѣ жилось не весело, и она уединялась, насколько это позволялъ этикетъ, отъ родственниковъ и общества и проводила время, предаваясь печальнымъ воспоминаніямъ; маленькая Лиза Голицына, взятая Императрицей на свое попеченіе, была невольной причиной того, что душевная рана, вызванная потерей любимой дочки, не могла зажить; глядя на нее, Елисавета Алексѣевна еще живѣе чувствовала свою утрату; единственнымъ утѣшеніемъ для нея было общество сестры и переписка съ матерью, ей она изливала свои чувства; но въ письмахъ, относящихся къ этому періоду, она не касается никакихъ вопросовъ кромѣ интимной области личныхъ чувствъ и воспоминаній, и ничѣмъ не высказываетъ своего отношенія къ текущимъ событіямъ внѣшней и внутренней политики, въ которыя она поставила себѣ за правило не вмѣшиваться, замкнувшись исключительно въ сферу своей личной жизни, она молча и безропотно покорилась своей судьбѣ, не дѣлая никакихъ попытокъ отстаивать свое личное счастье; такое пассивное отношеніе къ окружающему не означало, конечно, что Елисавета Алексѣевна не имѣла на событія своего собственнаго, вполне опредѣленнаго взгляда: такъ, между прочимъ, она далеко не сочувствовала сближенію Императора съ Наполеономъ и союзу съ Франціей вообще, но она предпочитала молчать и не осуждать дѣйствій Императора, точно также какъ на почвѣ личныхъ отношеній она, вопреки совѣтамъ матери выказывать наружно порицаніе мужу, какъ бы нарочно старалась не замѣчать невѣрности супруга и ничѣмъ не проявляла неудовольствія или ропота. „Во всѣхъ дѣйствіяхъ Елисаветы Алексѣевны проходитъ эта нота ступешеванія: тотъ, такъ какъ сказать, *Leitmotiv*—не раздражать Александра, дать ему полную свободу во всѣхъ его начинаніяхъ. Елисавета Алексѣевна выдержала его всю жизнь; „возможно, говоритъ ея августѣйшій біографъ, что, видя совсѣмъ обратную тактику

со стороны императрицы-матери, вмѣшивавшейся положительно во всѣ мелочи внѣшней и внутренней политики, она еще усугубила избранную ею методу держаться въ сторонѣ; примѣръ великой княгини Екатерины Павловны, часто старавшейся проявить вліяніе на брата, могъ еще болѣе убѣдить Елисавету въ правильности ея собственныхъ поступковъ“.

Но понятно, что наложенный ею на себя обѣтъ сдержанности и молчанія, необходимость постоянно сдерживать выраженіе своихъ чувствъ и не давать имъ исхода должны были самымъ пагубнымъ образомъ повліять на ея здоровье; уже въ исходѣ 1809 г., она жалуется матери на частое недомоганіе, на слабость, шумъ въ ушахъ, и эти болѣзненные ощущенія стали постоянно усиливаться, такъ что врачи признали необходимымъ приступить къ серьезному лѣченію. „Такъ какъ на заграничную поѣздку встрѣчался въ данное время рядъ препятствій, то остановились на мѣстечкѣ Плѣнѣ близъ Ревеля, на балтійскомъ побережьѣ.

8 іюля Государыня выѣхала изъ Петербурга черезъ Ригу. Ее сопровождали только нѣсколько лицъ свиты, а именно: старушка камеръ-фрейлина графиня Анна Степановна Протасова, фрейлина графиня Е. А. Разумовская, гофмейстеръ князь А. М. Голицынъ и докторъ Штофрегень“.

Но это были люди, къ которымъ она привыкла и съ которыми не стѣснялась.

„Старушку Протасову она давно любила и уважала, князь А. М. Голицынъ былъ свой человѣкъ и напоминалъ Елисаветѣ усопшую подругу княгиню Наталію Ѳедоровну, фрейлина Разумовская въ это время была наиболѣе симпатична Государынѣ, а также и докторъ Штофрегень, вѣрный ея врачъ почти съ самаго пріѣзда въ Россію“.

Путешествіе совершилось благополучно. „Я пріѣхала сюда (въ Ригу), писала Елисавета Алексѣвна матери, вчера, въ шестомъ часу по полудни. Миѣ устроили трогательную и блестящую встрѣчу, о которой я не стала бы говорить, если бы я не была увѣрена въ томъ, что всѣ эти почести относятся не ко миѣ лично, а къ супругѣ монарха, къ которому добрый русскій народъ питаетъ неизмѣнную преданность. Начиная съ послѣдней почтовой станціи, народъ сопровождалъ меня верхами и въ экипажахъ и т. д. У предмѣстья меня ожидала несмѣтная толпа; несмотря на всѣ протесты, народъ выпрягъ моихъ лошадей и потащилъ мою карету на себѣ черезъ весь городъ до замка при несмолкавшихъ крикахъ. Я до смерти боялась, чтобы не случилось какого-нибудь несчастья въ этихъ узкихъ улицахъ, но, благодаря Бога, все обошлось благополучно. Послѣ пред-

ставленій состоялся парадный обѣдъ. Я была до часа ночи на балу въ Дворянскомъ Собраніи и не чувствую ни малѣйшаго утомленія. Завтра по утру я ѣду въ Митаву; гдѣ буду обѣдать, тамъ, какъ говорятъ, также предстоятъ празднества, а послѣзавтра я приѣду на мѣсто“.

Описывая свои впечатлѣнія отъ пребыванія въ Плѣнѣ, на берегу моря, и удовольствіе, испытываемое ею отъ купанья, Императрица отмѣчаетъ, что тамъ все до того походило на Германію, что „если бы они не были окружены военными, которые вносятъ во все окружающее русскій духъ“, то она не была бы такъ довольна своимъ пребываніемъ въ Плѣнѣ и присовокупляетъ: „я не боюсь сказать вамъ, что я только въ Россіи чувствую себя дома у себя, въ своемъ отечествѣ“.

Обстановка, среди которой Императрица жила въ Плѣнѣ, была самая простая: для ея помѣщенія былъ нанятъ простой крестьянскій домикъ.

Здѣсь Елисавета Алексѣвна пробыла не много болѣе мѣсяца; „наслаждаясь безмятежно другимъ образомъ жизни, другой обстановкой, столь различной отъ пребыванія на Каменномъ островѣ или въ Царскомъ Селѣ; подъ вліяніемъ новой обстановки, Елисавета, сама того не замѣчая, совершенно преобразилась и ея письма изъ Пленна носятъ какой-то особый отпечатокъ приволья, довольства и веселости“.

25 августа 1810 года Императрица возвратилась на Каменный островъ, но еще долго воспоминаніе объ этомъ мѣсяцѣ, проведенномъ какъ бы на волѣ, сохранилось въ ея памяти. Во всякомъ случаѣ эта поѣздка принесла безусловную пользу ея здоровью, и она вернулась бодрой и въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа; это настроеніе держалось довольно долго и по возвращеніи въ Петербургъ, а вскорѣ, подъ вліяніемъ грандіозной борьбы, которую Россіи пришлось вынести съ Наполеономъ, Елисавета Алексѣвна какъ бы совершенно переродилась, перестала замыкаться въ узкую сферу личной жизни и проявила замѣчательный подъемъ духа и высокій патріотизмъ.

Она вполне раздѣляла взглядъ, усвоенный Государемъ съ самаго начала его борьбы съ Наполеономъ, и съ замѣчательною проницательностью вѣрно оцѣнила обстановку, среди которой совершались потрясающія событія 1812 г.

Въ самый день Бородинской битвы она писала своей матери, маркграфинѣ Амаліи:

„Мы готовы на все, дѣйствительно на все, только не на переговоры. Чѣмъ дальше будетъ подвигаться Наполеонъ, тѣмъ менѣе

онъ долженъ разсчитывать на заключеніе мира. Таково единодушное мнѣніе Императора и всего народа, всѣхъ классовъ общества; благодаря Бога, въ этомъ отношеніи существуетъ полнѣйшее согласіе. На это именно Наполеонъ и не разсчитывалъ; онъ ошибся и въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Каждый его дальнѣйшій шагъ въ этой необъятной Россіи все болѣе и болѣе приближаетъ его къ безднѣ. Увидимъ, какъ онъ перенесетъ въ ней зиму“.

28 августа (9-го сентября) Императрица писала:

„Если настоящія обстоятельства и имѣютъ свои тяжелыя стороны вслѣдствіе тѣхъ страданій и личныхъ бѣдствій, которыя вызваны ими, зато въ нихъ есть также много великаго и такого, что лишь изрѣдка встрѣчается во всемірной исторіи, такъ какъ эпохи, подобныя переживаемой нами, къ счастью для человѣчества, не часты. Надо, подобно намъ, видѣть и слышать ежедневно о доказательствахъ патріотизма, самопожертвованія и героической отваги, проявляемыхъ всѣми лицами военнаго и гражданскаго сословія, чтобы не считать ихъ преувеличенными. О, этотъ доблестный народъ наглядно показываетъ, чѣмъ онъ является въ дѣйствительности, и что онъ именно таковъ, какимъ издавна его считали люди, понимавшіе его, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые упорно продолжали считать его народомъ варварскимъ. А между тѣмъ, какъ разъ варвары сѣвера и ханжи юга Европы и причиняютъ болѣе всего хлопотъ націи цивилизованной, по преимуществу, и силы ихъ далеко еще не истощены. Съ той минуты, какъ Наполеонъ въ Россіи, и если бы при ея громадномъ протяженіи было возможно, чтобы это сдѣлалось извѣстнымъ одновременно во всѣхъ концахъ Имперіи, то раздался бы такой грозный крикъ негодованія, который долетѣлъ бы, какъ мнѣ кажется, до края вселенной.“

По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, это чувство будетъ усиливаться болѣе. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: „мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира“. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе находятся въ арміи, считаютъ опасности, коимъ тѣ подвергаются, лишь второстепенными и опасаются только мира. Этотъ миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, къ счастью, не можетъ быть заключенъ; Императоръ не допускаетъ и мысли о немъ, а если бы даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія. Вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія“.

„Каждый день приносятъ также свои утѣшенія. Тѣ чувства и мнѣнія, которыя въ теченіе пяти лѣтъ были подавляемы, сдерживаемы и ежеминутно оскорбляемы, теперь съ каждымъ днемъ про-

бываются наружу все сильнѣе. Со всѣхъ сторонъ стекаются люди умные и достойные, которые были вынуждены мелочнымъ деспотизмомъ Наполеона скрываться или покидать континентъ. Словомъ, мы снова живемъ здѣсь въ хорошемъ обществѣ: замѣтно дѣятельное оживленіе въ пользу праваго дѣла, благотворно отражающееся на моей душѣ, столько лѣтъ изнемогавшей среди отравленной атмосферы, которой она была окружена. Англичане, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, испанцы и нѣмцы—мученики праваго дѣла, составляютъ какъ бы одну семью; всѣ обнялись бы даже съ турками, если бы послѣдніе проявили подобную ревность ко всеобщему благу“.

„...Когда вы получите это письмо, многое, должно быть, измѣнится, такъ какъ мы ожидаемъ ежеминутно вѣсти о первомъ генеральномъ сраженіи съ начала кампаніи; если побѣда окажется на нашей сторонѣ, это будетъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

„Здѣсь получено извѣстіе о взятіи въ плѣнъ Іосифа Бонапарта англичанами. Это не трудно было предвидѣть послѣ побѣды, одержанной этой доблестной арміей. Ахъ, если бы Германія могла проснуться! Какъ можетъ она терпѣть, видя, что ея несчастныхъ *Landeskinder* таскаютъ то въ Испанію, то въ Россію, гдѣ они гибнутъ либо съ оружіемъ въ рукахъ, либо отъ голода и холода, какъ у насъ. Нашъ храбрый графъ Витгенштейнъ выказалъ во время похода чудеса храбрости. Онъ нанесъ огромный ущербъ корпусу Удино, который раненъ, и баварцамъ. Что касается послѣднихъ, то между нами будь сказано, *ich gönne es ihnen*, такъ какъ они преданы душою и тѣломъ французамъ“.

„Приписываю еще нѣсколько словъ, дорогая мама, къ моему письму, которое до сихъ поръ не отправлено,—писала Елисавета Алексѣевна 1 (13) сентября.—Я хочу доставить себѣ удовольствіе сообщить вамъ, что третьяго дня, 30 числа, мы отпраздновали большую побѣду, одержанную въ ста верстахъ отъ Москвы 26 августа (7 сентября). По отзыву всѣхъ очевидцевъ, это былъ настоящій адъ. Уронъ съ обѣихъ сторонъ огромный, въ особенности со стороны непріятеля. Самъ Наполеонъ былъ вынужденъ отступить. Его войска идутъ впередъ только тогда, когда онъ ихъ напоить, такъ какъ у нихъ нѣтъ хлѣба. Плѣнные (это подтвердилъ одинъ плѣнный генераль) говорятъ, что они возмущаются тѣмъ, что ихъ ведутъ въ страну, гдѣ нѣтъ ни пищи, ни жителей, что они не знаютъ, куда ихъ ведетъ Наполеонъ, и т. п. Мы одушевлены самыми радужными надеждами, мы ожидаемъ каждый день извѣстій о новомъ дѣлѣ.

„Невозможно передать все то, что я перечувствовала за послѣдніе два съ половиною мѣсяца и въ самое послѣднее время. Мы

знали два дня, что шло сраженіе; всѣ прїѣзжавшіе съ той стороны говорили, что земля содрогалась версть на двадцать въ округѣ. Намъ передавали самые трогательные примѣры геройства, храбрости, самоотверженія, даже со стороны простыхъ крестьянъ; въ настоящую минуту намъ неизвѣстенъ еще исходъ сраженія. Начиная отъ Можайска до Москвы, крестьяне всѣхъ деревень были вооружены, ополченцы стекались со всѣхъ сторонъ, по своему собственному почину, распѣвая пѣсни, счастливые тѣмъ, что они могутъ сразиться съ непріятелемъ. Жѣнщины стояли на колѣняхъ по большимъ дорогамъ и чуть не кидались подъ ноги курьерамъ, чтобы заставить ихъ сообщить имъ о томъ, какъ шло дѣло, а когда имъ говорили, что все идетъ благополучно, онѣ вставали съ колѣнъ и молились“.

„Въ Германіи вы, должно быть, плохо знаете о томъ, что дѣлается у насъ; не говоря уже о томъ, какое счастье я испытываю всякій разъ, какъ я могу побесѣдовать съ вами откровенно, я считаю долгомъ изложить вамъ ходъ вещей такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ“.

„Я ненавижу ложь, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ поступковъ Наполеона,—писала Императрица послѣ занятія Москвы,—и всякій, кому это возможно, долженъ бороться противъ ея всѣми силами. Бородинскую битву изобразили вѣроятно какъ наше пораженіе; между тѣмъ какъ мы ее выиграли до такой степени, что Наполеонъ носился по рядамъ войскъ, какъ сумасшедшій, крича: „французы, мы проиграли сраженіе! Я никогда не проигрывалъ сраженій, допустите ли вы, чтобы это случилось теперь?“ и т. д., а на слѣдующій день онъ говорилъ въ дневномъ приказѣ, что французская армія покрыла себя позоромъ.

„Къ сожалѣнію, мы не сумѣли или не могли воспользоваться побѣдой, и въ концѣ концовъ Кутузовъ нашель нужнымъ оставить Москву. И вотъ эта орда варваровъ поселилась на развалинахъ этой чудной столицы; они вели себя тутъ такъ же, какъ и вездѣ. Нашъ народъ предпочель сжечь все то, что ему было дорого, не желая отдать все это цѣликомъ въ руки непріятеля, и великая нація разоряетъ, грабитъ, „уничтожаетъ все, пока есть еще что грабить“.

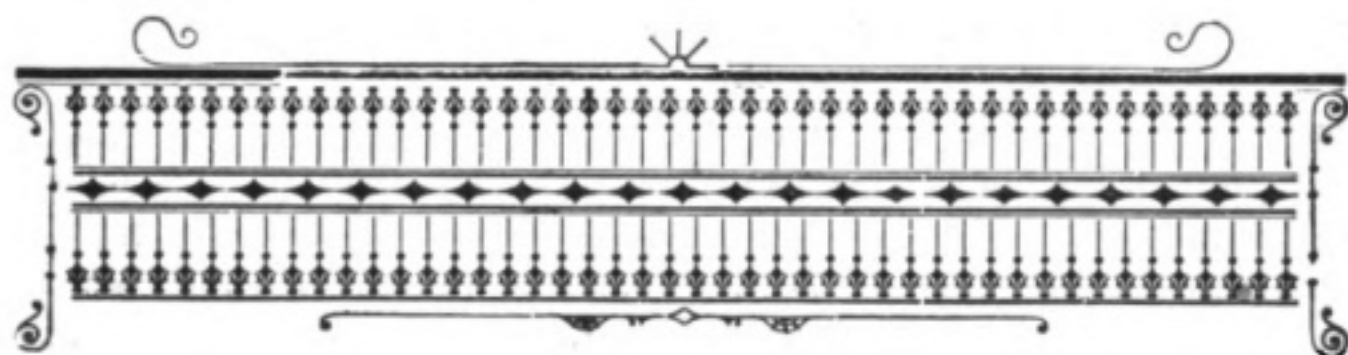
„Наполеонъ, вступивъ въ Москву, не нашель того, на что онъ надѣялся. Онъ рассчитывалъ найти общество: его уже не было, всѣ разѣхались; онъ рассчитывалъ найти здѣсь средства и почти ничего не нашель. Онъ рассчитывалъ на нравственное впечатлѣніе, на уныніе и упадокъ духа, которые онъ возбудиль въ народѣ, а между тѣмъ онъ возбудиль лишь озлобленіе и желаніе отомстить; онъ рассчитывалъ, что конечнымъ результатомъ всего этого будетъ миръ:

прилагаю воззваніе, обнародованное Императоромъ, какъ только стало извѣстно о выступленіи нашихъ войскъ изъ Москвы. Я увѣряю, дорогая мама, что вы одобрите ея содержаніе. Оно написано съ полнымъ благородствомъ и достоинствомъ; оно запечатлѣно духомъ народа, къ которому оно обращено. Я ручаюсь, что рѣшеніе, о которомъ говоритъ Императоръ, непоколебимо. Если бы подобная участь угрожала даже Петербургу, то и тогда Императоръ былъ бы также далекъ отъ мысли заключить постыдный миръ. Петербургу еще не грозитъ непосредственной опасности, хотя многіе напуганы и не могутъ успокоиться. Конечно, нельзя ни за что ручаться въ переживаемое нами время и, имѣя дѣло съ такимъ сумасбродомъ, какъ Наполеонъ, для котораго человѣческая жизнь ничто по сравненію съ малѣйшей его фантазіей, нельзя ни за что ручаться. Но онъ находится въ 750 верстахъ отсюда; между Москвою и Петербургомъ стоитъ довольно значительный корпусъ войскъ, и если бы онъ пошелъ этой дорогой, то въ тылу его очутились бы всѣ главныя силы нашей арміи; ему пришлось бы пройти большія болота, которыя можно было сдѣлать непроходимыми, испортивъ дороги. Наконецъ, мало вѣроятія, чтобы онъ отважился на столь рискованное предпріятіе, и я распространяюсь объ этомъ только для того, чтобы разсѣять вашу тревогу на этотъ счетъ. Впрочемъ, каковы бы ни были испытанія, которыя намъ суждено еще перенести, но какъ только Наполеонъ не будетъ въ состояніи рассчитывать на миръ, то, по всеобщему убѣжденію, по мѣрѣ того, какъ онъ станетъ затягивать свое пребываніе въ Россіи, онъ очутится въ крайне затруднительномъ положеніи. Пока Митава и часть Курляндіи снова взяты нашими войсками; французскій и прусскій корпуса, занимавшіе ее, отступили при нашемъ приближеніи. Но докучаю ли я вамъ всѣми этими военными подробностями?... но мнѣ трудно говорить о чемъ-либо иномъ; это единственный предметъ, который всѣхъ насъ занимаетъ, или лучше сказать, насъ занимаютъ послѣдствія, могущія проистечь отъ этой единственной причины“.

Не менѣе характерно и нижеслѣдующее письмо къ маркграфинѣ отъ 15 (27) октября; оно, также какъ предыдущія письма, даетъ вѣрную картину всеобщаго настроенія и личныхъ чувствъ Императрицы:

„Мы только-что получили извѣстіе о побѣдѣ, одержанной главными силами арміи, коими командуетъ Кутузовъ. Французской арміей командовалъ Мюратъ. Она потерпѣла рѣшительное пораженіе: мы взяли тридцать восемь орудій и почетное знамя, пожалованное первому Кирасирскому полку, которое находится нынѣ въ кабинетѣ Императора, весь багажъ Мюрата, военную кассу съ четырьмя милліонами, множество плѣнныхъ, число коихъ вѣроятно увеличива-

Отголоски 14-го декабря въ Московскомъ университетѣ.

I.

Минист. Народн. Просвѣщ.—Правленіе Императорскаго Московскаго
Университета. (Мая 18 1826 г.)

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Московское Губернское Правленіе въ сообщеніи отъ 12 числа сего мая за № 38345, изъясняетъ, что московскій военный генераль-губернаторъ при предложеніи отъ 7 сего мая за № 2038, препроводивъ въ оное Правленіе доставленную къ Его Сіятельству копію управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ Высочайшаго рескрипта, вослѣдовавшаго на имя его 21 минувшаго апрѣля, предложилъ на основаніи содержанія онаго немедленно сдѣлать должное распоряженіе, какъ по столицѣ, такъ равно и по всей Московской губерніи, и истребованныя обязательства доставить къ Его Сіятельству для представленія куда слѣдуетъ: а въ томъ Высочайшемъ рескриптѣ написано такъ: Василій Сергѣевичъ, изъ дѣла Комитета, учрежденнаго для изысканія о злоумышленномъ обществѣ, усматривается между прочимъ, что небольшое число злоумышленниковъ противъ спокойствія подъ разными наименованіями общества старалось привлечь въ оныя людей благомыслящихъ, обольщая ихъ ложными видами—благомѣренности своихъ обществъ, имѣвшихъ будто-бы единственною цѣлью распространеніе просвѣщенія, правилъ нравственности, человеколюбія и прочее,—дабы впоследствии, уже удостовѣрившись въ образѣ мыслей сихъ новыхъ членовъ, открыть истинное намѣреніе свое тѣмъ изъ нихъ, коихъ злоумышленники сочтутъ способными принять участіе въ пагубномъ ихъ предпріятіи; хотя изысканіе Комитета обнаруживаетъ, что изъ

сихъ завлеченныхъ врагами общаго спокойствія людей многіе при самомъ принятіи ихъ въ общества оставили оныя, а другіе оставались еще членами, не постигая тайныхъ цѣлей обществъ; но когда вслѣдствіе состоявшагося 21 августа 1822 года Высочайшаго рескрипта на имя управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея, о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ въ государствѣ, требованы были обязательства отъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ болѣе принадлежать не будутъ, съ изъясненіемъ въ тѣхъ обязательствахъ, къ какой именно Масонской ложѣ или къ какому другому тайному обществу кто изъ нихъ принадлежалъ, тогда ни одинъ изъ членовъ, состоявшихъ прежде въ вышеписанныхъ обществахъ, не объявилъ о томъ въ выданномъ отъ него обязательствѣ, и многіе вѣроятно тогда заключили, что они уже отстали отъ обществъ или принадлежали онымъ безъ особенныхъ клятвъ по одному обществу. Такое неисполненіе Высочайшей блаженной памяти Государя Императора воли, имѣя видъ умышленнаго сокрытія обществъ, должно бы подвергнуть виновныхъ строгому взысканію, но, желая употреблять мѣры строгости въ самыхъ только необходимыхъ случаяхъ и уменьшить число преступниковъ, сколько священная обязанность попеченія о общемъ благѣ сіе позволяетъ, я повелѣваю вамъ истребовать по всему государству вновь обязательства отъ всѣхъ находящихся въ службѣ и отставныхъ чиновниковъ и не служащихъ дворянъ въ томъ, что они ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, впредь принадлежать не будутъ, а если кто прежде къ какому-либо изъ нихъ когда бы то ни было принадлежалъ: то съ подробнымъ объясненіемъ въ обязательствѣ его, подъ какимъ названіемъ оно существовало, какая была цѣль его, и какія мѣры предполагаемо было употреблять для достиженія той цѣли. При требованіи сихъ обязательствъ объявить всѣмъ, что не только члены тайныхъ обществъ, принятые въ оныя въ учрежденныхъ ложахъ, думахъ, управахъ и прочихъ по обязательствамъ чрезъ клятву или честное слово и посѣщавшіе общества или знавшіе объ нихъ, но и всѣ безъ изъятія тѣ, кои содѣлались соучастниками оныхъ тайныхъ обществъ безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ чрезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ, управъ, или знали о сихъ обществахъ, обязаны объяснить о томъ при дачѣ подписокъ чистосердечно со всею откровенностью, и что сокрытіе того послѣ сего оказаннаго мною снисхожденія подвергнетъ ихъ строжайшему наказанію какъ государственныхъ преступниковъ; почему Московское Губернское Правленіе и сообщило Правленію университета съ тѣмъ, чтобы оное, отъ

всѣхъ подвѣдомственныхъ сему университету чиновниковъ истребовавъ вновь вышесказанныя обязательства, доставило ихъ въ то Правленіе непременно къ 15 числу іюня, при чемъ приложены и формы подпискамъ, вслѣдствіе чего въ Правленіи опредѣлено: о всѣхъ находящихся при университетѣ профессорахъ и прочихъ чиновникахъ до оберъ-офицерскаго званія, составя списокъ, отобрать по оному сходственно доставленнымъ формамъ требуемыя подписки, которыя предложить присутствію для разсмотрѣнія и отсылки къ 15 іюня въ московское Губернское Правленіе вслѣдствіе сообщенія его отъ 12 числа сего мая, а объ отобраніи таковыхъ же подписокъ отъ чиновниковъ университетскаго Благороднаго Пансіона, типографіи, здѣшнихъ учебныхъ заведеній и всего Московскаго округа и о немедленномъ представленіи ихъ въ Правленіе сообщить въ Училищный Комитетъ, въ Правленіе Пансіона, а начальнику типографіи и директору московскихъ училищъ предписать указами съ приложеніемъ формы тѣмъ подпискамъ, что жъ касается до Его Превосходительства г. лейбъ-медика и кавалера Лодера, преподающаго въ университетѣ лекціи анатоміи, то какъ онъ по спискамъ въ числѣ чиновниковъ университета не состоитъ, а по званію своему принадлежитъ къ Высочайшему Двору, то отобраніе отъ него требуемой подписки предоставитъ Вашему Превосходительству, о чемъ вамъ донести. Ректоръ Прокоповичъ-Антонскій.

Министер. Народ. Просвѣщ. отъ Попечителя Моск. Учеб. Окр.
24 мая 1826 г. № 588.

Правленію Импер. Московскаго Университета.

На рапортъ онаго Правленія отъ 18 мая объ отобраніи отъ преподающаго въ университетѣ анатомію лейбъ-медика Лодера подписки о тайныхъ обществахъ, симъ изъясняю, что подписку сію можетъ предложить г. Лодеру и правленіе университета. Если же онъ откажется на нее отвѣчать, какъ чиновникъ, не принадлежащій къ университету, то объ ономъ извѣститъ московское Губернское Правленіе. По собраніи свѣдѣній отъ всѣхъ чиновниковъ по означенному предмету, предлагаю оному Правленію доставить мнѣ копии съ тѣхъ подписокъ, въ которыхъ объявлена будетъ принадлежность нѣкоторыхъ изъ нихъ къ тайнымъ обществамъ.

Списокъ чиновниковъ, находящихся въ вѣдомствѣ Императорскаго Московскаго Университета, принадлежавшихъ къ масонскимъ ложамъ.

По Университету:

Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій; Христіанъ Ивановичъ Лодеръ. *Статскіе Совѣтники:* Матвѣй Мудровъ, Ѳедоръ Рейсъ, Матвѣй Гавриловъ; *Коллежскій Совѣтникъ* Иванъ Давыдовъ. *Надворные Совѣтники:* Ѳедоръ Кистеръ, Михайлъ Маловъ. *Адъюнкты:* Иванъ Веселовскій, Александръ Эвеніусъ, Магистръ Онуфрій Петрашкевичъ.

Кандидаты: Осипъ Ежовскій, Викентій Будревичъ.

По Университетской типографіи:

Коллежскій Совѣтникъ Петръ Курбатовъ, *Титулярные Совѣтники:* Матвѣй Садыковъ, Яковъ Венкстернъ, кн. Петръ Шаликовъ, 9-го класса Петръ Красильниковъ, 10-го класса Александръ Курбатовъ, Губернскій Секретарь Николай Лосевъ.

По Университетскому Благородному Пансіону:

Титулярный Совѣтникъ Иванъ Камайдовичъ, состоящій въ 10-мъ классѣ Морисъ Аллартъ, Почетный Смотритель Ружскаго уѣзднаго училища гвардіи подпоручикъ Сергѣй Михалковъ.

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, я нижеподписавшійся Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что съ 1783 г. по 1785 г. до запрещенія отъ Правительства принадлежалъ я къ Масонской ложѣ Гермесъ, бывшей тогда въ Москвѣ. Цѣль членовъ оной по моему разумѣнію состояла въ томъ, чтобы совершенствовать себя въ наукахъ и нравственности посредствомъ поученій, читанныхъ въ ложѣ, и взаимнаго наблюденія за поведеніемъ; но съ тысяча семьсотъ восемьдесятъ пятаго года не участвовалъ я ни въ какой ложѣ и ни въ какомъ другомъ тайномъ обществѣ, что видно изъ прежняго показанія, поданнаго мною вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, въ 1822 году касательно масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ состоявшагося. Нынѣ вновь подтверждаю, что я не принадлежу и принадлежать не буду ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали, объявляю также, что и со стороны ни отъ кого о тайныхъ обществахъ мнѣ ничего извѣстно не было.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Антонъ Антоновъ сынъ Прокоповичъ-Антонскій.

Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Ивановъ сынъ Лодеръ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я тому около 40 лѣтъ принять и возведенъ былъ въ городѣ Веймарѣ въ ложу Амаліи въ присутствіи великихъ герцоговъ Саксенъ-Веймаръ и Гота. Здѣсь въ Москвѣ я бралъ участіе въ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія, принадлежавшей къ союзу уполномоченной правительствомъ великой ложи Астреи; но съ 1822 года по закрытіи оныхъ къ нимъ не принадлежу и впродъ какъ къ онымъ, такъ и ни какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣлью сихъ ложъ было исполненіе добродѣтелей христіанства, усовершенствованіе собственное и ближнихъ, повиновеніе начальству и законамъ государственнымъ; вѣрное исполненіе обязанностей, милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ, попеченіе о воспитаніи сиротъ, и наконецъ любовь братская ко всѣмъ человѣкамъ. Способы къ достиженію сей цѣли были: 1) читаемыя рѣчи въ собраніяхъ какъ обыкновенныхъ и въ заключеніи года, такъ и по торжественнымъ днямъ Августѣйшаго Императорскаго Дома, основанные на нравственности и христіанской вѣрѣ; 2) увѣщаніе тѣхъ изъ сочленовъ, коихъ поведеніе было сомнительно; 3) исключеніе изъ общества тѣхъ, кои упрямымъ образомъ оставались неблагонаправленными, или учинили какое преступленіе, или оказались виновными противу Правительства, или банкроты и тому подобныя; 4) отличіе тѣхъ, кои добродѣтелью и исполненіемъ обязанностей того заслуживали. Москва 5 іюня 1826 года.

Двора Его Императорскаго Величества Лейбъ-Медикъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Христіанъ Лодеръ.

Я нижеподписавшійся во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я еще во время моей юности въ Россіи получилъ понятіе о символическомъ ученіи Ордена свободныхъ каменщиковъ, чему болѣе тридцати лѣтъ, и во время моего ученія въ чужихъ краяхъ, влекомый исканіемъ таинствъ природы, въ 1802 году принять былъ въ великую національную ложу въ Берлинѣ, извѣстную подъ именемъ: *Drei Welt Kugel*. Сію предпочелъ я ложамъ потому, что оною нѣкогда управлялъ великій мастеръ генералъ-хирургъ Тедень, по врачебному искусству извѣстный всему ученому свѣту. Братья и члены оной учили христіанской нравственности, благородному поведенію, достоинству человѣческой природы, вѣр-

*

ности, повиновенію и преданности Государю и любви къ отечеству. Не было столовой ложи, въ которой бы не пѣли: Heil dir in hohen Kranz, Herrscher des Vaterlands, Heil, Herrscher, Dir. Сію правильную ложу преимущественно и подобныя ей Берлинскія ложи, Landes Loges и Royal York, посѣщаль я прилежно къ немалому себя назиданію въ нравственности и къ утверженію въ ученіи, тѣмъ паче, что въ ложахъ управляли молоткомъ первые ученые люди и присутствовали профессора медицины, у коихъ я учился, напр. генераль-хирургъ Мурзинна, Ценкеръ, Клапротъ, который меня и принималъ со всѣми обрядами.

Въ продолженіи ученія моего во Франціи я посѣщаль также масонскія ложи Парижскаго Востока; въ правильной ложѣ кавалеровъ креста признанъ почетнымъ членомъ оной въ 1805 году, въ день Св. Іоанна Крестителя былъ въ дамской ложѣ (Loge de adoption), коея многочисленнѣе и пышнѣе не видывалъ. Сія послѣдняя представляла предметъ Библейскій, а именно: древо познанія добра и зла и паденіе Евы; ораторы и поэты на востокѣ Франціи вездѣ проповѣдывали добродѣтель, справедливость, вѣрность къ новой тогда Династіи, ужасы безначалія и революція и умиротвореніе Наполеона.

Въ 1808 году, возвратившись въ Москву, я не только не имѣлъ никакого сношенія съ иностранными ложами, но и съ открывшимися въ Москвѣ не имѣлъ никакой связи до 1820 года; того требовала многотрудная служба моя въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и должность практическаго врача въ обширной столицѣ. Ибо сіе есть истинное коренное правило истинныхъ свободныхъ каменщиковъ, чтобъ на орденскую работу употреблять время только свободное отъ царской службы. И такъ съ 1820 года, изнуренный трудами, рѣшился я искать иногда отдыха въ ложахъ Московскаго Востока и въ мудрыхъ бесѣдахъ Братьевъ и воистину въ нихъ находилъ оный; по сему посѣщаль я ложи Благословеннаго Александра, Манны и Нептуна. Во всѣхъ сихъ благочестивыхъ ложахъ преподавали благочестіе дѣятельное и смиренномудріе Христово. Сей есть нашъ Востокъ-Востоковъ. Во всѣхъ ложахъ учили и обязывали служить вѣрою и правдою Государю Императору, молиться за него, повиноваться предержащей власти, и ежели бы кто узналъ что противъ правительства, то обязанъ о томъ доносить оному. Въ столовыхъ ложахъ, составляющихъ утѣшеніе Братьевъ, пушки наши всегда на первомъ залѣ съ вѣрно подданническою преданностію гремѣли въ честь, славу и здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома Его.

Какъ я въ 1822 году не принадлежалъ ни какой ложѣ, то Братья

каменщики древней системы пожелали открыть ложу подъ названіемъ Гарпократа и подъ моимъ предсѣдательствомъ, избравъ меня мастеромъ стула, просили на то позволенія Его Сіятельства господина министра Внутреннихъ Дѣлъ и приложили къ сему списокъ Братьевъ за моимъ подписаніемъ. Цѣль сея ложи изложена мною въ запискѣ, представленной Его Сіятельству, и была слѣдующая: утвержденіе себя и другихъ въ познаніи Бога, природы и самихъ себя. Въ семь троякомъ свѣтѣ заключаются всѣ науки: 1-е познаніе великаго строителя вселенныя, Словомъ небеса утвердившаго и всю силу ихъ; 2-е познаніе Естественной Исторіи и высшей физики и химіи; 3-е познаніе самого себя по тремъ принципіямъ тѣла, души и духа. *A coelo descendit Γωῶδι σαχτούν.* Всѣ сіи познанія основываются на краеугольномъ камени Исусѣ Христѣ и почерпаются изъ откровеннаго Слова Божія, проистекшаго отъ того же духовнаго камня. Камень же бѣ Христось. Руководство же или мѣры къ достиженію сей цѣли потребныя суть: чтеніе Священнаго Писанія и святыхъ отцовъ, Θомы Кемпійскаго и пастырскаго посланія.

Но между тѣмъ какъ мы ожидали и уже надѣялись получить позволеніе работать въ новой ложѣ на Московскомъ Востокѣ по старымъ актамъ, объявлено было правительствомъ Высочайшее въ Бозѣ почившаго Государа Императора повелѣніе закрыть всѣ ложи. И все умолкло.

Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого сношенія съ Масонскими ложами и ни къ какой ложѣ теперь не принадлежу и впредь принадлежать не буду. А къ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, никогда не принадлежалъ и даже понятія объ нихъ не имѣлъ и впредь принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю. 1826 іюня 6 дня.

Медицины докторъ и Профессоръ Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матѣй Мудровъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Федоръ Федоровъ сынъ Рейсъ, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Масонской ложѣ, прозывающейся Александромъ Тройственнаго Благословенія (*Alexander zum dreifachen Segen*) въ Москвѣ, но со дня объявленія Высочайшаго Рескрипта 21 дня августа 1822 года къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни

существовали, принадлежать не буду. А цѣль сей ложи, правительству извѣстной, была распространеніе христіанскихъ истинъ и добродѣтелей; средства же для достиженія сей цѣли были примѣръ и наученіе главныхъ членовъ; а болѣе сего ничего не знаю. Москва 1826 года Маія 31 дня.

Федоръ Рейсъ.

Я нижеподписавшійся Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловичъ сынъ Гавриловъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, сколько припомнить могу, въ 1780 году, принятъ былъ въ Масонскую Ложу покойнаго князя Николая Никитича Трубецкого, называвшуюся Озирисъ; потомъ принадлежалъ къ Ложѣ Сфинскъ покойнаго профессора Московскаго Университета Харитона Александровича Чеботарева, сколько, за отдаленностію времени припомнить могу, по 1786 годъ. Цѣль оныхъ Ложъ, по крайнему разумѣнію моему, состояла въ усовершенствованіи нравственности, посредствомъ поученій и рѣчей произносимыхъ, также взаимнаго наблюденія за поведеніемъ и поступками. Съ упомянутаго же времени ни къ какой Ложѣ не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Статскій Совѣтникъ и кавалеръ, Императорскаго Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Матвей Гавриловъ сынъ Гавриловъ.

Я нижеподписавшійся Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и кавалеръ, Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю: что я прежде сего съ 1820 г. по 1822 годъ, то есть до закрытія всѣхъ тайныхъ обществъ въ Государствѣ, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ избраннаго Михаила, въ С.-Петербургѣ существовавшей, которая, по моему разумѣнію, имѣла цѣлю нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Государю и всѣмъ ближнимъ посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнымъ однимъ за другимъ наблюденіемъ. Во время принадлежности моей къ сей ложѣ посѣщалъ я также бывшія въ Москвѣ Масонскія Ложи: Александра Тройственнаго Благословенія и ищущихъ Манны, съ тою же цѣлю и съ тѣми же самыми средствами собиравшіяся. Но нынѣ

послѣ даннаго мною въ 1822 году обязательства ни къ упомянутой Ложѣ, ни къ другой какой-либо не принадлежу и впредь какъ оной, такъ и никакимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе ничего не знаю. Москва, 1826 года мая 31.

Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Ивановъ сынъ Давыдовъ.

Я нижеподписавшійся Надворный Совѣтникъ Докторъ и Лекторъ Федоръ Ивановъ сынъ Кистеръ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Ложѣ, находящейся въ домѣ Ланга, что на Солянкѣ, подъ названіемъ Alexander zum dreifachen Segen. Цѣль означенной Ложки состояла въ усовершенствованіи самихъ себя, въ облегченіи участи бѣдныхъ, въ воспитаніи беспомощныхъ сиротъ, но вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта отъ 21 августа 1822 г. по закрытіи оной,—удалился отъ оной ложки и нынѣ къ оной не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Федоръ Кистеръ.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Яковлевъ Маловъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой лжи и утайки объявляю, что въ 1819 году вступилъ я въ ложу свободныхъ каменщиковъ, существовавшую въ Москвѣ подъ названіемъ Александра Тройственнаго Благословенія, въ которой далъ клятву быть вѣрнымъ ей тогда только, когда узналъ, во-первыхъ, что она съ дозволенія Правительства и съ вѣдома Государя Императора; во-вторыхъ, что въ оной Ложѣ не заключается ничего противнаго ни Богу, ни господствующей въ Россіи Христіанской религіи, ни постановленіямъ, къ которымъ привыкъ и священнымъ долгомъ чту повиноваться; проходя степени ученика, товарища и мастера, занималъ и должности, Обществомъ на меня возлагаемыя. Закрылъ же вышеуказанную ложу тотчасъ вслѣдствіе Высочайшей воли, послѣдовавшей въ 1822 году, при чемъ въ отреченіи моемъ отъ ордена вольныхъ каменщиковъ и далъ подписку. Во время принадлежности моей къ ложѣ Александра Тройственнаго Благословенія

посѣщаль я также очень рѣдко бывшую тогда въ Москвѣ Масонскую ложу ищущихъ Манны. Цѣль какъ ложи, къ коей принадлежалъ я, такъ и той, которую изрѣдка посѣщаль, была, по моему разумѣнію, нравственное совершенствованіе въ исполненіи обязанностей къ Богу, Христіанской религіи, Государю и всѣмъ ближнимъ, посредствомъ единодушнаго къ сему содѣйствія поученіями и взаимнаго одного за другимъ наблюденія относительно своихъ погрѣшностей. Цѣль моего пребыванія въ ложѣ—исправить самого себя и утвердиться въ нравственныхъ качествахъ, дабы чрезъ то содѣлаться достойнымъ званія гражданина и рода службы, мною избраннаго. Мѣры къ достиженію сей цѣли, сверхъ показанныхъ мною, предполагаемы были въ истинномъ уразумѣніи Св. Евангелія, въ здоровомъ разсудкѣ и не развращенномъ сердцѣ, которыя мѣры ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ видомъ не отклоняли бы меня отъ власти закона и непоколебимой вѣрности и преданности къ Особѣ Его Императорскаго Величества. Но нынѣ, послѣ данной мною въ 1822 году обязанности, ни къ упомянутой ложѣ, ни къ другимъ какимъ-либо не принадлежу и впредь какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ Обществамъ, подъ какими бы онѣ названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего по истинѣ ничего не знаю. Москва 1826 года іюня 2 дня.

Адъюнктъ-Профессоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Яковлевъ Маловъ.

Я нижеподписавшійся докторъ Медицины и Адъюнктъ Иванъ Семеновъ сынъ Веселовскій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я принадлежалъ къ Масонской ложѣ, имѣвшей съ дозволенія правительства существованіе свое въ Москвѣ, подъ названіемъ Ложа ищущихъ Манны, но съ 1822 года я къ оной ложѣ не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду. Цѣль, къ которой члены вышеименованной ложи обязывались стремиться, состояла въ совершенствованіи себя самихъ; средства же, для сего предположенныя, состояли въ познаніи и исправленіи собственныхъ страстей и предубѣжденій, въ усердномъ исполненіи обязанностей вѣрнаго подданнаго, добраго гражданина и честнаго человѣка, въ приобрѣтеніи полезныхъ знаній чрезъ размышленіе о человѣкѣ и предметахъ, его окружающихъ. Что же касается до злонамѣренныхъ обществъ, то я

къ нимъ никогда не принадлежалъ и объ нихъ свѣдѣнія не имѣлъ.
Докторъ медицины и адъюнктъ Иванъ Веселовскій.

Я нижеподписавшійся Императорскаго Московскаго Университета адъюнктъ, докторъ медицины Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего, т. е. съ 1819 года, принадлежалъ къ Масонской Ложѣ, подъ названіемъ Петра къ истинѣ, въ С.-Петербургѣ, коей цѣль была нравственная и благотворительная, а мѣры къ достиженію сей цѣли состояли въ поучительныхъ наставленіяхъ; но со времени закрытія Масонскихъ ложъ, т. е. съ 1822 г. къ оной не принадлежу и впредь, какъ къ оной, такъ и ни къ какимъ другимъ Тайнымъ Обществамъ, подъ какимъ они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Докторъ медицины и адъюнктъ Александръ Егоровъ сынъ Евеніусъ руку приложилъ.

Я нижеподписавшійся магистръ философіи Онуфрій Фелиціановичъ Петрашкевичъ во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти и безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ въ Вильнѣ, котораго цѣль была литературная, а съ 1820 года къ оному не принадлежу и впредь, какъ къ оному, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Магистръ философіи Онуфрій Фелиціановичъ Петрашкевичъ.

Я нижеподписавшійся кандидатъ философіи Осипъ Павловъ, сынъ Ежовскій во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего во время моего пребыванія въ Виленскомъ университетѣ студентомъ съ 1816 до 1820 года принадлежалъ къ Обществу Филоматовъ, или любителей наукъ, составленному изъ моихъ соучениковъ, коего цѣлю было взаимнымъ пособіемъ и общими въ наукахъ упражненіями содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе узнано по слѣдствію, произведенному Высочайше учрежденною въ 1823 году комиссіею для изслѣдованія тайныхъ обществъ въ Вильнѣ, но какъ Общество Филоматовъ уничтожилось въ 1820 году, то и я къ оному пересталъ принадлежать и впредь

ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду и болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ Осипъ Ежовскій.

Я нижеподписавшійся кандидатъ Викентій Антоновъ сынъ Будревичъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти безъ всякой утайки объявляю, что я прежде сего принадлежалъ Обществамъ Филоматовъ и Филаретовъ, состоявшимъ между учениками Виленскаго университета съ 1818 по 1822 годъ, имѣвшимъ цѣлю литературными упражненіями и оказываніемъ взаимныхъ пособій содѣйствовать къ лучшему себя образованію, какъ сіе подробно открыто по слѣдствію, произведенному съ Высочайшаго повелѣнія сенаторомъ Новосильцевымъ, по съ закрытія общества въ 1822 году, я ни къ какому не принадлежу и впредь ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, не буду, а болѣе сего ничего не знаю.

Кандидатъ философіи Викентій Будревичъ.

Исполняя волю Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государа, объявленную мнѣ Г. Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ въ копіи съ предписанія къ нему отъ г. управляющаго министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ по предмету тайныхъ обществъ, я за священнѣйшую и непремѣнную считаю для себя обязанность чистосердечно со всею откровенностію засвидѣтельствовать слѣдующее: 1, въ маѣ 1816 года дѣйствительно я вступилъ въ общество, существовавшее подъ названіемъ *умирающаго Сфинкса*, въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ. Общество сіе хотя имѣло ритуаль Масонскій, но было единственно *Духовное*: я посѣщалъ оное въ продолженіи 1816 года, мѣсяца три въ 1817 г., въ остальное же время сего года былъ боленъ и находился въ домовомъ отпускѣ; въ 1818 г. рѣдко, по причинѣ болѣзни и жительства моего на мызѣ, первые полтора мѣсяца 1819 г., а съ того времени, т. е. 1819 года, оставивъ Петербургъ по опредѣленіи моемъ къ настоящей должности, я уже болѣе не имѣлъ ни личнаго, ни письменнаго сношенія съ обществомъ. При вступленіи въ общество предоставлено мнѣ было полное право, что если бы я замѣтилъ что-нибудь противное принятой системѣ правительства, колыми баче, что-нибудь противъ священной особы Государа Императора, не только тотъ же разъ оставить общество, но и налагалась священнѣйшая обязанность тогда же извѣстить о семъ правительство. Мнѣ

было открыто, что общество сіе было свѣдомо правительству, даже самому блаженной памяти Государю Императору. Собранія происходили въ ономъ во время дня. 2, цѣль его. Занимая въ обществѣ 4-ю Шотландскую степень, я могъ съ нѣкоторою достовѣрностью прозрѣвать и въ цѣль онаго, а посему, какъ христіанинъ и какъ вѣрнопопданный Его Императорскаго Величества по самой совѣсти и долгу присяги увѣряю, что единственная цѣль общества была раскрытіе въ себѣ высшихъ *духовныхъ* силъ человѣка, прозрѣніе въ натуру и усовершенствованіе самого себя. Политика никогда не входила въ составъ общества.

3, Средства для достиженія цѣли были: 1, практическое христіанство, 2, бдѣніе надъ помыслами и смысленная молитва, 3, безкорыстное служеніе Государю и Отечеству безъ всякихъ видовъ собственности.

4, Общія замѣчанія. Общество состояло изъ весьма малыхъ членовъ и ни малѣйшаго не имѣло сношенія съ прочими Масонскими ложами или другими какими-нибудь тайными обществами: членамъ общества даже поставлено было въ правило всемѣрно удаляться не только какихъ-нибудь другихъ тайныхъ обществъ, если бъ таковыя были, но и самыхъ Масонскихъ ложъ. Сіе только зналъ я и знаю о томъ обществѣ, которое съ 1819 года вовсе оставилъ и впредь къ оному никогда уже принадлежать не буду. Верховное правительство безъ сомнѣнія имѣетъ всѣ средства удостовѣриться, что сіе мое показаніе сдѣлано чистосердечно и со всею откровенностію, которая происходитъ изъ полной увѣренности всегдашняго моего чувствованія видѣть въ священной особѣ моего Монарха второе на землѣ Провидѣніе.

Что же касается до меня самого и частныхъ моихъ отношеній, то по долгу присяги чистосердечно объявляю, что я ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ никогда не принадлежалъ и впредь принадлежать не буду, и соучастникомъ въ оныхъ, какъ по обязательствамъ чрезъ клятву и честное слово, равно и безъ всякихъ формъ, клятвъ и обязательствъ, или черезъ разговоры при встрѣчѣ внѣ ложъ, думъ и управъ, никогда не былъ и не буду и о существованіи таковыхъ обществъ гдѣ-либо свѣдѣнія не имѣлъ и не имѣю. Подписалъ директоръ училищъ, Костромской губерніи, коллежскій секретарь Юрій Бартеновъ.

Я нижеподписавшійся директоръ училищъ, Тульской губерніи коллежскій секретарь Евграфъ Николаевъ, сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ, во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія по чистой совѣсти, безъ всякой утайки объявляю, что я

прежде сего принадлежалъ къ находившейся въ С.-Петербургѣ Масонской ложѣ подъ названіемъ Умирающій Сфинксъ и въ Москвѣ посѣщалъ Масонскую ложу-Нептунъ; но съ того времени, какъ Масонскія ложи закрыты и дана мною подписка въ непринадлежности къ Масонскимъ тайнымъ обществамъ, я къ упомянутымъ ложамъ не принадлежу, и впредь къ онымъ, такъ и ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали, принадлежать не буду, и болѣе ничего не знаю, какъ только то, что существованіе ложъ умирающаго Сфинкса и Нептуна имѣло цѣлью своего ученія познаніе самого себя, природы и Бога, средствомъ же къ достиженію таковой цѣли дѣятельное исполненіе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей. 1826 года іюля 10 дня. Подписалъ: директоръ училищъ Тульской губерніи, Евграфъ Николаевъ сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ.

Я нижеподписавшійся коллежскій ассесоръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, въ исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, по чистой совѣсти, безъ всякой утайки симъ объявляю о кратковременной прикосновенности моей къ Союзу Благоденствія, въ который вступилъ членомъ въ началѣ 1819 года по предложенію бывшаго тогда директоромъ тульскихъ училищъ титулярнаго совѣтника Степана Дмитриева сына Нечаева и по увѣренію, что въ семъ обществѣ нѣтъ ничего противнаго религіи, правительству и добрымъ нравамъ.

Послѣ однократнаго прочтенія устава означеннаго Союза, сколько могу теперь припомнить, почти черезъ восемь лѣтъ не приводя того на мысль, я замѣтилъ въ ономъ одну главную благовидную цѣль: направленіе къ добру путями челоуколюбія, правосудія, образованія и общественнаго хозяйства, которое и оправдало данное увѣреніе; въ дальнѣйшія же предначертанія никакъ невозможно было проникнуть. Средства къ достиженію сей цѣли изложены слѣдующія: примѣръ, слово и письмо. На каковой конецъ, въ особенности согласно сей послѣдней мѣрѣ, мы хотѣли переводить и издавать полезныя книги; на вскорѣ послѣ показаннаго времени, за выbytіемъ сего Нечаева изъ Союза Благоденствія по невѣдомымъ причинамъ, возбудившимъ во мнѣ невыгодныя заключенія, не желая оставаться въ сообществѣ съ людьми мнѣ неизвѣстными, я тотчасъ просилъ объ исключеніи меня изъ онаго Союза (и исключенъ). Ложи не посѣщалъ, вліянія никакого не имѣлъ и ни въ какихъ сношеніяхъ съ членами не былъ. Съ самаго начала вступленія къ Союзу не принадлежу и впредь какъ къ нему, такъ и ни къ какимъ другимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они названіемъ ни существовали,

принадлежать не буду, и болѣе сего ничего и никого не знаю. Подписалъ тульской гимназіи старшій учитель коллежскій ассесоръ и кавалеръ Дмитрій Игнатьевъ сынъ Альбицкій, 1826 г. іюня 16 дня.

II.

Министерство Народ. Просвѣщ.—Департаментъ.

(22 мая 1826 г.).

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что въ газетахъ, въ Россіи издаваемыхъ, помѣщаются статьи о политическихъ видахъ правительства нашего, столь же мало заслуживающія вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются.

Его Величество, находя таковыя статьи въ газетахъ нашихъ неприличными, г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Высочайше повелѣтъ соизволилъ чрезъ г. начальника главнаго штаба своего, о приказаніи Цензурѣ принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская только тѣ сего рода, кои заимствуются изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемого при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

О такомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи г. управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ объявивъ для надлежащаго исполненія господамъ начальникамъ губерній Остзейскихъ и Литовскихъ и новороссійскому генералъ губернатору, также сообщилъ оное и мнѣ, съ тѣмъ чтобы я предписалъ о наблюденіи онаго цензурнымъ комитетамъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ ввѣреннаго мнѣ Министерства.

О таковой Высочайшей волѣ честь имѣя сообщить Вашему Превосходительству, предоставляю Вамъ сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе о наблюденіи оной по ввѣренному Вамъ московскому цензурному комитету.

Министръ Народнаго Пресвѣщенія Александръ Шишковъ.

Директоръ Языковъ.

Отъ Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

4 іюня 1826 г.

Совѣту Императорскаго Московскаго Университета.

Прилагая у сего копію съ циркулярнаго отношенія ко мнѣ Его Высокопревосходительства г. Министра Народнаго Просвѣщенія, съ изъясненіемъ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ, столь же мало заслуживающихъ вѣроятія, сколь неосновательны слухи, изъ коихъ они почерпаются, почему и допускать только тѣ извлеченія по сему предмету, кои заимствованы изъ С.-Петербургскихъ Академическихъ газетъ или изъ Journal de St. Petersbourg, издаваемаго при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, предлагаю оному совѣту сдѣлать точное по сему распоряженіе свое: 1) чтобы помѣщеніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ политическихъ статей согласовалось съ означеннымъ Высочайшимъ Государя Императора соизволеніемъ; 2) чтобы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и журналахъ обозначалось, откуда каждая изъ таковыхъ статей заимствована; 3) чтобы не перепечатывали слово въ слово статьи изъ прочихъ газетъ и журналовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ частными людьми, какъ-то: Сѣверной Пчелы и проч., предоставивъ издателямъ самимъ переводить, а не перепечатывать статьи, не относящіяся до политики, какъ-то ученныя извѣстія, анекдоты и проч. для помѣщенія ихъ въ вѣдомостяхъ и журналахъ, издаваемыхъ въ Московскомъ Округѣ, и наконецъ 4) печатать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ тѣ только статьи, которыя прочтены будутъ г. начальникомъ типографіи и одобрены г. ректоромъ университета на вышеизъясненномъ основаніи.

№ 1591.

31 декабря 1826 г.

Милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ!

Въ особомъ объявленіи къ № 102 Московскихъ Вѣдомостей объ оптическомъ путешествіи по комнатамъ напечатано, что г. Леско будетъ показывать внутренность церкви во имя Рождества Христа Спасителя, сооруженной въ Ввеліемѣ Императоромъ Константиномъ Великимъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ Спаситель родился въ ясляхъ, и сдѣлана сходственно *комическому* описанію графа Форбена, а слѣдовало бы вмѣсто *комическому* *классическому* опи-

санію графа Форбена. Таковая ошибка по важности предмета непростительна. Я васъ покорнѣйше прошу сдѣлать за сіе кому слѣдуетъ строжайшій выговоръ, а впродъ наблюдать, чтобы таковыхъ ошибокъ не было.

Сверхъ сего въ 96 № Московскихъ Вѣдомостей напечатано: „Полковникъ Станчинъ общаетъ намъ, что всѣ націи въ свѣтѣ скоро будутъ конституціонными республиками“ и хотя сіи строки взяты изъ 93 № С.-Петербургскихъ Академическихъ вѣдомостей, но при всемъ томъ не слѣдовало бы повторять сего въ нашихъ вѣдомостяхъ. Посему покорнѣйше прошу ваше высокородіе распорядиться, чтобы редакторъ Московскихъ Вѣдомостей не печаталъ ни одной статьи въ сихъ Вѣдомостяхъ безъ вашего предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія.

Р. С. Покорнѣйше прошу Васъ, милостивый Государь, Иванъ Алексѣевичъ, распорядиться на счетъ газетъ такимъ образомъ, чтобы за нихъ не одинъ наборщикъ да корректоръ отвѣчали, но и самъ издатель съ помощникомъ, и потому имъ прочитывать и пересматривать не однѣ политическія статьи, но и вообще все, что печатается въ газетахъ,—не исключая никакого даже объявленія. Впрочемъ, во всемъ строго поступать по утвержденнымъ правиламъ для производства дѣлъ типографіи, особенно по вышеописанному предмету § § 10 и 19.

Подписалъ А. Писаревъ.

Сообщилъ М. Гершензонъ.

Совѣтъ Генераль-аудитору быть осторожнѣе.

(1800 г.).

Письмо графа Х. А. Ливена

князю Салагову.

Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла по доносу Егерскаго Ведемеера полка подполковника Курта и маіора Филькевича, указать соизволилъ: . . . 3) показанное въ 6-мъ пунктѣ доноса подполковника Курта слово о полковой сборной замѣтить Вашему Сіятельству, что таковыхъ сборныхъ вовсе не бываетъ, а Его Императорское Величество полагать изволить, что то долженъ быть ордонансъ-гаузъ и для того въ подобныхъ случаяхъ вамъ надобно быть осторожнѣе.

№ 1879.

16 іюля 1800 г.

Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генеральнаго госпиталѣя.

Отношеніе графа Х. А. Ливенъ

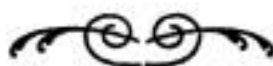
въ Генераль-Аудиторіатъ.

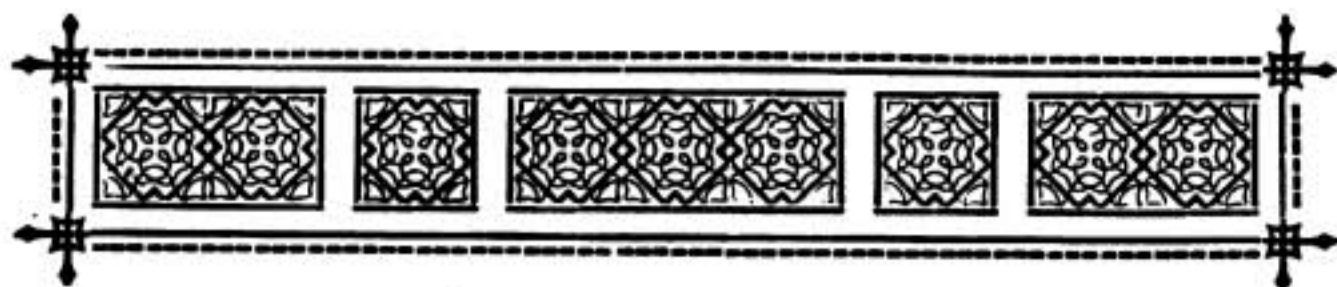
Государь Императоръ, по выслушаніи выписки изъ дѣла, производившагося въ Генераль-Аудиторіатѣ о упущеніи Московскаго Генеральнаго Гошпиталя изъ больничной арестантской палаты разныхъ полковъ офицерами арестантовъ, указать соизволилъ: штата помянутаго гошпиталя 8-ой арестантской палаты лѣкаря, оставившаго здоровыхъ арестантовъ подъ видомъ больныхъ, какъ бы давая поводъ къ избѣжанію заслуживаемаго ими наказанія побѣгами, выключить изъ службы и, буде онъ иностранецъ, то выслать за границу; содержащихся же по сему дѣлу подъ арестомъ офицеровъ отъ онаго освободить.

№ 1857.

14 іюня 1800 г.

Сообщилъ Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій ¹⁾.

VI.

уровая обстановка юности выработала изъ Левицкаго, какъ я говорилъ, эгоиста. Та же обстановка, вмѣстѣ съ бѣготней по лекціямъ, не дала ему возможности узнавать людей, понимать ихъ, не выработала такта въ обращеніи съ ними, и это было причиною, что товарищи и вообще знакомые его недолюбливали, а подчиненные—ненавидѣли.

Помню, когда мы съ нимъ были уже „на ты“ и онъ, назначенный начальникомъ штаба гвардейской дивизіи, пользовался прекрасной казенной квартирой въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, сидимъ мы въ его кабинетѣ безъ сюртуковъ и распиваемъ чай.

Докладываютъ о приходѣ старшаго адъютанта, генеральнаго штаба капитана Шеншина.

Мы тотчасъ же надѣли сюртуки, и Левицкій приказалъ просить.

Вошелъ Шеншинъ. Левицкій подалъ ему руку, такъ же какъ и я, и взявъ бумаги, расположился у письменнаго стола, а я сѣлъ поодаль на диванѣ съ газетой.

Начался докладъ.

Съ первой же бумаги, Левицкій рѣзко говоритъ: „это не такъ“ и отбрасываетъ бумагу въ сторону. Слѣдующая бумага, и опять: „это не то, совсѣмъ не то“.

Докладъ продолжался полчаса, и я былъ пораженъ рѣзкимъ тономъ, крайне неприятнымъ, почти обиднымъ, какимъ Казиміръ, отбрасывая бумаги, дѣлалъ Шеншину свои замѣчанія, замѣчанія офицеру генеральнаго штаба, своему, такъ сказать, коллегѣ и, при томъ, человѣку несомнѣнно способному и очень самолюбивому.

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь и декабрь 1909 г.

По окончаніи доклада Казиміръ, какъ ни въ чемъ не бывало, приглашаетъ Шеншина выпить стаканъ чаю, но тотъ, весь накрахмаленный, сухо благодарить и уходитъ.

Шеншинъ, какъ упомянуто, былъ человекъ очень способный, старинной дворянской семьи, прекрасно воспитанный, хорошо знавшій три европейскіе языка и при этомъ крайне самолюбивый. Мнѣ стало яснымъ, отчего подчиненные ненавидѣли Казиміра.

— Ты всегда такъ принимаешь доклады?—спросилъ я.

— А что?—былъ наивный отвѣтъ.

— Я знаю, что тебя офицерство ругаетъ, но нахожу, что оно не право: ругаетъ мало, ты заслуживаешь гораздо большаго.

— Что жъ, по-твоему я не имѣю права дѣлать замѣчаній на неправильно написанную бумагу? Что же такъ ее и оставлять по-твоему?

— Совсѣмъ нѣтъ, но ты, именно, долженъ дѣлать *замѣчанія*, или, безъ всякихъ замѣчаній, просто, спокойнымъ тономъ, щадя самолюбіе, объяснить неправильность написаннаго и сказать—какія нужно сдѣлать исправленія.

— Да я такъ и дѣлалъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Ты все время говорилъ какимъ-то раздраженнымъ, обиднымъ тономъ и бросалъ бумаги, вмѣсто того, чтобы спокойно передавать ихъ. Вообще раздражительность въ отношеніи къ подчиненному, да еще къ своему коллегѣ—такому же офицеру генеральнаго штаба, какъ и ты, да еще въ отношеніи человека самолюбиваго—кромѣ вреда, ничего принести не можетъ; деликатность же замѣчаній побудитъ человека работать съ интересомъ къ дѣлу, съ желаніемъ сдѣлать хорошо. А ты вѣдь дѣлаешь работу подчиненнаго противною ему, и на доклады тебѣ онъ, конечно, смотритъ какъ на Божеское наказаніе.—Нѣтъ, Казиміръ, такъ нельзя обращаться съ людьми.

— Что жъ ты хочешь, чтобы я популярничалъ?

— Опять таки, нѣтъ, но я хочу, чтобы ты не дерзилъ безъ надобности своимъ подчиненнымъ, чтобы дѣлалъ работу для нихъ пріятною, чтобы заинтересовывалъ ихъ работою, отъ чего дѣло можетъ только выиграть.

Долго мы говорили по этому поводу. Казиміръ сдалъ и обѣщаль слѣдить за собою, а я не разъ его спрашивалъ потомъ—какъ онъ принимаетъ доклады и какъ обращается съ подчиненными? Онъ увѣрялъ, что измѣнился, и кажется, это была правда; по крайней мѣрѣ молодежь мнѣ не разъ говорила, что Казиміръ сдѣлался несомнѣнно пріятнѣе, и такъ было до самой войны, когда онъ отъ суеты и нежданно упавшаго на его голову величія, какъ говорили, совсѣмъ закурилъ удила и успѣлъ заслужить чуть не всеобщую ненависть.

Та же суровая обстановка жизни выработала изъ Левицкаго— что грѣха таить—человѣка крайне угодливаго передъ начальствомъ,—слишкомъ дорожившаго своимъ положеніемъ, полного страха потерять его и, ужь конечно, не способнаго сказать въ критическую минуту: „если не такъ, то я удалюсь“.

Мало того, незнаніе людей и помыслы только о себѣ сдѣлали изъ него начальника, не заботившагося о своихъ подчиненныхъ, не думавшаго о томъ, чтобы они были вознаграждены за свои труды, а это, вмѣстѣ съ непріятнымъ характеромъ служебныхъ отношеній, было новымъ поводомъ къ тому, что Левицкаго на войнѣ почти всѣ ненавидѣли, хотя всѣ высказывали это только за глаза.

VII.

Я говорилъ, что учительство, заставляя играть роль какого-то оракула передъ ребятами, вырабатываетъ въ человѣкѣ большую самоувѣренность; но самоувѣренный, самонадѣянный педантъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, видитъ, что самоувѣренность его покоится на крайне шаткомъ основаніи, что жизнь разбиваетъ то, что казалось ему непогрѣшимымъ, что простой практикъ, иногда безграмотный, разрѣшаетъ вопросы жизни болѣе толково, чѣмъ онъ. Отсюда, въ серьезныхъ случаяхъ, крайняя самоувѣренность замѣняется нерѣшительностью, неспособностью твердо остановиться на избранномъ рѣшеніи, смѣняется вѣчными колебаніями то въ ту, то въ другую сторону.

Благопріобрѣлъ ли Левицкій эти свойства благодаря учительству, или они лежали въ самой натурѣ этого человѣка—опредѣлить не берусь; но когда онъ вступилъ въ жизнь и при томъ въ такое ея проявленіе, какъ война, гдѣ рѣшительность характера требуется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь,—онъ, естественно, оказался несостоятельнымъ и непригоднымъ для той крупной роли, какую пришлось ему играть при рѣшительномъ главнокомандующемъ и совершенно инертномъ его начальникѣ штаба—Непокойчицкомъ.

Нельзя сказать, чтобы Левицкій не понималъ своихъ недостатковъ въ этомъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда, въ 1872 году, онъ въ первый разъ былъ назначенъ начальникомъ штаба отряда на большихъ Красносельскихъ маневрахъ, Казиміръ пріѣхалъ ко мнѣ и сталъ усиленно просить, чтобы я присутствовалъ на нихъ.

— Дамъ тебѣ лошадь, какую хочешь, говорилъ онъ, предоставлю

тебѣ вѣстового, будешь пользоваться всѣми удобствами, только прїѣзжай, пожалуйста, и поѣзди со мною.

„Да зачѣмъ я поѣду, не люблю я маневровъ вообще“.

— Нѣтъ, пожалуйста. Видишь ли, я люблю, когда ты меня ругаешь. Ты какъ-то умѣешь это дѣлать такъ, что я не обижаюсь, потому что чувствую, что ты желаешь мнѣ добра. Видишь ли: я сознаю недостаточную рѣшительность своего характера; я всегда колеблюсь, принимаю то одно, то другое рѣшеніе, а въ тебѣ я никогда этого не замѣчалъ. Ты всегда, все готовъ поставить на карту. (А характера въ молодости я былъ дѣйствительно рѣшительнаго). Вотъ я и хочу, чтобы ты поѣздилъ со мною и поругалъ меня, если замѣтишь какую-нибудь нерѣшительность, или суетливость, да и вообще, что бы былъ моимъ цензоромъ, критикомъ моихъ распоряженій: вѣдь мнѣ придется дѣйствовать совершенно самостоятельно, потому что начальникъ мой, свѣтлѣйшій князь Голицынъ, будетъ держаться въ сторонѣ, и мнѣ придется все дѣлать за свой страхъ, все брать на свою отвѣтственность.

Нечего дѣлать, пришлось согласиться.

Я жилъ тогда въ Павловскѣ. Въ назначенный часъ сѣлъ на перекладную и прїѣхалъ прямо на поле маневровъ къ заранее условленному мѣсту, гдѣ ждалъ меня ординарецъ съ верховымъ конемъ.

Отыскать начальника отряда и его начальника штаба было не легко. Какую часть войскъ ни спросишь,—никто не можетъ указать—гдѣ они.

Разыскалъ, наконецъ. Представился князю, пожалъ руку Левицкому, котораго нашелъ въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ кипѣлъ и волновался. Ни одного изъ адъютантовъ при немъ уже не было. Улучивъ минуту, я спросилъ:

„Гдѣ же твои офицеры генеральнаго штаба и ординарцы?“

— Да вотъ, разослалъ всѣхъ съ приказаніями.

„Какъ же такъ, ни одного себѣ не оставилъ, ну, а если теперь надо послать съ приказаніями, съ кѣмъ пошлешь?“

— Да, конечно, отвѣчалъ онъ суетливо, но я думалъ, что возвратятся. Вотъ, Скобелева, какъ давно послалъ, жду его каждую минуту, а все нѣтъ.

Маневры продолжались. Я поѣхалъ по войскамъ, чтобы поближе прослѣдить ихъ дѣйствія. Возвратился потомъ къ Левицкому и уже нашелъ при немъ двухъ подоспѣвшихъ ординарцевъ.

— А Скобелева все нѣтъ, говорилъ онъ съ безпокойствомъ и съ раздраженіемъ.

Вскорѣ послѣдовалъ отбой, и мы поѣхали въ Таицы, гдѣ назна-

ченъ былъ ночлегъ главной квартиры отряда. Нижній этажъ не-большого дворца оказался отведеннымъ для князя Голицына. Наверху, въ мезонинѣ, помѣстились мы съ Левицкимъ.

Пообѣдали.

— А Скобелева все нѣтъ,—не разъ повторялъ Левицкій.

Признаться, началъ беспокоиться и я.

„Пожалуй, сумасшедшій человекъ неудачно взялъ какое-нибудь препятствіе и лежитъ гдѣ-нибудь въ канавѣ. Впрочемъ привели бы лошадь. Да и вообще вѣдь кругомъ люди—дали бы знать“.

— Полно, Казиміръ, успокаивалъ я. „Pas de nouvelles—bonne nouvelle“¹⁾.

Послѣ обѣда мы обсудили положеніе обѣихъ сторонъ, Казиміръ самъ сѣлъ писать диспозицію, и, написавъ, далъ ее мнѣ на просмотръ.

— Видишь ли,—говорилъ онъ,—я хочу обойти непріятельскій лѣвый флангъ и поручаю это Гурко. Онъ молодецъ. Дадимъ ему его конно-гренадерскій полкъ и часть пѣхоты съ артиллерією“ (какую часть, разумѣется, не помню).

„Ну, что жъ, по условіямъ мѣстности—это резонно. Вѣроятно непріятель не ожидаетъ обхода и вынужденъ будетъ отступить. А вотъ офицеровъ ты преслѣдуешь за каждый пропущенный пунктъ, а за твою диспозицію я тоже тебѣ удовлетворительнаго балла не поставилъ бы“.

— Отчего? Вѣдь самъ же ты сказалъ, что я распорядился резонно.

„Распорядился-то резонно, а пропустилъ, во-первыхъ, гдѣ будетъ находиться начальникъ отряда и, во-вторыхъ, ничего не сказалъ про обозы, а то и другое пункты въ высокой степени важные. Надѣюсь, отрицать этого не будешь“.

— Правда, правда,—вотъ проклятая разсѣянность, немедленно согласился Казиміръ и, исправивъ, передалъ диспозицію старшему адъютанту, капитану Ставровскому (нынѣ членъ Военнаго Совѣта).

— А Скобелевъ пріѣхалъ?—не преминулъ Казиміръ спросить послѣдняго и, получивъ отрицательный отвѣтъ, распорядился, чтобы немедленно по пріѣздѣ Скобелева, послали его къ нему.

Не прошло и полчаса, какъ Казиміръ заволновался.

— Нѣтъ, такъ нельзя, говорилъ онъ. Обходомъ лѣваго фланга непріятеля мы подвергаемъ опасности свой лѣвый флангъ. А если насъ обойдутъ съ лѣваго фланга? Нѣтъ,—обходъ необходимо отмѣнить. Вѣстовой, позови мнѣ капитана Ставровскаго. Скажи, чтобы принесъ съ собою диспозицію.

¹⁾ Нѣтъ вѣстей—хорошія вѣсти.

„Полно, Казиміръ, вѣдь мы же обсудили съ тобою дѣло резонно. Вѣдь нельзя же предвидѣть всевозможные случаи. Вѣдь ты же знаешь средство парировать случайности. Это—резервъ. Резервъ у насъ достаточный. Обойдутъ насъ слѣва, мы выдвинемъ резервъ, а рѣшительный ударъ все-таки нанесемъ слабому лѣвому флангу непріятеля. Полно, брось ты думать о диспозиціи. Вѣдь мы писали ее не съ бухъ-да-барахъ, обсудили какъ слѣдуетъ; написалъ и брось думать о ней“.

Онъ согласился, но не прошло и 20 минутъ, какъ опять запѣлъ ту же пѣсню.

Я опять не допустилъ перемѣны диспозиціи, но онъ еще два раза дѣлалъ попытки отмѣнить данное приказаніе.

„Полно, Казиміръ, усовѣщевалъ я его. Полно, вѣдь ты же самъ говоришь на лекціяхъ, что нѣтъ ничего вреднѣе на войнѣ, какъ колебанія и отмѣна разъ данныхъ приказаній. Если бы перемѣнилась обстановка—дѣло другое, тогда, конечно, и распоряженія должны измѣниться. Но вѣдь обстановка у насъ осталась та же. Средство противъ неожиданности у насъ есть—резервъ. Брось ты думать о диспозиціи“.

Въ это время доложили о пріѣздѣ Скобелева. Мы надѣли сюртуки, и Левицкій приказалъ позвать его къ себѣ.

Былъ уже часъ одиннадцатый.

Вошелъ Скобелевъ, очень красивый, съ глазами „небеенаго цвѣта“, или по-просту осоловѣлыми; но владѣлъ онъ собою вполне и совершенно корректно заявилъ, что имѣетъ честь явиться.

— Скажите, гдѣ вы пропадали?—встрѣтилъ его стоя Левицкій. Я остался сидѣть въ сторонѣ.

— Я приношу вамъ мои извиненія, господинъ полковникъ, за свой поздній пріѣздъ,—отвѣчалъ Скобелевъ.

— Помилуйте,—съ раздраженіемъ продолжалъ Левицкій.—Я послалъ васъ рано утромъ; офицеровъ генеральнаго штаба у меня мало, вы мнѣ были необходимы, и вдругъ вы возвращаетесь въ одиннадцатомъ часу вечера. Я хочу знать—какая тому причина? Гдѣ вы пропадали?

„Полковникъ, я еще разъ приношу вамъ мои извиненія и не могу представить никакого оправданія своего проступка. Я виноватъ и сознаюсь въ моей винѣ“.

— Какъ!—еще больше раздражался Левицкій.—Я хочу знать, гдѣ вы были и что съ вами произошло?

„Еще разъ повторяю, полковникъ, что я сознаю свою вину и не могу привести ничего въ оправданіе“.

Но Левицкій не отставалъ и настойчиво требовалъ, чтобы Скобелевъ объяснилъ причину своего столь поздняго возвращенія.

Тогда Скобелевъ, послѣ упорнаго нежеланія объяснить причину, сказалъ, наконецъ, что, проѣзжая мимо уланскаго полка, онъ былъ приглашенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Максимиліановичемъ (или Евгениемъ, не помню) выпить стаканъ вина, послѣ чего его просто арестовали, взяли у него лошадь, и онъ пробылъ въ полку до сего времени.

— Какъ?—уже закричалъ вскипѣвшій Левицкій.—Отъ васъ ждутъ исполненія вашихъ служебныхъ обязанностей. На васъ рассчитываютъ, а вы бражничаете съ уланами. И это офицеръ генеральнаго штаба, на котораго всякій начальникъ имѣетъ право рассчитывать, какъ на лицо, серьезно относящееся къ дѣлу! И вы, офицеръ генеральнаго штаба, приводите такія отговорки! Онъ, изволите видѣть, бражничалъ и поэтому считаетъ себя въ правѣ не исполнять служебныхъ обязанностей. И это офицеръ генеральнаго штаба“!

„Никакихъ я вамъ отговорокъ не приводилъ“, уже грубо возразилъ Скобелевъ. „Вы сами приставали ко мнѣ, чтобы я объяснилъ, гдѣ провелъ цѣлый день. Я, напротивъ, началъ съ того, что призналъ свою вину и принесъ мои извиненія“.

Но Левицкій продолжалъ свои упреки и „распеканія“.

Мнѣ крайне неприятно было слушать эти распеканія; я хорошо понималъ неумѣстность ихъ, особенно въ виду очевиднаго „возбужденнаго“ состоянія молодого офицера; но и вмѣшиваться въ отношенія начальника къ подчиненному было неумѣстно: приходилось ограничиться ролью сторонняго наблюдателя.

Распеканія не прекращались.

Скобелевъ хмурился, но молчалъ; молчалъ и хмурился. Подъ конецъ, однако, не выдержалъ и, выведенный изъ терпѣнія, возразилъ:

„Когда дѣло дѣйствительно было серьезное, въ средней Азіи, я и служилъ серьезно, себя не жалѣя, а вѣдь это что жъ,—маневры.“

Замѣчаніе это окончательно вывело изъ себя Левицкаго.

— Какъ? Вы, офицеръ генеральнаго штаба, дѣлите ваши обязанности на серьезные и не серьезные. Маневры для васъ вещь не серьезная. И это офицеръ генеральнаго штаба!

И пошелъ, и пошелъ.

Скобелевъ долго слушалъ молча, хотя краснѣлъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, шагнувъ впередъ, закричалъ во всю мощь своего голоса:

„Да что же вы это изъ меня жилы тянете! Никакихъ отговорокъ я вамъ не приводилъ. Я вѣдь началъ съ того, что призналъ свою виновность и принесъ вамъ мои извиненія“.

Но Левицкій, повидимому, не понялъ опасности и продолжалъ кричать.

И вдругъ я вижу, что Скобелевъ, совсѣмъ побагровѣвшій, со словами: „да что же это“, сжавъ кулаки, дѣлаетъ еще два шага впередъ.

„Теперь, или никогда“, мелькнуло у меня въ головѣ.

Я быстро вскочилъ. Пользуясь своей, бывшей, хорошей физической силой, схватилъ его сзади за обѣ руки выше локтя и, стоя бокомъ съ его лѣвой стороны, сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ тономъ: „Капитанъ, вамъ дѣлаетъ вашъ начальникъ штаба замѣчанія по службѣ, и вы должны выслушивать ихъ, какъ замѣчанія по службѣ.

— Да нѣтъ же,—почти кричалъ онъ. Вѣдь я же принесъ „ему“ извиненія, чего же „ему“ еще надо? Что „онъ“ жилы изъ меня тянетъ?

„Еще разъ повторяю, капитанъ, что вашъ начальникъ штаба дѣлаетъ вамъ замѣчанія по службѣ, которыя вы и должны принимать, какъ служебныя замѣчанія. Вы ихъ выслушали и пойдете спать“, объявилъ я, взявъ его подъ руку и стараясь вывести изъ комнаты.

Скобелевъ, хотя и сопротивлялся, но довольно слабо и далъ мнѣ увести себя, повторяя, что онъ приносилъ „ему“ свои извиненія, и что „онъ“ изъ него „жилы тянетъ“.

Когда я вывелъ его изъ комнаты и старался успокоить, посылая ложиться спать, онъ объявилъ, что ушелъ только благодаря мнѣ, помня неизмѣнную мою деликатность и доброжелательность къ академическому офицерству, и что если бы не я—Левицкій получилъ бы должное.

„Ну, и прекрасно сдѣлали, что ушли; помните, что вашъ прямой начальникъ дѣлалъ вамъ замѣчанія по службѣ“.

Я возвратился къ Левицкому.

— Это, чортъ знаетъ, что такое! кипѣлъ онъ. И это офицеръ генеральнаго штаба!

— Послушай, Казиміръ, ты совсѣмъ помѣшался. Ты видишь, что человекъ выпившій, и выпившій сильно, и ты пристаешь къ нему, да еще въ такой рѣзкой и грубой формѣ.

— Выпившій!—Откуда ты взялъ?

„Какъ откуда? Да неужели же ты не видѣлъ его лица? И какъ ты думаешь, что же онъ дѣлалъ съ уланами? Евангеліе, что ли, читалъ съ ними? Вѣдь не схвати я его, онъ бы тебя ударилъ“.

— Ну, вотъ, какъ бы онъ смѣлъ,—отвѣчалъ Казиміръ уже растерянно.

„Да такъ же, какъ смѣютъ люди дѣлать недопустимыя вещи, находясь въ ненормальномъ состояніи“.

— Это, чертъ знаетъ что,—еще болѣе взволновался Казиміръ. И это офицеръ генеральнаго штаба, въ сотый разъ повторялъ онъ. Завтра же напишу письмо Гершельману ¹⁾ и отрекомендую ему этого господина. Завтра же напишу, или лучше напишу сейчасъ.

„Знаешь что, Казиміръ, возразилъ я уже совершенно успокоенный. Если бы ты, сдѣлавъ справедливое и спокойное замѣчаніе Скобелеву, о неприличности его поступка и о томъ, какъ мало этотъ поступокъ отвѣчаетъ понятію о служебномъ долгѣ, которымъ должны отличатся офицеры генеральнаго штаба, я бы не имѣлъ ничего противъ того, чтобы ты сообщилъ о Скобелевѣ Гершельману. Но теперь у васъ вышло столкновеніе уже не служебное и при томъ, извини, по твоей винѣ, потому что ты горячился и приста-валъ къ нему съ упреками. Послѣ этого столкновенія, послѣ того, что произошло между вами, ты не имѣешь уже права доносить о немъ начальству. Ты ему наговорилъ и такъ массу неприятностей. Съ одного козла двухъ шкуръ не деруть“.

Но онъ продолжалъ настаивать на письмѣ по начальству.

„Послушай, Казиміръ, наконецъ сказалъ я. Повторяю тебѣ,— послѣ того, что случилось, доносить начальству ты не имѣешь права; это будетъ уже сведеніемъ личныхъ счетовъ и, если это сдѣлаешь—я перестану уважать тебя“.

Доводъ оказался достаточнымъ. Онъ уступилъ и, поволновавшись еще немного, легъ спать, какъ и я.

На слѣдующій день, при самомъ выѣздѣ на маневры, Скобелевъ, спокойный и сдержанный, подѣхалъ ко мнѣ и благодарилъ въ самыхъ душевныхъ выраженіяхъ за то, что я увелъ его отъ Левицкаго. Я отвѣчалъ ему, что, конечно, онъ, Скобелевъ, былъ не правъ, но что онъ можетъ быть спокоенъ: дѣло это не получить для него никакого неприятнаго направленія. Выразилъ подъ конецъ надежду, что къ обязанностямъ своимъ впредь онъ будетъ относиться серьезно.

Тѣмъ дѣло и кончилось; но у меня осталось твердое убѣжденіе, что, не схвати я Скобелева за руки въ рѣшительную минуту, онъ былъ бы солдатомъ, а карьера Левицкаго также не пошла бы далѣе.

VIII.

Дѣло окончилось благополучно, но зубъ противъ Скобелева въ Левицкомъ остался, судя, по крайней мѣрѣ, по слѣдующему:

¹⁾ Генераль Константинъ Ивановичъ Гершельманъ состоялъ тогда во главѣ Петербургскаго генеральнаго штаба.

Надо отдать полную справедливость Казимиру, что Гурко обязанъ былъ быстротою своего повышенія ему. Онъ былъ просто влюбленъ въ Гурко, не могъ имъ нахвалиться и свое расположеніе передалъ, конечно, Николаю Николаевичу.

Благодаря Левицкому, Гурко получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ и надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію какъ командующій арміей. Въ этомъ—большая заслуга Казимира.

Вообще (считаю нужнымъ повторить то, что говорилъ въ очеркѣ о Скобелевѣ) современныя войны стоятъ такъ дорого, что ихъ нельзя вести ни тридцать, ни семь лѣтъ, ни даже три года подрядъ, и ведутся онѣ съ большими промежутками, поэтому полковой командиръ, оказавшійся даровитымъ, долженъ быть немедленно выдвинуть и получить дивизию; окончить же кампанію—въ должности, по меньшей мѣрѣ, корпуснаго командира, такъ какъ война дастъ этому полную возможность, обнаруживая бездарности и людей неспособныхъ, которыхъ, естественно, несравненно больше, чѣмъ даровитыхъ. И неспособность, безъ малѣйшаго колебанія и замедленія, должна быть удаляема и замѣщаема даровитостью, при чемъ молодость ни въ какомъ случаѣ препятствіемъ служить не должна. Этого не могъ, или не хотѣлъ понять Куропаткинъ, и это должно быть зачтено ему въ большую вину, такъ же какъ Левицкому въ заслугу—быстрое повышеніе Гурко.

Но, выдвигая Гурко, Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева. По крайней мѣрѣ, онъ, возвратившись изъ Ферганы генераломъ свиты Государя, съ двумя Георгіями, прибывъ въ армію, не могъ получить никакого назначенія. Императоръ Александръ II, правда, принялъ его, по возвращеніи изъ Азіи, крайне неблаго-склонно, но, тѣмъ не менѣе, молодой генералъ, окончившій академію и заявившій себя недюжинной храбростью и исключительной предпримчивостью, конечно, долженъ былъ быть въ арміи желаннымъ гостемъ; Скобелевъ же едва могъ получить болѣе чѣмъ скромное назначеніе начальника штаба казачьей дивизіи своего отца—назначеніе, приличное для молодого полковника, а въ военное время даже подполковника, но никакъ не для образованнаго, молодого генерала, блестящей храбростью исключительно себя зарекомендовавшаго.

Поэтому первые шаги Скобелева, въ турецкую войну, были очень не легки, и только благодаря его исключительной энергіи и способности заставить говорить о себѣ, Скобелеву удалось достигнуть выдающагося положенія въ арміи. Быть можетъ, даже нерасположеніемъ Левицкаго должна быть объяснена недостаточность силъ, врученныхъ Скобелеву для атаки на ключъ позиціи Османа-Паши подъ Плевной 30 августа.

Скобелевъ, однако, какъ человѣкъ очень умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь пожаловалъ Левицкому, послѣ сдачи Плевны, Георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ, и вскорѣ они перешли на „ты“¹⁾.

Много было говорено о роли Левицкаго на войнѣ, о томъ, какъ онъ вредно вліялъ на ея ходъ, какъ ошалѣвалъ, суетился, суетилъ другихъ.

И все это, конечно, была правда, но были за нимъ и заслуги, и заслуги очень крупныя: во-первыхъ,—быстрое повышение Гурко; во-вторыхъ,—блокада Плевны послѣ 30 августа.

Послѣ войны, спрашивая Левицкаго, я задалъ ему какъ-то вопросъ—случалось ли ему, и какъ часто бывать въ огнѣ? Левицкій былъ очень правдивъ, и это было одно изъ качествъ, подкупавшихъ меня въ его пользу. Такъ и тутъ,—на вопросъ мой, онъ совершенно откровенно отвѣтилъ, что подъ ружейнымъ огнемъ онъ не былъ ни разу. Что же касается огня артиллерійскаго, то разъ ему пришлось ѣхать съ конвоемъ и перерѣзать балку, подверженную выстрѣламъ непріятельскихъ орудій.

„Я остановился въ нерѣшительности, говорилъ онъ. Не объѣхать ли балку выше, для чего приходилось сдѣлать около версты крюку? Колебался я, однако, не долго. Совѣстно стало передъ конвоемъ и, давъ шпоры, я поѣхалъ впередъ“.

М. А. Газенкамцфъ въ дневникѣ своемъ говоритъ о поѣздкѣ, предпринятой 29 августа Великимъ Княземъ, въ свитѣ котораго былъ и Левицкій, и о томъ, что во время этой экскурсіи, вся свита находилась подъ огнемъ артиллеріи (стр. 105). Но, или огонь этотъ былъ совершенно незначителенъ, или Левицкаго не было въ свитѣ, только рассказъ его, съ совершенной ясностью, врѣзался въ моей памяти, врѣзался именно потому, что мысленно я осудилъ Казиміра за то, что онъ пренебрегъ такимъ дѣйствительнымъ средствомъ, какъ презрѣніе къ опасности—пріобрѣсти себѣ уваженіе и довѣріе войскъ.

Такимъ образомъ жизнь свою опасности Казиміръ почти не подвергалъ и, тѣмъ не менѣе, Георгіевскій крестъ данъ былъ ему вполне по заслугамъ.

Дѣло въ томъ, что послѣ штурма 30 августа, задуманнаго съ дѣтскимъ легкомысліемъ и самоувѣренностью, не обращая вниманія ни на азбучныя указанія военнаго искусства, ни на неблагопріятныя условія для штурма, начиная съ дождливой погоды, распутившей почву—самоувѣренность, какъ это всегда бываетъ послѣ заслуженнаго урока, уступила мѣсто угнетенному состоянію духа.

¹⁾ Такъ рассказывалъ мнѣ самъ Левицкій.

Начальникъ артиллеріи, князь Масальскій, указывалъ на недостатокъ орудійныхъ зарядовъ, и Великій Князь настаивалъ на необходимости отступить, снять осаду Плевны.

Того же мнѣнія былъ, конечно, и Непокойчицкій.

Собранъ былъ военный совѣтъ въ присутствіи Государя. На этомъ совѣтѣ, какъ говоритъ М. А. Газенкампфъ, „одинъ Левицкій горячо доказывалъ, что не слѣдуетъ отступать ни на шагъ, ибо всякое попятное движеніе только подчеркнетъ и преувеличитъ значеніе неудачи третьяго штурма. Турки наступать не будутъ, а удовольствуются удачнымъ отраженіемъ нашихъ атакъ: они сами, безъ сомнѣнія, понесли значительныя потери, нуждаются въ отдыхѣ и, можетъ быть, даже въ боевыхъ припасахъ: не даромъ же они сегодня молчатъ,—очевидно, берегутъ заряды и патроны. Противъ нашей кавалеріи, стоящей на ихъ пути сообщенія съ Софіей, тоже ничего не предпринимаютъ... Очевидно, что ихъ положеніе тоже незавидное, и намъ отступать—нѣтъ никакихъ причинъ. Воздержаться отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій до прибытія гвардіи—вполнѣ отъ насъ зависитъ. Лучше же выждать, стоя на занятыхъ мѣстахъ, чѣмъ отходить съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи брать эти же мѣста съ бою“.

Добавлю къ этому, на основаніи разсказа Левицкаго, что когда князь Масальскій заявилъ о недостаткѣ орудійныхъ зарядовъ и даже ружейныхъ патроновъ, то Казиміръ возразилъ: если у насъ мало патроновъ и зарядовъ для штурма и вообще для дѣйствій наступательныхъ, то ихъ совершенно достаточно для того, чтобы отразить турокъ, если бы они вздумали перейти въ наступленіе.

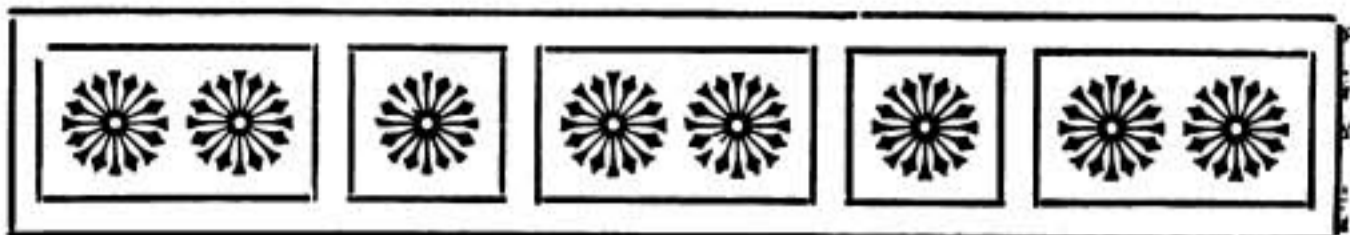
Левицкаго очень твердо, со свойственною ему обстоятельностью изложенія, поддержалъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, и Государь согласился съ ними.

Эпизодъ этотъ мнѣ подробно передавалъ Левицкій и говорилъ, что Великій Князь былъ такъ недоволенъ, что послѣ Совѣта рѣзко выговаривалъ ему и даже сказалъ: „этого я никогда не забуду и тебѣ не прощу“.

Но Государь, когда армія Османа положила оружіе, вспомнилъ поведеніе Левицкаго на Совѣтѣ и немедленно пожаловалъ ему Георгіевскій крестъ. И награда эта была наградой вполнѣ заслуженной.

А. Витмеръ.

Ц. А. К ю и.

(Къ 50-лѣтію музыкальной дѣятельности).

14 декабря 1859 г. въ симфоническомъ собраніи Русскаго Музык. Общества подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна было исполнено первое оркестровое произведеніе (скерцо F-dur) молодого автора. Авторомъ былъ Ц. А. Кюи, и день этотъ принято считать началомъ выдающейся дѣятельности его, какъ композитора.

Цезарь Антоновичъ Кюи родился въ Вильнѣ 6 января 1835 г., сынъ француза, бывшаго офицера Наполеоновской арміи, оставшагося въ Россіи, его мать была литовскаго рода; учился онъ въ мѣстной гимназій, гдѣ отецъ былъ преподавателемъ французскаго языка, въ 1850 г. поступилъ въ Главное Инженерное Училище въ СПБ. (нынѣ Николаевская Инженерная Академія и Училище). По окончаніи курса оставленъ былъ при училищѣ репетиторомъ, затѣмъ преподавателемъ и профессоромъ фортификаціи. Преподавалъ эту науку въ инженерномъ, артиллерійскомъ и кавалерійскомъ училищахъ, а потомъ въ трехъ военныхъ академіяхъ. Въ числѣ его учениковъ находятся девять Великихъ Князей, въ томъ числѣ нынѣ царствующій Государь Императоръ, М. Д. Скобелевъ и множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія. К. написалъ рядъ учебниковъ и книгъ по военной специальности и является здѣсь однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ авторитетовъ; въ настоящее время инженеръ-генералъ, заслуженный профессоръ и членъ конференціи. Музыкѣ Ц. А. К. учился еще гимназистомъ и обязанъ главнымъ образомъ самому себѣ, такъ какъ единственнымъ учителемъ теоріи былъ у него на короткое время (около полугода) С. Монюшко. Дальнѣйшее музыкальное развитіе прошло подъ вліяніемъ знакомства съ Даргомыжскимъ и постояннаго

общенія съ кружкомъ Балакирева. Значеніе этого кружка достаточно выяснено; кромѣ Балакирева, Кюи и Мусоргскаго въ него очень скоро вошли Бородинъ, Римскій-Корсаковъ и нѣкоторые другія лица. Вмѣстѣ они изучали партитуры великихъ произведеній, расширяли свой музыкальный кругозоръ; ихъ художественные идеалы складывались преимущественно подъ вліяніемъ произведеній Глинки и Даргомыжскаго (періода „Каменнаго Гостя“), Шумана, Берліоза и Листа. Защитниками въ печати возрѣній этой группы музыкальной молодежи были Кюи и В. В. Стасовъ. Въ 1858 г. К. женился на пѣвицѣ М. Р. Бамбергъ, на имя которой и на собственное (В. А. В. Е. Г. С. С.) написано то самое скерцо, о которомъ говорилось выше, его первое исполненное публично произведеніе. Въ послѣдующей жизни композитора уже нельзя указать лицъ, которыя такъ или иначе воздѣйствовали бы на его техническое образованіе. Его дѣятельность была одновременно и его школой. Списокъ произведеній Ц. А. Кюи весьма значителенъ. Имъ написано болѣе 75 оперъ, помимо оперъ, при чемъ преобладаютъ произведенія вокальныя (романсы, хоры). Его 11 оперъ ставились на сценѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: „Вильямъ Ратклиффъ“ (Спб. 1869 г.), „Анджело“ (Спб. 1876 г.), „Сынъ Мандарина“ (Спб. 1878 г.), „Кавказскій плѣнникъ“ (Спб. 1883 г., дополненный и передѣланный, I и III дѣйствія были написаны еще въ 1857—58 г.г.), „Le Flibustier“ (Парижъ 1894 г.), „Сарацинъ“ (Спб. 1899 г.), „Пиръ во время чумы“ (Москва 1900 г.), „Mamzelle Fifi“ (Москва 1903 г.), „Маттео Фальконе“ (Москва 1907 г.), „Снѣжный богатырь“ (Спб. 1907 г.) и „Капитанская дочка“, совсѣмъ недавно оконченная и нигдѣ еще не ставившаяся. Въ 1872 г. былъ написанъ К. одинъ актъ оперы-балета „Млады“ (не напечатанъ и не ставился)—совмѣстнаго произведенія членовъ балакиревскаго кружка. Кюи написалъ около 300 романсовъ, множество фортепіанныхъ пьесъ; изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе ор. 64, появившійся не очень давно (1905 г.)—25 прелюдій, затѣмъ около 40 хоровъ à capella, 4 сюиты для оркестра, 2 скерцо, тарантеллу, 2 струнныхъ квартета, весьма большое количество пьесъ для скрипки и проч. Въ послѣдніе годы К. усиленно пополняетъ отдѣлъ дѣтской музыкальной литературы и въ своемъ „Снѣжномъ богатырѣ“ даетъ типъ такъ называемой школьной оперы. Критическая дѣятельность Ц. А. Кюи началась съ 1864 г. За это время имъ написано около 750 статей и замѣтокъ, помѣщавшихся во многихъ русскихъ и иностранныхъ журналахъ („Спб. Вѣд.“, подъ прославившимся псевдонимомъ * * *, „Новое Время“, „Сѣвер. Вѣсти.“, „Голось“, „Искусство“, „Недѣля“ и „Книжки Недѣли“ „Муз. Обозр.“, „Гражданинъ“, „Артистъ“, „Новости“, „Муз. Трудъ“.

и др., „Revue et Gazette Musicale de Paris“, „Le Monde Artiste“, „L'Art Musical“, „Le Menestrel“, „L'Independance Belge“, „Guide Musicale“ и „L'Art“). Отдѣльными брошюрами изданы статьи: „La musique en Russie“, „Кольцо Нибелунговъ“ Вагнера, „Исторія фортепiанной литературы“ курсъ А. Рубинштейна и „Русскій романсъ“. Съ 1896 г. по 1904 г. Ц. А. предсѣдательствовалъ въ дирекціи Спб. Отдѣленія И. Р. М. О.

6 января текущаго года композитору исполнилось 75 лѣтъ со дня рожденія.

Дарованіе К. не только количественно, но и качественно расцвѣтаетъ въ вокальной музыкѣ. Несмотря на принадлежность къ „новой русской школѣ“, К. избѣгаетъ въ своихъ операхъ русскихъ сюжетовъ (какъ исключеніе послѣдняя — „Капитанская дочка“) и его музыка лишена опредѣленныхъ національныхъ чертъ, у него характерно влеченіе къ сюжетамъ трагическимъ, но, какъ ни странно ему болѣе удаются не драматическіе моменты, а лирическіе, они красочны и выразительны; бытовые черты не свойственны таланту К. Его крупныя достоинства заключаются въ мелодической декламациі тщательно и изящно сдѣланной гармоніи. „Ратклиффъ“ вызвалъ въ 60-хъ годахъ большіе споры свободей своего стиля. Музыка К. сверхъ того граціозна, нѣжна; миниатюра—это та область, гдѣ композиторъ наиболѣе совершененъ, слѣдуя образцамъ, созданнымъ Шопеномъ и Шуманомъ. Въ романсахъ К. если не придаетъ большого значенія выразительности отдѣльныхъ фразъ (къ чему вслѣдъ за Мусоргскимъ стремятся новѣйшіе русскіе композиторы), то общій характеръ каждаго изъ нихъ соотвѣтствуетъ содержанию текста, почти всегда поэтичнаго. Тяготѣя, повидимому, по своимъ литературнымъ вкусамъ къ сверхъ-романтичному, Кюи по духу своей музыки ближе однако къ „пѣнямъ мирнымъ фригійскихъ пастуховъ“.

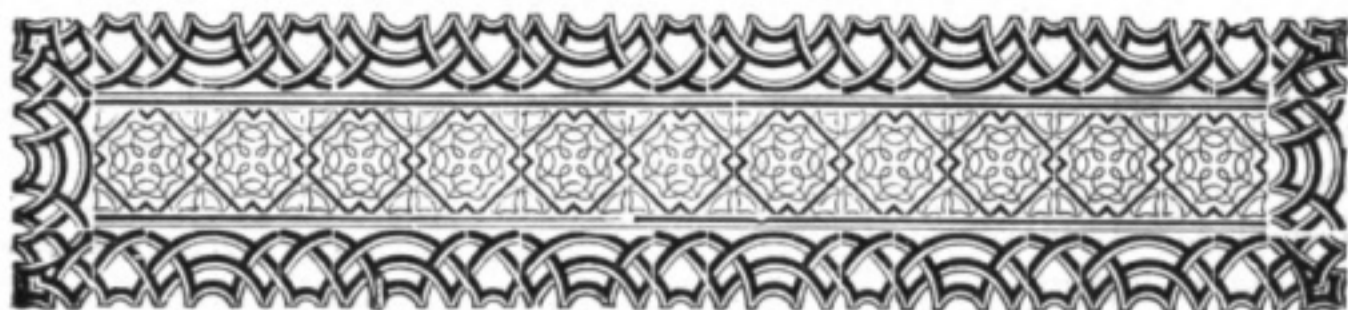
Въ критической дѣятельности самымъ крупнымъ фактомъ была его полемика съ консерваторскимъ направленіемъ, а слѣдовательно съ А. Г. Рубинштейномъ и Г. А. Ларошемъ въ тѣ годы, когда консерваторіи начинали свою жизнь. Борясь вообще за освобожденіе отъ какой бы то ни было рутины, Кюи направлялъ стрѣлы своего остроумія на представителей консерваторскаго образованія, ошибочно видя въ нихъ только поборниковъ этой ненавистой ему рутины. Время разсудило враговъ, и правда оказалась не на его сторонѣ. Но Кюи оказалъ большую услугу тѣмъ, что талантиностью своихъ статей привлекалъ вниманіе общества къ жизни музыкальныхъ круговъ и къ блестящимъ дарованіямъ своихъ соратниковъ—Балакирева, Мусоргскаго, Бородина и Корсакова. Необходимо отмѣ-

тить, что Кюн всю жизнь враждебно относился къ творчеству Вагнера (еще на дняхъ повторилъ свою извѣстную фразу о „геніальной скукѣ“ его музыки) и не слишкомъ мягко къ Чайковскому. Причина этого, вѣроятно, лежитъ въ его композиторской индивидуальности, т. к. извѣстно, что легче среднему критику оцѣнить разнородныхъ авторовъ, чѣмъ хорошему композитору своего товарища по искусству; здѣсь на лицо тѣ же неуловимыя черты авторской психологіи, которыя приводили напр. Чайковскаго къ отрицанію Мусоргскаго. Въ послѣдніе годы взгляды Кюна стали мягче, но выступить критикомъ онъ сталъ рѣже.

Нельзя достаточно надивиться той свѣжей, не ослабѣвшей энергіей, которая отличала почтеннаго композитора, профессора военной науки и критика на его жизненномъ пути. Эта дѣятельность да послужить молодымъ силамъ ободряющимъ примѣромъ.

Привѣтствуемъ Ц. А. Кюна по случаю столь рѣдкаго для русскаго композитора юбилея.

Ф. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка.

I.

Четырехлѣтнее пребываніе на каторгѣ — этотъ тягостнѣйшій эпизодъ не только въ личной жизни писателя, но и въ исторіи русской литературы — и въ томъ, и въ другомъ отношеніи оставило по себѣ глубокой, неизгладимый слѣдъ. Съ одной стороны, оно было ближайшимъ поводомъ къ тому, что русская литература обогатилась такимъ единственнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, неподражаемымъ твореніемъ, какъ „Записки изъ Мертваго дома“; съ другой стороны, каторга была для Достоевскаго вторымъ крещеніемъ и возродила его къ новой жизни; она была тѣмъ спасительнымъ горниломъ, въ которомъ писатель закалилъ и очистилъ свой мятущійся духъ. О необычайномъ значеніи каторги для развитія таланта Достоевскаго онъ самъ говоритъ такъ: „Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ, наконецъ, это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ *благословлялъ* судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра,

что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣ свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе...“ Когда затѣмъ Достоевскій описываетъ счастливую минуту выхода изъ каторги, то въ заключеніе восклицаетъ: „Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!“ Изъ „Преступленія и Наказанія“ далѣе мы знаемъ, какое магическое дѣйствіе произвела каторга на Раскольниково. Огромная сила этой великой искупительной жертвы такова, что она повлекла за собою „постепенное обновленіе человѣка, постепенное перерожденіе его, постепенный переходъ изъ одного міра въ другой, знакомство съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ восторженныхъ словахъ Достоевскаго слышатся автобіографическія его черты.

Если самъ Достоевскій придавалъ такое великое значеніе своему пребыванію на каторгѣ, то мы тѣмъ болѣе не можемъ оставаться равнодушными къ тому, что говорятъ о немъ и объ этомъ періодѣ его жизни живые свидѣтели тѣхъ дней,—тѣ, которые жили съ нимъ въ одной казармѣ, вмѣстѣ работали, ѣли за общимъ столомъ,—тѣ, о которыхъ онъ самъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Пусть поверхностно и легкомысленно, пусть враждебно говорятъ они о нашемъ великомъ писателѣ; пусть даже слова ихъ будутъ непріятны для насъ, потому что не понять имъ „нашей славы“, но мы не можемъ обойти ихъ молчаніемъ. Къ числу такихъ лицъ относится Симонъ Токаржевскій, скрытый въ „Запискахъ“ Достоевскаго подъ буквами Т—скій, отрывки изъ воспоминаній котораго были напечатаны въ №№ 2—19 „Польской газеты“ за 1907 годъ и затѣмъ изданы отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ „Семь лѣтъ каторги“¹⁾. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію разсказа Токаржевскаго о Достоевскомъ, необходимо сказать нѣсколько словъ объ авторѣ воспоминаній.

II.

Повѣствованіе о жизни Токаржевскаго „Польская газета“ начинается изображеніемъ слѣдующей печально-торжественной картины.

Лѣтъ шестнадцать тому назадъ умеръ въ Варшавѣ сапожный мастеръ Симонъ Токаржевскій. Похороны мало извѣстнаго тогдашнему поколѣнію человѣка по-своему почтила полиція: на углахъ

¹⁾ Извлеченія изъ этой книги помѣщены въ Историческомъ Вѣстникѣ въ апрѣль 1908 г. въ статьѣ Г. Брайловскаго „Достоевскій въ Омской каторгѣ и поляки“.

улицъ, по которымъ проходило погребальное шествіе, стояли конные жандармы, а за гробомъ, рядомъ съ женой умершаго, шли участковый приставъ и околоточные. Кто же былъ этотъ человѣкъ, смерть котораго такъ обезпокоила варшавскую полицію?

Симонъ Токаржевскій не былъ простымъ сапожникомъ; онъ происходилъ изъ дворянъ Люблинской губ., сапожную же профессію избралъ, руководствуясь тѣмъ убѣжденіемъ, что тогда ему легче будетъ распространять среди варшавскихъ ремесленниковъ идеи національнаго возрожденія и самоопредѣленія. Онъ былъ, по словамъ „Польской газеты“, однимъ изъ тѣхъ бойцовъ на службѣ Отчизнѣ¹⁾, однимъ изъ тѣхъ энтузіастовъ, которые отдають ей всю душу, вся жизнь которыхъ сплошное мученичество.

Въ молодости Токаржевскій встрѣтился съ кзэндзомъ Петромъ Сцегеннымъ, сдѣлался убѣжденнымъ сторонникомъ его патріотическихъ и демократическихъ идей, а затѣмъ, бросивъ отчій домъ, сталъ въ ряды заговорщиковъ.

Кс. П. Сцегенный, начальникъ несостоявшагося крестьянскаго возстанія 1844 года, былъ сынъ крестьянина изъ краковскаго воеводства (нынѣшней Кѣлецкой губ.). Состоя впоследствии на приходѣ въ Люблинской губ., онъ рѣшилъ бороться за независимость Польши, добыть ее путемъ народнаго возстанія, внушая массамъ убѣжденіе, что единственно только въ независимой Отчизнѣ можно достигнуть благосостоянія, свободы и счастья. При этомъ кс. Сцегенный выработалъ своеобразную политическую теорію, основанную впрочемъ не столько на выводахъ науки и на данныхъ опыта, сколько вытекавшую изъ порывовъ его горячаго сердца и простой, наивной души. Такъ, онъ мечталъ о будущемъ устройствѣ Польши на началахъ общинности, при чемъ главную роль предназначалъ приходскимъ настоятелямъ, какъ выборнымъ начальникамъ общины.

Пропаганда кс. Сцегеннаго привлекла къ нему много сторонниковъ изъ среды крестьянъ, а затѣмъ его „крестьянскій заговоръ“ быстро слился съ „союзомъ молодежи“ и охватилъ области Люблинскую, Сандомірскую и Краковскую. Возстаніе должно было вспыхнуть въ 1844 году въ Кѣлецкой губ., колыбели рода Сцегенныхъ. Однако самъ глава заговора не обладалъ необходимыми качествами вождя народнаго возстанія. Онъ не позаботился даже о заготовленіи оружія для будущихъ повстанцевъ; онъ наивно полагалъ, что когда толпа народа двинется, то „страшно сильныя“ мужицкія руки съумѣютъ косами, люшнями и вилами разбить русскія регулярныя войска.

¹⁾ Поляки такъ обожаютъ свою родину, съ такимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ относятся къ ней, что слово „Отчизна“ пишутъ съ большой буквы. Мы здѣсь удерживаемъ это написаніе.

По доносу кс. Сцегенный былъ арестованъ въ д. Бильчѣ Кѣлецкой губ. и привезенъ въ Кѣльцы. Губернаторъ Бѣлоскурскій сердечно его привѣтствовалъ и принялъ очень любезно. Простодушный ксендзъ, очарованный пріемомъ и ничего не подозрѣвавшій, открылъ всѣ свои самыя завѣтныя мысли. Результатомъ этихъ откровеній была отправка духовнаго заговорщика въ варшавскую цитадель, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Въ день казни онъ былъ помилованъ и отправленъ въ пожизненную каторгу. Интересно, что въ Сибири, въ Александровскѣ, онъ устроилъ, согласно своимъ теоріямъ, вмѣстѣ съ товарищами по изгнанію коммуну, участники которой дѣлились поровну плодами своихъ трудовъ. Освобожденный впоследствии по манифесту отъ наказанія, кс. Сцегенный возвратился на родину, гдѣ недавно умеръ въ г. Люблинѣ.

Дѣло кс. Сцегеннаго было первымъ этапомъ въ полной тревоженій жизни Токаржевскаго. Правда, ему тогда удалось убѣжать въ Галицію, но австрійскія власти арестовали его и, выдержавъ два года въ тюрьмѣ въ Львовѣ, выдали русскому правительству. Далѣе слѣдуютъ: варшавская цитадель, Новогеоргіевскъ, Устькаменогорскъ и каторга въ Омскѣ—вотъ главные моменты изъ этой эпохи жизни Токаржевскаго. Въ 1857 году, по вступленіи на престолъ Александра II, онъ возвращается на родину и, сойдясь въ Варшавѣ съ группой ремесленниковъ, въ средѣ которыхъ онъ встрѣтилъ горячихъ и сердечныхъ людей, рѣшилъ сблизиться съ ними. Традиціи Кишинскаго оказали въ этомъ случаѣ рѣшающее вліяніе, и Токаржевскій вступилъ въ цехъ сапожниковъ. Вскорѣ скромный его домикъ на углу Бѣлянской и Тломацкой улицъ дѣлается средоточіемъ какъ для молодежи изъ среды ремесленниковъ во главѣ съ Станиславомъ Гишпанскимъ, такъ и для молодежи, учившейся въ школахъ изящныхъ искусствъ и въ медицинской академіи; здѣсь же собирались извѣстные литераторы и дѣятели того времени: Краевскіе, Эренбергъ, Халубинскій, Іезіоранскій, Траугутъ, Точинскій. Но вотъ вспыхнуло возстаніе, въ которомъ Токаржевскій принялъ дѣятельное участіе. Высланный въ 1863 г. въ Рязань, онъ по истеченіи четырехъ мѣсяцевъ вернулся назадъ, но вскорѣ опять былъ посаженъ въ цитадель. Въ 1864 году послѣдовала вторичная ссылка его въ Сибирь, изъ которой онъ вернулся на родину въ 1883 году, умеръ онъ въ Варшавѣ 3 іюля н. с. 1890 года.

Такова не сложная жизнь этого горячаго польскаго патріота, который лучшую половину ея провелъ въ изгнаніи на чужбинѣ, вдали отъ своей родины, вдали отъ этой безумно имъ любимой

Отчизны. Эту-то горькую жизнь, эти страданія за Отчизну онъ и описалъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

III.

Что касается описанія тюремъ, каторги, жизни арестантовъ, выдающихся въ ней событій, неожиданныхъ происшествій, то въ этомъ отношеніи воспоминанія Токаржевскаго представляютъ не много интереса, въ особенности послѣ того, что далъ намъ Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Если взять во вниманіе широту и глубину картины, изображенной Достоевскимъ во всѣхъ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, если взглянуть на безконечное разнообразіе типовъ, живыми стоящихъ передъ глазами, если вслушаться въ эту своеобразную музыку арестантскихъ рѣчей, если однимъ словомъ представить себѣ на одинъ мигъ всю эту калейдоскопическую панораму, магической рукой творца-художника развернутую передъ нами, и сравнить ее съ той блѣдной хартіей, какую слабой кистью начерталъ польскій изгнанникъ, то послѣдняя покажется намъ не болѣе, какъ дѣтскимъ лепетомъ по сравненію съ первой. Причина этого, не говоря уже о различіи въ природныхъ дарованіяхъ и талантахъ, очень простая.

„Мертвый домъ!“ говорилъ я, пишетъ Достоевскій, „самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣнливо слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди и какіе у нихъ характеры?.. Все это моя среда, мой теперешній міръ,—думалъ я,—съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить“... Достоевскій страстно, мучительно желалъ проникнуть въ этотъ, до сихъ поръ совершенно чуждый для него, новый міръ и чрезвычайно терзался, что онъ сразу не могъ разгадать его. Годъ прошелъ, прежде чѣмъ онъ освоился съ нимъ. „Я не могъ, говоритъ онъ, и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель, и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону“. При всемъ

томъ однако Достоевскій считалъ этотъ міръ своимъ. „Я чувствовалъ и понималъ, говоритъ онъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется, я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велятъ“. Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ говоритъ объ этомъ: „Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія,—стали какъ будто тоже моими, по крайней мѣрѣ, по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности“.

Совсѣмъ иначе смотрѣли на этотъ „мой міръ, мою среду“ Достоевскаго поляка, въ томъ числѣ Токаржевскій. Послѣдній иначе не называетъ своихъ товарищей-каторжниковъ, какъ „бригандами“. Припомните вкладываемое Достоевскимъ въ уста одного поляка выраженіе: „Je hais ces brigands“, которое онъ по многу разъ и часто повторялъ. Объ отношеніяхъ поляковъ къ каторжникамъ Токаржевскій въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ № 8 „Польск. газ.“, говоритъ такъ: „Отношенія наши съ „бригандами“, сначала враждебныя, а въ особенности со мной, складывались постепенно. Мы держали ихъ отъ себя, какъ сами говаривали, на „благородной дистанціи“. Какъ драгоцѣнно это признаніе! Значитъ, Достоевскій вѣрно подмѣтилъ и схватилъ эту черту, когда писалъ: „Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше, чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили тою же монетою“. Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій еще разъ повторяетъ это въ такихъ выраженіяхъ: „Кромѣ черкесовъ, въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая кучка поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человекъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; о нихъ я буду говорить особо и подробно впоследствии. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы моей жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги“.

Есть въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго и нѣкоторые факты, изъ которыхъ ярче всего вырисовываются отношенія поляковъ къ ка-

торжникамъ. Рассказывая о пыткѣ, какую причиняло еженедѣльное бритье половины головы и сбриваніе одного уса, о чемъ, между прочимъ, упоминается и у Достоевскаго, Токаржевскій говоритъ: „Бриганды“ роптали на эту поистинѣ возмутительную операцію и не разъ начинали ссору съ цирюльникомъ, доходившую до страшныхъ проклятій. Мы же, поляки, переносили и эту муку, не скажу, чтобы терпѣливо, но съ тѣмъ постояннымъ гордымъ упорствомъ, съ какимъ мы привыкли всегда вести себя на каторгѣ, въ особенности въ отношеніи „бригандовъ“. Достоевскій нашелъ иной выходъ изъ этого положенія: по указанію Акима Акимыча, онъ пользовался услугами „одного арестанта военнаго разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ“.

Много страницъ у Достоевскаго посвящено описанію арестантскаго кутежа, роли цѣловальниковъ, способовъ добыванія водки; страницы эти написаны картинно, живо, съ увлеченіемъ, и читаются съ неослабѣвающимъ интересомъ. Посмотримъ теперь, какъ отнесся къ этой сторонѣ арестантскаго быта Токаржевскій, который вскользь касается и этого вопроса. „Лишь только, пишетъ онъ, съ наступленіемъ сумерекъ, казармы запирались на ключъ, въ нихъ начиналось господство распущенности и свободы.—Гуляй, душа!—вотъ былъ лозунгъ „бригандовъ“. Какъ только умолкалъ звукъ шаговъ запиравшаго казармы офицера, тотчасъ начиналась самая несдержанная гульба и пьянство, потому что арестанты нашли возможность доставать себѣ водку изъ города. Какимъ образомъ? Одинъ арестантъ, въ доказательство своего расположенія, хотѣлъ однажды подробно мнѣ рассказать, съ какими чрезвычайными опасностями сопряжена была подобная контрабанда, какія хитрыя предосторожности требовались, чтобы обмануть караульнаго солдата. Подобный контрабандистъ, проносившій водку изъ кабака въ крѣпость, по понятіямъ каторги, былъ истинный „герой“. Но такъ какъ мы водки никогда не пили, а наши понятія о героизмѣ были совсѣмъ другія, то я, отговорившись неимѣніемъ времени, очень поблагодарилъ его за желаніе посвятить меня въ подробности этого дѣла и потому ничего не умѣю сказать о доставкѣ водки изъ города въ тюрьму“. Такимъ образомъ Токаржевскій не соблаговолилъ даже выслушать благорасположеннаго къ нему арестанта,—столько презрѣнія, столько нравственной брезгливости онъ чувствовалъ къ этимъ подонкамъ и отбросамъ человѣческаго рода, въ которыхъ Достоевскій такъ упорно и настойчиво искалъ проблесковъ души и порывовъ сердца. Ну, не правъ ли былъ тысячу разъ тотъ же Достоевскій, когда говорилъ о своихъ каторжныхъ полякахъ, что они отгородились отъ всѣхъ, замкнулись въ свою скорлупу и

дарили всѣхъ презрѣніемъ. Они не хотѣли даже пойти посмотрѣть на представленіе, устроенное каторжниками въ рождественскіе праздники, о которомъ съ такимъ восторгомъ рассказываетъ Достоевскій и которое внесло столько живой, неподдѣльной радости въ мрачную жизнь арестантовъ. Они почтили это представленіе своимъ присутвіемъ только тогда, когда оно давалось въ послѣдній разъ. Они рѣшились на этотъ невѣроятный шагъ послѣ многихъ, какъ говоритъ Достоевскій, „увѣреній, что тамъ и хорошо, и весело, и безопасно“.

IV.

Что же давало силу полякамъ такъ поставить себя въ отношенія арестантовъ и затѣмъ столько лѣтъ съ такимъ поразительнымъ упрямствомъ выдерживать этотъ тонъ, ни въ чемъ никому не дѣлая ни малѣйшей уступки, не идя ни на какой компромиссъ, не измѣняя ни на іоту своему разъ принятому отношенію ко всему окружающему? Они были горды своей безумной любовью къ родинѣ, къ Отчизнѣ, они были счастливы тѣмъ, что страдаютъ за нее. Въ ней они черпали мужество съ брезгливымъ презрѣніемъ смотрѣть на окружающій ихъ непривѣтливый міръ арестантовъ. О силѣ этой любви можно отчасти судить по разсказу Токарежскаго о томъ, какъ онъ перенесъ экзекуцію „палокъ“. Это было еще до отправки въ Сибирь въ кр. Новогоріевскѣ. Первоначально онъ былъ приговоренъ къ 2.000 палокъ, но потомъ это количество было уменьшено до 500. „Я прижалъ къ груди, рассказываетъ онъ, иконку Ченстоховской Божіей Матери... Я желалъ молиться, но ни одного слова молитвы не могъ припомнить, лишь за каждымъ ударомъ попеременно говорилъ: „это во славу Твою, Королева Короны Польской; это за искупленіе Твое, дорогая Отчизна“. Больно ли мнѣ было во время битья? Нѣтъ. Видѣлъ ли я своихъ мучителей? Нѣтъ. Все окружающее исчезло у меня изъ глазъ; я видѣлъ передъ собою только какіе-то свѣтлые круги. Можетъ быть, въ эту кровавую минуту душа моя разлучилась съ тѣломъ и пребывала въ какихъ-нибудь надмірныхъ пространствахъ? Но развѣ это возможно?.. Пусть на этотъ вопросъ отвѣтятъ врачи и психологи. Я же со всею смѣлостью могу утверждать и доказывать лишь то, что въ моменты религіознаго и патріотическаго экстаза человѣкъ не чувствуетъ физической боли“.

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что на счетъ боли при наказаніи палками онъ много спрашивалъ. „Мнѣ хотѣлось, пишетъ онъ, опредѣлительно узнать, какъ велика эта боль; съ чѣмъ

ее, наконецъ, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палить,—вотъ все, что я могъ узнать, и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. „Больно очень, говорилъ Достоевскому одинъ интеллигентный арестантъ, а ощущение — жжетъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ“. „Однимъ словомъ, говоритъ нашъ писатель, всѣ показывали въ одно слово“. Теперь, послѣ разсказа Токаржевскаго оказывается, что на интересовавшій нашего писателя вопросъ можетъ быть еще одинъ, совершенно непредвидѣнный отвѣтъ. Оказывается, что бывають такія необычныя психическія состоянія, когда никакой физической боли при 500 ударахъ палокъ вовсе не ощущается, по крайней мѣрѣ не чувствуется.

Благоговѣйная привязанность поляковъ къ родинѣ не только давала имъ силу свысока третировать своихъ товарищей по каторгѣ, но въ то же время была источникомъ особенной гордости, побуждавшей ихъ кстати и некстати афишировать, что они политическіе преступники. Въ этомъ отношеніи нельзя не вспомнить трогательнаго разсказа Достоевскаго, повторяемаго также у Токаржевскаго, о старикѣ Ж—комъ (по воспоминаніямъ Токаржевскаго, это былъ Жоховскій; разница въ разсказѣ та, что у Токаржевскаго Жоховскій былъ наказанъ 300 ударами палокъ, а у Достоевскаго плацъ-маіоръ приказалъ дать 100 розогъ). Это не заслуженное наказаніе постигло набожнаго старика по слѣдующему поводу: поляки были переведены въ Омскъ изъ У—горска (по Токаржевскому—изъ Устькаменногорска). Въ дорогѣ они обросли бородами и когда явились въ такомъ видѣ къ плацъ-маіору, тотъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе и заревѣлъ:—въ какомъ они видѣ! это бродяги, разбойники!

Жоховскій, не понявъ хорошо вопроса, отвѣтилъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? Грубить! заревѣлъ маіоръ. Въ кордегардію! Сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старикъ молча перенесъ наказаніе и, войдя въ казарму съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами, прошелъ къ своему мѣсту, не говоря никому ни слова, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Однимъ словомъ, добавляетъ Токаржевскій, онъ велъ себя такъ, какъ „подобаетъ истинному мученику“. За это арестанты прозвали его святымъ.

Жалостливое отношеніе простыхъ русскихъ людей къ каторжни-

камъ и вообще къ приговореннымъ преступникамъ не могло не обратить на себя вниманія поляковъ. „Въ глубокой Россіи и въ Сибири, пишетъ Токаржевскій, народъ относится къ каторжникамъ съ большимъ состраданіемъ и подаетъ имъ милостыню, которая принимается очень охотно. „Несчастный“ — вотъ имя, которымъ русскій народъ называетъ каторжника, и давая ему въ руку пшеничную булку, либо копѣйку, приговариваетъ:

— Прими мой даръ и пусть Христосъ спасетъ тебя, несчастный!

Эти слова казались мнѣ полными христіанской любви. Можетъ быть, это былъ бы самый лучшій общественный строй, если бы установился такой взглядъ на преступниковъ, что они люди, постигнутые несчастьемъ.

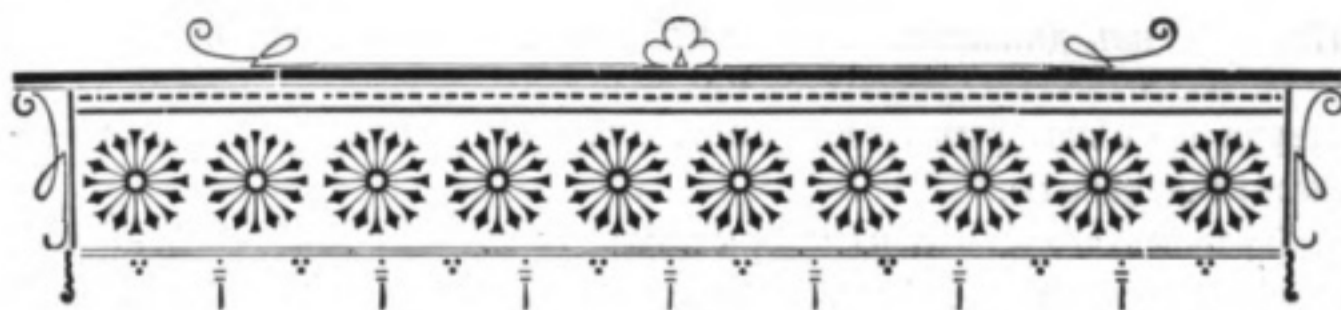
Но сколько бы разъ ко мнѣ ни приближался кто-либо съ милостыней, я издалека кричалъ:—благодарю... я вовсе не несчастный, а политическій преступникъ.

Многократно повторялъ я это въ теченіе семи лѣтъ и думаю, что въ концѣ концовъ жители Омска научились отличать разбойниковъ отъ государственныхъ преступниковъ“.

Нужно ли прибавлять что-либо къ этому разсказу? Остается развѣ для контраста вспомнить, какъ принялъ поданную милостыню Достоевскій, какое величіе духа, какую изумительную покорность судьбѣ проявилъ онъ при этомъ. Помню, разсказываетъ онъ, какъ я, въ первый разъ, получилъ денежное подаваніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая, какъ ангельчикъ. Мать была солдатка, вдова. Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копѣйки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, „несчастный“, возьми Христа ради, копѣечку! кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руку монетку. Я взялъ ее копѣечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копѣечку я долго берегъ у себя“.

Такъ Достоевскій принялъ четверть копѣечки въ первый разъ. Значитъ, впоследствии онъ принималъ милостыню не одинъ разъ. При этомъ онъ не кричалъ издалека, что онъ не „несчастный“, а политическій преступникъ.

В. Храневичъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Турціи существуетъ громадная литература, изъ которой всякій можетъ почерпнуть нужныя ему свѣдѣнія. Но какъ бы ни обширенъ былъ матеріалъ для изслѣдованій, всегда найдется кое-что и новое написать или добавить, что еще неизвѣстно или просто ускользнуло отъ вниманія бытописателя.

Мнѣ выпала удивительная доля прожить нѣсколько лѣтъ среди турецкаго народа, дышать съ нимъ однимъ воздухомъ и подъ однимъ небомъ, дѣлить его радости и горе и, наконецъ, полюбить турка и быть въ свою очередь страстно имъ любимой, а потому надѣюсь, всякій пойметъ, что я имѣла возможность заглянуть къ нему въ душу и понять его, быть можетъ, глубже, чѣмъ многіе, уже прославленные о немъ писатели.

Во всѣ годы моего пребыванія на турецкомъ востокѣ я имѣла похвальную привычку вести изо дня въ день подробный дневникъ происшествій, личныхъ впечатлѣній, а также записывать въ него слово въ слово разговоры и бесѣды съ нѣкоторыми замѣчательными личностями, имена которыхъ уже стали достояніемъ исторіи.

Хотя мои мемуары касаются больше бытовой стороны края, а главнымъ образомъ моихъ собственныхъ приключеній; но все-таки они не лишены связи съ тогдашнимъ политическимъ положеніемъ въ Оттоманской Имперіи.

Этимъ запискамъ не суждено было видѣть свѣта раньше моей

смерти по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ чемъ могу отчасти сознаться читателю.

Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ дѣйствующихъ здѣсь лицъ и по сіе время, слава Богу, здравствуютъ, а имена ихъ извѣстны широкой публикѣ.

Теперь же по настоянію родныхъ и знакомыхъ я рѣшилась издать мои воспоминанія въ виду того интереса, который проявляетъ наше общество къ Турціи въ данный моментъ.

Но чтобы не нарушать извѣстнаго правила литературной этики, по которому не принято называть полностью фамиліи тѣхъ, отъ кого не имѣется на это выраженнаго желанія или согласія, то о таковыхъ будетъ здѣсь упомянуто подъ инициалами или сокращеніями.

Зато беру на себя смѣлость называть безъ всякихъ измѣненій имена тѣхъ, которые, какъ мнѣ уже извѣстно, ровно ничего не имѣютъ противъ того, а также лицъ уже умершихъ.

Подъ первыми я разумѣю, въ числѣ многихъ, семью Кіамиль-паши, бывшаго великаго визиря, о которомъ недавно такъ много шумѣла печать во время извѣстнаго переворота.

Подъ вторыми—прежде всего Мидхатъ-пашу, инициатора и творца первой турецкой конституціи. Этотъ знаменитый дѣятель былъ моимъ душевнымъ другомъ и, по собственному его признанію, любилъ меня, какъ дочь.

Тогда звѣзда его только-что начинала разгораться на горизонтѣ всемірной славы, и я видѣла ее въ зенитѣ, а потомъ и закатъ ея.

У меня и по сіе время сохраняется переписка съ нимъ изъ далекаго изгнанія, куда онъ отправленъ былъ за нѣсколько дней до открытія созданнаго имъ же парламента по англійской программѣ.

Письма эти современемъ будутъ переданы историку, если понадобится, для нѣкотораго освѣщенія этой личности.

Я не обѣщаю читателю строгой послѣдовательности въ изложеніи историческаго хода событій, которыхъ я была живой свидѣтельницей, такъ какъ все записывалось частью по слухамъ тамъ, на мѣстѣ, по разговорамъ и словамъ самихъ же дѣйствующихъ лицъ, а больше по личнымъ наблюденіямъ, основаннымъ на моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ.

Считаю не лишнимъ предупредить, что нѣкоторые эпизоды, какъ-то: разговоръ съ дочерью Кіамиль-паши о затменіи луны и вращеніи земли вокругъ своей оси, исповѣдь у греческаго митрополита, бесѣды мои съ затворницами гаремовъ и многіе другіе могутъ быть сочтены за анекдоты; но все это истинная правда до

мельчайшихъ подробностей, что могли бы подтвердить очень многіе еще живые свидѣтели.

Какъ могла я попасть въ такую замкнутую отъ европейца среду, прожить тамъ долго, да еще при необыкновенно исключительныхъ обстоятельствахъ, которыя давали мнѣ доступъ даже въ гаремы, такъ ревниво оберегаемые турками отъ постороннихъ наблюденій, объ этомъ узнаеть читатель изъ слѣдующихъ главъ.

Г л а в а I.

Родной братъ моей матери Д. А. Дариво въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ занималъ должность русскаго вице-консула въ Турецкой Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и агента Русскаго Общества Пароходства и Торговли—оба рода занятій, часто совмѣстимыя на Востокѣ.

Тамъ онъ женился на французенкѣ изъ рода знаменитой фамиліи маркизовъ d'Antin-d'Ars.

Одинъ изъ обѣднѣвшихъ потомковъ этой знаменитой семьи, недовольный Наполеономъ I, эмигрировалъ въ Турцію, поселился навсегда въ Смирнѣ и, забывъ свой славный гербъ, занялся разными коммерческими предпріятіями, благодаря которымъ очень разбогатѣлъ. На внучкѣ его Магіе и былъ женатъ мой дядя.

Въ тѣ далекія времена Турція была обѣтованной землей для каждаго, желающаго набить свой карманъ. Да это было вовсе и не трудно: лѣнивый, непредпріимчивый и къ тому же очень покладистый турокъ, какимъ онъ былъ и есть, даже не замѣчалъ, мечтая о раѣ Магомета, какъ совершалось мирное завоеваніе его страны пришлымъ элементомъ.

А пришлецы со всѣхъ концовъ земного шара, широкимъ потокомъ, разливаясь по берегамъ классическихъ морей, захватывали въ свои цѣпкія руки промышленность, торговлю, естественныя богатства страны, плодились, множились и вскорѣ стали фактическими хозяевами Оттоманскаго государства.

Такимъ-то образомъ и создалась изъ помѣси всевозможныхъ національностей оригинальная народность подъ названіемъ „франки“ или „левантинцы“. Къ тому времени, какъ я только что окончила курсъ въ С.-Петербургскомъ П—скомъ институтѣ и поселилась въ нашемъ имѣніи Орловской губер., дядя мой былъ переведенъ вице-консуломъ изъ Сиріи на островъ Хиосъ. Послѣдній составляетъ часть турецкаго архипелага и находится въ 5 морскихъ миляхъ отъ Малой Азіи напротивъ исторической Чесмы.

Монотонная деревенская жизнь и жажда новыхъ впечатлѣній натолкнули меня на мысль упросить моихъ хіосскихъ родныхъ позволить мнѣ пріѣхать къ нимъ, чтобы взглянуть на невѣдомый край.

Сперва дядя отвѣтилъ отказомъ, мотивируя его страхомъ завести молодую дѣвушку въ такую даль и глушь, гдѣ, какъ писалъ онъ, кромѣ невѣжественныхъ плантаторовъ грековъ „въ пантофляхъ на босую ногу“, а также полудикихъ турокъ „другого общества въ Хіосѣ не имѣлось“.

Впослѣдствіи оказалось, на мое счастье, что онъ изъ предосторожности сгустилъ нѣсколько краски. Но такая перспектива не утратила меня: я усилила мольбу и добилась своего.

Неожиданно мнѣ помогла сама Marie. Эта замѣчательная по своей ангельской добротѣ женщина пожалѣла мою молодость и настояла на согласіи мужа — взять меня къ нимъ навсегда въ качествѣ дочери за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей.

Сообщая объ этомъ, дядя прислалъ вмѣстѣ съ симъ и рекомендательное письмо, которое я должна была вручить лично по пріѣздѣ въ Одессу директору Рус. Общ. Пароходства и Торговли адмиралу Чихачеву. Въ этомъ письмѣ заключалась покорнѣйшая просьба разрѣшить мнѣ нѣсколько удешевленный проѣздъ, принявъ во вниманіе дороговизну билета до Хіоса. Пріѣхавъ въ Одессу, я отправилась въ контору Общества, гдѣ была принята самимъ директоромъ.

И вотъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я всегда съ чувствомъ глубокаго умиленія вспоминаю этого замѣчательнаго дѣятеля и рѣдкаго инициатора въ дѣлѣ развитія торговыхъ сношеній Россіи съ восточными портами.

Такое сужденіе о немъ я часто слышала въ Турціи отъ коммерсантовъ и отправителей, которые восхищались введенными имъ порядками.

Ближайшимъ результатомъ такого мнѣнія иностранцевъ объ адмиралѣ Чихачевѣ было то, что всѣ отправители предпочитали грузить свои товары на наши пароходы, вслѣдствіе чего компаніи другихъ государствъ не выдерживали конкуренціи съ нашимъ обществомъ.

Итакъ, директоръ, выслушавъ меня, не только приказалъ выдать мнѣ бесплатный билетъ; но узнавъ, что я ѣду одна до Константинополя, выразилъ желаніе устроить поудобнѣй мое путешествіе.

Пригласивъ сюда же въ кабинетъ инспектора общества контръ-адмирала П. А. Зеленаго, онъ поручилъ меня его любезному вни-

манію. Послѣдній не отказалъ въ своемъ содѣйствіи, такъ что когда я взошла на палубу „Владиміра“, то капитанъ его уже получилъ изъ конторы предложеніе позаботиться обо мнѣ.

Во вторникъ 20 мая—я покинула берегъ родины, отправляясь въ загадочную даль.

Г л а в а II.

Въ четвергъ рано утромъ меня разбудили, и я вышла на палубу: мы вошли въ Босфоръ. Мечта сбылась: я взглянула, и сердце дрогнуло отъ восторга. Передо мной раскинулась картина, которая превзошла всѣ мои ожиданія. Уже поднявшееся на горизонтѣ солнце, обливая розоватымъ свѣтомъ грандіозный амфитеатръ по берегамъ двухъ материковъ, играло золотыми бликами на полумѣсяцахъ безчисленныхъ минаретовъ, искрилось по свинцовымъ куполамъ мечетей и отражалось на стѣнахъ мраморныхъ дворцовъ и кіосковъ—впечатлѣніе было прямо ошеломляющее! И чѣмъ дальше углублялись мы въ бирюзовыя воды Босфора, тѣмъ панорама становилась великолѣпнѣе. Я съ трудомъ разбиралась въ массѣ впечатлѣній, и мнѣ казалось, что это сонъ на яву и что нашъ пароходъ попалъ въ иной міръ, гдѣ все такъ необыкновенно прекрасно.

Кто не читалъ сотни разъ описаній Константинополя и не стремился къ его берегамъ, одинъ видъ которыхъ переноситъ воображеніе въ область фантазій и грезъ. Однимъ словомъ, это мечта поэта, волшебная сказка востока и, взглянувъ на него, можно забыть всѣ житейскія невзгоды и горечь жизни.

Такимъ именно казался онъ мнѣ, когда я любовалась имъ издали и горѣла нетерпѣніемъ поскорѣе заглянуть, что скрывали за собой прелестныя декораціи, на которыя никогда не наглядисься.

Наконецъ „Владиміръ“ сталъ на якорь, окруженный массой баржъ и лодокъ. Одна изъ нихъ привлекла особенное мое вниманіе: въ ней сидѣли мужчина и дама, внимательно всматриваясь въ стоящую на палубѣ публику. Навожу бинокль и узнаю моихъ родныхъ. Послѣ обмѣна родственныхъ объятій и поцѣлуевъ спускаемся по трапу въ быстроскрылый каякъ—нѣсколько взмаховъ весла, и мы у пристани.

Идемъ, по узкимъ, кривымъ, грязнымъ переулкамъ, по которымъ снуютъ пестрая толпа пѣшеходовъ.

Здѣсь впервые встрѣчаю я турецкаго солдата въ фескѣ, сѣдобородаго муллу въ огромной чалмѣ и съ жаднымъ любопытствомъ разсматриваю ихъ.

Вотъ идетъ турчанка, прикрытая ясмакомъ и закутанная въ широкое верхнее платье, которое, точно мѣшокъ, виситъ на ней. Я останавливаюсь, смотрю ей вслѣдъ; походка ея напоминаетъ утку, и мнѣ смѣшно. Вдругъ рѣзкій, дикій крикъ раздается у самаго моего уха. Въ испугѣ бросаюсь въ сторону и натыкаюсь на цѣлый караванъ перегруженныхъ осликовъ, которые не пропускаютъ насъ впередъ.

Наконецъ родные отыскиваютъ меня въ густой толпѣ и ведутъ дальше. Отъ нихъ узнаю я, что „Владиміръ“ будетъ грузиться въ гавани трое сутокъ, и мнѣ, такимъ образомъ, предстояла возможность осмотрѣть достопримѣчательности столицы Турціи и сдѣлать нѣсколько визитовъ нашимъ дипломатическимъ чиновникамъ.

По проволочной желѣзной дорогѣ мы поднимаемся въ самую благоустроенную часть Константинополя, европейскую Пера.

Здѣсь движеніе нарядной публики, множество шикарныхъ магазиновъ съ большими зеркальными стеклами, кареты, фэтоны, паланкины, всадники, всадницы на великолѣпныхъ арабскихъ коняхъ, и картины пестраго калейдоскопа одна за другой развертываются передъ вами.

Но мостовая почти такая же скверная, какъ и въ Галата, вслѣдствіе чего экипажи и пѣшеходы сбиваются въ однѣ безпорядочныя кучи.

— Однако, какъ долго тянутся переулки, когда же мы выйдемъ на улицу—такъ больно ногамъ отъ остраго булыжника,—жалуюсь я.

— Да мы все время идемъ по самымъ лучшимъ улицамъ Пера, — смѣется Магіе.

— Какъ, эти узенькіе корридоры безъ тротуаровъ?

— А тамъ, гдѣ ты будешь жить, они еще уже,—объясняетъ дядя, и я начинаю чувствовать легкое разочарованіе и вспоминаю мой экстазъ передъ видомъ Константинополя съ палубы парохода.

Мы заходимъ въ великолѣпный англійскій магазинъ „дамскихъ модъ“, чтобы пополнить кое-что въ моемъ туалетѣ.

Здѣсь, какъ мнѣ объяснили, одѣвались дамы самаго высшаго свѣта; но главнымъ образомъ исполнялись заказы для гаремовъ султана Абдуль-Азиса и его наслѣдника, впоследствии Мурада V.

И дѣйствительно: на манекенахъ висѣло нѣсколько платьевъ съ роскошными отдѣлками, а главная продавщица любезно объяснила мнѣ, для какой именно жены падишаха приготовленъ тотъ или другой костюмъ.

Къ удивленію моему узнаю впервые, что турчанки не только одѣваются такъ же, какъ и мы, но еще съ большимъ увлеченіемъ

слѣдятъ за модами и только, выходя на улицу, прикрываютъ, согласно закону, европейскій нарядъ широкимъ фередже—родъ бурнуса съ прорѣзанными отверстіями для рукъ, а лицо бѣлой кисеей—ясмакомъ.

Всѣ же эти шальвары, расшитыя куртки и пр., въ которыхъ рисуютъ или описываютъ ихъ въ романахъ, давно отошли въ область преданій, и только придворныя танцовщицы, баядерки, одѣваются такъ.

Этотъ самый магазинъ сыгралъ какую-то загадочную роль въ дѣлѣ сверженія съ престола Абдуль-Азиса. Случилось такъ. Не задолго до переворота, къ хозяйкѣ сказаннаго моднаго заведенія пріѣхала на жительство изъ Лондона племянница ея, красивая, бѣлокурая миссъ. Однажды тетушка поручила ей отнести въ Чирганскій гаремъ заказанные наряды. Порученіе она исполнила; но сама уже не вернулась оттуда, а черезъ нѣсколько дней весь Константинополь узналъ, что эта англичанка сдѣлалась одной изъ главныхъ женъ наследника престола. Несомнѣнно, что мнимая племянница была креатурой британской политики, и черезъ нее велись переговоры съ Мурадомъ.

Отсюда не далеко до квартиры перваго драгомана нашего посольства, г. Макѣва, задушевнаго пріятеля моего дяди, съ которымъ онъ служилъ прежде нѣсколько лѣтъ въ Салоникахъ. Туда мы отправляемся пѣшкомъ.

Самого Макѣва не застаемъ дома, и насъ принимаетъ жена его, мѣстная, уроженка изъ французскихъ левантинокъ, ни слова не понимавшая по-русски, несмотря на 15 лѣтнее супружество съ нашимъ чиновникомъ.

Примѣромъ тому, какъ неудобно не знать обычаевъ чужаго народа или даже правилъ общежитія и приличій, принятыхъ у мѣстныхъ жителей, можетъ послужить досадный инцидентъ со мной во время сказаннаго визита. А случилось вотъ что. По звонку хозяйки нарядая горничная внесла большой подносъ и направилась прямо ко мнѣ, несмотря на то, что изъ присутствующихъ я была моложе всѣхъ. Немного сконфуженная такой честью, показываю глазами прислугѣ, что надо нести все это дальше. Но камеристка не тронулась съ мѣста и прошептала: „de la confiture, mademoiselle“.

Замѣтивъ недоразумѣніе, дядя поспѣшно объясняетъ мнѣ по-русски, что здѣсь, на востокѣ, такъ ужъ принято: кто первый разъ въ домѣ, тому отдають особенное предпочтеніе и угощаютъ прежде другихъ, не взирая ни на возрастъ, ни на общественное положеніе гостя.

Мнѣ снова предлагаютъ угощеніе. На подносѣ я увидѣла нѣсколько широкихъ бокаловъ съ водой, груды чайныхъ ложечекъ, большую хрустальную тарелку, наполненную до краевъ вареньемъ, и въ центрѣ огромный стаканъ изъ краснаго стекла, но совершенно пустой.

Посмотрѣвъ съ удивленіемъ на невиданную сервировку, я было взяла ложечку и поискала глазами блюдечко; но такового не оказалось. Тогда дѣлаю глотокъ воды и ставлю обратно бокалъ на мѣсто, но горничная не уходитъ, а хозяйка съ другого конца комнаты упрашиваетъ меня полакомиться.

— Вѣроятно такъ полагается, соображаю я:—отсутствіе блюдечекъ означаетъ, что все варенье предназначено мнѣ одной, и я обязана съѣсть его. Пораженная объемомъ столь щедрой порціи и сильно смущенная такой привилегіей восточнаго гостепримства, я беру всю тарелку къ себѣ на колѣни и принимаюсь черезъ силу глотать душистую массу изъ розовыхъ лепестковъ.

Уже я собралась проводить въ ротъ 4-ую или 5-ую ложку, проклиная въ душѣ нелѣпый обычай кормить гостей такъ рано сладкимъ,—было всего 11 ч. утра,—какъ вдругъ услышала торопливый, испуганный шопотъ Marie: „поставь тарелку на мѣсто, что ты дѣлаешь?“. кипячилась она вся красная отъ волненія.

Растерянная, готовая заплакать, смотрю и ничего не понимаю: г-жа Макѣва закрываетъ платкомъ ротъ, задыхаясь отъ сдвѣннаго хохота, а камеристка дѣлаетъ неимоверныя усилія, чтобы не уронить подноса. Съ глазами полными слезъ и дрожью въ голосѣ обращаюсь къ роднымъ за разъясненіемъ причины переполоха, вызваннаго мною.

Дядя извиняется и винить себя за то, что не догадался раньше ознакомить меня съ церемоніей угощенія визитеровъ.

Но я, однако, еще не объяснила, въ чемъ состояла моя ошибка, такъ насмѣшная хозяйку дома.

Надо было сдѣлать такъ: взять немного варенья, положить въ ротъ и залить его глоткомъ воды, а ложечку немедленно опустить въ большой стаканъ, который для этого подается.

Послѣ этого несутъ дальше, и всѣ поочереди продѣлываютъ то же самое. Такимъ образомъ по мѣстному этикету каждому изъ присутствующихъ полагается съѣсть всего-то одну маленькую ложку варенья, а не всю тарелку, какъ я вообразила.

Этотъ странный для насъ обычай угощать съ утра водой съ чѣмъ-нибудь сладкимъ имѣетъ на востокѣ свое разумное основаніе: днемъ всегда очень жарко, а потому прежде всего предлагаютъ гостю утолить жажду.

Конечно г-жа Макѣва въ правѣ была смѣяться, такъ какъ дѣйствительно я была комична. Но мнѣ, несмотря на все смущеніе, страннымъ показалось, что жена русскаго не знала о нашихъ порядкахъ гостепріимства.

Много пишется и говорится справедливаго о томъ, что русскіе отличаются отъ всѣхъ другихъ народностей отсутствіемъ національнаго самолюбія и старательно проявляютъ это „похвальное“ качество за границей. Но я хочу сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ нашихъ соотечественникахъ, которые живутъ долго на чужбинѣ и обзавелись тамъ семьей. Съ такими мнѣ приходилось часто сталкиваться.

Эти господа, вмѣсто того, чтобы познакомиться женъ своихъ съ роднымъ языкомъ или хотя бы съ нѣкоторыми нашими обычаями, сами первые въ угоду имъ, принимаютъ чужеземный обликъ и упорно избѣгаютъ всего, что напоминаетъ русскій складъ жизни. А какъ зло тѣ же иностранцы смѣются надъ такой несимпатичной чертой.

Чтобы закончить главу, расскажу еще одинъ инцидентъ со мной въ доказательство вышеупомянутаго. Отъ Макѣвыхъ мы отправились на званій вечеръ къ барону Ш..., тоже одному изъ нашихъ представителей по дипломатическому корпусу. Самъ баронъ родился и выросъ въ Россіи; но женился въ Константинополѣ на левантинкѣ и, конечно, послѣдняя не понимала ни одного слова по-русски, хотя въ то же время оба сына ея воспитывались въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Послѣ ужина, за которымъ присутствовало нѣсколько французскихъ *attachés*, подхожу къ баронессѣ и благодарю.

— *Mademoiselle désire quelque chose?* — предупредительно спрашиваетъ она меня.

Теряюсь отъ неожиданности; но выручаетъ баронъ: смѣясь, онъ объясняетъ женѣ, что у насъ въ Россіи принято благодарить хозяевъ за „хлѣбъ-соль“. Послѣднее вызываетъ смѣхъ и каламбуры: „только за хлѣбъ и соль, а за жаркое и пирожное?“ острить молодежь.

Оказалось, что за границей въ высшемъ обществѣ даже не имѣютъ понятія о нашемъ исконномъ обычаѣ.

Но въ заключеніе еще одинъ курьезъ въ томъ же родѣ.

На этомъ вечерѣ меня познакомили съ русской дамой, проѣздомъ въ Египетъ захватившей погостить въ Константинополѣ.

Дама эта, какъ объяснили мнѣ, была фанатичной патриоткой и очень любила при встрѣчахъ съ соотечественниками бесѣдовать съ ними на родномъ языкѣ.

Она оказалась женой одного изъ нашихъ извѣстныхъ аристократовъ г. П—ова.

Произношеніе у нея было совершенно правильное и вѣрный акцентъ; но за долготное пребываніе за границей она привыкла думать и размышлять только по-французски, а вслѣдствіе этого невольно усвоила манеру переводить дословно всѣ оригинальныя особенности этого языка со всѣми его мудреными галлицизмами на русскую рѣчь, облакая свои мысли въ такую смѣшную форму, что со стороны казалось, будто она говоритъ ужаснѣйшій вздоръ.

Г-жа П—ова стремительно завладѣла мной, и мы принялись бесѣдовать къ ея полнѣйшему удовольствію по-русски.

„Я сейчасъ была вся изъ себя¹⁾—такъ начала она, наклоняясь къ моему уху и оглядываясь по сторонамъ, чтобы не быть услышанной,—и горчица полѣзла мнѣ въ носъ²⁾, когда вы благодарили за хлѣбъ съ солью, а эти джентльмены столько много смѣялись про нашу бѣдную патрію. У меня сердце всегда на губахъ³⁾, какъ говоритъ наша русская поговорка, и я люблю быть безъ фасона съ моими компатріотами; приходите завтра ко мнѣ въ отель, мы положимъ себя на кушетку и будемъ разговаривать объ нашихъ національныхъ афферахъ⁴⁾. Вы сейчасъ на курантахъ⁵⁾ всѣхъ нувеллій про нашу милую Россію, которую я сохраняю всегда на фонѣ моего сердца⁶⁾).

Я поблагодарила; но постаралась уклониться отъ приглашенія, объяснивъ ей, что завтра пятница, и мнѣ хотѣлось бы посмотреть на выѣздъ султана въ мечеть.

— Ну, и прекрасно,—подтвердила она,—днемъ я буду гулять себя въ Бѣлградскомъ паркѣ, а когда солнце ляжетъ, ѣду къ себѣ, беру мою ванну, кладу себя на диванъ и жду васъ къ себѣ на чашку чая между собакой и волкомъ?⁷⁾—согласны?

— Хорошо, нерѣшительно отвѣтила я,—если позволятъ родные, то съ удовольствіемъ.

— О, конечно! Сейчасъ буду просить ихъ сдѣлать мнѣ эту большую грацію: я такъ давно живу здѣсь безъ фамиліи⁸⁾ и очень ску-

1) être hors de soi—выйти изъ себя.

2) la montarde monte au nez de quel qu'un—сердиться.

3) avoir le coeur sur les lèvres—быть частосердечнымъ.

4) les affaires—дѣла.

5) être au courant—быть освѣдомленнымъ.

6) au fond du coeur—въ глубинѣ сердца.

7) Entre chien et loup—сумерки.

8) La famille—семья.

чаю. Имѣйте же обязательство не забывать того, что обѣщали—
au revoir!

Г л а в а III.

На другой день мы собрались полюбоваться церемоніей проѣзда султана на Селямликъ. По пути стояли шпалерами турецкія войска, за линіей которыхъ толпился народъ. Вдругъ раздалось на караулъ и ружья звякнули. Полиція вѣжливо попросила дамъ закрыть зонтики. Я стояла въ первомъ ряду съ посольскими чиновниками на площадкѣ мечети, и мнѣ прекрасно все было видно.

Показался на бѣломъ, какъ снѣгъ, арабскомъ конѣ, покрытомъ золотымъ чепракомъ, самъ повелитель правовѣрныхъ, калифъ Ислама, тѣнь Аллаха на землѣ, султанъ Абдуль-Азисъ.

„Падишахымъ чохъ яша!“ понеслось къ нему навстрѣчу протяжнымъ гуломъ, и ослѣпительно сверкнули штыки.

Не отдавая чести даже войскамъ, онъ подвигался тихимъ шагомъ, окруженный пышной свитой, къ мечети „Султана Махмуда“, гдѣ похоронена была его любимая жена, и гдѣ ему самому, годъ спустя, суждено было успокоиться на вѣки.

Султанъ грузно слѣзъ съ лошади и задумчиво окинулъ взглядомъ толпу. Среди блеска мундировъ, окружающихъ его, Абдуль-Азисъ выдѣлялся простотой своего вида: въ черномъ суконномъ стамбулинѣ, съ единственной звѣздой Меджидіе на груди, въ красномъ тарбушѣ съ черною кистью, онъ производилъ впечатлѣніе уже одряхлѣвшаго и сильно помятаго жизнью старца.

Когда окончилось моленіе, падишахъ вышелъ изъ мечети, пересѣлъ въ карету и уѣхалъ другой дорогой къ себѣ въ Дольма-Бахче.

Забили въ барабаны, и полки приготовились къ церемоніальному маршу.

Послышались, къ моему удивленію, звуки мотивовъ изъ оперетки „Мадамъ Анго“, и стройные ряды рослыхъ солдатъ въ красныхъ фескахъ и синихъ зуавкахъ широкимъ вольнымъ шагомъ двинулись мимо насъ. За ними шла гвардія султана въ голубыхъ курткахъ, расшитыхъ золотомъ съ большими откидными рукавами и въ страусовыхъ перьяхъ на тарбушахъ. Албанцы въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ фустанеллахъ и арнауты въ живописныхъ костюмахъ замыкали шествіе.

На площадку вышла свита, и начался разѣздъ.

Третій день моего пребыванія въ древней Византіи былъ посвященъ обзорѣнію самой интересной его части—Стамбула, гдѣ со-

средоточены главнѣйшіе памятники, какъ христіанскаго, такъ и мусульманскаго міра: Ая-Софія, Сераль, фонтанъ Ахмеда и др.; но такъ какъ все это давно описано болѣе искуснымъ перомъ, чѣмъ мое, то, чтобы не повторяться, перехожу на личныя приключенія.

А для того, чтобы покончить въ этой главѣ съ Константинополемъ, въ который мнѣ не разъ придется возвращаться и говорить о немъ, я попробую въ нѣсколькихъ словахъ резюмировать то ошеломляющее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня въ первые дни знакомства съ нимъ.

Очаровательный до ослѣпленія и великолѣпный какъ феерія— вотъ какимъ кажется онъ издали. Но какъ только вы ступили на берегъ и заглянули за стѣны его дворцовъ, то волшебная прелесть панорамы тотчасъ же исчезаетъ, и васъ окружаетъ будничная обстановка грязныхъ кривыхъ закоулковъ.

Зато зрѣлище толпы Константинополя чрезвычайно оригинально и, кажется, нѣтъ въ мірѣ націи, которая не представлена была бы на улицахъ его.

Когда мы переходили мостъ Золотого Рога, этого русла живой рѣки, катящей день и ночь по немъ свои бурныя волны, я невольно и кстати вспомнила стихъ Пушкина:

„Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій и т. д.“

Но я не пожалѣла, что великій поэтъ не видѣлъ красу Востока, иначе мы, русскіе, не имѣли бы его дивнаго описанія нашей первопрестольной, которая показалась бы ему голой пустыней при сравненіи со здѣшнимъ движеніемъ и пестротой красокъ.

Г л а в а IV.

Въ 5 часовъ дня мы возвращаемся на палубу „Владимира“ и собираемся въ дальнѣйшій путь.

Раздался протяжный гулкій свистокъ, подняли якоря, застучалъ винтъ, и пароходъ, тяжело пыхтя, тихо и плавно тронулся по теченію къ Золотому Рогу. Все задвигалось и заходило вокругъ: волшебная панорама грандіознаго амфитеатра стала постепенно уходить за холмы свои. Еще нѣсколько поворотовъ и роскошное видѣніе тонетъ въ голубой дали. Только башни стараго Серала и громада Ая-Софіи—долго еще смотрятъ намъ вслѣдъ.

„Владимиръ“ прибавляетъ ходу, и мы уже у Принцевыхъ острововъ. Море съ легкимъ шепотомъ ласкаетъ борта парохода; души-

стый вѣтерокъ, покинувъ долины розъ Санъ-Стефано, шалить и рѣзвится по верхамъ мачтъ, а реи и снасти весело вторять ему.

На фонѣ небосклона европейской стороны сквозь голубой паръ испареній видны мягкія очертанія горъ, по склонамъ которыхъ, утопая въ зелени, ютятся селенія и городки.

Азіатскій берегъ болѣе суровой наружности: то уходитъ съ горизонта, то вновь появляется изъ - за черты его. Но вотъ и сумракъ ночи быстро спускается на сонное море, а небо раскинулось синимъ шатромъ, украшеннымъ узорами яркихъ звѣздъ и увѣчанымъ острымъ серпомъ мѣсяца—пора отдохнуть, и всѣ расходятся по каютамъ.

Къ 6 часамъ утра мы въ Дарданеллахъ. Я выхожу на палубу и съ любопытствомъ смотрю на грозныя укрѣпленія. Картина внушительная. Обставленные высокими горами, оба берега пролива превращены въ земляные и каменные форты, и даже невооруженному глазу отчетливо видны ряды пушекъ на вершинахъ валовъ.

Три года спустя я плыла обратно по этому пути въ Россію за нѣсколько дней до официальнаго объявленія войны, когда проливъ былъ уже минированъ торпедами, и турецкіе лоцмана осторожно вели нашъ пароходъ „Александръ II“ по узкому фарватеру, а мы, пассажиры, съ замираніемъ сердца слѣдили за лодкой впереди насъ—представьте же себѣ наше не совсѣмъ увѣренное состояніе духа. Но объ этомъ въ концѣ книги, когда будетъ описаніе возвращенія моего на родину.

Получивъ въ Дарданеллахъ пропускъ, „Владиміръ“ сталъ углубляться въ предѣлы Эгейскаго моря. Но оно встрѣтило насъ очень непривѣтливо. Волны съ глухимъ, протяжнымъ ревомъ подняли наше судно на бѣлые гребни свои и принялись съ ожесточеніемъ раскачивать его изъ стороны въ сторону. Вѣтру, какъ видно, наскучило гулять въ облакахъ, онъ сорвался съ высоты и завылъ надъ голубымъ пространствомъ. Корма высоко взлетаетъ на воздухъ и кажется, что вотъ-вотъ полетитъ въ бездну. Вокругъ все дребезжитъ, грохочетъ и двигается: лампы раскачиваются, переборки трещатъ, багажъ срывается съ полокъ и гуляетъ по каютѣ. Я лежу въ койкѣ и изо всѣхъ силъ стараюсь удержаться въ ней, и мнѣ ужъ не до того, что мы плывемъ мимо древней Трои, гдѣ палъ благородный Гекторъ, сраженный быстроногимъ Ахилломъ.

А вотъ изъ-за кряжа горъ выглянула бѣлоснѣжная вершина Олимпа, резиденція Зевса—держателя громовъ. Но мысли мои заняты его сердитымъ братомъ, Посейдономъ-Колебателемъ морей, который такъ безцеремонно обращается съ нами.

Наконецъ шквалъ сталъ ослабѣвать, „Владиміръ“ пошелъ болѣе ровнымъ ходомъ, и я уснула.

Г л а в а V.

Меня позвали на палубу, чтобы полюбоваться панорамой Смирны. Въ глубинѣ залива, окруженнаго высокими горами, покрытыми богатѣйшей растительностью кедровыхъ лѣсовъ, раскинулась „Красавица Смирна“, какъ ее здѣсь называютъ. На рейдѣ стояло нѣсколько военныхъ кораблей подъ разными флагами, а также масса коммерческихъ судовъ всѣхъ странъ, и мы подходили тихо и осторожно въ толчеѣ лодокъ и каяковъ.

Ступивъ на берегъ, т. е. на прекрасную, широкую набережную, облицованную гранитомъ, мы тотчасъ же были окружены большою компаніей дамъ и молодыхъ людей, друзей моихъ родныхъ, вышедшихъ встрѣтить насъ.

Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ устремили взоры на „настоящую подлинную русскую“,—зрѣлище очень рѣдкое въ Смирнѣ.

— Куда же мы идемъ?—спросила я дядю по-русски, видя, что мы удаляемся по направленію къ городу.

— Намъ придется ждать здѣсь ночного парохода,—у нашихъ знакомыхъ и между прочимъ сдѣлать визитъ консулу, отвѣтилъ онъ.

Съ набережной мы свернули въ какую-то дотога узенькую улочку, что встрѣтивъ погонщика съ осликомъ, навьюченнаго мѣшками, вся наша компанія должна была прижаться къ стѣнѣ, чтобы пропустить его.

— А вотъ и кавалькада хозяекъ съ базара везетъ дневную провизію, посмотри,—сказала мнѣ Marie,—это очень оригинально—ничего подобнаго не увидишь въ Европѣ. Дадимъ проѣхать имъ.

Сказанныя слова звучали странно для моего уха. — Значитъ, здѣсь ѣздятъ въ амазонкахъ на базаръ?—воскликнула я и раскрыла ротъ отъ изумленія: кавалькада уже дефилировала мимо насъ. Въмѣсто ожидаемыхъ изящныхъ шлейфовъ, цилиндровъ, хлыстиковъ я увидѣла презабавное зрѣлище. Дамы, по большей части пожилыя, въ обыкновенныхъ платьяхъ, модныхъ шляпахъ съ цвѣтами и перьями, неуклюже свѣсивъ обѣ ноги въ одну сторону и обнимая корзины, съ унылымъ, усталымъ видомъ разѣзжались по своимъ квартирамъ.

Углубляясь дальше, я убѣдилась, что улицы Константинополя могутъ казаться широкими по сравненію съ таковыми въ Смирнѣ. Большая часть изъ нихъ прохладны и сыры; во многихъ мѣстахъ нависшіе съ обѣихъ сторонъ верхніе этажи строеній

сходятся вмѣстѣ и улица обращается въ крытую галерею. Мнѣ объяснили, что во всемъ городѣ не имѣлось ни одного экипажа—его замѣняли верховыя лошади и ослы.

Итакъ мы вошли всей компаніей въ домъ друзей моихъ родныхъ, „настоящихъ англичанъ“, какъ думала я. Встрѣтили насъ типичныя чада Альбіона, костлявыя, зубатыя, рыжіе лѣди и джентельмены. Послѣдніе чрезвычайно любезно поздравили меня съ прїѣздомъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ.

Когда усѣлись за столъ, то всѣ оживленно заговорили между собой. Но къ удивленію своему, вмѣсто языка Диккенса и Теккерея я слышала въ продолженіе всего обѣда какой-то странный говоръ, изъ котораго трудно было уловить хоть одно знакомое слово.

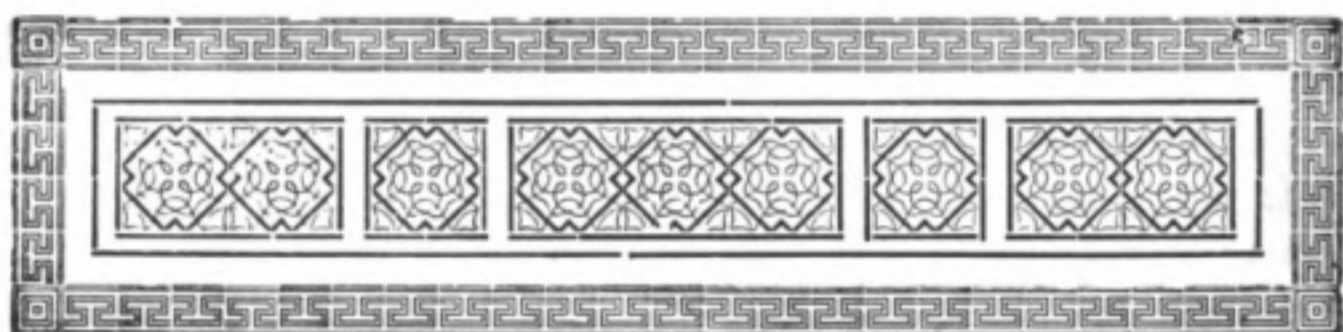
Оказалось, что иностранцы, живущіе въ Турціи, не исключая и британскихъ подданныхъ, предпочитаютъ пользоваться мѣстнымъ жаргономъ, называемымъ здѣсь „галика“. Послѣдній не что иное, какъ новогреческій языкъ, обильно уснащенный словами всевозможныхъ нарѣчій.

Характерно, что настоящіе греки, уроженцы Эллады, плохо понимаютъ эту своеобразную помѣсь.

Галика окончательно завладѣлъ Турецкимъ Востокомъ: даже турки, въ сношеніяхъ съ жителями, не требуютъ отъ нихъ знанія государственнаго языка и сами охотно прибѣгаютъ къ излюбленному жаргону, на которомъ говоритъ безъ исключенія все разнокалиберное населеніе Оттоманской Имперіи и ея архипелаговъ.

Е. А. Рагозина.

На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

(Окончаніе).

Г л а в а VIII.

Осмотръ города. — Музей. — Дрезденская галерея. — Фрауенкирхе. — Брюльская терраса. — Поѣздка за городъ. — Мыза Бертельсдорфъ. — Его Высочество поправился. — Владиміръ 4-й степ. — 5-й Западно-Прусскій Кирасирскій полкъ. — Генераль-лейтенантъ Раухъ. — Обѣдъ у Кирасиръ. — Берлинъ. — Императоръ. — Маневръ 3-го корпуса. — Лоенгрия. — Национальный Музей. — Тиргартенъ. — Зоологическій садъ. — Маневры. — Гвардіи и 3 корпусъ. — Обѣдъ у Императора. — Государственные конные заводы въ Градицѣ и Герлицѣ. — Въ Берлинѣ. — Поручикъ Массовъ. — Театръ. — Фатиница. — Отъѣздъ.

На слѣдующій день встали рано, чтобы осмотрѣть городъ. Начали съ дворца, полюбовались колоссальною фрескою „Шествіе Саксонскихъ Королей“, зашли въ католическій соборъ—внутри пять главныхъ алтарей подъ нефомъ и въ четырехъ углахъ. Живописи мало, но которая есть—та хороша.

Напившись чаю, осмотрѣли „Грюнесъ-Гевелбе“ съ его сокровищами, собранными Августомъ II.

Наконецъ Господь привелъ увидѣть Дрезденскую галерею, съ дѣтства мнѣ знакомую по богатому собранію гравюръ, хранившихся въ библиотекѣ Главнаго Штаба и затѣмъ переданныхъ въ Императорскій Эрмитажъ. Я восхищался Мадонною Гольбейна и былъ сверхъ ожиданія пораженъ Мадонною Рафаэля.

Будучи съ ней знакомъ по гравюрамъ и фотографіямъ, я не ожидалъ, что она могла бы произвести на меня такое сильное впечатлѣніе.

Меня убѣдило, что все ея воспроизведенія никуда не годятся и только способствуютъ ложному представленію о ней. Въ дѣйствительности Мадонна сверхъ-идеальное существо.

Глядя на нее—самъ воспаменяешься Божественною искрою этого произведенія, почти неземного совершенства.

По душѣ пришлась мнѣ Мадонна Корреджіо: сколько мягкости и нѣжности въ его кисти, затѣмъ я восторгался Св. Цицилією Рафаэля, голландцами и Поль Веронезомъ.

Изъ новѣйшей нѣмецкой школы, кромѣ Рихтера, Гофмана и Ахенбаха—никого не замѣтилъ; назову только одно произведеніе родившагося въ Ригѣ художника, имя котораго забылъ—это „Іоаннъ Грозный слушаетъ предсказаніе финскихъ волшебниковъ“—фигура и лицо хороши, и вся обстановка вѣрна.

Собственно говоря, за недостаткомъ времени, мы въ подробности не осматривали Дрезденской галлерей, и я только выскивалъ знакомыя мнѣ картины, чтобы увидѣть излюбленные подлинники.

Изъ церквей осмотрѣли фрауенкирхе—весьма оригинальную по своей архитектурѣ, въ видѣ цирка со множествомъ разнообразныхъ галлерей и органомъ надъ алтаремъ.

Возвращаясь къ завтраку, полюбовались видомъ съ знаменитой Брюльской террасы, затѣмъ поѣхали по окрестностямъ города, которыя живописны, но скучны, слишкомъ много песку, сосенъ и каменныхъ заборовъ.

Сначала мы поѣхали влѣво отъ моста, мимо вновь строящихся казармъ и громаднаго интендантскаго склада съ бойницами въ стѣнахъ; переѣхали черезъ оврагъ и вдоль выстроенной другой громадной казармы, по сыпучему песку, подъѣхали къ знаменитой пивоварнѣ Вальдшлесхенъ.

Казармы намъ приглядѣлись, и мы обрадовались, когда дорога стала пролегать мимо роскошныхъ, загородныхъ дачъ.

Мы остановились на время у маленькаго домика, въ которомъ жилъ и писалъ „Донъ Карлоса“ Шиллеръ.

Эльбу мы переѣхали на паромѣ у Блазовица, проѣхали мимо дачъ, расположенныхъ по песчанымъ холмамъ въ сосновомъ лѣсу у Груна, свернули въ паркъ и остановились въ старомъ павильонѣ Августа II, въ которомъ помѣщается музей, составленный изъ работъ скульптора Рейхлина.

Очень хороши статуи Лютера и его сподвижниковъ.

Къ обѣду мы вернулись въ городъ, за *table d' hôte* сидѣло большинство англичанъ. Послѣ обѣда мы пошли въ театръ слушать „Цампу“.

Великолѣпное зданіе новаго театра, отдѣланное снаружи, достраивалось внутри. Оперы давались въ временномъ деревянномъ театрѣ.

Благодушно настроенные, мы остались очень довольны исполненіемъ, кромѣ того оркестръ, хоры и теноръ были очень хороши.

Напившись чаю, мы сѣли въ поѣздъ и черезъ Гарницъ, Кольфуртъ—поѣхали въ Лаубахъ, куда прибыли въ 5 ч. утра, безъ багажа.

Его Высочество пріѣхалъ съ вечера и остановился въ имѣніи молодого красиваго поручика лейбъ драгунскаго полка гр. Страхица, на его мызѣ Бертельсдорфъ.

До 7^{1/2} мы успѣли слегка заснуть, потомъ явились къ Его Высочеству, а вслѣдъ за симъ и багажъ нашъ подоспѣлъ.

Великій князь, благодаря Бога, поправился, хотя былъ блѣденъ.

Его Высочество лично передалъ мнѣ крестъ Св. Владиміра 4-й степени, которымъ я былъ награжденъ на 30 августа.

Отецъ мой, будучи штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба, первою наградой получилъ прямо крестъ Св. Владиміра 4-й степени помимо всѣхъ очередныхъ наградъ.

Онъ рассказывалъ мнѣ, что, получивъ такую выдающуюся награду, по тому времени въ особенности, въ тотъ же день вечеромъ, сидя за столомъ, батюшка нарисовалъ Владимірскій крестъ, а матушка подошла и нарисала вокругъ креста: „о честолюбіе, оставь меня въ покоѣ“.

Великій князь пріѣхалъ въ Лаубахъ, чтобы посѣтить 5-й западно-Прусскій Кирасирскій его имени полкъ, по случаю исполнявшагося 25 -ти лѣтія шефства.

Отъ Прусскаго двора былъ назначенъ состоять при Великомъ Князѣ генераль-лейтенантъ Раухъ—инспекторъ ремонтовъ, давно извѣстный Его Высочеству, нѣсколько разъ побывавшій у насъ въ Россіи и всегда назначавшійся къ Великому Князю при его посѣщеніяхъ Берлина; маіоръ G. и поручикъ Массовъ, какъ ординарецъ отъ шефскаго полка.

Полкъ стоялъ развернутымъ фронтомъ въ открытомъ полѣ, недалеко отъ нашей квартиры и представился во всѣхъ отношеніяхъ отлично.

Великій Князь объѣхалъ фронтъ съ обѣихъ сторонъ; затѣмъ полкъ прошелъ передъ Его Высочествомъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно.

Командиръ полка произвелъ весьма подвижное уставное ученіе, затѣмъ полку было произведено небольшое ученіе съ тактической цѣлью, которое было заключено дебушированіемъ изъ дефиле двумя эшелонами, построеніемъ фронта уступами и атакою.

Послѣ церемоніальнаго марша переменными аллюрами Великій Князь объѣхалъ полковую колонну, благодарилъ всѣхъ, спрашивалъ о службѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Среди послѣднихъ, въ числѣ вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ были участники знаменитой атаки подъ Тобичау, гдѣ полкъ взялъ 16 орудій,—и также участники Франко-Прусской войны.

Командиръ полка просилъ Его Высочество принять полковую хлѣбъ-соль въ вблизи лежащемъ помѣщичьемъ домѣ.

При въѣздѣ Великій Князь былъ встрѣченъ семействомъ помѣщика, при чемъ старшая дочь хозяина привѣтствовала Его Высочество букетомъ цвѣтовъ.

Когда собрались офицеры, Его Высочество попросилъ представить ихъ ему поименно, разговаривалъ съ каждымъ, спрашивалъ о службѣ, о семейномъ положеніи.

Большинство офицеровъ были сыновья окрестныхъ помѣщиковъ.

За завтракомъ командиръ полка, въ отлично сказанной рѣчи, выразилъ благодарность отъ лица всего полка за честь и радость, которую Его Высочество доставилъ своему шефскому полку посѣщеніемъ, а также благодарность за тѣ милости, которыми Великій Князь обласкалъ ѣздившую къ нему депутацію.

Его Высочество благодарилъ и сказалъ:—„Я, какъ кавалеристъ, въ душѣ любящій свое оружіе, горжусь быть шефомъ славнаго кирасирскаго полка, который въ мое шефство, въ 1866 году покрылъ себя неуывдаемой славой образцовыми и побѣдоносными дѣйствіями подъ Тобичау“.

Великій Князь говорилъ по-нѣмецки.

— „Я радъ, продолжалъ Его Высочество, что Господь привелъ меня въ нашу славную полковую семью, и я лично могу выразить мою любовь, гордость и уваженіе. Пью за здоровье моего славнаго полка!“

Въ отвѣтъ раздалось восторженное „hoch“ кирасирь своему шефу.

Я сидѣлъ между старыми пріятелями: ротмистромъ Либерманомъ и Франкенбергомъ, которые пріѣзжали въ числѣ депутаціи въ Петербургъ поздравить Его Высочество съ юбилеемъ.

Какъ полагается, выпили, простились съ хозяевами и возвратились на мызу въ Бертельсдорфъ, чтобы, переодѣвшись, поѣхать на вокзалъ.

Великій Князь простился на вокзалѣ съ офицерами своего полка, вручая каждому подписанную фотографію.

Мы отѣхали при дружныхъ крикахъ: „ура“!

Въ Берлинъ пріѣхали въ 10 час. вечера.

На вокзалѣ насъ встрѣтилъ наслѣдный принцъ, всегда сердечно расположенный и дружившій съ Великимъ Княземъ.

У посольскаго дома, гдѣ Его Высочество остановился, былъ выстроенъ почетный караулъ. Принявъ его, Великій Князь едва успѣлъ войти въ гостиную, какъ пріѣхалъ Самъ Императоръ.

Произошла сердечная встрѣча и взаимное представленіе свиты.

Нашъ человѣкъ оставилъ чемоданы въ Лаубахѣ, и мы получили наши вещи только въ 4 часа на слѣдующій день.

4-го сентября, въ 8 ч. утра насъ повезли на корпусный маневръ 3-го корпуса.

Великій Князь все время держался съ кавалеріею. Грунтъ полей дотога рыхлый, старательно воздѣланный, что мы ѣхали, какъ по глубокому снѣгу.

Односторонній маневръ окончился церемоніальнымъ маршемъ.

Возвратясь, Великій Князь поѣхалъ дѣлать визитъ Императору въ Его дворецъ съ традиціоннымъ окномъ на „унтеръ денъ Линденъ“. Дворецъ имѣетъ характеръ частнаго дома.

За обѣдомъ я сидѣлъ между графомъ Леендорфомъ и генераломъ Танненбергомъ—начальникомъ 2-ой гвардейской дивизіи.

Вечеромъ были въ оперѣ, давали „Лоентрина“. Великому Князю очень понравилась Эльза: по голосу, игрѣ и мимикѣ.

На слѣдующій день мы были свободны отъ службы, а потому вмѣстѣ съ Левицкимъ осматривали Берлинъ.

Утромъ исходили ближайшія улицы, чтобы въ общихъ чертахъ познакомиться съ городомъ.

Въ то время Берлинъ еще сохранялъ свой казарменный видъ, не отличаясь ни оригинальностью, ни изяществомъ архитектуры домовъ и казенныхъ зданій, только памятники: Фридриху II Великому, Фридриху-Вильгельму III, Національный музей и Тиргартенъ—нарушали единообразіе и доставляли удовольствіе глазу.

Въ Національномъ музеѣ знаменитыя фрески Каульбаха превзошли мои ожиданія.

Я сомнѣвался въ красотѣ ихъ колорита и былъ удивленъ въ противномъ.

Изъ старыхъ мастеровъ замѣчательны: „Монахъ“, Мурильо, съ дѣтьми и со Спасителемъ на рукахъ.

За то собраніе картинъ, новѣйшихъ художниковъ обладаетъ нѣсколькими сокровищами живописи, какъ: „Дѣтская школа“ Кнауса; „Смерть Гусса“; „Тайная вечеря“; „Лютеръ“—занятый переводомъ библіи; „Проповѣдь Гусситовъ“ и прочее.

Мы осмотрѣли Зоологическій садъ, которымъ берлинцы справедливо гордятся, затѣмъ обѣдали съ состоящими при насъ офицерами у Петермана.

Вечеромъ были у Кроля; намъ понравилось освѣщеніе сада, а все остальное такъ же скучно, какъ и у насъ въ загородныхъ садахъ.

6-го сентября мы поѣхали по желѣзной дорогѣ на маневръ въ Гросберенъ.

Великій Князь съ кронъ-принцемъ поѣхали слѣдить за дѣйствіями кавалеріи: у Рувльхафа произошло столкновеніе кавалеріи между гвардейскою и дивизіею 3-го корпуса. Замѣчательно, что столкновеніе

это было случайное, развѣдки никакой; хотя начальникъ 3-й дивизіи построилъ боевой порядокъ, но боевыя линіи неимоვნно растянулись въ глубину, и онъ потерялъ возможность управлять ими, когда кавалерія гвардейскаго корпуса тоже неожиданно для себя появилась у его праваго фланга, на высотѣ 2-ой линіи.

Гвардейская дивизія стала строиться въ боевой порядокъ, а 3-я дивизія—исполнять перемѣну фронта направо, но такъ разорвалась, что на одну изъ ея батарей неожиданно бросился 1-ый эскадронъ гвардейскаго драгунскаго полка и взялъ ее безъ выстрѣла.

Наслѣдный принцъ былъ внѣ себя и, не стѣняясь, разносилъ обоихъ начальниковъ дивизіи; тѣмъ временемъ гвардейская пѣхота вышла и отбросила лѣвый флангъ 3-го корпуса.

Императоръ подалъ сигналъ отбоя и кончилъ маневръ.

На слѣдующій день мы поѣхали на продолженіе маневра въ Гросберенъ. Сначала Его Высочество слѣдилъ за наступленіемъ гвардейской пѣхоты и атакою Гросберена, а мы шли за линіею цѣпи стрѣлковъ и видѣли, какъ офицеры и унтеръ-офицеры угощали подзатыльниками и нахлопками прикладомъ своихъ людей, не стѣняясь даже близостью Великаго Князя.

На вопросъ Его Высочества — состоявшій при немъ генераль-адъютантъ Раухъ отвѣтилъ:

„У насъ трудно это вывести, Ваше Высочество, потому что въ составѣ нашихъ людей много фабричныхъ и городскихъ жителей, съ которыми возможно справиться только желѣзною дисциплиною, и потому мы смотримъ на это сквозь пальцы. Въ Россіи вы можете не допускать рукоприкладства, потому что у васъ главный контингентъ—сельское населеніе“.

Великій Князь пропустилъ мимо себя 1-ый гвардейскій полкъ съ отличнѣйшимъ составомъ людей. Мы присутствовали при атакѣ желѣзнодорожной станціи, при отступленіи 3-го корпуса и атакѣ гвардейскихъ кирасиръ.

Когда всѣ части сошлись, Императоръ подалъ отбой, и мы семь верстъ ѣхали рысью къ желѣзнодорожной станціи и только что поспѣли передъ приѣздомъ Императора.

Возвратясь въ Берлинъ, обѣдали у Императора. Послѣ обѣда Императоръ подходилъ къ намъ и съ своею обычной любезностью говорилъ о маневрѣ.

8-го сентября былъ послѣдній день маневра, который сразу начался боемъ и продолжался на нѣсколькихъ позиціяхъ до 12 часовъ.

Послѣ отбоя и критики—Императоръ подѣхалъ и простился съ нами, за нимъ—наслѣдный принцъ.

Возвратясь въ Берлинъ, мы отправились еще разъ смотрѣть

выставку, обѣдали съ нашими офицерами, вечеромъ были въ театрѣ, отъ души хохотали надъ нѣмецкою поссе, потомъ ужинали.

Забылъ сказать, что въ этотъ день я получилъ орденъ Краснаго Орла на шею 2 класса.

На слѣдующій день Его Высочество поѣхалъ съ нами осматривать Государственный конный заводъ въ Градицѣ, куда мы прибыли черезъ 2¹/₂ часа по ж. д.

Заводъ старинной постройки въ видѣ квадрата, составленнаго изъ трехъ-этажнаго, съ высокою черепичною крышею, дома по фасаду и конюшнями по фасадамъ. Въ конюшняхъ—денники и большіе манежи, устланные соломой, въ которыхъ стоятъ годовички и двухлѣтки.

Въ случномъ манежѣ во всю стѣну сдѣлана надпись: „Blut ist der Saft der Wunder Schafft“. — „Кровь есть сокъ, творящій чудеса“. Замѣчательныя статьи — жеребецъ Форвердсъ 4-хъ лѣтъ, взявшій нѣсколько призовъ и еще ни разу не побѣжденный.

Въ первый годъ жеребятъ кормятъ досыта овсомъ и гонять въ ростъ. За выводного изъ Англіи жеребца заплачено 5.000 фунтовъ стерлинговъ=50.000 рублей. Матки отличаются замѣчательно широкимъ складомъ.

Осмотрѣвъ заводъ, мы пошли завтракать къ управляющему—знаменитому спортсмену Леендорфъ.

Онъ скакалъ уже 110 разъ.

Великій Князь былъ встрѣченъ его супругою и двумя очень хорошенькими дочерьми.

Мы завтракали съ ними въ громадномъ залѣ съ топившимся каминомъ.

Завтракъ былъ превосходно приготовленъ, въ особенности жаренныя въ сметанѣ куропатки.

Простившись и поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ, Его Высочество поѣхалъ въ Герлицъ черезъ старинную крѣпость Торгау.

Въ крѣпости сохранился замокъ, построенный въ 1534 г. и обращенный въ казармы.

Теперь въ Торгау стоятъ саперы и учатся на старыхъ гласисахъ и валахъ.

Въ Герлицѣ полукровный заводъ.

За недостаткомъ времени мы успѣли его осмотрѣть только на-лету.

Заводскія постройки относятся къ 1686 г.; назначеніе его—производство шорныхъ лошадей.

Стало смеркаться, а потому, налюбовавшись широкими утробистыми матками, мы должны были прекратить осмотръ и вернуться въ Берлинъ.

Его Высочество остался въ Берлинѣ, чтобы погостить у своего двоюроднаго брата фельдмаршала Фридриха-Карла, брата принцессы Анны Карловны.

Будучи совершенно свободны, мы посвятили день дальнѣйшему знакомству съ Берлиномъ. Заходили въ магазины, прицѣнялись, купили кое-что для подарковъ. Магазины мнѣ понравились больше, чѣмъ въ Вѣнѣ, какъ выборомъ, такъ и разнообразіемъ товаровъ: цѣны близки къ Петербургскимъ, въ особенности на французскія произведенія.

Завтракали въ старинномъ ресторанѣ Хабеля на Унтеръ денъ Линденъ, существующемъ болѣе столѣтія и сохранившемъ свое первоначальное устройство въ подвальномъ помѣщеніи съ прежнею обстановкою и столами. Мы потребовали устрицъ, сыру, хлѣба, масла и шампанскаго.

Все было отличнаго качества, но сервировано безъ скатертей, на подносахъ, безъ блюдь, а на самыхъ простыхъ тарелкахъ съ ножами и вилками въ деревянной оправѣ. По стѣнамъ висѣли картины юмористическаго содержанія изъ прошлаго столѣтія.

Въ послѣдующіе мои пріѣзды въ Берлинъ я не нашелъ этого остатка старины.

Обѣдали въ какомъ-то первоклассномъ ресторанѣ со своими офицерами, изъ нихъ поручикъ Массовъ былъ типичный прусскій юнкеръ и очень насъ забавлялъ своею безцеремонностью съ статскими.

Если кто-либо входилъ въ занимаемую нами комнату и желалъ садиться, то онъ громко выражалъ запрещеніе, и къ удивленію всѣ тотчасъ же удалились. Мы останавливали его: — „Массовъ, что вы дѣлаете? Не все ли равно, кто займетъ свободный столъ!“

— „Нѣтъ, извините, я не могу допустить, чтобы около такихъ дорогихъ гостей, какъ свита нашего излюбленнаго шефа, осмѣлились садиться всякіе проходимцы“.

— „Какіе же это проходимцы“, замѣтилъ Левицкій.

— „Это статскіе и потому недостойны чести сидѣть при васъ“.

Само собою разумѣется, онъ школьничалъ, но тѣмъ не менѣе, пока мы обѣдали, сосѣдній столъ оставался незанятымъ. Вечеромъ мы пошли въ театръ, слушали оперетку „Фатиница“, смѣялись надъ карикатурнымъ изображеніемъ русскаго генерала съ традиціонной нагайкой.

Должно быть память къ этой панацеевѣ крѣпко засѣла у нѣмцевъ со времени семилѣтней войны.

На слѣдующій день 11 сентября послѣ завтрака Его Высочество поѣхалъ кататься со мной въ Тиргартенъ, заѣхали въ Скеттингъ-рингъ, гдѣ катаются на конькахъ съ колесиками, осмотрѣли музей и выставку картинъ; обѣдали въ посольствѣ.

Въ 10³/₄, простившись съ нашими жожаками, уѣхали въ Ловичъ на большой кавалерійскій маневръ, унося съ собой интересныя воспоминанія о радушномъ приѣмѣ при нѣмецкихъ дворахъ и ближайшемъ ознакомленіи съ побѣдоносными германскими войсками, когда лица, оружіе и традиціи Франко-Германской войны еще жили въ ихъ рядахъ.

Г л а в а IX.

Торнъ. Ловичъ.—Ярмарка. Лошади продаваемыя за границу.—Соборъ Св. Духа.—Большой кавалерійскій маневръ.—Охота въ Скерневицахъ.—Въ гостяхъ у фельдмаршала князя Барятинскаго.—Столовая. Кабинетъ. Библиотека.—Княгиня.—Симфонія къ Новому Завѣту.—Паркъ.—Маневръ 23-го сентября.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Ночь въ вагонѣ я провелъ, уютившись на креслѣ, чемоданѣ и подушкѣ; проснулся въ Торунѣ, пили чай въ Александровѣ и въ 12 ч. были въ Ловичѣ.

Нечего сказать—дыра жидовская, въ особенности рѣзокъ переходъ отъ Лейпцига, Дрездена, Берлина; даже Мерзебургъ казался благоустроеннымъ мѣстопребываніемъ. Въ городѣ обширная площадь и несоразмѣрный съ остальными жалкими постройками—соборъ. На площади большое оживленіе—ярмарка.

Народъ въ бѣлыхъ и синихъ длиннополыхъ кафтанахъ, красныхъ шароварахъ въ сапоги и высокой съ широкими полями, неуклюжей шляпѣ. Всѣ бриты и носятъ длинные волосы по плечамъ.

Женщины въ шпенсерѣ, со шнуровкой впереди, въ красной съ синими полосками юбкѣ, съ передникомъ; на головѣ—платокъ въ видѣ тюрбана съ падающими по плечамъ волосами. На плечахъ пелеринка похожая на накинутый передникъ; на ногахъ—черныя ботинки. Среди народа половина евреевъ.

Потолкавшись на ярмаркѣ, мы пошли смотрѣть лошадей, которыхъ пригоняютъ изъ Россіи еврей-барышники и продаютъ преимущественно за границей.

Лошади эти стояли въ нарочно построенныхъ конюшняхъ и подъ навѣсами. Было около 400 головъ, въ большинствѣ упряжнаго сорта рысистыхъ полукровокъ, а также часть донскихъ степняковъ 4-хлѣтокъ.

Лошади выдержаны и отлично содержаны. Затѣмъ мы поѣхали верхомъ осматривать окрестности.

Я наблюдалъ въ себѣ странное чувство: мы находились въ Польшѣ, по всему наружному, какъ бы чужая сторона, а казалось, будто находишься дома. И поля знакомы, и деревья не строятся въ ряды, и земля и все, что на ней, дорога—все казалось чѣмъ-то своимъ.

На слѣдующій день я всталъ рано и пошелъ бродить по городу и ярмаркѣ. Раньше всего направился въ соборъ Св. Духа, онъ очень старъ и въ свое время, должно быть, былъ изъ значительнѣйшихъ церквей старой Польши, потому что Ловичъ принадлежалъ прима-самъ королевства гнѣзденскимъ архіепископамъ и служить ихъ усыпальницею.

Соборъ наполненъ мавзолеями, расположенными вдоль стѣнъ. У большинства портреты въ каменныхъ рамахъ, среди которыхъ замѣчательно изображеніе одного изъ архіепископовъ—онъ нарисованъ двулицымъ съ тремя глазами, подъ одной шапочкой и, говорятъ, въ дѣйствительности былъ таковымъ.

Живопись въ соборѣ не отличается художественными достоин-ствами, хотя написана въ стилѣ „Возрожденія“.

Затѣмъ зашли также въ церковь недавно упраздненнаго мона-стыря, въ которой находится большой образъ Богоматери съ Мла-денцемъ Іисусомъ, византійскаго письма.

Обойдя небольшой городъ съ грязными улицами и вонючими домами,—я занялся картами маневра и обозначилъ на нихъ поло-женіе всѣхъ частей на 15-е число, передъ началомъ дѣйствій.

Великій Князь съ раннего утра поѣхалъ на охоту и возвратился только къ обѣду, сдѣлавъ всего одинъ выстрѣлъ. Охота была очень неудачна, звѣрей не видѣли. 14-е сентября, еще одинъ незанятый день. Воздвиженіе Креста. У меня на селѣ праздникъ.

Утромъ имѣлъ докладъ у Его Высочества по дѣламъ инспекціи кавалеріи, затѣмъ Великій Князь поѣхалъ въ гости къ фельдмар-шалу князю Александру Ивановичу Барятинскому, а я занялся письмами къ Ѡ. С. Джуиковскому и затѣмъ пошелъ въ церковь.

Въ три часа обѣдали, гуляли по ярмаркѣ, катались верхомъ, пили чай и старались сократить безконечный день.

15-го сентября, хотя и началось движеніе маневрирующихъ сторонъ, но слишкомъ далеко, чтобы мы могли принять участіе въ походномъ движеніи какой-либо колонны.

Его Высочество поѣхалъ верхомъ, чтобы выбрать мѣсто для общаго маневра, вернулись и опять не знали, что дѣлать отъ скуки. Мы слишкомъ привыкли къ дѣятельности на ученьяхъ, смотрахъ, маневрахъ, парадахъ, спектакляхъ, приѣмахъ, чтобы не испытывать странное чувство быть незанятыми.

Первые два дня маневра Великій Князь ѣздилъ въ разныя ко-лонны, слѣдилъ за развѣдывательною службою, осматривалъ бивуаки, провѣрялъ по ночамъ сторожевую службу, такъ что наше колесо опять завертѣлось.

На третій день маневровъ, 18 сентября, мы переѣхали по желѣз-

ной дорогѣ въ Скерневицы, тотчасъ же съѣли верхомъ и отправились въ Дембова-Гура.

Было свѣжо, иногда моросило, когда разъяснилось,—грѣло солнышко.

Мы остановились въ кустахъ можжевельника, слѣзли съ лошадей, съѣли по двѣ сосиски и переѣхали на возвышенную часть передъ деревнею Рженяками.

Впереди насъ полукругомъ пролегала долина небольшой рѣки, противоположный склонъ которой полого спускался. Въ трехъ мѣстахъ видѣлись деревни среди зелени садовъ съ выдающимися, какъ колокольни, высокими тополями.

Кое-гдѣ сквозили бѣлыя стѣны избъ, мельницъ и сараевъ.

Съ нашей стороны по гребню долины тянулись сосновые лѣса и перелѣски. Когда мы подѣхали, произошла стычка между сотнею казаковъ и двумя эскадронами драгунъ.

Казаки стали отступать, тѣмъ временемъ подошла 14-я кавалерійская дивизія и, перестроившись въ боевой порядокъ, стала наступать двумя колоннами. Съ горы это движеніе было очень живописно.

Мы переѣхали черезъ рѣку Стержибону, гдѣ застали бой между двумя бригадами, чѣмъ и кончился маневръ.

Сегодня, 19 сентября, Великій Князь поѣхалъ на охоту въ Скерневицы къ фельдмаршалу въ Ловичскій дворецъ, предоставленный Его Величествомъ фельдмаршалу. Дворецъ имѣетъ видъ роскошной усадьбы

Нѣкоторыя комнаты были вновь отдѣланы по указанію фельдмаршала. Мнѣ очень понравилась оригинальная столовая; противъ входныхъ дверей всю стѣну занимаетъ дубовый шкафъ-буфетъ съ серебряными узорчатыми рѣшетками. На другихъ стѣнахъ—гобелены и всячіе поставцы съ богатою посудой и серебромъ.

Съ правой стороны, подъ венеціанскимъ окномъ—эстрада; въ углу каминъ; вдоль противоположной стѣны—столики и шкафы съ серебромъ; коверъ и дубовая рѣзная мебель, обитая сѣрой матеріей съ матовымъ рисункомъ.

Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть за столъ, фельдмаршалъ представилъ насъ княгинѣ и дамамъ.

Столъ и сервировка замѣчательно изящны, фельдмаршалъ необыкновенно радушный хозяинъ.

Въ числѣ блюдъ Его Высочеству очень понравился хлодникъ по-польски.

Вина превосходныя изъ собственнаго погреба.

Послѣ завтрака фельдмаршалъ повелъ показывать Великому Князю винный погребъ и кухню, помѣщающіеся въ другомъ домѣ,

соединенномъ со дворцомъ галлереею, по которой бѣгаютъ по рельсамъ вагонетки съ блюдами и требуемымъ виномъ и передаются въ столовую по подъемной машинѣ въ большой стѣнной шкафъ-буфетъ.

Послѣ кофе мы перешли въ библіотеку. Я послѣдовалъ за барышнями въ гостиную и сталъ играть на фортепіано.

Въ 9 часовъ мы были уже въ Ловичѣ, а въ 7^{1/2} утра приѣхали снова въ Скерневицы; сѣли верхомъ и направились въ деревню Паменты, гдѣ застали бой между 14-ю и 13-ю дивизіями въ присутствіи фельдмаршала.

13-я дивизія, наступавшая безъ глазъ, совершенно также, какъ 3-я и гвардейская прусская дивизія, была атакована 14-ю и опрокинута съ фронта и съ тыла. Очередь быть недовольнымъ была за Великимъ Княземъ, но было смягчающее обстоятельство, то, что 14-я дивизія ловко воспользовалась оплошностью противника.

Его Высочество подалъ отбой. Я отправился въ Ловичъ за вещами и послѣ обѣда къ восьми часамъ былъ уже въ Скерневицахъ.

Переодѣвшись, я пошелъ къ фельдмаршалу.

Семья его состоитъ изъ жены; адъютантовъ: полковника Кузнецова и князя Шервашидзе съ женой и сестрой Бабо Шервашидзе.

Живетъ князь съ полнымъ комфортомъ, онъ весьма хлѣбосольный и тонкій гастрономъ, говоритъ немного въ носъ, какъ въ старину сановники; большею частью по-русски и иногда—по-французски.

Княгиня говорила мнѣ, что князь любитъ сидѣть въ комнатахъ, уставленныхъ шкафами съ книгами и дѣйствительно, какъ кабинетъ, такъ и библіотека его украшены прекрасными книгами въ шкафахъ, все въ образцовомъ порядкѣ.

Въ кабинетѣ, по словамъ князя, показывавшаго Его Высочеству и намъ свою библіотеку, помѣщаются только справочныя книги по всѣмъ отраслямъ знанія.

Библіотека въ гостиной снабжена цвѣтнымъ каталогомъ.

— „Этотъ каталогъ, замѣтилъ князь, очень удобенъ, я за любой книгой посылаю своихъ безграмотныхъ казаковъ, и они моментально мнѣ ее приносятъ. „Вотъ“,—продолжалъ, показывая фельдмаршалъ,—„у меня большая рѣдкость“ (при этомъ онъ вынулъ изъ стола большую книгу въ роскошномъ переплетѣ)—„это псалмы Давида на малабарскомъ языкѣ, экземпляръ единственный, украденный изъ Ватиканской библіотеки“.

Повидимому, князь не только-что библіофилъ, но и библіоманъ.

Княгиня чрезвычайно симпатичная женщина; въ ея темныхъ, съ глубокимъ мягкимъ взглядомъ глазахъ проглядываетъ доброта, а голосъ и улыбка обнаруживаютъ женственность и прямоту.

Она занимается составленіемъ симфоній къ Новому и Ветхому

завѣту. Симфонія къ Новому завѣту уже напечатана съ разрѣшеніемъ Св. Синода, но съ большими затрудненіями и всего въ 25-ти экземплярахъ. Княгиня подарила мнѣ одинъ изъ нихъ. Работа чрезвычайно копотливая. По печатной англійской симфоніи княгиня вырѣзала русскій текстъ и нашлалила его въ алфавитномъ порядкѣ.

Утромъ 22-го Великій Князь поѣхалъ съ фельдмаршаломъ на охоту.

Мы съ Ростовцовымъ и дамами гуляли по парку, ловили рыбу, читали газеты и незамѣтно провели время до обѣда.

Къ пяти часамъ охотники вернулись.

За обѣдомъ князь рассказывалъ эпизоды изъ своей службы въ Кирасирскомъ Его Величества полку, вспоминалъ товарищей; онъ былъ хорошеіі рассказчикъ; между прочимъ, князь рассказалъ, какъ Императоръ Павелъ произвелъ въ генераль-адъютанты епископа, портретъ котораго хранится въ Академіи Наукъ. Портретъ съ аксельбантомъ есть, но это должно быть легенда, потому что составитель историческаго очерка Имп. Гл. Кв.—Квадри официальнаго подтвержденія не нашелъ.

Его Высочество былъ чрезвычайно веселъ, смѣялся, шутилъ съ дамами и игралъ съ княжной въ воланъ.

Меня заставили играть на фортепіано.

Фельдмаршалъ отличалъ меня своимъ большимъ вниманіемъ. Ему очень понравилось мое печатавшееся въ то время въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „Путешествіе по Востоку и Святой Землѣ въ свитѣ Его Высочества“. — „Очень поэтично“, — замѣтилъ мнѣ фельдмаршалъ, — ваше описаніе Константинополя, и мнѣ чрезвычайно нравится, — когда, зачерпнувъ рукою бирюзовую воду Босфора, вы ищете въ ней отраженіе крови и ужасовъ, которые совершались въ Византіи и гаремахъ Стамбула“.

Къ 23-му сосредоточилась вся участвовавшая въ маневрѣ кавалерія.

Великій Князь произвелъ этой громадной массѣ, построенной въ одну линію полковыхъ резервныхъ колоннъ, въсколькo движеній впередъ и назадъ и перестроеній, а затѣмъ—маневръ на двѣ стороны съ наступленіемъ и атакою спѣшенными драгунами Скерневицъ.

Въ заключеніе Его Высочество сдѣлалъ церемоніальный маршъ и пропустилъ полки передъ фельдмаршаломъ.

Послѣ благодарности и замѣчаній всѣ старшіе начальники были приглашены къ обѣду у фельдмаршала, а вечеромъ, простившись и поблагодаривъ за радушный пріемъ, мы уѣхали въ Петербургъ, унося самыя пріятныя воспоминанія объ этихъ дняхъ, проведенныхъ у фельдмаршала.

Д. А. Скалонъ.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Часть 2-я.

1876.

ГЛАВА I.

Николай Кирѣевъ.

тобы сдѣлать эти письма и воспоминанія болѣе понятными читателю, необходимо указать наивозможно кратко на ходъ событій, приведшихъ къ возбужденію Восточнаго вопроса. Парижскій трактатъ, по окончаніи Крымской войны въ 1856 г., на 20 лѣтъ усышилъ этотъ вопросъ. По этому трактату шесть великихъ европейскихъ державъ заключили торжественный договоръ между собой и съ султаномъ, что онѣ будутъ воздерживаться отъ единоличнаго вмѣшательства въ дѣла Оттоманской имперіи, и что всѣ, могущія возникнуть, дѣла будутъ обсуждаться коллективно, такъ называемымъ, Европейскимъ концертомъ. Принципъ коллективныхъ дѣйствій былъ порядочно стѣснителенъ, но былъ успѣшно примѣненъ при беспорядкахъ въ Ливанѣ въ 1860 г. и во избѣжаніе войны съ Сербіей въ 1867 г. Послѣ Крымской войны султанъ имѣлъ успѣхъ на европейскихъ биржахъ и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ совершить громадный національный долгъ. Западная Европа, занятая рядомъ войнъ—Франціи съ Австріей 1859 г., Германіи съ Даніей 1864 г., Пруссіи съ Австріей въ 1866 г. и Франко-Прусской въ 1870—71 гг., не имѣла желанія будить спящую сторожевую собаку, конура которой возвышалась надъ Босфоромъ. Россія была поглощена внутренними реформами и развитіемъ Средней Азии. Но въ 1875 г. въ Европѣ насталъ миръ. Султанъ доходилъ до крайняго истощенія своихъ финансовъ. Безденежье въ Стамбулѣ означаетъ двѣ вещи: увели-

ченную строгость въ сборѣ податей и уменьшенную возможность платы войскамъ. Когда вспыхнувшее недовольство растеть, и сдерживающая военная сила слабѣетъ, мятежъ неминуемъ. Честь поднять знамя мятежа противъ Оттоманской тиранніи принадлежитъ славянамъ-герцоговинцамъ. Началось это, какъ всегда бываетъ, случайно. За дурнымъ урожаемъ 1874 г. послѣдовало безпощадное требованіе повинностей. Голодающіе крестьяне сопротивлялись сборщикамъ. Сборщики обратились къ властямъ за военной силой, послѣ чего крестьяне бѣжали въ горы, гдѣ съ тайной поддержкой своихъ братьевъ-черногорцевъ съ успѣхомъ отражали усилія турокъ привести ихъ въ повиновеніе. Казалось бы, что это ничтожный случай. Оспариваемая сумма была пустая, мѣстность была отдаленная и гористая. Но отъ малой искры можетъ возникнуть большой пожаръ.

Какъ только стало ясно, что турки не въ состояніи потушить возстаніе въ Герцоговинѣ, пронеслась вѣсть по всѣмъ славянскимъ народностямъ Балканскаго полуострова, что часъ избавленія ихъ отъ турецкаго ига насталъ. Въ Босніи появились банды инсургентовъ. Болѣе пылкіе умы въ Болгаріи стали мечтать о возстаніи. Сербія и Черногорія, двѣ самоуправляемыя славянскія страны на Балканахъ, вздрогнули отъ возбужденія, возникшаго отъ сочувствія и поддержаннаго честолюбіемъ. Серьезнѣе этихъ броженій на Балканахъ было пробужденіе національнаго и религіознаго энтузіазма въ русскомъ народѣ, который выразился тѣмъ, что составились нанъ-славянскіе комитеты, главная квартира которыхъ была въ Москвѣ.

Къ этимъ признакамъ отнеслись съ большой тревогой всѣ заинтересованныя правительства. Въ концѣ 1875 г. нота Андраши, одобренная княземъ Бисмаркомъ и княземъ Горчаковымъ, была представлена другимъ державамъ. Эта нота требовала свободу вѣроисповѣданій, реформы въ налогахъ и управленіи, которыя должны вестись подъ надзоромъ турецко-христіанской комиссіи. Она содержала исключительно добрый совѣтъ, безъ намека на принудительныя мѣры. Нота была принята другими державами. Лордъ Дерби, министръ иностранныхъ дѣлъ при правительствѣ Дизраели, оказалъ ей поддержку. Согласно коллективному авторитету Европы она была представлена 31-го января, а 13-го февраля султанъ подписалъ согласіе на четыре изъ пяти пунктовъ ноты. Англичане, вниманіе которыхъ было занято пріобрѣтеніемъ паевъ Суэскаго канала и предложеніемъ дать королевѣ титулъ императрицы Индіи, мало обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Константинополѣ, пока они не были грубо пробуждены изъ своего равнодушія 3-го

апрѣля объявленіемъ, что апрѣльскій купонъ Восточнаго займа не можетъ быть оплаченъ. Владѣтели обязательствъ неистовствовали. Грозныя тучи сильнѣе, чѣмъ когда-либо, нависли надъ Турецкой Имперіей. Реформы, обѣщанныя въ отвѣтъ на ноту, не были исполнены. 6-го мая французскіе и нѣмецкіе консулы были убиты въ Салоникской мечети; еще серьезнѣе было возстаніе противъ турокъ въ Болгарскихъ селеніяхъ. Началось оно 1-го мая, а 28-го мая оно было официально заявлено окончательно усмиренымъ. Пока еще не было извѣстно качество этого усмиренія, Императоръ Александръ II и кн. Горчаковъ прибыли въ Берлинъ для совѣщанія съ императоромъ Вильгельмомъ, кн. Бисмаркомъ и Андраши, что слѣдуетъ предпринять для Восточнаго вопроса. Такъ какъ принятіе на бумагѣ ноты Андраши привело только къ распространенію возстанія до Болгаріи, три Восточныя имперіи рѣшили, что слѣдуетъ сдѣлать что-нибудь къ предотвращенію общаго пожара. Результатомъ ихъ обсужденій былъ Берлинскій меморандумъ, которымъ послѣ опредѣленія минимума нужныхъ реформъ для умиротворенія Балканъ, ясно подразумѣвались дальнѣйшія мѣры, которыя нужно будетъ принять, если Порта не успѣетъ привести свои дѣла въ порядокъ. Общественное мнѣніе въ Англіи отнеслось нѣсколько подозрительно къ союзу трехъ императоровъ въ Рейхштатѣ, они обязались дѣйствовать совмѣстно въ Восточномъ вопросѣ. Лордъ Дерби пришелъ въ ужасъ при намекѣ на возможное вмѣшательство на востокѣ. Дизрасли былъ въ восторгѣ изобразить друга Турціи, вслѣдствіе чего 22-го мая его правительство объявило, что оно не можетъ оказать содѣйствія въ Берлинскомъ меморандумѣ. Черезъ два дня англійскій флотъ былъ отправленъ въ Бискайскую бухту. Британское правительство не только нарушило европейскій концертъ, единственное средство, которымъ могъ быть рѣшенъ турецкій вопросъ безъ войны, но придалъ знаменательное значеніе своему поступку, приказавъ Средиземному флоту стать вблизи Константинополя. Черезъ два дня послѣ того, какъ приказъ этотъ былъ данъ адмиралу, командующему броненосцами, Абдуль-Азисъ былъ низложенъ (30-го мая) своими министрами за отказъ содѣйствовать собственными средствами казнѣ, опустошенной расходами на военныя операціи на Балканахъ. Мурадъ 5-й былъ провозглашенъ его замѣстителемъ.

4-го іюня нашли низложеннаго монарха мертвымъ въ его темницѣ-дворцѣ. Горло у него было перерѣзано ножницами, но кѣмъ, неизвѣстно, по официальнымъ свѣдѣніямъ это было самоубійство.

Первыя извѣстія о мѣрахъ, употребляемыхъ турками для усмиренія Болгаріи, достигли Англіи въ депешѣ Эдвина Перзъ (M-e Edwin

Pears) изъ Константинополя, напечатанной въ Daily News. Съ этого времени и до сентября, когда официальный рапортъ г-на Беринга подтвердилъ худшіе рассказы о дикости и поголовной рѣзни, извѣстія продолжали приходить, тревожа вниманіе и смущая совѣсть запада. Г-нъ Дизраели пренебрегъ всѣмъ, смѣялся надъ газетными извѣстіями и шутилъ надъ жестокостями, которымъ суждено было парализовать его политику и расчлениить Оттоманскую Имперію.

Черезъ день послѣ того, какъ Дизраели выкинулъ веселую шутку о „самомъ быстромъ способѣ“ рѣзни, примѣняемомъ турками, нѣкто Іосифъ Чемберленъ (Joseph Chamberlain), прежде извѣстный подъ именемъ республиканскаго мэра изъ Бирмингэма, возвратился въ нижнюю палату, какъ депутатъ столицы Midland, событіе не безъ вліянія на будущую судьбу Дизраели и его турецкую политику. Еще черезъ день, іюня 29-го, князь Миланъ Сербскій и князь Черногорскій объявили войну Турціи.

Въ сербскомъ указѣ говорилось: съ возникновенія мятежа въ Босніи и Герцоговинѣ, положеніе Сербіи стало невыносимымъ. Не обращая вниманія на наше положеніе, Порта продолжала посылать войска, которыми окружили нашу страну, какъ желѣзнымъ кольцомъ. Она присылала дикія шайки баши-бузуковъ, черкесовъ, арнаутовъ и курдовъ, чтобъ разорить нашу землю. Оставаться далѣе въ бездѣйствіи было бы слабостью“.

Общественное мнѣніе на западѣ Европы было, что Сербія и Черногорія были выставлены русскимъ правительствомъ, какъ маріонетки, что, какъ полагали, было внушено графомъ Игнатьевымъ, тогдашнимъ посломъ въ Константинополь. Въ дѣйствительности же русское правительство не желало войны и не готовилось къ ней, а генераль Игнатьевъ былъ далекъ отъ побужденій къ войнѣ; онъ сильно возставалъ противъ поднятія Восточнаго вопроса, говоря, что это будетъ на пользу Германіи и во вредъ Россіи ¹⁾.

¹⁾ Когда я былъ въ Петербургѣ въ 1888 г., генераль Игнатьевъ сказалъ мнѣ, что онъ былъ противъ Восточной войны. Война, какъ онъ говорилъ покойному Императору, это народное бѣдствіе, приносящее каждому вредъ, и, по его мнѣнію, главная задача дипломатіи не допускать, чтобы международные вопросы достигали такой запутанности, которая требуетъ меча для ея разрѣшенія. Онъ, въ особенности, былъ противъ наступавшей войны между Россіей и Турціей. При первой вспышкѣ востанія въ Герцоговинѣ, онъ писалъ князю Горчакову, что она ему, кажется, началомъ игры кн. Горчакова на Балканскомъ полуостровѣ. Главная цѣль этой игры была отбросить Австрію на востокъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ установленіе *modus vivendi* между Петербургомъ и Вѣной, что допустило бы

Великіе результаты мира и войны рѣдко рѣшаются телеграммами канцелярій. Но князь Бисмаркъ былъ тонкій астрологъ, и то, что онъ предвкусалъ, сбылось именно такъ, какъ онъ предвидѣлъ.

Первое столкновение между сербскими и турецкими войсками произошло при Сіеницѣ близъ Ново-Базара, гдѣ сербы были побѣждены съ потерей полуторы тысячи солдатъ, 6-го іюля. 18-го того же мѣсяца турки снова одержали побѣду, при которой сербы потеряли 2.000 человекъ. Но одинъ изъ павшихъ въ этотъ день въ сраженіи при Зайчарѣ произвелъ своею смертью на ходъ исторіи Восточной Европы болѣе вліянія, чѣмъ вся политика канцлеровъ, депеши дипломатовъ или рѣчи государственныхъ людей. Въ этотъ день братъ Ольги Алексѣевны, Николай Кирѣевъ, первый изъ русскихъ волонтеровъ былъ убитъ во главѣ своей сербско-болгарской бригады. Повѣствованіе хода событій въ Европѣ приводитъ насъ къ исторіи этого важнаго эпизода въ Балканской драмѣ.

Когда Николай Кирѣевъ рѣшился ѣхать въ Сербію, едва-ли онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что пускается на отчаянное дѣло. Онъ посланъ былъ въ Бѣлградъ русско-славянскимъ комитетомъ съ походнымъ госпиталемъ и медикаментами. Если у него было намѣреніе принять участіе въ войнѣ, онъ объ этомъ не говорилъ. Вѣроятно, онъ не предполагалъ сражаться, но, прибывъ на мѣсто, онъ увидѣлъ, что возставшіе гораздо болѣе нуждаются въ хорошихъ офицерахъ, которые могли бы ими руководить, нежели въ докторахъ и лѣкарствахъ.

Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ покинулъ гвардію въ концѣ 1875 года. Въ Бѣлградѣ онъ былъ свободный человекъ. Турецкія войска производили опустошенія въ сербскихъ селеніяхъ. Безъ офицеровъ сербы были овцы, шедшія на бойню. Кирѣевъ не долго ко-

---

дружелюбное разрѣшеніе Восточнаго вопроса, если бы „больной человекъ“ умеръ. Ему казалось, что князь Бисмаркъ рассчитывалъ на то, что какъ только прольется христіанская кровь на Востокъ, всѣ добрые люди, другими словами, всѣ ярые православные русскіе будутъ настаивать на томъ, чтобъ выручать своихъ единовѣрцевъ, не принимая во вниманіе ни русскихъ финансовъ, ни состязанія русской арміи, ни трудности интернаціональнаго положенія. Однимъ словомъ, кровопролитіе дастъ волю одной изъ неукротимыхъ силъ Европы и броситъ ее противъ турокъ такимъ способомъ, чтобъ ослабить Россію и дать случай Австріи для захвата территорій, которая въ дѣйствительности преградитъ путь ко всякому сближенію между Англіей и Россіей. Это выгодно для Германіи, но не выгодно для Россіи.

Стедь.

(Правда о Россіи, стр. 281).

лебался. Не сообщивъ ни слова семьѣ, онъ сталъ волонтеромъ сербской арміи. Подъ именемъ Хаджи Гирей онъ сразу получилъ командованіе бригадой, съ которой двинулся впередъ.

Нѣсколько дней появлялись въ телеграммахъ европейскихъ газетъ сообщенія съ театра войны о таинственномъ неизвѣстномъ офицерѣ, который подъ именемъ Хаджи Гирей дѣлалъ чудеса, внушая воинственный духъ войскамъ подъ его командой. Ольга Алексѣевна, бывшая въ то время въ Мариенбадѣ, была очарована извѣстіями о дѣйствіяхъ этого романческаго таинственнаго иностранца, идущаго всегда впереди, и какъ Скобелевъ, всегда одѣтаго въ бѣломъ. Первымъ дѣломъ ея по утру было чтеніе извѣстій изъ Балканъ. Однажды въ іюнѣ она была поражена, какъ громомъ, увидавъ во всѣхъ газетахъ лаконическую, но ужасную телеграмму. „Хаджи Гирей убитъ. Это Николай Кирѣевъ“.

Она не вѣрила своимъ глазамъ. Надѣялась, что газеты часто получаютъ и передаютъ невѣрныя извѣстія, но въ теченіе того же дня телеграмма ея брата Александра подтверждала горестный фактъ, о которомъ онъ узналъ лично отъ Государя.

Потомъ была получена депеша отъ князя Милана съ официальнымъ сообщеніемъ о смерти Николая Кирѣева.

„Я считаю своей священной обязанностью выразить Вамъ мое глубокое сочувствіе при извѣстіи о смерти Вашего доблестнаго и рыцарскаго брата Николая Алексѣевича, павшаго на полѣ сраженія за вѣру и правду. Я горько оплакиваю эту потерю въ единодушій съ его семьей и друзьями. Недавно познакомившись съ нимъ, я имѣлъ сильное къ нему расположеніе. Да пошлетъ ему Всевышній вѣчный покой. Мы всѣ молимся о душѣ храбраго русскаго воина, отдавшаго свою жизнь сербамъ. Эта смерть будетъ вѣчнымъ звеномъ съ нашими сѣверными братьями. Князь Сербіи“.

Генераль Кирѣевъ немедленно прибылъ въ Мариенбадъ, и братъ съ сестрой отправились прямо къ матери, которая жила въ маленькомъ итальянскомъ мѣстечкѣ возлѣ Лукки и ничего не знала о страшной потерѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9-го августа 1876 г. изъ Villa Galdussi, Лусса, Александръ Алексѣевичъ Кирѣевъ сообщилъ извѣстіе о смерти своего брата священнику, отцу Ф. Мейрикъ.

„Вы, можетъ быть, знаете изъ газетъ, что я лишился брата моего Николая, павшаго въ сраженіи при Зайчарѣ. Онъ палъ, какъ христіанинъ, какъ дворянинъ, защищающій свою вѣру и своихъ братьевъ. Какъ видите, мы, русскіе отсталые люди, и даже въ это эгоистическое время, мы сочувствуемъ Годфриду Бульонскому и королю Англіи Львиное Сердце; но я знаю, что Вамъ понятны вы-

сокія чувства, заставляющія человека оставить все—семью, домъ—дѣла и броситься въ мрачный водоворотъ съ тѣмъ, чтобъ служить идеѣ, вѣрованью. Мнѣ жаль тѣхъ, кто не въ состояніи этого сдѣлать“.

Слѣдующія подробности о смерти Николая Кирѣева взяты изъ книги капитана Сользберри. „Два мѣсяца съ Черняевымъ“, одного изъ немногихъ англичанъ, сражавшихся въ то время за свободу. Капитанъ Сользберри говоритъ:

„На разстояніи семидесяти или болѣе миль къ сѣверо-востоку отъ Делиграда, на рѣкѣ Тимокъ находится городъ Зайчаръ. На этомъ мѣстѣ, во время сербской атаки 18-го іюля, храбрый Николай Кирѣевъ встрѣтилъ славную смерть. Николай Кирѣевъ былъ благороднаго происхожденія и былъ въ юности камеръ-пажемъ Ея Величества русской Императрицы. Когда возникла сербская война, онъ былъ назначенъ однимъ изъ славянскихъ комитетовъ начальникомъ санитарнаго отряда, но душа его жаждала болѣе дѣятельной службы, чѣмъ дѣло съ докторами, и онъ принялъ командованіе бригадой, состоящей изъ пяти баталіоновъ пѣхоты и небольшого числа кавалеріи и артиллеріи. Эту бригаду онъ повелъ противъ турокъ въ тотъ день, который оказался роковымъ для него и неудачнымъ для сербовъ. Едва бригада прошла небольшое пространство, какъ Кирѣевъ былъ слегка раненъ пулей въ лѣвую руку. Онъ не обратилъ на это вниманія, но сейчасъ вторая пуля попала ему въ шею, на нее онъ тоже не обратилъ вниманія и продолжалъ идти впередъ, ободряя солдатъ слѣдовать за нимъ, когда третья пуля пробила правую его руку, что заставило его выронить саблю, но голосъ его „впередъ“ все звучалъ, пока четвертая пуля не попала въ легкія, и онъ упалъ съ сѣдла. Съ огромнымъ усиленіемъ задыхающимся голосомъ онъ еще вскрикнулъ: *en avant, en avant!* Два солдата понесли его, по его желанію впереди колонны. Но дикая погоня за его жизнью продолжалась, пятая пуля пробила на вылетъ грудь славнаго героя, перестало биться благороднѣйшее сердце. Смерть вождя привела въ безнадежное смятеніе солдатъ: они остановились на минуту, повернулись и бѣжали, но къ чести двухъ милиціонеровъ, несшихъ тѣло своего командира, они не оставили своей ноши, но пытались ее унести. Турки рѣшили этого не допустить, они осыпали градомъ пуль двухъ несчастныхъ людей, такъ храбро старавшихся исполнить дѣло милосердія. Оба пали мертвыми, и я очень жалѣю, что не знаю именъ этихъ храбрыхъ сербовъ. Они достойны стать въ ряды такихъ героевъ безсмертной славы, какъ Нельсонъ, который умеръ за Англію, за домашній очагъ и за долгъ. Турки захватили тѣло Кирѣева и послали его

въ Виддинъ, гдѣ его изувѣчили и выставили на показъ, а на просьбу друзей павшаго героя о разрѣшеніи перевезти его останки въ Россію, Османъ-паша, къ вѣчному своему позору, наотрѣзъ отказалъ“.

Когда извѣстіе о геройской смерти Кирѣева распространилось по Россіи, произошло сильное возбужденіе. Къ чести офицеровъ и простыхъ людей, многіе примкнули къ знамени Черняева.

Фрудъ въ своемъ предисловіи къ *Russia and England* говоритъ: „тѣми, кто въ состояніи оцѣнить благородные и великодушные порывы, Кирѣевы будутъ признаны принадлежащими къ особой расѣ смертныхъ, которая составляетъ покидающую надежду человечества, которая быть можетъ нѣсколько страдаетъ Донъ-Кихотствомъ, но которой исторія воздастъ должное, увѣковѣчивъ память о нихъ. Исторію Николая Кирѣева, похожую на легенду о какомъ-нибудь мистическомъ римскомъ патриотѣ, или о средневѣковомъ крестоносцѣ, читатель найдетъ въ изложеніи Кинглека“.

Вотъ повѣствованіе Кинглека, появившееся въ предисловіи къ шестому изданію его исторіи Крымской войны.

„Есть много сходства между исторіей 1853 г. и тѣмъ, что мы видимъ теперь. Одной изъ главныхъ причинъ, содѣйствующихъ этому повторенію, нужно считать рыцарскій духъ сѣверныхъ жителей. Русскіе—сердечный, восторженный народъ, съ нѣкоторой долей поэзіи, происходящей можетъ быть изъ воспоминаній о рабствѣ стараго времени—татарскаго ига. Schelley говоритъ:

Самые несчастные люди
Дѣлаются поэтами отъ неправды,
Они учатся у горя тому, что передаютъ въ пѣснѣ.

Имѣя въ своемъ быту мало, чему могли бы позавидовать другіе, русскіе крестьяне любятъ думать, что есть люди, гораздо болѣе обиженные судьбой, чѣмъ они, которыхъ они должны жалѣть, и которымъ нужно помогать. Любятъ думать, что рекрутъ, оторванный отъ своей семьи, идетъ освобождать своихъ собратьевъ по православію отъ магометанскихъ тирановъ и, замѣчательно склонные къ чувству братолюбія, они могутъ быть честно, безъ мѣры, пылки въ пользу идеала, требующаго ихъ сочувствія. Такой искренній взрывъ ведущаго къ ссорѣ и войнѣ между державами часто не желателенъ въ предѣлахъ правительственныхъ учрежденій, но онъ даетъ новую силу, которой политика можетъ въ послѣдствіи руководить и употребить на пользу. Книга Кинглека доказываетъ, какъ въ наши торговые времена возникла война изъ-за благороднаго, поэтическаго побужденія. Когда Сербія напала на владѣнія своего сюзерена, это такъ дѣйствовало на общественное мнѣніе Россіи, что Государь былъ тронутъ и разрѣшилъ

нѣкоторымъ своимъ подданнымъ принять участіе въ мятежѣ противъ правительства страны, съ которой онъ имѣлъ добрыя отношенія. Эта вооруженная эмиграція была вначалѣ не многочисленна, и дѣло сербовъ было въ опасности быть вскорѣ проиграннымъ, когда случай сталъ проявлять свою странную силу надъ теченіемъ обстоятельствъ.

Николай Кирѣевъ былъ дворянинъ и по природѣ энтузіастъ, привыкшій къ мысли о самопожертвованіи. При возникновеніи возмущенія кн. Милана, онъ отправился въ Сербію съ цѣлью завѣдыванія Краснымъ Крестомъ и уже началъ свою человѣколюбивую дѣятельность, какъ вдругъ онъ былъ приглашенъ генераломъ Черняевымъ принять команду надъ тѣмъ, что мы бы могли назвать бригадой около 5.000 пѣхоты, состоящей изъ волонтеровъ и милиціи, съ 5-ю пушками. Вскорѣ ему не только пришлось вести свою бригаду въ дѣйствіе, но даже предпринять съ нею атаку близъ Раковицы. Кирѣевъ прекрасно понималъ, что иррегулярное войско, ввѣренное его начальству, было далеко не того свойства, чтобы имъ командовать во время битвы, лишь глядя на поле сраженія въ подзорную трубу, и давая распоряженія адъютанту. Онъ рѣшился вести своихъ людей простымъ и первобытнымъ способомъ, самъ идя впереди ихъ. Онъ былъ высокаго роста, необыкновенно красивъ и благодаря или жарѣ или отчаянной смѣлости, онъ былъ всегда въ бѣломъ. Приближаясь съ своимъ войскомъ къ турецкимъ батареямъ, онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, потомъ въ шею, еще выстрѣлъ, и правая его рука выронила саблю; несмотря на всѣ эти раны, онъ продолжалъ съ рѣшимостью идти впередъ, когда четвертая пуля попала въ легкія, и онъ упалъ, это не помѣшало ему съ величайшимъ усиліемъ крикнуть „впередъ“, „впередъ“. Пятый выстрѣлъ проникъ въ сердце героя и погасилъ его доблестный духъ. Его бригада отступила, а тѣло его, напрасно испрашиваемое г. Черняевымъ, осталось въ рукахъ турокъ.

Это голые факты, на которыхъ вскорѣ создались громадныя версіи. Быть можетъ, великолѣпный ростъ и фигура молодого офицера, видъ крови, ярко замѣтный на его бѣломъ мундирѣ, придали что-то внѣшнее, чарующее чувству тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ его личной храбрости. Но что бы то ни было, результатъ былъ таковъ, что рассказы о немъ, рассказы, дѣлающіеся изо дня въ день болѣе чудесными, быстро перелетали изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и менѣе чѣмъ черезъ недѣлю тлѣющей огонь русскаго пыла обратился въ опасное пламя. Въ безчисленныхъ русскихъ храмахъ, маленькихъ и большихъ, священники служили панихиды по душѣ молодого героя, выставляя на видъ славу уме-

реть за единовѣрныхъ братьевъ, и получали воинственный отвѣтъ тамъ же, въ соборѣ, или церкви, что они тоже пойдутъ туда, гдѣ былъ Кирѣевъ. Многіе изъ нихъ такъ поспѣшили привести въ дѣйствіе свои слова, что волна волонтеровъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи наводнила Бѣлградъ. Чтобъ поддержать разгорѣвшійся энтузіазмъ, принимались соотвѣтствующія мѣры. Простыя фотографіи молодого Кирѣева скоро превратились въ большіе портреты, и сказочное переплеталось съ правдой, создалась въ скоромъ времени одна изъ тѣхъ трогательныхъ легендъ полувоинственная, полусувѣрная, которая возвеличила своего героя въ гиганта, изображая его валящимъ гекатомбы убитыхъ турокъ ¹⁾.

Кинглекъ“.

Мина энтузіазма, на которую упала эта искра, была во многихъ отношеніяхъ та же, которую мы видѣли зажигающую воинственный духъ 1853 г., но къ энтузіазму церкви по поводу ея православныхъ братьевъ, къ жаждѣ побѣдъ сѣверной страны въ солнечныхъ странахъ, къ религіозному пылу, который не терялъ изъ виду обѣдни въ св. Софіи, быть можетъ, видѣлись драгоцѣнные ключи къ проливамъ, прибавлялся гнѣвъ, при мысли о Болгаріи, гнѣвъ о турецкихъ звѣрствахъ, который Россія раздѣляла съ англійскимъ народомъ.

Сдѣлавъ попытку укротить увлеченіе своего народа тѣмъ, чтобы дать отпускъ желающимъ ѣхать въ Сербію волонтерами, Государь вскорѣ узналъ, что люди, которыхъ онъ допустилъ вмѣшаться въ возстаніе противъ султана, пользовались такимъ сочувствіемъ своихъ соотечественниковъ, что онъ не только не могъ отказаться отъ нихъ, но былъ поставленъ въ странное положеніе охранять ихъ, какъ собственную армію.

Я старался ясно показать, что порывъ, возбужденный въ русскомъ народѣ, былъ большею частью искренній и честный, но мы уже знаемъ, что это стремленіе, хотя выраженное вначалѣ личными добровольными подвигами, какъ только получило пораженіе, радо было обратиться за помощью къ правительству въ Петербургѣ.

Въ отвѣтъ на это воззваніе, густыя полчища собираются на границѣ турецкихъ владѣній. Въ настоящее время было бы опромет-

¹⁾ Даровитые корреспонденты нашихъ англійскихъ газетъ, находившіеся въ Сербіи, позаботились описать подвигъ и смерть Кирѣева болѣе или менѣе подробно, и ихъ свѣдѣнія совпадаютъ съ хорошо провѣренными отчетами, на которыхъ я основываю вышеприведенный рассказъ, но только изъ глубины Россіи можно было узнать о впечатлѣніи, произведенномъ тамъ.

Кинглекъ.

чиво увѣрять, что каково бы ни было вначалѣ ея безкорыстіе, страна, дѣлающая такія большія напряженія силъ, не можетъ остаться до конца безкорыстной. Молодой Кирѣевъ могъ умереть за воображаемую, едва оформленную идею, но въ лагерь изъ 200.000 человекъ и въ Кабинетѣ, собравшемъ его, были конечно болѣе реальныя цѣли“.

Дань, которую Кинглекъ воздалъ въ своей книгѣ памяти молодого Кирѣева, была омрачена антирусскими чувствами.

Вотъ что пишетъ объ этомъ г-жа Новикова въ своихъ Souvenirs.

Однажды Кинглекъ навѣстилъ меня очень рано, около 10 час. утра, и сказалъ мнѣ, что онъ думалъ о моемъ братѣ и, если я согласна, былъ бы радъ упомянуть о немъ въ предисловіи къ его популярному изданію Крымской войны. Я поблагодарила его и дала ему всѣ англійскія, американскія и французскія статьи, а также официальные телеграммы, касающіяся нашего семейнаго несчастія, какія у меня были.

Дни, недѣли, мѣсяцы прошли. Приближалось время моего отъѣзда изъ Англіи, и я думала, что Кинглекъ отказался отъ мысли написать обѣщанное предисловіе. Такъ какъ онъ описывалъ войну, принадлежащую къ другой эпохѣ, я понимала, что трудно упоминать о событіяхъ, случившихся двадцать лѣтъ спустя. Я никогда не касалась этого предмета. Наканунѣ моего выѣзда въ Россію, Кинглекъ пріѣхалъ и сказалъ: я очень долго писалъ это, но Вы знаете, какой я медленный. Вотъ, однако, рукопись, и я ее долженъ сейчасъ отослать, такъ какъ издатель горько жалуется на мою неаккуратность въ обѣщанной работѣ. Я схватила предисловіе и прочла его. Все, что касалось моего брата, было исполнено доброты, воспроизведены были всѣ подробности, описанныя корреспондентами; нѣкоторые изъ нихъ слышали тутъ же о его смерти. Но то, что онъ говорилъ о Россіи, о нашей церкви, о нашемъ императорѣ, показалось мнѣ такъ несправедливо, такъ неосновательно и оскорбительно, что я была внѣ себя отъ негодоваанія.

„Я сидѣла у камина, Кинглекъ смотрѣлъ на свою рукопись. Я встала.— Что Вы сдѣлали, воскликнула я, можете ли Вы на минуту предположить, что я позволю, чтобъ имя моего брата появилось въ пасквилѣ на Россію? Это не что иное, какъ пасквиль, пасквиль повторяю я, и какое бы ни было послѣдствіе моего поступка, если половина этого ужаснаго предисловія не будетъ вычеркнута немедленно, я бросаю Вашу рукопись въ огонь; какъ могли Вы написать такую вещь? какъ могли Вы отвергнуть мою дружбу на всегда такимъ поступкомъ?—Милый, добрый Кинглекъ слушалъ, ни слова не

сказалъ, но подалъ мнѣ красный карандашъ.—Не сердитесь, Вы можете быть правы.—Я вычеркнула почти три четверти его предисловія. Такъ искалѣченное мною, оно красуется теперь въ популярномъ изданіи Крымской войны“.

Однако и послѣ краснаго карандаша Ольги Алексѣевны, Лекки, прочитавъ предисловіе, замѣчаетъ: „Не думаю, чтобъ Кинглекъ пыталъ къ Россіи чувства восторга“.

Предисловіе заключало тѣмъ не менѣе значительное повѣствованіе о войнѣ, имѣвшее немало вліянія на умы въ то время, когда мнѣнія были измѣнчивы. Кинглекъ его написалъ, но внушала его Ольга Алексѣевна.

Самъ Кинглекъ пишетъ 31 января 1877 г. въ Петербургъ:

„Я еще не получилъ копіи моего второго тома, но посылаю Вамъ оттискъ продолженія предисловія, изъ котораго Вы увидите, что часть, приведшая Васъ въ ужасъ, уничтожена, и что въ этомъ предисловіи нѣтъ ничего, что могло бы не понравиться русскимъ; я, по крайней мѣрѣ, такъ надѣюсь. Я особенно желалъ, чтобъ въ эту минуту, когда можно надѣяться, что волненія успокаиваются, одно отеческое чувство исходило бы изъ моего скромнаго пера“.

Получивъ копію предисловія, г. Лекки пишетъ 4-го января 1877 г.:

„Благодарю Васъ за предисловіе, оно ясно доказываетъ, что Кинглекъ не утратилъ своего прежняго умѣнья. Искренно Васъ поздравляю, такъ какъ это сдѣлаетъ имя Вашего брата общезвѣстнымъ въ каждой англійской хижинѣ, и на долго будетъ жива память о немъ“.

Гейвордтъ писалъ: Дань Вашему брату вполне заслужена и весьма изящно воздана.

Кинглекъ писалъ отъ полноты сердца. Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ, онъ говоритъ:

24 іюля 1876 г.

„Я только-что получилъ Вашу записку, дорогой мой другъ, и хотя я вполне сознаю, какъ тщетны должны быть слова при Вашемъ горѣ, я чувствую, что молчаніе даже хуже соболѣзнованія. Поэтому я не могу не пожелать, мой дорогой другъ, чтобъ по приѣздѣ Вашемъ въ Миланъ, среди Вашей печали, Вы нашли бы эти бѣдныя безплодныя слова сочувствія отъ того, къ кому Вы были такъ добры, отъ того, кто такъ искренно Васъ цѣнитъ.“

„Какая тяжелая обязанность легла на Васъ и на Вашего брата сообщить Вашей матери жестокую вѣсть. Что бы ни случилось, вѣрьте, мой дорогой другъ, въ сердечное сочувствіе.“

Вашего К.“

Въ августѣ онъ пишетъ опять:

„Сію минуту получилъ Ваше второе письмо, мой дорогой другъ, а отвѣтъ мой на первое Вы, вѣроятно, получите одновременно съ этимъ. Изъ перваго Вашего письма я заключаю, что едва-ли могла быть какая-нибудь надежда. Предположивъ неизбежность этого удара для Васъ, не лучше ли, чтобъ онъ умеръ, совершая великій подвигъ, чѣмъ отъ болѣзни? Въ самомъ дѣлѣ, получивъ Ваше первое письмо, я жаждалъ, ради Васъ, услышать, что онъ умеръ на полѣ битвы. Подумайте, подумайте, при всей Вашей горести, какъ искренно многіе изъ насъ могутъ позавидовать его судьбѣ. Я даже смѣю надѣяться, что Ваша мать, какъ бы ни была она поражена страшной вѣстью, минутами будетъ чувствовать гордость при мысли, что смерть ея возлюбленнаго сына не была вульгарной смертью на одрѣ болѣзни, какая ждетъ большинство насъ.

„Надѣюсь, что Вы получите желаемую Вами статью. Какъ я сочувствую Вамъ, обреченной сообщить Вашей матери объ этой тяжелой утратѣ. Если послѣ этого Вамъ будетъ не слишкомъ тяжело брать въ руки перо, напишите мнѣ, пожалуйста, изъ Милана и вѣрьте, дорогой, дорогой мой другъ, моей преданности.

Кинглекъ“.

24 августа 1876 г.

„Случилось такъ, мой дорогой другъ, что въ то время, какъ я писалъ это письмо и уже написалъ три страницы, мнѣ принесли Ваше отъ 23-го.

„Ясно, что поведеніе и поступки Вашего дорогого брата должны были быть благородны, возвышены и самопожертвованы, и Вы имѣете полное право имъ гордиться. Объяснить, почему Вашъ братъ избралъ себѣ мѣсто впереди войска, слѣдуетъ тѣмъ, что иррегулярное войско необходимо было вести, а не только командовать имъ. Вашъ братъ поэтому сталъ храбро впереди солдатъ, чтобъ заставить ихъ слѣдовать за нимъ.

„Прилагаю письмо, опубликованное лордомъ Русселемъ на имя лорда Гранвиль. Какъ Вы знаете, возрастъ лорда Русселя слишкомъ преклоненъ, чтобъ допустить, что онъ имѣетъ вѣсь, но онъ всегда обладалъ способностью возбуждать народное чувство, и Вы не можете сказать, чтобъ его программа лишена была широты и смѣлости.

Вѣрьте моей преданности

Кинглекъ“.

*

Не менѣе сочувствія высказалъ сэръ Дональдъ Макензи Уалласъ, въ то время занятый провѣркой оттисковъ своей книги о Россіи, въ предисловіи къ которой онъ признаетъ: „Мою благодарность г-жѣ Новиковой, рожденной Кирѣевой, за ея помощь въ моихъ усиліяхъ достигнуть лучшихъ, живыхъ источниковъ освѣдомленности“.

Онъ писалъ: „Зная любовь Вашу къ Вашимъ братьямъ, я не могу не сочувствовать глубоко только-что понесенной Вами невозвратимой утратѣ. Я слышалъ уже печальную вѣсть прежде, чѣмъ получить сегодня утромъ Ваше письмо. Въ субботнихъ газетахъ появилась слѣдующая замѣтка, между телеграммами:

„Русскій, Николай Кирѣевъ убитъ въ сраженіи. Этотъ офицеръ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ В. К. Владиміромъ Александровичемъ, былъ причиною слуха, что русскій Великій Князь въ Сербіи.“

„Я не сомнѣвался въ томъ, что замѣтка относилась къ Николаю, но такъ какъ я не зналъ, что онъ въ Сербіи, я надѣялся на могущую произойти ошибку. Въ субботу вечеромъ первыя мои опасенія оправдались. Я поѣхалъ въ Кнебвортъ (Кнеbworth) провести съ Грантъ-Деффъ (Grand-Duff) дня два и встрѣтилъ тамъ Клячко, автора „Les deux chancelliers“. Онъ подтвердилъ мнѣ, что это фактъ несомнѣнный.“

„Въ такихъ потеряхъ время одно можетъ исцѣлить рану; мнѣ, все же, кажется, что Васъ должна бы нѣсколько утѣшить мысль о томъ, какой благородный великодушный порывъ побудилъ его пожертвовать своею жизнью, умереть за высокую идею. Излишне говорить, какъ глубоко я сочувствую Вамъ, но слова, въ особенности писанныя, плохіе утѣшители.“

„Такъ какъ Вы переносили съ геройствомъ другія несчастья, я не сомнѣваюсь въ томъ, что и это большое горе Вы перенесете съ твердостью и покорностью.“

„Мнѣ многое нужно сказать Вамъ о себѣ, но не буду беспокоить Васъ своими дѣлами въ настоящее время. Могу теперь Вамъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей потерѣ и остаться всегда Вашъ

Д. М. Уалласъ“.

Капитанъ Сользберри писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

„Никогда человѣкъ храбрѣе Вашего брата не владѣлъ саблей.“

„Д-ръ Овербекъ, знавшій Николая Алексѣевича въ Петербургѣ, писалъ о немъ въ *Orthodox Catholic Review*, какъ о блестящемъ образцѣ христіанскаго воина. Его геройская смерть была законный вѣнецъ геройской жизни, жизни самопожертвованія за страждущихъ.“

братъевъ. Николай Кирѣевъ былъ прямодушный, ревностный православный, онъ не только вѣровалъ, но и дѣйствовалъ сообразно или соотвѣтственно. Если когда-нибудь христіанство было примѣняемо въ жизни человѣка, мы этотъ примѣръ видимъ на немъ. Никогда бѣднякъ не обращался къ нему тщетно. Послѣдніе свои рубли онъ дѣлилъ съ двумя болгарами“. Въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ д-ръ Овербекъ говоритъ:

„Дорогой мой другъ. Такъ какъ я не читаю англійскихъ газетъ, я совершенно случайно услышалъ о Вашей горестной потерѣ. Сердце у меня сжалось, когда я узналъ о ней и въ памяти моей предсталъ его здоровый, мужественный образъ и добрый характеръ, какимъ я его видѣлъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ дослославно, нѣтъ сомнѣнія, но къ чему всѣ утѣшенія метафизики, когда суровая дѣйствительность вѣчной разлуки Вамъ ежеминутно напоминаетъ о невозвратимой потери. Если Іисусъ плакалъ надъ другомъ своимъ Лазаремъ, то Вы имѣете полное основаніе оплакивать Вашего дорогого брата, и слезы будутъ Вамъ сладкимъ утѣшеніемъ. Примите же отъ всѣхъ насъ самыя искреннія, самыя сердечныя соболѣзнованія.

„Одобрили бы Вы, если бы я перевелъ рассказъ о Вашемъ братѣ изъ „Русскаго Міра“? Какой поразительный героизмъ. Съ искреннимъ нашимъ общимъ чувствомъ любви и сочувствія Вашъ всегда
Овербекъ“.

Отецъ Мейрикъ въ письмѣ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ о ея братѣ выразилъ общія чувства духовенства Англиканской церкви (High Church) къ восточной войнѣ.

2-е сентября 1878 г.

„Дорогая M-me Novikoff. Очень благодарю Васъ за сообщеніе о Вашемъ братѣ; оно глубоко, необыкновенно интересно. Я чувствую, какъ будто я тоже потерялъ брата, брата по вѣрѣ я дѣйствительно въ немъ лишился. Мнѣ кажется, что война христіанъ противъ турокъ самая благородная, для которой только можетъ человѣкъ поднять оружіе, и онъ умеръ благородно. Онъ видѣлъ слезы угнетенныхъ и некому было ихъ утѣшить, власть была на сторонѣ притѣснителей, и некому было ихъ защитить. Онъ сталъ ихъ защитникомъ и своею смертию онъ далъ имъ, быть можетъ, больше, чѣмъ могъ сдѣлать жизнью. Я высоко чту этихъ храбрыхъ, великодушныхъ русскихъ волонтеровъ, которые толпой отправились въ Сербію, и стыдился бы называться англичаниномъ, если бы не зналъ, какой горячій духъ негодованія пробудился въ нихъ. Никакія ненавистныя дипломатическія традиціи не въ состояніи его поту-

монастыря, въ пяти верстахъ разстоянія и вблизи проѣзжей дороги есть село, оно новое, такъ какъ заселилось недавно, — оно еще не имѣетъ названія, поселяне просили меня посѣтить ихъ село и окрестить его именемъ покойнаго Кирѣева. Сдѣлаемъ маленькій крюкъ, чтобъ исполнить ихъ просьбу, это немного отниметъ времени, и жители будутъ очень благодарны.

„Безыменная деревня расположена подъ самой горой Ершка-Шука, на южной ея сторонѣ Пайтшаръ, пунктъ, изъ котораго въ 1876 г. Тилюкская армія двинулась въ дѣло и откуда Николай Кирѣевъ съ своимъ отрядомъ вступилъ на турецкую землю. Съ ея вершины ясно виднѣется поле Раковицы и обнесенное оградой мѣсто, можно разсмотрѣть невооруженнымъ глазомъ то мѣсто, гдѣ палъ Кирѣевъ.

„Мысль назвать село Кирѣево не была новой.

„Мы вышли изъ экипажа и подошли къ столу, поставленному на центральной улицѣ села.

„Митрополитъ служилъ молебенъ, кропилъ всѣхъ святой водой и провозгласилъ многая лѣта селу, которое съ нынѣшняго дня назовется Кирѣево.

„По окончаніи молебна Его Преосвященство обратился съ рѣчью къ поселянамъ.

„Я радъ за Васъ, дѣти мои, такъ какъ Вы теперь свободны. Гдѣ черкесы, гдѣ турки, отъ которыхъ Вы терпѣли такое насиліе и обиду? Митрополитъ обвелъ глазами широкое пространство передъ нимъ, которое въ прежнее время бывало наполнено черкесскими грабителями. Отъ черкесскихъ и татарскихъ поселковъ нѣтъ и слѣда. Турки, паши и софты Васъ больше не будутъ тревожить... Я радуюсь за Васъ. Но не забывайте, кому Вы обязаны этой свободой. Россія Вамъ дала свободу. (Тутъ поселяне воскликнули: да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ нашъ избавитель). А какія жертвы принесла Россія, чтобъ Васъ освободить? Вашъ долгъ передъ Россіей такъ великъ, что Болгарія не въ силахъ заплатить одной тысячной доли его за свободу, которой Вы пользуетесь. Опять восклицанія толпы: да здравствуетъ Россія. Я не о деньгахъ говорю. Подумайте, какъ много матерей и отцовъ этой великой страны оплакиваютъ потерю сыновей своихъ, подумайте о вдовахъ, лишившихся мужей, о бездомныхъ сиротахъ, оплакивающихъ своихъ отцовъ, о сестрахъ, потерявшихъ братьевъ. И здѣсь, сегодня, среди насъ, есть одинъ (здѣсь преосвященный Анѣимъ обратился въ сторону генерала Кирѣева), оплакивающий брата своего, который палъ на полѣ битвы въ Вашей странѣ, за освобожденіе ея народа. Какъ

мы можемъ утѣшить неутѣшенныхъ, потерявшихъ своихъ близкихъ, дорогихъ, чтобъ дать намъ свободу“.

„Тѣмъ, что Вы назвали Ваше село именемъ павшаго героя Кирѣва, Вы дали доказательство его роднымъ, что мы не забываемъ, что мы не можемъ забыть тѣхъ, кто проливалъ кровь свою за наше освобожденіе. Никогда не забываете Россію. Митрополитъ поднялъ руку, чтобы придать болѣе энтузіазма этимъ словамъ, помните Россію, которой Вы обязаны своимъ избавленіемъ, безъ Россіи мы были, какъ рыба безъ воды. Да здравствуетъ славная Россія, наша освободительница, отвѣчала толпа.

„Нѣтъ словъ, чтобы выразить впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью на толпу. Я не стану описывать наивныя оваціи крестьянъ своему гостю, генералу Кирѣву.

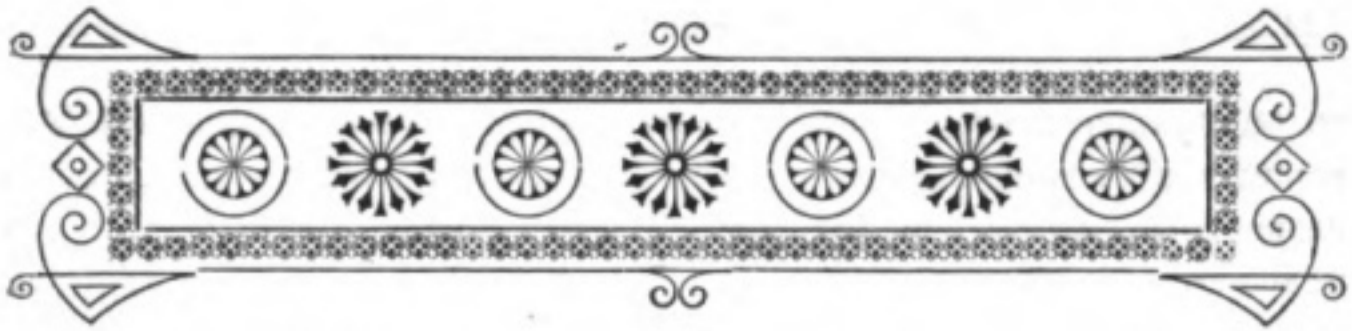
„Въ краткой исторіи села, названнаго Кирѣво, день этотъ составитъ эпоху. Изъ рода въ родъ, вѣроятно, будутъ передаваться рассказы о немъ, пока существовать будетъ село Кирѣво“¹⁾.

Сообщено Е. С. М.

---

¹⁾ Сербы тоже хранятъ благодарную память о Николаѣ Алексѣевичѣ Кирѣвѣ. Когда Ольга Алексѣевна съ г-мъ Міатовичемъ, бывшимъ сербскимъ министромъ, посѣтила Балканскую выставку въ Earl's Court въ 1906 г., экспонентамъ сказано было, что она сестра Кирѣва. Они осыпали ее изъявленіями благодарности.

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ.

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

II¹⁾.

Директорія, отозвавъ Пишегрю отъ начальства надъ рейнскою арміею, подозрѣвала его; но, не имѣя достаточныхъ доказательствъ, чтобы явно обличить его въ преступныхъ дѣйствіяхъ, должна была скрывать свои подозрѣнія. Конечно, Пишегрю еще болѣе сблизился съ недовольными республиканскимъ правленіемъ и, несмотря на то, что лишился такого могущественнаго орудія для дѣйствія, какъ преданная ему армія, не оставилъ своихъ замысловъ. Онъ вышелъ въ отставку изъ военной службы, оставилъ Парижъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно продать свое военное имущество, и отправился на свою родину въ Юру. Оттуда онъ продолжалъ тайныя сношенія, черезъ Страсбургъ, какъ съ принцемъ Конде, такъ и съ Виккамомъ, великобританскимъ посланникомъ въ Швейцарію. Хотя его отставка и заподозрила его въ глазахъ Бурбоновъ и англійскаго министерства, однако они продолжали съ нимъ сношенія, рассчитывая на то, что онъ подготовитъ общественное мнѣніе въ пользу реставраціи прежней монархіи внутри Франціи, вмѣстѣ съ другими ихъ агентами даже въ средѣ самихъ правительственныхъ лицъ. Поводомъ къ тому, кромѣ увѣреній самого Пишегрю, послужило и то обстоятельство, что онъ былъ избранъ представителемъ отъ Юры и вошелъ въ совѣтъ *пятисотъ*.

Въ такомъ положеніи онъ, конечно, имѣлъ болѣе возможности подготовить задуманный имъ переворотъ. Что же касается до войскъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

то онъ увѣрялъ Бурбоновъ, что стоитъ только рейнской арміи потерпѣть нѣсколько неудачъ, чтобы она возмутилась противъ своего главнокомандующаго и потребовала возвращенія прежняго. Съ этою цѣлію онъ даже помогаль врагамъ Франціи, осаждавшимъ Кель (1796 г.), доставляя имъ различныя свѣдѣнія о рейнской арміи и военныхъ соображеніяхъ ея главнокомандующаго. Но самъ онъ едва-ли полагался на этотъ расчетъ. Онъ близко зналъ Моро и не надѣялся на его сочувствіе своимъ замысламъ и даже предостерегалъ Бурбоновъ и англичанъ отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Не менѣе ему были извѣстны и военныя качества Моро, котораго трудно было поставить въ такое положеніе, чтобы противники могли нанести ему значительное пораженіе, и которому вполнѣ была предана армія. Онъ рассчитывалъ создать новую военную силу въ лицѣ національной гвардіи, которую думалъ подчинить себѣ и увлечь въ свои виды. Недовольныхъ современнымъ правительствомъ Франціи было очень много, и потому исполненіе подобнаго замысла могло представляться вѣроятнымъ. Но эта вѣроятность и должна была возбудить все вниманіе Директоріи, и такъ уже подозрительно слѣдившей за дѣйствіями Пишегрю, въ то время, когда Людовикъ XVIII собственноручными письмами ввѣрилъ ему „во всей полнотѣ свою власть и свои права и вѣрилъ, что ему предоставлена честь возстановить монархію во Франціи“¹⁾.

Два новыя обстоятельства не только усилили подозрѣнья Директоріи, но окончательно убѣдили ее въ замыслахъ Пишегрю.

Корпусъ принца Конде стоялъ на Рейнѣ и дѣйствовалъ заодно съ австрійцами противъ Франціи; Людовикъ XVIII странствовалъ по Европѣ, перемѣняя мѣстопробываніе, смотря по обстоятельствамъ политическимъ; герцогъ д'Артуа былъ въ Англии, которая снабжала деньгами роялистовъ. Многочисленные эмигранты наполнили всѣ европейскіе дворы и стремились къ возстановленію монархіи; ихъ агенты были разсѣяны по всей Франціи и приготавливали общественное мнѣніе. Республиканское правительство, конечно, смотрѣло на ихъ дѣйствія, какъ на козни и заговоры противъ существовавшаго порядка, а на нихъ—какъ на государственныхъ преступниковъ. Въ началѣ 1797 года былъ открытъ такой заговоръ въ Парижѣ; виновные присуждены къ наказанію, исключая одного, который выдалъ своихъ и сообщилъ Директоріи всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о дѣйствіяхъ роялистовъ. Онъ говорилъ, между прочимъ, что они

¹⁾ Письма Людовика XVIII къ Пишегрю отъ 24 мая и 9 іюня н. ст. 1796 г. Alphonse de Beauchamp, vie de Moreau, Paris 1814, стр. 242—244.

распространяли свои дѣйствія на одну изъ армій республики, но не знали о сношеніяхъ Пишегрю. Хотя онъ не называлъ его по имени, но, конечно, это показаніе усилило въ отношеніи къ нему подозрѣніи Директоріи, подкрѣпляемые его дѣйствіями въ обществѣ и въ совѣтѣ 500, гдѣ онъ проводилъ проектъ устройства національной гвардіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, къ этому обстоятельству присоединилось и другое. Во время хищническаго набѣга на Венецію, положившаго конецъ существованію этой старой республики, Бонапарту попался въ плѣнъ одинъ агентъ роялистовъ, въ бумагахъ котораго была найдена весьма важная по содержанию записка. Въ ней заключался подробный разговоръ этого агента (*comte d'Entraignes*) съ гр. Мангальяромъ, который велъ первые переговоры съ Пишегрю по порученію принца Конде. Этой записки, которую Бонапартъ успѣшилъ доставить Директоріи, было совершенно достаточно для того, чтобы убѣдить послѣднюю въ преступныхъ дѣяніяхъ Пишегрю, но она не могла служить юридическимъ доказательствомъ къ его обвиненію законнымъ порядкомъ. Директорія не могла предать его суду въ виду той силы, съ которою дѣйствовали противъ нея оппозиціонные представители, настаивавшая особенно на утвержденіи закона о національной гвардіи, проводимаго усиліями Пишегрю. Судъ могъ оправдать его и тѣмъ придать еще большее значеніе его вліянію на другихъ. Поэтому Директорія рѣшилась произвести государственный переворотъ 4-го сентября 1797 года (18 fructidor an 7). Значительное число представителей было схвачено вооруженною силою, и на другой же день Пишегрю съ нѣсколькими другими былъ сосланъ въ Гвіану.

Между тѣмъ военныя дѣйствія на Рейнѣ продолжались. Изнуренная труднымъ отступленіемъ, армія Моро не могла защитить неустроенныхъ окончательно укрѣпленій Келя и мостового укрѣпленія при Гуннигѣ. Ему удалось однако же спасти часть оружія и, отразивъ нападенія сильнѣйшаго въ сравненіи съ нимъ непріятели, переправить войска за Рейнъ. Устроивъ свою главную квартиру въ Страсбургѣ, Моро сосредоточилъ все вниманіе на приведеніи въ порядокъ и переустройствѣ рейнской арміи; но Директорія не могла оказать ему достаточнаго пособія, потому что финансы республики находились въ постоянномъ разстройствѣ. Въ этомъ отношеніи арміи рейнская и Самбры и Мёзы были поставлены въ болѣе затруднительное положеніе въ сравненіи съ италіанской. Благодаря огромнымъ контрибуціямъ и безпощадному грабежу, допущенному Бонапартомъ, который не только высказывалъ, какъ правило, что война сама должна себя содержать, но заготовлялъ деньги и для будущихъ предпріятій, зная, что правительство не въ состояніи его снаб-

дять ими, — его войска не только ни въ чемъ не нуждались, но жили роскошно, и слухъ о ихъ благоденствіи волновалъ и другія арміи. Когда Журданъ занялъ Франкфуртъ-на Майнѣ, обложилъ его незначительно контрибуціей и строго запретилъ грабежъ, войска волновались, указывали на италіанскую армію и завидовали ея положенію. Положеніе рейнской арміи было еще хуже. По ходу военныхъ дѣлъ, Моро ни съ кого не могъ взять контрибуціи, а грабежа онъ также не допускалъ.

Преодолевая всѣми способами недостатокъ въ содержаніи войскъ, онъ не только не имѣлъ возможности вполнѣ пополнить потерю въ людяхъ, но безпрекословно согласился удѣлить отъ своихъ войскъ 30-тысячный корпусъ, предназначенный, по соображеніямъ Директоріи о военныхъ дѣйствіяхъ, на будущій годъ для усиленія италіанской арміи. Моро не завидовалъ успѣхамъ Бонапарта и охотно имъ содѣйствовалъ для общихъ видовъ республики. Онъ служилъ имъ; но не думалъ захватить ихъ исключительно въ свои руки, руководить судьбами Франціи и съ этой цѣлью поставить себя въ такое положеніе, чтобы сдѣлаться единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы вывести ее изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась она, угрожаемая постоянно внутренними и внѣшними врагами. Въ дѣла внутренней политики онъ совершенно не вмѣшивался и даже болѣе нежели не вмѣшивался, какъ покажутъ дальнѣйшія событія, между тѣмъ какъ Бонапартъ постоянно совѣтовалъ Директоріи громовымъ ударомъ поразить своихъ противниковъ — и особенно роялистовъ, обѣщалъ ей даже доставить денегъ для этой цѣли и прислалъ для исполненія государственнаго переворота одного изъ своихъ боевыхъ сотрудниковъ, генерала Ожеро, указывая на котораго, одинъ изъ вліятельныхъ членовъ Директоріи, Карно, говорилъ: „какой нахальный разбойникъ“. Италіанская армія, гордившаяся своимъ вождемъ и преданная ему изъ корыстныхъ видовъ, раздѣляла его политическія сочувствіе и ненависть. „Настроеніе рейнской арміи было совершенно иное“, говоритъ знаменитый біографъ Наполеона, „болѣе спокойное, хотя въ ней находилось нѣсколько офицеровъ, помѣщенныхъ генераломъ Пишегрю; вообще въ войскахъ господствовало республиканское направленіе, но не возбужденное, и она менѣе опьянялась успѣхами, нежели италіанская, и была спокойна, дисциплинирована и — бѣдна. Вообще направленіе арміи устанавливается по образцу главнокомандующаго. Направленіе рейнской арміи составилось по образцу Моро“¹⁾. Онъ былъ искренно преданъ свободнымъ началамъ и какъ не сочувствовалъ тиранніи въ

¹⁾ Thiers, „Histoire de la revolution“, т. VIII стр. 10 изд. 1865 г.

бѣлыхъ перчаткахъ старой монархіи, такъ ненавидѣлъ руку, запятнанную кровью многочисленныхъ жертвъ правителей Франціи первыхъ лѣтъ республики. Едва-ли даже онъ считалъ возможными свободныя начала исключительно при республиканскомъ устройствѣ и потому не могъ ненавидѣть даже роялистовъ.

По соображеніямъ Директоріи, всѣ три арміи, Самбры и Мёзы, рейнская и италіанская должны были дѣйствовать въ одно время и своими успѣхами облегчать взаимныя дѣйствія. Но Бонапартъ, обладая всѣми средствами, могъ, когда хотѣлъ, начать военныя дѣйствія. Генераль Гошъ (Hoshe) могъ снабдить себя также нѣкоторыми средствами изъ Голландіи и областей между Мёзою и Рейномъ, которыя почитались завоеванными; но Моро былъ лишенъ почти всякихъ средствъ. Бонапартъ съ февраля мѣсяца дѣйствовалъ въ Италіи, и къ тому времени, какъ Моро могъ открыть кампанію, онъ угрожалъ уже столицѣ Австрійской монархіи. Едва Моро совершилъ блестящую переправу черезъ Рейнъ въ виду многочисленнаго непріятели и одержалъ нѣсколько побѣдъ, какъ получилъ извѣстіе о перемиріи и предварительныхъ условіяхъ мира, заключеннаго Бонапартомъ съ имперіею въ Леобенѣ. Эта кратковременная кампанія, начатая съ такимъ успѣхомъ, имѣла большое вліяніе на судьбу Моро.

Во время одного изъ сраженій его войска захватили обозъ и бумаги генерала Клингена, черезъ котораго Пишегрю велъ сношенія съ принцемъ Конде, роялистами и англійскими агентами. Эта переписка была открыта въ бумагахъ и доставлена Моро. Она явно обличала прежняго главнокомандующаго рейнскою арміею и совершенно устраняла отъ всякихъ подозрѣній самого Моро, хотя и бывшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пишегрю. Писемъ было до 200 и большею частію писанныхъ шифромъ. Потребовалось много времени, чтобы открыть ключъ къ этому шифру и прочесть письма, Моро извѣстилъ о своемъ открытіи члена Директоріи Бартелеми; но пока разбирали письма, въ войскахъ успѣли уже распространиться слухи о ихъ содержаніи, часто преувеличенные и невѣрные. Бартелеми былъ одною изъ жертвъ переворота 4-го сентября (18 fructidor an VII), и потому письмо къ нему представлено было чинамъ Директоріи, по распоряженію которыхъ былъ совершенъ государственный переворотъ. Они немедленно вызвали Моро въ Парижъ и сообщили ему постановленіе Директоріи объ этомъ переворотѣ. Собираясь оставить армію, онъ обнародовалъ воззваніе къ ней:

„Я только-что получилъ объявленіе Директоріи отъ 4 сент., изъ котораго явно, что Пишегрю оказался недостойнымъ того довѣрія, которымъ онъ такъ долго пользовался въ глазахъ республики и арміи, писалъ онъ въ этомъ воззваніи. Мнѣ извѣстно также, что

многіе военные, зная заслуги, оказанныя отечеству генераломъ Пишегрю, сомнѣваются въ его виновности. Я считаю долгомъ объявить всю правду моимъ товарищамъ по оружію и согражданамъ. Болѣе нежели вѣрно, что Пишегрю измѣнилъ Франціи.

„Я извѣстилъ одного изъ членовъ Директоріи, что мнѣ досталась въ руки переписка съ Конде и другими агентами претендента, послѣ которой нельзя уже сомнѣваться въ этой измѣнѣ. Директорія вызываетъ меня въ Парижъ, вѣроятно, чтобы получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ. Солдаты! будьте спокойны и не заботьтесь о внутреннихъ происшествіяхъ и будьте увѣрены, что, поражая роялистовъ, правительство охраняетъ республиканское устройство, которое вы клялись поддерживать“. Посылая это объявленіе, Моро въ то же время писалъ членамъ Директоріи, что „дѣйствительно трудно было повѣрить, чтобы человекъ, оказавшій такія важныя услуги странѣ, измѣнилъ ей и рѣшился безъ всякой для себя выгоды на такой безчестный поступокъ. Меня считали другомъ Пишегрю; но я давно потерялъ къ нему уваженіе. Вы увидите, что болѣе всѣхъ меня онъ ставилъ въ тяжелое положеніе: всѣ предположенія были рассчитаны на пораженіе арміи, которой я предводительствовалъ. Ея храбрость спасла республику“. Узнавъ изъ письма Моро къ Бартеlemi о перепискѣ Пишегрю съ роялистами, которая такъ давно уже находилась въ его рукахъ, Директорія естественно должна была заподозрить его самого, но, ознакомившись съ содержаніемъ переписки, конечно, убѣдилась, что Моро не принималъ участія въ замыслахъ Пишегрю, и что заговорщики его опасались и тщательно скрывали отъ него свои дѣйствія. Оставалось однако же одно обстоятельство сомнительнымъ и неяснымъ для нея: почему Моро такъ долго скрывалъ эту переписку, не извѣщая о ней Директорію? Если обширная переписка, составленная большею частію изъ шифрованныхъ писемъ, требовала много времени, чтобы окончательно разобрать ее, то во всякомъ случаѣ, лишь только былъ найденъ ключъ и обличалось участіе Пишегрю, почему же Моро своевременно не извѣстилъ объ этомъ Директорію и почему впоследствии написалъ къ одному только изъ директоровъ, и при томъ къ Бартеlemi, который самъ палъ жертвой государственнаго переворота, какъ лицо подозрительное. При томъ первое письмо Моро къ Бартеlemi помѣчено 3 сентября, т. е. написано лишь наканунѣ государственнаго переворота, который приготавлился давно. Неужели дѣйствія партій въ Парижѣ, борьба на жизнь и смерть въ средѣ самихъ правительственныхъ учреждений, усиленные заботы Пишегрю какъ можно скорѣе провести законъ о національной гвардіи, оставались тайной для генерала, находив-

шагося въ Страсбургѣ? Во второмъ письмѣ къ Бартелеми Моро писалъ: „Я рѣшился было вовсе не оглашать этой переписки, потому что заключеніе мира казалось вѣроятнымъ и, слѣдовательно, не предстояло никакой опасности для республики, тѣмъ болѣе, что она обличала бы немногихъ, такъ какъ никто не названъ по имени. Но, видя во главѣ партій, которыя въ настоящее время причиняютъ такъ много зла отечеству, занимающимъ важное мѣсто и пользующимся довѣріемъ челоуѣка, который, какъ видно изъ этой переписки, долженъ былъ играть важную роль при вызовѣ претендента на престолъ, я счелъ долгомъ извѣстить васъ, чтобы онъ не обманулъ васъ своимъ мнимымъ республиканскимъ образомъ мыслей и чтобы вы могли предотвратить дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ была бы междоусобная война. Признаюсь, мнѣ было весьма тяжело сообщать о такой измѣнѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ, о комъ я писалъ вамъ, былъ моимъ другомъ и, конечно, остался бы имъ, если бы я не распозналъ его. Я говорю о народномъ представителѣ Пишегрю. Онъ былъ достаточно благоразуменъ, чтобы ничего не писать собственноручно, но словесно сообщалъ свои предположенія тѣмъ лицамъ, которыя вели переписку“. Эти строки не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Моро зналъ о борьбѣ партій и болѣе всѣхъ могъ понимать, обладая такой важной перепиской, къ чему клонилась вся дѣятельность Пишегрю. Директорія, постоянно стремившаяся дѣйствовать путемъ закона, а не насилія, не безъ колебаній рѣшилась произвести государственный переворотъ. Въ-время доставленныя ей свѣдѣнія объ этой перепискѣ, можетъ быть, дали бы ей возможность предотвратить грозившую ей опасность, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ?

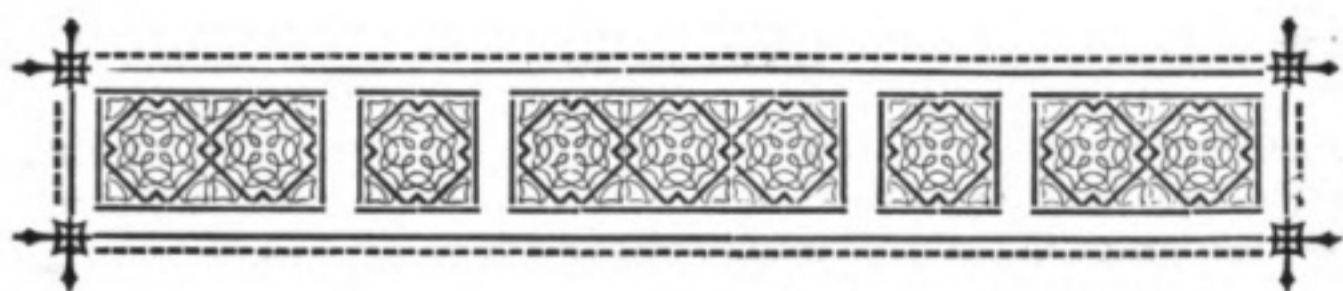
Образъ дѣйствій Моро въ этомъ случаѣ не могъ не возбуждать недоразумѣній и сомнѣній. Современники, смотря по различію партій, къ которымъ они принадлежали, смотрѣли на него различно; но одинаково его порицали. Роялисты, предполагая съ его стороны сочувствіе къ возстановленію монархіи, обвиняли его за доносъ на своего боевого товарища и бывшего начальника и даже за участіе въ подлогѣ. Они предполагали, что всѣ рассказы объ этой перепискѣ, будто бы никогда не существовавшей, придуманы только для того, чтобы оправдать въ общественномъ мнѣніи государственный переворотъ, произведенный тріумвирами, т. е. тремя только членами Директоріи. Республиканцы упрекали въ недостаткѣ ревности къ поддержанію созданныхъ революціей учреждений и провозглашаемыхъ свободныхъ началъ. Директорія уволила его отъ званія главнокомандующаго, хотя и не подозрѣвала ни въ участіи, ни въ сочувствіи замысламъ роялистовъ. Потомки, принимая въ соображе-

ніе всю послѣдующую его дѣятельность, съ большимъ безпристрастіемъ объясняютъ странный его образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ особенностью его личныхъ свойствъ. Моро вовсе не сочувствовалъ реставраціи старой монархіи въ прежнемъ ея видѣ, какъ желали Бурбоны и роялисты. Но такой монархіи не сочувствовалъ даже и Пишегрю, потому что въ сношеніяхъ съ принцемъ Конде требовалъ нѣкоторыхъ уступокъ свободнымъ началамъ, провозглашеннымъ революціею. Моро искренно сочувствовалъ этимъ началамъ и примирился съ современнымъ правленіемъ Франціи, не прибѣгавшимъ уже къ жестокимъ и кровавымъ мѣрамъ, чтобы поддерживать свое существованіе. Но онъ былъ исключительно главнокомандующій, военный человѣкъ, и въ этомъ качествѣ честно и добросовѣстно служившій отечеству. Онъ вовсе не былъ государственнымъ человѣкомъ и не питалъ никакого сочувствія къ политической дѣятельности, какъ бы высоко сила обстоятельствъ ни могла поставить его на этомъ поприщѣ. Поэтому въ первое время Моро не понималъ всей политической важности находившейся въ его рукахъ переписки и даже не хотѣлъ придавать ей гласности. Она относилась къ прошедшему времени, къ предпріятію неудавшемуся, и зачинщикъ дѣла, удаленный отъ начальства надъ войсками, казался ему уже не опаснымъ. При такомъ взглядѣ, первое соображеніе, которое ему приходило на умъ, состояло въ томъ, что онъ долженъ сдѣлаться доносчикомъ на человѣка, оказавшаго значительныя услуги отечеству, бывшаго его начальника и друга. Конечно, такое соображеніе ужасало безукоризненно честнаго человѣка, какимъ былъ Моро. Впослѣдствіи борьба партій въ правительствѣ, дѣйствія Пишегрю въ качествѣ народнаго представителя въ совѣтѣ 500, очевидно, не отказавшагося отъ своихъ замысловъ, вынудили его сообщить Бартеlemi свѣдѣнія изъ этой переписки ¹⁾ и предупредить правительство о немъ. Но въ его душѣ долгъ гражданина долго боролся съ долгомъ честнаго человѣка; онъ искренно писалъ Бартеlemi, что ему дорого стоило рѣшиться на то, чтобы сдѣлать доносъ правительству на Пишегрю. Поэтому онъ обратился не прямо къ Директоріи, но къ нему, говоря, что только „высокое довѣріе къ его любви къ отечеству и его благоразумію (Sagesse), вынудило его принять такое рѣшеніе“. Поэтому онъ медлил,—и эта медленность была причиной того, что его извѣщеніе совпало случайно съ государственнымъ переворотомъ; это же случайное совпаденіе въ свой чередъ заподозрило его въ глазахъ всѣхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). Ал. Поповъ.

¹⁾ Всѣ эти письма напечатаны у Бошана, стр. 264—271.

Темное царство.

(Черты изъ жизни Московскаго Китая-города XVII вѣка).

VI¹⁾.

Объѣзжіе и обыватели.

Пиравшіеся на вооруженную свиту и уполномоченные „чернымъ и всякимъ обычнымъ людямъ чинить наказанье—бить батоги (для большей острастки „передъ ворота“ ихъ домовъ) и отсылать“ не на большое время въ тюрьму“ объѣзжіе головы встрѣчали „большое непослушаніе“ со всѣхъ сторонъ. Люди „большихъ чиновъ“, бояре, окольнічіе, думные и ближніе люди, какъ это видно изъ примѣровъ Заборовскаго и Плещеева, свысока смотрѣли на малочинныхъ объѣзжихъ головъ и считали необязательнымъ для себя ихъ слушаться. Иной вдругъ вздумаетъ самовольно въ жаркій день „для своей скорби мыльню прокинуть щепами“, или пошлетъ, бывало, объѣзжіей голова подьячаго на „большіе“ дворы „для повѣстки Великаго Государя указу на съѣзжіей дворъ слушать“, является „стряпчихъ (т. е. приказчиковъ) малое число“, да и тѣ, выслушавъ указъ, „у большихъ дворовъ карауловъ не ставятъ, а сказываютъ, что караулы у нихъ на дворѣхъ у воротъ“, т. е. караулятъ свои дворы, не наблюдая за безопасностью на улицѣ. Имъ подражали стольники и дворяне „мало не всѣ“²⁾. Кромѣ этихъ ослушниковъ, было не мало людей, которые имѣли

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1909 г.

²⁾ Въ 1641 году выведенное изъ терпѣнія правительство предполагало ввести пеню для ослушниковъ отъ одного рубля до 10 алтынъ для „большихъ чиновъ“, при чемъ было рѣшено брать „съ бояръ и съ окольнічихъ и съ думныхъ діаковъ побольши для того, что они у того дѣла сами сидятъ и на то дѣло наряжаютъ и велятъ такъ дѣлать, а сами того не чинятъ и дѣлать не хотятъ“. (Пр. 195,563—564).

право не слушаться объѣзжихъ на основаніи закона. Люди, такъ или иначе прикосновенные ко Двору, находили возможнымъ исходатайствовать указъ о томъ, чтобы объѣзжіе головы ихъ „огневою выемкою и сторожею не вѣдали“. Такія необходимыя для Двора богомольнаго царя Алексѣя Михайловича лица, какъ знаменитый „изуграфъ“ (живописецъ) Симонъ Ушаковъ и его товарищи, получали эту привилегію на томъ основаніи, что имъ отъ объѣзжихъ „чинятся убытки большіе и Государевымъ иконописнымъ дѣламъ помѣшка“; на подобномъ же основаніи освобождался отъ караульной повинности „Государевъ нарѣчнаго пѣнія мастеръ“, который „бывалъ у Государева дѣла въ Набережныхъ хоромѣхъ безперемѣнно и училъ его, Государевыхъ, пѣвчихъ дьяковъ“.

За ними просили о той же льготѣ закройщики Царицыной Мастерской Палаты, ссылаясь на то, что „работаютъ они Великой Государинѣ, Царицѣ и Великой Княгинѣ Натальѣ Кирилловнѣ въ Мастерской Палатѣ безпрестанно, а они люди одинакіе, прежь сего карауловъ за ту ихъ безпрестанную работу съ нихъ не спрашивали“. Въ привилегированномъ положеніи оказывались и сѣнные истопники и сторожа и безконечный рядъ Сытнаго, Кормового и Хлѣбнаго Дворцовъ сторожей, поваровъ, хлѣбниковъ и всѣхъ дворовыхъ людей „мелкихъ чиновъ“ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ „жили у Государева дѣла въ Верху безпрестанно“, а другіе „бывали за Великимъ Государемъ въ походѣхъ безпрестанно“ или „на Дворцахъ дневали и ночевали“.

Объѣзжимъ головамъ было запрещено ѣздить и въ Садовничьи слободы¹⁾ и печатать у садовниковъ „избѣ и анбаровъ, гдѣ у нихъ были Государевы всякія овощи“, потому что „Государевыхъ равныхъ овощей и годовыхъ запасовъ всякія сѣмена ростятъ они въ теплыхъ избахъ, а, какъ поспѣютъ огурцы, и они тѣ огурцы на Государевъ обиходъ солятъ и строятъ въ теплыхъ избахъ до осени“. Даже дворцовые плотники, жившіе между Москвою-рѣкой и Арбатомъ, ссылались на то, что они „у государевыхъ плотничныхъ дѣлъ на Москвѣ и по городомъ и по селамъ живутъ безпрестанно, а дѣти ихъ побраны къ рѣзному дѣлу въ ученики, а иные въ плотники“, и добились того, что разрядному объѣзжему было запрещено въ Плотницкую слободу въѣзжать, а ихъ было велѣно вѣдать объѣзжему изъ приказа Большого Дворца²⁾.

¹⁾ Садовники жили „порознь за Москвою-рѣкою въ Яндовѣ по берегу и за Берсеневою рѣшеткою по берегу жъ въ Государевѣ Набережномъ саду и противъ Климента Папы Римскаго и Царицына лугу и на Воронцовскомъ полѣ и за Никитскими вороты“ (Пр. 195, 771).

²⁾ Пр. 375, 143; пр. 1841, 1; пр. 195, 185, 563, 771; пр. 677, 26, 176, 243, 374.

Кромѣ того разрѣшалось топить избы и горны всякимъ Московскимъ ремесленнымъ людямъ, лишь бы они имѣли спѣшные заказы для Дворца: гончарамъ—„потому, что они Государевы черепичныя и иныя всякія дѣла и образцы (изразцы) дѣлають“¹⁾, котельникамъ—„для дворцовыхъ котельныхъ и Государевыхъ судовыхъ мѣдныхъ дѣлъ“, сусальщикамъ, работавшимъ при поновленіи стѣнописи въ Успенскомъ соборѣ,—„чтобы затѣмъ соборному дѣлу—стѣнному письму порухи и мѣшкоты не было“. Печатнаго дѣла наборщики и всякихъ чиновъ мастеровые люди Печатнаго и Денежнаго Дворовъ освобождались отъ караульной службы „для ихъ безпрестаннаго работы, скудости и одиначества“, одинъ толмачъ Посольскаго приказа „для приказнаго недосугу и одиначества“ другой „покаместа съ Дону къ Москвѣ пріѣдетъ“.

Во всѣхъ почти этихъ случаяхъ поводомъ къ изъятію того или другого лица изъ вѣдомства объѣзжаго головы былъ Государевъ дворцовый интересъ; даже бани оставались открытыми не съ гигиеническими цѣлями, а, „чтобы Государевымъ оброчнымъ деньгамъ недобору не было“.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы для успокоенія совѣсти подчеркивалось, что та или другая привилегированная слобода „стала къ полю“, „стала за городомъ на просторѣ“, и приказывалось „накрѣпко“, чтобы у освобожденныхъ отъ объѣзжихъ головъ слобожанъ „отъ огня и всякаго воровства было береженье“.

Стрѣльцы, жившіе въ многочисленныхъ слободахъ, были вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ „во всякихъ дѣлѣхъ опричь разбою и татьбы съ поличнымъ“, и объѣзжимъ головамъ не велѣно было „въ стрѣлецкія слободы вѣзжать“. Въ 1651 году кн. Настасъ Макидонскій вздумалъ наказывать стрѣльцовъ, и самъ подвергся наказанію за это. „Князь Настасъ, было ему объявлено отъ имени Царя, Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ Всея Русіи велѣлъ тебѣ сказать: стрѣльцы Московскіе и всѣхъ городовъ по Государеву указу вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказѣ у боярина у Ильи Даниловича Милославскаго, и ты самодуромъ стрѣльцовъ Московскихъ ималъ къ себѣ на съѣзжій дворъ.... и билъ батоги и тѣмъ ты боярина Илью Даниловича обезчестилъ, и Государь указалъ тебя за безчестье боярина Ильи Даниловича посадить въ тюрьму на одинъ день“.

Особенно много крови портили у объѣзжихъ головъ иноземцы,

¹⁾ То гончары клали печи въ хоромѣхъ царицы, то дѣлали черепицу для придворнаго Знаменскаго монастыря или для церкви Мученика Никиты (за Яузой), которому царицы молились о своихъ больныхъ дѣтяхъ.

жившіе въ Москвѣ и въ силу своей экстерриториальности не обращавшіе вниманія ни на противопожарныя, ни на какія другія полицейскія правила.

Въ маѣ 1665 года объѣзжіи голова Китая-города кн. Ѳ. Макидонскій подалъ въ Разрядъ докладное письмо, гласившее слѣдующее:

„На Посольскомъ дворѣ поставлено много иноземцевъ, и поварни топятъ и огни кладутъ безпрестанно, топятъ безъ людей, а напередъ сего та поварня при нѣмецкихъ послѣхъ загоралась трожды, и кровля сломана, а искры отъ огня бѣгутъ вверхъ; а для береженья на Иверскомъ подворѣ на колокольцѣ поставленъ стрѣлецъ... и стрѣлецъ, видя у нихъ дымъ въ поварнѣ безпрестанно, на съѣземъ дворѣ сказываетъ, и онъ, князь Ѳедоръ, на Посольскій дворъ ѣздитъ и рѣшеточныхъ приказчиковъ посылаетъ, чтобъ огни заливать... и они не слушаютъ и огней заливать не даютъ, а люди ихъ въ хоромѣхъ и въ конюшняхъ табакъ пьютъ думной, съ огнемъ ходятъ въ вечерахъ, а сѣна у нихъ навезено много“. Это повело только къ посылкѣ изъ Разряда памяти ¹⁾ въ Посольскій приказъ о прекращеніи безпорядковъ на Посольскомъ дворѣ.

Въ маѣ 1673 года Разрядъ опять заслушалъ докладное письмо, въ которомъ Китайскій объѣзжіи голова докладывалъ, что „на Никольскомъ крестцѣ подлѣ двора Грузинскаго царевича Николая Давыдовича стоятъ греки на дворѣ, огонь кладутъ и ѣсть варятъ въ день и въ вечеру поздно и табакъ пьютъ, да на томъ же дворѣ стоятъ сѣна въ стогахъ, а дворъ тѣсный, да у церкви Іоанна Богослова въ разныхъ дворѣхъ живутъ Грузинскаго царевича люди и хоромъ у себя печатать не дали и табакъ пьютъ, а въ Ипатской улицѣ въ хоромѣхъ печи были запечатаны, и они, отпечатавъ, хоромы топятъ“. Греки въ свою очередь жаловались на то, что объѣзжіе у нихъ „ворота выломали и ихъ, грековъ, били и безчестили и челядниковъ ихъ били и головы испроломали, да взяли на съѣзжіи дворѣ товарища ихъ и на съѣземъ дворѣ держали за карауломъ“. Результатомъ этихъ взаимныхъ обвиненій былъ указъ, дозволявшій объѣзжимъ „къ нимъ, гречаномъ, для всякихъ дѣлъ приходитъ съ вѣдома Посольскаго приказа“ ²⁾.

Многочисленное духовенство, котораго дворы на каждомъ шагу встрѣчались между дворами мірянъ, не было подчинено объѣзжимъ головамъ. Первоначально объѣзжимъ запрещалось вѣдать не только „священнической чинъ“, т. е. поповъ и дьяконовъ, но и „причет-

¹⁾ Отношенія.

²⁾ Пр. 195, 186, 210--220; пр. 2513, 46; пр. 677, 356, 376—405; пр. 275, 35; пр. 413, 184.

никовъ церковныхъ“; ихъ, равно какъ и патриаршихъ домовыхъ людей, вѣдали особые объѣзжіе, назначавшіеся съ Патриаршаго Двора. Эта черезполосица до крайности мѣшала поддерживать порядокъ и безопасность, и въ 1671 году было указано объѣзжимъ „вѣдать церковныхъ причетниковъ и монастырскія подворья и иныхъ чиновъ людей, которые живутъ на церковныхъ земляхъ, опричь однихъ поповъ и дьяконовъ“.

Послѣ неоднократныхъ колебаній то въ сторону усиленія власти объѣзжихъ головъ, то въ сторону увеличенія независимости отъ нихъ духовенства въ послѣдній годъ XVII вѣка дѣйствовало правило: „со священнаго чину... и со всякихъ церковныхъ причетниковъ на караулы съ ихъ дворовъ, на которыхъ они живутъ своими хоромами, не спрашивать для того, что они бываютъ у церквей непрестанно въ службахъ, а спрашивать караулы съ ихъ жильцовъ, „разверстывая сколько человекъ у кого на дворѣ живетъ“. Льготы разнымъ лицамъ и особенно многочисленному духовенству имѣли самыя вредныя послѣдствія. Объѣзжіе головы жаловались, что духовныя лица „избы топятъ не въ указные дни и часы и съ огнемъ сидятъ поздно и для карауловъ людей не даютъ, и отъ того ихъ огурства чинится всякое дурно, и, на то смотря, всякихъ чиновъ люди сторожей давать не хотятъ“ У монаховъ, напримѣръ, Знаменскаго монастыря (на Варваркѣ) въ 1665 году „поварни топились безпрестанно, квасы варили и хлѣбы пекли про себя, да въ тѣхъ же поварняхъ наемщики квасы варили и калачи пекли на продажу безпрестанно день и ночь, а на тѣхъ поварняхъ трубы были низки и кровли деревянные ветхи. Духовенство, не пуская объѣзжихъ на свои дворы, не давало имъ „печатать печей въ хоромѣхъ“ и у своихъ жильцовъ, подчиненныхъ объѣзжимъ главамъ. Въ Пѣвческой улицѣ¹⁾ и у Спаса Смоленскаго въ 1693 году „верховые и соборные протопопы и попы и дьяконы и пѣвчіе дьяки и у нихъ жители“ подьячихъ и стрѣльцовъ „бравили и безчестили и на дворны огня заливать не пустили“ и даже „били ихъ дубьемъ“

Патриаршіе же объѣзжіе „того надъ ними не смотрѣли и въ томъ имъ помогали и норовили для своихъ корыстей“, а иногда даже снимали печати, наложенныя разрядными объѣзжими въ хоромахъ жильцовъ на дворахъ духовныхъ лицъ.

Въ случаяхъ нарушенія духовенствомъ противопожарныхъ и дру-

¹⁾ Пѣвчая улица за Богоявленскимъ монастыремъ у церкви Космы и Даміана въ Панѣхъ или въ Пѣвчей. Пѣвчіе жили и на Патриаршемъ осадномъ дворѣ въ Зарядѣ.

гихъ правилъ Разряду оставалось только „послать память въ Патріаршъ приказъ“ и ждать, что „указъ учинять въ томъ приказѣ“. За „поторовку“ патріаршимъ объѣзжимъ предстояло „быть въ торговой казни безо всякаго милосердія и пощады и въсылкѣ въ Сибирскіе въ дальніе города на вѣчное житье съ женами и съ дѣтьми“; но въ случаѣ незаконнаго распечатанія патріаршихъ объѣзжихъ печей, предписывалось объѣзжему „за его озорничество учинить указъ въ Патріаршемъ приказѣ, чего доведется“, и конечно, указъ обыкновенно былъ растворенъ милосердіемъ владыки, не любившаго выдавать внѣшнимъ своихъ.

Вообще всѣ отъ объѣзжихъ головъ „отымалися разными приказы, кто въ которомъ вѣдомъ, я де тамъ вѣдомъ, а Разряду де до насъ дѣла нѣтъ“¹⁾.

Наказы внушали объѣзжимъ головамъ самую строгую справедливость, предписывали имъ „лишнихъ и затѣйныхъ никакихъ словъ на приводныхъ людей (т. е. обвиняемыхъ) не затѣвать и не прибавлять и на выемкѣ и на дорогѣ приводнымъ людямъ бою и грабежу никакого не учинить“, запрещали „клепать напрасно или кому въ чемъ поторовить или кому учинить какую посяжку“.

Все это внушалось подъ угрозой, что виновные будутъ „въ опалѣ и жестокомъ наказаньѣ, и помѣстья и вотчины ихъ будутъ отписаны на Государя и розданы въ раздачу безповоротно“. Но сами объѣзжіе головы и ихъ помощники смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, какъ на награду за службу и на способъ поправить свои разстроенныя дѣла. Служилые люди просились въ объѣзды „за службишку“, подьячіе „за приказную работишку“ и особенно за „работишку у безкорыстныхъ дѣлъ“. Формуляры нѣкоторыхъ объѣзжихъ не внушаютъ особаго довѣрія къ нимъ.

„Разоренъ я, бѣдный, писалъ въ своей челобитной бывшій въ 1674 году въ Китайскомъ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ, десять лѣтъ животъ свой мучилъ въ Астарахани, два годы у дѣла, а восемь лѣтъ во многомъ разореніи, да на Москвѣ семь годъ не у дѣла, помираю съ голоду и отъ пожару и отъ разбойниковъ, да отъ гостя Василья Шорина въ конецъ погибъ, не токмо помѣстья или вотчинки и пустого ни единыя чети нѣтъ, и дворишка своего не имѣю, считаюсь по чужимъ дворамъ, а нынѣ на мнѣ править безчестья, а мнѣ не токмо что кому напрасно платить, пить, ѣсть нечего“.

Нѣкоторые объѣзжіе и не скрывали своихъ вожделѣній. Такъ,

¹⁾ Полн. Собр. Зак. №№ 407, 599, 600, 608; М. 765, ст. 3, 1—21; пр. 413 184; пр. 677, 173, 366; пр. 1534, 130; пр. 195, 564.

подьячій Дунаевъ билъ челомъ о томъ, чтобы „ему, бѣдному, по-кормиться съ объѣзжимъ головой въ Дмитровской сотнѣ¹⁾“, но его написали въ объѣздъ отъ Всѣсвятскихъ воротъ по Смоленскую улицу²⁾ „не противъ его челобитья“; „будучи въ моемъ объѣздѣ, жаловался Дунаевъ, оскудалъ и одолжалъ, пить, ѣсть нечего, помираю голодной смертью“; Дунаевъ въ отвѣтъ на просьбу его „изъ того объѣзду перемѣнить“ былъ отставленъ, но „за пьянство“, что то же не рекомендуетъ съ хорошей стороны личный составъ Московскихъ объѣздовъ. Объѣзжіе головы и подьячіе на съѣзжемъ дворѣ не получали особаго жалованья за труды: первые служили изъ своихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ; послѣдніе получали ежегодно „въ приказъ“, т. е. въ единовременное пособіе, старые по два, молодые по полтора рубля изъ суммъ съѣзжаго двора. Съ рядовъ оффиціально брали на съѣзжій дворъ только „сукна“ на судейскій столъ, „желѣза и чепа“ для колодниковъ. Но, если объѣзжіе вообще были не прочь „покормиться“ на счетъ обывателей, то тѣмъ труднѣе было преслѣдовать въ добродѣтели нестяжанія объѣзжимъ Китая-города, у которыхъ подъ руками былъ такой источникъ благъ земныхъ, какъ торговые ряды³⁾.

При сыскѣ про взяточничество объѣзжаго головы Гр. Суворова только въ Масляномъ и Селедномъ и въ Сырейномъ рядахъ торговые люди показали, что они „объѣзжему никакихъ гостинцовъ не нашивали“, большинство же рядовичей признались, что „ходили къ объѣзжему съ почестью противъ прежнихъ объѣзжихъ“. Получивъ „почесть“, объѣзжіе дѣлали льготы заплатившимъ рядовичамъ, „не ставили ихъ на караулы“; точно также дававшіе взятки „пирожники и калачники избы по вся дни топили, а объѣзжіе видѣли и имъ ничего не говорили“. Торговые люди давали и деньгами и „къ воскреснымъ днямъ, также и къ праздникамъ всякого съѣстного и питейнаго“ носили; въ Верхнемъ Москательномъ ряду Суворовъ получилъ 3 руб. съ 60 лавокъ, въ Луковомъ 2 рубля съ 38 лавокъ, а въ Луковомъ ряду кромѣ денегъ и съѣстного Суворовъ не побрезговалъ взять и „луку на 10 алтынъ“. Объѣзжіе брали не только съ торговцевъ, но и съ рядскихъ сторожей; у послѣднихъ они взятки „вымучивали“, „били ихъ смертнымъ боемъ“, „разложи на землю, били батожемъ“.

Объѣзжіе брали со сторожей всѣмъ; съ одного сторожа Суворовъ

¹⁾ У Тверскихъ воротъ.

²⁾ Отъ Вольшаго Каменнаго моста (Всѣсвятскаго) до Арбата, т. е. въ предѣлахъ нынѣшней Пречистенской части.

³⁾ Б. 1300, 423; пр. 1400, 113; пр. 677, 174, 177; пр. 2513, 108; пр. 1655, 122; пр. 1710, 10.

„вымучилъ“ кромѣ денегъ „пряникъ цѣною въ 5 алтынъ да 30 яблокъ“, съ другого „скляницу четвертную ренскаго, да бѣлую рыбицу, да леща по цѣнѣ въ 30 алтынъ“, съ третьяго „рыбы свѣжей на 10 алтынъ, мяса на гривну“. Если Суворовъ былъ любителемъ рыбы, то бывший въ объѣздѣ дьякъ Симонъ Калининъ предпочиталъ плоды и овощи: наказавъ „нещадно“ батогами одного сторожа Завязочнаго ряда, онъ приказалъ ему принести къ себѣ „дыню и огурцовъ“. „А прежь сего, жаловались Царю торговые люди, по твоему, Великаго Государя, указу, какъ были въ рядѣхъ объѣзжіе головы и дьяки, и съ тѣхъ рядовъ съ сторожей ничего не имывали и за то ихъ, сторожей, не бивали“; они просили „указъ учинить, чтобъ отъ такого насилья въ рядѣхъ безъ сторожей не быть“¹⁾.

Объѣзжіе, во все вмѣшивавшіеся и всѣхъ стѣснявшіе по закону и не по закону, были очень непопулярны среди обывателей. У москвичей были постоянныя столкновения съ объѣзчиками, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ. Въ маѣ 1693 года дьякъ Игнатій Лукинъ, бывший въ объѣздѣ, переписывалъ дворы въ Китаѣ-городѣ; все шло хорошо, и обыватели исполняли всѣ требованія дьяка „безъ всякаго прекословія“, пока не пріѣхалъ „невѣдомо для чего и по чьему приказу“ разрядный подьячій Иванъ Бубновъ съ человекомъ своимъ.

„И учили они, писалъ въ своей не совсѣмъ толковой челобитной дьякъ Лукинъ, на дворѣхъ всякіе смуты и крики и бой чинить и, учиня священному чину безчестья и при народѣ ругательный бой и всполохъ, въ церковные колоколы бой, и я его отъ такого озорничества унималъ, и онъ, Иванъ, послѣ того наглаго воровскаго озорничества меня всячески безчестилъ и поносилъ и, прочь отъ меня не отъѣзжая, нападывалъ всячески“. Особенно сильно доставалось низшему персоналу сѣвскаго двора. Когда стрѣльцы были посланы на Пафнютьевское подворье²⁾ за монастырскимъ стряпчимъ Федотомъ Аванасьевымъ, онъ „тѣмъ стрѣльцомъ учинился не послушенъ и ихъ, стрѣльцовъ, перебилъ и собаками травилъ и за ними гонялся съ ножемъ“, и „озорничество“ Аванасьева не было выдуманно стрѣльцами, такъ какъ осмотръ показалъ, что у одного изъ нихъ „у правой ноги ниже лодыжки собака укусила до руды“. Въ Оконичномъ ряду, куда стрѣльцы однажды были посланы за двумя торговыми людьми, торговые люди „учинились

¹⁾ М. 1000, ст. 2, 2—35, пр. 2513, 11—17, 108—123.

²⁾ Въ Юшковомъ переулкѣ подлѣ церкви Николы Красный Звонъ (между церковью и Ильинкой).

сильны... стрѣльцовъ били кулаками и свинцовой гирею въ бокъ ударили, и одинъ человекъ стрѣльца ножомъ похвалялся рѣзать“. Когда же въ 1695 году попробовали арестовать нѣсколькихъ солдатъ Преображенскаго полка, эти послѣдніе чуть не разнесли весь сѣзжій дворъ, „служивыхъ людей у сѣзжаго двора били и на сѣзжемъ дворѣ служивыхъ людей бивъ, кричали и назывались потѣшными и на сѣзжемъ дворѣ всѣхъ перебили“. Въ борьбѣ съ объѣзжими женщины не отставали отъ мужчинъ: Таганской слободы тяглеца вдова Анна Васильева пришла къ своей лавкѣ въ Сѣменномъ ряду и стала говорить десятскому: „для чего у моихъ вотчинъ чанъ съ водою ставите“; когда же десятскій сказалъ ей: „миѣ данъ указъ Великихъ Государей со сѣзжаго двора“, купчиха съ чисто таганскимъ самодурствомъ „чанъ съ водою вылила“ и на сѣзжемъ дворѣ „въ томъ не запиралася“; Зачатіевскій же попъ Яковъ въ 1675 году и самый такой чанъ „хмѣльнымъ обычаемъ“ разсѣкъ.

Иногда дѣло доходило до суда объѣзжихъ съ обывателями въ Разрядѣ. Эти дѣла, при значительной доли ябеды съ той и другой стороны, достаточно характеризуютъ отношенія, установившіяся между объѣзжими и обывателями. Въ одинъ майскій день 1674 года объѣзжій голова кн. Ѳ. Ю. Борятинскій, осматривая ряды, замѣтилъ, что въ Крупяномъ ряду на одной лавкѣ вмѣсто кади и мѣрника стоитъ только „полкадушки, а шайки и помела нѣтъ“. Около лавки стоялъ Конюшенной слободы тяглець Климъ Купреяновъ, бывший подъ хмелькомъ; на вопросъ объѣзжаго о владѣльцѣ лавки, Купреяновъ, не долго думая, сказалъ, что лавка его.

Кн. Борятинскій немедленно велѣлъ его „разболочъ и бить батоги“ тутъ же у лавки. Купреяновъ при этомъ велъ себя вызывающе, смѣялся и кричалъ объѣзжему „добро, князь Ѳедоръ, бьешь напрасно, на тебя Государю бить челомъ“; кромѣ того изъ „подписи“ на лавкѣ кн. Борятинскій усмотрѣлъ, что лавка не Купреянова, а Максима Юрьева.

Объѣзжій велѣлъ взять Купреянова на сѣзжій дворъ „за ослушанье и за пьянство и за крикъ“ и за то, что „противъ Великаго Государя указу смѣялся“. По словамъ Купреянова, кн. Борятинскій на сѣзжемъ дворѣ „билъ его батоги двожды и, бивъ, держалъ скована на чеци въ конюшнѣ двое сутокъ и припускать къ нему съ хлѣбомъ и ни съ чѣмъ не велѣлъ“.

Купреяновъ утверждалъ, что онъ назвалъ лавку свою, ибо Юрьевъ „ему свой, а лавку приказалъ ему продавать“, и что кн. Борятинскій его „изувѣчилъ по недружбѣ“ за доводъ (изобличеніе) въ грабежѣ на людей брата объѣзжаго головы—кн. Якова Борятинскаго. Неизвѣстно,

сколько тутъ было правды, но во всякомъ случаѣ по осмотру оказалось, что Купреяновъ былъ „битъ батоги больно гораздо, и спина вся синя и забагровѣла“. Кн. Борятинскій, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, поспѣшилъ прикинуться, что онъ самъ требуетъ „обороны“.

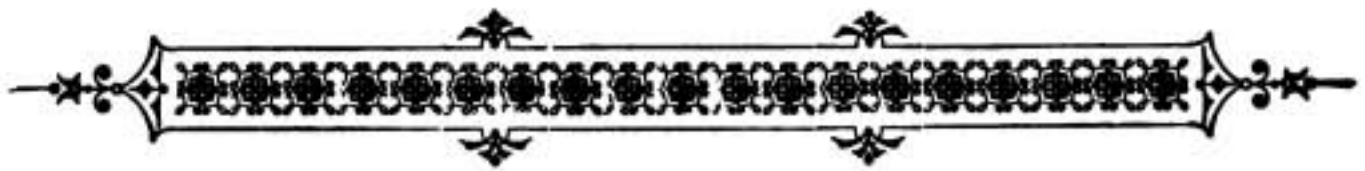
„И то его знатно воровство, писалъ онъ въ своей челобитной, что называлъ чужую лавку своею, хотя меня, холопа твоего, искусить и тебѣ, Великому Государю, напрасно огласить“. „Укажи, Государь, продолжалъ жаловаться кн. Борятинскій, учинить оборону въ моемъ безчестьѣ и въ его лукавствѣ, чтобъ инымъ неповадно было чужія лавки своими называть и меня, холопа твоего, безчестить и искушать и тебѣ, Великому Государю, напрасно бить челомъ для огласки. И у многихъ лавочныхъ людей у брата моего и у сродниковъ и у друзей моихъ есть съ ними недружба, и мнѣ, холопу твоему, и наказанья виннымъ чинить невозможно, потому что стануть бить челомъ тебѣ, Великому Государю, что чиню наказанье, мстя недружбы брата своего и сродниковъ и друзей своихъ, и во всемъ они твоему Государеву дѣлу будутъ непослушны, смотря на него, Клима“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но въ подобномъ же случаѣ дьякъ Симонъ Калининъ, который безъ вѣдома объѣзжаго головы „билъ нещадно“ сторожа Ульяна Андреева, по боярскому приговору былъ посланъ въ тюрьму „до Государева указу“, и на немъ велѣно было Андрееву „доправить безчестье и увѣчье по Уложенью“.

Если „меньшіе“ люди не всегда давались въ обиду объѣзжимъ, то еще хлопотливѣе было для нихъ тягаться съ людьми „большихъ“ чиновъ. 1 августа 1674 года объѣзжіи сбивалъ на съѣзжіи дворъ торговыхъ людей Нижняго Соляного ряда для выбора десятскихъ. Изъ „лучшихъ“ людей подьячему Меркулову и стрѣльцамъ удалось захватить одного Ивана Артемьева Симановскаго, котораго они торжественно повели по Варваркѣ на съѣзжіи дворъ; но у Ростовскаго подворья (на углу Рыбнаго переулка) имъ встрѣтился отецъ Ивана Артемій Симановскій. Старикъ Симановскій былъ человѣкъ гостиной сотни, т. е. принадлежалъ къ высшему разряду Московскаго купечества; онъ не торговалъ уже лѣтъ съ 20 и, по его выраженію, „былъ всегда у Государева дѣла въ розныхъ приказѣхъ безпрестанно и со 179 году сидѣлъ въ приказѣ Большого Приходу у денежнаго сбора головишкою“. Артемій Симановскій какъ разъ въ это время шелъ изъ приказа Большого Прихода „отъ денежнаго приему и роздачи пятой и десятой деньга“, весь проникнутый сознаніемъ важности возложенныхъ на него „дѣлъ великихъ Государевыхъ“. Увидавъ, что сына стрѣльцы ведутъ съ безчестьемъ

сколько тутъ было правды, но во всякомъ случаѣ по осмотру оказалось, что Купреяновъ былъ „битъ батоги больно гораздо, и спина вся синя и забагровѣла“. Кн. Борятинскій, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, поспѣшилъ прикинуться, что онъ самъ требуетъ „обороны“.

„И то его знатно воровство, писалъ онъ въ своей челобитной, что называлъ чужую лавку своею, хотя меня, холопа твоего, искусить и тебѣ, Великому Государю, напрасно огласить“. „Укажи, Государь, продолжалъ жаловаться кн. Борятинскій, учинить оборону въ моемъ безчестьѣ и въ его лукавствѣ, чтобъ инымъ неповадно было чужія лавки своими называть и меня, холопа твоего, безчестить и искушать и тебѣ, Великому Государю, напрасно бить челомъ для огласки. И у многихъ лавочныхъ людей у брата моего и у сродниковъ и у друзей моихъ есть съ ними недружба, и мнѣ, холопу твоему, и наказанья виннымъ чинить невозможно, потому что стануть бить челомъ тебѣ, Великому Государю, что чиню наказанье, мстя недружбы брата своего и сродниковъ и друзей своихъ, и во всемъ они твоему Государеву дѣлу будутъ непослушны, смотря на него, Клима“. Неизвѣстно, чѣмъ кончилось это дѣло, но въ подобномъ же случаѣ дьякъ Симонъ Калининъ, который безъ вѣдома объѣзжаго головы „билъ нещадно“ сторожа Ульяна Андреева, по боярскому приговору былъ посланъ въ тюрьму „до Государева указу“, и на немъ велѣно было Андрееву „доправить безчестье и увѣчье по Уложенью“.

Если „меньшіе“ люди не всегда давались въ обиду объѣзжимъ, то еще хлопотливѣе было для нихъ тягаться съ людьми „большихъ“ чиновъ. 1 августа 1674 года объѣзжіи сбивалъ на съѣзжіи дворъ торговыхъ людей Нижняго Соляного ряда для выбора десятскихъ. Изъ „лучшихъ“ людей подьячему Меркулову и стрѣльцамъ удалось захватить одного Ивана Артемьева Симановскаго, котораго они торжественно повели по Варваркѣ на съѣзжіи дворъ; но у Ростовскаго подворья (на углу Рыбнаго переулка) имъ встрѣтился отецъ Ивана Артемій Симановскій. Старикъ Симановскій былъ человѣкъ гостиной сотни, т. е. принадлежалъ къ высшему разряду Московскаго купечества; онъ не торговалъ уже лѣтъ съ 20 и, по его выраженію, „былъ всегда у Государева дѣла въ розныхъ приказѣхъ безпрестанно и со 179 году сидѣлъ въ приказѣ Большого Приходу у денежнаго сбора головишкою“. Артемій Симановскій какъ разъ въ это время шелъ изъ приказа Большого Прихода „отъ денежнаго приему и роздачи пятой и десятой деньга“, весь проникнутый сознаниемъ важности возложенныхъ на него „дѣлъ великихъ Государевыхъ“. Увидавъ, что сына стрѣльцы ведутъ съ безчестьемъ

Недолго сбить съ толку.

(Изъ воспоминаній архіерея).

Въ концѣ 1893 года въ Курскѣ къ епископу Іустину явился одинъ изъ соборныхъ псаломщиковъ съ просьбой перевести его въ Одессу, куда Владыко былъ тогда назначенъ архіепископомъ. — Больно я къ Вашему Высокопреосвященству привыкъ, сказалъ онъ.

— Что тебѣ за охота, Пафнутій, ты здѣсь устроился домкомъ, и тебѣ и семьѣ хорошо; отъ добра добра не ищутъ; служи да живи; переѣздъ вѣдь можетъ разорить тебя... А что привыкъ, такъ привыкнешь и къ новому епископу—преосвящ. Ювеналію.

— И—и, ваше в—во, домикъ-то нашъ въ спорѣ съ братьями да съ зятьями; а въ Одессѣ проживаютъ мои родные—люди съ большими достатками; я человѣкъ хворый, тамъ опять же климатъ...

— Вотъ это другое дѣло; ну, если твердо рѣшилъ, такъ собирайся въ путь, недѣли черезъ двѣ-три, съ Божиимъ благословеніемъ, тронемся.

Лучшаго человѣка и подобрать нельзя было бы. Человѣкъ онъ простой, хорошій, разсудительный, пригодится и теперь въ сборахъ, и въ пути, и тамъ на новомъ мѣстѣ; какъ бы то ни было, человѣкъ свой, надежный—думалъ и не разъ тогда высказывалъ преосв. Іустинъ.

Черезъ нѣсколько дней соборный ключарь обратился къ Владыкѣ съ ходатайствомъ о возведеніи псаломщика во діакона.

— Человѣкъ онъ достойный, во діакона намѣченъ, отвѣтилъ преосв. Іустинъ; но куда же торопиться, тамъ и будетъ возведенъ, когда заслужитъ.

— Очень ужъ онъ проситъ; псаломщику, говорятъ, ничего на переѣздъ не полагается, а дякону тамъ на мѣстѣ должны будутъ выдать кое-какія деньжонки въ видѣ подъемныхъ; хватить хоть, на мелочи

обзаведенія; къ тому же и передъ людьми лучше, прямо пріѣхать туда діаконсмъ,—„уваженья больше и помычки меньше“...

— Не слѣдовало бы, возразилъ Владыко, потакать тому, кто самъ за себя просить, самъ себѣ оцѣнку даетъ; ну, да Господь съ нимъ, человекъ-то онъ до сихъ поръ былъ вполне безупречный, такъ и быть...

Дня за три до отъѣзда, Владыко при литургіи совершилъ возведеніе Пафнутія во діакона.

Мирно шли приготовленія и сборы въ дорогу.

Въ день же отъѣзда, прибывъ заблаговременно на вокзалъ, Владыко шутливо рассказалъ нѣкоторымъ изъ лицъ, пріѣхавшихъ проводить его: „вотъ ужъ во-истину сказать, вѣкъ живи—вѣкъ учись“; часа три тому назадъ я послалъ за Пафнутіемъ;—возьми-ка, отецъ діаконъ, къ себѣ мои письменныя дѣла; путь длинный, въ дорогѣ кое-что присланное изъ Одессы подашь, можно будетъ заняться разрѣшеніемъ; туда пріѣхать надо съ готовымъ; я ужъ все подложилъ по порядку...

— Да, вѣдь я, ваше выс—во, не ѣду,—вдругъ произнесъ ново-возведенный.

— Какъ не ѣдешь?

— Такъ точно, я остаюсь и ключарю заявленіе подалъ.

— Что ты говоришь?

— А вотъ то и говорю—не поѣду, потому это одно разоренье.

— Что же ты раньше думалъ?

— Думалъ, да раздумалъ...

Несвойственная скромному Пафнутію, дошедшая до наглости, развязность отвѣтовъ заставила меня отослать его, прекративъ съ нимъ разговоръ; я послалъ за ключаремъ.

— Что это значитъ?

— Не могу знать, я и самъ „диву дался“; слышалъ, что собрались они вчера братіей въ компаніи „чайку“ на прощанье попить, одинъ, другой поддразнилъ, а онъ молчалъ, молчалъ да какъ развернется: за дурака вы меня что-ли принимаете? я и самъ знаю, что дѣлаю, ѣхать я и не собирался и не поѣду, вотъ и все тутъ.—Товарищи сами перепугались, стали было урезонивать, а онъ съ той минуты заладилъ свое,—не поѣду да не поѣду.—Пришелъ ко мнѣ, я его уговаривалъ, просилъ; нѣтъ, все свое; ужъ и не знаю, правду ли онъ говоритъ, что раньше такъ приготовился сдѣлать или надоумили его насмѣшки братія... Сдается мнѣ, нашелся такой негодяй, что надумалъ изъ озорства замузить и сбиль...

— Напрасно уговаривали, отецъ ключарь, сообщили бы просто мнѣ и дѣлу конецъ.

— Какъ же теперь съ нимъ быть?

— Какъ быть? никакъ: переведенъ онъ въ Одессу; перевести назадъ въ Курскъ я уже теперь не въ правѣ, т. к. дѣла курскія окончилъ;

коли вò-время не явится въ Одессу на службу,—будеть тамъ, по прошествіи узаконеннаго срока, исключень изъ списковъ. А-можетъ быть преосв. Ювеналій захочетъ его теперь же взять обратно—я препятствовать не стану. Пафнутію же скажите: хорошо сдѣлалъ, что обозначился теперь, а не послѣ въ Одессѣ. Что я дѣлалъ бы, если бы успѣлъ такому человѣку тамъ довѣрить какія-либо дѣла; шутка ли.

— Однако уже немного времени осталось до отхода поѣзда, сказалъ Владыко: не стоитъ Пафнутію того, чтобы только имъ напоследокъ заниматься; надо намъ и попрощаться... Владыко, побесѣдовавъ съ нами, благословилъ всѣхъ насъ, и черезъ полчаса поѣздъ понесъ его далеко.

По прошествіи десяти лѣтъ мнѣ довелось навѣстить высокопреосв. Іустина въ Одессѣ.

Между прочимъ вспомнилъ онъ съ усмѣшкой и о подвигѣ Пафнутія. Десять лѣтъ прошло, а видно было, что, въ разговорѣ объ этомъ шутливость прорывалась сквозь горечь: жаль мнѣ было такъ обмануться въ человѣкѣ, котораго я цѣнилъ, не того я ожидалъ отъ него и не считалъ его способнымъ упасть до такой плутовской выходки; что Бога гнѣвить, каюсь: видно, пеняť приходится на себя; надо было помнить, что къ „братіи“ слѣдуетъ всегда близко приглядываться, твердо знать ее всю, вдоль и поперекъ; долго ли одному порочному бездѣльнику сбить съ толку человѣка, въ которомъ нравственные и религіозные устои не виѣдрены прочно, а извнѣ ни поддержки, ни вліянія нѣтъ; этотъ, въ сущности, мелкій случай, нельзя не сознаться, сильно подчеркнулъ мнѣ тогда халатность моей власти и отчужденность ея отъ вѣрной среды ..., закончилъ святитель свои воспоминанія.

Сообщилъ —И.

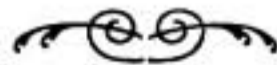
коли вò-время не явится въ Одессу на службу,—будеть тамъ, по прошествіи узаконеннаго срока, исключень изъ списковъ. А-можетъ быть преосв. Ювеналій захочеть его теперь же взять обратно—я препятствовать не стану. Пафнутію же скажите: хорошо сдѣлалъ, что обозначился теперь, а не послѣ въ Одессѣ. Что я дѣлалъ бы, если бы успѣлъ такому человѣку тамъ довѣрить какія-либо дѣла; шутка ли.

— Однако уже немного времени осталось до отхода поѣзда, сказалъ Владыко: не стоитъ Пафнутію того, чтобы только имъ напоследокъ заниматься; надо намъ и попрощаться... Владыко, побесѣдовавъ съ нами, благословилъ всѣхъ насъ, и черезъ полчаса поѣздъ понесъ его далеко.

По прошествіи десяти лѣтъ мнѣ довелось навѣстить высокопреосв. Іустина въ Одессѣ.

Между прочимъ вспомнилъ онъ съ усмѣшкой и о подвигѣ Пафнутія. Десять лѣтъ прошло, а видно было, что, въ разговорѣ объ этомъ шутливость прорывалась сквозь горечь: жаль мнѣ было такъ обмануться въ человѣкѣ, котораго я цѣнилъ, не того я ожидалъ отъ него и не считалъ его способнымъ упасть до такой плутовской выходки; что Бога гнѣвить, каюсь: видно, пеняеть приходится на себя; надо было помнить, что къ „братіи“ слѣдуетъ всегда близко приглядываться, твердо знать ее всю, вдоль и поперекъ; долго ли одному порочному бездѣльнику сбить съ толку человѣка, въ которомъ нравственные и религіозные устои не виѣдрены прочно, а извнѣ ни поддержки, ни вліянія нѣтъ; этотъ, въ сущности, мелкій случай, нельзя не сознаться, сильно подчеркнулъ мнѣ тогда халатность моей власти и отчужденность ея отъ вѣрной среды ..., закончилъ святитель свои воспоминанія.

Сообщилъ —И.

М. И. Драгомировъ и время войны 1877—78 г.г.

(Изъ воспоминаній).

Генераль Драгомировъ былъ увѣренъ въ томъ, что дивизія его выступитъ за предѣлы Россіи вполне дисциплинированной; много стараній онъ вообще всегда прилагалъ къ тому, чтобы дисциплинировать ввѣренныя ему части; съ приближеніемъ же момента перехода границы усилилъ свои объ этомъ заботы; между прочимъ, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминалъ людямъ о долгѣ ихъ держать себя съ достоинствомъ по отношенію къ населенію вообще, а къ населенію того края, въ который намъ предстояло тогда вступить—въ особенности. По дивизіи было отдано распоряженіе—ознакомить людей въ самыхъ большихъ подробностяхъ съ содержаніемъ приказа, отданнаго главнокомандующимъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ по арміи въ день объявленія Высочайшаго Манифеста, а также съ воззваніемъ, обращеннымъ его высочествомъ въ тотъ день къ жителямъ Румыніи.

Глубоко прониклись солдаты обращенными къ нимъ словами Главнокомандующаго, котораго они беззавѣтно любили всею силою своего чисто русскаго сердца; вотъ что между прочимъ преподалъ имъ великій князь въ своемъ приказѣ по арміи: „Не выдержали несчастные христіане - братья наши, возстали противъ своихъ угнетателей - турокъ, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; нельзя было не возстать, такъ какъ осквернено и поругано все: святая вѣра Христова, честное имя, жены и дочери обезчещены,—имущество разграблено. Мѣра долготерпѣнія

Царя Освободителя истощилась. Последнее слово царское сказано, война Турціи объявлена. Намъ выпала доля исполнить волю Царя; не для завоеваній мы идемъ, а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ и на защиту вѣры Христовой! Дѣло наше свято, съ нами Богъ!

„Я увѣренъ, что каждый, —отъ генерала до рядового, исполнить свой долгъ и не посрамить имени русскаго. Да будетъ оно и нынѣ такъ же грозно, какъ въ былые годы. Добро мирныхъ жителей да будетъ для насъ неприкосновенно; ничто не должно быть взято у нихъ безвозмездно. Я требую самаго строгаго порядка и дисциплины, въ нихъ наша сила, залогъ успѣха и честь нашего имени!

„Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей, мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито много русской крови. Мы должны относиться къ друзьямъ и братьямъ нашимъ христіанамъ съ полною дружбою, должны охранять и защищать ихъ дома, какъ свои собственные“.

Войска прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы исполнить въ точности это назиданіе.—Они съ гордостью стремились оправдать ручательство, которое великій князь съ увѣренностью твердо высказалъ за нихъ въ своемъ воззваніи къ румынамъ при вступленіи въ предѣлы ихъ страны:

„Исполняя волю Его Императорскаго Величества Августѣйшаго Брата моего“, между прочимъ писалъ Его Высочество, „считаю долгомъ объявить вамъ, румыны, что проходъ нашихъ войскъ черезъ вашу страну и временное въ ней пребываніе ихъ, ни въ какомъ случаѣ, не должно тревожить васъ; мы смотримъ на ваше правительство, какъ на дружественное намъ; приглашаю васъ продолжать мирныя занятія ваши, а за всякое содѣйствіе, которое вы окажете нашимъ войскамъ, вамъ будутъ, безъ промедленія, уплачиваться деньги изъ казначейства арміи.—Армія Его Величества отличается строгою дисциплиною; я увѣренъ, что она поддержитъ свою честь среди васъ; войска наши не нарушатъ вашего спокойствія и сьумѣютъ соблюсти должное уваженіе къ законамъ, къ личности и къ собственности мирныхъ гражданъ“.

Воззваніе Главнокомандующаго въ прекрасномъ, точномъ переводѣ на румынскій языкъ, было помѣщено на страницахъ мѣстныхъ газетъ, а также въ громаднѣйшій массѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, черезъ префектуры и меріи, было разослано по городамъ, деревнямъ и селамъ населенію. Страна, принявъ это воззваніе совершенно довѣрчиво, отнеслась къ факту вступленія нашихъ войскъ вполне спокойно, а къ войскамъ крайне дружелюбно. Русскія га-

зеты, не только официальные, но и другія, также въ свое время, напечатали воззваніе на своихъ страницахъ ¹⁾).

* * *

Не разъ вообще М. И. Драгомировъ вспоминалъ, какое дружеское любіе съ первыхъ дней обѣ стороны проявили другъ къ другу: „румыны поражали тѣмъ, что въ каждомъ новомъ городѣ, новомъ мѣстечкѣ встрѣчали и Радецкаго и меня депутаціями, выказывавшими особую привѣтливость и горячую благодарность за доброе отношеніе войскъ къ мирнымъ жителямъ и къ ихъ имуществу;— о нашемъ же сѣренькомъ солдатикѣ говорить нечего: онъ и въ этотъ походъ былъ полонъ того же добродушія, которое отличаетъ его вездѣ, а въ особенности отличало во всѣхъ войнахъ съ Турціей, когда онъ чувствовалъ, что является не простымъ завоевателемъ, а „покровителемъ, защитникомъ и освободителемъ поработеннаго населенія“. Любопытно узнать, какой взглядъ въ этомъ отношеніи нѣкоторые солдаты усвоили себѣ“.

Разсказывая мелкія подробности прохожденія дивизіи черезъ чужіе края, М. И., между прочимъ, съ улыбкой вспоминалъ случай, который показалъ ему, какъ нѣкоторые изъ солдатъ въ мелочахъ своеобразно поняли и нашу роль въ этой войнѣ и положеніе населенія, среди котораго намъ довелось двигаться.—Однажды, уже въ Болгаріи, недалеко отъ Тырнова, въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, когда дивизія находилась въ выжидательномъ положеніи (іюль), командиръ Подольскаго полка полковникъ Духонинъ, сообщая ему все касавшееся состоянія своей части, доложилъ, что нѣсколько человекъ солдатъ упорно просятъ доктора не эвакуировать ихъ, дать имъ возможность продолжать идти походомъ со своими ротами и участвовать въ дѣлахъ; а между тѣмъ врачъ находитъ, что они очень ослаблены лихорадками, и имъ необходимо на нѣкоторое время отдалиться отъ службы для подкрѣпленія себя отдыхомъ въ военновременномъ госпиталѣ; просто плачутъ и со слезами умоляютъ оставить ихъ. „Заинтересовавшись этимъ докладомъ, разсказывалъ Мих. Ив., я отправился въ пріемный покой ²⁾ и велѣлъ показать мнѣ „обиженныхъ“.

— „Ну, что, братцы, расхворались, надо вамъ полѣчиться, а для этого отправятъ васъ въ госпиталь.“

— „Слушаемъ, ваше прев—во“, отвѣтили они; затѣмъ помялись и

¹⁾ См. „Русскій Инвалидъ“ и „Правит. Вѣстникъ“, а также, между прочимъ, „Моск. Вѣд.“ 19 апрѣля 1877 г. № 93.

²⁾ Такъ называется въ войскахъ временный лазаретъ, устраиваемый непосредственно при части (ротѣ, батареѣ, эскадронѣ).

одинъ изъ нихъ,—болѣе бойкій, — заговорилъ: „только мы, какъ есть, не нуждаемся; мы прошли походъ и на переправѣ благополучно вышли въ приступѣ систовскихъ высотъ; а что, значитъ, до болѣзни касательно, такъ она, эта самая лихорадка, привязалась давно, съ самаго начала,—„какъ мы еще только начали „рамына освобождать“... а теперь въ Боргаліи она отпустила маленько, полегчила“...

Не желая продолжать „обижать“ ихъ, а съ другой стороны, не имѣя также намѣренія идти въ разрѣзъ съ распоряженіями полкового врача,—Мих. Ив., какъ бы въ согласіи съ нимъ, велѣлъ въ томъ же селеніи расширить лазаретное помѣщеніе, съ тѣмъ, чтобы, не отправляя этихъ захваченныхъ маляріей людей въ тылъ, т. е. не отдавая ихъ отъ подвигавшагося впередъ полка, выдерживать въ этомъ расширенномъ лазаретѣ, а по мѣрѣ выздоровленія тутъ же возвращать въ роты.

* * *

Тихо, спокойно прошли передовые корпуса нашей арміи изъ конца въ конецъ территорію дружественной намъ, когда-то освобожденной нашею же кровью, страны; крупныхъ жалобъ не было, вездѣ все во взаимныхъ отношеніяхъ между русскимъ солдатомъ и румынскимъ народомъ слаживалось и проходило вполне благополучно, хорошо; но вотъ, вскорѣ послѣ окончанія 14-ою дивизіею „перваго военно-временнаго похода“ и сосредоточенія частей ея въ окрестностяхъ столицы Румыніи, сдѣлался извѣстнымъ случай съ солдатомъ одного изъ полковъ этой дивизіи: получивъ отъ ротнаго командира порученіе размѣнять десятирублевый кредитный билетъ и переходя съ нимъ изъ одной лавочки въ другую, а также изъ одного торговаго заведенія въ другое, онъ вездѣ на свою просьбу о размѣнѣ получалъ отказъ и это, въ концѣ концовъ, повело къ „неблагополучію“.

Дѣло въ томъ, что въ Румыніи кредитныхъ билетовъ вообще въ ходу не было; мѣстные торговцы ихъ вовсе не знали и принимали за свой товаръ исключительно звонкую монету, при чемъ, если не они, то, забравшіе въ свои руки всю ихъ торговлю, евреи стремились за наши полуимперіалы давать неполную стоимость, русскія же бумажки считали ни во что. Такъ какъ только небольшая часть содержанія въ дѣйствующей арміи отпускалась золотомъ,—остальное же выдавалось серебромъ, а больше кредитными билетами,—то въ дѣлѣ расплаты вообще предвидѣлись затрудненія; изъ желанія избѣжать ссоръ и столкновеній съ жителями, чины арміи старались въ самой мелкой торговлѣ выдавать въ уплату металлъ—золото, и, по преимуществу, серебро; но невозможно было обойтись безъ расхода бумажекъ,—пришлось, наконецъ, чаще и чаще

при покупках предлагать кредитные билеты; исподволь втягиваясь въ это дѣло, населеніе все-таки предпочитало принимать металлическую цѣнность, а пріемомъ ассигнацій,—въ особенности крупныхъ, рѣшительно стѣснялось.

Злополучный солдатъ съ десятирублевой бумажкой попалъ во дворъ виннотабачной лавочки какого-то наглаго торговца, который объявилъ, что „бумажка эта ни черта не стоитъ“; а когда солдатъ съ жаромъ объяснилъ, что бумажка царская и не можетъ ни черта не стоять, торговецъ схватилъ ее и тутъ же швырнулъ въ помойную яму; въ одну секунду солдатъ обнажилъ свой тесакъ и пырнулъ имъ „цѣловальника“.

Въ такомъ видѣ исторія эта дошла до свѣдѣнія Мих. Ив. Драгомирова. Дѣло добрыхъ отношеній, конечно, немедленно испортилось; въ Букарестѣ все общество возмутилось, громко раздавались въ городѣ требованія немедленнаго, строжайшаго наказанія виновника такого преступленія.—А когда, черезъ нѣсколько дней, въ румынскихъ газетахъ, въ особенности въ мелкихъ, появилось описаніе подробностей, по которымъ выходило, будто бы русскій солдатъ зарѣзалъ несчастнаго, мирнаго жителя, позарившись на его заработную кассу, неосторожно раскрытую въ присутствіи алчнаго разбойника-солдата,—тогда всѣ возгласы и крики слились въ общее неугомонное требованіе о томъ, чтобы убійца-грабитель былъ немедленно судимъ по законамъ военнаго времени и казненъ.

Формальное, строжайшее, добросовѣстно-произведенное разслѣдованіе, показавъ всю ложь газетныхъ статей, раскрыло, что авторомъ измышленій, очевидно бывшихъ на то, чтобы возмутить населеніе противъ мирно наступавшей арміи,—былъ самъ же потерпѣвшій, отдѣлавшійся, кстати сказать, очень легкой раной; что онъ прибывъ изъ Бессарабіи, открылъ въ тѣхъ мѣстахъ торговлю не болѣе, какъ за мѣсяць до прихода нашихъ войскъ и уже успѣлъ приложить стараніе къ тому, чтобы надѣлать имъ мелкихъ непріятностей, что поданный онъ былъ русскій еврей, свободно владѣвшій румынскимъ языкомъ, по профессіи же онъ, какъ выяснилось, былъ торговецъ заложенными вещами мелкаго люда и занимался пріемомъ завѣдомо краденныхъ вещей.

Великій князь, получивъ среди самой серьезной работы подробное и обстоятельное донесеніе объ этомъ дѣлѣ, сообщилъ словесно принцу Карлу, что признавалъ бы правильнымъ, справедливымъ и единственно возможнымъ, въ виду всего оказавшагося, —наложивъ взысканіе на виновнаго солдата,—распорядиться съ тѣмъ вмѣстѣ высылкой клеветника къ мѣсту приписки.

Благоразумный и въ высшей степени тактичный принцъ Карлъ

*

на словахъ же отвѣтилъ великому князю, что съ своей стороны полагаетъ это предположеніе Его Высочества считать подлежащимъ исполненію, какъ распоряженіе, отданное въ военное время высшею командною властью арміи. Клеветникъ былъ высланъ въ Кишиневъ на распоряженіе мѣстныхъ властей.

Передъ самымъ выступленіемъ 14 пѣх. дивизіи, для сосредоточенія въ селеніе Бею ¹⁾, откуда она должна была передвинуться къ Зимницѣ, Фед. Фед. Радецкій передалъ Мих. Ив. Драгомирову волю великаго князя о томъ, чтобы наказаніе на провинившагося солдата было наложено по его, начальника дивизіи, усмотрѣнію; Мих. Ив. просилъ ходатайства Фед. Фед. о зачтеніи виновнику бѣды въ наказаніе производившихся частыхъ внѣ очереди нарядовъ его на караульную службу съ добавленіемъ къ этому кары, налагавшейся въ подобныхъ случаяхъ покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который рѣшалъ такъ: „пусть виновный заслужитъ передъ врагомъ“. Главнокомандующій изъявилъ полное согласіе дать такой исходъ дѣлу.

Солдатъ все время несъ службу образцово, а на Шипкѣ былъ раненъ пулею навывлетъ въ плечо съ раздробленіемъ ключицы; въ срединѣ августа онъ былъ, въ числѣ массы раненыхъ, эвакуированъ, вскорѣ послѣ того, какъ съ театра войны былъ перевезенъ въ Кишиневъ Мих. Ив. Драгомировъ.

* * *

Относительно подробностей исполненія возложеннаго на М. И. Драгомирова порученія—руководить десантомъ, небезъинтереснымъ является его собственный рассказъ объ эпизодѣ, который тамъ случился.—Уже успокоившись послѣ совершенія переправы на турецкій берегъ, М. И., усиленно направляя части своей дивизіи съ одной позиціи на другую,—внезапно увидѣлъ, невозмутимо спокойно стоявшаго возлѣ него, Фед. Фед.; машинально поздоровавшись съ нимъ и продолжая безостановочно заканчивать отдачу приказаній отдѣльнымъ командамъ, онъ вдругъ спохватился, такъ какъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что распоряжается людьми не своей части,—не своей дивизіи и не своего отряда,—то были уже взводы и роты полковъ девятой дивизіи ²⁾.

¹⁾ Конечный пунктъ, изъ котораго драгомировскій отрядъ, назначенный для переправы, собственно выступалъ къ мѣсту совершенія ея. (См. описаніе войны т. II, стр. 133 и 139).

²⁾ Подъ командой ген. Драгомирова для совершенія переправы были сосредоточены слѣдующія части войскъ: 14-ая пѣх. дивизія съ 14-ою артилл. бригадою, 4-ая стрѣлковая бригада (подъ нач. ген. Цвѣтневскаго), двѣ сотни 7-го пластунскаго батальона, 1-я и 2-я горныя батареи, Донской ка-

— „Ахъ, Ѳед. Ѳед., извините“, сказалъ Мих. Ив.. „я увлекся“..

Ѳед. Ѳед. съ недоумѣніемъ взглянулъ на него и совершенно спокойно сказалъ: „что вы, что вы, продолжайте, не прерывайте своего дѣла, направляйте людей, здѣсь вы начали,—вы и окончите, дайте мнѣ до конца насмотрѣться на то, какъ у васъ все спорится“...

„Я навсегда остался подъ обаятельнымъ впечатлѣніемъ такого отношенія Ѳед. Ѳед-ча къ дѣлу“, не разъ говорилъ Мих. Ив.; „Ѳед. Ѳед. явился, въ этомъ,—казалось бы, мелкомъ эпизодѣ,—безсмертнымъ; здѣсь въ немъ сказались чуждый мелочности, опытный, здравый кавказскій военачальникъ во всеоружіи своего знанія натуры человѣческой и умѣнья во-время ободрить подчиненнаго, продѣлывающаго крайне серьезную работу, хотя бы съ малѣйшею тѣнью неувѣренности въ себѣ или недоуверія къ самому себѣ“.

* * *

Еще съ осени 1876 года, — со времени ноябрьскаго приведенія дивизіи на военное положеніе М. И. Драгомировъ началъ усиленно входить съ представленіями о пополненіи состава офицеровъ; онъ постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, докладывалъ великому князю главнокомандующему о большомъ некомплектѣ офицеровъ въ полкахъ дивизіи; его высочество этимъ также сильно озаботился; со времени болѣзни великаго князя, Мих. Ив. не отступно напоминалъ объ этомъ начальнику штаба арміи генераль-адъютанту Непокойчицкому. Пока А. А. Непокойчицкій входилъ съ энергичными представленіями объ этомъ къ начальнику гл. штаба и къ военному министру,—М. И. Драгомировъ не упускалъ случая предлагать извѣстнымъ ему по прежней службѣ офицерамъ немобилизованныхъ частей переходить въ 14-ю дивизію; нѣсколько человѣкъ охотно перешли ¹⁾, но это была капля въ морѣ; недочетъ офицеровъ былъ слишкомъ большой, единичными переводами пополнять его не представлялось возможнымъ.

Наконецъ главный штабъ обратилъ свое вниманіе на это дѣло и началъ переводить офицеровъ группами. Тогда въ М. И., отъ времени до времени, начали возбуждаться неудовольствія, а

зачій № 23 полкъ и сформированная почти черезъ мѣсяць послѣ объявленія войны, присоединившаяся къ штабу дѣйствующей арміи въ Плоэштахъ, сводная рота гвардейскаго отряда почетнаго конвоя Его Величества.— всего 16³/₄ батальоновъ, 6 сотенъ и 64 орудія. (См. „Описаніе русско-турецкой войны“ т. II, стр. 135 и 136).

¹⁾ Такъ между другими въ дивизію былъ переведенъ или прикомандированъ съ назначеніемъ командиромъ батальона Подольскаго полка подполк. генер. штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ.

вѣрнѣ сомнѣнія, по поводу нравственныхъ и служебныхъ качествъ офицеровъ, попадавшихся къ нему: съ нравственной стороны они такъ или иначе выказывались черезъ короткій промежутокъ времени; служебныя же ихъ качества кидались въ глаза съ той стороны, что офицеры тѣ или зачислялись изъ отставки, въ которой передъ тѣмъ пребывали такъ долго, что успѣвали совершенно забыть и строй и службу, или переводились изъ частей, не имѣвшихъ ничего общаго со строевой службой.

„Много непріятнаго по этому поводу приходилось переживать „въ этой суетѣ приближенія минуты столкновенія съ врагомъ“, рассказывалъ М. И.; „все впрочемъ кое-какъ улаживалось, пока являлись офицеры сравнительно въ молодыхъ чинахъ и могли занимать въ полку такое положеніе, при которомъ удобно и возможно было имъ и доучиваться и переучиваться“. Но, однажды, передъ самымъ объявленіемъ войны, пришла бумага съ документами на переведеннаго въ Волинскій полкъ 14-ой дивизіи, капитана Ф., пробывшаго нѣсколько лѣтъ внѣ строя, слѣдовательно, строй забывшаго и перезабывшаго, а старшинство въ чинѣ сохранившаго“.

По свѣркѣ со всѣми полковыми списками, капитанъ Ф. оказался старше всѣхъ капитановъ въ дивизіи и, ужъ, конечно, не назначить его въ должность ротнаго командира не представлялось возможнымъ; ожидать же какого-либо толку отъ этого назначенія являлось невѣроятнымъ.

„Прошло нѣсколько дней, явился и самъ капитанъ; по первому разговору не особенно симпатичный, съ большимъ самоувѣніемъ, никакой необходимости подучиться не признаетъ, какой-то всезнайка; предоставить его съ ротою въ предстоявшемъ походѣ самому себѣ прямо таки казалось опаснымъ и преступнымъ. Много заботъ мнѣ добавилъ онъ, а съ другой стороны, много тяжелыхъ непріятностей пришлось и ему пережить, пока всѣ мы, начиная съ батал. командира, боялись за ту часть, которую, въ сущности, по моему глубокому убѣжденію, приходилось не вѣрить ему, а просто пожертвовать. Въ сношеніяхъ съ товарищами онъ самъ былъ очень корректенъ; по свѣдѣніямъ, приходившимъ изъ полка, хотя товарищи относились къ нему хорошо, но у большинства изъ нихъ какъ-то не лежала душа къ нему.

Въ походѣ кое-какъ его рота за другими подвигалась; мнѣ иногда казалось, что ничего худого, кидавшагося въ глаза, не было; иногда же, напротивъ, представлялось, будто бы я позволяю себѣ въ отношеніи къ нему на многое смотрѣть сквозь пальцы; то, вдругъ, приходило на умъ, что вижу неправильности, которыхъ вовсе нѣтъ

и за которыя капитанъ напрасно получаетъ непріятныя указанія, похожія на замѣчанія по службѣ.... Оед. Оед. Радецкій, взглянувъ на него при представленіи вновь поступившихъ чиновъ во время похода, сказалъ: „какъ будто чисто военныя замашки растрянжирилъ; ничего, дайте ему свободу, походъ лучше всего отшлифуетъ, только не надо сбивать его съ толку“.

Еще въ моментъ посадки капитана съ ротой на понтонъ подумалъ я, глядя на него: „надѣлаешь ты тамъ чудесъ, натворишь чего-нибудь доставшейся тебѣ ротѣ“!..

Такъ дѣло шло и неизвѣстно до чего дошло бы, если бы событія, свершившіяся въ ночь переправы, не разсѣяли все разомъ и безслѣдно: капитанъ Ф., попавъ со своей 3-ей стрѣлковой ротой на турецкій берегъ, сразу ориентировался и послѣ первыхъ же шаговъ боя, въ критическую минуту, съ большой ловкостью, энергично собравъ возлѣ себя десятка три стрѣлковъ, стремительно бросился съ ними на жарко отстрѣливавшуюся турецкую караулку; она разомъ была сбита, а вслѣдъ затѣмъ капитанъ же Ф. нанесъ жестокой уронъ турецкой ротѣ, отдѣлившейся отъ надвигавшагося со стороны Систова табора и бросившейся его атаковать справа. Этими двумя ударами онъ такъ повернулъ ходъ дѣла, что турки рѣшительно потерялись, наше же положеніе черезъ то стало вдругъ вполне увѣреннымъ и таковымъ осталось въ этомъ пунктѣ до конца боя. Храбрость, рѣшительность и хладнокровная распорядительность дали капитану Ф. Георгіевскій крестъ, который закрѣпилъ за нимъ отмѣнное положеніе не только въ дивизіи, но и во всей арміи“.

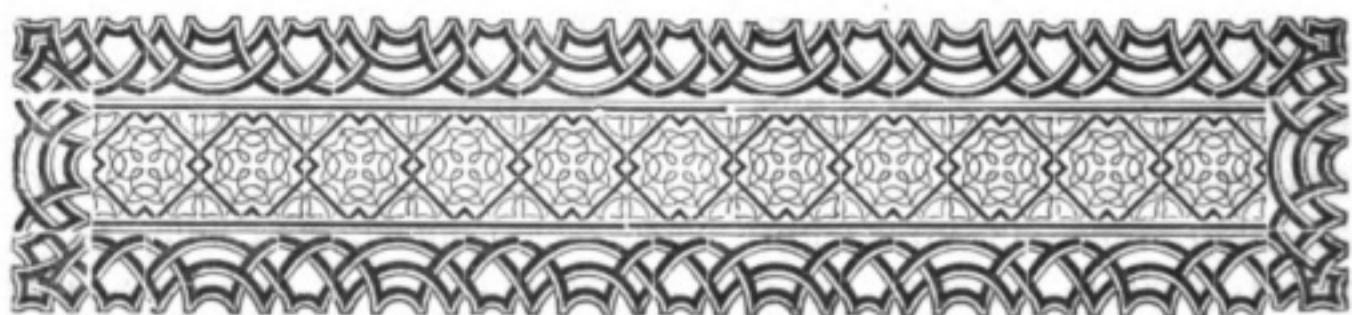
Съ тѣхъ поръ М. Ив. сталъ съ этимъ офицеромъ въ тѣ добрыя отношенія, которыя устанавливаются между двумя сторонами, когда одна изъ нихъ чувствуетъ себя какъ бы виноватой въ напрасныхъ и несправедливыхъ нападкахъ, а другая искренно рѣшаетъ всякую напраслину отъ души предать полнѣйшему забвенію и кромѣ хорошаго ничего изъ прошлаго не вспоминать...

Эти отношенія сохранились у Мих. Ив-ча навсегда; до конца дней своихъ онъ вспоминалъ б. капит. Ф. добромъ: „видѣлъ я такую распорядительность этого офицера въ бою, что уважаю его со всѣми его достоинствами и недостатками“, говаривалъ Мих. Ив. и, видимо, всегда былъ радъ встрѣчѣ съ нимъ.

Вышло, что и капитанъ Ф. заслужилъ передъ врагомъ...

А. Е. К.

Воспоминанія жизни О. Г. Тернера¹⁾.

знакомившись съ Германскими таможенными, я отправился въ Австрію, желая посмотрѣть и на австрійскіе таможенные порядки. Въ виду такого моего намѣренія, Убри пригласилъ меня, во время пребыванія моего въ Берлинѣ, къ обѣду вмѣстѣ съ Васильчиковымъ, который тогда былъ первымъ секретаремъ Посольства въ Вѣнѣ и находился кратковременно въ Берлинѣ. Убри полагалъ, что знакомство съ Васильчиковымъ облегчитъ мнѣ мои предполагаемыя занятія въ Австріи по изученію тамошнихъ таможенныхъ порядковъ. По пріѣздѣ въ Вѣну, я потому немедленно отправился къ Васильчикову, котораго, впрочемъ, я уже зналъ въ Петербургѣ. Васильчиковъ за временнымъ отъѣздомъ посла, управлялъ тогда Посольствомъ. Онъ принялъ меня очень *affairé*, извинился, что по случаю поглощенія всего его времени только-что возбуждившимся новымъ дипломатическимъ дѣломъ онъ не можетъ заниматься мною—разказавъ мнѣ впрочемъ, что его въ данный моментъ такъ занимало. Тогда только-что послѣдовало приглашеніе австрійскимъ Императоромъ всѣмъ царственнымъ особамъ Германіи съѣхаться для обсуждения на Fürsten Kongress'ѣ вопроса бѣльшаго объединенія Германіи. Такъ какъ именно въ то время у насъ были крайне возбуждены польскимъ вопросомъ, въ виду опасенія принятія Франціею открыто стороны повстанцевъ, и сомнѣнія, какъ въ этомъ случаѣ отнесется къ нимъ Австрія—не послѣдуетъ ли она за Франціею—поднятіе новаго, столь важнаго вопроса въ Германіи оказалось намъ въ высшей степени выгоднымъ. Предложеніе Австріи клонилось несомнѣнно къ уменьше-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1910 г.

нію вліяння Пруссія, которой въ случаѣ, если бы этотъ конгрессъ разрѣшился выгоднымъ для Австріи образомъ,—пришлось бы довольствоваться второю ролью въ Германскомъ Союзѣ. При такомъ положеніи дѣла, Пруссія самымъ рѣшительнымъ образомъ отказалась принять какое-либо участіе въ предположенномъ конгрессѣ—и это произвело такой переполохъ въ европейской политикѣ и въ такой степени поглотило общественное вниманіе, что польскій вопросъ, который до того занималъ всѣ умы, отступилъ совершенно на второй планъ—что и оградило насъ отъ всякой опасности посторонняго вмѣшательства въ наше внутреннее дѣло. Этотъ важный эпизодъ разразился именно въ моментъ моего приѣзда въ Вѣну и совершенно поглощалъ вниманіе Васильчикова, объяснившего мнѣ важное для насъ значеніе этого факта, который до такой степени игралъ намъ въ руку.

По пути въ Вѣну я заѣхалъ въ Лейпцигъ, чтобы посмотрѣть на происходившій тамъ Turnierfest, праздникъ гимнастовъ. Въ Лейпцигъ съѣхались турниры со всей Германіи и были приняты тамъ самымъ торжественнымъ и гостеприимнымъ образомъ. Уже на станціи жел. дор. приѣзжающихъ встрѣчали делегаты, предлагая имъ остановиться на частныхъ квартирахъ; меня и Магавли, съ которыми мы съѣхались въ Лейпцигъ, помѣстили у богатаго негоціанта въ роскошной виллѣ, гдѣ мы были приняты, какъ старые знакомые и почти родные, всѣмъ семействомъ хозяина. Весь городъ былъ разукрашенъ флагами, на улицахъ продавали комеморативныя медали съ эмблемою турнировъ, четыре Ф. въ формѣ креста, какъ начальныя буквы ихъ лозунга, frisch, frank, froh, frei—свѣжо, откровенно, радостно и свободно. На большой красиво убранной площади, въ виду нѣсколькихъ тысячъ зрителей, происходили гимнастическія упражненія. Затѣмъ публика размѣстилась за длинными обѣденными столами, начались рѣчи, большею частью съ политической окраской.

Въ этихъ рѣчахъ выражалось главнымъ образомъ то же стремленіе къ объединенію Германіи, которое получило выраженіе и на Фюрстенъ-конгрессѣ, созываемомъ Австріей. Въ Вѣнѣ это проявлялось въ верхнихъ сферахъ, въ Лейпцигѣ оно шло съ низу. Въ то время собранія турнировъ, собранія пѣвцовъ и разныя другія собранія чередовались въ Германіи непрерывно; въ этихъ дружественныхъ сѣздахъ лицъ, собиравшихся со всѣхъ концовъ Германіи, „Verbrüderungs feste“, выражалось господствующее тогда во всей Германіи стремленіе къ объединенію, на нихъ смотрѣли въ общественномъ мнѣніи какъ на подготовленіе къ будущему единству. И въ виду этого всеобщаго возбужденія, энтузіазма и увлеченія—Бисмаркъ хладнокровно произнесъ знаменитыя слова „Durch

Blut und Eisen“ говоря, что не рѣчами и не сѣздами можно объединить Германію, а только желѣзомъ и кровью.

Слова Бисмарка поразили всѣхъ: въ то время, когда всѣ только о томъ и помышляли, какъ бы между различными частями Германіи установить болѣе тѣсныя дружественныя связи „Verbrüderung“— Бисмаркъ высказываетъ, что объединеніе Германіи можетъ произойти только путемъ междоусобной войны,—какое же это братское объединеніе; извѣстно, что родственныя войны, какъ и родственные споры, самыя ожесточенныя;—что же можетъ быть послѣдствіемъ такой войны, только ужасное взаимное ожесточеніе;—силою одни могутъ поработить другихъ, но дружное единеніе никогда этимъ путемъ достигнуто не будетъ; такая война можетъ посѣять только вѣчный раздоръ и вѣчную ненависть въ средѣ Германіи.

А все же Бисмаркъ былъ правъ, предсказывая съ поражающею ясностью грядущія событія. Въ эту минуту его можно было сравнить съ пророкомъ. Мнѣ кажется, что въ этотъ моментъ политическая мудрость и прозорливость Бисмарка достигла такой геніальной высоты, которая уже не могла быть превзойдена во всей его жизни. Вся послѣдующая его политическая дѣятельность всегда отличалась свѣтлымъ прозрѣніемъ существующаго положенія, точною оцѣнкою условій современнаго момента, яснымъ пониманіемъ — какъ надо дѣйствовать при данныхъ условіяхъ, и энергическою къ тому рѣшимостью безъ всякихъ колебаній, какія бы эта рѣшимость ни представляла трудности. Говорятъ, что когда Бисмарка разъ спросили: почему ему все удается, онъ отвѣтилъ—„потому что я всегда раньше чѣмъ дѣйствовать, выжидаю, чтобы у меня были всѣ козыри въ рукахъ“.

Въ моментъ всеобщаго возбужденія и энтузіазма, охватившаго всю Германію—не увлечься этимъ возбужденіемъ и за три года до Австро-Прусской войны ясно провидѣть будущее,—это было безспорно дѣло политическаго генія.

Несомнѣнно существовали многочисленныя данныя, которыя при хладнокровной оцѣнкѣ всѣхъ обстоятельствъ должны были привести Бисмарка къ такому воззрѣнію, — но почему же никто кромѣ него не умѣлъ усмотрѣть тогда настоящаго положенія дѣла?

Австрія, въ своихъ попыткахъ вызвать большее объединеніе Германіи, руководилась съ одной стороны опасеніемъ, какъ бы такое объединеніе, къ которому явно стремилось все общественное мнѣніе Германіи, не свершилось, противъ нея, подъ главенствомъ Пруссіи,—какъ это впоследствии дѣйствительно и осуществилось,—а съ другой стороны она руководилась желаніемъ подчинить своему влиянію всю Германію и тѣмъ усилить свою власть, надъ негер-

манскими элементами Австрійской Имперіи—итальянскими, славянскими, польскими и венгерскими землями.

Пруссія смотрѣла на вопросъ болѣе безкорыстно, но съ своей стороны не могла согласиться на подчиненіе гегемоніи Австріи, не отказавшись отъ всего своего политическаго прошлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ она не имѣла еще достаточно энергіи ни къ тому, чтобы принять Императорскую корону изъ рукъ народа, предлагавшаго такую въ 1849 г., ни къ тому, чтобы актомъ собственной силы разрѣшить столь сложный вопросъ, — энергіи, которую впоследствии удалось вселить въ нее тому же Бисмарку.

Правители другихъ германскихъ государствъ руководились преимущественно эгоистическимъ желаніемъ не жертвовать ни малѣйшею долею своей самостоятельности и своего самодержавія на дѣло объединенія страны. Баварія, Саксонія и другія мелкія государства особенно опасались подчиненія Пруссіи и подпаденія ей строго административнымъ бюрократическимъ порядкамъ управленія. Въ виду этого опасенія они болѣе склонялись къ Австріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ средѣ ихъ являлась мысль, поддерживаемая саксонскимъ министромъ Бейстомъ и баварскимъ министромъ фонъ-дер-Пфортеномъ образованія совершенно независимаго отъ Пруссіи и отъ Австріи, союза среднегерманскихъ государствъ.

Наконецъ, общественное мнѣніе при охватившемъ его отвлеченномъ стремленіи къ объединенію общегерманскаго отечества, въ отношеніи практическаго примѣненія идеи объединенія распадалось на крайне различныя группы. Была большая группа людей, которая понимала, что объединеніе возможно только подъ вліяніемъ Пруссіи, эта группа, руководимая Кобургъ-Готскимъ великимъ герцогомъ Эрнестомъ, образовала извѣстный Nationalverein; немало было и сторонниковъ Австріи, наконецъ, продолжали еще держаться въ обществѣ республиканскія настроенія, какъ послѣдствія 1848 года, которыя ничего не хотѣли знать ни о Пруссіи, ни объ Австріи. Ко всему этому примѣшивалась нѣкоторая социальная антипатія, если можно такъ выразиться, существовавшая между южно-германцами и сѣверо-германцами, отчасти поддерживаемая религіозною рознью, которая не могла не отзываться на народномъ характерѣ. Въ доказательство отсутствія симпатій между южно-германцами, особенно баварцами и пруссаками, могу привести разговоръ, который я имѣлъ нѣсколько времени спустя съ баварцемъ, директоромъ Линдауской таможи. Послѣ дѣловой бесѣды, мы разговорились съ нимъ о текущихъ политическихъ дѣлахъ и общественныхъ стремленіяхъ, при чемъ ясно выразилось совершенное отсутствіе на югѣ симпатій къ сѣверу, несмотря на идеи Einig-Deutschland. Онъ

говорилъ о пруссакахъ, какъ о педантахъ, людяхъ, которые всегда очень высокога о себѣ мнѣнія, любятъ доминировать, людяхъ рѣзкихъ и непривѣтливыхъ, *schneidig, ohne Gemüthlichkeit*,—но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознавался, что на югѣ они не умѣютъ такъ усиленно усидчиво работать, какъ на сѣверѣ, т. е. Пруссіи. Онъ рассказывалъ мнѣ, что послѣ установленія Цольферейна нѣкоторыми баварскими таможенными чиновниками было предложено перейти въ Прусскія таможни. Такъ какъ содержаніе въ Пруссіи было значительно выше, то многіе изъ нихъ согласились принять дѣлаемое имъ предложеніе, — но скоро послѣ того опять вернулись въ Баварію, такъ какъ не могли привыкнуть ни къ той продолжительной дневной работѣ, ни къ той строгой требовательности, доходившей до педантизма, которыя господствовали въ прусской администраціи,—они не могли отдѣлаться отъ баварской привычки работать не спѣша—*mit Gemüthlichkeit*.

Все это вмѣстѣ взятое, неискренность Австріи, слабость Пруссіи, эгоизмъ среднихъ и мелкихъ германскихъ государствъ, неясность и разнородность стремленій къ объединенію проявившихся въ общественномъ мнѣніи и наконецъ существовавшую антипатію между южногерманскимъ и сѣверогерманскимъ характеромъ, Бисмаркъ вполне оцѣнилъ и потому пришелъ къ убѣжденію, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только насильственно, остріемъ меча. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ однако не опасался послѣдствій необходимой междоусобной брани, хорошо понимая, что какое бы ни было этимъ вызвано ожесточеніе и даже ненависть среди германскихъ государствъ, эти чувства могли быть только преходящими, что надъ ними должно было получить верхъ то общее чувство единенія, которое, несмотря на все, было такъ сильно въ Германіи.

Въ этомъ предвидѣніи онъ почти насильно побудилъ Вильгельма не воспользоваться доставшеюся на его долю побѣдою до конца, не унижать слишкомъ Австрію, не идти на Вѣну и сохранить самостоятельность и Баваріи и Саксоніи, не отнимая у нихъ ни куска земли. Благосклонныя и относительно легкія условія мира, вызванныя графомъ Бисмаркомъ, возымѣли дѣйствительно черезъ немного лѣтъ ожидаемыя имъ послѣдствія. Австрійскій Императоръ, который вначалѣ до того былъ возбужденъ противъ Пруссіи, что отослалъ Вильгельму даже всѣ свои прусскіе ордена, мало-по-малу успокоился, и дѣло дошло до того, что, сплотивъ окончательно во-едино всю Германію, воспользовавшись патриотическимъ подъемомъ, вызваннымъ франко-прусской войной, Бисмаркъ успѣлъ довести Австрію до заключенія съ Германіей дружескаго договора,

послѣ котораго интимныя дружескія отношенія Германіи съ Австрією продолжаютъ все болѣе и болѣе укрѣпляться.

Окончивъ таможенные этюды, я съѣхался съ матушкой и сестрами, которыя тоже въ это время находились за границей, и мы отправились вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи. Въ самомъ началѣ нашего пути, мы были пріятно поражены красотой мѣстоположенія небольшого пограничнаго баварскаго города Линдау, лежащаго на берегу Боденскаго озера. Поразительно живописенъ уже самый подъѣздъ къ городу. Линдау, соединенный съ материкомъ длинною дамбой, въ нѣсколько верстъ протяженія, по которой идетъ желѣзнодорожный поѣздъ, имѣетъ по обѣимъ сторонамъ разстилающееся водное пространство, такъ что изъ оконъ вагона представляется картина, какъ будто бы поѣздъ плыветъ по водѣ, однимъ словомъ, та же картина, которая представляется и при въѣздѣ въ Венецію. Наконецъ, подъѣзжая къ городу, передъ глазами открывается поверхность громаднаго Боденскаго озера, у города небольшой красивый искусственный портъ, на одной изъ дамбъ котораго, выдающейся довольно далеко въ озеро, красуется статуя, большой каменный левъ, эмблема баварскаго герба, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ маякомъ, для указанія входа въ портъ. Въ Швейцаріи мы провели нѣсколько недѣль, наслаждаясь красивою природою этой живописной страны.

По возвращеніи въ Берлинъ, я оставался тамъ еще нѣсколько недѣль, вращаясь въ самыхъ различныхъ кругахъ и слѣдя съ большимъ интересомъ за происходившимъ тамъ ученымъ и политическимъ движеніемъ. Я уже говорилъ, что благодаря Магавли я сошелся съ кружкомъ молодыхъ ученыхъ, по моему же оффиціальному положенію я оказался въ сношеніи съ разными оффиціальными личностями, занимавшими въ то время выдающееся положеніе въ мѣстной администраціи. Кромѣ того, во время конгресса я познакомился съ извѣстными экономистами, въ томъ числѣ и съ Михаэлисомъ, съ которымъ я особенно сошелся, съ Принцъ-Смитомъ и др. Все это были сотрудники выходившей тогда въ Берлинѣ, подъ редакціей Михаэлиса, экономической *Vierteljahresschrift*; вмѣстѣ съ тѣмъ большинство этихъ лицъ были депутатами въ Палатѣ и принадлежали къ преобладающей тогда національ-либеральной партіи, сильно враждовавшей съ Бисмаркомъ изъ-за военнаго закона. Въ средѣ ихъ Михаэлисъ игралъ выдающуюся роль и какъ экономистъ, и какъ политикъ. Черезъ этихъ лицъ я вообще сошелся съ разными депутатами національ-либеральной партіи и бывалъ нерѣдко на ихъ вечернихъ собраніяхъ, происходившихъ большею частью въ одномъ изъ пивныхъ ресторановъ. Эти собранія представляли боль-

шой интересъ благодаря происходившимъ на нихъ оживленнымъ политическимъ разговорамъ; въ то время вслѣдствіе борьбы палаты съ Бисмаркомъ, политическія страсти были до крайности возбуждены, а потому бесѣды о злобахъ дня велись всегда съ особеннымъ увлеченіемъ и представляли необыкновенный интересъ.

Вращаясь въ различныхъ сферахъ Берлина, я былъ удивленъ, замѣчая, что люди различныхъ ученыхъ интересовъ и различныхъ политическихъ оттѣнковъ сходились только между собою, обращаясь исключительно въ средѣ своей партіи, съ людьми же противоположныхъ оттѣнковъ и другихъ интересовъ не встрѣчались даже почти и въ обществѣ, кромѣ, разумѣется, оффиціальныхъ обѣдовъ и вечеровъ, дотого строго была у нихъ въ то время разграничена партійная жизнь. Разъ я коснулся этого вопроса въ средѣ депутатовъ, высказавъ имъ мое удивленіе, что между тѣмъ, какъ въ Англіи люди самыхъ противоположныхъ политическихъ оттѣнковъ постоянно сходятся между собою въ собраніяхъ, въ Берлинѣ и партійная жизнь и ученая жизнь строго разграничены въ различныхъ своихъ группахъ. Они вполне со мною согласились, говоря, что у нихъ такъ уже сложилась жизнь. По моему мнѣнію, это объясняется тѣмъ, что въ Берлинѣ семейной общественной жизни, какъ у насъ, не существовало, — и потому дамы обыкновенно не принимали участія въ мужскомъ обществѣ; мужчины же, собираясь вмѣстѣ по вечерамъ въ ресторанахъ, при господствовавшемъ тогда въ Берлинѣ удивительномъ подъемѣ умовъ, какъ въ политической, такъ и въ ученой сферѣ, дотого были поглощены интересами дня, что только о нихъ и бесѣдовали; а такъ какъ у каждаго кружка были различные интересы и различные взгляды, то присутствіе лицъ, имѣвшихъ другіе интересы, только мѣшало бы живости взаимнаго обмѣна мыслей. Депутаты національ-либеральной партіи не имѣли ничего общаго съ депутатами аристократической партіи, экономисты-фритредеры съ протекціонистами, молодые медики напр. съ учителями, и потому они всѣ группировались только между собою. Разумѣется, эта обособленность придавала каждой изъ этихъ группъ нѣкоторую односторонность въ сужденіяхъ, судили каждый только со своей партійной точки зрѣнія, и нѣкоторое доктринерство, которое проявлялось даже въ политической дѣятельности палаты; но вмѣстѣ съ тѣмъ это придавало движенію умовъ и большую глубину мысли и большую серіозность.

Вообще въ Берлинѣ въ то время повсюду проявлялась, какъ уже я замѣтилъ выше, самая усиленная, самая энергическая дѣятельность, дотого доходило тогда возбужденіе умовъ. Это не могло не отражаться и на общественной жизни берлинцевъ. Занятые

цѣлый день политическими и учеными вопросами, люди очевидно не имѣли возможности вести такую непринужденную семейную жизнь, которая существуетъ у насъ, и при которой каждый почти домъ открытъ и къ обѣду и къ вечеру для прихода друзей и близкихъ знакомыхъ, совершенно запросто. Берлинцы же, и политики, и ученые, и администраторы, въ тѣ времена дотога были заняты, что у нихъ былъ разсчитанъ каждый часъ дня, и потому имъ невозможно было отелекаться отъ строго урегулированныхъ занятій посторонними посѣщеніями. Проработавъ же цѣлый день усиленно, усталые, они нуждались въ освѣженіи мыслей интересною бесѣдой и потому отправлялись въ свой ресторанъ, гдѣ они всегда могли застать интересующихъ ихъ лицъ, принадлежащихъ къ ихъ кругу, и переговорить съ ними не только о занимавшихъ ихъ въ данное время вопросахъ, но даже и о кой-какихъ дѣлахъ. Семейные люди со своими женами и семействами встрѣчались въ сущности только за обѣдомъ дома. Только отъ времени до времени они устраивали у себя приглашенные обѣды и приглашенные вечера. За обѣдомъ у профессора Вирхова я его спросилъ, какъ онъ находитъ время соединять столь разнообразную и ученую и преподавательскую и политическую дѣятельность. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это возможно только при самомъ строгомъ распредѣленіи дня, отъ котораго онъ никогда не отступаетъ. Его рабочій день начинался съ 6-ти часовъ утра, кажется письменными учеными работами, затѣмъ шли клиническія занятія, преподаваніе въ университетѣ, посѣщеніе госпиталя, затѣмъ нѣсколько часовъ посвящались изученію законодательныхъ проектовъ и другихъ дѣлъ, которыя вносились въ палаты,—или участію въ засѣданіи палаты, въ тѣ дни, когда эти засѣданія происходили, за тѣмъ передъ обѣдомъ еще обыкновенно лекція въ университетѣ,—потомъ обѣдъ домашній, и наконецъ вечеръ заключался въ кругу знакомыхъ въ ресторанѣ. Несмотря на то, Вирховъ совсѣмъ не казался сухимъ ученымъ, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Разумѣется, такой образъ жизни не могъ имѣть особенно хорошаго вліянія на семейную жизнь и на уровень женскаго свѣтскаго развитія. Жены ученыхъ и политиковъ, почти устраненныя изъ интереснаго мужского общества, сходились между собою также въ разныхъ кофейныхъ помѣщеніяхъ, это такъ называемыя Kaffée-Kränzchen, бесѣдуя между собою большею частью только о хозяйствѣ и о дѣтяхъ—мало интересуясь и политическими и литературными вопросами. Была впрочемъ и между ними исключенія, такъ напр., жены профессоровъ Вирхова и Михаэлиса являлись дамами чрезвычайно развитыми, умными и пріятными въ обществѣ.

Какъ я уже замѣтилъ, это было время ожесточенной парламентской борьбы съ Бисмаркомъ, котораго либералы обвиняли изъ-за военнаго закона въ нарушеніи конституціи; они видѣли въ немъ отъявленнаго врага германской свободы. Впослѣдствіи, когда результаты войны съ Австріей раскрыли передъ ними сущность патріотическихъ замысловъ Бисмарка, почти вся національ-либеральная партія перешла на его сторону. Въ числѣ ихъ былъ и Михаэлисъ, который сдѣлался приближеннымъ еотрудникомъ Бисмарка по всѣмъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Въ то время Бисмаркъ еще не былъ противникомъ фрिटредерскаго направленія. Впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался открытымъ и энергическимъ протекціонистомъ, Михаэлисъ, какъ убѣжденный фрिटредеръ, уже не могъ болѣе работать съ нимъ вмѣстѣ на этомъ поприщѣ и, не желая оппонировать ему, сложилъ съ себя званіе депутата. Тогда Бисмаркъ, продолжавшій уважать и цѣнить Михаэлиса, предоставилъ ему мѣсто директора Комиссіи Погашенія Долговъ и тѣмъ обезпечилъ ему почетное положеніе на остальное время жизни.

Вернувшись въ Петербургъ, я представилъ министру финансовъ записку съ изложеніемъ прусскихъ таможенныхъ порядковъ и съ указаніемъ, что по моему мнѣнію изъ существующаго въ Пруссіи могло бы быть примѣнено къ намъ. Въ то время уже была учреждена у насъ комиссія для преобразования Таможеннаго устава, и въ эту комиссію были внесены на разсмотрѣніе и мои предположенія; вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Многие изъ моихъ предложеній, между прочимъ вся система провоза товаровъ за таможенными замками, было принято и впослѣдствіи введено въ дѣйствіе.

Вскорѣ послѣ того князь Д. А. Оболенскій бывшій тогда, какъ я уже замѣтилъ, директоромъ департамента внѣшней торговли, пріѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ въ очень любезной формѣ—мѣсто вице-директора департамента. Я изъявилъ согласіе и одновременно съ моимъ назначеніемъ на этотъ новый постъ сложилъ съ себя званіе секретаря Географическаго общества и члена въ главномъ выкупномъ отдѣленіи.

Князь Дмитрій Александровичъ принадлежалъ къ числу лицъ, окружавшихъ Великаго Князя Константина Николаевича и выведенныхъ имъ въ высокое положеніе. Въ началѣ царствованія Александра II-го Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ и затѣмъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Пользуясь большимъ вліяніемъ на Государя, онъ стоялъ во главѣ либеральной партіи и былъ однимъ изъ главныхъ защитниковъ дѣла освобожденія крестьянъ. Его окружала

группа весьма способныхъ молодыхъ людей, значительное число которыхъ впоследствии достигли министерскихъ постовъ,—въ публикѣ ихъ называли „Константиновскими орлами“. Это были главнымъ образомъ гр. Толстой, Головинъ, Рейтеръ, Оболенскій и нѣкоторые другіе.

Поставленный во главѣ морского министерства, Великій Князь началъ свою реформаторскую дѣятельность съ кореннаго преобразования этого учрежденія—упрощеніемъ и устраненіемъ разныхъ излишнихъ и сложныхъ бюрократическихъ формальностей и введеніемъ возможно практическаго способа веденія дѣлъ. Князь Дмитрій Александровичъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ преобразованіяхъ въ качествѣ директора одного (кажется, комиссаріатскаго) изъ департаментовъ означеннаго министерства. Возлѣ него пользовались преобладающимъ вліяніемъ на Великаго Князя Головинъ и особенно графъ Д. А. Толстой. Между ними и особенно между Оболенскимъ и Толстымъ возникло по этому поводу соперничество, и произошелъ разладъ, вслѣдствіе чего кн. Оболенскій впоследствии и оставилъ морское министерство, получивъ званіе статсъ-секретаря Е. И. В.—Несмотря на крайне почетное положеніе, которое такимъ образомъ было за нимъ оставлено, князь Дмитрій Александровичъ тяготился отсутствіемъ всякой оффиціальной дѣятельности и искалъ, куда бы пристроиться. Разъ, какъ онъ самъ рассказывалъ мнѣ, гуляя лѣтомъ вечеромъ, на Елагиномъ Островѣ онъ встрѣтился съ М. Х. Рейтерномъ, который тогда уже былъ министромъ финансовъ, и съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, по прежней ихъ совмѣстной службѣ у Вел. Кн. Константина Николаевича. Рейтеръ рассказывалъ ему что Пашковъ, бывшій тогда директоромъ департамента внѣшней торговли, оставляетъ свой постъ и что онъ, Рейтеръ, озабоченъ присканіемъ ему наслѣдника. Тогда Оболенскому пришло на мысль предложить самого себя,—Рейтеръ немедленно принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ состоялось назначеніе кн. Оболенскаго директоромъ департамента. Въ то время это былъ единственный директоръ департамента, носившій титулъ статсъ-секретаря.

Князь Дмитрій Александровичъ былъ умный и доброжелательный человекъ, дѣльный и интересный собесѣдникъ и большой другъ и поклонникъ славянофильскаго московскаго кружка; онъ былъ особенно близокъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, Аксаковымъ, Черкасскимъ, Кошелевымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находился и въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. А. Милутинымъ, душевно сочувствуя его дѣятельности по крестьянскому вопросу. Съ Вел. Княгинею Еленою Павловною онъ тоже находился въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Истинный аристократъ, кн. Д. А. отличался большою просто-

тою и естественностью въ обращеніи со всѣми, и либеральнымъ настроеніемъ, которое побуждало его сочувствовать всѣмъ происходившимъ тогда реформамъ. Сойдясь съ нимъ, я до конца его жизни находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ, почти пріятельскихъ отношеніяхъ, которыя не нарушались даже разными мелкими столкновениями, которыя неизбежны при продолжительной совмѣстной службѣ, тѣмъ болѣе, что въ общемъ мы всегда были одного мнѣнія и совокупно проводили реформы, при чемъ онъ, главнымъ образомъ, занимался преобразованиемъ административнаго устройства и личнаго состава таможеннаго вѣдомства, а я реформами таможенной процедуры, на основаніи изученія мною этого вопроса за границею.

Не рѣдко по вечерамъ пріѣзжая къ нему для совмѣстныхъ занятій по какому-либо таможенному дѣлу, я просиживалъ у него до поздней ночи, увлеченный его интересною бесѣдой. Онъ рассказывалъ мнѣ о своихъ отношеніяхъ къ московскому славянофильскому кружку, ихъ образъ жизни и воззрѣніяхъ, высказывалъ свои сужденія о разныхъ лицахъ, читалъ мнѣ иногда свои наброски, родъ дневника, и такъ какъ онъ былъ человѣкъ необыкновенно живой, воспримчивый и умный—то все, что онъ писалъ и рассказывалъ, вызывало во мнѣ живѣйшій интересъ.

По своей добротѣ, онъ былъ весьма мягкаго характера — и вслѣдствіе того не всегда проявлялъ желательную выдержку и энергію.

Такъ, напримѣръ, въ разговорѣ со мной, когда онъ мнѣ предлагалъ мѣсто вице-директора, онъ объяснялъ мнѣ, что вообще предполагается преобразование департамента внѣшней торговли, съ значительнымъ расширеніемъ круга его дѣятельности, такъ что этотъ департаментъ долженъ былъ превратиться въ нѣчто подобное министерству торговли. Преобразование его дѣйствительно состоялось, но князю Оболенскому не удалось провести эти преобразованія въ предполагаемомъ имъ смыслѣ, хотя его предположенія и основывались вѣроятно на предварительномъ обмѣнѣ мыслей по этому предмету съ Рейтерномъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что вся чисто торговая часть отошла къ бывшему тогда департаменту внутренней торговли, директоръ котораго Бутовскій счумѣлъ настоять на необходимости такой группировки дѣла. Этотъ департаментъ получилъ тогда новое названіе департамента торговли и мануфактуры, а бывшій департаментъ внѣшней торговли былъ преобразованъ въ таможенный департаментъ, съ подчиненіемъ его вѣдомству исключительно таможенной части. Такой оборотъ дѣла уже съ самаго начала показалъ мнѣ, на сколько Оболенскій способенъ былъ увлекаться данной мыслью, но не имѣлъ за тѣмъ достаточно твердости характера, чтобы ее отстаивать, какъ слѣдуетъ.

Вторымъ вице-директоромъ у него былъ Н. Н. Колосовъ. Оболенскій объявилъ мнѣ съ самаго начала, что онъ намѣренъ предоставить мнѣ первенствующую передъ нимъ роль, такъ какъ я буду въ департаментѣ его alter-ego. Дѣйствительно, въ теченіе двухъ лѣтъ я продолжалъ занимать въ департаментѣ такое положеніе, управляя департаментомъ во время ревизіонныхъ поѣздокъ князя по Россіи, хотя я и былъ младшимъ вице-директоромъ. Но на третій годъ, отправляясь въ обычную лѣтнюю ревизіонную поѣздку, князь Дмитрій Александровичъ сообщилъ мнѣ, что Колосовъ былъ у него и жаловался ему на то, что хотя онъ старшій вице-директоръ, онъ все же постоянно устранивается отъ управленія департаментомъ, и что вслѣдствіе того онъ, т. е. князь Оболенскій, рѣшился въ настоящее время представить на выборъ министру—кому управлять департаментомъ во время его отсутствія. На это я ему возразилъ, что такое рѣшеніе противно тому, что онъ мнѣ заявлялъ съ самаго начала, что я буду его alter-ego и т. д.—но онъ только отвѣтилъ мнѣ, хотя и стѣсняясь нѣсколько: „что же дѣлать, я не могъ же отказать ему въ этомъ, не обидѣвъ его“. Впрочемъ, для оправданій этой непослѣдовательности, я долженъ прибавить, что Колосовъ принималъ въ то время выдающееся участіе въ учрежденной тогда тарифной комиссіи и составилъ по этому поводу очень основательную работу, которая легла въ основаніе рѣшеній комиссій по пошлинамъ на хлопчатые мануфактурныя издѣлія. При такомъ положеніи дѣла, Оболенскій дѣйствительно былъ поставленъ въ нѣсколько затруднительное положеніе его ходатайствомъ. Тогда я объяснилъ князю Оболенскому, что въ такомъ случаѣ и я буду ходатайствовать объ отпускѣ на время его отсутствія, чтобы не находиться въ подчиненіи у лица, передъ которымъ до того я имѣлъ первенствующее положеніе, и, разумѣется, Оболенскій согласился со мной. Но въ этомъ отпускѣ не оказалось надобности, такъ какъ Рейтернъ рѣшилъ, что и на будущее время временное управленіе департаментомъ должно быть поручено мнѣ, какъ и до того. Въ то время, когда князь Оболенскій принялъ управленіе департаментомъ, составъ таможенныхъ чиновниковъ особенно въ пограничныхъ таможахъ оставлялъ много желать, контрабанда происходила въ довольно широкихъ размѣрахъ и не только въ смыслѣ провоза товаровъ мимо таможенъ, но и въ самыхъ таможахъ допускалось немало злоупотребленій, въ видѣ пропуска высоко обложенныхъ товаровъ по низкой пошлинѣ, несмотря на то, что формализмъ и бумажный контроль были доведены до послѣднихъ границъ сложности. Злоупотребленіямъ послѣдняго рода было присвоено даже особое названіе—легальная контрабанда. Одно это названіе могло

*

служить доказательствомъ распространенія подобныхъ злоупотребленій. Вступивъ въ управленіе департаментомъ, князь Оболенскій очень энергически принялся за искорененіе существовавшихъ злоупотребленій и за рациональное преобразование всего таможеннаго дѣла. Одною изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности состава таможенныхъ чиновниковъ слѣдовало считать недостаточность содержанія. Жалованье было самое незначительное, правда, по закону изъ всего поступленія таможенныхъ пошлинъ отчислялось 5% на дополнительное вознагражденіе чиновниковъ,—но эта сумма распредѣлялась очень неравномѣрно, такъ что нѣкоторые изъ нихъ получали очень значительное содержаніе, а другіе оставались при мизерныхъ окладахъ. Сознывая, что прежде всего необходимо обезпеченіе служащихъ, если желательно имѣть хорошій составъ чиновниковъ, Оболенскій обратилъ на этотъ предметъ серьезное вниманіе. Финансовое положеніе Россіи было тогда еще довольно неудовлетворительное, такъ что на значительное увеличеніе средствъ изъ Государственнаго Казначейства нельзя было рассчитывать. Поэтому князь Оболенскій рѣшилъ слить 5% прибавку съ штатными суммами, консолидировавъ эту прибавку окончательно въ суммѣ поступленій за послѣднее время, такъ что потребовалось только небольшое къ ней добавленіе для установленія новыхъ штатовъ, значительно болѣе обезпечивавшихъ служащихъ. Этимъ достигалось во-первыхъ установленіе за таможеннымъ вѣдомствомъ опредѣленной суммы,—между тѣмъ какъ въ виду постояннаго уменьшенія въ послѣдніе годы таможеннаго дохода уменьшалась и сумма 5% отчисления, а во-вторыхъ этимъ путемъ достигалась возможность болѣе соразмѣрнаго распредѣленія вознагражденія служащихъ и установленіе постоянныхъ штатныхъ окладовъ, вмѣсто колеблющагося изъ года въ годъ вознагражденія. Такимъ образомъ была получена возможность составленія вполнѣ удовлетворительныхъ таможенныхъ штатовъ. Какъ случайное къ нимъ добавленіе осталось только отчисленіе въ пользу чиновниковъ нѣкоторой суммы изъ поступающихъ штрафовъ и акциденцій. Общее поступленіе таможеннаго дохода едва доходило въ то время 30 милліоновъ и не предвидѣлось значительнаго его возрастанія. Между тѣмъ благодаря произведеннымъ въ таможенномъ вѣдомствѣ реформамъ и общему экономическому подъему Россіи, таможенные доходы вскорѣ послѣ того стали значительно расти, въ настоящее время они колеблются даже въ предѣлахъ 100 милліоновъ. Вотъ почему съ точки зрѣнія интересовъ таможенныхъ чиновниковъ впоследствии стали сожалѣть о консолидаци и снятіи со штатовъ существовавшей прежде 5% прибавки,—такъ какъ размѣръ ея уже черезъ нѣсколько лѣтъ бы удвоился.

Но этого тогда нельзя было предвидѣть, и во всякомъ случаѣ этими мѣропріятіями достигалось удовлетвореніе немедленной потребности—преобразования штатныхъ окладовъ. Увеличеніемъ и преобразованиемъ штатнаго содержанія однако нельзя было ограничиться. Князь Оболенскій хорошо понималъ, что для того, чтобы поставить дѣло на здоровую ногу, надо новое вино вливать въ новые мѣха. Значительное число старыхъ чиновниковъ уволено было съ пенсіей, и на ихъ мѣста, особенно на мѣста начальниковъ округовъ и главныхъ таможенъ были назначены свѣжія лица. Выборы, сдѣланные кн. Оболенскимъ, были вообще удовлетворительными, такъ что можно сказать—весь составъ таможенныхъ чиновниковъ измѣнился и облагородился, благодаря чему появилось въ таможенной службѣ совершенно новое направленіе. Повѣяло какъ бы свѣжимъ духомъ. Были, разумѣется, случаи и неудачныхъ выборовъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе разныхъ рекомендацій, которыми князь по своей податливости иногда увлекался; такъ между прочимъ былъ назначенъ, по рекомендаціи московскаго кружка, одинъ болгаринъ управляющимъ первоклассной таможни, который въ самомъ же началѣ былъ уличенъ въ серьезныхъ злоупотребленіяхъ. Но это были немногіе исключительные случаи, въ общемъ же, какъ я уже замѣтилъ, выборы были очень удачны.

Съ своей стороны я занялся упрощеніемъ и болѣе рациональнымъ устройствомъ таможенной процедуры, всевозможнымъ облегченіемъ правильной торговли; между прочимъ мнѣ удалось ввести существенное различіе въ размѣрахъ штрафовъ: за ошибки, имѣвшія явный характеръ обмана, и за мелкія ошибки показаній товаровъ, которыя могли происходить по недосмотру, особенно въ виду сложности нашего тарифа.

Всѣ эти мѣропріятія имѣли несомнѣнное вліяніе на улучшеніе таможеннаго дѣла, и я могу сказать, что когда въ началѣ семидесятыхъ годовъ князь Оболенскій, а затѣмъ и я оставили таможенное вѣдомство, его нельзя было сравнить съ тѣмъ, что было прежде. Несомнѣнно, въ рѣдкихъ случаяхъ еще попадались злоупотребленія, они случаются и теперь, но то, что было тогда, можно сказать, общимъ правиломъ, теперь сдѣлалось рѣдкимъ исключеніемъ¹⁾.

¹⁾ Ко времени моего служенія въ Деп. Т. Сб. относится одинъ странный и неприятный эпизодъ—доказывающій, какъ безъ всякой вины по неосмотрительности можно поставить себя въ неловкое и неприятное положеніе. Въ Департаментъ былъ курьеръ К. чрезвычайно расторопный и потому пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ начальства, по этой причинѣ остальные курьеры на него злились. Разъ этотъ курьеръ зашелъ ко мнѣ, чтобы сообщить, что на такомъ-то заграничномъ пароходѣ привезли и продаютъ

На слѣдующій годъ послѣ моего назначенія вице-директоромъ я былъ командированъ по одному дѣлу въ Варшаву. Это было первое время (1864 г.) по усмиреніи мятежа, а потому поѣздка въ Варшаву представляла для меня особенный интересъ. Дѣло, по которому я былъ командированъ, было такое. Начальникъ Сосновицкаго округа, Суходольскій, молодой, очень порядочный человекъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный, крайне не понравился мѣстному еврейскому населенію, вѣроятно потому, что вслѣдствіе его строгаго контроля прежнія злоупотребленія на границѣ не могли уже продолжаться. Противъ него стали интриговать всякими путями и наконецъ воспользовались тѣмъ, что какой-то еврей, торговавшій по Сосновицкой таможенѣ, повѣсился, чтобы связать съ этимъ происшествіемъ Суходольскаго, возбудивъ противъ него обвиненіе въ томъ, что его дѣйствія вызвали самоубійство несчастнаго еврея. Объ этомъ былъ сдѣланъ доносъ графу Бергу, и несмотря на то, что обвиненіе было совершенно голословное, гр. Бергъ назначилъ слѣдствіе по этому дѣлу, увѣдомивъ объ этомъ кн. Оболенскаго, прося его прислать депутата Там. Департамента для присутствія при слѣдствіи. Такъ какъ съ первой же минуты нельзя было сомнѣ-

очень хорошей молодой картофель, такъ какъ можетъ быть и я пожелаю купить мѣшокъ; ни о чемъ не думая, я сказалъ ему „хорошо“ и далъ ему деньги; на другой день онъ привезъ мнѣ на домъ мѣшокъ картофеля. Нѣсколько дней спустя кн. Оболенскій говоритъ мнѣ съ озабоченнымъ видомъ „вотъ какое я получилъ письмо“ и передаетъ его мнѣ для прочтенія. Это было анонимное донесеніе (какъ потомъ оказалось, писанное однимъ изъ курьеровъ), въ которомъ говорилось, что курьеръ К. ѣздитъ по заграничнымъ пароходамъ и забираетъ отъ нихъ разную провизію, и что на-дняхъ еще онъ привезъ кулъ картофеля вице-директору Тернеру. Легко себѣ представить, какъ мнѣ было это неприятно. Я рассказалъ Оболенскому, какъ было дѣло, прибавивъ, что, разумѣется, мнѣ надо было сообразить, что неловко покупать черезъ курьеровъ предметы, привозимые на заграничныхъ пароходахъ, такъ какъ это могло подать поводъ къ разнымъ толкамъ, но что я этого въ ту минуту не сообразилъ. Чтобы выяснитъ, на сколько обвиненіе, возбужденное противъ курьера К. о томъ, что онъ даромъ получаетъ предметы, привозимые на иностранныхъ пароходахъ, справедливо, кн. Оболенскій приказалъ одному чиновнику по особымъ порученіямъ разслѣдовать это дѣло и доложить ему лично послѣ его возвращенія, такъ какъ онъ тогда именно собирался въ отъѣздъ для осмотра таможенъ. Во время его отсутствія, я какъ обыкновенно долженъ былъ управлять Департаментомъ. Изслѣдованіе не выяснило никакихъ злоупотребленій со стороны курьера К. и потому осталось для него безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Несмотря на то, мнѣ было, разумѣется, крайне обидно, что я былъ такъ глупъ не сообразить, какъ неумѣстно было съ моей стороны давать такое порученіе курьеру К., связавшее мое имя со столь неприятнымъ дѣломъ.

ваться въ томъ, что это дѣло еврейской интриги, то, опасаясь, какъ бы Суходольскій не сдѣлался жертвой этой интриги, вмѣсто командированія въ Варшаву кого-либо изъ подчиненныхъ чиновниковъ, князь Оболенскій нашелъ нужнымъ командировать туда вице-директора, какъ человѣка вполне самостоятельнаго и поставленнаго достаточно высоко, чтобы имѣть возможность нейтрализовать вліяніе всякихъ интригъ и вывести дѣло на чистую воду. Вмѣстѣ съ тѣмъ такою командировкою онъ показывалъ графу Бергу, сколь серьезное значеніе онъ придаетъ этому дѣлу. Я съ удовольствіемъ принялъ предлагаемое мнѣ порученіе и, какъ слѣдовало ожидать, слѣдствіе, которое происходило въ самой таможенѣ, на границѣ, доказало только всю неосновательность обвиненія, такъ какъ не было приведено ни одного положительнаго факта, подтверждавшаго, что дѣйствія Суходольскаго имѣли какое-либо соотношеніе къ самоубійству несчастнаго еврея. Мнѣ легко было, зная, что я имѣлъ въ Петербургѣ солидную поддержку, устранить всякія попытки, которыя были дѣлаемы съ нѣкоторыхъ сторонъ, чтобы запутать вопросъ, энергическимъ требованіемъ, чтобы слѣдствіе нисколько не уклонялось въ сторону.

Такимъ образомъ цѣль моей командировки была очень легко достигнута, а вмѣстѣ съ тѣмъ это дало мнѣ возможность, до начала и послѣ конца слѣдствія, провести нѣсколько недѣль въ Варшавѣ, — пребываніе, которое было исполнено для меня величайшаго интереса.

Я помѣстился очень удобно въ роскошной „Европейской гостиницѣ“, которая уже тогда была устроена совершенно на манеръ лучшихъ европейскихъ гостиницъ. Графъ Бергъ, какъ человѣкъ чрезвычайно тонкій, немедленно понявшій, какъ на это дѣло смотрятъ въ Петербургѣ, принялъ меня крайне любезно, почти какъ стараго знакомаго. Я у него нѣсколько разъ обѣдалъ, былъ на одномъ большомъ балу и получалъ приглашеніе въ его ложу въ театрѣ. У него же я познакомился тогда съ Треповымъ, который былъ начальникомъ полиціи и своими энергическими дѣйствіями во время возстанія обратилъ на себя вниманіе и положилъ тѣмъ начало своей дальнѣйшей карьерѣ. Треповъ отнесся ко мнѣ почему-то съ особенной симпатіею, и это расположеніе онъ выказывалъ мнѣ до конца своей жизни. Но что меня особенно интересовало, это встрѣча съ главнѣйшими дѣятелями, проводившими тогда въ Польшѣ крестьянскую реформу: Н. А. Милютинимъ, княземъ Черкасскимъ, Кошелевымъ, Домонтовичемъ. Со всѣми ими, кромѣ Кошелева, я уже былъ знакомъ изъ Петербурга. Я бывалъ у нихъ по вечерамъ и участвовалъ на интимныхъ обѣдахъ. Въ этихъ кругахъ я встрѣтилъ тогда тоже М. Н. Анненкова, — съ которымъ впоследствии до самой его печальной смерти я находился въ дружественныхъ отно-

шеніяхъ. Хотя Анненковъ былъ тогда, кажется, помощникомъ Трепова, но при своемъ либеральномъ настроеніи, питая большое сочувствіе къ Н. А. Милютину, онъ держался болѣе партіи членовъ учредительнаго комитета, чѣмъ партіи Бергъ-Треповской. Въ этихъ кругахъ вечеромъ и за обѣдомъ происходила, разумѣется, оживленная бесѣда, такъ какъ все происходившее въ то время, крайне интересовало всѣхъ членовъ учредительнаго комитета, много говорили о крестьянскомъ вопросѣ, объ отношеніи къ дѣлу графа Берга и т. п. Графъ Бергъ, выказавшій во время возстанія большую энергію, пока дѣло заключалось въ преслѣдованіи и наказаніи виновныхъ, какъ аристократъ и остзеецъ, питалъ все же нѣкоторую симпатію къ польскимъ аристократамъ и не очень сочувственно относился къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, но, какъ тонкій дипломатъ, онъ ни въ чемъ прямо не противодействовалъ ни Милютину, ни прочимъ членамъ учредительнаго комитета, — онъ только не оказывалъ имъ особенной поддержки, такъ что между Милютинымъ, Черкасскимъ и имъ отношенія были самыя дипломатическія, внѣшнимъ образомъ вполне удовлетворительныя, но не особенно сочувственныя и откровенныя. Очень много въ то время разсуждали о только-что послѣдовавшемъ закрытіи монастырей и разсказывали между прочимъ разные происшедшіе при этомъ анекдоты. Такъ какъ число монастырей было въ Польшѣ чрезвычайно значительно, при чемъ во многихъ монастыряхъ число монаховъ было крайне невелико, то было рѣшено монастыри, въ которыхъ (кажется) менѣе 8 монаховъ, закрыть, предоставивъ монахамъ распредѣлиться по другимъ монастырямъ въ краѣ, которые не предполагалось закрывать. Мѣру эту удалось сохранить до того въ секретѣ, что когда насталъ назначенный для приведенія ея въ исполненіе день, то это явилось для монаховъ совершенною неожиданностью, вслѣдствіе чего и произошли при этомъ разныя сцены, иногда даже очень курьезныя. Такъ въ одномъ монастырѣ, подлежавшемъ закрытію, когда чиновники прибыли въ монастырь, они застали въ кельѣ одного монаха женщину въ крайне легкомъ одѣяннн, до того прїѣздъ чиновниковъ совершился неожиданно. Несчастливая женщина такъ испугалась, что въ томъ же легкомъ одѣяннн, въ которомъ ее застали, побѣжала вверхъ по лѣстницѣ и спряталась въ колокольнѣ, откуда ее пришлось доставать. О томъ, до какой степени монахи были напуганы внезапностью этой мѣры, мнѣ самому пришлось случайно удостовѣриться на собственномъ опытѣ. Возлѣ Сосновицкой таможи находился знаменитый древній Ченстоховскій монастырь. Находясь въ Сосновицахъ, я пожелалъ взглянуть на эту знаменательную лавру, почитаемую и католиками

и православными, я поѣхалъ туда въ сопровожденіи двухъ таможенныхъ чиновниковъ въ мундирахъ. Мы подъѣзжаемъ къ монастырю, ворота открыты, но никто насъ не встрѣчаетъ, мы выходимъ изъ экипажа и направляемся во внутренность монастыря, проходимъ рядъ комнатъ и ни души,—наконецъ, намъ встрѣчается какой-то монахъ и спрашиваетъ насъ съ крайне испуганнымъ видомъ, чего мы желаемъ. Когда мы ему объяснили, кто мы и что мы желаемъ посмотреть монастырь, лицо его прояснилось. Очевидно, увидавъ издали экипажъ съ чиновниками въ мундирахъ, монахи испугались, у нихъ возникло подозрѣніе, не ѣдетъ ли это коммиссія для закрытія монастыря, и вотъ почему передъ нами весь монастырь оказался какъ бы опустѣвшимъ. Вполнѣ успокоенный нашими словами, встрѣтившій насъ монахъ сталъ водить насъ по всему монастырю, самымъ любезнымъ образомъ показывая намъ достопримѣчательности этой древней святыни,—показавъ намъ все интересное, онъ пригласилъ насъ закусить у него въ кельѣ — предложивъ намъ очень вкуснаго и жирнаго гуся и превосходное венгерское вино, которое онъ налилъ намъ въ серебряные кубки. Мы съ удовольствіемъ воспользовались его приглашеніемъ и за тѣмъ, дружественно пораспростившись съ нимъ, уѣхали обратно.

Много слышался я въ то время въ разговорахъ о банкирѣ Кроненбергѣ, первомъ варшавскомъ богачѣ, про котораго говорили, что ходитъ слухъ, что онъ былъ министромъ финансовъ повстанія, и который не смотря на то спокойно проживалъ въ Варшавѣ. Уже нѣсколько лѣтъ спустя я слышалъ въ Петербургѣ слѣдующія подробности объ этомъ дѣлѣ отъ барона В. М. Менгдена, который былъ въ Варшавѣ предсѣдателемъ института ипотечнаго кредита и хорошо былъ знакомъ со всѣмъ происходившимъ тогда въ Царствѣ Польскомъ.

При разслѣдованіи революціонныхъ дѣлъ дѣйствительно были найдены несомнѣнныя улики, что Кроненбергъ былъ чѣмъ-то въ родѣ министра финансовъ повстанцевъ. Сомнительно, чтобы онъ увлекся сочувствіемъ къ возстанію, но вѣроятно произведенное на него давленіе и угрозы были такъ сильны, что онъ не былъ въ состояніи отказать въ содѣйствіи повстанцамъ. Благодаря очень значительнымъ суммамъ, пожертвованнымъ имъ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, дѣло было замято, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ въ видѣ искупленія—построить одну изъ вѣтокъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Постройка эта состоялась, и по окончаніи ея, онъ даже получалъ какой-то орденъ. Между тѣмъ самое предпріятіе оказалось крайне выгоднымъ, дорога стала давать большіе доходы, такъ что искупительная его жертва оказалась очень выгоднымъ для него предпріятіемъ, онъ нажилъ на немъ большія деньги.

Съ этимъ же дѣломъ связано начало богатства банкира Бліоха, извѣстнаго между прочимъ разными статистическими сочиненіями, которыя имъ издавались и между прочимъ обширнымъ многотомнымъ трудомъ о войнѣ. По поводу представленія этого сочиненія онъ имѣлъ даже продолжительный разговоръ съ Государемъ и рассказываетъ, что этотъ разговоръ между прочимъ навелъ Государя на мысль—сдѣлать европейскимъ правительствамъ предложеніе о разоруженіи, которое повело къ собранію конгресса, оставшагося, впрочемъ, безъ существенныхъ результатовъ. Въ то время Бліохъ былъ еще бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, хотя и родственникомъ Кроненберга. При устройствѣ акціонерной компаніи для постройки указанной жел. дороги, Кроненбергъ, зная большія способности Бліоха, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему, что, желая обезпечить за собою большинство голосовъ въ общемъ собраніи акціонеровъ, онъ намѣренъ перевести на имя Бліоха значительное число акцій, съ условіемъ, чтобы послѣдній дѣйствовалъ во всемъ по его указанію. Бліохъ, разумѣется, съ радостью принялъ предложеніе Кроненберга. Когда постройка была окончена, и дѣло пошло въ гору, цѣна акцій значительно поднялась, тогда, однажды, Бліохъ, который между тѣмъ уже успѣлъ нажить нѣкоторыя деньги, явился къ Кроненбергу и сказалъ ему, что онъ пришелъ благодарить его за оказанное ему благодѣяніе и расчитаться съ нимъ. Кроненбергъ, полагая, что онъ пришелъ къ нему, чтобы возвратить переданныя ему акціи, отвѣтилъ ему, что онъ въ продолженіе всего дѣла былъ вполне доволенъ образомъ дѣйствій Бліоха, и что онъ не оставитъ его труды безъ вознагражденія. Но тогда Бліохъ объяснилъ ему, что онъ совершенно не намѣренъ возвращать ему акцій, что онъ оставляетъ ихъ за собою, и что онъ пришелъ только, чтобы уплатить ему ту стоимость акцій, которую онѣ имѣли въ моментъ ихъ выпуска. Легко себѣ представить, какъ Кроненбергъ былъ пораженъ неожиданностію такого сообщенія, и съ этого момента началась та ожесточенная вражда, которая продолжаетъ существовать между этими двумя первостепенными варшавскими банкирами.

Въ обществѣ у Берга я познакомился тогда тоже съ нѣкоторыми иностранцами, которые въ то время играли роль въ Варшавѣ. Это были австрійскій генер.-консуль баронъ Рехенбергъ, большой фаворитъ графа Берга и очень умный человѣкъ, прусскій военный агентъ Верди Дювернуа, который впоследствии былъ военнымъ министромъ, и управляющій въ то время русскимъ участкомъ Варшавско-Вѣнской жел. дороги *Regierungsrath, Hoff*. Все это были пріятные и образованные люди, въ обществѣ которыхъ я также нерѣдко проводилъ время въ веселой бесѣдѣ.

Представителемъ министерства финансовъ при графѣ Бергѣ былъ въ то время старый генералъ Т. Такъ какъ онъ, однако, совершенно не отвѣчалъ требованіямъ, соединеннымъ съ его положеніемъ, и совершенно не былъ способенъ защищать интересы министерства финансовъ, то на его мѣсто былъ назначенъ чиновникъ по особымъ порученіямъ таможеннаго департамента Лихтенштейнъ. Я рѣдко встрѣчалъ болѣе порядочнаго и пріятнаго человѣка. Умный, образованный, съ опредѣленнымъ и твердымъ характеромъ, онъ съ самаго начала сумѣлъ себя хорошо поставить въ Варшавѣ, приобрѣлъ полное довѣріе и расположеніе графа Берга и потому служилъ очень полезнымъ соединительнымъ звеномъ между Варшавскимъ и Петербургскимъ управленіемъ, съ тактомъ и знаніемъ дѣла, улаживая несогласія, которыя иногда возникали между этими двумя правительственными центрами, и большею частью даже въ-время успѣвая предотвратить ихъ возникновеніе.

Характеристикой того, такія странныя столкновенія происходили въ то время иногда между разными исполнителями мѣстной администраціи—и какъ Лихтенштейнъ въ такихъ обстоятельствахъ умѣлъ ловко себя поставить и выдержать характеръ, можетъ служить слѣдующее происшествіе. Въ продолженіе всего смутнаго времени, всѣ лица, проѣзжавшія черезъ Вильну, подвергались тамъ весьма строгому досмотру со стороны жандармскаго офицера, назначеннаго графомъ Муравьевымъ. Возвращаясь изъ Петербурга въ Варшаву, Лихтенштейнъ долженъ былъ проѣхать черезъ Вильну. Завѣдующій станціей жандармскій офицеръ, молодой человѣкъ, зная по паспорту оффиціальное положеніе Лихтенштейна при графѣ Бергѣ, вѣроятно, чтобы показать свою власть, подвергъ его, несмотря на то, особо строгому досмотру, осмотрѣвъ всѣ его бумаги даже оффиціальныя и вообще отнесся къ нему болѣе чѣмъ невнимательно. Лихтенштейнъ преспокойно и безъ всякихъ возраженій подчинился этой процедурѣ. Когда же досмотръ былъ оконченъ и ревизовавшій его офицеръ сталъ гулять по платформѣ, Лихтенштейнъ къ нему подошелъ и въ формѣ частнаго разговора, чтобы не обратить вниманіе публики, гулявшей также по платформѣ, сказалъ ему слѣдующее: „Вы окончили ваши обязанности, и теперь я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вы поступили не какъ разумный исполнитель власти, а какъ глупый мальчишка. Развѣ вы полагаете, что это должно служить къ укрѣпленію русскаго авторитета въ краѣ, когда въ присутствіи мѣстнаго польскаго и еврейскаго общества такъ относятся между собою чиновники графа Муравьева и графа Берга. Вы знаете, какое я мѣсто занимаю у графа Берга, и знаетъ вся здѣшняя публика; вы, кажется, хотѣли ей показать, что чиновники

графа Муравьева ни въ грошъ не ставятъ управленіе графа Берга и этимъ, несомнѣнно, доставили большое удовольствіе окружавшей насъ публикѣ, но принесли ли вы этимъ пользу русскому управленію въ краю, объ этомъ я предоставляю судить вамъ самому“... Пораженный этими словами, жандармскій офицеръ, невольно сознавая справедливость дѣлаемаго ему упрека и видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ съ характеромъ—смирено выслушалъ всю эту реприманду и, ничего не возражая, отошелъ сконфуженный въ сторону.

Я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о Филипеусѣ, съ которымъ я также встрѣтился въ Варшавѣ. Во 2-ой гимназіи я учился вмѣстѣ съ двумя братьями Филипеуса. Отецъ ихъ былъ нѣкогда богатымъ землевладѣльцемъ и промышленникомъ въ Финляндіи, но дѣла его, кажется, находились въ нѣкоторомъ разстройствѣ. Старшій братъ, человѣкъ крайне энергическій, который былъ со мною въ одномъ классѣ, по окончаніи курса сталъ впоследствии заниматься разными коммерческими операціями и поставками въ Восточной Сибири и, кажется, нажилъ значительное состояніе. Съ младшимъ братомъ, который былъ въ гимназіи ниже меня классомъ и котораго я послѣ гимназіи не видалъ, я теперь встрѣтился въ Варшавѣ. Онъ состоялъ при Милютинѣ, но, кажется, секретаремъ по найму, не имѣя оффиціального служебнаго положенія. Его обязанность заключалась въ чтеніи всѣхъ иностранныхъ журналовъ и въ составленіи рефератовъ изъ нихъ для Николая Алексѣевича.

Поправки. 1) Авторъ „Житейскихъ встрѣчъ“ въ № 1 „Русской Старины“ за нынѣшній годъ проситъ насъ исправить досадную опіску на стр. 49-ой, а именно: вмѣсто словъ „съ эпиграфомъ изъ Рылѣева: „повѣрь, мой другъ, взойдетъ она...“ слѣдуетъ читать: „съ эпиграфомъ изъ Пушкина: „товарищъ, вѣрь: взойдетъ она...“

2) Въ статьѣ А. Жиркевича „По Вальтеръ-Скотту“ на стр. 187, съ 4-й строки снизу слѣдуетъ читать такъ: И не безъ грустной, иронической улыбки долженъ былъ прочесть Хмельницкій мѣсто объясненія Шванебаха о томъ, что когда онъ, подполковникъ, лично убѣдится, что два-три камня и т. д.

Ред.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЕЖЕГОДНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

подъ редакціей Барона Н. В. ДРИЗЕНЪ.

„Ежегодникъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ“ выходитъ ежемѣсячно, въ теченіе 1909 г., а также будетъ выходить и въ теченіе 1910 г. семь разъ, книжками въ 10—12 печатныхъ листовъ, формата малое in 4°, съ художественными приложеніями.

Каждая книжка „Ежегодника“ будетъ заключать въ себѣ записки и воспоминанія театральныхъ дѣятелей, статьи, касающіяся постановокъ въ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театрахъ, статьи по прикладному искусству, обзоръ дѣятельности частныхъ и заграничныхъ театровъ
и т. д.

Въ видѣ приложенія будутъ даны пьесы текущаго репертуара ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, иллюстрированныя портретами дѣйствующихъ лицъ и mise-en-scène постановки.

Журналъ издается при ближайшемъ участіи въ литературно-художественномъ отдѣлѣ: Профессора **В. Д. Батюшкова**, акад. **А. В. Кони**, акад. **Н. А. Котляревскаго**, **Д. С. Мережковскаго** и проф. **П. О. Морозова**; въ художественномъ отдѣлѣ: **А. Я. Головина**, **М. В. Добужинскаго**, **Е. Е. Лансере**, **К. А. Сомова**, **С. К. Маковскаго** и **К. Д. Чичагова**.

Цѣна годового экземпляра „Ежегодника“ 6 руб., съ доставкой и пересылкой.

Подписка принимается во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ Спб. и Москвы, а также въ Конторѣ „Ежегодника“ (Итальянская, д. 1—8, кв. 49).

Цѣна отдѣльнаго выпуска 1 руб. (продается также въ фойѣ ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ ВЪ 1910 г.

ПОПУЛЯРНЫЙ

„ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ“

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса. ♦ ♦ тринадцатый годъ изданія.

Учебнымъ отдѣл. Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для Фундаментальныхъ библиотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Кроме популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ текущей литературѣ.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книгами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: I. Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всѣмъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ея наукамъ, съ соотвѣтственными рисунками научнаго содержанія. II. Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, бібліографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III. Литературный отдѣлъ и IV. Объявленія.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала“ получаютъ бесплатно ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ НАРОДНЫЙ МЕДИЦИНСКІЙ ЖУРНАЛЪ „ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ“ подъ редакціей д-ра ОКСА.

Въ журналъ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигиенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.—Почтовый ящикъ для отвѣтовъ на вопросы читателей,

Въ 1910 г. въ „Литературно-Медицинскомъ журналѣ“ будутъ, меж. проч., напечатаны:

I. Научный отдѣлъ: Проф. Мансъ Груберъ (Мюнхенъ). „Гигіена половой жизни“ Перев. съ 3-го нѣмец. исправленнаго изданія (7—12 тыс. экзмп.). Съ рисунками.—Проф. Г. Портъ (Гейдельбергъ), „Гигіена зубовъ и полости рта“ (строеніе и назначеніе полости рта; прорѣзываніе и смѣна зубовъ; уходъ за зубами и полостью рта у взрослыхъ; уходъ за полостью рта у больныхъ; костоѣда зубовъ; происхожденіе ея и послѣдствія; извлеченіе зубовъ; лѣченіе костоѣды; пломбировка; искусственныя зубы; профессиональныя болѣзни зубовъ). Перев. съ нѣм. Проф. А. Шреттеръ (Вѣна). „Гигіена легкихъ въ здоровомъ и больномъ состояніи“. Съ 17 рисунками. Пер. съ нѣм.—Проф. А. Богинскій (Берлинъ), „Обязанности матери“. Перев. съ нѣмец.—Д-ра мед. Р. Абель и М. Фиккеръ (Берлинъ). „Простѣйшіе способы бактериологическихъ изслѣдованій“ (Перев. съ нѣм). II. Литературный отдѣлъ: Бріэ (Briex). „Потерпѣвшіе“. Медицинская пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ франц.—Д-ръ мед. А. Н. Муморцевъ. „Психопатическія черты въ герояхъ Леонида Андреева“.—Д-ръ мед. А. В. Соболевскій. „Лермонтовъ о спиртовыхъ напиткахъ“. А. Бахтіаровъ. „Приготовленіе скелетовъ“. Литературное обозрѣніе: разборъ новыхъ книгъ и произведеній, соприкасающихся съ медициной и появляющихся въ текущей журнальной литературѣ. III. Общественная медицина: отклики на общественно-медицинскія злобы дня.—Т. П. Задера. „Объ объединеніи всѣхъ фельдшерско-акушерскихъ организацій. IV. Практическая медицина: рефераты изъ періодической медицинскои печати, имѣющіе практическій интересъ. V. Библіографія и некрологи. VI. Двѣнадцать №-ровъ журнала „Домашній Докторъ“ съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна „ЛИТЕРАТУРНО-МЕДИЦИНСКАГО ЖУРНАЛА“: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за 3 мѣсяца съ перес. Для выписывающихъ одновременно оба изданія („Фельдшеръ“ и „Литературно-Медицинскій Журналъ“ съ „Домашнимъ Докторомъ“) допускается уступка и разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ первому апрѣля 1 р., 50 к. и къ первому іюля 1910 г. 1 р. 50 к. За неполученіемъ взносов въ указанные сроки высылка обонхъ изданій прекращается.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (СИБ., Офицерская, 26).

Годовые подписчики газеты „Фельдшеръ“ и Литературно-Медицинскаго журнала“, внесшіе сразу всю подписную плату (6 р.), получаютъ бесплатно приложение

Медицинскій календарь „ЭСКУЛАПЪ“ на 1910 г. въ двухъ частяхъ.

(2-ая часть содержитъ: „Краткій терапевтическій словарь по внутреннимъ болѣзнимъ.“)

Открыта подписка на 1910 годъ.

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ
для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же со-
трудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи и этнографіи. Постоянные отдѣлы: *Изъ науки и жизни.*—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду распространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „ВСХОДОВЪ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ вѣсколькихъ номерахъ, можно было соединить въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Выходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Во „Всходахъ“ и „Библиотекѣ Выходовъ“ 1910 г. будетъ напечатано между прочимъ: *Безъ исхода.* Истор. пов. А. Алтаева.—*Талантъ.* Пов. Его же.—*Маленькій Павлюкъ.* Пов. С. Гусева-Оренбургскаго.—*Сказка жизни.* Пов. А. Галагай.—*Три волоса.* Пов. А. Зарина.—*Люди каменнаго вѣка.* Очерки А. Ельницкаго.—*Охота за горбачами.* Разск. И. Инфантьева.—*Изъ жизни наѣномыхъ.* Фабра. Въ обраб. И. Игнатъева.—*По волнамъ зенра.* Астроном. романъ Б. Красногорскаго.—*Пууруль.* Изъ алтайскихъ воспоминаній А. Мирской.—*Песеме новоземлець.* Разск. К. Нослова.—*Царица Эстеръ.* Разск. Н. Пружанскаго.—*Моряки.* Сборникъ морскихъ рассказовъ. К. Станюковича.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ въ Россіи 5 р.; на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к.; на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к.;
на 1 мѣс. 42 к.; за границу 8 р.

Плата за объявл. 1 стр.—40 р., $\frac{1}{2}$ стр.—20 р., $\frac{1}{4}$ стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопеечныхъ марокъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Гетровскія линіи,—и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-издат. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

Подписчикамъ „Одесскаго Листка“ на 1910 годъ будетъ выдана **БЕЗПЛАТНО** книга великаго писателя земли русской

Льва Николаевича ТОЛСТОГО „КРУГЪ ЧТЕНІЯ“.

Цѣль этой книги, какъ заявляетъ великій писатель въ своемъ предисловіи къ ней, заключается въ томъ, „чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разныхъ писателей, дать большому числу читателей ежедневно кругъ чтенія, возбуждающаго лучшія мысли и чувства“.

„Я желалъ бы, говоритъ онъ, чтобы читатели испытали при ежедневномъ чтеніи этой книги то же благотворное, возвышающее чувство, которое я испыталъ при ея составленіи и теперь продолжаю испытывать при ея перечитываніи“.

„Чувствую, что это моя послѣдняя работа, говоритъ Левъ Николаевичъ Толстой, и хочется придать ей характеръ тихой бѣсѣды послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ съ міромъ, и я радъ, если эту книгу читаютъ“.

„КРУГЪ ЧТЕНІЯ“, составляющій книгу около 800 страницъ, отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на хорошей большого формата бѣлой бумагѣ. Къ книгѣ приложенъ художественно исполненный фототипіей портретъ Л. Н. Толстого.

Выдача книги годовымъ подписчикамъ на 1910 годъ, внесшимъ полную подписную годовую плату (городскіе 10 руб., а иногородніе 12 руб.), будетъ производиться съ 10-го января 1910 года въ конторѣ „Одесскаго Листка“ по предъявленіи подписныхъ квитанцій. Гг. иногородніе подписчики, желающіе получить премію по почтѣ, подѣ заказной бандеролью, благоволятъ сообщить о томъ конторѣ, приложивъ поч. марокъ на 35 к. въ возмѣщеніе стоимости расходовъ по пересылкѣ. Подписчики же, получающіе газету въ разсрочку, книгу получаютъ при послѣднемъ взносѣ подписной суммы.

Количество экземпляровъ очень цѣнной книги „Кругъ чтенія“ отпечатано нами ограниченное и въ отдѣльную продажу не поступитъ.

Ежедневная литературная, политическая и коммерческая газета

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

съ отдѣльн. ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ, выходящими при газетѣ **ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ** по средамъ и субботамъ.

Въ 1910 году газета вступитъ въ 37-ой годъ своей жизни и будетъ продолжать издаваться той же редакціей, подѣ которой газета выходила всѣ 36 лѣтъ

Вліяніе, которое приобрѣла за столь продолжительное время газета, и то огромное число читателей, которое она завоевала, обязываютъ насъ стоять съ прежнею чуткостью на стражѣ интересовъ общества и въ будущемъ и съ сознаниемъ этой священной обязанности продолжать работу. Девизомъ газеты всегда было и впредь будетъ—стремленіе идти навстрѣчу интересамъ читателя-гражданина безъ различія національности и вѣроисповѣданія, неизмѣнно преслѣдуя цѣли прогресса и культуры.

Редакторъ-издатель **В. В. Навроцкій.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

въ городѣ съ доставкой на домъ 10 р. въ годъ, 6 р. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца и 1 р. 20 к. въ мѣс.; на города съ ежедневной высылкой по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 р. полгода, 3 р. 80 к. три мѣсяца, 1 р. 30 к. въ мѣс.

Квитанція, выдаваемая конторою въ полученіи денегъ, должна быть оплачена 5 к. гер. мар. за счетъ подписчика.

Редакція и Контора въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя „Одесскаго Листка“
В. В. Навроцкаго.

14-й годъ изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1910 годъ.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РОДНАЯ РѢЧЬ“

Издаваемый въ Москвѣ А. А. ПЕТРОВИЧЕМЪ подъ редакціей Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Н. Э. СТРЕМОУХОВА при постоянномъ участіи извѣстнаго писателя И. ЛОДИНА и художника П. П. ИВАНОВА и др.

Тринадцатилѣтнее существованіе журнала, огромная распространенность его среди Русскаго населенія, полное удовлетвореніе подписчиковъ, даже въ то время, когда политическія событія ставили къ тому почти непреодолимыя препятствія, наконецъ лестные отзывы подписчиковъ и читателей, такова въ общ. чертахъ исторія журн. „Родная Рѣчь“.

Въ будущемъ 1910 году подписчики журнала „Родная Рѣчь“ получаютъ **ВСЕГО ЗА ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ:**

50 ЛИТЕРАТУРНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА — свыше 300 рисунковъ и портретовъ и 1600 стр. текста, содержащаго въ себѣ романы, повѣсти, рассказы, статьи историческаго и научнаго содержания, описанія путешествій, біографіи, смѣсь, сельскохозяйственныя замѣтки. ОПИСАНІЕ ТЕКУЩИХЪ СОБЫТІЙ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, оригинальные рисунки, портреты, снимки съ знаменитыхъ картинъ, виды городовъ, историческихъ памятниковъ, живописныхъ мѣстностей и пр.

50 ПОЛИТИЧЕСКОЙ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ, въ которой печатаются передовыя статьи по всѣмъ вопросамъ политической и общественной жизни, хроника правительственныхъ распоряженій, нововведеній, фельетоны и замѣтки на разныя темы, обсужденіе мнѣній другихъ газетъ о разныхъ вопросахъ, корреспонденціи, иностранныя новости, театръ и музыка, спортъ, мелочи, тиражи и пр.

24 КНИГИ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ **Графа Е. А. САЛАСА.**
ИЗВѢСТНАГО РУССКАГО ПИСАТЕЛЯ

Будутъ даны слѣдующія его сочиненія: НА МОСКВѢ МОРЬ, больш. историч. романъ; ШЕМЯКИНЪ СУДЬ, историч. романъ; ПЕТРОВСКІЕ ДНИ, историч. романъ; ПОСЛАНЕЦЪ ГРАФА ГЕТМАНА, историч. романъ; СВАДЕБНЫЙ БУНТЬ, историч. романъ; СМЕРТНЫЙ ГРѢХЪ, историч. повѣсть; ЛУРДСКАЯ БОГОМАТЕРЬ, рассказъ; ЧЕРНЫШЪ, рассказъ; ЕВРЕЙКА, рассказъ; ЗАСѢКІНСКІЙ ДОМЪ, рассказъ; ЛОВЕЛАСЪ, рассказъ; ЯБЕДА НА ЯБЕДУ, рассказъ; ПОСЛАНІЕ КЪ РОССІЯНАМЪ, историческій рассказъ.

ВСѢ ОЗНАЧЕННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВЪ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ СТОЯТЪ 15 рублей

4 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМЕНИТАГО АНГЛІЙСК. ПИСАТЕЛЯ ДЖОНА ЛЕББОКЪ.
КАКЪ НАДО ЖИТЬ РАЗУМНО И СЪ ПОЛЬЗОЮ.

Означенныя книги необходимы каждому грамотному человѣку для самообразованія.

1 КНИГА **МЕЖДУЦАРСТВІЕ** Написанная по источникамъ
Е. И. ЗАБѢЛИНА.
СО МНОГИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И ПОРТРЕТАМИ.

При первомъ № журнала будетъ приложенъ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1910 г.

1 БОЛЬШАЯ КНИГА **ЦАРЕУБИЙСТВО**
или **ИСТОРИЯ СМЕРТИ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-ГО.**
НАПИСАНА ПО ЗАПИСКАМЪ ОЧЕВИДЦА.

Долголѣтнее добросовѣстное исполненіе своихъ обязательствъ передъ подписчиками служить гарантіей для будущихъ подписчиковъ, что и въ предстоящемъ году мы съ одинаковымъ рвеніемъ не только выполнимъ всѣ свои обѣщанія въ точности, но не остановимся передъ затратами на особыя не входящія въ программу приложенія, если того потребуютъ обстоятельства.

Подписная цѣна на журналъ „Родная Рѣчь“ со всѣми приложеніями съ пересылкой на годъ 5 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ — 2 р., къ 1 апрѣля — 1 р., къ 1 іюля — 1 р. и къ 1 сент. — 1 р.

Съ наложеннымъ платежомъ и въ кредитъ журналъ не высылается.

Подписку адресовать въ контору журнала „РОДНАЯ РѢЧЬ“ — Москва, Рождественка, Варсонофьевскій пер., № 4.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ксваловскимъ**, подъ редакціей **К. Е. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

Н. В. Жилина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Нотляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, Л. З. Сломинскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ текущемъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорѣніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналъ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника **В. И. Россинскаго**, фирмой **Meisenbach, Riffarth & Co** въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по $\frac{1}{2}$ г. 7 р. 75 к., по $\frac{1}{4}$ г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкою на годъ 16 р., по $\frac{1}{2}$ г. 8 р., по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по $\frac{1}{2}$ г. 8 р. 50 к., по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по $\frac{1}{2}$ г. 9 р. 50 к. по $\frac{1}{4}$ г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: **М. М. Стасюлевича**, В. О., 5 л., 28., **К. Риккера**, Невскій, 14; **А. Ф. Цинзерлинга**, Невскій, 20; **Т-ва М. О. Вольфъ**, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**, на Моховой, и въ конторѣ **Н. Печковской**, въ Петровскихъ линіяхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерibasовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ **Н. П. Карбасникова**.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. Главная контора журнала. Загородный просп., 14. Московское Отдѣленіе: Б. Никитская. 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—1

14-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Искусства и Науки

(быв. *Ф. И. Булгакова*, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстрація.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, окультизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обзорѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія **ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ** Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ *С. Д. Хобиковъ*.

Открыта подписка на 1909—1910 г.

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературный журналъ

II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ
съ Окт. 1909 г.
по Окт. 1910 г.

Въ журналъ „МІРЪ“ принимаютъ участіе выдающіеся литераторы, ученые и публицисты. Въ 1909—1910 г.г. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе

полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ ЖУРНАЛА большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40000 буквъ).

АЛЬБОМЪ ^{изъ} **24 КАРТИНЪ ЗНАМ. ХУДОЖН.** въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошной папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

— **Живыя рѣчи Л. Н. Толстого.** —

Въ содержаніе живыхъ рѣчей войдутъ собранныя И. Б. Тенеромъ легенды и бесѣды Л. Н. Толстого: Религія человѣчества. — Молитва. — Легенда объ Александрѣ I. — Христіане ли мы? — Послѣ отлученія. — Сборъ для голодающихъ. — Яснополянская коммуна. — Пророчества. — Шпіонъ. — Какъ Л. Н. Толстой бросилъ курить. — Новая заповѣдь. — О патриотизмѣ. — Сотрудники Л. Н. Толстого. — Легенда нищихъ. — Старушка сказочница. — Два старика. — Педагоги. — Какъ создавалась „Власть тьмы“. — Плоды просвѣщенія. — Пилать и истина. — Эпизодъ изъ Севастопольской войны. — Палкинъ. — Рѣпинъ. — Суворинъ. — Сенаторъ. — Вегетарианство. — Л. Н. Толстой и П. Л. Лавровъ. — Л. Н. Толстой и его дѣти. — Какъ отняли дѣтей у Хилкова. — Пасхальное путешествіе. — Л. Н. Толстой и Крыловъ. — Голодь. — Въ опалѣ. — Л. Н. Толстой и деньги. — Партии. — Соціализмъ. — Пролитая кровь. — Упоеніе смертью. — Л. Н. Толстой и конституція. — М. А. Стаховичъ. — Разумъ. — Въ Ясной Полянѣ. — Посылка. — Переписка Л. Н. Толстого. — Къ слухамъ объ Л. Н. Толстомъ. — Къ обстрѣлу дома Л. Н. Толстого. — Легенда объ Александрѣ Македонскомъ. — Колонизація евреевъ. — Сіонизмъ. — Л. Н. Толстой о юдофобствѣ. — Къ юбилею Л. Н. Толстого. — Наканунъ юбилея. — Отказъ отъ юбилея. — Академія нравственныхъ наукъ. — Л. Н. Толстой и студенты. — Л. Н. Толстой о Государственной Думѣ. — Л. Н. Толстой и порнографія. — Л. Н. Толстой о семьѣ. — Л. Н. Толстой о дуэли. — Изъ прошлаго. — Паломницы Ясной Поляны. — Л. Н. Толстой о тайнѣ безстрашія. — О врачахъ. — О прессѣ. — О театрѣ. — О женщинахъ. — Треповъ и домъ Л. Н. Толстого. — Покося. — Языкъ труда. — Л. Н. Толстой въ лѣсу. — Плачъ Патріарховъ. — Легенда о языкѣ. — Служители Бога. — Легенда о Патріархѣ. — Жизнь человѣка. — Легенда о Содомѣ. — Рождественская легенда. — Учитель жизни. — Легенда о Кесарѣ Адрианѣ. Помимо всего вышепоименованнаго редація „МІРЪ“ съ Октября т. г. вводитъ:

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Главной задачей справочнаго отдѣла является желаніе придти на помощь провинціальному читателю, отдаленному отъ центра умственной и повседневной жизни. Руководясь этимъ, редація „МІРЪ“ организовала особое справочное бюро, въ которое вошли специалисты — ученые по всѣмъ отраслямъ науки, сельскому хозяйству, общественной жизни и т. д.

Бюро отвѣчаетъ на вопросы подписч., даетъ совѣты, указанія и т. д.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстоности Россіи: на годъ 5 р., на ¹/₂, 3 р. За границу: на годъ 8 р., на ¹/₂, г. 5 р. Для сельскихъ священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земскихъ служащихъ допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 руб., каждые три мѣсяца по 1 руб.

При коллективной подпискѣ служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 экз. 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробный проспектъ о журналѣ и каталогъ книгоиздательства высылаются бесплатно. Редакторъ Л. Л. Богусевскій. Издатель В. Л. Богусевскій.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Условія подписки на 1910 г.

Съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на три мѣс.—3 р. 60 к., на одинъ мѣс.—1 р. 20 к. Съ доставкой и пересылкой за границу: на годъ 20 р., на полгода—11 р. 50 к., на одинъ мѣс.—2 р.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; годовая подписка только съ января по 31 декабря.

Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи: Москва, Петровка, д. № 25, Самариной; въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о, Морская, 11, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—въ Agence Hawas—Place de la Bourse.

Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дор. и въ мѣстахъ стоянки правыхъ газетчиковъ: № 1—уголь Литейнаго пр. и Кирочной ул., у Офицерскаго собранія; № 2—у Технологическаго Института и въ Народномъ домѣ; № 3—у Аничкова моста; № 4—Невскій пр., д. № 34 и у Русскаго Собранія, Троицкая, № 13; № 5—уголь Садовой и Мучного пер.; № 7—уголь Больш. просп. и Введенской на Петерб. сторонѣ; № 8—у Публичной библиотеки; № 11—Невскій пр., у церкви Знаменія; № 15—Невскій просп., у Городской Думы; № 16—Невскій пр., уголь Троицкой. Контора газетчиковъ находится на Шпалерной ул., д. 26, кв. 31.

Цѣна № въ розничной продажѣ 5 коп.

Редакторъ-издатель Л. А. ТИХОМИРОВЪ.

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

СТАРЫЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА **ГОДЫ**
на 1910 годъ.

Въ четвертомъ году изданія „Старые Годы“ выходятъ по той же программѣ, при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

Александръ Н. Бенуа, Ѡ. Г. Беренштамъ, И. Я. Вилибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosshère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens, Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil, Léon Déshairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я Курбатовъ, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, А. В. Орѣшниковъ, R. Petrucci, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Суицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Троицкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Ѡминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Рядъ выпусковъ 1910 г. будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб. За границу—30 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Соляной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Новаго Времени“ и Шибанова.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Журнала за 1908 годъ въ продажѣ нѣтъ. Осталось ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1909 годъ.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Троицкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Подписка на 1910 г. открыта.

„РОДНИКЪ“

XXIX г. изд. Журналъ для дѣтей старшаго возраста. 12 книжекъ со многими иллюстраціями и отдѣльными картинками (до 2.000 стр.). Интересное содержаніе. Изящная внѣшность. Участвуютъ лучшіе писатели и художники. Обращено особенное вниманіе на отдѣлъ современ. жизни.

Каждая книжка закончена.

Цѣна съ перес. 5 р. На $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 50 к.

„Воспитаніе и Обученіе“

XXXIV г. изд. Педагогическій листокъ для родителей и педагоговъ. 12 №№. Популярныя статьи по физическ., умств. и нравств. воспитанію дѣтей, гл. обр. дошкольнаго возраста. Протоколы С.-Петербургскаго Родительскаго Кружка. Рецензіи о дѣтскихъ книгахъ.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

„СОЛНЫШКО“

VI г. изд. Единственный въ Россіи дешевой журналъ для начальныхъ школъ и для дѣтей младшаго возраста. 12 книжечекъ со многими иллюстраціями. Приложение: 40 большихъ картинъ для составленія альбомовъ Знакомить дѣтей преимущественно съ роднымъ бытомъ и природой, и стремится сдѣлаться подспорьемъ при начальномъ обученіи.

Цѣна съ перес. 1 рубль.

Каждая книжечка закончена. Цѣна ихъ отдѣльно—10 коп.

Редакція и Контора: Петербургъ, Таврическая, 27.

==ПОДРОБНАЯ ПРОГРАММА ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.==

Годъ изданія сорокъ пятый

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будеть выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей
и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая
отъ какихъ-либо партій и кружковъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интере-
совъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Полные обзоры областной промышленности и тор-
говли.

Объявленія изъ губерній: нижегор., казанск., симбирск.,
самарск. и сарат. и изъ Закаспійск. Края и Кавказа, а также
объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газет-
ныя принимаются непосредственно конторою редакціи
(Мало-Демид. соб. д.), всѣ же прочія исключительно
Центральною конторою Л. и Э. Мецль и К^о (Москва,
Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки
петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года —3 руб. 75 коп., 3 мѣс.
—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель *В. М. Склабинскій.*

водчиками по недостатку средств, и доставляет даровитымъ молодымъ людямъ способы къ окончанію ихъ образованія и приготовленія себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ, и если они не будутъ имѣть на то средствъ*. При неизмѣнномъ вниманіи передового общества, фондъ всегда умѣлъ достигать поставленныхъ цѣлей и, не обращаясь ни въ узко-профессиональный союзъ, ни въ партійную организацію той или иной окраски, проявляя широкую терпимость ко всевозможнымъ направленіямъ мысли, подвѣка служилъ писателямъ и ученымъ и выросъ не только въ крупное предпріятіе, располагающее большими денежными средствами, но въ выдающуюся общественную силу.

Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлина. Московское книгоиздательство „Образованіе“. Выпуски I — III. М. 1909—1910.

Посвященное имени недавно скончавшагося И. Е. Забѣлина, самаго лучшаго изслѣдователя и знатока исторіи и быта старой столицы, роскошное изданіе „Образованія“ займетъ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Появленіе его какъ нельзя болѣе своевременно. Оно заполняетъ давно чувствовавшійся пробѣлъ. Какъ ни были широки изслѣдованія, которымъ отдалъ свою трудовую жизнь Забѣлинъ, они, конечно, не могли быть всесторонними; освѣтить и изучить прошлое Москвы во всевозможныхъ отношеніяхъ не подъ силу было одному работнику. Для этого необходимъ трудъ коллективный, и именно такое изданіе и предпринято „Образованіемъ“. Къ участию въ немъ привлечены солидные ученые силы: Д. Н. Анучинъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. К. Бороздинъ, В. Я. Брюсовъ, М. М. Богословскій, А. Н. Веселовскій, М. Ф. Гершензонъ, Ю. В. Готье, И. Н. Игнатовъ, В. В. Каллашъ, А. А. Кизеветтеръ, М. В. Ключковъ, М. К. Любавскій, А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, С. Ф. Платоновъ, В. И. Пичета, П. Н. Сакулинъ, А. И. Успенскій, С. К. Шамбинаго, Е. Н. Щепкинъ и многіе другіе. „Москва“—говорится въ предисловіи—„всегда была средоточіемъ русской мысли, русскаго творчества, животворнымъ родникомъ народныхъ думъ и стремленій. Здѣсь Россія отстаивала свою самобытность, русскій народъ—свои права и вольности. Здѣсь происходили главнѣйшія событія русской исторіи. О твердыни Москвы разбились всѣ волны междоусобицъ—этой „великой разрухи земли московской“; здѣсь нашелъ себѣ погибель всемірный побѣдитель—Наполеонъ. Здѣсь всегда раздавался мощный голосъ народный. Москва всегда сливалась тѣсною духовною связью со всѣмъ русскимъ народомъ. Москва—средоточіе богатства Россіи, главный центръ всей нашей торговли и промышленности“. Исторія Москвы—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исторія Россіи, и всесторонній трудъ по московской исторіи не можетъ не имѣть важнаго общенаучнаго значенія. „Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ“, съ гордостью говоритъ народъ о своей древней столицѣ, и въ полномъ соответствіи съ стильной красотой Москвы находится внѣшность разсматриваемаго изданія, въ которой превосходно сочетались роскошь и вкусъ. Многокрасочныя обложки работы П. Афанасьева, великолѣпныя картины и рисунки Ап. Васнецова, снимки съ картинъ извѣстныхъ авторовъ, виды современной Москвы, стильныя виньетки—все это исполнено съ необыкновеннымъ изяществомъ и рѣдкою роскошью. Къ лучшимъ статьямъ въ вышедшихъ пока трехъ выпускахъ принадлежатъ статьи Д. Н. Анучина по геологій и археологій Москвы, М. К. Любавскаго „Возвышеніе Москвы“, В. И. Пичета „Внѣшняя политика и ростъ территоріи Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“, С. Ф. Платонова „Московскіе земекіе соборы“, В. В. Нечаева „Общій видъ и внѣшній ростъ Москвы за XVI—XVII вѣка“, М. М. Богословскаго „Составъ московскаго населенія въ XVI—XVII вѣкахъ“, А. П. Новицкаго „Церковная архитектура Москвы“.

Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909.

Извѣстно, что авторъ „Горя отъ ума“ не только раздѣлялъ со многими своими современниками романтическое тяготѣніе къ востоку, но питалъ къ изученію его постоянный и серьезный научный интересъ. Слѣдовъ этого интереса сохранилось множество—и въ перепискѣ Грибоѣдова, и въ отзывахъ людей, его знавшихъ, какъ Вѣгичевъ или Булгаринъ, и въ накопившихся до сихъ поръ официальныхъ свѣдѣніяхъ о немъ. Едва познакомившись съ востокомъ, Грибоѣдовъ жаловался: „скудость познаній объ этомъ краѣ бѣситъ меня на каждомъ шагу“. Но прошло нѣсколько лѣтъ, и онъ уже не только бѣгло говорилъ по-персидски, но даже могъ писать персидскіе стихи. Ничѣмъ единымъ и прочнымъ это вниманіе къ востоку не закрѣплено въ творчествѣ Грибоѣдова, но общая совокупность всѣхъ его упоминаній о востокѣ, восточныхъ „отраженій“ въ его произведеніяхъ (статья „О Гиляни“, отдѣльныя замѣчанія въ „Desiderata“, крымскихъ и кавказскихъ „Путевыхъ запискахъ“, отрывки изъ трагедій „Грузинская ночь“, пѣзма „Кальянчи“, планъ трагедіи „Родамистъ и Зенобія“) убѣждаетъ въ неслучайности и серьезности этого вниманія. На этой почвѣ онъ сблизился съ извѣстнымъ ориенталистомъ академикомъ Х. Френомъ и, говоритъ г. Мсеріанцъ, „можно думать, являлся для Френа именно тѣмъ желаннымъ дипломатическимъ представителемъ на востокѣ, который способенъ былъ принести пользу также и наукѣ“. Г. Мсеріанцъ впервые опубликовалъ неизвѣстное до сихъ поръ письмо Грибоѣдова къ Френу, относящееся, вѣроятно къ началу іюня 1828 г.; въ немъ Грибоѣдовъ говоритъ о своихъ „будущихъ научныхъ занятіяхъ въ Персіи“. „Быть можетъ“—заключаетъ авторъ,—„если бы не преждевременная, трагическая кончина, то Грибоѣдовъ, руководимый такимъ менторомъ, какимъ былъ академикъ Френъ, оставилъ бы послѣ себя память и не только какъ талантливый драматический поэтъ, но и какъ несчастный дипломатъ“. Последнее прилагательное доказываетъ незнакомство автора съ служебной стороной дѣятель-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Ивмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ выдающихся русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: перепевка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, относящіеся къ русскому обществу прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редак. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ ХLI-й.

МАРТЪ.

1910 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Янжула.	475—507	IX. Наброски изъ моей жизни. С. П. Зыкова	622—643
II. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. (Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. II. Сиб. 1909). В. В. Тимошукъ.	508—523	X. Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.	644—664
III. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ. Казиміръ Васильевичъ Девницкій. А. Витмера.	525—542	XI. Таинственная старица. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка). С. Артоболевскаго.	665—679
IV. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Ирины Ивановны Оннорé, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра). И. И. Оннорé.	543—554	XII. Памяти П. Я. Дашкова.	680—694
V. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Повиковой). Сообщено Е. С. М.	555—565	XIII. Изъ давно прошедшаго. (1876—1879). Л. Богоевскаго.	695—700
VI. Изъ дневника русской въ Турціи, передъ войной 1877—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	566—586	XIV. Киньчжоускій бой. А. В. Фока	701—712
VII. Тяжелые дни Мунденскихъ боевъ. (Воспоминанія запаснаго). Н—чъ.	587—603	XV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VIII. Ф. М. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго поляка. В. Храевича.	605—621	а) 1. Отзывъ гр. П. Д. Киселева о „Бородинскихъ очеркахъ“ Ф. Н. Глинки. (Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.);	
		2. Приглашеніе на горшокъ щей. (Страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ л.-гв. Памайловскаго полка). Сообщ. Мих. Соколовскій.	524
		б) Письмо Е. Н. Жулевой гр. В. Ф. Адлербергу. Сообщ. В. А. Алексѣевъ	604
		XVI. Книжки, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на оберткѣ).	

Приложенія: Портреты: Александра Виссаріоновича Комарова, Патти, Лукка и Ирины Ивановны Оннорé.

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ, б) Поле сраженія при Кушкѣ и в) карта земельныхъ приобрѣтеній въ Закаспійской области.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1910 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помещается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва и. ф. „Электро-тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1910.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 15 октября по 12 ноября 1909 г.

Бархипъ, К. Поезія А. В. Кольцова 1809—1909. Одесса 1909. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатериинская, 8). 8° (15×22). 32 стр. Ц. 15 к. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Гершензонъ, М. Историческія записки (о русокомъ обществѣ). М. 1909. Тип. т-ва П. Н. Кушнерова и К° (Шименовская, св. д.). 8° (15×22). 187+1 стр. Складъ: въ конт. жури. Критическое Обзоріе (Никольскій, 19). Ц. 1 р. 25 к. Въсь 26 л. 2.100 экз.

Загоскинъ, Н. П., проф. Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи. Казань. 1909. Изд. Управл. Внутр. Водныхъ Путей и Шоссейныхъ дорогъ. Тип. И. Харитоновъ (Воскресенская, св. д.). 8° (18×27). XV+464+25 стр. Въсь 2 ф. 2 л. 610 экз.

Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1909 г. Т. XIV, кн. 1-я. Спб. 1906. Изд. и тип. Императорской Академіи Наукъ. (В. О., 9 л., 12). 8° (17×25). 369+III+1 пен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 12 л. 813 экз.

Содержаніе: А. И. Соболевскій. — Пославіе епископа Симона П. С. Н. Браиловскій. — Къ вопросу о литерат. дѣятельности русск. писат. XVII ст., носившихъ имя „Каріонъ“. Ш. А. И. Томсонъ. — Къ вопросу о возникновеніи род.-вин. и въ славянскихъ языкахъ. IV. Е. А. Бобровъ. — Изъ исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій (Прод.). V. В. Н. Перетцъ. — Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра. XI—XII. VI. А. И. Никольскій. — Нѣсколько словъ о житіи и сочиненіяхъ святаго Дмитрія Ростовскаго. VII. П. Д. Драгановъ. — О германизмъ *выглядитъ* (неправ. форма среди глагола наст. вр.) въ Русскомъ языкѣ. VIII. В. Н. Бенешевичъ. — Армянскій прологъ о свв. Борисѣ и Глѣбѣ. IX. В. Г. Ярошенко. — Украинская сказка въ фонетической транскрипціи. X. А. Бертъе-Делагардъ. — Какъ Владимиръ осаждалъ Корсунь. XI. Приложение: Обзоріе трудовъ по славяновѣдѣнію, составленное В. Н. Бенешевичемъ, В. С. И. Срезневскимъ, М. Р. Фасмеромъ и А. А. Шахматовымъ, подъ ред. Бенешевича. 1908—1909 г.г. Вып. I. (до 1-го іюня 1909 г.).

Отчетъ историко-филологическаго о-ва при Имп. Новороссійскомъ университетѣ за 1908—9 годъ. Одесса. 1909. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (16×26). 15 стр. Въсь 2 л. 250 экз.

Радищевъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. проф. А. К. Бороздина, И. И. Лапина и П. Е. Щеголева. Томъ II. Библиотека русскихъ классиковъ. Спб. 1909. Изд. и тип. М. И. Акифьева (Басковъ, 10). 8° (15×24). XXII+394 стр. Съ портр. Ц. за 2 тома 1 р. 65 к. Въсь 1 ф. 10 л. 3.200 экз.

Савва, арх. Хроника моей жизни. Автобіографическія записки. Томъ 8 (1886—1890г.г.). Сергіевъ Посадъ. 1909. Изд. Москов. дух. Академіи. Тип. Св. Тр. Серг. Лавры, 8° (18×26). 842+XXV стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 2 ф. 10 л. 1.045 экз.

Савва, В. И. Сочиненіе противъ епископовъ XVIII вѣка. М. 1909. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., св. д.). 8° (18×27). 35 стр. Въсь 8 л. 900 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 130. Юрьевъ. 1909. Тип. К. Матисена. 8° (19×27). 768 стр. Ц. 3 р. Въсь 3 ф. 10 л. 1.250 экз.

Вайовъ, А., проф. Курсы исторіи военнаго искусства. Вып. IV. Эпоха Императрицы Елисаветы. Спб. 1909. Тип. Гр. Скачкова (Итальянская, 16). 8° (17×25). 107 стр. и 6 схемъ. Въсь 17 л. 1.000 экз.

Бенешевичъ, В. Н. Отвѣты Петра Хартофилаксы (Конца XI вѣка). Записки Имп. Академіи Наукъ. Т. VIII. Вып. 14. Спб. 1909. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л. № 12). 8° (21×30) 19 стр. Ц. 45 к. Въсь 5 л. 650 экз.

Бѣломоръ, А. Изъ Русско-Японской войны (Крейсерская дѣятельность). Спб. 1909. Тип. Петербургскихъ Вѣдомостей. 8° (12×19). 62 стр. Въсь 5 л. 300 экз.

Житіе преподобнаго Евфросина Пековскаго (Первоначальная редакція). Къ изданію приготовилъ Н. Серебрянскій. Памятники древней письменности и искусства. CLXXIII. Спб. 1909. Изд. Общ. Любителей древн. письменности. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). XXIV+88+V стр. Въсь 22 л. 600 экз.

Истринъ, В. М. Лекціи по исторіи новой русской литературы. 1909—10 г. Спб. 1909. Лит. „Екатеринофское печатное дѣло“. 8° (18×28). 16 стр. Въсь 2 л. 100 экз.

Намѣстничьи, губныя и земскія уставныя грамоты Московскаго Государства. Изд. подъ ред. А. И. Яковлева. М. 1909. Изд. Истор. филолог. фак. Моск. Ун. Тип. Имп. Московск. Университ. 8° (17×26). IV+208 стр. Ц. 80 к. Въсь 1 ф. 10 л. 1.200 экз.

Никольскій, Н. Легенда Мантуанскаго епископа Гумпольда о св. Вячеславѣ Чешскомъ въ славянорусскомъ изложеніи. Памятники древней письменности и искусства. CLXXIV. Спб. Изд. Общ. любит. древней письменности. Тип. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (18×27). LI+99 стр. Въсь 21 л. 500 экз.

Александръ Виссаріоновичъ
Комаровъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1910 годъ.

Вступая въ 1910 году въ сорокъ первый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакция предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакция предполагаетъ напечатать въ 1910 году: **А. Ф. Кони** — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“. — „Житейскія встрѣчи“. **П. О. Пирлинга**. — „Переписка Карла IX съ самозванцами“. — „Поѣздка въ Самборъ“. Изъ воспоминаній **И. И. Мечникова**. **П. М. Ковалевскаго**. — „Встрѣча на жизненномъ пути“. — „Николай Алексѣевичъ Некрасовъ“. **Д. А. Сялонъ** — „Походъ на востокъ 1876, 1877 и 1878 гг.“. Воспоминанія **И. И. Янжула**. „О пережитомъ и видѣнномъ 1864—1909 гг.“, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Полонскаго, Гайдебурова, Писемскаго, Островскаго, Щедрина, Юрьева, Елисѣева, Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Кони, Соловьева, Баршева, Бѣляева, Лешкова, Крылова, Чичерина, Муромцева, Ковалевскаго, Чупрова, Стороженко, Плеве, Витте, Бунге, Делянова, Боголѣнова, Побѣдоносцева и многихъ другихъ. „Воспоминанія жизни“ **Ф. Г. Тернера**, при чемъ авторъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ Ламаискаго, Рейтерна, кн. Оболенскаго, Самарина, Соловьева, Безобразова, баронессы Раденъ, Бисмарка, Вирхова и многихъ другихъ. „Депутатъ отъ Россіи“. Воспоминанія и переписка **Ольги Алексѣевны Новиковой**. **М. В. Безобразовой** — „Дневникъ академика В. П. Безобразова“. **Барона А. Э. Штромберга** — „Изъ воспоминаній о Некрасовѣ“. **С. И. Глѣбова** — „Объ ученическихъ годахъ Гоголя“. **В. И. Храневичъ** — „Достоевскій въ воспоминаніяхъ ссыльнаго поляка“. **А. Г. Полянская** — „Къ біографіи Л. А. Мея“. — „Письма П. И. Чайковскаго къ И. А. Мельникову“. **А. А. Чебышева** — „Письма П. А. Катенина И. А. Бахтину“. **М. И. Кіановскій** — „Дневникъ министра финансовъ графа Канкринна“. **Н. К. Полевой** — Два года 1864 и 1865 изъ исторіи крестьянскаго дѣла въ Минской губерніи. **Е. А. Рагозиной** — „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.“. **Ю. Д. Татищевъ** — „Дѣло о покушеніи на жизнь Домейки“. „Отчетъ М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ“. **Г. Т. Синюхаевъ** — „Пугачевскія знамена у Терскихъ казаковъ“. **Н—ъ** — „Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ“. **Б. М. Колюбакинъ** — „Воспоминанія графа Бенкендорфа“. О Кавказской лѣтней экспедиціи 1845 г. **Е. С. Каменскій** — „Записки гр. Ланжерона 1812 г.“. Кутузовъ главнокомандующій турецкой арміей“. **Е. К. Андреевскій** — „Драгомировъ въ Главной Квартирѣ Прусской Арміи въ кампанію 1866 г.“. **В. Ф. Рудневъ** — „На крейсерѣ „Африка“. **В. И. Шереметевскій** — „Темное царство“ (черты изъ жизни Московскаго Китая города XVII вѣка). Шествіе съ краснымъ флагомъ въ XVII столѣтіи. Изъ бумагъ **Ал. Н. Попова** — „Генераль Моро въ русскихъ войскахъ“. „Воспоминанія Д. Санглена, Веселовскаго, Леваковскаго, Семенова и др.“. Воспоминанія изъ русско-японской войны, изъ жизни духовенства.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Спб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

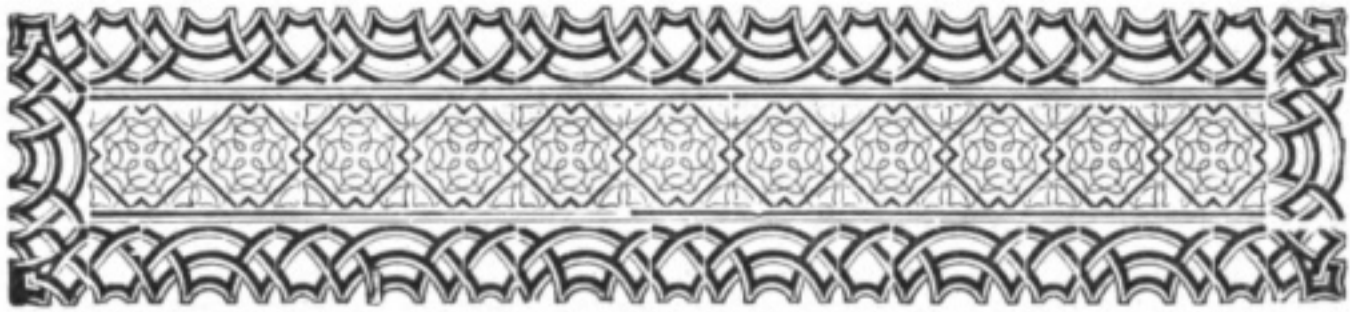
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ», платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб., и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ. (1864 — 1909 г. г.).

Г Л А В А IV¹⁾.

Новая поѣздка въ Лондонъ лѣтомъ 1875 г. для занятія въ Британскомъ музеѣ. Знакомство съ В. С. Соловьевымъ и его характеристика: мистицизмъ и равнодушіе къ жизни и человѣческимъ интересамъ.—М. М. Ковалевскій и его характеристика: удивительный образецъ трудолюбія и жизнерадости.—Мои профессора товарищи въ Москвѣ: В. А. Умовъ, А. С. Павловъ, С. А. Муромцевъ и др.—Защита докторской диссертациі въ 1876 году и выборы въ ординарные профессора.—Двѣ новыхъ поѣздки въ Британскій музей.—Моя переписка съ женой изъ Лондона въ Крейцнахъ въ 1877 г. Н. П. Боголѣповъ, Алисовъ, Яблочковъ и пр.—Продолженіе работы надъ вторымъ выпускомъ „Англійской Свободной Торговли“.—Мои журнальныя статьи и изслѣдованія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“: 1. „Ливерпульская Ассоціація финансовыхъ реформъ“. 2. „Дѣтскій и Женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. 3. „Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?“. 4. „Промышленная статистика и фабричное законодательство“. 5. „О табачной монополіи въ Европѣ“. 6. „Англійская политика въ Ирландіи“. 7. „Англійскіе кабагчики“. 8. Новый типъ англійскаго „радикализма“. 9. „Возрожденіе Мальтузіанства“. 10. „Причины и послѣдствія отмѣны соляного налога въ Англіи и Россіи“—и многія другія...

Въ маѣ мѣсяцѣ предстояло рѣшить, какъ проводить лѣто 1875 г. Къ сожалѣнію, родители моей жены почему-то не могли въ это лѣто оставаться въ своемъ имѣніи, которымъ мы потомъ, позднѣе, нѣсколько разъ пользовались какъ дачей. Кромѣ того подъ самой Москвой врачи не рекомендовали особенно оставаться ради ослабѣвшаго организма такому не крѣпкому отъ природы человѣку, какъ моя жена. Съ другой стороны, успѣхъ моей магистерской диссертациі, похвалы со всѣхъ сторонъ и собственное сознаніе говорили мнѣ о необходимости постараться ускорить писаніе докторской диссертациі. Начавши съ исторіи косвенныхъ налоговъ въ Англіи и оцѣнивши по достоинству выгоды Британскаго музея, я естественно пришелъ къ выводу, что для докторской диссертациі необходимо мнѣ избрать

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. февраль.

предметомъ другой косвенный налогъ—таможенные пошлины, но, какъ всѣмъ извѣстно, таможенные пошлины имѣютъ двойную задачу: во-первыхъ, общую со всѣми налогами,—удовлетвореніе государственныхъ потребностей, во-вторыхъ—полицейскую цѣль, улучшение и поднятіе своей собственной промышленности. Я остановился на общей задачѣ, прослѣдить, пользуясь богатствами Британскаго музея, исторію развитія идеи свободной торговли и протекціонизма, оставляя разборъ изслѣдованій фискальныхъ цѣлей, впредь до будущаго, безъ вниманія.

Остановившись такимъ образомъ на темѣ и обдумавши нѣсколько общій планъ труда, впоследствии впрочемъ, нѣсколько разъ измѣненнаго, я пришелъ къ заключенію о необходимости, опять пользуясь длиннымъ вакатомъ, мѣсяца на четыре ѣхать въ Лондонъ, въ стѣны милаго Британскаго музея для собиранія матеріала и работы.

Чтобы не нуждаться по-прежнему въ Лондонѣ, что было бы пагубно для слабаго организма только что вставшей съ одра болѣзни жены, я позаботился нѣсколько о расширеніи нашихъ матеріальныхъ средствъ. Во-первыхъ, намъ помогла одна добрая знакомая, большой другъ отца моей жены, ссудившая намъ нѣсколько сотъ рублей, а затѣмъ я обезпечилъ себѣ постоянную работу въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ у Скворцова, съ которымъ, бесполезно говорить, вполне примирился, кажется, черезъ посредство того же безцѣннаго А. И. Чупрова. Я рассчитывалъ, что и оправдалось на дѣлѣ, что работая нѣсколько меньше напряженно, перемежая трудъ прогулками и при лучшемъ питаніи, мы съ женой поправимся къ осени отъ всѣхъ болѣзней и напастей и вернемся, собравши значительный матеріалъ для будущей диссертациі, восвояси, здоровые и веселые, что въ дѣйствительности и осуществилось.

Незадолго передъ отъѣздомъ я былъ съ прощальнымъ визитомъ у почтеннаго ректора того времени Сергѣя Михайловича Соловьева, противъ котораго какъ разъ въ это время строилъ ковы и интриги кружокъ „Московскихъ Вѣдомостей“, Катковъ, Леонтьевъ и К^о, что кончилось сверженіемъ его съ ректорства. С. М. въ концѣ вечера отвелъ меня въ сторону и сообщилъ мнѣ интимнымъ образомъ: „Вотъ вы теперь ѣдете въ Лондонъ, какъ сообщали, гдѣ скоро будетъ мой сынъ Володя. Знаете вы его?“ Я сообщилъ, что видѣлъ лишь одинъ разъ. „Онъ мальчикъ хорошій“, сообщилъ почтенный историкъ, „но жить еще не умѣетъ, проживаетъ очень много отъ неопытности; его обираютъ. Не будете ли вы такъ добры, если встрѣтитесь, а это навѣрное возможно, если пожелаете, позаботиться объ его устройствѣ и помочь ему, въ виду его неопытности.“

Вы меня очень обяжете, и я буду покойнѣе, зная, что около него будетъ человѣкъ, дружелюбно расположенный помочь ему въ случаѣ нужды“. При этомъ онъ подозвалъ свою супругу, которая подтвердила его просьбу. Разумѣется, я обѣщала со своей стороны оказать возможную любезность В. С., на сколько это будетъ отъ меня зависѣть.

Какъ я объяснилъ вполнѣ точно отцу, мое знакомство съ сыномъ, Владиміромъ Сергѣевичемъ, въ то время ограничивалось лишь однимъ какимъ-то мимолетнымъ свиданіемъ, при чемъ онъ меня интересовалъ своей обаятельной, симпатичной наружностью и веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ, который впрочемъ раздавался изрѣдка. Все же, что я о немъ слышала тогда въ томъ кружкѣ, гдѣ я вращалась, скорѣе говорило противъ него, нежели за. Магистерская диссертация его „Противъ позитивизма“ претила мнѣ уже потому, что я самъ былъ немного позитивистъ, а самое главное, въ Москвѣ всѣ открыто рассказывали, что В. С. пріятель Любимова и Леонтьева, явныхъ враговъ своего почтеннаго и уважаемаго родителя, и не стѣсняется де бывать тамъ, гдѣ на него (т. е. отца) открыто клеветуютъ. Насколько это была правда, я конечно не знаю, но несомнѣнно, что уже дальше при встрѣчѣ своей со мной за границей, В. С. не скрывалъ своей близости съ кружкомъ, для меня крайне противнымъ — „Московскихъ Вѣдомостей“ — и даже разъ, по какому-то не помню случаю, предлагалъ мнѣ наивно протекцію у Любимова!!!

И такъ, я имѣлъ относительно личности и достоинства молодого Соловьева аргументы и за и противъ него, отношеніе весьма далекое отъ того обожанія всѣхъ его качествъ, которое образовалось въ послѣдніе годы его жизни въ кружкѣ „Вѣстника Европы“, къ которому отчасти, пожалуй, примкнулъ и я, въ виду огромныхъ перемѣнъ, замѣтно въ немъ происшедшихъ, въ смыслѣ улучшенія всего его нравственнаго облика.

Нужно было такъ пошутить судьбѣ, что первое знакомое лицо, которое мы съ женой увидѣли въ Лондонѣ, по пріѣздѣ, былъ именно Владиміръ Соловьевъ. Утромъ мы пріѣхали въ Лондонъ на этотъ разъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Дувръ. Вечеромъ послѣ обѣда вышли съ женой прогуляться на одну изъ лучшихъ лондонскихъ улицъ „Piccadilly“ и у одного изъ ближайшихъ магазиновъ увидели, почти одновременно, длинную меланхолическую фигуру В. С., задумчиво взирающую на какой-то предметъ за стекломъ и около него юркую фигуру, несомнѣнно еврейскаго происхожденія, ныряющую во всѣ стороны. Мы окликнули, оказалось дѣйствительно онъ. Изъ разспросовъ, давно ли онъ пріѣхалъ, что подѣлываетъ, оказалось, что онъ тоже пріѣхалъ лишь сегодня, но въ отличіе отъ насъ,

проживавшихъ въ дешевыхъ комнатахъ м-рсь Сиггерсъ, онъ остановился въ дорогомъ аристократическомъ отелѣ, гдѣ къ нему немедленно заботливой администраціей при гостиницѣ былъ приставленъ, въ качествѣ новичка, чичероне, русскій еврей, чуть не за фунтъ въ день, который и не отпускалъ его ни на минутку изъ своихъ цѣпкихъ лапъ, сопровождая всюду въ ознакомленіи съ городомъ. Я немедленно заявилъ просьбу отца, чтобы жить гдѣ-нибудь съ нимъ поближе, если не вмѣстѣ. В. С. безъ всякаго разговора на это согласился, упомянувши, что также имѣлъ объ этомъ увѣдомленіе. Такимъ образомъ въ тотъ же день онъ переселился по сосѣдству съ нами въ одну изъ свободныхъ комнатъ м-рсь Сиггерсъ и сдѣлался постояннымъ нашимъ завсегдатаемъ и товарищемъ до самаго отъѣзда нашего изъ Лондона, мѣсяца три или четыре. Но прежде, чѣмъ приводить всевозможныя подробности всѣхъ тѣхъ воспоминаній, которыя у насъ сохранились о Соловьевѣ, я долженъ рассказать о другомъ знакомствѣ, которое для меня нераздѣльно съ памятью о Соловьевѣ, такъ какъ мы жили и видались почти всегда вмѣстѣ. Я разумѣю моего настоящего друга, многолѣтняго товарища по Московскому университету, профессора М. М. Ковалевскаго.

Съ М. М. Ковалевскимъ я познакомился также лѣтомъ въ 1875 г., одновременно съ Соловьевымъ, но нѣсколько инымъ образомъ. Когда я собирался въ Лондонъ, то магистрантъ историко-филологическаго факультета, Высотскій, впоследствии правитель дѣлъ попечителя графа Капниста, при какой-то случайной встрѣчѣ, началъ мнѣ расхваливать своего молодого пріятеля по Парижу, Ковалевскаго, при чемъ съ нѣкоторыми оговорками по поводу его слабости-де къ женскому обществу, очень хвалилъ его за добродушіе, остроуміе и вообще способности и рекомендовалъ мнѣ съ нимъ познакомиться, если хочу, увѣряя въ томъ, что я не раскаюсь. Я взялъ у Высотскаго карточку и адресъ и въ одинъ изъ первыхъ же дней пріѣзда, послѣ находки Соловьева, разыскалъ М. М., жившаго, помнится мнѣ, недалеко отъ меня, кажется, на Woburn Place. М. М. былъ совершенная противоположность во всѣхъ отношеніяхъ съ Соловьевымъ, сразу же завоевалъ всѣ мои симпатіи. Человѣкъ очень умный, живой, жизнерадостный чрезвычайно для его юнаго тогда возраста (ему было около 23 или 24 лѣтъ, если не меньше). Онъ отличался большими знаніями, общительностью, истиннымъ джентльмэнствомъ, которымъ немедленно завоевывалъ расположеніе всѣхъ людей, съ которыми вступалъ въ сношенія. Въ добавокъ къ этому онъ обладалъ, какъ зажиточный харьковскій помѣщикъ, сравнительно со мной и многими другими профессорскими кандидатами за границей,

хорошими матеріальними средствами, которыя давали ему возможность пріобрѣтать множество книгъ; ими онъ щедро дѣлился со всѣми желающими и угощалъ своихъ пріятелей съ самымъ широкимъ гостепріимствомъ и радушіемъ.

Разумѣется, Ковалевскій немедленно познакомился съ моею женою и В. Соловьевымъ. Всѣ мы очень сдружились, несмотря на значительную разницу вкусовъ, направленій и состояній, относились взаимно дружелюбно и проводили все время сообща. Ковалевскій былъ рѣшительный позитивистъ, другъ Вырубова во Франціи и Гаррисона въ Англии; Соловьевъ мистикъ и антипозитивистъ. Я ближе подходилъ по своимъ воззрѣніямъ къ Ковалевскому, но до нѣкоторой степени чуждался нѣкоторыхъ его выводовъ и спеціально всегда былъ равнодушенъ къ вопросамъ политики, придавая гораздо большее значеніе экономическому моменту въ жизни человѣка и общества. Въ этомъ пунктѣ, если угодно, мнѣ кажется, Соловьевъ ближе стоялъ ко мнѣ, чѣмъ М. М. Онъ съ удовольствіемъ, какъ я убѣдился не разъ впослѣдствіи, читалъ социалистовъ и другихъ фантазеровъ по экономической области, но всегда старался придавать всѣмъ ихъ построеніямъ религіозную подкладку. Мы не разъ съ нимъ, припоминается мнѣ, на примѣръ читая отца Ноэса и книгу Нордгофа объ Американскихъ коммунахъ и общинахъ, до нѣкоторой степени сходились съ Владиміромъ Сергѣевичемъ и различались только толкованіемъ. Онъ признавалъ будущее лишь за религіозными общинами Америки, въ родѣ „шекеровъ“. „Онеида“ его сильно интересовала, но, на примѣръ „Новую Гармонію“ онъ рѣшительно отрицалъ, тогда какъ я за нее стоялъ и т. д. М. М., обратно съ нами обоими, былъ совершенно равнодушенъ къ подобнымъ вопросамъ, но придавалъ всегда огромное значеніе и любилъ поговорить по исторіи учрежденій, ихъ вліяніи на нравы и обычномъ правѣ.

Письма наши въ Россію этого времени наполнены главнымъ образомъ описаніями нашего общенія и приключеній съ этими двумя интересными знакомствами. Трактуются также, впрочемъ, часто модный вопросъ о спиритизмѣ, которымъ въ тотъ годъ было сильно заинтересовано все русское общество и по желанію, кажется, „Русскихъ Вѣдомостей“ я тогда прислалъ нѣсколько корреспонденцій по спиритизму, сеансы котораго посѣщались мною какъ разъ въ веселой и пріятной компаніи Ковалевскаго и Соловьева. Вотъ что, на примѣръ, пишетъ моя жена своимъ родителямъ отъ 18/6 іюля 1875 года:

„Я не знаю, рассказывала ли я вамъ, что мы были на спиритическомъ сеансѣ одного знаменитаго медиума здѣсь и остались очень недовольны фокусническими пріемами духовъ. Мы послали довольно

интересную корреспонденцію въ „Русскія Вѣдомости“, постарайтесь добыть номеръ, она теперь навѣрное уже напечатана. Въ той же газетѣ будетъ вѣроятно помѣщенъ другой рассказъ уже Соловьева (?), который былъ у того же спирита вчера и пришелъ къ тому же самому заключенію, какъ и мы, хотя онъ, противно съ нами, сильно склоненъ вѣрить въ сверхъестественныя силы. Странный человѣкъ этотъ Соловьевъ; вы вѣрно о немъ слышали“, рассказываетъ о немъ жена, „это сынъ историка Соловьева, ректора Московскаго университета, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, защитившій уже диссертацию по предмету философіи. Онъ очень слабый, болѣзненный человѣкъ, съ умомъ, необыкновенно рано развившимся, пожираемый скептицизмомъ и ищущій спасенія въ мистическихъ вѣрованіяхъ въ духовъ. Во мнѣ лично онъ возбуждаетъ симпатію и сожалѣніе; предполагаютъ, что онъ долженъ сойти съ ума, потому что слишкомъ много работалъ мозгомъ для своихъ лѣтъ. Когда я его увидала въ первый разъ, онъ меня поразилъ своимъ мрачнымъ аскетическимъ видомъ“.

„Совершенную противоположность съ нимъ составляетъ нашъ другой новый знакомый Ковалевскій. Однихъ лѣтъ съ нимъ, онъ однако представляетъ собой фигуру, равную моему супругу по размѣрамъ, и подаетъ надежду на дальнѣйшее усовершенствованіе. Его веселый характеръ и простыя развязныя манеры составляютъ тоже не меньшій контрастъ со сдержанностью погруженнаго въ себя философа. Эта простота въ обращеніи заставила двухъ толстяковъ очень скоро сойтись, тѣмъ болѣе, что толстякъ Ковалевскій, по мнѣнію толстяка Янжула, обладаетъ необыкновенными для своихъ лѣтъ свѣдѣніями и очень свѣтлымъ взглядомъ на вещи. Въ настоящее время объ эти персоны такъ заговорились другъ съ другомъ, что забыли о своемъ обѣщаніи зайти за мной, чтобы пойти вмѣстѣ гулять“!

Всѣ письма жены того времени наполнены также описаніями разныхъ угощеній и обѣдовъ; такой большой контрастъ съ нашей прежней жизнью благодаря Ковалевскому съ Соловьевымъ! Отъ 6 августа 1865 г., на примѣръ, жена сообщаетъ между прочимъ въ письмѣ матери, что: „Сегодня у насъ будетъ кутежъ. Ковалевскій задумалъ угостить насъ, Соловьева и кое-кого изъ другихъ знакомыхъ обѣдомъ“... Дальше: „На-дняхъ (вѣроятно, 15 іюля) мы кутили по случаю именинъ Соловьева, который угощалъ насъ и Ковалевскаго обѣдомъ съ шампанскимъ. Теперь рѣдко проходитъ вечеръ, чтобы кто-нибудь къ намъ не зашелъ, такъ что И. И-чу есть съ кѣмъ болтать, не то что зимой. Впрочемъ все-таки мы живемъ дѣльно, хотя и весело, и собирая много матеріаловъ для будущихъ работъ“...

„На-дняхъ я познакомилась съ очень милой нѣмкой, живущей здѣсь съ братомъ, которому она помогаетъ работать для разныхъ ученыхъ нѣмецкихъ журналовъ, и третьяго дня мы провели очень пріятно вечеръ въ большой компаніи, состоящей изъ насъ съ Иваномъ Ивановичемъ, Ковалевскаго, философа Соловьева, Орлова, Негг фонъ-Штудницъ и Frl. фонъ-Штудницъ. Первые, т. е. большая часть кавалеровъ, вели все время споръ о политической экономіи, при чемъ Ковалевскому нерѣдко приходилось исполнять должность толмача, а мы, остальные образовали особенный кружокъ и вели болѣе общій разговоръ, при чемъ Frl. фонъ-Штудницъ допрашивала философа о спиритизмѣ, который онъ, какъ вамъ извѣстно, признаетъ серьезно, и пришла къ заключенію, что онъ очень странный человекъ; она же сама очень умная и простая нѣмка, разговорчивая и пріятная“¹⁾.

Кстати добавлю къ этому, что послѣднимъ особамъ, т. е. дѣвицѣ Штудницъ и моей женѣ, въ видѣ особаго или спеціальнаго знака довѣрія, В. С. не разъ серьезнѣйшимъ образомъ сообщалъ, что онъ во всѣхъ рѣшительныхъ и важныхъ случаяхъ своей жизни поступаетъ согласно указанію и совѣту духа одной „нормандки“ XVI или XVII вѣка, которая является къ нему по желанію и даетъ надлежащія указанія, какъ дѣйствовать или чего ждать? Повторяю опять, что онъ это сообщалъ нѣсколько разъ и при томъ самымъ категорическомъ образомъ, сторонясь насъ,—мужчинъ, которые поднимали его за подобныя сообщенія на смѣхъ. Вообще милый и симпатичный человекъ, особенно какимъ онъ сдѣлался послѣднюю половину своей жизни, В. С. представлялся нѣсколько ненормальнымъ въ ту эпоху, когда я съ нимъ встрѣтился въ Лондонѣ и работалъ вмѣстѣ въ Британскомъ музеѣ. Цѣлые часы, какъ я за нимъ иногда слѣдилъ въ Музеѣ, какъ онъ работаетъ, онъ сидѣлъ, по сосѣдству, надъ какой-то книгой о Кабалѣ съ курьезными, диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающій, что дѣлается вокругъ. Сосредоточенный, печальный взглядъ, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лицѣ почти постоянно. Онъ сидѣлъ отъ меня настолько близко, что я имѣлъ возможность много разъ наблюдать эту картину. Когда я къ нему обращался съ вопросомъ: „Что, Владиміръ Сергѣевичъ, о чемъ задумались?!“—или „какъ вамъ интересна ваша книга, которую вы такъ долго читаете? Почему вы ее не перемѣните?“ и т. п., я получалъ отъ него такіе отвѣты:

¹⁾ Она въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, живетъ въ Берлинѣ и занимается изданіемъ и редактированіемъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, весьма распространеннаго журнала по домоводству и домашнему хозяйству.

„Я ничего... въ высшей степени интересно; въ одной строчкѣ этой книги больше ума, нежели во всей европейской наукѣ. Я очень доволенъ и счастливъ, что нашелъ это изданіе“.

Самоуглубленный В. С. нерѣдко буквально забывалъ обѣдать и когда моя жена, взявшая его подъ свое попеченіе, часто допрашивала: „Да вы обѣдали ли, Владиміръ Сергѣевичъ, сегодня?“—„Нѣтъ, я забылъ, да, кажется, и вчера я не обѣдалъ!“. Мы пробовали брать его съ нами обѣдать въ то время въ такъ называемыя „tea shops“ или „tea house“, гдѣ было только ограниченное число блюдъ, обыкновенно мясо и мясо, полу-свареное и полу-жареное, изрѣдка пудинги (съ тѣхъ поръ Лондонскія кухмистерскія значительно улучшились). Отъ подобныхъ обѣдовъ изъ одного мяса онъ рѣшительно отказывался, большею частью оно ему было противно; рыбу еще иногда ѣлъ, но ее не всегда можно было найти, кушаньевъ изъ плодовъ не было, а потому приходилось волей неволей, не мѣняя собственнаго режима, отказываться отъ его общества и предложить ему ходить въ болѣе дорогіе рестораны, съ лучшимъ и болѣе богатымъ выборомъ; тѣмъ не менѣе онъ часто забывалъ это сдѣлать, или лѣнился по отдаленности всѣхъ лучшихъ ресторановъ отъ Британскаго музея. Въ самомъ Музеѣ собственнаго ресторана тогда еще не было.

Жена скоро замѣтила у него пристрастіе къ рыбному желе и начала пріобрѣтать его, спеціально для Соловьева, зазывая его каждый вечеръ къ себѣ послѣ Музея, и прикармливая этимъ желе. Обыкновенно въ это замѣчательное лѣто мы проводили время такимъ образомъ: послѣ Музея въ 6 часовъ шли втроемъ съ Соловьевымъ, иногда вчетверомъ съ Ковалевскимъ, закупать нашъ ужинъ въ колбасныя, рыбныя и фруктовыя лавки, гдѣ пріобрѣтали для себя немного мяса¹⁾, раковъ, или крабовъ, рыбы, желе для Соловьева и фруктовъ, иногда масла и молока. У насъ дома, на этотъ разъ уже въ лучшей комнатѣ, чѣмъ прежде, всѣ усаживались за чай, который дѣлала жена, я ей помогалъ, Соловьевъ въ это время читалъ обыкновенно русскія газеты, только что пришедшія, а Ковалевскій весело со всѣми болталъ и послѣ легкой закуски у насъ, уходилъ къ себѣ обѣдать, что совершалось гораздо позднѣе нашего ужина.

Помню я замѣчательную сцену одного вечера. Соловьевъ просматривалъ свѣжій № „Русскихъ Вѣдомостей“, жена готовила чайную посуду, а я подогрѣвалъ воду, сидя около камина, какъ вдругъ

¹⁾ Обыкновенно—на два пенса „stuff“ т. е. кусокъ мелко рубленнаго мяса („stuff“ собственно значитъ „дрянь“) изъ отбросовъ и на $\frac{1}{2}$ пенни тертаго гороха. Всего, слѣдовательно, около 10 копѣекъ стоимостью.

Соловьевъ разразился неудержимымъ хохотомъ: „ха! ха! ха!“—„Владиміръ Сергѣевичъ, что такое смѣшное, расскажите скорѣй намъ!“ Въ отвѣтъ на это опять раздался его столь милый дѣтскій хохотъ, вызывавшій невольно такой же окликъ, но на этотъ разъ съ добавленіемъ нѣсколькихъ совсѣмъ не дѣтскихъ словъ: „Ахъ, какіе дураки... можно ли быть такими глупыми?!!“—„Что такое, расскажите пожалуйста, въ чемъ дѣло?“ повторяли мы съ женой. Я не помню, былъ ли тутъ Ковалевскій, или только мы втроемъ.—„Представьте себѣ, въ хронику Московскихъ происшествій занесенъ слѣдующій случай“, отвѣчалъ онъ: „отходники пріѣхали очищать помойную яму въ одномъ домѣ, открыли люкъ очень глубокой ямы и колодца, которые давно не чистили, и туда сначала отправился одинъ рабочій, не долѣзъ, свалился и, конечно, пропалъ. На его мѣсто былъ отправленъ другой рабочій и повторилось то же самое: рабочій полѣзъ, упалъ отъ вредныхъ газовъ въ обморокъ и свалился; наконецъ, третій и только послѣ трехъ несчастій, люди образумились, остановили очистку, провѣтрили люкъ, бросили туда огонь и т. п., прежде чѣмъ принялись за чистку, и вытащили трехъ мертвыхъ товарищей изъ этой ужасной ямы. Не странные, не глупые ли это люди?!. ха! ха! ха!“

Мы оба съ женой набросились на Соловьева: „Владиміръ Сергѣевичъ, это такъ на васъ не похоже, на ваше доброе сердце; что вы находите тутъ смѣшного, что смѣтесъ чуть не до истерики?.. Конечно, это дѣйствія нелѣпныя, но, вѣдь, рабочіе влѣзли въ зловонную ужасную яму не для своего удовольствія, а изъ-за куска хлѣба, который этимъ трудомъ добываютъ. Имъ приказали лѣзть, они были только исполнителями. Не правильнѣе ли винить безсердечныхъ, глупыхъ хозяевъ, которые такъ неосмотрительно предпринимаютъ работы и, наконецъ, начальство, которое подобное веденіе очистки дозволяетъ“. Я не помню точно, что намъ возражалъ на наше замѣчаніе В. С., но онъ все-таки стоялъ на своемъ, что это все очень глупо и смѣшно, и что во всякомъ случаѣ не стоитъ и не слѣдуетъ такъ много огорчаться этимъ происшествіемъ, когда увидалъ встревоженное и огорченное по данному поводу лицо моей жены. „Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“ замѣтилъ Соловьевъ. „Какъ вы полагаете, что для этихъ рабочихъ лучше, что они умерли такой ужасной смертью?!“—„Нѣтъ, я хочу сказать, что вообще здѣшняя жизнь на землѣ не составляетъ столь серьезнаго факта, за который стоило бы такъ держаться и дорожить, и чѣмъ человѣкъ испытываетъ больше непріятнаго и дурного въ этомъ мірѣ, онъ получитъ сторицею въ томъ!!? Позвольте, я вамъ расскажу одну русскую народную легенду; подобнаго замѣчательнаго произведенія ни одинъ европейскій народъ не создалъ“. Мы, конечно, попросили его раз-

сказать и вотъ что онъ намъ въ сжатомъ видѣ передалъ изъ содержанія этой легенды:

„Когда-то Христосъ съ учениками, путешествуя по землѣ, пришелъ въ одну деревню къ вечеру уже на ночлегъ. Постучался въ одну избу, его не пустили, прогнали; въ другую, третью—тоже самое... Собаками травили... Наконецъ, пришелъ въ послѣднюю бѣдную избушку на концѣ деревни, гдѣ жилъ бѣднякъ, имѣвшій всего лишь одну коровенку. Бѣднякъ вышелъ изъ избы, когда подходилъ Христосъ съ учениками, поклонился ему до земли и обмылъ ему по тогдашнему обычаю ноги, принесъ чашку молока, ложку, краюху хлѣба, и сказалъ: „Кушайте съ Богомъ, что имѣю, простите, что мало, больше нѣтъ“. Потомъ принесъ сѣна, постелилъ, гдѣ можно, и предложилъ гостямъ спокойно спать. На другое утро Христосъ съ учениками ушелъ отъ гостепріимнаго хозяина и изъ деревни. Вдругъ на выгонѣ, откуда ни возьмись, сѣрый волкъ п спрашиваетъ Христа: „Я голоденъ, Господи, гдѣ мнѣ поѣсть?“ Тотъ говоритъ: „Ступай въ послѣднюю избу, на краю деревни тамъ у мужика одна корова, ты ее зарѣжь. Всѣ ученики въ негодованіи: „Господи, что Ты дѣлаешь?! Одиный добрый человекъ нашелся въ деревнѣ, насъ угостилъ, чѣмъ Богъ послалъ, а ты у него послѣднюю корову отнимаешь!!!“—„Маловѣрные вы, маловѣрные“ отвѣтилъ Господь, „чѣмъ здѣсь хуже, тѣмъ тамъ лучше. Чѣмъ тяжелѣе мужику будетъ здѣсь, тѣмъ съ большей сторицей онъ будетъ награжденъ на небесахъ!“.

Намъ съ женой оставалось, конечно, только пожать плечами отъ такой странной, своеобразной логики по данному поводу, и мы рѣшительно протестовали, какъ противъ величія русскаго народа, благодаря сочиненію такой легенды, такъ и противъ системы оправданія самаго неумѣстнаго смѣха о людскомъ горѣ и несчастіи Владиміра Сергѣевича.

Вообще довольно странныя выходки замѣчались въ то время за милымъ и симпатичнымъ, какимъ онъ сдѣлался впоследствии, Соловьевымъ, которыя совсѣмъ какъ-то не вяжутся и трудно примирить съ его добрымъ, необыкновенно сострадательнымъ характеромъ второй, послѣдней половины его жизни, когда онъ попалъ въ кружокъ „Вѣстника Европы“. Какъ разъ, напримѣръ, въ то самое послѣднее время, прійдя однажды къ Соловьеву въ гостиницу Angleterre, противъ Исааковскаго собора, гдѣ онъ жилъ продолжительное время, я сдѣлался свидѣтелемъ такой трогательной сцены: небольшая комната Соловьева имѣла обыкновенную форточку, которая была отворена настежь и изъ нея валилъ холодный воздухъ морознаго утра. Это было зимой. Множество голубей летало по подо-

коннику взадъ и впередъ. В. С., легко одѣтый, въ накинутомъ на ночной рубашкѣ пальто, щипалъ булку французскаго хлѣба и бросалъ голубямъ, которые безъ церемоніи вырывали хлѣбъ у него чуть не изъ рукъ. Комната быстро наполнилась холодомъ, и онъ, очевидно, простужался. На всѣ мои напоминанія объ опасности для его здоровья такой раздачи голубямъ продовольствія, онъ только смѣялся своимъ милымъ смѣхомъ и заперъ окно, выбросивши полъ-хлѣба прямо на подоконникъ, когда я наконецъ напомнилъ ему о моемъ личномъ опасеніи за собственное здоровье отъ такого голубинаго угощенія.

Совершенно обратно съ этой сценой, молодой В. С., въ то по крайней мѣрѣ время, людей очень мало сожалѣлъ и мало придавалъ значенія, повидимому, самымъ важнымъ человѣческимъ интересамъ. Такъ, на примѣръ, во время нашего совмѣстнаго пребыванія и житья въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Лондонѣ, произошелъ крупный скандалъ съ нѣкимъ мистеромъ Беккеръ, въ послѣдствіи сдѣлавшимся извѣстнымъ Беккеръ-пашой въ Турціи. Капитанъ Беккеръ, адъютантъ тогдашняго принца Уэльскаго, нынѣ короля, путешествуя по Лондонской подземной дорогѣ (Underground Railway), сдѣлалъ покушеніе на честь одной молодой дѣвицы, съ нимъ ѣхавшей въ одномъ и томъ же купѣ перваго класса (фамилію забылъ, что-то въ родѣ миссъ Дальтонъ). Въ одномъ туннелѣ, изъ котораго состоитъ большая часть дороги, испуганная дѣвушка было выскочила, съ большой опасностью для жизни, на приступку вагона и на слѣдующей станціи была найдена полиціей при открытыхъ дверяхъ, съ намѣреніемъ выскочить и подняла тревогу. Судъ обвинилъ Беккера, несмотря на всѣ его сильныя придворныя связи и вліянія, и приговорилъ къ какому-то наказанію. Вся печать, или точнѣе большая часть, съ чрезвычайнымъ негодованіемъ нападала и бранила Беккера. Одинъ только защитникъ нашелся между ними въ лицѣ В. С., который энергично доказывалъ намъ, что навѣрно эта дѣвица авантюристка и желала сорвать деньги и исключительно съ этой цѣлью устроила скандалъ, и что, если бы объ этомъ догадался Беккеръ, то ничего бы не вышло. Вообще въ отношеніи женщинъ В. С. всегда, даже и въ послѣднее время, какъ я помню нѣсколько разъ, а въ юности въ особенности, отличался значительной долей цинизма и большой также любовью къ скабрзнымъ анекдотамъ.

Само собою разумѣется, что несогласіе съ подобными мнѣніями вызывало иногда въ нашемъ кружкѣ бурныя пренія и нѣкоторое раздраженіе, но надо отдать справедливость Соловьеву, онъ былъ такъ незлобивъ и незлопамятенъ, что на другой день всѣ подобныя

столкновенія забывалъ и держалъ себя по-прежнему очень мило и любезно. Такъ, напримѣръ, припоминаю, какъ разъ у него на именинахъ, когда онъ угощалъ насъ съ Ковалевскимъ у Бодеги, въ испанскомъ погребѣ на Оксфордъ-стритъ, прекраснымъ ужиномъ съ большимъ количествомъ шампанскаго и, разумѣется, не безъ вліянія послѣдствій его, произошелъ очень рѣзкій споръ, гдѣ отчасти я долженъ признать себя виновнымъ за недостатокъ сдержанности. Я не помню, по какому предлогу рѣчь коснулась Бѣлинскаго, къ которому я всегда, особенно въ молодости, благоговѣлъ, какъ вдругъ В. С. воскликнулъ: „Что такое Бѣлинскій? Что онъ сдѣлалъ?.. Я уже теперь сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ онъ, и надѣюсь въ теченіе жизни уйти далеко отъ него и быть гораздо выше...“ Хотя было уже очень выпито и можетъ быть поэтому я не удержался, слушая подобное самохвальство, и замѣтилъ Соловьеву, что „стыдно такъ говорить о самомъ себѣ, лучше подождать, когда другіе васъ признаютъ ему равнымъ!!!“ Какъ вдругъ на мое замѣчаніе, къ вѣщему моему конфузу—это происходило въ общемъ залѣ, очень наполненномъ публикой,—В. С. разразился рыданіями, слезы потекли у него обильно изъ глазъ. Я немедленно попросилъ извиненія, Ковалевскій съ своей стороны всячески старался потушить его волненіе, но это намъ не скоро удалось. Праздникъ нашъ разстроился, и мы немедленно уѣхали домой. На другой день, однако, Соловьевъ встрѣтился съ нами въ Британскомъ музеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и когда я вновь извинялся за то, что вызвалъ вчерашнюю сцену, онъ только засмѣялся и тѣмъ и кончилось, повидимому, безъ вліянія на наши добрыя отношенія.

Совершенную противоположность, какъ уже упомянуто, составлялъ другой мой новый знакомый, М. М. Ковалевскій. Будучи всегда жизнерадостнымъ и не чуждымъ всѣхъ удовольствій міра, онъ предпочиталъ всегда землю съ ея радостями небесамъ, но это не мѣшало ему жить и духовными интересами, не меньше, чѣмъ В. С. Уже тогда онъ поражалъ огромной и разнообразной своей начитанностью въ области сравнительной исторіи юриспруденціи. Очень часто рано утромъ, послѣ весело проведеннаго вечера, уже раздавался въ сосѣдней комнатѣ, когда мнѣ приходилось ночевать у Ковалевскаго, его веселый голосокъ съ напѣвомъ какого-нибудь романа, а между тѣмъ онъ въ это время былъ въ сущности за тысячи верстъ отъ веселаго времяпрепровожденія и если войти къ нему въ спальню, какъ это дѣлалъ нѣсколько разъ я, то очень часто при этомъ находилъ его со всѣхъ сторонъ обложеннымъ и углубленнымъ въ огромные фоліанты на старомъ французскомъ, или старомъ англійскомъ и латинскомъ языкахъ, самыхъ серьезнѣй-

шихъ, съ обычной точки зрѣнія, скучнѣйшаго содержанія о какихъ-то средневѣковыхъ институтахъ, книгъ.

Прерванный въ этихъ занятіяхъ, Ковалевскій, немедленно, вслѣдствіе обращенія къ нему, пускался въ объясненія прочитаннаго, и оказывалось, что онъ только-что успѣлъ тонко подмѣтить какую-нибудь любопытную сторону и выводъ изъ сравненія нѣсколькихъ юридическихъ институтовъ и ихъ исторіи и поражалъ васъ одинаково, какъ остроуміемъ и глубиной своей анализа, такъ и необыкновенной своей памятью на разныя мелочи прочитаннаго. Вообще, если относительно В. С., въ его юности, 22 лѣтъ, когда мнѣ пришлось съ нимъ жить вмѣстѣ въ Лондонѣ, приходилось больше догадываться о его крупныхъ умственныхъ силахъ по его глазамъ, выраженію лица, отдѣльнымъ замѣчаніямъ и наконецъ репутаціи, установившейся со времени его диспута, то Ковалевскій немедленно завоевывалъ симпатію и уваженіе своего собесѣдника массою своихъ свѣдѣній и критикой всего подвергаемаго имъ обсужденію. В. С. въ то время выглядывалъ юношей, подававшимъ надежды, очень способнымъ, но и очень страннымъ, Ковалевскій же, несмотря на одинаковый съ нимъ возрастъ, внушалъ больше довѣрія и уваженія, какъ человекъ взрослый, зрѣлый и знающій, что онъ думаетъ и говоритъ.

Было еще нѣсколько русскихъ въ Лондонѣ того времени, какъ напримѣръ, Фирсовъ, Н. Н., проживавшій тогда въ Англіи и часто бывавшій въ нашемъ кружкѣ, пока не вынужденъ былъ покинуть Англію; но по разнымъ обстоятельствамъ я позволю себѣ умолчать въ данномъ случаѣ о своихъ впечатлѣніяхъ и приключеніяхъ этого бывшего земскаго дѣятеля, нѣтъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ человека ума замѣчательнаго, нынѣ въ большой бѣдности и болѣзни проживающаго гдѣ-то въ уголкѣ Южной Италіи.

Пособравши изрядное количество матеріаловъ для своей будущей диссертациі объ „Англійской свободной торговлѣ“, мы вернулись въ Москву, и для меня вновь началась моя профессорская дѣятельность. Передъ отъѣздомъ изъ Лондона М. М. Ковалевскаго, который хотя и былъ оставленъ при Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ кончилъ курсъ подъ руководствомъ столь знаменитаго учителя, какъ профессоръ международнаго права Каченовскій, но мало цѣнилъя своими земляками въ силу общаго правила: „нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ“, я усердно зазывалъ его, во-первыхъ, поддерживать со мной переписку, давать о себѣ знать по временамъ, и во-вторыхъ, вмѣсто Харькова, пріѣзжать держать магистерскій экзаменъ къ намъ въ Москву и у насъ защищать диссертацию, когда онъ ее напишетъ, при чемъ я заранѣе пророчилъ ему блестящій успѣхъ

въ томъ и другомъ. Что касается до перваго, т. е. корреспонденціи, насколько помню, М. М. прислалъ мнѣ всего лишь одно письмо, хотя довольно большое и интересное по содержанію, гдѣ между прочимъ увѣдомлялъ о новости „самой удивительной“, какъ онъ ее называлъ, послѣ нашего отъѣзда изъ Лондона „Соловьевъ-де ѣдетъ въ Египетъ; духи сообщили ему о существованіи тамъ тайнаго кабалистическаго общества и обѣщали ему ввести въ него, т. е. въ общество. Соловьевъ не желаетъ, добавляетъ М. М., „чтобы его намѣреніе стало извѣстно отцу раньше исполненія“¹⁾. Понятно поэтому, о сообщенномъ я умолчалъ передъ своими знакомыми.

Что касается до второй моей просьбы, пріѣхать въ Москву, для исполненія своихъ магистерскихъ повинностей, то, какъ извѣстно, М. М. скоро это и исполнилъ. Въ одну изъ ближайшихъ зимъ онъ появился въ Москвѣ, немедленно мной былъ представленъ декану, тогда Мильгаузену, и другимъ болѣе виднымъ членамъ факультета; почти безъ всякаго приготовленія, блестящимъ образомъ, какъ рѣдко—кто, сдалъ свой магистерскій экзаменъ и выслушалъ изъ устъ нашего престарѣлаго декана просьбу увѣнчать начатое прекрасно дѣло и, не ограничиваясь экзаменомъ, защитить въ будущемъ у насъ свою диссертацию, когда онъ ее напишетъ, и остаться на кафедрѣ въ Москвѣ, вмѣсто возвращенія въ Харьковъ, гдѣ его видимо должнымъ образомъ не цѣнятъ. Маленькая рѣчь декана, вылившаяся искренно изъ его устъ, а Мильгаузенъ всегда отличался своей молчаливостью, вмѣстѣ съ добродушнымъ одушевленіемъ и просьбой присутствовавшихъ, подѣйствовали на юнаго М. М., и онъ немедленно далъ намъ обѣщаніе, что останется въ Москвѣ, и такимъ образомъ мы его пріобрѣли своимъ товарищемъ, пока жестокая воля судьбы, противъ нашего желанія, лишила насъ этого удовольствія!...

Перехожу теперь къ бѣглому очерку лицъ изъ профессорскаго кружка, въ которомъ мы вращались. Раньше всего это были Умовы мужъ съ женой, Толстопятовы, Усовы, Легонины. Первый, профес-

¹⁾ Въ этомъ же письмѣ отъ 15 октября 1875 года содержится нѣсколько замѣчательныхъ строкъ М. М. о его посѣщеніи Карльсбада, куда онъ ѣздилъ этимъ лѣтомъ для здоровья и встрѣчи тамъ съ знаменитымъ Карломъ Марксомъ: „Въ Карльсбадѣ“, пишетъ онъ, „я провелъ много приятныхъ часовъ въ обществѣ Маркса. Это благороднѣйшая и даровитѣйшая натура. Жаль только, что онъ былъ и остался гегельянцемъ, и что научныя положенія его написаны поэтому на песокъ. Я прочелъ въ Карльсбадѣ болѣе половины его книги о капиталѣ, которую онъ подарилъ мнѣ, и нашелъ въ ней новое подтвержденіе тому, что всякое уклоненіе отъ позитивнаго метода и, больше всего, приложенное къ научнымъ изслѣдованіямъ положеніе: *Les grandes idées viennent du coeur, вснзбѣжно ведеть къ частому безсознательному заблужденію*“...

сорь гражданскаго права, былъ уже нашимъ знакомымъ раньше, въ Гейдельбергѣ, гдѣ мы его встрѣтили вмѣстѣ съ его молоденькой женой, вскорѣ послѣ свадьбы. Этотъ несчастный человѣкъ, который очень скоро заболѣлъ какою-то странною простудой ногъ, и быстро обезножилъ, а это привело къ его отставкѣ и рано свело въ могилу, былъ очень добрымъ, милымъ и хорошимъ. Домъ его сдѣлался въ Москвѣ, въ эту эпоху нашего ранняго профессорскаго пребыванія, притягательнымъ центромъ, куда сходилось множество профессоровъ, особенно юридическаго факультета и пріятно проводили время за бесѣдами, пѣніемъ жены Умова, обладавшей хорошимъ голосомъ и бесѣдою съ ея мужемъ. Какъ я припоминаю, нѣкоторыя темы изъ моихъ будущихъ работъ, напримѣръ „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ“ прямо появилась на свѣтъ во время этихъ бесѣдъ и разговоровъ въ гостепріимномъ домѣ Умовыхъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго, всего лишь три, четыре года. Развившаяся болѣзнь ногъ быстро усилилась у несчастнаго Владимира Алексѣевича и заставила его даже экзамень и чтеніе лекцій производить у себя на дому, а затѣмъ выйти въ отставку, послѣ чего въ непродолжительномъ времени онъ умеръ при общемъ соболѣзнованіи всѣхъ товарищей. Изъ другихъ профессорскихъ семействъ и товарищей наиболѣе выдавалась семья Усова, одного изъ замѣчательныхъ людей 40-выхъ годовъ, большого пріятеля, если не товарища, Писемскаго и Юрѣва, съ которыми онъ, кажется, былъ даже на „ты“. Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ былъ умный, очень разносторонне образованный, чрезвычайно живой и веселый русскій колоссъ, который, при огромномъ ростѣ, отличался большой подвижностью, веселостью, юморомъ и остроуміемъ. Цѣлый рядъ шутокъ С. А. по поводу отдѣльныхъ случаевъ и особенно лицъ, напримѣръ, одна по поводу М. М. Ковалевскаго, сдѣлалась, такъ сказать, традиціонною Московскаго университета и долго не забывалась, заслуживая этого по своей мѣткости. Почтенная и добрая супруга его являлась прекрасной хозяйкой и парюю своего мужа, а потому ихъ вечера, кажется четверги, всегда были полны народомъ, особенно нами, молодежью, и были любимыми посѣщеніями. Разсѣвшись комфортабельно у себя на диванѣ, часто чуть не съ ногами, С. А. неутомимо что-то говорилъ и рассказывалъ или, ради увеселенія присутствующихъ, кого-нибудь даже пыталъ своими разспросами, наводившими на комическія сопоставленія и отвѣты, какъ, напримѣръ, помню я теперь, покойникъ дѣлалъ это часто со своимъ племянникомъ, Н. Н. Усовымъ, тогда еще юнымъ студентомъ, впоследствии губернаторомъ. Будучи зоологомъ по профессіи, С. А. имѣлъ въ то же время большія симпатіи и большія познанія по археологін, а потому былъ

близокъ къ довольно обширному обществу въ Москвѣ археологовъ, и всѣ они посѣщали его и съ большимъ почтеніемъ выслушивали его остроумнѣйшія и неожиданныя догадки и объясненія разныхъ остатковъ старины, какія никому и въ голову не приходили.

Изъ юристовъ, сдѣлавшихся нашими товарищами по профессурѣ, кромѣ Н. П. Боголѣпова, о которомъ будетъ говоритья нѣсколько позднѣе, надо упомянуть двухъ лицъ: одного чужого, т. е. изъ другого университета, Павлова, Алексѣя Степановича, другого москвича, Сергѣя Андреевича Муромцова. А. С. Павловъ, перешедшій къ намъ, кажется, изъ Новороссійскаго университета, питомецъ нѣкогда духовной академіи, а затѣмъ нѣсколькихъ иностранныхъ университетовъ, специалистъ по каноническому и церковному праву, вѣроятно лучшій въ то время въ Россіи и наиболѣе авторитетный. Довольно интересный собесѣдникъ, неистощимый на анекдоты, какъ Усовъ, хотя въ другомъ родѣ, преимущественно изъ нравовъ и жизни духовенства и авторъ многихъ изслѣдованій по церковному праву, онъ являлся солиднымъ авторитетомъ въ глазахъ такихъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Побѣдоносцевъ и другіе. А. С. Павловъ, однако, былъ человѣкъ очень помятый жизнью, а потому привыкъ считаться съ обстоятельствами и принаравливался къ нимъ и не могъ, вслѣдствіе этого, сходиться иногда въ пониманіяхъ и дѣйствіяхъ съ нѣсколько идеалистической по своимъ стремленіямъ молодежью, какую представляло большинство преподавателей тогдашняго юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ.

Какъ разъ въ это самое время умерло или вышло въ отставку большинство старыхъ профессоровъ этого факультета: Крыловъ, Бѣляевъ, еще раньше Чичеринъ и Дмитріевъ, Соколовъ (мѣсто котораго занялъ Павловъ) и Баршевъ. Мильгаузенъ прожилъ лишь года три, читая одновременно со мной и даже представляя изъ себя декана, но въ 1877 году сошелъ въ могилу, и другая кафедра финансовъ, о которой я говорилъ, не была восстановлена.

Кромѣ Ковалевскаго, изъ молодыхъ профессоровъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ, впоследствии получившіе такое громадное общественное значеніе по занятымъ ими постамъ, С. А. Муромцевъ и Н. П. Боголѣповъ, несчастный министръ народнаго просвѣщенія, павшій отъ руки убійцы. С. А. Муромцевъ, впоследствии занимавшій мѣсто предсѣдателя нашей первой Государственной Думы, вступилъ въ Московскій университетъ и занялъ профессору еще въ очень, относительно, юномъ возрастѣ, примѣрно лѣтъ 26 или 27, если не моложе. Ученикъ знаменитаго Геринга, котораго онъ слушалъ въ Гейѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ княземъ Львомъ Голицынымъ, С. А. выдавался на кафедрѣ цѣлымъ рядомъ завидныхъ ка-

чество. Онъ не только обладалъ серьезными свѣдѣніями по предмету своей спеціальности—римскому праву—который между прочимъ въ Москвѣ онъ слушалъ у Никиты Крылова, но всегда отличался хорошимъ даромъ слова, обладая привлекательной наружностью и замѣчательнымъ умѣніемъ собой управлять. Это послѣднее свойство, которое онъ развилъ впоследствии, въ качествѣ многолѣтняго предсѣдателя юридическаго общества, выказалось у него прекрасно и въ одномъ изъ первыхъ засѣданій юридическаго факультета, на которомъ я лично не присутствовалъ, но слышалъ потомъ отъ товарищей. Незадолго передъ этимъ отъ насъ ушелъ въ отставку пресловутый ректоръ и профессоръ, Сергѣй Баршевъ. А. С. Павловъ, самъ только-что вошедшій въ факультетъ, не справляясь съ мнѣніемъ товарищей, вздумалъ угодить и подкурить Баршеву. Онъ предложилъ факультету именно Баршева избрать почетнымъ членомъ университета, но потерпѣлъ крушеніе. С. А. самый младшій, вѣроятно по возрасту членъ факультета, въ одномъ изъ своихъ первыхъ засѣданій, такъ отпѣлъ за это приличнымъ, но рѣшительнымъ образомъ Павлова, что попытка его превознести Баршева со срамомъ провалилась. Самъ А. С. на будущее время сдѣлался гораздо скромнѣе и чаще сталъ помнить и руководствоваться русской поговоркой: „Не спросясь броду, не суйся въ воду“.

С. А. Муромцевъ очень скоро попалъ въ юридическое общество, которое долго у насъ было мертворожденнымъ, особенно его органъ „Юридическій Вѣстникъ“, который благодаря искусству и таланту С. А. и помощи такихъ лицъ, какъ Ковалевскій и многихъ другихъ, утратилъ свою мертвенность, ожилъ и сдѣлался серьезнымъ юридическимъ органомъ, со множествомъ интереснѣйшихъ статей и оставилъ несомнѣнно навсегда память о полезной и плодотворной дѣятельности С. А. въ Московскомъ университетѣ, не менѣе въ этой области, какъ и въ профессорѣ. Правда, было изрядное количество недовольныхъ С. А., вѣроятно большей частью изъ лицъ, завидовавшихъ его быстрому успѣху и имъ чѣмъ-нибудь затронутыхъ; такіе, наприимѣръ, утверждали, что умственные и научныя качества почтеннаго предсѣдателя юридическаго общества подвергаются-де многимъ сомнѣніямъ, и что въ дѣйствительности его личность представляетъ-де собой въ сущности весьма посредственное явленіе, личность, которая никогда ничего оригинальнаго и выдающагося не дѣлала и не говорила и, что-де Муромцевъ, не болѣе, какъ, любили они употреблять прозвище, представляетъ будто бы собой „общее ходячее мѣсто“ (?!). Разумѣется, такіе злые языки и отзывы можно объяснить лишь исключительно завистью или злопамятностью.

*

Быстро, за работой, я помню, прошла зима 1875 и 1876 года. Этотъ послѣдній годъ принесъ мнѣ опять большое горе. Зимой 1876 года жена моя сильно заболѣла той самой болѣзнью воспалительнаго характера, отъ которой едва не умерла невѣстой. Перепробовавши разныхъ московскихъ эскулаповъ, намъ пришлось рѣшиться зимой на нѣкоторую, мѣсячную примѣрно, разлуку. Жена моя ѣздила съ одной родственницей въ Петербургъ къ извѣстному тогда доктору Сусловой, женѣ моего впоследствии друга Ф. Ф. Эрисмана, которая нѣсколько облегчила ея страданія, но настоятельно совѣтовала ей, въ унисонъ, впрочемъ, съ Московскими врачами, непременно ближайшимъ лѣтомъ (это уже 1877 года) ѣхать въ Крейцнахъ для лѣченія тамошними цѣлебными водами и ваннами.

Еще раньше, лѣтомъ 1876 года, мы опять ѣздили въ Лондонъ собирать матеріалъ для моей диссертациі. Я собралъ его въ значительныхъ размѣрахъ для первой части своей работы объ „Англійской свободной торговлѣ“, и выпускъ первый представилъ, какъ диссертацию. Такимъ образомъ этотъ первый томъ появился черезъ два года послѣ „Акциза“, т. е. осенью 1876 года, второй же много лѣтъ позднѣе, какъ мы дальше увидимъ. По внутренней связи, „Англійская свободная торговля“ представляетъ собой непосредственное продолженіе магистерской диссертациі о косвенныхъ налогахъ, но только лишь съ одной стороны, со стороны политики. Фискальныя пошлины я выбросилъ, изслѣдуя въ своемъ новомъ сочиненіи исторію идеи свободной торговли, въ связи съ ихъ практическими результатами, или отраженіемъ ихъ развитія на таможенномъ законодательствѣ Англій и всей экономической жизни страны. Для этой новой работы, такимъ образомъ, я опять, какъ говорилось, совершилъ дважды (въ 1875 и 76 годахъ, во время вѣката) паломничество въ стѣны Британскаго музея и успѣлъ въ эти два года покончить для выпуска первый томъ труда. Онъ обнималъ собой меркантильный періодъ исторіи идей свободной конкуренціи, при чемъ, согласно общей задачѣ сочиненія, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ лишь развитіе идеи собственно свободной торговли. Что же относится до свободы промышленности и труда, то я касался ихъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ тѣсной связи съ главнымъ предметомъ изслѣдованія. Цѣль всей работы заключалась въ томъ, чтобы въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ намѣтить тѣ условія, при которыхъ развились въ Англій начала экономической политики, указать тѣ вліянія, при которыхъ появились на свѣтъ идеи свободной конкуренціи, а затѣмъ постараться опредѣлить ихъ относительное значеніе и самые результаты, къ которымъ привела страну система экономической свободы.

Благодаря такому плану изслѣдованія, „Англійская свободная торговля“, по своему содержанію, имѣетъ какъ бы двойственный характеръ: съ одной стороны она содержитъ въ себѣ историко-литературный очеркъ воззрѣній различныхъ писателей на данный предметъ книги въ ихъ исторической послѣдовательности, съ другой, очеркъ самого англійскаго народнаго хозяйства и частью соотвѣтствующаго законодательства.

Научный интересъ перваго тома главнымъ образомъ и заключается въ разработкѣ исторіи англійской экономической литературы и обстоятельномъ описаніи организациі торговли въ меркантильный періодъ (проведеніе границъ между системой денежнаго и торговаго баланса), такъ какъ противно мнѣніямъ Макколоха, Рошера и другимъ, главой и типичнымъ представителемъ англійскихъ меркантилистовъ долженъ считаться не Мэнъ, а Вильямъ Стаффордъ. Точно такъ же первая систематическая разработка экономическихъ понятій и въ то же время протестъ противъ нѣкоторыхъ крайнихъ меркантилистовъ принадлежитъ труду Э. Миссельдена, найденнаго мною въ Британскомъ музеѣ, и т. д. и т. д. Вообще сдѣланы нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя поправки и добавленія къ существовавшимъ тогда (т. е. въ 1876 г.) свѣдѣніямъ по исторіи англійской экономической мысли въ меркантильный періодъ.

И вотъ 9 октября 1876 года, я успѣшно защитилъ мою диссертацию и былъ объявленъ докторомъ финансоваго права, а вслѣдъ за тѣмъ, минуя промежуточную градацію экстраординарнаго профессора, былъ утвержденъ приказомъ министра народнаго просвѣщенія, отъ 30 октября, ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ финансоваго права.

Исполняя предписаніе врачей относительно моей болѣвшей жены, мы двинулись изъ Москвы въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года, съ небольшою остановкой въ Петербургѣ, черезъ который ѣхали ради большаго удобства, черезъ Дрезденъ, въ Крейцнахъ. Намъ сопутствовала милая и добрая родственница и другъ моей жены, Елена Петровна Пусторослева, такъ какъ я не могъ рѣшиться оставить мою жену одну или на попеченіе чужихъ людей въ Крейцнахъ, гдѣ она должна была пребыть примѣрно около шести недѣль. Приѣхавши въ Крейцнахъ и устроившись довольно недурно въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ, съ большою горечью въ сердцѣ, я оставилъ жену заботамъ доброй родственницы и врачей, а самъ уѣхалъ, на этотъ разъ одинокій, въ Лондонъ продолжать занятіе и собирать матеріалъ для втораго тома или выпуска своей „Свободной Торговли“. Это не было уже диссертацией, а лишь продолженіе диссертациі и оффиціально отъ меня не требовалось, и поэтому я

могъ не торопиться. (Писаніе 2-го тома или, точнѣе, выпуска продолжалось 6 лѣтъ; онъ вышелъ лишь въ 1882 году). Тѣмъ не менѣе работа эта долго и тяжело лежала на моей совѣсти, ибо первый томъ мною былъ выпущенъ, неожиданно для меня разросшійся въ размѣрахъ, лишь съ обязательной подпиской на второй. Такимъ образомъ я считалъ себя нравственно обязаннымъ спѣшить удовлетворить желаніе подписчиковъ на мой трудъ, которые неутомимо напоминали объ этомъ книгопродавцамъ. Изданіе „Свободной Торговли“ вообще стоило не мало хлопотъ и расходовъ, для чего деньги мною занимались.

Само собою разумѣется, мнѣ было чрезвычайно тяжело разстаться съ больной женой, да еще на продолжительный срокъ и въ первый разъ за границей, но утѣшеніе предстояло, помимо освобожденія отъ взятаго на себя неосторожно обязательства съ изданіемъ, и въ той пользѣ, которую приносило мнѣ каждое посѣщеніе этого драгоценнаго учрежденія—Британскаго музея. Жена моя сама прежде всего понимала и сознавала эту пользу, а потому и уговорила меня настойчиво ѣхать, тѣмъ болѣе, что въ Крейцнахъ, благодаря присутствію добрѣйшей Е. П. Пусторослевой, я былъ тогда совершенно бесполезенъ для больной... Вотъ какъ, на примѣръ, моя жена описываетъ въ одномъ письмѣ къ своей крестной матери и теткѣ—Лондонъ и его для насъ значеніе:

„....милый нашему сердцу Лондонъ, гдѣ мы оба такъ сильно жили умственной жизнью, и гдѣ въ особенности мужъ работалъ такъ серьезно и такъ много сдѣлалъ для своего развитія... Британскій музей для насъ есть старый учитель, которому мы чувствуемъ себя обязанными за серьезное и плодотворное обученіе и къ которому обращаемся вновь и вновь за дальнѣйшимъ образованіемъ съ вѣрою въ успѣхъ“...

3-го іюня 1877 года я пріѣхалъ благополучно въ Лондонъ и устроился, увы, уже одинъ въ той же самой Keppelstreet, хотя въ другомъ домѣ и у другой хозяйки. М-рсъ Сиггерсъ, по справкамъ, должно быть, умерла, или покинула Лондонъ, и я ея не нашелъ. Въ тотъ же день, или не дальше, какъ на слѣдующій я успѣлъ получить или возобновить свой входной билетъ въ Британскій музей. Одновременно я былъ такъ счастливъ, что встрѣтился почти тотчасъ съ П. В. Макаровымъ, моимъ бывшимъ товарищемъ, который когда-то, т. е. въ 1874 году вмѣстѣ со мной пріѣхалъ въ Лондонъ писать диссертацию, но ее не написалъ, а остался безъ всякаго серьезнаго и убѣдительнаго повода, какъ русскій нерѣшительный человѣкъ, въ Лондонѣ, сдѣлавшись корреспондентомъ „Новаго Времени“. Въ качествѣ такового онъ получалъ достаточно

денегъ и съ прекращеніемъ стипендіи. Съ возвращеніемъ его никто не беспокоилъ, такъ какъ политически онъ былъ безусловно чистъ, и въ результатѣ онъ умудрился пробыть въ Англіи не менѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ вернулся восвояси и поступилъ гдѣ-то на югѣ Россіи на службу въ министерство финансовъ. Макаровъ оказался какъ бы представителемъ русской колоніи въ Лондонѣ; немедленно свелъ меня въ свою квартиру, недалеко отъ того же Британскаго музея и тотчасъ познакомилъ съ большимъ числомъ россіянъ и россіянокъ, въ это время почему-либо пребывавшихъ въ Лондонѣ. Отъ него я узналъ, между прочимъ, впервые, что въ Лондонѣ только что былъ профессоръ Анучинъ и незадолго до меня уѣхалъ, и находился одесскій профессоръ Успенскій (нынѣ академикъ), московскій ученый (тогда еще не профессоръ) Н. П. Боголѣзовъ и еще нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ и дамъ, очень интересныхъ по его словамъ. Со всѣми ими я познакомился очень скоро.

Уважая болѣе всего точность и своевременность, я позволю себѣ пребываніе этотъ разъ въ Лондонѣ описать собственными словами моего письма изъ Лондона, отъ 18 іюня того года, къ родителямъ моей жены: „Вотъ уже ровно двѣ недѣли, какъ я покинулъ Крейцнахъ и нахожусь въ Лондонѣ, и счелъ обязанностью дать вамъ о себѣ вѣсточку. Добрался сюда безъ особенно важныхъ приключеній и устроился на той же Kerpelstreet, на которой постоянно проживалъ съ женой, недалеко отъ Британскаго музея“.

„Жизнь моя течетъ по прежнему образцу, хотя и съ нѣкоторыми немаловажными отступленіями психическаго свойства. Цѣлый день работаю въ Музеѣ, повидимому при той же обстановкѣ и даже надъ болѣе интересной темой, чѣмъ прежде, но увы, не имѣю около себя моего безцѣннаго помощника въ лицѣ жены, а потому работаю менѣе спорко. Вѣдь когда не имѣешь около себя своего другого я, которое съ сочувствіемъ откликается на всякій запросъ и съ которымъ дѣлишься каждымъ впечатлѣніемъ и наитіемъ мысли, то невольно въ душу закрадывается пустота и какъ-то скорѣй перестаешь думать, и дѣло идетъ вяло, какъ будто бы нѣсколько нехотя!! Особенно пусто и неприятно себя чувствуешь, когда возвращаешься въ свою одинокую каморку, садишься за чай и берешь газету для отдыха. Такъ и кажется, что жена сейчасъ войдетъ въ комнату и спроситъ: „что ты читалъ интереснаго?!!“ Та же улица, тѣ же магазины, выставки товаровъ напоминаютъ старыя сцены и разговоры и обращаютъ неотвязно мысль къ той же отсутствующей персонѣ“.

„Къ счастью, „продолжается въ моемъ письмѣ“, или точнѣе къ

моему спокойствію, съ перваго же дня прїѣзда моего начались встрѣчи съ русскими. Я встрѣтилъ здѣсь, напримѣръ, Орлова, Боголѣпова, Макарова и цѣлую кучу другихъ русскихъ, до тѣхъ поръ незнакомыхъ. Въ двухъ шагахъ отъ меня проживаетъ въ одномъ пансіонѣ цѣлая русская колонія, въ которой есть даже двѣ дамы, а одно семейство и съ дѣтьми. Все это нѣсколько развлекаетъ меня, наполняетъ свободное отъ занятій время. Эти двѣ дамы (обѣ молодыя и одна почти красавица), жены двухъ довольно интересныхъ субъектовъ. Первый—самоучка механикъ, бывшій телеграфистъ, нѣкто Яблочковъ, изобрѣлъ удивительную вещь: электрическую свѣчу, которая должна собой замѣнить всякіе фонари и лампы для освѣщенія улицъ и большихъ зданій“. (Значитъ, я еще и не мечталъ тогда объ освѣщеніи комнатъ электричествомъ?!!) „Онъ продалъ свою выдумку въ Парижѣ какой-то компаніи за значительный кушъ денегъ и сверхъ того постоянное жалованье въ двѣ тысячи франковъ въ мѣсяць. Сюда въ Лондонъ онъ прїѣхалъ по порученію компаніи распространять свое изобрѣтеніе и дѣлать опыты въ разныхъ мѣстахъ, и о немъ уже кричатъ здѣшнія газеты. Другой (мужъ красавицы, но самъ уже не молодой человекъ) по фамиліи Алисовъ, когда-то питомецъ Петербургскаго университета, изобрѣлъ особую печатную машину, величиной съ обыкновенную швейную: особенность ея заключается въ томъ, что не нуженъ наборъ, а только съ маленькимъ навыкомъ каждый человекъ можетъ прямо излагать свои мысли печатно, вмѣсто того, чтобы сначала писать, а затѣмъ уже нести въ типографію¹⁾). Такимъ образомъ эта машина, на которую Алисовъ уже выхлопоталъ привилегію, должна уничтожить всѣхъ писцовъ и каждый дѣловой кабинетъ, напримѣръ, Николая Васильевича“ (моего тестя), „превратить въ типографію, гдѣ машина будетъ печатать кассационныя жалобы и апелляціи!!... Алисовъ заказалъ въ Манчестерѣ сто своихъ машинъ и ждетъ ихъ выполненія. Здѣсь скоро будетъ выставка типографскихъ и печатныхъ принадлежностей и первое русское изобрѣтеніе, нужно думать, получить свою оцѣнку отъ знатоковъ дѣла“.

¹⁾ Думаю, что тогдашняя машина Алисова, дальнѣйшая судьба которой мнѣ совершенно неизвѣстна, и лично ее видѣть не пришлось, только много разъ слышать описаніе со словъ изобрѣтателя, представляетъ скорѣй форму не теперешней пишущей машины, а такъ называемую „лино-типю“, linotype, т. е. „пишущая наборная“, какія мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣть въ новѣйшее время на выставкахъ въ Европѣ. Посредствомъ ихъ можно, по тому же способу, какъ пишущими машинами, дѣлать готовый наборъ и затѣмъ пускать его въ печать, что очень ускоряетъ газетное дѣло.

„Такимъ образомъ, по вечерамъ, мы, т. е. вся русская молодежь, къ которой и я вѣдь принадлежу пока, проводимъ время двойко: слушаемъ и смотримъ мужей изобрѣтателей и затѣмъ гуляемъ и любезничаемъ съ женами изобрѣтателей. Особенно всѣ ухаживаютъ за м-ше Алисовой, весьма милой болтушкой, готовой на всякую шалость, и возбуждающей чопорныхъ англичанокъ своимъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и рѣшительными манерами“.

Въ добавленіе къ этому письму, собственно нѣсколькими днями раньше, отъ 14 іюня, я писалъ по тому же поводу и моей супругѣ въ Крейцнахъ: „Въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ Макаровъ, помѣщается много русскихъ, напимѣръ, профессоръ Одесскаго университета, Успенскій, нѣкто Яблочковъ, техникъ изобрѣтатель электрической свѣчи. Его находку пробуютъ въ настоящее время въ East India Docks и Waterloo Bridge, Кенсингтонскомъ, а позднѣе и въ Британскомъ музеяхъ. Съ нимъ молодая жена, или точнѣе госпожа, которую онъ выдаетъ за жену, затѣмъ тутъ же живетъ другой русскій техникъ Алисовъ, изобрѣтатель особой печатной машины. Онъ пріѣхалъ сюда братъ привилегію и изготовляетъ въ Англіи эти машины. Его я еще не видалъ и знаю только по рассказамъ. Съ нимъ молоденькая жена, ему совсѣмъ не пара, — 45 и 20 лѣтъ, — очень, видимо, тѣмъ не менѣе влюбленная въ мужа (??) и въ его весьма разнообразныя техническія изобрѣтенія. Г-нъ Алисовъ теперь находится въ Манчестерѣ или Шеффилдѣ, и г-жа Алисова очень скучаетъ, особенно благодаря совершенному незнанію англійскаго языка. Понятно, вся наша русская молодежь всячески старается ее утѣшать и развлекать. Такъ въ пятницу ради нея вся наша компанія ѣдетъ въ Хрустальный Дворецъ. Со мной м-ше Алисова очень мила и любезна, выражаетъ все свое сожалѣніе, видя, что я скучаю, не получая отъ тебя писемъ, и наконецъ настояла, чтобы вчера, находясь у ней въ гостяхъ, немедленно тебѣ отвѣтилъ, для чего даже ссудила меня своими письменными принадлежностями. Сама она также переживаетъ, видимо, какую-то тревогу“. Нѣсколько позднѣе всѣ мужья, видимо, съѣхались, дамы утѣшились и стало еще веселѣе, хотя темы писемъ нѣсколько измѣнились.

Большую роль въ моей тогдашней перепискѣ занимаетъ мой почтенный товарищъ Н. П. Боголѣповъ, тогда всего-навсего частный преподаватель университета, командированный за границу (онъ, кажется, писалъ тогда свою докторскую диссертацию), которому суждено было впоследствии сдѣлать такую блестящую карьеру, окончившуюся ужасной катастрофой. Я съ нимъ въ Москвѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ профессорства успѣлъ только слегка познакомиться, но

въ Лондонѣ я его засталъ совершенно одинокимъ, поселившимся Богъ знаетъ въ какой дали отъ центра и Британскаго музея, который онъ посѣщаль, хотя и не особенно аккуратно, и видимо скучалъ безъ общества соотечественниковъ. Съ указанной выше компаніей онъ познакомился лишь во время моего приѣзда и черезъ мое посредство. Вотъ что я, напримѣръ, писалъ моей женѣ въ то время отъ 6 іюня: „Только сейчасъ вернулся, милая жена, отъ Боголѣпова, котораго, Богъ вѣдаетъ, куда занесло! Онъ живетъ на самомъ сѣверѣ Лондона, въ окрестностяхъ города, близъ Alexandra Palace и ѣхать къ нему надо было за Euston Road, по конно-желѣзной дорогѣ цѣлый часъ, а потомъ пѣшкомъ идти минутъ десять. Тамъ было вечеромъ уже совершенно безлюдно и темно, какъ въ Московскихъ Грузинахъ, такъ что мнѣ было немного жутко возвращаться, пока не добрался до трамвая и болѣе цивилизованныхъ мѣстъ. Живетъ онъ въ семьѣ, дешево, за 35 шиллинговъ въ недѣлю. Выучился по неволѣ говорить по-англійски, не видя два мѣсяца ни одной русской души, на зато Лондона и здѣшней общественной жизни совсѣмъ не видалъ, и не знаетъ, какъ будто въ Англии и не былъ!! Онъ, видимо, радъ мнѣ чрезвычайно и безъ всякаго съ моей стороны вызова или нужды, рассказалъ мнѣ свой прерванный романъ, съ которымъ познакомлю тебя при свиданіи“.

Н. П. часто заходилъ ко мнѣ отводить душу о разныхъ матеріяхъ и, кажется, ему бѣдному очень тяжело было вспоминать вдали отъ родины Россію и своихъ близкихъ. Онъ безпрестанно, безъ всякаго напоминанія, возвращался на эту послѣднюю тему, видимо волнуемый мыслями и переживаніемъ стараго и дорогого ему. Вообще онъ охотно искалъ русской компаніи. Зная еще по Россіи, что онъ не особенный охотникъ до выпивки, я помню, напримѣръ, какъ разъ русская молодежь собиралась въ какой-то извѣстнѣйшей Gin-Palace, т. е. по-просту роскошный питейный домъ гдѣ-то на Tottenham Court Road, и забыли предложить компанію Н. П., онъ былъ очень обиженъ и настойчиво насъ упрекалъ, зачѣмъ мы его не включаемъ въ наше общество?? На дружескомъ обѣдѣ, который я давалъ тогда нѣсколькимъ россіянамъ по случаю дня рожденія моей жены, и гдѣ приглашенъ былъ также и Боголѣповъ, онъ былъ всѣхъ веселѣй и сказалъ очень милый и остроумный тостъ за мою жену, меня очень растрогавшій, и о которомъ я счелъ долгомъ подробно написать ей немедленно.

Участвуя такимъ образомъ въ нашихъ увеселеніяхъ и прогулкахъ русской компаніи, Николай Павловичъ, какъ красивый молодой человѣкъ, видимо, очень понравился нашимъ дамамъ, которыя

стали за нимъ ухаживать, а онъ въ свою очередь платитъ имъ удвоенной любезностью и разными услугами. Вотъ что я, напри- мѣръ, писалъ своей супругѣ, отъ 20 іюня, значить, не долго спустя послѣ выше разсказаннаго: „Всѣ послѣдніе вечера, кромѣ трехъ“, каюсь я передъ женой, „я ухаживалъ напропалую, вмѣстѣ съ остальной компаніей за м-ше Алисовой, которая представляетъ со- бою, какъ тебѣ уже извѣстно, весьма милую, но до крайности мало развитую, кисейную бабенку. Боголѣповъ, тотъ дошелъ до того“, пишу я, „что является къ ней чуть не съ утра, какъ на службу, а легкомысленная бабочка все мучаетъ его съ Макаровымъ раз- ными порученіями и комиссіями, которыя тѣ наперерывъ стараются исполнять. Боголѣповъ по этому случаю даже сочинилъ особенную теорію: „Общество этой госпожи“, говоритъ онъ, „для меня благо- даря ея красотѣ, также пріятно, какъ иная итальянская опера, безъ внутренняго содержанія!“ Конечно, о такихъ удачныхъ сравненіяхъ своихъ поклонниковъ, какъ настоящее Н. П. Боголѣпова, м-ше Алисова не знаетъ. Ну, довольно болтать о пустякахъ!!!“

Очень скоро, впрочемъ, мы всѣ замѣтили, какъ эта интересная дамочка начала отдавать всюду и всегда предпочтеніе, не стѣсня- ясь его выказывать, Николаю Павловичу, и тутъ же для насъ об- наружилось, насколько этотъ прекрасный человѣкъ, такъ несправе- дливо стертый съ лица земли рукой злой судьбы, стоялъ, по своимъ нравственнымъ понятіямъ, выше обыкновенной толпы¹⁾. Несмотря на настойчивую любезность со стороны г-жи Алисовой и всякіе авансы въ отношеніи къ Николаю Павловичу, онъ началъ замѣтно отъ нея удаляться, а скоро совсѣмъ пересталъ бывать въ ея квартирѣ (Woburn Place 39). На нашъ щекотливый вопросъ: почему онъ уда- ляется ея общества и пересталъ бывать? Николай Павловичъ съ достоинствомъ отвѣчалъ: „Почему вы такъ обо мнѣ дурно думаете?! Она меня забавляла и не болѣе того. Конечно, я не могу быть во- ромъ, и украсть жену у мужа никоимъ образомъ не рѣшусь“. Та- ковы были нравственныя понятія этого замѣчательнаго человѣка; какіе бы недостатки онъ ни имѣлъ, онъ ни на іоту не отступалъ отъ своихъ правилъ при всякомъ случаѣ и палъ на посту, какъ ча-

¹⁾ Судьба г-жи Алисовой весьма странная и романтичная. Какъ я слы- шалъ потомъ, она не была законной женой Алисова, и впоследствии разошлась съ нимъ и вышла замужъ за извѣстнаго физика, профессора N. N. въ Петербургѣ, который вскорѣ перешелъ въ Варшавскій университетъ, но жена за нимъ въ теченіе года не хотѣла послѣдовать, и онъ, лишь съ большимъ трудомъ, съ помощью покойнаго Побѣдоносцева, съ ней раз- велся. Впоследствии она вышла замужъ за присяжнаго повѣреннаго X. и умерла, относительно довольно молодая.

совой, вѣрный своему долгу, за то, что онъ думалъ по-своему, не согласно съ толпой и не старался плыть по теченію!!

Какъ ни пріятно мнѣ было имѣть свое подходящее общество въ Лондонѣ на этотъ разъ, но отсутствіе больной жены меня сильно беспокоило и тревожило, тѣмъ болѣе, что она писала далеко не такъ аккуратно, какъ я, и были дни, когда я не получалъ отъ нея совсѣмъ извѣстій. Поэтому, въ началѣ іюля, я отправился и при томъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Флиссингенъ въ Голландіи, на Кельнъ и Крейцнахъ, куда я пріѣхалъ быстро, 4-го іюля, къ пріятному удивленію не ожидавшей еще меня жены. Я засталъ ее сильно ослабѣвшей отъ лѣченія, чѣмъ всегда отличается замѣчательное дѣйствіе Крейцнахскихъ ваннъ, отъ которыхъ вмѣстѣ со слабостью, вѣроятно благодаря радіоактивности этихъ водъ, проходитъ постепенно болѣзнь и потомъ быстро возвращаются силы и здоровье. Недѣли двѣ я усердно ухаживалъ за больной, которая не могла даже свободно двигаться, и возилъ ее постоянно въ креслахъ, а черезъ какія-нибудь двѣ недѣли, въ Швейцаріи, куда мы переселились, для *Nachkur'a*, она уже свободно ходила по горамъ и дѣлала со мной довольно большіе туры. Послѣ мѣсячнаго отдыха въ горахъ, по совѣту врачей, мы заѣхали въ Франценсбадъ взять нѣсколько грязевыхъ ваннъ и вернулись въ Москву съ легкимъ сердцемъ, къ счастью значительно поправивши здоровье.

Въ Москвѣ меня ждала куча разнообразнаго дѣла; два съ половиной года до тѣхъ поръ, я читалъ исторію финансовъ, гдѣ попутно съ историческими свѣдѣніями передавалъ и нѣкоторыя теоретическія, но въ этомъ году внезапно скончался Мильгаузенъ и мнѣ пришлось временно занять его кафедру, т. е. теорію финансовъ; исторія пока осталась за штатомъ. Такимъ образомъ понадобилось составлять собственно новый курсъ теоріи науки, что дѣлалось вовсе не быстро, и весь конецъ 70-хъ годовъ прошелъ у меня за этой работой, составленіемъ и переработкой университетскаго курса, впоследствии напечатаннаго, и въ то же время цѣлаго ряда монографій по всевозможнымъ предметамъ и вопросамъ. Цѣлая масса, навѣрное, гораздо болѣе 20-и моихъ трудовъ, не считая переводовъ, на примѣръ, фабричныхъ законовъ, относится именно къ этой эпохѣ моей жизни, къ концу 70-хъ и началу 80-хъ годовъ. Эти работы и изслѣдованія опредѣлили не только всю мою научную фізіономію и вкусы—достоинства и недостатки, но и дальнѣйшую судьбу моей жизни.

Еще продолженіе моей докторской диссертациі о „Свободной Торговлѣ“ не было dokonчено, я все собиралъ матеріаль и мѣнялъ планы, какъ уже начали появляться мои объемистыя изслѣдованія

разнаго рода. Только въ періодъ времени между напечатаніемъ двухъ выпусковъ „Свободной Торговли“ (1876—82 годовъ), я помѣстилъ цѣлый рядъ большихъ журнальныхъ статей, изъ которыхъ одна составила впоследствии цѣлую книгу, имѣвшую два изданія, это „Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ 1880 г.“. Монографія эта, для которой я нашелъ матеріаль, попутно собирая его для своей книги о „Свободной Торговлѣ“, въ видѣ брошюръ и газетъ одного политическаго общества въ Ливерпулѣ, была написана первоначально въ 1878 году и помѣщена въ 1879 году въ „Отечественныхъ Запискахъ“, а на другой годъ вышла въ Москвѣ отдельной книгой (перепечатанной въ С.-Петербургѣ въ 1908 году, вторымъ изданіемъ). Цѣль этого изслѣдованія состояла, во-первыхъ, въ томъ, чтобы обрисовать значеніе общественной самодѣятельности и частнаго почина для улучшенія государственныхъ финансовъ и управленія; во-вторыхъ, она заключалась въ томъ, чтобы дать образецъ критики англійскихъ государственныхъ расходовъ, такъ какъ соответствующая критика русскихъ расходовъ за то время была еще невозможна. Такъ понималъ задачу сочиненія Г. З. Елисеѣвъ, предложившій ее мнѣ помѣстить въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Другая серія статей, вслѣдъ за тѣмъ, въ 1880 г. напечатанная въ томъ же журналѣ, имѣла своимъ предметомъ „Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи“. Исторія ея такова: въ качествѣ члена Комиссіи, учрежденной московскимъ генералъ-губернаторомъ Долгорукимъ, для изслѣдованія фабрикъ и заводовъ, я очень заинтересовался положеніемъ нашихъ рабочихъ и неустройствомъ фабрикъ. Собирая по этому предмету всевозможныя свѣдѣнія для Россіи, я попутно знакомился съ соответственнымъ отдѣломъ общественнаго благоустройства въ Англіи, съ исторіей тамошняго фабричнаго законодательства и всѣхъ учреждений, которыя привели къ улучшенію и прогрессу фабричнаго санитарнаго дѣла и улучшенію экономическаго положенія рабочихъ. Какъ разъ въ это время нѣкоторыя случайныя обстоятельства способствовали моимъ стремленіямъ въ этомъ направленіи; именно мой другъ Ковалевскій началъ издавать съ В. Ф. Миллеромъ „Критическое Обзорѣніе“, просуществовавшее, впрочемъ, короткое время, что-то около двухъ лѣтъ. Оно вступило немедленно въ обмѣнъ съ множествомъ, если не со всѣми русскими періодическими изданіями, которыя, однако, лежали въ редакціи „К. О.“ большею частью безъ употребленія. И вотъ, обѣщаясь дать за это сильную хронику и статьи, я выпросилъ ихъ себѣ и въ теченіе двухъ лѣтнихъ вакатовъ, проведенныхъ, благодаря нездоровью жены, въ деревнѣ

у ея родителей въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, я легко и удобно выбралъ изъ всѣхъ русскихъ изданій множество выписокъ и свѣдѣній, относящихся къ фабрикамъ. Переработавъ эти данныя, приведя въ порядокъ и сопоставивши должнымъ образомъ съ соотвѣтствующими фактами англійской фабричной жизни, я составилъ цѣлый рядъ довольно интересныхъ и во всякомъ случаѣ поучительныхъ для того времени статей объ общемъ санитарномъ состояніи русскихъ фабрикъ, а также положеніи у насъ безправномъ и беззащитномъ дѣтей и женщинъ и вообще рабочихъ и, параллельно, объ успѣхахъ и постоянномъ прогрессѣ англійскаго фабричнаго законодательства. Статьи мои, благодаря интересу сообщаемыхъ данныхъ, имѣли несомнѣнно значительный успѣхъ, что и выказалось мнѣ разнообразнымъ образомъ. Между прочимъ, впоследствии, въ 1882 году, извѣстный министръ Н. Х. Бунге, пригласившій автора на только-что учрежденную должность фабричнаго инспектора, прямо мнѣ заявилъ, что въ значительной степени очерки мои остановили серьезно его вниманіе на этомъ вопросѣ, и что при предварительной законодательной работѣ, предшествовавшей выходу закона 1882 года, пришлось воспользоваться значительно этими трудами. Къ этой же категоріи относятся также и другія мои статьи, какъ напримѣръ: „Кто отвѣчаетъ за несчастіе съ рабочими“? напечатанная въ „Устояхъ“, „Московскіе фабричные рабочіе“, и „Промышленная статистика и фабричное законодательство“ и т. д., слѣдовавшія довольно быстро другъ за другомъ, поддерживая и муссируя мысль въ обществѣ о необходимости пересмотра нашего устарѣвшаго фабричнаго и всего промышленнаго законодательства и большаго вниманія къ нуждамъ рабочихъ.

Фабричная коммиссія князя Долгорукова въ Москвѣ также много, при томъ раньше всѣхъ, работала на пользу русскихъ рабочихъ и между прочимъ, въ свою очередь, толкала меня къ занятію фабричнымъ вопросомъ. Такъ, по порученію ея, я, напримѣръ, посѣтилъ въ Англии и Швейцаріи нѣсколько фабричныхъ инспекторовъ, съ ними знакомился и съ ихъ помощью составилъ докладъ объ инспекторатѣ въ этихъ странахъ, который былъ напечатанъ въ Московской Коммиссіи и быстро разошелся до полного истощенія запасовъ книжекъ, что лучше всего указывало на созрѣвшую потребность устройства и въ Россіи хорошо организованной спеціальной инспекціи за фабриками и заводами ¹⁾).

¹⁾ См. „Объ инспекторатѣ въ Швейцаріи и Англии 1880“. Въ „Трудахъ Коммиссіи, учрежд. московскимъ генераль-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, для осмотра фабрикъ и заводовъ“.

Успѣхъ конечно вызываетъ энергію и успѣхъ моихъ первыхъ статей, преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“, поощрялъ меня, несмотря на все усердіе занятій моихъ надъ продолженіемъ своей диссертациі объ „Англійской Свободной Торговлѣ“, къ работѣ для журналовъ и на другія темы. Такъ въ 1879 году появилась, на примѣръ, моя большая статья въ журналѣ „Слово“ „О табачной монополіи въ Европѣ и вредныя послѣдствія ея введенія въ Россіи“. Въ этомъ очеркѣ я откликнулся тогда на назрѣвшій у насъ вопросъ и предложеніе, если не ошибаюсь министра финансовъ Грейга, ввести у насъ табачную монополію. Я подробно разобралъ условія введенія этой монополіи, стоимость операціи и тѣ невыгодныя и даже вредныя послѣдствія, которыя мѣра должна за собой повлечь. Я старался доказывать, что при общемъ характерѣ русскаго экономическаго строя и широкомъ господствѣ монопольнаго принципа, слѣдуетъ естественно желать для Россіи, въ интересахъ поднятія благосостоянія цѣлаго народа, не введенія новой монополіи, а возможно большаго уничтоженія старыхъ; не развитія въ обществѣ духа монополій, а искорененія его проявленій. Всякій шагъ въ этомъ смыслѣ, направленный къ свободной дѣятельности, утверждалъ я въ заключеніе, улучшить экономическое положеніе народа, а значитъ увеличить и средства самого Правительства, единственнымъ источникомъ котораго служить народное богатство. Въ заключеніе я напомнилъ, что можно считать почти аксіомой, что всякій налогъ и вообще источникъ государственнаго дохода, несомнѣнно легче установить, нежели уничтожить, почему и выборъ податныхъ источниковъ требуетъ особенной осторожности и крайней обдуманности. Единственнымъ девизомъ можетъ здѣсь служить практически мудрый совѣтъ Талейрана, обращенный къ юнымъ дипломатамъ: „Pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zèle!“

Статья эта имѣла несомнѣнный успѣхъ, что выразилось во многихъ ко мнѣ письмахъ отъ разныхъ лицъ, совершенно не знакомыхъ. Кромѣ того, если вѣрить извѣстному г-ну Воейкову, то на доводы этой статьи было обращено вниманіе въ правительственныхъ кругахъ и она въ значительной степени способствовала оставленію втунѣ проекта ген.-ад. Грейга и замѣны монополіи лишь увеличеніемъ акциза. Еще въ 1877 году появилась моя большая статья въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ „Англійская торговая политика въ Ирландіи“, посвященная изслѣдованію отношеній Англій или, точнѣе, эксплуатаціи зависящей отъ нея Ирландіи и причинъ, частью, ея бѣдности; въ 1878 году появилось мое изслѣдованіе „Британскіе интересы на востокѣ“, по поводу себялюбивой англійской политики на Балканскомъ полуостровѣ и объясненія экономическихъ причинъ

ея вмѣшательства въ пользу турокъ. Въ 1878 году я прочелъ въ Москвѣ любопытный рефератъ о библиотечныхъ налогахъ и о возможномъ устройствѣ въ Россіи городскихъ общественныхъ библиотекъ,—вопросъ, тогда у насъ совершенно заброшенный. Указывая и доказывая на всѣ лады важность для дѣла народнаго просвѣщенія устройства хорошаго веденія общественныхъ библиотекъ, я взывалъ обратить на этотъ вопросъ болѣе серьезное вниманіе и послѣдовать хотя бы до нѣкоторой степени примѣру англичанъ и американцевъ. Я признавалъ, что препятствія къ этому у насъ (въ тогдашній періодъ самой мрачной политической реакціи), конечно, очень велики, но отнюдь не непреодолимы, если только большинство публики согласится съ моими выводами и признаетъ важность и серьезность задачи. Вопросъ объ устройствѣ городскихъ общественныхъ библиотекъ на новыхъ началахъ и размноженіе ихъ, можетъ быть, является, у насъ мечтой, но всѣ препятствія къ его осуществленію отнюдь нельзя считать непреодолимыми, требуется рядъ нѣкоторыхъ преобразованій въ законодательствѣ и развитіе общественной самостоятельности и тогда мечта можетъ превратиться въ дѣйствительность: „Des utopies jamais, des reformes toujours!“

Въ 1880 году на страницахъ „Недѣли“ появился мой очеркъ: „Англійскіе кабатчики“, описаніе силы и значенія всѣхъ питейныхъ торговцевъ, винокуровъ и пивоваровъ и вліяніе этой клики на внутреннюю жизнь и дѣятельность британскаго законодательства.

Въ 1880 же году я помѣстилъ въ журналѣ „Слово“ довольно любопытную статью о дѣятельности знаменитаго тогда Чарльса Брадло, подъ названіемъ „Новый типъ англійскаго радикализма“ и о той пользѣ, которую приносилъ этотъ энергичный человѣкъ своему родному англійскому обществу, борьбой съ суевѣріемъ и злоупотребленіями, или точнѣе вреднымъ вліяніемъ въ Англии ея духовенства, между прочимъ и окончательнымъ освобожденіемъ англійской печати, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отъ связывавшихъ ее узъ и препятствій къ ея развитію. Отчасти въ связи съ этой статьей о Брадло, нѣсколько лѣтъ позднѣе, мной было написано большое изслѣдованіе, тоже помѣщенное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и содержащее въ себѣ нѣсколько главъ подъ именемъ: „Возрожденіе мальтузіанства“.

Самое сильное, по моему мнѣнію, впрочемъ, по оригинальности нѣкоторыхъ мнѣній и множеству собранныхъ фактовъ, представляетъ изъ того періода мое, можно сказать, изслѣдованіе, сдѣланное цѣликомъ въ стѣнахъ Британскаго музея и стоившее мнѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы и отвлеченія отъ моего труда по собранію матеріала для второго тома „Англійской Свободной Торговли“. Я ра-

зумѣю свое изслѣдованіе объ отмѣнѣ соляного налога въ Англіи и Россіи, причѣмъ наибольшее значеніе и тяжесть лежитъ въ первой, т. е. въ Англіи.

Единственная страна или государство, на исторіи котораго можно было тогда удобно изучить условія отмѣны соляного налога, была именно Англія, гдѣ съ 1825 года соляной налогъ уже былъ отмѣненъ. Надо было, слѣдовательно, лишь постараться опредѣлить послѣдствія и результаты этой отмѣны. Въ это самое время въ 1880 году извѣстный нашъ почтенный экономистъ А. А. Головачевъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, узнавши о моемъ предположеніи отправиться въ продолжительный заграничный отпускъ. Онъ предлагалъ мнѣ заняться, если буду въ Англіи, куда я и собирался, этимъ вопросомъ, постараться опредѣлить полезные результаты отмѣны соляного налога, чтобы этимъ до извѣстной степени дать толчекъ къ окончательной ликвидаціи у насъ нежелательнаго обложенія важнаго предмета народнаго питанія и не менѣе важнаго предмета для промышленности, скотоводства и т. д. Я охотно обѣщалъ Головачеву въ ближайшій же разъ своей поѣздки въ Англію серьезно заняться этимъ вопросомъ, для написанія ряда очерковъ, какъ онъ предлагалъ мнѣ, въ журналъ „Слово“ (въ которомъ я уже участвовалъ раньше) при первой возможности.

Въ началѣ апрѣля 1880 года, я отправился съ женой за границу, въ продолжительный годичный отпускъ и на этотъ разъ, благодаря усердному писанію нѣсколько лѣтъ цѣлаго ряда крупныхъ статей въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Словѣ“, гонораръ за который былъ сберегаемъ, съ хорошимъ матеріальнымъ достаткомъ, мы въ первый разъ рѣшились съ женой на дерзкую прежде для насъ мысль—посѣтить и объѣхать Италію, что въ этотъ разъ и сдѣлали. Мы пробыли тамъ довольно продолжительное время (жена моя даже научилась говорить по-итальянски), осмотрѣли всѣ важнѣйшіе пункты страны, всѣ чудеса искусства и древняго міра, затѣмъ перебрались черезъ горный хребетъ Шплюгенъ въ мирную долину „Wallensee“ въ Швейцаріи, отдохнули отъ всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній и духовныхъ наслажденій, столько же, сколько отъ итальянской жары и пыли, и къ концу лѣта кончили тѣмъ же привычнымъ паломничествомъ въ стѣны милаго Британскаго музея. Конецъ моего изслѣдованія о „Свободной Торговлѣ“, совершенно передѣланный по новому плану, уже былъ видимо близокъ, но все-таки требовалъ очевидно еще порядочной, упорной работы, оставалось многое передумать и многое передѣлать, къ чему я и приступилъ въ привычныхъ стѣнахъ читальни Британскаго музея, гдѣ опять остался на цѣлую зиму, до будущаго

лѣта, надѣясь за это время покончить предпринятую задачу съ „Свободной Торговлей“, но какъ разъ именно въ это время я получилъ новое письмо отъ Головачева съ напоминаніемъ о необходимости спѣшить, въ виду ходящихъ въ обществѣ слуховъ, съ работой о соляномъ налогѣ и по русской поговоркѣ, которой, къ сожалѣнію, нѣсколько разъ мнѣ приходилось слѣдовать „Дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ“, я опять оставилъ второй выпускъ „Свободной Торговли“ и занялся, сначала равнодушно, потомъ постепенно съ истиннымъ увлеченіемъ изученіемъ вопроса о причинахъ и послѣдствіяхъ отмѣны соляного налога въ Англіи, чѣмъ я занимался почти непрерывно, начиная, примѣрно, съ ноября 1880 года до марта 1881 года.

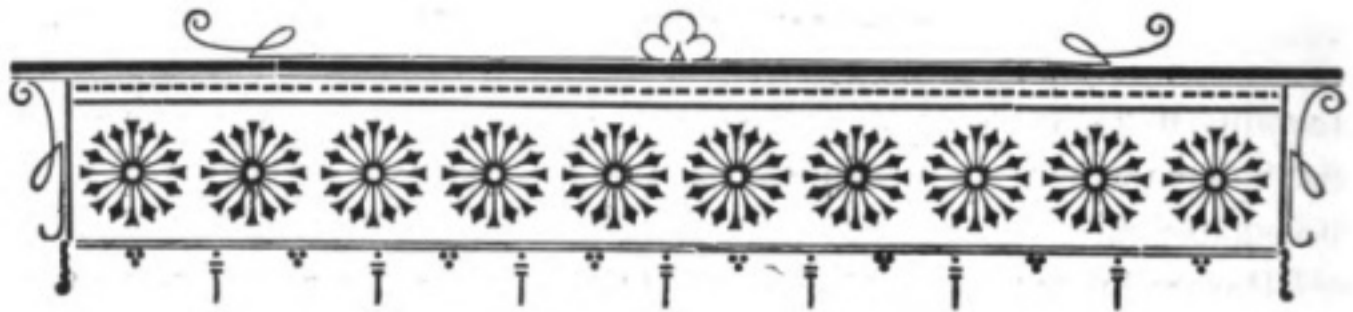
Я спѣшилъ ознакомиться, благодаря каталогу Британскаго музея, съ обширной литературой этого вопроса. Оказалось, во-первыхъ, необходимымъ для этой цѣли просмотрѣть извѣстнаго „Cobbet'a“ „Парламентскую исторію и дебаты“, за нѣсколько десятилѣтій, гдѣ были разбросаны различные запросы и проекты реформированнаго соляного налога и описывалась исторія его отмѣны, затѣмъ выступали противники и защитники этой формы обложенія въ первой половинѣ XIX вѣка и еще раньше. Вообще, оказалось, его изслѣдовали уже съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Цѣлый рядъ сочиненій, за много при томъ лѣтъ, по соляному налогу и вопросамъ, сюда относящимся, существовалъ въ отношеніи интересовъ земледѣлія, въ отношеніи интересовъ чело-вѣческаго здравія, въ отношеніи интересовъ скотоводства, въ отношеніи интересовъ разнообразныхъ отраслей промышленности. По этому обѣ стороны, часто одинаково увлекаясь, приводили явныя несообразности, требовавшія непременно строгой провѣрки. Мнѣ припоминается, напримѣръ, одинъ врачъ, чуть не посвятившій всю жизнь на доказательства разнообразнаго вреда для чело-вѣка употребленія соли, при томъ для разныхъ болѣзней и при разныхъ случаяхъ. Чуть не большинство болѣзней онъ приписывалъ употребленію этой необходимой приправы къ пищѣ чело-вѣка. Въ земледѣліи одни извѣстные агрономы защищали значеніе соли въ сельскомъ хозяйствѣ, другіе ничего не видѣли, кромѣ вреда. Въ промышленности, нѣкоторые вопросъ о соляномъ налогѣ въ Англіи дѣлали совершенно безразличнымъ для развитія и прогресса даннаго промысла, другіе, напротивъ, существованіе налога считали вѣчнымъ тормозомъ и препятствіемъ. Все это меня чрезвычайно интриговало и тянуло къ тому, чтобы наилучше разобраться въ вопросѣ. Съ другой стороны это оттягивало время окончанія взятой мной работы и вынуждало къ экскурсіямъ въ новыя области неизвѣстныхъ мнѣ

знаній. Я долженъ былъ продѣлать массу справокъ и въ химіи, и въ технологіи, и въ агрономіи, и въ лѣсномъ хозяйствѣ, и въ огородничествѣ, и въ гигиенѣ и т. д.

Наконецъ первая часть „Причины отмѣны соляного налога въ Англіи“ была кончена, но, увы, въ это время отъ пріѣхавшихъ въ Лондонъ соотечественниковъ я узналъ печальную новость, что Головачевъ успѣлъ поссориться съ радикальной редакціей „Слова“, въ которую онъ вошелъ, и долженъ былъ покинуть редакцію. Такимъ образомъ мнѣ предстояло подвергнуться, можетъ быть, непріятному отказу, въ случаѣ обращенія къ новой редакціи „Слова“, для которой, конечно, старые заказы и условія прежней редакціи могли быть не только не обязательны, но даже прямо нежелательны къ исполненію. Послѣ нѣкотораго колебанія, я написалъ къ извѣстному мнѣ лично Г. З. Елисѣеву, одному изъ членовъ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, и онъ напечаталъ первую статью о соли въ своемъ журналѣ. Но въ это время произошло давно желаемое въ Россіи событіе: Лорисъ-Меликовъ, находившійся тогда во главѣ правленія, идя навстрѣчу единодушно выражаемому желанію общества, отмѣнилъ соляной налогъ съ 1881 года, и такимъ образомъ работа моя потеряла, если не ученый, то публицистическій смыслъ и оправданіе: нечего бороться съ тѣмъ, съ чѣмъ не надо бороться. Это немедленно отразилось на судьбѣ моей статьи. Вслѣдъ за первой статьёй должна была бы идти вторая о послѣдствіяхъ или результатахъ отмѣны, но, увы, она не появилась въ журналѣ. На запросъ мой у Елисѣева я получилъ печальный отвѣтъ, что Салтыковъ рѣшительно возсталъ, послѣ отмѣны налога, противъ помѣщенія моей статьи, какъ совершенно бесполезной и не нужной для интересовъ читающей публики, такъ какъ она сама увидитъ эти послѣдствія. Я остался такимъ образомъ съ продолженіемъ и окончаніемъ своей статьи у себя на рукахъ. Не знаю, что пришлось бы мнѣ дѣлать съ этой работой, стоившей мнѣ многихъ мѣсяцевъ прилежнаго труда, если бы добрыйшій М. М. Стасюлевичъ не заявилъ о своемъ согласіи пріютить мою изгнанную изъ „Отечественныхъ Записокъ“ статью на страницахъ „Вѣстника Европы“. Съ этого именно времени и началось мое участіе въ этомъ послѣднемъ журналѣ. Покончивъ съ солянымъ вопросомъ, я, разумѣется, опять обратился къ продолженію прерванныхъ занятій надъ исторіей идей свободной торговли и конкуренціи

Иванъ Янжуль.

*

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. II. Спб. 1909).

Въ исходѣ 1812 г., Елисавета Алексѣевна была дотого поглощена текущими событіями, что всѣ ея личныя заботы отошли на задній планъ; она ни о чемъ иномъ не могла думать и писать. Исходъ кампаніи и полное трагизма отступленіе французскихъ войскъ,— вотъ что составляетъ содержаніе ея длиннѣйшихъ писемъ къ маркграфинѣ Баденской, которой она старается изобразить событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ.

„Худо ли, хорошо, писала она матери 10 (22) ноября 1812 г., но я постараюсь дать вамъ понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Послѣ выступленія нашей арміи изъ Москвы, дѣла приняли для насъ благопріятный оборотъ; въ самомъ дѣлѣ, когда критическій моментъ миновалъ, преимущество, въ силу вещей, оказалось на нашей сторонѣ. Наполеонъ чрезъ чуръ отдалился отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ у него было сосредоточено продовольствіе, въ твердой увѣренности, что когда онъ вступитъ въ Москву, то императоръ будетъ этимъ встревоженъ, подпишетъ миръ и даже будетъ просить о заключеніи его, и что занятіе Москвы непріателемъ произведетъ на народъ такое ошеломляющее впечатлѣніе, что онъ падетъ духомъ, не будетъ въ состояніи сдѣлать дальнѣйшихъ усилій, и такъ какъ занятіе Москвы разорило бы многихъ богатыхъ людей или угрожало бы имъ разореніемъ, то оно явилось бы

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

непреодолимымъ препятствіемъ къ продолженію войны. Онъ рассчитывалъ кромѣ того на народное возстаніе. Ничего этого не случилось: у всѣхъ была одна мысль, и занятіе Москвы, вызвавшее негодованіе и желаніе отомстить неприятелю, облегчило народу тѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ.

„Благодаря преданности и храбрости нашего добраго народа, который инстинктивно, безо всякихъ указаній со стороны правительства, велъ войну по-испански, неприятелю становилось день ото дня труднѣе продовольствовать свое войско. Казаки—гроза французской арміи, задерживали фуражировъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, къ которымъ присоединились болѣзни, вызванныя плохимъ питаніемъ и чрезмѣрнымъ утомленіемъ, французская армія потеряла, во время своего пребыванія въ Москвѣ, столько людей, что я боюсь повторить цифру, которую называютъ, изъ боязни, что она покажется преувеличенной.

„Чувствуя, что онъ не въ состояніи провести зиму въ этомъ положеніи, Наполеонъ хотѣлъ перейти въ южныя губерніи, доступъ въ которыя охранялся нашими главными силами. Произошло нѣсколько мелкихъ сраженій; непоколебимая стойкость нашихъ войскъ преградила ему всѣ пути; наконецъ, послѣ довольно значительнаго дѣла, французы были окончательно отгнаны, и неприятельская армія стала такъ поспѣшно отступать по той же дорогѣ, по которой она шла, что это отступление смѣло можно назвать бѣгствомъ; за это время нами взято множество пушекъ и плѣнныхъ“.

„Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи должна быть эта армія, отступая по дорогѣ, гдѣ она и ранѣе находила весьма мало продовольствія. Французы давно уже питаются кониной и чаще всего дохлой кониной; мы имѣемъ несомнѣнные доказательства того, что имъ приходится употреблять еще болѣе ужасную пищу, а именно человѣческое мясо. Несмотря на это, они падаютъ по дорогѣ отъ голода и истощенія. Упряжныхъ лошадей, которымъ совершенно нечего ѣсть, падаютъ по пять, по шесть штукъ въ день, такъ что нѣтъ возможности везти артиллерию и французы зарываютъ въ землю и заклепываютъ орудія, чтобы они не достались нашей арміи“.

„На-дняхъ, цѣлый двухтысячный корпусъ кавалеріи съ генераломъ Ожеро, братомъ маршала, сдался безъ выстрѣла съ оружіемъ и лошадьми. Къ намъ является множество офицеровъ, выражающихъ желаніе поступить къ намъ на службу только для того, чтобы не умереть съ голода; я прилагаю точную копію съ двухъ перехваченныхъ нами писемъ вице-короля италіанскаго къ Бертье, которыя

подтвердятъ справедливость того, что я говорю. Французская армія находится въ настоящее время въ такомъ состояніи, что если лица, командующія нашей арміей, не сдѣлаютъ величайшихъ ошибокъ, то она будетъ вынуждена сдаться до послѣдняго человѣка. Французская армія находится въ окрестностяхъ Смоленска. Нашъ храбрый Витгенштейнъ (болѣе всѣхъ отличившійся въ этой войнѣ) находится справа, главныя силы арміи налѣво, а впереди отрѣзываетъ не-пріятелю путь армія Чичагова“.

„Бросивъ взглядъ на карту, вы легко себѣ представите эту позицію и поймете, что самъ Наполеонъ легко можетъ попасть въ плѣнъ; впрочемъ, я этого не думаю, онъ навѣрно, такъ или иначе, найдетъ средство спасти свою драгоценную особу.“

„Въ то время, какъ французская армія старалась проникнуть въ южныя губерніи, въ Москвѣ остался незначительный гарнизонъ; корпусъ Винцингероде, охранявшій дорогу въ Петербургъ, вступилъ въ Москву, и тутъ-то Винцингероде, имѣвшій неосторожность выступить парламентаромъ, былъ измѣннически взятъ въ плѣнъ; только такіе низкіе люди, какъ французы, въ состояніи захватить парламентаря. Винцингероде думалъ, что ему удастся убѣдить гарнизонъ сдаться и предупредить взрывъ Кремля, который готовился, какъ это ему было извѣстно. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ одновременно съ гарнизономъ, а Кремль былъ взорванъ и сожженъ, уцѣлѣли одни соборы, которые самымъ страннымъ, можно сказать даже самымъ чудеснымъ образомъ, остались невредимы“.

„Прилагаю маленькую брошюрку, которая быть можетъ васъ заинтересуетъ, дорогая мама; она даетъ точную и вѣрную, хотя и не достаточно полную картину того, что было. Пришлось бы исписать цѣлые томы, чтобы изобразить всѣ ужасы, совершенные французами въ Москвѣ, а баварцами въ Витебскѣ и Полоцкѣ, и чтобы описать всѣ черты патріотизма, геройства, преданности, великодушія и милосердія къ врагамъ, выказанныя нашимъ прекраснымъ русскимъ народомъ. Съ іюня мѣсяца, когда разразилось бѣдствіе, я пережила цѣлую вѣчность. Волненіе, которое я испытывала, постоянно возростало: я испытывала негодованіе, ужасъ, жалость, я самымъ искреннимъ образомъ восхищалась нашимъ народомъ, глубоко сочувствовала его страданіямъ, а въ настоящую минуту я чувствую искреннее состраданіе къ нашимъ врагамъ, къ ихъ страданіямъ и недовѣріе къ нѣкоторымъ личностямъ. Одно время приходилось день и ночь волноваться за безопасность общества и даже за личную безопасность императора, такъ какъ помню всѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣли, нетрудно было представить себѣ, что коварный Наполеонъ пуститъ въ ходъ обычныя свои

орудія,—измѣну и преступленіе. Всего этого довольно, чтобы наполнить жизнь.

„Я имѣла сегодня удовольствіе видѣть Винцингероде, который былъ взятъ въ плѣнъ съ мѣсяцъ тому назадъ и теперь освобожденъ по пути въ Варшаву полкомъ казаковъ, которыми командовалъ ген.-адъютантъ Чернышевъ, тотъ самый, о которомъ такъ часто говорилось въ газетахъ, по поводу его поѣздокъ изъ Парижа въ Потербургъ и обратно. Освобожденіе Винцингероде есть опять таки eine Fügung des Himmels. Четверть часа позже они уже не встрѣтились бы на той дорогѣ, по которой Чернышевъ проѣзжалъ со своимъ отрядомъ совершенно случайно. Винцингероде, какъ уроженецъ Гессена, безъ сомнѣнія былъ бы разстрѣлянъ въ Вестфалии; его растрѣляли бы и во французской арміи, если бы французскіе генералы, боясь отвѣтственности, не убѣдили Наполеона не дѣлать этого. Мы получили извѣстіе объ его освобожденіи третьяго дня, а часъ тому назадъ я имѣла удовольствіе видѣть его. Все, что онъ рассказываетъ, весьма любопытно. Онъ говорилъ мнѣ, между прочимъ, что баденскимъ войскамъ (мнѣ впервые довелось слышать о нихъ) было поручено вести плѣнныхъ, и что недавно они разстрѣляли, по высочайшему повелѣнію, цѣлый транспортъ, подъ предлогомъ, будто солдаты шли слишкомъ тихо.

„Это одна изъ тѣхъ подробностей, которыя доказываютъ дьявольскіе поступки этого чудовища. Я склонна думать, что онъ нарочно возложилъ это порученіе на баденскія войска. Вообще, говорятъ, что нѣмецкія войска совершенно деморализованы и не уступаютъ французамъ въ звѣрствѣ. Въ Полоцкѣ баварцы вошли въ одинъ домъ, гдѣ какая-то старуха содержала пансіонъ для дѣвочекъ; они переломали бѣдной старухѣ руки и ноги, и она умерла отъ боли; когда дѣти кинулись къ ней, то эти злые люди стали наносить малюткамъ удары саблей и убили нѣсколько дѣвочекъ. Какое ненужное звѣрство! Даже дикари не убиваютъ женщинъ и дѣтей.

„Приведу еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ нашъ народъ. Одинъ русскій офицеръ, проѣзжая съ казаками по деревнѣ, въ окрестностяхъ Москвы, остановился у избы и спросилъ: „нѣтъ ли у васъ французовъ?“ На неоднократно повторенный вопросъ, крестьянинъ робко отвѣтилъ „нѣтъ“, а потомъ сказалъ: а ежели у меня найдется французъ, вы его не тронете? И офицеръ, войдя въ избу, увидалъ француза въ кругу семьи.

„Онъ боленъ и усталъ, сказалъ крестьянинъ, какъ не пріютить его? Чтобы понять всю прелесть этого разсказа, надобно знать, что русскій народъ всегда недолюбливалъ французовъ, а со

времени войны крестьяне относятся къ нимъ съ вполнѣ понятной ненавистью. Этотъ случай говоритъ о челоѣколюбіи народа, а вотъ другой случай, доказывающій его геройство: французы захватили въ Москвѣ нѣсколько крестьянъ и хотѣли заставить ихъ сражаться въ рядахъ своего войска, а чтобы они не бѣжали, имъ ставили на рукѣ клейма подобно тому, какъ на заводѣ клеймятъ лошадей. Одинъ изъ крестьянъ спросилъ, что значить это клеймо; ему отвѣтили, что это знакъ того, что онъ теперь французскій солдатъ. „Какъ, я солдатъ французскаго императора“, воскликнулъ онъ и, схвативъ топоръ, отрубилъ себѣ руку и, кинувъ ее къ ногамъ присутствующихъ, сказалъ: „на-те вамъ ваше клеймо“.

Въ Москвѣ же французы захватили челоѣкъ двадцать крестьянъ, думая этимъ напугать народъ, который задерживалъ фуражировъ не хуже заправскихъ регулярныхъ войскъ. Французы поставили крестьянъ у стѣны и прочли имъ смертнйй приговоръ по-русски, ожидая, что они будутъ просить о помилованіи; вмѣсто этого крестьяне стали прощаться другъ съ другомъ и креститься. Когда выстрѣлили въ перваго, то думали, что другіе испугаются и станутъ просить пощады, но упалъ второй, третій—упали всѣ двадцать челоѣкъ, и ни одинъ не пытался даже просить непріятеля о пощадѣ и милосердіи. Наполеону не удалось осквернить этого слова въ Россіи.

„Тотъ, кто сколько-нибудь заблуждался на его счетъ, и кто видѣлъ его у насъ, отрезвится отъ своихъ иллюзій: онъ повсюду былъ достоинъ себя! Святотатства, совершенныя его арміей, не поддаются описанію. Они нарочно совершаютъ въ церквахъ самыя гнусныя вещи. Одинъ русскій генераль, у котораго живетъ въ лакеяхъ турокъ, вошелъ въ одну изъ оскверненныхъ французами церквей, и слуга мусульманинъ спросилъ его съ негодованіемъ: „французы-то, стало быть, нехристи“. Въ Московскихъ монастыряхъ они затаскивали монахиъ въ алтарь и насилывали ихъ на престолѣ. Впрочемъ, они поступали точно такъ же и въ Испаніи, гдѣ народъ исповѣдуетъ одну вѣру съ ними; поэтому, все то, что они продѣлывали тутъ, не представляетъ ничего особеннаго.

„Все имѣетъ свою хорошую сторону; это можно сказать и о тѣхъ страданіяхъ, которыя Россія вынесла за эти шесть мѣсяцевъ. Помимо политическаго значенія, какое эта война будетъ имѣть для Россіи, ея нравственное вліяніе уже сказалось. Удивительно, до какой степени всѣ эти событія и явное покровительство Божіе укрѣпили *den religiösen Sinn* и вызвали истинное милосердіе, ибо оно простирается одинаково на враговъ и на друзей. Нѣтъ того маленькаго провинціальнаго городка, черезъ который слѣдуютъ плѣн-

ные, гдѣ бы жители не удовлетворили ихъ нуждъ по своему собственному почину. Я уже не говорю о русскихъ, которыхъ принимаютъ въ губерніяхъ, не пострадавшихъ отъ войны, съ истинно братскимъ милосердіемъ.

„Остатки французской арміи, которые должны были удержать Вильно, только прошли черезъ этотъ городъ, оставивъ его въ нашихъ рукахъ со всѣмъ, что тамъ было заготовлено, и оставивъ намъ множество плѣнныхъ. Ложь, распространяемая газетами, смѣшна, такъ какъ мы знаемъ, насколько имъ можно вѣрить, но въ сущности она возмутительна и оскорбительна для тѣхъ несчастныхъ, которые умираютъ отъ холода и голода на дорогахъ, въ то время какъ въ газетахъ пишутъ, что войска снабжены въ изобиліи съѣстными припасами, что они имѣютъ зимнія квартиры и теплую одежду. Со временемъ трудно будетъ повѣрить разсказу о невѣроятномъ бѣгствѣ французской арміи. Оно показываетъ, что величайшій человекъ нашего времени просто на просто шарлатанъ, и что его геній испарился, когда ему оказали твердое и стойкое противодѣйствіе: теперь мы имѣемъ тому доказательства.

„Онъ вступилъ въ Россію въ тотъ моментъ, когда превосходный урожай могъ дать ему всѣ средства къ продовольствію; ему отдали безъ боя всю мѣстность, гдѣ находилась эта жатва, онъ могъ бы устроить запасные магазины, остановиться въ Смоленскѣ, укрѣпиться въ немъ и нанести намъ весьма чувствительный ударъ. Вмѣсто этого, увлекшись жалкой славой и желаніемъ предписать намъ миръ въ Москвѣ, онъ проникъ неосмотрительно въ глубь страны и потерялъ вслѣдствіе этого въ три мѣсяца армію и занятія имъ губерніи“.

Достаточно вышеприведенныхъ выдержекъ, чтобы видѣть, какъ глубоко взволновала Елисавету Алексѣвну кровавая война 1812 г., оставившая въ ея отзывчивой душѣ неизгладимый слѣдъ.

Она своими глазами видѣла, какъ старъ и младъ готовы были принести себя въ жертву, чтобы спасти отечество, какъ всѣ сословія, отъ простаго крестьянина до первыхъ сановниковъ, спѣшили помочь святому дѣлу, кто чѣмъ могъ. Но передъ ней раскрылась и обратная его сторона: сотни раненыхъ, искалѣченныхъ воиновъ наполнили Россію, тысячи несчастныхъ семействъ потеряли отцовъ, мужей и братьевъ; образовалась страшная нищета, которая взывала о поддержкѣ и помощи, и когда между нѣкоторыми лицами въ Петербургѣ и Москвѣ возникла мысль организовать общество, коего цѣлью было бы облегчить положеніе этихъ страдальцевъ, то молодая императрица стала во главѣ этихъ лицъ. Такъ возникло патріотическое общество, начавшее свою дѣятельность 12 ноября 1812 г.

Оно поставило себѣ цѣлью „раздавать разореннымъ войной пособія на первыя необходимыя потребности, помѣщать бѣдныхъ, увѣчныхъ и слабыхъ въ казенныя или частныя больницы; ходатайствовать о помѣщеніи дѣтей бѣдныхъ родителей на казенное содержаніе въ училища или для обученія ремесламъ; доставить помѣщеніе тѣмъ изъ бѣдныхъ, которые собственными трудами могли снискивать себѣ пропитаніе; доставлять разореннымъ ремесленникамъ средства къ отправленію работъ, и, наконецъ, призрѣвать сиротъ, оставшихся послѣ разоренныхъ родителей, для чего и было учреждено особое училище.

„Въ это заведеніе, названное училищемъ сиротъ и учрежденное для воспитанія дочерей штабъ и оберъ-офицеровъ, павшихъ на полѣ брани, или лишившихся достоянія въ 1812 году, поступило въ началѣ 24 воспитанницы на иждивеніе общества патріотическихъ дамъ. Попеченіе объ этомъ заведеніи, извѣстномъ впослѣдствіи подъ именемъ „Патріотическаго института“, составляло лишь часть многосложныхъ обязанностей, принятыхъ на себя патріотическимъ обществомъ, дѣятельными членами котораго были между прочимъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ и секретарь императрицы, Николай Михайловичъ Лонгиновъ.

Императрица всецѣло отдалась заботамъ о раненыхъ и плѣнныхъ. „Дотолѣ забытая всѣми, Елисавета Алексѣевна явилась ангеломъ хранителемъ страждущихъ, имя ея стало сразу извѣстно въ Россіи, гдѣ въ самыхъ разнообразныхъ закоулкахъ вспоминали о ней съ благоговѣніемъ. Она показала, что могла стоять на высотѣ своего положенія; здѣсь сходятся о ней показанія всѣхъ ея современниковъ. Стоитъ прочесть любую изъ записокъ императрицы къ Н. М. Лонгинову или письма ея къ близкимъ ей изъ числа русскихъ дамъ, чтобы убѣдиться въ тѣхъ искреннихъ чувствахъ любви къ ближнему, которыя она съумѣла проявить въ эти тяжелые для Россіи дни“.

Въ теченіе 1812 года императрица видѣла своего супруга только урывками; весь 1813 годъ Александръ находился при арміи, и императрицѣ приходилось жить одной въ Петербургѣ или его окрестностяхъ. Она страшно скучала отъ однообразной, монотонной жизни и поддерживала въ себѣ, какъ могла, бодрость духа и вѣру въ благоприятный исходъ кампаніи. Не зная, чѣмъ кончится война, перенесенная за границу, она страдала за свою германскую родину.

„Какое впечатлѣніе произведетъ постыдное возвращеніе (Наполеона) въ Германію?—писала она маркграфинѣ Баденской. Неужели нѣмецкіе принцы не прозрѣютъ и не воспользуются обстоятельствами, чтобы сбросить съ себя постыдное иго, которое они несли такъ

долго? Если же они по-прежнему будут оставаться въ подчиненіи Франціи, то, признаюсь, это внушаетъ мнѣ опасенія за будущее; я знаю, что Тироль только и ждетъ сигнала къ возстанію, и что въ разныхъ частяхъ Германіи и Италіи поддерживаютъ сношенія съ Тиролемъ. Если принцы не станутъ добровольно на защиту права дѣла, ихъ собственнаго дѣла, то можетъ случиться, что народъ сдѣлаетъ попытку освободить ихъ отъ французскаго ига, вопреки ихъ собственному желанію, а вы знаете, къ какимъ страшнымъ мѣрамъ прибѣгаетъ народъ и какъ трудно предвидѣть, на чемъ онъ остановится. Поэтому я самымъ серьезнымъ образомъ прошу васъ, дорогая мама, повліять, насколько это въ вашей власти, на то, чтобы въ подобный моментъ, если только дѣло до этого дойдетъ, принцы предупредили своихъ подданныхъ и отказались бы дѣйствовать совмѣстно съ французами; въ случаѣ возстанія это будетъ вѣрнѣйшимъ средствомъ обезпечить себѣ личную безопасность. Виданное ли это дѣло, чтобы народъ заставлялъ своихъ принцевъ дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ честь и ихъ собственные интересы. Весьма возможно, что мои предсказанія не сбудутся, и что дѣла примутъ совсѣмъ иной оборотъ, но среди безчисленныхъ видовъ на будущее, которые представляются уму въ настоящій критическій моментъ, мнѣ рисуется единственная опасность, — та именно, о которой я говорю“.

Переносясь мысленно въ свою далекую родину, съ нѣжнымъ участіемъ заботясь о раненыхъ, увѣчныхъ и плѣнныхъ соотечественникахъ, пришедшихъ въ Россію въ составѣ Великой арміи Наполеона, Елисавета Алексѣвна, какъ женщина и любящая супруга, „радовалась въ то же время величію, которое окружало Александра I, и желала ему сердечно и ореола освободителя Европы“, хотя она своимъ проницательнымъ умомъ понимала ясно, что для русскихъ интересовъ и для величія Россіи было бы быть можетъ выгоднѣе и цѣлесообразнѣе заключить достойный миръ и не вторгаться въ дѣла Европы.

Цѣлый годъ провела императрица вдали отъ своего царственнаго супруга, получая отъ него довольно рѣдко и довольно отрывочныя извѣстія. Томленіе, которое она чувствовала въ своемъ одиночествѣ, стало невыносимо, когда наши войска подошли къ Бадену, и когда она, такъ давно и такъ страстно мечтавшая о свиданіи съ нѣжно любимой матерью и съ сестрами, представляла себѣ, что императоръ и другіе увидятъ дорогихъ ея сердцу людей, къ которымъ рвалось ея сердце; нѣсколько писемъ ея къ матери живо передаютъ чувства, вызванныя въ ней этими мыслями, а радостный, ликующій тонъ, которымъ она сообщила матери извѣстіе о пред-

стоявшей ей поѣздкѣ въ Германію, говоритъ о томъ, какъ она истомилась за это время въ своемъ нравственномъ одиночествѣ.

„Кто бы могъ думать прошлый годъ, въ это самое время, писала Елисавета Алексѣевна маркграфинѣ Баденской, 16 (28) ноября 1813 г., что черезъ годъ наши войска и императоръ будутъ въ двухъ шагахъ отъ васъ, дорогая мама! Въ переживаемое нами время жизнь походить на сонъ! Ахъ, если бы въ этомъ сновидѣніи могло осуществиться самое горячее душевное желаніе мое, если бы я могла увидѣться съ вами въ Карлсруэ! Но нѣтъ, это останется на вѣки мечтою! Люди, пришедшіе изъ отдаленной Сибири, будутъ можетъ быть подъ стѣнами Парижа, испанцы и русскіе протянутъ другъ другу руку во Франціи, я же, которая всей душою стремлюсь къ вамъ, я не увижу васъ, я не встрѣчусь болѣе съ вами! Наши офицеры быть можетъ скажутъ мнѣ, вернувшись въ Россію: „Мы имѣли счастье видѣть Вашу матушку!“

„Отчего же это не я видѣлась съ нею!“ воскликну я въ отвѣтъ.

„Увѣряю васъ, мама, что желаніе побывать у васъ томить меня послѣднее время, какъ лихорадка. Но это желаніе надобно подавлять: право, можно подумать, что нѣкоторые люди живутъ на свѣтѣ только для того, чтобы упражняться въ этой добродѣтели“.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ было написано это письмо, Елисавета Алексѣевна получила отъ императора письмо, въ которомъ онъ сообщалъ ей, что скоро будетъ въ Карлсруэ и увидится съ ея матерью и сестрами, и что если обстоятельства позволятъ, онъ былъ бы очень счастливъ доставить ей возможность повидаться съ матерью.

„Эти слова, писала императрица, глубоко тронули и взволновали меня... Итакъ, если пребываніе его въ Германіи продлится еще мѣсяцевъ шесть или болѣе... я не рѣшаюсь дописать этой фразы, такъ какъ я побаиваюсь возможности этого высшаго счастья и думаю, что я сойду съ ума, если мечта, которую я лелѣяла столько лѣтъ, осуществится“...

Поѣздка государыни въ Баденъ была окончательно рѣшена, и 19 декабря 1813 г. она тронулась въ дальній путь, на родину, которую не видала съ 1792 г., т. е. 21 годъ.

Государыню сопровождали: ея сестра, принцесса Амалія, статсъ-дама княгиня Анна Михайловна Прозоровская, фрейлины Валуева и Стурдза, баронесса Боде, оберъ-камергеръ А. А. Нарышкинъ, гофмейстеръ князь К. М. Голицынъ и докторъ Штофрегенъ; послѣдній былъ взятъ по настоянію вдовствующей императрицы.

Отсутствіе Елисаветы Алексѣевны изъ Россіи продолжалось два года—на это время изсякъ тотъ драгоцѣнный источникъ, изъ

котораго можно черпать обильный матеріалъ для ея біографіи: ея переписка съ матерью прекратилась; за 1814 г. нѣтъ вообще ни одного письма, такъ что объ ея жизни за границей можно составить себѣ понятіе только по разговорамъ постороннихъ лицъ. Въ этомъ отношеніи интересны записки А. С. Шишкова, бывшаго одновременно съ императрицею въ Баденѣ, и воспоминанія придворной дамы маркграфини, Каролины фонъ-Фрейштедтъ; ихъ рассказы взаимно дополняютъ другъ друга, но по нимъ можно возстановить только рядъ внѣшнихъ фактовъ изъ жизни Елисаветы Алексѣвны за это время, что же касается ея душевнаго міра, ея внутреннихъ переживаній, ея отношенія къ фактамъ и событіямъ и тѣхъ впечатлѣній, какія она вынесла изъ пребыванія на родинѣ, изъ свиданія съ родными и изъ встрѣчъ съ людьми, которые, также какъ и она, за эти двадцать лѣтъ сильно измѣнились и которымъ при встрѣчѣ пришлось отказаться отъ многихъ иллюзій,—обо всемъ этомъ можно только догадываться по отдѣльнымъ, случайнымъ намекамъ. Изъ нихъ слагается впечатлѣніе, что поѣздка, о которой императрица, живя въ Россіи, мечтала, какъ о какомъ-то недостижимомъ райскомъ блаженствѣ, не дала ей того удовлетворенія и душевнаго отдыха, котораго она жаждала, и что тотъ ореолъ, въ которомъ рисовались ей издалека люди и отношенія, съ которыми были связаны воспоминанія ея дѣтства, померкъ, оставивъ въ ея душѣ горькій осадокъ неудовлетворенности и грусти.

23 января (4 февраля) 1814 г. императрица прибыла съ сестрою въ Брукзалъ, загородный дворецъ маркграфини Баденской, въ тридцати верстахъ отъ Карлсруэ, гдѣ ихъ ожидала мать.

Въ Брукзалѣ всѣ были радостно взволнованы пріѣздомъ императрицы, и встрѣча въ замкѣ была обставлена весьма торжественно.

Приближенная маркграфини, Каролина Фрейштедтъ, въ воспоминаніи которой Елисавета Алексѣвна рисовалась очаровательной, граціозной и веселой тринадцатилѣтней дѣвочкой, съ чуднымъ станомъ, золотистыми волосами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, напоминавшимъ лепестокъ розы, была изумлена переменой, происшедшей въ ея наружности; тогда она была „хороша какъ ангелъ“, теперь „ея талія пополнѣла, цвѣтъ лица былъ красноватый, одѣта она была старомодно; сохранился только прелестный тембръ голоса и прекрасный ростъ, какимъ она всегда отличалась. Климать, образъ жизни, гнетъ, подъ которымъ она такъ долго жила, наложили, говоритъ г-жа Фрейштедтъ, на всю ея фигуру какой-то особый отпечатокъ“.

Таково было первое впечатлѣніе.

Въ первые же дни по прибытіи императрицы, въ Брукзалѣ пріѣ-

хала, чтобы познакомиться съ нею, гроссгерцогиня Стефанія, супруга ея брата, бракомъ котораго, какъ мы знаемъ, Елисавета Алексѣевна была очень недовольна.

„Она была принята императрицей болѣе чѣмъ холодно, что объясняется отчасти тогдашними обстоятельствами, ибо въ то время было въ модѣ относиться ко всему французскому съ ненавистью. Во время этого перваго свиданія гроссгерцогиня вся дрожала, и только ласковое обхожденіе съ нею маркграфини дало ей возможность овладѣть собою“.

Подобная встрѣча, разумѣется, не могла положить начало добрымъ отношеніямъ между Елисаветой Алексѣевной и женою ея брата; онѣ остались не только холодны, но даже враждебны, и эта враждебность сказывалась не разъ довольно бурными объясненіями, во время которыхъ императрица ставила Стефаніи въ упрекъ, что, выходя замужъ за ея брата, она думала, что „дѣлаетъ этимъ честь баденскому дому; гроссгерцогиня рыдала и ссылалась на свою крайнюю молодость. Эти тягостныя сцены чрезвычайно смущали маркграфиню Баденскую, всегда старавшуюся смягчить тяжелое положеніе своей невѣстки“.

По случаю пріѣзда императрицы, въ Карлсруэ и Брукзаль съѣхалось много высокопоставленныхъ и коронованныхъ особъ: „при каждой встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, напоминавшимъ ей ея счастливое дѣтство, императрица выказывала трогательную радость“.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала къ матери баварская королева. Въ первый моментъ она не могла хорошенько разобраться въ перемѣнѣ, происшедшей въ ея сестрѣ; она нашла императрицу нѣсколько чопорной и совершенно не узнавала въ ней прежнюю веселую, естественную принцессу Луизу. Мало по малу это неблагоприятное впечатлѣніе разсѣялось, но прежняя симпатія не вернулась. Королева говорила, что ея сестра „слишкомъ много начиталась исторіи и, изучая характеръ другихъ людей, утратила свою собственную физиономію“.

Посѣтили Брукзаль, проѣздомъ во Францію и обратно, и юные великіе князья Николай и Михаилъ, выказывавшіе Елисаветѣ Алексѣевнѣ самую нѣжную привязанность. Они были веселы и жизнерадостны. Послѣ ихъ отъѣзда, маркграфиня, которая была ими очарована, выразила свое удивленіе къ вдовствующей императрицѣ, руководившей ихъ воспитаніемъ, и находила, что ея дочери, императрица Елисавета и принцесса Амалія относились къ ней не вполне справедливо.

Окруженная своими дѣтьми, маркграфиня была не всегда довольна; кто былъ этому виною, сказать трудно. „Мать, быть можетъ,

требовала отъ дочерей слишкомъ большого подчиненія, какое онѣ оказывали ей въ дѣтствѣ; дочери, ставшія самостоятельными, смотрѣли на многія вещи иначе, чѣмъ мать; въ особенности это бросалось въ глаза, когда онѣ были всѣ вмѣстѣ“.

По свидѣтельству г-жи Фрейштедтъ, между матерью и дочерьми не было полного согласія. Дочери любили проводить время вмѣстѣ, и мать считала себя заброшенной; это и было источникомъ постоянныхъ недоразумѣній.

„Она мнѣ говорила не разъ, что ее считаютъ очень счастливою, когда она окружена дочерьми, а между тѣмъ она никогда не бываетъ такъ одинока. Единственнымъ исключеніемъ была королева баварская, которая была всегда къ ней внимательна, и маркграфиня часто говорила, что если бы ей пришлось зависѣть отъ одной изъ своихъ дочерей, то она безусловно поручила бы себя попеченію этой послѣдней. Императрица, по ея мнѣнію, также бывала бы съ ней чаще, если бы не принцесса Амалія, которая имѣла вліяніе на сестру и была противъ этого. Это были мимолетныя тучи, но онѣ все же омрачали жизнь“.

Посѣтила Брукзаль на короткое время и великая княгиня Анна Феодоровна, супруга Константина Павловича, съ которой Елисавета Алексѣвна подружилась по пріѣздѣ въ Россію.

Въ теченіе лѣта императрица совершила поѣздку въ Гейдельбергъ, Мангеймъ, Рорбахъ, въ долину Неккера, во всѣ мѣста, которыя были связаны для нея съ какими-нибудь воспоминаніями. Очень красочно описываетъ, своимъ характернымъ стилемъ, эти поѣздки А. С. Шишковъ.

„Императрица съ маркграфинею поѣхали изъ Брукзала въ Карлсруэ, и мы за ними. Любо теперь русскимъ разъѣзжать; во всякой деревнѣ и мѣстечкѣ нѣтъ человѣка, который бы съ веселымъ миромъ не снялъ шляпы и не кланялся; женщины въ окнахъ присѣдаютъ; ребятишки, лишь только увидятъ русскую повозку, откуда возьмутся, бѣгутъ кучами и кричатъ: „Ура, казакъ!“ Это слово и вездѣ у нихъ затвержено“.

„Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасный; городъ весь освѣщенъ; народу пропасть; и было бы очень весело ходить по улицамъ, если бы тишина и порядокъ лучше наблюдались; но странный обычай препятствовалъ прогуливаться съ удовольствіемъ: здѣсь всякій, кто хочетъ, можетъ палить, иной изъ окна, иной въ воротахъ, изъ маленькой пушечки; иной въ тѣснотѣ, подлѣ самага твоего уха выстрѣлить изъ пистолета, иной подъ ноги къ тебѣ бросить пороховую хлопущку; и это вездѣ, по всѣмъ улицамъ, такъ что непривыкшему покажется, будто непріятель ворвался, и происходитъ сра-

женіе. Я думаю, если у насъ вдругъ это сдѣлать, то вѣрно не прошло бы безъ несчастныхъ приключеній, или по крайней мѣрѣ на другой день множество женщинъ отъ испуга лежали бы въ постели. Впрочемъ, не было никакикъ увеселительныхъ огней или ракетъ, но только одна пальба и хлопанье. Праздникъ этотъ былъ по случаю пріѣзда императрицы, но, сказываютъ, что это и передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду здѣсь продолжалось. По сию пору не могутъ опомниться отъ радости: такъ имъ Наполеонъ былъ солонь!“

Изъ Карлсруэ императрица ѣздила въ Раштадтъ, къ графинѣ Витгенштейнѣ, которая разрѣшилась тамъ отъ бремени. Елисавета Алексѣвна была ея воспреемницею и подарила графинѣ ожерелье въ десять тысячъ рублей.

Вспоминаетъ Шишковъ еще поѣздку въ Мангеймъ и въ долину Неккера: „Въ Мангеймъ мы пріѣхали въ четыре часа по полудни и пошли гулять въ садъ, лежащій на берегу Рейна; но гулянье наше не было похоже на гулянье, потому что императрица должна была идти между двухъ непрерывныхъ стѣнъ народа и только на крики и восклицанія ихъ на обѣ стороны безпрестанно откланиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась она для принятія поздравленій и цвѣтовъ отъ разряженныхъ дѣвушекъ. Послѣ того поѣхали мы въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для нея рѣчь.

„Странно было для русскаго уха слышать, говоритъ Шишковъ, что въ сей рѣчи громогласно и съ восторгомъ произносили одно только отечественное имя ея: „Алексѣвна!“ Нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ „ура, Алексѣвна! вивать, Алексѣвна“. Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи, но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится“.

Нѣсколько дней спустя весь дворъ поѣхалъ въ долину Неккера.

„Въ Некаргемюнде встрѣтила насъ толпа народа. У пристани приготовлены были восемь большихъ лодокъ, изъ которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленымъ по срединѣ ея шатромъ. Мы всѣ помѣстились на ней. По обоимъ берегамъ, противъ нашей лодки, ѣхали верхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую сторону, стояло множество людей, не вмѣстѣ и не кучами, но протянувшись нитью и составляя въ ней разныя перемѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки, державшіяся рука за руку, гдѣ взрослые дѣвицы и женщины. Все это разными голосами—тонкими, толстыми, женскими, мужскими, кричало: „Вивать, русская императрица Ели-

савета Алексѣевна!“ Нить эта и крикъ, начинаясь отъ сего селенія, продолжались непрерывно во всю дорогу, потому что людей было множество, повидимому стекшихся изъ другихъ близкихъ селеній, и сверхъ того, по проѣздѣ нашей лодки, задніе безпрестанно забѣгали впередъ и, примыкая къ другимъ, становились по-прежнему рядомъ. Передъ нами на лодкѣ ѣхали музыканты, играя на скрипкахъ и волторнахъ; а передъ ними плыли двѣ лодки, съ которыхъ палили изъ пушекъ. Сія пальба сопровождалась еще другою съ высокихъ горъ изъ развалинъ замковъ, крѣпостей и каменныхъ ломокъ, гдѣ вмѣсто пушекъ служили просверленные въ камняхъ жерла. Къ сему звуку присовокуплялся иногда въ селахъ, мимо коихъ мы проѣзжали, колокольный звонъ. Они пристали къ селенію, подлѣ котораго находились развалины древнихъ замковъ. „Дорога, по которой мы шли, уставлена была березками и усыпана цвѣтами, по обѣимъ сторонамъ стояли люди съ ружьями, чиновники съ знаменами и народъ. Пушечная пальба, колокольный звонъ и радостныя восклицанія: „Вивать Елисавета Алексѣевна!“ повторялись повсюду. Въ замкѣ накрытъ былъ столъ, уставленный разными пирожными и сладостями. Тутъ опять пошли подарки отъ нарядныхъ дѣвочекъ: одна принесла пучокъ цвѣтовъ, другая корзинку съ цвѣтами, третья барашка, сдѣланнаго изъ масла, четвертая привела настоящую живую овечку на лентѣ и украшенную лентами, пятая поднесла на блюдѣ парочку живыхъ горлянокъ и т. п.

Эти поѣздки походили на празднества, но помимо этихъ случайныхъ развлеченій, жизнь въ Карлсруэ и Брукзалѣ шла очень однообразно и мало интересно: въ 3 часа обѣдали, потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговаривали, стоя на ногахъ, въ 7 часовъ пили чай; за обѣдомъ были всѣ вмѣстѣ, но по вечерамъ царская фамилія ужинала особо, въ своихъ внутреннихъ покояхъ“.

Послѣ взятія Парижа союзными войсками въ Баденѣ стали проходить войска, возвращавшіяся изъ Франціи, пріѣхали снова великіе князья Николай и Михаилъ и, наконецъ, 5 іюля пріѣхалъ Александръ I. Императрица встрѣтила его въ Рорбахѣ съ принцессой Амаліей и вернулась съ императоромъ въ 1 часъ ночи въ Брукзалѣ въ его отертыхъ дрожкахъ.

„Русскіе были страшно взволнованы пріѣздомъ императора: всѣмъ хотѣлось знать, долго ли пробудетъ императрица въ Брукзалѣ, или же она уѣдетъ въ Россію. Александръ пробылъ въ Брукзалѣ пять дней. Въ эти дни въ Брукзалѣ былъ огромный съѣздъ знатныхъ иностранцевъ; за столъ садилось не менѣе 50 человекъ: тутъ были Штейнъ, Лагарпъ, генералъ Вильсонъ, князья Меттернихъ и Лихтенштейнъ и многіе другіе“.

Александръ временно возвращался въ Россію; его супруга хотѣла послѣдовать за нимъ и была очень разочарована, когда онъ выразилъ желаніе, чтобы она, во избѣжаніе излишняго утомленія, осталась въ Баденѣ, и ей пришлось остаться въ Германіи, такъ какъ осенью предстоялъ конгрессъ въ Вѣнѣ, на которомъ государыня должна была присутствовать.

Когда А. С. Шишковъ, получивъ отъ государя позволеніе уѣхать впередъ, въ виду того, что онъ по слабости здоровья не могъ ѣхать за нимъ съ такою же, какъ онъ, быстротою, пошелъ откланяться императрицѣ, она была одна въ своемъ кабинетѣ и показалась ему очень скучною.

„Когда я увѣдомилъ ее о причинѣ моего къ ней прихода, пишетъ Шишковъ, то она сказала мнѣ со слезами:

„Я завидую вашей участи; вы ѣдете въ Россію, и я желала бы того же, но государь хочетъ, чтобы я оставалась еще здѣсь“.

Слова сіи удивили меня и растрогали: я также не могъ удержаться отъ слезъ и сказалъ ей съ чувствомъ усердія и состраданія:

„Государыня! Какой россиянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ въ глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности?“

Она пожаловала мнѣ поцѣловать руку свою и отпустила меня, желавъ мнѣ счастливаго пути“.

Какъ это ни странно, но императрица Елисавета, такъ стремившаяся на родину, такъ страстно желавшая увидѣть мать и сестеръ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Баденъ стала тосковать по Россіи; она почувствовала, что между нею и ея семьей что-то порвалось, что она была болѣе „дома“ въ Россіи, нежели въ Баденѣ, и пребываніе ея за границей не оказалось для нея тѣмъ душевнымъ отдыхомъ, какого она ожидала. Елисавета давала себѣ отчетъ въ происшедшей въ ней перемѣнѣ и какъ бы сама удивлялась этому.

Когда окончательно было рѣшено, что она остается въ Германіи, она написала графинѣ Головиной:

„Три недѣли тому назадъ, я рассчитывала въ августѣ быть въ Петербургѣ, но императоръ, пріѣхавъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы я ожидала его тутъ и встрѣтилась съ нимъ черезъ полтора мѣсяца въ Вѣнѣ и пробыла тамъ все время конгресса; въ виду этихъ соображеній я должна была согласиться съ его желаніемъ, но это стоило мнѣ немалаго труда. Я испытываю какую-то тревогу, съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія въ Россію и чувствую, что я успокоюсь только по пріѣздѣ туда. Иной разъ бываетъ, что самое пріятное, повидимому, положеніе становится по волѣ Божіей самымъ тяжкимъ испытаніемъ“.

Въ томъ же настроеніи она писала великому князю Николаю Павловичу:

„Какъ я ни счастлива здѣсь, въ кругу моей семьи, какъ ни трудно мнѣ будетъ разстаться съ нею, мнѣ приходится вооружаться терпѣніемъ. Привычка, долгъ и тысяча другихъ, большихъ и малыхъ причинъ заставляютъ меня страстно желать вернуться въ Россію.

„Чтобы назначить день отъѣзда, я только и жду извѣстій отъ императора и его указаній, такъ какъ, согласно прошлогоднему плану, я должна была ѣхать черезъ Берлинъ, то я льщу себя надеждою увидѣть васъ тамъ, любезный братъ, но если бы мой маршрутъ измѣнился, то я встрѣчусь съ вами съ одинаковымъ удовольствіемъ въ Петербургѣ. Дай Богъ, чтобы это случилось какъ можно скорѣй!“

Часть 1815 года императрица Елисавета провела въ Вѣнѣ, по настоянію Александра Павловича, желавшаго, чтобы его супруга присутствовала на торжествахъ Вѣнскаго конгресса. Затѣмъ, съ марта по іюнь она провела у сестры своей въ Баваріи, а потомъ снова вернулась къ маркграфинѣ, гдѣ оставалась до начала зимы.

Передъ отъѣздомъ изъ Бадена, императрица провела нѣсколько дней въ Карлсруэ, чтобы еще разъ проститься со всѣмъ, что было для нея дорого. Въ полной увѣренности, что она видитъ горячо любимую ея родину послѣдній разъ, она останавливалась самымъ трогательнымъ образомъ на воспоминаніяхъ своего дѣтства и юности, посѣтила вновь тѣ комнаты въ замкѣ, гдѣ она жила до своего отъѣзда въ Россію, розыскала даже на замковой башнѣ надпись, которую она, ребенкомъ, сдѣлала брилліантовымъ кольцомъ на оконномъ стеклѣ. Въ саду маркграфини, гдѣ она и ея сестры играли дѣтьми, она велѣла положить въ укромномъ уголку камень и высѣчь на немъ слѣдующее мѣсто изъ Оберона: „Du kleiner Ort, wo ich das erste Licht gesogen“ и т. д.

1 ноября 1815 г. императрица покинула Брукзаль. Разлука съ матерью и сестрами была для Елисаветы Алексѣвны очень тягостна, такъ какъ въ то время она не рассчитывала болѣе вернуться въ Баденъ.

В. Тимошукъ.

ОТЗЫВЪ ГР. П. Д. КИСЕЛЕВА О „БОРОДИНСКИХЪ ОЧЕРКАХЪ“ Ө. Н. ГЛИНКИ.

(Письмо Киселева Глинкѣ отъ 21 февраля 1840 г.)

Ниже приводится любопытное письмо гр. П. Д. Киселева къ Ө. Н. Глинкѣ, „автору Бородинскихъ очерковъ“. Оба эти лица одновременно состояли адъютантами при гр. М. А. Милорадовичѣ. Киселевъ былъ откомандированъ отъ Кавалергардскаго полка въ адъютанты черезъ нѣсколько дней послѣ Бородинскаго боя, по собственному желанію; въ автобіографической замѣткѣ онъ пишетъ по этому поводу, что оставляетъ съ сожалѣніемъ своихъ товарищей-однополчанъ, и что при гр. Милорадовичѣ онъ предполагалъ „изучать войну“.

„Приношу вамъ искреннюю благодарность за доставленіе мнѣ новаго сочиненія вашего: Очерки Бородина. Изображаемая вами незабвенныя событія близки душѣ моей, и я буду читать эту книгу съ тѣмъ удовольствіемъ, которое неразлучно съ прежними воспомина-ніями о великой военной эпохѣ. Очерки ваши, имѣющіе столь общій успѣхъ, служатъ огненною, вѣрною картиною Бородинскаго дѣла. Я всегда съ удовольствіемъ также припоминаю о служеніи нашемъ при графѣ Милорадовичѣ, а въ настоящее время мнѣ особенно пріятно видѣть, что Вы, милостивый государь, не забыли стараго авангарднаго сослуживца“.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА ГОРШОКЪ ЩЕЙ.

(Страничка изъ бытовой исторіи офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка).

Цѣлый корпусъ лучшихъ измайловскихъ офицеровъ соединяетъ свой голосъ съ просительнымъ моимъ голосомъ: одолжите меня своимъ посѣщеніемъ, пожалуйста ко мнѣ завтра на горшокъ щей, въ которомъ часу вамъ угодно, по-русски, безъ церемоніи. Я послѣ завтра ѣду. Не угодно ли написать къ братцу.

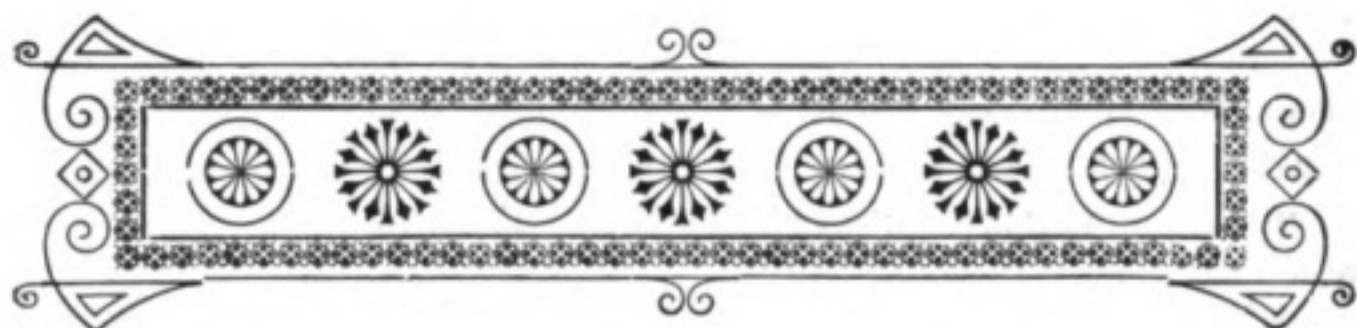
Сердечно преданный и покорнѣйшій слуга

С. Аксеновъ.

Я живу въ Гарновскомъ домѣ, въ квартирѣ полковника Мартынова. Не откажите въ моей просьбѣ, всѣ офицеры ожидаютъ съ вами познакомиться.

Приведенное выше письмо, характерное по своимъ выраженіямъ, переноситъ въ тѣсный, дружный кружокъ офицеровъ л.-гв. Измайловскаго полка эпохи Александра I. Адресать—Ө. Н. Глинка, извѣстный писатель, видный масонъ и въ то время адъютантъ гр. М. А. Милорадовича, числившійся въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

Сообщ. Мих. Соколовскій.

Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.

Казиміръ Васильевичъ Левицкій¹⁾.

(Окончаніе).

VIII.

Въ 1873 году, осенью, я простудился на охотѣ и, больной, пріѣхалъ изъ своего Новгородскаго имѣнія въ Петербургъ на экзамены съ сильнѣйшимъ кашлемъ. Кашлялъ и ходилъ въ академію; ходилъ въ академію и кашлялъ. Болѣзнь не уступала, а усиливалась. Оказалось — воспаление легкихъ. Я слегъ и провалялся до Рождества.

Къ Рождеству стало лучше, и послѣ Крещенья я пришелъ на лекцію, думая наверстать потерянное время, но едва проговорилъ съ кафедры десять минутъ, какъ почувствовалъ, что задыхаюсь. Усиліемъ воли я надѣялся побѣдить недомоганіе, но еще десять минутъ, и принужденъ былъ покинуть кафедру, поддерживаемый офицерами.

Мнѣ все-таки хотѣлось превозмочь себя, и дома я началъ читать вслухъ, но убѣдился, что долѣе десяти-пятнадцати минутъ прочесть не могу. Пришлось отказаться отъ лекцій и ограничиться практическими занятіями.

Ходить по морозу также оказалось невозможнымъ — отъ холоднаго воздуха, просто, задыхался. Человѣкъ хорошей физической силы, привыкшій къ моціону, спорту и гимнастикѣ, не имѣя возможности гулять, я сталъ усиленно заниматься гимнастическими упражненіями и какъ-то вытянулъ себѣ въ колѣнѣ сухожиліе правой ноги.

Между тѣмъ приближались лѣто и практическія занятія съ

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

офицерами въ полѣ, а нога все побаливала. Я ѣздилъ верхомъ, но послѣ часовой ѣзды принужденъ былъ сходить съ коня, тогда какъ я имѣлъ привычку, и считалъ это необходимымъ, дѣлать съ офицерами по 40—50 верстъ въ сутки.

Надо было позаботиться о ногѣ, и я обратился къ профессору хирургіи Богдановскому, который увѣрилъ меня, что черезъ двѣ недѣли буду совершенно здоровъ. Съ крайней небрежностью онъ сдѣлалъ съемно-неподвижную повязку, поставилъ меня на костыли и, откладывая день за день снятіе повязки, достигъ того, что, когда черезъ семь недѣль она была снята, мускулы оказались атрофированными, и нога перестала сгибаться въ колѣнѣ. Начались отеки; они сосредоточились въ колѣнѣ, сеновіальная сумка распухла, и я сталъ совершеннымъ калѣкой.

Что было дѣлать?

Поѣхалъ къ Пирогову, въ его имѣніе „Вишня“. Онъ объявилъ, что здоровымъ я никогда не буду, и что мнѣ надо менѣе заботиться о ногѣ, чѣмъ о легкихъ.

„Прежде всего—поправьте ваше общее состояніе и поѣзжайте на зиму въ Крымъ“, говорилъ онъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Но энергичная натура не позволяла мириться съ мыслью въ 34 года быть на вѣки калѣкой и, поправивъ нѣсколько свои легкія, я поѣхалъ за границу, гдѣ кидался и къ Лангенбеку и къ знаменитому ортопедисту Гессингу и къ извѣстному хирургу Гофману въ Висбаденѣ и, наконецъ, узнавъ о томъ, что въ Амстердамѣ имѣется знаменитость по массажу, въ лицѣ Мецгера, отправился къ нему.

Надо замѣтить, что массажъ былъ тогда средствомъ совершенно новымъ, въ Россіи почти неизвѣстнымъ, и русскіе хирурги, да и не одни русскіе, относились къ нему частью съ недоувѣріемъ, частью недоброжелательно.

Даже такая знаменитость, какъ тогдашняя берлинская звѣзда Лангенбекъ, къ которому я имѣлъ особую рекомендацію и который отнесся ко мнѣ, вслѣдствіе этого, крайне внимательно, на вопросъ мой—„могу ли я прибѣгнуть къ электричеству или массажу“, настойчиво предостерегалъ меня противъ нихъ.

„Дѣло идетъ о Вашей жизни, нѣсколько разъ повторялъ онъ, запомните хорошенько: ни электричество, ни массажъ, Боже васъ сохрани“.

Но я рѣшилъ, что Господь съ ней и съ жизнью, если съ 34-хъ лѣтъ ходить на костыляхъ и что лучше рискнуть этимъ „напраснымъ даромъ“, чѣмъ влачить всю жизнь существованіе калѣки.

Массажъ помогъ, хотя нога, конечно, не была еще въ полномъ порядкѣ.

Я поѣхалъ долѣчивать ее сначала въ Кисловодскъ, а оттуда въ Ялту.

IX.

Была Сербская война въ самомъ разгарѣ. Имя Черняева пользовалось необычайной популярностью; оно было у всѣхъ на устахъ. Всѣ съ тревогою слѣдили за нашими добровольцами.

Волновался, конечно, и я. Вѣсти начали приходить не очень радостныя.

Сижу разъ у себя въ номерѣ гостиницы „Ялта“. Наступалъ вечеръ. На душѣ было какъ-то не весело. И вдругъ, какъ вѣтеръ, врывается ко мнѣ Казиміръ, возбужденный, радостный.

„Только что пріѣхалъ. Узналъ отъ Обручева, что ты здѣсь, и бросился отыскивать“, говорилъ Казиміръ, кидаясь мнѣ на шею.

Я страшно обрадовался, и мы расцѣловались горячо, какъ братья.

„Только я къ тебѣ на нѣсколько минутъ“, говорилъ Казиміръ. — Какъ на нѣсколько минутъ? Да гдѣ ты остановился?

„Въ Ливадіи. Я пріѣхалъ съ Великимъ Княземъ. Его вызвалъ Государь, а онъ захватилъ съ собою меня. Между нами, конечно,— Государь рѣшилъ прекратить свою роль спокойнаго зрителя и принять Сербію подъ свое покровительство. Рѣшено дѣйствовать энергично. Ну, однако, прощай. Я вѣдь сказалъ тебѣ, что пріѣхалъ на нѣсколько минутъ. Мнѣ необходимо къ Великому Князю; если успѣю, заѣду сегодня же, а то завтра“.

— Только, пожалуйста, не на нѣсколько минутъ.

„Ну, ужъ, тамъ какъ придется“.

Левицкій пробылъ въ Ливадіи съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ всего дня два-три. Послѣ Алексинаца Государь послалъ туркамъ ультиматумъ. Турція сдала; но Государь, проѣзжая Москву, „съ высоты Кремля“ издалъ приказъ о приведеніи на военное положеніе четырехъ корпусовъ и о сосредоточиваніи ихъ въ Бессарабіи.

Главнокомандующимъ этой арміей былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, начальникомъ его штаба — Непокойчицкій и помощникомъ начальника штаба — Казиміръ Левицкій, произведенный по этому случаю въ генералы, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества.

Всѣ, знавшіе Великаго Князя, понимали, что онъ будетъ играть роль, такъ сказать, знамени, за которымъ должна слѣдовать армія.

Про Непокойчицкаго говорили, что онъ человекъ очень умный, блистательно показавшій себя въ 1848 году въ Венгерской кампаніи; но замѣчали также, что въ послѣдніе 22 года онъ былъ председателемъ кодификаціонной комиссіи и успѣлъ обрюзгнуть нравственно отъ ничего-недѣланья, сопряженнаго съ его почетной должностью.

Кромѣ того, о Непокойчицкомъ я не разъ слышалъ отзывы умныхъ католиковъ (въ томъ числѣ отъ профессора инженерной академіи Карловича), выражавшихъ свое удивленіе, что этотъ почтенный старикъ, заслуженный генералъ, въ костелѣ, колѣнопреклоненно, билъ себя въ грудь и чуть не ложился „кршижемъ“ (какъ это дѣлаютъ фанатичныя старухи-польки), обращая этимъ на себя, почтеннаго генерала русской службы, всеобщее вниманіе. И для меня лично являлось большимъ вопросомъ: какъ ксендзъ, отправляя на войну фанатика, настроить его въ смыслѣ службы, службы безоблыжной русскому дѣлу?

Но и помимо этого, всѣ, знавшіе Непокойчицкаго, видѣли въ немъ человека, уже спѣвшаго свою пѣсню, и поэтому всѣ понимали, что выдающуюся роль, такую же, какую игралъ Мольтке во Франко-Прусской войнѣ, — въ Русско-Турецкой брани придется играть Левицкому.

Почти всѣ покачивали головами, но всѣ почти на войну смотрѣли не очень серьезно, считая, что это будетъ нѣчто вродѣ увеселительной экскурсіи въ Турцію.

Я былъ яримъ противникомъ войны и заслужилъ за это много упрековъ отъ товарищей, говорившихъ, что въ этомъ сказывается не чисто славянское мое происхожденіе ¹⁾.

Въ числѣ доводовъ, я приводилъ, между прочимъ, тотъ, что моего земляка, новгородскаго мужика, вынужденнаго очень часто весной примѣшивать къ мукѣ березовую кору и разную дрянъ, чтобы не умереть съ голоду, что этого бѣдняка гонять освободить жирныхъ сербовъ и болгаръ, кушающихъ свинину. Турецкимъ звѣрствамъ я также довѣрялъ не вполнѣ, помня, какія нелѣпости писали про русскія войска во время польскаго возстанія, тогда какъ—я самъ былъ свидѣтелемъ—русскіе держали себя высоко-гуманно, вели себя, какъ настоящіе джентльмены ²⁾. Тѣмъ не менѣе,

¹⁾ Прадѣдъ мой былъ датчанинъ. Дѣдъ родился уже православнымъ.

²⁾ Еврей-шпіонъ говорилъ вамъ, напримѣръ, что встрѣчная фурманка съ барыней—повстанская почта, что барыня скрываетъ ее въ своихъ юбкахъ, что надо обыскать ея особу. Но далѣе приказанія обыскать фурманку офицеры не шли, хотя хорошо, конечно, понимали важность заговата не-пріятельской почты.

видя, что всѣ почти пріятели идутъ на войну, мнѣ какъ-то стало неловко оставаться дома, и я обратился къ Казиміру.

— Послушай, Казиміръ, ты знаешь, что я войнѣ не сочувствую, мало того, я считаю ее для Россіи почти несчастіемъ; но всѣ наши ребята идутъ на войну, и мнѣ оставаться какъ-то неловко. Ты знаешь, что бѣсъ крупнаго честолюбія, честолюбія мальчишескаго, когда я мечталъ быть Наполеономъ, меня давно оставилъ. Честолюбія же, въ смыслѣ наколачиванія чиновъ и крестовъ, я никогда не понималъ. Поэтому, совсѣмъ не для этихъ игрушекъ, а именно только для того, чтобы не лежать на боку дома, когда другіе идутъ на серьезное дѣло, я хотѣлъ бы, чтобы ты устроилъ меня при арміи. Для фронтowego начальника я, пока, не гожусь, потому что нога позволяетъ мнѣ ѣздить верхомъ часъ, два—не болѣе, но я рассчитываю, что могу принести пользу при разработкѣ плана кампаніи и различныхъ стратегическихъ операцій. Мало того, какъ человекъ не теряющійся въ опасности, съ вѣрнымъ тактическимъ взглядомъ—могу вполне выполнять и тактическія задачи, не требующія продолжительной ѣзды на конѣ, а часъ-два, какъ сказалъ, пробыть верхомъ я могу. Устрой же меня; право, я буду не бесполезенъ.

Казиміръ задумался и сказалъ, что дастъ мнѣ отвѣтъ завтра.

— Думалъ я, говорилъ онъ на завтра. Видишь ли,—будетъ неудобно. Мы рѣшили ограничить штабъ строго необходимымъ числомъ чиновъ и не допускать въ немъ никого, кто бы не исполнялъ опредѣленнаго круга занятій. А что же можно тебѣ предложить? Помощника начальника штаба? Но это мѣсто занято мною. Начальника колоновожатыхъ? Но это мало для тебя, и мы уже предложили это мѣсто Артамонову. Нѣтъ, устроить тебя въ штабъ неудобно.

Такъ мнѣ и не удалось попасть на войну и, долженъ сознаться, мнѣ показалось, что Казиміръ отказалъ изъ боязни соперничества, потому что, какъ ни какъ, я все же былъ талантливѣе и для военнаго дѣла пригоднѣе Казиміра. Главнокомандующій могъ это замѣтить, и Левицкій, слишкомъ дорожа своимъ положеніемъ—этого опасался.

Не знаю, принесъ ли бы я какую-нибудь пользу, но понималъ я войну вѣрно, въ доказательство чего могу привести письма современниковъ.

Такъ, когда недѣли за двѣ до переправы черезъ Дунай, я, направляясь на югъ, вынужденъ былъ просидѣть сутки въ Харьковѣ, чтобы дать дорогу воинскимъ поѣздамъ, начальникъ Харьковской станціи Курско-Харьковской желѣзной дороги, Макарскій, бывшій инженерный офицеръ, въ кабинетъ котораго я провелъ сутки вы-

нужденной остановки, и другой начальникъ станціи (Харьково-Николаевской ж. д.), Домбровскій, съ тревогой спрашивали меня: можемъ ли мы переправиться черезъ Дунай, возможно ли исполнить эту операцію—я убѣжденно отвѣчалъ, что „переправимся несомнѣнно“.

— Но всѣ говорятъ, возражали они, что придется понести при этомъ огромныя потери—тысячъ пятьдесятъ, не менѣе.

Я успокоилъ ихъ увѣреніемъ, что переправа обойдется намъ тысячъ въ пять, не болѣе.

— А гдѣ, вы думаете, произойдетъ эта переправа?

Я совершенно твердо, съ увѣренностью, объявилъ: „у Систова“.

— Отчего, именно, у Систова?

„Да очень просто. Переправляться въ низовьяхъ Дуная и оперировать въ Добруджѣ неблагоприятно уже по одному тому, что въ Добруджѣ царствуютъ страшныя лихорадки; у крѣпости Рущука переправляться также нельзя, у крѣпости Никополя—также; переправляться выше Никополя значить слишкомъ удлинять нашу коммуникаціонную линію и, кромѣ того, удаляться отъ цѣли дѣйствій—Константинополя и отъ дороги на Трново и Шипку, на которую указываютъ, какъ на самый удобный перевалъ черезъ Балканы. Значить, волей-неволей придется переправляться въ промежуткѣ между Никополемъ и Рущукомъ. Систово лежитъ какъ разъ посрединѣ; при томъ Дунай образуетъ здѣсь острова,—что удобно для переправы, и, наконецъ, отъ Систова идетъ на Балканы лучшая дорога къ лучшему, наиболѣе доступному, перевалу черезъ горы—у Шипки. (Эти послѣднія свѣдѣнія имѣлись отъ нашихъ агентовъ). Но, господа, попомните мое слово, говорилъ я,—если, переправясь черезъ Дунай, намъ удастся разбить Турецкую армію, война окончится скоро, безъ большихъ жертвъ. Если же мы, не найдя арміи противника, не нанесемъ ей рѣшительнаго пораженія, увлечемся занятіемъ различныхъ пунктовъ и захватомъ большой территоріи, въ то время, когда армія турокъ еще не будетъ приведена въ окончательное разстройство, то война представитъ намъ многіе неприятыя сюрпризы и можетъ затянуться очень на долго.“

Я оказался пророкомъ и, говоря объ этомъ не въ одномъ Харьковѣ, получилъ нѣсколько горячихъ писемъ, между прочимъ, отъ Макарскаго ¹⁾, а одинъ изъ петербургскихъ пріятелей, большой патріотъ, послалъ мнѣ письмо, полное упрековъ, даже обиднаго свойства, за то, что я, вмѣсто того, чтобы быть на войнѣ и тамъ прово-

¹⁾ Крайне небрежный въ сохраненіи переписки, я успѣлъ отыскать только одно письмо по этому поводу, именно, письмо инженера Макарскаго отъ 10 января 1879 года, поэтому на него, Макарскаго, и указываю. Опущенныя строки, слишкомъ для меня лестныя, привожу лишь слѣдующую вы-

дить свои взгляды, только высказывалъ ихъ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Пришлось отвѣтить, что и радъ бы былъ попасть на войну, да не пустили.

И въ пророчествѣ, хотя оно сбылось съ поразительной точностью, не было вѣдь ничего не только сверхъестественнаго, но даже необычайнаго. Необычайно было только непониманіе основныхъ законовъ войны главными руководителями нашей арміи.

Отчего я намѣтилъ вѣрно пунктъ переправы, я уже объяснилъ, и мнѣ это казалось по вышеизложеннымъ основаніямъ до такой степени правильнымъ, что, когда была получена телеграмма о переправѣ нашей арміи у Зимницы, я не повѣрилъ и говорилъ, что это ошибка, что армія должна переправиться у Систова, нигдѣ иначе, какъ у Систова. Дѣло разъяснилось на другой день: Зимница оказалась Румынскимъ селеніемъ, не обозначеннымъ на прежнихъ картахъ и лежащимъ противъ Систова, на лѣвомъ берегу Дуная.

Что касается исхода кампаніи, то, опять таки, пророчество основывалось на крайне простыхъ соображеніяхъ: если разбойники, ворвавшись въ домъ, не перебьютъ или не свяжутъ вооруженныхъ хозяевъ, а разбредутся грабить по разнымъ комнатамъ, то они, естественно, подвергаются опасности, заключающейся въ томъ, что хозяева, опомнившись, воспользуются раздѣленіемъ силъ противника и постараются воздать имъ должное.

Такъ и на войнѣ. Предметомъ дѣйствій, прежде всего, должна быть армія непріятеля. Необходимо, прежде всего, сокрушить ее, а затѣмъ уже распорядиться по желанію въ странѣ, лишенной защиты. Въ противномъ случаѣ непріятные сюрпризы неизбежны. Соображенія, кажется, не хитрыя, но, увы, Левицкому, въ военномъ смыслѣ человѣку не только не талантливому, но крайне узкому, соображеніе это не пришло въ голову, за что намъ пришлось такъ жестоко поплатиться ¹⁾.

держку изъ этого письма: „на всю жизнь сохраню я въ своей памяти Ваше предсказаніе о мѣстѣ перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и о ходѣ дальнѣйшей кампаніи“.

Подлинникъ письма представленъ мною въ редакцію „Русской Старины“.

А. В.

¹⁾ До ужаса опасаясь, чтобы не сбылось и мнѣніе мое о той губельной роли, которую, по глубокому моему убѣжденію, неизбежно сыгравтъ крѣпости нашего западнаго фронта въ случаѣ войны съ Германіей. Боязнь, чтобы это убѣжденное мнѣніе не оказалось роковымъ пророчествомъ, послужила поводомъ къ статьѣ, напечатанной въ „Россіи“ (9 апр. 1909 г.) и, затѣмъ, къ горячей полемикѣ, вызванной ожесточенными нападками на меня газетъ, какъ праваго, такъ и лѣваго лагерей. („Россія“ №№ 1.035, 1.057, 1.075, 1.266, 1.267, 1.268, 1.269, 1.271).

А. В.

Я сказалъ, что Казиміръ, въ смыслѣ военнаго таланта, представлялъ собою крайне ничтожную величину. Да, это несомнѣнно, но дѣлу онъ готовъ былъ служить отъ всего сердца.

Не считая Левицкаго рьянымъ русскимъ патриотомъ, я съ убѣжденіемъ могу утверждать, что никакихъ польскихъ тенденцій въ немъ рѣшительно не было.

Мнѣ онъ просто представляется какимъ-то ландскнехтомъ, преданнымъ знамени той страны, на службѣ которой онъ находится. Онъ, какъ я уже говорилъ, также добросовѣстно служилъ бы въ Пруссіи, Австріи, Турціи, какъ и въ Россіи, не руководясь совсѣмъ патриотическими тенденціями, а только долгомъ службы. И, какъ человѣкъ безусловно честный, ни на какую измѣну онъ, конечно, способенъ не былъ.

А между тѣмъ, когда начались наши неудачи, вся Россія, въ одинъ голосъ, объявила его измѣнникомъ, и это дошло до того, что когда я осенью 1877 года ѣхалъ съ Кавказа въ Крымъ и вынужденъ былъ пробыть сутки въ Лозовой, пропуская воинскіе поѣзда, то мнѣ передали за самое достовѣрное, что Левицкаго, подъ сильнымъ конвоемъ, провезли изъ арміи въ Петербургъ, какъ уличеннаго въ измѣнѣ. Это подтвердилъ мнѣ даже самъ комендантъ станціи.

„Да вы видѣли его? спрашивалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, его провезли ночью, но мнѣ сказали въ поѣздѣ, что везутъ Левицкаго, уличеннаго въ измѣнѣ.

X.

Указанные слухи не могли не доходить и до Казиміра и несомнѣнно заставляли сильно страдать этого, безусловно, честнаго человѣка.

Кстати, о честности.

Передъ отъѣздомъ Казиміра въ армію, я старался быть у него цѣлые дни.

— Какъ вы думаете устроить продовольственную часть, спрашивалъ я?

„О, мы устраиваемся прекрасно, былъ отвѣтъ. Мы совершенно освобождаемъ себя отъ всякихъ хлопотъ, и у арміи, въ этомъ случаѣ, будутъ развязаны руки“.

— Какъ же вы, однако, устроили?

„Мы отдаемъ продовольствіе арміи коммерческой компаніи, во главѣ которой стоятъ—Грегерь, Горвиць и Коганъ — еврей-капита-

листы. Они будутъ кормить армію, и мы будемъ совершенно свободны въ нашихъ стратегическихъ операціяхъ“.

— Какъ же, однако, возражалъ я, какъ же они-то кормить будутъ?
„А это ужъ ихъ дѣло“.

— Но позволь, однако, вѣдь ѣсть-то придется арміи, а ну какъ они ѣды не доставятъ? Вѣдь они не боги, не волшебники, вѣдь они къ такимъ операціямъ совсѣмъ не подготовлены.

„Не говори, они коммерческіе люди и сѣумѣютъ устроиться“.

— Опять таки я не понимаю, — какъ они устроятся. Вѣдь у арміи естъ готовая организація въ лицѣ провіантскихъ чиновниковъ, хотя пользующихся плохой репутаціей, но наторѣвшихъ въ этомъ дѣлѣ, людей пріученныхъ, опытныхъ, имѣющихъ за собою прошлое, рассчитывающихъ на будущее, на пенсіи, повышенія, наконецъ—людей, въ отношеніи которыхъ законъ очень строгъ и можетъ покарать очень жестоко. А вѣдь компаніи придется создавать организацію. И изъ кого же создастъ она эту организацію? Изъ людей, взятыхъ съ борка, да съ сосенки, людей безъ прошлаго, которые не могутъ рассчитывать на будущее и будутъ поэтому стараться—какъ бы сорвать побольше въ настоящемъ. Какъ хочешь, а это мнѣ представляется чѣмъ-то крайне несуразнымъ: бросать свою готовую организацію и отдавать себя въ руки трехъ евреевъ, которые, даже въ случаѣ своей полной добросовѣстности, должны будутъ вести дѣло посредствомъ людей къ дѣлу не пріученныхъ и, вѣроятнѣе всего, разныхъ проходимцевъ.

„Ну, видишь ли, я въ это дѣло не мѣшаюсь. Я ограничилъ себя строго оперативною частью, а хозяйственную—предоставилъ вѣдать Непокойчицкому, какъ человѣку болѣе меня опытному“.

— А какъ ты съ своей разсѣянностью и забывчивостью думаешь, Казиміръ, распорядиться?—спросилъ я его тогда же. Тебѣ необходимо имѣть при себѣ человѣка, который бы былъ твоей памятной книжкой—съ хорошей памятью, спокойнаго, аккуратнаго, точнаго и не суетливаго.

„Да, ты правъ, надо будетъ подумать“, отвѣчалъ онъ.

— Знаешь что,—говорилъ Казиміръ на слѣдующій день. Я думалъ о твоёмъ совѣтѣ и хочу приспособить для этого Газенкампфа.

„Что жъ, выборъ прекрасный. Лучшаго сдѣлать нельзя“.

И Михаилъ Александровичъ Газенкампфъ, конечно, сослужилъ бы Казиміру и арміи хорошую службу. Но, какъ видно изъ дневника Михаила Александровича, также бывшаго ученика моего, Великій Князь отнялъ его отъ Левицкаго и приблизилъ къ себѣ.

Казиміръ уѣхалъ въ Кишиневъ. Я остался въ Петербургѣ.

XI.

Когда рѣшено было сформировать корпуса, Начальникъ Главнаго Штаба, графъ Гейденъ, всегда очень любезно ко мнѣ относившійся, предложилъ мнѣ мѣсто начальника штаба 2-го корпуса, корпуса крупнаго, сформированнаго изъ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи. Я не отказался, хотя предупредилъ, что нога моя позволяетъ ѣздить верхомъ часъ-два, не болѣе.

Поѣхалъ представляться корпусному командиру, генералу Самсонову, который принялъ меня съ подавляющею любезностью, наговорилъ много о томъ, что слышалъ обо мнѣ самые лучшіе отзывы, и объявилъ, что мы непременно должны быть друзьями, что онъ этого отъ меня „требуется“. Въ концѣ часовой бесѣды, завелъ разговоръ о религіи и сунулъ мнѣ книжку религіознаго содержанія, обязывая непременно прочесть ее.

Я всегда избѣгалъ разговоровъ о религіи, полагая, что всякій имѣетъ право вѣровать, во что онъ вѣровать желаетъ, и заявилъ это Самсонову, но онъ настоятельно требовалъ, чтобы я прочелъ его книжку.

Когда меня спрашивали пріятели—какъ я нашелъ своего новаго начальника, я отвѣчалъ, что мнѣ крайне не понравилась его излишняя любезность и требованіе дружбы. Совершенно достаточно простыхъ, правильныхъ, серьезныхъ служебныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи. Выльются эти отношенія въ дружескія—прекрасно, но и безъ этого можно служить годы и быть съ начальникомъ въ отношеніяхъ самыхъ лучшихъ, самыхъ желательныхъ.

Вскорѣ оказалось, что не даромъ не понравился мнѣ Самсоновъ. Пришлось съ нимъ разойтись черезъ три недѣли.

Когда пріятели меня ругали за то, что я не могъ поладить съ начальникомъ, я предлагалъ пари, что само начальство не продержится болѣе полугода, ибо мое мѣсто занялъ М. человекъ прекраснѣйшій, вполне воспитанный, но слишкомъ мягкаго характера, который совсѣмъ неспособенъ былъ поставить вопроса ребромъ, при распоряженіяхъ явно нелѣпыхъ, или несогласныхъ съ закономъ. Такъ и случилось. По моемъ удаленіи, Самсоновъ совсѣмъ закусилъ удила, и не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ его вынуждены были устранить, несмотря на товарищескія его отношенія къ Начальнику Главнаго Штаба графу Гейдену.

Я уѣхалъ опять въ Кисловодскъ долѣчивать свою ногу, а оттуда въ Крымъ, слѣдя все время съ возрастающимъ интересомъ и тревогой за перипетіями войны, которыя тогда казались ужасными, именно ужасными, потому, что мы не имѣли тогда представленія о

тѣхъ ужасахъ, которые заставила насъ пережить война японская. Зимой возвратился въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ виду надвигавшейся грозы со стороны Англіи, получилъ мѣсто начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга. Начальникомъ обороны былъ назначенъ адмиралъ Григорій Ивановичъ Бутаковъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей, которая случилось мнѣ встрѣтить. Эта крупная, благородная личность вполне заслуживаетъ отдѣльнаго о немъ очерка. И я считаю своимъ долгомъ дать въ послѣдствіи этотъ очеркъ.

За дѣятельность свою, въ качествѣ начальника штаба береговой и морской обороны Свеаборга, я былъ, 30-го августа 1878 года, произведенъ въ генералъ-маіоры; но лѣто, проведенное въ суровой Финляндіи, убѣдило меня, что если я останусь на сѣверѣ, то не пережить мнѣ 79-го, много 80-го года. Были и другія причины, говорить о которыхъ считаю теперь неумѣстнымъ, побудившія меня принять рѣшеніе: бросить службу и удалиться на югъ.

Первые годы жилъ въ Крыму, рѣдко навѣщая въ Петербургъ. Казиміръ получилъ назначеніе начальника первой кавалерійской дивизіи и жилъ, поэтому, также не въ Петербургѣ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Левицкаго я потерялъ совсѣмъ изъ виду.

Но въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Петербургъ узнаю, что онъ отчислился отъ командованія дивизіей, прикомандировался къ чему-то въ Петербургѣ и живетъ на Николаевской улицѣ. Разумѣется, сейчасъ же поѣхалъ къ нему. Нашелъ его въ просторной квартирѣ, въ одноэтажномъ старомъ деревянномъ домѣ-особнякѣ.

Онъ обрадовался искренно, но прежняго оживленія, жизнерадостности я въ немъ не нашелъ.

Пріятели мы остались по-прежнему, но у него были уже заведены другія связи. Онъ часто посѣщалъ князя Имеретинскаго, былъ съ нимъ, да и со многими высоко-стоящими на „ты“. Вообще, я былъ уже не единственнымъ для него человѣкомъ, въ бесѣдѣ, съ которымъ онъ отводилъ душу, хотя по-прежнему, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, онъ ни съ кѣмъ не былъ такъ задушевно откровененъ, какъ со мною.

Много провелъ я съ нимъ интересныхъ часовъ, спрашивая о войнѣ.

Онъ началъ жаловаться, между прочимъ, на сердце.

Когда-то вопросы болѣзни сердца меня очень интересовали; я безцеремонно выслушивалъ, поэтому, сердца чуть не всякаго встрѣчнаго и получилъ, такимъ образомъ, хорошій навыкъ для опредѣленія разныхъ сердечныхъ неполадковъ.

Разумѣется, потребовалъ, чтобы Казиміръ далъ себя выслушать. Сердце оказалось—чуть не самоваръ: шумѣло на обоихъ тонахъ и билось совершенно безтолково, такъ что я, съ большимъ усиленіемъ, смогъ сказать, что „сердце—такъ себѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ, но ничего“.

Такъ вотъ какою цѣною, думалось мнѣ между тѣмъ, купилъ бѣдный Казиміръ свою хорошую карьеру и сомнительную славу!

Вскорѣ я опять уѣхалъ въ Крымъ.

Разъ, пріѣзжаю въ Севастополь и вижу въ гостиницѣ Киста какое-то непривычное оживленіе. Знакомые и незнакомые генералы, и генералы не севастопольскіе, а пріѣзжіе.

— Что такое?

„Да вотъ пріѣхали на открытіе памятника Тотлебену.“

— Кто же еще пріѣхалъ? И узнаю, между прочимъ, что пріѣхалъ и Казиміръ. Остановился здѣсь же у Киста. Бросился къ нему въ самомъ радостномъ настроеніи, но при видѣ его—сердце упало, такой онъ имѣлъ нехорошій видъ.

„Плохо, говорилъ онъ. Вотъ послали сюда на открытіе памятника, да не знаю, какъ и выѣду. Скверно у меня съ сердцемъ“.

— Дай-ка выслушать еще разъ.

Сердце оказалось дѣйствительно невозможнымъ.

— Послушай, Казиміръ, говорилъ я. Зачѣмъ тебѣ ѣхать на сѣверъ. Вѣдь служба тебя теперь не стѣсняетъ, поѣдемъ ко мнѣ въ Ялту. Устрою я тебя хорошо, проживемъ вмѣстѣ. Вспомнимъ прежніе, пріятельскіе молодые годы. Помнишь, какъ болтали бывало по цѣлымъ часамъ?

„Невозможно, отвѣчалъ онъ. У меня уже и билеты на желѣзную дорогу взяты на завтра“.

Но я не отступалъ, взялъ билеты, отвезъ ихъ на станцію, поручилъ передать другому пассажиру и повезъ Казиміра въ коляскѣ на южный берегъ.

Онъ пробылъ у меня съ недѣлю. Былъ очень доволенъ, воспрянулъ духомъ. Но настали жары; онъ началъ жаловаться, что дышать становится труднѣе, и я поспѣшилъ отправить его прямой дорогой мимо Ай-Петри, на Бахчисарай, распорядившись, чтобы въ вагонѣ его устроили поудобнѣе.

Какъ на зло, ночью, въ купѣ, гдѣ ихъ было только двое, ворвался какой-то негодяй съ ножомъ и потребовалъ денегъ.

Это, разумѣется, страшно подѣйствовало на больного сердцемъ Казиміра, и черезъ два мѣсяца газеты возвѣстили о его смерти.

XII.

Вотъ правда объ этомъ, несомнѣнно хорошемъ, но несчастномъ человѣкѣ, котораго такъ мало людей любило при жизни и котораго вспоминаютъ, чуть не всѣ его знавшіе, недобрымъ словомъ.

Вся Россія считала его измѣнникомъ. Всѣ наши неудачи приписывали ему. Не одобряли также распоряженій главнокомандующаго, и никто не бросилъ серьезнаго упрека Непокойчицкому. Говорили только о его апатіи, да о томъ, что онъ поддался обаянію личности Великаго Князя, и удивлялись, какъ, при бесспорно большомъ умѣ, онъ становится на сторону Великаго Князя даже при такихъ проявленіяхъ его пылкой природы, какъ предположенный имъ новый штурмъ Плевны послѣ паденія Карса, почти наканунѣ плѣненія Османа (дневникъ Газенкампа, стр. 179, 181).

Такъ разсуждали современники.

Стоя нынѣ на достаточномъ историческомъ разстояніи отъ событій послѣдней войны, мы можемъ относиться съ бѣльшимъ безпристрастіемъ къ ея дѣятелямъ и, если оставимъ въ сторонѣ обаятельную личность Великаго Князя, а сосредоточимъ наше вниманіе на двухъ главныхъ дѣятеляхъ его Штаба—Непокойчицкомъ и Левицкомъ,—то факты намъ скажутъ слѣдующее.

Человѣкъ тонкаго ума, Непокойчицкій хорошо понималъ всѣ сильныя и слабыя стороны Главнокомандующаго; но вмѣсто того, чтобы служить ему руководителемъ, хотя бы нѣсколько приближаясь къ образцу, который явилъ своей службой отечеству Мольтке—Непокойчицкій счелъ для себя удобнымъ представиться то апатичнымъ, то влюбленнымъ въ Великаго Князя, подпавшимъ подъ обаяніе этой свѣтлой и симпатичной, личности.

„Одинъ Непокойчицкій, говоритъ генераль Газенкампа, могъ бы сдерживать порывы Великаго Князя и направлять съ пользою для дѣла его энергію. Но онъ такъ влюбленъ въ него, что самъ покоряется его обаянію и почти никогда ему не прекословитъ. Даже удивительно, до чего податливъ этотъ старый многоопытный и несомнѣнно умный человѣкъ. Обаятельная личность Великаго Князя совершенно загнипотизировала его: у него нѣтъ свой воли“.

И вотъ, на выдержку наглядные результаты дѣятельности „влюбленнаго и загнипотизированнаго“ Непокойчицкаго, который, конечно, благодаря опытности, уму и хорошей военной репутации, могъ имѣть огромное вліяніе на Великаго Князя.

Послѣ переправы мы избираемъ предметомъ своихъ дѣйствій не армію непріятели, какъ этому учитъ азбука военнаго искусства,

а стремимся захватить непріятельскую территорію, не заботясь о нанесеніи рѣшительнаго удара арміи противника. Неизвѣстно—поступили ли мы такъ по непосредственному внушенію Непокойчицкаго, но достоверно извѣстно, что этому онъ не противился. А вѣдь такой образъ дѣйствій можно уподобить (какъ я уже объяснялъ) тому, какъ если бы грабители, ворвавшись въ домъ и оставляя безъ вниманія вооруженныхъ хозяевъ, разбрелись по всѣмъ комнатамъ и воображали, что такимъ образомъ безнаказанно достигнутъ своей цѣли.

Далѣе. Мы рѣшаемся на штурмъ 30 августа безъ отвѣтственнаго, полномочнаго руководителя штурмомъ, при чемъ Главнокомандующій остается какъ бы въ сторонѣ. Непокойчицкій это одобряетъ.

Мы выбираемъ, вопреки здравому смыслу и указаніямъ исторіи, для рѣшительной атаки Плевны не одинъ, а два пункта. Непокойчицкій одобряетъ.

На самый важный пунктъ, угрожающій линіи сообщенія Османа, назначаемъ ничтожное количество войскъ. Непокойчицкій одобряетъ.

Послѣ неудачнаго штурма Великій Князь хочетъ отступить отъ Плевны, а это, вѣроятно, повлекло бы за собою отступленіе за Дунай. Непокойчицкій одобряетъ.

Гурко съ Нагловскимъ горячатся и хотятъ занять Балканы до сдачи Плевны. Левицкій протестуетъ, доказываетъ, что дѣлать объектомъ дѣйствій не армію противника, а стратегическіе пункты, значить повторять уже сдѣланныя ошибки; говоритъ о громадномъ рискѣ „лишить себя сосредоточенности силъ“ и израсходовать послѣдній стратегическій резервъ, необходимый для парированія случайностей. Но Непокойчицкій находитъ планъ Гурко хорошо соображеннымъ, устраняетъ Левицкаго и хотя, благодаря запискѣ послѣдняго, стремленіе Гурко нѣсколько умѣрено, однако, все же ему разрѣшено двинуться на Балканы (дневникъ Газенкампа).

А результатомъ этого явилась гибельная мѣсячная стоянка въ снѣжныхъ отрогахъ горъ и возбужденіе бдительности турокъ, начавшихъ усиленно укрѣплять и укрѣпившихъ свои горныя позиціи.

По взятіи Карса, Великій Князь вновь хочетъ штурмовать Плевну. Въ чемъ-въ-чемъ, но въ пылкости умнаго Непокойчицкаго упрекнуть никто не могъ, и онъ поддерживаетъ, однако, несчастную, мысль Главнокомандующаго (дневникъ ген. Газенкампа).

Когда 7—9 февраля положеніе становилось крайне напряженнымъ и военныя дѣйствія готовы были, казалось, возобновиться, на благоразумное указаніе Левицкаго притянуть войска изъ-за Балканъ—Непокойчицкій отвѣчалъ: „Да зачѣмъ, вѣдь ничего нѣтъ, съ чего вы взяли? Ничего не надо“. (Дневникъ М. А. Газенкампа, стр. 450).

Не буду слѣдить далѣе за дѣятельностью Непокойчицкаго, но достаточно и этихъ фактовъ, о которыхъ свидѣтельствуешь такой спокойный бытописатель, какъ М. А. Газенкампфъ.

Между многими моими пріятелями я считалъ и считаю не одинъ десятокъ поляковъ; многихъ изъ нихъ любилъ искренно и, конечно, не всѣ поляки—враги Россіи. Но если полякъ—фанатичный католикъ, то, подъ вліяніемъ патеровъ, онъ не можетъ не быть врагомъ русскихъ-схизматиковъ, а что Непокойчицкій былъ католикомъ-фанатикомъ—объ этомъ я уже говорилъ.

И нельзя также не задуматься надъ тѣмъ, что, всегда апатичный во время войны, Непокойчицкій въ единственномъ лишь случаѣ проявилъ весьма значительную дѣятельность—это въ устройствѣ продовольственной части арміи черезъ печальной памяти компанію Грегера, Горвица и Когана, съ первымъ изъ которыхъ онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Если обратимся къ Левицкому, то, не желая писать его портрета радужными красками, прежде всего необходимо признать въ немъ полное отсутствіе искры Божіей, таланта. Но, какъ ни много было у него враговъ, никто не рѣшился бросить даже намека на безупречность его въ денежномъ отношеніи.

Это прежде всего.

Затѣмъ, не признавая въ немъ ни человѣка талантливаго, ни русскаго патріота, полагаю, всякій долженъ сознаться, что, въ предѣлахъ своихъ способностей, онъ старался служить и служилъ дѣлу честно и несмотря на привычную угодливость предъ начальствомъ, въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, онъ самоотверженно шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніями и рѣшеніями Главнокомандующаго. Онъ съ рѣшимостью сталъ противъ отступленія изъ-подъ Плевны, противъ несвоевременно задуманнаго и предпринятаго къ исполненію плана Гурко, противъ желанія Великаго Князя снова штурмовать Плевну въ ноябрѣ.

И между тѣмъ вся Россія считала его измѣнникомъ, вся армія его ненавидѣла, а въ Непокойчицкаго никто не бросилъ камня, ни при жизни, ни послѣ его смерти; всѣ относились и относятся къ нему съ благорасположеніемъ.

Какая же была тому причина?

Разгадка заключается въ томъ, что умный, многоопытный Непокойчицкій былъ человѣкомъ воспитаннымъ, зналъ человѣческое сердце, его слабыя струны, былъ мягокъ въ обращеніи, деликатенъ, уравновѣшенъ и потому не имѣлъ враговъ.

Полную противоположность представлялъ изъ себя, въ этомъ смыслѣ, Левицкій, своею безтактностью сѣумѣвшій поселить къ себѣ

не только непріязнь, но даже ненависть почти во всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія и—болѣе всего—въ своихъ подчиненныхъ.

Характеристика его была сдѣлана мною съ достаточной полнотой, но считаю необходимымъ добавить еще нѣсколько словъ, рисующихъ столь многимъ ненавистнаго Казиміра.

ХІІ.

Каждый, почти, человѣкъ полонъ противорѣчій, и всякій, кто хотя нѣсколько способенъ къ самоанализу, да вздумаетъ покопаться въ душѣ своей—найдетъ и въ характерѣ своемъ и въ поступкахъ противорѣчія, подчасъ, даже трудно объяснимыя. Но мнѣ не случилось встрѣчать человѣка, сотканнаго изъ такой массы противорѣчій, какъ Левицкій.

Начиная съ происхожденія: отецъ—полякъ, мать—нѣмка; самъ по воспитанію, родинѣ, службѣ—русскій, онъ едва не ударился въ польщизну, и, если былъ отвлеченъ отъ этого, то, все же, не сдѣлался горячимъ патріотомъ той страны, которой служилъ, которой посвятилъ свои силы, которая кормила его и семью, горячо имъ любимую.

Безспорно счастливыя природныя способности и — обстановка жизни, давшая имъ узкое направленіе, выработавшая изъ него эгоиста и ограниченнаго педанта, мало способна видѣть что-либо далѣе собственнаго носа.

Безусловно хорошая память, безъ чего невозможно окончить блестяще курса академіи и—смѣшная забывчивость, подававшая поводъ къ забавнымъ анекдотамъ.

Педантъ, онъ отличался разсѣянностью—качествомъ, приличнымъ художникамъ, поэтамъ и никакъ ужъ не педантамъ.

Основательное знаніе военнаго дѣла, особенно его деталей и—полное непониманіе великихъ принциповъ, на которыхъ оно основано.

Хорошія теоретическія познанія и — совершенное неумѣнье разобратъ въ обстановкѣ, примѣнить теорію къ практикѣ.

Характера благороднаго, онъ, хотя не былъ низкопоклонникомъ, но, за рѣдкими исключеніями, отличался угодливостью передъ начальствомъ. Исключеніемъ, и исключеніемъ блестящимъ, было поведеніе его на военномъ совѣтѣ послѣ 30 августа, когда онъ пошелъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Великаго Князя Николая Николаевича и оказалъ этимъ большую услугу дѣлу войны.

Человѣкъ безусловно честный и умный, онъ допустилъ такую нелѣпую, ни съ чѣмъ несообразную вакханалію эксплуатаціи нашей арміи, какъ вторженіе въ ея боевую жизнь жадныхъ шакаловъ въ лицѣ знаменитой продовольственной компаніи.

Человѣкъ искренній, не лукавый, веселаго, отзывчиваго, общительнаго характера, онъ совсѣмъ не умѣлъ привязывать къ себѣ людей—качество, которымъ въ высокой мѣрѣ отличался Скобелевъ.

Человѣкъ хорошаго сердца—онъ многимъ вредилъ, частію безсознательно, частію убѣжденный въ своей правотѣ, правотѣ часто мнимой. Такъ было со Скобелевымъ, который долго не получалъ назначенія, отвѣчающаго его дарованіямъ, конечно, потому, что Левицкій, имѣвшій въ то время огромное вліяніе, считалъ его „шалопаемъ“, авантюристомъ съ прекрасной протекціей, не представляющимъ собою никакой серьезной величины.

Много работавшій самъ — онъ не умѣлъ, однако, цѣнить работы другихъ.

Требовательный къ подчиненнымъ, онъ, большой эгоистъ, не умѣлъ поощрять ихъ ни матеріально, ни нравственно и совсѣмъ не способенъ былъ хлопотать, а еще менѣе—стать горой за своего подчиненнаго. Онъ не понималъ, что хлопоты за подчиненнаго, даже назойливыя, даже надоедливыя, выставляли бы его же самого въ хорошемъ свѣтѣ. Умный человѣкъ, онъ не могъ однако понять, что, стоя за подчиненныхъ, выказывая заботливость къ нимъ — начальникъ совсѣмъ не вредитъ себѣ, своему эгоизму, а напротивъ возвышаетъ себя въ глазахъ какъ подчиненныхъ, такъ и высшаго начальника. Это въ высокой степени понималъ Скобелевъ—эгоистъ не меньшій, чѣмъ Левицкій—и люди за это охотно шли для него на смерть, даже по его капризу.

Смѣлый по натурѣ, въ чемъ во время совмѣстныхъ поѣздокъ я имѣлъ не разъ случай убѣдиться, онъ не проявилъ этого качества на войнѣ, не понимая того, какъ высоко цѣнится оно въ арміи, какой даетъ авторитетъ и какъ миритъ даже съ серьезными недочетами характера и дѣятельности, если человѣкъ показалъ себя пренебрегающимъ опасностью. А что, по натурѣ, Левицкій былъ человѣкъ смѣлый — приведу мнѣніе, слышанное мною передъ отъѣздомъ его на войну (и не отъ одного), что „Казимира навѣрное ухлопають, потому что онъ, какъ человѣкъ шалый, несомнѣнно будетъ кидаться безъ толку въ огонь“. Это говорили люди хорошо его знавшіе и совсѣмъ не его сторонники, что видно изъ самой формы ихъ мнѣнія о безстрашии Левицкаго.

Человѣкъ умный и большой работоспособности, онъ часто про-

являлъ, однако, въ работѣ значительную степень безтолковщины и крайне умѣренную—производительности работы.

Въ немъ положительно жила потребность привязанности, но по свойству своего характера, помимо конечно семьи, онъ возбудилъ отвѣтное чувство едва-ли не въ одномъ только человѣкѣ—во мнѣ, и то лишь потому, что во всѣхъ отношеніяхъ я былъ отъ него совершенно независимъ. Не будь этого, онъ, вѣроятно, сдумѣлъ бы и во мнѣ поселить недоброе къ себѣ чувство. По крайней мѣрѣ М. А. Газенкампфъ, которому довелось всю кампанію провести съ Левицкимъ въ одной комнатѣ, или кибиткѣ, въ опубликованныхъ выдержкахъ своего дневника крайне рѣдко упоминаетъ о Левицкомъ и то только тогда, когда замолчать его, какъ дѣятеля, было невозможно. Позволительно думать, что деликатность, присущая почтенному автору дневника, побудила его не предавать гласности замѣтки, рисующія Казиміра, какъ начальника и сожителя, въ неблагопріятномъ свѣтѣ.

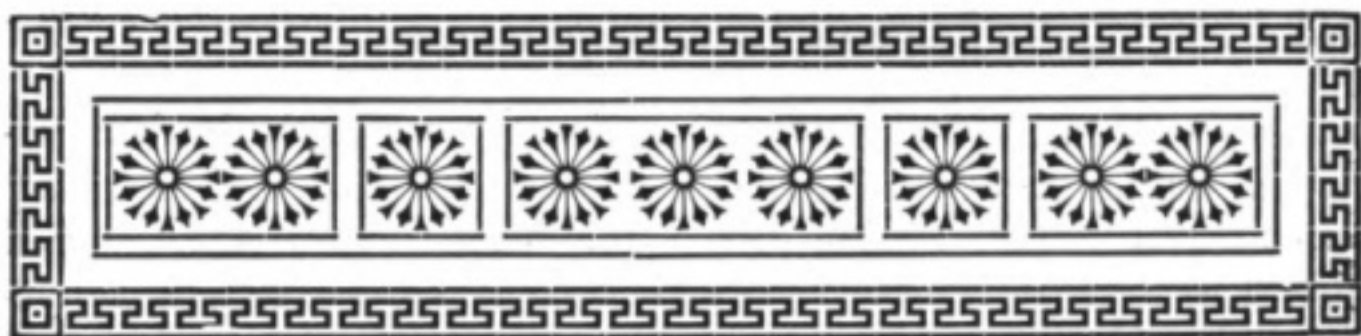
Самая судьба Левицкаго была полна противорѣчій: несчастливое дѣтство, голодная юность, первые шаги молодости, полные неустанной, неинтересной, шаблонной работы, заботы о завтрашнемъ днѣ, опасенія не потерять того, что пріобрѣтено было съ такимъ трудомъ—и вдругъ неожиданное возвышеніе до той высоты, высоты почти недосыгаемой, о которой долженъ мечтать всякій хорошій военный, о которой когда-то мечталъ и я—до высоты фактическаго главнокомандующаго, до высоты, которая дала неотъемлемое право Мольтке быть занесеннымъ въ списокъ самыхъ крупныхъ историческихъ именъ. Какая блестящая, казалось, карьера, и какой печальный результатъ, какая отрицательная слава!

Въ заключеніе, съ убѣжденіемъ можно сказать, что это былъ человѣкъ прежде всего несчастливый, самое возвышеніе котораго послужило ему во вредъ.

Пусть же рука съ камнемъ, занесеннымъ на имя честнаго человека, опустится и не броситъ впредь камня на могилу несчастливаго.

А. Витмеръ.

Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ¹⁾.

(Изъ воспоминаній артистической жизни Ирины Ивановны Овноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра ²⁾).

Одновременно съ окончаніемъ контракта въ Москвѣ, я получила очень симпатичное предложеніе пѣть контрольные партіи въ Лондонѣ, въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ (1865 г.). Конечно это было утѣшеніе, но въ Лондонѣ театральнй сезонъ продолжается только лѣтомъ, во время засѣданій парламента. Первые же осенніе дни увлекаютъ всю аристократію въ помѣстья на охоты. Такимъ образомъ слѣдующая зима представлялась мнѣ очень неприглядной.

Мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, очаровательная лэди Нефиръ дала мнѣ письмо къ лэди Венслейдель. (Лордъ Нефиръ былъ посланникомъ въ Петербургѣ).—Въ незапечатанномъ письмѣ встрѣчалась, при просьбѣ насъ принять, слѣдующая фраза: „do it for my sake, before the time not long to come, when you will do it for your own“. Эта рекомендація открыла намъ нѣсколько интересныхъ аристократическихъ салоновъ.

Въ роскошномъ отелѣ очень пожилой лэди былъ данъ велико-свѣтскій рауть. Тогда существовалъ обычай, если концертъ давался въ залѣ, гдѣ не было эстрады, между приглашенными и артистами протягивалась цѣпь, или, проще сказать, веревка, обтянутая бархатомъ. Для насъ цѣпи не натягивали.—Меня хозяйка дома представила всѣмъ пожилымъ дамамъ, а молодыхъ представила мнѣ; подавали чай: „five o'clock tea“. Между присутствующими былъ Sir Robert Peel, съ красавицей женой, нашъ посланникъ, писа-

¹⁾ См. „Русская Старина“ 1910 г. январь.

²⁾ Нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ.

тельница M-m Gaskell. Мнѣ подала чашку чая Lady Peal, а супругъ ея подалъ sandwich.—Я много пѣла, между прочимъ ирландскую балладу: „the irish molher's lament, по-англійски. Послѣ пѣнія лэди Венслейдель нарѣзала цѣлый букетъ розъ, украсившихъ ея салоны, и при прощаніи вручила его мнѣ.

Для моего дебюта въ Лондонѣ былъ назначенъ „Фаустъ“. Роль Зибеля очень выгодна для дебюта: двѣ прекрасныя аріи, прелестный костюмъ и почти никакой отвѣтственности.

Фойе, въ которомъ обыкновенно собирали артистовъ, былъ въ ремонтѣ и намъ отвели для репетицій чуть не подвальный этажъ. Корридоръ, по которому нужно было туда идти, и комната, гдѣ стояло фортепіано, были выкрашены наскоро клеевой бѣлой краской. Маріо, хронически, всегда опаздывавшій, и на первую репетицію пришелъ, когда уже всѣ были въ сборѣ. Онъ сейчасъ же узналъ моего мужа, сердечно его привѣтствовалъ, познакомилъ насъ со всѣми артистами и въ этотъ моментъ замѣтилъ, что рукавъ его верхняго платья выпачканъ бѣлой краской: „ah le tenor est repeint à neuf“ (теноръ выкрашенъ наново), онъ засмѣялся и прибавилъ: „du reste il en a bien besoin“.

Ему было тогда 59 лѣтъ; онъ самъ мнѣ это сказалъ. На видъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Замѣчательно красивый, элегантный, доступный, добрый. Богъ пѣвцовъ, онъ былъ обожаемъ англичанами и всѣми, кто его зналъ.

Первая репетиція „Фауста“ сошла безъ ошибки; капельмейстеръ Коста аккомпанировалъ самъ, Бевиньяни переворачивалъ страницы. Въ день дебюта у моего мужа отнялись ноги; а мнѣ все-таки надо было пѣть въ новой, очень серьезной обстановкѣ, съ лучшими пѣвцами міра и быть на высотѣ положенія, такъ какъ на мнѣ лежалъ весь контральтовый репертуаръ, а оперы „Гугеноты“, „Фаустъ“, „Баль-Маскарадъ“ и „Трубадуръ“ давались чаще другихъ. Ковентъ-Гарденскій театръ вступалъ въ 20-й годъ своего существованія и никогда не случалось, чтобы на нѣсколько примадоннъ было только одно контральто. Случилось это такъ: приглашены были изъ Берлина г-жа Де-Ана, изъ Штудгардта г-жа Эдельбергъ, г-жа Скалезе, протеже Патти и я. Выѣзжая изъ Берлина, Де-Ана почувствовала себя больной и, вернувшись съ первой станціи домой, послѣ тяжелой, кратковременной болѣзни умерла. Г-жа Эдельбергъ, дебютировавшая въ „Пророкъ“, не была довольна своимъ успѣхомъ и, не сказавши никому ни слова, уѣхала. Скалезе, на репетиціи Линда-ди-Шамуни такъ фальшивила въ своей аріи за кулисами, что Коста приказалъ послать мнѣ приглашеніе на слѣдующую репетицію, и оперу пѣла я.

Привожу здѣсь имена артистовъ, составлявшихъ труппу: со-

прано—Патти, Лукка, Фіоретти, Фриччи, Галетти, Фанъ-дерь-Овень, Біанки, Беррини, Либхардъ; тенора—Маріо, Вахтель, Бриньоли; баритонъ—Граціани; басы—Шмидтъ, Атри; контральто—я. При этомъ масса 2-хъ ролей, компримаріи. Капельмейстеръ Коста, его помощникъ Бевиньяни и еще одинъ, фамилію котораго не помню. Режиссеръ Гаррисъ, директоръ Джан.

Съ единственной изъ поименованныхъ пѣвицъ я сошлась, съ Лукка: „Wie kommst Du dazu, das Du alle Sprachen sprichst“—Какъ же это ты достигла знанія всѣхъ языковъ? незабвенный вопросъ, сдѣланный ею мнѣ, послѣ того, какъ я заговорила съ ней по-нѣмецки.

Передъ спектаклемъ, 1-го представленія „Гугенотъ“, я пошла въ камерино Лукки. Костюмъ Валентины требуетъ багатою отдѣлки, и мнѣ интересно было видѣть, какія украшенія она имѣетъ для свадебнаго наряда.—„О“, сказала она, „я даже въ театрѣ не употребляю мишурныхъ украшеній: имѣя отъ короля великолѣпные брилліанты и жемчуга, я въ имитаціи ихъ не нуждаюсь“. На туалетномъ столѣ лежало нѣсколько футляровъ, она стала ихъ раскрывать. Боже! какія это были жалкія произведенія ювелирнаго искусства. Три нитки желтаго, неровнаго жемчуга, съ ничтожнымъ фермуаромъ, серьги, брошь, браслетъ, одно къ другому—плохіе. Вотъ—подумала я, „ce qui s'appelle chanter pour le roi de Prusse“. Странно то, что съ перваго обращенія, она стала мнѣ говорить „ты“, тогда какъ я не рѣшалась ей отвѣчать такъ же. Пытливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, она спросила: „неужели у тебя есть лучше вещи“? Я невольно улыбнулась и сказала: а вотъ пріѣзжайте ко мнѣ, и я Вамъ покажу свои скромныя богатства.—Ну хорошо, завтра, въ 4 часа я пріѣду пить у тебя кофе.—У меня тогда было въ прошломъ только четыре года карьеры театральвой, все-таки, подарки отъ Двора и публики были много красивѣе и богаче. Первый подарокъ отъ публики къ моему первому бенефису былъ браслетъ съ 5-ю солитерами. Отъ Государя, послѣ представленія „Фаворитки“, серьги брилліантовыя съ рубинами, а послѣ концерта въ Кремлѣ, къ нимъ подходящая подвѣска на цѣпи, для ношенія на шеѣ. Чудный уборъ изъ бирюзы, жемчуга и брилліантовъ, поднесенный на малиновой, бархатной лирѣ, состоящій изъ семи вещей, пріобрѣтенный впоследствии г-жею Терещенко; брилліантовая муха съ изумрудами, бабочка изъ рубиновъ и брилліантовъ—пріобрѣтенная впоследствии княземъ Владиміромъ Трубецкимъ. Лукка долго разсматривала очень внимательно все и оживленно сказала: „я всегда думала, что Россія великая страна, и я буду стараться получить ангажементъ въ Петербургъ“!—Скоро это желаніе оправдалось.

Воспоминанія у меня объ этой замѣчательной артисткѣ остались самыя пріятныя. Хорошій товарищъ, веселая собесѣдница, съ ней было хорошо, легко. Это въ интимной жизни; но когда она была съ другими знаменитостями, она напускала на себя важность, которая совершенно не шла къ ея маленькому росту, очень подвижной фигуркѣ и вздернутому носику. Замѣчательные у нея были глаза, очень большіе, совершенно свѣтлые, до такой степени блѣдно-голубые, что на нѣкоторомъ разстояніи нельзя было видѣть зрачка! Выраженіе этихъ глазъ было стеклянное, холодное, но улыбка все скрашивала. Она помогала этому ледяному взгляду сильно, всегда подкрашивая верхнія рѣсницы. Выраженіе лица мѣнялось съ удивительной быстротой; охотно смѣялась съ широко раскрытымъ ртомъ, и смѣялись всѣ складки ея лица, но тогда вѣнскій акцентъ и шутки нарушали хорошій тонъ.

Очевидцы мнѣ рассказывали, что съ ней случилось разъ въ Берлинѣ. Гвардейскіе полки стояли въ Потсдамѣ; молодые офицеры охотно ѣздили въ Берлинъ слушать оперу съ тогда очень популярной, любимой пѣвицей, Лукка, но она, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, стала часто, за часъ до представленія, отказываться въ немъ принимать участіе. Директоръ театра дѣлалъ ей замѣчанія, офицеры шумно выражали свое неудовольствіе; но она плохо слушала начальство и продолжала часто манкировать. Директоръ сталъ жаловаться министру, дѣло дошло до короля, и г-жу Лукку оштрафовали на довольно крупную сумму. Ангажементъ ея въ Королевскомъ театрѣ — былъ пожизненный. Даже въ случаѣ утраты голоса, она должна была получать тѣ же 8.000 талеровъ, а мать ея, въ случаѣ смерти Лукки, получала 2.000 т., словомъ, великолѣпное обезпеченіе на всю жизнь. При этомъ ей разрѣшалось пѣть лѣтомъ за границей, получать отпускъ даже зимой. Вскорѣ послѣ вышеописаннаго инцидента король пришелъ на сцену, что онъ часто дѣлалъ. Въ рукѣ онъ держалъ фуражку и перчатку. Лукка, какъ всегда, смѣло подошла къ нему и стала просить его покровительства о снятіи съ нея штрафа. Конечно, король сказалъ, что это до него не касается, и что, вѣроятно, она заслужила это наказаніе; не долго думая, она выхватила изъ руки короля перчатку и, держа ее за спиной, сказала: „а я не отдамъ перчатку, пока Вы не исполните моей просьбы.“

Король измѣнился въ лицѣ и тономъ, не терпящимъ возраженія, приказалъ немедленно отдать перчатку и сказавъ: „вы не воспитанная особа“, круто повернулся и быстро ушелъ. Послѣ этой выходки, она много утратила своего престижа, и ежели ее не попросили оставить королевскій театръ, то благодаря всемогущей тогда про-

текціи Бисмарка. Дѣло замяли,—но стала появляться фотографическія карточки юмористическаго содержанія; одна изъ такихъ была въ моихъ рукахъ. Стоитъ канцлеръ во весь свой огромный ростъ, передъ нимъ, глядя ему въ глаза, стоитъ маленькая Лукка; подъ двойнымъ изображеніемъ двухъ знаменитостей надпись:

Schön ist die Kunst, ernst ist das Leben.

Однажды я была свидѣтельницей такой сцены. Коста былъ тогда первымъ лучшимъ, знаменитѣйшимъ оркестровымъ дирижеромъ. Во главѣ своего оркестра онъ былъ настоящимъ королемъ. Оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра не имѣлъ себѣ равнаго. Изъ артистовъ, для струнныхъ инструментовъ, приглашали только тѣхъ, у которыхъ имѣлись старинныя итальянскіе инструменты: Страдиварія, Гуарнерія, Амаши; допускался Вильомъ, современный фр. фабрикантъ. Надо сказать, что оркестръ Ковентъ-Гарденскаго театра настроенъ почти полутономъ выше нормальнаго камертона, можно себѣ представить, какой блескъ звука получается при такихъ условіяхъ. Никогда въ жизни, ни до, ни послѣ, ничего подобнаго не приходилось слышать, а мнѣ удалось быть на концертахъ Парижской консерваторіи съ его знаменитыми капельмейстерами.

Коста всѣ уважали, какъ человѣка; артисты его побаивались, т. к. онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и относился къ дѣлу чрезвычайно серьезно. Самые оживленные разговоры стихали, когда, во время антракта, онъ приходилъ на сцену; садился такъ, что видѣлъ всѣхъ, и тогда мало кто рѣшался подходить къ нему.

Вотъ разъ Лукка подошла къ нему сзади и положила оба локтя на его плечи. Трудно передать общее смѣтеніе, и хотя Коста сдѣлалъ видъ, что это шутка, лицо его выражало серьезное неудовольствіе. Вотъ какой это былъ человѣкъ.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о Луккѣ, какъ артисткѣ, пѣвицѣ и знаменитой оперой примадоннѣ. Во-первыхъ, она сначала не готовилась быть пѣвицей, а танцовщицей. Еврейка по происхожденію, она не получила никакого, ни научнаго, ни музыкальнаго образованія; танцмейстеръ, во время уроковъ, ломалъ на ея спинѣ массу смычковъ, за ея дерзкія выходки. Во время танцкласса иногда она пѣла и разъ поразила своимъ голосомъ хормейстера. Онъ заинтересовался звукомъ ея сильнаго сопрано, предложилъ ей заниматься пѣніемъ; она бросила уроки танцевъ, и ея судьба была рѣшена. Разъ давали концертъ съ благотворительной цѣлью, въ Соборѣ Св. Стефана. Наканунѣ концерта первое сопрано занемогло; всѣ были страшно разстроены; тогда хормейстеръ предложилъ вывести всѣхъ изъ затрудненія и представить чудо изъ чудесъ, новую, юную, почти ребенка, пѣвицу, ко-

тору ю онъ брался приготовить въ одиѣ сутки. Всю ночь Лукка учила свою партію, а вечеромъ восхитила своего учителя и всю публику, наполнявшую Соборъ! Исполняли Pfingsten kantate—Баха.

Первый разъ я слышала Лукку въ Прагѣ. Проѣздомъ въ Италію, мы остановились въ этомъ городѣ. Поѣздъ въ Триестъ отходилъ только разъ въ сутки, въ 5 часовъ утра. Предстоялъ длинный день и вечеръ безъ занятій, т. к. въ Прагѣ, когда осмотришь городъ, еврейскую синагогу съ истлѣвшими листами Книгъ Старого Заветъа, къ которымъ прикасаться строго воспрещается, да истерзанныя знамена, полученные евреями за храбрость, гробницу астронома Тихо-Браге и развѣ еще замокъ, въ которомъ жилъ король Людовикъ XVIII послѣ второго изгнанія, осматривать было нечего. На афишѣ въ театрѣ стояла жидовка Галеви, съ теноромъ Зондгеймомъ изъ Штудгардта и сопрано Лукка, въ заглавной роли. Не стану описывать этого дивнаго представленія. Зондгеймъ оказался первокласснымъ пѣвцомъ, а Лукка обѣщала тогда уже быть первоклассной пѣвицей. Но эта первоклассная пѣвица не умѣла ни правильно говорить, ни писать на какомъ бы то ни было языкѣ. Въ роли Маргариты, въ „Фаустѣ“, она такъ неправильно выговаривала по-итальянски, что итальянскіе пѣвцы за кулисами надрывались отъ неудержимаго смѣха. Я ей откровенно сказала, что мнѣ непонятна эта небрежность; „Вамъ слѣдуетъ внимательно нѣсколько разъ прочесть текстъ“!—Она покорно выслушала меня, слѣдующій разъ выговаривала лучше и спросила: довольна ли я ею!? Въ этомъ году въ Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ былъ еще одинъ субъектъ, нѣмецкій теноръ Вахтель. Началъ онъ свою карьеру кучеромъ во Франкфуртѣ, обращая всеобщее вниманіе, выкрикивая высокія ноты, сидя на козлахъ своей „дрожки“. Никто не могъ разобрать словъ, когда онъ пѣлъ Фауста. Несмотря на свои феноменальные голоса, ни Лукка, ни Вахтель никогда въ Италіи пѣть не могли.

Хочу кончить эти замѣтки впечатлѣніями, вынесенными мною отъ исполненія Луккою роли Африканки, которая была написана Мейерберомъ для нее. Она создала ее въ Лондонѣ. Костюмъ, гримъ, игра, мимика и пѣніе были доведены до совершенства. Граціани, Нелюско былъ на высотѣ своей роли; сцена смерти останется въ памяти неизгладимой! Режиссеръ Гарисъ предоставилъ мнѣ свою ложу за кулисами.

О Патти могу сказать меньше, хотя пѣла съ ней столько же, сколько съ Луккой, но сблизилась меньше. Она держала себя особнякомъ, на репетиціяхъ не бывала и ограничивалась при встрѣчахъ общими поклонами, или банальными фразами привѣтствія. Съ сильно южнымъ, испанскимъ типомъ, она, пожалуй, была красивѣе Лукки, но недоброе выраженіе ея блестящихъ черныхъ глазъ не привлекало. Было

Pauline
itations

Pauline Lussu

Ирина Ивановна
Оннорé

принято говорить, что пѣніе ея удивляло, но не трогало. Съ этимъ мнѣніемъ я лично согласиться не могу. Въ ея дивномъ голосѣ было столько яркости, теплоты, что при первыхъ звукахъ вся душа трепетала отъ восторга. Вся она была сплетена изъ музыки, въ ея исполненіи слышалась точность, увѣренность, ритмъ; она никогда не ошибалась, всегда была въ голосѣ и всегда, всюду имѣла колоссальный успѣхъ. Одно, что можно было сказать противъ, это то, что „*riano*“ въ ея пѣніи никогда не было, и что она ускоряла темпы; такъ въ арии „Донъ Жуана“, „*Batti, batti*“ *allegro*, во второй части арии не отличалось отъ *andante* первой части.

Коста былъ ея поклонникъ и соглашался брать темпы, которые она требовала. Передъ каждымъ представленіемъ онъ самъ на сценѣ подносилъ ей изящный небольшой букетъ.

Многіе думали, что она мало училась, что у нея былъ природный талантъ. Могу удостовѣрить противоположное: она очень много и серьезно работала. Правда, что она выступала въ Америкѣ, когда ей было 12 лѣтъ, но это не помѣшало ей учиться. Мать ея была хорошей пѣвицей, драматическое сопрано. Оставила она о себѣ отчаянную репутацію особы съ дикимъ характеромъ; не переносила хорошихъ пѣвицъ и разъ на представленіи „Нормы“, въ которой есть другое сопрано, требующее первоклассной пѣвицы, *m-me* Патти, недовольная ея успѣхомъ, обозлилась до такой степени, что публика это замѣтила; къ слѣдующему представленію молодой пѣвицѣ сдѣлали овацію и поднесли вѣнокъ; г-жа Патти быстро подбѣжала къ рампѣ, подняла вѣнокъ и надѣла его себѣ на голову. Разъ, въ порывѣ гнѣва на своего супруга, она бросила свою трехлѣтнюю дочь Карлотту на него; онъ успѣлъ отстраниться, но дѣвочка ударилась объ стѣну и получила переломъ бедра, который сдѣлалъ ее калѣкой на всю жизнь. Семья состояла изъ отца, матери и трехъ сестеръ; старшая вышла замужъ за Стракоша, хорошаго музыканта, который былъ учителемъ Аделины; у старшей сестры былъ хорошій голосъ, меццо-сопрано, а третья, Карлотта, имѣла высокое колоратурное сопрано, доходящее до крайнихъ, высокихъ нотъ сопрановаго регистра. Стракошъ училъ трехъ сестеръ, и какъ только средняя сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была впоследствии, онъ приготовилъ ей путь въ Европу, гдѣ мать никогда не пѣла, имѣя осѣдлость въ Америкѣ и очень хорошія приглашенія въ большихъ городахъ. Когда Аделина была, по его мнѣнію, готова къ дебютамъ, онъ началъ ее рекламировать во всѣхъ газетахъ Америки и Европы, и когда она, въ сопровожденіи отца и своего наставника, и „*proscolo*“¹⁾, приѣхала

¹⁾ Специальное выраженіе, употребляемое въ Италіи: человекъ, показывающій товаръ лицомъ.

въ Лондонъ, весь міръ зналъ о ея существованіи. Счастливо было для нея то, что всѣ похвалы оправдались, т. к. съ перваго представленія она стала царицей театра. Стракоша и своего отца она третировала, какъ своихъ рабовъ, первый не имѣлъ права возвращаться поздно домой, а то она выбѣгала на каменную площадку лѣстницы босикомъ, чтобы его напугать. Не надо думать, что это была ревность, нѣтъ, ихъ отношенія были самыя дружескія и чистыя, а просто балованная дѣвочка, понявъ, чѣмъ она была для семьи, пользовалась своей силой: при малѣйшемъ противорѣчій она говорила отцу и деверю: „ежели я вамъ не нравлюсь, можете убираться“; а разъ забросала ихъ костями птицы, которую ѣла за обѣдомъ. Когда она, много лѣтъ спустя, вышла за маркиза де-Ко, онъ не былъ болѣе счастливымъ, чѣмъ Стракошъ и ея отецъ. Въ Петербургѣ она начала увлекаться Николини и на одномъ представленіи „Травиаты“ волновалась такъ, что стала понижать. Маркизь де-Ко вошелъ въ ея уборную и сталъ ее упрекать и между прочимъ сказалъ: „Вы фальшивили, а маркиза де-Ко не имѣетъ права фальшивить“; тогда, разсерженная до послѣдней степени, она забросала его футлярами своихъ тогда многочисленныхъ брилліантовыхъ вещей, которыя были на ней; маркизь выбѣжалъ изъ уборной, сопровождаемый этимъ крупнымъ дождемъ.

Директоръ Ковентъ-Гарденскаго театра г. Джаи мечталъ поставить оперу Моцарта „Волшебную флейту“; въ ней три роли для сопрано. Г. Джаи было интересно и выгодно поставить оперу съ тремя сестрами Патти. Сломанная нога Карлотты мѣшала ей поступить на сцену, но въ оперѣ „Волшебная флейта“ „Царица ночи“ выѣзжаетъ на сцену въ колесницѣ, такимъ образомъ было возможно доставить бѣдной калѣкѣ случай дебютировать. Когда планъ созрѣлъ, сообщили о немъ Аделинѣ и просили ея согласія. Патти спокойно выслушала и сказала, что она понимаетъ, насколько для дирекціи подобное представленіе можетъ быть выгоднымъ, но что она въ этой комбинаціи участія принять не желаетъ. Такимъ образомъ Карлотта продолжала выступать только въ концертахъ. Г-жа Стракошъ осталась въ Америкѣ, а Аделина продолжала свой путь лучезарной звѣздой. Сестра ея не могла быть ей конкуренткой: голосъ ея, хотя много хуже, походилъ на голосъ фонъ-Зандъ, или Тетрацини и Баронать. Отказъ Патти доказалъ только, что она сестеръ своихъ не любила.

У Аделины роскошный замокъ въ Шотландіи. Королева Викторія выразила желаніе посѣтить владѣлицу замка; нѣсколько километровъ на пути къ нему были не исправны; нашли неудобнымъ подвергать престарѣлую королеву ѣздѣ по дурной дорогѣ. Патти не

пожалѣла средствъ; созвали огромное число рабочихъ, т. к. дѣло шло о скорѣйшемъ исправленіи дороги, но стоило это 150 т. франковъ. Въ назначенный день замокъ украсился флагами, цвѣтами; Патти вышла навстрѣчу королевѣ, но, увы, королева не пріѣхала, а послала своего сына, принца Вельскаго, теперешняго короля Эдуарда VII, съ извиненіями. Забывъ, какой передъ ней посоль, и не вникнувъ въ уважительныя причины, помѣшавшія пріѣзду высокою посѣтительницы, она дотого разсердилась, что затопала ногами, къ крайнему недоумѣнію принца и присутствующихъ.

Судьба двухъ пѣвицъ, одинаково знаменитыхъ, рознилась во многомъ. Хотя Лукка тоже вышла замужъ за титулованнаго господина, по милости котораго состояніе ея пошатнулось, она въ матеріальномъ отношеніи была неудачницей.

Антреприза въ Америку, куда она поѣхала съ приглашенными ею артистами, не удалась, и ей пришлось, не удовлетворивъ своихъ должниковъ, попытаться уѣхать; но въ моментъ, когда „Стимеръ“ (пароходъ), на которомъ она уѣзжала въ Европу, отчаливалъ, ее остановили.

Патти, наоборотъ, сохранила свое колоссальное состояніе, несмотря на то, что она выкупила своего второго мужа у его семьи за очень солидную сумму; со сценой она разставалась съ трудомъ. Въ Ниццѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она пѣла Травіату; и должно быть ей было тяжело прочесть въ мѣстныхъ газетахъ, послѣ этого единственнаго представленія: „вчера мы имѣли случай любоваться великолѣпными брилліантами г. Патти“. Три года тому назадъ она пріѣзжала въ Петербургъ, который слышалъ ея лебединую пѣснь, и который останется ей глубоко благодаренъ за щедрый даръ, 21.000 рублей, вырученныхъ съ концертовъ, данныхъ ею въ Дворянскомъ собраніи и оставленныхъ въ пользу семействъ погибшихъ моряковъ.

Возвращаюсь къ своимъ гастролямъ въ Лондонѣ: Валентину въ „Гугенотахъ“ пѣла только Лукка; въ роли Маргариты въ „Фаустѣ“ чередовались Патти и Лукка; оперы эти выдержали 18 представлений съ полнымъ сборомъ (въ 35.000 франковъ). Всего я пѣла 53 раза и 4 раза въ концертъ въ Кристаль-Паласъ, гдѣ помѣщается 20.000 человекъ.

Здѣсь мнѣ припоминается интересный эпизодъ. Въ годъ моего дебюта въ Москвѣ гастроліровалъ извѣстный трагикъ негръ, Олдриджъ. Представленія его не имѣли большого интереса. Его англійскій языкъ, съ сильнымъ американскимъ акцентомъ, дѣлалъ то, что очень мало кто его понималъ, а русскіе актеры не охотно съ нимъ играли. Получалась невыносимая скука, которая нарушилась въ одномъ изъ представлений „Отелло“. Когда Отелло первый разъ

намекаетъ Дездемонѣ, что онъ не вѣритъ въ ея любовь, и она удивленная говоритъ: „я Васъ не понимаю—я Васъ рѣшительно не понимаю“—кто-то изъ райка зычнымъ голосомъ закричалъ: „и мы тоже ничего не понимаемъ“. Хохотъ въ театрѣ былъ неудержимый, разсѣявшій остатки трагическаго настроенія.

Я пѣла Фаворитку, увлекаясь этой ролью, которая удавалась мнѣ хорошо даже въ смыслѣ игры. Послѣ одного изъ представлений, въ кулисахъ подошелъ ко мнѣ Ольдридждъ, выразилъ мнѣ свой негритянскій восторгъ и предсказалъ, что неминуемо онъ скоро встрѣтитъ меня въ другой обстановкѣ, въ сонмѣ европейскихъ звѣздъ.

Въ *Cristale Palace*, несмотря на колоссальные размѣры зданія, комнаты для артистовъ не было; помѣщались они подъ эстрадой; во время одного концерта здѣсь поставлены были кресла для особенно внушительнаго въ этотъ день ареопага. Патти, Лукка, Фіоретти, Граціани, Маріо, Атри, я и другіе сидѣли мы полукругомъ въ ожиданіи очереди. Вдругъ въ дверяхъ, къ общему удивленію, показался черный господинъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ, съ массою орденовъ на груди. Окинувъ насъ взоромъ, онъ направился въ мою сторону и напомнилъ, какъ онъ мнѣ предсказывалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ встрѣтитъ меня въ блестящей обстановкѣ, и что онъ счастливъ, что его предсказанія оправдались. Не скрою, что я была больше сконфужена, чѣмъ польщена этой похвалою, такъ какъ мнѣ показалось, что товарищи по искусству улыбаются при видѣ чернежкаго знакомаго m-me Онноре.

Успѣхъ мой въ Лондонѣ удержался до конца сезона. Самая интересная опера этого сезона была „Африканка“, которая шла въ Лондонѣ 1-й разъ съ Лукка въ заглавной роли. Роскошь обстановки, костюмовъ, освѣщенія, декораціи—выше всякой похвалы. „Африканку“ мнѣ удалось видѣть въ режиссерской ложѣ, которую г. Гаррисъ предоставилъ мнѣ.

Музыкальная критика въ Лондонѣ была очень распространена, но довѣріемъ публики пользовалась только одна—Девисона въ „Таймсѣ“. Онъ слылъ за глубокаго знатока, человѣка высокой нравственности, непродажнаго, безпристрастнаго и справедливаго. „He speaks highly of her, it is to say, that she deserves it“. Онъ высокаго мнѣнія о ней,—это значитъ, что она стоитъ похвалы,—такъ говорили о немъ англичане.

Привожу здѣсь двѣ статьи музыкальнаго критика Девисона въ газетѣ „Таймсѣ“.

Послѣ представленія оп. „Фаустъ“

(переводъ).

„Другая дебютантка (пѣвица Императорскаго московскаго театра) Г-жа Онноре, которая около 3-хъ лѣтъ тому назадъ пѣла на музы-

кальномъ вечерѣ у Г. Галла, въ St. James's Hall. Тѣ, которые ее слышали тогда, исполняющей прелестную колыбельную пѣснь Глинки (пѣтую на русскомъ языкѣ), были удивлены встрѣтить въ молодой неизвѣстной артисткѣ такое знаніе своего дѣла, какое доказала она вчера въ представленіи оп. „Фаустъ“. Мы никогда не слышали болѣе очаровательно исполненными обѣ прелестныя аріи Зибеля. Передать подробно обѣ остальныхъ исполнителяхъ было бы повторять старое. Можно однако сказать многое о самомъ Фаустѣ Г. Маріо и о чудесномъ голосѣ Г. Граціани“.

2-я статья отъ 31 марта въ той же газетѣ послѣ представленія „Троваторе“.

„The new Azucena M-s Honnoré, who on Tuesday, made so good an impression as Siebel in Faust, was eminently acceptable. In appearance, even with the extrinsic aid of a painted face and imaginary wrinkles, she hardly realised the idea, we have been used to entertain, of the vengeful and uninviting old sorceress but she sang the music, from the familiar „Stride la vampa“ to the duet „Si la stanchezza m'oprime o figlio“ with its delicious burden, „ai nostri monti rilorperomo“ murmured by Azucena in her sleep, in a style as charmingly unaffected, as it was artistically perfect“.

Теноръ былъ Вахтель, нѣмецкій пѣвецъ съ удивительнымъ голосомъ и отчаянной дикціей,—баритонъ Граціани.

На одномъ изъ представленій „Фауста“, Маріо представилъ мнѣ Бажье, директора итальянской оперы въ Парижѣ. Я могла тогда же заключить новые контракты, начать кочующую жизнь по Европѣ, но здоровье моего мужа ухудшилось, надо было больного доставить въ Москву, куда мы оба стремились, гдѣ у насъ была прелестная обстановка, много друзей, а главное—сынъ.

Болѣзнь моего мужа мѣшала намъ принимать массу приглашеній на обѣды, рауты и пр. Однако я поѣхала пѣть у лорда мэра въ Mansion-haus; уговорились поѣхать съ Луккой. Въ первой залѣ огромнаго помѣщенія находится постоянная выставка картинъ, исключительно англійскихъ художниковъ. Ничего ужаснѣе этихъ картинъ видѣть нельзя, не спасаютъ ихъ и необыкновенно роскошныя рамы. Народу было тѣма; артисты всѣхъ театровъ приглашались участвовать въ концертѣ; пѣвцовъ наѣхало множество—очереди не было; смѣшно было смотрѣть, какъ всѣ знаменитые пѣвцы, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, тѣснились у эстрады и брали ее съ бою; кто скорѣе заберется на эстраду, тотъ и поетъ раньше. Несмотря на это, всѣ желали пѣть въ этихъ концертахъ. Иногда происходили забавныя сцены.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ мы получили приглашеніе въ Гринвичъ. Приглашеніе было сдѣлано главнымъ строителемъ англійскаго флота „the chief constructor of the english navy“. Этотъ обѣдъ называется the white bait dinner. While bait, маленькая рыбка, очень похожа на нашего снятка. Ее подаютъ три раза во время обѣда, который длится три часа. Мясо, птица, котлеты имѣютъ только форму названныхъ блюдъ, но все сдѣлано изъ рыбы, а снятки всякій разъ подаются съ усиленной приправой каенскаго перца. Къ счастью, за десертомъ подавались великолѣпные фрукты, которые не напоминали рыбы.

Въ день отъѣзда мы получили приглашеніе на обѣдъ отъ „lady and M-г Oldrige“. На пригласительной картѣ былъ напечатанъ съ лѣвой стороны ихъ лондонскій адресъ, а съ правой „High Africa“. По случаю отъѣзда мы туда не попали.

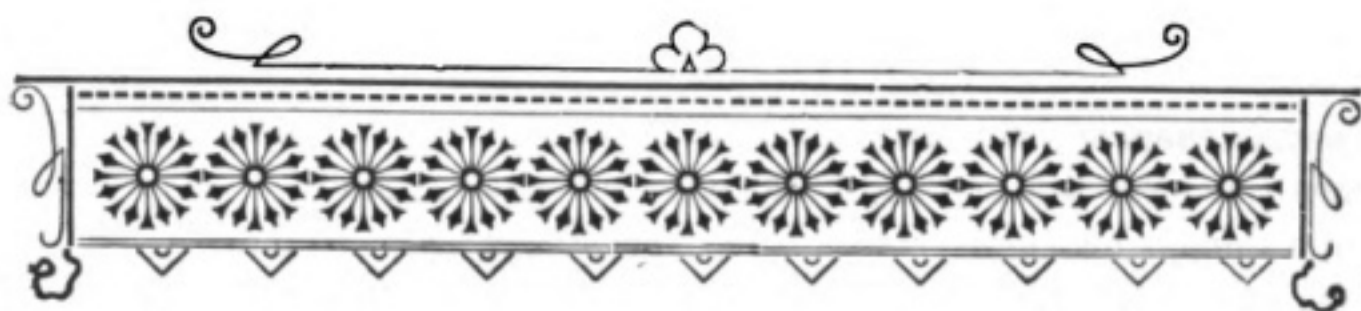
Съ горестнымъ чувствомъ уѣзжала я изъ Лондона, предупреждая директора, что, вѣроятно, я не вернусь, хотя контрактъ мой заключенъ былъ на 7 лѣтъ. До возвращенія домой мы пробыли нѣсколько времени въ Висбаденѣ, куда пріѣзжалъ нарочно режиссеръ Гаррисъ уговаривать меня вернуться въ Лондонъ на будущее лѣто. Рѣшать ничего нельзя было; все, конечно, зависѣло отъ обстоятельствъ.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ случилось то, чего никто изъ насъ не могъ ожидать. Г-нъ Л. такъ беззастѣнчиво хозяйничалъ по администраціи ввѣреннаго ему дѣла, что была прислана изъ Петербурга комиссія для разслѣдованія театральныхъ безпорядковъ. Въ чемъ именно состояли эти злоупотребленія, не всѣмъ было извѣстно; въ хаосѣ счетовъ, жалобъ, разобраться не было возможности.

Одному буфетчику по личнымъ счетамъ г-нъ директоръ задолжалъ 5.000 р.; изъ мастерскихъ брали парчу, бархатъ, но по счетамъ портные удовлетворены не были. Словомъ, было приказано слѣдствіе прекратить, а г. Л. предложили въ 24 часа убраться, и онъ былъ лишенъ званія камеръ-юнкера.

Артисты, приглашенные на слѣдующій сезонъ, были извѣщены, что итальянская опера въ будущую зиму въ Москвѣ не откроется, и ихъ услуги не понадобятся; на это они должны были согласиться, такъ какъ въ контрактахъ было сказано, что, въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, ихъ контракты могутъ терять свою силу. Такимъ образомъ итальянскіе артисты разошлись по разнымъ сценамъ Европы, только кафе-шантанная пѣвица и я остались не у дѣла.

И. И. Оннорé.

Депутатъ отъ Россіи.

(Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой).

Г Л А В А II¹⁾.

П л о д ы ж е р т в ы.

Смерть Николая Кирѣева и другихъ русскихъ добровольцевъ, послѣдовавшихъ его примѣру, произвела въ Россіи такое же впечатлѣніе, какое болгарскія жестокости произвели въ Англии. Двѣ трагедіи: одна героическая, другая невыразимо возмутительная, измѣнили карту Восточной Европы. Слѣдующія выдержки изъ рѣчи Аксакова въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ (6-го ноября 1876 г.) представляютъ какъ нельзя болѣе вѣрно современную дѣйствительность.

Аксаковъ началъ съ объясненія, что Славянскій Комитетъ былъ основанъ съ чисто-благотворительными цѣлями. Когда генераль Черняевъ, въ сентябрѣ 1875 г., предложилъ взять пятьдесятъ не состоящихъ на службѣ офицеровъ, чтобы оказать помощь черногорцамъ, у комитета не было средствъ. Не ранѣе марта 1876 г., могъ онъ собрать 6.000 рублей, чтобъ послать Черняеву въ Сербію. Начались турецкія звѣрства въ Болгаріи, пожертвованія деньгами и вещами потекли со всѣхъ сторонъ. Не нужно было особыхъ усилій, чтобъ возбудить русскія симпатіи и состраданіе. Для русскихъ не существовало болѣе популярнаго врага, какъ турокъ.

„Сербская война началась. Съ замираніемъ сердца, Россія слѣдила за неравной борьбой между маленькой православной страной (меньше пространствомъ, чѣмъ Тамбовская губернія) съ многочисленной арміей, составленной изъ азіатскихъ ордъ, разсѣянныхъ на трехъ четвертяхъ земного шара. Но когда сербская армія по-

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

терпѣла первое пораженіе, когда на почву пробужденнаго народнаго чувства упала, такъ сказать, первая капля русской крови, когда совершилось первое дѣло любви, когда первая чистая жертва была принесена за вѣру и братьевъ Россіи, въ лицѣ одного изъ ея сыновъ, тогда содрогнулось сознание всей Россіи.

Сначала, какъ и въ послѣдствіи, Московскій Славянскій Комитетъ не разсылалъ приглашеній для привлеченія добровольцевъ. Одинъ за другимъ являлись отставные офицеры за совѣтомъ и указаніями, какъ отправиться въ Сербію и поступить въ армію подъ командою Черняева. Извѣстіе о смерти Кирѣева, перваго русскаго добровольца, павшаго на войнѣ, вызвало тысячи подражателей. То же повторялось по полученіи извѣстій о другихъ убитыхъ русскихъ добровольцахъ. Смерть не утрашала, а какъ бы привлекала ихъ. Въ началѣ движенія добровольцы были бывшіе военные и въ большинствѣ случаевъ дворяне. Помню, какое искреннее волненіе я испыталъ, когда ко мнѣ пришелъ первый сержантъ съ просьбой послать его въ Сербію, такъ ново было для меня существованіе подобнаго чувства въ народѣ. Это чувство разрослось вскорѣ до того, что не только старые солдаты, но и мужики стали приходить ко мнѣ съ тою же просьбою. И какъ смиренно они настаивали въ своей просьбѣ, какъ будто бы просили милостыни. Со слезами, на колѣняхъ упрашивали они меня послать ихъ на поле сраженія. Большинство крестьянскихъ просьбъ было удовлетворено, и Вы бы посмотрѣли на ихъ радость при объявленіи имъ рѣшеній.

Однако сцены эти такъ умножились и дѣлъ столько накоплялось, что не было никакой возможности наблюдать за выраженіемъ народнаго чувства или входить въ подробности причинъ, заставляющихъ добровольцевъ идти. „Я рѣшилъ умереть за вѣру. Сердце у меня горитъ“. „Я хочу помочь нашимъ братьямъ. Нашихъ убиваютъ“. Таковы были краткіе отвѣты, даваемые спокойно, искренно. Я повторяю, что не было и быть не могло корыстолюбивыхъ цѣлей у добровольцевъ. По крайней мѣрѣ я, добросовѣстно, предупреждалъ cadaго о тяжелой судьбѣ, его ожидающей, и дѣйствительно съ перваго взгляда никакой особенной выгоды не являлось. Каждый получалъ пятьдесятъ рублей, изъ которыхъ 35 р. стоилъ проѣздъ черезъ Румынію, остальные на пищу и другія надобности. Наконецъ движеніе достигло такихъ размѣровъ, что мы должны были учредить особый отдѣлъ для принятія добровольцевъ и для разсмотрѣнія ихъ требованій и показаній“.

Сэръ Д. Макензи Уолласъ въ его популярной и классической книгѣ о Россіи такъ говоритъ о вліяніи смерти Николая Кирѣева на національное и религіозное чувство въ Россіи:

„Сербы начали подвигаться впередъ, но вскорѣ должны были отступить. Пришло извѣстіе, что русскій убитъ. Николай Кирѣевъ, бывшій гвардейскій офицеръ, хорошо извѣстный въ Москвѣ и въ Петербургѣ, палъ смертельно раненый въ то время, какъ онъ храбро велъ своихъ солдатъ въ Зайчаръ, и тѣло его, какъ говорятъ, было звѣрски изувѣчено турками. Это, конечно, произвело глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, кто лично былъ знакомъ съ Кирѣевымъ; но странно, что впечатлѣніе, произведенное его смертью на низшіе классы, которые никогда о немъ не слыхали, было еще гораздо сильнѣе. Событіе это украсилось народнымъ воображеніемъ и возбудило старыя воспоминанія и старыя страсти, давно дремавшія. Другіе русскіе пали, а энтузіазмъ росъ. Между тѣмъ турки совершили свою великую ошибку. Когда всѣ взоры были устремлены на Моравію и на Тимокъ, раздались вопли на заднемъ планѣ, всѣ, у кого было чувство человѣчности, были поражены ужасной картиной, которую представляли болгарскія села въ мирной долинѣ Марицы.

„Но рассказы о смертельной борьбѣ съ мусульманами, рассказы о рѣзнѣ, о рабствѣ, о безжалостномъ разореніи православныхъ деревень ордами дикихъ магометанъ, это производитъ на русскихъ совсѣмъ иное дѣйствіе. Старый духъ, завоевавшій шагъ за шагомъ степь отъ кочевыхъ племенъ, еще не угасъ, и рассказы немногихъ, возвратившихся съ торговли невольниками въ Крымъ, еще не были забыты. Какъ въ старину, простой русскій человѣкъ спѣшилъ взять топоръ и бѣжать спасать, когда слышалъ крикъ: „татары идутъ на насъ. Нашихъ убиваютъ“, такъ тотъ же человѣкъ и въ наше время готовъ идти на выручку, когда услышитъ крикъ православныхъ своихъ братьевъ за Дунаемъ.

Образованные классы не имѣютъ воспоминаній о татарскомъ варварствѣ, этой православной ненависти къ грабителю бусурманину, но у нихъ большой запасъ чувства гуманности, на которое болгарскія жестокости произвели одинаковое дѣйствіе. Какъ ни странно покажется тѣмъ, кто придерживается старыхъ понятій о русскомъ дворянствѣ, я долженъ сказать, что не знаю такой корпораціи людей, которые были бы болѣе чувствительны къ понятію о челоѣколюбіи, какъ русскіе образованные классы. Ихъ челоѣколюбіе не выдерживаетъ можетъ быть ежедневной жизни и склонно со временемъ испаряться, въ извѣстной степени, но пока оно существуетъ, оно очень сильно и можетъ повести ихъ на большія жертвы. Въ добавокъ къ этой силѣ существовали еще идейныя побужденія, несомнѣнно очень неопредѣленныя, но тѣмъ не менѣе очень могучія. Идея, за которую люди воюютъ

и умирають, не дѣлается хуже отъ того, что она неопредѣленна ¹⁾“.

Въ письмѣ ко мнѣ изъ Петербурга 13-го іюня 1878 г., черезъ два года послѣ смерти ея брата, Ольга Алексѣевна говоритъ:

„Я вижу съ благодарностью и восхищеніемъ, какъ живо помнить о моемъ братѣ печать. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ описанъ вечеръ, на которомъ собрались знакомые, чтобъ провести нѣсколько послѣднихъ часовъ съ молодымъ добровольцемъ, отправлявшимся въ Сербію. Всѣ были полны надеждъ и энтузіазма. Мой братъ слушалъ все время, иногда качая головой въ знакъ одобренія. Наконецъ одинъ молодой человекъ воскликнулъ: „Если мы побѣдимъ...“ Николай его поправилъ. „Скажите: когда мы побѣдимъ“. Авторъ статьи прибавляетъ: я никогда не забуду это благородное милое лицо, когда онъ говорилъ эти пророческія слова. Онъ внушалъ довѣріе всѣмъ сомнѣвающимся. Онъ точно былъ Богомъ вдохновенъ. Въ корреспонденціи изъ Болгаріи я нашла на-дняхъ описаніе нѣкоторыхъ болгаръ, видѣвшихъ Николая за нѣсколько дней до его славной смерти. Бѣдные люди не могли говорить о нашемъ дорогомъ Кирѣевѣ безъ слезъ, повторяя: да, онъ былъ добръ ко всѣмъ его окружавшимъ, онъ былъ самоотверженъ до послѣдней степени и никогда не думалъ о собственной опасности“. Какъ много я встрѣчаю людей, которые просятъ меня написать о немъ. Но это выше моихъ силъ. Николай былъ часть моей души. Онъ былъ, какъ и мой братъ Александръ, само благородство и доброта. Смерть его, дѣйствительно, была какъ бы логическимъ результатомъ его жизни. Говоря о немъ съ Александромъ, я замѣчала много лѣтъ тому назадъ: знаешь ли, у нашего Николая натура героя. Но невыразимо тяжело увидѣть такъ рано конецъ этой жизни.

Въ 1891 году Ольга Алексѣевна такъ писала о національномъ энтузіазмѣ къ южнымъ славянамъ.

„1876 и 1877 годы составили великую страницу въ русской исторіи—годы настоящаго крестоваго похода, въ нашъ прозаическій, матеріалистическій девятнадцатый вѣкъ. Толпы русскихъ, бросающихся на почти вѣрную смерть, въ геройской защитѣ своихъ угнетенныхъ и безоружныхъ братьевъ на Востокѣ, громадныя суммы, предлагаемыя съ добровольной и безпечной щедростью, удивляли всѣхъ иностранцевъ, бывшихъ свидѣтелями необыкновеннаго энтузіазма этого движенія.

Предсѣдатель благотворительнаго Славянскаго общества въ Москвѣ, оплакиваемый нами, Иванъ Аксаковъ, не прибѣгая ни къ

¹⁾ Уоллеса Россія, т. II, стр. 453.

какимъ ухищреніямъ, собралъ болѣе милліона рублей. Общества Краснаго Креста возникали съ волшебной быстротой по всей Россіи. Я живо помню нѣсколько поразительныхъ случаевъ въ это время. Я принадлежала къ Московскому Комитету Краснаго Креста. Наша обязанность состояла въ сборѣ необходимыхъ предметовъ и денегъ для перевязочныхъ пунктовъ. Люди всѣхъ классовъ приходили къ намъ, предлагая кто что имѣлъ подъ рукой. Свѣтскія дамы свои драгоценности, бѣдняки свой мѣдный грошъ. Вотъ случай, тронувшій всѣхъ насъ. Старуха-крестьянка, очень слабая на видъ, въ лохмотьяхъ, хочетъ поговорить съ кѣмъ-нибудь, я подошла къ ней. Она волновалась и нервно старалась развязать маленькій пакетъ, завернутый въ нѣсколько платковъ. „За душу, за душу“, бормотала она. Я вообразила, что она достаетъ свидѣтельство о своей нищетѣ, и мнѣ было жаль ея ошибки. „Не развѣртывай пакета“, я поспѣшила сказать: „вѣрю, что ты бѣдна, и увѣрена, что тебѣ надо помочь, но, милая моя, здѣсь не выдаютъ денегъ, а напротивъ, собираютъ ихъ для раненыхъ и больныхъ на войнѣ. У насъ нѣтъ ничего лишняго“. „Я знаю, знаю“, отвѣтила она нетерпѣливо. „Тутъ все, что я собрала за свою жизнь, здѣсь около трехсотъ рублей, возьмите ихъ за душу ради Христа!“ Мнѣ показалось неправильнымъ лишить бѣдную женщину такой большой суммы, я спросила: „Дѣтей у тебя развѣ нѣтъ?“ „Да, да, одинъ сынъ. Онъ ушелъ, бросилъ насъ. Пошелъ сражаться за вѣру Христову. Возьмите“, и ушла, не желая далѣе терять время на разговоры.

Можно бы легко написать цѣлый фоліантъ такихъ примѣровъ искренняго религіознаго восторга, охватившаго всю страну, всѣ классы, высшіе и низшіе. Но странно, что, за нѣкоторыми исключениями, иностранная печать старалась приписать это движеніе искусственной комедіи, устроенной полиціей напоказъ. Полиція, конечно, имѣетъ власть зажигать фонари на улицахъ, но чтобъ зажигать сердца нужна власть иного свойства.

Смерть Николая Кирѣева и болгарскія жестокости были главными факторами для возбужденія Россіи. Тѣ же причины были главными факторами для возбужденія и поддержанія антитурецкаго энтузіазма въ Англіи. Вліяніе смерти Николая Кирѣева отозвалось черезъ г-жу Новикову на милліоны людей, никогда не знавшихъ до того о его существованіи. Толпы слѣдовали за своими вожаками, и мало было людей изъ антитурецкой партіи, которые бы не чувствовали отблеска вдохновенія, зажженнаго на полѣ битвы при Зайчарѣ.

Ольга Алексѣевна была подавлена извѣстіемъ о смерти брата. Одна идея завладѣла ею: если бы Англія не поощряла Турцію, не было бы войны, и братъ бы мой не умеръ.

Въ существѣ дѣла это было вѣрно. Поступокъ англійскаго правительства, которое отвергнуло Берлинскій меморандумъ, ускорилъ конфликтъ, первою жертвою котораго въ Россіи былъ Николай Кирѣевъ. Ольга Алексѣевна не входила въ подробности, это было инстинктивное женское внушеніе, проникшее въ суть предмета. Она невольно повторяла: если бѣ Гладстонъ былъ у власти, мой братъ бы не умеръ.

Въ мрачномъ душевномъ ея настроеніи эта мысль сверкала какъ звѣзда во тьмѣ. Какъ только она стала въ силахъ взять въ руки перо, она писала длинныя, страстныя письма всѣмъ своимъ англійскимъ друзьямъ, укоряя ихъ, какъ виновниковъ судьбы ея брата.

„Не будь поддержки Англій турку, я бы не лишилась брата“, говорилось въ каждомъ ея письмѣ.

Она писала Кинглеку и Вилльерсу, самымъ постояннымъ своимъ корреспондентамъ, Гладстону, сэръ Вильяму Гаркорду, профессору Тиндалю и многимъ другимъ, повторяя каждому и всѣмъ свои жалобы и обвиняя англійскую политику въ покровительствѣ Турціи, какъ причину кровопролитія на Востокѣ.

Предисловіе Кинглека, приведенное въ предыдущей главѣ, служитъ доказательствомъ, какое сильное впечатлѣніе произвело горе сестры о потерѣ брата на всѣхъ ея друзей. Ольга Алексѣевна указывала на нес, какъ на одну изъ многочисленныхъ жертвъ, приносимыхъ, время отъ времени, славянами на алтарь британскихъ интересовъ, изображала собой свое поколѣніе. *Ex uno disce omnes*. Эта подавленная горемъ женщина была представительницей сотенъ тысячъ русскихъ женщинъ, которыя, поколѣніе за поколѣніемъ, видѣли своихъ братьевъ, мужей, отцовъ и сыновей жертвами того, чтобы турокъ сохранилъ неприкосновенно и неудержимо свое право рѣзней управлять братьями-христіанами. Всѣ, конечно, знали, что это всегда было и всегда будетъ такъ, пока Англія, поддерживая тронъ султана, будетъ видѣть въ этомъ свою выгоду. Но читать или воображать несчастье издалека дѣйствуетъ иначе, чѣмъ быть очевидцемъ его, или видѣть молодую, прекрасную женщину, которой вы восхищаетесь и которую уважаете, пораженную неутѣшнымъ горемъ. Мы уже видѣли, какое она имѣла вліяніе на Кинглека, этого свѣтскаго, анти-русскаго человѣка. Можно легко себѣ представить, какъ сильно было вліяніе ея на болѣе чувствительные темпераменты, уже расположенные не въ пользу турокъ. Благородная личность Николая Кирѣева, геройски умершаго за свободу, стала для милліоновъ людей символомъ обновленной Россіи, съ которой друзьямъ свободы въ Англій возможно было вступить въ братскій союзъ.

Если бы Ольга Алексѣевна не жила въ Лондонѣ, дѣйствіе, произведенное смертью ея брата, могло бы быть временнымъ, могло бы даже показаться болѣе или менѣе миѳическимъ. Но ея присутствіе уничтожало всякій скептицизмъ. Всякій чувствовалъ, что геройское самопожертвованіе было присуще брату такой женщины, но она всегда утверждала, что ея братъ былъ настоящій тицъ русскаго человѣка, чѣмъ не мало содѣйствовала къ открытію благороднѣйшаго элемента въ русскомъ народѣ, сдѣланному англійской публикой — открытію, бывшему главнымъ факторомъ, парализовавшимъ воинственные происки лорда Биконсфильда въ 1876—1878 г.

Мы помнили, что Байронъ умеръ въ Миссолонги за независимость Греціи, и мы краснѣли при мысли, что Гобартъ и Бекеръ наемники въ Турціи въ то время, когда лучшіе сыны Россіи умирали, какъ герои, защищая заолоненную Сербію. Въ теченіе всего этого критическаго и труднаго времени, начавшагося съ болгарскихъ жестокостей въ маѣ 1876 г. и кончившагося конгрессомъ въ Берлинѣ, память о геройствѣ русскихъ добровольцевъ въ Сербіи была неистощимымъ источникомъ, въ которомъ лидеры Гладстоновскаго движенія черпали довѣріе и силы для борьбы и пораженія того джингоистскаго миѳа, что все дѣло Болгаріи было искусственно создано русскимъ правительствомъ съ цѣлью украдкой совершить походъ на Константинополь. По мѣрѣ того, какъ нѣсколько увядало воспоминаніе объ рѣзнѣ въ Болгаріи, русскіе добровольцы вновь вдохновили милліоны людей въ Англіи, которые въ первый разъ пришли къ сознанію, что Россіи, а не Англіи провидѣніе сулило пальму первенства на Востокѣ. вмѣсто прежней привычки во всемъ противорѣчить Россіи явился благородный духъ соревнованія къ ея добрымъ дѣламъ національности и человѣколюбія. Г-жѣ Новиковой принадлежитъ исключительная заслуга ознакомить въ эту критическую минуту англійскій народъ съ идеальной стороной русской жизни, и всякій, кто слѣдилъ за внутреннимъ народнымъ движеніемъ, другъ или врагъ, признавалъ ея вліяніе неизмѣримо полезнѣе для Россіи и пагубнѣе для руссофобскѣй политики лорда Биконсфильда, чѣмъ всѣ дипломатическія дѣйствія официальнаго посланника въ Чешамъ-плесъ.

Ея любовь къ брату и патриотическій энтузіазмъ сдѣлали то, что геройская тѣнь Николая Кирѣева служила ангеломъ хранителемъ славянскаго дѣла въ странахъ и народахъ, далекихъ отъ раздора и вражды. Агитаторы и рыцари Сентъ Джемсъ Хола и сѣвера боролись съ большимъ мужествомъ и набожной вѣрой, потому что отъ нея они знали, что жили и умирали такіе люди, какъ Николай Кирѣевъ. Это вдохновеніе нисколько не уменьшалось тѣмъ фактомъ,

что официальная Россія, въ лицѣ посла Новикова въ Вѣнѣ и графа Шувалова въ Лондонѣ, смотрѣла весьма недружелюбно на русскихъ добровольцевъ и далеко не поддерживала ихъ. Это была борьба между двумя посольствами и одной женщиной. Лишенная всякой помощи извнѣ, она руководилась своимъ твердымъ убѣжденіемъ и нравственной силой. Союзники несомнѣнно хорошіе.

Въ письмѣ къ сэръ В. Гаркорду она прибавила нѣсколько словъ благодарности по поводу его рѣчи о восточномъ вопросѣ передъ самымъ открытіемъ парламента.

Онъ отвѣчалъ:

27 августа 1876 г.

„Дорогая г-жа Новикова, Ваше письмо дошло до меня только вчера, въ Шотландіи, куда я пріѣхалъ отдохнуть послѣ сессіи. Мнѣ очень пріятно, что лицо, такое освѣдомленное въ европейскихъ дѣлахъ, какъ Вы, одобрило мою рѣчь, которую я нашелъ нужнымъ ясно изложить до роспуска парламента. Вы можете быть увѣрены, что мнѣніе Англій очень измѣнилось относительно Восточнаго вопроса, и что болгарскія происшествія возбудили такое чувство негодованія, къ которому теперь ни одно правительство не можетъ отнестись съ пренебреженіемъ. Надѣюсь, что въ скоромъ времени результаты этого будутъ ощущаемы; прекратятся скандальныя сцены и приняты будутъ мѣры, чтобъ отнять у турокъ возможность ихъ повторенія. Я самымъ искреннимъ образомъ сочувствую Вашей личной потерѣ, которая заставляетъ Васъ принимать всѣ эти событія такъ близко къ сердцу. Вамъ искренно преданный

Гаркордъ.

Лордъ Непиръ Этрикъ написалъ ей два письма въ нѣсколько болѣе туркофильскомъ духѣ.

„Понедѣльникъ:—я пріѣду, чтобъ быть съ Вами. Я хотѣлъ писать Вамъ съ той минуты, какъ узналъ о потерѣ Вашего брата въ Сербскую войну, чтобъ выразить мое глубокое сочувствіе Вашей семьѣ, которая, я думаю, отождествляетъ себя съ христіанскимъ дѣломъ. Я, конечно, не раздѣляю этихъ чувствъ, какъ англичанинъ и дипломатъ, но я понимаю и уважаю ихъ въ русскомъ и военномъ человѣкѣ.

„Вторникъ. Очень трогательно описаніе смерти Вашего бѣднаго брата, и дѣйствіе, произведенное ею на симпатіи русскаго народа, дѣлаетъ честь Вашему имени. Онъ заслуженно будетъ считаться мученикомъ своей націи. Я понимаю Ваши чувства, хотя сознаю, что долженъ вращаться въ кругу англійскихъ національныхъ интеле-

ресовъ, которые заключаются въ политикѣ Пальмерстона, Абердина, Дизраели, а не въ стремленіяхъ Гладстона, какъ бы они ни были блестящи и великодушны.

Полковникъ Ноксъ писалъ 11-го января изъ Марлборо-клуба:

„Дорогой Кинглекъ. Я долженъ благодарить Васъ за живое описаніе смерти Николая Кирѣева, которое несомнѣнно произвело на воображеніе русскихъ еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на мое. Я вполне могу себѣ представить, что такой рассказъ въ такое время могъ повторяться въ крестьянскихъ избахъ, среди покрытыхъ снѣгомъ степей, и настроить воинственно ихъ умы.

Довѣрчивый энтузіазмъ русскаго народа, конечно, много значитъ при теперешнихъ обстоятельствахъ, но я не могу отказаться отъ мысли, что честолюбіе меньшинства возьметъ верхъ надъ движеніемъ толпы, и что борьба эта кончится совсѣмъ не романтически“.

Она не окончилась такъ, какъ предсказывалъ полковникъ Ноксъ. Она окончилась освобожденіемъ Болгаріи и полной независимостью Сербіи и Румыніи. Она даже освободила Македонію, но эта несчастная страна снова подпала подъ турецкую тираннію не по недостатку энтузіазма въ Россіи, а для того, чтобъ лордъ Биконсфильдъ могъ привезти изъ Берлина „свой миръ съ честью“.

Всѣ, кому писала Ольга Алексѣевна, отвѣтили въ самыхъ почувствованныхъ выраженіяхъ, за однимъ исключеніемъ, а этотъ отвѣтъ былъ самый важный. Гладстонъ молчалъ. Отъ человѣка такой безупречной вѣжливости съ его готовымъ сочувствіемъ и интересомъ, доказаннымъ имъ въ старокатолическомъ вопросѣ, она не могла себѣ объяснить этого молчанія. Гладстонъ однако не имѣлъ намѣренія ее огорчить. Онъ понималъ, какъ банальны и пусты личныя выраженія соболѣзнованія. Ея письмо затронуло струну, на которую соответственный отвѣтъ было дѣйствіе, а не слова сочувствія. Нельзя конечно сказать, въ какой мѣрѣ письмо г-жи Новиковой внушило его статью о болгарскихъ ужасахъ. Возможно, что статья эта была бы написана, если бы даже Николай Кирѣевъ не пожертвовалъ жизнью за славянское освобожденіе, или, если бы Ольга Алексѣевна не обратилась съ своимъ страстнымъ воззваніемъ и порицаніемъ, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что полученіе письма этой русской женщины въ ту минуту, когда онъ испытывалъ то же чувство, что его соотечественники, порывъ ужаса, созданный письмомъ Мак-Ганана, много прибавило жару и гнѣва, съ которыми Гладстонъ обвинилъ политику Бикосфильда. Написавъ эту брошюру, онъ не только исполнялъ свой долгъ, долгъ передъ оскорбленнымъ человѣчествомъ, онъ также удовлетворялъ своему рыцарскому харак-

теру, предлагая самое цѣлебное средство для сокрушеннаго сердца сестры Николая Кирѣева. Статья была написана и копія ея прислана г-жѣ Новиковой изъ Гауардена въ сентябрѣ. При ней было слѣдующее письмо отъ г-жи Гладстонъ.

8 сентября 1876 г.

„Дорогая мадамъ Новикова. Мой мужъ, поглощенный въ эту минуту дѣлами, поручаетъ мнѣ написать и выразить Вамъ наше искреннее сочувствіе въ Вашей великой потерѣ. Мы знаемъ, что такое лишиться любимаго брата, но мы также умѣемъ, какъ Вы, восхищаться прекрасной, безкорыстной жизнью, увѣнчанной вѣчной славой. Вы уже, вѣроятно, прочли отвѣтъ на Вашъ вопросъ о Болгаріи, въ статьѣ мужа, въ газетахъ. Англія, какъ видите, наконецъ, пробудилась изъ своей летаргіи. Дѣйствительно ужасно то, что происходило доселѣ. Еще разъ, увѣряя Васъ въ нашемъ сердечномъ горѣ о Вашемъ горѣ, искренно преданная Вамъ

Екатерина Гладстонъ.

Въ настоящее время кажется невѣроятнымъ, но въ 1876 г. многіе умные люди думали, что Славянское общество было одно изъ тайныхъ учрежденій, завладѣвшихъ воображеніемъ Дизраели. Нѣкоторые смѣшивали даже славистовъ съ нигилистами. Сэръ Д. М. Уолласъ нашелъ нужнымъ разъяснить, что трудно себѣ вообразить что-нибудь менѣе тайное и революціонное, по крайней мѣрѣ, какъ Московскій славянскій комитетъ.

Чтобъ побороть это заблужденіе, Ольга Алексѣевна перевела на англійскій языкъ и издала въ Англии обращеніе Аксакова къ славянскому комитету въ Москвѣ, по поводу Восточной войны ¹⁾. Изъ безчисленныхъ статей, вышедшихъ въ печати, во время этого кризиса, первое мѣсто принадлежитъ статьѣ Гладстона объ ужасахъ въ Болгаріи, и я считаю, что второе принадлежитъ этой брошюрѣ

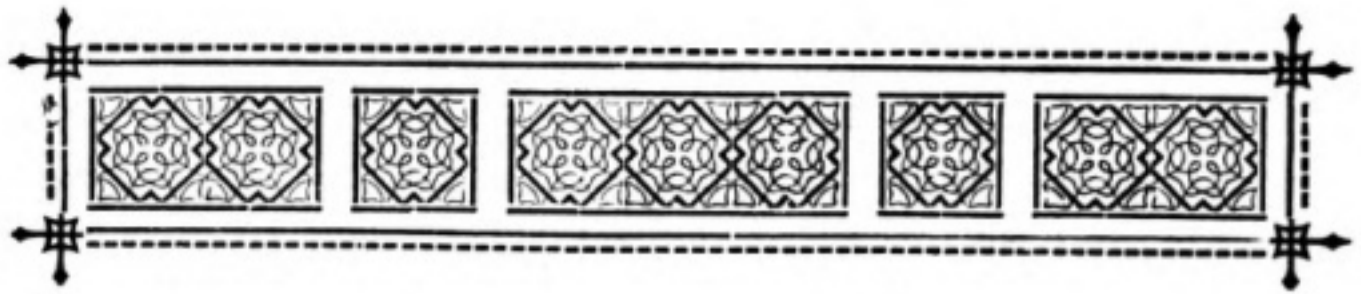
¹⁾ Въ выноскѣ С. Д. Уолласъ такъ говоритъ объ этомъ изданіи: „Образъ дѣйствія комитета и народное движеніе, которымъ онъ нѣкоторымъ образомъ руководилъ, были вѣрно описаны въ рѣчи Ивана Аксакова въ собраніи Московскаго отдѣленія 21-го октября—6-го ноября. Эта рѣчь, переведенная на англійскій языкъ и напечатанная въ сокращенной формѣ русской дамой, обратила уже на себя вниманіе англійской прессы. Сравнивъ переводъ съ оригиналомъ, я могу установить, что много ненужныхъ подробностей и естественныхъ выраженій патріотическихъ чувствъ были сокращены, но ни одинъ важный фактъ не пропущенъ. Что касается достовѣрности свидѣтельства, я могу прибавить, что я давно зналъ Аксакова и ни въ одной странѣ не встрѣтилъ болѣе честнаго и правдиваго человѣка“.

г-жи Новиковой. Она заставляет факты говорить за себя, не комментируя ихъ. Ея статья не что иное, какъ передача блестящей краснорѣчивой рѣчи Аксакова къ славянскому комитету, но она дала англійской публикѣ именно то, что было нужно въ этомъ случаѣ. Подлинное выраженіе несомнѣнной истины, вылившейся изъ русскаго сердца Сочувствующіе борьбѣ за свободу на Балканахъ читали ее съ восхищеніемъ, потому что чувствовали въ ней единеніе востока съ западомъ. Аксаковъ, хотя не говорилъ словами Гладстона, но выражалъ тѣ же чувства и еще болѣе горячо, и рѣчь его болѣе, чѣмъ что-либо другое, утвердила и усилила убѣжденіе либераловъ, въ томъ что они преслѣдовали здоровую политику, отвергая турецкія соглашенія и сосредоточивая свои надежды на искреннемъ союзѣ съ русскимъ народомъ.

Въ концѣ года Ольга Алексѣевна послала эту брошюру въ 12 страницъ Гладстону. Это былъ для него новогодній подарокъ.

Сообщено Е. С. М.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава VI¹⁾.

Мы выехали изъ Смирны на разсвѣтъ и къ часу дня плавно вошли на Хіосскій рейдъ.

Прежде чѣмъ сойти на берегъ, лучше я сразу предположу дальнѣйшему разсказу краткое описаніе географическаго положенія острова, а также населенія и климата его для того, чтобы не возвращаться впоследствии къ тому же.

Столица Хіоса, городокъ Кастро, расположенъ въ глубинѣ обширной бухты съ открытымъ выходомъ въ Эгейское море.

Островъ этотъ—собственно сѣверная часть его—прямо удивительный и должно быть единственный уголокъ на крайнемъ югѣ Европы по своему необыкновенно прохладному климату.

Въ то время, какъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ на нѣсколько градусовъ выше его, все живущее изнемогаетъ отъ убійственнаго зноя, здѣсь не ощущается никакой жары, несмотря на близость Африки и Аравіи. Такому необыкновенно благоприятному явленію страна всецѣло обязана высокому горному хребту, который заслоняетъ ее съ юга отъ огненнаго дыханія Сахары. Свѣжій вѣтеръ съ сѣвера также не мало способствуетъ охлажденію воздуха.

Прекрасный, дивный край; но почти не посѣщаемъ туристами. И напрасно! Природа и жизнь Хіоса могли бы вызвать заслуженное вниманіе европейца: подъ шатромъ всегда синяго неба, въ панорамахъ горъ, убранныхъ зеленою масляныхъ и мастиковыхъ роцъ, долинъ, покрытыхъ розами, съ вѣчно плещущими у береговъ его яркими красками Эгейскихъ волнъ, съ очаровательными эффектами

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1910 г.

восходовъ и закатовъ,—онъ увидѣлъ бы другой міръ, уголокъ рая и забылъ бы о модныхъ, избитыхъ, курортахъ.

Населеніе по преимуществу греческое; занимается разведеніемъ плантацій и вывозитъ за границу прекрасныя произведенія щедрой тамъ природы, какъ-то: апельсины, лимоны, самые сладкіе въ мірѣ мандарины, оливковое и розовое масло; но больше всего мастики.

Католическая колонія левантинцевъ также велика; но количество турокъ сравнительно съ туземнымъ населеніемъ прямо ничтожно. Здѣсь всему даютъ тонъ греки, какъ самая многочисленная и богатая народность.

Не дурию чувствуютъ себя и прочіе христіане: надо только внимательнѣй присмотрѣться къ обстановкѣ ихъ быта, чтобы задать себѣ вопросъ: изъ чего, собственно, европейская пресса проливаетъ крокодильевы слезы объ участи подданныхъ оттоманской державы.

Все только-что сказанное не относится, конечно, къ славянамъ: то уже, какъ говорится, „особая статья“,—рѣчь идетъ о „коренной Турціи“ съ ея архипелагами.

Поживите нѣсколько лѣтъ, какъ я, въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя я описываю сейчасъ, и вы придете, подобно мнѣ, къ тому же выводу, что не турки угнетаютъ христіанъ, а послѣдніе турокъ.

На эту тему мнѣ придется бесѣдовать съ читателемъ еще не разъ, а теперь пора подѣхать и высадиться на берегъ, что я и дѣлаю.

Г л а в а VII.

Въ Хіосѣ нѣтъ гавани — пароходы останавливаются на открытомъ рейдѣ и сообщаются съ берегомъ посредствомъ лодокъ и кайковъ.

Когда „Владиміръ“ бросилъ якорь, то къ нему приблизился небольшой баркасъ, наполненный пассажирами. Пріѣхавшіе, съ ловкостью обезьянъ, что такъ свойственно приморскимъ жителямъ, вскарабкались на палубу и радостно привѣтствовали моихъ родныхъ съ благополучнымъ возвращеніемъ домой. Потомъ взоры прибывшихъ обратились въ мою сторону, и всѣ заговорили со мной на своемъ „галика“; но, узнавъ, что я совершенно не знакома съ этимъ жаргономъ, отступили отъ меня съ огорченными лицами.

Одинъ изъ нихъ, пожилой грекъ, желая все-таки сказать мнѣ что-нибудь пріятное, воскликнулъ, подмигивая глазомъ: „о, руссь карошъ, карошъ руссь!“

Говорившій такъ хорошо по-русски оказался драгоманомъ нашего вице-консульства и не зналъ другихъ языковъ, кромѣ своего родного. Онъ былъ очень богатъ, но числился въ штатѣ только ради общественнаго положенія.

Остальные были греки коммерсанты, милліонеры, какъ объяснила мнѣ Магіе, и знакомствомъ ихъ очень надо было дорожить, такъ какъ они давали грузъ нашимъ пароходамъ, а слѣдовательно и доходъ Обществу, агентомъ котораго состоялъ мой дядя, какъ сказано выше.

Мы перешли въ каякъ и черезъ нѣсколько минутъ подошли, къ моему великому изумленію, совсѣмъ вплотную къ нижнему этажу дома, фундаментъ котораго омывался волнами моря. Это было помещеніе для агентства и кабинетъ вице-консульства.

Дверей здѣсь не полагалось, такъ какъ вода проникла бы во внутрь зданія, а потому входили сюда прямо съ лодки черезъ окно.

Этимъ же путемъ и мы пробрались въ контору, а оттуда по внутренней лѣстницѣ наверхъ.

Противоположный фасадъ дома съ параднымъ ходомъ и балкономъ выходилъ на широкій бульваръ, обсаженный громадными кактусами и столѣтниками.

Итакъ мы поднялись во второй этажъ и вошли въ нашу квартиру. Я подошла къ окну и ахнула отъ восторга: подобная феерія не снилась мнѣ и во снѣ. То, что теряло въ живописности своей съ палубы, предстало вдругъ, какъ дивное, волшебное видѣніе.

Предо мной раскинулось темносинее, какъ сапфиръ, и спокойное на этотъ разъ Эгейское море. Жаркое солнце, заглядывая въ прохладную глубину его, косыми лучами своими рисовало на немъ золотые узоры.

— Риза изъ синей парчи, шитая блестками,—шепчу я невольное сравненіе и отказываюсь вѣрить, что морская вода безцвѣтна. Мнѣ хочется, не шутя, зачерпнуть этой влаги и убѣдиться, что она не подкрашена индиго, и я собираюсь взять съ умывальнаго стола кувшинъ, чтобы на веревочкѣ спустить его внизъ; но вошедшая Магіе не одобряетъ моего намѣренія и спрашиваетъ, довольна ли я комнатою?

— Ахъ, тетя!—говорю я восторженно,—неужели это дивное въ голубой ризѣ море всегда будетъ передо мной?! Я видѣла воды Босфора и Золотого рога; но развѣ можно сравнить ихъ вотъ съ этимъ великолѣпіемъ!—

— Ты, кажется, воображаешь, что оно всегда такое милое и нарядное? нѣтъ! тебѣ придется нѣсколько разочароваться въ немъ, когда наступятъ дни равноденственныхъ бурь. А теперь возьми бинокль и смотри вотъ въ ту сторону горизонта,—продолжала она, указывая на небольшое возвышеніе, еле видимое въ туманныхъ контурахъ далеко за предѣлами бухты,—тамъ сохранилась и по сіе время пещера, гдѣ, по преданіямъ, великій Гомеръ писалъ свою Иліаду—Хіосъ претендуетъ на честь быть его родиной.

Гомеръ! Иліада!—повторяю я, охваченная восторгомъ и жадно всматриваясь въ силуэтъ историческаго холма.

— Интересно знать,—думается мнѣ въ то же время,—что сказалъ бы нашъ преподаватель исторіи, если бы могъ видѣть ученицу свою, созерцающую пещеру Гомера?—и я принимаю рѣшеніе немедленно написать бывшей классной дамѣ моей о столь счастливомъ для меня событіи и просить ее рассказать объ этомъ всѣмъ въ Институтѣ.

Продолжая обозрѣвать прелестную картину хіосской панорамы, я люблюсь живописнымъ городкомъ, который раскинулся подковою у самаго берега, имѣя позади себя цѣпь высокихъ зеленыхъ горъ. На одномъ концѣ этой дугообразной линіи, выходящей мысомъ въ море, раскинулась обширная старинная цитадель съ ея изящными, тоненькими минаретами и развалинами генуэзскихъ построекъ. Надъ крѣпостными воротами рѣшетъ флагъ съ полумѣсяцемъ и звѣздой. По валамъ расхаживаютъ часовые въ красныхъ фескахъ.

Вотъ на вышкѣ мечети показался муэдзинъ и протяжнымъ, унылымъ выкрикомъ призываетъ мусульманъ къ молитвѣ.

Все это ясно и отчетливо видно и слышно мнѣ: домъ нашъ, откуда я смотрю сюда, расположенъ на другой оконечности подковы города—слѣдовательно, мы ближайшіе къ крѣпости сосѣди.

Подъ сѣнью стѣнъ ея стоятъ на якоряхъ внушительная турецкая эскадра изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ корветовъ. Малѣйшее движеніе на палубѣ кораблей не ускользаетъ отъ наблюденій моихъ. Громадный торговый флотъ греческихъ богачей украшаетъ рейдъ.

По восточному горизонту Хіоса тянется изломанной линіей, пропадая гдѣ-то вдали, суровый пейзажъ Малой Азіи. Горныя громады совсѣмъ подошли къ морю и прячутъ вершины свои въ облакахъ. Это хребетъ Тавра. У подножія его много селеній и знаменитая въ нашей исторіи Чесма. Съ того мѣста, гдѣ я стою, мнѣ кажется, что она купается въ волнахъ. Беру бинокль и различаю даже расположеніе улицъ ея.

Прозрачный морской воздухъ необыкновенно приближаетъ предметы, и я вижу вдали, тамъ, гдѣ небо сливается съ водой, рельефныя очертанія остроконечнаго Самоса—весь онъ закутался въ розовую кисею отъ знойныхъ лучей полуденнаго солнца. Такова иллюзія вида его!

Прелестная картина, которой люблюсь я въ нѣмомъ восторгѣ, просится на полотно художника.

Г л а в а VIII.

Интересенъ былъ второй день моего пребыванія въ Хіосѣ. Тамъ существуетъ такой обычай.

Когда прїѣзжаетъ въ страну новое лицо и поселяется въ ней самостоятельно, или, какъ напримѣръ я, въ знакомой уже всѣмъ семьѣ, то мѣстное общество спѣшитъ на другой же день поздравить его съ благополучнымъ прибытіемъ и оказать ему знаки вниманія, какъ дорогому гостю.

Тѣ, кому новопрїѣзжій отдастъ визиты, будутъ считаться личными его знакомыми и друзьями.

При этомъ, замѣтите, что забраккованные не сочтутъ себя обиженными и при встрѣчахъ очень милы и любезны.

Такова бытовая картинка, и странный обычай этотъ, неизвѣстно, откуда беретъ начало свое—ужь не со временъ ли Гомера?

Такъ было и по отношенію ко мнѣ.

Не взирая на мое несамостоятельное положеніе и возрастъ, женскій персоналъ Хиоса, начиная съ молодыхъ дѣвушекъ и кончая ихъ маменьками, а также дряхлыми бабушками, широкимъ потокомъ хлынулъ съ утра въ нашу пріемную, чтобы привѣтствовать меня, но, главнымъ образомъ, чтобы опредѣлить наши будущія взаимныя отношенія и узнать, кого удостою я своего исключительнаго вниманія. Произошла, по моимъ понятіямъ, очень забавная сценка.

Согласно разъ навсегда выработанному здѣсь этикету для такого случая, не меня представили почтенному собранію, а наоборотъ: какъ и полагалось, я помѣстилась въ центрѣ общества, а Магіе встрѣчала гостей, рекомендовала ихъ мнѣ и переводила наши взаимныя привѣтствія.

Мнѣ было и смѣшно и крайне неловко разыгрывать столь нелѣпую роль; но избѣгнуть церемоніи традиціоннаго визита не было никакой возможности.

Большинство оказались гречанки, знающія только одно „галика“. Были здѣсь и француженки, не умѣющія связать и пару словъ quasi - родного нарѣчія, такія же англичанки, итальянки, австріячки и даже галичанка Стефановичъ, не подозрѣвавшая, въ какомъ уголкѣ земного шара находилась Галиція.

Проще говоря, всѣ онѣ были представительницами той оригинальной помѣси разнообразныхъ народностей, которая извѣстна намъ подъ названіемъ „левантинцевъ“.

Характерная особенность послѣднихъ: непременно вести свое происхожденіе отъ западныхъ расъ, и сохрани Богъ, назвать кого-нибудь изъ нихъ настоящимъ его именемъ—таковой сочтеть себя оскорбленнымъ. Многіе изъ нихъ, несмотря на европейскую кличку, не понимаютъ ни одного слова другихъ нарѣчій.

Только-что сказанное исключительно относится къ христіанамъ аборигенамъ архипелаговъ, такъ какъ весь укладъ жизни острови-

тянь существенно разнится отъ таковаго на материкѣ. Тамъ все сложилось иначе, въ особенности въ портовыхъ городахъ, гдѣ большой наплывъ иностранцевъ, которые и приучили населеніе говорить на многихъ языкахъ, хотя одинаково плохо на всѣхъ.

Итакъ, я сразу познакомилась со всѣмъ обществомъ Хіоса; но, увы! мы не могли понимать другъ друга...

Всѣ искренно огорчены такимъ досаднымъ оборотомъ дѣла и растерянно смотрятъ на меня.

Гречанки волнуются больше другихъ и никакъ не могутъ понять, почему я, образованная дѣвица, не говорю по-гречески, такъ какъ, на сколько имъ извѣстно, въ Россіи изучаютъ классику.

Не соглашаясь съ доводами Магіе, что послѣднее не такъ ужъ важно для женщины, они порицаютъ моихъ наставниковъ за то, что они не позаботились выучить меня языку того народа, отъ котораго русскіе получили свѣтъ религіи и знаній.

Магіе не считаетъ удобнымъ спорить съ потомками Гомера, которые сохранили наивную вѣру, что даже Олимпійскіе боги пользовались ихъ жаргономъ, и ограничивается увѣреніемъ, что въ недалекомъ будущемъ я сама исправлю существенный пробѣлъ въ моихъ познаніяхъ и овладѣю ихъ нарѣчіемъ.

Какъ дамы, такъ и подошедшіе къ тому времени мужчины, остаются очень довольны такимъ отвѣтомъ и, наговоривъ мнѣ массу изысканныхъ комплиментовъ, удаляются, выражая надежду, что я осчастливлю ихъ всѣхъ своимъ посѣщеніемъ.

Черезъ недѣлю, какъ и слѣдовало, я начала отдавать визиты и, конечно, по выбору моихъ родныхъ. Процедура эта растянулась на нѣсколько недѣль. Вездѣ я встрѣчаема была съ одинаковымъ чисто восточнымъ радушіемъ. Варенье и кофе, согласно обычаю, подавались мнѣ раньше другихъ, а я, наученная горькимъ опытомъ въ Константинополѣ у Макѣвой, уже не дѣлала промаховъ, и все шло прекрасно.

Г л а в а IX.

На слѣдующій день послѣ вышеописаннаго я стояла у окна моей комнаты и восхищалась феерическимъ зрѣлищемъ заката солнца. Огненный дискъ лѣниво сползалъ за вершину Тавра, освѣщая морскую зыбъ такими несравненными красками, что думалось поневолѣ: если перенести на полотно всѣ эти переливы водяной радуги, то получится мазня! Ну, кто повѣритъ, что въ природѣ можетъ быть такая прямолинейность: у берега зеленая полоса, дальше синяя, наконецъ, рубиновая, а у подножія гористой Анатолиі желтая съ фіолетовымъ оттѣнкомъ.

*

Бывающіе въ Крыму видѣли, конечно, прелестныя картины восходовъ и закатовъ, но какъ блѣдны показались бы они въ сравненіи съ эффектами Архипелага!

Вдругъ отъ пристани цитадели отчалилъ каякъ и направился къ нашему дому. Въ немъ оказался турецкій офицеръ въ фескѣ и съ эксельбантомъ.

Подойдя вплотную къ нижнему этажу, адъютантъ замѣтилъ меня и, приложивъ руку ко лбу въ знакъ привѣтствія, на чистомъ французскомъ языкѣ спросилъ, можетъ ли вице-консулъ принять его?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ вошелъ въ открытое окно агентства, а оттуда поднялся на верхъ.

— Селимъ Тафти-бей, адъютантъ нашего губернатора, — такъ представилъ его мнѣ дядя.

Красота бея поражала безупречной правильностью своей; но выраженіе лица его произвело на меня отталкивающее впечатлѣніе: что-то дикое и очень злое свѣтилось въ его черныхъ миндалевидныхъ глазахъ, а крѣпко сжатая, блѣдная губы кривились надменной усмѣшкой.

Онъ хмуро поклонился мнѣ и тотчасъ же отошелъ въ сторону.

— Ну, и злюка же должно быть, — вспомнила я кстати самое популярное бранное слово институтокъ; но, тѣмъ не менѣе, невольно залюбовалась великолѣпнымъ профилемъ его, пока онъ разговаривалъ съ Магіе, не обращая на меня ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ мрачный красавецъ собрался уходить.

Онъ любезно простился съ моими родными; но со мной раскланялся издали и очень сухо.

— Какая непріятная личность! — разсердилась я, задѣтая его невниманіемъ, — а важничаетъ-то какъ! подумаешь, какая персона!

Мнѣ стало больно и обидно, когда я сравнила надменное обращеніе его съ той данью восхищенія, которая только-что передъ этимъ воздана была моей личности греческими кавалерами.

— А какъ хорошъ! не правда ли? смѣялся дядя, забавляясь моею досадой, — смотри, не влюбись, племянница, что совсѣмъ не мудрено.

— Ну, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! — увѣряла я, — кто же влюбляется въ такихъ демоновъ — воображаю, каковъ у него характеръ?

— Да, не изъ кроткихъ, — проговорила Магіе, — послѣ мы поговоримъ о немъ, а теперь послушай, что пишетъ губернаторъ — это касается тебя.

И она прочла вслухъ письмо отъ Кіамиль-паша, въ которомъ онъ выражалъ желаніе поздравить меня, какъ новопривывшую, и просилъ разрѣшенія явиться завтра же съ визитомъ.

У меня закружилась голова отъ такой чести, и первая мысль была: что сказали бы въ Институтѣ подружки, классныя дамы,

и даже сама „патап“, узнавъ, что паша, да настоящій турецкій паша, не изъ романа и не сказочный, а живой, и вдругъ лично мнѣ дѣлаетъ визитъ! А давно ли я не посмѣла бы надѣяться со стороны учителя на подобное вниманіе, и мнѣ стало казаться, что это одна изъ сказокъ Шехерезады на яву.

Сажусь за письменный столъ и пишу массу восторженнаго вздора роднымъ и знакомымъ. Въ промежуткахъ вдохновенія и полета фантазіи вспоминаю красивый профиль и съ негодованіемъ думаю: „сановникъ, вельможа Оттоманской имперіи желаетъ познакомиться со мной, а какой-нибудь тамъ офицерикъ на посылкахъ до-того зазнался, что и не взглянулъ на меня ни разу—не надо обращать на него вниманія—вотъ и все“!

А между тѣмъ, волею причудливой судьбы или предопредѣленіемъ Кесмета, какъ говорятъ турки, тотъ, на кого я сердилась въ данную минуту, сталъ для меня въ недалекомъ будущемъ дороже самой жизни, также, какъ и я для него. Исторія нашей взаимной, но полной трагизма любви будетъ изложена дальше.

Г л а в а X.

Прежде чѣмъ пріѣдетъ Кіамиль-паша, мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу того жгучаго вопроса, который съ давнихъ временъ обсуждается съ такой страстностью европейской прессой. Принято оплакивать горькую долю несчастнаго якобы христіанскаго населенія въ странѣ полумѣсяца.

Но правда ли это?—едва-ли!

Посмотрите на роскошные кварталы европейцевъ, дворцы-особняки греческихъ милліонеровъ, шикарныя магазины подъ вывѣсками на всѣхъ языкахъ міра кромѣ, конечно, турецкаго; биржи, переполненныя шумной толпой иностранцевъ, громадныя торговые флоты, цвѣтуція плантаціи—и все это принадлежитъ христіанамъ и евреямъ...

Таковы плоды турецкаго деспотизма!..

Теперь взгляните на то грандіозное, великолѣпное зданіе, у входа въ которое стоитъ внушительная стража красныхъ фесокъ съ ружьями въ рукахъ и ятаганами за поясомъ. На фронтонѣ красуется надпись золотыми буквами по-французски: „Императорскій Оттоманскій банкъ“. Войдите туда, и вамъ покажется, что вы въ Лондонскомъ Сити.

Не знаю, хранятся ли здѣсь капиталы хозяина государства; но что во всемъ обширномъ помѣщеніи банка, начиная съ директоровъ и кончая сторожами и курьерами включительно, не найдется ни одного турка между ними—это извѣстно мнѣ очень хорошо.

— Золото наше,—скажутъ вамъ угнетаемые, если вы укажете имъ на такое положеніе вещей,—и турокъ обязанъ охранять наши кладовыя.

— Дѣйствительно, здѣсь все ваше,—соглашаетесь вы,—но неужели у господина этой страны ровно ничего не осталось своего?

— Какъ ничего? — съ удивленіемъ отвѣтять вамъ,—а старыя цитадели, изъ которыхъ правительство вывозитъ древнія пушки историческихъ эпохъ, такъ какъ иногда не хватаетъ металла на отливку размѣнной монеты для собственнаго обихода.

Что же касается грозныхъ орудій у входовъ въ проливы, то опять-таки они наши: мы купили ихъ у Крупца, чтобы Россіи не повадно было вмѣшиваться въ наши домашнія дѣла... стрѣлять же изъ нихъ—конечно, не наше дѣло.

Это ли угнетеніе?

Я прожила много лѣтъ среди оттоманскаго населенія до и послѣ войны, а потому имѣю полное право сказать, что довольно хорошо изучила господствующія черты его національнаго характера.

На мирномъ положеніи, какъ гражданинъ своей родины—это самый уживчивый, терпѣливый и снисходительный народъ во всемъ мірѣ.

У турка необыкновенно развито чувство собственнаго достоинства и благородной гордости. Въ обращеніи онъ важенъ, серьезенъ, выражается вычурно и образно.

Въ житейскихъ сношеніяхъ безусловно честенъ, чему не мѣшало бы поучиться его ментору, просвѣщенному европейцу.

Ему чужды хитрость и коварство, присущія другимъ восточнымъ племенамъ. Если онъ не желаетъ быть откровеннымъ, то предпочтетъ лучше промолчать; но не станетъ лукавить и изворачиваться.

Вотъ почему онъ такой плохой дипломатъ и почему всегда будетъ жертвой хищнаго и лживаго иноплеменника.

Но самое удивительное и прекраснѣйшее свойство его души это—неизмѣнное постоянство и преданность тому, кто сдѣлалъ для него хоть что-нибудь хорошее и не обманулъ его довѣрія. Въ подобномъ случаѣ онъ становится другомъ въ полномъ значеніи этого слова: всегда безкорыстнымъ, благодарнымъ и неподкупнымъ ни за какія блага міра.

Добавьте къ этому еще несравненную деликатность и вѣжливость, а главное несокрушимую вѣрность данному слову и обѣщанію.

— А рѣзня въ Болгаріи, избіеніе армянъ и прочіе ужасы на почвѣ религіознаго фанатизма?—спросите вы,—неужели проявленіе подобныхъ звѣрствъ не умаляетъ тѣхъ достоинствъ турецкаго народа, о которыхъ авторъ говоритъ съ такой симпатіей?

Вотъ вопросъ, который требуетъ отвѣта.

Турокъ, какимъ я его рисую, всецѣло таковъ до извѣстнаго предѣла, замѣтьте это, а дальше онъ можетъ обратиться въ безпощаднаго звѣря.

Предѣлъ этотъ его религія и пророкъ Магометъ. Оскорбите святыню его и тогда не ждите отъ него ничего, кромѣ смерти.

Прослѣдивъ исторію избіенія христіанъ въ предѣлахъ азіатской Турціи, наталкиваешься поневолѣ на одинъ замѣчательный фактъ: прискорбныя событія эти всегда начинаются или съ греческихъ или, что еще чаще, съ армянскихъ, кварталовъ, и не было примѣровъ, по крайней мѣрѣ въ новѣйшей исторіи, чтобы колонисты западныхъ государствъ подвергались непосредственно, такъ сказать, въ первую голову, жестокой расправѣ со стороны исламитовъ—всегда кашу завариваютъ обязательно вышеуказанныя народности.

Я вывожу такое заключеніе не только по личнымъ наблюденіямъ, но и на основаніи историческихъ данныхъ и указаній аборигеновъ страны.

Греки и армяне отличаются особенной страстью дразнить магометанъ, прибѣгая для этого къ недостойнымъ приемамъ: насмѣшкамъ надъ религіозными обрядами, нравами, свободной критикѣ правилъ священнаго Корана и даже къ издѣвательствамъ надъ именемъ пророка.

Даже примѣры исторіи не научили ихъ благоразумію и, наперекоръ здравому смыслу, они ведутъ свою задорную политику.

О славянахъ можно сказать одно: что если бы они поменьше грызлись между собой, то имъ несравненно лучше жилось бы подъ игомъ полумѣсяца, чѣмъ въ нѣжныхъ объятіяхъ Австріи. Что же касается злодѣйствъ, совершенныхъ надъ болгарами, то надо винить здѣсь не фанатизмъ Ислама, а прежде всего недобросовѣстную политику нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, попустительствомъ которыхъ партія, руководившая сверженіемъ и убійствомъ султана Абдуль-Азиса, направляла для понятной теперь каждому цѣли свирѣпыя банды башибузуковъ на славянъ.

Теперь вернемся къ Кіамиль-пашѣ.

Г л а в а XI.

Я стояла на балконѣ и, всматриваясь въ перспективу бульвара, откуда надо было ожидать появленія губернатора, рисовала въ своемъ воображеніи картину изъ „Тысячи и одной ночи“: пашу въ раззолоченныхъ одеждахъ на бѣломъ арабскомъ конѣ, окруженнаго пышной свитой.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось вѣрить, что въ дальнихъ провинціяхъ сатрапы живутъ такъ, какъ описывала ихъ Шехерезада въ своихъ сказкахъ. Но... разочарованіе не замедлило.

Сперва, какъ-то неожиданно, на поворотѣ къ нашему дому, показался турецкій солдатъ въ обыкновенной армейской формѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи шель, не торопясь, какой-то штатскій въ черномъ длинномъ сюртукѣ и фескѣ.

Даже по головному убору его я не догадалась, что это турокъ, такъ какъ на Востокѣ не только мѣстные жители, но даже прїѣзжіе иностранцы носятъ его, выходя на улицу.

Сперва я даже не обратила вниманія на этихъ людей, считая ихъ за прохожихъ изъ города; но вдругъ солдатъ подошелъ къ нашему нарядному ходу и постучалъ въ дверь, которую тотчасъ открылъ кавасъ консульства.

Господинъ въ фескѣ тоже остановился. Замѣтивъ меня на балконѣ, онъ сдѣлалъ обычный жестъ прївѣтствія у мусульманъ и вошелъ въ домъ.

Заинтересованная, я, немного погодя, вернулась въ комнаты и увидѣла въ прїемной скромнаго незнакомца. Пока онъ обмѣнивался рукопожатіями съ моими родными, мнѣ удалось разсмотрѣть его: средняго роста, худощавый, съ легкой просѣдью на вискахъ и съ чрезвычайно застѣнчивымъ выраженіемъ лица. При этомъ неизвѣстный говорилъ такимъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ, что съ того мѣста, гдѣ я стояла, рѣшительно ничего нельзя было разобрать изъ его словъ.

— Monseigneur, позвольте представить вамъ мою племянницу, — обратился къ нему дядя по-французски, и я прїѣхала передъ Кіамиль-пашой.

— Такъ вотъ какіе восточные сатрапы, — съ огорченіемъ подумала я, — ни расшитаго мундира, ни одной звѣзды и ходитъ пѣшкомъ съ визитами! Ну, конечно, у насъ въ Россіи губернаторъ прїѣхалъ бы въ каретѣ, въ орденахъ, а это ужъ слишкомъ мизерно. И какъ теперь въ письмахъ на родину изображу я турецкаго вельможу? Нѣтъ! обязательно надо написать, что онъ явился къ намъ въ пурпуровомъ плащѣ, осыпанномъ брильянтами, въ бѣлой чалмѣ съ огромнымъ султаномъ изъ рубиновъ, и верхомъ на арабскомъ скакунѣ въ золотомъ сѣдлѣ, — рѣшила я безповоротно.

А между тѣмъ, Кіамиль-паша, стоя передо мною, почти шопотомъ что-то говорилъ, оглядываясь по сторонамъ. Таковъ турецкій этикетъ: обращаясь къ женщинѣ, не принято смотрѣть ей въ лицо.

Хотя съ трудомъ, но все-таки можно было понять, что губернаторъ поздравлялъ меня съ прибытіемъ на территорию падишаха, желалъ мнѣ всякихъ благъ въ жизни и съ благословенія Аллаха, какъ можно больше „располнѣть въ тѣлѣ“, на что онъ, молъ, и надѣется.

Послѣднее, сказанное болѣе ясно, чѣмъ предъидущее, очень не понравилось мнѣ. Я даже разсердилась и хотѣла возразить гостю, что ничѣмъ не заслужила съ его стороны такого негуманнаго пожеланія, такъ какъ мой идеаль красоты олицетворялъ собой мертвенно блѣдную и тощую-претощую фигуру, для чего мы въ Институтѣ ѣли мѣлъ и покупали тайно отъ классныхъ дамъ уксусъ.

Но Кіамиль-паша былъ уже на другомъ концѣ комнаты, о чемъ-то тихо бесѣдуя съ дядей.

— Конечно, — размышляю я дальше, — мужчина, да еще турокъ едва-ли можетъ имѣть правильное понятіе о красотѣ — надо непременно разъяснить ему, въ чемъ дѣло, — и я смѣло направилась къ гостю.

— Уходи отсюда и не мѣшай намъ, — говоритъ дядя, досадливо махнувъ рукой.

Иду въ столовую, гдѣ Магіе занята приготовленіемъ кофе, и начинаю толковать ей о прелести худощавой фигуры.

— Ахъ, вздоръ какой! — перебиваетъ она и спѣшитъ обратно въ пріемную.

Немного спустя меня позвали, такъ какъ его превосходительство уже прощался.

Раскланиваясь, Кіамиль-паша съ милой, застѣнчивой улыбкой проговорилъ, что черезъ мѣсяць, не позже, вернется изъ путешествія на родину гаремъ его, т. е. жена съ дѣтьми и старшей дочерью Элиме, которая, какъ думаетъ онъ, замѣнитъ мнѣ сестру и подругу.

Я сердечно поблагодарила. Но прежде чѣмъ выйти на площадку лѣстницы, онъ остановился и довольно громко на этотъ разъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „Желаю вамъ, mademoiselle, полиѣть и полиѣть въ нашемъ благодатномъ климатѣ, и да благословитъ васъ Аллахъ!“

Такая недостойная, по моему мнѣнію, выходка со стороны образованнаго человѣка окончательно уронила его въ глазахъ моихъ: и хотѣла возразить что-то; но слова ускользнули отъ меня.

Когда я опомнилась, то гость нашъ былъ уже внизу. Проводивъ губернатора, мы усѣлись обѣдать.

— Ну, какъ? понравился тебѣ Кіамиль-паша? — спрашиваетъ дядя, — не правда ли, пресимпатичная личность?

— Ахъ, такой противный и невѣжа! — съ досадой отвѣчаю я, — и еще вздумалъ издѣваться надо мной. Мнѣ столько наговорили о деликатности турокъ, а на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то!..

— Чѣмъ не угодилъ тебѣ нашъ милѣйшій паша? — удивляются родные — ты, кажется, бредишь: ничего подобнаго мы не замѣтили и ничего не понимаемъ!

Тогда въ сбивчивыхъ выраженіяхъ я принялась доказывать, что въ Институтѣ красивыми считались худыя, а не толстыя.

— Такъ изъ чего же ты волнуешься?—спрашиваетъ дядя, — фигура у тебя тонкая, воздушная, прекрасный цвѣтъ лица, красивая наружность, которая всѣмъ очень нравится. Въ Смирнѣ и здѣсь, какъ мнѣ говорили, тебя называютъ „прекрасной розой Сибири“—чего же тебѣ еще надо?

— Въ Хіосѣ, кажется, всѣ полнѣютъ?—боязливо спрашиваю я.

— Есть о чемъ толковать,—смѣется Магіе,—сегодня ты говоришь однѣ глупости,—добавляетъ она и выражаетъ желаніе поскорѣе узнать отъ мужа, подробности и результатъ бесѣды его съ Кіамиль-пашой по поводу извѣстнаго имъ дѣла.

Вспоминая минувшее на закатѣ жизни моей, я думаю, что теперь можно, не стѣсняясь, говорить о своей наружности въ юные годы и никто, вѣроятно, не обвинитъ меня въ самомнѣніи.

Такъ какъ главная героиня этой правдивой повѣсти я сама, то мнѣ и приходится самой же описывать свою внѣшность.

У меня была, дѣйствительно, какъ и сказалъ дядя, тонкая фигура, свѣтло-каштановые волосы и, по единодушному утвержденію всѣхъ, красивыя черты лица и очень интересные глаза.

Одни сравнивали ихъ съ морской волной, другіе съ небомъ, смотря потому, что каждому нравилось больше. Но правильностью линий и профиля мудрено поразить кого-либо на Востокѣ, въ особенности въ Смирнѣ, гдѣ отъ смѣшанныхъ браковъ разнообразныхъ національностей получаютъ замѣчательные типы идеальныхъ красавицъ, до которыхъ мнѣ было очень далеко. Но несмотря на такія повидимому неблагопріятныя условія, я все-таки пользовалась тамъ прямо колоссальнымъ успѣхомъ.

Весь секретъ послѣдняго заключался въ удивительной бѣлизнѣ и свѣжести густого румянца моего лица.

Въ странѣ смуглянокъ это производило большой эффектъ. Съ перваго же момента моего появленія въ Смирнѣ и Хіосѣ мнѣ дали прозвище „прекрасной розы Сибири“. Свѣтскіе хроникеры европейской прессы, описывая особу мою на другой день какого-нибудь вечера или раута, сохраняли за мной ту же кличку.

Въ началѣ я недоумѣвала и спрашивала многихъ, почему всѣ считаютъ меня сибирячкой, тогда какъ я уроженка Орловской губерніи? На это мнѣ давали одинъ и тотъ же отвѣтъ, что Россія и Сибирь—понятія равнозначущія.

Г л а в а XII.

Въ продолженіе обѣда супруги толковали о Кіамиль-пашѣ.

Я все время вслушивалась въ ихъ разговоръ и, такимъ образомъ, узнала много интереснаго о немъ.

Въ сказанный моментъ губернаторъ Хіуса считалъ себя какъ бы въ изгнаніи и ожидалъ лучшаго назначенія. Онъ не разъ просилъ дядю моего посодѣйствовать ему въ этомъ направленіи черезъ нашего посла передъ султаномъ Абдуль-Азисомъ. Вліяніе Н. П. Игнатъева считали тогда неотразимымъ—достаточно сказать, что народная молва дала ему прозвище „Московъ-султана“, а самому Абдуль-Азису—„Московъ-визира“.

Въ семьѣ Кіамиль-паши мнѣ не разъ приходилось слышать о причинѣ „не милости“ къ нему. Дѣло въ томъ, что раньше онъ былъ губернаторомъ въ Іерусалимѣ, гдѣ однажды вспыхнуло кровавое столкновеніе на религіозной почвѣ между арабами-христіанами и турками. Зачинщиками, по обыкновенію, были первые; но по настоянію державъ пашу смѣстили, хотя дали въ послѣдствіи пашалыкъ Хіуса, губернаторскій окладъ котораго былъ не великъ, а посторонними доходами, т. е. взятками и подачками населенія, этотъ симпатичный человѣкъ гнушался. Послѣдній всегда былъ дѣйствительно, честнымъ и безкорыстнымъ администраторомъ, котораго, быть можетъ, потому и не долюбивали нѣкоторые сановники Высокой Порты за то, что онъ не бралъ бахчишей и другимъ ихъ не давалъ—отсюда его непопулярность въ правительственныхъ сферахъ.

А время то было хроническаго обнищенія оттоманской казны, когда чиновникамъ и войскамъ не платили по нѣскольку мѣсяцевъ жалованье—поневолю приходилось жить поборами и вымогательствами съ жителей.

Но Кіамиль-паша былъ не изъ числа такихъ, а чтобы выпутаться изъ невыносимой задолженности, онъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи вліятельнаго посла черезъ русскаго консула.

— Однако, какъ это странно!—подумаетъ иной читатель,—почему турецкому пашѣ понадобилась протекція русскихъ дипломатовъ для повышенія по службѣ, когда, чего проще было бы, обратиться за тѣмъ же къ своему начальству, а еще лучше къ всемогущей вездѣ Англіи?

Вопросъ этотъ логиченъ и заслуживаетъ отвѣта.

Послѣдніе годы передъ войной съ Турціей были эпохой могучаго вліянія русскаго имени на берегахъ Босфора и даже казалось, что блескъ англійскаго золота не могъ затмить ореола нашего величія.

Передъ богатствомъ Альбіона преклонялись и заискивали; но военная мощь Россіи внушала страхъ и трепетъ обитателямъ Долма-Бахче—отсюда и тяготѣніе въ нашу сторону.

Такъ продолжалось до паденія Абдуль-Азиса, котораго наша соперница Англія устранила съ своего пути и перенесла центръ политики сперва въ Чираганъ къ Мураду V, а потомъ въ Ильдизъ-Кіоскъ къ Абдуль-Гамиду.

Урону нашего могущества въ странѣ полумѣсяца не мало поспособствовали прежде всего Мидхатъ-паша, убѣжденный недоброжелатель славянъ, а также духовенство съ своими шумными, беспокойными софтами. Такимъ именемъ называются воспитанники высшихъ мусульманскихъ школъ. Тогда они приобрѣли довольно сильное политическое значеніе и, не стѣсняясь, разжигали народный фанатизмъ противъ Россіи.

И вотъ, когда при благосклонномъ участіи творца первой конституціи, Абдуль-Азисъ, сидя въ горячей ваннѣ, перерѣзалъ себѣ пульсовыя вены ножницами изъ „англійской стали“, съ того момента и нашъ великолѣпный престижъ утонулъ въ крови злополучнаго падишаха.

Подробности сверженія одного султана за другимъ я расскажу послѣ, а теперь возвращаюсь къ прерванному повѣствованію.

Изъ разговора моихъ родныхъ между собой я узнала также, что гость нашъ остался очень доволенъ результатомъ свиданія дяди съ генераломъ Игнатьевымъ, такъ такъ послѣдній обѣщаль попросить своего пріятели великаго визиря Махмудъ Недима перевести Кіамиль-пашу въ прежній пашалыкъ Іерусалима съ болѣе высокимъ окладомъ, чѣмъ въ Хіосѣ.

Что денежныя дѣла губернатора были въ плачевномъ состояніи, въ этомъ я убѣдилась лично, благодаря частнымъ свиданіямъ моимъ съ его гаремомъ.

Въ началѣ меня поражало такое открытіе, такъ какъ привыкла думать, что турецкіе паши живутъ въ обстановкѣ ослѣпительной роскоши, какъ изображены они въ сказкахъ Шехерезады и романахъ Александра Дюма. Гаремъ Кіамиль-паши былъ не изъ многочисленныхъ: единственная законная жена, молоденькая сирійская арабка, дочь отъ перваго брака на 3 года старше своей мачихи и маленькій сынъ Саидъ.

Двѣ купленные невольницы дополняли семью.

Я говорю „семью“, потому что оно такъ и есть въ дѣйствительности. Положеніе невольницъ въ Турціи очень завидное, по сравненію съ таковымъ у другихъ восточныхъ народовъ. Съ ними обходятся добродушно и считаютъ ихъ домашними людьми. Онѣ исполняютъ обязанности прислуги и, по волѣ господина ихъ, побочныхъ женъ его. Дѣти рабынь считаются законными.

Исламъ разрѣшаетъ правовѣрнымъ полигамію; но не болѣе 4 законныхъ женъ; что же касается наложницъ, то позволяется имѣть ихъ неограниченное число.

Положеніе женщины въ мусульманскомъ обществѣ, обязанности главы дома, какъ по отношенію законной жены, такъ и рабынь его, до мельчайшей подробности опредѣлены Кораномъ.

Такъ, напримѣръ, по религіозному правилу, мужъ долженъ каждую законную жену, если таковыхъ у него нѣсколько, окружить опредѣленнымъ штатомъ невольницъ. Понятно, что подобная роскошь доступна только очень богатымъ людямъ.

За исключеніемъ султана, у всѣхъ, даже знатныхъ турокъ, принято имѣть одну жену и небольшое количество наложницъ.

Такое положеніе вещей создано само собой вслѣдствіе бѣдности этого народа.

Г л а в а XIII.

Слѣдующіе дни были заняты отдачей визитовъ дамамъ греческаго и католическаго кварталовъ города.

Посѣщенія эти казались мнѣ невыносимо скучными и безцѣльными: ново-греческому жаргону я еще не успѣла научиться. Переводчицей поневолѣ служила Магіе, а молодыя дѣвицы объяснялись со мной при помощи выразительной мимики, повторяя неизмѣнно: „о! руссь! карошь руссь!“ На помощь всегда являлось традиціонное угощеніе: кофе и варенье.

Разнообразіе послѣдняго было поразительно: въ одномъ домѣ подадутъ его, напримѣръ, изъ цвѣтовъ померанца и свѣжихъ орѣховъ; въ другомъ изъ банановъ и моркови; въ третьемъ изъ мастики, гороховыхъ стручковъ, помидоръ и т. д. до безконечности.

Въ католическомъ или левантинскомъ кварталѣ дѣло обстояло нѣсколько лучше. Тамъ можно было встрѣтить лицъ, умѣющихъ, хотя и плохо, связать нѣсколько словъ по-французски. Кромѣ того въ общество дамъ допускались и мужчины, что совсѣмъ не принято было въ греческихъ домахъ во время церемоніи визитовъ.

Общественной жизни совсѣмъ не было въ Хіосѣ.

Патріархальность нравовъ доведена тамъ до абсурда: такъ, напримѣръ, танцовать дамъ въ публичномъ собраніи—поступокъ прямо позорный. Можно позволить себѣ это невинное развлеченіе, но не иначе, какъ въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ и друзей.

О театрахъ хіостянки не имѣли я приблизительнаго понятія, такъ какъ таковаго съ самаго сотворенія міра не существовало въ этомъ уголкѣ земного шара.

О Смирнѣ и другихъ портовыхъ городахъ говорили, какъ о Содомѣ и Гоморѣ. Почти всѣ островитянки со дня рожденія и до смерти не выѣзжали на материкъ, и для нихъ онъ былъ почти то же, что для насъ сѣверный полюсъ. Зато о парижскихъ модахъ онѣ имѣли самое ясное и опредѣленное понятіе.

Все сказанное относится, конечно, къ женской части населенія, такъ какъ у другой половины его строй жизни нѣсколько иной.

Мужчины ведутъ обширную вывозную торговлю со всѣми странами свѣта и часто покидаютъ семейные очаги, скитаясь годами вдали отъ родныхъ береговъ, оставляя женамъ заботы по хозяйству на своихъ обширныхъ плантаціяхъ.

Тамъ, на чужбинѣ они пользуются всѣми благами цивилизаціи; но, возвращаясь къ себѣ, остаются по-прежнему убѣжденными противниками общественной жизни для женщины.

Ни одинъ грекъ бывало не выйдетъ на прогулку вмѣстѣ съ женой или дочерью: это считалось у нихъ неблагопристойно и роняло достоинство мужчины.

Отъ семьи онъ всегда далекъ. Все время его заполнено посѣщеніями клуба, кофеенъ, биржи, а домъ служитъ ему для ночлега.

Такое совершенно одинаковое міровозрѣніе грека и турка легко находитъ себѣ объясненіе въ вѣковомъ сожителствѣ обонхъ.

Единственнымъ развлеченіемъ хіотянъ были ежедневныя прогулки вдоль сѣверо-западнаго берега бухты, откуда виденъ ясно Мало-Азіатскій берегъ весь въ лиловыхъ краскахъ заката. И мы также отправлялись туда посмотрѣть на общество и послушать оркестръ бродячей труппы испанцевъ съ ихъ мандолинами и кастаньетами; нѣжныя аккорды плѣнительно звучали, сливаясь съ тихимъ шелестомъ волнъ, навѣянныхъ легкимъ вѣтеркомъ. Большинство гуляющихъ гречанки, жены мѣстныхъ коммерсантовъ: ихъ туалеты послѣдній крикъ моды; въ Парижѣ еще не успѣютъ присмотрѣться къ новымъ моделямъ, а ужъ хіосскія франтихи щеголяютъ въ нихъ.

Но вотъ съ темнѣющаго небосклона быстро спускается внизъ черный покровъ ночи и скрываетъ отъ взоровъ прелестныя декорации угасшаго дня. Пора домой—намъ близко, а горожане зажигаютъ цвѣтные фонарики и группами уходятъ—картина напоминаетъ возвращеніе у насъ съ пасхальной заутрени.

Г л а в а XIV.

Однажды прогуливаясь по берегу моря, мы зашли довольно далеко и присѣли отдохнуть у подножія большой скалы. Какъ вдругъ совершенно неожиданно изъ-за выступа ея показался Селимъ Тафти бей, видимо возвращаясь откуда-то и, замѣтивъ насъ, остановился, любезно поздоровался съ моими родными, а мнѣ неохотно подаль руку; но тѣмъ не менѣе, присоединился къ нашей компаніи. Все время онъ дѣлалъ видъ, что даже не подозрѣваетъ о моемъ существованіи.

Я съ любопытствомъ разсматривала этого интереснаго юношу, съ біографіей котораго Магіе познакомила меня раньше.

По слухамъ характеръ у него былъ ужасный; о его обращеніи съ женой рассказывали чудовищныя вещи. Почти мальчикомъ онъ уже былъ женатъ по выбору родителей своихъ на дѣвушкѣ, которую увидѣлъ впервые съ открытымъ лицомъ послѣ обряда вѣнчанія. Жена не понравилась ему съ перваго момента; но, какъ добрый мусульманинъ и послушный сынъ, онъ подчинился неизбежному и старался жить съ ней въ мирѣ и согласіи. Такъ продолжалось до поѣздки за границу, куда отправили его, по примѣру всѣхъ состоятельныхъ турокъ, для высшаго образованія.

Вернулся онъ оттуда уже съ иными требованіями сердца. Жена сразу стала ненавистной, а семейное сожителство ихъ превратилось въ адъ.

Намѣреніе его было немедленно развестись съ ней; но здѣсь онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе отца, человѣка стараго закала и фанатика. Проклятая судьбу и негодуя, пылкій просвѣщенный турокъ, но вѣрный завѣтамъ Ислама, смирился передъ непреклонной волей родителя.

Въ сказанное время Тафти-бею было всего 24 года, хотя на видъ ему казалось немного больше, какъ и всякому уроженцу Востока.

Это былъ статный, худощавый брюнетъ, довольно высокаго роста, съ лѣнивыми движеніями, всегда угрюмый и задумчивый.

Когда онъ молчалъ, то блѣдное, какъ алебастръ, лицо его принимало скорбное выраженіе затаеннаго страданія; но стоило ему заговорить, и весь обликъ мгновенно измѣнялся: между тонкими бровями появлялась глубокая складка на лбу, въ черныхъ, мерцающихъ стальнымъ блескомъ глазахъ, загорался недобрый огонекъ, а около рта, отгѣненнаго небольшими усиками, змѣилась презрительная усмѣшка. Миѣ становилось очень жутко въ такихъ случаяхъ, и я всегда боялась его, даже и тогда, когда, бывало, сжимая меня до боли въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, онъ шепталъ слова пламенной любви.....

— Тетя! — обратилась я къ Магіе по-русски, чтобы не быть понятой Тафти-беемъ, — правда, что турки женятся иногда на христіанкахъ?

— Конечно, правда, — подтвердила она, — я лично знаю множество примѣровъ такихъ браковъ. — Исламъ не ставитъ къ тому никакихъ препятствій.

— Неужели? — удивилась я, — ну, и что же? несчастныхъ женщинъ вѣроятно мучать, насильно обращаютъ въ магометанство?

— Ничего подобнаго не приходилось слышать — возразила она, — если бы было такъ, то никто и не выходилъ бы за нихъ замужъ — вѣдь дѣлается все это съ обоюднаго согласія. Въ первую же нашу

поѣзду въ Смирну я познакомлю тебя съ интересной парочкой: мужъ, Юзуфъ-Изеть-Эфенди—мусульманинъ, жена—француженка-католичка. Живутъ такъ, какъ дай Богъ всякому. Эфенди, о которомъ я говорю,—продолжала Магіе, — недавно переведенъ отсюда. Это бывшій комендантъ крѣпости, а бей—указала она глазами на Селимъ Тафти,—состоялъ тогда при немъ адъютантомъ.

Знакомое имя достигло, повидимому, до слуха послѣдняго, такъ какъ онъ мгновенно повернулъ лицо въ сторону Магіе и въ изысканныхъ выраженіяхъ, извиняясь за вмѣшательство въ разговоръ, попросилъ перевести ему то, что касалось бывшего его начальника.

Застигнутая врасплохъ, тетя моя отвѣтила ему.—Племянница спрашиваетъ, правда ли, что турки женятся иногда на христіанкахъ, и я указала ей на счастливый примѣръ.....

— *Merci, madame Darivo*,—поспѣшно перебилъ онъ и медленно, не глядя на меня, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— *Mademoiselle*, конечно, удивлена и считаетъ подобный бракъ невозможнымъ?

— Ахъ, нѣтъ! напротивъ..... не сомнѣваюсь,—порывисто начала я; но вдругъ остановилась, не зная, что еще сказать, и поскорѣе отвернулась, чтобы не видѣть насмѣшливой улыбки, которая уже играла на губахъ его.

День клонился къ закату. Багровое свѣтило величаво опускалось за вершины Тавра и бросало утомленной зноемъ землѣ свои разноцвѣтные лучи. На голубой скатерти моря засверкали переливы радуги, а склоны горъ пріодѣлись въ розовыя и фіолетовыя дымки.

Прислушиваясь къ тихому плеску волнъ, мы нѣкоторое время молчали, задумчиво любуясь роскошной панорамой.

Вдругъ я почувствовала какую-то странную неловкость, машинально оглянулась и встрѣтилась съ мрачными, огненными глазами, которые съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались въ меня.

Я вздрогнула и почувствовала, какъ холодокъ пробѣжалъ по мнѣ. Жгучая краска стала заливать мнѣ лицо, а на сердцѣ задрожало что-то непонятное. Стараясь овладѣть собой, я поспѣшно встала и сошла со скалы, дѣлая видъ, что очень интересуюсь собираніемъ раковинъ.

— Боже мой!—думала я съ тоской,—что подумаетъ этотъ странный человѣкъ, и отчего я такъ робѣю передъ нимъ? Нѣтъ! надо непременно доказать ему, что для меня онъ ничто. А какъ хорошъ,—мелькнуло тутъ же,—но что изъ того? насъ раздѣляетъ бездна,—и мнѣ стало невыносимо тяжело.

Въ эту минуту недалеко отъ берега плылъ каякъ. Селимъ Тафти махнулъ платкомъ и сталъ прощаться. Я съ трепетомъ

ждала его приближенія. Онъ спокойно подошелъ, слегка коснулся руки моей и церемонно раскланялся. Вслѣдъ затѣмъ сѣлъ въ лодочку и, не оглядываясь, направился къ цитадели.

— Однако, въ-время удраль,—расхохотался дядя, указывая на дорогу, которая вилась по откосу высокой горы,—посмотри, вотъ и богомольцы возвращаются изъ монастыря дервишей. Воображаю его смущеніе,—продолжалъ онъ, уже обращаясь ко мнѣ,—если бы старые турки увидѣли его въ обществѣ дамъ, да еще въ часы, когда правовѣрные собираются въ мечети—завтра вѣдь пятница, и сейчасъ зажгутъ огни на минаретахъ.

Я порадовалась въ душѣ, что красавецъ былъ уже далеко; но, слѣдуя за дальнѣйшимъ теченіемъ своихъ мыслей, неожиданно для самой себя, проговорила вслухъ:

„Я ненавижу его!“

„Кого это?!“ — удивились родные и, улыбаясь, переглянулись между собой.

— Да его, Манфреда въ турецкомъ мундирѣ, краснѣя и заикаясь, сказала я.

Добрѣкъ дядя такъ и покотился отъ смѣха:

— За что, душа моя? Красавецъ-то врѣзался въ тебя по уши! не правда ли, Магіе? ты видѣла, какими пламенными взглядами обдавалъ онъ прекрасную племянницу нашу? Я все время наблюдалъ за нимъ,—хочешь, скажу, о чемъ бей спрашивалъ меня?—Укоризненный взглядъ жены былъ отвѣтомъ на вопросъ его: она заговорила по-гречески, и по тону голоса я догадалась, что ему порядочно досталось отъ нея.

— Но, дорогая моя, что же тутъ дурного?—возразилъ по-французски сконфуженный супругъ,—почему не потѣшить дѣвочку? зато похвалится въ письмахъ на родину интересной побѣдой—только и всего!..

— Такими вещами не шутятъ,—перебила она и, обращаясь ко мнѣ, продолжала:

„Запомни разъ навсегда, Женя, что взяли мы тебя совсѣмъ не для того, чтобы ты увлекалась турками и въ концѣ концовъ попала бы въ гаремъ! Я постараюсь замѣнить тебѣ мать и не возьму такой отвѣтственности на свою совѣсть“.

— Тетя!—не безъ лукавства начала я,—вы только-что сами отзывались симпатично о бракахъ магометанъ съ иностранками—почему же мнѣ нельзя?..

— Да, но только не съ русскими—по законамъ вашей страны это недопустимо, и если бы что-либо подобное случилось, то и мы вмѣстѣ съ тобой подвергаемся суровой карѣ...

— А помнишь исторію женитьбы Шаккеръ-бея въ Бейрутѣ,—отозвался вновь дядя,—вѣдь и та была русская и положеніе почти одинаковое, какъ и здѣсь... Онъ же укралъ ее и увезъ въ Македонію. Ну, пошумѣли, пошумѣли и оставили ихъ въ покоѣ.

— Ахъ, какъ интересно!—подумала я съ замираніемъ сердца—надо имѣть это въ виду на всякій случай: быть похищенной—что можетъ быть поэтичнѣй?!

Но Магіе окончательно разсердилась за неумѣстную откровенность мужа, и греческій языкъ опять былъ пущенъ въ ходъ...

Мы еще не добрались до дому, какъ спустилась ночь, черная и душная. Луны не было; но въ густой синевѣ невѣдомыхъ высотъ мириады звѣздъ уже зажгли свои золотыя лампадки и привѣтливо мигали оттуда уснувшему морю и засыпающей землѣ.

Вдругъ съ неба сорвалась звѣздочка, покатила огненной полоской и утонула въ пучинѣ водъ.

Я шла и думала: „завтра же улучу минутку, сойду внизъ въ кабинетъ дяди — онъ не такъ строго смотритъ на вещи, какъ тетка,—и упрошу его рассказать мнѣ, о чемъ Селимъ Тафти бесѣдовалъ съ нимъ, а также хорошенько разузнаю о подробностяхъ похищенія Шаккеръ-беемъ своей невѣсты.

Меня очень озабочивалъ вопросъ: какъ все это устроилось? черезъ окно по веревочной лѣстницѣ, что было бы желательнѣй всего или еще инымъ способомъ?

— На всякій случай надо все сообразить,—увѣряла я себя,—мало ли что можетъ случиться впоследствии со мной... И тутъ же тайный голосъ помимо воли шепталъ мнѣ совсѣмъ другое: „Красивъ, безспорно; но все-таки азіать. Даже турки, его сородичи, утверждаютъ, что характеръ у него крайне жестокій. А гаремъ, невольницы, евнухи?.. наконецъ, кожаный мѣшокъ?.. ббрр...“ И картины изъ романа „Тайны гаремовъ“ воскресали передо мной.

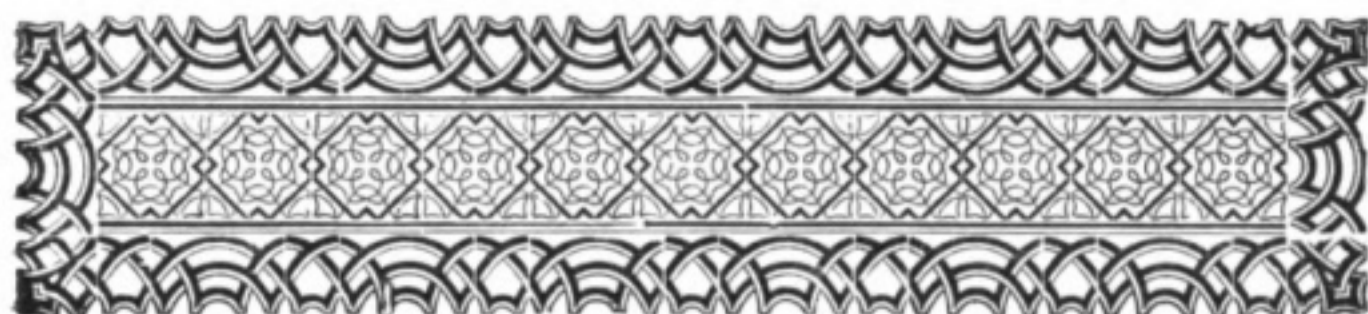
— Нѣтъ! — размышляла я дальше,—слишкомъ дорогой цѣной придется, пожалуй, расплачиваться за удовольствіе убѣжать черезъ окно! Богъ съ нимъ съ его красотой—лучше буду слѣдовать совѣтамъ Магіе и постараюсь не обращать на него вниманія.

Съ такими благими намѣреніями я вошла въ домъ, помолилась и легла спать.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

День клонился къ вечеру и стрѣльба начала мало по малу затихать. Шрапнели, шимозы уже рѣже разсѣкали воздухъ; казалось, что и сами пушки уже устали горланивать и извергать эти смертоносные снаряды. Ружейная перестрѣлка также затихала. Видимо и люди истратили уже весь запасъ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ. На полѣ уже не было того спѣшнаго и лихорадочнаго движенія, которое замѣчалось здѣсь въ теченіе прошедшаго дня; всѣ тѣ люди, которые двигались по этому полю на подобіе суетливо ползающихъ муравьевъ, теперь куда-то попрятались и одни только мертвецы всюду валялись въ разныхъ позахъ, неподвижные и безстрашные.

Наконецъ стемнѣло. Всѣ вздохнули свободнѣе, стараясь отбросить отъ себя воспоминаніе этого тяжелаго дня 16 февраля. Впрочемъ, правду сказать: воспоминанія эти не особенно тревожили мозгъ и если и мелькали, то въ видѣ какихъ-то не ясныхъ и не опредѣленныхъ фантомовъ; это, конечно, къ счастью, иначе человѣкъ навѣрно сошелъ бы съ ума, если бы тотчасъ же послѣ боя онъ могъ бы охватить все пережитое съ полною ясностью и рельефностью. Эта ясность является уже впослѣдствіи, когда мозгъ успокоится и сдѣлается снова способнымъ отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ томъ, что было испытано. Тогда передъ человѣкомъ проходятъ съ поразительною ясностью всѣ пережитыя имъ сцены и картины, но въ данномъ случаѣ приходитъ на помощь то, что принято называть холоднымъ разсудкомъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1910 г.

Когда уже окончательно стемнѣло, то непріятель началъ изрѣдка бросать свои шимозы куда-то далеко-далеко—въ нашъ тылъ. Онѣ пролетали надъ нашими головами какъ-то таинственно шурча, гдѣ-то высоко въ темнотѣ ночи и, падая версты за двѣ за нами, глухо взрывались. Это были послѣдніе замирающіе аккорды музыки боя. Помню еще, что черезъ каждыя пять или десять минутъ впереди насъ рвалась шрапнель; она рвалась какъ-то глупо и безцѣльно, нарушая тишину визгомъ разлетающихся пуль. Очевидно, японцы не желали дать намъ отдыха и пускали къ намъ эти снаряды, чтобы хоть чѣмъ-нибудь тревожить уставшихъ людей.

Получилась записка, въ которой было сказано, что нашъ полкъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, и что насъ отведутъ въ резервъ на отдыхъ. Прошелъ часъ, прошелъ другой, а смѣны намъ все не дали. Впередъ шаговъ на 200 мы выслали секреты и начали ждать съ нетерпѣніемъ смѣны.

Людей нужно было накормить и дать имъ отдыхъ. Наконецъ получилась вторая записка, которая насъ немного разочаровала: въ ней было сказано, что смѣны намъ не будетъ, а вмѣсто таковой къ намъ на усиленіе придетъ другой полкъ, и ту позицію, которую мы занимали одни, предполагалось раздѣлить на два участка между двумя полками.

Непріятны эти многія „пятницы“ на одной недѣлѣ, но въ военное время избѣгать этого почти невозможно, хотя правду надо сказать, что мы и не особенно-то старались этого избѣгать, и этотъ недочетъ проходить красной нитью въ теченіе всего періода этой злополучной войны.

Подвезли кухни, и роты поочередно начали обѣдать. Офицерамъ также принесли поѣсть, и вскорѣ всѣ насытились, на сколько можно было насытиться, и рассчитывали хотя немного вздремнуть, если только можно было вздремнуть здѣсь на позиціи, носъ къ носу съ непріателемъ. Часовъ въ 11 наши охотники отправились на развѣдки въ Безымянной. Они рассказывали потомъ, что, подойдя къ деревнѣ, слышали громкіе стоны раненыхъ; слышали также, какъ отъѣзжали и пріѣзжали какія-то повозки—вѣроятно, за ранеными; затѣмъ гдѣ-то въ темнотѣ позади Безымянной непріятель усиленно занимался саперными работами; въ морозномъ воздухѣ отчетливо было слышно, какъ стучало множество кирокъ объ твердую почву.

Вѣроятно, непріятель старался какъ можно скорѣе укрѣпить деревню и возвести окопы для пулеметовъ, изъ которыхъ завтра онъ могъ бы начать обстрѣливать насъ съ близкаго разстоянія. Можно было предположить, что японцы не постѣсняются построить

окопы и для артиллеріи и поставивъ въ нихъ нѣсколько орудій, начнутъ громить насъ съ близкаго разстоянія.

Пока-то нашей артиллеріи удастся нащупать эти орудія и заставить ихъ замолчать—сколько вреда они намъ могутъ принести. Японцы не придерживались по отношенію своей артиллеріи тѣхъ принциповъ, которые вкоренились у насъ: по нашему уставу—потерять орудіе — это значитъ покрыть позоромъ ту пѣхотную часть, которая прикрываетъ артиллерію. Въ силу такого установившагося взгляда, мы все время боялись выдвигать наши пушки впередъ, а всегда держали ихъ далеко позади дерущейся пѣхоты. Конечно и нѣтъ надобности слишкомъ бравировать въ этомъ отношеніи, но случаи, когда рисковать потерей орудій ради пользы дѣла, вполне возможны на войнѣ и, повидимому, слѣдовало бы измѣнить намъ это рутинерство по отношенію обереганія артиллеріи.

Подойдя къ Безымянной, охотники дали нѣсколько дружныхъ залповъ по неприятелю, главнымъ образомъ по направленію его саперныхъ работъ, и въ отвѣтъ на это посыпался въ нашу сторону градъ пуль, которыя какъ слѣпыя и безумныя начали летать по всѣмъ направленіямъ, громко шлепаясь о глиняныя стѣнки.

Солдаты недовольно ворчали. Какая теперь ночью стрѣльба, зря только людей тревожатъ, и изнервничившіеся люди вдругъ начали бранить нашихъ охотниковъ, говоря, что они только будоражатъ безъ толку людей, блуждая безъ всякой цѣли по ночамъ. „Сколько ни ходили, покуда здѣсь въ окопахъ стояли, а кой прокъ съ ихъ походовъ вышелъ; все это ни къ чему, одно озорство да баловство“. Нужно было на комъ-нибудь сорвать чувство досады, явившееся вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія и безъ того измочаленныхъ нервовъ—и вотъ теперь на комъ же было сорвать эту досаду, какъ не на молодцахъ-охотникахъ.

„Отступаемъ, отступаемъ; приказано отступать“, тихо начали говорить солдаты часовъ около 12 ночи; „куда и сами не знаютъ; сказываютъ, что на сѣверъ идемъ, а куда—неизвѣстно“. И чѣмъ больше распространялась эта вѣсть, тѣмъ сильнѣе люди начинали волноваться и нервничать. Сказываютъ, что полкъ съ зарѣчной стороны уже уходитъ, а за нимъ и мы должны отходить. Прибѣжалъ какой-то солдатъ и сообщилъ таинственно, что первый баталіонъ, который стоялъ въ резервѣ, тоже уходитъ; этотъ же солдатъ добавилъ, что всѣ тѣ войска, которыя стояли сзади насъ, уже давнымъ давно ушли, и что мы остались чуть ли не одни передъ самымъ носомъ японцевъ. Удивительно, какъ люди бываютъ въ состояніи фантазировать въ это время. Тотъ солдатъ, который это говорилъ, конечно самъ ничего подобнаго не видѣлъ, и ему все это передалъ какой-

нибудь вредный фантазеръ, но онъ сразу всему повѣрилъ и успѣлъ заразить этой вѣрой и другихъ. „Что зря пустяки-то болтаешь“, прикрикнулъ на него какой-то молодецъ унтеръ, но зерно сомнѣнія было уже брошено и заставить умолкнуть чувство, близко подходящее къ паникѣ въ сердцахъ наиболѣе робкихъ людей, было уже невозможно.

— Дай-то, Господи, благополучно уйти, слышались тяжелые вздохи.

— Ишь пальбу полуночники затѣяли, только народъ зря перебьютъ.

— Теперь коли ранють, такъ тутъ, значить, и оставайся—подыхай, потому—темно, да и не до раненыхъ тутъ; дай Богъ здоровому-то ноги унести.

И это говорили люди, которые за часъ передъ этимъ выражали твердую увѣренность въ томъ, что они и завтра отобьютъ всѣ атаки, также, какъ отбили сегодня. Тогда, когда они еще не думали объ отступленіи, они смѣло выражали увѣренность въ успѣхѣ, но какъ только разнеслось среди нихъ ненавистное слово „отступить“, они сейчасъ же упали духомъ и готовы были, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ, бѣжать безъ оглядки отъ этого проклятаго мѣста, —отъ этихъ ужасовъ, крови, стоновъ и труповъ.

Тотъ, кто рассчитывалъ выиграть эту войну, постоянно отступая, былъ не глубокой психологъ, а слѣдовательно человѣкъ, совершенно лишенный военнаго полководскаго таланта; ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ всегда отступать и отступать, да еще по ночамъ и подъ вѣчнымъ напоромъ непріятеля. Здѣсь и мужественный человѣкъ въ концѣ концовъ можетъ потерять голову и поддаться невыносимому чувству паники, которая такъ быстро охватываетъ цѣлыя массы войскъ.

Начиная эту войну, мы должны были сначала отвѣтить на вопросъ:—можемъ ли мы съ наличными силами начинать военныя дѣйствія, ни на шагъ не отступая передъ непріателемъ, и если бы пришлось отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно, то выгоднѣе было бы и совсѣмъ не начинать войны, нежели, взявъ голый образецъ отступательной стратегіи кампаніи 1812 года, примѣнить его безъ всякаго обсужденія его пригодности и при данныхъ обстоятельствахъ къ этой войнѣ.

Конечно, говорить о всемъ этомъ уже послѣ совершившихся событій легче, нежели предрѣшать таковыя, но вопросъ этотъ всегда былъ и будетъ вопросомъ существеннѣйшей важности и обсудить его всесторонне было болѣе чѣмъ важно.

Въ томъ-то и дѣло, что не всякій принципъ, который кабинетнымъ стратегамъ кажется непреложной истиной, можетъ быть примѣнимъ во всѣхъ случаяхъ одинаково, и надо было считаться съ

тѣмъ, что во-первыхъ кампанія 12 года велась по своей же родной землѣ и что если тамъ и приходилось отступать, то отступали отъ Карповки къ Ивановкѣ, отъ Смоленска къ Вязьмѣ и т. п., а здѣсь нужно было отступать отъ Тюренчена на Фынъ-Хуанъ-Чень,—отъ Ляояна на Мукденъ. Во-вторыхъ и того не надо забывать, что въ 12 году каждый солдатъ былъ ветераномъ, сроднившимся съ военной службой, такъ какъ на ней онъ провелъ всю свою лучшую пору жизни, и на ней у него уже посѣдѣли молодецкіе усы и бакенбарды; солдатъ этотъ при томъ же видалъ виды: вѣдь онъ и съ батюшкой Суворовымъ ломалъ его безсмертные походы; онъ слышалъ, какъ тотъ, крича пѣтухомъ, поднималъ съ биваковъ свои желѣзные полки и велъ ихъ въ бой, сокрушая съ ними упорство врага и удивляя міръ ихъ безпредѣльной отвагой и доблестью. На такого солдата можно было всегда и во всемъ положиться, потому что онъ былъ воспитанъ и закаленъ во всѣхъ отношеніяхъ. А теперь—да развѣ есть что-нибудь общее между тѣмъ, что было въ этотъ разсвѣтъ русской военной силы и доблести, и тѣмъ, что есть.

Взгляните на нашего безусаго молокососа, который называется солдатомъ; нѣтъ у него того, что именуется военнымъ закаломъ. Это просто деревенскій паренъ, очень часто добродушный, а иногда и плутоватый, какъ говорится: „себѣ на умѣ“, который слегка только чему-то обученъ, очень мало воспитанъ и закаленъ. Паренъ этотъ черезъ три-четыре года уйдетъ къ себѣ въ деревню, гдѣ онъ, конечно, очень скоро забудетъ все то, чему его учили, и въ лучшемъ случаѣ превратится въ прежняго земледѣльца, скрывъ подъ своей сѣрой сермягой и тѣ ничтожные признаки, которые могли бы отличить въ немъ бывшаго солдата, а на его мѣсто въ строй явится другой, такой же простодушный паренъ, который также потѣя будетъ стоять, или сидѣть на „словесности“, стараясь безъ всякаго смысла и пониманія зазубрить по-книжному разные непереваримые для его мозговъ пунктики, какъ это въ свое время продѣлывалъ его предшественникъ.

Говорятъ: воспитывайте солдатъ, и говорятъ это люди съ непоколебимымъ авторитетомъ, но эти люди совершенно не хотятъ понять того, что воспитать его должна сначала школа и воспитать, какъ сына своего отечества, которому онъ, по достиженіи извѣстнаго возраста, обязанъ службою. Вотъ при этихъ условіяхъ, когда человѣкъ поступить на службу съ сознаниемъ долга и необходимости,—когда онъ будетъ уже на столько развитъ, что сознательно отвѣтитъ на вопросы объ отечествѣ и долгѣ,—тогда другое дѣло; тогда это школьное воспитаніе можетъ быть еще дополнено военнымъ, но

не теперь, когда на вопросъ, что такое отечество, вы получаете въ отвѣтъ бессмысленную улыбку и растерянный взглядъ, а о долгѣ лучше уже и не спрашивайте, иначе вопрошаемый можетъ подумать, что вы намекаете ему о какомъ-нибудь денежномъ долгѣ, а такъ какъ таковыхъ долговъ по отношенію васъ у него, конечно, не будетъ, то въ простотѣ душевной онъ можетъ васъ заподозрить въ желаніи взять съ него взятку.

Но, вѣдь, у насъ есть цѣлые милліоны запасныхъ, скажете вы, но объ нихъ лучше не будемъ говорить, потому что ихъ тоже нельзя винить въ томъ, что почти у каждого изъ нихъ есть семья и весьма не рѣдко и нужда, которая представляетъ собою явленіе, весьма обыденное у насъ на Руси.

Вообще всѣ эти вопросы чрезвычайно сложны и трудны для разрѣшенія, тѣ же, которые рѣшаютъ ихъ съ плеча, обыкновенно начинаютъ винить нашихъ офицеровъ, говоря, что они слишкомъ мало работаютъ для развитія и воспитанія солдатъ. Въ общемъ нашъ офицеръ слишкомъ малъ какъ въ глазахъ общества, такъ и въ глазахъ нѣкоторыхъ личностей, считающихся высоко авторитетными учителями и воспитателями военной среды. Эти господа, чрезмѣрно возвеличенные въ своей якобы геніальной дѣятельности, сплошь и рядомъ не стѣснялись изошрять свое подчасъ уже черезчуръ циничное остроуміе на безотвѣтномъ офицерѣ, который зачастую и живетъ-то, перебиваясь „съ хлѣба на квасъ“ и въ силу постоянной, давящей его нужды, принужденъ быть молчаливымъ и не отвѣчать на это циничное остроуміе. Пожалѣйте же, господа, нашего офицера. Право же онъ не сосетъ соковъ изъ народа, какъ думаютъ нѣкоторые изъ васъ. Онъ дѣлаетъ свое дѣло, насколько можетъ, но придите же къ нему на помощь; облагородьте и обтешите тотъ черезчуръ уже сырой матеріалъ, надъ которымъ ему приходится работать; вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать изъ куска руды, который вы ему даете,—пушку, которую бы можно было наводить и стрѣлять изъ нея; подготовьте эту руду и отдѣлите изъ нея чистое желѣзо въ горнилѣ свѣта и тепла, и тогда онъ справится съ своей задачей, а если этого пока еще не сдѣлали, то и не презирайте труженика - офицера, который на службѣ жертвуетъ и здоровьемъ и жизнью.

Въ первомъ часу ночи на 17 февраля полкъ нашъ началъ отходить съ позицій. Роты по очереди, съ соблюденіемъ тишины, покидали свои участки и уходили посиѣшно въ Чжаньтань, гдѣ было приказано собраться на площади. Пули летали по всѣмъ направленіямъ, и было человѣкъ десять раненыхъ, пока мы переходили ничтожное разстояніе отъ стѣнокъ до окраины деревни. Ночь была

темная. Звѣзды холодно горѣли въ безпредѣльной безднѣ мудраго молчанія. Люди, сильно нагруженные и утомленные физически и нравственно, нервничали и суетились. То и дѣло слышался тихій и осторожный голосъ офицера: „спокойнѣе ребята, спокойнѣе, ребята; иди въ порядкѣ, не торопись; да не стучи ножищами-то“ и т. п. Наконецъ, двинулась и послѣдняя рота. Мы пришли на площадь, гдѣ также всюду посвистывали пули и теперь казалось, что онѣ начали летать и съ правой стороны, и это обстоятельство показалось всѣмъ очень подозрительнымъ. Люди молчали, слыша, какъ все чаще и чаще повизгиваютъ пули справа, но въ этомъ-то молчаніи и былъ ужасъ, потому что каждый сознавалъ, не рѣшаясь высказаться, что разъ непріятель стрѣляетъ справа, значить, онъ обходитъ насъ и вѣроятно скоро и совсѣмъ обойдетъ и отрѣжетъ нашъ путь.

Тихо раздается команда: „шагомъ маршъ“, и люди начинаютъ двигаться, побрякивая котелками и стуча по мерзлой почвѣ неуклюжими, обшитыми кожей валенками. Въ темнотѣ кажется, что двигается какое-то огромное тысяченогое животное, которое медленно ползетъ, извиваясь по узкимъ улицамъ деревни. Люди безпрестанно спотыкаются и падаютъ, потому что и днемъ-то по улицамъ китайскихъ деревень трудно ходить не спотыкаясь, а ночью это совсѣмъ не возможно. Слышатся недовольные возгласы: „ишь чертъ слѣпой, распялился по землѣ“, или: „штыкъ-то подними, идолъ, глазъ проткнешь“ и т. п. Остановки почти на каждомъ шагу, потому что мѣстами встрѣчаются столь узкіе проходы, что можно идти только по два человѣка. Во время этихъ остановокъ задніе напираютъ на переднихъ. Слышится сдержанное: „чего стали, небось японецъ васъ дожидаться не будетъ“; или: „уперлись лбомъ какъ бараны къ стѣну и стоятъ, черти, чтобъ вамъ пусто было“. Вообще всѣ эти возгласы не отличаются особою нѣжностью и деликатностью, и они показываютъ, что люди нервничаютъ, и тогда-то въ голову приходитъ ужасная мысль. Представляешь себѣ, что будетъ, если вдругъ теперь какой-нибудь несчастный непріятельскій взводикъ, подобравшись въ темнотѣ, отважится дать по этой массѣ людей, близкихъ къ паникѣ, нѣсколько залповъ; развѣ можно представить себѣ такую силу, которая была бы въ состояніи удержать эту толпу. Нѣтъ, такой силы не будетъ. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы въ полку не нашлось такихъ доблестныхъ офицеровъ и солдатъ и даже очень многихъ, которые всѣ усилія свои употребили бы на то, чтобы успокоить людей, но, вѣдь, ночь, темнота, лабиринтъ закоулковъ, въ которыхъ такъ легко запутаться и затеряться, ища спасенія отъ пули. И невольно волосъ становится дыбомъ, когда подумаешь о возможности подобнаго случая.

Не желалъ бы никому быть участникомъ ночного отступленія, измотавъ свои нервы въ теченіе дня въ непрерывномъ и жестокомъ бою и имѣя позади себя непріятеля, о намѣреніяхъ котораго вы ровнымъ счетомъ ничего не знаете, и который шлетъ вамъ въ догонку свинцовый дождь.

Наконецъ, выбрались изъ лабиринтовъ Чжантани и версты двѣ прошли безъ остановокъ, но, дойдя до деревни, въ которой были сосредоточены лазареты и склады, наткнулись на картину полного беспорядка, отъ котораго стало еще болѣе жутко.

Здѣсь всюду стояли какія-то повозки, которыя спѣшно старались укладывать. Нѣкоторыя изъ нихъ, уже уложенныя, начинали двигаться среди сплошной толпы солдатъ, запрудившихъ единственную улицу; конюха кричали и галдѣли; слышалась всюду наикрѣпчайшая ругань, при чемъ люди, думая, что они уже далеко отошли отъ непріятеля, галдѣли такъ, какъ можетъ только галдѣть беспорядочная русская толпа. Интенданты раздавали заготовленную въ огромномъ количествѣ одежду и запасы, и солдаты толпами стремились къ бочкамъ съ соленой рыбой и, наколовъ по одной и по двѣ огромныхъ рыбины (кеты) на штыкъ, устремлялись къ складамъ сахара, хлѣба, бѣлья, консервовъ—и все это тащили неизвѣстно зачѣмъ. Иной, набравъ цѣлые вороха рубахъ и штановъ, дѣлался похожимъ на разносчика и торговца этими товарами, но, пройдя съ этимъ добромъ шаговъ сто-двѣсти и сознавъ полную непригодность этого груза въ походъ, съ бранью бросалъ все набранное на дорогу, и сзади идущіе люди топтали все это добро ногами; иной нанизывалъ себѣ на штыкъ каравай хлѣба и огромную кету и, почувствовавъ, что эта ноша слишкомъ тяжела, тоже ругался и швырялъ все это въ сторону. Словомъ, беспорядокъ былъ страшный, и надо удивляться, что счастливый случай избавилъ всю эту массу людей отъ внезапнаго ночного натиска непріятеля.

Стрѣльбы уже не было, и все же офицеры напрягали всѣ усилія для того, чтобы возстановить какой-нибудь порядокъ, прибѣгая и къ уговорамъ и къ ругани и, наконецъ, даже къ тумакамъ, но все это плохо дѣйствовало. Что же бы было, если бы въ это время сзади понажалъ бы непріятель, паника была бы неминуема.

По истинѣ невѣжествененъ русскій солдатъ; онъ грубъ и неразвитъ и не привыкъ отдавать себѣ отчета во всей окружающей его обстановкѣ. Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, это происходитъ отъ нѣкоторой инертности славянской природы и полагаю, что и путемъ саморазвитія эта основная черта русской народности едва-ли можетъ быть уничтожена безъ слѣда.

Къ чести нашего полка скажу, что во всѣхъ этихъ безобразіяхъ

онъ очень мало принималъ участія, и порядокъ движенія у насъ почти не нарушался, да и вообще-то безобразничали главнымъ образомъ не строевыя части, а солдаты разныхъ обозовъ, лазаретовъ и вообще тыловыхъ учрежденій.

Наконецъ, коѣ-какъ размотался этотъ ужасный клубокъ и размотался тогда, когда все уже было разнесено.

Пошли и черезъ полъ-версты снова остановились. Оказалось, что намъ пересѣкла путь какая-то безконечно длинная колонна; сначала шла пѣхота—понура, утомленная и закутанная въ башлыки; потомъ, гроыхая по колоти, потянулась медленно артиллерія: пушки, ящики, потомъ опять пушки, опять ящики—и все это безконечной вереницей ползло передъ нами утомленное и озлобленное. Казалось, что и лошади были злы; держа на своихъ спинахъ огромныхъ ѣздовыхъ, онѣ мрачно и понуривъ головы переступали съ ноги на ногу слышалось временами какъ бы недовольное ихъ пофыркиваніе, но въ общемъ вся эта безконечная вереница людей, лошадей и орудій шла въ полной тишинѣ, лишь только слегка гроыхая и лязгая желѣзомъ отъ толчковъ на неровной дорогѣ. Ѣздовые покачивались на лошадяхъ, и казалось, что они спали; прислуга шла по бокамъ, или же сидѣла на орудіяхъ и на ящикахъ. Потомъ снова пошла пѣхота, пѣхота и пѣхота. Спотыкаясь и падая, проходили мимо насъ утомленные люди; никто изъ нихъ даже не отвѣчалъ на вопросы—откуда они идутъ и куда. Вѣроятно, они и сами не знали, куда ихъ теперь гонять. Они сознавали только, что въ теченіе цѣлаго дня они дрались съ непріателемъ, что были голодны и утомлены, и что вотъ теперь имъ приказано уходить назадъ.

Въ старину говорили: „каждый воинъ долженъ знать свой маневръ“; это конечно истина неопровержимая, но въ эту кампанію вѣроятно нашли какую-нибудь болѣе глубокую истину, а про эту старую постарались позабыть.

Простоявъ часа два на мѣстѣ, наконецъ тронулись. Вотъ дошли до какой-то деревни; здѣсь снова цѣлый рядъ остановокъ, то короткихъ, то продолжительныхъ. За деревней поле, по которому мы идемъ какими-то перекатами, на подобіе ползущаго червя, такъ какъ впереди идущіе черезъ каждые 100—200 шаговъ останавливаются, а мы, идущіе сзади, наираемъ на нихъ; потомъ снова движеніе впередъ, снова остановка, напоръ, и т. д. Наконецъ подошли къ большой деревнѣ и здѣсь уже окончательно стали въ тупикъ, не зная, куда намъ идти.

Начальникъ дивизіи шелъ съ нами, и онъ тоже не зналъ—куда надлежать слѣдовать, не получая объ этомъ рѣшительно никакихъ указаній. О диспозиціяхъ и какихъ-либо инструкціяхъ нечего и говорить:

насъ этой роскошью никогда своевременно не баловали и похоже на то, что самыя-то диспозиціи писали, такъ сказать, заднимъ числомъ.

Остановились передъ деревней потому, что вся она была сплошь набита солдатами, лошадьми, пушками, ящиками и какими-то повозками, нагруженными до невозможности. Впереди какъ будто бы была переправа черезъ какую-то рѣчку, и вотъ теперь вся эта огромная масса наполнила собою всю деревню всѣ ея поры и стояла въ ожиданіи своей очереди. Большая часть людей повалилась на землю, и многіе изъ нихъ уже сладко храпѣли. Удивительно, какъ русскій человѣкъ любитъ спать. Самыя тревожныя минуты, повидимому, не могутъ помѣшать его намѣренію въ этомъ отношеніи. Казалось, какъ можно было спокойно храпѣть въ то время, когда ежеминутно можно было ожидать внезапнаго натиска непріятеля, а вотъ нашлись же такія сотни, а можетъ и тысячи людей, для которыхъ этотъ вопросъ былъ настолько не интересенъ, что они его совершенно игнорировали.

Послали у кого-то спросить—куда идти и какъ поступать, но посланный вернулся ни съ чѣмъ, доложивъ, что никто ничего не знаетъ, никакихъ приказаній и указаній получить не отъ кого.

А востокъ уже свѣтлѣлъ и, по мѣрѣ пробужденія дня, чувство все большаго и большаго безпокойства закрадывалось въ душу. Нужно было во что бы то ни стало распутать до наступленія дня эту толпу изъ повозокъ, орудій, людей и лошадей. Начальникъ штаба нашей дивизіи поѣхалъ съ цѣлью разслѣдовать мѣсто и вскорѣ вернувшись сообщилъ, что къ сѣверу отъ деревни тянется дорога и что самое лучшее слѣдовать по ней, потому что она куда-нибудь да приведетъ.

Пошли и дѣйствительно вышли на дорогу, когда уже было почти свѣтло, но, пройдя съ полъ-версты, вдругъ почему-то свернули влѣво и пошли цѣлиной по полю черезъ гаоляновыя грядки; потомъ снова повернули налѣво, потомъ направо, идя все время цѣлиной, и наконецъ вышли снова на какую-то дорогу. Впереди верстахъ въ двухъ видѣлась большая деревня, и къ ней-то видимо мы теперь и стремились, но съ какою цѣлью—про это никто не зналъ. Передніе идутъ—значить, и заднимъ нужно за ними тянуться,—вотъ единственное, что нами руководило въ данномъ случаѣ. Солдатъ не мало смущало то обстоятельство, что мы теперь двигались совершенно не въ томъ направленіи, куда было нужно: все время отходили на сѣверъ, а теперь почему-то пошли на западъ. Русскій простолюдинъ всегда прекрасно ориентированъ и всегда даже и безъ звѣздъ можетъ опредѣлить, въ какую сторону

онъ идетъ, на это у него развито какъ бы чутье еще съ малолѣтства. Каждый понималъ, что произошла какая-то ошибка, но все же всѣмъ хотѣлось вѣрить въ то, что движеніе этихъ массъ войскъ не есть маршъ слѣпыхъ, идущихъ неизвѣстно куда, а есть осмысленная комбинація, заранѣе рассчитанная, продуманная.

Идемъ на западъ, а тѣ, которые остались въ деревнѣ, очевидно пойдутъ на сѣверъ; такъ, значить, и нужно, такъ и было предначерчено заранѣе высшими соображеніями, а что они не дошли до насъ своевременно, то на это конечно могутъ быть свои причины.

Такъ утѣшалъ себя каждый изъ тѣхъ, кто еще не утратилъ способности мыслить, но большинство изъ насъ были на столько утомлены, что шли, не отдавая себѣ рѣшительно ни въ чемъ отчета. Эти люди шли только потому, что машинально двигались ихъ утомленные ноги, шли въ какомъ-то полузабытіи, какъ отравленные ядовитымъ дурманомъ, который заставилъ человѣка потерять способность къ воспринятію впечатлѣній. Часовъ въ 7 утра, мы подошли къ большой и богатой деревнѣ. Кажется, ея названіе было Сайтхоза. Здѣсь на гаоляновомъ полѣ стояли какіе-то баталіоны, которые собирались куда-то уходить. Роты были построены и сравнительно хорошо выравнены. Когда наше знамя подошло къ нимъ, то они отдали намъ воинскую честь, и это помню очень подбодрило нашихъ утомленныхъ людей. Мы входили въ деревню, а они уходили. Это тоже не могло не казаться страннымъ.

Каждому полку былъ назначенъ свой районъ, и люди начали расходиться по фанзамъ въ надеждѣ, что быть можетъ удастся хоть немного отдохнуть. Помню, что нашему полку пришлось преодолѣть какую-то ужасно глубокую и широкую канаву. Люди опускались на дно и подсаживали другъ друга на противоположный ей склонъ. Нѣкоторые старались забраться сами, царапаясь на крутизну съ помощью штыковъ, но большинство такихъ обрывалось и грузно скользило внизъ. Иной раза три продѣлывалъ такую операцію и все съ тѣми же результатами. Будь это въ другое, болѣе легкое время—сколько бы смѣху было надъ этими неуклюжими тяжелыми фигурами, беспомощно скользящими на карачкахъ на дно канавы, но теперь всѣ относились къ этому серьезно и не было ни смѣха, ни шутокъ. Лишь только слышалось временами: „ну ползи, каракатица кривоногая“, или: „чортъ толсто...“ произносимое тѣми, которые подсаживали неловкихъ и обезсиленныхъ товарищей.

Съ полчаса провозились мы въ этой проклятой канавѣ, и наконецъ полкъ собрался на противоположной его сторонѣ и пошелъ въ деревню.

Офицерамъ была отведена очень хорошая фанза, украшенная

причудливой рѣзбой и красивыми художественно сдѣланными рамами въ большихъ окнахъ. На небольшомъ дворикѣ фанзы были разбиты изящные цвѣтники и клумбы, на которыхъ теперь конечно ничего не росло.

Хозяинъ фанзы оказался очень хитрымъ и нахальнымъ китайцемъ. Онъ все время заискивающе бѣгалъ отъ одного офицера къ другому и просилъ дать ему папироску, когда же ему протягивали портсигаръ, то тащилъ изъ него своей грязной лапой не одну, а цѣлую горсть.

Безпрестанно онъ напоминалъ о томъ, чтобы никто ничего не позволялъ бы себѣ трогать въ его обиталищѣ, и вообще надоѣдалъ всѣмъ своей глупой болтовней, отъ которой вѣяло слишкомъ прозрачной назойливостью. Офицеры наши изъ деликатности снисходительно молчали, а мы, находясь въ передней, только о томъ и думали, когда намъ будетъ приказано спровадить этого назойливаго и не симпатичнаго человѣка. Но приказанія объ этомъ такъ и не послѣдовало.

Въ фанзѣ было холодно, а въ животѣ голодно; солдатамъ заварили въ кухняхъ обѣдъ, но поспѣть онъ могъ еще очень не скоро.

Всѣ мы, кто гдѣ могъ, прилегли, намѣреваясь заснуть, но этого намъ не пришлось осуществить.

Вдругъ откуда-то прискакалъ ординарецъ и сообщилъ, что японцы наступаютъ и уже подходятъ къ деревнѣ, и что поэтому приказано какъ можно скорѣе уходить отсюда. Куда уходить, гдѣ непріятель и много ли его—объ этомъ посланный не имѣлъ конечно никакого представленія.

Пока будили утомленныхъ людей, пока они мѣшкотно и лѣниво одѣвались въ свою безобразную „сбрую“, пока строились—прошло добрыхъ полчаса времени, въ теченіе которыхъ непріятель не ждалъ.

Наконецъ, роты кое-какъ собрались, и полкъ пошелъ на сѣверъ отъ деревни, гдѣ, ставъ въ резервный порядокъ, началъ ждать приказанія.

Пока было тихо, хотя и замѣчалась нѣкоторая суета, которая была, пожалуй, вполне естественна при данныхъ обстоятельствахъ. Видно было, какъ носились по всѣмъ направленіямъ ординарцы, развозя приказанія. Начальникъ дивизіи со своей небольшой свитой и съ казачьимъ конвоемъ спокойно объѣзжалъ полки, здороваясь съ людьми. Его спокойный видъ и тонъ голоса ободрительно дѣйствовалъ на солдатъ, и они дружно отвѣчали ему на привѣтствіе.

Видно было, какъ нѣкоторые полки нашей дивизіи уже начали двигаться на сѣверъ, и вскорѣ намъ пришло приказаніе двигаться въ хвостъ колонны. Полкъ тогда продвинулся впередъ и сталъ вплот-

ную къ проходящимъ войскамъ, намѣреваясь занять въ колоннѣ указанное ему мѣсто.

Помню—мимо насъ проскакали какіе-то казаки; ихъ было сотни двѣ или три. На рысяхъ они двигались на востокъ какъ бы навстрѣчу ожидаемому непріятелю. Шли они сомкнутымъ строемъ и въ полномъ порядкѣ, и все это также ободрительно дѣйствовало на насъ, пѣхотинцевъ. Говорю о всемъ этомъ, желая отмѣтить о томъ, какъ на войнѣ нѣкоторыя, даже на первый взглядъ, мелочи оказываютъ огромное вліяніе на нравственный элементъ войскъ и, мнѣ кажется, военныя событія главнымъ образомъ и зависятъ отъ этого нравственнаго элемента: всѣ тактическія и даже стратегическія соображенія— не что иное, какъ только дополненія и придатки къ этой „душѣ“ военнаго дѣла.

Не успѣла конница продвинуться и на нѣсколько сотъ шаговъ впередъ, какъ вдругъ съ востока на насъ полетѣли непріятельскія шимозы и шрапнели, засвистали пули ружей и пулеметовъ. Началось то, чего многіе ждали въ теченіе всей этой безпокойной ночи;— то ужасное, о чемъ не хотѣлось какъ-то думать. И теперь вотъ оно надвинулось на насъ, какъ мрачная туча, несущая съ собой градъ и непогоду, которую всѣ видѣли, и отъ которой всѣ открещивались.

Первые снаряды упали шагахъ въ двухстахъ къ востоку отъ колонны тянущихся по дорогѣ войскъ. Поднялись густые столбы дыма, послышался всѣмъ знакомый визгъ разлетающихся осколковъ. Солдаты засуетились и многіе, снявъ шапки, начали набожно креститься. А непріятель не зѣвалъ: снарядъ за снарядомъ летѣли къ намъ изъ его скрытой отъ нашихъ глазъ батареи; пули, посылаемыя невидимыми стрѣлками, жалобно стонали, летя въ нашу сторону. Къ счастью, японцы взяли невѣрный прицѣлъ, и снаряды ихъ давали то недолеты, то перелеты и въ двигающуюся колонну, а равно и въ стоящій на мѣстѣ нашъ полкъ ни одинъ изъ снарядовъ не попалъ. Только лишь нѣкоторыя шрапнели, разрываясь высоко, осыпали насъ своими пулями. Артиллерія пошла на рысяхъ, торопясь уйти скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Высланные впередъ казаки быстро промчались назадъ, и ихъ скорое исчезновеніе непріятно на всѣхъ подѣйствовало.

Какой-то совершенно растерявшійся офицеръ, безусый и безбородый, суетился больше всѣхъ. Чуть не плача онъ кричалъ, обращаясь къ нашему командиру: „господинъ полковникъ, господинъ полковникъ, нужно куда-нибудь уходить, здѣсь нельзя стоять, насъ всѣхъ перебьютъ“, и болѣе заглушая этимъ пронзительнымъ крикомъ обуявшій его ужасъ, онъ суетливо и безтолково бѣгалъ съ мѣста на мѣсто, не зная, что предпринять, и своею растерянностью только больше

смущалъ людей. Минута была очень мрачная и непріятная. Казалось, что вотъ, вотъ вся эта масса людей дрогнетъ и, заразившись паническимъ страхомъ, ринется безъ оглядки и побѣжить, не зная куда, какъ испуганное стадо барановъ.

Офицеровъ въ полку оставалось очень мало, и многими ротами командовали только-что произведенные заурядъ прапорщики изъ нашихъ же фельдфебелей,—народъ, по правдѣ сказать, прекрасный и надежный въ боевомъ отношеніи.

Если бы прошла еще минута бездѣйствія, то конечно японцы успѣли бы къ намъ пристрѣляться, и Богъ знаетъ — чѣмъ бы все это кончилось. Но тутъ вдругъ раздался громкій голосъ, подавшій команду: „первыя три роты въ цѣпь“.

Люди сразу ободрились, видя, что начальство еще не окончательно потеряло голову, и назначенныя роты сейчасъ же отдѣлились отъ полка. Первымъ двумъ ротамъ приказано было быстро рассыпаться въ цѣпь вправо и влѣво, а третья должна была держаться въ резервѣ за серединой цѣпи. Когда все это было исполнено, то снова послышалась громкая команда, „цѣпи впередъ“, и мы двинулись. Изъ офицеровъ съ этими ротами никого не было, а было только два заурядъ-прапорщика:—доблестные и честные воины Ѡ. К., изъ коихъ первому суждено было сегодня переселиться въ лучшей міръ—и да будетъ ему вѣчная память, какъ свято и честно исполнившему свой солдатскій долгъ.

Третьей ротой командовалъ фельдфебель Н. Баталіонный командиръ вчера былъ убитъ, его же замѣститель почему-то не принялъ участія въ этомъ дѣлѣ. Объ этомъ я не считаю нужнымъ много распространяться и, какъ солдатъ, не рискую критиковать поступки этого замѣстителя, изъ боязни высказать какое-нибудь лишнее и быть можетъ ошибочное сужденіе по адресу этого офицера. Помню, уже послѣ солдаты говорили много остроумнаго и ѣдкаго по этому поводу, но приводить ихъ остроты и сужденій я не буду, хотя и склоненъ вѣрить въ то, что многое изъ этихъ сужденій было правдою.

И такъ мы пошли, а снаряды непрерывно неслись навстрѣчу: Бумъ-ву-у-у, бумъ-ву-у-у,—пѣли ехидныя шрапнели; тр-рахъ-тр-рахъ, вторили имъ шимозы; жикъ-жикъ, фр-р-р-піу-у-у—аккомпанировали имъ летящія и рикошетирующія пули, а мы шли впередъ и впередъ.

„Что-то будетъ, что-то будетъ?“ помню, вертѣлась у меня назойливая мысль, а сердце такъ сильно трепетало въ груди.

Помню, что сознаніе долга и важности возложенной на насъ задачи по прикрытію отступающихъ товарищей заглушало собою всѣ прочія чувства, которыя, казалось, должны были хлынуть въ душу цѣлымъ потокомъ въ эту роковую минуту, когда вопросъ „быть или

не быть“ сталъ прямо передъ умственнымъ взоромъ. Помню еще одно неприятное чувство, которое также сильно тревожило меня: это была боязнь того, чтобы намъ не очутиться отрѣзанными отъ прочихъ войскъ и не попасться въ плѣнъ къ неприятелю. Вѣдь насъ шло впередъ всего только три роты, изъ коихъ первыя двѣ понесли огромныя потери во вчерашнемъ бою въ Безымянной и въ общемъ, слѣдовательно, нашъ небольшой отрядъ представлялъ собою ничтожную горсточку.

Вотъ упалъ съ раскрытымъ черепомъ заурядъ-прапорщикъ Θ ., упалъ и такъ и остался навсегда на этомъ чуждомъ и далекомъ отъ его родины полѣ; вотъ какъ-то грузно и съ громкимъ и жалобнымъ стономъ повалился сопровождавшій командира штабъ-горнистъ,—старикъ B ., о которомъ я уже говорилъ раньше. Какъ теперь помню его жалобный и почти изступленный вопль: „ой, ой, братцы, помогите; голубчики родные, помогите, кровью изойду“. Осколкомъ снаряда ему перебило ногу, и кость вылѣзла наружу. Вотъ осколокъ хватилъ по головѣ ординарца K ., молодого, красиваго и крайне симпатичнаго солдата, и онъ тоже упалъ, ткнувшись носомъ въ землю, глухо застоналъ отъ боли и тутъ же потерялъ сознание. Ихъ обоихъ удалось вынести, и они оба теперь, слава Богу, здоровы, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ съ перебитой ногой и поврежденнымъ черепомъ.

А мы все шли и шли.

Осколкомъхватило по ногѣ командира; онъ посмотрѣлъ на сапогъ и, убѣдившись, что послѣдній не пробить, хромая пошелъ впередъ, но тутъ же порывисто схватился за правую руку. Я видѣлъ, какъ изъ рукава у него тонкой струйкой закапала кровь, но онъ продолжалъ идти, придерживая раненую руку здоровой. Помню, многіе изъ солдатъ, не будучи въ состояніи выносить этой пытки, ложились, и что называется „вростали“ въ землю, стараясь спрятаться отъ огня; эти люди уже окончательно потеряли головы и едва-ли были пригодны для дѣла. Командиръ, подходя къ нимъ, говорилъ: „вставай, ребята, вставай; выручай товарищей“—и тогда они дѣйствительно вставали и устремлялись впередъ.

Такъ мы прошли приблизительно на версту впередъ и залегли за какими-то ничтожными бугорками. До японцевъ оставалось шаговъ 500—600, и мы лежали и лишь только изрѣдка перестрѣливались съ ними, но атаковать не рѣшались, потому что насъ было мало. Они тоже не шли впередъ, боясь вѣроятно попасть въ какую-нибудь ловушку, тѣмъ болѣе, что изъ рощи, расположенной шагахъ въ 500 назади и влѣво отъ насъ, также раздавались рѣдкіе выстрѣлы и, слѣдовательно, какая-то другая наша часть поддерживала насъ и

тѣмъ вводила непріятеля въ заблужденіе относительно количества нашихъ войскъ.

Молодой и храбрый вольноопредѣляющійся К. то и дѣло всматривался впередъ, не обращая вниманія на постоянно свистящія пули.

Я невольно посмотрѣлъ назадъ — на то поле, по которому мы только что шли подъ сильнымъ огнемъ. Оно было совершенно пусто. Наши войска успѣли уже уйти, и видны были какіе-то одиночные люди, снующіе въ разныхъ направленіяхъ и какъ бы что-то отыскивающіе. Вѣроятно, это были санитары, которые подбирали раненыхъ.

Помню, меня странно поразила дальность разстоянія той деревни, отъ которой мы начали двигаться, и я никакъ не могъ повѣрить, чтобы въ то короткое время, которое прошло, какъ мнѣ показалось, отъ начала нашего наступленія, мы могли бы пройти столько: до деревни была по крайней мѣрѣ верста, а шли мы не быстро,—это я отлично помню, временами даже останавливаясь и поднимая залегшихъ и обробѣвшихъ людей. Вѣроятно, въ такія минуты человѣкъ утрачиваетъ понятіе о масштабѣ времени и, быть можетъ, часъ ему кажется за минуту, хотя приходилось нерѣдко слышать, что и минута иногда кажется часомъ, но развѣ не возможно допустить, что какъ то, такъ и другое вѣрно.

Вдругъ кто-то закричалъ: — „кавалерія, гляди, кавалерія насъ обходить“, и множество глаза уставились въ ту сторону, куда указывалъ солдатъ, увидѣвши кавалерію.

— Да это наши, что попусту орешь,—слышались безпокойные голоса.

— Какъ же наши; держи карманъ; откуда имъ взяться нашимъ-то,—протестовали другіе.

— А казаки. Видалъ, какъ они впередъ насъ пошли.

— А не видалъ развѣ, какъ позади насъ они остались.

— Нѣтъ, не видалъ.—Ну стало и молчи, коли не видалъ.

Такъ спорили между собою люди, всѣ поглощенные вниманіемъ, наблюдая за кавалерійскою частью, которая показалась вправо отъ насъ и видимо старалась зайти намъ наперерѣзъ.

— Эхъ теперь бы орудію сюды, да по имъ бы жарнуть;—во расползлись бы, какъ мураши по полю.

— Пулеметой однако лучше.

— Куды, пулемета не хватитъ: далеко; съ ней что изъ винтовки—все одно.

А пули и снаряды продолжали разсѣкать воздухъ.

Но ни пулеметовъ, ни пушекъ у насъ не было; конница же была

японская, и въ бинокль хорошо было видно, какъ она слегка галопировала въ сомкнутомъ строю.

Такъ какъ колонна нашихъ войскъ уже прошла, то и задача наша была окончена, а потому намъ оставалось только одно:—отступить какъ можно скорѣе и присоединиться къ полку. И вотъ началось это отступленіе подъ убійственнымъ огнемъ противника, который не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нанести намъ возможно большій уронъ. Огонь теперь достигъ до чрезвычайной силы. Люди валились, какъ снопы. То и дѣло слышались крики и стоны раненыхъ. Шрапнели, разрываясь низко надъ землею, вырывали жертву за жертвой. Вообще стало еще жарче, чѣмъ тогда, когда мы шли впередъ.

Каждый, отступая, думалъ, чтобы скорѣе дойти только до роши, что была въ 500 шагахъ за нами и была занята нашими войсками; тамъ за этой рошей было уже безопаснѣе, потому что мы могли отходить скрытно.

Наконецъ, зашли за эту завѣтную рошу и здѣсь, встрѣтивъ небольшую часть другого полка нашей дивизіи подъ командою храбраго подполковника Б., вздохнули свободнѣе.

Послѣ этого потерь у насъ въ этотъ день больше не было, и къ вечеру мы прибыли въ деревню Мутурань, гдѣ командиру полка была сдѣлана первая перевязка какимъ-то проходящимъ врачомъ.

Н—чъ.

ПИСЬМО Е. Н. ЖУЛЕВОЙ ¹⁾ ГР. В. Ө. АДЛЕРБЕРГУ.

Въ исполненіе предписанія Вашего Сіятельства о доставленіи увѣдомленія, признаю ли я предъявленную на меня купцомъ Рябчиковымъ претензію правильною, имѣю честь доложить.

Въ 1852 г., еще до замужества моего, мужъ мой дѣйствительно бралъ въ лавкѣ купца Рябчикова въ кредитъ разные товары и состоялъ ему должнымъ, но долгъ этотъ (количество котораго совершенно мнѣ неизвѣстно) не былъ имъ уплаченъ, по случаю учрежденнаго надъ Рябчиковымъ, по несостоятельности его, конкурса. Впослѣдствіи же, когда Рябчиковъ объявилъ мужу, что дѣйствія этого конкурса уже прекратились, и просилъ какой-нибудь части въ уплату, то мужъ мой—не имѣвшій тогда въ наличности денегъ—несмотря, что кредитъ этотъ былъ сдѣланъ ему безусловно на неопредѣленное время, съ уплатою по мѣрѣ возможности, предложилъ ему получить сполна весь этотъ долгъ съ чиновника Телешова, на что Рябчиковъ изъявилъ полное согласіе, вслѣдствіе чего мужъ мой далъ Рябчикову къ довѣренному лицу письмо о выдачѣ ему, Рябчикову, слѣдующихъ (sic) денегъ, и затѣмъ всѣ между ними расчеты были прекращены совершенно.

Почтительнѣйше излагая здѣсь все, что только мнѣ извѣстно о претензіи купца Рябчикова, для совершеннаго оправданія себя предъ Вашимъ Сіятельствомъ, имѣю честь присовокупить, что я никакого участія въ этихъ расчетахъ не принимала, никогда ему должною не состояла и до сего времени не могу постигнуть причинъ, какія побуждаютъ купца Рябчикова предъявлять претензію свою на меня, при чемъ обязанностію считаю доложить, что Рябчиковъ предъявлялъ свою просьбу на меня въ контору императорскихъ театровъ, но въ поданномъ мною туда отзывѣ я не сочла нужнымъ упоминать о вышеприведенныхъ обстоятельствахъ, какъ относящихся исключительно до частныхъ дѣлъ моего мужа.

По правиламъ и образу жизни моей, я никогда не надѣялась навлечь на себя какія-либо жалобы, поэтому неосновательная и несправедливая просьба купца Рябчикова тѣмъ болѣе для меня обидна и прискорбна, что онъ осмѣлился оклеветать меня предъ Вашимъ Сіятельствомъ, единственнымъ моимъ покровителемъ и защитникомъ.

Жулева.

5 іюня 1856.

Сообщилъ В. А. Алексѣевъ

¹⁾ Извѣстная драматическая актриса, по мужу Небольсина, скончавшаяся въ 1905 году.

Ф. М. Достоевскій по воспоминавіямъ ссыльнаго поляка.

(Окончаніе).

V¹).

Нредыдущее изложеніе, кажется, достаточно подготовило насъ къ тому, какого отношенія къ Достоевскому мы можемъ ожидать со стороны его товарищей по каторгѣ поляковъ, и въ частности Токаржевскаго. Очевидно, это отношеніе не можетъ быть иное, какъ только отрицательное. Въ самомъ дѣлѣ, эти люди стояли на двухъ совершенно противоположныхъ полюсахъ: что одинъ благословлялъ—то другіе съ скрежетомъ зубовъ проклинали; предъ чѣмъ одинъ съ умиленіемъ преклонялся—надъ тѣмъ другіе съ надменностью и презрѣніемъ издѣвались; что веселило и радовало одного—отъ того другіе демонстративно отворачивались.

„Въ январѣ 1850 года,—разсказываетъ Токаржевскій,—привели изъ Петербурга двухъ російскихъ государственныхъ преступниковъ. Это были Сергій Ѳедоровичъ Дуровъ и Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій—оба чрезвычайно слабые, нервно-разстроенные, пропитанные іодомъ и меркуріемъ, точно аптекарскія стеклянки. Они были приговорены къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, а потомъ въ солдаты“. Оставляя въ сторонѣ то, что Токаржевскій говоритъ о Дуровѣ, перехожу прямо къ рѣчи о Достоевскомъ.

„Ф. М. Достоевскій—этотъ чрезмѣрно превознесенный беллетристъ, авторъ „Бѣдныхъ людей“, эта слава сѣверной столицы, сразу показался намъ человѣкомъ, который не доросъ до своей славы. Конечно, онъ обладалъ беллетристическомъ талантомъ, но я, не будучи литераторомъ, а простымъ смертнымъ, не хочу выска-

¹) См. „Русскую Старину“, февраль 1910 г.

зывать своего мнѣнія о повѣстяхъ Достоевскаго, а также дѣлиться тѣми впечатлѣніями, какія я вынесъ отъ чтенія его произведеній. Поэтому, не касаясь его повѣстей, перейду къ изображенію его характера. Какимъ образомъ онъ принималъ участіе въ демократическомъ движеніи, онъ, пышный изъ пышныхъ, и то пышный по той причинѣ, что онъ принадлежалъ къ привилегированной кастѣ?.. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ желать освобожденія крестьянъ, онъ, который читилъ только одну касту и только за одною кастою—дворянствомъ признавалъ право верховенства надъ народомъ всегда и вездѣ? Дворянство, дворянинъ, дворяне, я дворянинъ, мы дворяне—повторялъ онъ постоянно, точно скворецъ, который умѣетъ и любить повторять только одно выраженіе.

Когда, обращаясь къ намъ, полякамъ, онъ говорилъ: мы дворяне, я всякій разъ прерывалъ его, говоря:

— Извините, я полагаю, что въ этомъ острогѣ нѣтъ дворянъ, а есть только люди, лишенные правъ состоянія, есть каторжники...

Тогда онъ приходилъ въ ярость.

— А вы, очевидно, радуетесь тому, что вы--каторжникъ, говорилъ онъ съ злостью и ироніей.

— Да, я радъ тому, что я—каторжникъ, *такой*, каковъ я есмь, отвѣчалъ я спокойно.

Итакъ, какимъ же чудомъ Достоевскій сдѣлался заговорщикомъ?.. Вѣроятно, помимо своей воли увлекся современнымъ движеніемъ, такъ же, какъ съ невольнымъ сожалѣніемъ заявлялъ, что волны заговора довели его до омской каторги“.

Приведенная выписка достаточно ярко свидѣтельствуетъ о томъ, насколько Токаржевскій желаетъ заявить свое умственное и нравственное превосходство предъ Достоевскимъ. По его словамъ выходитъ, что онъ, пожалуй, цѣлой головой былъ выше нашего писателя. Главный доводъ въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что Достоевскій часто ссылался на свое дворянство. Дѣйствительно въ „Запискахъ изъ мертваго дома“ много разъ упоминается о каторжникахъ изъ „дворянъ“, объ ихъ положеніи въ средѣ рядовыхъ арестантовъ, о несообразности для нихъ наказаній, однородныхъ съ тѣми, къ какимъ присуждаются преступники изъ простонародья. Какъ же такъ? Повидимому, Токаржевскій какъ будто и правъ, упрекая Достоевскаго въ важничаньи передъ арестантами, въ томъ, что онъ всегда и вездѣ старался выставить на первый планъ свое дворянское происхожденіе.

Къ сожалѣнію, если внимательно прочесть то, что Достоевскій пишетъ по этому вопросу въ своихъ „Запискахъ“, то окажется, что Токаржевскій или не понялъ или, лучше сказать, не хотѣлъ по-

нять того, что желалъ сказать Достоевскій, говоря о каторжникахъ изъ дворянъ. Увы, не Достоевскій кичился своимъ дворянствомъ передъ арестантами, а наоборотъ, арестанты постоянно давали ему чувствовать, что онъ—дворянинъ. Если Токаржевскій и его единоплеменники отворачивались отъ арестантовъ и даже отталкивали ихъ отъ себя, то Достоевскій, напротивъ, хотѣлъ до извѣстной степени сблизиться съ этой отверженной стихіей, заглянуть въ ея душу, проникнуть въ ея тайну и уловить движущій нервъ этой среды. Но арестанты всегда съ нескрываемымъ злорадствомъ давали ему понять, что онъ для нихъ чужой, что между ними и имъ нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, и это единственно потому, что онъ—дворянинъ.

Когда въ первые мѣсяцы каторги Достоевскій пошелъ на работу, и арестантамъ заданъ былъ урокъ, то всѣ дружно принялись работать. „Но относительно меня, пишетъ онъ, я замѣтилъ одну странность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь“. На него покрикивали, надъ нимъ безжалостно издѣвались. Когда послѣ этого онъ дѣйствительно сталъ въ сторонѣ, тотчасъ же закричали:

— Вотъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

„Все это, разумѣется было нарочно, потому что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и, конечно, они были рады случаю“.

Причина такого отношенія къ каторжникамъ изъ дворянъ заключалась въ томъ, что хотя крѣпостное право и доживало тогда свои послѣдніе дни, но все-таки оно существовало, и Россія по-прежнему дѣлилась на два враждебныхъ стана, которые не могли и не хотѣли понять и признать другъ друга.—„Да-съ, говоритъ Достоевскому Акимъ Акимычъ, дворянъ они не любятъ, особенно политическихъ, съѣсть рады; немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ?“ Въ тонъ этой рѣчи одинъ изъ поляковъ въ первые дни каторги говорилъ Достоевскому:—„Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придратъся. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унизить. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя“.

По понятіямъ каторги дворянинъ, какъ утверждаетъ Достоевскій, долженъ былъ соблюдать и уважать передъ арестантами даже дворянское свое происхожденіе, т. е. нѣжиться, ломаться, брезгать ими фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. „Такъ именно, говоритъ онъ, они понимали, что такое дворянинъ. Они, разумѣется, ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ: я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но за то я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Съ другой стороны, мнѣ не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную вѣжливость, какъ дѣлали поляки“.

Такимъ образомъ Достоевскій волей-неволей долженъ былъ считаться съ понятіями той новой среды, въ которой онъ неожиданно очутился, долженъ былъ принимать во вниманіе всю совокупность той бытовой обстановки, въ которую его бросила судьба. Говоря о дворянахъ, о дворянствѣ, Достоевскій лишь хотѣлъ показать, насколько тяжела и невыносима была жизнь въ каторгѣ для человѣка, вышедшаго не изъ простонародья, вообще человѣка интеллигентнаго. Но при этомъ нужно имѣть въ виду, что слова „интеллигенція“, „интеллигентъ“, „интеллигентный“ еще не вошли тогда въ обиходъ русской литературы, и потому Достоевскій по необходимости пользовался общеупотребительнымъ, всѣмъ понятнымъ словомъ „дворянинъ“, тѣмъ болѣе, что въ то время слова „дворянинъ“ и человѣкъ „образованный“ были почти синонимы. „Ненависть, говоритъ Достоевскій, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе нѣсколькихъ первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ“.

Въ другомъ мѣстѣ Достоевскій болѣе подробно развиваетъ эту мысль, доказывая, что дворянину въ каторгѣ не можетъ быть одинаково тяжело, какъ и всякому мужику; при этомъ слово дворянинъ онъ варьируетъ словами человѣкъ образованный, человѣкъ изъ высшаго слоя общества, благородный, но нигдѣ не употребляетъ выраженія интеллигентный. „Дворянину, человѣку образованному, не потому тяжело въ каторгѣ, что они чувствуютъ утонченнѣе, что они болѣе развиты, и не потому также, что наступаетъ перемѣна привычекъ, образа жизни, пищи и проч., хотя, конечно, все это дается имъ тяжело, чѣмъ мужику, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ, по крайней мѣрѣ, сыто наѣдался. Нѣтъ, говоритъ Достоевскій, важнѣе всего этого то, что всякій изъ новопривыкшихъ въ острогѣ, черезъ два часа по прибытіи, становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится у себя дома, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій

другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, и главное—не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ, наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, бессознательно. Не свой человекъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ жить не въ своей средѣ“.

Я привелъ обширныя, хотя далеко не полныя выписки изъ „Записокъ“ Достоевскаго относительно положенія дворянъ на каторгѣ. Такъ, напр., я совсѣмъ не упомянулъ о томъ, какимъ издѣвательствамъ онъ подвергся, когда сталъ строиться вмѣстѣ съ другими арестантами заявлять „претензію“. Разказавъ объ этой „претензіи“, Достоевскій въ заключеніе говоритъ: „Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно не ясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я разарестантъ, хоть на вѣки вѣчныя, хоть особаго отдѣленія“. Сдѣлалъ я эти выписки не съ тѣмъ, чтобы защищать Достоевскаго отъ нелѣпыхъ обвиненій. Это была бы слишкомъ большая честь для моего слабаго пера. Полное собраніе сочиненій Достоевскаго служить достаточной для него защитой. Моя цѣль была только напомнить истинный смыслъ того, что сказалъ Достоевскій, когда говорилъ о дворянахъ во время пребыванія своего на каторгѣ. Но если бы даже онъ и сказалъ, что дворянинъ выше обыкновеннаго разбойника, то, вѣроятно, не много погрѣшилъ бы противъ истины. Право же, этотъ „міръ отверженныхъ“ ничего, кромѣ ужаса, возбуждать не можетъ. Тѣмъ не менѣе Достоевскій не скрывалъ правды и относительно нѣкоторыхъ дворянъ, которые въ изображеніи его оказались хуже самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. „Образованіе, говоритъ онъ, уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзить и, какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не ходите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій“.

VI.

Обрисовавъ по-своему или, правильнѣе сказать, въ достаточной степени извративъ соціальныя воззрѣнія нашего писателя на дво-

рянство и крестьянство, Токаржевскій переходитъ къ дальнѣйшему изложенію нѣкоторыхъ подробностей политическихъ его взглядовъ.

„Достоевскій,—говоритъ онъ,—ненавидѣлъ поляковъ, потому что по чертамъ его лица и по фамиліи, увы! можно было узнать его польское происхожденіе; онъ говорилъ, что если бы зналъ, что въ его жилахъ течетъ хоть одна капля польской крови, то велѣлъ бы тотчасъ же ее выпустить. Какъ больно было слушать, когда этотъ заговорщикъ, этотъ человѣкъ, приговоренный къ казни за свободу и прогрессъ, заявлялъ, что тогда только почувствуетъ себя счастливымъ, когда всѣ народы перейдутъ подъ господство Россіи, подъ власть кнута. Онъ никогда не говорилъ, что Украина, Волынь, Подолія, Литва, что, наконецъ, вся Польша—край „забранный“ (т. е. отнятый, завоеванный), но доказывалъ, что всѣ эти пространства являются исконною собственностью Россіи, что рука Божіей справедливости отдала эти области, эти края подъ скипетръ царя, такъ какъ они не могли существовать самостоятельно и долго еще пребывали бы во тьмѣ, варварствѣ и бѣдности. Прибалтійскій край, по мнѣнію Достоевскаго,—это подлинная Русь; Сибирь и Кавказъ—тоже. Слушая эти мнѣнія, мы приходили къ убѣжденію, что Ф. М. Достоевскій въ извѣстныхъ пунктахъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ. Онъ же съ самодовольствомъ постоянно повторялъ эти абсурды. Онъ утверждалъ даже, что Константинополь давно долженъ принадлежать Россіи, какъ равно и вся Европейская Турція, которая въ недалекомъ будущемъ составитъ украшеніе Россійской Имперіи.

„Однажды Достоевскій продекламировалъ свое произведеніе—оду на будущее вступленіе побѣдоносной русской арміи въ Константинополь. Ода была дѣйствительно хороша, но, однако, никто изъ насъ не торопился съ похвалами, я же спросилъ:

— А на возвратный путь у васъ оды нѣтъ?

Онъ запылалъ гнѣвомъ, злился на меня, называлъ неукомъ и варваромъ, при чемъ такъ кричалъ, что по всему острогу каторжники стали говорить:

— Политическіе преступники дерутся.

Чтобы прервать эту сцену, мы всѣ вышли изъ казармы во дворъ.

По мнѣнію Достоевскаго, на свѣтѣ существуетъ только одинъ великій народъ, предназначенный къ возвышенной миссіи, это—русскіе. Французы еще немного похожи на людей, но англичане, нѣмцы, испанцы—это просто каррикатуры. Литература другихъ народовъ по сравненію съ русской литературой не больше, какъ пародія. Помню, когда я сказалъ, что у насъ въ 1844 г. объявлена была подписка на переводъ „Вѣчнаго жида“, то онъ сперва не хотѣлъ этому

вѣрить, а потомъ сказалъ, что это ложь. Но тутъ вмѣшался Дуровъ и увѣрилъ его въ справедливости моихъ словъ. Несмотря на это, онъ все еще не довѣрялъ, такъ какъ это было особенностью его натуры, чтобы каждый народъ, не говоря уже о ненавистныхъ ему полякахъ, лишить всего того, что въ немъ было великаго, прекраснаго, благороднаго; онъ желалъ все это уничтожить, стереть, сгладить, лишь бы парадоксами доказать превосходство русскихъ передъ остальными народами всего міра. Кромѣ того, Достоевскій часто дѣлался несноснымъ, прямо невозможнымъ въ спорахъ. Слишкомъ много думающій о себѣ и грубый, онъ вынудилъ насъ къ тому, что мы перестали съ нимъ спорить, а послѣ даже вовсе перестали съ нимъ разговаривать и не хотѣли его знать. Можетъ быть, эта неровность характера, эта возбудимость темперамента была у Достоевскаго признакомъ болѣзни. Онъ дѣйствительно былъ нервноразстроенный и больной. Исковерканность понятій Достоевскаго можетъ быть оправдана лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ воспитанникомъ кадетскаго корпуса.

Какимъ же образомъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, Ө. М. Достоевскій, попалъ въ каторгу, какъ государственный преступникъ? По его собственнымъ рассказамъ, онъ очень много читалъ. Несомнѣнно, картины великой французской революціи воспламенили его воображеніе, но это былъ соломенный огонь; несомнѣнно, въ твореніяхъ великихъ мыслителей онъ нашелъ высокія идеи, которыя проникли въ его мозгъ, нашли откликъ въ его сердцѣ. И это увлекло его на ту дорогу, съ которой онъ желалъ впослѣдствіи свернуть какъ можно скорѣе.

По выходѣ съ каторги Достоевскій былъ отданъ въ военную службу, въ батальонъ, стоявшій въ Семипалатинскѣ. Здѣсь, во время войны, онъ написалъ стихи, въ которыхъ императора Николая I поставилъ выше всѣхъ боговъ Олимпа и хотѣлъ, чтобы эти стихи были напечатаны въ газетахъ. Не знаю, были ли они дѣйствительно напечатаны. Очевидно, онъ рассчитывалъ угодничествомъ добиться уменьшенія наказанія, а можетъ быть, за дивирамбъ получить еще щедрю награду. Приведенные факты вполне оправдываютъ тотъ приговоръ, какой мы всѣ, бывшіе въ омской каторгѣ, вынесли о Достоевскомъ, именно, что онъ былъ человѣкъ слабаго характера. Что онъ ненавидѣлъ поляковъ—это можно ему извинить. Вѣдь, мы переносили и извиняли еще болѣе тяжкую ненависть, потому что „прирученный волкъ и пріятель по принужденію“ приносятъ мало пользы“.

На этомъ Токаржевскій заканчиваетъ свои воспоминанія о Достоевскомъ.

VII.

Что сказать объ этой странной, уродливой характеристикѣ? Какъ понять и чѣмъ объяснить эту злую, дикую каррикатуру на нашего великаго писателя, это безоглядное издѣвательство надъ нимъ? Съ одной стороны, человѣконенавистничество къ полякамъ и высокомеріе передъ всѣми народами, съ другой—ода на взятіе Константинополя и угодничество передъ императоромъ Николаемъ I,—что все это значить? Чѣмъ объяснить такое неумолимое желаніе Токаржевскаго пригвоздить Достоевскаго къ позорному столбу?

Во всякомъ случаѣ, судя по тому, что Достоевскій пишетъ о полякахъ въ своихъ „Запискахъ“, нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить, будто онъ ненавидѣлъ поляковъ. Объ этомъ необходимо упомянуть въ виду того, что хотя Токаржевскій писалъ свои воспоминанія въ Сибири, тотчасъ по выходѣ изъ каторги, т. е. одновременно съ тѣмъ, какъ и Достоевскій набрасывалъ свои „Записки“, но затѣмъ, по возвращеніи въ 1883 году изъ вторичной 19-лѣтней ссылки, онъ, по его словамъ, дополнилъ ихъ подробностями, которыя первоначально опустилъ. Слѣдовательно, онъ могъ читать „Записки изъ Мертваго дома“ и знать, какъ отзывался о полякахъ Достоевскій. И я имѣю основаніе полагать, что Токаржевскій читалъ ихъ и зналъ все это. Вотъ если бы при этихъ условіяхъ Достоевскій изобразилъ поляковъ съ отрицательной стороны, тогда была бы понятна злоба противъ него со стороны Токаржевскаго, было бы естественно желаніе отомстить ему. Но однако въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ. Поэтому если кого и можно упрекнуть въ нетерпимости и исключительности, то отнюдь не Достоевскаго.

Оставляя въ сторонѣ легенду о польскомъ происхожденіи Достоевскаго, для сужденія о которой у меня нѣтъ матеріаловъ, обращаюсь къ тѣмъ страницамъ „Записокъ“, въ которыхъ онъ говоритъ о полякахъ. Они удостоились такой чести, что онъ посвятилъ имъ хотя и не большую, но все-таки цѣлую главу. И здѣсь не только нѣтъ ни намека, ни даже тѣни какой-либо ненависти, но, напротивъ, звучать ноты самой глубокой грусти, самаго неистребимаго сочувствія и состраданія. При этомъ Достоевскій нисколько не скрываетъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ томъ числѣ съ Токаржевскимъ, онъ разошелся, о чемъ тутъ же высказываетъ сожалѣніе. „Это было мнѣ очень жаль“.

„Т—кій былъ хоть и необразованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ, однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—каго, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились

съ Б—кимъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—кимъ, кажется, разошелся впоследствии за Б—каго, хотя долго крѣпился“. Подъ буквами Б—кій подразумѣвается Юсифъ Богуславскій, котораго Токаржевскій обыкновенно называетъ „Юзекъ“. Далѣе о Токаржевскомъ Достоевскій рассказываетъ такой эпизодъ.

„Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста ихъ первой ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—каго на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги (по словамъ Токаржевскаго около 700 верстъ), когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полъ-этапа“. Объ этомъ эпизодѣ упоминаетъ также и самъ Токаржевскій, при чемъ добавляетъ, что арестанты считали его по этому случаю силачемъ и боялись задѣвать его. Въ предыдущей главѣ о томъ же Токаржевскомъ Достоевскій отзывается такъ: „Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то высказывалось въ каждомъ жестѣ его“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Достоевскій даетъ объ авторѣ воспоминаній самый симпатичный отзывъ, въ которомъ злѣйшій врагъ нашего писателя не можетъ усмотрѣть не то, что ненависти, а просто недобраго чувства къ полякамъ. Не менѣе симпатично говорить Достоевскій и о Богуславскомъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, такъ что Достоевскій долженъ былъ разойтись съ нѣкоторыми изъ поляковъ. „Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда даже до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и впоследствии разошелся съ Б—кимъ, но за то никогда не переставалъ любить его. Разойдясь съ Б—кимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—кимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ“. Отзывъ Достоевскаго о Богуславскомъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ основанъ не на поверхностномъ знакомствѣ его съ этимъ послѣднимъ, а на долгомъ и всестороннемъ изученіи. „Мы, говоритъ Достоевскій, года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили о нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. *Славный былъ онъ* человѣкъ; но убѣжденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣкотораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни *выстрадано*, такою дорогою цѣной они достались, что оторваться отъ нихъ уже

слишкомъ больно, почти невозможно. Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ во многомъ, можетъ быть, онъ былъ правъ и меня—не знаю; но мы, наконецъ, разстались, и это было мнѣ очень больно; мы уже много раздѣлили вмѣстѣ“.

Что, похоже все это на ненависть къ полякамъ? Не правда ли, сколько самой высокой терпимости, сколько самаго широкаго великодушія проявилъ Достоевскій въ этихъ строкахъ, въ которыхъ я нарочно подчеркнул болѣе выдающіяся слова. Онъ не только понимаетъ невозможность измѣнить выстраданныя, дорогой цѣной доставшіяся убѣжденія, но даже готовъ уступить въ правотѣ своихъ, тоже выстраданныхъ и не менѣе дорогой цѣной доставшихся убѣжденій. Какъ же послѣ этого назвать выходку Токаржевскаго, его упреки Достоевскому въ ненависти къ полякамъ, въ грубости и нетерпимости въ спорахъ? И развѣ можетъ быть рѣчь о грубости и нетерпимости въ отношеніи человѣка, о которомъ даже самый рѣшительный арестантъ въ каторгѣ Петровъ говорилъ, что онъ „слишкомъ доброй души человѣкъ“ и „ужь такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ“.

Мы привели отзывы Достоевскаго о тѣхъ двухъ полякахъ, съ которыми онъ впослѣдствіи разошелся. Посмотримъ теперь, какъ онъ отзывался объ остальныхъ. „Съ М-кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недоверчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько іезуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывали его затаенный, глубокой скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа, страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однако же на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б-кимъ и съ другомъ его Т-кимъ“.

Достоевскій былъ глубокой психологъ, умѣвшій заглянуть въ самые сокровенные тайники человѣческой души. Но замѣчаете ли вы, съ какой нѣжностью и деликатностью онъ затрагиваетъ чувствительныя ея струны. Каждый разъ въ подобномъ случаѣ онъ считаетъ нужнымъ обставлять свою рѣчь уступками и оговорками:

„можетъ быть, я не правъ“, „можетъ быть, я ошибаюсь“... И вотъ послѣ этого говорятъ, что онъ былъ грубый, нетерпимый человѣкъ. Это тѣмъ болѣе обидно, что онъ не только вполне понималъ тяжелое психическое состояніе поляковъ, но даже отчасти оправдывалъ тотъ тонъ, какой они усвоили по отношенію къ каторжникамъ. „Всѣ они были больные нравственно, желчныя, раздражительныя, недоувѣрчивыя. Это понятно—имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и, что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ“.

Затѣмъ въ своихъ „Запискахъ“ Достоевскій подробно говоритъ о Жоховскомъ, о которомъ уже было упомянуто. Онъ называетъ его человѣкомъ *честнымъ*, но нѣсколько страннымъ. Богуславскій и Токаржевскій его не любили и даже не говорили съ нимъ. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Все это очень характерно, особенно потому, что Токаржевскій изображаетъ дѣло такъ, будто поляки представляли единую, дружную семью, что называется, безъ сучка и задоринки. А на дѣлѣ, какъ оказывается, было иначе и все шло согласно поговоркѣ: гдѣ два поляка, тамъ три мнѣнія. Какъ бы то ни было, но и о Жоховскомъ Достоевскій говоритъ очень дружелюбно, настаивая въ особенности на томъ, что за свою набожность онъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей.

Наконецъ, объ остальныхъ полякахъ Достоевскій выражается такъ: „двое были еще очень молодые люди, присланные на краткіе сроки, малообразованные, *но честныя, простыя, прямыя*. Третій, А-чуковскій (Анчиковскій), былъ уже слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б-мъ (Бемъ— по воспоминаніямъ Токаржевскаго), человѣкъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Это была грубая, мелкомѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обсчитанныя копейки. Онъ былъ безъ всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный“.

Въ приведенныхъ выдержкахъ дано все болѣе существенное, что Достоевскій сказалъ о полякахъ въ „Запискахъ изъ Мертваго дома“. Гдѣ же здѣсь ненависть къ полякамъ, или хотя бы даже тѣнь ка-

кого-либо недоброжелательства къ нимъ? Ничего подобнаго. Если бы Достоевскій дѣйствительно ненавидѣлъ поляковъ, то у такого необычайно искренняго человѣка, какъ онъ, это не могло бы не прорваться въ то время, когда онъ говоритъ о своихъ товарищахъ по каторгѣ, съ которыми прожилъ нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ даже рассорился. Между тѣмъ, что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Однихъ—тѣхъ именно, съ которыми рассорился, онъ любилъ, другихъ, хоть и не любилъ, но уважалъ, всѣхъ вообще считалъ прямыми, честными, добрыми, за исключеніемъ одного Бема, котораго изобразилъ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ, но и то вовсе не потому, что онъ былъ полякъ, а просто потому, что это была мелкомѣщанская душа. Однако и у этого послѣдняго открылъ талантъ, именно—что онъ былъ прекрасный маляръ. Если такъ, то очевидно, что разглагольствованія Токаржевскаго о ненависти Достоевскаго къ полякамъ не болѣе, какъ неосновательная выдумка.

VIII.

Достоевскій, какъ извѣстно, хотя и не былъ правовѣрнымъ славянофиломъ, однако въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ этой школѣ. Въ объяснительномъ словѣ къ знаменитой Пушкинской рѣчи, напечатанной въ „Дневникѣ писателя“ за 1880 годъ, онъ говоритъ, что „представители славянофильства тутъ же, сейчасъ же вполне согласились со всѣми ея выводами“ и далѣе прибавляетъ, что высказанное въ ней „новое слово“ вполне соответствовало „духу и направленію партіи нашей“, разумѣя подъ „нашей партіей“ кружокъ славянофиловъ. Въ „Дневникѣ писателя“ за іюль—августъ 1877 года Достоевскій говоритъ прямо: „Я во многомъ убѣжденій чисто славянофильскихъ, хотя, можетъ быть, и не вполне славянофилъ“. Обрывки этого-то славянофильскаго ученія и пытается изобразить Токаржевскій, немилосердно утрируя основные его пункты.

Главный грѣхъ Достоевскаго Токаржевскій видитъ въ томъ, что онъ приписывалъ русскому народу міровую роль и тѣмъ самымъ будто бы хотѣлъ лишить остальные народы всего того великаго и прекраснаго, что они внесли въ общечеловѣческую сокровищницу культуры и цивилизаціи. На этотъ странный упрекъ прекрасный отвѣтъ далъ самъ Достоевскій. Указывая на „характернѣйшую черту художественнаго генія Пушкина—способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй“, онъ затѣмъ поясняетъ: „Но не для умаленія такой величины европейскихъ геніевъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, сказалъ я это; такой

глупенькій выводъ изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всемирность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина мировыхъ типовъ человѣка арійскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подтвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію“.

Подмѣченная Достоевскимъ въ Пушкинѣ особенная черта его генія составляетъ, по мнѣнію Достоевскаго, отличительную особенность всего русскаго народа. „Народъ нашъ, пишетъ онъ, именно заключаетъ въ душѣ своей эту склонность къ всемирной отзывчивости и къ всепримиренію, и уже проявилъ ее во все двухсотлѣтіе съ Петровской реформы не разъ. Обозначая эту способность народа нашего, я не могъ не выставить въ то же время, въ фактъ этомъ, и великаго утѣшенія для насъ въ нашемъ будущемъ, великой и, можетъ быть, величайшей надежды нашей, свѣтящей намъ впереди. Главное, я обозначилъ то, что стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно, *въ основаніи своемъ*, но и народно, совпадало вполнѣ съ стремленіями самаго духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль“. Давая свое опредѣленіе славянофильства въ „Дневникѣ“ за 1877 годъ, Достоевскій пишетъ, что „славянофильство, кромѣ объединенія славянъ подъ началомъ Россіи, означаетъ и заключаетъ въ себѣ духовный союзъ всѣхъ вѣрующихъ въ то, что великая наша Россія, во главѣ объединенныхъ славянъ, скажетъ всему міру, всему европейскому человѣчеству и цивилизаціи его свое новое здоровое и еще неслыханное міромъ слово. Слово это будетъ сказано во благо и во истину уже въ соединеніе всего человѣчества новымъ, братскимъ всемирнымъ союзомъ, начала котораго лежатъ въ геніи славянъ, а преимущественно въ духѣ великаго народа русскаго, столь долго страдавшаго, столь много вѣковъ обреченнаго на молчаніе, но всегда заключавшаго въ себѣ великія силы для будущаго разъясненія и разрѣшенія многихъ горькихъ и самыхъ роковыхъ недоразумѣній западно-европейской цивилизаціи. Вотъ къ этому-то отдѣлу убѣжденныхъ и вѣрующихъ принадлежу, говоритъ Достоевскій, и я“.

Само собою разумѣется, что предназначаемая Достоевскимъ русскому народу мировая роль вовсе не есть призывъ къ гордости. Въ этомъ именно смыслъ былъ высказанъ ему упрекъ въ русской публицистикѣ еще послѣ Пушкинской рѣчи. Но онъ тогда же отвѣчалъ, что не къ гордости призывалъ русскій народъ, а лишь къ тому, чтобы русскій народъ „сталъ братомъ всѣхъ людей“. „Неужели же, продолжаетъ онъ, свѣтлая надежда, что хоть когда-нибудь въ нашемъ страдающемъ мірѣ осуществится братство, и что и намъ, можетъ быть, *позволятъ стать братьями* всѣхъ людей, неужели

эта надежда есть уже гордость и призывъ къ гордости? Что же, развѣ я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что къ всемірному, ко всечеловѣчески-братскому единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено“.

Въ такомъ же идеально - нравственномъ смыслѣ Достоевскій неоднократно говорилъ и о томъ, что рано-ли поздно-ли, а Константинополь долженъ быть нашъ. И это должно случиться само собою, потому что время пришло, но не для захвата и насилія, а для объединенія всѣхъ славянъ подъ крыломъ Россіи. Объединеніе же ихъ будетъ состоять не въ „уничтоженіи славянскихъ личностей предъ русскимъ колоссомъ, а для того, чтобы ихъ же возсоздать и поставить въ надлежащее отношеніе къ Европѣ и человѣчеству, дать имъ наконецъ возможность успокоиться и отдохнуть послѣ ихъ безчисленныхъ вѣковыхъ страданій; собраться съ духомъ и, ощутивъ свою новую силу, принести и свою лепту въ сокровищницу духа человѣческаго, сказать и свое слово въ цивилизаціи“. На будущія политическія отношенія славянъ къ Россіи Достоевскій смотрѣлъ такъ, что Россія—„покровительница ихъ и даже, можетъ быть, предводительница, но не владычица; мать ихъ, а не госпожа. Если даже и государыня ихъ когда-нибудь, то лишь по собственному ихъ провозглашенію, съ сохраненіемъ всего того, чѣмъ сами они опредѣлили бы независимость и личность свою“.

Я нисколько не удивился бы и ничего не нашелъ бы позорнаго въ томъ, если бы эти высокоидеальныя мечты Достоевскаго, которыхъ не въ состояніи былъ понять Токаржевскій, разрѣшились стихотвореніемъ на вступленіе русскихъ въ Константинополь. Столь же естественнымъ было со стороны Достоевскаго написать патриотическое стихотвореніе по поводу крымской войны. Съ началомъ военныхъ дѣйствій необычайный подъемъ патриотическаго одушевленія широкой волной прокатился по всей странѣ. Повсюду стали составляться ополченія, многіе шли на войну добровольцами, въ журналахъ и газетахъ того времени полился цѣлый дождь патриотическихъ стихотвореній. Чувствовалось, что затронута народная струна, которая такъ мощно прозвучала въ двѣнадцатомъ году. Конечно, такой искренній и отзывчивый, столь патриотически-настроенный челоуѣкъ, какъ Достоевскій, не могъ не откликнуться на тогдашнія событія, но подозрѣвать въ этомъ низменныя побужденія можетъ только Токаржевскій.

Весьма понятно, что Токаржевскій недоумѣвалъ, какимъ образомъ Достоевскій при его возрѣніяхъ могъ попасть въ каторгу, но во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ права говорить, что Досто-

евскій мечталъ о покореніи всѣхъ народовъ подъ власть кнута, такъ какъ по мысли Достоевскаго единеніе людей должно произойти на основахъ братства, а не въ силу завоеванія при помощи меча. При этомъ главную роль въ достиженіи этого единенія Достоевскій приписывалъ русскому народу, а это-то, надо полагать, и не нравилось Токаржевскому, который предпочелъ бы, чтобы эта роль принадлежала польскому народу. Такая постановка дѣла казалась ему тѣмъ справедливѣе, что по его понятіямъ польскій народъ является носителемъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ русскій народъ погруженъ въ глубокое варварство. Вотъ, напр., какъ Токаржевскій выражается о культурно-просвѣтительномъ значеніи поляковъ въ Сибири. „Мы, поляки-каторжники, въ Омскѣ, Тобольскѣ, Нерчинскѣ, на Уралѣ и въ иныхъ рудникахъ и крѣпостяхъ Сибири, мы, поляки, смѣло можемъ утверждать, что на этихъ сѣверныхъ окраинахъ мы были первыми сѣятелями цивилизаціи и здравыхъ нравственныхъ понятій. Мы не возбуждали тамъ никогда ненависти или мести, а напротивъ чувства любви и прощенія. Дружески протянутыя къ намъ руки, но только руки неоскверненныя и чистыя, мы искренно—по-братски готовы были пожать; къ нашей же несчастной родинѣ мы возбуждали горячее сочувствіе и удивленіе“. Все это хорошо, но довольно напыщенно; съ другой стороны, тому, кто знаетъ, что сдѣлали для умственного и нравственного подъема Сибири наши декабристы, работавшіе тамъ задолго до появленія въ ней ссыльныхъ поляковъ, тому—слова Токаржевскаго покажутся совершенно неумѣстными.

IX.

До сихъ поръ мы видѣли въ воспоминаніяхъ Токаржевскаго отрицательныя черты: его враждебное отношеніе къ Достоевскому, презрѣніе къ товарищамъ по каторгѣ и при случаѣ самовосхваленіе. Что же положительнаго даютъ намъ эти воспоминанія и почему они достойны нашего вниманія?

„Записки изъ Мертваго дома“ были привѣтствованы при своемъ появленіи, какъ произведеніе необычайно-реалистическое. Въ литературѣ и обществѣ въ то время былъ спросъ на подобныя произведенія; выше всего цѣнилась „трезвая правда“. Эта репутація реализма впоследствии упрочилась за произведеніемъ Достоевскаго въ русской критикѣ навсегда. Теперь, ознакомившись съ содержаніемъ воспоминаній Токаржевскаго, мы имѣемъ право сказать, что правильность сужденій русской критики о произведеніи Достоевскаго „Записки изъ Мертваго дома“ можетъ быть подтверждена и доказана, такъ

*

сказать, документально. Дѣйствительно, въ этихъ „Запискахъ“ ни одного лица, ни одного разговора, ни одного слова нѣтъ выдуманнаго. Все это—подлинная жизнь, все это—живая реальная дѣйствительность, претворенная творческой фантазіей художника и развернутая передъ нами въ видѣ необъятной картины, полной самыхъ разнообразныхъ сценъ, типовъ, характеровъ и дѣйствій. Токаржевскій повторяетъ многое изъ того, что есть у Достоевскаго, напр., о наказаніи розгами Жоховскаго, о старикѣ-раскольникѣ, котораго всѣ каторжане, а особенно поляки, очень почитали, о еврей Исаи Бумштейнѣ, о дворянинѣ Аристовѣ, котораго такъ не любилъ Достоевскій.

Мы видимъ, что реализмъ произведенія Достоевскаго простирается до того, что можно приводить подлинныя имена лицъ, имъ изображенныхъ. Нѣсколько такихъ именъ мы уже привели. Къ нимъ можемъ прибавить еще плацъ-маіора, котораго Достоевскій называетъ „восьмиглазымъ“, а Токаржевскій Васькой. Это былъ Василій Григорьевичъ Кривцовъ. Карьера его закончилась печально: онъ былъ отданъ подъ судъ и удаленъ отъ службы. Токаржевскій рассказываетъ между прочимъ такой эпизодъ по этому поводу.

Сосланный вторично на каторгу въ 1864 году, онъ проходилъ съ партіей арестантовъ черезъ Омскъ и захотѣлось ему вновь посмотреть тотъ острогъ, въ которомъ онъ провелъ семь лѣтъ. Повидавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ старыхъ знакомыхъ, онъ возвращался на этапъ, какъ вдругъ на крѣпостномъ мосту его остановилъ какой-то нищій, слезливымъ голосомъ просившій милостыни. „Останавливаюсь, вынимаю портмоне, присматриваюсь и глазамъ своимъ не вѣрю. О, диво, этотъ нищій былъ Васька! Да, это былъ бывший плацъ-маіоръ омской крѣпости В. Г. Кривцовъ. Въ первый моментъ я хотѣлъ отвернуться отъ этой противной гадины и уйти. Но потомъ раздумалъ, и мнѣ захотѣлось отомстить: я далъ ему рубль. Онъ поднялъ свои пьяные глаза, узналъ меня и снялъ шапку.

— Что съ вами, Василій Григорьевичъ?—спросилъ я.

— Богъ наказалъ меня за покойника Жоховскаго, за всѣхъ васъ. Простите.

Онъ хотѣлъ поцѣловать у меня руку, но я не далъ, увѣряя, что мы, поляки, давно забыли всѣ обиды и оскорбленія“. (Характерно, что даже и здѣсь Токаржевскій не преминулъ подчеркнуть благородство поляковъ).

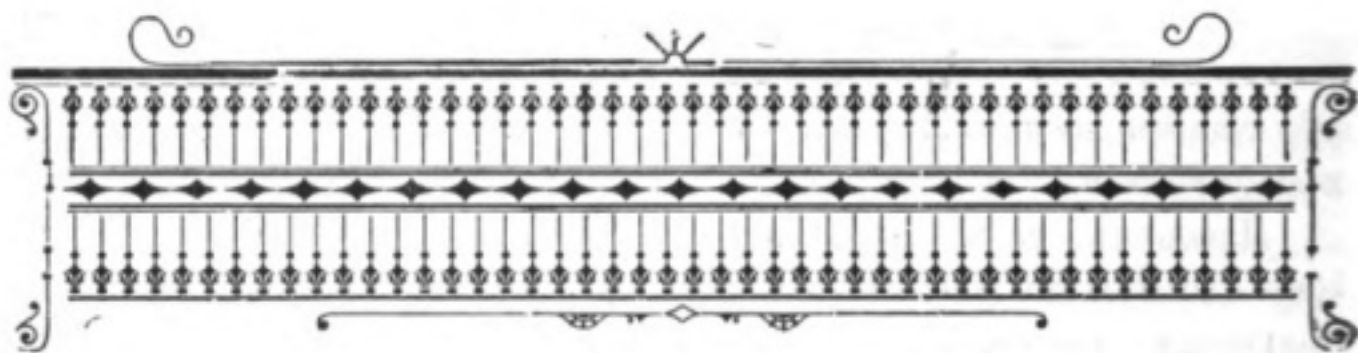
Мы уже указывали, какъ поразительно мѣтко изобразилъ Достоевскій поляковъ, бывшихъ въ каторгѣ, какъ проникъ въ ихъ душу, какими вѣрными чертами обрисовалъ всѣхъ вмѣстѣ и cadaго въ отдѣльности. Токаржевскій какъ нельзя лучше подтверждаетъ все

это своими воспоминаніями. И это тоже положительная сторона его воспоминаній.

Наконецъ, тѣ же воспоминанія даютъ матеріаль для освѣщенія еще одной мало изслѣдованной подробности въ писательской дѣятельности Достоевскаго. До сихъ поръ многіе, вопреки увѣреніямъ самого Достоевскаго, полагали, что каторга изломала, исковеркала его, что она губельно повліяла на него, заставивъ кореннымъ образомъ измѣнить свои убѣжденія, что тѣ идеалы, тѣ свѣтлыя надежды и мечты, которыя онъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ, особенно же въ „Дневникѣ писателя“, были полною противоположностью идеаловъ и взглядовъ, проводимыхъ имъ на зарѣ его писательства. Воспоминанія Токаржевскаго являются въ настоящее время документомъ, вполне опровергающимъ это предвзятое мнѣніе. Оказывается, что тѣ же идеи, которыя съ такимъ блескомъ, съ такою силою вполне созрѣвшаго таланта Достоевскій развивалъ въ послѣдніе годы своей жизни, онъ высказывалъ еще въ каторгѣ.

В. Храневичъ.

Наброски изъ моей жизни.

Будучи среднимъ, такъ сказать, человѣкомъ, которыхъ на Руси цѣлые миллионы, я никогда не думалъ писать не только о своихъ воспоминаніяхъ, но даже какія бы то ни было замѣтки о своей жизни. Только теперь, на восьмидесятомъ году, уступая настоянію моихъ дѣтей, желающихъ, чтобы я оставилъ послѣ себя имъ на память какой-нибудь слѣдъ своей жизни, кромѣ сухого формуляра, я позволяю себѣ выступить съ настоящими набросками.

I.

Въ теченіе восьмидесятилѣтней моей жизни неизбежно я встрѣчалъ массу лицъ самыхъ разнообразныхъ характеровъ, общественныхъ и служебныхъ положеній и профессій, съ которыми приходилось сталкиваться по разнымъ причинамъ, а иногда и совмѣстно работать. Въ жизни же моей мнѣ пришлось столкнуться съ людьми самыхъ противоположныхъ направленій, начиная съ лицъ, стоящихъ во главѣ министерствъ до политическаго убійцы Мезенцова. Въ воспоминаніяхъ этихъ моя личность будетъ фигурировать только какъ ничтожная точка, вокругъ которой случайно вращались люди, имѣющіе полное право на власть и авторитетъ и оказавшіе въ свое время большія заслуги.

Отецъ мой былъ служивый дворянинъ и занималъ мѣсто совѣтника правленія Государственнаго заемнаго банка, давно уже не существующаго. На мѣстѣ, гдѣ было это учрежденіе, нынѣ помѣщается Государственная комиссія погашенія долговъ. Какъ всѣ

„и охота тебѣ, Сереженька, въ матросы идти, и будутъ тебя всю жизнь называть матросъ смоленая ж-а“. Эта фраза такъ на меня подѣйствовала, что я на другой день со слезами на глазахъ заявилъ отцу, что хочу быть кадетомъ, а матросомъ быть не желаю.

И вотъ, на слѣдующій день отецъ повезъ меня въ корпусъ на Васильевскій Островъ. Часто мнѣ приходится сравнивать тогдашній приемъ съ нынѣшнимъ, и сравненіе это далеко не въ пользу нынѣшняго. При тогдашнемъ приемѣ у родителей не болѣло сердце за своихъ дѣтей; отвозя сыновей въ корпусъ, они знали, что сынъ ихъ во всякомъ случаѣ пристроенъ, получить даромъ, если не воспитаніе, то образованіе, будетъ сытъ и одѣтъ, не требуя отъ родителей ни копѣйки денегъ. Не только конкурснаго экзамена не было, но испытаніе въ познаніяхъ не могло даже назваться экзаменомъ. Родителямъ не приходилось, какъ это случается нынѣ, пріѣзжать изъ-за тысячи верстъ и возвращаться обратно ни съ чѣмъ, а только со слезами на глазахъ.

Въ пансіонѣ у какой-то мадамы на Гороховой улицѣ я выучился читать и писать по-русски, запомнилъ нѣсколько басенъ, нѣсколько разговорныхъ фразъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и четыре правила изъ ариѳметики. Но всѣ эти мои познанія, сколько помню, очень хромали во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, однако, я удостоился приема и сталъ кадетомъ.

На слѣдующій день насъ еще въ собственныхъ платьяхъ посадили въ классъ; былъ урокъ французскаго языка, который преподавалъ Мирандъ. Между поступившими и сидѣвшими въ классѣ новичками было много и кадетъ, оставшихся на второй годъ въ томъ же классѣ. До прихода учителя эти кадеты тотчасъ же приступили къ намъ, новичкамъ, преподавая правила поведенія. Правила эти, болѣе или менѣе, извѣстны и свойственны всѣмъ закрытымъ заведеніямъ. Запомнить ихъ не представляло большого труда: кадетскій катехизисъ былъ довольно кратокъ и простъ. Существенные принципы его состояли въ томъ, чтобы не жаловаться на побои, не выдавать товарища, не признаваться въ содѣянномъ проступкѣ и пр.

Было еще одно правило, почерпнутое, вѣроятно, изъ обыденнаго общежитія. Существуетъ, говорятъ, давній обычай, что кража собаки и книги не есть воровство. Это до такой степени бываетъ часто, что одинъ мой знакомый нѣкто Кузьминъ всегда на 25-й страницѣ купленной имъ книги писалъ: сія книга украдена у П. А. Кузьмина.

Такой принципъ былъ введенъ кадетами на счетъ съѣстнаго и гласилъ „воровать другъ у друга съѣстное не грѣхъ“. Это правило особенно тщательно соблюдалось, и кадеты самые честные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ практиковали этотъ узаконенный кадетскими

правилами грабежъ въ большомъ размѣрѣ. Но это практиковалось отнюдь не посредствомъ насилія, а какимъ-нибудь ловкимъ и хитрымъ способомъ. Но потомъ я убѣдился на себѣ, что многіе старые кадеты упростили этотъ способъ добыванія съѣстнаго; вмѣсто изобрѣтенія всякихъ хитростей, они просто приказывали кадетамъ младшаго возраста приносить себѣ изъ отпуска съѣстное. И это исполнялось точно, ибо въ противномъ случаѣ ожидалась, какъ нынѣ говорится, репрессія. Про себя я, по правдѣ не могу сказать, чтобы очень много отъ этого терпѣлъ, ибо если я приносилъ что-нибудь изъ дому, то весьма немного, да потомъ и сторожилъ свое съѣстное съ усиленной охраной. Къ тому же надо прибавить, что изъ числа отпускныхъ дней врядъ ли половина приходилась на мою долю, я думаю, что большинство изъ нихъ я просидѣлъ безъ отпуска. О причинахъ этого мнѣ придется сказать нѣсколько словъ ниже, а теперь я перехожу прямо къ кадетской жизни.

Нынѣ безпрестанно слышится и отъ родителей и отъ воспитательнаго персонала о переутомленіи дѣтей и юношей. Въ наше время мы и понятія не имѣли объ этомъ словѣ, хотя были заняты почти весь день. Нашъ режимъ былъ слѣдующій: въ 5½ часовъ мы по звуку барабана должны были вставать; время до 7 часовъ полагалось на молитву, осмотръ чистоты платья, сапогъ, рукъ и завтракъ, который состоялъ изъ габерь-супа и бѣлаго хлѣба. Въ мое время эта утренняя пища, вскорѣ послѣ моего вступленія въ корпусъ, была замѣнена сбитнемъ съ булкой. Съ 7 до 8 часовъ шли занятія въ залахъ, а съ 8 до 11 были двѣ лекціи въ классахъ, отъ 11 до часу были занятія фронтомъ, гимнастикой, танцами, фехтованіемъ, а въ старшемъ классѣ верховою ѣздою. Отъ часу до трехъ обѣдъ и занятія. Но для занятій уроками почти ничего не приходилось, ибо послѣ обѣда насъ, разставя около своихъ кроватей, учили, какъ отвѣчать начальству, если оно поздоровадается, и какъ раскланиваться, если это начальство съ своей стороны удостоитъ насъ своимъ поклономъ. Все это дѣлалось на случай пріѣзда Императора Николая Павловича или В. К. Михаила Павловича, бывшаго въ то время Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ обѣда и усиленныхъ поклоновъ воображаемому начальству, въ 3 часа начинались вечерніе классы до 6 часовъ. Въ 8 ужинали, а въ 9 должны были лечь спать. И при такомъ режимѣ мы въ большинствѣ не чувствовали никакого утомленія, а были свѣжи, бодры, выдумывали всякія школьныя продѣлки надъ своими офицерами и веселились во всю.

И вотъ при такомъ режимѣ въ 1840 году, я попалъ въ нерав-

жированную роту, которою командовалъ капитанъ Михаэль. Это былъ человѣкъ средняго роста съ черными волосами, небольшими усиками и весьма серьезнымъ лицомъ. На меня онъ произвелъ крайне непріятное впечатлѣніе, и я какъ бы почувствовалъ, что отъ него мнѣ придется испытать много непріятнаго, что и случилось въ дѣйствительности.

По прибытіи въ роту насъ заставили выучить наизусть такъ называемое словесное ученіе, состоящее въ заучиваніи именъ и чиновъ всего начальства. Я до сихъ поръ помню, что директоръ корпуса былъ генералъ Годенъ, батальонный командиръ полковникъ Вишняковъ, инспекторъ классовъ А. Я. Кушакевичъ, его помощникомъ А. І. Даниловскій, старшій докторъ М. Д. Сольскій.

Во время бытности моей въ корпусѣ перемѣнилось три директора, первымъ былъ, какъ я уже сказалъ, генералъ Годенъ. О немъ я не могу сказать ничего, ибо онъ рѣдко бывалъ въ классахъ или дортуарахъ; да къ тому же онъ былъ при мнѣ не долго. Я помню только его фигуру во время посѣщенія имъ классовъ. Обыкновенно онъ проходилъ по классамъ въ ермолкѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и, хлопая себя по животу, говаривалъ: „изъ cadaго класса по два человѣка“. Къ моему величайшему изумленію и неудовольствію въ числѣ этихъ двухъ или трехъ человѣкъ, какъ-то очень часто попадался я, хотя почти никогда не могъ додуматься, какое такое ужасное преступленіе совершилъ, чтобы подвергаться столь часто тѣлесному наказанію. А тѣлесное наказаніе было тѣмъ болѣе жестоко, что оно находилось въ рукахъ ротнаго командира. Каждый изъ нихъ могъ безнаказанно тиранить дѣтей, сколько ему угодно, и мой ротный капитанъ Михаэль пользовался этимъ безгранично. О немъ нѣсколько лѣтъ назадъ говорилъ въ „Вѣстникѣ Европы“ нынѣ покойный Жемчужниковъ, бывшій нѣкоторое время въ корпусѣ. Каждое утро, послѣ завтрака, онъ приходилъ въ роту и, получивъ рапортъ отъ дежурнаго офицера о поведеніи кадетъ, вызывалъ виновныхъ, обыкновенно человѣка четыре, требовалъ розогъ, и начиналась при посредствѣ четырехъ служителей кровавая расправа. Надо замѣтить, что наказаніе не всегда сообразовалось со степенью вины; кадетъ, почему-либо заслужившій симпатію Михаэля, избѣгалъ слишкомъ суровой кары, а дурной, по его мнѣнію, кадетъ иногда подвергался наказанію за оторванную пуговицу, невычищенные сапоги и т. п. Но были у него любимчики, родители которыхъ имѣли возможность платить ему за чай, которымъ онъ поилъ ихъ дѣтей два раза въ день.

Не знаю, потому ли, что я часто попадался въ шалостяхъ, а иногда, надо правду сказать, былъ инициаторомъ разныхъ продѣлокъ,

Михаэль не взлюбилъ меня съ перваго раза, и начало дурной репутаціи, которая сопровождала меня до самаго выпуска въ офицеры, было положено имъ. Я думаю, что рекомендація Михаэля переходила изъ роты въ роту вмѣстѣ со мною, а каждый ротный командиръ принималъ эту аттестацію на вѣру и, получивъ меня, уже заранѣе предрекалъ мнѣ мою будущность. Такъ, пока я былъ у Михаэля, онъ не разъ говорилъ мнѣ: „Не думай, что ты хорошо учишься, то будешь офицеромъ, твоя дорога прямо въ кантонисты, ибо поведеніе твое изъ рукъ вонъ—плохо“.

И хотя я инстинктивно чувствовалъ, что ничего безнравственнаго не дѣлалъ, ни въ чемъ позорномъ не былъ замѣченъ, и къ счастью былъ любимъ товарищами, которые никогда меня не выдавали, тѣмъ не менѣе, я надъ угрозой своего замѣчательнаго педагога иногда задумывался. Мнѣ было жалко моего старика-отца, который чуть не каждую субботу самъ приходилъ за мною и вмѣсто того, чтобы взять меня съ собою въ отпускъ, кланялся Михаэлю, выслушивалъ исторію моихъ проказъ за недѣлю и чуть не плача уговаривалъ меня остепениться. Къ стыду своему долженъ признаться, что все это дѣйствовало на меня моментально, я горько плакалъ, раскаивался, но чрезъ нѣкоторое время кипѣвшая кадетская жизнь увлекала меня въ свой омутъ, и я уже снова или стоялъ во главѣ какой-нибудь затѣи или былъ горячимъ участникомъ въ ней.

Слѣдующіе за Михаэлемъ ротные командиры, получивъ мою аттестацію, уже повысили меня въ рангъ и вмѣсто кантонистовъ стали страшать юнкерами, говоря: „Хотя не много малъ ростомъ, но ничего—въ юнкера годишься. Вотъ твоя настоящая дорога“.

И такъ мнѣ предстояла весьма плачевная участь, если бы не явился на сцену мой благодѣтельный геній, въ лицѣ директора корпуса генерала Шлиппенбаха.

Вступленіе Шлиппенбаха въ должность директора произвело на всѣхъ грозное впечатлѣніе. Обходя, однажды, классъ, онъ вызывалъ всѣхъ, у кого были дурные баллы. Набравъ такихъ десятка два, онъ приказалъ принести розги и началъ расправу. Наказаніе не было жестоко, но всѣ были пересѣчены. Этотъ день былъ нами названъ днемъ сорока мучениковъ. Припоминаю одинъ случай, бывший съ Дометти. Получивъ свою порцію и одѣваясь, онъ имѣлъ неосторожность сказать, что онъ не виноватъ, ибо у него нѣтъ способности.

— Нѣтъ способности, бѣдный мальчикъ, ты бы такъ мнѣ и сказалъ, ну, положите его еще; дайте ему способности.

И несчастнаго Дометти положили снова, нѣсколькими ударами придали ему способности и отпустили съ миромъ.

И этотъ Дометти, уже рѣшившійся не кончить курса и выйти въ гарнизонный баталіонъ, дошелъ до спеціальныхъ классовъ, вышелъ въ офицеры и, кажется, былъ переведенъ въ гвардію.

Въ мое время въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ гарнизонный баталіонъ, называвшійся баталіономъ внутренней стражи. Командирами этихъ баталіоновъ назначались, если не исключительно, то по преимуществу гвардейскіе офицеры. Кромѣ того, при батальонѣ находились инвалидныя и этапныя команды. Офицерами въ этихъ батальонахъ и командахъ были выслужившіеся изъ нижнихъ чиновъ унтеръ-офицеры и фельдфебеля.

И вотъ въ такое-то общество добрые наставники и выбрасывали часто молодежь. Я не скажу, чтобы это поощрялось начальствомъ, и чтобы выкидывалось за бортъ очень много, но смѣло скажу, что не знаю примѣра, чтобы кто-нибудь теплымъ словомъ уговорилъ кадета хоть какъ-нибудь кончить курсъ и выйти въ армію, а не въ юнкера или въ гарнизонъ. Никто не рисовалъ ему картину предстоящей жизни среди почти всегда пьяныхъ будущихъ товарищей; никто не останавливалъ его, когда онъ, ходя по залу, громко распѣвалъ:

Мы знаемъ твердо нашъ законъ
И на судьбу свою не ропщемъ.
И, чтобы выйти въ гарнизонъ,
Довольно быть въ четвертомъ общемъ.

Отпраздновавъ сорокъ мучениковъ, Шлиппенбахъ сдѣлалъ крутой переломъ; самъ онъ наказывалъ тѣлесно очень рѣдко и не жестоко, но ни одинъ ротный командиръ не могъ своею властью высѣчь кадета. Не знаю, было ли это распоряженіе свыше или инициатива принадлежала самому Шлиппенбаху, могу сказать только, что онъ слѣдилъ за всѣмъ, зналъ почти каждаго кадета, обращался съ нами очень ласково и даже простилъ мнѣ крайне необдуманнѣйшій поступокъ.

Такъ какъ многіе не ходили въ отпускъ, потому, что не имѣли въ городѣ ни родителей, ни знакомыхъ, а между тѣмъ были на хорошемъ счету, то имъ дозволялись нѣкоторыя вольности и между прочимъ кататься верхомъ въ манежѣ съ разрѣшенія не помню чьего. Должно быть, ротнаго командира. Какъ бы то ни было, въ одно изъ воскресеній, почему-то такого разрѣшенія не дали. Между тѣмъ, многихъ разбирала охота покататься верхомъ, но они не знали, что дѣлать. Тогда на помощь имъ явился я.

— Давайте, я вамъ подпишу разрѣшеніе—сказалъ я.—Никакъ ты съ ума сошелъ; тебя за это непременно выгонять изъ корпуса, развѣ можно подписываться подъ чужую руку.

— Зачѣмъ подѣ чужую; я подпишу какъ слѣдуетъ свою фамилію.

Верховой ѣздѣ обучалъ берейторъ Бирнбаумъ; но самъ онъ рѣдко бывалъ, а обыкновенно обучалъ берейторъ унтеръ-офицеръ Слажневъ безграмотный, какъ всѣ нижніе чины того времени. Когда онъ получалъ разрѣшительную записку, то дѣлалъ видъ будто бы ее читаетъ, на самомъ же дѣлѣ онъ считалъ подчеркнутыя фамиліи и по числу этихъ фамилій приказывалъ осѣдлывать назначенное число лошадей. Мы всѣ это очень хорошо знали. И вотъ я, не долго думая, взялъ бумагу и написалъ выдать лошадей Иванову 1, Иванову 2, Иванову 3 и Иванову 4-му; всѣ фамиліи подчеркнулъ и подписалъ заслуженный кадетъ Зыковъ.

Я такъ мало думалъ объ этомъ неосторожномъ поступкѣ, что тотчасъ же и забылъ его, будучи увѣренъ, что подпись моя никогда не выйдетъ наружу, ибо никакъ не предполагалъ, чтобы берейторъ хранилъ эти записки или передавалъ ихъ кому-нибудь.

Каково же было мое удивленіе и страхъ, когда въ одинъ прекрасный день Шлиппенбахъ вошелъ въ роту, съ какою-то бумажкою въ рукѣ и произнесъ совершенно спокойно:

— А кто тутъ у васъ заслуженный кадетъ? Поди-ка сюда. Я стоялъ и молчалъ.

— Что же, братъ, заслуженный, напакостить съумѣлъ, а отвѣчать боишься.

Я вышелъ впередъ.

— Ну, теперь выходите четыре Иванова.

Никто не выходилъ; Шлиппенбахъ, выждавъ немного, обратился ко мнѣ.

— Ну, такъ ты, заслуженный, покажи четырехъ Ивановыхъ, которые тебѣ повѣрили.

Я конечно молчалъ, а потомъ сталъ говорить, что это было такъ давно, что не помню и никого не могу назвать. Шлиппенбахъ, зная кадетскую жизнь и будучи человѣкомъ добрымъ, хорошо понималъ, что я не выдамъ товарищей, и прибѣгать къ тѣлесному наказанію не желалъ, почему, подумавъ немного, онъ сказалъ:

— Учишься ты хорошо, но шалишь много, а за такую шалость слѣдовало бы тебя посѣчь, ну, да ужъ Богъ съ тобой. Посадите его подѣ арестъ, да не пускайте его въ отпускъ цѣлый мѣсяць, пусть посидитъ и опомнится.

Услышавъ такую милостивую и столь неожиданную резолюцію, я не вѣрилъ своимъ ушамъ, рассчитывая угодить въ юнкера. Я вдругъ почувствовалъ себя совершенно другимъ человѣкомъ; мнѣ стало какъ-то совѣстно за самого себя, и въ эту минуту я искренно

раскаивался въ своемъ поступкѣ и готовъ былъ подвергнуться какому угодно наказанію.

Прошелъ мѣсяцъ, и я былъ уже у Шлиппенбаха на одномъ изъ вечеровъ, устраиваемыхъ имъ у себя дома, куда приглашались нѣкоторые кадеты, проводя время среди его семьи, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ дочерей.

Прошло мѣсяца два, и Шлиппенбахъ, придя однажды въ роту, обратился къ ротному командиру съ вопросомъ:

— А что, заслуженный кадетъ какъ ведетъ себя?

— До сихъ поръ ни въ чемъ замѣченъ не былъ.

— Ну, такъ вы произведите его въ ефрейторы, учится онъ хорошо, а шалить перестанетъ; ему совѣстно будетъ шалить.

Такой сюрпризъ меня ошеломилъ, ничего подобнаго я не ожидалъ и даже не понималъ.

Видя къ себѣ такое доброжелательное отношеніе, я дѣйствительно прекратилъ свои школьныя выходки и уже ни въ чемъ не попадался. Къ сожалѣнію, Шлиппенбахъ вскорѣ оставилъ корпусъ. Причиною удаленія его было то обстоятельство, что онъ съ какимъ-то другимъ компаніономъ пустилъ по Невскому проспекту омнибусы. Это не понравилось Императору Николаю Павловичу, и онъ былъ назначенъ членомъ совѣта военно-учебныхъ заведеній.

Съ удаленіемъ Шлиппенбаха директоромъ былъ назначенъ въ чинѣ полковника Лихонинъ. Это былъ человекъ совсѣмъ другого сорта; мягкій по наружи, онъ былъ черстваго сердца, не заслужилъ ни въ комъ симпатіи.

Съ производствомъ моимъ въ ефрейторы, репутація моя въ глазахъ ротнаго командира измѣнилась не много. Если я ни въ чемъ не попадался, то это приписывалось моей хитрости, и многія чужія продѣлки приписывались безъ всякаго основанія моему тайному руководству, вслѣдствіе чего я оставался ефрейторомъ безъ всякаго повышенія и только уже передъ самымъ выпускомъ въ офицеры, чтобы я не потерялъ старшинства, меня произвели въ унтеръ-офицеры.

Какъ бы то ни было, но, наконецъ, въ 1849 г. я, къ моему счастью и радости отца, вопреки предсказаніямъ моихъ добрыхъ воспитателей, попалъ не въ кантонисты или юнкера, а въ офицеры и притомъ въ артиллерію. Въ мое время гвардія была доступна только для фельдфебелей, которыхъ было по числу ротъ пять. Затѣмъ, слѣдующіе смотря по балламъ выходили по желанію въ артиллерію или въ саперы, а затѣмъ всѣ остальные въ армію или въ линейные баталіоны.

Считаю не лишнимъ сказать два, три слова о горцахъ, приво-

зимыхъ ежегодно въ кадетскіе корпуса съ Кавказа. Это были дѣти такъ называвшихся въ то время мирныхъ черкесовъ. Въ мое время въ 1-мъ корпусѣ было человѣкъ десять, изъ которыхъ я хорошо помню князя Махтіева, Туганова, Балакаши Алибекъ Араблинскаго и немирнаго сына знаменитаго Шамиля. Всѣ они ходили въ своихъ національныхъ красивыхъ костюмахъ, при чемъ парадные костюмы ихъ, обшитые серебромъ, отличались роскошью. Въ одной экспедиціи сынъ Шамиля былъ раненъ въ руку казачьей пикой и взятъ въ плѣнъ. Сначала онъ ходилъ въ національномъ костюмѣ, а потомъ въ обыкновенной кадетской курткѣ, совершенно обрусѣвъ, былъ прекраснымъ товарищемъ и участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ разныхъ продѣлкахъ.

Мнѣ необходимо сказать о Шамилѣ нѣсколько словъ, въ виду того, что о немъ создавалась цѣлая романическая легенда. Еще недавно кто-то писалъ, какъ онъ влюбился въ какую-то аристократку, велъ съ нею переписку на французскомъ языкѣ и съ горестью разставался съ нею, уѣзжая на Кавказъ. Все это отъ начала до конца совершенный вздоръ.

Всѣмъ прошедшимъ чрезъ военно-учебное заведеніе очень хорошо извѣстно, что иностранные языки были въ полномъ загонѣ, и если поступавшіе въ корпусъ были знакомы съ французскимъ языкомъ, то, по вступленіи въ корпусъ, пробывъ въ немъ семь и восемь лѣтъ, совершенно его забывали. Это было даже съ нѣмцами, которые забывали свой природный языкъ, тѣмъ менѣе, конечно, могъ изучить сколько-нибудь основательно французскій языкъ Шамиль, что и было въ дѣйствительности. Никакихъ знакомствъ внѣ корпуса онъ не имѣлъ и ни къ кому въ отпускъ не ходилъ. Вообще горцы или сидѣли все время въ корпусѣ или нѣкоторые изъ нихъ иногда ходили къ своимъ знакомымъ, служившимъ въ конвоѣ, казармы которыхъ находились тамъ, гдѣ нынѣ выстроена синагога.

Я самъ не былъ свидѣтелемъ отправленія его на родину, но слышалъ, что онъ очень неохотно туда отправлялся. Оно и понятно: привыкнувъ къ жизни цивилизованной, получивъ нѣкоторое образованіе, пользуясь нѣсколько лѣтъ относительнымъ комфортомъ, ему не могло быть пріятнымъ вернуться къ аульной жизни на Кавказѣ.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть и самого отца Шамиля. Во время пребыванія его въ Петербургѣ съ него снимали портретъ въ фотографическомъ павильонѣ Главнаго Штаба, гдѣ имѣется въ огромномъ масштабѣ рельефная карта Кавказа. Я былъ свидѣтелемъ, какъ быстро ориентировался онъ при первомъ взглядѣ на карту; онъ тотчасъ же началъ что-то показывать и быстро говорить. Это онъ съ жаромъ указывалъ на ту долину Алазани, въ которой, сдѣ-

лавъ набѣгъ, взялъ въ плѣнъ княгиню Орбельяни, взявъ которой получилъ своего сына.

Другой сынъ Шамиля, остававшійся при отцѣ, служилъ въ турецкихъ войскахъ, дрался противъ насъ, а по окончаніи войны поступилъ къ намъ на службу и, кажется, кончилъ жизнь въ чинѣ генерала, служа въ Казанскомъ округѣ.

Оканчивая описаніе кадетской жизни, нахожу обязаннымъ упомянуть добрымъ словомъ нѣкоторыхъ преподавателей, которымъ многіе обязаны. Въ числѣ ихъ были Плаксинъ, Добровольскій, Макинъ и Соколовскій. Василій Тимоѣевичъ Плаксинъ былъ добрый и честный старикъ, любившій свое дѣло, прекрасно читавшій басни Крылова, но не терпѣвшій появившуюся въ то время такъ называемую натуральную школу. Онъ былъ искренно преданъ тѣмъ эстетическимъ началамъ, которыми проникнуты произведенія Пушкина и Лермонтова, и отъ души ненавидѣлъ Гоголя. Это очень часто возбуждало между нимъ и нами споры. Но, если мы не могли еще, по недостатку знаній, съ твердостью ему противорѣчить и представлять свои резоны, то и онъ въ свою очередь, осуждая произведенія Гоголя, приводилъ одну только фразу: „къ чему Гоголь показываетъ то, что сама природа у животныхъ прикрыла хвостомъ“. Его поклоненіе Пушкину и Лермонтову отразилось и на насъ, мы очень часто въ свободное время повторяли стихотворенія этихъ поэтовъ, и нѣкоторыя изъ нихъ остались въ моей памяти до нынѣ, хотя мнѣ уже восьмидесятый годъ. Я и теперь могу безошибочно продекламировать всѣ сцены между Онѣгинымъ и Татьяною, и между Татьяною и нянею, а между тѣмъ я не развертывалъ этихъ страницъ со времени моего выпуска. Понятно, съ какимъ чувствомъ я могъ въ 60-хъ годахъ относиться къ тѣмъ критикамъ, которые, переоцѣнивая русскую литературу, увѣряли русскую интеллигенцію, что Пушкинъ не стоитъ ломаннаго гроша, а поэзія его, все равно, что сапоги въ смятку.

Другой преподаватель, оставившій по себѣ въ насъ хорошую память, былъ С. М. Добровольскій, преподававшій самый сухой предметъ—законовѣдѣніе.

Несмотря на то, что программа пестрѣла названіемъ разныхъ административныхъ мѣстъ, начиная отъ Государственнаго Совѣта до Нижняго Земскаго Суда, тѣмъ не менѣе, изъ сравненій нашего законодательства съ западными у каждаго изъ насъ слагалось извѣстное убѣжденіе, которое и закрѣплялось въ нашихъ молодыхъ умахъ. Я вовсе не имѣю права сказать, чтобы преподаватель съ умысломъ подчеркивалъ дурное у насъ и хорошее за границею, но это являлось само собой, и при томъ нерѣдко преподаватель только

отвѣчалъ на наши вопросы. Надо замѣтить, что былъ уже 1848 г., время французской революціи, которая даже въ то суровое время болѣе или менѣе подробно описывалась въ русскихъ газетахъ. Читая въ газетахъ о ходѣ революціи и не понимая многого въ ея ходѣ и развитіи, мы по неволѣ обращались къ нашимъ симпатичнымъ преподавателямъ, которые многое намъ разъясняли тѣмъ болѣе охотно, что тогда, не такъ какъ нынѣ, на очереди былъ вопросъ не социальный, а чисто политическій и шелъ изъ-за борьбы между королемъ съ министрами и его парламентомъ.

Преподаватель исторіи г. Макинъ отличался большою скромностью и деликатностью. Онъ не ограничивался только сухимъ изложеніемъ историческихъ фактовъ, но, по возможности, характеризовалъ цѣлую эпоху, указывая рельефно на главныхъ дѣятелей, которые, такъ сказать, создавали эпоху. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на то или другое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Такимъ образомъ я, по его совѣту, приобрѣлъ замѣчательное сочиненіе, руководство Лоренца въ пяти томахъ, сохранившееся у меня до нынѣ.

И надо сказать, что съ 1844 года до нынѣ не вышло ни одного руководства равнаго ему по достоинству.

Преподаватель статистики, г. Соколовскій былъ очень рѣзокъ, но преподавалъ прекрасно и обстоятельно знакомилъ насъ не только съ дѣятелями чистой статистики, какъ пасторъ Зюсмилхъ, но и съ крупными дѣятелями по части политической экономіи. Онъ цитировалъ намъ Адама Смита и знакомилъ насъ съ фізіократами и меркантилизмомъ. Словомъ, кто хотѣлъ учиться, тотъ могъ получить, если далеко не полное знаніе политической экономіи, то по крайней мѣрѣ имѣлъ азбуку этой науки и при добромъ желаніи могъ читать и продолжать далѣе. По крайней мѣрѣ, я не безъ интереса прочитывалъ нѣкоторыя статьи и въ томъ числѣ помню статью профессора Петербургскаго университета Милютина „Пролетаріи и пауперизмъ во Франціи и Англіи“, напечатанную въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго, если не ошибаюсь, въ 1848 или въ 1849 году.

Прекрасно преподавая, Соколовскій отличался рѣзкостью своего характера. Какъ теперь помню, что многимъ не давалось понятіе о разницѣ между цѣною и цѣнностью, при чемъ бывшая въ литографированныхъ запискахъ фраза „выраженіе полезности въ сферѣ потребности“ многихъ приводила въ смущеніе. Тогда Соколовскій не понимавшимъ этой фразы говорилъ: „вѣдь не кочанъ же капусты на вашихъ плечахъ!“.

Вообще надо сказать, что если мы получили какія-нибудь научныя свѣдѣнія, то только отъ этихъ трехъ преподавателей.

Необходимо прибавить, что развитію нашему много способствовало чтеніе. Мой двоюродный братъ П. А. Фроловъ былъ сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“ и получалъ этотъ журналъ, которымъ пользовался я. Кто-то другой привозилъ „Современникъ“; наконецъ третій привозилъ „Библиотеку для чтенія“ Сенковскаго. Правда, что мы не могли въ то время по достоинству оцѣнить редакторское зубоскальство Сенковскаго и съ удовольствіемъ читали его комично-критическія статьи.

Ко всему этому надо прибавить, что мы имѣли возможность читать нѣкоторыя книги, недоступныя для публики. Этому способствовали два брата Дубельтъ, бывшіе племянниками грознаго, въ свое время начальника III отдѣленія. Дубельты ходили къ нему въ отпускъ и отъ него привозили запрещенные плоды. Къ сожалѣнію, я помню только одну книгу, подъ заглавіемъ „Продѣлки на Кавказѣ“, подписанную, вѣроятно псевдонимомъ, Хамеръ Дебанова.

Что касается дежурныхъ офицеровъ, которые въ то время играли роль воспитателей, то я лучше умолчу, — немногихъ изъ нихъ можно помянуть добрымъ словомъ. Лучшіе изъ нихъ были гвардейскіе и артиллерійскіе офицеры. Многіе даже изъ преподавателей относились къ намъ довольно отрицательно; такъ подполковникъ Германъ весьма часто при шумѣ обращался къ намъ со слѣдующей фразою: „если вы, господа, не прекратите шумъ, то я обращусь къ полиціи“. Подъ этимъ названіемъ онъ подразумѣвалъ дежурнаго офицера.

Въ заключеніе надо сказать о двухъ великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Николаевичахъ. Каждый разъ, передъ лагернымъ сборомъ на ученіе, на корпусномъ плацу, они подъ наблюденіемъ генераль-адъютанта Философова и свитскаго генерала Корфа присылались въ строй, становясь въ кадетскіе ряды. Также точно дѣлалось и въ лагерное время. Здѣсь они держали себя совершенно просто, а во время лагерей на ночныхъ маневрахъ отличались большою рѣзвостью и вмѣстѣ съ кадетами устраивали разныя продѣлки надъ спящими. Въ особенности своею живостью, любезностью и безпритязательностью отличался всѣми любимый Николай Николаевичъ, сохранившій до конца своей жизни благородство характера, природную доброту и безпритязательную любезность, какъ съ равными, такъ и съ подчиненными.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1849 года окончилась моя кадетская жизнь, и я былъ произведенъ въ 2-ю полевую артиллерійскую бригаду, съ назначеніемъ въ резервную батарею.

Будучи произведенъ въ прапорщики 2-й полевой артиллерійской бригады, мнѣ вовсе не пришлось въ ней побывать. Въ то время пе-

реводъ изъ артиллеріи въ другіе ряды войскъ не допускался вовсе, а артиллеристовъ для уравненія офицеровъ весьма часто переводили изъ одной бригады въ другую. Къ тому же въ 1849 году шла венгерская кампанія, и для пополненія комплекта къ артиллерійскимъ частямъ прикомандировывали офицеровъ изъ гарнизонной артиллеріи, производимыхъ изъ фейерверкеровъ и фельдфебелей.

Таковъ былъ составъ резервной и запасной артиллерійской бригады, въ которой мнѣ приходилось начинать службу. Въ батареѣ только одинъ былъ, также какъ и я, изъ кадетъ Дворянскаго полка, нѣкто Шавровъ.

Съ трудомъ отыскалъ я свое новое мѣсто служенія, расположенное среди лѣсовъ Минской губерніи въ довольно большой деревнѣ Автютевичи. Такъ какъ Шавровъ уже тутъ устроился, то онъ пригласилъ меня на совмѣстное жительство въ своемъ помѣщеніи, а помѣщеніе это состояло изъ курной избы съ однимъ маленькимъ окошечкомъ, съ волоковымъ окномъ, чернымъ отъ большихъ таракановъ потолкомъ и землянымъ поломъ.

Не скажу, чтобы я съ ужасомъ и отвращеніемъ избалованнаго мальчика посмотрѣлъ на свое новое жилище, но все-таки меня немного покорибило. Сознавая, впрочемъ, что если постоянный жилецъ выносить эти прелести тогдашней военной стоянки, то чѣмъ же я лучше его. Поблагодаривъ его за гостепріимство, я сталъ жить вмѣстѣ съ нимъ.

Резервныя и запасныя батареи формировались на время войны, а такъ какъ венгерская кампанія оканчивалась, то новыхъ формированій не было, и наша батарея, не имѣвшая ни лошадей, ни орудій, не дѣлала ровно ничего. Въ теченіе цѣлой зимы мы не выходили изъ избы, а весною насъ перевели въ мѣстечки Хойники и Брагино, гдѣ мы тоже ничего не дѣлали.

Живя въ деревнѣ и ничего не дѣлая, можно было сойти съ ума, если бы не одно случайное обстоятельство. Послѣ Шлиппенбаха кадетскимъ лагеремъ командовалъ начальникъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ генералъ Сутгофъ. Юнкера прозвали его Капфигомъ; это названіе перешло и во всѣ другія заведенія, а на наши вопросы, почему его такъ называли, намъ объясняли, что онъ надоѣлъ всѣмъ, безпрестанно говоря: „читайте, господа, Капфига“. Когда я узналъ, что Капфигъ авторъ книгъ, содержащихъ въ себѣ историческіе очерки Франціи, то купилъ нѣсколько книжекъ и увезъ съ собою, вмѣстѣ съ лексикономъ. Вотъ эти-то книги и служили мнѣ развлеченіемъ.

Прошло два года, какъ я былъ артиллеристомъ, не имѣя ни ма-

*

лѣйшаго понятія о настоящей артиллерійской службѣ. Въ корпусѣ была довольно обширная программа по артиллеріи; мы хорошо знали номенклатуру всѣхъ употреблявшихся орудій: полевыхъ, крѣпостныхъ, горныхъ и осадныхъ; знали вѣсь снарядовъ и зарядовъ, свойство пороха, теорію повозокъ, но не имѣли ни малѣйшаго понятія о службѣ, почему, когда въ 1851 г. я былъ переведенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду и очутился въ строю, то былъ почти цѣлый годъ въ самомъ ужасномъ положеніи. При всякомъ перестроеніи не только на рысяхъ, но даже на шагѣ, несмотря на то, что я вѣдиль порядочно, я ежеминутно рисковалъ быть раздавленнымъ при эволюціяхъ, не зная артиллерійскаго устава. Опытные фейерверкеры подсказывали намъ, что нужно дѣлать и что командовать, но сами мы были совершенно беспомощны по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ лагерныхъ сборовъ.

Здѣсь въ Варшавѣ я впервые увидѣлъ будущаго военнаго министра Н. О. Сухозанета и при томъ въ довольно комичномъ видѣ. Онъ производилъ ученіе нашей бригады, въ которой состоялъ мой товарищъ по корпусу, человекъ очень способный и даже талантливый, но вовсе не способный для военной службы. И вотъ во время ученія на рысяхъ, когда всѣ четыре батареи несутся въ одномъ направленіи, взводъ, то есть два орудія, бывшія подъ командою этого офицера, скачутъ въ противоположную сторону.

Какъ всегда, на полѣ собралась масса народа, по преимуществу еврейскаго, глазѣтъ на интересное ученіе.

Какъ только Сухозанетъ увидѣлъ ошибку взводнаго командира, онъ обращается въ сторону толпы и громко кричитъ:

— Народъ, удались; не будь свидѣтелемъ измѣны и позора офицера русской арміи. Онъ бѣжитъ къ непріятелю.

Въ то же время онъ обращается къ батарейному командиру и говоритъ:

— Стрѣляйте въ измѣнника.

Такова была шутовская картина смотра.

На слѣдующій годъ, я отправился въ двадцативосьми-дневный отпускъ въ Петербургъ. Проѣзжая чрезъ Варшаву, я обязанъ былъ явиться начальнику артиллеріи, то есть тому же Сухозанету. Прождавъ, сколько слѣдовало, Сухозанетъ вышелъ въ какомъ-то загадочномъ фланелевомъ костюмѣ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ адъютантовъ, Мордвинова, бывшаго потомъ при Д. А. Милютинѣ директоромъ канцеляріи военнаго министерства.

Осмотрѣвъ меня презрительно величаво съ ногъ до головы, онъ приступилъ къ допросу.

— Ты былъ въ Петербургѣ?—спросилъ онъ.

— Такъ точно, Ваше Превосходительство.

— А что ты тамъ дѣлалъ?

Не зная, что отвѣчать на подобный вопросъ, я молчалъ.

— Сколько же времени ты тамъ пробылъ?

— Двадцать восемь дней.

— Ну что же тамъ новаго?

Я молчалъ, приведенный въ полное смущеніе. Не рассказывать же мнѣ, что я провелъ очень пріятно время у тогдашняго петербургскаго волшебника И. И. Излера, устраивавшаго въ то время волшебныя, по словамъ Булгарина, гулянья съ цыганскими хорами и хоромъ пѣсельниковъ Молчанова.

Выждавъ нѣсколько, Сухозанеть спросилъ опять:

— Что же новаго въ Петербургѣ?

Этотъ вторичный вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку и, вѣроятно, желая избавиться отъ этой пытки, я смѣло отвѣтилъ:

— Ничего, Ваше Превосходительство.

Каково же было мое удивленіе и ужасъ, когда Сухозанеть, обращаясь къ Мордвинову, произнесъ:

— Мордвиновъ, запиши этого нерадиваго офицера. Двадцать восемь дней онъ пробылъ въ Петербургѣ и не знаетъ, что вышелъ новый артиллерійскій уставъ.

Мордвиновъ поклонился и началъ что-то писать на клочкѣ бумаги.

Но я долженъ сказать, что для меня отъ этой записки никакой бѣды не послѣдовало.

Затѣмъ я видѣлъ Сухозанета уже въ качествѣ военнаго министра, когда онъ на приемахъ, полуслѣпой останавливаясь передъ своимъ изображеніемъ въ зеркалѣ, спрашивалъ, что вамъ угодно, и писалъ свои знаменитыя и безграмотныя резолюціи.

Во время службы моей въ 5-й артиллерійской бригадѣ я познакомился съ бывшими въ то время порядками въ артиллеріи, которая тогда комплектовалась, главнымъ образомъ, бывшими кадетами.

Существовавшее въ то время, одно на всю артиллерію артиллерійское училище не могло пополнять комплекта всей артиллеріи, почему лучшіе по успѣхамъ кадеты выпускались въ артиллерію вмѣстѣ съ тѣми изъ артиллерійскаго училища, которые не прошли черезъ офицерскіе классы, тѣ же юнкера, которые окончили курсъ офицерскихъ классовъ, поступали въ гвардейскую артиллерію, въ военно-техническія заведенія или шли преподавателями въ военно-учебное заведеніе.

Преимущество артиллеріи состояло въ томъ, что она не имѣла существовавшаго въ арміи маіорскаго чина и артиллерійскіе капи-

таны производились, также какъ и саперы, не въ майоры, а въ подполковники.

Понятно, что офицерскій составъ здѣсь былъ много лучше, общество держалось дружнѣе и иногда, хотя довольно рѣдко, батарейный командиръ долженъ былъ считаться съ единодушнымъ голосомъ общества офицеровъ. Обращеніе съ офицерами было личнѣе.

У большей части командировъ былъ столъ для офицеровъ; лошади содержались на батарейномъ довольствіи, и командиръ заботился только о справочныхъ цѣнахъ и объ экономическихъ выгодахъ своего собственнаго кармана. На ученьяхъ онъ появлялся очень рѣдко; о строевомъ обученіи забота лежала на старшемъ офицерѣ. Когда же ученье производилъ самъ батарейный командиръ, то вся разница состояла въ томъ, что чаще слышалась команда: „Стой, ѣздовые слѣзай“, вслѣдъ за которою слышались частые глухіе удары нагаекъ о солдатскія спины. Извѣстно, до какихъ тонкостей доходило въ то время муштрованіе, и какое значеніе этой муштровкѣ придавали командиры частей. Я самъ слышалъ, что батарейный командиръ, наказывая ѣздового за то, что онъ дурно равнялся, говорилъ, что строй это церковь, а не равняться въ строю это значитъ обокрасть церковь. Такова была логика нѣмца З—ра.

Въ заключеніе моей артиллерійской службы, не лишнимъ будетъ сказать о ежегодныхъ экзаменахъ въ артиллеріи. Экзамены эти обязаны были держать всѣ офицеры до штабсъ-капитанскаго чина. Каждый офицеръ долженъ былъ представить письменный отвѣтъ изъ фортификаціи, артиллеріи, механики, аналитической геометріи, геометріи и алгебры. Самый же экзамень производился различно. Иногда весь трудъ составленія задачъ и отвѣтовъ на нихъ возлагался на вновь прибывшаго въ батарею офицера, который, какъ должно было полагать по теоріи, не могъ еще забыть ту премудрость, которую впиталъ въ себя въ учебномъ заведеніи. Затѣмъ вопросы эти съ составленными на нихъ отвѣтами разбирались офицерами, переписывались начисто, подписывались и отправлялись въ бригадный штабъ. Понятно, что офицеръ, одинъ разъ выдержавшій подобный экзамень, уже не робѣлъ и могъ съ удовольствіемъ подвергаться такому экзамену хотя бы до генеральскаго чина и притомъ еженедѣльно.

Такая унижительная для обѣихъ сторонъ комедія продолжалась до 1858 года, когда генераль-майоръ Константиновъ возсталъ противъ экзаменовъ, назвавъ поступки обѣихъ сторонъ ихъ собственными именами. Онъ громко высказалъ, что экзамены вмѣсто поощренія къ занятіямъ молодыхъ офицеровъ даютъ имъ лишь поводъ

ухищряться въ подлостяхъ, а потомъ издѣваться надъ слѣпымъ распоряженіемъ, наносятъ этимъ ущербъ службѣ и самой нравственности офицеровъ, унижая ихъ личное достоинство и затрудняя начальство.

Только послѣ такого откровеннаго мнѣнія генерала Константина, экзамены были отмѣнены въ 1858 году.

Въ 1851 году мой однокашникъ и сослуживецъ по батарее Жукъ и другой однокашникъ Лаврентьевъ были въ Академію, о чемъ началъ подумывать и я. На счетъ Академіи, между прочимъ, началась переписка, которая совершенно охладила меня въ моемъ рвеніи поступить туда. Про Академію они писали ужасныя вещи; въ письмахъ говорилось о невозможномъ режимѣ, о директорѣ ея, Сухозанетѣ, обращающемся съ офицерами необыкновенно грубо и просто унижительно. Словомъ, оба они совѣтовали подождать, ибо уже носились слухи, что вскорѣ онъ долженъ уйти.

Однако желаніе выбиться изъ той колен, въ которую я попалъ, было слишкомъ велико, и я хотѣлъ во что бы то ни стало испробовать свои силы на болѣе разнообразномъ пути. Не скажу, что я хотѣлъ бѣжать изъ того общества, среди котораго жилъ; отнюдь нѣтъ; я въ высшей степени былъ доволенъ этимъ обществомъ, радушно встрѣтившимъ меня при переводѣ въ батарею и съ ласкою проводившимъ изъ него. Я съ удовольствіемъ вспоминаю фамиліи Дрентельна, Тышкевича, Дадурова, Заблоцкаго, Черновскаго, Кричинскаго, Лангенса и друг. Всѣ они были люди честные, добрые, и, насколько можно было, облегчали, при тогдашнемъ суровомъ режимѣ, горькое положеніе солдата. Во всякомъ другомъ случаѣ я не покинулъ бы такого общества, если бы не забота о своемъ личномъ положеніи.

Какъ бы то ни было, я рѣшилъ, чтобы ближе ознакомиться съ дѣломъ, основаться въ Петербургѣ. Но какъ туда попасть? Надо замѣтить, что въ мое время переводы были куда легче нынѣшнихъ.

Не угодно ли нынче попасть въ гвардію. Для этого, кромѣ ценза, нужно еще согласіе общества офицеровъ. А это не такъ легко. А въ то время мой родственникъ, изъ Кронштадтскаго линейнаго баталіона, инспекторскимъ департаментомъ, безъ всякаго запроса командира полка, былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ.

Рѣшивъ во что бы то ни стало основаться въ Петербургѣ, я изъ Варшавы написалъ отцу, чтобы онъ постарался какъ-нибудь устроить меня въ Петербургѣ, и сталъ терпѣливо ожидать своей участи. Наконецъ, въ 1858 году я прочелъ, что прикомандировываюсь къ учебной артиллерійской бригадѣ, которая была расположена на Выборгской сторонѣ въ одномъ зданіи съ артиллерійскимъ училищемъ.

Впослѣдствіи мнѣ рассказали, какимъ путемъ состоялся мой переводъ. Чиновникъ инспекторскаго департамента, переведшій своего сына изъ линейнаго баталіона въ гвардію, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ чиновникомъ артиллерійскаго вѣдомства, состоявшимъ при дежурномъ штабъ-офицерѣ Якимахѣ. И вотъ этотъ-то чиновникъ, кажется Григорьевъ, изъ солидарности взаимныхъ другъ другу услугъ и устроилъ это дѣло. Вѣроятно, это что-нибудь стояло моему отцу, который, однако, никогда мнѣ этого не открылъ.

Какъ бы то ни было, но одна изъ цѣлей моихъ была достигнута.

Учебная артиллерійская бригада состояла изъ трехъ батарей; одна, которую командовалъ Полубояриновъ, имѣла лошадей, а другія двѣ не имѣли; всѣми тремя батареями командовалъ полковникъ Ведемейеръ. Здѣсь моими сослуживцами были Языковъ, обучавшій насъ въ корпусѣ приѣмамъ при орудіяхъ, Бѣлянинъ и Петрушевскій, авторъ біографіи Суворова.

Однажды я былъ свидѣтелемъ, какъ преподаватель Закона Божія о. Ниль, рѣшилъ важный религіозно-философскій вопросъ о Св. Троицѣ. Стоящій передъ нимъ солдатъ изображалъ на своемъ лицѣ полное недоумѣніе.

— Вотъ никакъ не могу втолковать о единствѣ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Такъ какъ я въ этомъ случаѣ не могъ ему ничѣмъ помочь, то промолчалъ.

О. Ниль, подумавъ немного, вновь обратился къ солдату:

— Подай сюда твою шапку.

— Вотъ это что? спросилъ онъ, указывая на верхъ тульи.

— Это верхъ, отвѣчалъ солдатъ.

— А это? продолжалъ онъ, указывая на околышъ.

— Околышекъ.

— А это?

— Это козырекъ, былъ отвѣтъ.

— А все вмѣстѣ?

— Шапка.

— Ну вотъ видишь, какъ это просто: тулья, околышъ и козырекъ три вещи, а все вмѣстѣ одна вещь-шапка. Ну теперь понялъ?

— Понялъ, отвѣчалъ солдатъ.

Здѣсь же въ Петербургѣ отъ бывшихъ въ это время въ Академіи, Жукова и Лаврентьева я слышался довольно много о Сухозанетѣ. Изъ множества рассказовъ я приведу только одинъ случай, бывшій съ Лаврентьевымъ.

Сухозанетъ жилъ въ своемъ домѣ на Невскомъ проспектѣ, въ

домъ, если не ошибаюсь, принадлежащемъ нынѣ Купеческой управѣ. Ежедневно отъ Академіи назначался дежурный, который, кажется, въ пять часовъ обязанъ былъ прибыть въ его квартиру. Здѣсь въ первой комнатѣ стоялъ круглый столъ, на которомъ были разбросаны книги и записки по предметамъ академическаго курса. Пришедшій дежурный ждалъ его выхода въ англійскій клубъ, который онъ посѣщалъ ежедневно. Очень рѣдко, выходя, онъ скоро отпуская дежурнаго, чаще приходилось ожидать его довольно долго до возвращенія изъ клуба. И вотъ что однажды пришлось вынести Лаврентьеву. Едва онъ вошелъ, какъ камердинеръ объявилъ ему, что сегодня генералъ приказалъ дежурнаго посадить въ его большой залъ и тамъ дожидаться генерала. Понятно, что Лаврентьевъ усѣлся на стулъ въ залѣ еле освѣщенной и сталъ ожидать рѣшенія своей участи. Наконецъ, въ 11 часовъ камердинеръ позвалъ его къ генералу.

— Гдѣ ты сидѣлъ? спросилъ Сухозанетъ Лаврентьева.

— Въ большомъ залѣ, Ваше Высокопревосходительство.

— Все время тамъ?

— Такъ точно.

— Ну, а холодно тамъ?

— Да довольно прохладно, Ваше Высокопревосходительство.

— Не знаю топить или нѣтъ? завтра у меня балъ, сказалъ Сухозанетъ.

— Ну, можешь идти домой.

Можно понять, съ какимъ почтительнымъ чувствомъ уходилъ Лаврентьевъ отъ такого милаго начальника.

Надо замѣтить, что обращеніе съ офицерами въ то время было грубое, но обращеніе Сухозанета съ офицерами было возмутительное. Говорятъ, что такъ какъ бывшіе при Александрѣ I святскіе офицеры, что соотвѣтствовало Генеральному Штабу, были въ большомъ числѣ между декабристами, то Николай Павловичъ назначилъ Сухозанета съ пѣлюю искоренить свободный духъ въ Академіи.

Но если Сухозанетъ говорилъ офицерамъ ты, то онъ мало церемонился и съ профессорами. Тотъ же Лаврентьевъ передавалъ мнѣ, что Сухозанетъ однажды явился въ аудиторію въ то время, когда профессоръ военной исторіи полковникъ Богдановичъ читалъ лекцію о сраженіи 1813 года, въ которомъ участвовалъ Сухозанетъ. Остановивъ профессора, онъ сказалъ:

„Хотя я никогда не промышлялъ преподаваніемъ, но на этотъ разъ могу вамъ рассказать, какъ было дѣло“; и вслѣдъ затѣмъ сказалъ нѣсколько словъ о сраженіи, въ которомъ онъ участвовалъ.

Между тѣмъ, объ академическомъ режимѣ и о директорѣ ея хорошо было извѣстно и въ арміи, откуда число желающихъ поступить въ Академію становилось съ каждымъ годомъ все менѣе,

дойдя наконецъ до того, что въ старшемъ курсѣ, гдѣ были Лаврентьевъ, Беренесъ, Аничковъ, Махотинъ и др., оставалось семь человѣкъ, почему ихъ и прозвали семью новѣйшими мудрецами.

Вотъ тогда-то наконецъ спохватились и стали придумывать, какъ бы и чѣмъ заманить офицеровъ въ Генеральный Штабъ. Не знаю, правда или нѣтъ, но на этотъ счетъ ходили очень занимательные слухи; то одни предлагали Генеральному Штабу бѣлую подкладку, то другіе совѣтовали дать кавалерійскія рейтузы и сабли, наконецъ, нѣкоторые предлагали увеличить содержаніе и проч. Но лучше всѣхъ понялъ въ чемъ дѣло Императоръ Николай Павловичъ, который сообразилъ, что Сухозанетъ, изгоняя вольный духъ изъ Академіи, дѣйствовалъ не по разуму, разогнавъ единственное заведеніе, подготовлявшее офицеровъ для спеціальной службы.

Надо замѣтить, что хотя Сухозанетъ по своей службѣ и военнымъ заслугамъ двумъ Императорамъ и занималъ видное мѣсто, однако, по нѣкоторымъ причинамъ его не особенно долюбивалъ Императоръ Николай Павловичъ. Доказательствомъ служитъ то, что, увольняя его послѣ двадцатилѣтняго директорства въ Академіи, назначилъ его членомъ Военнаго Совѣта, а не Государственнаго, въ которомъ въ тѣ времена между талантами находилось много самыхъ заурядныхъ посредственностей.

Въ 1854 году какъ разъ передъ моимъ поступленіемъ въ Академію Сухозанетъ былъ уволенъ, а Академія была присоединена къ военно-учебнымъ заведеніямъ подъ начальство Ростовцева. Въ этотъ годъ держало экзаменъ нѣсколько десятковъ. Въ моемъ курсѣ уже было тридцать человѣкъ.

Оканчивая сказаніе о Сухозанетѣ, нельзя промолчать объ услужливомъ авторѣ статьи въ Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ. Нѣкто Р. Ш., оканчивая біографію Сухозанета, говоритъ, что въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго директорства Сухозанета Академія заняла надлежащее ей мѣсто во главѣ русскихъ военно-учебныхъ заведеній. Не одно только требованіе строгой дисциплины внесъ Сухозанетъ въ Академію: одаренный навыкомъ намѣчать людей, подходящихъ къ дѣлу, онъ весьма скоро подобралъ себѣ способныхъ и добросовѣстныхъ помощниковъ. Плоды дѣятельности Сухозанета созрѣли въ новомъ поколѣніи генеральнаго штаба и съ того времени послѣдній уже не нуждался въ случайномъ пополненіи. Жаль, что авторъ статьи не приводитъ никакихъ подтвержденій относительно заслугъ Сухозанета въ этомъ отношеніи.

Изъ профессоровъ, читавшихъ въ мое время лекціи, можно указать на Д. А. Милютина, А. П. Карцева, М. И. Богдановича и П. С. Лебедева. Въ мое время Д. А. Милютинъ, создавшій тогда

предметъ военной статистики, читалъ въ старшемъ курсѣ послѣдній годъ. О немъ я говорить не буду, ибо кто не знаетъ его талантовъ и заслугъ на всѣхъ поприщахъ; я же о лекціяхъ его говорить не имѣю права, ибо самъ былъ въ это время на младшемъ курсѣ.

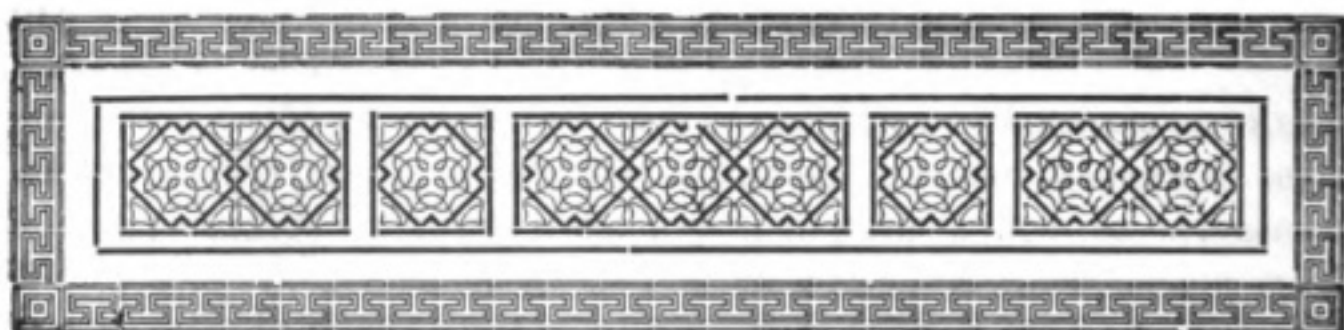
А. П. Карцевъ, полковникъ гвардейскаго генеральнаго штаба, былъ человѣкъ суроваго вида, рѣзокъ въ манерахъ и рѣчахъ, а недовольный отвѣтомъ, грубо возражалъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Но зато онъ читалъ превосходно; описывалъ ли онъ простое походное движеніе въ мирное время или бой какого-нибудь сраженія, онъ говорилъ это съ такимъ авторитетомъ, точно самъ участвовалъ въ дѣлѣ. Иногда, приводя въ примѣръ какое-нибудь сраженіе, онъ въ нѣсколькихъ словахъ очерчивалъ предварительный ходъ кампаніи, и мы гораздо лучше понимали, нежели о томъ же самомъ говорилось въ лекціи по военной исторіи.

М. И. Богдановичъ, читавшій военную исторію и стратегію, былъ довольно скучнымъ профессоромъ. Онъ, въ противоположность Карцеву, читалъ вяло, вода палочкой по картѣ вслѣдъ за тѣми линиями, которыя были обозначены на картѣ и въ концѣ концовъ, глядя на записочку, перечислялъ всегда очень исправно, сколько было въ сраженіи взято въ плѣнъ, сколько обѣими сторонами было потеряно людей, орудій, лошадей и зарядныхъ ящиковъ.

Совершенную противоположность Богдановичу составлялъ профессоръ П. С. Лебедевъ. Насколько фигура скромнаго Богдановича была противоположна фигурѣ Лебедева, настолько же противоположны и ихъ темпераменты. Первый изображалъ изъ себя скромную, худощавую фигуру, а другой полного краснощекаго и цвѣтущаго здоровья человѣка. Богдановичъ читалъ лекцію медленно, монотонно, у Лебедева слова текли подобно быстрой рѣкѣ; Богдановичъ не гнался за краснорѣчіемъ и даже не былъ рѣчистъ, тогда какъ у Лебедева такъ и сыпались кстати и не кстати громкія фразы, неожиданныя сравненія и безпрестанные скачки въ сторону. Словомъ, это былъ трескучій фейерверкъ, послѣ сгорания котораго ничего не остается. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что онъ читалъ три совершенно различныхъ предмета: древнюю и среднюю военную исторію, военную администрацію и русскій языкъ. По этому на одной и той же лекціи приходилось слушать о военномъ писателѣ Саггюп Nizas'ѣ, Пушкинѣ и Лермонтовѣ, о подвижныхъ магазинахъ, о дислокаціи и о чемъ угодно другомъ. Злые языки увѣряли, что однажды трое держали между собою пари о томъ, какой предметъ изъ трехъ читался на лекціи Лебедева, и никто не могъ рѣшить.

С. П. Зыковъ.

Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и территориальныя приобрѣтенія въ царствованіе Императора Александра III.

18 марта 1910 года исполняется 25 лѣтъ со дня боя на рѣкѣ Кушкѣ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Александра Виссаріоновича Комарова съ авганскими войсками, боя, закрѣпившаго приобрѣтенія минувшаго царствованія.

Приближающееся двадцатипятилѣтіе названнаго событія вызываетъ потребность напомнить обществу и дать ему возможно правдивое повѣствованіе объ этихъ страницахъ исторіи царствованія Императора Александра III.

Единственныя территориальныя приобрѣтенія прошлаго царствованія были сдѣланы въ Закаспійской области.

Эта послѣдняя была образована, вскорѣ по окончаніи Ахаль-Текинской экспедиціи, изъ бывшаго Закаспійскаго отдѣла и нынѣшняго Ахаль-Текинскаго уѣзда. Границы области съ Персіей и Авганистаномъ не были еще точно опредѣлены, и пограничное населеніе находилось въ неопредѣленномъ положеніи: считаясь фактически русско-подданнымъ, оно, перекочевывая изъ одного мѣста въ другое, считалось попеременно то русско, то персидско-подданнымъ. Такое положеніе требовало выясненія, такъ какъ съ обѣихъ сторонъ къ такому населенію предъявлялись требованія объ уплатѣ податей. Персидское правительство не разъ заявляло претензіи на полученіе таковыхъ.

Обширность и пустынность неопредѣленной полосы давала возможность населенію легкой перекочевкой избѣгать исполненія требованій властей. Кромѣ того частые грабежи (аламаны) воинствен-

ныхъ туркменъ не могли быть прекращены, вслѣдствіе чего населеніе не могло гдѣ-либо прочно обосноваться и заняться своимъ хозяйствомъ. Превжнія цвѣтуція страны оставались совершенно разграбленными и опустошенными.

Мервскіе туркмены, оправившись отъ смущенія вызваннаго штурмомъ Геокъ-Тепе въ 1881 г., снова занялись грабежами и въ концѣ 1882 года сдѣлали нападеніе даже на партію топографа Гладышева, производившаго съемку въ Атекѣ. Въ области было настолько неспокойно, что приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ мѣрамъ. По распоряженію начальника области, генералъ-лейтенанта Рерберга, съ цѣлью предохраненія укрѣпленій области и населенія отъ нападеній разбойничьихъ шаяекъ, было приказано выставлять на ночь передовые посты. Для этого въ одномъ только Асхабадѣ наряжалось ежедневно 3 офицера, 8 унтеръ-офицеровъ и 120 рядовыхъ и казаковъ. Въ остальныхъ укрѣпленіяхъ области наряды были еще тяжелѣе.

Отношенія пограничныхъ властей и прилежащихъ государствъ требовали немедленнаго улучшенія. Авганцы, руководимые англичанами, видѣвшими въ каждомъ шагѣ русскаго правительства стремленіе къ Индіи, доставляли немало хлопотъ. Оттуда шла организація и поддержка всякихъ противодѣйствій по пути русскаго правительства, стремившагося къ воссозданію мирнаго процвѣтанія и развитія области.

Кромѣ того англійское правительство опасалось русскаго вліянія на Авганистанъ, такъ какъ англійское не было обезпечено: пользуясь сомнительнымъ расположеніемъ эмира Авганскаго, англичане не встрѣчали себѣ сочувствія въ населеніи, тѣмъ болѣе, что обаяніе англійской силы въ Авганистанѣ было подорвано послѣ нѣсколькихъ пораженій англичанъ въ 1878 г.

Что же касается Персіи, то эта послѣдняя стремилась подчинить своей власти, или по крайней мѣрѣ, вліянію, туркменъ. Съ этою цѣлью персидское правительство строило крѣпости, какъ напри- мѣръ Рукнъ-Абадъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда вліять на такіе центры, какъ Мервъ. Пограничные представители персидской власти, какъ-то: Ильхани-Кочанскій и Буджнурскій запрещали совершенно доставку въ Асхабадъ какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ и продуктовъ и поощряли аламаны подвластныхъ имъ курдовъ въ наши предѣлы.

Внутреннее состояніе области было далеко ниже средняго. Населеніе не могло еще оправиться отъ Геокъ-Тепинскаго погрома, а частые аламаны, разграблявшіе и угонявшіе скоть у населенія, обратили эту издревле замѣчательную, по своему плодородію и бо-

татству, страну въ какую-то пустыню. Этому во многомъ способствовало полнѣйшее отсутствіе сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія. Такъ напримѣръ, на проѣздъ какихъ-нибудь 217 верстъ отъ Кизиль-Арвата до Асхабада приходилось тратить до недѣли времени.

При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ тяжелыхъ условіяхъ управленіе областью Именнымъ Высочайшимъ приказомъ отъ 28 марта 1883 года было вручено А. В. Комарову.

Генераль-лейтенантъ Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи. Родился въ 1830 году. По окончаніи курса Павловскаго кадетскаго корпуса, въ маѣ 1849 года, вступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ. Прослуживъ около четырехъ лѣтъ, А. В. поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго штаба (тогда Императорская Военная Академія) и по успѣшномъ окончаніи ея курса въ 1855 году былъ назначенъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ.

Съ іюня 1856 года дальнѣйшая служба Комарова протекаетъ на Кавказѣ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися знаніями горцевъ, энергією, рѣшительностью и осторожностью.

Послѣдовательно Комаровъ занималъ должности оберъ-квартирмейстера 18 пѣхотной дивизіи, ту же должность штаба войскъ Лезгинской кордонной линіи, затѣмъ штаба войскъ Дагестанской области, Начальника штаба этой же области.

Въ 1868 г. по производствѣ въ генераль-маіоры былъ назначенъ Военнымъ Начальникомъ южнаго Дагестана и Дербентскимъ градоначальникомъ. Въ 1878 году Александръ Виссаріоновичъ получаетъ весьма важное назначеніе на постъ Начальника Кавказскаго-горскаго, а затѣмъ Кавказскаго военно-народнаго управленія.

Во время своей 27-лѣтней службы на Кавказѣ, Комаровъ принималъ близкое участіе въ цѣломъ рядѣ почти непрерывныхъ походовъ и военныхъ дѣйствій противъ горцевъ. Въ теченіе только 1858 и 1859 годовъ онъ былъ въ двухъ экспедиціяхъ, участвуя за это время въ тридцати боевыхъ столкновеніяхъ, дѣлахъ, штурмахъ и нападеніяхъ. Въ 1859 году Комаровъ участвовалъ въ покореніи Дагестана, при взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля. Далѣе въ 1863 году съ отрядомъ генераль-лейтенанта князя Меликова имъ былъ совершенъ походъ черезъ снѣговья горы въ Закаталы, гдѣ въ продолженіе почти трехъ лѣтъ онъ несъ тяжелую, полную всевозможныхъ лишеній боевую службу по усмиренію возставшихъ горцевъ.

Во время Русско-Турецкой войны А. В. Комаровъ руководилъ

Кайтаго - Табасаранскимъ отрядомъ, назначеннымъ на подавленіе вспыхнувшаго въ Дагестанѣ возстанія. Между прочимъ имъ было освобождено блокированное мятежниками укрѣпленіе Ахты.

Несмотря на то, что почти вся долготѣняя служба Комарова на Кавказѣ протекла въ непрерывныхъ походахъ и бояхъ, онъ сумѣлъ найти время для детальнаго изученія Кавказа со стороны этнографической и археологической.

Имъ была собрана обширная палеонтологическая коллекція, находящаяся нынѣ въ Кавказскомъ музеѣ, большая коллекція древнихъ монетъ (до 10.000 номеровъ), часть которой хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Кромѣ этого Комаровымъ была собрана обширная археологическая коллекція, относящаяся къ желѣзному вѣку. Часть этой коллекціи описана въ извѣстномъ изданіи Э. Шантра: „Recherches anthropologiques dans le Caucase“ (Парижъ, 1885 г.).

Изъ трудовъ Комарова особенно извѣстностью пользуются: „Народонаселеніе Дагестанской области“ (премировано серебряною медалью Географическаго Общества), „Адаты (обычное право) дагестанскихъ горцевъ и судопроизводство по нимъ“, „Исторія Кюринскихъ и Казикумухскихъ хановъ“ и мн. др.

Кромѣ того въ бумагахъ Комарова, нынѣ находящихся въ различныхъ музеяхъ (Кавказскій, Императорская Академія Наукъ, Щукина въ Москвѣ и др.) имѣется масса самаго разнообразнаго матеріала по исторіи и этнографіи Кавказа, и понынѣ еще ожидающаго разработки.

Изъ настоящаго краткаго очерка уже достаточно выясняется энергичная, закалившаяся въ походахъ фигура Комарова.

Его же обширныя познанія въ области права и быта Кавказскихъ горцевъ и вообще нашихъ южныхъ народностей оказали Императорскому правительству неоцѣнимыя услуги и ему, какъ наиболѣе знающему и вполнѣ уравновѣшенному человѣку, поручались отвѣтственныя должности и порученія, требовавшія большой осмотрительности и такта. Человѣкъ необыкновенно простой и доступный, твердой воли и яснаго ума, генераль Комаровъ представлялъ типъ стараго Кавказской школы офицера. Погоня за внѣшностью, тщеславіе, желаніе затемнить другихъ совершенно чужды были этому государственному русскому человѣку.

Заслуги Александра Виссаріоновича Комарова не разъ оцѣнивались съ высоты Престола, и когда политическое и внутреннее положеніе нашихъ Закаспійскихъ владѣній потребовало назначенія туда опытнаго лица, способнаго отстоять русскіе интересы безъ особенныхъ осложненій и поддержать достоинство Россіи на соот-

вѣтствующей Великой Державѣ высотѣ, выборъ Государя остановился на Александрѣ Виссаріоновичѣ.

Съ прибытіемъ Комарова въ Закаспійскую область положеніе ея сразу начинается измѣняться къ лучшему. Съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ Комаровъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительныя наши отношенія съ пограничными персидскими властями. Установленію дружественныхъ отношеній много способствовало назначеніе Комарова, по Высочайшему повелѣнію, представителемъ русскаго правительства при слѣдованіи, вблизи нашей границы, шаха персидскаго, предпринявшаго поѣздку съ цѣлью осмотра сѣвернаго Хорасана.

Въ сопровожденіи конвоя и хора музыки генералъ Комаровъ прибылъ въ Буджнурдъ, гдѣ былъ принятъ Его Величествомъ шахомъ и возвратился въ Асхабадъ въ концѣ іюля.

Это путешествіе дало возможность Комарову ознакомиться съ сѣверной пограничной съ нами частью Персіи и изучить главные горныя пути въ Мешхедъ и др. города.

Милостивый пріемъ шаха персидскаго и личное знакомство съ ильханіями Кочанскимъ и Буджнурскимъ и валіемъ Хоросанскимъ быстро отразились на взаимныхъ отношеніяхъ пограничныхъ властей обоихъ государствъ и выразились въ оживленіи торговыхъ сношеній, уменьшеніи воровства скота и посылки курдами грабительскихъ шаекъ въ наши предѣлы.

Такимъ образомъ съ первыхъ же шаговъ новаго начальника края удалось возстановить дружественныя сношенія съ персидскими властями, которыя не измѣнились и понынѣ.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Комаровъ обратилъ вниманіе на остававшихся еще самостоятельными, послѣ Ахаль-Текинской экспедиціи, туркменъ, занимавшихъ Мервь, и сарыковъ, обитавшихъ въ Іолотанъ и Пендэ. Особое значеніе для русскихъ имѣлъ Мервь, какъ весьма важный, по своему положенію, стратегическій пунктъ.

Еще до назначенія Комарова, Мервь привлекалъ къ себѣ вниманіе русскихъ властей, и уже въ 1881 году начальникъ Закаспійской области вошелъ въ переговоры съ нѣкоторыми вліятельными мервцами, съ цѣлью добиться, если и не присоединенія Мерва, то хотя огражденія новаго края отъ грабежей аламанщяковъ.

Результатъ этихъ переговоровъ выразился въ подписаніи 16 ноября 1881 года нѣкоторыми мервскими почетными туркменами и начальникомъ области договора, согласно которому туркмены обязались не поднимать противъ Россіи оружія, прекратить грабежи, разбои, торговлю невольниками и пропускать караваны.

Въ маѣ мѣсяцѣ мервцы для управленія приняли Бабаджанъ-Бека, посланнаго по указанію Туркестанскаго генераль-губернатора Черняева, хивинскимъ ханомъ.

Дѣятельность Бабаджанъ-Бека не принесла никакихъ видныхъ результатовъ, за исключеніемъ того, что имъ была начата организація небольшой партіи сторонниковъ присоединенія къ Россіи.

Два новыхъ крупныхъ аламана въ августѣ и сентябрѣ 1883 года и цѣлый рядъ мелкихъ грабежей, а также появленіе въ Мервскихъ земляхъ англійскихъ агентовъ, Сіяхъ-Пуша и др., возбуждавшихъ мервцевъ къ оказанію вооруженнаго сопротивленія Россіи, обратили на себя вниманіе Комарова, и имъ было рѣшено покончить въ первую же очередь съ вопросомъ о присоединеніи Мерва.

Проповѣди авганца Сіяхъ-Пуша ¹⁾ вызвали въ средѣ мервцевъ расколъ. Вокругъ Гуль-Джамаль, вдовы Нуръ Верды хана, пользовавшейся крупнымъ вліяніемъ въ средѣ своихъ многочисленныхъ родственниковъ Текинскаго рода, образовалась довольно сильная партія, считавшая враждебныя дѣйствія противъ Россіи бесполезными.

Сношенія Комарова съ этою партією указали ему, что присоединеніе Мерва есть вопросъ ближайшаго будущаго.

Для подготовленія туркменъ къ предстоящему занятію Мерва русскими войсками, Комаровъ командировалъ штабсъ-ротмистра Алиханова, которому далъ исполнѣ точно опредѣленныя инструкціи, какъ и съ кѣмъ вести переговоры въ Мервѣ.

Выборъ Комарова оказался исполнѣ удачнымъ.

Дѣйствуя согласно инструкціямъ, Алихановъ по прибытіи въ Мервъ принялся за увѣщеваніе хановъ. Для подкрѣпленія миссіи Алиханова генераль Комаровъ выслалъ въ Карры-Бентъ отрядъ въ составѣ 4 роты стрѣлковъ, 4 горныхъ орудій, 2 сотенъ казаковъ и команды Туркменской конной милиціи, который и прибылъ на мѣсто своего назначенія 18 декабря 1883 года.

Результаты дѣятельности Алиханова обнаружались довольно быстро. Въ началѣ января 1884 г. мервцы прислали депутацію съ слѣдующимъ прошеніемъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи:

„Прославленному Великому Царю, Высочайшему Повелителю русскихъ и иныхъ народовъ. Да продлится его благоденствіе и могущество, да не изсякнетъ его милость и благоволеніе, да будетъ надъ нимъ благословеніе Аллаха.

Мы, ханы, старшины и уполномоченные всѣхъ родовъ и колѣнъ Мервскаго народа, собравшись сегодня ²⁾ на генгешъ и выслушавъ

¹⁾ Сіяхъ-Пушъ—чернорясникъ.

²⁾ 1 января 1884 года.

присланнаго къ намъ штабсъ-ротмистра Алиханова, единогласно постановили добровольно принять русское подданство. Отдавая себя, свой народъ и свою страну подъ мощную Твою руку, Великій Царь, повергаемъ предъ Твоимъ трономъ просьбу уравниять насъ со всѣми подвластными тебѣ народами, назначить надъ нами правителей и водворить между нами порядокъ, для чего по Твоему велѣнію, мы готовы выставить нужное число вооруженныхъ конниковъ.

Для поднесенія сего постановленія народныхъ представителей нами уполномочены 4 хана и 24 старшины, каждый отъ двухъ тысячъ кибитокъ“.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Комаровъ потребовалъ для доказательства искренности хановъ присылки въ Асхабадъ плѣнныхъ персіянъ.

Требованіе Комарова было исполнено, и депутація въ лицѣ хановъ Текинскаго рода и почетныхъ Мервскихъ старшинъ, по соотвѣтствующему разрѣшенію, прибыла въ Асхабадъ, гдѣ, согласно Высочайшаго соизволенія, присягнула на безусловное подданство Его Императорскому Величеству Государю Императору.

По принесеніи старѣйшинами Мерва присяги, Комаровъ въ цѣляхъ фактическаго присоединенія его къ Имперіи, въ сопровожденіи Карры Бентскаго отряда двинулся въ концѣ февраля въ Мервъ.

Между тѣмъ, тамъ за время отсутствія хановъ организовалась довольно сильная партія приверженцевъ Англіи съ Каджаръ-Ханомъ во главѣ. Эта партія, побуждаемая англійскими агентами, рѣшила оказать вооруженное сопротивленіе вышедшему изъ Карры-Бента отряду Комарова.

Съ этою цѣлью Каджаръ-Ханъ произвелъ три небольшихъ нападенія на отрядъ, которыя каждый разъ были отбиваемы и послѣ которыхъ отрядъ неуклонно продолжалъ наступленіе.

4 марта 1884 года Комаровымъ было занято главное укрѣпленіе Мерва—Коушутъ-Ханъ-Кала.

На слѣдующій же день мервцами былъ арестованъ Каджаръ-Ханъ со своими сообщниками и Сіяхъ-Пушемъ.

Съ этого дня Мервъ фактически присоединился къ Имперіи.

За заслуги по присоединенію Мерва Алихановъ былъ вознагражденъ, по представленію Комарова, возвращеніемъ ему чиновъ и орденовъ, которыхъ онъ былъ ранѣе лишенъ за дуэль.

По присоединеніи Мерва, Іолатанскіе сарыки тоже изъявили покорность и присягнули на подданство Россіи.

Временемъ же окончательнаго присоединенія Іолатана нужно считать весну 1884 года, когда было организовано Іолатанское при-

ставство. Присоединеніе Мервскихъ земель и учрежденіе управленія ими не исчерпывало стоящихъ на очереди задачъ. Неотлагательнаго рѣшенія требовалъ весьма важный вопросъ о разграниченіи съ сосѣдними государствами, ибо, какъ было уже говорено выше, отсутствіе точной границы давало возможность аламанщикамъ продолжать грабежи, заходить довольно далеко и безнаказанно исчезать. Такая область, какъ старый Серахсъ, нѣкогда славившаяся своимъ необычайнымъ плодородіемъ, была окончательно разграблена и опустошена набѣгами Мервскихъ туркменъ. Туркмены Салоры, составлявшіе населеніе этой области, принуждены были частью перейти въ Авганистанъ, частью въ Хорасанъ, а большая ихъ часть перекочевала на лѣвый берегъ Теджена, близъ Зурабада, гдѣ бѣдствовала отъ недостатка земель и непосильныхъ поборовъ персидскихъ властей.

Вблизи Серахса находилась хорошо устроенная персидская крѣпость Рукнь-Абадъ, занятая небольшимъ гарнизономъ, подъ командой офицера. Это была одна изъ тѣхъ крѣпостей, которыя были построены, какъ говорилось выше, персидскимъ правительствомъ съ цѣлью вліять на туркменъ. Освѣдомивши офицера, командовавшаго гарнизономъ Рукнь-Абада, что въ виду перехода туркменъ подъ власть Россіи, земли ихъ по правому берегу Теджена присоединились къ Имперіи, А. В. Комаровъ потребовалъ немедленнаго очищенія крѣпости и удаленія ея гарнизона въ Новый Серахсъ. Требованіе это было исполнено. По приказанію Комарова въ маѣ 1884 года старый Серахсъ былъ занятъ сотнею отъ Кавказскаго 1 коннаго полка. Присоединеніе Серахскаго оазиса, какъ и предыдущія присоединенія Комарова, не потребовали отъ казны никакихъ сверхсметныхъ ассигнованій.

Въ цѣляхъ огражденія новыхъ своихъ подданныхъ отъ разграбленія, а также созданія условій, въ которыхъ эти подданные могли бы безъ помѣхи заниматься развитіемъ своей культуры и для поддержанія на подобающей высотѣ престижа русской власти, необходимо было озаботиться выясненіемъ точной границы, главнымъ образомъ съ Авганистаномъ—ареной дѣятельности англичанъ, такъ какъ оттуда шла пропаганда противъ русской власти, вслѣдствіе развившейся до болѣзненности тревоги за Индію, тѣмъ болѣе, что внутреннее политическое положеніе послѣдней внушало серьезныя опасенія. Вѣрить же въ то, что русское правительство стремится лишь только къ мирному развитію своихъ Закаспійскихъ владѣній, англичане, несмотря на всѣ увѣренія, не вѣрили и, создавая тѣ или иныя препятствія по пути осуществленія въ краѣ рус-

*

скихъ задачъ, требовали съ своей стороны установленія точной границы, для выясненія положенія. Рядъ послѣдовавшихъ вслѣдствіе этого сношеній съ англійскимъ кабинетомъ привелъ къ рѣшенію выслать съ обѣихъ сторонъ въ Закаспійскую область разграничительныя комиссіи.

Возможно быстрое прибытіе ихъ на мѣста было крайне желательно для Лондона, имѣвшаго тенденцію добиться предоставленія этимъ комиссіямъ права самостоятельнаго опредѣленія требуемой границы, не опредѣляя предварительно зоны изслѣдованій.

Однако эти плохо скрытые расчеты были разгаданы въ Россіи, и главнокомандующій войсками на Кавказѣ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, по соглашенію съ Комаровымъ, задержалъ русскую разграничительную комиссію въ Тифлисѣ. Министерство же иностранныхъ дѣлъ тѣмъ временемъ возбудило вопросъ объ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Между тѣмъ англійская разграничительная комиссія въ октябрѣ 1884 года подъ начальствомъ генерала сэра Питера Лемдена и подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ Бенгальскихъ улановъ и 2 ротъ Пенджабской пѣхоты прибыла въ Гератскую провинцію.

По прибытіи этой комиссіи на мѣсто, авганское правительство, по подстрекательству членовъ ея, выслало свои разъѣзды въ нейтральную полосу съ тѣмъ, чтобы фактически захватить наиболее важные пункты будущей границы.

Эти плоды англійской дѣятельности заставили А. В. Комарова, въ свою очередь, занять старый Серахсъ двумя ротами стрѣлковъ, а бывшую тамъ сотню казаковъ выслать на 80 верстъ къ югу и занять Пулъ-и-Хатумъ. Далѣе по приказанію Комарова, съ согласія съ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ, небольшими командами отъ Туркменской конной милиціи были заняты посты: Зюльфагаръ, Кунгрюэли и Акъ-Рабать. По Мургабу же казачьи посты были выдвинуты до Имамъ-Баба.

Занятіемъ названныхъ пунктовъ вся желательная для Россіи граница оказалась въ нашихъ рукахъ.

Эти рѣшительныя дѣйствія Комарова послужили причиной оживленныхъ сношеній между Лондонскимъ и Петербургскимъ кабинетами.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Петербургъ князя Дондукова (въ началѣ 1885 года), было собрано особое совѣщаніе изъ министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ и ихъ товарищей, въ которомъ участвовали прибывшій главнокомандующій на Кавказѣ, помощникъ его Шепелевъ и Лессаръ, для обсужденія полученнаго отвѣта изъ Лондона по вопросу о предварительномъ опредѣленіи зоны изслѣдованій.

Министерство Гладстона признавало, что эта послѣдняя должна находиться къ сѣверу отъ черты Доулетъ-Абадъ-Имамъ-Баба, считая, что все пространство къ югу отъ этой линіи принадлежитъ Авганистану и потому не можетъ подлежать изслѣдованіямъ для опредѣленія будущей границы.

Въ виду такого отвѣта, равносильнаго совершенному отказу Лондонскаго кабинета по вопросу о зонѣ изслѣдованій, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ было предложено считать переговоры въ этомъ смыслѣ прекращенными и прямо опредѣлить нашу границу до Зюльфагара или пункта южнѣе по границѣ Бархутскихъ горъ, теченію рѣки Кушки и оазиса Пендэ.

Какъ крайнюю уступку отъ занятаго нами исходнаго пункта на Герри-Рудѣ, которую можно было бы сдѣлать, князь Дондуковъ предложилъ протянуть линію къ рѣкѣ Егры-Чекъ, черезъ Кушкъ на Меручанъ, включивъ въ наши предѣлы мѣсторожденіе соли Еръ-Ойланъ и оазисъ Пендэ; пространство же между этою линіею и Бархутскими горами, столь тревожащее англичанъ опасеніями близкаго нашего сосѣдства съ Гератомъ, оставить внѣ нашей границы съ обязательствомъ, какъ для насъ, такъ и для авганцевъ не занимать этой территоріи ни селеніями, ни постами, а предоставить его въ исключительное пользованіе пограничному племени джемшидовъ, какъ исключительно пастбищное пространство для ихъ скотоводства.

Опредѣляя такимъ образомъ нашу будущую топографическую и этнографическую границу, княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ имѣлось въ виду то, что полупокорное эмиру Абдурахману племя джемшидовъ будетъ такимъ образомъ въ полной нашей зависимости.

Послѣ долгихъ преній совѣщаніе согласилось съ мнѣніемъ князя Дондукова, и въ этомъ смыслѣ рѣшено было отвѣчать англійскому кабинету, упомянувъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что русское правительство приметъ мѣры къ обезпеченію за нимъ этой границы.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, совѣщаніе обсудило тѣ мѣры, которыя необходимо было принять для усиленія Комарова, на случай открытія авганцами враждебныхъ дѣйствій.

О результатахъ этого совѣщанія была составлена меморія, за общою подписью, на которую послѣдовала Высочайшая резолюція объ утвержденіи всѣхъ предположеній, съ тѣмъ однако, чтобы никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ Англій въ данномъ вопросѣ не дѣлать.

Объ означенномъ Высочайшемъ повелѣніи былъ немедленно уведомленъ А. В. Комаровъ.

Вслѣдствіе энергичной и вполне соответствующей достоинству Великой Державы резолюціи Императора Александра III, вопросъ

о разграниченіи вступилъ въ новую фазу—исполненія предначертанной программы безъ всякихъ колебаній и уступчивости, чему вполне и соотвѣтствовали энергичныя дѣйствія Комарова.

„Самъ Государь неоднократно выражалъ мнѣ,—писалъ князь Дондуковъ-Корсаковъ А. В. Комарову,—полное одобреніе Вашихъ распоряженій и такта, обнаруженнаго въ Вашихъ дѣйствіяхъ“.

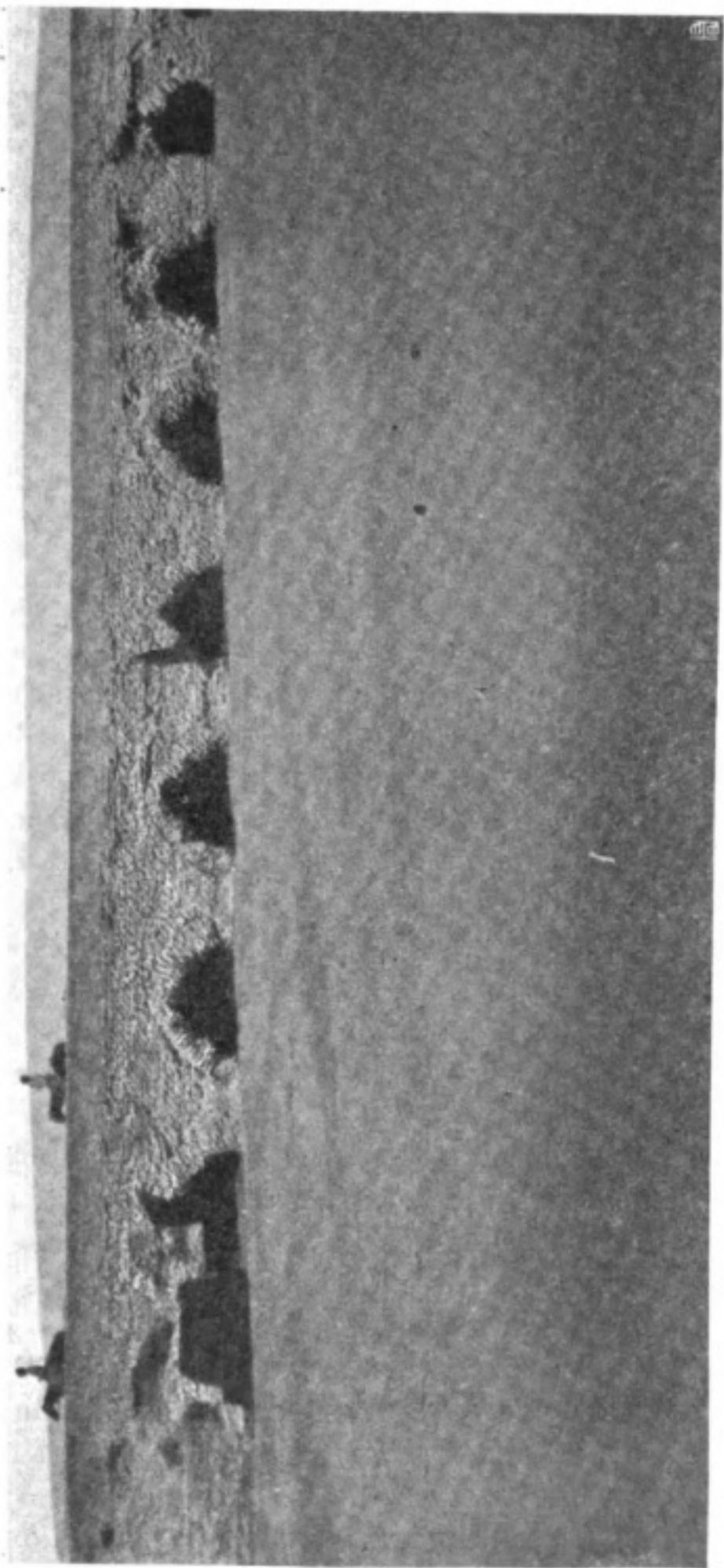
Почти передъ самымъ отъѣздомъ князя изъ Петербурга было получено увѣдомленіе нашего посла въ Лондонѣ и отвѣтъ Британскаго кабинета на категорическія заявленія русскаго правительства. Послѣ надменныхъ заявленій лорда Гранвилля о принадлежности Авганистану занятыхъ нами территорій, послѣ рѣзкаго на это опроверженія нашего посла, англичане выступили съ предложеніемъ ограничиться пунктами, занятыми русскими войсками, съ тѣмъ, что и Авганистану будетъ внушено не переходить за черту занятыхъ ими линій—на что получили отъ посла категорическій отказъ, не отвергавшій однако, возможности продолженія переговоровъ.

На докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, Государь по этому вопросу изволилъ начертать, что это ни въ чемъ не измѣняетъ принятое Имъ рѣшеніе по первой представленной Ему меморіи и ни въ чемъ не допускаетъ дальнѣйшихъ уступокъ.

Такимъ образомъ, въ силу воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобы конечнымъ пунктомъ русской границы съ Авганистаномъ считать мостъ Ташъ-Кепри, Комарову предстояло укрѣпиться у этого пункта.

Между тѣмъ въ оазисѣ Пенда, занятомъ частью туркменскаго племени сарыковъ, авганцы собрали значительный отрядъ изъ регулярной пѣхоты, артиллеріи, кавалеріи, а также временной милиціи, набранной изъ джемшидовъ и другихъ племенъ, живущихъ на сѣверныхъ склонахъ Парапамиза. Сборъ столь значительнаго отряда вблизи предполагаемой русской границы произвелъ крайне не выгодное для Россіи впечатлѣніе на недавно присоединенныхъ туркменъ и сарыковъ.

Для поддержанія нашихъ передовыхъ постовъ и парализованія авганскаго вліянія были въ концѣ января сформированы, а въ серединѣ февраля высланы два отряда.—Одинъ изъ баталіона стрѣлковъ, 2-хъ орудій и сотни казаковъ въ старый Серахсъ, а другой изъ двухъ баталіоновъ, 4-хъ горныхъ орудій, трехъ сотенъ казаковъ, двухъ сотенъ туркменской временной конной милиціи направленъ по долинѣ Мургаба, для прочнаго занятія самаго Мургаба и моста Ташъ-Кепри, куда впередъ была выслана сотня туркменской конной милиціи, расположившаяся на Кизиль-ле-Тепе вблизи моста, въ виду авганскаго лагеря.

Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ.

Между тѣмъ бряцаніе англійскаго оружія становилось все сильнѣе, и въ русской и заграничной прессѣ появлялись статьи самаго воинственнаго настроенія.

26 февраля 1885 года военный министр телеграфировалъ Комарову:

„Занятіе Пендэ вашими войсками можетъ повести къ разрыву съ Англіей, поэтому согласно данной инструкціи вамъ слѣдуетъ ограничиться занятіемъ Зюльфагара и Ташъ-Кепри и упрочить за собою это положеніе. Если же Пендэ и пункты южнѣе Зюльфагара вами заняты, то дѣйствуйте съ осмотрительностью и согласно достоинству Россіи.

Генераль-Адъютантъ Ванновскій“.

Въ свою очередь князь Дондуковъ-Корсаковъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ дѣла, освободить Комарова отъ излишнихъ съ нимъ сношеній:

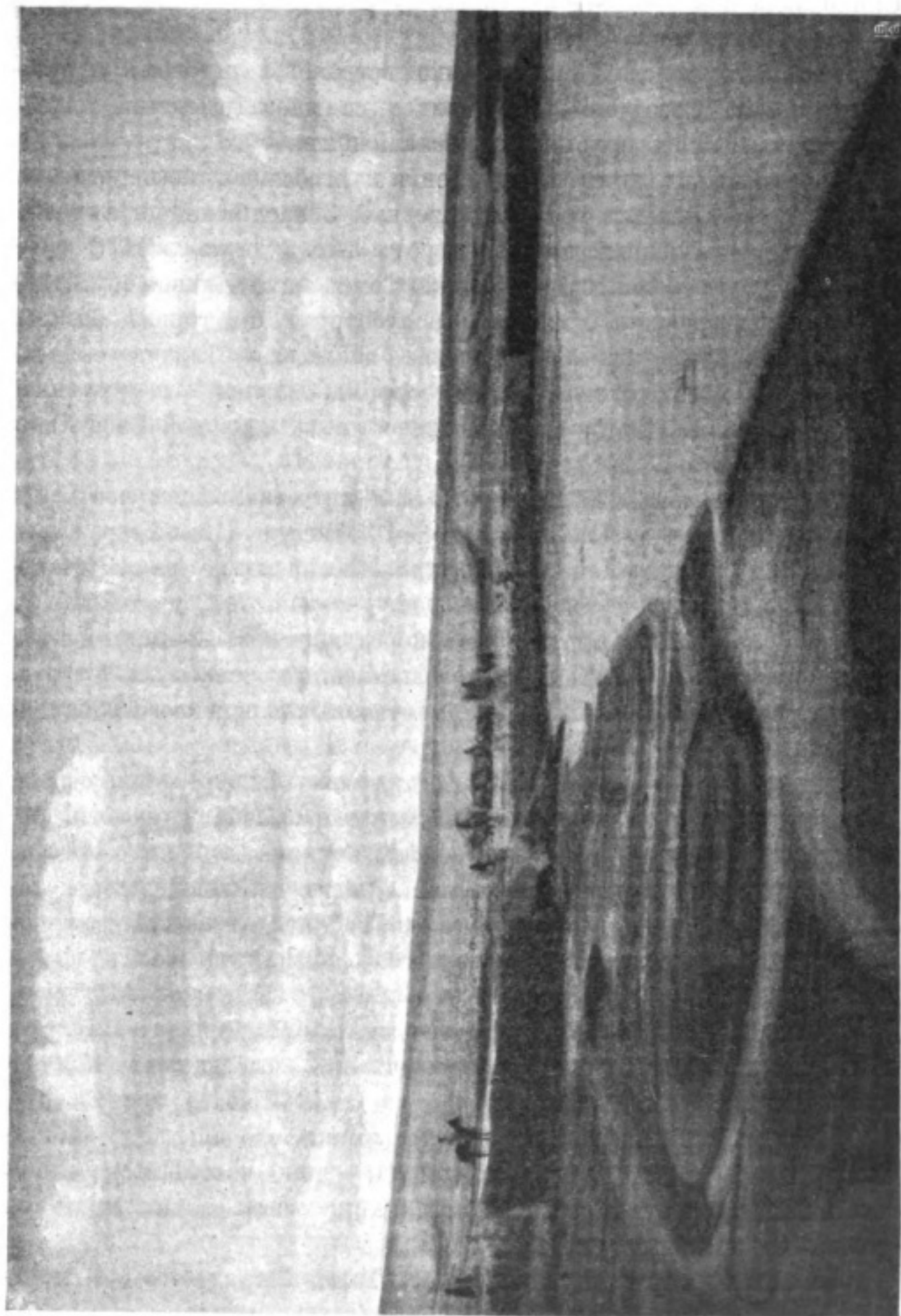
„Вы знаете, настолько я далекъ отъ боязни централизаціи и стѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, а также отъ порока канцелярской бюрократіи, мертвящей всякое живое дѣло въ Россіи во всемъ полезномъ, добромъ, честномъ. Вы знаете также, что всегда найдете полную во мнѣ поддержку и готовность принять многое на мою отвѣтственность, лишь бы честь и достоинство правительства и успѣхъ дѣла оправдывали бы мѣропріятія, требующія безотлагательнаго рѣшенія, а не безплодной переписки“.

Такимъ образомъ въ это тяжелое время генераль Комаровъ былъ предоставленъ своей собственной находчивости, энергіи, рѣшительности и такту. Это было весьма кстати, такъ какъ со стороны англійской разграничительной комиссіи возможно было ожидать самыхъ непредвидѣнныхъ дѣйствій въ виду того фіаско, которое она потерпѣла въ своей политической миссіи, вслѣдствіе неприбытія русской комиссіи, занятія Комаровымъ Серакса и Пуль-и-Хатума и, наконецъ, въ виду своихъ безплодныхъ попытокъ и затратъ для возбужденія противъ насъ сарыковъ и тяготѣнія къ намъ джемшидовъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, Комаровъ счелъ своимъ долгомъ присоединиться къ отряду, двинуться вмѣстѣ съ нимъ на Мургабъ, такъ какъ тамъ оборотъ дѣлъ принималъ наиболѣе острый характеръ, и уже на мѣстѣ опредѣлять свои дѣйствія.

Въ послѣднихъ числахъ февраля, Комаровъ, несмотря на отчаянную погоду, на непролазную, буквально, грязь, прибылъ въ Имамъ-Баба и присоединился къ своему отряду.

6-го марта по сборѣ войскъ Мургабскаго отряда въ Имамъ-Баба, генераль-лейтенантъ Комаровъ принялъ на себя непосредственно

Поле сраженія при Кушкѣ.

командованіе имъ. Около этого же числа подошло подкрѣпленіе изъ Самарканда изъ третьяго линейнаго туркестанскаго баталіона, подъ командою полковника Казанцева.

Прибывшія войска были радушно встрѣчены составомъ мургабскаго отряда. Сразу же установились самыя душевныя, теплыя отношенія со вновь прибывшимъ баталіономъ.

Съ прибытіемъ этого подкрѣпленія мургабскій отрядъ представлялся въ слѣдующемъ составѣ: Сводный Закаспійскій стрѣлковый баталіонъ, составленный изъ двухъ ротъ 3-го и двухъ ротъ 6-го баталіоновъ, подъ командою полковника Семеновича Никшича, 3-й линейный туркестанскій баталіонъ, полубатарей 6-й горной батареи 21 артиллерійской бригады, 3 сотни кавказскаго казачьяго полка и сотня мервской милиціи, недавно сформированная и вооруженная однѣми шашками. Эта сотня находилась подъ командой Баба-Хана, сына извѣстнаго Коушуть-Хана.

Въ составъ свиты Комарова входили представители почти всѣхъ Мервскихъ племенъ: изъ нихъ назовемъ Махтумъ-Кули-Хана, Сары-Батырь-Хана, Майли-Хана, Сары-Хана Іолотанскаго, Сеидъ-Назаръ-Хана Алиалинскаго и Юсуфъ-Хана.

7 и 8 марта весь отрядъ былъ передвинутъ въ Аймакъ-Джары, куда перевезены были всѣ продовольственные запасы, и устроено тамъ хлѣбопеченіе. Въ Имамъ-Баба осталась команда всего лишь въ 25 человекъ.

9-го марта Комаровъ послалъ изъ Аймакъ-Джара двухъ офицеровъ генеральнаго штаба (Закржевскаго и Прасолова) на рекогносцировку расположенія Авганскихъ войскъ. Офицеры эти въ сопровожденіи четырехъ казаковъ поѣхали на нашъ милиціонерскій постъ въ Кизиль-ле-Тене, верстахъ въ двухъ отъ Авганскаго лагеря, и, обзрѣвъ расположеніе послѣдняго, доложили обо всемъ видѣнномъ.

Докладъ этихъ офицеровъ подтверждалъ прежде полученныя свѣдѣнія отъ начальника поста и развѣдчиковъ, высланныхъ Комаровымъ еще во время стоянія отряда въ Имамъ-Баба.

Офицеры генеральнаго штаба утверждали, что войскъ въ Авганскомъ лагерѣ должно быть болѣе 2.500—3.000 человекъ¹⁾, затѣмъ сообщили, что позиція, занятая авганцами, очень сильна, но лѣвый флангъ ея нѣсколько слабъ.

На лѣвомъ берегу Кушка, у моста Ташъ-Кепри 10-го марта бы-

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что авганцевъ было до 4.000 человекъ, не считая начальствующихъ лицъ, ихъ свиты и прислуги.

ли замѣчены только сторожевые посты изъ нѣсколькихъ всадниковъ и съ полсотни пѣшихъ на бугрѣ, рывшихъ траншей.

12-го марта отрядъ выступилъ изъ Аймакъ-Джара, ночевалъ въ Урушъ-Душанѣ, а на другой день подъ вечеръ расположился бивуакомъ на равнинѣ, на берегу Мургаба, верстахъ въ двухъ отъ нашего поста въ Кизиль-ле-Тепе, то есть верстахъ въ четырехъ или пяти отъ авганцевъ.

Мѣсто это было выбрано Комаровымъ въ тѣхъ видахъ, чтобы не возбуждать въ авганцахъ ложной тревоги и въ надеждѣ привести въ исполненіе данныя ему инструкціи о занятіи Ташъ-Кепри мирнымъ путемъ, оставивъ Авганскія войска сидѣть спокойно въ ихъ лагерѣ на правомъ берегу р. Кушка.

По прибытіи отряда на мѣсто, Комаровымъ была выслана сотня милиціонеровъ подъ командою ротмистра Алиханова, для опредѣленія расположенія Авганскихъ аванпостовъ.

При приближеніи отряда сторожевые посты авганцевъ не выказали никакихъ враждебныхъ намѣреній, но даже вступили въ мирные разговоры со всадниками милиціи. Изъ этихъ разговоровъ выяснилось, что Авганскія войска имѣли приказаніе воспрепятствовать переходу русскихъ на другой берегъ Кушка.

Никакихъ, особенно новыхъ свѣдѣній, этотъ отрядъ по возвращеніи не привезъ. Однако, Комаровъ счелъ необходимымъ тогда же принять необходимыя мѣры къ охраненію нашего бивуака, для чего ежедневно стали наряжаться по полуротѣ пѣхоты и по взводу казаковъ на наши передовые посты, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не выдвигался впередъ отъ пункта, занятаго милиціонерами еще съ пятого февраля, т. е. Кизиль-ле-тепе.

Черезъ Мургабъ, для того чтобы выставить передовой постъ на другомъ его берегу, была, по приказанію Комарова, устроена переправа изъ парома на пустыхъ баклагахъ.

14-го марта утромъ отъ капитана Іэта, назначеннаго генераломъ Лемсденомъ для наблюденія въ Пендэ, было получено слѣдующее письмо:

„Г. Командующему русскими войсками. Пендже, 14-го (26-го) марта 1885 года

Г. Полковникъ.

Наибъ-Саларъ, командующій войсками, увѣдомилъ меня, что Вы выражали желаніе повидаться со мною. Я съ своей стороны очень желалъ бы имѣть съ Вами свиданіе, которое могло бы послужить къ выясненію нашего взаимнаго положенія. Поэтому я буду къ Вашимъ услугамъ, въ ожиданіи, что Вы соблаговолите назначить

мнѣ удобный для Васъ часъ. Имѣю честь просить Васъ, г. полковникъ, принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, дипломатическій
агентъ Ея Великобританскаго Величества“.

На это письмо, по приказанію Комарова, хотя никто никакихъ свиданій не просилъ, полковникомъ Закржевскимъ было отвѣчено:

„Г. Капитанъ.

Имѣю честь сообщить Вамъ, что хотя никто изъ командующихъ русскими отрядами не спрашивалъ свиданія, тѣмъ не менѣе я прибуду къ 5 часамъ къ мосту Ташъ-Кепри, и мнѣ будетъ весьма лестно познакомиться съ Вами.

Имѣю честь просить Васъ, г. капитанъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи

Н. Закржевскій, генеральнаго штаба
подполковникъ“.

Въ назначенное время свиданіе состоялось на полянѣ между русскими и авганскими постами. Кромѣ капитана Іэта на это свиданіе прибыли капитанъ Лассе и докторъ Оуэнъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ Авганскихъ всадниковъ и двухъ человѣкъ изъ англо-индійскихъ войскъ.

Подполковникъ Закржевскій послѣ взаимныхъ представленій предложилъ англичанамъ холодную закуску. Разговоръ, имѣвшій частный характеръ, велся на французскомъ языкѣ, и капитанъ Лассе служилъ переводчикомъ для капитана Іэта, не знавшаго этого языка. Подполковникъ Закржевскій повторилъ, что никто изъ русскихъ военнопольныхъ не просилъ ни о какомъ свиданіи, и что они вѣроятно ошиблись по какому-нибудь недоразумѣнію. На это англичане поспѣшили отвѣтить, что если и произошла ошибка, то они ей очень рады, такъ какъ благодаря ей они приобрѣли пріятное знакомство.

Затѣмъ англичане, упомянувъ, что между Россійскимъ и Британскимъ правительствами состоялось соглашеніе, и что въ виду этого соглашенія они рѣшаются откровенно высказать, что находятся въ очень затруднительномъ положеніи, что имъ поставлена трудная задача поддерживать status quo въ Сарыкскомъ населеніи Пендэ, и что задача эта съ минуты на минуту становится труднѣе, въ виду возможности столкновенія русскихъ войскъ съ авганскими. Особенно настойчиво добивались англичане свѣдѣній по поводу послѣдняго обстоятельства, т. е. о намѣреніяхъ русскихъ войскъ.

На это подполковникъ Закржевскій отвѣтилъ, что онъ не имѣеть никакихъ полномочій отъ своего начальства и о намѣреніяхъ генерала Комарова ничего не знаетъ, но съ готовностью, если имъ угодно, выскажетъ по интересующимъ ихъ вопросамъ свое личное мнѣніе и прибавилъ, что сама очевидность событій и обстановка данной минуты можетъ служить для нихъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что русскія войска не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія атаковать авганцевъ, ибо если бы такое намѣреніе существовало, то ничто не мѣшало русскимъ уничтожить авганцевъ въ первую же четверть часа по прибытіи своемъ на долину, на которой они устроили свой бивуакъ, но что нельзя обойти молчаніемъ, что авганцы безъ всякаго повода начали выдвигать впередъ и на фланги свои посты и рыть укрѣпленія. Англичане отвѣтили, что въ исходѣ могущаго произойти столкновенія они нисколько не сомнѣваются, только повторяютъ, что ихъ положеніе очень затруднительно, и они были бы весьма обязаны, если бы ихъ предупредили о могущихъ возникнуть осложненіяхъ.

На это Закржевскій отвѣтилъ полною своею готовностью быть къ ихъ услугамъ и не оставлять ихъ сообщеніями, насколько это позволить положеніе русскаго офицера.

На другой день послѣ этого капитанъ Іэтъ прислалъ на имя Закржевскаго новое письмо:

„Г. Полковникъ.

Вчера я имѣлъ удовольствіе объяснить Вамъ положеніе, въ которомъ мы здѣсь находимся, равно какъ и наши инструкціи, предписывающія намъ охранять, насколько отъ насъ зависитъ, спокойствіе и *status quo* и тѣмъ самымъ содѣйствовать облегченію щекотливыхъ переговоровъ между обоими Правительствами. Извѣстія, которыя мы получили изъ Лондона и которыя сообщены мною Вамъ, указываютъ, что Ваше Правительство раздѣляетъ мнѣніе Британскаго Правительства, желая и съ своей стороны облегчить переговоры сохраненіемъ *status quo*. Извѣстіе о такомъ согласіи дало мнѣ смѣлость откровенно сказать Вамъ, въ чемъ состоятъ наши затрудненія, и просить Васъ о любезномъ содѣйствіи нашимъ усиліямъ на пользу того, что представляется общимъ интересомъ обоихъ Правительствъ.

Такъ какъ Вы упомянули о томъ, что расположеніе нѣкоторыхъ авганскихъ постовъ слишкомъ выдвинуто впередъ, то я совѣтовалъ Наибъ-Салару отозвать всѣ посты, расположенные по ту сторону черты, которая была занята до время прибытія нашихъ всадниковъ въ Кизиль-Іафель.

Требованіе мое онъ принялъ хорошо и надѣется, что авганцы не причинятъ намъ никакихъ непріятностей. Теперь считаю своимъ долгомъ увѣдомить Васъ, что авганцы получили отъ Эмира приказаніе—какъ только сдѣлана была бы попытка заставить ихъ очистить занимаемую ими нынѣ позицію—открыть огонь, хотя бы только для того, чтобы обозначить начатіе активныхъ враждебныхъ дѣйствій.

Я вполне понимаю, что, съ военной точки зрѣнія, къ этому обстоятельству Вы отнесетесь довольно равнодушно; но съ политической точки зрѣнія дѣло имѣетъ совсѣмъ иное значеніе; столкновеніе, какъ бы оно ни было незначительно, не замедлитъ прискорбнымъ образомъ помѣшать переговорамъ, успѣшнаго окончанія которыхъ мы такъ желаемъ. Я не совсѣмъ понялъ, получили ли Вы уже то извѣстіе, о которомъ я упомянулъ вчера, а потому спѣшу послать Вамъ переводъ полученной телеграммы.

Телеграмма отъ лорда Гранвилля на имя генерала Лемсдена, подана 5-го (17-го) марта 1885 года.

„Русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомилъ нашего посла, что Русскія войска не пойдутъ далѣе занимаемыхъ ими нынѣ позицій, если только авганцы не выдвинутся впередъ и не атакуютъ, и если равнымъ образомъ не возникнетъ какого-нибудь чрезвычайнаго событія, вродѣ беспорядковъ въ Пенджде. Русскій Министръ прибавляетъ, что посланы точныя приказанія не вызывать столкновенія, но избѣгать его всѣми возможными средствами. Приказанія эти будутъ еще повторены“.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Лассе, капитанъ, политическій агентъ.

Докторъ Оуэнъ, котораго я имѣлъ честь представить Вамъ вчера, проситъ меня сказать Вамъ, что онъ предоставляетъ себя въ полное Ваше распоряженіе, на случай, если бы Вамъ понадобились его услуги. Онъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ медиковъ и одинъ изъ первыхъ окулистовъ своего времени. Если бы въ Вашемъ лагерѣ не оказалось спеціалиста, то онъ могъ бы быть Вамъ полезенъ.

Имѣю честь просить Васъ, г. Полковникъ, принять увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи.

Ч. Э. Іэтъ, капитанъ, политическій агентъ

Ея Великобританскаго Величества“.

На это письмо англичанъ, А. В. Комаровъ приказалъ подполковнику Закржевскому отвѣтить слѣдующее:

„I

Слѣшу
копія съ до
ною благо
но въ наст
сти обраща
при первом

Я пред
войскъ, ген
немъ свидѣ
было адрес

Его Пре
питанъ, что
дѣйствія пр
въ наступл
силь авганц
должаютъ

мость прин
и тѣмъ сам

Если ав
рега Кушк
жетъ полож
одному ру
Кушкь.

Позволя
Вамъ, Мил
нія событія
отнимаютъ
поддержані
иныхъ обст

Въ дене
пойдутъ да
не подвину
ными нами
нарушающі
средствомъ

Прошу
глубочайше

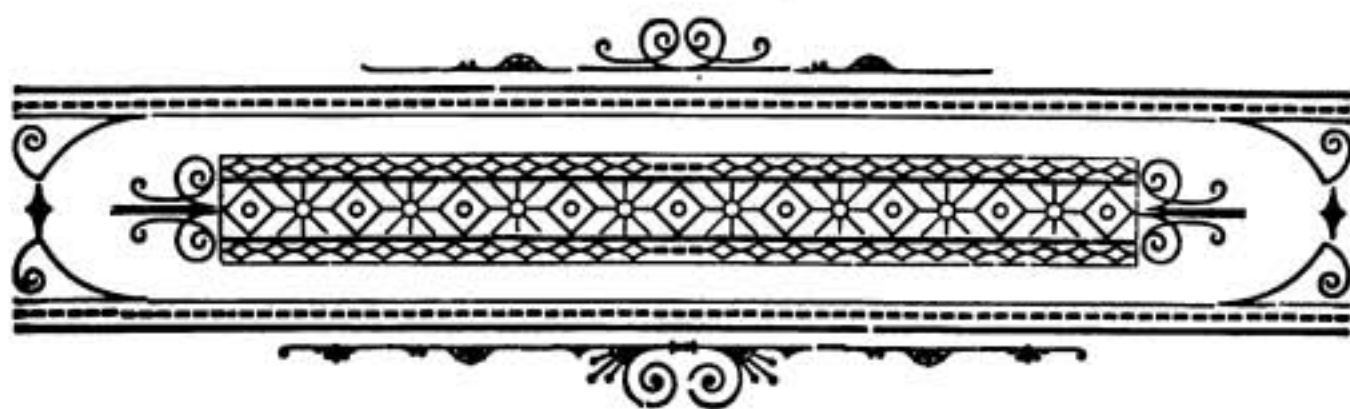

Между тѣмъ положеніе дѣлъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: авганцы, съ самаго дня прибытія Мургабскаго отряда въ Кизилъ-ле-Тепе, начали выдвигать свои посты впередъ и на фланги русскаго бивуака на лѣвый берегъ рѣки Кушки, на цѣлые дни высылать массы кавалеріи и усиленно занялись постройкою укрѣпленій, особенно на лѣвомъ берегу р. Кушки.

Такой образъ дѣйствій авганцевъ заставилъ Комарова въ свою очередь выслать на рекогносцировки: 14-го марта на правый берегъ рѣки Мургаба капитана Генеральнаго Штаба Прасолова съ пятью джигитами, а 15-го числа, его же, для производства съемки, съ ротою стрѣлковъ, въ качествѣ прикрытія. Въ тотъ же день на рекогносцировку къ лѣвому берегу Кушка, была выслана по направленію на Кала-и-Моръ сотня туркменъ Мервской милиціи, подъ командою подполковника Алиханова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тайнственная старица.

(Изъ архивныхъ дѣлъ XIX вѣка).

Въ одномъ изъ уголковъ уютнаго кладбища Пензенскаго Троицкаго женскаго монастыря пріютилась скромная могилка съ скромною же надписью на плитѣ: „*Старица Анна. Скончалась въ 1861 г.*“.

Могилка эта, хранящая останки нѣкоей старицы Анны, въ настоящее время почти забыта—ее знаютъ только сестры обители и немногіе изъ горожанъ и сельскихъ жителей. Но въ свое время она возбуждала особое вниманіе пензяковъ. Много было толковъ, разговоровъ и споровъ о старицѣ, таинственно привезенной въ Пензу весною 1861 года, въ сопровожденіи послушницы и жандарма, одѣтой, хотя и по-монашески, но во все *бѣлое*, съ наперснымъ крестомъ на груди... Секретныя бесѣды съ нею мѣстныхъ преосвященнаго и губернатора, скорая смерть, немедленная отсылка куда-то всѣхъ ея вещей и бумагъ, строгое архіерейское внушеніе игуменіи монастыря за устроенные ею „якобы“ пышныя похороны умершей—все это невольно заставляло пензенскихъ обывателей задаваться вопросомъ: кто эта старица? Дѣлалось много предположеній о ея личности. Особенно упорно говорили, что старица Анна первая жена великаго князя Константина Павловича... Считали ее и за Е. Ф. Татаринову, извѣстную хлыстовку¹⁾ и под. Но истины никто добиться не могъ. Тайнственная старица и осталась для всѣхъ таинственною. Такова же она и до настоящаго времени.

¹⁾ „Русская Старина“ за 1889 г., т. LXIII, стр. 193.

И мы, предлагая нѣсколько новыхъ, документальныхъ, данныхъ о старицѣ Аннѣ, вовсе не имѣемъ въ виду отвѣтить на вопросъ: кто она? Нѣтъ. Своимъ очеркомъ намъ хотѣлось бы только дать будущему историку „монастырскихъ тюремъ и ихъ насельниковъ“ хотя бы какія-нибудь нити къ распутыванію этого историческаго клубка недавняго прошлаго времени...

* * *

Исторія „Таинственной старицы“ въ дѣлѣ ¹⁾, по которому мы предлагаемъ свой рассказъ о ней, начинается отношеніемъ генераль-адъютанта графа Орлова къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову отъ 4 апрѣля 1852 года. Въ своемъ отношеніи графъ Орловъ, между прочимъ, пишетъ, что „вдова кол. асессора Анна Степанова, выдающая себя въ публикѣ ложно за монахиню, утруждала Государя Императора всеподданнѣйшимъ прошеніемъ объ освобожденіи ея отъ полицейскаго надзора, которому она подвергнута будто-бы безвинно, и о дозволеніи ей свободно проживать во всѣхъ городахъ Россіи. Въ слѣдствіе сего, продолжаетъ графъ, сдѣлано было сношеніе съ Петербургскимъ Военнымъ Генераль-Губернаторомъ, и изъ его отзыва усмотрѣно, что эта та самая Степанова, которая странными поступками своими обратила на себя вниманіе преосвящ. Никанора, митрополита С.-Петербургскаго, и по поводу отношенія Вашего Сіятельства къ нему, генералу Шульгину..., произведеннымъ о ней полицейскимъ разысканіемъ, отдана по Высочайшему повелѣнію подъ надзоръ полиціи, но такъ какъ она, несмотря на воспрещеніе ей, продолжаетъ выдавать себя за монахиню, безъ всякаго основанія, ведетъ ту же странную жизнь и утруждаетъ правительство неосновательными жалобами и домогательствами, то онъ, Военный Губернаторъ, полагалъ отправить ее навсегда въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ женскихъ монастырей, для пресѣченія ей способовъ къ неприличнымъ поступкамъ и разнымъ обманамъ и предсказаніямъ, коими она привлекаетъ народъ. Признавъ со своей стороны таковое мнѣніе совершенно справедливымъ, я всеподданнѣйше предлагалъ о томъ на благоусмотрѣніе Государя Императора и Его Величество Высочайше соизволилъ повелѣть привести оное въ исполненіе“...

Святѣйшій Синодъ, на третій день по полученіи приведеннаго отношенія, постановилъ отправить Степанову въ отдаленный, глу-

¹⁾ Дѣло Синод. Архива № 3550 за 1852 г. срав. Указы Пензенской Дух. Консисторіи, хранящіяся въ архивѣ Троицкаго ж. монастыря за №№ 18, 19, 22 и др. 1861 г.

хой Екатеринбургскій первоклассный монастырь Пермской епархіи. При этомъ мѣстному епархіальному архіерею было рѣшено предпринять, чтобы, по доставленіи Степановой въ монастырь, подвергнута она была строгому надзору настоятельницы и надлежащему увѣщанію, и чтобы объ успѣхѣ въ томъ, равно какъ и объ образѣ жизни и поведеніи ея доносимо было Синоду по-полугодно.

Прошло почти полтора мѣсяца со дня рѣшенія Синода, а въ исполненіе оно все не было еще приведено. Въ Степановой приняла участіе Петербургская аристократія... И вотъ предсѣдательница С.-Петербургскаго Дамскаго Тюремнаго Комитета генеральша Потемкина¹⁾ обращается къ гр. Протасову съ просьбою, ради болѣзненнаго состоянія и престарѣлыхъ лѣтъ Степановой, жившей въ то время уже въ пересыльной тюрьмѣ, назначить ей другой ближайшій монастырь. Изъ приложеннаго къ просьбѣ Потемкиной свидѣтельства врача видно, что Степановой уже 77 лѣтъ; страдаетъ она періодическимъ стѣсненіемъ въ груди и судорогами въ рукахъ и ногахъ, при постоянномъ отекаѣ послѣднихъ.

Протасовъ передалъ просьбу Потемкиной Синоду, и послѣдній уважилъ ее, постановивши отправить Степанову въ Усманскій Софійскій монастырь, Тамбовской губерніи подъ тотъ же надзоръ, какой назначенъ былъ ей въ первый разъ. 2-го іюля, какъ видно изъ донесенія преосвящ. Тамбовскаго Николая (Доброхотова), Анна Степанова „доставлена“ была въ Тамбовъ „съ нарочно командированнымъ отъ С.-Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора квартальнымъ... Голощаповымъ“ и въ тотъ же день отправлена въ назначенный ей монастырь, куда прибыла 4-го іюля, устроившись, какъ писала игуменія Евпраксія, въ „приличныхъ званію ея келліяхъ“...

О жизни Анны Степановой въ Успенскомъ монастырѣ официальное дѣло говоритъ очень немного. И это немногое даютъ намъ тѣ рапорты полугодичные, которые, по предписанію Синода, представлялъ туда преосвященный Николай. Во всѣхъ ихъ (нами прочитано ихъ 7) до января 1856 года преосвящ. Николай, на основаніи, конечно, отзыва игуменіи, характеризуетъ невольную отшельницу съ самой хорошей стороны. По его словамъ „она ведетъ себя хорошо, ни въ какихъ предосудительныхъ и безчестныхъ поступкахъ настоятельницею не замѣчена... три раза (въ полугодіе) самоизвольно говѣла, была на исповѣди и сообщалась св. Таинъ, являла

¹⁾ Татьяна Борисовна, урожд. кн. Голицына. Извѣстна своею благотворительностью. Сконч. 1 іюля 1869 г. Была близка къ Царской Фамиліи и высшему духовенству—напр. къ митроп. Филарету (Дроздову).

неослабную ревность во всѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, всегда оказывала знаки покорности, хранила уединеніе и, при всякомъ случайномъ общеніи, соблюдала примѣрную тихость...,—къ трудамъ охоту и постоянную заботливость о загробной жизни“... Подробно преосвящ. Николай говоритъ въ своихъ рапортахъ и о внѣшнемъ положеніи ея въ обители. „По силѣ ея прежняго цѣножизненнаго навыка, замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ донесеній архипастырѣ, и настоящаго разстроеннаго здоровья, она открыла настоятельница, что обыкновенная трапезная пища, приготовляемая сообразно уставамъ церкви, и соразмѣрно монастырскихъ доходовъ, не только не можетъ (поддерживать) ея уже разстроенныхъ силъ и здоровья, но и неудобопріятна для теперешняго ея вкуса, а приготовленіе, хотя въ самыхъ малѣйшихъ порціяхъ, для нея всегда необходимыхъ кушаній съ приправами поварскими стоитъ для монастыря большихъ издержекъ; пріобрѣтеніе таковыхъ съѣстныхъ припасовъ и приправъ, за неимѣніемъ въ монастырѣ, стоитъ, кромѣ издержекъ, большихъ трудовъ. Привозныхъ рыбъ засольныхъ и свѣжихъ, какія достаются въ ближайшей къ городу и монастырю рѣкѣ Усманкѣ, и какія продаются, большею частью, на ближайшихъ базарахъ, она, Степанова, испыталъ отъ нихъ большой вредъ, употреблять ихъ также не можетъ; а другихъ лучшихъ свѣжихъ донскихъ рыбъ, которыя бы съ пользою могли быть употребляемы ею въ пищу, монастырь не имѣетъ способовъ для нея таковыя пріобрѣтать; вслѣдствіе этого она, не употребляя иногда пищи, истаеваетъ отъ голода, а иногда по крайней нуждѣ и въ поддержку собственной жизни, пріемля и самую лучшую пищу, очевидно, тѣмъ усиливаетъ только припадки своихъ болѣзней. При томъ воды, находящіяся близъ монастыря, по болотистому ихъ свойству, а равно и самая сырость монастырскихъ келлій, не менѣе вредное имѣетъ вліяніе на ея здоровье и силы къ развитію ея тяжкихъ болѣзней, такъ что судорожные припадки, часъ отъ часу болѣе являющіе свои дѣйствія во всемъ ея тѣлѣ, поставляютъ ее въ безотрадномъ положеніи и дѣлаютъ жизнь болѣе и болѣе жалкою для каждаго сострадательнаго человѣка“...

Такъ, въ продолженіе пяти почти лѣтъ, изъ полугодія въ полугодіе, доносилъ преосвящ. Николай Синоду объ Усманской узницѣ. Можно было бы, читая рапорты тамбовскаго іерарха, подумать, что Анна Степанова и на самомъ дѣлѣ смирилась предъ своею судьбою и не для себя уже жила, не о своемъ немощномъ тѣлѣ думала, а предуготовляла себя „благочестивыми упражненіями“ къ загробной жизни. Но... увы! Такова она была только на-показъ, предъ своимъ ближайшимъ начальствомъ — игуменіею и архіереемъ. На самомъ же дѣлѣ въ этой бодрой духомъ старушкѣ кипѣла жизнь. Не о

смертномъ часѣ думала она, не благочестивыя упражненія занимали ее... Нѣтъ. Ея мечта была какъ-нибудь бы, а избавиться отъ невольной ссылки, уѣхать изъ Тамбовской глуши... И первая попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана еще въ январѣ 1855 года...

Нѣкая Аграѣна Денисова, прислуживавшая Аннѣ Степановой въ Усманскомъ монастырѣ, а въ январѣ мѣсяцѣ 1855 г. какимъ-то образомъ очутившаяся „на Фонтанкѣ“ въ С.-Петербургѣ, отправила 14-го числа письмо на имя Великой Княгини Александры Іосифовны. Вотъ это письмо: „Ваше Императорское Высочество, Богомъ спасаемая и возлюбленная Матушка, Александра Іосифовна. 80-я старица мать Анфисса отъ духовныхъ подвиговъ и глубокой старости въ совершенномъ изнеможеніи силъ, кромѣ того монастырь окруженъ болотами, лишенъ здоровой воды и такъ бѣденъ, что келліи всегда сыры и нездоровы. Будучи ея послушницею, осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Высочество за мою благодѣтельница въ дѣлѣ спасенія, о переводѣ ея въ Кіевъ или снятіи съ нея запрещенія“...

Письму этому данъ былъ ходъ. Оно было передано чрезъ Оберъ-Прокурора Святѣйшему Синоду. Послѣднимъ было постановлено отъ 17 марта и 25 ноября 1855 г. истребовать отъ преосвящ. Тамбовскаго Николая свѣдѣнія—есть ли въ Усманскомъ женскомъ монастырѣ старица Анфиса, и не одно ли она и то же съ Анною Степановой?

Въ отвѣтъ на запросъ Синода преосвященный Николай, на основаніи рапорта Усманскаго благочиннаго протоіерея Ласточкина, сообщалъ: 1) что, заключенная въ монастырь, Анна Степанова дѣйствительно имѣетъ въ услуженіи (а не послушницу) С.-Петербургскую мѣщанку дѣвицу Денисову, которая созналась, что письмо Великой Княгини писала она; 2) имя Анфисы Аннѣ Степановой не принадлежитъ ни по какимъ документамъ, другой же высланной подъ монастырскій надворъ нѣтъ. Денисова же называла ее матушкою Анфисою потому, что, по ея словамъ, она „всегда симъ именемъ называла и называетъ ее, другого же имени, которое бы принадлежало старицѣ Анфисѣ, она никакого не знаетъ“. Что касается письма, то оно отправлено было по просьбѣ самой матери Анфисы, которая умоляла ее, при отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, постараться „всемѣрно о ея положеніи, хотя бы словесно объяснить кому-либо изъ царской фамиліи; а какъ она исполнить сего не могла, то и рѣшилась подать прошеніе, но кто оно ей писалъ, она не знаетъ, а равно приложена ли къ оному за нее рука, ей также неизвѣстно, потому что прикладывать за себя руку она никого не просила; поступила же она въ Усманскій Софійскій монастырь съ озна-

ченною матушкою ' Анфисою 1852 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ прямо изъ С.-Петербургскаго тюремнаго замка, но принадлежитъ ли ей Анфисѣ названіе—вдова к. а. Анна Степанова, она свѣдѣній объ томъ никакихъ не имѣетъ“ ...

Синодъ, получивши отзывъ преосвященнаго Николая, постановилъ 19-го марта 1856 г. оставить просьбу Денисовой объ Анфисѣ старицѣ безъ удовлетворенія, такъ какъ заключена она въ монастырь по Высочайшему повелѣнію „за неприличные поступки, разные обманы, пререканія и неосновательныя правительству жалобы и домогательства“.

Въ 1856 г. уже отъ самой Анны Степановой поступило на Высочайшее Имя прошеніе о перемѣщеніи ея въ другой монастырь. Самаго прошенія въ дѣлѣ Синода нѣтъ. Изъ отзыва же, по поводу его, преосвященнаго Тамбовскаго Николая отъ 24 января 1857 г. видно, что Степанова опредѣленно указывала на свое желаніе перейти не въ какой-нибудь монастырь, а въ С.-Петербургъ, на что мѣстная духовная (Тамбовская) власть вполнѣ была согласна. „Отъ юности ея, писалъ Тамбовскій архипастырь, она воспитана и большую часть жизни своей провела въ С.-Петербургѣ, тамъ имѣютъ главное мѣстопробываніе всѣ ея родственники, и погребены родители ея, а потому она, по освобожденіи отъ настоящаго надзора, опять желаетъ возвратиться въ эту столицу и въ кругу кровныхъ окончить краткій и болѣзненный остатокъ дней ея“.

Такъ какъ первое прошеніе (1856 г.) Анны Степановой на Высочайшее Имя, очевидно, успѣха никакого не имѣло, и она продолжала все томиться подъ надзоромъ, то 22 февраля 1857 года она снова пишетъ Государю. Приводимъ, въ виду особаго интереса, письмо ея Государю и другое какому-то Петру Ивановичу—буквально.

„Августѣйшій Монархъ,

Всемиловѣйшій Государь!

Пять лѣтъ я нахожусь въ Усманскомъ Успенскомъ монастырѣ Тамбовской губерніи, куда заключена подъ монастырскій присмотръ, по Высочайшей волѣ въ Божѣ почившаго Монарха; не желая отыскивать причины моего заключенія и углублять (ся) въ мудрыя распоряженія Отца своихъ дѣтей я старалась, сколько позволяли мои силы, свято исполнять уставы православной церкви и предписанія начальства.

Пятилѣтнее заключеніе,—сырой климатъ,—недостатокъ хорошей воды и другія лишенія, при совершенно бѣдномъ состояніи этого монастыря, истожили послѣднія мои силы въ 80-й моей старости.

Всемиловѣйшій Государь! милости, излитыя отъ щедрости

Твоего сердца, при священнѣйшемъ Твоемъ помазаніи на престолъ предковъ, отразились въ сердцахъ подданныхъ и Монаршая Твоя сердцелюбивая блительность взыскала заблудшихъ въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Твоего государства. Таковыя щедроты, изливаемые на подданныхъ Твоихъ, подали и мнѣ смѣлость пасть къ стопамъ Твоимъ и умиленно просить удостоить и меня сопричислиться къ милліонамъ взысканныхъ Твоими милостями: освобожденіемъ меня изъ подъ монастырскаго надзора. Дабы въ свободномъ состояніи, укрѣпивъ нѣсколько угасающія мои силы и постоянно возсылая молитвы къ Всевышнему о благоденствіи В. И. Величества и всего Августѣйшаго Дома, я могла бы съ невозмутимымъ духомъ встрѣтить наступающій конецъ моей жизни“...

Далѣе идетъ собственноручное письмо, съ большими ошибками, безъ знаковъ препинанія, на имя Петра Ивановича. „Исторія скорбной моей жизни, пишетъ Анна Степановна, отъ части вамъ извѣстна то не стану повторять ее чтобы не затруднять васъ бесполезно но прошу имянемъ Бога всеусерднейше примите участіе въ моемъ положеніи. Я страдаю подъ надзоромъ монастырской полиціи неведомо за что да и конца не вижу моему страданію. Но какъ теперь Милостивѣйшій и Благочестивѣйшій нашъ Монархъ создавъ миръ миру и усугубилъ его милостивымъ манифестомъ при святомъ своемъ коронованіи, чрезъ который милліоны людей получаютъ величайшія отрады, то и для меня блеснулъ лучъ надежды на помилованіе. Будьте столь добры и внимательны ко мнѣ взгляните на 18 статью ¹⁾ милостиваго манифеста она такъ близка къ моему дѣлу что будто бы для меня писана; ежели и вы тоже въ ней признаете то умоляю васъ помогите мнѣ воспользоваться этою царскою милостью. Вы на такомъ счастливомъ мѣстѣ, что премного можете дѣлать добра не лишите и меня того жъ. Нельзя ли обо мнѣ доложить Его Высочеству или по крайней мѣрѣ указать на оную статью въ Св. Синодѣ гдѣ обо мнѣ было дѣло и отъ котораго я завишу. Синодъ меня знаетъ подъ именемъ к. а. Анны Степановой—я желаю и прошу одной милости чтобы освободили меня отъ ареста или отъ надзора и тѣмъ доставили бы мнѣ великую милость привести мои собственныя дѣла въ порядокъ, которыя по причинѣ моего ареста остаются безъ дѣй-

¹⁾ «Отданныхъ подъ особый надзоръ полиціи, говорится въ ней, съ обязанностью имѣть жительство въ указанныхъ имъ мѣстахъ, если они подверглись сему не вслѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ за доказанныя преступленія, или по оставленіи ихъ судомъ въ сильномъ подозрѣніи, освободить отъ сего надзора, дозволивъ имъ также жительство, гдѣ они пожелаютъ». См. Полное Собраніе Законовъ. Т. 31. Отд. 1. Стр. 792. СПБ. 1857.

ствія да согласно статьи дозволили бы мнѣ избрать жительство по моему желанію. А здесь я задыхаюсь отъ гнилости кельи отъ холода и угара и пища здѣшняя для меня не токмо неполезна но.... (слово одно не разобрано).... убійственна и въ особенности вонючая вода. Еще умоляю васъ не отринете усердной просьбы убитой старостию старицы но преданной къ вамъ къ услугамъ Анны Степановой а нынѣ схимонахини Анны“...

Когда прошеніе Степановой было передано Синоду, то онъ, не считая возможнымъ возвратитъ ее въ С.-Петербургъ, „чтобы опять не предалась прежнимъ страннымъ поступкамъ“, счелъ, все-таки, возможнымъ освободитъ ее изъ-подъ надзора и предоставитъ ей право выбрать болѣе удобный по климату монастырь во внутреннихъ губерніяхъ. Но постановленіе Синода, доложенное Государю кн. Долгоруковымъ, управляющимъ III-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, утверждено Имъ не было.

Новое прошеніе Степановой на имя Государыни Императрицы, поданное ею въ январѣ 1858 г., въ виду прежняго рѣшенія (см. в.), не было даже рассмотрѣно Синодомъ и возвращено просительницѣ обратно ¹⁾...

Постоянныя ли неудачи, какія постигали подаваемые Степановой прошенія, тяжелыя ли для нея условія монастырской жизни—неизвѣстно что, но только въ настроеніи и поступкахъ нашей Усманской узницы съ 1858 года замѣтна очень большая перемѣна. Прежде, въ продолженіе почти шести лѣтъ, она характеризовалась, по крайней мѣрѣ на официальномъ языкѣ рапортовъ, какъ старица благочестивая, трудолюбивая, любящая уединеніе, всегда выказывающая особую „заботливость о загробной жизни“. Теперь же новый Тамбовскій архипастырь Макарій (Булгаковъ) пишетъ о ней Синоду, что она ведетъ себя по-прежнему „странно“, принимаетъ къ себѣ всякихъ людей, строптивымъ своимъ характеромъ огорчаетъ игуменію и подчиненныхъ. Изъ произведеннаго въ скоромъ времени формальнаго дознанія „странныхъ поступковъ“ Анны Степановой уже ясно обнаружилась та перемѣна въ ея настроеніи, о которой замѣтили мы выше.

Ближайшимъ поводомъ къ назначенію дознанія надъ дѣйствіями Степановой послужило слѣдующее письмо на имя преосвящ. Макарія какого-то поручика Владислава Майнова, принимавшаго съ этихъ поръ и до самой кончины старицы весьма большое въ ней участіе.

¹⁾ Самого прошенія въ «дѣлѣ» нѣтъ. О подачѣ его видно изъ предложенія Синоду Об.-Прокурора Толстого отъ 7 января 1858 г. за № 70. См. Д. Сии. Арх. Ц. в. Л. 52.

Въ письмѣ своемъ Майновъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ трехъ верстахъ отъ города Усмани, въ Софійскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, по неисповѣдимому промыслу Божію, жительствуетъ достойнѣйшая 80-я старица А. И. Степанова, полная любви къ Спасителю міра, всегда покорная начальству и законамъ, она безропотно несетъ крестъ свой. Полагая, по твердому ея христіанскому убѣжденію и по своему немощному разумѣнію, что скорбное посылаемое отъ Господа, должно переносить съ благодареніемъ, онъ молчалъ въ числѣ прочихъ и, услаждаемый бесѣдою мудрой прозорливости и безпристрастія, старался не обращать вниманія на горькія дѣйствія ближнихъ по наущенію врага. Но къ пользѣ же ближнихъ онъ представляетъ событія въ самомъ точномъ видѣ. Покойная игуменія Евпраксія, получивши въ 1852 г., по пріѣздѣ Анны Степановой, отъ нея капиталъ 8.000 рублей серебромъ, доставляла ей, по возможности, все нужное, но по кончинѣ Евпраксіи, около двухъ лѣтъ тому послѣдовавшей, при совершенной неопытности игуменія Серафимы, при вмѣшательствѣ въ дѣло управленія монастыремъ свящ. Бѣльскаго, не только жизненные припасы перестали выдаваться матушкѣ въ необходимомъ количествѣ, но монастырская прислуга покинула старину, причиняя ей всякаго рода непріятности, чтобы угодить всезнающему духовнику своему и неопытной начальницѣ Серафимѣ. Скучная помощь отъ него (М—а) даетъ возможность матушкѣ не нуждаться лишь въ самомъ необходимомъ, да и крѣпостныя его дѣвки-крестьянки у нея въ услуженіи, тогда какъ старыя годы матушки, кромѣ ея великихъ скорбей, даютъ ей полное право на вниманіе окружающихъ и должны бы отдалять дерзости монастырской челяди.

14 ноября 1857 г. въ день заговѣнья онъ въ числѣ трехъ дамъ Г. Селиховой, Ю. Савельевой и дѣвицы Каземировой посѣтили уважаемую ими, какъ родную мать, старицу, среди тихой бесѣды ихъ, поощренный игуменьею и челядью врывается съ крикомъ въ келлію матушки, обвѣшанный образами и крестами незнакомецъ и только съ помощью позванной ихъ прислуги, они могли освободить матушку отъ самаго стѣснительнаго положенія. Мѣстный священникъ Іоаниъ и игуменія приняли незнакомца подъ защиту свою и скрывъ его въ домѣ у г. Е. Савельевой у монастыря, въ ту же ночь отправили его съ мірскимъ служителемъ неизвѣстно куда, боясь законнаго преслѣдованія. Бродяга этотъ, какъ мнѣ извѣстно, прожилъ въ монастырѣ около 3-хъ недѣль и не разъ денно и ночью тревожилъ дряхлую, больную, молящуюся Анну *Иванову* (к. н.) Одно это обстоятельство заставило меня употребить все зависящее для отвращенія святотатства въ стѣнахъ священной обители“...

Началось слѣдствіе. Послѣднее открыло много страннаго и непригляднаго въ поступкахъ Степановой. Приводимъ кое-что, наиболѣе интересное, изъ показаній послушницъ и монахинь Усманскаго монастыря. Послушница Быкова, напр., показывала, что сначала Степанова вела себя „кротко и не зазорно“, но потомъ стала высказывать „неудовольствіе“ на игуменію, хотя ей и оказывалось со стороны игуменіи особое вниманіе. Такъ, напр., пищу самую даже лучшую отсылала назадъ; „хлѣбъ бѣлый, самаго лучшаго даже печенья и доброты, сминала въ комокъ, или иногда расщипавъ его на мелкіе кусочки, какъ бы въ посмѣяніе игуменіи, возвращала ей обратно съ приказаніемъ сказать, что она такой хлѣбъ ѣсть не будетъ, а потомъ и пищу монастырскую употреблять не стала“... Въ услуженіи у ней сначала были послушницы, теперь же служатъ двѣ крестьянки Майнова;—монастырской же прислуги нѣтъ по той причинѣ, что „по жестокому обращенію С—й съ послушницами, которыхъ она наказываетъ безчеловѣчно палкою или другимъ чѣмъ-либо по плечамъ, головѣ, рукамъ, или кулакомъ по щекамъ, никто жить болѣе не соглашается“... Бродяги въ монастырѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ не было.

Объ отношеніяхъ Степановой къ Майнову она, Быкова, ничего не показывала кромѣ того, что послѣдній бывалъ у нея каждый день по нѣсколько разъ—или одинъ или съ помѣщиками Ладыженскимъ и Сычевымъ, просиживали они до глубокой ночи. Иногда гостямъ этимъ напоминали, что по монастырскому уставу ворота нужно запираеть „по-рану“, но напоминанія успѣха не имѣли никакого—гости сидѣли столько времени, сколько хотѣли.

Сама же Степанова на замѣчаніе игуменіи однажды „съ окрикомъ произнесла: „Ты мнѣ не смѣешь никогда объ этомъ говорить. Ты что за игуменья! Ты стерва-мужичка!“... и другими поносительными словами всячески поносила, о сущности которыхъ благопрістойность воспрещаетъ выразить“. Въ другой разъ къ Степановой пришли крестьяне и просили ее быть судьей относительно порубки лѣса. Степанова согласилась. Игуменія, узнавъ объ этомъ, пошла къ ней и просила не вступаться въ мірскія дѣла;—въ отвѣтъ Степанова всячески поносила и ругала ее. Вообще посѣтителей у Степановой бываетъ много, и она принимаетъ ихъ радушно. Служащіе же Майнова являются почти ежедневно за приказаніями, привозятъ ей хлѣбъ, пригоняютъ скоть, „приводятъ жениховъ и невѣсть для осмотра“... и всѣхъ ихъ она называетъ „своими крестьянами“...

Послушница Каратаева, подтвердивши показанія Быковой, добавляла, что въ 4 года, какъ она жила у Степановой, столько была наказана, что исчислить не можетъ—иногда разъ по пяти въ день,

а два раза едва осталась жива. Однажды Степанова колотила ее мѣднымъ тазомъ по головѣ, что тазъ весь изломала, а ее, Каратаеву, довела до безпамятства. Разъ Каратаева принесла прямо съ плиты кипящую уху. Степанова, хлебнувъ одну ложку, вдругъ „съ гнѣвомъ закричала: зачѣмъ она ей подала недосоленную уху и схвативъ оную вылила ей за шею“. Боясь жаловаться и „принявъ терпѣніе, что она обварена ухою, поклонилась къ ногамъ ея, прося прощенія въ своемъ неискusstвѣ готовить пищу по вкусу ея, питая надежду, что таковымъ повиновеніемъ смягчитъ гнѣвъ ея и тѣмъ избавитъ себя отъ еще большаго наказанія и побоевъ; но Степанова очень удобно не упустила изъ вида и этотъ случай, ибо въ сію же минуту сѣла на нее, наклоненную, верхомъ, одною рукою захватила горло, чтобы она не могла кричать, а другою рукою взявши ее за заплетенную косу и завила оную за руку и начала ее бить лбомъ объ полъ и до того избила, что она едва дошла до игуменьи, которая, увидѣвши ее въ такомъ несчастномъ и отчаянномъ положеніи, сопряженномъ даже съ помѣшательствомъ разсудка, изъ опасности, въ случаѣ смерти ея, дабы не подлежать отвѣтственности, пригласила для освидѣтельствванія ея побоевъ старшихъ сестеръ“...

Монахиня Архелая указала, между прочимъ, на то, что характеръ Степановой измѣнился особенно со времени знакомства съ Майновымъ. Капитала въ 8.000 рублей отъ нея не поступало... Крестьянамъ даетъ „разрѣшеніе“ на браки. Такъ недавно, по словамъ свидѣтельницы, она отказала одному жениху, возвративши его въ имѣніе, а невѣсту оставила у себя. Вообще имѣніемъ Майнова распоряжается безконтрольно. Въ мясоѣдъ 1857 года привозили къ ней неразрубленныя свинныя туши, таскали ихъ по ея покоямъ; приносили также дворовую птицу, но неизвѣстно, для какой надобности и „она на всѣ эти предметы дѣлала свои распоряженія“... Къ игуменіи Степанова относилась непочтительно.

Однажды въ храмѣ, во время литургіи, при всѣхъ кричала: „какая она начальница? она не начальница, а мачальница, прибавивъ къ тому, что вы и всѣ здѣсь дураки, мужички, однодворки“. Называла иногда игуменію и разбойницею и под. именами. „Сверхъ того Степанова приписываетъ себѣ даръ предвѣдѣнія, прозорливости, еще какое-то таинственное величіе, также называетъ себя схимонахинею“...

Объ озорствѣ въ церкви показывала и послушница Болтонова. Какъ-то Степанова пришла раньше всѣхъ въ церковь—отворила всѣ двери и окна, затворять не позволяла, а ставши посреди церкви кричала: „я надаю всѣмъ плюхъ сейчасъ же“ съ прибавленіемъ другихъ бранныхъ словъ.

Подобное же показывали и другія монахини и послушницы монастыря.

Изъ постороннихъ какой-то капитанъ Саварскій показывалъ, что Анна Степанова человѣкъ „достойный всякаго сожалѣнія, по причинѣ разстроеннаго ея разсудка, который при спокойствіи ея духа бываетъ чистъ и ясенъ, но въ противномъ случаѣ доходитъ до нетерпимости, и тогда ей всѣ предметы кажутся наоборотъ, тогда самая чистая правда воображается ей самымъ ухищреннымъ зломъ, противъ нея направленнымъ, и воображая дѣлать истину, дѣлаетъ напротивъ, не замѣчая и сама того; возобновеніе этихъ припадковъ къ худшему или лучшему зависитъ отъ окружающихъ ея собесѣдниковъ, которымъ она имѣетъ болѣе или менѣе довѣріе (разумѣется, отъ склонности сихъ послѣднихъ). Изъ всѣхъ этихъ приемовъ или уловокъ видно, что она была человѣкъ высшей сферы противу теперешняго ея быту и, по утратѣ прежняго, она теперь въ безпрестанной скорби и отъ того терзается“...

Настоятельница Серафима къ показанію капитана Саварскаго добавила, что „присвоеніемъ себѣ особенной набожности, дара предвѣдѣнія или прозорливости, какого-то таинственнаго величія, случайности, монашества, схимонашества, игуменства и др. придуманныхъ преимуществъ начала привлекать къ себѣ легкомысленныхъ читателей, искателей ея предсказаній и помощи. Поручикъ Майновъ и живущая съ нимъ помѣщица Селихова первые явились жертвою ея обмановъ, и чрезъ нихъ она вскорѣ распространила и теперь распространяетъ свой привлекательный обманъ на многихъ; вслѣдствіе чего монастырь сдѣлался центромъ ежедневныхъ сборищъ людей изъ всѣхъ классовъ и она, игуменія, видя это, по долгу своему, старалась пресѣчь сіи вредныя, какъ для нихъ самихъ, такъ и для обители общенія ихъ. А какъ большая часть изъ нихъ были завлечены въ общеніе съ нею разными со стороны ея обѣщаніями, лестными для здѣшней жизни, а нѣкоторые очевиднымъ интересомъ: то ея препятствія ихъ всегдашнимъ дневноночнымъ внутри и внѣ монастыря общеніямъ были для таковыхъ неприяты“.

„Что же касается до религіозныхъ правилъ ея жизни, то эти правила, говорила та же игуменія Серафима, имѣютъ характеръ примѣнительный къ цѣлямъ болѣе земнымъ—низкимъ и вообще, какъ видно, религія не имѣетъ на ея нравственность благотѣльнаго вліянія, это усматривается изъ того, что когда Степанова бываетъ у исповѣди и св. Причастія, то по принятіи сихъ Божественныхъ даровъ, уста и руки ея тотчасъ готовы распространяться на дѣла предосудительныя, къ какимъ болѣе настроена жизнь ея“... При прежнемъ общемъ монастырскомъ духовникѣ „она казалась

болѣе уважительною къ правиламъ вѣры, усерднѣе къ церкви, кротчѣе, покорнѣе и внимательнѣе къ ея долгу и политическому положенію, но съ перемѣною духовника, она время отъ времени становится страннѣе во всѣхъ отношеніяхъ ея жизни“.

Слѣдствіе окончилось... Любопытную черту недавняго прошлаго можно отмѣтить въ немъ—это полное безправіе самой обвиняемой: ее даже не спросили—какъ понимаетъ сама она свою вину? Кто знаетъ? Можетъ быть изъ ея показаній слѣдователи вывели бы многое въ ея оправданіе? И для историка они не были бы бесполезны, раскрывая многія стороны въ этой загадочной жизни, теперь для него совершенно темныя...

Послѣ всего установленнаго слѣдствіемъ Аннѣ Степановой, конечно, неудобно было оставаться въ Усманскомъ монастырѣ, а потому она и была переведена сначала въ Кирсановскій женскій монастырь (23/vii 1858 г.), а потомъ въ Тамбовскій Вознесенскій монастырь (ук. Синода отъ 4/ix 1859 г. № 3). Во время жизни въ этихъ монастыряхъ она вела себя сравнительно очень не плохо (см. донесенія: еп. Макарія отъ 27/iv 1859 г., Теофана еп. отъ 3/v 1860 г. и др.). Характерно только ея постоянное надоеданіе за это время начальству о переводѣ то въ С.-Петербургъ, то въ Липецкъ, то въ Воронежъ. Писала она объ этомъ и Тамбовскимъ іерархамъ и самому Государю. Послѣднее, такъ сказать, предсмертное прошеніе на имя Государя Анна Степанова подала въ августѣ 1860 года и оно, хотя и не вполнѣ, но было уважено — единственное изъ почти десятка поданныхъ ею на Высочайшее Имя.

Въ этомъ, послѣднемъ прошеніи Степанова просить Государя перевести ее въ Воронежъ и освободить изъ-подъ надзора „подъ которымъ я не будучи виновна ни предъ закономъ Божиимъ ни человѣческимъ, не знаю за что нахожусь, есть ли причиною этому одно только мое постриженіе въ монашество въ 1834 г. въ Іерусалимѣ при гробѣ Господнемъ, то повелѣть законнымъ порядкомъ снять съ меня это званіе и дозволить хоть послѣдніе минуты моей жизни провести спокойно и отдать душу мою Богу тамъ, гдѣ я пожелаю“...

Вскорѣ послѣ прошенія, состоялось опредѣленіе Синода (отъ 12/ix 1860 г. и 15/x 1861 г.) о переводѣ ея въ Троицкій женскій монастырь „какъ удаленный и удобный для оказанія Степановой медицинской помощи“.

Въ Пензу старица Анна доставлена была 22 апрѣля 1861 года. Пріѣздъ ея, по воспоминаніямъ современниковъ, взволновалъ весь городъ. Много толковали о ея монашеской, но совершенно бѣлой одеждѣ, наперсномъ крестѣ съ таинственною надписью на оборотѣ,

ея властномъ характерѣ, обнаружившемся особенно при выборѣ ею для себя келіи и подоб. Много предположеній строилось, но..... тайна такъ и осталась тайною...

Въ Троицкомъ Пензенскомъ монастырѣ Степанова прожила только нѣсколько дней: 22 апрѣля она была доставлена, а съ 26 на 27 скончалась—25-го совершено надъ нею было таинство елеосвященія и она причастилась. Погребена она была въ простомъ дубовомъ гробѣ, но обитомъ, согласно ея завѣщанію игуменія Надеждѣ, внутри бѣлымъ атласомъ... на монастырскомъ кладбищѣ.

Послѣ ея смерти вещи и документы ея немедленно были собраны губернаторомъ и мѣстнымъ архіепископомъ Варлаамомъ (Успенскимъ) и куда-то отправлены. Составлена была и опись вещамъ покойной, за внесеніе въ которую подъ № 8 креста съ особою надписью сдѣлано составлявшимъ опись отъ преосвящ. Варлаама архипастырское строгое внушеніе... Что же это за крестъ? По описанію—„крестъ сребропозлащенный на подобіе наперснаго съ таковою же изъ мелкихъ колецъ цѣпочкою, вѣсу въ немъ и цѣпочкѣ 23¹/₂ золотника; на оборотной сторонѣ вдоль поперечника креста вырѣзаны курсивомъ слова: „Церевна ¹⁾ Анна“; въ верху оныхъ словъ прописная литера „А“.

Среди бумагъ сохранились частныя письма Степановой съ адресами: „матушкѣ Анфисѣ“, „матушкѣ“ и одно „отъ рабы Божіей Анны къ П. А. Кашкарову“. Есть прошенія о полученіи Кашкаровымъ, чиновникомъ С.-Петербургской Казенной Палаты, пенсіи изъ Петербургскаго Казначейства. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе „картонный билетъ зеленаго цвѣта, шириною 3¹/₂, длиною 2¹/₂ в., на лицевой сторонѣ надпись слѣдующаго содержанія: „№ 782. Билетъ для прохода по временному помосту, чрезъ р. Неву устроенному весной 1850 г.“; на оборотной сторонѣ онаго „Билетъ этотъ служить для одной только особы и предъявляется часовому, у помоста находящемуся, оставаясь въ распоряженіи того лица, которому данъ“.

* * *

Старика Анна унесла тайну своей жизни въ могилу и для насъ, пользовавшихся оффиціальнымъ дѣломъ о ней, личность ея остается такою же темною, какъ и ранѣе. Но мы вѣримъ, все-таки, что недалеко то время, когда раскроются архивныя листы дѣлъ знаменитаго III-го Отдѣленія, которые и повѣдаютъ намъ: кто и за что

¹⁾ По „Описи“ архива Тр. ж. мон. г. Пензы—„Царевна“.

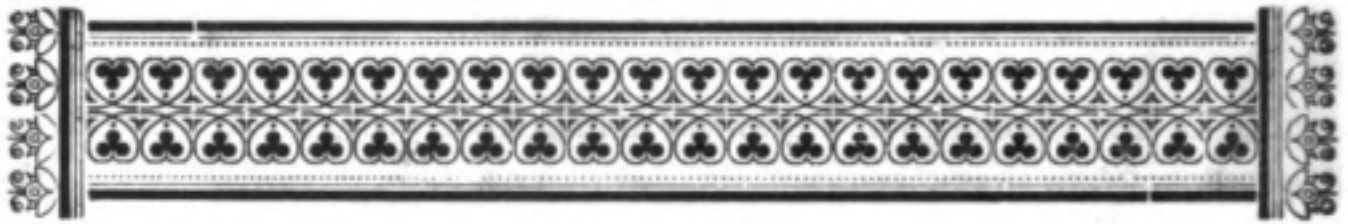
страдала въ далекихъ и глухихъ монастыряхъ подъ именемъ Анны Степановой?.....

Съ своей стороны мы только отмѣтимъ, заключая свой очеркъ, что мнѣнія, господствовавшія среди пензенскихъ обывателей 60—70 гг., что старица Анна вдова кн. Константина Павловича или Татаринова—не имѣютъ исторической достовѣрности: княгиня Анна скончалась за предѣлами Россіи въ 1860 г., а Татаринова, хотя и въ Россіи, но въ 1856 г. Скорѣе всего подъ именемъ Анны Степановой была сослана „навсегда“ въ далекій монастырь какая-нибудь очень знатная сектантка Николаевского времени. Можетъ быть, это была и хлыстовка (мнѣніе Кирѣева—„Р. Старина“), пристрастіе Степановой къ бѣлому цвѣту подтверждаетъ это предположеніе, а усердіе ея въ исполненіи обрядовъ Православной церкви не говоритъ противъ такого предположенія потому, что изъ всѣхъ сектантовъ хлысты особенно „по внѣшности“ преданы православію, хотя въ душѣ православные для нихъ—„народъ невѣрный, злые люди, хищники; духовныя лица это черныя враны, кровожадные звѣри, волки злые, безбожныя іудеи“... и проч., о чемъ „не лѣтъ“ есть и „глаголати“.

С. Артоболовскій.

Памяти П. Я. Дашкова.

Русская историческая наука понесла невознаградимую потерю: 6 февраля внезапно скончался Павелъ Яковлевичъ Дашковъ. Угасла рѣдкая, свѣтлая личность. Нива нашей общественной жизни, на которой такъ много пашни и такъ мало дѣлателей, лишилась одного изъ самыхъ бодрыхъ, трудолюбивыхъ работниковъ. Къ чести нашего общества нужно сказать, что кончина Дашкова не прошла незамѣченной. Его свѣжую могилу почтили не сухими полуофициальными некрологами-формулярами, а теплыми, искренними словами любви и скорби. Знать Дашкова и не любить его было невозможно, и знавшіе его успѣшили рассказать широкимъ читательскимъ кругамъ объ этомъ человѣкѣ, дѣятельность котораго проходила въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ жизни, не могла быть оцѣнена всякимъ и каждымъ, но была всецѣло посвящена благородной службѣ родной культурѣ.

Дашковъ былъ собиратель. Обычно съ этимъ словомъ связывается не совсѣмъ привлекательное представленіе объ угрюмомъ книжномъ паукѣ, усердномъ копунѣ, гонящемся за рѣдкостями, глухомъ и слѣпымъ ко всему, что не входитъ въ узкія рамки интересовъ собирателя. Къ такому типу Дашковъ нисколько не подходилъ. Въ его дѣятельности была идея, были научныя цѣли. Это была благородная, изящная натура. Дашковъ сѣялъ добро и знаніе, и его имя должно быть воспоминаемо съ уваженіемъ и благодарностью.

„Имя это“ — говорить въ глубоко прочувствованной статьѣ Е. Шумигорскій („Нов. Время“, № 12181)—„принадлежало человѣку, всю свою жизнь и всѣ немалыя средства отдавшему на собираніе и сохраненіе сокровищъ по русской исторіи и иконографіи и всей

душой помогавшему всѣмъ работавшимъ въ этой области не только созданной имъ единственной въ мірѣ коллекціей, но и совѣтами, цѣнность которыхъ, при рѣдкомъ его образованіи и литературной опытности, не уступала академическимъ отзывамъ. И въ дѣйствительности домъ Павла Яковлевича, съ утра и до вечера открытый для лицъ, изучавшихъ русскую старину во всѣхъ ея отрасляхъ, былъ единственнымъ въ Петербургѣ центромъ, куда стекались всѣ новости по излюбленному имъ дѣлу, гдѣ находили себѣ мѣсто выдающіеся, большіе и малые, ученые труды по русской исторіи, и гдѣ вопросы русской исторической науки дебатировались въ горячихъ и страстныхъ бесѣдахъ между хозяиномъ дома и его гостями, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ научнымъ и общественнымъ толкамъ. Бесѣды эти стояли академическихъ курсовъ, въ особенности для начинавшихъ свою ученую карьеру, и даже превосходили ихъ, когда хозяинъ раскрывалъ предъ слушателями содержаніе многихъ хранившихся у него рукописей, которыя по разнымъ причинамъ не могли еще сдѣлаться достояніемъ печати.

Въ области новой и новѣйшей русской исторіи хранилище П. Я. Дашкова, по богатству и рѣдкости заключающихся въ немъ матеріаловъ, можно сопоставить съ важнѣйшими государственными архивами, но въ то же время включаетъ въ себѣ историческіе документы, которые, конечно, по исключительной своей важности ни въ одномъ изъ такихъ архивовъ находиться не могутъ. Достаточно сказать для характеристики коллекціи Дашкова, что въ нее попали въ значительной части частные архивы и семейныя бумаги многихъ литературныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей новой Россіи.

Получивъ первоначальное воспитаніе за границей, Павелъ Яковлевичъ былъ до мозга костей русскимъ человѣкомъ, страстно любившимъ свою родину и вѣрившимъ въ ея мощь и величіе. Намъ положительно извѣстно, что самая мысль создать коллекцію рукописей и рисунковъ по русской исторіи появилась у него именно подъ вліяніемъ этого чувства въ то время, когда въ высшемъ обществѣ, къ которому Дашковъ принадлежалъ по рожденію, культивировалось „чужеземство родной страны“, и послѣ краха помѣщичьей Россіи и развала дѣдовскихъ усадебъ стали выбрасываться на улицу семейныя бумаги. Еще юношей Дашковъ тратилъ всѣ свои деньги на покупку русскихъ бумагъ и гравюръ въ важнѣйшихъ антикварныхъ центрахъ Европы, куда онѣ сбывались нашими беззаботными соотечественниками. Ту же склонность свою широко проявилъ онъ и въ Россіи, гдѣ заканчивалъ свое образованіе въ Александровскомъ лицѣѣ, и сталъ затѣмъ числиться на службѣ по государственной

канцеляріи; сердце его сжималось отъ боли, когда онъ видѣлъ уничтоженіе и гибель русскихъ историческихъ бумагъ, и онъ спасалъ многія изъ нихъ, какъ только являлась къ тому возможность, иногда при участіи другихъ знатоковъ родной старины, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ Дашковымъ; въ числѣ ихъ былъ и покойный князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій, многими чертами ума и характера напоминавшій П. Я. Дашкова. Одна исторія созданія дашковской коллекціи могла бы составить любопытнѣйшую страницу новѣйшей бытовой русской исторіи, и нѣкоторые ея отрывки съ неподражаемымъ юморомъ рассказывалъ самъ Павелъ Яковлевичъ, говоря о происхожденіи тѣхъ или другихъ находившихся у него бумагъ.

Человѣкъ добрѣйшей души и въ то же время тонкій знатокъ людей, Павелъ Яковлевичъ соединялъ въ себѣ культурность европейски воспитаннаго человѣка съ самобытностью широкой даровитой русской натуры. Онъ шелъ навстрѣчу нуждѣ, горю всѣхъ, искавшихъ его помощи; многіе изслѣдователи только его просвѣщенной поддержкѣ обязаны были появленіемъ своихъ трудовъ. Утренніе его часы часто сплошь заняты были обученіемъ являвшейся къ нему ученой молодежи даже весьма зрѣлаго возраста. Цѣлыми днями трудился онъ для совершенно незнакомыхъ ему лицъ, пріѣзжавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи, пересматривая свои сокровища и добывая нужные для нихъ матеріалы. „Я не могу быть спокоенъ, пока не отпущу его домой,—говорилъ Дашковъ,—не могу видѣть его лица равнодушно, зная, что онъ долженъ жить въ Петербургѣ, пока я буду откладывать его дѣло“. Безкорыстно служа русской исторіи и искусству, Дашковъ немало содѣйствовалъ академіямъ наукъ и художествъ въ успѣхѣ многихъ ихъ трудовъ и изданій, тщательно уклоняясь по своей скромности отъ всякаго оффиціального признанія своихъ заслугъ“.

Значеніе Дашкова въ нашей исторической наукѣ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ было велико. „Это былъ“,—говоритъ Н. Лернеръ („Рѣчь“, № 41)—„не простой собиратель, а отличный знатокъ книгъ и рукописей, страстный охотникъ, на котораго рѣдкостные звѣри такъ и бѣжали. Услужливый, любезный, онъ никогда ни одному работнику не отказалъ въ помощи, и многіе усердно черпали и изъ его богатаго архива рукописей, и изъ не менѣе удивительнаго архива его памяти; къ тому же онъ былъ словоохотливъ и общителенъ. Въ рѣдкомъ историческомъ или историко-литературномъ серьезномъ трудѣ изъ множества вышедшихъ въ послѣдніе годы вы не встрѣтите выраженій благодарности Дашкову за оказанную помощь, за совѣты и указанія, и ссылокъ на его собраніе ру-

кописей и гравюръ. Къ Дашкову обращались не менѣе часто, чѣмъ въ Публичную бібліотеку, или Румянцовскій музей, или бібліотеку академіи наукъ, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могли даже позавидовать собранію, составленному этимъ „любителемъ“. Самъ Дашковъ ничего не писалъ, и это тоже было хорошо; будь онъ цеховой ученый или профессиональный писатель, онъ не былъ бы такъ щедръ на совѣты и не знакомилъ бы такъ охотно со своими рукописными богатствами, приберегая многое для себя самого: себѣ, дескать, дороже стоитъ. Зато онъ не только помогъ цѣлому ряду ученыхъ, но, что гораздо важнѣе, повліялъ на самый характеръ историческихъ изслѣдованій, на ихъ технику,—пріучилъ изслѣдователей къ работѣ по первоисточникамъ, внушилъ имъ стремленіе къ точности и достовѣрности“.

Такимъ образомъ Павелъ Яковлевичъ пріобрѣлъ ту особую репутацію, которая отличала его отъ другихъ собирателей, и это весьма помогало росту его собранія. „Сначала“,—разсказываетъ одинъ изъ близко знавшихъ Дашкова литераторовъ („С.-Петербург. Вѣд.“, № 32)— „въ теченіе долгихъ лѣтъ, Дашковъ тратилъ большія средства на пріобрѣтеніе рѣдкихъ гравюръ и рукописей для своего собранія, а въ послѣдствіи, среди людей сколько-нибудь заинтересованныхъ въ сохраненіи рѣдкихъ и цѣнныхъ документовъ нашей исторіи, создалось особое убѣжденіе, вѣрнѣе обаяніе личности, и на вопросъ: что дѣлать съ имѣющимся въ рукахъ рѣдкимъ экземпляромъ рукописи, картины, фотографіи? — самъ собою являлся отвѣтъ: передать П. Я. Дашкову. И не въ Публичную бібліотеку, не въ Академію, не въ какое-либо оффиціальное учрежденіе, гдѣ холодомъ вѣяло и отъ стѣнъ, и отъ людей, несли знатоки-любители свои сокровища, а именно „къ Павлу Яковлевичу“, къ тому человѣку, который бережетъ ихъ съ любовью, съ сознаниемъ принятаго на себя долга хранить и беречь дорогую родную старину... Такъ составилось это поистинѣ колоссальное собраніе, извѣстное не только у насъ, въ Россіи, но и иностранному міру. Чтобы судить о богатствѣ, о полнотѣ собранія П. Я. Дашкова, достаточно сказать, что видѣвшій его лѣтъ десять тому назадъ одинъ изъ хранителей Британскаго музея оцѣнилъ одну только коллекцію гравюръ (не считая рукописей) въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. А, вѣдь, за послѣднія 10 л. собраніе неизмѣнно пополнялось! За время „собиранія“ покойнымъ своихъ коллекцій, т. е. въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, въ русской жизни произошло немало выдающихся событій, и несомнѣнно, что нигдѣ не найдется болѣе полного ихъ отраженія, съ бытовой и политической точки зрѣнія, чѣмъ въ собраніи П. Я. Дашкова. Естественно, что въ теченіе послѣдняго времени ни одно сколько-нибудь

серьезное изданіе художественнаго или историческаго характера, ни одна юбилейная исторія нашихъ правительственныхъ учрежденій, а также значительная часть нашихъ полковыхъ исторій и хроникъ не обошлись безъ „собранія П. Я. Дашкова“. Нуженъ „хорошій“ портретъ, какого-нибудь историческаго лица, художника, министра, полководца или просто замѣчательнаго русскаго человѣка, нуженъ видъ дворца, стараго зданія, виды стараго Петербурга, старой Москвы, необходимъ автографъ мало извѣстнаго, но интереснаго дѣятеля, снимокъ съ рѣдкой грамоты,—и, конечно, если этого не найдешь и въ Публичной библіотекѣ, то у Павла Яковлевича только и можно найти, и надо къ нему идти съ челобитной. И къ нему шли всѣ: одни—съ рекомендаціями, другіе—просто въ надеждѣ, что онъ имъ не откажетъ во имя серьезности ихъ труда; пріѣзжали важные сановники и скромные провинціалы изъ дальнихъ мѣстъ,—и всѣхъ встрѣчалъ онъ съ привѣтливостью истаго русскаго барина, съ неизмѣнной готовностью придти на помощь дѣлу, съ живымъ интересомъ къ предпринятому труду, нерѣдко увлекаясь имъ не менѣе самого автора. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ ранняго утра до 6—7 часовъ вечера, Павелъ Яковлевичъ былъ добровольнымъ плѣнникомъ въ своемъ домѣ на Михайловской площади, отдавая себя въ полное распоряженіе случайныхъ посѣтителей и добрыхъ знакомыхъ. Къ нему приходили ученые, литераторы, художники, актеры, монахи, военные, путешественники, министры, иностранцы, юноши и старцы—для всѣхъ онъ былъ неизмѣнно дома, всѣхъ выслушивалъ со вниманіемъ, давая драгоцѣнные указанія и совѣты“.

„Нужно было удивляться“—говоритъ авторъ другихъ воспоминаній о Павлѣ Яковлевичѣ, В. Жерве („Русск. Инвалидъ“ № 31)—„его поразительной энергіи, памяти и терпѣнію, благодаря, которымъ онъ имѣлъ возможность удовлетворить каждаго приходившаго къ нему. А сдѣлать это было не легко, для обыкновеннаго человѣка—почти невозможно.“

Еще бы. Одинъ проситъ матеріаловъ и указаній для исторіи полка, другой—для исторіи театра, третій—для біографіи какого-нибудь духовнаго лица, четвертый—для исторіи флота, пятый—для полнаго собранія сочиненій извѣстнаго русскаго писателя, шестой—для своей родословной, седьмой, восьмой, десятый, двадцатый и т. д., и т. д.—каждый проситъ что-нибудь свое, особенное... И такихъ „чающихъ“ цѣлыя вереницы въ прямомъ и переносномъ смыслѣ.

Шкафы, ящики, тюки, папки, полки съ рукописями, гравюрами, литографіями, книгами—вотъ тотъ неизсякаемый источникъ, изъ котораго онъ черпалъ щедрою рукою. Вся прошлая русская жизнь въ этихъ памятникахъ старины окружала его. И онъ зналъ эту жизнь до

тонкостей, до мелочей, удивительно разбирался въ своихъ безчисленныхъ богатствахъ, собранныхъ въ такой системѣ и порядкѣ, которые были доступны и понятны только ему. Не жалѣя силъ въ свои уже не молодые годы (П. Я. умеръ 61 г. отъ роду), онъ рылся, лазилъ, копался и доставалъ каждому, что было нужно.

Мало того. Человѣкъ съ большимъ художественнымъ вкусомъ, прекрасно знавшій технику издательскаго дѣла, Павелъ Яковлевичъ давалъ при этомъ и свои указанія, что и какъ лучше воспроизвести, чему отдать предпочтеніе и почему, стоитъ ли печатать, гдѣ уже былъ воспроизведенъ тотъ или иной рисунокъ. Всякое приносимое ему для экспертизы художественное произведеніе онъ умѣлъ оцѣнить по достоинству и произносилъ свое сужденіе, которое даже среди спеціалистовъ всегда считалось глубоко авторитетнымъ, почти непогрѣшимымъ.

Это тонкое знаніе печатныхъ произведеній русской живописи а также иностранной въ той области, которая касалась русской жизни, вмѣстѣ съ богатѣйшимъ собраніемъ старинныхъ рукописей, въ особенности 18 и 19 вѣковъ,—сдѣлало его коллекцію единственною въ своемъ родѣ, извѣстною не только всей образованной Россіи, но и за границею.

Павелъ Яковлевичъ оставилъ глубокой и свѣтлой слѣдъ въ исторіи культурной жизни Россіи послѣдняго времени. Сколько художественныхъ, историческихъ и научно-литературныхъ изданій украсились рисунками изъ его рѣдчайшей коллекціи, сколько цѣннаго матеріала включено въ нихъ изъ той же сокровищницы!..

Русская книга, въ смыслѣ изданія, сдѣлала большой успѣхъ на нашихъ глазахъ. Шагнули впередъ и исторіи войсковыхъ частей. Многія изъ нихъ вышли въ свѣтъ художественными, даже роскошными изданіями, и лучшія изъ нихъ на страницахъ предисловія говорятъ объ особой признательности авторовъ и составителей къ П. Я. Дашкову за широкое содѣйствіе, оказанное имъ въ ихъ трудахъ. Просматривая листы этихъ изданій, читаемъ неизмѣнные слова „Изъ собранія П. Я. Дашкова“, такъ много говорящія сердцу истиннаго любителя и цѣнителя русской старины.

Въ военной иконографіи Павелъ Яковлевичъ былъ тѣмъ же тонкимъ знатокомъ, какъ и въ прочихъ областяхъ родного искусства. Онъ удивительно умѣлъ подбирать необходимый матеріалъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ военной иллюстраціи: сюжеты батальные, бытовые, портреты дѣятелей, виды мѣстностей, карикатуры, русской и заграничный матеріалъ—все это было знакомо ему до мелочей и охотно отдавалось въ распоряженіе тѣхъ, кто обращался къ нему“.

И къ Дашкову шли. „Кажется, нѣтъ ученаго“—писалъ В. Боцяновскій („Нов. Русь“, № 38), — „нѣтъ историка, который бы не пользовался рукописями этого собранія.

Это вошло уже въ обычай: прежде чѣмъ предпринимать какую-нибудь работу—идти къ П. Я. Дашкову и спросить, нѣтъ ли у него какого-нибудь матеріала. Вотъ посмотрите вышедшее сейчасъ редакціей А. І. Ляценка собраніе сочиненій Кольцова. Сколько здѣсь ссылокъ на тетрадки, принадлежащія П. Я. Дашкову! Да и не одно это. Дашковъ всегда не только охотно, а съ большимъ удовольствіемъ и радостью, давалъ всякую рукопись, если только кому-нибудь въ ней встрѣчалась надобность. У него не было этой, такъ присущей всѣмъ коллекціонерамъ, чисто плюшкинской страсти. Это былъ не скупой рыцарь, только для себя берегущій сокровища, только самъ ими любовавшійся... И въ этомъ выдающееся значеніе Дашкова.

Было бы, однако, большой ошибкой думать, что Дашковъ былъ интересенъ, какъ коллекціонеръ, что интересна была его коллекція, а самъ онъ никого не могъ интересовать.

Я иногда его представлялъ себѣ въ видѣ Нестора нашего времени, лѣтописца. Правда, онъ ничего не писалъ. Я даже не знаю, есть ли у него хоть одна статья, имъ самимъ написанная.

Но онъ могъ бы ихъ написать безсчетное количество. Онъ самъ былъ восploщенная живая лѣтопись.

Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ собиралъ документы, бумаги, рисунки... Тутъ были и мемуары, и переписка, часто интимная, такая, которой появиться въ печати, быть можетъ, даже и не суждено. Онъ вчитывался, вдумывался, вглядывался... въ бумагу, въ почеркъ, въ цѣлый рядъ штриховъ и деталей, ускользящихъ отъ человѣка, знакомящагося съ документами бѣгло... Дашковъ какъ-бы воссоздавалъ прошлое, творилъ легенду для себя до такой степени осязательно, что, въ его передачѣ словесной, эта легенда пріобрѣтала плоть и кровь.

Я, помню, засталъ его однажды за чтеніемъ коротенькихъ, лаконичныхъ, писанныхъ большими буквами, приказовъ екатерининскаго временщика Мамонова.

И Дашковъ, рассказывая объ этомъ Мамоновѣ, какъ бы пріоткрывалъ картину стараго, стараго уклада, пріоткрывалъ ее гораздо живѣе, чѣмъ это дѣлаютъ наши современные стилизаторы. У Дашкова было, въ этомъ отношеніи, какое-то чутье, проникновенность. Даже больше того. Чувствовалась его связь съ тѣмъ прошлымъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ, и интересы котораго ему были не только понятны, но даже какъ бы близки.

Иногда у Дашкова все утро проходило въ разборѣ купленныхъ бумагъ и приобрѣтеніи новыхъ.

— Н-нат-талья,—слышался голосъ П. Я.,—тамъ звонятъ.

Открывалась дверь, и входилъ человѣкъ, предлагавшій рукописи. П. Я. Дашковъ интересовался всякими рукописями. Онъ не собиралъ чего-либо спеціально.

Принесли дарственную грамоту, писанную уставомъ XVI вѣка, какую-нибудь челобитную царю Алексѣю Михайловичу, письмо Меншикова, указы временщика Мамонова, письмо И. С. Тургенева или тетрадку стихотвореній Кольцова—все равно. Онъ съ любовью бралъ, прочитывалъ, укладывалъ въ бумагу и надписывалъ заглавіе.

Съ продающими у него выработана была особая система. Онъ не торговался.

— Обыкновенно, — рассказывалъ онъ, — запрашиваютъ цѣны невозможныя. И я всегда говорю такъ. Вотъ что, государь мой, предложите вашу рукопись Публичной библіотекѣ или въ другой какой-нибудь архивъ. Я вамъ дамъ больше на 10, на 100 р. (смотря по рукописи) противъ цѣны, которую вамъ тамъ предложить.

И рукопись непременно поступала къ Дашкову“....

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи воспроизвести великолѣпный портретъ незабвеннаго Павла Яковлевича, набросанный на столбцахъ „Рѣчи“ (№ 42) Александромъ Бенуа, большимъ мастеромъ не только кисти, но и пера. Чуткій художникъ умѣлъ, какъ никто другой, понять Дашкова и воссоздалъ его безконечно привлекательный образъ проникновенно, любовно и благоговѣнно.

...„Дашковъ принадлежалъ къ тѣмъ историкамъ, которые знаютъ цѣну анекдоту и не презираютъ эту главную приправу человѣческой лѣтописи. И у него были широкіе взгляды и „широкія чувстваванія“. Иногда я бывалъ пораженъ его ясновидѣніемъ какъ въ событіяхъ прошлаго, такъ и въ сумятицѣ настоящаго. Но изъ-за „большихъ линій“, изъ-за „рисунка“ онъ не презиралъ „колорита“, и, наоборотъ, его настоящей областью и была именно „краска“. Относительно всѣхъ эпохъ и всѣхъ царствованій русской исторіи онъ зналъ тысячи и тысячи фактовъ (или легендъ), такихъ красочныхъ, яркихъ, странныхъ, страшныхъ и смѣшныхъ, что, слушая его, я точно глядѣлъ въ магическое зеркало, въ которомъ покойники являлись живыми, со всѣми своими страстями и причудами, со всей присущей имъ романтикой, въ ихъ подлинныхъ одеждахъ и уборахъ, съ ихъ подлинными осанками и словами.

Мертвыя схемы историковъ, глядящихъ на человѣчество съ птичьяго полета и старающихся посредствомъ подтасованныхъ груп-

пировокъ и произвольныхъ освѣщеній раскрыть тайну народныхъ или общекультурныхъ судебъ, схемы эти были абсолютно чужды Дашкову. Онъ въ глубинѣ души не вѣрилъ имъ, хотя и относился съ видимымъ уваженіемъ ко всякому серьезному подходу къ любимому предмету. Зато мемуары, дневники и *histoire anécdotique* были Дашкову хлѣбъ и гостинцы. Фигурное плетение человѣческихъ существованій, вспышки коллизій, насмѣшливая коварность рока, вся живописная, яркая *vanitas vanitatum*, отражающая (кому даны глаза), иной разъ, наиболѣе цѣнныя тайны человечества, — вотъ это услаждало Дашкова и наполняло его жизнь.

Наполняло въ буквальномъ смыслѣ слова. Съ самаго утра и до вечера Павелъ Яковлевичъ „сидѣлъ по уши“ въ исторіи, то читалъ книги, то слушалъ, то самъ рассказывалъ, и въ послѣднемъ случаѣ непременно исполнялся какого-то восторга, очевидно, переживая всѣмъ существомъ перипетіи своихъ мимолетныхъ героевъ. Быть можетъ, меньше всего приходилось ему читать. Столъ его былъ заваленъ журналами, книгами, газетами, брошюрами, прокламаціями, всякимъ печатнымъ словомъ. Но въ эти груды онъ почти не заглядывалъ, да и не было нужды, ибо съ утра начинался въ его кабинетѣ дефілэ историковъ и людей, всячески прикосновенныхъ къ исторіи, и эти посѣтители сообщали Дашкову о всѣхъ открытіяхъ, новостяхъ, слухахъ, пророчествахъ и воспоминаніяхъ.

Дашковъ „умѣлъ узнавать“. Онъ умѣлъ спросить, выслушать, запомнить и завести мельчайшіе факты на какую-нибудь полку того колоссальнаго архива, который умѣщался въ его головѣ. И кого-кого только нельзя было встрѣтить въ кабинетѣ Павла Яковлевича! Отъ высшихъ сановниковъ до начинающихъ офицериковъ и до простыхъ любителей краснобайства, отъ „городничаго до Бобчинскаго“ — всѣ, всѣ шли къ нему, кто за справкой, кто на поклонъ, кто же просто чтобы посидѣть, и всѣ несли въ эту вольную историческую академію чѣмъ были богаты.

Послѣдніе годы Павелъ Яковлевичъ болѣлъ, и это отозвалось на количествѣ его посѣтителей, но еще 5 лѣтъ тому назадъ хлѣбосоольство его, духовное и тѣлесное, было прямо сказочно щедрымъ. Каждый день къ завтраку столовая его наполнялась гостями, и зачастую самъ хозяинъ въ точности не зналъ, кого онъ принимаетъ. Всегда изысканно-вѣжливый, онъ знакомилъ вновь пришедшихъ съ прибывшими раньше, но часто вмѣсто фамиліи онъ просто мычалъ что-то непонятное, а затѣмъ гдѣ-нибудь въ корридорѣ, улучивъ минуту, онъ намъ, „habitués“, безшумнымъ смѣхомъ и пожиманіемъ плечъ выражалъ свое недоумѣніе.

Вотъ еще одна колоритная черта Дашкова. Я не люблю пьяницъ и еще менѣе переношу людей, пристающихъ съ выпивкой. Но у Дашкова это выходило иначе и какъ-то очаровательно. Самъ онъ такъ простодушно наслаждался охмѣленіемъ своихъ гостей, самое это охмѣленіе было такимъ яснымъ и здоровымъ, что этотъ культъ Бахуса не имѣлъ въ себѣ ничего отталкивающаго и позорнаго. Павелъ Яковлевичъ хохоталъ исподтишка надъ новичками и радовался самымъ сердечнымъ образомъ, когда ему удавалось усладить ихъ до полного дурмана. Но въ немъ это было не порочной чертой или пошлостью, а какой-то ребячески-благодушной „malice“. И какіе же, дѣйствительно, выходили курьезы изъ-за этого переугощенія! Какъ попадались купчики-коллекціонеры, пріѣзжавшіе изъ Первопрестольной похвастать передъ Дашковымъ своей несуразной персоной, какъ попадались молоденькіе фронтовики, пришедшіе къ Павлу Яковлевичу по нуждамъ какой-либо „исторіи полка“, какими смѣшными казались опьянѣвшіе маститые генералы и тайные совѣтники, начинавшіе нести развязнѣйшую небылицу, изъ которой любопытный и всегда остававшійся трезвымъ хозяинъ умѣло выбиралъ всю случайную быль, которую осторожные люди обыкновенно прячутъ.

Intérieur Павла Яковлевича не былъ изящнымъ и даже не былъ стариннымъ. Общій видъ всей обстановки былъ такой, точно „господа собираются уѣзжать на всегда за границу“, или точно только что наследники пришли въ домъ, стоявшій 30 лѣтъ заключеннымъ. Милая старушка Наталія тщательно вытирала пыль тамъ, гдѣ это ей позволяли, но видъ запустѣнія и развала отъ этого не уменьшался, ибо на полу продолжали лежать грудями книги, ко всѣмъ стульямъ прислонены были папки, среди комнатъ зіяли вскрытые ящики.

И вотъ, несмотря на все это, и на то, что все это было скорѣе уродливо,—я нигдѣ (съ самаго дѣтства) не испытывалъ такого чувства уютности, какъ именно въ квартирѣ Павла Яковлевича. Уютность эта исходила отъ него, отъ всей его ласки, отъ всего его простодушія и веселья. Когда въ сумерки вмѣстѣ съ „кофе“ подавались фантастическія по прелести настойки и наливки, самъ Павелъ Яковлевичъ усаживался за столъ; рядомъ съ нимъ — весельчакъ и „подиѣвало“ М., или симпатичный старичекъ-фехтовальный учитель, когда въ эту пору въ тиши начинались рассказы за разказами, подливались рюмки за рюмками „малины“ и „морошки“, то получалось впечатлѣніе, точно уѣзжаешь куда-то въ глубины русской древности, что это ужъ не Михайловскій скверъ глядитъ въ окна, не конки позваниваютъ, не электричество мигаетъ, что

это сидят не люди XX вѣка, а что это все какое-то видѣніе давно минувшей и милой старины, пришедшее навѣстить живыхъ и улыбнуться имъ. Настроеніе, которое такъ удалось передать „художественникамъ“ въ „Царствѣ прошлаго“ изъ „Синей птицы“.

Есть почитатели Павла Яковлевича, которые мечтаютъ о созданіи музея его имени. Боюсь, что изъ этого не выйдетъ ничего „вкуснаго“. Быть можетъ, лучше бы попасть неподобнымъ коллекціямъ покойнаго въ одно изъ существующихъ хранилищъ. Но и меня плѣнила бы мысль сохранить квартиру Павла Яковлевича, какъ нѣкую часовню. Чтобы стояли на вѣчныя времена эти цвѣты по стеклянному коридору, чтобы висѣли по некрасивымъ обоямъ столовой тарелки и блюда китайскаго сервиза (*companion des Indes*), чтобы тиктакали часы, чтобы играли ихъ куранты (тождественные съ курантами „Вестминстерскаго Аббатства“), чтобы Наталія отворяла дверь и вводила посѣтителей въ кабинетъ, а оттуда въ столовую, наконецъ, чтобы подавались классическіе завтраки и сказочныя напитки. Все бы оставить на мѣстѣ! Но, увы, это невозможно, да и говорило бы это лишь для тѣхъ, кто, какъ мы, знали хозяина, придававшаго всему этому особый колоритъ и экспрессию. Для постороннихъ же, для „новыхъ“—эти вещи не значили бы ничего, и справедлива судьба, которая смететъ ихъ и разсѣетъ,—дастъ увянуть цвѣтамъ, разбрестись китайщинѣ и „гамбсамъ“. Эта обстановка сама по себѣ ничего не означаетъ, но въ моей памяти она будетъ существовать, какъ милая гармонія, какъ рамка незабвенному и дорогому образу Павла Яковлевича.

Помню и нѣкую ночную бесѣду съ Павломъ Яковлевичемъ. Готовились серьезныя непріятности человѣку, которому мы оба сочувствовали всѣмъ сердцемъ, и вотъ послѣ одного значительнаго засѣданія я отправился къ Дашкову и всю ночь просидѣлъ съ нимъ въ этомъ „военномъ совѣтѣ“. Памятна мнѣ эта ночь потому, что тутъ только узналъ я о мѣрѣ сокровищъ сердца Павла Яковлевича, объ его подлинномъ благородствѣ и тутъ еще я узналъ многія характерныя подробности о моемъ собесѣдникѣ.

Вспоминаю о патриотизмѣ Павла Яковлевича... Нахожу эту черту особенно характерной для него и прямо самой основной для этого безусловно чуждаго политикѣ, нигдѣ не служившаго, ни отъ кого не зависѣвшаго человѣка. Любовь къ Россіи у Дашкова была любовью хрустальной чистоты и крѣпости, безъ тѣни лукавства и притворства, безъ тѣни лести и самообмана. Онъ ли не зналъ всѣхъ ея слабыхъ сторонъ, онъ ли не помнилъ всѣ ея преступления и обиды?

Онъ все это зналъ, но даже и „прощать“ ему не было нужды, ибо Дашковъ не умѣлъ ни винить, ни учить, ни презирать. Безъ славянофильской закваски, онъ воспиталъ въ себѣ какую-то религію величія и красоты своей родины и, не будучи въ рядахъ какой-либо партіи, не ожидая мгновенныхъ метаморфозъ, онъ твердо уповалъ на движеніе Россіи впередъ, къ болѣе свѣтлымъ горизонтамъ“.

Кончина Павла Яковлевича выдвинула вопросъ о судьбѣ его собранія. Не мало было высказано въ свое время сожалѣній о судьбѣ знаменитой библіотеки покойнаго П. А. Ефремова. Небольшая, и при томъ вовсе не самая цѣпная въ научномъ отношеніи, часть ея была приобрѣтена академіей наукъ, а все остальное разсыпалось по лавкамъ букинистовъ и разбрелось и разбредается по множеству рукъ, и великолѣпная библіотека, собранная съ такимъ стараніемъ, съ богатыми знаніями, съ большими затратами, уже никогда не будетъ восстановлена. Такихъ печальныхъ примѣровъ было у насъ довольно много.

Что касается до собранія Дашкова, то можно надѣяться, что оно уцѣлѣетъ и сохранится въ полномъ объемѣ. Завѣщанія, говорятъ, онъ не оставилъ, а родные Павла Яковлевича, къ которымъ переходитъ его состояніе, конечно, не выбросятъ на рынокъ библіотеку покойнаго. Но этого мало. Нужно, чтобы собраніе Дашкова продолжало служеніе наукъ, нужно, чтобы оно по-прежнему приносило пользу, было доступно ученымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣковѣчивало память своего создателя; которая не должна быть забыта.

„У всякаго, кому приходилось пользоваться для своихъ научно-литературныхъ работъ обильными архивными сокровищами и коллекціями иллюстрацій П. Я. Дашкова“,—пишетъ въ „Нов. Времени“ (№ 12185) г. Б. Г.—„неволью возникаетъ вопросъ, какова же будетъ судьба послѣднихъ, и поскольку возможно будетъ имѣть къ нимъ дальнѣйшій доступъ? Рѣшительно можно сказать, что съ прекращеніемъ этого доступа многимъ задуманнымъ и намѣченнымъ предпріятіямъ не суждено будетъ осуществиться. Вѣдь еще не такъ давно, по случаю Кольцовскаго юбилея, не кто иной, какъ именно Дашковъ, далъ возможность Академіи Наукъ выпустить полное собраніе стихотвореній нашего народнаго поэта...“

Затруднительное положеніе многихъ нашихъ работниковъ на нивѣ отечественнаго знанія вѣ сомнѣніи. Въ особенности эта затрудненность выпадетъ сейчасъ на долю тѣхъ „полковыхъ историковъ“, которые такъ широко пользовались содѣйствіемъ и указаніями Дашкова. Вѣдь только благодаря ему многія „исторіи пол-

ковъ“ увидѣли свѣтъ, и нужно было лично видѣть ту уйму труда и напряженія силъ, которыя покойный меценатъ-коллекціонеръ тратилъ, чтобы понять, что *безъ него* многія подобнаго рода историко-литературныя начинанія не увидѣли бы свѣта. Такое положеніе дѣлъ несомнѣнно поидеть въ ущербъ отечественному просвѣщенію и разрушить то, на что Дашковымъ положено было столько матеріальныхъ средствъ. Можно указать не мало случаевъ, когда нѣкоторыя приобрѣтенія обходились ему съ затратою значительныхъ средствъ, какъ на примѣръ приобрѣтеніе архива покойнаго министра Валуева. По соглашенію съ единственнымъ наслѣдникомъ послѣдняго П. Я. сталъ обладателемъ его богатѣйшаго архива, но и тутъ онъ проявилъ очень широко свое барство и доказалъ безупречность своего джентльменства. Часть прибрѣтеннаго архива по соображеніямъ государственнаго порядка онъ вынужденъ былъ передать въ Зимній дворецъ, и когда онъ былъ запрошенъ о величинѣ понесеннаго имъ ущерба, и насколько онъ за это долженъ быть вознагражденъ, онъ отъ такового вознагражденія уклонился, заявивъ, что въ немъ не нуждается, но что если новые собственники части отчужденнаго архива желаютъ быть великодушны, то пусть они вознаградятъ то близкое наслѣднику Валуева лицо, которое понесло расходы по его леченію и похоронамъ. Желаніе Дашкова было выполнено, и въ вѣнокъ его имени вплеся новый цвѣтокъ красиваго барскаго великодушія и рыцарскаго безсребрія.

Въ обладаніи П. Я. были богатая сокровища русскаго духа, искусства и мысли. Но и тутъ онъ занялъ совершенно своеобразную позицію. Онъ не уподобился тѣмъ коллекціонерамъ, которые счастливы тѣмъ, что они единственные обладатели извѣстныхъ сокровищъ и одни наслаждаются въ тиши своими богатствами, болѣзненно оберегая ихъ отъ взоровъ и прикосновеній толпы. Нѣтъ, Дашковъ именно считалъ *свое* — *всеобщимъ* и вполне сознательно тратилъ силы и матеріальныя средства именно ради всеобщаго пользованія и общаго достоянія. Отсюда, несмотря на то, что лично онъ ничего не написалъ и ничего не издалъ за своею подписью,— его имя самымъ тѣснымъ образомъ связано съ русской наукой и искусствомъ, коихъ онъ и былъ всю жизнь неустаннымъ работникомъ и покровителемъ. Многія и многія изданія воскресаютъ въ нашей памяти и всѣ они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ именемъ Павла Яковлевича. Покойный Н. К. Шильдеръ, этотъ единственный у насъ сейчасъ историографъ эпохи Павла I, Александра I, Николая I, не могъ осуществить своихъ иллюстрированныхъ изданій безъ содѣйствія П. Я. И одинъ ли Шильдеръ! Тутъ развертывается вереница личныхъ именъ и редакцій всякихъ тол-

ковъ и направленій. Отсюда мы видимъ, что Дашковъ въ дѣлѣ издательства, въ работѣ на пользу русскаго просвѣщенія стоялъ внѣ партій, имѣя въ виду исключительно пользу науки и ея служителей.

Вотъ почему желательно, чтобы наслѣдіе Дашкова, какъ определенное накопленное духовное богатство, какъ идея служенія пользѣ русскаго просвѣщенія, продолжало ту свою служебную роль, на созданіе которой было потрачено столько лѣтъ жизни. Сокровища Дашкова должны быть самымъ тщательнымъ образомъ обережены и обращены въ національное достояніе. Какъ это сдѣлать, въ виду наслѣдственныхъ правъ его родни, трудно сейчасъ подсказать. Пусть тѣ общества, гдѣ П. Я. состоялъ членомъ, какъ напр. „Императорское Историческое“, „Военно-Историческое“, „Лицейское“ и др. подумаютъ объ этомъ и сдѣлаютъ это предметомъ своихъ собраній и сужденій. Мы не сомнѣваемся, что наслѣдники П. Я. охотно пойдутъ навстрѣчу разумнымъ желаніямъ по сему предмету и сдѣлаютъ все зависящее отъ нихъ, чтобы имя представителя ихъ рода никогда не изгладилось изъ памяти поколѣній. Когда самого Дашкова близкіе запрашивали о будущности его архивныхъ богатствъ, онъ скромно заявлялъ, что онъ свое жизненное дѣло сдѣлалъ, а будущее—во власти его наслѣдниковъ. За ними теперь эта власть и слово, а за всѣми тѣми, кто любилъ Павла Яковлевича, кому дорога его славная память, кому онъ при жизни былъ помощью и поддержкою, остается тѣсно сомкнуться хотя бы въ кружокъ или „общество имени Павла Яковлевича Дашкова“, чтобы облегчить родственникамъ покойнаго мецената-коллекціонера наиболее цѣлесообразное использованіе его богатаго наслѣдія“.

Такою же надежду высказалъ въ цитированной замѣткѣ (въ „Рѣчи“) Н. Лернеръ, тоже предложившій сохранить для общаго пользованія „Музей П. Я. Дашкова“: „нельзя сомнѣваться, что близкіе и наслѣдники Павла Яковлевича не откажутся почтить достойнымъ образомъ память покойнаго и помогутъ увѣковѣченію его имени. Собранная имъ обильная сокровищница не будетъ гложнута бесполезно гдѣ-нибудь подъ спудомъ, и русское общество и русская наука будутъ благодарно чтить память П. Я. Дашкова.“

„Среди лукавыхъ, малодушныхъ“, которыми полонъ нашъ однообразный общественный бытъ, Дашковъ выдѣлялся какъ своеобразная и свѣтлая личность. Онъ обладалъ тѣмъ, въ чемъ тысячамъ людей отказала судьба,—умѣніемъ любить, страстью. Онъ дѣятельной, живой любовью любилъ красоту, любилъ старину, любилъ науку,—а такое постоянное устремленіе души къ прекрасному и высокому развѣ не тотъ же талантъ? И этотъ талантъ не былъ ли-

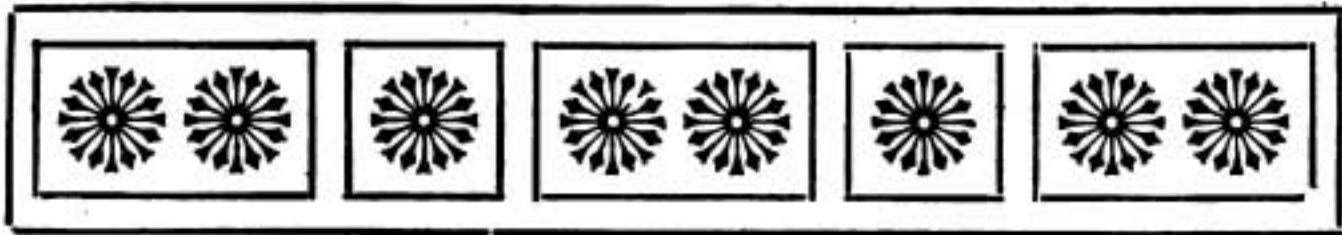
шенъ творчества. Дашковъ самъ построилъ себѣ рукотворный, но прочный, величавый памятникъ.

Онъ не зарылъ въ землю данный Богомъ даръ.

„Боляринъ доблій, честной русской старины хранитель, собиратель и оберегатель“, какъ назвали его однажды друзья и почитатели въ полушуточной „челобитной“, онъ жилъ не для себя, а для людей. Пусть же не забудутъ его люди. Пусть легкимъ пухомъ ляжетъ надъ нимъ родная земля, на которой онъ подвизался подвигомъ добрымъ!

Миръ и честь его праху...

Изъ давно прошедшаго. (1876—1879).

Въ Бессарабiи.

Ноябрь (1876 г.)—Апрѣль (1877 г.).

о времени объявленія мобилизаціи, я съ моимъ товарищемъ Х* провели почти пять мѣсяцевъ въ одной изъ деревень Бессарабiи. Въ батареѣ мы застали весьма натянутыя отношенія между офицерами и командиромъ.

Интересный типъ представлялъ изъ себя старый полковникъ В*. Высокій, худой съ длинными сѣдыми бакенбардами, прекрасный строевикъ, замѣчательный ѣздокъ—онъ не скрывалъ своей вражды ко всему, что соприкасалось съ „наукой“.

Отъ солдатъ онъ требовалъ лихого вида; видъ солдата съ нахлобученной безкозыркой выводилъ его изъ себя:

— Шапки на бекрень!—кричитъ, бывало, передъ строемъ.

Самыми сильными ругательствами считалъ „физику“ и „математику“.

— Ахъ ты—„физика“, „математика проклятая“,—кричалъ, бывало, на солдата, сидѣвшаго вахлакомъ.

Разгорячившись разъ, истощивъ запасъ всѣхъ обычныхъ бранныхъ словъ, вдругъ онъ закричалъ:

— Ахъ, ты Ак-а-демія!! Тутъ же, повернувшись къ офицерамъ, изъ коихъ двое собирались въ академію, прибавилъ серьезнымъ тономъ:

— Г-да офицеры, прошу на свой счетъ не принимать!

Кто самъ служилъ въ строю, въ глуши, тотъ отлично знаетъ,

на сколько личность командира вліяетъ на складъ жизни офицеровъ, особенно если общество холостое и немногочисленное ¹⁾).

Были еще нѣкоторыя особенныя обстоятельства (*chercher la femme*), которыя еще болѣе обостряли и безъ того уже дурныя отношенія.

Все это дѣлало еще болѣе тяжелой и безъ того уже тяжелую непривычную жизнь въ хатахъ, безъ всякаго общества, въ вѣчно тоскливомъ ожиданіи чего-нибудь опредѣленнаго за долгіе мѣсяцы дипломатическихъ переговоровъ. Вспоминая это время, не нахожу ни одного живого радостнаго человѣческаго впечатлѣнія, которое прорывало бы лучемъ свѣта сумерки нашего существованія.

Единственнымъ спасеніемъ отъ скуки было чтеніе; читалъ безъ разбора все, что только попадалось, зачитывался до того, что иногда не совсѣмъ ясное представлялъ себѣ настоящее; изъ „серьезныхъ“ книгъ прочиталъ за это время только Дж. Ст. Милля—Политическую экономію и о подчиненности женщины.

Собирался было вести дневникъ, но дальше желанія не пошелъ. У меня сохранилось только нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ объ этомъ времени.

Ноябрь 1876 г.

— Господа, пойдѣте къ Г*.

— А вы знаете квартиру?

— Какъ-нибудь найдемъ!

Мы вышли изъ хаты, прошли дворикъ и, выйдя за ворота, очутились на площади; снѣгу не было—уже растаялъ, глубокую грязь прихватилъ морозъ, и вся земля покрылась образовавшейся колотью. Мы съ трудомъ шли по ней и смѣялись, когда кто-нибудь изъ насъ терялъ равновѣсіе.

— Эй, солдатъ—не знаешь ли квартиры Г*?

— От-туть, кажись, направо.

Пошли направо, налево, направо—пришли.

На дворѣ насъ встрѣтила презлая собака.

¹⁾ При пріѣздѣ въ батарею мы застали всего четыре офицера. Одинъ изъ нихъ прекрасный товарищъ, человѣкъ мужественнаго, открытаго характера, Г*, въ Румыніи на берегу Дуная, послѣ непріятной исторіи съ командиромъ собралъ свой взводъ, простился съ нимъ и здѣсь же пустилъ себѣ пулю въ лобъ изъ того самаго „бульдога“, который я купилъ для него въ Кишиневѣ. Послѣ этой исторіи В* былъ отставленъ отъ командованія батареей. Симпатичный, скромный какъ дѣвушка, С*-а застрѣлился при обратномъ возвращеніи въ Россію. „Вѣчный прапорщикъ“ С* кончилъ такъ, какъ кончаютъ многіе русскіе люди... Уцѣлѣлъ одинъ только К*, отличный офицеръ и товарищъ, любимый всѣми, кто его зналъ.

— А, ну, ты!—кричитъ на нее вышедшій съ самоваромъ въ рукахъ денщикъ.

Изъ сѣней одна дверь вела къ хозяевамъ-молдаванамъ, другая направо къ квартировавшимъ здѣсь офицерамъ.

Отворили дверь и по одному вдвинулись въ хату; пока раздѣвался, успѣлъ оглядѣть помещеніе: темная, грязная комната, низкій потолокъ, по стѣнамъ лавки; около одной изъ нихъ столъ, за столомъ сидѣлъ въ полушубкѣ К* съ съѣхавшей на затылокъ шапкой.

— А, г-да молодежь, здорово, милости просимъ!—раздался голосъ изъ глубины угла: въ одномъ бѣльѣ валялся Г* на постели.

На полу стояли развернутые чемоданы, на лавкахъ валялись сабли, лядунки—видно было, что тутъ еще не устроились.

— Что же, наконецъ, скоро ты дашь намъ ѣсть?

— Поворачивайся живѣе! посыпалось на денщика; черезъ четверть часа денщикъ внесъ горшокъ съ картофелемъ — больше ничего нельзя было достать; принялись за ѣду.

— Хорошо еще, что тутъ недолго ¹⁾ придется жить—скоро походъ!

— Да, скорѣй бы походъ!

— Неизмѣримо лучше всякій походъ, чѣмъ въ грязной молдаванской хатѣ.

Разговоръ не вязался—говорить никому не хотѣлось, ѣли молча, изрѣдка только дѣлали замѣчанія по поводу картофеля и ожидаемаго самовара; о предстоящей же жизни никто не говорилъ. Одинъ только докторъ, здѣсь присутствовавшій, молодой человѣкъ лѣтъ 27, и ѣлъ за двоихъ и находилъ время говорить за всѣхъ.

Я и X* собирались впоследствии выйти въ отставку и поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній, и потому мы со вниманіемъ присматривались къ нашему доктору, очень недавно окончившему X* университетъ.

— Это старое мнѣніе насчетъ бѣльшей питательности яицъ въ смятку сравнительно съ яйцами въ крутую, говорилъ докторъ и, разбирая разныя основанія для того и другого мнѣнія, убѣждалъ въ бѣльшей питательности яицъ въ крутую.

— А, вѣдь, намъ, г-да, остается только одно, заговорилъ X*—питаться съ солдатскаго котла!

Всѣ согласились, что это наилучшій выходъ; завязался разговоръ о независимости.

„Независимость“, „правда выше всего“, „борьба“—такъ и сыпалось у доктора.

¹⁾ Никто не могъ и подумать, что тутъ въ этихъ условіяхъ придется „простоять“ почти 5 мѣсяцевъ.

Вся комната была въ клубахъ табачнаго дыма—нечѣмъ было дышать.

Заходили опять на ту же квартиру; беспорядокъ тотъ же; собралось человекъ 6, всѣ сидѣли вокругъ стола, кто на лавкѣ, кто на боченкѣ; жгли пуншъ. Разговоръ вертѣлся около вопроса—будетъ ли война, или нѣтъ? Оставляютъ ли насъ въ этой деревнѣ или переведутъ въ другое мѣсто?

Нерѣдко у насъ говорили о небрежности доктора къ больнымъ. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь недоразумѣнія, думалъ я, и при первомъ же удобномъ случаѣ завелъ съ нимъ разговоръ на общую тему.

Оказывается, что онъ „жертва борьбы“, что „прежде“ онъ „боролся противъ неправды“, видя ее въ лицѣ В*, но потомъ, увидавъ, что „онъ одинъ въ полѣ воинъ“, „усталъ бороться“ и—„попиваю ерофеичъ у В*, ѣзжу съ нимъ въ Кишиневъ, и что же—прекрасно! Вчера ѣздили въ Унгени, выпили тамъ, В* давалъ шампанское. А завтра ѣдемъ въ Кишиневъ, денька черезъ два вернусь!“

— А ваши больные?

Онъ завелъ рѣчь о недостаткѣ средствъ, инструментовъ и т. д. Незамѣтно разговоръ перешелъ на „войну“.

— А вотъ если война будетъ—увидите, сколько мы будемъ „получать“,—здѣсь онъ подробно началъ высчитывать суточные, столовые и пр.

Что за невыразимая тоска жить въ хатѣ, безъ всякаго дѣла, кругомъ однѣ и тѣ же хаты, все тѣ же апатичные молдаване и ни одного посторонняго человѣка, съ кѣмъ интересно было бы поговорить. Къ тому же вѣчное томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ двинемся, но когда и куда—назадъ или впередъ?

Но куда бы ни двинуться—только бы не оставаться здѣсь. Читаешь, читаешь—ну, и ничего! а потомъ, вдругъ, послѣ недѣльнаго запоя и повѣсишь голову, отгоняешь мысли о жизни свободной, разумной.

Какая радость! позволяютъ ѣхать въ Кишиневъ. Не думая о томъ—что тамъ будетъ—что встрѣчу—живо, скорѣй, денщикъ! Готовъ! Трясешься въ фурѣ по колоти 7 верстъ до станціи; силы нѣтъ болѣе сидѣть—ложишься въ средину повозки: все менѣе трясеть. Вотъ уже и Страшены—скоро Кишиневъ.

Поѣздъ проходитъ поздно, часовъ въ 11 вечера. Въ городѣ невылазная грязь, неприглядны дурно освѣщенные, длинные, пустыя

улицы; угрюмо смотрятъ дома со своими большей частью неосвѣщенными окнами; они какъ бы сторонятся отъ этого чужого нахлынувшего люда. Одни трактиры, рестораны, гостиницы постоянно освѣщены и полны народу.

Въ началѣ апрѣля 1877 г. я и Х* были переведены въ батарею, стоящую въ небольшой деревушкѣ въ Бессарабіи.

Здѣсь мы застали сравнительно большое общество: кромѣ командира, барона М*, было, считая съ нами, 8 офицеровъ (Р—нъ, Л—овъ, Ж—во, бар. И., М—овъ, Г—нъ, я и Х* докторъ¹⁾, ветеринарный врачъ и два вольноопредѣляющихся Ж—скій и С—овъ. Во время кампаніи пріѣхалъ Ш. и послѣ войны З—скій. Все молодежь: мнѣ не было еще и 19 лѣтъ, старшему офицеру не болѣе 30 лѣтъ. Почти всѣ были изъ Мих. арт. у-ща, гдѣ послѣ военной гимназій проходили серьезную математическую школу въ теченіе 3 лѣтъ²⁾.

Все офицерское общество собиралось обѣдать у командира, который по старому конно-артиллерійскому обычаю держалъ столъ для своихъ офицеровъ. Выписывались газеты („Русскій Инвалидъ“ и „Голосъ“) и нѣсколько журналовъ („Вѣстникъ Европы“, „Отечественныя Записки“ и „Дѣло“).

По вечерамъ, за чаемъ и легкимъ ужиномъ, сходились у кого-либо изъ офицеровъ, и за веселымъ разговоромъ время проходило незамѣтно.

Съ этой батареей я сдѣлалъ всю кампанію и сохранилъ обо всѣхъ моихъ товарищахъ наилучшія самыя сердечныя воспоминанія.

В ъ Т у р ц і и .

Въ день объявленія войны (12 апрѣля 1877 г.) выступили въ походъ и 16 апрѣля перешли границу. Во время похода и войны велъ дневникъ, который былъ потомъ напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ“³⁾.

¹⁾ Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда д-ръ П—овъ получилъ другое назначеніе. Отличный хирургъ, серьезно относился къ дѣлу. Слабость его—ходить на офицера. Про него можно было бы сказать, что онъ былъ „plus officier que l'officier lui même“. Смѣнилъ его д-ръ К—цій изъ Дерптскаго университета, высокообразованный, серьезный, гуманный человекъ, все время читавшій классиковъ.

²⁾ Во время кампаніи М—овъ перевелся въ гусары. Оба наши вольноопредѣляющіеся послѣ первыхъ же сраженій были произведены въ офицеры и переведены одинъ въ уланскій (Ж—скій), другой въ драгунскій полкъ (С—овъ).

³⁾ В. Сб. за 1903 г. №№ 9—12.

Время съ іюня по январь провели на бивуакахъ, сначала въ палаткахъ, а затѣмъ въ землянкахъ.

На бивуакахъ была масса свободнаго времени; много занимался математикой, воспользовавшись великолѣпными французскими учебниками, прибрѣтенными въ Бухарестѣ (Bertrand, Bos, Sturm). Тамъ же купилъ нѣсколько серьезныхъ сочиненій, которыя потомъ „штудировалъ“ въ землянкѣ: Бюхнера (Force et Matière) во французскомъ переводѣ; Дарвина (L'origine des Espèces), Лебокка (Les origines de la civilisation и l'homme préhistorique), Бокля (по-нѣмецки); купилъ также Gesellschaftswissenschaft соч. „одного д-ра медицины“, гдѣ онъ рекомендуется атеистомъ, дарвинистомъ и мальтузіанистомъ. Я такъ много слышалъ раньше о Бюхнерѣ и такъ мнѣ хотѣлось его прибрѣсти, что послѣ чтенія остался разочарованнымъ. Дарвина читать мнѣ было очень трудно и для лучшаго усвоенія я дѣлалъ конспекты. Лебоккъ же (особенно „начала цивилизаціи“) привелъ меня прямо въ восторгъ: здѣсь впервые предомно развертывались идеи эволюціи въ мірѣ нравственныхъ понятій и общественныхъ формъ.

Военныя дѣйствія въ нашемъ отрядѣ прекратились 30 ноября, но мы продолжали стоять въ полѣ подлѣ Тростеника.

6 декабря вышалъ такой снѣгъ, какой рѣдко можно видѣть даже въ Россіи—и засыпалъ всѣ наши землянки. Одиѣ только бѣдныя лошади, ничѣмъ не защищенныя, стояли молча, понуривъ головы, длинными рядами. Только когда два раза въ день раздавался крикъ вахмистра „навѣшивай торбы!“—вдругъ по всему бивуаку поднималось лошадиное ржаніе, но это было уже не то бодрое, веселое ржаніе, что раньше; теперь въ этомъ ржаніи слышна была дикая радость голодающаго при видѣ пищи. Съ фуражемъ очень плохо: уже съ сентября лошади получали не болѣе 2 гарнцевъ въ день, а когда бури на Дунаѣ разстроили переправу и прекратили сообщеніе съ Батиномъ, откуда въ послѣднее время изъ складовъ брали сѣно, лошади получали или по одному гарнцу или на однихъ галетахъ...

Говорили, что скоро кавалерію и конную артиллерію разведутъ по деревнямъ; на позиціяхъ же оставятъ пѣхоту и пѣшую артиллерію.

Л. Богаевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

При такой задачѣ поневолѣ откажешься отъ полка, а тѣмъ болѣе, отъ батарей; отходить 60 вер. по одной горной дорогѣ съ двумя перевалами, когда перешеекъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣеть 20 верстъ:—выбросить десантъ можно въ любомъ мѣстѣ и для захвата дороги десанту пройти всего 10 верстъ.

4) Телеграмма генерала Куропаткина генералу Стесселю отъ 4 мая, полученная наканунѣ боя утромъ 12 мая. По моему мнѣнію, самое главное—это своевременно отвести войска генерала Фока въ составъ гарнизона Артура. Мнѣ представляется весьма желательнымъ въ-время снять и увезти съ Цзинжоусской позиціи орудія.

Вотъ эти двѣ директивы командующихъ арміями, а равно возможность ожидать въ тылу позиціи, во всякое время и въ любомъ мѣстѣ, десантъ, какой угодно силы; а такъ же и то, что мною заранѣе были указаны мѣста батарей и окоповъ и что начальникомъ всѣхъ войскъ, собранныхъ подъ Киньчжоу, былъ назначенъ генераль Надѣинъ: обязывало меня не ѣхать по первому раздавшемуся выстрѣлу подъ Киньчжоу, а предварительно хорошенько ориентироваться. Это мною и было сдѣлано,—и это дало возможность нѣкоторымъ обвинять меня въ трусости.—Такъ, генераль Ирманъ въ показаніяхъ своихъ говорить, что я пріѣхалъ въ три часа и далѣе ст. Тафашинъ не ходилъ, между тѣмъ какъ я при немъ пошелъ на гору Наншанъ на батарею № 10-й, куда онъ за мной не послѣдовалъ.

Убей меня на батарее № 10, которая была всего въ 400 ш. отъ стрѣлковыхъ окоповъ, и всѣ говорили бы: къ чему полѣзъ, имѣя такія директивы, позавидовалъ что-ли лаврамъ Скобелева?—Да и Скобелевъ такихъ штукъ не выкидывалъ, когда оставался самостоятельнымъ начальникомъ, какъ, хоть-бы, подъ Шейновымъ, гдѣ ближе двухъ верстъ и не подѣзжалъ.

И такъ я рѣшилъ ориентироваться. Во время осмотра мѣстности мною было получено составленное въ нѣсколько тревожномъ тонѣ донесеніе отъ начальника штаба дивизіи о томъ, что бой возобновился,—это меня заставило тотчасъ же ѣхать къ мѣсту боя. — Дорогою я встрѣтилъ обозъ 5-го полка съ патронными двуколками, шедшій въ Артуръ. Я приказалъ капитану генеральнаго штаба Романовскому вернуть обозъ. Въ началѣ 12 часа прибылъ на ст. Тафашинъ, гдѣ меня встрѣтилъ генераль Надѣинъ и доложилъ о ходѣ боя и о томъ, что онъ не ожидалъ, что бой такъ скоро возобновится. На вопросъ: а какъ резервы? Онъ отвѣтилъ: полковникъ Третьяковъ захватилъ двѣ роты, бывшія на работѣ, и три охотничьихъ команды.—Баталіонъ 14-го полка и всѣ пограничники, числомъ 600—800 чел., занимають окопы вдоль залива

Хунуэзъ, а два баталіона 13-го полка отправлены на лѣвый флангъ позиціи.

Меня очень взволновало такое щедрое расходование резервовъ, и я пожалѣлъ, что не пріѣхалъ раньше. Впослѣдствіи оказалось, что генераль Надѣинъ забылъ, что эти два баталіона 13-го полка, которые были на лѣвомъ флангѣ на высотѣ 28-й, онъ отправилъ въ десять часовъ утра въ тылъ позиціи къ деревнѣ Тунселафанъ, гдѣ, по донесеніямъ, японцы производили десантъ.—Тамъ эти баталіоны простояли до двухъ часовъ, пока я ихъ не вернулъ. Вотъ эти-то два баталіона дали возможность обвинять меня въ томъ, что я вернулъ какіе-то два баталіона, посланные генераломъ Надѣинымъ въ самый критическій моментъ боя, то есть, въ седьмомъ часу вечера, между тѣмъ какъ баталіоны эти были посланы имъ въ десять часовъ утра. И только судъ, провѣривъ по документамъ, которые были въ слѣдственной комиссіи, и прослѣдивъ по нимъ, по часамъ, положеніе каждой роты и баталіона, пришелъ къ заключенію, что я никакихъ баталіоновъ ни ротъ не возвращалъ, а напротивъ самъ посылалъ роты на позицію.

Выслушавъ докладъ, я направился, чтобъ осмотрѣть расположеніе японцевъ.

Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ и узналъ отъ нихъ, что они отпущены полковникомъ Третьяковымъ въ Артуръ. Я имъ замѣтилъ, что не слѣдовало имъ пользоваться такою любезностью полковника Третьякова, и просилъ ихъ вернуться назадъ.—Вслѣдъ затѣмъ, во время осмотра мною японскихъ расположеній, подходитъ ко мнѣ инженерный рядчикъ Яновъ и отъ имени полковника Третьякова начинаетъ рассказывать всякіе ужасы на счетъ положенія гарнизона и затѣмъ сталъ настойчиво требовать подкрѣпленій.—Я, по его показаніямъ на слѣдствіи и судѣ, прогналъ его и нелестно отозвался о полковникѣ Третьяковѣ.

Этотъ докладъ Янова заставилъ меня вернуться на станцію, гдѣ я встрѣтилъ капитана - инженера фонъ - Шварца, который доложилъ мнѣ, что полковникъ Третьяковъ нашелъ, что ему на позиціи нечего дѣлать, а потому разрѣшилъ ѣхать въ Артуръ.

Такая изъ ряда выходящая распорядительность меня поразила и въ то же время навела на мысль, не думаетъ ли полковникъ Третьяковъ, что на основаніи полученной наканунѣ телеграммы отъ генерала Куропаткина, послѣдуетъ распоряженіе объ очищеніи позиціи, а потому онъ заранѣе приступилъ къ демобилизаціи обороны. Это предположеніе заставило меня послать ему слѣдующую записку:

13 мая 11 час. 50 м. утра.

„Предлагаю стоять на позиціи до моего приказанія объ отступленіи; объ отступленіи не думать, обороняться до послѣдняго человѣка“.

Когда записка была уже мною послана, мнѣ пришло въ голову, что такая редакція можетъ дать надежду полковнику Третьякову на отступленіе, а потому минутъ пять спустя я послалъ слѣдующую записку.

13 мая 11 час. 55 мин.

„Предлагаю стоять до послѣдняго человѣка; объ отступленіи не думать, патроны вышлю.—Встрѣтилъ двуколки съ патронами, идущими въ Нангалинъ, ихъ вернулъ“.

Затѣмъ пошелъ продолжать осматривать расположеніе японцевъ.

Расположеніе цѣпей было ясно видно,—орудія, кинутыя прислугою, я разглядѣлъ ужъ послѣ того, какъ мнѣ ихъ указали.—Такъ дошелъ до Киньчжоускаго залива.—Кучи труповъ указывали наступленіе японцевъ.—Послѣдняя линія, до которой они дошли, представляла изъ себя какъ бы плотину изъ труповъ. Канонерскія лодки не стрѣляли, онѣ сидѣли на мели. Полевая японскія батареи ясно были видны, онѣ стояли открыто въ 1000 и ближе саженьяхъ и вели противъ окоповъ оживленный огонь. Японское начальство, группами, совершенно открыто, стояло по холмамъ и наблюдало за боемъ,—вѣрнѣе сказать за экзекуціей позиціи.

Только небольшая часть непріятельскаго расположенія, скрываемая горою Наншаномъ, не была видна.

Изъ обхода я вынесъ благопріятное впечатлѣніе для насъ: что врядъ-ли японцы поведутъ энергично наступленіе раньше ночи.

Во время этого обхода я получилъ нѣсколько тревожныхъ донесеній отъ полковника Третьякова съ просьбою о помощи. Въ то же время мы обмѣнялись слѣдующими записками.

Въ 12 ч. 35 м. я писалъ генералу Третьякову: „За правый флангъ не бойтесь, стоятъ два полка. Смотрите на лѣвый флангъ, гдѣ можетъ рѣшиться дѣло“.

Такъ вѣдь и случилось. О лѣвомъ флангѣ я ему говорилъ и писалъ съ перваго дня работъ. Во 2-мъ часу полковникъ Третьяковъ доноситъ мнѣ:

„У меня нѣтъ подъ рукою никакой части, которой я могъ бы возстановить бой. Всѣ на своихъ мѣстахъ и одна надежда на удачу солдатъ и мужество офицеровъ“.

Что можетъ быть трогательнѣе такого донесенія.

Но и оно меня не тронуло, такъ какъ расположеніе японцевъ мнѣ было извѣстно не хуже, чѣмъ ему, а о нашемъ положеніи на позиціи мнѣ особенно беспокоиться не приходилось, потому что пол-

ковникъ Третьяковъ доносилъ: „всѣ на своихъ мѣстахъ“. Такого рода донесенія меня только раздражали, что видно изъ слѣдующаго моего отвѣта:—„Благодарю за удалъ, силъ у васъ достаточно. На лѣвый флангъ, въ резервъ, посылаю еще двѣ роты къ батарее № 15“.

Обращаю вниманіе, что я хотя пишу ему, что силъ у васъ достаточно, но все-таки посылаю двѣ роты.

Это потому, что служба научила меня, что бываютъ обстоятельства, когда приходится считаться съ мнѣніемъ, а еще того болѣе съ нравственнымъ состояніемъ подчиненнаго.

Въ то же время посылаю генералу Надѣвину слѣдующую записку:
13 мая въ 1 ч. дня.

„Прислать немедленно въ лошину с.-в. отъ Тафашинъ 2 роты къ бат. № 15“.

Но, несмотря на посланныя мною роты и просьбу не беспокоиться о правомъ флангѣ, Третьяковъ по-прежнему продолжалъ бомбардировать тревожными донесеніями. Наконецъ, я получаю отъ него донесеніе, въ которомъ онъ ко всѣмъ словеснымъ ужасамъ прибавляетъ, что у людей нѣтъ патроновъ и что патронный складъ взорванъ.—Вотъ это донесеніе, въ которомъ кромѣ ужасовъ онъ знакомитъ меня съ дѣйствительностью, т. е. что у него нѣтъ патроновъ, а также соображенія еще болѣе важнаго свойства заставили меня идти на позицію къ Третьякову, чтобъ лично удостовѣриться въ чемъ дѣло.—Я попросилъ къ себѣ командира 14-го полка и сказалъ ему: полковникъ Третьяковъ доноситъ, что патронный складъ взорванъ, потому пошлите къ нему 8 двуколокъ и назначьте двѣ роты въ его личное распоряженіе. Я самъ ѣду на гору, ротамъ слѣдовать поотдаль отъ меня.

Когда роты вытянулись, я поѣхалъ. Я ужъ началъ подыматься въ гору, какъ меня нагоняетъ полковникъ Савицкій и докладываетъ: „двухъ лошадей изъ подъ двуколокъ убили“.

— Ну, что жъ изъ того, прикажите везти ихъ на людяхъ.

— Да всѣхъ лошадей перебьютъ.

— Ну, пусть и всѣ двуколки везутъ люди.

— Да Третьяковъ вретъ, складъ не взорванъ, онъ цѣль. При этомъ проситъ меня удостовѣриться въ томъ лично.

Я прошелъ нѣсколько назадъ, но, увидѣвъ складъ и около него людей, остановился и спросилъ: что вамъ надо отъ меня?

— Да, позвольте двуколки отправить назадъ.

— Ну, отправляйте.

Полковникъ Третьяковъ на стр. 80 пишетъ: загорѣлся складъ патроновъ, что былъ у батар. № 10, и что полковникъ Савицкій видѣлъ складъ продуктовъ, а не патроновъ. Я полагаю, что если пол-

ковникъ Третьяковъ утверждаетъ это, то только потому, что онъ никогда не видѣлъ, какъ горятъ склады. Патроны въ гильзахъ не взрываются такъ, какъ прежніе патроны; они горятъ слоями, при чемъ каждый патронъ взлетаетъ, лопається. Горящій складъ представляетъ изъ себя фейерверочный буракъ, его не скроешь.

Наконецъ, складомъ патроновъ около бат. № 10 нельзя было пользоваться, а охотники 13 и 14 полковъ получали все время патроны. Да есть еще въ живыхъ офицеры, которые выдавали патроны изъ указаннаго Савицкимъ склада.

Поднявшись и выйдя на шоссе, я шель медленно, съ оглядкой, рассматривая батареи, нами покинутыя, и разыскивая расположеніе батарей и цѣпей противника. Такъ дошелъ я до батар. № 10, далѣе идти не рѣшился. Далѣе дорога шла по совершенно открытой мѣстности, ближайшіе окопы были отъ меня шагахъ въ 400. Я присѣлъ на уступчикъ скалы.

Тутъ могъ убѣдиться, что противникъ ведетъ разумно огонь.

Онъ не обсыпаетъ огнемъ всю гору, какъ казалось издали, а подавивъ артиллерію, онъ направилъ весь огонь на окопы и отчасти на овраги. Какъ я ни старался рассмотретьъ нижніе окопы, но этого мнѣ не удалось,—ихъ видѣть нельзя было. Вся площадь, занимаемая нашими окопами, была подъ ужаснымъ огнемъ, ничего подобнаго я себѣ и представить не могъ и подъ такимъ впечатлѣніемъ послалъ къ генералу Стесселю слѣдующую телеграмму:

(Записная книжка штаба 4-й дивизіи отъ 13 мая 3 ч. дня).
„Сейчасъ нахожусь на позиціи; осматривалъ оставленныя батареи, онѣ буквально засыпаны снарядами, артиллерія исполнила свой долгъ. Непріятель направилъ свой артиллерійскій и ружейный огонь на сѣверный фронтъ; какъ стрѣлки держатся, не могу себѣ и представить, но держатся молодцами“.

Изъ этихъ строкъ можно видѣть, что я больше довѣрялъ донесеніямъ Третьякова, чѣмъ собственнымъ глазамъ. Могъ ли я допустить, что полковникъ Третьяковъ, который доносилъ о самомъ пустомъ передвиженіи противника, могъ умолчать, что 6-я рота наша оставила передовые окопы, о чемъ ротный ему донесъ; что и 5-я рота оставила окопы, о чемъ онъ узналъ отъ стрѣлковъ этой роты и т. д.

Далѣе пишу: „всѣ орудія молчатъ, почему еще день на этой позиціи 5-й полкъ держаться не можетъ; остается одно—вывести весь отрядъ и атаковать въ рукопашную, такъ какъ наша артиллерія въ настоящее время не можетъ оказывать содѣйствія фронту сѣверному, или воспользоваться ночью и отступить“.

Выраженіе: „почему еще день держаться не может“,—свидѣтельствуеъ, что я считалъ возможнымъ держаться не только этотъ день, но и захватить слѣдующій.

Нѣкоторые находятъ, что это донесеніе пессимистическое, я нахожу, что нѣтъ, а скорѣе оптимистическое, такъ какъ мнѣ не было извѣстно, что окопы нами оставлены.

Но если бы и всѣ окопы были нами заняты, то все-таки я не имѣлъ бы права думать, а тѣмъ болѣе доносить, что мы на сѣверномъ фронтѣ можемъ держаться годы. Фронтъ этотъ былъ совершенно изолированъ, сплошной траншеи не было и которая при томъ была бы соединена съ траншеею центра позиціи, откуда подходили бы къ ней подкрѣпленія: людьми—снарядами, пищею; сѣти были не сплошныя, мины не были заложены, онѣ просто, открыто валялись; мѣстность впереди фронта была въ высшей степени пересѣченная.

Когда я находился у бат. № 10, полковникъ Третьяковъ ко мнѣ не явился. Причину этого онъ объясняетъ различно. Такъ въ показаніяхъ въ комиссіи ген. Роппа онъ говоритъ, что онъ въ это время гулялъ со штабными по батар. № 13, но когда ему показали, что изъ его же письма къ начальнику штаба видно, что въ это время былъ такой огонь, что гулять по батарее не приходилось, онъ въ своей статьѣ, 5-й полкъ, на стр. 79 В. Сб. говоритъ, что онъ меня видѣлъ, когда я шелъ съ адъютант. къ бат. № 10, и что онъ въ это время былъ у нижней траншеи, куда спустился къ артиллеристамъ. Часы не сходятся: Третьяковъ могъ быть съ артиллеристами часовъ въ 11 утра, когда я еще не прибылъ на ст. Тафашинъ, а когда я туда прибылъ, то засталъ уже тамъ артиллеристовъ. Я же былъ у бат. № 10 въ три часа дня. Въ обоихъ случаяхъ онъ говоритъ, что хотѣлъ подойти ко мнѣ, но я куда-то скрылся.

Скрыться отъ пол. Третьякова мнѣ было невозможно, особенно въ томъ случаѣ, когда онъ былъ у нижней траншеи. Пол. Третьяковъ говоритъ, что я шелъ съ адъютантомъ. Я шелъ съ тремя или четырьмя офицерами и со всѣми охотниками, за мной шли двѣ роты съ двуколками. Будь онъ тутъ, пол. Савицкій его нашелъ бы и не выпустилъ бы. Полк. Савицкій захотѣлъ меня найти и нашелъ, хотя былъ на Тафашинскихъ высотахъ.

Но положимъ полк. Третьяковъ былъ на бат. № 13, и то скрыться мнѣ отъ него было трудно. Чтобъ попасть къ бат. № 10-й, мнѣ надо было выйти на шоссе невдалекѣ отъ бат. № 13, гдѣ былъ п. Третьяковъ, и затѣмъ идти 400 с. къ противнику, то какъ же онъ не могъ перехватить меня хоть на обратномъ пути. На позиціи я пробылъ 40 минутъ, значить, болѣе чѣмъ полчаса. Грѣшный

человѣкъ, думаю, что пол. Третьяковъ не явился потому, что боялся проговориться объ истинномъ положеніи дѣла, полагая, что японецъ просмотритъ, а на худой конецъ тайна потонетъ въ крови.

Въ которомъ часу я оставилъ гору Наншанъ, не знаю, но помню, что начался приливъ и канонерки начали покачиваться; въ 4^{1/2} ч. я возвратился на ст. Тафашинъ, а въ 5 ч. 15 м. послалъ ген. Стесселю слѣдующую телеграмму:

„На позиціи всѣ орудія подбиты, при нихъ нѣтъ ни одного артиллериста, всѣ ложементы въ нашихъ рукахъ; японцы продолжаютъ ихъ обстрѣливать; жду отвѣта на мою телеграмму“.

Я и въ этой телеграммѣ со словъ пол. Третьякова пишу,— окопы въ нашихъ рукахъ. Въ 5 ч. 30 м. получаю отъ Третьякова донесеніе.

Позиція окружена сплошнымъ кольцомъ орудій. . . . подходятъ горныя батареи; резервы передвинулись ближе. . . . *Наши стоятъ на мѣстахъ.*

Это донесеніе дословно телеграфировалъ ген. Стесселю.

Телегр. кап. Одинцова ген. Стесселю отъ 5 ч. веч. 13 мая. „На Известковой горѣ и вездѣ орудія подбиты“.

Имѣя въ виду произвести ночью, во время отлива, нападеніе съ охотниками 14-го и 15-го полковъ на лѣвый флангъ японцевъ, которое могло быть поддержано 15-мъ полкомъ, я попросилъ къ себѣ полк. Савицкаго и сказалъ: „ваши охотники во время отлива перейдутъ заливъ и атакуютъ японцевъ, охотники 15 полка пойдутъ за ними, а тамъ можетъ-быть и весь 15-й полкъ. Прикажете собраться начальникамъ охотничьихъ командъ“. Затѣмъ пошелъ къ охотникамъ 15-го полка и передалъ имъ, что они ночью атакуютъ японцевъ, и спросилъ: „обѣдали ли они“? Нѣтъ, отвѣчали мнѣ. Приказалъ вести ихъ накормить.

Вернувшись на станцію, я въ ожиданіи сбора начальниковъ охотничьихъ командъ ходилъ по платформѣ. Какъ вдругъ ко мнѣ подходитъ поручикъ 5-го полка Глѣбъ-Кошанскій и со слезами на глазахъ говоритъ:—„Рота кап. Фофанова оставила окопы, японцы вошли на позицію и полкъ отступаетъ“,—указывая рукою на гору. Тутъ только я и всѣ окружающіе замѣтили, что весь скатъ, обращенный къ намъ, покрытъ отступающими. Затѣмъ онъ подалъ мнѣ записку, но я ее не взялъ, а просилъ передать ординарцу. И при этомъ сказалъ ему: „поѣзжайте къ ком. полка и скажите, чтобъ велъ полкъ прямо въ Артуръ, не задерживаясь“.

Я со времени турецкой войны знаю, какъ вредно имѣть въ

отрядъ потрясенную часть. Ген. Стессель распорядился не пускать полкъ въ городъ¹⁾.

Какъ только увидали, что 5-й полкъ отступаетъ, то тотчасъ отъ всѣхъ частей присланы были ко мнѣ ординарцы, которымъ я отдавалъ лично, на словахъ, приказанія о порядкѣ отступленія.

Несмотря на то, что приказанія отдавались, такъ сказать, на вѣтру, никакихъ недоразумѣній не было, никто и ничего не переспрашивалъ, полки, раскинутые по всему громадному полю, находили сами свое мѣсто въ колоніи. Даже каждая батарея нашла свой полкъ, хотя батареи были во время боя далеко отъ пѣхоты. Отступленіе было не простое, а перекатное и ночью. Диспозиція объ отступленіи была написана, ради порядка, нѣсколько дней спустя,— на что ген. Ирманъ жаловался въ комиссіи ген. Роппа.

Въ своемъ показаніи пол. Третьяковъ на стр. 86 пишетъ: . . . . поручикъ Музалевскій самъ видѣлъ и слышалъ, какъ ген. Фокъ отдалъ приказаніе отступить присланному ординарцу, поручику Глѣбу-Кошанскому, который съ охотникомъ на вороной лошади полетѣлъ назадъ исполнять приказаніе генерала.

Стр. 87-я В. Сб. № 2. „Пор. Глѣбъ-Кошанскій поскакалъ съ донесеніемъ къ ген. Фоку въ то время, когда я спустился съ бат. № 13-и и сѣлъ на лошадь. Поэтому охотникъ на вороной лошади дѣйствительно могъ доскакать на позицію и передать приказаніе прежде, чѣмъ я остановилъ отступающихъ охотниковъ“.

Чтобъ понять, что этимъ хочетъ сказать ген. Третьяковъ, надо знать, что онъ тотчасъ послѣ боя, какъ только узналъ, что я хочу предать суду командира 5-й роты, распустилъ слухъ, при содѣйствіи капит. Одинцова, что первыми начали отступать охотники 13 и 14 полковъ, а весь полкъ началъ отступать по приказанію ген. Фокъ, который послалъ это приказаніе съ офицеромъ своего штаба, съ коимъ былъ охотникъ на вороной лошади; этотъ офицеръ передалъ это приказаніе, минуя полковника Третьякова, прямо нижнимъ чинамъ.

Всѣ ему повѣрили и своими показаніями ввели въ заблужденіе слѣдственную комиссію. Только на судѣ выяснилось, что я приказанія объ отступленіи не отдавалъ, а только примирился съ отступленіемъ, когда получилъ о томъ донесеніе пол. Третьякова, переданное

¹⁾ Въ сочиненіи Шварца и Романовскаго на стр. 246 помѣщено содержаніе означеннаго выше донесенія Третьякова, привезеннаго Глѣбомъ-Кошанскимъ. „Непріятель сбиль нашъ лѣвый флангъ, который почти побѣждалъ; я бросился его перехватывать и теперь устраиваю на позиціи“. Время не отмѣчено. Получено около 6 ч. 40 м.

через поручика Глѣба-Кошанскаго, съ которымъ былъ охотникъ на ворономъ конѣ. Полк. Третьякову пришлось сознаться, но не столько потому, что выяснилось, что ни одного изъ штабныхъ офицеровъ я не посылалъ и что ни одного охотника у меня не было убито, а главное потому, что въ дѣлахъ слѣдственной комиссіи находится его донесеніе, присланное съ Глѣбъ-Кошанскимъ.

Теперь онъ все-таки продолжаетъ утверждать, что отступление началось по моему же приказанію, когда онъ еще не успѣлъ остановить охотниковъ, но только переданное мною не через моего штабнаго офицера, а через присланнаго имъ ко мнѣ поруч. Глѣба-Кошанскаго. Это не оправданіе. Ген. Третьяковъ, посылая съ такимъ важнымъ донесеніемъ, долженъ былъ сказать, куда тотъ долженъ былъ привезти отвѣтъ. По словамъ ген. Третьякова, онъ послалъ Глѣба-Кошанскаго, когда былъ внизу у бараконъ при резервѣ, и затѣмъ только, отправивши его, сѣлъ на лошадь и погнался за охотниками.

Глѣбъ-Кошанскій вернулся на то мѣсто, откуда былъ посланъ, но, не найдя тамъ пол. Третьякова, передалъ мое приказаніе, вести полкъ прямо въ Артуръ, находившимся тутъ офицерамъ, а охотника можетъ быть и послалъ на гору. Слѣдовательно, если бы пол. Третьяковъ не оставилъ бы свой постъ, редутъ № 13, или, по крайней мѣрѣ, остался бы въ чертѣ позиціи, хоть бы и внизу у своего барака, гдѣ стоялъ резервъ, то этого бы не случилось. Мнѣ не приходилось отдавать приказаніе объ отступленіи уже по тому одному, что самъ полк. Третьяковъ доноситъ мнѣ, что лѣвый флангъ почти бѣжитъ, и посланный, вручая мнѣ донесеніе, въ то же время указалъ рукою на гору, покрытую отходившими стрѣлками, слѣдовательно, я могъ только санкціонировать отступление, что я и сдѣлалъ.

Посмотримъ теперь, что происходило на позиціи послѣ того, какъ я ее оставилъ въ четвертомъ часу.

Я пришелъ во время отлива, но уже при мнѣ начался приливъ и канонерки начали покачиваться. Какъ только онѣ поднялись, онѣ открыли огонь, а за ними и сухопутныя батареи непріятеля усилили огонь. Резервы ихъ подтянулись къ цѣпи, а противъ сѣвернаго фронта цѣпь подошла на 400 ш.

Отъ подполковника Бѣлозера пришла просьба о подкрѣпленіи. Полковникъ Третьяковъ послалъ ему $\frac{1}{2}$ роты 7-й роты 14-го полка. Вотъ какъ объ этомъ пишетъ самъ полковникъ Третьяковъ на стр. 83-й В.-С. № 2.—Хотя я теперь не видѣлъ наступленія на его участокъ, но въ виду настоятельности этой просьбы и чтобы быть совершенно спокойнымъ за правый флангъ (дер. Медетень), я рѣшилъ послать $\frac{1}{2}$ роты 14-го полка.

Полковникъ Третьяковъ, какъ видно, расходуетъ послѣдній резервъ, который я не приказалъ сажать въ окопы, а употребить только для восстановленія боя. При этомъ онъ, какъ-бы оправдывая себя, говоритъ: „чтобъ быть спокойнымъ за правый флангъ“.— Онъ опасается именно за тотъ флангъ, который блестяще отбилъ атаку и передъ которымъ валялось 18 орудій, брошенныхъ прислугою; наконецъ за тотъ флангъ, о которомъ я просилъ его не беспокоиться.

Записка полковнику Третьякову отъ генерала Фока отъ 2 ч. 35 м. дня. „За правый флангъ не бойтесь (стоятъ два полка). Смотрите за лѣвымъ флангомъ, гдѣ можетъ рѣшиться все дѣло“.

Наконецъ, что общаго между д. Медетень и люнетомъ № 3, куда была послана полурота. — Но что совсѣмъ непростительно, — расходуя резервы не для той цѣли, которая ему указана, онъ не доноситъ мнѣ объ томъ. Если это допустить, то этимъ самымъ начальникъ будетъ лишенъ возможности руководить боемъ.—Полковникъ Третьяковъ видно этого не сознаетъ еще и теперь, иначе молчалъ бы.

Посмотримъ, что дѣлали японцы противъ сѣвернаго фронта.— Мы видѣли, что японцы неоднократно ходили въ атаку на нашъ центръ (люнеты 3 и 4) и крайній лѣвый флангъ (окопы охот. ком. 13-го, 14-го п.), но безуспѣшно. Но окопы, расположенные на сѣверномъ скатѣ Наншана (5-я рота, правѣе ея между оврагами сборныя части 9 и 10 и охот.), они оставляли въ покоѣ, хотя послѣ того, какъ наша артиллерія замолчала, имъ здѣсь было вольготно, такъ какъ гора Наншанъ укрывала ихъ отъ огня Тафашинскихъ батарей; а наши окопы были относительно высоки, а потому огонь ихъ при учебной обстановкѣ былъ не важный, а при боевой сводился къ нулю. Такую скромность я объясняю тѣмъ, что передъ этимъ фронтомъ валялись незарытыя мины. Японцы могли объяснить это тѣмъ, что былъ избытокъ минъ и что не было мѣста, гдѣ ихъ зарывать, что давало имъ право быть осторожными.—Когда же цѣпь ихъ подошла на 400 м., они могли разглядѣть, что мины совершенно безвредны, а такъ какъ, при этомъ, и проволочное загражденіе оказалось не сплошное, то имъ легко было забраться въ овраги, по которымъ они могли распространиться по всей позиціи, а затѣмъ, по приказанію, одновременно броситься оттуда:—тѣ, которые были въ лѣвомъ оврагѣ, должны были, выйдя въ тылъ редута № 8, броситься на него, а затѣмъ на Бѣлозера, а тѣ, которые въ правомъ оврагѣ, раздѣлиться, однимъ броситься на пустой окопъ 5-й роты, а другой части на бат. № 10 ¹⁾.

¹⁾ Такая оплошность съ минами вышла отъ недоразумѣній, происхо-

Подполковникъ Бѣлозеръ ничего не подозрѣвалъ. Онъ зналъ, что его оберегаетъ съ тыла редутъ № 8, а полковникъ Третьяковъ ни словомъ не обмолвился, что у него въ тылу не все благополучно, и велъ съ нимъ посторонніе разговоры; такъ, еще за нѣсколько минутъ до рокового часа онъ послалъ ему поздравленіе генерала Кондратенко съ отбитіями атакъ и приказалъ по этому случаю кричать „ура!“. Подполковникъ Бѣлозеръ, убаюканный полковникомъ Третьяковымъ, отдалъ приказаніе приготовиться пить чай, для чего принести въ траншею кубы. Въ это самое время японцы бросились изъ оврага, захватили редутъ № 8 и оттуда стали разстрѣливать находившихся въ нѣжней траншеѣ. Того только и ждала японская цѣпь, что была противъ траншеи.—Наши, принятые съ двухъ сторонъ, были всѣ перебиты. Въ плѣнъ было взято нѣсколько человекъ раненыхъ и только тѣхъ раненыхъ, которые очнулись на другой день, когда уже собирались хоронить ихъ.

А. В. Фокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

дившихъ между полковникомъ Третьяковымъ и подполковникомъ Жеребцовымъ, командиромъ саперной роты: одни винятъ одного, другіе другого.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1910 г.

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ПЕРВЫЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.	СТРАН.
I. Житейскія встрѣчи. (Изъ воспоминаній судебного дѣятеля). А. Ѳ. Конн.	3— 21
II. Встрѣчи на жизненномъ пути. Н. А. Некрасовъ. П. М. Ковалевскаго	25— 46
III. Воспоминанія о Гоголѣ. С. Глѣбова. . .	65— 74
IV. Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ. (Изъ воспоминаній Ирины Ивановны Онноре, бывшей пѣвицы Императорскаго Московскаго театра, нынѣ профессора пѣнія въ Петербургѣ). И. И. Онноре.	95—108, 543—554
V. Тяжелые дни Мукденскихъ боевъ. (Воспоминанія запасного). Н—чъ	109—131, 587—603
VI. Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ (1864—1909 г.г.). Ивана Янжула.	133—148, 271—306, 475—507
VII. На службѣ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ. Д. А. Скалона.	149—169, 392—404
VIII. Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера	205—233, 454—474
IX. Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ.—Каз. Вас. Левицкій. А. Витмера.	351—362, 525—542
X. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	405—422, 555—565

	СТРАН.
XI. И. М. Драгомировъ и время войны. 1877—78 г.г. (Изъ воспоминаній). А. Е. К.	445—453
XII. Наброски изъ моей жизни. С П. Зыкова.	622—643
XIII. Изъ давно прошедшаго (1876—1879). Л. Бо- гаевскаго.	695—700

**Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Пере-
писка —Разказы.—Матеріалы и замѣтки.**

I. Переписка Карла IX съ самозванцами. П. Пирлинга	22— 24
II. Два года—1864 и 1865, изъ исторіи крестьян- скаго дѣла въ Минской губ. Николая По- левого	47— 63, 247—270
III. Я это давно зналъ. (Изъ воспоминаній о шестидесятихъ годахъ). А. А—ха	64
IV. Аракчеевская премія. С. Никольскаго.	75— 80
V. Какъ возникла въ гор. Сердоболѣ финская учительская семинарія и какъ она офинни- ваетъ Карелію. В. П. Крохина	81— 92
VI. Два повелѣнія Петра Великаго. Сообщ. Ал. Ал. Лебедевъ	93— 94
VII. Памяти О. В. Поповой	132
VIII. Высочайшее повелѣніе, неисполненное „по недоразумѣнію“. Сообщ. А. Е. К.	170—176
IX. По Вальтеръ-Скотту. А. Жиркевича.	177—189
X. „Лѣсные“ кадеты на парадѣ. Сообщ. Мих. Соколовскій	190
XI. Генераль Моро на службѣ въ русскихъ вой- скахъ. (Біографическія свѣдѣнія о А. Н. По- повѣ). Ал. Попова.	191—204, 423—430
XII. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. В. В. Тимо- щукъ	234—240, 317—332, 508—523
XIII. Поѣздка въ Самборъ. Пирлинга	241—246
XIV. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1886. Сообщ. М. В. Безобразова	307—313
XV. Бытовые очерки прошлаго, по архивнымъ до- кументамъ. И. С. Бѣляева.	314—316
XVI. Отголоски 14 декабря въ Московскомъ уни- верситетѣ. Сообщ. М. Гершензонъ	333—349

	СТРАН.
XVII. Совѣтъ Генераль-аудитору быть осмотритель- нѣе. (1800 г.). Сообщ. Мих. Соколовскій.	350
XVIII. Эпизодъ изъ исторіи Московскаго генераль- наго госпиталя. Сообщ. Мих. Соколов- скій	350
XIX. Ц. А. Кюи. (Къ 50-лѣтію музыкальной дѣя- тельности).	363—366
XX. Достоевскій по воспоминаніямъ ссыльнаго по- ляка. В. Храневича . . . . . 367—376,	605—621
XXI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877.—1878 г.г. Е. А. Рагозиной.	377—391 566—586
XXII. Темное Царство. (Черты изъ жизни Москов- скаго Китая-города XVII вѣка). Сообщ. В. Шереметевскій	431—441
XXIII. Недолго сбить съ толку. (Изъ воспоминаній архіерея). Сообщ. —й.	442—444
XXIV. Отзывъ гр. П. Д. Киселева о „Бородинскихъ очеркахъ“ Ѳ. Н. Глинки. Сообщ. М. Соко- ловскій	524
XXV. Приглашеніе на горшокъ щей. Сообщ. Мих. Соколовскій	524
XXVI. Письмо Е. Н. Жулевой гр. В. Ѳ. Адлербергу. Сообщ. В. А. Алексѣевъ.	604
XXVII. Бой на Кушкѣ 18 марта 1885 г. и террито- ріальныя приобрѣтенія въ царствованіе Импе- ратора Александра III	644—664
XXVIII. Тайнственная старица. (Изъ архивныхъ дѣлъ XIX в. (С. Артоболовскаго	665—679
XXIX. Памяти П. Я. Дашкова.	680—694
XXX. Киньчжоускій бой. А. В. Фока.	701—712

Портреты.

- I. П. О. Пирлингъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ (при 1-й
книгѣ).
  - II. Ц. А. Кюи (при 2-й книгѣ).
  - III. Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ (при 3-й книгѣ)
Патти, Лукка и Ирина Ивановна Онноре (тамъ-же).
-

Приложенія:

Факсимиле рукописи Э. Г. Тернера: мнѣніе Бисмарка о необходимости новаго раздѣла Польши (при 1-й книгѣ).

Виды: а) Мостъ Ташъ-Кепри на р. Кушкѣ (при 3-й книгѣ).

б) Поле сраженія при Кушкѣ (тамъ же)

в) Карта земельныхъ приобрѣтеній въ Закаспійской области (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Изданіе Великаго Князя Николая Михайловича. Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Томъ V, выпускъ 3-й, 1909 г. (на оберткѣ январьской книги).

2. Профессоръ С. Э. Платоновъ. Учебникъ русской исторіи для средней школы. Курсъ систематическій. Часть I (до Петра Великаго). Спб. 1909.—В. Я. (тамъ же).

3. А. В. Жиркевичъ. Ив. Ив. Орловскій. Біографическій очеркъ. Вильна, 1909 (тамъ же).

4. Сборникъ Новгородскаго Общества любителей древности. Выпуски I и II. Новгородъ, 1908 и 1909 г.г. (тамъ же).

5. Пушкинъ и его современники. Выпускъ IX. Спб. 1909 г. (на оберткѣ февральской книги).

6. Н. О. Лернеръ. Новооткрытыя страницы Пушкина. Спб. 1909 (тамъ же).

7. М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). М. 1910 (тамъ же).

8. Пятидесятилѣтіе Литературнаго Фонда 1859—1909. Общій очеркъ. Составилъ А. А. Корниловъ. Спб. 1909 (тамъ же).

9. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изданіе, посвященное памяти И. Е. Забѣлина. Московское книгоиздательство „Образованіе“. Выпускъ I—III. М. 1909—1910 г. (тамъ же).

10. Л. З. Мсеріанцъ. Къ вопросу объ интересѣ Грибоѣдова къ изученію Востока. Спб. 1909 (тамъ же).

11. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 15 октября по 12 ноября 1909 г. (на оберткѣ мартовской книги).

14-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

14-й годъ
изданія.

на 1910 годъ

на единственное въ Россіи литературное художественное
иллюстрированное изданіе.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Литературы, Искусства и Науки

(быв. Ф. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПРОГРАММА:

1) Проведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстраціи.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностр. писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванию, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, оккультизму и факиризму.—7) Историческіе мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Оне, Артуръ Шниццеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уальдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе

со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ

Премія **ЗАМОКЪ НЕУШВАНШТЕЙНЪ** Премія

Баварскаго короля Людовига II.

Подписная цѣна съ доставкой и съ пересылкой 6 р.

Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы, Искусства и Науки“—С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Издатель-редакторъ С. Д. Новиковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ въ 1910 г.

(Сорокъ-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Арсеньева** при ближайшемъ участіи:

И. В. Жилина, М. М. Ковалевскаго, Н. А. Котляревскаго, В. Д. Кузьмина-Караева, А. С. Посникова, А. З. Сломинскаго и К. А. Тимирязева.

Въ 1910 г. журналъ, такъ же какъ и въ прошломъ году, кромѣ прежнихъ отдѣловъ, будетъ заключать обзорніе провинціальной жизни, обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ Запада. Кромѣ снимковъ съ портретовъ историческихъ дѣятелей, въ 1910 г. въ журналъ будутъ помещаемы художественныя приложенія по отдѣлу искусства; такъ, въ первыхъ книжкахъ будутъ даны главныя тины „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Московскаго Художественнаго театра. Снимки исполнены въ краскахъ по рисункамъ художника **В. И. Россинскаго**, фирмой **Meisenbach, Riffarth & Co** въ Берлинѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Безъ доставки, въ Конторахъ журнала: На годъ: 15 р. 50 к. по 1/2 г. 7 р. 75 к., по 1/4 г. 3 р. 90 к. Въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкой на годъ 16 р., по 1/2 г. 8 р., по 1/4 г. 4 р. Въ другихъ городахъ съ перес. на годъ 17 р., по 1/2 г. 8 р. 50 к., по 1/4 г. 4 р. 25 к., За границей, въ госуд. почтов. союза на годъ 19 р., по 1/2 г. 9 р. 50 к. по 1/4 г. 4 р. 75 к.

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою—1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Загородный пр. 14; въ книжн. магаз.: **М. М. Стасюлевича**, В. О., 5 л., 28., **К. Риккера**, Невскій, 14; **А. Ф. Цинзерлинга**, Невскій, 20; **Т-ва М. О. Вольфъ**, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

Въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**, Крещатикъ, 33.

Въ Москвѣ: въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5; въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова**, на Моховой, и въ конторѣ **Н. Печковской**, въ Петровскихъ линияхъ.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Образованіе“. Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ **Н. П. Карбасникова**.

Редакція „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32. **Главная контора журнала.** Загородный просп., 14. **Московское Отдѣленіе:** Б. Никитская, 5.

Подробный проспектъ высылается по требованію бесплатно. 3—3

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСКУССТВА И СТАРИНЫ

СТАРЫЕ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1910 годъ.

ГОДЫ

Въ четвертомъ году изданія „Старые Годы“ выхогять по той же программѣ, при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ:

Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Вилибинъ, Wilhelm Bode, J. de Bosshère, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fierens, Gevaert, Max Geisberg, J. v. d. Gheyn, В. В. Голубевъ, Adolf Gottschewsky, Georg Gronau, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Loys Delteil, Léon Déshairs, С. П. Дягилевъ, R. Kœchlin, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я Курбатовъ, Э. Э. Ленць, Э. К. фонъ Лингартъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковскій, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, А. В. Орѣшниковъ, R. Petrucci, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, Pascal Forthuny, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Щавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Рядъ выпусковъ 1910 г. будетъ посвященъ описанію старинныхъ помѣщичьихъ усадебъ.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб., безъ доставки—9 руб. За границу—30 франковъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Соляной пер., 7) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Новаго Времени“ и Шибанова.

При подпискѣ въ конторѣ редакціи допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р.; къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Журнала за 1908 годъ въ продажѣ нѣтъ. Осталось ограниченное количество экземпляровъ журнала за 1909 годъ.

Редакціонный Комитетъ: Алекс. Н. Бенуа, В. А. Верещагинъ, баронъ Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Русскій біографическій словарь. Притвиць-Рейсь. Изданъ подъ наблюдениемъ председателя Имп. русскаго историческаго общества А. Половцова. Спб. 1910. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., № 12). 8° (20×28). 560 стр. Въсь 2 ф. 11 л. 1.262 экз.

Рывкинъ, Х. Д. Евреи въ Смоленскѣ. Очеркъ по исторіи еврейскихъ поселеній въ Смоленскѣ съ древнѣйшихъ временъ, въ связи съ общимъ положениемъ евреевъ въ древней Руси. Спб. 1910. Тип. Ш. Буссель Н-ки (Мытн. наб., 9). 8° (15×23). VII+102 стр. Ц. 80 к. Въсь 13 л. 1.200 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1909. Изд. бр. Башмаковыхъ, 4-е. Тип. Трудъ (Фонтанка, 86). 8° (17×24). VII+252 стр. Ц. 90 к. Въсь 25 л. 6.300 экз.

Стекловъ, Ю. М. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность (1828—1889). Спб. 1909. Изд. и тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×23). 426 стр. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 12 л. 2.500 экз.

Чернышевскій, М. Н. Библиографическій указатель статей о Н. Г. Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854—1909. Спб. 1909. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (14×19). 33 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 1.015 экз.

Алферовъ, А. Д. А. С. Грибоѣдовъ. Историко-литературная бібліотека. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Вып. 3-й. М. 1910. Тип. И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16×22). VIII+226 стр. Ц. 80 к. Въсь 22 л. 3.000 экз.

Гротъ, К. Празднованіе Лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ. Спб. 1909. Тип. Суворина (Эртелевъ, 13). 12° (12×18). 20 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммисіи. Вып. 33. Спб. 1909. Тип. Киришаума (Новосаакіевская, 20). 8° (20×28). 148 стр. Съ 1 портр. и 147 рис. + 3 таб. Въсь 1 ф. 7 л. 810 экз.

Истринъ, В. М. Хроника Юанна Малалы въ славянскомъ переводѣ. Книга 5-я. Одесса. 1909. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (17×26). 52 стр. Въсь 8 л. 100 экз.

Навлюкъ. Исторія 51-го пѣхотнаго Литовскаго Его Имп. Выс. Наслѣдника Цесаревича полка 1809 — 1909 гг. Въ 2 томахъ. Одесса. 1909. Тип. Штаба Военн. округа. 4° (22×40). Т. 1 490+X стр. Т. 2 398+118+VII стр. Съ портр. Въсь 5 ф. 26 л. По 500 экз.

Петровскій, П., д-ръ Недуга Гоголя. (Відбиток з Записок Українського Наукового Т-ва в Київі. К. V 1909). Кієвъ. 1909. Тип. 1-й артели (Трехсвятител., 5). 8° (16×24). 20—26 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Покровскій, И. XIV. Всероссійскій археологическій съѣздъ въ г. Черниговѣ 1908 г. августа 1—12. Казань. 1909. Изд. духов. Академіи. Тип. Центральная. 8° (16×24). 112 стр. Въсь 16 л. 50 экз.

Титлиновъ, Б. В. Духовная школа въ Россіи въ XIX столѣтіи. Вып. 2-й (Протасовская эпоха и реформы 60-хъ годовъ). Вильна. 1909. Тип. Артели Печ. Дѣла (Виленская, 25). 8° (16×24). 421+1 вен. стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 11 л. 400 экз.

Труды Рязанской ученой архивной коммисіи. 1907 г. Т. XXII. Вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1909. Тип. Губ. Правленія. 8° (17×26). 77—174+XXX стр. Въсь 12 л.

Шумиловъ, П. Ф. Рѣдкія монеты Россійской Имперіи съ основанія Руси по 1910 г. Золото, платина, серебро и мѣдь. Казань. 1909. Изд. автора (Воскресенская ул., д. Уернояровыхъ). Тип. Университетская. 8° (19×24). I—IX+162 стр. Ц. 3 р. Въсь 20 л. 3.000 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Дюпетровская литература и народная поэзія. Тексты, переводы, примѣчанія, словарь. М. 1910. Изд. „Сотрудникъ Школъ“, 4-е. Тип. Снегиревой. 8° (18×27). VIII+478 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 28 л. 6.020 экз.

Багалъй, Д. И., проф. Русская исторія. Курсъ, составленный по его лекціямъ. Часть 1-я. До половины XIII ст. (домонгольскій періодъ). Харьковъ. 1909. Тип. С. Иванченко (Костюринскій, 2). 8° (18×27). III+217 стр. Въсь 29 л. 600 экз.

Виттъ, В. Екатерина II, какъ криминалистка. Уголовно-правовая доктрина Наказа въ ея отношеніи къ западно-европейской теоріи и къ русской дѣятельности. Спб. 1910. Изд. кн. маг. „Наша Жизнь“ (Литейный, 32). Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъяческая, 39). 8° (16×23). 126 стр. Ц. 70 к. Въсь 14 л. 600 экз.

Вѣстникъ Археологій и Исторіи, издаваемый Имп. Археологическимъ Институтомъ. Вып. XIX. Спб. 1909. Изд. Имп. Археологич. Института. Тип. Синодальная. 8° (21×29). VI+260 стр. + XXXII таб. рис. Ц. 5 р. Въсь 2 ф. 30 л. 600 экз.

Галкинъ, А. О причинахъ происхожденія раскола въ Русской церкви (публичная лекція). Харьковъ. 1909. Изд. М. Н. Прокоповича. Тип. газ. Утро А. А. Жмудскаго. 8° (13×19). 36 стр. Ц. 20 к. Въсь 4 л. 3.000 экз.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА

1910 г.

СОРОКЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
 «Новое Время», Невскій, д. 40. Вольфъ, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаа. В. Ф. Духовникова (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ
 Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1881 г.,
 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1909 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“.

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъячская ул., д. 7.

Редакторъ-издатель П. Н. Вороновъ.